Г. Ф. Гринько

План великих работ

(Основные проблемы пятилетнего нар.-хоз. плана СССР на период 1928/29—1932/33 гг.) [1]

Вступление

1. Исходные позиции. XV с'езд ВКП(б) дал исчерпывающие политико-экономические директивы к построению пятилетнего народнохозяйственного плана, исходя из генерального курса на индустриализацию СССР и последовательное укрепление социалистических элеменов в его экономической системе вообще и в сельском хозяйстве в частности и особенности. Последующие пленумы Центрального Комитета ВКП(б), с одной стороны, и ряд правительственных актов—с другой стороны (декрет ЦИКа СССР об урожайности), дополнительно развили и конкретизировали указания XV с'езда о задачах хозяйственного строительства на ближайший период. На обязанности Госплана СССР и всей системы плановых органов страны было перевести эти общие политико-экономические установки и директивы на язык конкретных экономических и технико-экономических расчетов и превратить их в план хозяйственного строительства на предстоящее пятилетие. Дальнейшее изложение контрольных цифр пятилетнего народнохозяйственного плана и является попыткой решения этой задачи.

2. Организационно-методологические замечания. Предлагаемый пятилетний план по масштабам запроектированного роста материального производства, капитальных вложений и качественных показателей значительно превышает расчеты всех прошлых проектировок. В основе этого лежит, с одной стороны, вновь накопленный опыт первых годов реконструктивного периода,

[1] Эта статья является сводным обзором, обобщающим многочисленные материалы Госплана СССР по пятилетнему плану и тем самым отражающим коллективную работу всего Госплана.

выявивший недооценивавшиеся раньше возможности, а с другой стороны, некоторое изменение самого характера и порядка работ над пятилетним планом.

В соответствии с директивами XV партийного с'езда о придании работам над пятилеткой более широкого общественного характера, а также в целях более всесторонней научной экспертизы по важнейшим элементам плана, в ходе работ над пятилеткой Госпланом были проведены специальные конференции с участием виднейших представителей науки и практического опыта по вопросам металлургии и машиностроения, реконструкции сельского хозяйства, реконструкции транспорта, по химической промышленности, по лесной, по лесохимической, по текстильной, по кооперативному строительству, по воспроизводству квалифицированных сил в стране и по местному хозяйству. На очереди конференция по вопросам финансовой политики.

Опираясь на эти конференции и на большие работы ряда наркоматов (в особенности ВСНХ и НКПСа), оказалось возможным построить достаточно конкретную программу (с обозначением об'ектов, районов и сроков) нового строительства, а также программу реконструкции и рационализации в решающих отраслях хозяйства, на которой базируются все запроектированные темпы количественного и качественного роста. С точки зрения методологической это дало возможность оторваться от того приема экстраполяции, к которому с неизбежностью приходилось прибегать на предшествующих этапах перспективного планирования и который вел к недооценке возможных темпов нашего развития и строительства.

На ряду с этим Госпланом проведены специальные конференции с работниками важнейших экономических районов страны, на которых с участием самих местных работников были всесторонне взвешены реальные ресурсы и возможности каждого из районов как с точки зрения падающих на него общесоюзных задач, так и с точки зрения его специфических особенностей и нужд. Работы этих районных конференций впервые дают возможность представить важнейшие элементы пятилетнего плана в районном разрезе, вскрывая этим самым общие линии перераспределения производительных сил между районами и те особые задачи по под'ему отсталых районов, которые были специально указаны в решениях XV с'езда.

Наконец, в работах над пятилеткой за последний период удалось несколько усилить освещение ряда таких синтетических проблем, как народный доход, процессы обобществления, энергобаланс страны и т. п.

Работы над пятилеткой к настоящему моменту не являются еще окончательно завершенными и поэтому дальнейшее изложение

является предварительным и потребует еще дополнительных уточнений. Основные выводы, однако, едва ли претерпят сколько-нибудь существенные изменения. Более широкое и более конкретное освещение отраслевых и районных проблем пятилетнего плана будет дано в ряде специальных монографий, подготовляемых в настоящее время к печати.

3. О двух вариантах плана. Госплан исходит из необходимости составления пятилетнего народнохозяйственного плана в двух вариантах. При анализе вопроса о вариантах нужно, прежде всего, со всей категоричностью подчеркнуть единство экономического курса и экономической программы в обоих вариантах. Задачи индустриализации и обобществления являются определяющими в обоих вариантах.

Строительство обобществленного сектора в сельском хозяйстве намечено почти в одинаковых масштабах для обоих вариантов с максимально доступным для ближайшего пятилетия форсированием этого дела. Распределение народного дохода вообще и в частности движение доли пролетариата в сумме доходов населения принципиально идет по общим линиям в обоих вариантах. Наконец, программа работ по усилению обороноспособности страны является почти тождественной для обоих вариантов.

Различие между отправным и оптимальным вариантами, при единстве их экономического курса, идет по следующим линиям.

Отправной вариант учитывает: а) возможность частичного неурожая в течение пятилетия; б) примерно нынешний тип отношений с мировым хозяйством (в особенности в смысле прироста долгосрочных кредитов, увеличение которых запроектировано в темпе, характерном для последних лет); в) относительно менее быстрый (во времени) ход реализации высоких качественных установок в народнохозяйственном строительстве вообще и в сельском хозяйстве в особенности; г) при условии примерно тождественной оборонной программы в обоих вариантах ее большую относительную тяжесть для отправного варианта.

Напротив, оптимальный вариант исходит из: а) отсутствия в течение пятилетия сколько-нибудь серьезного неурожая; б) значительно более широкого размаха экономических связей с мировым хозяйством как в силу наличия больших экспортных ресурсов в стране (полное осуществление декрета ЦИКа об урожайности) так и в особенности в силу значительно более быстрого роста иностранных долгосрочных кредитов уже в начальные годы пятилетки; в) резкого сдвига в качественных показателях в народнохозяйственном строительстве в ближайшие два года (себестоимость, урожайность и т. д.); г) меньшего удельного веса оборонных расходов в общехозяйственной системе.

Таким образом, движение нашего народнохозяйственного строительства в ближайшее пятилетие по одному из этих вариантов может быть обусловленно как рядом независящих факторов (неурожай, недостаточность долгосрочных заграничных кредитов, так и степенью наших успехов в труднейшем деле реализации высоких качественных задач (себестоимость, урожайность). В соответствии с этим, отправной вариант может быть рассматриваем как своего рода бронированный минимум внутри оптимального варианта при единстве их экономической программы. Разрыв между ними устанавливается примерно в 20% (при тождественности ряда показателей), т.-е. примерно в годовой срок развития. Иными словами, та программа (оптимальная), которую в одних условиях мы можем осуществить в пять лет, при других, менее благоприятных условиях (характерных для отправного варианта) будет растянута примерно на шесть лет. Построение пятилетнего народнохозяйственного плана в двух вариантах, при всей трудности этого дела, должно обеспечить большую маневренность в годовых хозяйственных планах и большую подготовленность к преодолению тех громадных трудностей, которые стоят на пути осуществления пятилетней программы хозяйственного строительства.

I. Строительная программа пятилетия

Центральной, направляющей осью пятилетнего плана, который должен обеспечить значительный шаг вперед в деле превращения нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, на основе широкого усвоения новейших достижений мировой техники и дальнейшего упрочнения режима планового хозяйства, является строительная программа этого плана. Об'ем и направление капитальных вложений, связанное с этим изменение структуры основных фондов страны, установление на основе капитальных вложений нового соотношения между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней, между обобществленным и частным хозяйством, наконец, характер осуществляемой в ходе капитального строительства технической политики,—вот цикл вопросов, который должен быть, прежде всего, освещен при изложении перспективного народнохозяйственного плана. В вынешней стадии работ по пятилетке есть уже возможность ответить на эти вопросы достаточно конкретной характеристикой основных строительных линий и наиболее крупных строительных об'ектов в ближайшее пятилетие.

Завершение работ по пятилетке совпадает с моментом подведения пятилетних итогов нашего строительства вообще и хозяйственного в частности—за пятилетний период без Ленина. Громадный размах и величайшие трудности строительной программы проектируемого пятилетия (даже в условиях отправного варианта) могут

быть иллюстрированы следующей таблице, дающей сравнение капитальных вложений за два пятилетия (истекшее и проектируемое) по обоим вариантам плана:

Капитальные вложения в основные фонды в ценах соответствующего года (мрд. руб.)

	Пятилетие 1923/24—1927/28	Пятилетие 1928/29 г. Отпр.	Пятилетие 1932/33 г. Оптим.
Всего вложений	25,1	56,7	63,8
В том числе:			
а) В промышленность (без военной, включая промжил. фонд).	4,2	13,3	15,6
б) В электрификацию (без фабр. зав. станций)	0,90	2,4	2,9
в) В транспорт	2,7	8,3	9,6
г) В сельское хозяйство	14,9	22,6	23,6

Истекшее пятилетие решало в основном восстановительные задачи и делало лишь первые шаги по пути реконструкции народного хозяйства. При всей ограниченности наших ресурсов за истекшее пятилетие его строительные задачи были проще. В особенности, это относится к новому строительству, число и масштаб об'ектов которого были весьма незначительны. Проектируемое пятилетие целиком пройдет под знаком начальной и, следовательно, наиболее трудной фазы реконструктивного периода. Крупнейшее новое строительство и большие задачи по реконструкции старых предприятий, во многих случаях равносильной их переустройству наново, наложит свою печать на все пятилетие. Около 30% промышленной продукции в конце пятилетия по отправному и до 35% по оптимальному варианту должно быть дано уже новыми предприятиями, не считая тех, которые будут реконструированы заново. Опыт последних двух лет показал недооценивавшиеся нами ранее возможности реконструктивного периода. Но этот же опыт вскрыл и ряд новых, неоценивавшихся ранее трудностей строительного порядка, с которыми придется иметь дело при осуществлении пятилетнего плана капитальных вложений.

Осуществление этой программы капитальных вложений должно внести ряд таких изменений в движение и структуру основных фондов страны, которые целиком отражают линию под'ема производительных сил на путях индустриализации и обобществления. Динамика основных фондов в наиболее существенных элементах по обоим вариантам плана может быть иллюстрирована следующими показателями (см. табл. на след. стр.).

Обгоняющий среднюю темп роста фондов индустрии и электростроительства при значительном увеличении всех основных фондов страны в целом здесь совершенно очевиден. В соответствии с этим ме-

Основные фонды в неизменных ценах 1925/26 г. к концу года
(В мрд. руб.)

	1927/28 г.	1932/33 г.		1932/33 в % к 1927/28 г.	
		Отправн.	Оптим.	Отправн.	Оптим.
Все фонды	70.012	116.908	128.621	167,0	183,7
В том числе:					
Промышл. (без промжилфонда)	8.315	21.176	25.188	254,7	302,9
Электрификация (без фабр.-зав.)	973	4.315	5.097	443,5	523,8
Жел.-дор. транспорт	10.268	16.313	17.755	158,9	172,9
Сельское хозяйство	28.716	37.715	38.029	131,3	132,4
Жилищн. фонд город. (включая промжилфонд)	13.190	18.756	20.037	142,2	151,9

няется и структура основных фондов в сторону значительного повышения удельного веса индустриальных фондов, как это видно из следующих показателей:

Структура фондов в % к итогу к концу года.

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Промышленность	13,6	20,9	22,5
Электрификация	1,4	3,7	4,0
Транспорт	16,7	17,1	17,1
Сел. хозяйство	41,0	32,3	29,6
Жилфонд	17,1	13,2	12,6
Прочие	10,2	12,8	14,2
Итого	100,0	100,0	100,8

Такое направление вложений гарантирует изменение структуры основных фондов по их назначению в сторону повышения удельного веса производственных фондов:

Структура фондов в % к итогу (к концу года)

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Производственные фонды	38,8	42,6	42,7
Распределительные „	18,2	20,1	20,5
Потребительские „	43,0	37,3	36,8

Наконец, намеченная строительная программа и запроектированное движение основных фондов ведут к значительному усилению позиций обобществленного сектора. Соотношение социальных секторов в структуре основных фондов следующим образом изменяется за пятилетие:

Структура фондов в % к итогу (к концу года)

	1927/28 г,	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Государств.	50,1	60,3	62,9
Кооперат	1,3	3,3	3,7
Частный	48,6	36,4	33,4

В ряду этих самых общих показателей, характеризующих строительную программу пятилетия, должны быть приведены и те, которые иллюстрируют направление нашей технической политики и изменение технического уровня народного хозяйства СССР. Эта сторона дела на нынешней стадии работ не может еще считаться всесторонне и конкретно освещенной. Однако, то, что это является решающим для определения технического уровня народного хозяйства и степени технического прогресса, а именно изменение структуры энергобаланса и масштаб энерговооруженности живого труда, может быть достаточно отчетливо иллюстрировано. К этим показателям должно быть приковано тем большее внимание, что именно по этой линии наша страна наиболее отстала от передовых капиталистических стран и именно по этой линии нам нужны гигантские усилия для того, чтобы великую задачу — догнать и перегнать передовые капиталистические страны — разрешить на деле.

Структура всего энергобаланса страны при условии осуществления запроектированной строительной программы изменяется в сторону решительного усиления позиций механической энергии по отношению ко всей живой энергии и еще более значительного усиления позиций электроэнергии по отношению к механической энергии. Основные показатели здесь таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г.
Производство всей энергии в млн. квтч. (включая свет)	33.130	53.790
Производство механ. энергии (включая электроэнергию)	13.930	31.490
Производство электроэнергии	5.050	17.000
Удельный вес электроэнергии в затратах всей энергии	15,2	31,6
То же в затратах механ. энергии	36,2	54,0

В соответствии с этим должна расти и энерговооруженность живого труда в народном хозяйстве в целом и в его решающих отраслях в частности:

Потребление энергии (в квтч.)

	1927/28 г.	1932/33 г.	Прирост за 5 лет в %
На 1 душу в раб. возрасте	392	588	+50
На 1 раб. в ценз. пром.	2.760	5.090	+84
На 1 раб. в транспорте	4.030	6.250	+55
На 1 раб. в сел. хозяйстве	323	391	+21

Таковы самые общие замечания к строительной программе пятилетия в целом. Соответствие ее генеральной линии нашего экономического курса совершенно очевидно, как бесспорен и большой размах намечаемого строительства. Однако, настоящий масштаб строительных задач будет ясен лишь при конкретном анализе строительной программы по решающим отраслям народного хозяйства.

1. Электростроительство

Общая мощность всех электростанций страны к началу 1928/29 г. измерялась в 1,7 млн. квт., в том числе мощность районных станций 520 тыс. квт. Производство электроэнергии за 1927/28 г. составляло 5,1 мрд. квтч., в том числе 1,8 с районных электростанций. При том росте народного хозяйства страны, который намечается пятилетним планом (в особенности в связи с резким увеличением потребления электроэнергии в промышленности) минимальная потребность в электроэнергии к концу пятилетия исчисляется (с учетом потери в сетях) по отправному варианту в 17 мрд. квтч. и по оптимальному варианту в 22 мрд. квтч., в том числе за счет районных станций соответственно 10 и 14 мрд. квтч. Иными словами, мощность районных электростанций, которым в соответствии с нашим планом энерговооружения производства предстоит разрешить эту задачу утроения или учетверения отдачи электроэнергии, должна быть усилена с 500 тыс. квт. к концу 1927/28 г. до $2^1/_2$ млн. квт. по отправному варианту и до 3 млн. квт. по оптимальному варианту в последний год пятилетия. Это значит, что строительная программа в области общегосударственной, районной электрификации должна обнимать 40 об'ектов, из которых 30 уже начаты постройкой или находятся в процессе расширения, а остальные должны быть начаты в течение пятилетия. Длина сетей высоковольтных передач должна вырасти с 2 тыс. *км* нынешних до 10 тыс. *км* по отправному и несколько больше по оптимальному варианту. Об'ем капитальных вложений, необходимый для решения этой задачи, измеряется примерно в 2,6 мрд. руб. по отправному и 3,1 мрд. руб. по оптимальному варианту, не считая тех 800 млн. руб., которые по расчетам отправного варианта идут по линии фабрично-заводских станций. Такой размер вложений в электростроительство составляет, примерно, 25% от общей суммы капитальных вложений в индустрию, т.-е. то соотношение, которое минимально необходимо для современного энерговооружения индустриального производства.

Это большая и труднейшая программа электростроительства, которая, однако, является совершенно необходимым минимумом для обеспечения запроектированных в пятилетке темпов индустриализации страны, должна быть показана здесь также и в

своем районном расположении по стране. Размещение районных электростанций в стране особенно показательно с точки зрения важнейшей задачи энергичного вовлечения в народнохозяйственный оборот местных топлив, что является крайне важным при той зависимости от дальнепривозного минерального топлива (донецкого и кузнецкого), которое характерно для важнейших промышленных районов страны.

Центрально-Промышленная область должна за пятилетие расширить мощность своих электростанций с 250 тыс. квт. до 800 тыс. квт. по отправному и примерно до 1 млн. квт. по оптимальному, при чем весь прирост мощности на $^1/_3$ должен быть дан за счет эксплоатации подмосковного угля и на $^2/_3$ за счет эксплоатации торфа. Важнейшими строительными об'ектами этой программы будут: а) сооружение Бобриковской районной станции в 150 тыс. квт. с вводом в эксплоатацию в последний год пятилетия 75 тыс. квт.; б) сооружение в Москве теплоэлектроцентрали в 80 тыс. квт.; в) расширение Каширы с 12 тыс. до 122 тыс. квт.; г) расширение Шатуры с 92 до 136 тыс. квт.; д) расширение МОГЭСа в целом с 220 до 550 тыс. квт.; е) сооружение Иваново-Вознесенской станции в 90 тыс. квт. и т. д. Сверх этого по оптимальному варианту вступает в строительство вторая теплоэлектроцентраль в Москве, дальнейшее расширение Бобриковской станции до 300 тыс. квт. или приступ к сооружению Тверской станции на торфу, мощностью в 300 тыс. квт.

Топливные ресурсы Центрально-Промышленной области (подмосковный уголь и торф) достаточно исследованы. Проблема сжигания подмосковного угля разрешена достаточно удовлетворительно. Острым и все еще не разрешенным остается вопрос об удешевлении торфа. Однако, работы в этом направлении за последние годы ведутся с большим напряжением и достаточно плодотворно. Как будет показано дальше, и при такой программе электростроительства в ЦПО, которая базируется целиком на местные виды топлива, зависимость этой области от донецкого топлива не только не падает, но несколько усиливается к концу пятилетия.

Ленинградская область, располагающая в настоящее время мощностью электростанций около 200 тыс. квт., по минимальной программе своего промышленного развития должна довести мощность своих электростанций к концу пятилетия до 430 тыс. квт. Это расширение обеспечивается за счет усиления „Красного Октября“ с 20 тыс. квт. до 110 тыс. квт., городских станций и теплоцентралей с 70 тыс. до 140 тыс. квт. и за счет пуска в работу Свири на мощность в 80 тыс. квт. Сверх этого, по оптимальному варианту должны вступить в строительство вторая теплоцентраль в Ленинграде на мощность в 50 тыс. квт. и Верхняя Свирь или районная станция на торфу в Малой Вишере на мощность в 150 тыс. квт. Ленинград продолжает оставаться в течение проектируемого пятилетия одним из трудных участков по энерго- и топливоснабжению и его зависи-

мость от донецкого топлива (даже при условии осуществления электрификационной программы отправного варианта) усиливается.

Украина в целом является ареной крупнейшего электростроительства в проектируемом пятилетии. Общая мощность ее районных электростанций в настоящее время измеряется мизерной величиной в 20 тыс. квт. К концу пятилетия мощность районных станций Украины дойдет до 636 тыс. квт., включая и Днепрострой с его мощностью в 330 тыс. квт.

Наиболее трудным участком с точки зрения электроснабжения не только на Украине, но и во всем Союзе будет Донбасс. Существующая мощность его станций в 190 тыс. квт. (включая и установки на предприятиях) едва справляется с ходом текущего производства и должна быть расширена минимально до 380 тыс. квт. за счет усиления Штеровки с 20 до 150 тыс. квт. и сети промышленных станций с 170 до 230 тыс. квт. Но это не разрешает проблемы электроснабжения Донбасса. Поэтому необходимо обеспечить к моменту окончания Днепростроя соединение линии передачи от него в Донбасс. Сверх этого, в расчеты оптимального варианта включено сооружение новой районной станции в Донбассе (Зуевской или Тошковской), мощностью в 150 тыс. квт. Не исключена возможность того, что интересы бесперебойного снабжения Донбасса электрической энергией потребуют перевода этой последней станции из расчетов оптимального в расчеты отправного варианта. На ряду с этим Украина должна достроить харьковскую станцию (ЭСХАР), мощностью на 60 тыс. квт., и киевскую станцию на 33 тыс. квт.

Урал, обладающий сейчас ничтожной мощностью электростанций и получающий на проектируемое пятилетие громадные производственные, реконструктивные и строительные задачи будет также одним из крайне трудных участков в деле снабжения электроэнергией. Он должен осуществить строительство Челябинской станции в 66 тыс. квт. и Кизеловской также в 66 тыс. квт. Магнитогорский завод будет иметь свою мощную электростанцию, которая, однако, не сможет играть роль районной. Но и при этой программе проблема электроснабжения Среднего Урала не может считаться разрешенной. Поэтому в расчеты оптимального варианта вводится приступ к сооружению электростанции на торфу в районе Нижней Салды, где изыскания показывают большие и благонадежные торфяные залежи, или на доменных газах в районе Нижнего Тагила, мощностью в 50 тыс. квт. Сверх этого, должна быть дополнительно изучена возможность дальнейшего расширения Кизеловской и Челябинской станций и сооружение гидростанции при Камско-Печорском соединении, мощностью в 50 тыс. квт.

Сев. Кавказ вступает в пятилетие с большой программой электростроительства, которая при полном отсутствии в настоящее время районных электростанций на Сев. Кавказе должна будет дать новую мощность, примерно, в 180 тыс. квт. Сюда входят Шахтинская и Несветаевская электростанции в восточной части Донбасса, мощностью в 44 тыс. квт. каждая, Баксан в 22 тыс. квт., Гизель-Дон в 20 тыс. квт., Краснодар в 20 тыс. квт. и Новороссийск на 30 тыс. квт. Это мощное электростроительство в таком ярко выраженном аграрном районе, как Сев. Кавказ, несомненно повлечет за собой значительное усиление индустрии в этом крае.

Волга должна построить районную электростанцию в Сталинграде на 66 тыс. квт. и расширить Саратовскую станцию с 11 тыс. нынешних до 20 тыс. квт. Больше чем вероятно, что этот прирост мощности источников электроэнергии окажется недостаточным. Но энергетическая проблема Волги упирается в топливный вопрос, который по настоящему может быть разрешен лишь с осуществлением Волго-Донского канала и направлением на Волгу топливных ресурсов восточного антрацитового района Донбасса. Это дело может быть осуществлено лишь за пределами проектируемого пятилетия. Но независимо от этого, в расчете оптимального варианта предусмотрено сооружение в Среднем Поволжьи новой районной станции, примерно, на 75 тыс. квт. с возможным использованием сланцев.

Сибирь получает новую мощность в 44 тыс. квт. от Кузнецкой станции.

Средне-азиатские республики по расчетам отправного варианта должны получить прирост мощности в 50 тыс. квт. от ряда сравнительно небольших станций, связанных, главным образом, с ирригационными проблемами края.

Закавказье по расчетам отправного варианта удваивает мощность своих существующих электростанций, т.-е. доводит ее до 200 тыс. квт.

Таковы главнейшие линии, районы и об'екты электростроительства, одного из решающих рычагов индустриализации страны и повышения ее энерговооруженности. При условии осуществления отправного варианта этой строительной программы в области электрификации роль электрической энергии в топливном балансе страны поднимется с 9,5% в 1927/28 до 20% в 1932/33 г.

Нельзя закрывать глаза на то, что с точки зрения проектирования, изысканий, выбора места, а также кадра подготовленных и надежных строителей,— эта программа электростроительства, в особенности учитывая краткость сроков, обеспечена крайне недостаточно. Это делает ее еще более трудной и ответственной и обязывает, не теряя ни одного дня, сосредоточить громадные усилия на разрешении этой задачи.

2. Топливо

К вопросам электростроительства непосредственно примыкают строительные задачи топливной промышленности вообще и каменноугольной в особенности. Обеспечить намечаемое на пятилетие

развитие страны устойчивым, бездефицитным и бескризисным топливоснабжением является одной из важнейших и вместе с тем одной из труднейших задач перспективного плана. При этом задача должна быть разрешена так, чтобы топливо ни в коем случае не оказалось ограничивающим фактором в индустриальном развитии СССР не только за пятилетие в целом, но и в особенности в наиболее трудные по топливоснабжению промежуточные годы пятилетия.

Обеспечение топливной базы пятилетнего народнохозяйственного плана, при условии использования исключительно собственных топливных ресурсов СССР и накопления достаточных топливных резервов, может быть осуществлено лишь при: а) значительном снижении удельных норм расхода топлива по промышленности не меньше, чем на 25% и по транспорту на 10% по отправному варианту и на 30% и 13%— по оптимальному; б) осуществлении большой строительной программы топливной промышленности вообще и каменноугольной в особенности; в) энергичном вовлечении в народнохозяйственный оборот местных видов топлива (местных углей и торфа в особенности).

В соответствии с запроектированным ростом народного хозяйства страны необходимая программа топливодобычи по всему Союзу определяется для 1932/33 г. в 95,86 млн. тонн условного топлива по отправному и 104,8 млн. тонн по оптимальному вариантам против 57,49 млн. тонн в 1927/28 г.

Структура общего промышленно-технического потребления топлива (без дров для населения) по обоим вариантам плана рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.		1932/33 г.			
			Количество		В %% к итогу	
	Колич.	В %% к итогу	Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Дрова (млн. *куб. м*) . .	50,34	17,6	57,3	58,5	12,1	11,4
Торф (млн. тонн) . . .	5,53	4,8	12,6	14,4	6,7	7,1
Кам. уголь (донецк.) . .	26,88	48,4	45,6	48,4	50,0	49,2
Проч. угли	7,55	11,0	19,0	20,2	15,5	16,1
Всего кам. угля	34,43	59,4	64,6	68,6	65,5	65,3
Нефтетопливо	6,86	18,2	9,8	10,8	15,7	16,2
Всего . . .	53,82	100	88,8	95,4	100	100

Таким образом, роль дров и нефтетоплива в топливном балансе снижается, роль торфа несколько поднимается, значительно вырастает роль угля и, что особенно характерно, возрастает значение донецкого топлива, несмотря на громадный разгон, который дается прочим угольным бассейнам. Иными словами, на протяжении всего проектируемого пятилетия зависимость Центрально-Промышленной области и Ленинградской области от дальне-привозного донецкого топлива и зависимость Урала от дальне-привозного кузнецкого топлива возрастает.

Производственные задачи отдельных каменноугольных районов на ближайшее пятилетие таковы.

Донбасс стоит перед огромной задачей увеличить добычу угля кругло с 27 млн. тонн в 1927/28 г. до 48 млн. тонн по отправному и до 52,6 млн. тонн по оптимальному варианту в последний год пятилетия, что требует доведения производственной мощности Донбасса до 51 млн. тонн по отправному и по 55 млн. тонн по оптимальному варианту. Существующие шахты вместе с начатыми уже и находящимися в постройке новыми (17 шахт) могут обеспечить к концу пятилетия производственную мощность примерно в 41 млн. тонн. Учитывая, что проходка новых крупных шахт осуществляется в $3^1/_2$—5 лет и средних шахт в 2—3 года, а коренная реконструкция и расширение мощных старых шахт требует также $1^1/_2$—3 лет, в Донбассе необходимо для обеспечения топливных нужд текущего пятилетия и для подготовки к решению задач топливоснабжения в будущем пятилетии: а) закончить форсированным темпом проходку начатых 13 крупнейших шахт; б) провести коренную реконструкцию и расширение около 40 старых крупных шахт; в) начать с 1929/30 г. строительство серии новых крупных шахт с закладкой ежегодно 10—12 мощных единиц общей добывной способностью в 6 млн. тонн в год, с тем чтобы иметь к концу пятилетия в разной стадии проходки и оборудования около 50 новых крупных единиц; г) обеспечить полную механизацию всех новых шахт и в значительной мере механизировать реконструируемые шахты с тем, чтобы к концу пятилетия угледобыча в Донбассе была механизирована не меньше, чем на 70—75%; д) решить задачу водоснабжения Донбасса; е) решить проблему электроснабжения Донбасса; ж) осуществить большую программу жилстроительства примерно в 185—200 млн. руб. и з) форсированно вести эксплоатационные разведки.

Оптимальный вариант потребует еще большего охвата расширением и реконструкцией старых предприятий и форсирования по срокам проходки новых крупных шахт с таким расчетом, чтобы частично получить добычу от них в последнем году пятилетия.

Эта строительная программа каменноугольной промышленности Донбасса потребует около 800 млн. руб. в проектируемом пятилетии по расчетам отправного варианта и около 850 млн. руб. по расчетам оптимального. Нельзя недооценивать громадного размаха и громадных трудностей этой строительной программы. Достаточно

указать, что эта программа далеко не обеспечена надежными эксплоатационными разведками, что для будущей серии больших новых шахт почти полностью отсутствуют в настоящее время проекты и что наличные технические кадры Донбасса недостаточны для осуществления этой программы с тем строгим соблюдением сроков, от которого зависит бесперебойность топливоснабжения страны. Однако, эта программа является минимальной и совершенно необходимой для обеспечения того индустриального развития страны, которое является руководящей идеей обоих вариантов пятилетнего плана.

Урал и Кузбасс должны быть рассматриваемы в перспективе нашего хозяйственного развития, как единый топливный комбинат. Их производственные задачи построены, исходя из необходимости довести добычу угля по Уралу с 2 млн. тонн в 1927/28 г. до 5,5 млн. тонн в последний год пятилетия по отправному варианту и 6,1 млн. тонн по оптимальному, а добычу по Кузбассу с 2,5 млн. тонн в 1927/28 г. по 5,2 млн. тонн в 1932/33 г. по отправному до 6,0 млн. тонн по оптимальному варианту. Этот план добычи, при всей незначительности абсолютных величин, предполагает осуществление такой строительной программы на Урале и в Кузбассе, которая относительно не только не легче, но, несомненно, труднее, чем строительная программа каменноугольной промышленности Донбасса. По Уралу необходимо заложить и форсированно пройти около 20 шахт, в том числе 8 крупных. По Кузбассу необходимо переоборудовать 6 шахт и заложить 8 новых крупных шахт, в том числе 2 такого масштаба (до 1 млн. тонн годовой производительности каждая), который неведом этим районам. Капитальные затраты по этому плану намечаются: по Кузбассу около 70 млн. руб. по отправному и около 75 млн. руб. по оптимальному варианту и по Уралу соответственно 85 млн. руб. и 95 млн. руб.

Трудность этой строительной программы по Уралу и Кузбассу определяется общей технической неподготовленностью обоих районов к столь крупному новому строительству и крайней недостаточностью промышленных эксплоатационных разведок. Еще больше, чем в Донбассе, здесь отстало дело проектной обеспеченности и подготовленности нового строительства.

Подмосковный бассейн должен довести свою добычу с 1,1 млн. тонн в 1927/28 г. до 4,2 млн. тонн в последний год пятилетия. Для этого необходимо осуществить строительство 4—6 крупных шахт, производительностью в 350—650 тыс. тонн в год каждая, что коренным образом отличается от существующих в бассейне мелких полукустарных шахт. Общая сумма вложений в Подмосковный бассейн намечается в 45 млн. руб.

Прочие районы, т.-е. Дальне-Восточный, Черемховский, Среднеазиатские, Ткварчелы и некоторые другие, также получают сравнительно большие производственные задания и общую сумму капитальных вложений около 60 млн. руб. Здесь следовало бы лишь подчеркнуть то обстоятельство, что строительная программа каменноугольной промышленности предусматривает включение ткварчельских углей в работу Керченского металлургического завода.

Общая сумма затрат по всей каменноугольной промышленности в проектируемом пятилетии составит около 1.100 млн. руб. по отправному варианту и около 1.250 млн. руб. по оптимальному, при чем около $^3/_4$ этих вложений падает на Донбасс.

Нефть в своей строительной программе исходит из задач, гораздо более сложных, чем требования топливного баланса, и в ее развитии топливные интересы играют подчиненную роль. Строительный план нефтяной промышленности исходит из необходимости увеличить добычу нефти с 11,7 млн. тонн в 1927/28 г. до 19 млн. тонн в последний год пятилетия по отправному и до 22 млн. тонн по оптимальному варианту. На ряду с этим второй и не менее ответственной задачей строительного плана нефтяной промышленности является усиление мощности нефтеперегонных заводов с 8,7 млн. тонн в 1927/28 г. до 17 млн. тонн в 1932/33 г. по отправному и до 19 млн. тонн по оптимальному варианту, т.-е. примерно ее удвоение. Кроме того, на протяжении пятилетия необходимо заново организовать в Союзе крэкинг-производство для расщепления мазута (намечено сооружение к 1932/33 г. 55 крэкинг-установок). Наконец, с этим связано и строительство нефтепроводов, которое должно будет осуществить, параллельно с заканчивающимися работами, прокладку еще двух нефтепроводов. При благоприятных условиях разведок в Эмбенском районе уже в текущем пятилетии по оптимальному варианту должен быть начат постройкой нефтеперегонный завод в Самаре и, весьма вероятно, нефтепровод Эмба — Самара (около 600 *км*).

Осуществление этой строительной программы нефтяной промышленности позволит обеспечить такую динамику и структуру нефтедобычи и нефтепереработки, которая будет свидетельствовать о дальнейшей глубокой рационализации этой крайне важной для нас отрасли промышленности.

Общий об'ем капитальных вложений в нефтяную промышленность определен в размере 1,1 мрд. руб. по отправному и 1.350 млн. руб. по оптимальному варианту на пятилетие. Не приходится подчеркивать специальных трудностей этой строительной и производственной программы. Достаточно указать, что в программе отправного варианта $1^1/_2$ млн. тонн, а в программе оптимального варианта $4^1/_2$ млн. тонн добычи запроектировано из неразведанных еще площадей. Это обязывает программу эксплоатационных разведок в нефтяной промышленности осуществлять с неослабным напряжением.

Торф, как видно из приведенных выше показателей, должен по отправному варианту удвоить, а по оптимальному варианту

минимально утроить производство. Это потребует вложений в торфяную промышленность около 155 млн. руб. по отправному и 195 млн. руб. по оптимальному варианту.

Намеченный обоими вариантами плана размах строительной программы в топливной промышленности потребует громадного внимания к этому участку строительного фронта. Суммируя то, что изложено выше по вопросу об электростроительстве и развитии топливодобычи, по вопросу об изменении топливного и энергетического балансов и учитывая громадную зависимость всего этого дела от организации теплосилового и энергетического хозяйства в промышленности, на транспорте, в коммунальных организациях и в дальнейшем в сельском хозяйстве,—необходимо со всей энергией подчеркнуть вопрос об усилении роли энергетических организаций нашей страны и о концентрации их работы вокруг единого энергетического центра. Проблема действенного Главэнерго становится актуальнейшей и неотложной.

3. Металлургия и машиностроение

Изложенные выше энергетические и топливные предпосылки при условии их осуществления дают возможность подойти к решению одной из самых ответственных и трудных задач перспективного плана — к форсированному развертыванию металлургического производства и машиностроения в нашей стране. Не случайно уровень передовых промышленных стран измеряется, прежде всего, состоянием в них металлургической и машиностроительной промышленности. Не случайно к проблемам металла в наших народнохозяйственных проектировках и в нашем хозяйственном строительстве приковано наиболее напряженное внимание. Металлургия и машиностроение в проектируемом пятилетии будут тем важнейшим звеном плана, на укреплении которого должны быть сосредоточены максимальные ресурсы и громадные усилия.

Именно поэтому из общей суммы 11,5 мрд. руб. по отправному и 13,8 мрд. руб. по оптимальному варианту капитальных вложений в планируемую ВСНХ промышленность на металлургию и машиностроение направляется 3,4 мрд. руб. по отправному и 4 мрд. руб. по оптимальному расчету плана, т.-е. наиболее высокие вложения из всех промышленных отраслей, включая и электростроительство. Такой размах капитальных вложений исходит из ориентировочно исчисленной потребности страны в металлах в 9,8 млн. тонн в 1932/33 г. против, примерно, 4 млн. тонн потребности текущего года. Эти исчисления при всей их условности и при всех поправках, которые придется внести в реальном ходе жизни, все же с достаточной достоверностью определяют потребность по чугуну за все пятилетие в 32,7 млн. тонн, по прокату в 31,5 млн. тонн, рельсам —3,2 млн. тонн, по сортовому железу—14,1 млн. тонн,

листовому железу — 4,2 млн. тонн, кровельному железу — 3,1 млн. тонн и т. п. Полное покрытие этой потребности по чугуну и покрытие ее по другим видам металла в пределах 80—95% возможно лишь при той программе производства металла, которая исходит из выпуска чугуна в последний год пятилетия в 10 млн. тонн, т.-е. почти утроение производства металла по сравнению с 1927/28 г.

Этим определяется и строительная программа в черной металлургии. Оба варианта плана исходят из необходимости уже в текущем пятилетии осуществлять ту строительную программу, которая, при ее завершении, обеспечивает 10 млн. тонн годового выпуска чугуна. Различие вариантов имеет в виду сроки осуществления этого грандиозного строительства и реальное поступление металла, которое можно учесть в народнохозяйственном балансе последнего года пятилетки. Отправной вариант исходит из получения в последний год пятилетия 8 млн. тонн чугуна, оптимальный вариант — из полных 10 млн. тонн. Соответственно этому намечаются реальные об'екты строительства, сроки их осуществления и размеры капитальных вложений.

Решение этой металлургической проблемы в ближайшем пятилетии с неизбежностью идет двумя путями — путем широкой реконструкции существующих металлургических предприятий в обоих решающих металлургических районах страны (на Украине и на Урале) и путем большого строительства новых металлургических заводов со включением и новых районов — Керченского полуострова и Кузнецкого бассейна.

Послевоенный опыт Германии, к которому внимательно приглядываются все передовые капиталистические страны, убеждает в возможности значительного повышения производительности металлургических заводов путем более тщательной подготовки производственного процесса (обогащение руд, правильный отбор кокса, более совершенная подготовка шихты вообще). Этот, достаточно уже проверенный путь открывает возможность при соответствующей реконструкции существующих металлургических заводов довести их производство до 6,7 млн. тонн с тем, что по заводам Украины (включая сюда в первую очередь Керчь) производство будет поднято с 2,4 млн. тонн в 1927/28 г. до 5,0 млн. тонн в последний год пятилетия, а по заводам Урала с 0,7 млн. тонн до 1,4 млн. тонн и по остальным 0,3. Такое расширение производства существующих металлургических заводов потребует сооружения в пятилетие 12—15 новых доменных печей на Украине с годовой производительностью печи в 180—200 тыс. тонн (не считая печей реконструируемых) и соответствующей этому расширению доменного производства общей реконструкции заводов. В результате этого годовая производительность в среднем одной доменной печи по Югостали возрастет с 85 тыс. тонн в текущем

до 125 тыс. тонн в 1932/33 году. Для Урала это обозначает сооружение на существующих заводах около 10 доменных печей, мощностью, примерно, в 180 тыс. тонн годовой производительности печи, т.-е. типа, совершенно нового для уральской металлургии.

Общая стоимость этой реконструкции существующих металлургических заводов (включая необходимую подготовку рудной базы и организацию коксового производства — также крайне сложную задачу для предстоящего пятилетия) потребует вложений около 1 мрд. руб. с назначением примерно $^3/_4$ этой суммы для южной и $^1/_4$ — для уральской металлургии. Специфическая трудность этого плана заключается в том, что реконструкция будет осуществляться в обстановке напряженного дефицита по металлу и, следовательно, не должна быть сопряжена с длительной остановкой работы существующих заводов. Это обстоятельство требует весьма тщательно разработанного плана реконструкции и большого организационного руководства этим делом, не говоря уже о точном и бесперебойном снабжении ресурсами, импортным оборудованием и иностранной технической помощью. Учитывая, что от хода этой реконструкции решающим образом зависит вся программа металлургического производства ближайшего пятилетия, необходимо все это дело поставить в обстановку внимательнейшего содействия и строжайшего контроля. Но, прежде всего, необходимо добиться составления в кратчайший срок исчерпывающего плана реконструкции, без чего не может быть гарантировано решение этой задачи.

Если реконструкция существующих металлургических заводов определяет собой снабжение страны металлом в ходе этого пятилетия, то начинаемое громадное строительство новых металлургических заводов решает судьбу металлоснабжения страны в последний год текущего и, в особенности, во все последующее пятилетие.

На долю проектируемого пятилетия падает историческая задача отчасти ввести в действие, отчасти подготовить к вводу в действие ту новую смену гигантов-металлозаводов, лишь при наличии которой мы сможем в дальнейшем нужным темпом продвигаться на этом решающем фронте в деле индустриализации страны. Вот почему оба варианта плана на новое строительство металлургических заводов намечают масштаб ассигнований, почти равный затратам на громадную реконструкцию существующих металлургических предприятий. По отправному варианту на строительство новых металлургических заводов намечается около 800 млн. руб. и по оптимальному варианту почти 1 мрд. руб.

Новые металлургические заводы должны будут дать в последний год пятилетия по отправному варианту 1,3 млн. тонн чугуна и оптимальному варианту 2,7 млн. тонн. Решение этой задачи падает уже не только на два испытанных металлургических района страны

(Украину и Урал), к ним присоединяется Керченский район и Кузбасс. В строительстве новых металлургических заводов пятилетний план исходит из стандартного типа крупнейшего предприятия в 650 тыс. тонн годовой продукции с учетом в строительном плане возможности (где это окажется обеспеченным по условиям территории и сырьевых запасов) дальнейшего развертывания их вплоть до удвоения. В вопросах размещения этих новых металлургических производств план исходит из необходимости примыкания их к источникам сырья и энергетическим базам с допуском, однако, такого комбинирования, каким является кооперация Урало-Кузнецкого района, Керченско-Ткварчельского и Запорожско-Криворожского.

Можно считать твердо установленными строительными об'емами в области металлургии на ближайшее пятилетие:

а) Керченскую группу из двух очередей, общей производительностью на 750 тыс. тонн (со вступлением, эксплоатацию по отправному варианту первой очереди в 350 тыс. тонн, а по оптимальному и второй в 200 тыс. тонн) и стоимостью около 150 млн. руб.

б) Украинскую группу из Криворожского завода с производительностью в 650 тыс. тонн, Запорожского завода такой же мощности, Днепросплава, Днепропетровской электростали и Мариупольского завода (со вступлением в эксплоатацию по отправному варианту Криворожского на 350 тыс. тонн и Запорожского на 50 тыс. тонн), общей стоимостью около 350 млн. руб.; дополнительно должен быть изучен вопрос о целесообразности сооружения металлургического завода в Донбассе или удвоения мощности одного из украинских заводов (Криворожского или Запорожского), что также потребует около 100—150 млн. руб.

в) Уральскую группу со строительством: Магнитогорского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн годовой продукции металла (с производством в 1932/33 г. 350 тыс. тонн), Златоустовского завода специальной стали и Балашовского завода, общей стоимостью около 210 млн. руб.; сверх этого, по расчетам оптимальног оварианта, включаются Тавдинский металлургический завод, мощностью на 50 тыс. тонн чугуна, Камский —50 тыс. тонн чугуна, Челябинский завод ферростали, Салдинский и Надеждинский листовые заводы и другие более мелкие, стоимостью около 75 млн. руб.; крайне важным является дальнейшая разработка вопроса о возможности сооружения Алапаевского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн годовой продукции, а также вопроса об удвоении мощности Магнитогорского завода.

г) Сибирскую группу с Кузнецким (Тельбесским) заводом, мощностью в 350 тыс. тонн годового производства металла и стоимостью около 130 млн. руб. (с производством в последний год пятилетия 160 тыс. тонн) и Петровским дальне-восточным заводом, мощностью в 30 тыс. тонн и стоимостью около 12 млн. руб. по расчетам отправного варианта.

д) Наконец, требует дополнительного освещения вопрос о возможности и целесообразности сооружения: 1) в ЦПО — Липецкого металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн и стоимостью около 150 млн. руб; 2) в ЦЧО — Хоперского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн и стоимостью около 150 млн. руб. и 3) металлургического завода на Кавказе стоимостью около 100 млн. руб.

Не исключена возможность замены этих об'ектов значительным расширением мощности вновь создаваемых металлургических заводов, расположенных в более благонадежных по сырьевой базе и энергетическим ресурсам районах.

Это новое металлургическое строительство, которое лежит в основе громадной программы машиностроения, как будет показано дальше, своими коксовыми установками и доменными процессами является базой форсированного развития химической промышленности, без чего не могут быть решены задачи реконструкции сельского хозяйства и повышения обороноспособности страны, является одним из самых трудных и ответственных участков всего строительного фронта. Он труден потому, что вся обстановка требует от нас осуществления таких строительств в максимально короткие сроки (не больше 4—5 строительных сезонов). Между тем, из всей этой фаланги металлургических заводов лишь Магнитогорский, Кузнецкий и Криворожский в настоящее время обеспечены проектами. Энергичное окончание проектирования и экспертизы этого дела является важнейшей предпосылкой успешного решения этой задачи.

Само собой разумеется, что эта программа вложений в черную металлургию должна обеспечить не только расширение производства черных металлов, но и значительное улучшение их качества и понижение себестоимости. Средняя себестоимость чугуна на заводах Урала должна составить к концу пятилетия 44,7 руб. за тонну против 55,9 руб. в начале пятилетия, а средняя себестоимость на заводах Украины — 39,9 руб. за тонну против 49,9.

Не меньшие трудности встают в области развития цветной металлургии. Общее развитие производства цветных металлов от начала к концу пятилетия видно из следующих данных (включая концессии, в млн. тонн):

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отправн.	Оптим.
Медь	28,3	65,3	85,5
Цинк	3,15	35,0	77,4
Свинец	2,97	28,0	38,5

Эта производственная программа цветной металлургии, которая по всем условиям нашего строительства должна считаться минимальной, опирается на крайне сложную и трудную строительную программу, общей стоимостью около 450 млн. руб. за пятилетие.

Советское машиностроение за истекшие годы сделало значительные шаги вперед в своем развитии, и по всей линии показателей далеко обгоняет тот нищенский довоенный уровень, на котором находилось это дело в дореволюционной России. Однако, то, что осуществлено до сих пор, является лишь небольшим началом в разрешении громадных задач машиностроительной промышленности, в значительной степени падающих уже на проектируемое пятилетие. Именно по этой линии решаются основные задачи повышения энерговооруженности труда во всех отраслях хозяйства и именно по этой линии мы должны в кратчайший срок ликвидировать нашу зависимость от капиталистических стран или, во всяком случае, значительно смягчить эту зависимость. Вот почему на ряду с указанными выше капитальными вложениями в черную и цветную металлургию пятилетний план намечает по расчетам отправного варианта вложения около 1,2 мрд. руб. и по расчетам оптимального варианта вложения около 1,4 мрд. руб. на капитальное строительство в области машиностроения.

Направление в развитии нашего машиностроения определяется прежде всего состоянием и задачами нашего энергетического хозяйства. По самому скромному расчету около половины (т.-е. около 800 тыс. кв. метров нагрева) всего котельного хозяйства в нашей промышленности является и физически и морально изношенным. На ряду с этим также около половины (т.-е. около 700 тыс. лош. сил) всех находящихся в промышленности двигателей является также изношенными морально и отчасти физически. К этому надо прибавить ту вновь вырастающую потребность в энергетическом оборудовании, которая возникает в процессе роста нашего хозяйства. Это обязывает широко развить и поставить на новый технический уровень дело котлостроения в стране, на котором специализируются металлургический завод в Ленинграде, Паростроя в Москве и Таганрогский котлостроительный завод, дающие в совокупности к концу пятилетия около 70% всего производства котлов. Котлостроение должно будет вырасти по расчетам оптимального варианта до 300 тыс. *кв. м* в последний год пятилетия против 114 тыс. *кв. м* нынешних. Главной базой дизелестроения становится Коломенский завод, завод „Русский дизель“ в Ленинграде и Сормовский завод, который сосредоточивает у себя к концу пятилетия около 70% всего производства дизелей, растущего с 65,9 тыс. лош. сил в начале пятилетия до 202 тыс. лош. сил в конце пятилетия. Турбостроение базируется на Ленинградском металлургическом заводе, где оно растет с 60 тыс. квт. в начале пятилетия до 650 тыс. квт. в конце пятилетия, при чем водяные турбины, кроме того, входят в производственную программу также и одного из заводов Мосмаштреста.

В известной мере к этой же группе примыкает и развитие станкостроения, которое на ряду с усилением существующих

станкостроительных баз (ленинградский завод им. Свердлова „Красный Пролетарий“ в Москве; „Двигатель Революции“ в Нижнем Новгороде и Крамоторский завод) будет опираться на реконструкцию и специализацию существующих более мелких заводов и на строительство новых заводов на Украине, в ЦПО и, возможно, на Урале. Вложения в станкостроение исчисляются для пятилетия в 25 млн руб. только по новым заводам.

Вторым крупным моментом, определяющим развитие машиностроения, являются нужды в специальном, по преимуществу индивидуализированном оборудовании со стороны наших основных горнодобывающих районов, Южного и Уральского вместе с Сибирью. В этом отношении на ряду с полной реконструкцией Крамоторского машиностроительного завода, равносильной его переустройству заново и требующей около 45 млн. руб. вложений, в течение пятилетия должна быть закончена постройка Свердловского завода тяжелого машиностроения на Урале, общей стоимостью около 35 млн. руб. Завершение этих работ даст возможность правильно расположить в стране основные базы тяжелого машиностроения, ликвидировать нерационально далекие перевозки и обеспечить ту реконструкцию горных производств, которая необходима для намеченного темпа угледобычи, добычи руды, развития цветной металлургии, золотопромышленности и т. д.

Следующим крупнейшим фактором, определяющим развитие машиностроеиия в перспективе ближайшего пятилетия, является транспорт, задачи его реконструкции и нового строительства. Дальше будет подробно развита программа реконструкции на транспорте и та потребность, которую он пред'явит к металлопромышленности в области паровозов, вагонов, автосцепок и т. п. Исходя из этой программы, намечена реконструкция существующих паровозостроительных заводов, требующая в общей сложности до 100 млн. руб. в пятилетие. Центром этих реконструктивных работ в области паровозостроения будет Луганский завод, который потребует вложений около 40 млн. руб. и должен будет дойти до выпуска 350 мощных паровозов в последний год пятилетия. Лишь в конце пятилетия встанет вопрос о крупной реконструкции второго паровозостроительного завода на выпуск до 500 паровозов в год. Вопрос об об'екте (Сормово или Харьков) должен быть дополнительно изучен. Вагоностроение будет базироваться на осуществляемой реконструкции существующих заводов с вводом, однако, в действие заново перестраиваемого цеха на Днепровском заводе и в конце нынешнего или в начале следующего пятилетия Нижне-Тагильского вагоностроительного завода с последующей концентрацией на этих последних заводах основного производства более грузных вагонов. Общая сумма вложений в вагоностроительные заводы определяется в 160 млн. руб. Подготовка транспорта к переходу на автоматическую сцепку потребует сооружения одного или двух заводов автосцепок, общей стоимостью около 20—50 млн. руб. (по всей видимости на Украине и на Урале).

Наконец, в эту же серию машиностроения, подчиненного задачам транспорта, должно быть отнесено морское и речное судостроение, с общей суммой капитальных затрат 82 млн. руб., и автомобильное производство, которое должно будет довести выпуск машин до 100 тыс. штук в конце пятилетия против 1,5 тыс. штук в его начале и которое потребует капитальных вложений в сумме 150 млн. руб.

Далее следует отметить то производство металлической промышленности, которое связано со снабжением различного рода материалами и железными конструкциями всего строительного фронта и в особенности вновь зарождающееся у нас производство машин для строительной промышленности. Завод строительных машин намечен в ЦПО, стоимостью около 12 млн. руб. На ряду с этим стоят небольшие по сумме капитальных вложений, но крайне важные по своему пионерному значению в нашей стране заводы по текстильному машиностроению, по производству химической аппаратуры и т. п.

Наконец, громадные задачи стоят в области сел.-хоз. машиностроения в непосредственной связи с теми задачами по реконструкции сельского хозяйства, которые являются одной из решающих предпосылок всего народнохозяйственного плана. Строительная программа в области сел.-хоз. машиностроения исходит из необходимости довести выпуск сел.-хоз. машин до 525 млн. руб. по отправному и до 610 млн. руб. по оптимальному варианту против 153 млн. руб. в 1927/28 г. Эта программа базируется на окончании работ по сооружению Ростовского завода, стоимостью в 46 млн. руб., на широкой реконструкции украинских заводов с капитальными вложениями в 58,6 млн. руб., на реконструкции остальных заводов РСФСР с вложениями в 30,3 млн. руб. и на создании Омского завода сел.-хоз. машиностроения.

Крупнейшей самостоятельной задачей в области сел.-хоз. машиностроения является сооружение Сталинградского тракторного завода с производительностью в 40 тыс. тракторов в последний год пятилетия и общей стоимостью в 77 млн. руб., расширение тракторного цеха на Путиловском заводе на производство 10 тыс. тракторов в год и тракторного цеха на Харьковском паровозостроительном заводе на производство 3 тыс. тракторов в год. Кроме того, по расчетам оптимального варианта намечено сооружение второго мощного тракторного завода типа Сталинградского. Общий размер вложений в сел.-хоз. машиностроение измеряется по отправному варианту в 160,0 млн. руб. и по оптимальному в 180,0 млн. руб.

Таковы главнейшие линии и об'екты в области машиностроения. Здесь, разумеется, приведено лишь самое основное из большой

сложной и крайне диференцированной программы машиностроения в нашей стране. При всем стремлении к ограничению ассортимента машин, при всем желании наметить решение машиностроительных задач в твердой последовательности, интересы индустриализации страны требуют незамедлительного ввода в строительную программу все новых и новых групп машиностроительных предприятий, которые в значительной своей части будут проходить на протяжении ближайшего пятилетия лишь начальный этап своего развития.

Машиностроение расширяет свои позиции почти во всех основных индустриальных районах страны, с тем распределением средств между реконструкцией и новым строительством, которое, повидимому, в основном отвечает задачам правильного развития производительных сил нашей страны.

Нет нужды подчеркивать громадное значение этой строительной программы в области металлургии и машиностроения. Она является стальной осью всей запроектированной в пятилетнем плане реконструкции народного хозяйства. Но нужно со всей энергией подчеркнуть громадную трудность и, следовательно, громадную ответственность этого важнейшего по значению и наиболее крупного по вложениям строительного участка, который пред'являет исключительно большие требования не только к внутренним материальным и организационным ресурсам страны, но и к техническому содействию со стороны передовых стран Европы и Америки.

4. Химия

На проектируемое пятилетие выпадает задача заново создать в нашей стране новую промышленность — химическую, огромное значение которой почти для всех прочих отраслей промышленности, для обороны страны, для реконструкции сельского хозяйства, рационализации лесного хозяйства и для культурного роста страны вообще не может быть преувеличено. Базируясь на максимальном использовании материи в отбросах, применении химических методов к наиболее полному использованию сырья, разворачивая у себя энергоемкие производства или утилизируя отбросы энергетических баз, химическая промышленность в своем производственном процессе органически сплетается с рядом других промышленных отправлений и становится одним из важнейших факторов энергетического хозяйства страны в целом.

Масштаб строительной программы в химической промышленности определяется теми производственными задачами, которые должны быть решены в этом пятилетии. Производство фосфорнокислых туков (в пересчете на стандартный суперфосфат) необходимо расширить с 260 тыс. тонн в 1928/29 г. до 2,6 млн. тонн по отправному и до 3,4 млн. тонн по оптимальному варианту к концу пятилетия. Производство фосфоритной муки против 65 тыс. тонн нынешних должно быть расширено до 1 млн. тонн по отправному и до 1,2 млн. тонн по оптимальному варианту; азотистых удобрений (в пересчете на сульфат-аммоний) против 5 тыс. тонн нынешних до 800 тыс. тонн к концу пятилетия и по калийным удобрениям предстоит заново организовать производство 1,1 млн. тонн по отправному и 1,6 млн. тонн по оптимальному варианту. Общее производство химических удобрений должно быть доведено до 5 млн. тонн по отправному и 7 млн. тонн по оптимальному варианту.

Эта производственная программа, отступление от которой ударило бы по важнейшим звеньям народнохозяйственного плана (сельское хозяйство, оборона и т. п.), может быть осуществлена лишь при выполнении громадного строительного плана с затратой на капитальные вложения в химическую промышленность около 1,2 мрд. руб. по отправному и 1,4 мрд. руб. по оптимальному варианту, при том условии, что весь действующий основной капитал этой промышленности в настоящее время оценивается примерно в 400 млн. руб.

Энергоемкий характер химических производств и использование в них отбросов энергетических баз приковывает химическую промышленность к тому плану развертывания энергетических ресурсов, который отчасти был очерчен выше. Предполагаемое строительство химических предприятий в соответствии с этими концентрируется: а) в Донбассе, б) вокруг Днепростроя, в) в ЦПО с ее подмосковными углями и торфяниками, г) на Урале с его отходами от углежжения, коксования и производством цветных металлов, д) в Северо-Западной области с ее торфяниками, лесной промышленностью и гидроэнергией и е) отчасти в Кузбассе, в Средней Азии и в Закавказьи.

Украина в лице своего Горнопромышленного района (Донбасс, район Днепростроя и Криворожье) должна будет осуществить в предстоящем пятилетии крупнейшее строительство в области химической промышленности и превратиться в мощный центр химического производства. Постановка производства синтетического аммиака при работающих в этом районе коксовых печах, предусмотренная в расчетах отправного варианта, затем использование ряда установок в других центрах коксового производства, включаемое в расчеты оптимального варианта, — таковы основы развития химической промышленности в УССР в течение пятилетия. Сооружение всех этих заводов в свою очередь связано с созданием ряда установок, превращающих азот в минеральные удобрения. На ряду с этим Донбасс вырастает в крупный центр анилокрасочной промышленности. Существующий Донецкий содовый завод должен быть значительно расширен с доведением его мощности до 300 тыс. тонн кальцинированной соды в год и должен быть создан новый Славянский содовый завод, мощностью до 200 тыс. тонн. В той же Украине пятилеткой предусматривается широкая поста-

новка электролиза поваренной соли с соответствующими производными элементами. Общая сумма вложений в химическую промышленность Украины определяется по расчетам отправного варианта около 300 млн. руб. и по расчетам оптимального варианта около 350 млн. руб.

Центрально-Промышленная область, базируясь на Егорьевских фосфоритных месторождениях, распространенных в этом районе в значительных количествах, должна создать крупный туковый комбинат мощностью в 150—200 тыс. тонн серной кислоты и 350—400 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений с общей стоимостью комбината около 50 млн. руб. Однако, Центрально-Промышленная область должна специализироваться не на производстве основных химических продуктов, а на ряде тонких химических производств (красителей, фармацевтических продуктов, редких элементов, резиновых материалов и т. п). Решение проблемы производства искусственного волокна связывается с созданием под Москвой крупного химического комбината с разнохарактерным производством (искусственное волокно, мыло и пр.). Наконец, на торфяной электрической базе в районе Ярославля намечено сооружение крупного резинового завода для удовлетворения возрастающего спроса на автошины, пневматику и проч. Общая сумма вложений в химическую промышленность Центрально-Промышленной области намечается около 200 млн. руб. в пятилетие по отправному варианту и 240 млн. руб. по оптимальному варианту.

Северо-Западная область в лице Ленинграда является наиболее удобным местом для организации суперфосфатного производства на импортных фосфоритах. Для этой цели предположено создание нового завода, производительностью до 200 тыс. тонн суперфосфата, с тем, чтобы в дальнейшем перевести этот завод на потребление вновь открытых в районе Мурманской жел. дор. (Хибинское месторождение) высокопроцентных фосфорно-кислых руд. На ряду с этим в Ленинграде развертывается начатое уже строительство фабрик искусственного волокна и предстоит организация связанных с этим производств. Общий размер затрат капиталовложений в Северо-Западном районе в течение пятилетия определяется примерно в 75 млн. руб. по отправному варианту и 80 млн. руб. по оптимальному.

Урал также должен получить громадные задачи в области развертывания химического производства, обладая для этого прекрасной сырьевой базой (колчеданы, фосфориты, калийные соли и проч.), достаточными топливными ресурсами и богатейшими возможностями использования отходов от производства цветных металлов, процессов коксования и углежжения. В области химии так же, как и в металлургии и машиностроении перед Уралом стоит громадная задача по стимулированию индустриального развития Западной Сибири и Средней Азии, не говоря уже о более близких ему районах.

Первый большой химический комбинат предположено развернуть в Березниковском районе, с опорой в качестве энергетической базы на кизеловские угли. Этот комбинат, общая стоимость которого измеряется около 60 млн. руб., должен будет к концу пятилетия выпускать около 260 тыс. тонн кальцинированной соды, в то время как в 1927/28 г. по имеющимся данным по всему Союзу вырабатывалось 210 тыс. тонн и около 350 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений, т.-е. также больше, чем в 1927/28 г. вырабатывал весь Союз. Второй Уральский туковый комбинат в Салдинском районе, опирающийся на коксовые газы этого района, с одной стороны, и на серную кислоту из отбросов богомоловского медного дела — с другой стороны, и, наконец, на вятские фосфориты, должен будет дать по намеченному плану 150 тыс. тонн серной кислоты и 350 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений (в пересчете на стандартный суперфосфат). Общая стоимость этого комбината определяется, примерно, в 25 млн. руб. Третий центр туковой промышленности Урала будет опираться на отходы коксования при Магнитогорском заводе с постановкой производства аммиака, который будет превращен в высокопроцентные азотистые удобрения для питания хлопковых посевов в Средней Азии. Стоимость этого комбината определяется примерно в 20 — 25 млн. руб. Такого же или не сколько большего порядка затраты должны быть произведены для организации калийного дела на соликамских месторождениях, где по расчетам отправного варианта должен быть в пятилетие закончен первый в СССР калийный рудник с добычей около 1,1 млн. тонн калийной соли и по расчетам оптимального варианта должен быть сооружен второй рудник (или значительно расширен первый) с доведением добычи до 1,6 млн. тонн. На ряду с этим намечено сооружение трех — четырех лесохимических заводов, каждый из которых будет давать продукцию (уксусная кислота, метиловый спирт и т. п.) больше всей продукции СССР в настоящее время. Иными словами, здесь также закладывается новая отрасль промышленности.

Общий размер вложений в химическую промышленность Урала измеряется суммой около 200 млн. руб. по расчетам отправного варианта и 230 млн. руб. по расчетам оптимального варианта и знаменует собой превращение Урала в один из самых мощных центров химической промышленности СССР.

Сибирь и Дальний Восток в ближайшее пятилетие должны будут осуществить не столько строительство в области химической промышленности, сколько всестороннее изучение с этой точки зрения своих возможностей и определить программу строительства в будущем пятилетии. О громадных возможностях Сибири в этом отношении говорят первые же разведки, в частности, открытие

в 1928 г. озер с громадными запасами самосадочной соды, вовлечь которую в промышленное использование в проектируемом пятилетии намечается в размерах примерно 60 тыс. тонн. На ряду с этим развитие коксования в Кузнецком районе открывает возможность постройки завода с производством ряда химических продуктов, а богатейшие лесные массивы дают возможность сделать хотя бы начальные шаги насаждения в Сибири лесохимической промышленности. Общие размеры капитальных вложений в химическую промышленность Сибири определяются, примерно, в 50 млн. руб. за пятилетие по отправному варианту и 70 млн. руб. по оптимальному.

Средняя Азия в смысле изученности ресурсов находится, примерно, в таком же положении, как и Сибирь. Одной из крупных проблем средне-азиатской химической промышленности в ближайшем пятилетии следует считать проблему Кара-Бугаза. Однако, и там промышленную добычу сульфата приходится ограничить масштабом, примерно, в 70 тыс. тонн к концу пятилетия. На ряду с этим перед Средней Азией встает задача по созданию крупного комбината по производству минеральных удобрений, опираясь на электроэнергию Чирчика и, возможно, на использование крупного месторождения фосфоритов в Актюбинском районе. Общий размер вложений в среднеазиатскую химическую промышленность определяется по расчетам отправного варианта, примерно, в 60 млн. руб. и оптимального в 70 млн. руб.

Прочие районы в ближайшем пятилетии не получат сколько-нибудь крупных задач по развитию химической промышленности. Выше уже был указан общий об'ем капитальных вложений в химическую промышленность в проектируемом пятилетии и связанное с этим движение ее основного капитала. Самый беглый обзор строительства по районам и общий размах вложений не оставляет сомнений в том, что здесь вырастает совершенно новый и крайне трудный фронт строительства, разрешение задач которого в столь короткий срок было бы подлинным торжеством работающих на этом участке квалифицированных кадров. Разрешение этих задач было бы громадным шагом вперед в реконструкции всего народного хозяйства страны и в усилении ее обороноспособности.

5. Производство строительных материалов

Как показывает опыт капитального строительства за истекшие годы, производство строительных материалов является одной из наименее организованных и упорядоченных отраслей, что приводило к значительным затруднениям, а подчас и к прямой дезорганизации на отдельных участках нашего строительного фронта. Поэтому одним из серьезных звеньев во всей строительной программе пятилетия

должно быть такое развитие производства строительных материалов, которое обеспечивало бы бесперебойный ход всего капитального строительства, повышало бы качество материалов и гарантировало бы накопление необходимых технических резервов. Производство строительных материалов должно пережить свою реконструкцию, которая правильно бы сочетала наиболее высокие образцы мировой техники в этом деле с максимально возможным использованием богатейших возможностей кустарного производства.

Исходя из этого, на организацию и развитие производства строительных материалов намечается в пятилетие выделить около 750 млн. руб. по отправному и около 825 млн. руб. по оптимальному варианту только по линии планируемой промышленности. В результате этих вложений производство основных строительных материалов должно получить развитие в следующих масштабах:

Основные строительные материалы	1927/28 г.	1932/33 г.		Прирост за 5 лет	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Цемент в млн. бочек	11,9	34,0	40,0	+185,7	+236,1
Кирпич в мрд. штук	1,78	6,6	7,7	+170,8	+322,6
Азбест в тыс. тонн	26	150	150	+476,9	+476,9
Лес пиленый в млн. *куб. м* . . .	11,6	32,8	42,5	+ 82,8	+266,4

Этот рост производства строительных материалов при сопоставлении его с запроектированными масштабами капитальных вложений в решающих отраслях народного хозяйства гарантирует к концу пятилетия упорядочение снабжения стройматериалами и внесение надлежащего порядка в это дело. Однако, начальные годы пятилетия (в особенности 1929/30 г.) будут протекать при наличии недостатка по ряду стройматериалов. Вот почему все дело капитального строительства требует, чтобы еще в текущем году на фронт строительных материалов были брошены дополнительные средства и, в особенности, дополнительные организационные усилия.

Нужно с особой решительностью подчеркнуть, что успехи по всему фронту капитального строительства, в особенности, с точки зрения его удешевления, в значительной мере зависят от того, насколько удастся индустриализировать как процесс производства строительных материалов (типизация, стандартизация и т. п.), так и самый процесс строительства. Нельзя закрывать глаза на то, что все это дело находится у нас еще в крайне отсталом состоянии и что ликвидация этой отсталости является одной из важнейших предпосылок успешного хода всего капитального строительства в целом.

6. Лесное хозяйство и лесная промышленность

Программы строительства промышленности по переработке древесины (целлюлоза, бумага, лесохимия, искусственное волокно и т. п.) и лесного экспорта определяют задачи в области лесного хозяйства и лесной промышленности.

Неблагоприятное географическое расположение лесов в Союзе весьма усложняет задачу подготовки для эксплоатации нужной лесной территории, разрешение этой задачи связано с переселением и транспортным строительством. Необходимый для подготовки лесной территории к эксплоатации длительный период времени требует в проектировках по лесному хозяйству на пятилетие основываться на оптимальном варианте развития народного хозяйства.

Из всей лесной площади государственного значения в Союзе (по учету на 1/X 1928 г.—877,3 млн. *га*) вовлечено в эксплоатацию к 1928 г. всего лишь 157,5 млн. *га* (18%) и подлежит дополнительному вовлечению к 1932/33 г. 35,6 млн. *га*, или 22,6% от существующей эксплоатируемой лесной площади.

Добыча древесины (лесозаготовки) в 1927/28 г. в лесах государственного значения определилась всего в 142,5 млн. *куб. м*, в том числе деловой древесины 60,7 млн. *куб. м* (42,6%). В 1932/33 г. добыча древесины определяется в лесах государственного значения всего в 258,1 млн. *куб. м*, в том числе деловой древесины 124,8 млн. *куб. м* (48,4%). Следовательно, параллельно с увеличением эксплоатируемой лесной площади растет лесное пользование на единице лесной площади (интенсификация лесного хозяйства) и увеличивается заготовка деловой древесины (рационализация использования древесины), как следствие развития целлюлозно-бумажной промышленности и лесохимии.

Капитальное вложение в лесное хозяйство определяется необходимостью выполнения следующих работ: а) по подготовке для эксплоатации указанной выше лесной территории—лесоустройство и лесоэкономическое обследование; б) по поднятию продуктивности лесов путем облесения вырубок, гарей, пустырей и проч., осушкой заболоченных лесов и уходом за лесонасаждениями; в) по лесному дорожно-транспортному строительству—лесные грунтовые дороги и сплавные пути и г) по лесоаграрной мелиорации, т.-е. по укреплению и облесению песков и оврагов, разведению ветрозащитных, снегосборных и снегозащитных полосных насаждений и т. п.

Общая сумма капитальных вложений в лесное хозяйство по Союзу в 1927/28 г. составила 12,8 млн. руб., в 1928/29 г.—22,2 млн. руб., а на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. определяется по плану лесного хозяйства около 247 млн. руб.

Эти мероприятия по отдельным республикам намечены следующим образом:

Показатели	Измерители	Всего по СССР	Республики: РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Ср.-Аз. республ.
1. Размер лесного пользования в 1927/28 г.	млн. *куб. м*	142,5	127,7	4,0	8,4	2,0	0,4
в 1932/33 г.	„	258,1	239,2	5 5	9,0	3,5	0,9
Прирост к 1927/28 г.	%	+81,1	+87,3	+27,0	+7,0	+75,0	+112,0
2. Эксплоатируемая лесн. площ. государственных лесов в 1927/28 г.	млн *га*	157,5	146,7	2,6	2,7	1,9	3,6
в 1932/33 г.	„	193,1	180,0	2,6	3,2	2,8	4,5
Прирост к 1927/28 г.	%	+22,6	+22,7	0,0	+18,5	+47,4	+25,0
3. Лесное пользование на 1 *га* эксплоатируем. лесной площ. в 1927/28 г.	*куб. м*	0,91	0,87	1,54	3,11	1,05	0,11
в 1932/33 г.	„	1,34	1,27	2,11	2,81	1,25	0,20
Прирост	%	+47,2	+46,0	+37,0	—6,4	+19,0	+82,0
4. Капит. вложения в лесное хоз. за счет местн. хозяйства в 1927/28 г.	млн. руб.	12,8	8,4	2,5	1,3	0,3	0,3
в 1928/29 г.	„	22,2	15,6	3,2	2,0	0,7	0,7
За 5 лет—1928/29—1932/33 гг.	„	246,9	174,2	38,3	16,5	10,0	7,9

Значение этих мероприятий выявляется в лесной промышленности, которая обеспечивает своей продукцией строительство, снабжение целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности сырьем (древесиной) и развитие лесного экспорта.

При приросте валовой продукции лесной промышленности за пятилетие в пределах до +275% и лесопиления для удовлетворения нужд строительства +267% (по оптимальному варианту) основными центрами развития ее являются:

Северо-Восточный район, продукция которого по лесопилению намечается в количестве 6,6 млн. *куб. м* (прирост +348%), Урал—продукция до 2 млн. *куб. м* (прирост +341%), Нижнее Поволжье—продукция до 7,4 млн. *куб. м* (прирост +746%) и Дальне-Восточный край—продукция 2,1 млн. *куб. м* (прирост 700%).

Лесопиление в Северо-Восточном районе, на Урале и Дальнем Востоке сочетается с целлюлозным и целлюлозно-бумажным производством, а также с лесохимией (главным образом, Урал), что обеспечивает наивысшую рентабельность намеченного по этим районам капитального вложения. В Нижне-Волжском районе лесопиление

сочетается с деревообрабатывающими производствами. В частности, в Нижнем Поволжьи намечается развитие новых производств, получивших распространение в Сев. Америке, по изготовлению стенных и строительных плит из отбросов лесопиления, количество которых здесь, при намеченном производстве, определяется почти в 2,5 млн. *куб. м.*

В прочих лесных, а также в районах с развитой лесной промышленностью (например, БССР) сдвиги в построении их промышленности, перерабатывающей древесину, проектируются в направлении усиления деревообрабатывающих производств — в первую очередь, строительные детали.

Новое заводское строительство в основных четырех районах (Северо-Восточный, Урал, Нижнее Поволжье и ДВК) по лесной промышленности намечено всего в размере 150,6 млн. руб., что от всей суммы вложений (321 млн. руб.) составит 47,0%.

При этом обеспечивается производство лесных товаров для целей вывоза за границу в количестве, намеченном лесоэкспортным планом, т.-е. увеличение в $3^1/_2$ раза против 1927/28 г.

Основными лесоэкспортными районами по лесозаготовкам в 1932/33 г. будут Карелия и Северо-Восточная область и Дальне-Восточный край; Урал для вывоза за границу даст высокосортный лес по преимуществу из восточной своей части; Сибирь обеспечит вывоз леса через Карское море; Закавказские республики и Белоруссия для экспорта дадут специальные виды лесных товаров из твердой древесины и изделия из дерева.

7. Общий масштаб строительной программы в промышленности

Выше были указаны важнейшие строительные линии по всей индустриальной группе в ее решающих отраслях. Здесь нет возможности останавливаться на целом ряде других, крайне важных отраслей, которые, однако, не связаны со столь большим новым строительством или со столь глубокой реконструкцией старого основного капитала. Это относится, прежде всего, ко всей легкой индустрии, которая несмотря на значительную наличную емкость своего основного капитала должна будет произвести в пятилетие капитальные вложения порядка 2,5 мрд. руб. по отправному и 3 мрд. руб. по оптимальному варианту, исходя из необходимости осуществить курс на изживание товарного голода в стране.

Общая сумма вложений в основные фонды промышленности, планируемой ВСНХ, на которые опирается обрисованная выше строительная программа, составляет (с учетом 40% снижения стоимости строительства по отправному и 50% по оптимальному варианту) около 11,5 мрд. руб. в расчетах отправного и 13,8 мрд. руб. в расчетах оптимального варианта. В соответствии с общим курсом

на индустриализацию страны в намеченной выше строительной программе из общей суммы капитальных вложений группа „А“ (производство средств производства) поглощает по отправному варианту 8,6 мрд. руб., а по оптимальному 10 мрд. руб. и группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) соответственно 2,5 и 3 мрд. руб. Было бы правильным к группе „А“ дополнительно прибавить по отправному варианту около 570 млн. руб. и по оптимальному варианту около 640 млн. руб., идущих по линии организации геологических разведок, строительных контор и т. д.

Масштаб вложений в государственную индустрию станет еще более внушительным, если присоединить к ней (а это является единственно правильным) затраты на государственную электрификацию, которые по отправному варианту исчисляются в 2,6 мрд. руб. и по оптимальному в 3,1 мрд. руб. В таком случае общая сумма вложений в государственную индустрию (включая и электростроительство) составит по отправному варианту 14 мрд. руб. и по оптимальному варианту 17 мрд. руб. Такой размах вложений в государственную индустрию обеспечит ей 36,4% всей суммы капитальных вложений по обобществленному сектору и, как указано выше, поднимет удельный вес ее основных фондов в общей сумме основных фондов страны с 12,1% в начале пятилетия до 21,3% в его конце (по отправному варианту).

Само собою разумеется, что намеченная сумма вложений в государственную индустрию и запроектированная на ее основе строительная программа должны найти свое отражение как в расширении промышленного производства в стране, так и в значительном росте качественных показателей этого производства. Как будет подробно показано дальше, рост промышленной продукции на основе этих вложений намечен на 136% по отправному и на 180% по оптимальному варианту, при чем около 30% всей промышленной продукции по первому и несколько больше по второму варианту должно быть дано уже новыми предприятиями, не считая реконструированных заново. Снижение стоимости промышленной продукции намечено на 30% по отправному и на 35% по оптимальному варианту. Наконец, как было уже указано, снижение стоимости строительства соответственно по вариантам намечено в 40% и 50%.

Серьезным, обобщающим показателем глубины реконструктивных задач, намеченных в пятилетнем плане для нашей индустрии, являются данные по изменению структуры энергобаланса, промышленности и энерговооруженности промышленного рабочего. Составленные по расчетам отправного варианта эти данные таковы:

	1927/28	1932/33	Прирост
На 1 раб. мощн. в квт.	0,98	1,91	+ 95,0
На 1 раб. потребл. энерг. в квтч. . . .	2,420	4,670	+ 93,0
В том числе электрифик.	1,200	3,630	+ 202,5

Эти данные показывают, что пятилетняя программа намечает в строении нашей государственной индустрии значительный шаг вперед по тому направлению, которое продвигает нас к уровню передовых капиталистических стран и создает базу для еще более быстрого движения вперед в великом соревновании социалистической системы хозяйства со своим капиталистическим антагонистом.

8. Проблемы реконструкции и строительные линии в сельском хозяйстве

XV с'езд партии и последующие решения до декрета ЦИКа СССР о повышении урожайности включительно отчетливо наметили те линии, по которым должен пойти сельскохозяйственный прогресс нашей страны. Техническое вооружение сельского хозяйства силами государственной индустрии, под'ем бедняцко-середняцких масс крестьянства, борьба с эксплоататорской верхушкой деревни, форсированное строительство совхозов, коллективных хозяйств и кооперативных организаций, культурное вооружение деревни в целом, — вот комплекс проблем, подчиненных в конечном счете общей задаче решительного под'ема производительных сил деревни и социалистического ее переустройства на путях машинной техники и научного земледелия. Этой генеральной линии отвечает и запроектированная в плане строительная программа в области сельского хозяйства.

Общий масштаб капитальных вложений в сельском хозяйстве в предстоящее пятилетие измеряется по расчетам отправного варианта в 22,6 мрд. руб. и оптимального в 23,6 мрд. руб., включая и собственные вложения индивидуальных крестьянских хозяйств (постройки, скот, инвентарь и т. д.). Значительная часть этих средств идет по линии простой амортизации существующего основного капитала. Около 7—9 мрд. руб. из общей суммы вложений в той или иной мере подлежит нашему прямому воздействию и регулированию. Наконец, около 5 мрд. руб. (в неизменных ценах) по отправному варианту и 5,8 мрд. руб. по оптимальному варианту являются прямыми вложениями государства в сельское хозяйство (по госбюджету и кредиту). В свете этих общих лимитов вложений может быть охарактеризована и сама строительная программа.

Решающим фактором, накладывающим свою печать на всю программу реконструкции и весь строительный план в сельском хозяйстве в проектируемом пятилетии, является крупнейшее невиданное до сих пор развертывание обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Учитывая громадное значение этого дела по всей совокупности экономических и социальных отношений в нашей стране, программа обобществленного сектора в сельском хозяйстве в обоих вариантах плана взята почти тождественной и близкой к максимально возможной для этого пятилетия. Эта программа определяется доведением посевной площади обобществленного сектора с 2,3 млн. *га* в 1927/28 г. до 27 млн. *га* к началу второго пятилетия 1933 г. с тем, что совхозы дадут 5 млн. *га* и колхозы 22 млн. *га*. Из общей суммы вложений в сельское хозяйство (по госбюджету и кредиту) в 5 мрд. руб. по отправному и 6,8 мрд. руб. по оптимальному варианту на строительство обобществленного сектора идет 1,85 и около 2,0 мрд. руб. При осуществлении этой программы обобществленный сектор к концу пятилетия даст 13,7% по валовой продукции и 38,7% по товарной продукции зернового хозяйства (отчуждаемой на внедеревенский рынок). Наконец, для характеристики размаха этого строительства следует указать, что колхозы должны будут к концу пятилетия об'единить около 17—20 млн. сельскохозяйственного населения, что приведет почти к стабилизации крестьянского населения в индивидуальных хозяйствах при крупном погодном росте всего сельского населения в целом.

С точки зрения реконструкции сельского хозяйства этот обобществленный участок сельскохозяйственного фронта представляет тот особенный интерес, что он целиком опирается на машинную технику, на широкое применение минеральных удобрений, на внедрение тракторов и на применение агрикультурных мероприятий в целом. Достаточно указать, что к концу пятилетия в обобществленном секторе будет работать около 170 тыс. тракторов, включая тракторные станции (без них около 140), что он поглотит за это пятилетие сельскохозяйственных машин на 863 млн. руб., а химическими удобрениями покрывается 100% площади технических культур (по обоим вариантам) и 15—20% площади озимых зерновых в соответствующих районах. Урожайность в обобществленном секторе в связи с этой реконструктивной программой должна расти, в темпе, вдвое превышающем запроектированный рост урожайности для сельского хозяйства в целом.

Новизна этого дела, отсутствие надежного опыта других стран (хотя бы даже в общей практике крупного сельского хозяйства), специфические общественные трудности этого дела в условиях крайне низкого уровня культурности и, вместе с тем, громадный его размах,— обязывают приковать к нему исключительно большие усилия и исключительно бдительный надзор за реальным ходом его осуществления.

Особенно трудной является здесь проблема коллективизации и определения таких ее организационных форм, которые обеспечивали бы максимальное использование и максимальную эффективность вкладываемых ресурсов. С этой точки зрения идея межселенных машино-тракторных станций, которые должны в дальнейшем развиться в энергетические станции в широком смысле этого слова (включая сюда и агрикультурную помощь), идея, которая нашла уже свою частичную проверку на опыте Украины, должна стать руководящей в практических поисках

организационных форм коллективизации. Только на этом пути представляется возможным, планомерно и наиболее прочно закрепляясь на достигнутых позициях, добиться быстрого повышения энерговооруженности крестьянского труда, т.-е. разрешения той центральной задачи, от которой зависит успешный ход сельскохозяйственного прогресса.

Крупнейшие строительные задачи в предстоящем пятилетии стоят в области организации сельскохозяйственной территории, т.-е. в области землеустройства, мелиорации и ирригации прежде всего. Общий об'ем землеустроительных работ за пятилетие может быть иллюстрирован следующими данными:

Землеустройство

Наименование мероприятий	Отправной вариант			Оптимальный вариант		
	Общая площадь (в тыс. га)	В % ко всей площ.		Общая площадь (в тыс. га)	В % ко всей площ.	
		Землеустроенность за пятилетие	Вся землеустр. площадь		Землеустроенность за пятилетие	Вся землеустр. площадь
Межнадельное землеустройство . .	88.000	22,2	49,8	148.555	37,5	65,1
Устранение или ослабление дальноземелья	68.335	17,2	27,1	68.335	17,2	27,1
Устранение внутринадельной чересполосицы	137.951	54,8	75,0	137.951	54,8	75,0
В том числе колхозы	34.954	13,8	16,1	34.954	13,8	16,1
Комассация полос	102.997	40,9	58,9	102.997	40,9	58,9
Многопольные севообороты	109.000	56,0	56,0	109.997	56,5	56,5
Совхозы	14.000	100,0	100,0	14 000	100,0	100,0
Отвод земли городам, учреждениям, предприятиям для их спец. целей .	3.511	—	—	3 511	—	—
Земельная инвентаризация	121.800	—	—	121.810	—	—
В том числе земельный кадастр. . .	46.000	—	—	46.750	—	—

Суммарная стоимость землеустроительных работ исчисляется в 512 млн. руб. по отправному и в 524 млн. руб. по оптимальному варианту (в неизменных ценах). Но центр тяжести землеустроительных работ лежит, быть может, не столько в количественных масштабах, сколько в необходимости новой организации этого дела и установления новых подходов к нему в связи с крупнейшими задачами по коллективизации и механизации сельского хозяйства. В проектируемом пятилетии необходимо перейти от бессистемного землеустройства по заказу отдельных селений

к плановому землеустройству крупных земельных массивов. В районах механизируемого земледелия организущей идеей землеустройства должны стать те машинотракторные станции, о которых шла речь выше. Само собой разумеется, что плановое землеустройство должно быть гораздо более увязано также и с новыми программами дорожного строительства и механизацией безрельсового транспорта, которая неизбежно последует за широким внедрением тракторов и машин в сельское хозяйство.

Мелиоративными работами в предстоящем пятилетии будет охвачено свыше 2 млн. га, не считая крупных ирригационных работ в Средней Азии и Закавказьи, связанных с культурой хлопка. Около 80% мелиоративных работ приходится на осушение и связано с увеличением кормовой площади в районах интенсивного животноводства. Около 400 тыс. га падает на оросительную мелиорацию, т.-е. главным образом, на оазисное орошение в засушливых районах Турксиба. Наконец, в этом же пятилетии будет положено начало разрешению громадной ирригационной проблемы Поволжья путем организации опытного орошения на площади около 30 тыс. га, а также продолжатся большие изыскания для крупных ирригационных работ в районе Нижнего Днепра. Общая стоимость мелиоративных работ исчисляется около 315 млн. руб. по отправному и 488 по оптимальному варианту, в том числе около 180 млн. и 300 млн. руб. за счет государства.

Общий масштаб крупных ирригационных работ, связанных с культурой хлопка в нашей стране, виден из следующих данных:

	Прирост площ. в пред. пятилетии в тыс. га			Стоимость работ в пределах пятилетия	
	Ирригац. подг.	Освоен.	Хлопков.	Без средств населения	Со средствами населения
				в тыс. руб	
Отправной вариант					
Средняя Азия и Каз ССР	547,6	438,8	199,9	194,2	211,2
ЗСФСР	240,00	214,5	65,2	71,7	74,8
Оптимальный вариант					
Средняя Азия и Каз ССР	654,7	508,5	247,1	240,8	260,6
ЗСФСР	309,1	269,5	77,2	94,6	99,3

Пятилетний народнохозяйственный план исходит из необходимости по отправному варианту довести внутреннее производство хлопка до 16,8 млн. центн. и по оптимальному варианту до 19,1 млн.

центн., иными словами, в первом случае значительно ограничить, а во втором почти устранить нашу зависимость от импортного хлопка, освобождая этим валютные ресурсы страны для импорта оборудования. Громадное значение этой задачи, размах и срочность ирригационных работ, большой об'ем вкладываемых ресурсов, крайне недостаточная научно-техническая организация этого дела в настоящее время требуют к нему большого напряженного внимания. Весь комплекс ирригационных строительств, связанных с культурой хлопка, должен стоять в течение всего пятилетия в поле зрения руководящих органов страны на ряду с такими задачами, как Днепрострой, металлургическое строительство и т. п.

Нет нужды подчеркивать, что в ряду проблем, связанных с организацией территории, крупнейшее значение приобретает вопрос о намечаемой распашке новых земель примерно в 12—15 млн. *га*. Опираясь на механизацию сельского хозяйства, план предполагает в процессе этой распашки дальнейший охват земель восточной части страны. Но одновременно с этим тот новый фактор, который входит в земледелие в лице химизации, позволяет серьезно поставить вопрос об увеличении пахотных земель за счет пустошей и малопродуктивных в них деревенских лесных угодий в потребляющей полосе. Само собой разумеется, что это дело требует надлежащего согласования с планами лесного хозяйства.

Одним из серьезнейших рычагов в реконструкции всего сельскохозяйственного производства и всего строя крестьянского хозяйства является намечаемая на пятилетие программа машиноснабжения, которая должна увеличить общую стоимость сельскохозяйственных машин в стране примерно с 1 мрд. руб. в начале пятилетия до 2,4 мрд., а вместе с тракторами примерно до 3 мрд. рублей в конце пятилетия. Если учесть, что на это же пятилетие (в связи с строительством обобществленного сектора) падает задача значительно увеличить загрузку сельскохозяйственных машин и машиноиспользование, то реальная производственная мощность машин в сельском хозяйстве вырастет не в 3 раза, а значительно больше. В намечаемом плане реконструкции сельского хозяйства проблема машинизации, с одной стороны, проблема коллективизации в кооперации, с другой стороны, являются органически между собою связанными, двумя аспектами одной общей программы технического и социального переустройства крестьянского хозяйства. Управление этим рычагом, рычагом машинизации сельскохозяйственного производства, в свете задач социалистического переустройства деревни является делом особой важности и особой ответственности.

Наконец, крупнейшим фактором реконструкции сельского хозяйства в предстоящем пятилетии является вновь вступающая сила в лице организуемой в стране химической промышленности. В настоящее время СССР с его производством

всего около 260 тыс. тонн суперфосфата и около 360 тыс. тонн всех минеральных удобрений стоит едва ли не на последнем месте в ряду стран, потребляющих минеральные удобрения. Внедрение в сельское хозяйство к концу пятилетия 5 млн. тонн минеральных удобрений по отправному варианту и 7 млн. тонн по оптимальному радикально меняет положение вещей, и по абсолютным размерам потребляемых минеральных удобрений ставит СССР на значительно более видное место в ряду передовых стран. Стопроцентное покрытие минеральными удобрениями площадей под хлопком, сахарной свеклой и льном, шестипроцентное покрытие площадей под зерновыми культурами и та специальная роль, которую минеральные удобрения могут сыграть в расширении посевов зерновых культур на пустующих землях центральных районов страны,— все это в целом выступает как фактор первоклассного значения в улучшении производственных условий нашего сельского хозяйства.

Совершенно ясно, что в цепи этих строительных задач в области реконструкции сельского хозяйства особое место занимает тот комплекс перерабатывающих предприятий, который обычно носит название индустриализации сельского хозяйства и в который намечено вложить по всей линии около 1,5 мрд. руб за пятилетие. Сюда относится, прежде всего, сахарная промышленность, с ее вложениями около 350 млн. руб., мельничная — около 200 млн. руб. молочная и мясная — около 150 млн. руб., яично-птичная — около 125 млн. руб., проработка льна, пеньки и кенафа — около 75 млн. руб. и садово-огородная — около 60 млн. руб. Продукция промышленности на сел.-хоз. сырье вырастает за пятилетие с 1,2 мрд. руб., примерно, до 2—3,5 мрд. руб. Здесь также встают большие организационные вопросы, разрешение которых, в конечном счете, должно повести к усилению роли коллективизирующегося и кооперирующегося крестьянства в строительстве этих отраслей промышленности.

Нечего говорить, какое значение приобретает при всех этих мероприятиях вопрос о правильной селекции семян и о снабжении всего сельского хозяйства чистосортными семенами. В этом отношении крупную роль в реорганизации крестьянского хозяйства должны сыграть совхозы, которые станут питомниками высокосортных семян в массовом масштабе и будут теми резервуарами, за счет которых произойдет систематическое улучшение семенных ресурсов крестьянского хозяйства.

Таковы важнейшие звенья строительной программы в области сельского хозяйства. Они, разумеется, нисколько не умаляют значения тех простейших мероприятий в борьбе за культурное земледелие, о которых много и правильно говорилось в обоснование декрета ЦИКа СССР о под'еме урожайности в нашей стране. Само собой разумеется, что все эти крупные строительные линии окажутся неэффективными или недостаточно эфф--

тивными, если не будет сопутствовать производственный под'ем, нарастание заинтересованности и усилий многомиллионных масс бедняцко-середняцкого крестьянства. Именно, опираясь на сочетание этих больших строительных линий с усилиями поднимающихся масс крестьянства, построены те производственные эффекты, которые включены в балансовые расчеты плана (20-процентное расширение всех посевных площадей, 17 и 25-процентный под'ем урожайности за остающиеся четыре года пятилетия, рост валовых сборов, товарности и т. п.).

Принятое направление в строительстве обобществленного сектора и в под'еме зернового хозяйства вообще приведет к значительному повышению удельного веса восточных районов страны, к некоторому росту удельного веса Поволжья и некоторому сокращению удельного веса Украины и Сев. Кавказа при абсолютном росте их сельскохозяйственного производства. При этом Украина и Сев. Кавказ к концу пятилетия должны будут перестать играть роль поставщиков зерна в центральные области и превратятся в экспортные районы по преимуществу, в то время как снабжение центральных областей ляжет на плечи Поволжья и более далеких восточных районов страны.

Намеченные в результате этой строительной программы темпы роста сельскохозяйственного производства и его качественных показателей (урожайность и др.) достаточно красноречиво говорят о глубине и эффективности реконструктивных сдвигов в сельскохозяйственном производстве. Но не менее красноречиво говорят об этом и показатели энергетики земледелия на начало и конец пятилетия.

Энерговооруженность сел.-хоз. труда

	1927/28	1932/33	Прирост в %
На 1 раб. всей энергии (квтч.) .	323	391	+ 20,9
В том числе:			
Всей механическ.	27,0	74,1	+ 174,2
Электроэнергии	0,84	3,0	+ 456,0

Значительный (но все еще недостаточный) шаг вперед в повышении энерговооруженности труда в сельском хозяйстве здесь совершенно очевиден. Это есть одно из решающих звеньев, за которое мы должны тянуть вперед всю цепь нашего народнохозяйственного развития. Внимание к повышению энерговооруженности труда в сельском хозяйстве в свете задач социалистического переустройства деревни и уничтожения противоречий между городом и деревней должно быть первейшей обязанностью наших перспективных хозяйственных планов.

9. План реконструкции и нового строительства на транспорте

Совершенно естественно, что при том росте материального производства в стране, которое запроектировано обоими вариантами пятилетнего плана и при намеченном вовлечении в общий народнохозяйственный оборот новых районов, народное хозяйство пред'являет к транспорту вообще и к железным дорогам, в особенности, большие требования, от удовлетворительного выполнения которых в значительной мере зависит судьба всего перспективного плана. Решающим звеном плана и по роли в товарообороте и по программе реконструкции и нового строительства остается для всего пятилетия жел.-дор. транспорт, важнейшие проблемы которого и должны занять центральное место по трактовке строительной программы транспорта.

Эта роль жел.-дор. транспорта накладывает свою печать и на распределение намеченных для пятилетия капитальных вложений во все виды транспорта. Из общей суммы капиталовложений на транспорте по расчетам отправного варианта 5,4 мрд. руб. почти 4,3 мрд. руб. идет по линии железных дорог, 130 млн. по водопути, 140 млн. по морским торговым портам, около 350 млн. руб. по шоссейным и грунтовым дорогам и около 225 млн. руб. по судостроению Соответственно по оптимальному варианту из общей суммы в 6 мрд. руб. на капитальные вложения около 5 мрд. руб. идет на железные дороги. В пределах самого жел.-дор. транспорта по расчетам отправного варианта окого 3 мрд. руб. идет на реконструкцию существующей сети и около 1,3 мрд. на новое жел.-дор. строительство, а по оптимальному варианту около 3,4 мрд. на реконструкцию и около 1,7 мрд. руб. на новое жел.-дор. строительство. Таким образом, реконструкция существующего жел.-дор. транспорта является доминирующей частью всей строительной программы транспорта.

Первым элементом реконструкции работы существующего жел.-дор. транспорта является перевод всего товарного движения на мощные паровозы серии „Э“ (80-тонные), для чего потребуется введение в действие около 2.300 новых паровозов. На ряду с этим, в опытном порядке для подготовки к решению задач, выходящих за пределы пятилетия намечен ввод в работу около 50 более мощных (100-тонных) паровозов. Вторым элементом реконструкции является расширение и реорганизация состава парка товарных вагонов, которые должны быть увеличены в своем составе, примерно, на 130 тыс. единиц (в двуосном измерении) с увеличения удельного веса большегрузных вагонов с 5% в настоящее время, примерно, до 20% к концу пятилетия, т.-е. довести их число до 60 тыс. единиц. К этому надлежит прибавить задачи пополнения парка полувагонами и площадками. Третьим элементом плана реконструкции железных дорог является вопрос о переходе на автоматическую сцепку.

Всесторонний анализ этого вопроса заставляет в расчетах отправного варианта наметить лишь подготовку к этой операции (выбор типа и заказ автосцепок, подготовка вагонного парка, испытание замкнутых маршрутных, например, Донбасс — Кривой Рог, Магнитная — Кузбасс и т. п.) с тем, чтобы вся операция была осуществлена в следующем пятилетии. Расчеты оптимального варианта намечают осуществление этой операции уже в последний год проектируемого пятилетия. Четвертым элементом является проблема автоторможения в товарных поездах, которая уже по расчетам отправного варианта должна быть полностью решена в это пятилетие. В качестве расширения опытов намечается перевод участка Сталинград—Тихорецкая (с плохим водоснабжением) на тепловозную тягу. Наконец, электрификация жел.-дор. движения должна быть в течение ближайшего пятилетия представлена на Сурамском перевале Закавказских железных дорог, на Минераловодской ветке и на одном из более крупных участков в роде Кизеловской ветки на Урале или Лиман—Харьков. Эта последняя задача—электрификация жел.-дор. движения—требует еще огромных усилий для того, чтобы она прочно вошла в арсенал реконструкционных идей и строительной практики в нашем жел.-дор. хозяйстве.

Эта реконструкционная программа в области жел.-дор. транспорта на ближайшее пятилетие, как ни скромна она на первый взгляд, является достаточно трудной и должна гарантировать большой шаг вперед в организации жел.-дор. хозяйства. Достаточно указать, что при осуществлении этой программы коэфициент эксплоатации на железных дорогах понижается с 76 в начале пятилетия до 63 в конце пятилетия, себестоимость перевозок падает, примерно, на 25%. Вот почему эта программа капиталовложений в реконструкцию существующих жел.-дор. сетей должна быть гарантирована.

Анализ грузовых потоков в перспективе ближайщего пятилетия с особой силой выдвигает два решающих для народнохозяйственной жизни страны направления, на которых грузооборот либо подходит к пределу пропускной способности дорог, либо явно превышает ее к концу пятилетия. Здесь имеются в виду линии, соединяющие Донбасс с Москвой и Ленинградом, с одной стороны, и Сибирское направление—с другой стороны. На этих двух проблемах с особой остротой встает и крупнейший вопрос всей нашей транспортной политики о концентрации грузовых потоков и радикальном удешевлении себестоимости перевозок массовых грузов. С точки зрения генерального плана реконструкции народного хозяйства вообще и транспортных связей его в частности единственно правильным решением обоих этих вопросов является концентрация грузовых потоков на реконструируемых или вновь создаваемых линиях сверхмагистрального типа. Однако, в ближайшее пятилетие эта задача разрешена быть не может. Решение транспортных задач на этих направлениях в проектируемом пятилетии

будет осуществляться комбинированным путем, т.-е. частично будет применен и даже расширен метод использования распыленных потоков и частично будут осуществляться подготовительные работы и заниматься первые позиции сверхмагистрализации этих направлений.

Грузооборот между Донбассом и Москвой, Донбассом и Ленинградом на протяжении проектируемого пятилетия при условии затрат, примерно, в 100 млн. руб. (расширение узлов, достройка и постройка ряда линий типа Орша—Унеча, Вязьма—Брянск) может быть обеспечен транспортными ресурсами, методом распыленного потока, однако, без заметного снижения себестоимости транспортных услуг. Это решение тем более неизбежно, что проблема сверхмагистрализации этих линий (электрификация Курской жел. дор. или сооружение сверхмагистрали Москва—Воронеж—Донбасс) еще не разрешена окончательно. Однако, уже в отправной вариант плана вносится ассигнование порядка 60—70 млн. руб. на окончание изысканий и приступ к работам в конце пятилетия с тем, чтобы решение задачи в целом было осуществлено уже во втором пятилетии.

Что касается Сибирской магистрали и выходов из Сибири на Москву и Ленинград, то грузооборот здесь к концу пятилетия вырастает до пределов, превышающих наличные пропускные способности жел. дор. Всестороннее исследование этого вопроса приводит к убеждению о громадном исключительном народнохозяйственном значении сверхмагистрализации Сибирского направления. В пятилетний план включен ряд работ, составляющих последовательные этапы в решении этой задачи. В течение первых трех лет заканчивается постройка новой дороги Курган—Свердловск с переустройством существующего участка Синарское—Шадринск. Это новое направление трассируется с пологими уклонами, равно как смягчается уклон и на участке Сибирской магистрали Курган—Новосибирск. В этой же связи стоит постройка на выходах к западу от Урала второго пути на Казанской дороге от Свердловска до Шемордана и новой линии от Шемордана до Нижнего Новгорода с двупутным мостом через Волгу. Общая стоимость этих работ в проектируемом пятилетии измеряется суммой порядка 175 млн. рублей.

На ряду с этой программой реконструкции существующего жел.-дор. транспорта стоит и план нового строительства железных дорог. СССР располагает в настоящее время 76 тыс. километров жел.-дор. линий, что превышает, примерно, на 30% действовавшие жел.-дор. линии в нынешних пределах страны в 1913 г. В постройке находится около 3,6 тыс. *км*. В течение пятилетия по расчетам отправного варианта предполагается начать сооружение 16 тыс. *км* с тем, чтобы к концу пятилетия было сдано в эксплоатацию 14,3 тыс. *км*, что доведет протяжение жел.-дор. линий почти до 92 тыс. *км*. Соответственно по расчетам оптимального варианта намечено начать постройкой 19,5 тыс. *км*. Из общего протяжения

тех 14,3 тыс. *км*, которые должны быть сданы в эксплоатацию к концу проектируемого пятилетия, 48% составят линии, устанавливающие и улучшающие межрайонную связь, и 52% падает на местные линии, под'ездные пути и т. п.

Все новое жел.-дор. строительство проектируемого пятилетия может быть сгруппировано в следующем виде:

а) Лесовозные и отчасти колонизационные линии дадут около 2,8 тыс. *км*, из которых нужно отметить линию, соединяющую ЦПО с Печорским краем (срединный ее участок Усть-Сысольск — Котлас заканчивается в это пятилетие), и Енисейскую дорогу в Сибири, не называя здесь ряда мелких лесовозных линий в западных районах Европейской России, Урала, Кавказа и Дальнего Востока. Что касается большой лесовозной магистрали Котлас—Сорока, то вопрос с ней пока оставлен открытым, так как требует дополнительного исследования.

б) Сельскохозяйственные и отчасти колонизационные линии дадут около 6,8 тыс. *км*, из которых важнейшими являются: Туркестано-Сибирская магистраль, заканчиваемая в середине пятилетия, Боровое—Акмолинск и Орск—Актюбинск в Казакстане, далее цепь сельскохозяйственных линий (Троицк—Орск, Оренбург—Уральск и Саратов—Миллерово), которые образуют межрайонную магистраль, соединяющую Южный Урал и Поволжье с портами Азовского моря, большая магистраль Западного Урала на участках Пермь—Уфа и Уфа—Оренбург, которая на ряду с промышленным будет иметь также крупнейшее сельскохозяйственное значение; на ряду с этим ряд сельскохозяйственных линий осуществляется на Украине (Федоровка—Скадовск, Армянск—Херсон), в Средней Азии (Чарджуй—Хива, Термез—Дюшамбе и др.).

в) Горнопромышленная и промышленные линии дадут около 1,7 тыс. *км*, которые связаны, главным образом, с обслуживанием новых угольных месторождений Урала, Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока, а также идущие от месторождений цветных металлов, химического сырья (Вятская фосфоритная дорога) и т. п.

г) Разгружающие и спрямляющие линии—около 2,6 тыс. *км*.

Таковы важнейшие моменты реконструкции и нового строительства в области жел.-дор. транспорта. Не может быть сомнений в том, что уже на проектируемое пятилетие намечена большая и ответственная программа в области жел.-дор. транспорта, хотя, разумеется, транспортное строительство того масштаба, какой нужен нашей стране, придет лишь за пределами проектируемого пятилетия, когда оно сможет опереться на более мощные плечи нашей тяжелой индустрии.

Превалирующее значение жел.-дор. транспорта в общей программе реконструкции и нового строительства, совершенно неизбежное на ближайшем этапе нашего развития, не должно, однако, заслонять собой значительных и трудных задач, стоящих перед нами по строительству других видов транспорта. Капитальные вложения

по водопути порядка 130 млн. руб. по отправному и 210 млн. руб. по оптимальному варианту и затраты на речное судостроение от 130 до 180 млн. руб. за этот же период дадут возможность несколько упрочить позиции нашего водного транспорта, поднять водные перевозки и концентрировать их в руках государственных пароходств. На ряду с этим уже расчеты отправного варианта намечают около 75 млн. руб. на приступ со середины проектируемого пятилетия к сооружению Волго-Донского канала, который должен быть закончен к середине следующего пятилетия и который войдет, как могучий фактор в общую систему транспортных ресурсов страны. Капитальные вложения в морские торговые порты намечены в масштабе 140—170 млн. руб. и в морское судостроение в сумме 100—175 млн. руб. по обоим вариантам плана.

В качестве крупного фактора в реконструкции нашего сельского хозяйства и в повышении его производительных сил должно выступить в пятилетие значительное развитие улучшенных шоссейных и грунтовых дорог. Это один из наиболее слабых участков нашего строительства, крайне плохо организованный. Пятилетний план намечает ассигнование на это дело от 350 до 400 млн. руб. по НКПСу и около 700 млн. руб. по местному бюджету, а всего свыше 1 мрд. руб., и выдвигает с особой настойчивостью необходимость придать этому делу совершенно иной организационный размах, рассчитанный на вовлечение инициативы и самодеятельности многочисленных хозяйственных организаций и самого населения. Наконец, около 100 млн. руб. в пятилетие предположено вложить в развитие находящейся еще в зачаточном состоянии гражданской авиации в стране.

Строительная программа на транспорте, масштаб которой, разумеется, меньше, чем масштаб строительной программы в государственной индустрии, все же представляет собой задачу, для разрешения которой потребуются весьма большие усилия финансового и организационно-технического порядка. Нужно помнить, что и при выполнении этой программы мы едва удержимся на уровне современной обслуженности транспортом нашей страны, не делая ни шага вперед в приближении к тому уровню обслуженности транспортом, какой характерен для передовых стран Европы и Америки. Но с точки зрения внутренней организованности транспорта и усиления его в народнохозяйственной жизни страны запроектированная программа гарантирует нам значительный шаг вперед. Некоторым свидетельством об этом (на ряду с ростом перевозок, снижением себестоимости транспортных услуг и т. п.) могут служить энергетические показатели транспорта:

	1927/28	1932/33	Прирост в %
На 1 раб. мощн. перв. двиг. (квтч.) . . .	6,0	8,8	+ 47
На 1 чел.-час работы потреблено энергии (квтч.)	2,0	3,2	+ 60
На 1 раб. потреблено энергии (квтч.) .	4.030	6.260	+ 55

Как видно из этих данных, энергетическая мощность транспорта значительно вырастает.

10. Программа жилищного строительства

Жилищный фонд городов измеряется в настоящее время примерно в 160 млн. *кв. м* и оценивается в 13 с лишним миллиардов рублей, что составляет 18% в общей сумме основных фондов страны. Строительная программа пятилетия предполагает по отправному варианту доведение жилищного фонда до 204 млн. *кв. м* и по оптимальному до 213 млн. *кв. м*, а в обобществленном секторе с 75 млн. *кв. м* в настоящее время до 107 или 114 млн. *кв. м* к концу пятилетия, что поднимет стоимость этого фонда до 18,8 мрд. руб. по отправному и 20,0 мрд. руб. по оптимальному. Общая сумма затрат на городское жилищное строительство за пятилетие измеряется по отправному варианту около 4,4 мрд. руб. и по оптимальному около 5 мрд. руб.

Это строительная программа в жилищном деле исходит из задачи поднять душевую обеспеченность жилой площадью у промышленных рабочих с 5,5 *м* в начале пятилетия до 6,9 *м* по отправному и до 7,3 *м* по оптимальному варианту на конец пятилетия, у всего городского населения с 5,7 *м* до 6 или до 6,3 *м* при стабильности душевой обеспеченности в частном секторе и при росте ее во всем обобществленном секторе с 5,9 *м* до 6,5 *м* и 7 *м* в последний год пятилетия.

В рамках этого общего плана жилищного строительства в процессе дальнейшей работы должна быть специально взвешена возможность дать гораздо больший размах строительству в мощных индустриальных центрах, не опирающихся на большое городское хозяйство (Донбасс, Урал, отчасти Иваново-Вознесенский район). Во всяком случае жилищная программа так же, как и всякая другая, должна получить свою районную трактовку и должна отразить в ней ударные задачи индустриального развития страны.

Само собой разумеется, что в жилищном деле остро встают свои проблемы реконструкции и рационализации, которые должны исходить из необходимости приспособления жилищ к новым условиям социалистического общежития и из усвоения лучших образцов европейской техники в этом деле. Та неслыханная рутина и косность, которые до настоящего времени царят в нашем жилищном строительстве, должны получить в ходе осуществления перспективного плана серьезный удар со стороны образцовых жилищных организаций и целых районов, которые должны создать нужный нам тип дешевого и рационального жилища. Нечего говорить, что при 4 или 5-миллиардных вложениях в жилищное строительство советских городов является совершенно необходимым выделение достаточных средств

на специальный институт, который своими работами внес бы в жилищное строительство минимальные начала научной организации.

В соответствии с этой программой жилищного строительства развивается и коммунальное дело, которое в течение пятилетия должно будет поглотить около 1.500 млн. руб. капитальных вложений по отправному и 1.600 млн. руб. по оптимальному варианту. При этом программа коммунального строительства должна включить в свой состав и те новые ростки городского быта, которые связаны с проблемами общественного питания, клубного дела и т. п.

Наконец, в пятилетней программе в процессе дальнейшей работы следует наметить некоторые подступы к вмешательству в сельское жилищное строительство, хотя бы на первой стадии, путем выработки некоторых нормальных типов жилищ для различных районов страны, организации технической консультации и широкой организации правильного снабжения строительными материалами.

11. Об условиях осуществления строительной программы пятилетия

В предшествующем изложении были даны лишь важнейшие узловые моменты строительной программы пятилетия, громадный размах и сложное сцепление составных элементов которой представляются совершенно очевидными. Основной чертеж технико-экономического плана страны на ближайшее пятилетие налицо, внутренняя связь его частей выступает с достаточной отчетливостью. Это есть план радикальной перестройки производственного остова страны, план решительного повышения ее энерговооруженности на путях индустриализации и обобществления. Но, вместе с тем, это есть план громадного испытания для технических кадров и организационных сил СССР. Это испытание может быть и будет надлежащим образом выдержано лишь при том условии, если все предпосылки для осуществления строительной программы будут тщательно продуманы и в пределах наших возможностей воплощены в действительность.

В ряду этих предпосылок успешного решения задач строительной программы, прежде всего, необходимо назвать проблему правильной постановки проектирования и проектировочных организаций в стране. Истекший период прошел в полосе так называемого беспроектного строительства, отрицательные уроки которого у всех перед глазами. Новое пятилетие должно итти под лозунгом великолепной постановки в стране проектного дела и на основе этого дешевого и быстрого по срокам строительства. Вот почему вся система проектирующих организаций должна быть взята под особое покровительство и в связи с необходимостью перенести к нам лучшие достижения мировой техники должна полу-

чить все возможности для усвоения не только того, что достигнуто в передовых странах Европы и Америки, но и того, куда идет технический прогресс во всех отраслях хозяйства.

Наша страна совершает беспримерный опыт громадного капитального строительства за счет текущих накоплений, за счет жестокого режима экономии и отказа в удовлетворении потребностей сегодняшнего дня во имя великих исторических задач. Это обязывает к исключительной осмотрительности в деле капитальных вложений и величайшей обоснованности каждого из конкретных строительств. Вот почему на ряду с правильной организацией проектного дела внутри должна быть значительно расширена практика заграничной экспертизы по всем крупным сооружениям, с такой, однако, организацией, чтобы самый процесс экспертизы был школой для молодых кадров строителей в нашей стране.

Далее надо со всей решительностью указать, что намеченная строительная программа пятилетия не может быть удовлетворительно осуществлена без радикальной реорганизации всего строительного дела, всего строительного процесса в стране. Строительное дело в стране должно быть индустриализировано, оно должно вырасти в мощную строительную индустрию. При той некультурности, которая в большой мере характерна для всего истекшего периода в нашем капитальном строительстве, не могут быть в короткий срок предстоящего пятилетия успешно разрешены намечаемые для него великие строительные задачи. Вот почему проблема рационализации строительного дела на основе опыта передовых индустриальных стран должна быть поставлена в ряду важнейших предпосылок, необходимых для осуществления всего пятилетнего плана.

Из всего предшествующего изложения, в частности, из того разграничения, которое установлено между отправным и оптимальным вариантами, явствует в достаточной мере, что строительная программа пятилетия опирается на дальнейшее (и по расчетам оптимального варианта на достаточно крупное) расширение связей с мировым хозяйством, на большие контингенты импортного оборудования. Достаточно указать, что металлическая промышленность в масштабах оптимального варианта потребует импортного оборудования примерно на 800 млн. руб. с обязательством ввоза не только отдельных машин, но целых аггрегатов и даже целых цехов. Такие же требования пред'явит химическая промышленность, электростроительство и отчасти сельское хозяйство. Вот почему программа оптимального варианта требует энергичной активизации нашей работы по усилению экспорта, по накоплению валютных ресурсов и по привлечению долгосрочных иностранных кредитов, в размерах, значительно превышающих нынешние.

Строительная программа, как она запроектирована в пятилетнем народнохозяйственном плане, вырастает (в особенности при учете крайне ограниченных сроков) в настоящий план великих работ, в боевой фронт строительства в подлинном смысле слова. Только великий строительный под'ем и железная дисциплина на этом фронте могут разрешить его огромные и исключительно трудные задачи.

II. Проблема квалифицированных кадров

Эта громадная строительная программа, которая должна радикально изменить тип и условия производства в нашей стране, построенная на освоении по широкому фронту новейших достижений и лучших образцов мировой техники, во весь рост ставит вопрос о новых кадрах, о новом поколении строителей, которое должно стать носителем технической и социальной реконструкции нашей страны. Можно без преувеличения сказать, что все наше перспективное планирование до настоящего времени имело тот основной порок, что эту проблему подготовки кадров оставляло без надлежащего рассмотрения, не ставило ее в первом ряду решающих предпосылок, необходимых для осуществления перспективных планов. При всей недостаточности материалов, при всем разнобое в принципиальных подходах, при всей сложности и трудности этого дела проблема обеспечения намеченного народнохозяйственного строительства надежными квалифицированными кадрами должна быть поставлена во весь рост и во всем своем значении.

1. Квалифицированные кадры в индустрии

Здесь, прежде всего, встает вопрос об инженерах и техниках. Всем известна директива руководящих органов страны о необходимости добиться удвоения удельного веса инженеров по отношению ко всему числу рабочих и о доведении числа техников до полуторного отношения к числу инженеров. Наличие и рост потребностей инженеров в государственной индустрии СССР могут быть иллюстрированы следующей справкой:

Группы	Занято в 1927/28 г.	Будет необходимо в 1932/33 г.	Прирост в %	Сохранится к 1932/33 г.	Понадоб. из школы
Производственная	13,1	32,3	146,5	10,6	21,7
Непроизводств. (управленческий и проектный аппарат) . . .	7,1	9,2	30,0	5,7	3,5
Всего . . .	20,2	41,5	105,4	16,3	25,2

При существующем учебном строе советских втузов они могут дать за пятилетие около 20 тыс. инженеров, на которые, однако, претендуют, на ряду с промышленностью и другие отрасли хозяйства (транспорт, торговое строительство, профтехническая школа и т. п.). Таким образом, недобор по инженерским кадрам в течение пятилетия может быть определен не менее чем в 15 тыс. человек. Исходя из этого, а также учитывая то громадное внимание, которое делу подготовки инженерских кадров уделяют наши капиталистические антагонисты (С.-А.С.Ш. за последний период выпускают не меньше 20 тыс. инженеров ежегодно), необходимо со всей энергией поставить вопрос о повышении тонуса учебной жизни наших втузов. Надо иметь в виду, что в настоящее время втузы ежегодно оканчивает только около 8% общего контингента учащихся, при чем в силу многообразных причин на практике происходит затягивание учебной жизни. Нужно добиться увеличения продуктивности втузов по крайней мере до 12%, поставив ход учебной жизни, дисциплину труда, целеустремленность работы в полное соответствие с той великой строительной программой, в унисон с которой должна итти жизнь высшей школы страны. Но этого мало. Необходимо дальше исследовать вопрос о возможности некоторого изменения самой системы подготовки специалистов в сторону сокращения сроков этой подготовки. То обстоятельство, что эволюция современного высшего технического образования идет в сторону большего технического универсализма нисколько не мешает, на ряду с усвоением этой тенденции, форсированно готовит те кадры инженеров узкой специальности, в которых ощущается острый недостаток в нашей стране.

Дело подготовки техников осложняется тем обстоятельством, что в этой области мы получили крайне слабое наследство от прошлого в системе учебных заведений страны. Это обязывает с тем большей энергией налечь на это наиболее слабое звено в общей цепи подготовки квалифицированных кадров для индустрии. В настоящее время в стране имеется около 20 тыс. техников, к концу пятилетия их необходимо иметь около 60 тыс. Существующая школьная сеть может дать около 6 тыс. техников ежегодно. Здесь встает необходимость в особенности для пополнения кадров техников широко развить систему обучения через вечерние рабочие техникумы или равнозначащие им курсы по переподготовке, черпая, таким образом, из среды наиболее передовых, наиболее развитых индустриально рабочих новые кадры среднего командного состава нашей индустрии. И, разумеется, с этой точки зрения совершенно недостаточной является та существующая сеть вечерних рабочих техникумов, которая охватывает всего 10 тыс. учащихся, из которых лишь 1½ тыс. в год заканчивает обучение. Переход на 7-часовой рабочий день открывает здесь огромные воз.

можности для дополнительного обучения и настоящего выдвижения квалифицированных рабочих.

Трудным и недостаточно ясным представляется вопрос о создании кадров квалифицированной рабочей силы. Соотношение между квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой у нас и в Германии представляется в следующем виде:

Отрасли промышленности	Группы рабочих	Занято			
		СССР—1927/28 г.		Германия—1926 г.	
		Абсол. в тыс.	Удельный вес в % ко всему числу рабочих	Абсол. в тыс.	Удельный вес в % ко всему числу рабочих
Вся промышленность [1]	квалиф.	869,7	41,3	3.913,4	62,6
	неквал.	1.208,9	58,7	2.333,0	37,4
В том числе:					
Добывание и обработка минералов	квалиф.	43,3	28,0	344,8	40,3
	неквал.	111,3	72,0	362,1	59,7
Горная и горнозаводская	квалиф.	237,4	42,6	901,4	74,4
	неквал.	319,9	57,4	309,4	26,6
Обработка металлов	квалиф.	63,2	46,1	326,5	60,5
	неквал.	62,2	53,9	215,4	39,5
Машиностроение	квалиф.	161,9	55,3	1.085,0	74,8
	неквал.	147,1	44,7	367,2	35,2
Химия	квалиф.	20,3	25,0	72,4	24,2
	неквал.	61,1	75,0	222,7	75,8
Текстиль	квалиф.	298,8	43,5	413,9	60,7
	неквал.	388,2	56,5	266,8	39,3

Существует представление, что тот характер технической реконструкции промышленности, который намечен в нашем перспективном плане, не потребует дальнейшего усиления удельного веса квалифицированных рабочих в общем строе рабочей массы нашей промышленности. Едва ли это представление в такой категорической форме правильно. Но независимо от этих спорных моментов не подлежит сомнению одно, а именно необходимость поднять на новый технический (и, разумеется, культурный) уровень весь основной кадр нашей квалифицированной рабочей силы, дабы сделать ее способной воспринять то новое оборудование, тот новый строй производства, который будет в результате 11—13 миллиардных вложений в промышленность. Уже и в настоящее время с каждым новым шагом

[1] По СССР — промышленность, управляемая ВСНХ, по Германии — крупная (по строению аналогичная первой).

по пути реконструкции промышленности достаточно остро ощущается нарастающая диспропорция между совершенством вновь устанавливаемого оборудования и недостаточностью технической культуры окружающих это оборудование рабочих кадров. Вот почему минимальной программой в области подготовки квалифицированных рабочих является та, которая измеряет контингент подлежащих обучению и переобучению от 1 до 1,3 млн. человек за пятилетие.

Пропускная способность нашей учебной системы по воспроизводству квалифицированной рабочей силы может быть иллюстрирована следующими данными (по индустрии):

Тип учреждения		1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
		(В тысячах)					
ФЗУ	континг.	89,3	105,9	169,2	186,9	205,2	224.8
	продукц.	—	27,0	33,4	40,0	53,1	62,8
ЦИТ	континг.	—	11,6	17,0	24,9	27,4	33,6
	продукц.	—	11,5	16,9	24,7	26,9	32,5
Профшколы	континг.	31,0	33,8	36,4	38,9	41,3	45,1
	продукц.	—	5,6	5,6	6,8	10,7	15,9
Учреждения дополнител. образование рабочих	континг.	41,5	70,0	528,2	675,8	728,2	812,0
	продукц.	—	68,2	211,4	269,0	289,7	329,1

Даже если исходить из стабильного соотношения между квалифицированной и неквалифицированной силой промышленности, то подготовка должна дать новых квалифицированных рабочих свыше 500 тыс. человек. Таким образом, пропускная способность существующей сети не покрывает даже этой голодной потребности. Вот почему во всем своем значении встает вопрос об организации в нашей стране широкой сети по дополнительному обучению рабочих, т.-е. тот путь, на котором достигнуты значительные результаты в передовых капиталистических странах. Достаточно указать, что С.-А.С.Ш., где ежегодно обучается свыше 4 млн. подростков в школах повышенного типа, больше 500 тыс. рабочих индустрии проходит дополнительную систему обучения. Между тем, у нас, где это дело могло бы и должно было бы быть поставлено на неизмеримо большую высоту, дополнительное обучение рабочих находится еще в зачаточном состоянии. Общая сумма затрат по всей линии подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих определяется за пятилетие примерно в 1 мрд. руб. Но дело здесь не только в средствах — залог успеха в новой организации этого крайне важного фронта наших работ.

2. Квалифицированные кадры в строительном деле

Следует особо подчеркнуть в общем плане воспроизводства квалифицированной силы наиболее отсталый участок — строительное дело. Громадные задачи по рационализации строительства, по снижению его стоимости требуют внимания не только к тем новым строительным машинам и механизмам, которые будут введены в наш строительный процесс, но и к живым агентам этого дела. По имеющимся расчетам, общая потребность квалифицированных строительных рабочих измеряется за пятилетие, примерно, в 250 тыс. человек. Специфические особенности состава строительных рабочих и сезонный характер их работы придают особую трудность делу подготовки новых квалифицированных рабочих и особенно повышение квалификации старых. Следующие данные показывают, как предположено разрешить эту задачу.

Типы учреждений	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Всего
Стройуч.	0,7	1,5	3,4	5,2	6,0	16,8
ЦИТ	12,2	15,0	19,0	22,5	26,0	94,7
Учреждения дополн. образов. рабоч.	27,6	25,0	17,8	20,8	20,0	112,2
Потребность в квалифицированных рабочих	40,5	41,5	40,2	48,5	52,0	233,7
Общее покрытие	40,5	41,5	48,2	48,5	52,0	233,7

Общая стоимость за пятилетие этого дела измеряется, примерно, в 55 млн. руб.

3. Квалифицированные кадры на транспорте

Вопрос о квалифицированных кадрах на транспорте должен быть обсужден в связи с тем обстоятельством, которое отличает программу реконструкции транспорта от прочих отраслей народного хозяйства. Как известно, намечаемый по отправному варианту 60-процентный рост работы транспорт, опираясь на запроектированную реконструкцию, предполагает осуществить почти с стабильным общим кадром рабочих и служащих. В связи с этим, а также в связи с относительной простотой самой структуры квалификации на транспорте, его потребности в квалифицированной рабочей силе могут быть определены с достаточной точностью.

По расчетам 1928 г. при общем числе должностей, которые должны быть заняты инженерами, в 9,6 тыс. фактически на них находилось лишь 3,3 тыс. инженеров, а остальные должности были

заняты техниками и практиками (без дипломов). Транспортники исходят из необходимости в течение пятилетия довести общий состав инженеров до 6,4 тыс. человек. Для водного транспорта потребность в инженерах исчисляется на конец пятилетия, примерно, в 1 тыс. человек и столько же или несколько больше для местного транспорта. За вычетом того, что могут дать Московский и Ленинградский институты путей сообщения, транспорт пред'явит к общей системе втузов претензию, примерно, на 3 тыс. человек.

Общее число техников на транспорте сейчас достигает 10 тыс. человек, из которых около 40% падает на техников первого разряда. В связи с намеченной реконструкцией транспорта общее число техников должно быть доведено, примерно, до 22 тыс. человек с тем же соотношением между разрядами. Существующей системой учебных заведений эта потребность не может быть покрыта, и здесь предстоит организация добавочной сети рабочих факультетов, специальных курсов по подготовке или аналогичных организаций.

Что касается вопроса о подготовке квалифицированных рабочих на транспорте, то общая потребность в них определяется, примерно, в 447 тыс. человек, в том числе по службе тяги 290 тыс., по службе пути 153 тыс. и по службе связи 54 тыс. человек. Сколько-нибудь заметного сдвига в соотношении между квалифицированными и неквалифицированными рабочими здесь не намечается и едва ли потребуются какие-либо существенные изменения в самих формах подготовки. Задача будет заключаться лишь в дальнейшей рационализации этого дела, в усилении контингентов по школам заводского ученичества и развитии курсовой системы для взрослых рабочих.

4. Квалифицированные кадры в сельском хозяйстве

С особой настойчивостью следует приковать внимание к вопросу о квалифицированных кадрах для сельского хозяйства. Пятилетний народнохозяйственный план выступает с программой громадного под'ема всего сельского хозяйства и развертывания его звена — обобществленного сектора, опирающегося на машинную технику в весьма крупных масштабах. Пятилетний народнохозяйственный план исходит из перспективы небывалого до сих пор под'ема крестьянских масс и выхода их на широкий путь сельскохозяйственного прогресса. Это обязывает отчетливо поставить вопрос о тех квалифицированных организаторских кадрах, которые в техническом отношении будут возглавлять это движение.

В 1927/28 г. в стране существовало около 5 тыс. агропунктов, на которых работало около 9,5 тыс. агрономов разных квалификаций. К концу пятилетия необходимо довести число агрономов, примерно, до 23 тыс., т.-е. несколько больше, чем удвоить их число. Это потребует большого напряжения от существующих высших агрономических учебных заведений, но эта задача может быть только увеличена, но ни в коем случае не уменьшена. Нужно, далее, помнить, что переход на широкое применение машинной техники, переход к крупным формам хозяйства на ряду с агрономами требует большого количества квалифицированных кадров индустриальной складки и даже инженерного типа (инженеры-механизаторы). Эта же широкая машинизация пред'являет и более высокие требования к самому агроному. Поэтому перед высшей сельскохозяйственной школой стоит задача, требующая приспособления квалификации к бурно-меняющимся формам земледелия.

Кроме значительных кадров инженеров-механизаторов, для сельского хозяйства необходимо будет укомплектовоть армию квалифицированных рабочих, примерно, в 250 тыс. человек, из коих 200 тыс. приходится на трактористов и около 50 тыс. на механиков. Высокие задачи, которые ставятся в области использования машин, повышения коэфициента их полезного действия, также потребуют значительного внимания к подготовке этих кадров.

Наконец, самостоятельной проблемой встает вопрос о массовом агрикультурном воспитании крестьянства. Не может быть речи о решении задач, поставленных перед сельским хозяйством и не может быть речи о плодотворной работе агрономического персонала, если из глубины бедняцко-середняцких масс крестьянства не будет поднят большой актив передовиков, который станет носителем наших рационализаторских идей в сельскохозяйственном производстве и проводником агрикультурных знаний в самую гущу крестьянства. В коллективное хозяйство будет вовлечено около 17 млн. крестьянского населения, в числе которых свыше 5 млн. составят взрослые кадры. По крайней мере эти 5 млн. крестьян должны быть втянуты в работу над повышением своей квалификации, должны получить хотя бы элементарное агрикультурное воспитание. Эта тема должна быть тщательно продумана, для решения этой задачи должны быть найдены соответствующие организационные формы и организующие кадры.

Таковы наиболее важные ударные моменты в сложной сумме вопросов, связанных с проблемой квалифицированных кадров. Само собой разумеется, эти вопросы не могут быть разрешены без общего культурного под'ема страны, без решения задач по всеобщему обучению, по ликвидации неграмотности, без создания в стране настоящего общественного движения, направленного на форсированное культурное и техническое вооружение широчайших народных масс. Разветвленная система организаций заочного обучения, развернутая работа обществ типа „Техмасса", материально-техническое обеспечение этого дела,— все это совершенно необходимые предпосылки для успешного разрешения вопроса о кадрах, а следовательно,

и для успешного осуществления всей строительной программы пятилетия.

Это, само собой разумеется, ни в коей мере не снимает вопроса о расширении наших связей с лучшими представителями науки и техники передовых капиталистических стран. Все большее вовлечение этих заграничных сил для целей консультации, экспертизы, эпизодических курсов и, наконец, постоянной работы в нашей стране полностью учитывается в намеченной настоящим народнохозяйственным планом строительной программе. На ряду с этим, организованная, систематическая посылка наших инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих, а в дальнейшем и передовиков-крестьян для обучения на опыте и на лучших образцах хозяйства передовых капиталистических стран должна получить в ближайшие же годы возможно более широкий размах. В связи с этим стоит и вопрос о необходимости в наших экспортно-импортных и валютных планах с каждым новым годом повышать статью расходов на эти цели, как это и сделано в настоящем перспективном плане.

Однако, анализ вопроса о кадрах подводит нас и к другим, более глубоким проблемам. Условия и обстановка великого исторического соревнования, рождающейся в невероятных трудностях социалистической системы хозяйства с хозяйственной системой капитализма требуют от нас в возможно короткий срок выдвижения из среды рабочих и крестьян наиболее сильных и одаренных людей на командные позиции в народнохозяйственном строительстве. Современная наука в Западной Европе и в особенности в Америке накопила уже достаточный опыт в деле изучения профессиональной одаренности и в деле так называемого учебного выдвижения. Эти молодые ростки новой науки должны быть восприняты в нашей стране и должны найти здесь свои опорные пункты для решения крупнейших задач нашего строительства.

III. Рост материального производства и производительности народного труда

Опираясь на изложенную выше строительную программу и на связанное с ней усиление мощности производственного аппарата страны, намечен рост материального производства и производительности народного труда. Важнейшие элементы этого отчасти уже были освещены.

Здесь, прежде всего, встает вопрос о темпе роста промышленной продукции. Оба варианта пятилетки намечают на все пятилетие в общем равный рост промышленной продукции в темпах весьма высоких. Отправной вариант исходит из ежегодного прироста промышленной продукции (планируемой) примерно от 17,5% до 21,5%, оптимальный—от 21,5% до 25,2%. Нечего подчеркивать, какое гигантское значение имеет ежегодный прирост промышленной продукции в пределе 20—22% и о каком движении производительных сил и благосостояния народных масс он свидетельствует. Обеспечение этого роста промышленной продукции на первом труднейшем этапе реконструктивного периода, когда многие фундаментальные строительства будут лишь начаты и не смогут еще вступить в эксплоатацию, блестяще свидетельствовало бы о громадных потенциальных возможностях нашего организованного планового хозяйства.

Валовая продукция всей цензовой промышленности вырастает по расчетам отправного варианта на 124%, т.-е. в 2¼ раза, и по расчетам оптимального варианта на 160%; продукция же планируемой промышленности вырастает соответственно по вариантам на 135% и на 181%. В общем составе валовой продукции планируемой промышленности группа „А“ (производство средств производства) растет по отправному варианту, примерно, на 175% и по оптимальному на 235%, группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) соответственно на 109% и 144%. Таким образом, в структуре валовой продукции промышленности дан значительно обгоняющий темп роста по производству средств производства по сравнению со средней и, разумеется, по сравнению с производством предметов широкого потребления. Это целиком обусловлено форсированным темпом индустриализации страны и определяется в основном ростом таких отраслей, как металл (на 151%), топливо (на 91%), основная химия (на 348%), строительные материалы (на 202%). Однако, и группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) дает за пятилетие по отправному варианту удвоение, а по оптимальному рост почти в 2,5 раза своей валовой продукции, отвечая этим той задаче сперва смягчения, а затем и полной ликвидации товарного голода, которая является одной из весьма важных установок плана.

Мелкая промышленность во всех ее группах запроектирована в отправном варианте плана с ростом продукции, примерно, на 50%, считая в том числе рост кооперативной промышленности на 212%, что отражает собой не только общий под'ем мелкой прмышленности, но и решение больших задач по кооперированию мелкого производства.

Однако, более тщательное исследование этого крайне мало освещенного вопроса позволяет рассчитывать и по отправному варианту на более высокий рост производства в мелкой промышленности. Следует подчеркнуть, что намеченный рост производства в мелкой промышленности идет не только за счет большего вовлечения в это дело трудовых кадров, но и за счет некоторого повышения производительности труда. Пятилетний план предполагает на основе кооперирования мелкого производства снабжение его значительным количеством моторов, станков и оборудования вообще, выходящего из строя в связи с большой реконструкцией нашей круп-

ной промышленности. Развитие электрификации открывает также и перед мелкой промышленностью возможности включения ее (хотя бы частично) в состав потребителей электрической энергии. Все это, вместе взятое, нисколько не задерживая победоносного движения вперед крупной индустрии в общем промышленном производстве страны, свидетельствует, однако, о таком сочетании между крупной и мелкой индустрией, которое открывает на ближайший период значительные перспективы перед многочисленными кадрами представителей ремесленного и кустарного труда в нашей стране. Достаточно отметить, что по расчетам отправного варианта намечается рост занятой рабочей силы в мелкой промышленности на 800—900 тыс. человек. Нет нужды подчеркивать, какое это имеет значение для смягчения безработицы, которая будет еще одним из отрицательных явлений нашей хозяйственной жизни в ближайшем пятилетии.

В предшествующем изложении, в связи со строительной программой, было уже указано, какие производственные задачи ставят оба варианта плана по решающим отраслям промышленности. 17 и 22 мрд. квтч. электрической энергии, 68 и 75 млн. тонн угля, 19 и 22 млн. тонн нефти, 8 и 10 млн. тонн чугуна, 5 и 7 млн. тонн химических удобрений в последний год пятилетия,— таковы важнейшие задачи в области промышленного производства, которые задают тон всему плану и осуществлению которых в значительной мере подчинены прочие элементы этого плана. Нельзя закрывать глаза на те величайшие трудности, которые стоят на пути к осуществлению этих производственных задач. Их в буквальном смысле слова нужно взять с боя. Само собой понятно, что обоснованность и реальность этой программы в первую очередь определяется ходом осуществления стоящего за каждой из этих цифр строительного плана.

Удвоение производства по отправному варианту и рост его в 2,5 раза по оптимальному в легкой промышленности, как уже указано, подчинено задачам сначала смягчения, а затем и преодоления товарного голода на протяжении пятилетия. В связи с этим в легкую промышленность вкладывается за пятилетие от 2,5 до 3 мрд. руб. на капитальное строительство. Однако, здесь на протяжении всего пятилетия (в известной мере так же, как и в настоящее время) решающим моментом в области развития производства предметов широкого потребления явится состояние сырьевых ресурсов страны и возможностей импорта сырья. Намечаемый рост легкой индустрии опирается на доведение внутреннего производства хлопка до 16,8 млн. центн. по отправному и 19,1 млн. центн. по оптимальному варианту, производство шерсти — до 2,1 млн. по отправному и 2,2 млн. тонн по оптимальному варианту, соответственно производство сахарной свеклы до 168 и 195 млн. центн. и т. п. Вот почему в борьбе за осуществление программы легкой промышленности внимание направляется в расчетах плана

прежде всего, на обеспечение сырьевой базы в том масштабе, как она запроектирована. Решение этой задачи значительно смягчит к концу пятилетия зависимость легкой индустрии от импортного сырья, а следовательно, и зависимость нашего внутреннего производства предметов широкого потребления от колебания мировых цен на сырье. Вместе с тем, это высвободит большие валютные ресурсы для решения прямых задач по индустриализации страны.

Таковы количественные задачи в области промышленного производства. Они, разумеется, должны быть разрешаемы при неуклонном повышении качества промышленной продукции. Но этого мало. Намеченное расширение производства государственная промышленность должна осуществить при росте занятой рабочей силы на 25% за пятилетие по отправному варианту и на 33% по оптимальному при росте производительности труда на 85% по отправному и на 110% по оптимальному варианту и при росте заработной платы в ее реальном выражении на 56% по отправному и на 69% по оптимальному варианту. На ряду с этим, промышленность должна, опираясь на осуществляемую реконструкцию, добиться снижения удельных расходов топлива на 25% по отправному и на 30% по оптимальному варианту, расходов сел.-хоз. сырья соответственно на 15% и 18% и промышленного сырья на 25% и 28%. В своей общей совокупности эти факторы (вместе со всем комплексом технических улучшений) должны обеспечить снижение себестоимости промышленной продукции на 30% по отправному и на 35% по оптимальному варианту.

Здесь заложен один из основных решающих моментов не только промышленного, но и всего народнохозяйственного плана на ближайшее пятилетие. Уже в первом году проектируемой пятилетки снижение себестоимости промышленной продукции стало центральной проблемой хозяйственных планов и хозяйственной деятельности. Борьба за снижение себестоимости промышленной продукции стала в центре внимания не только производственных кадров промышленности, но и в центре внимания всей общественной жизни страны. С тем большим основанием и в полном соответствии с директивой XV с'езда, который назвал снижение себестоимости центральной задачей промышленности, разрешению которой должны быть подчинены все прочие задачи, перспективный народнохозяйственный план выдвигает проблему по снижению себестоимости во главу угла работ по реконструкции и рационализации промышленности. В отдельных отраслях промышленности и на отдельных этапах необходимость форсированно решать количественные задачи производства может встать в частичное противоречие с задачами по снижению себестоимости. Но генеральная линия реконструкции промышленности должна органически сочетать большой количественный рост производства с максимальным удешевлением продук-

ции. Без этого немыслимо успешное соревнование на почве хозяйственного строительства с передовыми капиталистическими странами. Без этого немыслимо обеспечить намеченный в плане темп капитальных вложений. Без этого промышленность не осуществит своей исторической роли ведущего начала в области коренного переустройства сельского хозяйства.

Таким образом, в промышленном секторе народного хозяйства СССР народнохозяйственный план на ближайшее пятилетие намечает не только громадные строительные задачи, о которых речь шла выше, но и громадные эксплоатационные задачи. Нам не дано историей возможности свертывать производство, закрывать предприятия на время их реконструкции. Специфической особенностью нашего плана и, вместе с тем, его величайшей трудностью является необходимость осуществлять большие реконструктивные задачи и большое новое строительство в промышленности, поддерживая на крайне высоком напряженном уровне эксплоатационный ход производства. Только при этих условиях промышленность сможет обеспечить со своей стороны предпосылки для устойчивого бескризисного развития народного хозяйства.

Не меньшие по своему размаху и еще более трудные по условиям осуществления задачи поставлены пятилетним планом в области сел.-хоз. производства. Мелкий тип хозяйства, зависимость от стихии, ряд отрицательных моментов, обнаружившихся в начале пятилетия,— все это, вместе взятое, придает достаточно условный характер расчетам в области сел.-хоз. производства на пятилетие вперед. Вот почему в этом отношении особенно необходим вариантный метод планирования, параллельный учет и более благоприятных и менее благоприятных условий развития. Вот почему в этом направлении в особенности должны быть сконцентрированы все доступные нам методы и ресурсы стимулирования.

Производственная программа в сельском хозяйстве исходит из роста посевных площадей под всеми культурами, примерно, на 21% к концу пятилетия по отправному варианту и на 22% по оптимальному, в том тисле по зерновым на 15% и по техническим, примерно, на 51% по отправному и 61% по оптимальному варианту плана. Это расширение посевных площадей как в связи с их недовосстановленностью (под зерновыми культурами), так и в связи с высоким темпом роста населения страны и бурным ходом ее индустриализации, должно считаться минимальным заданием, подлежащим выполнению во что бы то ни стало. Продовольственные затруднения, которые испытывает страна в начале проектируемого пятилетия, делают излишней дополнительную аргументацию в пользу энергичного расширения посевных площадей. Как уже указано выше, вовлечение новых площадей должно составить около 12—15 млн. га и в основной своей части падает на Волжские и Восточные районы страны, т.-е. районы экстенсивного земледелия по преимуществу. Крупнейшим фактором в этом деле явится машинизация и, в первую очередь, тракторизация сельскохозяйственного производства.

Вторым рычагом по счету, но решающим по своему значению в под'еме сел.-хоз. продукции должна явиться та борьба за повышение урожайности, о которой говорит декрет ЦИКа СССР. Пятилетний народнохозяйственный план в балансе своих ресурсов учитывает за остающиеся 4 года пятилетия рост урожайности по отправному варианту на 17% и по оптимальному варианту, примерно, на 25%. Таким образом, расчет оптимального варианта полностью включает в себя 30—35-процентное повышение урожайности за пятилетие, прокламированное декретом ЦИКа. Осторожность в учете этого фактора в балансе материальных ресурсов пятилетнего плана является решающей предпосылкой надежности плана в целом.

По совокупности обоих этих факторов (роста посевных площадей и повышения урожайности), которые оба должны быть с максимальной силой использованы в проектируемом пятилетии, намечается и рост продукции сельского хозяйства. Основные моменты этого роста таковы (в млн руб., в неизменных ценах):

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г.		1932/33 г. в %% к 1927/28 г.	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Продукция земледелия	13.980	19.755	21.629	141,3	154,7
В том числе:					
а) Растениеводство	9.216	13.232	14.469	143,6	157,0
Из них:					
Зерновых	3.731	5.232	5.618	140,2	150,6
Технических	911	1.619	1.854	177,7	203,5
б) Животноводство	4.764	6.523	7.160	136,9	150,3
Из них:					
Сырье	645	789	803	122,2	124,5
Продовольствие	4.119	5.734	6.357	139,3	154,3

Такое движение сельскохозяйственного производства и, в частности, зернового производства за пятилетие должно к концу его не только разрешить проблему продовольственного снабжения страны и накопления хлебных резервов, но и обеспечить по отправному варианту с четвертого, а по оптимальному варианту с третьего года пятилетия восстановление

хлебного экспорта в довольно значительных размерах. При условии роста валового сбора хлебов с 740 млн. центн. в 1927/28 г. почти до 1 мрд. центн. по отправному и несколько выше по оптимальному варианту, расчеты ориентировочного хлебофуражного баланса предвидят накопление видимых запасов (по отправному варианту) за 5 лет около 58 млн. центн., при чем это накопление уже в 1930/31 г. должно составить около 13 млн. центн. При таком образовании запасов и при повышении норм продовольствия, обсеменения и прокорма скота экспорт зерна должен дать в последний год пятилетия по отправному варианту около 50 млн. центнеров и по оптимальному около 80 млн. центнеров.

Рост технических культур запроектирован опираясь на стопроцентное покрытие их площадей химическими удобрениями и на повышение урожайности по хлопку на 35%, по льну — на 57%, по сахарной свекле — на 32%. Основные натуральные показатели роста этой группы сельскохозяйственного производства таковы (в млн. центн.):

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г. Абсол.		В %% к 1927/28 г.	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Масличные	21,8	36,7	40,5	168,4	185,9
Хлопок	7,2	16,8	19,1	233,5	265,5
Лен—волокно	2,5	4,8	6,2	193,7	250,4
Сахарная свекла	101,0	168,0	195,5	166,4	193,6

Осуществление этой программы даст полное обеспечение запроектированного роста производства в легкой индустрии и, как уже указано, значительно смягчит ее зависимость от импортного сырья.

Рост продукции животноводства на 37% по отправному и больше чем на 50% по оптимальному варианту при условии значительного под'ема стада и улучшения его качества во всех районах продуктивного животноводства является одним из крупнейших показателей осуществляемой в нашем сельском хозяйстве реконструкции. Взятая в своем дальнейшем продолжении эта линия развития животноводства должна будет в корне сломать (разумеется, на ряду с ходом индустриализации страны) то строение сельского хозяйства, которое являлось типичным для условий дореволюционного прошлого.

Как уже неоднократно было подчеркнуто в предшествующем изложении, крупнейшей особенностью сельскохозяйственной программы ближайшего пятилетия является громадный рост в нем обобществленного сектора. Следующие данные красноречиво говорят о соотношении основных показателей сельскохозяйственного производства по обобществленному и индивидуальному секторам.

Показатели	Годы	Всего	В том числе: Индивид. сектор	Обобщ. сектор: Всего	В том числе: Совхозы	Колхозы
Посевные площади	1927/28	100,0	98,0	2,0	1,0	1,0
	1932/33	100,0	86,4	13,6	3,2	10,6
В том числе зерновые	1927/28	100,0	98 3	1,7	0,8	0,9
	1932/33	100,0	87,5	12,5	3,0	9,5
Валовые сборы	1927/28	100,0	97,7	2,3	1,2	1,1
	1932/33	100,0	85,4	14,6	3,8	10,8
Товарная часть зерновых	1927/28	100,0	92,8	7,2	3,6	3,6
	1932/33	100,0	61,8	38,2	10,4	27,8
Валовая продукция	1927/28	100,0	98,3	1,7	1,1	0,6
	1932/33	100,0	89,2	12,8	2,9	9,9
Товарная часть	1927/28	100,0	95,5	4,5	3,6	0,9
	1932/33	100,0	79,9	20,1	7,0	13,1

Эта таблица не нуждается в комментариях. Громадные количественные и качественные задачи, поставленные перед обобществленным сектором, исходят из того крутого поворота всего сельского хозяйства на путь обобществления, начальной стадией которого является проектируемое пятилетие. Успешное решение не только количественных, но и в особенности качественных задач в обобществленном секторе сельского хозяйства в этом пятилетии решит судьбу всего этого, имеющего гигантское историческое значение поворота.

Но основным производителем сельскохозяйственной продукции (не менее 73% товарной ее части) в конце пятилетия при самом успешном ходе намеченного обобществления явится индивидуальный сектор сельского хозяйства. Вопросы продовольственного снабжения страны, экспорта, создания сырьевой базы промышленности в основном будут решаться производственными усилиями бедняцко-середняцкого массива индивидуальных крестьян.

Вот почему пятилетний народнохозяйственный план со всем вниманием должен отнестись к вопросу о стимулировании этих хозяйств, о под'еме их производственных усилий. Вся конструкция обоих вариантов народнохозяйственного плана направлена также и к решению этой задачи.

В этой связи следует, прежде всего, отметить политику сел.-хоз. цен. Отправной вариант намечает по всему сельскому хозяйству снижение цен всего на 3% к урозню 1928/29 г.

(т.-е. несколько повышенного года) и рост на 2,4% к уровню 1927/28 г. По зерновым культурам намечено снижение на 3% к уровню 1928/29 г. и рост на 13% к уровню 1927/28 г. По всей группе сел.-хоз. сырья намечено снижение цен на 5% по отношению к уровню 1928/29 г. Такова линия сельскохозяйственных цен в отправном варианте плана. Весьма возможно, что успешный ход сельскохозяйственного производства даже и в масштабах отправного варианта даст возможность в конце пятилетия несколько более снизить общий уровень сельскохозяйственных цен, в особенности если будут целиком осуществлены и даже несколько превзойдены задания по снижению промышленных цен, которое намечено в пределах 15% по предметам широкого потребления. Однако, было бы неосторожным в балансовые расчеты отправного варианта включать иную политику сел.-хоз. цен, нежели та, которая указана выше. Напротив, по расчетам оптимального варианта с его более высокими темпами роста сел.-хоз. продукции и большими задачами по снижению промышленных цен (минус 24% по всей промышленности и минус 19% по предметам широкого потребления) движение сельскохозяйственных цен намечено со значительно большим наклоном к низу. Общий уровень сельскохозяйственных цен в этом случае должен снизиться на 10,3% к уровню 1928/29 г. и на 5,4% к уровню 1927/28 г., в том числе зерновые цены на 10% и сырьевые цены на 11% к уровню 1928/29 г.

Вторым моментом, который взят с полным учетом стимулирования индивидуальных крестьянских хозяйств к расширенному производству, является сельскохозяйственный налог. Оба варианта намечают его линию в связи с состоявшимся уже решением правительства по отношению к 1929/30 г., которое определяет в основном и дальнейшее движение налога. По годам это движение намечается в следующем виде:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого
Сельхозналог (млн. руб.)	337	400	375	405	435	515[1] 600[2]	2.130[1] 2.280[2]

Такое строение сельскохозяйственного налога в особенности для начальных лет пятилетки должно облегчить раскачку всей массы середняцких хозяйств на расширение посевов, на улучшенную обработку земли, на большее напряжение своих усилий к расширенному производству сельскохозяйственных продуктов. А это есть одно из важнейших звеньев хозяйственного плана в целом.

В этом же направлении должны действовать и такие рычаги, как усиленный процесс кооперирования крестьянства, который должен дать к концу пятилетия до 85% охвата

[1] Отправной вариант.
[2] Оптимальный вариант.

сельскохозяйственной кооперацией всех крестьянских хозяйств. Сельскохозяйственная кооперация в пятилетнем плане должна выступить, как мощный организатор и двигатель сельскохозяйственного производства, как крупный фактор по подтягиванию сельского хозяйства до уровня, соответствующего большим задачам индустриализации страны. Само собой разумеется, что контрактация зерновых посевов, развертывание которой падает как-раз на проектируемое пятилетие и которая также должна будет с каждым новым годом приобретать все более производственный характер, сыграет свою крупную роль в качестве стимула к расширению сельскохозяйственного производства у индивидуальных крестьян.

Наконец, в числе экономических рычагов следует подчеркнуть и ту политику распределения национального дохода и движения благосостояния земледельческого и неземледельческого населения, которая запроектирована в пятилетнем плане. По расчетам отправного варианта темпы роста уровней благосостояния земледельческого и неземледельческого населения взяты примерно одинаковые. Это значит, что будет приостановлено нарастание того разрыва между уровнем благосостояния города и деревни, полное преодоление которого является одной из величайших задач социализма и сможет быть осуществлено в гораздо более длительные сроки нашего развития. Но и та тенденция, которая учтена в пятилетнем народнохозяйственном плане и которая определяется политикой цен, движением сельскохозяйственного налога и т. п., должна будет действовать, как фактор, повышающий стимулы крестьянского населения (в том числе и индивидуального) к расширению сельскохозяйственного производства.

Но на ряду с этой системой рычагов пятилетний народнохозяйственный план включает и такие факторы, как форсированная машинизация, химизация и индустриализация сельскохозяйственного производства в самом широком смысле этих понятий. Масштабы мероприятий этого порядка подробно обрисованы выше при изложении строительной программы в области сельского хозяйства. В этом же направлении должна действовать и вся система агрикультурного просвещения, некоторое представление о масштабе которой дано в разделе о квалифицированных кадрах.

Производственная обстановка в области сельского хозяйства в начальном году пятилетия внушает наибольшую тревогу за судьбу всего пятилетнего плана. Однако, тот крупнейший поворот государственной индустрии лицом к сельскому хозяйству (программа сельскохозяйственного машиностроения, тракторонаснабжения, производства химических удобрений и т. п.), который запроектирован в пятилетнем плане, строительство обобществленного сектора, вся совокупность экономических стимулов для индивидуальных крестьянских

хозяйств и программа подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства,— все это, вместе взятое, дает возможность рассчитывать на сокрушительный удар по кулацкой верхушке деревни и на увеличение по пути сельскохозяйственного прогресса всего основного массива бедняцко-середняцких хозяйств страны.

Производственные задачи на транспорте исходят из роста грузооборота на 67,2% по отправному и 84,7% по оптимальному варианту. Выше был уже подробно очерчен тот план реконструкции строительства, опираясь на который транспорт сможет справиться с этой производственной задачей. Характерной особенностью работы транспорта в предстоящем пятилетии является то, что он должен выполнить возрастающую работу по отправному на 60,2% и оптимальному на 77%, при почти стабильности своих штатных контингентов. В этом и сказывается, прежде всего, результат той большой и глубокой реконструкции железнодорожного транспорта, которая запроектирована в плане. Снижение коэфициента эксплоатации намечено с 76% до 63% по расчетам отправного варианта. Низкий уровень коэфициента эксплоатации мог бы являться отрицательным показателем, если бы он не сопровождался большими капитальными вложениями в транспорт и настоящей реконструкцией его технических устройств. Снижение себестоимости транспортных услуг намечено на 25%.

Таковы важнейшие показатели роста материального производства и производительности народного труда в пятилетнем плане. Эти производственные задачи не менее трудны и ответственны, чем строительная программа плана, с которой они теснейшим образом связаны. Эксплоатационный ход производства должен быть поддержан на высоком и все повышающемся уровне. И если строительная программа пятилетия является большим испытанием для технических и организаторских кадров страны, то программа в области материального производства и производительности народного труда является громадным испытанием для всего ее трудового коллектива.

IV. Проблема труда в пятилетнем плане

Одним из актуальнейших вопросов пятилетнего плана является вопрос о трудовых ресурсах страны и перспективах их использования. Ни одна капиталистическая страна не знает таких темпов естественного роста населения, как СССР. Естественный рост населения во Франции составляет 1,3 на 1.000, в Германии — 7,9, Англии — 6,4, в Италии — 10,3, а в СССР — 23,0 на 1.000. Одновременно с этим, в связи с политикой индустриализации страны, идет бурный рост городов, также опережающий заграничные темпы и темпы довоенной России. Достаточно указать, что Германия, Англия и Соед. Штаты за период с 1900 по 1905 гг. ни разу не давали

погодного темпа роста городов выше 3,3%, которого достигают лишь Соед. Штаты в период 1900 — 1910 гг., в то время как СССР в 1926 г. дал 5,5%, а в 1927 г. 5,0% прироста городского населения.

Несомненно, такой бурный рост городского населения связан с тем обстоятельством, что в противоположность капиталистической рационализации промышленного производства, которая ведет не только к относительному, но и абсолютному сокращению рабочей силы, реконструкция народного хозяйства СССР сопровождается дальнейшим ростом рабочих за счет расширения об'ема производства и сокращения продолжительности рабочего дня. Этот громадной важности фактор отчетливо выявляется в перспективе проектируемого пятилетия, когда несмотря на большие задачи по рационализации производства рост рабочей силы неуклонно продолжается, хотя и значительно замедленным по сравнению с предшествующим периодом темпом. На ряду с этим, на бурный рост городского населения оказывает свое влияние и наличие унаследованной от дореволюционного прошлого аграрной перенаселенности в стране. Вся система экономической политики советской власти (развитие сельского хозяйства, коллективизация, рост благосостояния беднейшего крестьянства и т. п.) ведет к постепенному изживанию аграрного перенаселения. Однако, в ближайшем пятилетии с этим явлением придется считаться, как с неоспоримым фактом, который должен быть учтен перспективным планом. Общее количество населения, выталкиваемого деревней в город, на протяжении ближайшего пятилетия измеряется, примерно, в 2,5 миллионов человек. Перед советским хозяйством стоит задача вовлечения этих кадров в сферу общественно-полезного труда.

В работе над пятилетним планом сделана попытка построить ориентировочный баланс труда на начало и конец пятилетия по обоим вариантам плана. Как ни условны эти расчеты сами по себе, они все же дают возможность судить о движении неиспользованного остатка рабочей силы и, следовательно, отвечать на вопрос о том, в какой мере вся система запроектированных мероприятий по под'ему производительных сил страны решает вопрос о смягчении безработицы. По расчетам отправного варианта неиспользованный остаток по балансу или число безработных дает снижающуюся кривую, уменьшая абсолютную численность безработных с 1,1 млн. человек в 1927/28 г. до 800 тыс. в 1932/33 г. Расчеты оптимального варианта сводят этот неиспользованный остаток, примерно, до 400 тыс. человек, т.-е. почти до той нормы, которая является технически неизбежной и необходимой в народнохозяйственном обороте (пребывание в состоянии безработицы, в связи с оборотом рабочей силы и т. п.). Есть основания думать, что даже и по расчетам отправного варианта неиспользованный остаток рабочей силы может быть ниже тех 800 тыс., о которых сказано выше.

Оба варианта плана предполагают к концу пятилетия в общем удовлетворительное положение с кадрами подростков в городах и молодежью в возрасте от 18 до 24 лет. Число подростков в городах к концу пятилетия по расчетам баланса труда составит (по отправному варианту) 1,3 млн. человек, из которых около 900 тыс. будут обучаться и около 400 тыс. должны находиться в производстве (в настоящее время работающих подростков свыше 500 тыс.). Из общего числа молодежи в возрасте от 18 до 24 лет в 4,6 млн. чел. к концу пятилетия — около 400 тыс. будут в обучении и остальные в производстве.

Само собою разумеется, что эти намечающиеся благоприятные тенденции в движении безработицы ни в коем случае не могут вести к сужению размера помощи безработным и сокращению направляемых на это дело ресурсов. Напротив, оба варианта плана исходят из растущих ассигнований на это дело.

1. Численность пролетариата

Общая численность лиц наемного труда в пределах предстоящего пятилетия запроектирована в следующих размерах:

Годы	Всего лиц наемного труда	В том числе без сел. и лесн. хозяйства	В % % к пред. году	
			Всего	В том числе без сел. и лесн. хозяйства
1922/23	6.803	5.469	—	—
1923/24	7.557	5.979	111,1	109,3
1924/25	8.543	8.722	113,0	112,4
1925/26	10.233	8.188	119,8	121,8
1926/27	11.007	8.884	107,6	108,5
1927/28	11.350	9.226	103,1	103,8
1928/29	11.852	9.622	104,4	104,3
1929/30	12.686	10.223	106,2	106,2
1930/31	13.303	10.794	105,7	105,6
1931/32	13.967	11.318	105,0	104,9
1932/33	14.372	11.768	104,3	104,0
Оптимальный вариант				
1932/33	15.219	12.352	—	—

К концу пятилетия численность пролетариата должна возрасти по отправному варианту на 28,4%, а по оптимальному — на 34,1%. Прирост городских кадров наемного труда составит несколько меньшую величину — 27% по отправному варианту и 33,9% по оптимальному.

По сравнению с предшествующим отчетным пятилетием, когда общая численность лиц наемного труда возростала в среднем за год на 11 — 13%, а в сумме за пятилетие на 70%, запроектированный рост пролетариата сравнительно невелик. Необходимо, однако, учесть при этом, что рост наемного труда в годы восстановительного процесса происходил в результате освоения существующего основного капитала при сравнительно незначительных по размеру капитальных вложениях, т.-е. на старой производственной базе, между тем, как все расширение в проектируемом пятилетии идет за счет новых вложений, более эффективных. На 1 млн. руб. прироста основного капитала приходилось новых рабочих:

Отрасли народного хозяйства	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Промышленность . . .	1.156	223	127	63	73	57	58	53
Транспорт и связь . .	965	222	— 4	—40	15	14	0	7
Торговля	804	483	—115	152	116	114	116	119
В среднем	1064	248	75	45	62	50	46	43

Приведенные цифры носят, понятно, условный характер, но достаточно демонстративно обнаруживают ту резкую грань в потребности рабочей силы на единицу основного капитала в годы восстановительного процесса и в проектируемое пятилетие. В промышленности в период восстановительного процесса в 1925/26 г., т.-е. в год почти исключительно об'емного расширения работы промышленности, 1 млн. руб. нового капитала требовал свыше 1.100 новых рабочих. Уже последующие годы дают резкое снижение этого показателя, а в пределах проектируемого пятилетия он будет колебаться около 60 чел. рабочих на 1 млн. руб. нового основного капитала. На транспорте происходит тот же процесс, еще более резко выраженный, так как уже первый год пятилетия дал возможность расширения основного капитала и об'ема работы произвести при одновременном сокращении персонала. Потребность в новой рабочей силе на транспорте в дальнейшие годы вызывается, главным образом, появлением новых жел.-дор. линий. В торговле потребность рабочей силы на единицу нового капитала относительно выше, чем в других отраслях труда, так как роль живого труда в этой отрасли народного хозяйства значительно выше, чем в промышленности и транспорте, но все же и здесь потребность в рабочей силе значительно снижается по сравнению с предшествующим периодом.

Погодные изменения численности рабочей силы показывают некоторое относительное увеличение темпа в 1929/30 г. по сравнению с первым годом пятилетки и плавное замедление темпа прироста в последующие годы. В среднем за год прирост рабочей силы в пятилетие составляет около 5%. Значимость такого прироста более рельефно выступит при сравнении с довоенным размерами прироста рабочей силы и с ростом населения. Рост численности пролетариата только в начальный период русского капитализма превышал запроектированные нами темпы. В годы под'ема перед войной, не говоря уже о кризисных периодах, численность пролетариата увеличивалась не более 3 — 4% в год.

По отношению ко всему населению 11,4 млн. пролетариата в 1927/28 г. составляли 7,5%. Этот показатель к концу пятилетия подымается до 8,7%, т.-е. за пять лет произойдет увеличение удельного веса пролетариата на 15,5%. Таким образом, вся конструкция плана обеспечивает на фоне технических и организационных улучшений не только значительный абсолютный, но и относительный рост занятой рабочей силы. При значительно более высоком уровне сельского хозяйства, по сравнению с довоенным, это большее — абсолютно и относительно — вовлечение рабочей силы в производство должно, как указано выше, значительно смягчить безработицу и уменьшить ее размер.

Нечего подчеркивать, какое громадное общее значение имеет это намечаемое по обоим вариантам плана значительное усиление удельного веса пролетариата в общей сумме населения СССР. Процесс социалистической индустриализации и рационализации народного хозяйства связан и не может быть не связан с усилением значения и роли пролетариата.

2. Производительность труда и заработная плата

Интенсивная реконструкция народного хозяйства, запроектированная на ближайшее пятилетие, состоит, прежде всего, в радикальном переустройстве энергетической базы и в повышении энерговооруженности живой рабочей силы. Как показано выше, на одного рабочего промышленности в 1927/28 г. приходилось 2.420 квтч. работы механических двигателей, а к 1932/33 г. эта цифра возрастает до 4.670, т.-е. более чем на 90%. В транспорте установленная мощность механических двигателей на одного рабочего возрастает за пятилетие на 46% (с 6,0 квт. до 8,8 квт.). В сельском хозяйстве работа живых и механических двигателей в расчете на одного работника возрастает с 308 квтч. до 360, или на 17%, при чем в совхозах предположен рост на 184% (с 475 квт. до 1.350), а в колхозах на 124% (с 175 до 390), в то время как в частном секторе лишь, примерно, на 13%.

Опираясь, прежде всего, на этот фактор, производительность труда растет в промышленности на 85% по расчетам отправного и

на 110% по расчетам оптимального варианта, в строительном деле соответственно на 50% и на 60% и на транспорте — на 60% и на 75%. Расчеты роста производительности труда в сельском хозяйстве на данной стадии работы не могли быть выполнены. Однако, это повышение энерговооруженности работника является лишь одним из факторов роста производительности труда. На ряду с ним, в перспективе проектируемого пятилетия сохраняет свое большое значение и другой фактор, т.-е. повышение интенсивности самого живого труда. Выразить количественно влияние каждого из этих факторов, разумеется, нет возможности. С учетом их обоих рост производительности труда по важнейшим отраслям промышленности представляется в следующем виде:

Отрасли	Прирост на 5 лет в %%		Отрасли	Прирост на 5 лет в %%	
	Отпр.	Оптим.		Отпр.	Оптим.
Группа А			Группа Б		
Топливн.	+ 73	100	Текстил.	+ 83	97
Горнодоб.	+ 75	100	Швейная	+ 106	170
Металлич.	+ 90	130	Кож.-обувн.	+ 81	96
Электротехнич. . . .	+ 110	136	Фарф.-фаянс.	+ 64	68
Стройматер.	+ 87	110	Химическ.	+ 114	120
Лесная и деревообр.	+ 78	103	Пищевкус.	+ 91	104
Химич.	+ 64	84	Соляная	+ 35	35
			Бумажн.	+ 109	128

Всего А + Б по отправному варианту 85%

„ оптимальному „ 110%

На ряду с расширением кадров промышленного пролетариата крупнейшим вопросом пятилетнего плана является обеспечение роста реальной заработной платы. Рост заработной платы должен быть связан с задачей повышения доли пролетариата в национальном доходе страны, с необходимостью всемерно стимулировать производительность труда, с возможностями материального покрытия заработной платы на рынке и с задачами по накоплению в обобществленном секторе. С точки зрения соотношений между движением заработной платы и производительностью труда для периода реконструкции (в особенности, в ее начальной стадии) необходимо добиться того, чтобы производительность труда по темпу своего роста шла впереди заработной платы, с тем, однако, чтобы разница между этими темпами была тем меньше,

чем больший удельный вес в интегральном повышении производительности труда имеет его интенсивность и, наоборот, разница должна быть тем больше, чем значительнее удельный вес технических улучшений. Само собою разумеется, что при этой общей установке остается характерная для советского хозяйства забота по подтягиванию заработной платы в наиболее отставших отраслях.

В целом по промышленности рост номинальной заработной платы намечен на 40% по отправному и 45% по оптимальному варианту. Повышение заработной платы здесь в некоторой степени связано также с увеличением удельного веса служащих, уровень оплаты которых значительно выше средней по промышленности. Условия развития промышленности в первые годы нэпа позволили значительно быстрее повышать заработную плату в отраслях легкой индустрии, как более связанных с широким рынком, а также благодаря тому, что удельный вес заработной платы в себестоимости продукции этих отраслей сравнительно невелик. В отраслях, производящих средства производства, в первую очередь, в угольной промышленности и металле, повышение заработной платы затруднялось необходимостью усиленно развивать эти отрасли промышленности, и высоким удельным весом заработной платы в тяжелой индустрии. Исправить эти соотношения и установить для отдельных отраслей промышленности уровни оплаты труда, соответствующие квалификации—такова задача, поставленная перспективным планом при проектировке заработной платы по отдельным отраслям промышленности. По ориентировочным расчетам отправного варианта соотношение зарплаты в отдельных отраслях таково:

Союзы	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.	Темп прироста зарплаты в %%
	В %% средней арифм.			
Металлисты	141,7	112,2	123,7	42
Горнорабоч.	133,6	65,8	98,0	50
Деревообд.	89,1	87,6	85,6	31
Писчебумажн.	72,9	86,1	85,6	33
Печатники	129,6	125,8	121,8	28
Текстильщики	66,8	77,7	76,1	33
Кожевники	101,2	120,5	114,2	26
Пищевики	81,0	110,4	104,7	27
Химики	81,0	93,8	90,4	29
Вся промышл.	100	100	100	40

Наиболее существенные сдвиги намечены в отношении металлистов и горнорабочих (главным образом, каменноугольной промышленности). Оптимальный вариант внесет здесь некоторые дополнительные изменения, в частности, подымет положение текстильщиков. Надо при этом иметь в виду, что такая проектировка заработной платы отнюдь не преследует задачи вернуться к довоенным соотношениям, которые ни в какой мере не могут быть для нас образцом.

По транспорту и связи намечен рост номинальной заработной платы, примерно, на 33,5% по отправному и на 39,3% по оптимальному варианту, при чем если учесть предполагаемое изменение удельного веса ряда профессий на транспорте, то этот рост будет почти тождественным с ростом заработной платы индустриальных рабочих, из какой установки и исходит перспективный план. По жел.-дор. транспорту намечается темп роста заработной платы, несколько обгоняющий среднюю транспортную. В строительном деле намечается рост заработной платы около 28% по отправному и 30% по оптимальному, исходя из необходимости некоторого сближения уровней оплаты труда промышленных и строительных рабочих.

Наиболее значительный по темпу рост заработной платы намечается у работников социально-культурной группы (около 70% у просвещенцев и около 47% по линии здравоохранения). Но даже и при этом росте задача сравнять эту группу работников с промышленными рабочими по абсолютному уровню заработной платы не будет окончательно разрешена в проектируемом пятилетии, так как в 1932/33 г. заработок работника этих категорий составит около 90% заработка промышленного рабочего против 75% в 1927/28 г. По административному аппарату (исходя, главным образом, из необходимости повысить материальный уровень низовых советских работников) намечен рост заработной платы по отправному варианту примерно на 25% и по оптимальному варианту на 35%.

Такое движение номинальной заработной платы и даст в среднем по всем отраслям труда около 38% роста, а с учетом социализированной части заработной платы около 42% по расчетам отправного варианта и 48% роста по расчетам оптимального варианта. В связи с намеченным снижением бюджетного индекса по отправному варианту на 10% и по оптимальному варианту на 14% реальная заработная плата (индивидуальная) вырастает в первом случае, примерно, на 53% и во втором случае на 66%.

Выше уже было упомянуто о социализированной части заработной платы. Оба варианта плана исходят из убеждения в необходимости при намечаемом росте реальной заработной платы

некоторую часть ее обобществить для решения задач, прежде всего, в области правильной постановки воспитания и образования детей рабочих и, следовательно, организованного повышения культурных статей в рабочем бюджете. При обобществлении лишь незначительной части намечаемого прироста заработной платы за остающиеся четыре года пятилетия по отправному варианту может быть образован фонд около 800 млн. руб. и по оптимальному варианту около 1.000 млн. руб., который сыграет громадную роль в правильном решении того вопроса, который глубоко занимает и волнует рабочие массы, т.-е. вопроса о воспитании пролетарских детей.

3. Продолжительность рабочего дня

Оба варианта перспективного плана, в соответствии с директивами исторического манифеста ЦИКа СССР, исходят из задачи полного осуществления семичасового рабочего дня в промышленных предприятиях страны. При этом условии средняя нормальная продолжительность рабочего дня сократится с 7,71 часа в 1927/28 г. до 6,86 в 1932/33 г., т.-е. на 11% за пятилетие. По сравнению с дореволюционным прошлым существующий в стране рабочий день индустриального пролетария короче на 2,18 часа, а в 1932/33 г. будет короче на 3,21 часа.

С учетом укороченных предпраздничных и субботних дней продолжительность рабочей недели сократится с 44,6 часа в 1927/28 г. до 41,2 часа к концу пятилетия. Такое движение продолжительности рабочего дня, на ряду с приведенными выше данными о движении пролетарских контингентов и о росте их заработной платы, является одной из крупнейших принципиальных позиций перспективного народнохозяйственного плана СССР. Весь послевоенный капиталистический мир в ходе своей рационализации осуществляет зверский нажим на пролетариат, сокращая его кадры, удлиняя рабочий день, снижая реальную заработную плату. Социалистическая рационализация промышленности СССР в своих самых начальных и, следовательно, самых трудных стадиях осуществляется при расширении пролетарских контингентов, при значительном росте реальной заработной платы, при значительном сокращении продолжительности рабочего дня. Стоит отметить, что при продолжительности рабочей недели в 40,2 час. к концу пятилетия в СССР, в С.-А.С.Ш. фабрично-заводская промышленность имеет недельных 49,6 час., в Англии—47,1 часа, в Германии—47—52 час. в различных отраслях. При условии осуществления намечаемого роста производительных сил страны, в особенности в стиле отправного варианта, откроется полная возможность к концу пятилетия поставить вопрос о дальнейшем шаге вперед в сокращении рабочего дня, т.-е. о начале перехода на шестичасовой рабочий день.

V. Проблемы рыночного равновесия и политика цен [1]

Пятилетний народнохозяйственный план во всей своей конструкции исходит из директивы партии добиться в ближайшие же годы смягчения, а затем и ликвидации товарного голода в стране. Решение этой задачи идет, прежде всего, по линии того энергичного расширения промышленного производства, о котором была речь выше. Но решение этой задачи может быть обеспечено лишь при том условии, если вся совокупность экономических рычагов (политика цен, темпы роста денежных доходов населения, налоги, займы и т. п.) будет продумана также и под углом зрения проблем рыночного равновесия. Крайняя сложность и условность всех связанных с этим делом расчетов достаточно известна, и все цифровые иллюстрации в этом отношении должны восприниматься, главным образом, как показатели динамики и направления намечаемых изменений.

Большое и важное дело изучения структуры потребительских бюджетов, а тем более проектировка вероятных изменений этой структуры стоят у нас еще на низком уровне. Произведенные в порядке работ над отправным вариантом перспективного плана расчеты намечают в расходном бюджете городского населения понижение удельного веса затрат на сельскохозяйственные продукты, примерно, с 43% в 1927/28 г. до 41% в 1932/33 г. и снижение расхода на покупку промтоваров с 34% до 31,5%. На ряду с этим поднимается удельный вес расходов коммунальных (включая жилище), с 8,7% до 9,3% и социально-культурных с 5,3% до 7,3%. Денежное накопление с расходом бюджета городского населения подымает свой удельный вес с 5,3% до примерно 5,6%, имея в виду здесь прирост займов, вкладов, сберкассы, паевых взносов в кооперацию индивидуальных кассовых остатков. В структуре денежных расходов крестьянства (без учета внутрикрестьянского оборота) намечается повышение удельного веса расходов на промтовары с 68,6% в 1927/28 г. до 71% в конце пятилетия, а также рост доли расходов на социально-культурные нужды с 1,2% до 3,0%. Налоги и платежи снижают удельный вес с 9,9% до 7,7%, а накопление (займы и т. п.) растет с 4,4% до 5,6%. Нужно, однако, при этих сопоставлениях городских и сельских бюджетов постоянно иметь в виду те абсолютные уровни, с которых идет этот рост расходов на промтовары (у городского населения, точнее у лиц наемного труда, с 125 руб. на душу в начале пятилетия до 158 руб. в конце пятилетия и у сельского населения с 35 руб. на душу до 57 руб.), а также и то обстоятельство, что в состав промтоваров у сельского населения входят и средства производства, приобретение которых вырастает за пятилетие на 128%, в то время как приобретение пред-

[1] В этой и последующих главах приведены по преимуществу данные отправного варианта, так как расчеты оптимального варианта еще не были вполне закончены. Их читатель найдет в № 3 „План. Хоз.“.

метов потребления всего на 41%. Только при учете этих моментов может быть дана правильная оценка запроектированным структурным изменениям в расходной части потребительских бюджетов городского и сельского населения.

На основе этих допущений и настойчиво подчеркивая всю условность этого рода расчетов, динамика спроса на промышленные товары по отправному варианту рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Спрос на промтовары (вкл. изменения запасов в ценах потребления).	20.673	23.389	26.160	28.824	31.893	35.003	145.269
Балансовая разница (— превышение спроса + превышение предложений)	— 275	— 160	— 1	+ 289	+ 390	+ 826	+ 1.344

Таким образом, отправной вариант по суммарным расчетам спроса и предложения намечает к концу пятилетия ликвидацию товарного голода с тем, что три последних года пятилетки должны проходить уже в обстановке успокоения на рынке промтоваров, а 1929/30 г. будет еще отмечен известным напряжением. Это благополучие по итоговым величинам не может, однако, иметь надлежащей убедительности, пока не будут тщательно проанализированы важнейшие конкретные рынки промтоваров. Предварительные расчеты показывают, что по решающим рынкам намечается, примерно, та же динамика, что и по всему балансу в целом. Однако, это дело требует еще дополнительного анализа и дополнительных расчетов. Дальнейшие работы над пятилетним планом в этой части должны исходить из того, что проблема рыночного равновесия практически решается на отдельных товарных рынках. Задаче обеспечения этого равновесия и должна быть подчинена наша работа.

Стоит подчеркнуть в нескольких словах и те изменения в структуре предложения промышленных товаров, которые произойдут в течение пятилетия со стороны источников товароснабжения (в %% к итогу предложения):

	1927/28 г.	1932/33 г.
Цензовая промышленность	70,5	74,8
Мелкая промышленность	16,7	12,4
Акциз	9,5	8,0
Импорт	3,3	4,8

Повышение роли цензовой промышленности за счет снижения удельного веса мелкой промышленности в общей сумме промышленного предложения на рынок является косвенным отражением того строительства больших индустриальных предприятий и концентрации производства, которое не может не вытекать из природы нашего планового хозяйства. Некоторое повышение удельного веса импортных промтоваров связано, главным образом, с производственным вооружением сельского хозяйства (тракторы и т. п.).

Соотношение организованного рынка и так называемого широкого рынка в потреблении промтоваров по расчетам отправного варианта иллюстрируется следующими показателями:

Отношение к итогу:	1927/28 г.	1932/33 г.
а) организованного рынка	50,1	51,9
б) рынка широкого потребл.	49,9	48,1
Удельный вес средств произв. в спросе широкого рынка.	22,2	31,4

Наконец, в этой же связи должен быть отмечен и вопрос о товарных запасах. По расчетам отправного варианта все запасы (у производителя и в товаропроводящей сети) вырастают примерно с 20% в 1927/28 г. до 23% товарной массы в 1932/33 г., в том числе в товаропроводящей сети с 11% до 15%.

Таковы некоторые иллюстрации к вопросу о разрешении в пятилетнем народнохозяйственном плане проблемы товарного голода на промтовары. Нечего говорить, что общая проблема рыночного равновесия неизмеримо сложнее и что включает в себя также и всю совокупность вопросов, связанных с снабжением страны продуктами питания, с правильной организацией этого дела и т. п.

Организационные вопросы рынка на основе широчайшего кооперативного строительства принадлежат к числу крайне ответственных и важных участков нашего хозяйственного строительства в проектируемом пятилетии. Нет никакой возможности в сводном обзоре развивать и конкретизировать эту тему. Стоит лишь отметить, что почти 2 мрд. руб. (с учетом снижения цен) по расчетам отправного варианта должно быть направлено в течение пятилетия на капитальное строительство, связанное с организацией и рационализацией рыночного оборота в стране.

Крупным фактором в разрешении задач рыночного равновесия (равным образом, как и в решении всех социально-экономических задач плана) является политика цен. Как уже неоднократно отмечалось предшествующим изложением, политика цен обоих вариантов плана исходит из задачи систематического понижения общего уровня товарных цен путем нажима, прежде всего, на лезвие промышленных цен, из задачи постепенного установления более благоприятных отношений в обороте между городом и деревней и из необходимости постепенного приближения наших промышленных цен к их уровню в передовых странах современного капитализма.

Само собой понятно, что народнохозяйственная обстановка, как она рисуется по обоим вариантам, открывает не одинаковые перспективы для решения этой общей задачи в области политики цен. Конкретные наметки обоих вариантов в области цен могут быть иллюстрированы следующими показателями:

	Изменение цен в %%			
	Отправ. вар. по сравн.		Оптимальн. вар. по сравн.	
	с 1927/28 г.	с 1928/29 г.	с 1927/28 г.	с 1928/29 г.
Индекс цен производителей сел.-хоз. продуктов:				
а) Общий	+ 2,4	— 3,0	— 5,4	— 4,0
б) В том числе зерновые	+12,9	— 3,0	+ 4,8	— 6,0
в) Сел.-хоз. сырье	— 1,9	— 4,7	— 8,0	—11,0
Индекс розничных цен:				
а) Общий	— 16,9	—	— 22,0	—
б) Сел.-хоз.	— 12,3	—	— 20,6	—
в) Пром.	— 19,5	—	— 22,9	—
Бюджетный:				
а) Общий	— 10,0	—	— 14,0	—
б) В том числе товарн. часть	— 13,0	—	— 18,0	—

Различные темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства, различие в качественных показателях (себестоимость и урожайность) определяют в основном эти два варианта ценностных сдвигов в пятилетнем плане, но единство принципиальной линии обоих вариантов здесь налицо.

VI. Финансовая программа плана

Финансовая программа пятилетнего плана должна охватить в общей системе все элементы нашего финансового хозяйства, приближаясь по своему построению к единому финансовому плану страны. Опыт работ в этом направлении, начатый еще при построении контрольных цифр на 1928/29 г., убеждает, что такая задача по современному состоянию разработки конкретного материала и методологических приемов может и должна быть поставлена.

Вся совокупность финансовых ресурсов, необходимых для осуществления перспективного народнохозяйственного плана, определяется по расчетам отправного варианта в 76 мрд. руб. и по расчетам оптимального варианта, примерно, около 83 мрд. руб. Целевое направление этих ресурсов по трем решающим группам строительства (хозяйство, культура, управление и оборона) и те сдвиги, которые в этом отношении характерны для конца пятилетия по сравнению с его началом, ясны из следующих данных, относящихся к отправному варианту.

	1927/28 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	Итого за 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Хоз. строит.	5,43	12,13	47,31	+123,1	57,7	62,8	62,6
Соц.-культ. строит.	2,36	5,00	19,19	+112,0	25,1	25,9	25,2
Управление и оборона	1,62	2,19	9,76	+ 35,3	17,2	11,3	12,8
Итого	9,42	19,32	76,26	+105,2	100	100	100

Таковы те ресурсы, которые необходимы для того, чтобы решить пятилетние задачи в области хозяйственного строительства, на фронте культуры и по линии управления и обороны. Покрытие этих ресурсов должно будет пойти по следующим направлениям:

	1927/28 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	Итого за 5 лет
	Абсол. в мрд. руб.			В процентах			
Бюджетная система	5,29	10,09	40,79	+ 91,0	56,4	52,4	53,6
В том числе госбюджет	3,51	6,77	27,39	+ 92,5	37,4	35,2	36,0
Кредитная система	0,86	1,47	5,84	+ 71,0	9,0	7,5	7,6
Соцстрах	1,04	2,17	8,26	+110,0	11,0	11,3	10,8
Собств. средства хоз. учрежд.	1,67	4,49	16,94	+168,0	17,8	23,3	22,2
Прочие	0,55	1,11	4,42	+100,0	5,8	5,8	5,8
Итого	9,42	19,33	76,26	+105,2	100	100	100,0

Характерной особенностью здесь является некоторое снижение удельного веса бюджетных источников и возрастающая роль собственных средств хозяйственных организаций. Это стоит в прямой связи с проводимой в пятилетнем плане линией цен, которая оставляет в промышленности значительный разрыв между ценой и себестоимостью. Большие темпы снижения себестоимости, обстановка товарного напряжения в первые годы пятилетки, громадные строительные задачи и необходимость обеспечить форсированный разгон капиталовложений уже в первые годы пятилетки диктуют проведение именно такого соотношения между ценой и себестоимостью на промышленные товары, которое открывало бы возможность больших накоплений в промышленности через механизм цен. Нужно иметь только в виду, что эта политика будет осуществляться при общем значительном снижении промышленных цен на протяжении пятилетия.

В ходе работ над пятилетним планом возникла мысль о том, чтобы уже в расчетах отправного варианта (а тем более в оптимальном) пойти на значительно большее понижение общего уровня цен путем снижения промышленных цен, почти в полную меру снижения себестоимости и значительного снижения сельскохозяйственных цен. Иными словами, возникала мысль о том, чтобы примерно нынешнюю систему цен (с учетом необходимого стимулирования крестьянства) построить на гораздо более низком уровне цен. Вся мобилизация финансовых ресурсов должна была бы в таком случае быть проведена через систему по преимуществу прямых налогов и займов, т.-е. через систему государственного бюджета и кредита. В пользу этой концепции приводилось и то соображение, что система прямых налогов и кредита с классовой точки зрения является более совершенной, чем универсальный механизм цен.

Эта концепция, однако, при всем ее интересе не могла быть положена в основу финансовой программы ни одного из вариантов плана как по соображениям хозяйственной кон'юнктуры начала пятилетия, так и в особенности по соображениям темпа хозяйственного строительства вообще и темпа капиталовложений в частности. Такой финансовый маневр, который исходит из задачи радикального снижения общего уровня цен уже в оставшиеся годы проектируемого пятилетия, мог бы быть осуществляем в условиях гарантированного от международных потрясений хозяйственного строительства в нашей стране, а не в обстановке нарастающей враждебности и военной угрозы со стороны мирового капитала. Вот почему финансовая программа пятилетки должна была сочетать все методы мобилизации финансовых ресурсов для осуществления задач плана, включая и накопление через механизм цен. Это обстоятельство, разумеется, требует несколько иного подхода к вопросу о сальдо расчетов между промышленностью и государственным бюджетом, нежели это имело место в предшествующий период, когда снижение промышленных цен не только шло в меру снижения себестоимости, но и временами обгоняло это последнее.

Следует, далее, подчеркнуть основные позиции налоговой политики в финансовой программе пятилетия. Основные данные здесь таковы (по доходной части госбюджета нетто, в мрд. руб.):

	1927/28 г.	1932/33 г.		Итого за 5 лет		Рост за 5 лет в %		Удельн. вес в %	
								1927/28 г.	1932/33 г.
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.		Отпр. / Оптим.
А. Налоговые . .	3,19	6,24	5,68	25,08	26,33	+ 95,1	+ 108,8	67,9	66,8 / 64,6
В том числе:									
1) Прямые . .	1,34	3,08	3,57	11,66	12,58	+ 130,1	+ 166,0	28,4	32,5 / 34,4
2) Косвен. . .	1,74	2,95	2,89	12,55	12,86	+ 69,7	+ 66,4	36,9	31,6 / 28,0
Б. Неналог. . .	0,81	1,66	1,96	6,54	7,32	+ 108,8	+ 142,6	17,1	18,0 / 18,9
В. Займы . . .	0,71	1,43	1,70	5,38	6,00	+ 101,7	+ 140,7	15,0	15,2 / 16,5
Итого без НКПС и НКПиТ . .	4,71	9,53	10,33	37,00	39,65	+ 98,5	+ 119,3	100	100 / 100

Как видно из этой таблицы, темп роста неналоговых доходов значительно выше темпа роста налоговых. Однако, и налоговые доходы, в том числе и доходы от косвенных налогов (а равно и промналог, который, по существу, является универсальным косвенным налогом) растут достаточно быстро и составляют внушительную часть в доходной части бюджета. Доходы от водки стабильны по отправному варианту и снижаются по оптимальному, чем и об'ясняется снижение удельного веса косвенных налогов. Такое строение доходной части государственного бюджета (большая роль косвенных налогов) при намеченной в плане политике цен неизбежно ставит вопрос о том, в какой мере вся эта финансовая система в целом надежна с точки зрения классовой политики пролетарского государства, в какой мере правильно с классовой точки зрения осуществляет она мобилизацию финансовых ресурсов для целей индустриального строительства. При ответе на этот вопрос нужно, прежде всего, отдать себе ясный отчет в том, что в условиях нашего строительства не может быть построена такая финансовая система, которая не апеллировала бы к участию подавляющего большинства трудового населения нашей страны в образовании финансовых ресурсов государства. Запроектированная в плане финансовая система даже в ее нынешнем, далеко не совершенном виде,

имеет, однако, в лице своих прямых налогов (сел.-хоз. налог и подоходный налог) достаточные рычаги для обеспечения правильного классового характера всей доходной части бюджета. Но настоящую оценку классового строения нашей финансовой системы, как она запроектирована в пятилетнем плане, можно дать лишь беря ее в целом, т.-е. вместе с расходной частью, через которую происходит осуществление политики государства по поддержке колхозного строительства, кооперирования населения, машиноснабжения, землеустройства, городского жилищного строительства, культурного обслуживания и т. п. Взятая в целом финансовая система пятилетнего плана выдерживает классовую проверку так же, как она выдерживает проверку с точки зрения всех прочих критериев экономического курса партии.

Эмиссионная программа пятилетки построена, исходя из твердого курса на повышение покупательной способности червонца не менее, чем на 15% по отправному и не менее, чем на 20% по оптимальному варианту. В соответствии с этим эмиссия принята в отправном варианте в пределах до 1 мрд. руб. Есть все основания считать, что этот ресурс учтен с надлежащей осторожностью. Весь прирост краткосрочных кредитов взят в размере около 3 мрд. руб. при значительном усилении ресурсов Государственного банка, которому государственный бюджет должен передать за пятилетие по старым расчетам и по прямым ассигнованиям для укрепления его позиций около 500 млн. руб.

Характерной особенностью финансовой программы пятилетия является включение в нее через систему социального страхования той части, которая носит название социализированной заработной платы и которая должна быть направлена по преимуществу на организацию воспитания детей индустриального пролетариата. По расчетам отправного варианта эта статья определяется в 800 млн. руб. и по оптимальному примерно свыше 1 мрд. руб.

Нет нужды подчеркивать, что во всей запроектированной финансовой системе роль государственного бюджета, как перераспределителя народного дохода для целей индустриального и культурного строительства страны, значительно вырастает. Общий размер за пятилетие сводного бюджета нетто (по доходам) составляет около 47 мрд. руб. по отправному и около 50 мрд. руб. по оптимальному варианту против 19 мрд. руб. общей суммы бюджета нетто за истекшее пятилетие. Отношение к народному доходу проектируемого бюджета по расчетам отправного варианта таково:

	1927/28 г.	1932/33 г.
Госуд. бюджет (нетто) . . .	16,9	21,2
Сводный (нетто)	24,2	29,2

Как и в предшествующий период, это усиливающееся перераспределение народного дохода через бюджет идет, прежде всего, в связи с ростом финансирования народного хозяйства. Достаточно указать, что при росте обычных бюджетных расходов по отправному варианту примерно вдвое, расходы на финансирование народного хозяйства растут в $2^3/_4$ раза. Доминирующая роль принадлежит здесь индустриальной группе народного хозяйства.

Ориентировочный финансовый план промышленности по расчетам отправного варианта пятилетки представляется в следующем виде:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . .	2,04	3,93	16,25	+ 92,5	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	0,63	1,46	5,89	+ 131,0	30,8	37,2	36,2
б) краткосрочн. кред.	0,43	0,23	1,25	— 46,5	21,0	5,9	7,7
в) собств. средства	0,85	2,06	8,25	+ 142,0	41,6	52,3	50,8
г) прочие источники	0,13	0.18	0,86	+ 38,5	6,6	4,6	5,3
Итого . . .	2,04	3,93	16,25	+ 92,5	100	100	100

Обращает на себя внимание большая роль собственных накоплений, осуществляемых благодаря принятому разрыву между себестоимостью и ценой. Надо при этом иметь в виду, что около 1,9 мрд. руб. сверх указанных здесь собственных накоплений взято дополнительно в государственный бюджет с последующим возвратом в промышленность в целях большей концентрации внутрипромышленных накоплений. Выше уже было отмечено, что сальдо расчетов промышленности с бюджетом в предстоящем пятилетии будет осуществляться в условиях, существенно отличных от тех, которые были характерны для истекшего периода. Несмотря на это, отправной вариант пятилетки намечает положительное сальдо в пользу ВСНХовской промышленности в 1,5 мрд. руб., а с учетом ассигнований на электростроительство, золотопромышленность, промжилфонд общее сальдо в пользу индустриальной группы определяется в размере около 4 мрд. руб., т.-е. примерно с тем средне-годовым уровнем, который характерен для начала пятилетия. Только при этих условиях оказывается возможным тот масштаб и темп капитального строительства в промышленности, который принят в план.

Финансовый план сельского хозяйства в своей суммарной форме может быть представлен в таких расчетах:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . . .	0,80	1,95	7,46	+ 144	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	0,33	0,87	3,51	+ 163	41,3	44,6	47,0
б) система с.-х. кред. (возврат и привлеч. средства)	0,25	0,85	2,75	+ 240	31,3	43,5	36,0
в) прочие источники	0,22	0,23	1,20	+ 4	27,4	11,9	16,5
Итого . . .	0,80	1,95	7,46	+ 144	100	100	100

Здесь следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что весь план финансирования сельского хозяйства по расчетам отправного варианта в значительной степени зависит от запроектированного возврата ссуд в 2,7 мрд. руб. Крайняя слабость организованности нашей системы сельскохозяйственного кредита; неудовлетворительная практика возврата ссуд (не говоря уже о практике собственных крестьянских накоплений в нашей кредитной системе) заставляют обратить сугубое внимание на этот элемент финансового плана сельскохозяйственной программы.

План финансирования в области электростроительства опирается, главным образом, на прямые бюджетные ассигнования, как это видно из следующей ориентировочной справки:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . . .	288	681	2.559	+ 136	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюдж. система	147	354	1.450	+ 140	51,1	52,0	56,7
б) собств. средства	60	179	617	+ 191	20,8	26,3	24,1
в) прочие источники	81	148	492	+ 83	28,1	21,7	29,2
Итого . . .	288	681	2.559	+ 136	100	100	100

Финансовая программа транспорта исходит из стабильности в основном железнодорожных тарифов при понижении себестоимости транспортных перевозок примерно на 25% по расчетам отправного варианта; иными словами, здесь допускается разрыв между себестоимостью и тарифом, как в области промышленности между себестоимостью и ценой. Задачи капитальных вложений на транспорте, с одной стороны, и относительно низкий уровень наших тарифов, с другой стороны, делают достаточно обоснованным такой подход к решению финансовых задач транспорта. Общее строение его финансовой программы по отправному варианту таково:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . .	948	2.480	8.886	+ 182	—	—	—
Источники покрытия:							
а) собственные средства . .	518	1.344	4.940	+ 160	54,5	54,2	45,6
б) бюджетные средства . .	393	1.066	3.659	+ 171	41,5	43,0	41,2
в) прочие источники	37	70	287	+ 89	3,9	2,8	3,2
Итого . . .	948	2.480	8.886	+ 162	100	100	100

Роль бюджетной дотации транспорту для целей нового строительства и коренной реконструкции, как видно из этой справки, достаточно велика. Это определяется сравнительно большими задачами строительства на транспорте, принятыми в пятилетнем плане.

Жилищное строительство обобществленного сектора осуществляется при следующей программе финансирования:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребн. в средствах	400	963	3.561	+ 140	—	—	—
Источники покрытия:							
а) средства хозорган. . . .	114	374	1.284	+ 228	28,5	38,9	36,1
б) бюджетная система . . .	157	329	1.273	+ 110	39,2	34,1	35,8
в) социальн. страхов. . . .	103	174	718	+ 69	25,8	18,1	20,1
г) прочие	26	86	286	+ 221	6,5	8,9	8,0
Итого . . .	400	963	3.561	+ 140	100	100	100

Наконец, социально-культурная группа (просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение) опирается по преимуществу на два основных источника — на бюджетную систему и на средства системы социального страхования. Основные цифры здесь таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребл. в средств.	2,37	5,02	19,23	+ 111	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	1,23	2,55	9,96	+ 107	52,0	51,0	51,7
б) социальн. страхование .	0,92	1,99	7,40	+ 116	38,8	39,5	38,5
в) прочие	0,22	0,48	1,87	+ 100	9,2	9,6	9,8
Итого . . .	2,37	5,02	19,23	+ 111	100	100	100

Здесь даны лишь в самой общей форме важнейшие элементы финансовой программы пятилетия, как она запроектирована по расчетам отправного варианта. Следует подчеркнуть, что и в этих расчетах оказывается непокрытым ряд таких потребностей, которые едва ли могут быть игнорируемыми даже в условиях отправного варианта. Наиболее крупный разрыв намечается в отношениях между государственным бюджетом и местным бюджетом. Громадные строительные задачи пятилетнего плана потребовали в процессе сбалансирования задержать в системе государственного бюджета также ресурсы, которые и формально и по существу дела по праву должны принадлежать местному бюджету. Размер этих ресурсов может быть определен до 1 мрд. руб. Между тем, на местый бюджет падают крайне ответственные задачи как в области хозяйственного (коммунальное дело, дорожное строительство, агрикультурные мероприятия), так и в особенности в области культурного строительства. Вот почему эта тема требует еще своего дополнительного освещения в ходе дальнейших работ над пятилетним планом и, в частности, в связи с завершением разработки финансовой программы оптимального варианта.

Но основная трудность финансовой программы пятилетнего плана в обоих его вариантах заключается не в балансировании общих сумм за пятилетие, а в обеспечении финансовыми ресурсами тех производственных и строительных задач, которые падают на первые годы пятилетия и от осуществления которых в решающей мере зависят общие масштабы пятилетнего народнохозяйственного строительства. Искусство финансовой политики и должно быть направлено на решение этой последней задачи.

VII. Социальная программа плана

Каждый хозяйственный план в нашей стране, а тем более общий народнохозяйственный план на пятилетие, должен со всей отчетливостью отвечать на вопрос „кто кого“, т.-е. на вопрос о том, в какой мере в результате осуществления плана будет обеспечено усиление социалистических элементов в экономической системе СССР. Это тем более необходимо теперь, когда остатки капиталистических сил в нашей стране пытаются оказывать особенно ожесточенное сопротивление успешному ходу социалистического строительства.

Во всем предшествующем изложении было достаточно отчетливо показано, как красной линией через весь народнохозяйственный план пятилетки проходит идея индустриализации СССР, идея того индустриального строительства, которое является единственно возможной и единственно прочной базой укрепления социалистических элементов в народном хозяйстве и в социальной системе страны.

Характер строительной программы, направление капитальных вложений, связанное с этим движение основных фондов страны, темпы роста материального производства, размах строительства обобществленного сектора в сельском хозяйстве, перераспределение народного дохода,— все это последовательно и решительно подчинено той центральной регулятивной идее пятилетнего плана, которая намечает путь бурного развития производительных сил страны через индустриализацию, через социалистическое переустройство деревни, через неуклонное обобществление всех отраслей и процессов хозяйственной жизни.

Самые общие показатели процессов обобществления, как они намечены в пятилетнем народнохозяйственном плане, могут быть суммированы в следующей форме:

Удельный вес обобществленного сектора (госуд. и кооперативный)

	В %% к соответ. итогу 1927/28 г.	1932/33 г. (отпр. вар.)
Удельный вес городск. населения в общей числ. массы	18,4	20,0
Числ. лиц наемного труда . . .	82,1	85,0
В капит. вложениях	56,0	75,2
В основн. фондах	51,4	63,6
В продукц. сел. хоз. и пром. . .	46,9	62,2
В том числе:		
а) Сел. хоз.	1,9	11,5
б) Промышл.	88,0	95,8
В розничн. обороте	76,6	89,6

Первое, что должно быть здесь отмечено — это быстрый рост урбанизации страны, связанный с развитием государ-

ственной индустрии, с большим капитальным строительством и с громадным развертыванием производства, разумеется, прежде всего в обобществленном секторе. Нет сомнения, дальнейший ход социалистического строительства практически поставит большие вопросы об изменении самого типа городов. Но на ближайшем этапе нашего развития это усиление удельного веса городского населения, идущее, главным образом, за счет роста удельного веса пролетариата в общей численности населения (с 7,5% до 8,7%), является и крупным показателем и серьезным фактором в деле усиления социалистических элементов в стране.

Далее, бесспорным является рост роли обобществленного сектора в создании общей массы материальной продукции. В 1924/25 г. доля продукции обобществленного сектора в продукции сельского хозяйства и промышленности измерялась 29,8% к началу проектируемого пятилетия, в 1927/28 г. она поднялась до 46,9%, к концу проектируемого пятилетия, по расчетам отправного варианта, доля обобществленного сектора поднимается до 62%. Но особенно важным является здесь движение доли обобществленного сектора в сельскохозяйственной продукции, где она за пятилетие должна подняться от 1,9% в 1927/28 г. до 11,5% в 1932/33 г.

С точки зрения коренной реконструкции всей экономической системы страны решающим является направление капитальных вложений и связанное с этим движение основных фондов. Доля вложений в обобществленное хозяйство во всей сумме вложений подымается с 56% в 1927/28 г. до 75% в конце пятилетия. В связи с этим в общей сумме основных фондов страны доля обобществленного сектора подымается с 51% в начале пятилетия до 64% в конце пятилетия. В составе же фондов обобществленного сектора происходит наибольшее усиление роли индустриальных фондов.

Особый отпечаток на всю социальную программу пятилетнего народнохозяйственного плана накладывает строительство обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Именно по этой линии настоящий пятилетний план, составленный на основе директив XV с'езда ВКП(б), наиболее существенным образом отличается от всех тех перспективных ориентировок, которые были разработаны раньше. Рост посевных площадей обобществленного сектора (совхозы и колхозы) в сельском хозяйстве до 25 млн. га к концу пятилетия, т.-е. до 14% общей посевной площади страны, обеспечение к концу пятилетия 15% валовой продукции и 38% товарной продукции зерновых культур от колхозов и совхозов, вовлечение в это дело около 17—20 млн. душ крестьянского населения, что должно привести почти к приостановке роста населения в индивидуальном секторе крестьянства,—все это вместе вносит совершенно новое начало в самый строй сельскохозяйственного производства и

деревенской жизни вообще. Построенный на основе машинной техники и на началах научного земледелия, обобществленный сектор в сельском хозяйстве должен создать опорную позицию для преодоления капиталистических элементов деревни и для ее постепенного социалистического переустройства. На проектируемое пятилетие выпадает ответственнейшая задача поставить одну из крупнейших вех на этом пути.

Крупным фактором усиления социалистических элементов в хозяйственной системе страны является кооперация, которая уже в настоящее время стала одним из серьезнейших орудий обобществления не только в сфере распределения, но и в сфере производства. Проектируемое пятилетие намечает дальнейшее усиление кооперативных позиций и роли кооперации во всех тех отраслях хозяйства, где она (кооперация) призвана осуществить обобществление мелкого производства. Важнейшие показатели процессов кооперирования таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г. (отпр. вариант)
А. Кооперир. производства.		
1) Доля продукц. колхозов во всей продукции зерна	0,8	9,2
2) Доля продукц. мелкой коопер. пром. во всей продукции мелкой промышленности	32,7	68,0
Б. Кооперир. обращения.		
1) Доля кооперированного товарооборота (розничного)	62,7	77,5
В. Кооперир. населения.		
1) Колич. хозяйств (в тыс.) в с.-х. коопер.	9.600	23.580
%% кооперирования	37,5	85,0
2) Число коопер. в потребкоопер.		
а) город (млн. душ)	8,7	16,5
%% кооперир.	45,3	70,0
б) село (млн. душ)	13,8	31,8
%% кооперир.	19,1	40,0

Само собой разумеется, что все эти пути и методы усиления социалистических элементов в народном хозяйстве (в области производства, капитальных вложений, движения фондов, строительства обобществленного сектора в сельском хозяйстве, кооперирования и т. п.) окажутся надежным орудием при решении задачи „кто кого“ лишь в том случае, если будет осуществлено намечаемое в плане значительное улучшение качества работы обобществленного сектора. Вот почему 30 или 35-процентное снижение себестоимости промышленной продукции, 25-процентное удешевление транспортных услуг, 40 или 50-процентное снижение стоимости промышленного строительства, удвоенное по сравнению с индивидуальным хозяйством повышение урожайности в совхозах и колхозах и все прочие качественные задачи в обобществленном

секторе являются не только элементом хозяйственного плана, но и громадным орудием в решении социальных задач пятилетки.

Движение и структура народного дохода принадлежат к числу наиболее обещающих и наиболее важных показателей для оценки как всего народнохозяйственного плана, так и его социальной программы в частности. Народный доход должен вырасти в проектируемом пятилетии в червонных ценах с 24,8 мрд. руб. в 1927/28 г. до 40,4 мрд. руб. по отправному и 43,4 мрд. руб. по оптимальному варианту, а в неизменных ценах соответственно до 44,0 мрд. руб. и до 49,5 мрд. руб. Иными словами, в червонных ценах народный доход вырастает за пятилетие на 65% по отправному и на 75% по оптимальному варианту и в неизменных ценах соответственно на 79% и на 101%. Это дает ежегодный рост народного дохода больше, чем на 10%, т.-е. в темпе, втрое превышающем рост народного дохода в дореволюционной России и значительно превышающем темпы роста его во всех передовых капиталистических странах. Нет нужды подчеркивать громадное не только практическое, но и принципиальное значение такого движения народного дохода в перспективе предстоящего пятилетия.

Производственная структура народного дохода по расчетам отправного варианта видна из следующих сопоставлений:

Удельный вес в процентах к итогу чистой продукции

	1927/28 г.	1932/33 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
	В ценах кажд. года		В неизм. ценах 1926/27 г.	
Земледелия	38,7	34,1	36,3	29,0
Всей промышл.	31,0	34,0	32,4	37,6
В том числе крупной	21,0	25,0	21,9	27,4
Строительства	4,0	6,5	4,0	3,5

Процесс индустриализации страны отчетливо виден здесь сквозь призму народного дохода. На ряду с промышленностью быстро растает и роль строительства. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что удельный вес в народном доходе сельского хозяйства в неизменных ценах несколько ниже, чем в червонных и, наоборот, удельный вес промышленности в неизменных ценах несколько выше, чем в червонных. В этом сказывается политика почти стабильных сельскохозяйственных цен и снижающихся промышленных цен, которая взята в расчетах отправного варианта плана. Это и приводит к тому, что в сфере распределения сельскохозяйственная продукция занимает несколько большую позицию, чем в сфере производства. Учитывая тот факт, что наши сельскохозяйственные цены ниже мировых, а промышленные выше мировых, учитывая, далее, линию на сближение так называемых „ножниц" а также специальные задачи по форсированию сельскохозяйственного производства, нельзя усматривать ничего отрицательного в этом движении ценностных моментов в структуре народного дохода.

Структура народного дохода по социальным секторам отражает быстрый ход обобществления точно так же, как производственная структура отражает процесс индустриализации страны. В 1924/25 г. обобществленный сектор участвовал примерно лишь в 30% образования народного дохода, в 1927/28 г. его роль поднялась до 50%, к концу пятилетия она достигнет 65%. Иными словами, к концу проектируемого пятилетия около 65% чистой продукции страны будет создаваться в обобществленном секторе.

Народный доход (чистая продукция), взятый на душу населения, по расчетам отправного варианта, дает рост в черв. ценах с 164 руб. в 1927/28 г. до 241 руб. в 1932/33 г. и в неизменных ценах до 261 руб., т.-е. доход на душу вырастает в неизменных ценах на 60% и в червонных ценах на 47% за пятилетие.

Сумма доходов (исчисленная по субъективному методу) вырастает по расчетам отправного варианта с 25,9 мрд. руб. в 1927/28 г. до 41 мрд. руб. в 1932/33 г., или на 58%. Социальная структура доходов может быть иллюстрирована следующими показателями:

	Рост за 5 лет (в %%)	Удельный вес (в %% к итогу)	
		1927/28 г.	1932/33 г.
С.-х. пролетариат	+ 88	2,1	2,5
Крестьяне	+ 40	49,9	44,2
В том числе коллективизир. группа	—	0,6	5,8
Все земледел. население	+ 42	52,0	46,7
Пролетариат	+ 78	33,2	37,5
Труд непролетар. группы	+ 25	6,7	5,3
Буржуазия	— 47	2,0	0,7
В том числе промышл.	— 25	0,7	0,3
Все неземлед. насел.	+ 82	43,9	45
Все население	+ 50	90,2	85,6
Доходы предпр. обобщ. сектора	+ 132	9,8	14,4

Здесь находит свое отражение не только усиление позиций пролетариата, но и усиление позиций трудовой

армии обобществленного сектора в сельском хозяйстве.

Наконец, большой интерес и большое значение представляет собой намечаемое на пятилетие движение душевых номинальных и реальных доходов городского и сельского населения. Показатели здесь таковы:

	Рост дохода на душу (по отправн. варианту, в %%)	
	Номинал.	Реальн.
Гор. население	+ 36	+ 50
В том числе лиц наемн. труда .	+ 42	+ 56,6
Сел.-хоз. насел.	+ 29	+ 46,1
В том числе:		
а) коллект. хозяйств	+ 44	+ 63,0
б) индив. хозяйств. . . .	+ 25	+ 41
в) с.-х. пролетариат. . . .	42	60

Нужно иметь в виду, что расчеты доходов сельского населения (в виду крайней трудности исчислений) взяты в том предположении, что доля его доходов от неземледельческих работ останется стабильной на уровне 1927/28 г., что вызывает некоторое сомнение в связи с бурным ростом индустриализации. Таким образом, душевые доходы сельского населения здесь скорее несколько преуменьшены. С этой оговоркой можно считать, что реальные уровни благосостояния городского и сельского населения по расчетам отправного варианта плана будут расти примерно в одном и том же темпе. Иными словами, осуществление отправного варианта приостановит дальнейшее нарастание разрыва между уровнями благосостояния города и деревни и тем самым положит прочное начало для дальнейшего постепенного их сближения, т.-е. положит начало для разрешения одной из величайших задач социализма.

Таковы важнейшие элементы социальной программы пятилетнего плана. Каждый из этих элементов в отдельности и вся социальная программа в целом намечены на основе решений XV с'езда ВКП(б) и в соответствии с великими задачами социалистического строительства в нашей стране.

М. М. Вольф

Проблемы реконструкции сельского хозяйства[1]

Основная установка с.-х. плана

При подходе к изложению любой части пятилетнего плана народного хозяйства естественно ставить вопрос, в какой мере увязаны планы будущего с наметившимися тенденциями нашего хозяйственного развития за период, предшествующий плану. Это особенно относится к плану по сельскому хозяйству. Для планов промышленности этот вопрос не имеет такой остроты. Было, правда, время, когда буржуазные экономисты предсказывали, что в промышленности, по мере перехода от восстановительного периода к реконструктивному, мы будем иметь резкое снижение темпов развития. Одно время такие пророчества оказали некоторое влияние даже на товарищей, занимавшихся составлением промышленных пятилеток. Но жизнь показала, что, перейдя к реконструктивному периоду, мы сохранили в промышленности темпы восстановительного периода и что те, которые пророчили обратное, недоучли творческих сил, скрытых в системе планового хозяйства. Работники промышленности смело строят сейчас свои пятилетние планы, сохраняя на всем протяжении пятилетия почти одни и те же темпы роста.

Работники по сельскому хозяйству находятся в гораздо более трудном положении. Мы приступаем к составлению пятилетнего плана по сельскому хозяйству, имея позади себя некоторые неблагоприятные показатели развития этого хозяйства. Мы имели в прошлом 1927/28 г. сокращение посевных площадей зерновых культур, прошлой осенью сократился озимый клин примерно на 1.300 тыс. *га*. Мы имели в 1927/28 г. очень медленный рост стада и есть некоторые основания предполагать, что 1928/29 г. не даст благоприятных показателей количественного роста животноводства.

Основная причина сокращения зерновых посевов известна. Это сокращение было вызвано, прежде всего, массовой гибелью весной 1928 г. озимых, после чего пострадавшим районам не так легко было оправиться, несмотря на помощь государства. Но было бы, однако, неправильным снижение некоторых показателей об'яснять исключительно стихийными условиями. Здесь сыграли некоторую роль и более глубокие причины социально-экономического

[1] Статья представляет собою литературную переработку основной части доклада автора на V с'езде госпланов.

порядка — сокращение посевов зажиточных хозяйств, только частично скомпенсированное расширением посевов бедняцких хозяйств.

Как бы то ни было, кон'юнктура последних полутора лет говорит о некоторых снижательных тенденциях в сельском хозяйстве. Возникает, таким образом, вопрос, имеем ли мы при этих условиях основание проектировать такие темпы развития сельского хозяйства, какие мы намечаем в плане, нет ли здесь отрыва от действительности, скачка в области фантазии? Чтобы ответить на эти вопросы надо, прежде всего, разобраться в условиях, вызвавших кон'юнктуру последних лет.

Что переход от восстановительного периода к реконструктивному сопровождался именно в сельском хозяйстве некоторыми снижательными тенденциями не является случайным, а находится в связи с теми классовыми отношениями, которые сложились к настоящему моменту на селе.

Мы имеем значительную диференциацию крестьянских масс. Мы располагаем сейчас данными о распределении крестьянских хозяйств по размерам средств производства. Если отделить 10% хозяйств, принадлежащих к высшим по стоимости средств производства группам, то на долю этих хозяйств в главнейших производящих районах (в степной части УССР, на Сев. Кавказе) приходится 35—45% всех средств производства и свыше 30% стоимости рабочего скота. С другой стороны, если отделить 30% хозяйств, относящихся к низшим по стоимости средств производства группам, то на долю этих 30% приходится всего только 5—7% всей стоимости средств производства и в своей массе это хозяйства, вовсе лишенные рабочего скота. Надо сделать оговорку. Среди этих 30% хозяйств с незначительными размерами средств производства имеется большая часть хозяйств, уже не ведущих самостоятельного сельского хозяйства. Если это учесть, то будет ближе к истине сказать, что 5—7% средств производства принадлежат не 30%, а 20% крестьянских хозяйств. И все же 10% крестьянской верхушки владеет больше, чем $^1/_3$ всех средств производства и вдвое большее число хозяйств низшей группы владеет только 5—7% всех средств производства. Это достаточно иллюстрирует диференциацию села.

Мы сейчас еще не располагаем данными о том, как распределяется посевная площадь по группам хозяйств, с различным размером средств производства. Но имеются данные о распределении посевной площади на основе весенних опросов за три года (1925, 1926 и 1927 гг.). Эти данные показывают, что на долю 10% многопосевных хозяйств приходится 32,5% всей посевной площади 1927 г., на долю 30% малопосевных хозяйств приходится всего 6,5% посевной площади, остальные 61% приходится на 60% средних посевных групп. В отношении низшей группы надо сделать ту же поправку, что и по размерам средств производства, ибо не все 30% этих хозяйств являются земледельческими хозяйствами. Хотя статистические источники распределения крестьянских хозяйств по средствам производства и по посевам различны, но полученные ряды более или менее аналогичны.

Поэтому мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что 10% наиболее зажиточных хозяйств, владеющих больше $^1/_3$ всех средств производства, имеют такой же или почти такой же удельный вес в посевной площади. Правда, в 1928 г. имело место некоторое сокращение посевов высших групп деревни и заметное усиление посевов бедняцких хозяйств. Однако, за один год не могли произойти столь существенные сдвиги, которые изменили бы общий характер распределения средств производства и посевов.

Разумеется, далеко не все 10% зажиточных и многопосевных хозяйств являются кулацкими хозяйствами. По данным ЦСУ процент мелкокапиталистических хозяйств составляет по Союзу в целом 3,9%. Некоторая часть из них мало занимается посевами. Однако, без сомнения, главная масса этих 4% мелкокапиталистических хозяйств находится среди той десятипроцентной верхушки, с которой мы говорили.

Совершенно понятно, что доля этой верхушки в товарном хлебе должна быть еще более значительной, и не будет преувеличением сказать, что на нее приходится около 40% всего товарного хлеба. Эти цифры вскрывают основные причины переживаемых нами хозяйственных затруднений. Главная масса товарных хлебных ресурсов страны находится в руках сравнительно небольшой группы зажиточных хозяйств, среди которых кулацкая прослойка имеет значительный удельный вес.

Буржуазные экономисты уверяют нас, что есть один только путь изживания затруднений — пойти на поклон к кулаку, не стеснять его развития. Не может быть сомнения, что такой путь ведет не к построению социализма, а к восстановлению капитализма величайшим социальным потрясениям, подчинению и закабалению нашей страны иностранным капиталом. Это путь нам враждебный. Есть товарищи, которые на поклон к кулаку не намерены итти, но желали бы, чтобы мы своей политикой „не обижали" верхушку села, не только ее зажиточную, неэксплоататорскую часть, но и кулацкую. Такая межумочная политика топтания на месте ведет только к воспроизводству существующих ныне хозяйственных затруднений в расширенном масштабе.

Наконец, есть третий, предуказанный XV партийным с'ездом путь, на котором строится пятилетний план сельского хозяйства,— путь коренной реконструкции социальных отношений на селе, который является единственно верным путем изживания хозяйственных затруднений последнего времени, преодоления замедления в развитии сельского хозяйства и придания этому развитию нарастающих темпов. План ставит себе целью на протяжении пятилетия

в противовес верхушке зажиточных индивидуальных хозяйств, среди которых ведущую роль играют хозяйства кулацкие, создать производственный массив социалистического земледелия. Это не значит, что мы предполагаем вести борьбу не только с явно-кулацкими элементами, но и с зажиточными, хотя и не эксплоатирующими хозяйствами. Но мы исходим из того, что самая борьба с кулаком будет тем успешнее, тем легче будет подчинить государственному регулированию зажиточные хозяйства и предупредить их превращение в кулацкие, чем успешнее на фоне общего роста массы бедняцких и середняцких индивидуальных хозяйств будет складываться мощное социалистическое земледелие.

Создать социалистическое земледелие, которое к концу пятилетия имело бы такой удельный вес в товарном зерне, какой имеет сейчас крестьянская верхушка — вот одна из основных установок плана. Это не значит, что продукция верхушечной части крестьянства к концу пятилетия перестает играть роль в товарной массе зерна. За это пятилетие возрастают потребности страны в зерне для продовольствия и для экспорта. Но с созданием социалистического земледелия удельный вес этих верхушечных хозяйств снижается и они не могут уже так воздействовать на наше хозяйство, как сейчас.

Наш план не отрывается от современной кон'юнктуры сельского хозяйства. Он исходит из этой кон'юнктуры, из скрытых в ней противоречий и ставит себе задачу организовать преобладающую массу бедняцких и середняцких хозяйств для преодоления отрицательных моментов современной кон'юнктуры путем социалистической и технической реконструкции земледелия, путем строительства социализма в сельском хозяйстве.

Можем ли мы себе ставить такую задачу? Посильна ли она для нас? На этот вопрос мы отвечаем утвердительно: рост нашей промышленности, в особенности промышленности, производящей средства сельскохозяйственного производства, создает об'ективные возможности для разрешения этой задачи.

1927/28 г. был для сельского хозяйства в известной степени знаменательной датой. До 1927/28 г. мы едва поспевали покрывать амортизацию сел.-хоз. инвентаря и понемножечку восстанавливать инвентарный фонд. В 1927/28 г. мы не только покрыли амортизацию, но восстановили сел.-хоз. инвентарь до довоенных размеров, определяемых примерно в 1 миллиард рублей. Наступающее пятилетие будет периодом усиленного роста сел.-хоз. инвентаря. По пятилетнему плану промышленности годовая продукция сел.-хоз. машиностроения с 153 млн. руб. поднимается к концу пятилетия до 525 млн. руб. по отправному варианту и до 610 млн. руб. по оптимальному. Рост колоссальный, темп невиданный.

Такой об'ем машиностроения позволяет в течение пятилетия удвоить стоимость сел.-хоз. инвентаря. А к 1932/33 г. с 1 мрд. руб. стоимость сел.-хоз. инвентаря повысится до 2 мрд. руб. Вспомним

теперь, что 10% зажиточных крестьянских хозяйств обладает 35% стоимости всех сел.-хоз. машин, т.-е. из 1 мрд. руб. на долю этих хозяйств приходится машин на 350 млн. руб. Ничего фантастического нет в том, что мы, имея возможность увеличить за пятилетие сел.-хоз. инвентарь на 1 мрд. руб. ставим себе задачу, опираясь на бедноту и середняка, создать механизированный массив социалистического земледелия, который будет противостоять верхушечной 10% группе крестьянских хозяйств, имеющей сейчас 30% продукции и процентов 40 товарного хлеба. Рост нашей промышленности, новая техническая база земледелия, которая создается в этом пятилетии, позволяет нам такую задачу себе поставить.

При этом возникают, однако, крупнейшие затруднения в вопросе о тяговой силе.

Новая энергетическая база

Если мы можем форсировать машиностроение, то создавать живую двигательную силу можно только в определенных размерах. Возможность роста рабочего скота за пятилетие наши специалисты определяют в 19—20%; они говорят, что это максимум того, что возможно. Конечно, главная масса нарождающегося молодняка рабочего скота останется в тех хозяйствах, которые сейчас имеют рабочий скот и лишь в очень малой степени может перейти в хозяйства, лишенные сейчас инвентаря.

Таким образом, создается несоответствие между темпом роста сел.-хоз. машиностроения, которое намечается в промышленных планах, и медленным ростом живой двигательной силы. Вот почему вопрос о пополнении живой двигательной силы механической является одним из центральных пунктов плана. В силу этого пятилетка выдвигает большой план тракторонаснабжения страны. В дополнение к тем 88 тыс. тракторов, которые наша промышленность предполагает создать за пятилетие, план намечает ввоз значительного числа тракторов из-за границы. Этот ввоз нельзя отложить на последние годы пятилетки и нужно начать его уже с следующего года. Это очень трудно с точки зрения наших экспортно-импортных ресурсов, но эта задача столь важна и значительна, что Госплан признал необходимым в пятилетнем плане импорта забронировать ввоз этих тракторов.

Усиленная тракторизация сельского хозяйства является одним из важнейших условий разрешения той социальной задачи, которую мы ставим для пятилетия. Но этим самым мы в течение пятилетия подготовливаем еще более крупные сдвиги для периода генерального плана, ибо сейчас уже совершенно ясно, что если на основе развития живой тяговой силы возможно поднимать сел.-хоз. продукцию страны, то совершить крупные социальные сдвиги в сельском хозяйстве без его тракторизации мы не сможем.

Будет, однако, ошибкой думать, что весь вопрос в том только, чтобы были машины и были тракторы. Важно, чтобы эти машины и тракторы могли быть рационально использованы и дали максимальный эффект. Нам нужно, чтобы, направляя машины и тракторы на помощь, прежде всего, бедняцкому хозяйству, не получалось бы собеза, а собез будет тогда, когда машины и тракторы будут использоваться таким образом, что они не создадут в хозяйстве расширенного воспроизводства. Тут возникает крупнейшая организационная задача. Если тракторы, которые мы с таким напряжением для народного хозяйства в целом будем ввозить, мы будем использовать так, как мы до сих пор использовали их, когда трактор в лучшем смысле заменял 6—8, максимум 10 лошадей, то мы, конечно, значительных сдвигов не совершим. Но у нас уже есть сейчас практический опыт, показывающий, что при правильной организации использования трактора мы можем им заменить не 8 и не 10 лошадей, а 20 и больше.

Мы потому смело запроектировали развитие в нашей стране на протяжении пятилетия крупного механизированного хозяйства, что наш опыт в этом направлении уже не так незначителен. Мы имеем на Украине около 100 тыс. *га* механизированных посевов; в этом году осенью по РСФСР вспахано тракторами около 200 тыс. *га* пахоты. Материалы, которыми мы располагаем, показывают, что большого расхождения между нормами, которые теоретически исчислялись, и нормами, которые достигнуты в практической работе, нет.

Недавно мы рассматривали производственный план Зернотреста на 1928/29 г. В основу этого плана легли материалы, почерпнутые как из иностранного, так и из нашего собственного опыта. По этому плану себестоимость одного центнера твердой яровой пшеницы, при среднем урожае, составит в 1929 г. около 6,5 рублей. Эта себестоимость может быть, по имеющимся расчетам, значительно снижена еще в этом году и еще более в последующие годы, ибо в состав себестоимости вошла стоимость семян в 14 руб. на *га*. Это об'ясняется тем, что Зернотрест сейчас приобретает высококачественные сортовые семена по 12—15 рублей за центнер. С будущего года, когда он будет иметь свои собственные семена, стоимость семян снизится вдвое. Себестоимость зерна первого года в значительной мере повышается благодаря большому расходу на горючее и амортизацию инвентаря, потому что поднимаются целины и залежные земли. Данные известного механизированного хозяйства Кэмбпелла в Америке, данные украинских совхозов дают все основания считать, что 5 руб. это максимальная себестоимость центнера пшеницы, которую мы должны иметь в механизированных хозяйствах уже в ближайшие годы, и есть много данных и вероятия, что себестоимость будет ниже. Но даже 6,5 руб. за центнер дешевле если учесть не только то, что мы платим непосредственно крестьянину (7,5—8 руб. за центнер), но и те крупнейшие расходы, которые связаны с закупкой этого хлеба, с содержанием заготовительного аппарата, с проведением заготовительных кампаний и т. д., и т. д.

Чтобы организовать такое механизированное хозяйство, нам нужно вложить на гектар пахоты, по расчетам Зернотреста, примерно около 80 руб.; это близко к цифре 85 руб., которую показывает Кэмбпелл для его американского хозяйства. Если принять во внимание и оборотные средства и перевести вложения с гектара пахоты на гектар посева, то окажется, что на гектар посева приходится вложений около 150 руб. Это все же весьма крупные вложения. Такие средства мы в состоянии затрачивать для организации крупного государственного хозяйства. Но если мы должны были бы механизировать и обобществлять крестьянское хозяйство, делая такие же крупные вложения, то массовое обобществление сильно затормозилось бы.

Величайшая заслуга Украинского совхозоб'единения, организовавшего опыт механизации и обобществления крестьянских хозяйств вокруг совхозов им. Шевченко и большая заслуга вдохновителя и организатора этого опыта тов. Маркевича заключаются в том, что они на опыте показали возможность обобществить и механизировать парцеллированные, распыленные мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства с затратами средств гораздо меньшими, чем это требуется для построения крупного государственного хозяйства. Как мы знаем из детальнейших расчетов, приведенных тов. Маркевичем в его книге („Межселенные машино-тракторные станции"), массовая механизация крестьянских хозяйств требует всего около 30 руб. вложений на *га* пахоты или 35—40 руб. на *га* посева. Это достигается тем, что полеводственный процесс изымается из совокупности всех остальных сел.-хоз. процессов и организуется одна крупная межселенная машино-тракторная станция, которая обслуживает ряд сел с 40—50 тыс. *га* пахоты. Такая станция свободна от крупнейших расходов, которые при организации совхозов, коммун и артелей связаны с жилстроительством, организацией усадеб и проведением целого ряда других мероприятий, поглощающих больше половины вложений.

Возможно, конечно, что данные о вложениях, которые показывает тов. Маркевич на основании опыта своей работы, в других случаях будут несколько выше, ибо не во всех случаях мы будем иметь совершенную организацию. Но порядок цифр вряд ли очень серьезно изменится.

Много раз приходилось слышать вопрос: когда же, наконец, в сельском хозяйстве появится свое ГОЭЛРО? Сельское хозяйство его ждет и никак не дождется. Сейчас мы уже можем сказать, что в сельском хозяйстве ГОЭЛРО создается на наших глазах. Когда Г. М. Кржижановский создавал план ГОЭЛРО — десятилетний

план электрификации, то по этому плану и к концу десятилетия электрическая сила в отношении ко всей механической силе, работающей в промышленности, занимает весьма скромное место. Тем не менее, этот план с полным основанием признается ведущей частью всего народнохозяйственного плана на целый исторический период.

Мы сейчас имеем основание сказать, что несмотря на относительно еще незначительную роль механической двигательной силы в сельском хозяйстве, по сравнению с живой двигательной силой все же в том типе машино-тракторных станций, который сейчас перед нами вырисовывается, есть уже элементы ГОЭЛРО в сельском хозяйстве. До сих пор было очень трудно отвечать на вопрос, как связать план электрификации в целом с электрификацией распыленного мелкого крестьянского хозяйства. Идея создания машино-тракторных станций или, как их правильно называют, межселенных энергетических центров, открывает в этом отношении величайшие перспективы. Пусть пока эти станции строятся на двигателях внутреннего сгорания, но они уже сейчас нуждаются в электрической энергии для обслуживания своих крупных ремонтных мастерских и всякого рода подсобных сооружений.

Впоследствии, когда техника в сельском хозяйстве продвинется вперед, когда будут изобретены и усовершенствованы электромашины для работы в сельском хозяйстве, эти межселенные энергетические центры явятся центрами, связывающими электрификацию промышленности с электрификацией сельского хозяйства.

Хотя пятилетний план намечает охватить машино-тракторными станциями площадь всего в 2,3 млн. *га* посева, но это есть только начало большого плана охвата в течение десяти лет 25 млн. *га* пахоты. Эта грандиозная задача может быть выполнена путем не столь значительных затрат импортной валюты в первые два года.

Достаточно обоснованные расчеты показывают, что с организацией машино-тракторных станций, благодаря высокому качеству обработки, полному уничтожению меж, созданию односортных массивов и т. д., можно с первого же года добиться повышения урожая на 3—3,5 центнера с *га*. Если экспортировать только эту добавочную продукцию, совершенно не затрагивая остальной товарной массы зерна, то окажется возможным дальнейшее развитие машино-тракторных станций строить на основе этой валютной выручки от прироста продукции. Перспектива настолько значительна и увлекательна, что заставляет нас уже сейчас с особым вниманием отнестись к проектировке машино-тракторных станций в пятилетнем плане народного хозяйства. Пусть в общем об'еме сельского хозяйства роль их в пятилетие будет еще очень невелика, но для перспективы строительства социализма на селе трудно переоценить значение этих станций.

Мы не скрываем от себя целого ряда трудных вопросов социального порядка, возникающих при организации этих машино-тракторных станций. Возникает сомнение, целесообразно ли, например, итти путем обобществления и механизации сел в целом, затрачивая государственные средства на механизацию хозяйств, которые сами обладают достаточным инвентарем, хотя и конным. Если бы было признано, что в интересах нашей социальной политики надо исключить 5—10% наиболее богатых хозяйств из обслуживания машино-тракторными станциями — это отнюдь не нарушило бы всего плана и не создало бы каких-либо особенных технических затруднений.

Придавая такое значение машино-тракторным станциям, мы должны в то же время отметить большие трудности, которые стоят на пути организации этих станций. Мы практического опыта по организации этих станций имеем еще очень немного. Пока мы имеем конкретный опыт и конкретные расчеты только для степной Украины. Там тип зернового хозяйства—сочетание озимых и яровых культур — таков, что трактор загружен почти равномерно на протяжении всего полевого периода. Не во всех районах это окажется так. Уже Зернотресту при его движении на восток в районы исключительно яровых культур пришлось встретиться с тем, чего нет в степной Украине, а именно, в графике работы трактора есть незаполненный период, правда, небольшой. С теми же или другими затруднениями мы встретимся в ряде других районов. Надо иметь в виду, что организация машино-тракторных станций не есть просто замена живой тяговой силы механической, а является крутой ломкой всего строя крестьянского хозяйства: с удалением лошади исчезает необходимость посевов фуража, меняется использование трудовых ресурсов хозяйства и т. д., и т. д. Поэтому важнейшей задачей ближайшего времени является накопление практического опыта по организации машино-тракторных станций в различных районах.

С этой точки зрения необходимо с особым вниманием отнестись к тому сдвигу, который намечает Сахаротрест в своем пятилетнем плане.

Сахаротрест решил смело сломать старые традиции сочетания крупного интенсивного свекловичного хозяйства с воловьей тягой и приступить к механизации своих хозяйств. Это открывает большие перспективы сочетания в этих хозяйствах производства технического сырья с одновременным развитием в больших размерах продуктивного животноводства. Благоприятное разрешение этой задачи имеет значение не только для крупных государственных хозяйств, но откроет путь к разрешению одной из сложнейших проблем нашего сельского хозяйства, так называемого аграрного перенаселения.

В аграрно-перенаселенных районах, в районах острого малоземелья лошадь с'едает продукцию почти с половины надела. Крестьянин Подолии имеет в среднем 2—3 *га* посева, и половину продукции с этой площади с'едает лошадь (зерном,

сеном и т. д.). Если в государственных хозяйствах Сахаротреста будет удачно разрешена проблема механизации свекловичных хозяйств, то откроются совершенно новые перспективы для коллективизации крестьянских хозяйств этих районов. В крупных механизированных колхозах возможно будет процент площади под сахарной свеклой поднять значительно выше, чем сейчас и в то же время развивать продуктивное животноводство в размерах, сейчас недоступных для мелких крестьянских хозяйств. Механизация не только не помешает развитию интенсивных трудоемких отраслей сельского хозяйства, как это многим кажется, а наоборот — впервые создаст для масс мельчайших хозяйств этих перенаселенных районов реальную возможность заняться интенсификацией своего хозяйства. Это—проблема, полное разрешение которой выходит за пределы настоящей пятилетки; она представляет одну из центральных проблем генерального плана. Но то, что на протяжении этого пятилетия будет сделано по механизации хозяйств Сахаротреста и по созданию первых опытных машино-тракторных станций в районах аграрно-перенаселенных, имеет огромное практическое и принципиальное значение.

Сложность проблемы механизации сельского хозяйства в тех его совершенных формах, о которых мы говорили выше, требует создания уже сейчас специального центра или центров, которые занялись бы разработкой всех сложных проблем, возникающих в связи с механизацией и массовым обобществлением крестьянских хозяйств при посредстве машино-тракторных станций, которые обеспечили бы компетентное техническое и социальное руководство, заботились бы о том, чтобы достижения отдельных станций немедленно стали бы достоянием всех остальных, разрабатывали бы основу организационных планов обобществленных хозяйств, занялись бы подготовкой кадров, разрабатывали бы более целесообразные типы тракторов, прицепных орудий и т. д. Нам нужна в этом деле организация, аналогичная Гипромезу, но которая не только проектировала бы, но и руководила бы осуществлением своих проектов в жизнь. Надо с большой опаской относиться к такому положению, когда тракторные колонны, машино-тракторные станции, организуемые отдельными районными союзами, отдельными кустами, земельными обществами и т. д., не имеют правильного технического и организационного руководства и не могут поэтому обеспечить таких высоких качественных показателей, какие желательны и возможны.

Не надо всецело полагаться только на повышенный интерес, который сейчас крестьяне проявляют к новому типу механизированного хозяйства. Вопрос окончательно решат качественные показатели: экономия на горючем, экономия на всех других расходах, а главное — длительная бесперебойная работа тракторов. Это может быть обеспечено только правильной организацией дела.

Совхозы и колхозы

На основе механизации мы в это пятилетие, прежде всего, организуем новые большие площади государственных хозяйств, реорганизуем старые совхозы и создаем большую площадь колхозов.

План намечает полное осуществление к концу пятилетия основной программы развития хозяйств Зернотреста. В 1933 г. Зернотрест должен дать 16 млн. центнеров товарного хлеба, которые партия поставила ему, как задание.

Организация Зернотреста потребует капитальных вложений около 350—400 млн. руб. Уже сейчас выявляется ряд сложных вопросов, которые необходимо разрешить в связи с организацией Зернотреста. Главные массивы земель Зернотреста находятся в районах малонаселенных, и вопрос об обеспечении Зернотреста рабочей силой является одним из самых сложных. Поэтому план предусматривает организацию вокруг земель Зернотреста колхозов из переселенцев и поселков индивидуальных переселенцев. Зернотресту это облегчит получение необходимой ему рабочей силы, а с другой стороны—Зернотрест, обладая крупными энергетическими базами, сможет оказать значительное содействие механизации хозяйств переселенцев и их дальнейшему обобществлению. Таким образом, намечается совершенно новый вид заселения свободных земель путем органического сочетания государственных, коллективных и индивидуальных крестьянских хозяйств, используя тот принцип отношений государственных хозяйств и крестьянских, который наметился на Украине в совхозе им. Шевченко. Так, например, в Казакстане на протяжении пятилетия предполагается вновь освоить 6,5 млн. *га* из них Зернотрест займет 66%, колхозы около 12%, индивидуальное крестьянское хозяйство—около 22%. Это, конечно, совершенно грубая наметка, но она все же показывает новый тип заселения свободных земель востока, который начнет осуществляться в этом пятилетии и который найдет свое полное развитие уже в генеральном плане.

Какую роль наше государственное хозяйство сыграет в это пятилетие в разрешении зерновой проблемы? По проектировке мы можем в 1932/33 г. ожидать от государственных хозяйств около 28 млн. центнеров товарного хлеба. Это—хлеб урожая 1932 г.; урожай же последнего года пятилетия (1933 г.), который зачисляется уже в продукцию следующего пятилетия, должен при средних условиях дать 35 млн. центнеров товарного хлеба. Если мы будем твердо выполнять план развертывания хозяйств Зернотреста, эти цифры явятся достаточно реальными. Таким образом, в 1932/33 г. государственные хозяйства дадут 16% всего товарного хлеба, т.-е. хлеба, необходимого для обеспечения городов, армии, промышленности и накопления государственных запасов.

В поставке технического сырья роль государственных хозяйств в это пятилетие будет значительна только по свекле, хотя удельный вес госхозяйств снижается с 29—30% до 21% всего перерабатываемого сахарной промышленностью сырья. Это совершенно понятно, так как площадь Сахаротреста ограничена, а процент свеклы в его посевах и сейчас уже достаточно велик, между тем как крестьянское свеклосеяние имеет неограниченные возможности для своего развития.

Пятилетка намечает развитие культуры льна в госхозяйствах. Льнообрабатывающие заводы в это пятилетие будут строиться в значительном количестве и, прежде всего, их целесообразно строить в госхозяйствах льняных районов. Эти хозяйства должны взять на себя обязательство обеспечить заводы определенным процентом сырья для того, чтобы льнообрабатывающие заводы могли регулировать крестьянский рынок льна. Без некоторой твердой сырьевой базы льнообрабатывающие заводы будут очень неустойчивыми.

Если в области полеводства роль государственных хозяйств к концу пятилетия чрезвычайно сильно возрастает, то нельзя этого сказать о животноводстве. Один из двух наиболее крупных трестов—Зернотрест—в этом пятилетии своего животноводства еще развивать не будет; он только будет подготовляться к развертыванию продуктивного животноводства во втором пятилетии. На его свободных землях будет происходить только выпас шерстных овец, а на его грубых кормах будет итти откорм приобретенного со стороны мясного скота. Другой крупный трест—Сахаротрест—делает в этом пятилетии только первый шаг к развитию продуктивного животноводства. К концу пятилетия у него будет около 2 коров на 100 *га* посева, в то время как у крестьян их приходится 30. Только после того как Сахаротрест удачно разрешит проблему механизации своих хозяйств и откажется от содержания массы волов, можно будет серьезно говорить о развертывании продуктивного молочного животноводства в крупных размерах. И только в Госсельсиндикате да в Украинском совхозоб'единении молочное хозяйство приобретает значительные размеры, хотя по расчету на 100 *га* посева и у этих совхозов скота будет вдвое меньше, чем у крестьянина. Лишь в шерстном овцеводстве государственное хозяйство „Овцевод" будет играть крупную роль.

Несмотря на медленное развитие животноводства в совхозах, все же в виду товарного характера этого животноводства и плановой концентрации его в совхозах, расположенных вблизи промышленных центров, роль госхозяйств в снабжении рабочего населения молочными продуктами должна будет на протяжении пятилетия заметно возрасти. Было бы неправильным, однако, определять роль совхозов в молочном хозяйстве страны только по количеству поставляемого ими молока. Как и в области полеводства, совхозы должны сыграть крупную роль в выработке новых приемов и методов содержания и ухода за животными. Начатая уже сейчас некоторыми совхозами организация крупных молочных ферм, механизация удоя и т. д. даст возможность накопить организационный и технический опыт для массового обобществления крестьянского животноводства и для под'ема качественной стороны всего животноводства в стране.

Площадь под колхозами по плану предполагается довести до 20 млн. *га* посева. К концу пятилетия в колхозах будет об'единено около 19 млн. душ. Вместе с совхозами население обобществленного сектора составит 20 млн. человек. Благодаря усиленному строительству обобществленного сектора при росте всего сельского населения с 123 млн. в начале до 137 млн. в конце пятилетия, количество населения в индивидуальных крестьянских хозяйствах снижается с 122 млн. до 117 млн. Иными словами, обобществленный сектор поглощает количество душ, равное всему приросту сельского населения, и еще 5 млн. человек. Вместе с сокращением численности сел.-хоз. населения в индивидуальном секторе мы получим к концу пятилетия сокращение числа индивидуальных хозяйств по крайней мере на 1—1,2 млн. дворов, а возможно, что и больше, учитывая, что в колхозы пойдут преимущественно бедняцкие дворы, имеющие, как правило, состав семьи ниже среднего.

К концу пятилетия в колхозах будет работать 120 тыс. тракторов и три четверти площади колхозов будет механизировано.

Все же около 5 млн. *га* будет обобществлено на основе конной тяги, поэтому вопрос о целесообразных формах организации колхозов с живой тягой остается вполне актуальным. Занимая $^1/_4$ площади, колхозы с конной тягой составят, вероятно, больше половины общего числа колхозов, ибо это будут более мелкие колхозы, чем колхозы механизированные.

План делает установку на создание крупных коллективов и укрупнение уже существующих. Надо прямо сказать, что обобществить такую огромную площадь, как 20 млн. *га*, путем создания мелких колхозов, представляется абсолютно невозможным. Беспрерывное отпочковывание массы мелких коллективов от своих земельных обществ вызовет постоянное расстройство землепользования этих обществ и проводимого в них землеустройства и т. д., и т. д. Это отрицательно влияло бы на развитие производительных сил всего сельского хозяйства, а с другой стороны, мелкие колхозы не смогли бы надлежаще использовать крупные машины для расширенного воспроизводства затраченного капитала.

Чтобы избежать этого, план намечает теснейшую увязку между землеустройством и организацией коллективов. В коллективном движении, конечно, самое ценное—инициатива населения. Но задача государства, вкладывающего крупные капиталы в коллективы, организовать дело таким образом, чтобы главная масса коллективов была организована одновременно и параллельно

с общим землеустройством, и всякого рода поощрительными мероприятиями содействовать организации крупных колхозов. По мере накопления опыта по организации машино-тракторных станций этот путь массового обобществления, ведущий к созданию обобществленных массивов на площади в десятки тысяч гектаров, начнет играть большую роль уже в это пятилетие, а в следующем пятилетии станет основным методом массового обобществления.

Запроектированное укрупнение колхозов видно из следующей таблицы, показывающей удельный вес колхозов различных размеров во всей обобществленной посевной площади:

Размеры колхозов	Удельный вес по посевной площади	
	1928 г.	1933 г.
До 100 га	44	7
101—400 га	28	23
401—800 „	14	26
801—1200 га	12	23
1201 и больше	2	21
Итого . . .	100	100

Пятилетний план уделяет много внимания и другим моментам улучшения качественной стороны колхозного движения. Если сейчас колхозы обобществили примерно 50% средств производства своих членов, то к концу пятилетия процент обобществления должен достигнуть 75. Полеводство будет обобществлено на 80%. Колхозы, которые организуются в начале пятилетия, конечно, к концу пятилетия должны будут уже полностью обобществить свое полеводство. Но поскольку одна треть колхозов будет организована в самом конце пятилетия, они не успеют в это пятилетие землеустроиться и полностью обобществить свое полеводство. Отсюда и получается некоторый процент необобществленного полеводства.

Гораздо сложнее вопрос с обобществлением животноводства. Массовая коллективизация начинается с простейших форм, охватывающих только полеводство,—с общественной обработки земли. Такая высоко совершенная форма массовой коллективизации, как машинотракторные станции, тоже вначале обобществляет только полеводство. Государственные средства, вкладываемые в колхозы (тракторы, машины) служат также главной частью обобществлению полеводства. Обобществление животноводства за исключением районов, где животноводство является главной отраслью хозяйства, должно в основном итти за счет накоплений, получаемых в обобществленном полеводстве.

Хотя обобществление животноводства в массе только следует за обобществлением полеводства, но если бы процесс коллективизации надолго задержался на одном полеводстве, то накопления, получающиеся в обобществленном хозяйстве, стали бы перекачиваться на развитие животноводства в индивидуальном хозяйстве, и мы получили бы массовую утечку средств из обобществленного сектора в необобществленный. Вот почему важнейшей задачей пятилетия

является ускорение обобществления животноводства путем организации обобществленных скотных дворов, введения в них улучшенных способов техники и т. д. К концу пятилетия половина продуктивного скота членов колхозов будет обобществлена и только другая половина останется в индивидуальном пользовании колхозников. Сейчас процент обобществления скота составляет всего 20. Нельзя было принимать в плане больших темпов обобществления животноводства, потому что главная масса колхозов будет организовываться во второй половине пятилетия, и естественно в первые годы будет занята организацией полеводства и не сможет еще иметь достаточных накоплений и неделимых капиталов для постройки общественных скотных дворов и т. д.

Какое количество товарного хлеба мы можем ожидать от колхозов? Подсчеты показывают, что при среднем урожае в 1932 г. колхозы по отправному варианту дадут 39 млн. центнеров зерна и в продукции 1932/33 г. на долю колхозов придется 23% от всего количества товарного хлеба. Вместе с совхозами колхозы в 1932/33 г. могут дать около 39% всей массы товарного хлеба. Это будет примерно такой же процент, какой сейчас в товарной продукции зерна занимают те 10% зажиточных хозяйств, о которых мы говорили в начале доклада. То, что государство в обобществленном секторе будет располагать таким количеством зерна, отнюдь, конечно, не означает, что продукция зажиточной части уже теряет свое значение для государства. Но имея в своих руках большую массу хлеба из обобществленного сектора, государство сможет гораздо тверже регулировать заготовки хлеба в зажиточных хозяйствах, сможет гораздо более решительно подчинить их регулирующему и плановому воздействию государства, сможет более действительно пресечь спекуляцию хлебом. Однако, такое благоприятное положение создается лишь в последние годы пятилетия. В первые же годы решающая роль в поставке товарного хлеба все еще будет принадлежать индивидуальным хозяйствам, и в связи с этим затруднения, которые имеют место за последние годы, будут лишь постепенно изживаться. Из этого нельзя, конечно, делать вывода об ошибочности и неправильности плановых установок и о недействительности тех мер реконструкции, которые намечаются. Это говорит лишь о том, что мы к социальной и технической реконструкции сельского хозяйства смогли приступить только теперь, ибо мы только сейчас получили материальные ресурсы и организационный опыт, необходимые для массового обобществления. Никто не может указать более действительных путей для преодоления затруднений, которые мы имеем сейчас, и надо твердо и без колебаний двигаться по принятому направлению.

Если брать не только зерновую продукцию, а всю продукцию сельского хозяйства в целом, то роль всего обобществленного сек-

тора (совхозов и колхозов) будет значительно меньше. Во всей валовой продукции сельского хозяйства 1932/33 г. на долю обобществленного сектора придется 13%, а в товарной продукции 23%. Если взять урожай последнего года пятилетия (1933 г.), который засчитывается уже в продукцию 1933/34 г., то удельный вес обобществленного сектора поднимается до 17% в валовой продукции и 25% в товарной. Гораздо меньшее значение обобществленного сектора во всей продукции по сравнению с его ролью в зерновом хозяйстве понятно из всего того, что мы говорили выше о медленном развитии технических культур в совхозах, о слабом развитии животноводства и в совхозах и в колхозах на протяжении пятилетия и т. д., и т. д.

Индивидуальное крестьянское хозяйство и его кооперирование

Итак, как материальная база для регулирования всего сельского хозяйства, обобществленный сектор уже в этом пятилетии приобретает крупнейшее значение. Но как поставщик продукции индивидуальное хозяйство все еще будет играть преобладающую роль. План поэтому уделяет большое внимание вопросам реконструкции индивидуального хозяйства.

Индивидуальное хозяйство на протяжении пятилетия охватывается широким и разносторонним процессом кооперирования. Имеется в виду к концу пятилетия втянуть в сельскохозяйственную кооперацию около 85% крестьянских дворов. Огромнейшую роль в деле переустройства индивидуального крестьянского хозяйства должно сыграть развитие обобществленного сектора. Возьмем для примера одну из задач, поставленных декретом ЦИКа о под'еме урожайности, а именно смену на протяжении 5—6 лет крестьянских беспородных семян семенами сортовыми. Чтобы разрешить эту задачу, нам нужно к концу пятилетия иметь около 120 млн. центн. сортовых семян, а пока мы имеем весьма ограниченное количество таких семян. Только при том условии, если будет усиленно расти обобществленный сектор сельского хозяйства и если в этом обобществленном секторе мы сконцентрируем для размножения имеющиеся небольшие фонды сортовых семян, мы сможем их так быстро размножить, чтобы удовлетворить потребность масс крестьянства в сортовом материале. Если не было бы обобществленного сектора, фонды улучшенных семян распылились бы, смешались бы с беспородными, и задача, поставленная ЦИКом, не могла бы быть разрешена. Это подтверждается опытом и нашей действительности. Если мы сейчас серьезно подвинули вперед замену беспородной озимой пшеницы улучшенными сортами, то это потому, что в районах озимой пшеницы имеются большие массивы крупного государственного хозяйства (Сахаротреста), которые являются поставщиками сортового материала для крестьянских посевов. И наоборот, в ржаных районах, где государственное хозяйство сравнительно слабо развито, мы до сих пор имеем ничтожное количество сортовых посевов ржи.

Это лишь один пример того значения, которое будет иметь обобществленный сектор для переустройства крестьянского хозяйства.

Кроме воздействия обобществленного сектора главными рычагами кооперирования и технического под'ема крестьянских хозяйств явятся индустриализация сельского хозяйства (строительство предприятий по переработке продуктов), контрактация и усиленная машинизация крестьянского хозяйства.

В строительство предприятий по переработке сел.-хоз. продуктов на протяжении пятилетия будет вложено около 1.400 млн. руб. по отправному варианту и 1.500 млн. руб. по оптимальному. Из них 550 млн. руб. поступит от госбюджета и сел.-хоз. кредита и 500 млн. руб. от промышленности (сахарные заводы и др.). Общая стоимость продукции этих предприятий составит 3—3½ мрд. руб. против 1,2 мрд. к началу пятилетия. Если стоимость сырья, идущего в переработку, оценить, примерно, в 60% стоимости конечной продукции, то индустриальными предприятиями будет переработано на 2 мрд. руб. крестьянского сырья (молока, мяса, льна, свеклы и т. д.). Это составит, примерно, около 40% всей товарной продукции сельского хозяйства, которую индустриальные предприятия должны будут получать через кооперацию. Главная масса индустриальных предприятий будет строиться на кооперативных началах и это тоже должно сыграть огромнейшую роль в деле кооперирования крестьянского хозяйства.

Следующим рычагом явится контрактация. К концу пятилетия контрактация охватит всю товарную массу технических культур, около двух третей всей товарной массы зерна и не менее 50% товарной части животноводства. Самый характер контрактаций на протяжении пятилетия резко меняется. Если сейчас контрактация носит еще в значительной мере характер простой закупки на корню, то в течение пятилетия она будет принимать все более и более производственный характер. Основой контрактационных договоров явятся обязательства для поставщиков выполнять определенные агрикультурные требования, поставлять государству продукцию не только в определенном количестве, но и определенного повышенного качества, с соответствующим, разумеется, вознаграждением за это качество. Принцип обязательности в проведении простейших агрикультурных мероприятий, установленный декретом ЦИКа по под'ему урожайности, в контрактационных договорах найдет экономическое подкрепление, и по мере развития контрактации моменты административного регулирования агрикультуры все более будут подкрепляться прямой хозяйственной заинтересованностью крестьянства. Этот массовый процесс контрактации окажет огромное влияние на производственные и социальные отношения внутри крестьянства. По мере того как

контрактация примет массовый характер, мы от договоров с небольшими группами крестьян будем все более переходить к заключению контрактов с большими посевными товариществами и целыми земельными обществами. Самые договоры из краткосрочных все более будут превращаться в долгосрочные. Все это повлечет за собой изменение самого характера современных земельных обществ. Земельные общества, которые сейчас заняты почти исключительно регулированием земельных отношений, по мере развития контрактации и углубления ее содержания, будут все более и более заниматься улучшением и регулированием процессов производства; они будут обзаводиться для этой цели необходимыми машинами — сеялками, молотилками, зерноочистками и т. д., необходимыми для обеспечения качества продукции, поставляемой по контракту. Этим путем масса земельных обществ постепенно все более и более будет эволюционировать в сторону земледельческих кооперативов.

Некоторые товарищи в предвидение этой эволюции земельных обществ уже склонны причислять эти земельные общества к коллективам. Это, конечно, поспешно и неправильно. Хотя земельные общества будут иметь общественный севооборот, засевать свои поля односортными семенами, совместно сдавать эти семена по контракту, возможно даже обмолачивать их общественными молотилками и чистить на общественном триере,— все-таки это еще далеко до колхозов, поскольку рабочий скот и главная масса полевого инвентаря используются в индивидуальном порядке. Внутри этих земельных кооперативов еще будет итти классовая борьба, хотя, разумеется, условия этой борьбы гораздо больше будут поддаваться государственному регулированию, а зажиточная часть крестьянства, обязавшаяся сдать свою товарную продукцию государству, тем самым перестанет спекулировать на рынке сел.-хоз. продукции.

Мы считаем гораздо более правильным для оценки перспектив и характера процесса обобществления, если мы такого типа земельные общества будем причислять к простейшим производственным об'единениям, а не к колхозам, хотя эволюция земельных обществ в сторону земледельческих кооперативов в высшей степени облегчает условия для их массового обобществления.

Попутно мы должны отметить, что, вообще говоря, существующие сейчас уставные формы коллективов далеко недостаточны для характеристики всех типов колхозов, которые должны возникнуть на протяжении пятилетия. Да и вообще у нас нет еще критерия для правильной оценки степени обобществления в различных типах обобществленного и кооперированного хозяйства и для получения некоторого интегрального итога всего процесса обобществления. Мы ставим поэтому вопрос о необходимости найти, если можно так выразиться, „индекс обобществления“, который позволил бы привести к некоторому единству все разнообразие типов и стадий обобществления, которое мы будем иметь на протяжении пятилетия. Без

такого индекса чрезвычайно трудно оценить рост обобществления во времени и еще труднее расценивать успехи и достижения коллективизации в различных районах с различным типом хозяйства и различными формами и видами обобществления. Если бы удалось теоретически и практически разработать принцип и методы такого индекса, мы получили бы твердую базу для оценки того, в какой мере мы приближаемся в нашем плане к реализации великого кооперативного плана Ленина.

Следующим фактором массового кооперирования крестьянства является усиленная машинизация крестьянских хозяйств. За пятилетие в сельское хозяйство поступит машин на 2.500 млн. руб.[1] Если вычесть количество машин, которое пойдет в совхозы и колхозы (800 млн. руб.[1]), все же остается на огромную сумму машин, которые должны пойти в индивидуальное крестьянское хозяйство. Дело, однако, не только в количестве машин, но в их типах. Если наши заводы вместо годового производства сел.-хоз. машин на 153 млн. руб. в исходный год, к концу пятилетия, будут производить в 3—4 раза больше, то это связано с коренным изменением типов сел.-хоз. машин. При таком развитии сельскохозяйственного машиностроения в нем гораздо большую роль будут играть сложные машины, более дорогие и машины специальные, не могущие быть рационально использованными в индивидуальном хозяйстве не только бедняцком, но и середняцком, так как они или недоступны этим хозяйствам по цене или нужны им на очень короткий период. Только при условии массового кооперирования возможна реализация машин и такое их использование, которое гарантировало бы окупаемость этих машин и расширенное воспроизводство вложенного в них капитала.

В тесной связи с ростом машиноснабжения будет итти эволюция современных прокатных пунктов. Сейчас прокатные пункты, как известно, работают чрезвычайно несовершенно. Имеющиеся на них орудия и машины используются на $^1/_4$—$^1/_3$ их производительности. По мере увеличения количества машин мы сможем вместо теперешних пунктов с случайно являющимися за машинами клиентами организовать комплекты машин, используемых на кооперативных началах постоянными группами бедняцких и середняцких хозяйств. Это будут, собственно говоря, уже не прокатные пункты, а простейшие производственные кооперативы, легко превращаемые в товарищества по общественной обработке земли и в коллективы. Последняя перспектива тем более реальна, что мы будем иметь в этом пятилетии значительное несоответствие между ростом сел.-хоз. машиноснабжения и ростом двигательной силы. В то время как количество машин к концу пятилетия увеличивается в два раза, количество двигательной силы увеличивается всего только на 40—45%. Поэтому использовать в полной мере машины мы сможем только в том слу-

[1] В оптовых ценах.

чае, если удастся более рационально и полно использовать рабочий скот. Как известно, рабочий скот в хозяйствах середняцких нагружен работой недостаточно. Умелой политикой и диференциацией кредитования машиноснабжения мы можем заинтересовать лошадного середняка в том, чтобы он шел в производственное об'единение совместно с бедняками пользоваться льготными машинными кредитами, если он со своей стороны предоставит свой рабочий скот для обработки земли безлошадных хозяйств на началах кооперации и за урегулированную оплату.

Мы коснулись только главнейших рычагов массового кооперирования крестьянских хозяйств. Они дают нам полное основание считать реальной задачу кооперирования 85% хозяйств и втягивания не менее 25% всех крестьянских хозяйств в простейшие производственные об'единения.

Процесс кооперирования будет сопровождаться усиленной специализацией, укреплением существующих сейчас специальных видов кооперации и образованием новых и новых специальных форм. Но при всем углублении специализации нам представляется необходимым сохранить сельскохозяйственную кредитную кооперативную ячейку, через которую проходило бы все финансирование сельского хозяйства, не только кредитование колхозов, производственных об'единений и индивидуальных крестьян, но и все расчеты по контрактации, снабжению и т. д. Только при условии создания такого финансового центра на селе государство сможет регулировать денежный оборот на селе, не только выдавать ссуды, но и обеспечить их возвращению и аккумулировать временно свободные средства, накопляющиеся в крестьянских хозяйствах в периоды после реализации продукции. Своевременный возврат кредитов и аккумуляция крестьянских средств являются необходимыми предпосылками для выполнения всего плана сельского хозяйства и в том числе плана кооперирования.

Из сказанного видно, что мы для этого пятилетия намечаем крупнейшие сдвиги в деле обобществления и кооперирования сельского хозяйства. Если счесть воедино строительство совхозов, колхозов, массовое кооперирование крестьянства и углубление производственного содержания этого кооперирования, то надо признать, что в это пятилетие будет сделано не мало для осуществления великого ленинского кооперативного плана.

Техническая реконструкция

а) Организация территории. Вопросы организации территории занимают одно из центральных мест пятилетнего плана. В течение пяти лет предполагается освоить новых 12—15 млн. *га* земли для сельскохозяйственного использования. В дореволюционное время освоение новых земель шло на юге и на востоке и, главным образом, в погоне за производством зерна. В промышленных районах количество земель сельскохозяйственного пользования не только не увеличилось, но наоборот шло забрасывание земель и рост пустошей вокруг наших крупнейших промышленных центров.

Рост машиноснабжения, в том числе и трактороснабжения дает нам возможность продолжать давно уже идущий процесс освоения земель юга и востока для расширения зерновой продукции, но уже в иных, новых формах. Но одновременно рост другой отрасли индустрии — производства минеральных туков — дает возможность уже в этом пятилетии положить начало осуществлению другой грандиозной задачи — введения в сел.-хоз. культуру бросовых земель потребляющих районов. Мы начинаем систематическое овладевание огромными площадями пустующих земель, находящихся в Центрально-Промышленной, в Северо-Западной, Западной областях и Белоруссии. Эти земли ведь очень мало отличаются от тех земель, на которых немцы получают свои высокие урожаи. Мы не могли себе поставить подобной задачи, пока у нас не было крупного производства минеральных туков. Считая, что программа производства удобрений будет промышленностью выполнена, что мы одновременно будем иметь значительное снижение стоимости удобрений, мы проектируем в пятилетнем плане освоение 3 млн. *га* бросовых земель. Это только начало большого процесса, который будет развиваться, главным образом, уже в следующем пятилетии.

Сейчас трудно решить — чему в более далеком будущем придется отдавать предпочтение — увеличению ли земель сельскохозяйственного пользования на засушливом юго-востоке и востоке Союза или окультивированию пустующих сейчас земель на севере и северо-западе? Вопрос этот разрешится в зависимости от степени развития двух отраслей индустрии — тракторостроения и сел.-хоз. машиностроения, с одной стороны, и химии — с другой.

В тесной связи с расширением площади земель сел.-хоз. пользования стоит вопрос о более правильном размещении и распределении пространства между пашней и лесом. Хотя мы осуществили национализацию земель и вступили в период социальной реконструкции, отношение между лесом и пашней у нас остается примерно то же, какое было в период частной собственности на землю и лес. Частный владелец леса, если он вел более или менее рациональное лесное хозяйство, составлял лесоустроительный план и если он в год вырубал, скажем, 100 *га* леса, он обязательно старался восстановить лес на том самом месте, где он был срублен. Для частнокапиталистического хозяйства это был единственный путь правильного ведения хозяйства и в то же время единственный путь борьбы с лесоистреблением. Но обязателен ли этот путь для нас, национализировавших землю и строящих социалистическое хозяйство? У нас в целом ряде интенсивных районов есть, например, леса,

растущие на черноземах, суглинках и т. д. Спрашивается, вырубая там лесосеку, должны ли мы обязательно восстанавливать лес на том же самом месте, где он раньше рос, хотя эти земли могли бы пойти в сел.-хоз. пользование и с одного *га* могли бы дать, например, 75 — 80 берковцев свеклы или около 20 центнеров сахара? Разве не было бы рациональнее восстанавливать лес не на том месте, где он рос до вырубки, а на имеющихся в этих же районах песках и других земельных угодьях, пригодных только для леса и непригодных для пашни? Мы сейчас можем и должны перед собой поставить эту задачу. Осуществление этой задачи не должно сопровождаться в районах малолесных сокращением лесной площади, хотя бы в малой мере. Речь идет лишь о плановом, доступном социалистическому государству размещении леса и пашни таким образом, чтобы повысить общую производительность нашего народного хозяйства.

Но есть и такие районы, где можно смело ставить себе задачу увеличения количества пашни за счет прямого сокращения лесной площади. Это в тех районах, где лесистость очень велика и где превращение части малоценного леса в пахотные угодия способствовало бы увеличению площади государственных хозяйств, колхозов и наделов крестьянских хозяйств и тем самым поднятию в этих районах продуктивного животноводства и других интенсивных отраслей сельского хозяйства.

Когда мы сравниваем наши хозяйства так называемых потребляющих районов с соответствующими хозяйствами западных стран, мы часто забываем, что средний размер надела западного крестьянина больше надела крестьянина в потребляющих районах. Это дает возможность первому содержать больше скота, иметь больше навоза и большие урожаи. Мы должны поэтому поставить себе задачу наделы крестьян в этих районах расширить, сопровождая это расширение наделов изменением социальной структуры крестьянского хозяйства (ростом коллективов). Такая задача была совершенно немыслима в царский период и становится реальной сейчас, когда в стране создается новая индустрия химических удобрений и когда мы приступаем к осуществлению грандиозного плана известкования.

Рациональное соотношение между лесом и пашней находит в пятилетнем плане свое отражение и в проекте роста лесозащитных насаждений, имеющих целью защиту, прежде всего, наших юго-восточных и восточных посевов от угрожающего им влияния засушливой полупустыни.

К этой же группе вопросов организации территории относится мелиорация. В пятилетнем плане намечается охватить мелиорацией около 2 млн. *га*, из них 1.600 тыс. *га* приходится на осушительную мелиорацию в так называемых потребляющих районах Белоруссии, в сев.-западной Украине и т. д. Целью этих мелиораций являются, главным образом, увеличение кормовой базы и улучшение положения продуктивного животноводства. И только 400 тыс. *га* приходится на оазисное орошение на юге и юге-востоке. Более крупные оросительные мероприятия намечаются на Дальнем Востоке и в районах Турксиба под рисовую культуру. В мелиоративных работах будет принимать деятельное участие кооперированное население и своими средствами и трудом. Организуемые мелиоративные товарищества должны затем превращаться в коллективы для совместной обработки мелиорированных земель.

В этом пятилетии подготовляются условия для крупных мелиораций в последующий период. Правительством уже принято решение об организации в Заволожьи, в виде опыта, орошения площади до 30 тыс. *га*. Это является началом осуществления большого плана ирригации Заволжья. В это же пятилетие будут вестись изыскательные работы по орошению южного Днепра в связи с сооружением Днепростроя. Все мелиоративные мероприятия в целом потребуют вложения около 315 млн. руб. по отправному варианту и около 490 млн. руб. по оптимальному, в том числе из государственных источников 180 и 300 млн. руб. Главная масса этих средств пойдет в западные районы, где мелиорация, как мы говорили, будет связана с развитием животноводства и интенсификацией хозяйства.

Особое место среди мелиоративных мероприятий занимает ирригация, имеющая целью расширить площадь под хлопковую культуру в Средней Азии и Закавказьи. Путем орошения имеется в виду освоить в течение пяти лет около 1,5 млн. *га*, из них 750 тыс. *га* будут заняты под хлопок. Стоимость ирригационных работ будет составлять 600 млн. руб., из которых государственных вложений 460 млн. руб.

К числу мероприятий полумелиоративного значения надо отнести и план развития посевов люпина и сераделлы, что даст возможность ввести в культуру на ряду с болотными и торфяными угодьями и супесчаные и песчаные земли и повысить урожай с земель этого рода, уже находящихся в сел.-хоз. пользовании.

Из вопросов организации территории наибольшее значение для широчайших масс крестьянства имеет землеустройство.

В этом пятилетии землеустройство будет почти закончен (на 90—100%) в наиболее важных производящих районах (на Украине Сев. Кавказе, ЦЧО, в пограничных районах, в районах свеклосеяния вокруг льнозаводов, в районах организации Турксиба) и процентов на 85—90 в Поволжьи, Белоруссии и некоторых других районах. Это заканчивание землеустройства является в высшей степени условным, потому что само представление о доведении в определенный срок землеустройства до конца исходит из неправильной мысли об однократном землеустройстве. Идея однократного землеустройства, заканчиваемого в определенный срок, усвоена нами из периода буржуазных революций. Но тогда землеустройство имело целью установить земельные границы новых буржуазных собственников,

сменивших феодалов. В социалистическом же государстве основная задача землеустройства заключается не только и не столько в разграничении новых землепользователей, сколько в приспособлении земельной площади к новым формам производства. Поскольку эти формы производства на наших глазах меняются, поскольку из года в год будет разрастаться коллективное движение и будут возникать новые формы и типы обобществления хозяйства,— землеустройство не может быть однократным, а неизбежно будет повторяться. Это мы уже наблюдаем сейчас. Искусство планирования землеустройства должно заключаться в том, чтобы облегчить и упростить повторяющиеся процессы землеустройства.

Это возможно будет в том случае, если мы как можно скорей откажемся от бессистемного землеустройства по заказу отдельных селений и перейдем к плановому землеустройству крупных земельных массивов, увязывая землеустройство с организацией коллективов и учитывая предстоящие изменения технической базы и организационных форм земледелия в связи с тракторизацией, машинизацией и строительством индустриальных предприятий.

В районах зерновых уже сейчас центральной организующей идеей землеустройства и связанного с ним расселения должна стать проектировка будущих энергетических центров машино-тракторных станций. Если вглядеться в наше расселение, то и в тех случаях, когда оно проводится удачно, оно бывает таковым только с точки зрения интересов расселяющихся сел. В расселенных селах мы имеем, как правило, образование поселков на окраинах земельной территории этих сел. Но если, хотя бы с аэроплана, посмотреть на районы, где имеет место массовое расселение, мы увидим бессистемно и бесплановo разбросанные поселки без какой-либо организующей идеи. Между тем, проектировка будущих энергетических центров, в виде машино-тракторных станций, могла бы внести плановое начало в расселение, концентрируя поселки на определенном расстоянии от этих энергетических центров.

В районах интесивного земледелия важнейшей задачей землеустойства является увязка его с планом строительства индустриальных предприятий и их размещением по территории районов.

Для того чтобы при росте обобществленных форм пришлось возможно меньше ломать раз произведенное землеустройство, план имеет в виду придавать реорганизуемым землепользованиям такие размеры, конфигурацию и формы, которые дали бы возможность без коренной ломки землеустройства образовать колхозы и об'единить эти землепользования в более крупные земельные единицы.

Предполагается, что такого рода плановым землеустройством, учитывающим задачи коллективизации, будет в этом пятилетии охвачено около 50—60 млн. *га*.

Последний из вопросов организации территории является вопрос переселения. Пятилетка намечает переселение около 1,3 млн. душ и заселение 7,4 млн. *га*. Из них 34% в ДВК и 31% в Казакстане, 27% в Сибири; остальное приходится на Урал, Поволжье и Черноморское побережье. В самом начале заселения имеется в виду охватить колхозами около 25% площади. Но если учесть, как мы указывали выше, освоение новых земель путем организации государственных механизированных хозяйств и механизацию через них крестьянских хозяйств, то роль обобществленного сектора в переселении будет значительно больше. В таком районе, как Казакстан, обобществление охватит около $^3/_4$ всей вновь освоенной площади. Это совершенно новый тип заселения, неизвестный еще в мировой истории.

б) Машиноснабжение. Как мы уже указывали, крупнейшим фактором под'ема и реорганизации всей массы середняцких и бедняцких хозяйств, их коллективизации и кооперирования является намечаемый в пятилетнем плане рост сел.-хоз. машиностроения. Общая стоимость сел.-хоз. машин в стране поднимается с 1 мрд. руб. в начале пятилетия до 2,15 мрд. руб. в конце его по отправному варианту, а по оптимальному до 2,25 мрд. руб. Если прибавить тракторы с прицепными орудиями, то стоимость всех сел.-хоз. машин поднимается от 1,05 мрд. руб. до 3 мрд. руб. Однако, темп роста производственной мощности машин выше темпа роста номинальной их стоимости, так как одновременно будет итти рационализация машиноиспользования, увеличение загрузки сел.-хоз. машин в связи с ростом обобществления и кооперирования.

Чтобы освоить плодотворно этот поток сел.-хоз. машин, беспримерный для всей прошлой истории нашей страны, необходимо предусмотреть ряд условий. Во-первых, необходимо коренным образом изменить состав сел.-хоз. машин и ввести в обиход ряд новых сложных и специальных машин, которые до сих пор у нас не производились и не применялись. Разумеется, что это должно итти параллельно с выполнением такой обязательной задачи, как замена сохи плугом в течение трех лет. Во-вторых, необходимо как мы уже говорили, отыскать для массового кооперирования крестьянства на основе машиноснабжения такие организационные формы, которые были бы более рациональны, чем современные машинные товарищества и прокатные пункты и в то же время более твердо обеспечивали бы обслуживание сел.-хоз. машинами деревенской бедноты.

Разрешение сложного комплекса технических, экономических и социальных вопросов, связанных с намечающимся быстрым ростом машиноснабжения, требует усиленного к себе внимания. Удачное разрешение этих вопросов возможно только при теснейшей увязке работ машиностроительных организаций, сел.-хоз. кооперации, земельных органов и т. д.

Рост машиноснабжения используется в пятилетнем плане для достижения одной из важнейших установок плана — подтягивания отсталых сел.-хоз. районов.

В среднем по СССР, по имеющимся данным, на 1 *га* посева приходится к началу пятилетия на 9 руб. 60 коп. сел.-хоз. машин и орудий (это в оптовых ценах; в контрольных цифрах на 1928/29 г. стоимость инвентаря показана в продажных ценах, и потому она более высокая). К концу пятилетия на 1 *га* посева придется около 24 руб. сел.-хоз. машин и орудий.

По отдельным районам стоимость сел.-хоз. инвентаря меняется так на 1 *га* посева (в руб.):

	На начало пятилетия	На конец пятилетия
РСФСР		
I группа районов . .	7,4	27,0
II „ „	6,8	26,9
III „ „ . . .	7,5	21,2
Всего по I–III . .	7,4	24,6
УССР	18,2 (?)	26,8
БССР	8,8	19,1
ЗСФСР	3,9	21,1
УзбССР	3,8	27,8
ТуркССР	2,9	18,0
СССР . . .	9,6	24,2

По РСФСР выделены в первую группу важнейшие производящие районы — Средне-Волжский, Нижне-Волжский, Северный Кавказ, Крым и Сибирь; во вторую группу районов — автономные республики (за исключением Немреспублики и Карелии); в третью группу — все остальные районы.

Почти в шесть раз увеличивается машиноснабжение окраинных республик — Узбек., Турк. и Закав. ССР. Из отсталых они подтягиваются к наиболее передовым районам, а Узбекская вообще выходит на первое место в связи с тракторизацией хлопковых площадей. Сильно подтягиваются автономные республики РСФСР.

Украина сейчас гораздо лучше снабжена машинами, чем другие районы, хотя исходная цифра, позаимствованная из республиканских материалов, вызывает сомнение и, по всей вероятности, она несколько преувеличена. Во всяком случае Украина и в конце пятилетия остается в первых рядах.

В течение пятилетия значительно увеличивается энерговооруженность работников в сельском хозяйстве. Мощность механических двигателей в киловаттах на 1 работника возрастает в совхозах с 0,22 до 0,96 (увеличение в 4,4 раза), в колхозах с 0,09 до 0,28 (увеличение в 3,1 раза) и в индивидуальных кооперированных хозяйствах с 0,10 до 0,15 (увеличение в 1,5 раза). Количество часов работы в киловатт-часах на 1 работника поднимается в совхозах с 302 до 1702 (увеличение в 5,6 раза), в колхозах с 100 до 391 (увеличение в 3,9 раза) и в индивидуальных кооперированных крестьянских хозяйствах с 8,0 до 22,6 (увеличение в 2,7 раза).

Эти цифры наглядно показывают связь между социальной реконструкцией сельского хозяйства и изменением энергетической базы.

в) Химизация. Пятилетний план намечает усиленную химизацию сельского хозяйства. По оптимальному варианту годовая продукция минеральных удобрений поднимается в 1933 г. до 8,9 млн. тонн. Из них растворимых фосфатов 3,4 млн. тонн, фосфоритной муки 2,7 млн. тонн, азотистых удобрений 1,3 млн. тонн и калийных 1,5 млн. тонн. Но для воздействия на продукцию 1932/33 г. сможет быть использовано только годовое производство между апрелем 1931 г. и апрелем 1932 г. примерно около 5 млн. тонн, но и это количество в девять раз более того количества, которое сельское хозяйство получает в 1928/29 г. Тем не менее, в первые годы пятилетия придется усиленно импортировать минеральные удобрения, чтобы покрыть потребность в удобрении для хлопка, льна, свеклы и травосеяния. Только по оптимальному варианту и то только под конец пятилетия начнется массовое применение минеральных удобрений под зерновые.

Из минеральных удобрений план придает особое значение широкому применению природных фосфоритов, организации их перемола и улучшению качества этого перелома.

На ряду с этим план намечает большую программу известкования 7 млн. *га* за все пятилетие, т.-е. 25% от площади, нуждающейся в известковании в пределах Европейской части СССР.

Увеличение количества минеральных удобрений в стране отнюдь не будет умалять значения такого основного удобрения, как навоз, и таких второстепенных удобрений, как торф, зола, компост и другие. Напротив план, намечая развитие продуктивного животноводства и большие темпы поднятия урожайности, полагает, что применение навозного удобрения значительно возрастет и что в течение пятилетия будет рационализировано хранение навоза и его использование.

Большой сдвиг намечается по использованию химических средств для борьбы с вредителями. Самую борьбу предполагается вести в гораздо более широком масштабе, чем сейчас.

г) Индустриализация сельского хозяйства. Крупнейшую роль среди реконструктивных мероприятий пятилетия должна сыграть большая программа строительства предприятий по первичной обработке и хранению сел.-хоз. продуктов. Основными чертами плана индустриализации сельского хозяйства является охват новых отраслей и проникновение в новые районы.

На ряду с уже развившимися отраслями сел.-хоз. индустрии, как сахарная, молочная, план намечает рост мясной сел.-хоз. индустрии, яично-птичной и организацию заводов по первичной переработке льна, пеньки, кенафа, заводов по переработке и сушке консервированных фруктов, овощей и т. д.

Что касается районирования индустриальных предприятий, то маслоделие, на ряду со старыми тремя районами (Сибирь, Урал и Сев.-Восточная область) получает большое развитие в ЦЧО, УССР, БССР, Сев. Кавказе и Казакстане. Район товарного птицеводства далеко раздвигается вплоть до окраинных районов Европейской части Союза. Первичная обработка льна получает развитие, помимо старых районов льновостдва, еще в Сибири, где непривычка населения к ручной обработке льна служит серьезным препятствием для роста льняных посевов. Мясохладобойни охватывают кольцом районы экстенсивно-пастбищного мясного скотоводства. Бэконные фабрики распределяются более или менее равномерно, ориентируясь на различные в разных районах кормовые базы. Однако, наиболее густо бэконные фабрики покрывают ЦЧО и лесостепную Украину. Крупный район промышленной переработки картофеля запроектирован в БССР, а промышленность по переработке овощей и фруктов получает максимальное развитие во всех районах с более благоприятными климатическими условиями.

д) Простейшие мероприятия. Намечая ряд реконструктивных мероприятий пятилетний план, само собою разумеется, исходит из предпосылки, что в течение пятилетия будут полностью введены в обиход все простейшие массовые мероприятия, доступные широким массам бедняцких и середняцких хозяйств, о которых говорит декрет ЦИКа о поднятии урожайности. Госплан Союза уже дал республикам директивные указания по разбработке конкретных планов проведения этих мероприятий, и в указанные ЦИКом сроки Госпланом будет представлен сводный план порайонного осуществления декрета ЦИКа.

Мы не мыслим себе реализации пятилетнего плана вне выполнения всего того, что содержится в декрете ЦИКа о под'еме урожайности.

Организационные проблемы

План переустройства нескольких десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств представляет собою, прежде всего, проблему организационную. Вопрос не только в том, что делать, но и как делать. Если возьмем такой вопрос, как повышение урожайности на 35%, но не было ведь собственно серьезных возражений против того, что современное состояние наших агрономических знаний дает возможность повысить урожайность на такой процент. Говорили, наоборот, что со стороны технической нет препятствий и к удвоению урожая. Мало кто не спорил против того, что главная масса намечаемых мероприятий вполне доступна середняцким и бедняцким хозяйствам. Спор лишь шел о том, достаточно ли будет умения и организованности, чтобы ознакомит массу крестьянства с этими мероприятиями, убедить ее в целесообразности и суметь организовать для проведения этих мероприятий. Проблема поднятия урожайности на 35% — это, прежде всего, проблема организационная. Разрешение этих организационных вопросов в пятилетнем плане значительно облегчается, благодаря заканчивающемуся районированию страны и оформлению новых областей. Нельзя недооценивать значения этого важного факта. Если мы видим, что Украина, Сев. Кавказ и Урал гораздо глубже разрешили вопросы реорганизации своего хозяйства, если в этих районах мы имеем значительно большие успехи в развитии коллективного движения, в отыскании новых форм этого движения, то это в не малой степени зависит от того, что эти республики и области районированы ранее других и могли гораздо полнее, чем другие, выявить свои особенности и пути своего развития. То, что начало осуществления пятилетнего плана совпадает с окончанием районирования страны, поможет общие директивы и схемы плана лучше и полнее приспособить к условиям районов, и сами районы смогут полностью выявить свои особенности.

Несомненно, главным организатором крестьянских масс для проведения технической и социальной реконструкции сельского хозяйства явится кооперация, включая в кооперативное движение и движение коллективное. Организационные проблемы кооперации должны явиться важнейшей частью плана по сельскому хозяйству. К сожалению, мы до сих пор не имеем от самой кооперации ее плана, он еще только подготовляется. В предшествующем изложении мы останавливались на ряде моментов кооперативного движения и указывали направления, по которым должны разрабатываться организационные проблемы кооперации. Здесь мы отметим только то, что мы считаем основным — тесную увязку коллективного строительства и кооперативного, как частей единого ленинского кооперативного плана, дальнейшую специализацию кооперативного движения. Еще раз подчеркнем, что на ряду со специализацией мы считаем необходимым и целесообразным существование кооперативных кредитных товариществ, сосредоточивающих у себя все кредитно-расчетные операции между государством, кооперацией, колхозами и индивидуальными хозяйствами, кредитование крестьянства и расплату за сданную крестьянством продукцию. Только этим путем будут лучше всего обеспечены своевременный возврат кредитов и вовлечение в кредитную систему временно свободных крестьянских средств.

Из организационных вопросов кооперации остановимся еще на кооперативной агрономии. Мы в своем плане намечаем утроение кадров агрономов, между тем как проектировка местного бюджета намечает увеличение количества агрономов всего на 50%. Между этими двумя установками нет противоречия, ибо рост агрономических кадров мы связываем не только с увеличением числа агрономов, работающих в земельных органах, а прежде всего, с созданием ши-

роко разветвленной кооперативной агрономии. Когда год тому назад серьезно был поставлен вопрос о колхозах, возник вопрос и о колхозной агрономии. Надо поэтому и сейчас предвидеть, что если мы делаем ставку на эволюцию кооперации в сторону производственной кооперации, если контрактация расширяется и принимает производственное направление, то кооперация, организующая эту контрактацию, будет нуждаться в больших агрономических кадрах. Надо пойти навстречу этой потребности. Кооперативный агроном во многом будет отличаться от современного агронома земельных органов; он будет ближе к непосредственному производству; крестьянин будет зорко следить за его работой, ибо от качества его работы будет зависить выполнение договоров. Это будет приближением агрономов к производству. Мы уже сейчас имеем в свекловичной кооперации таких агрономов, и крайне необходимо и желательно, чтобы кооперативные агрономы появились в важнейших районах и по важнейшим отраслям сел.-хоз. производства. Означает ли это в какой-либо мере умаление роли агрономов земельных органов? Ни в коем случае. Чем больше агрономов будет работать в сельском хозяйстве, в коллективах, кооперации и совхозах, тем ответственнее становится работа агрономов земельных органов, призванных руководить и об'единять эти отдельные агрогруппы. Но для того чтобы руководить, необходимо, чтобы агрономы земельных органов подбирались из наиболее компетентных агрономов, чтобы их подготовка позволила им не по должности, а по существу руководить агрономами кооперации, коллективов и т. д. Одной из важнейших обязанностей агрономов земельных органов явится техническая и экономическая консультация всех работающих на местах агрономов. Для этого потребуется коренная реформа агрономии земельных органов.

Может быть, было бы полезно сейчас, когда мы уже имеем сформировавшиеся области, создание в областных центрах групп консультантов из крупных специалистов, которые не были бы загружены канцелярской работой, а выезжали на места и консультировали агрономов, там работающих. Эти консультанты должны быть тесно связаны с областными опытными станциями, вести на этих станциях свою научно-исследовательскую работу и в то же время быть готовыми в любой момент поехать на агрономическое совещание, знакомит агрономов с новыми достижениями, организовать конференции этих агрономов на опытной станции, дать совет колхозу и совхозу и т. д., и т. д. Это будет частичным усвоением опыта Америки, где опытная станция, сел.-хоз. школы и агрономы-инструкторы живут и работают совместно.

Мы вплотную подошли к вопросу о кадрах. Наша пятилетка ставит задачу увеличить втрое количество специалистов, работающих в сельском хозяйстве, включая сюда лиц с высшим, средним и низшим образованием, и сообщить в течение пятилетия 5 миллионам крестьянского актива некоторый минимум агрознаний. Когда мы подходим к вопросу о кадрах и ставим вопрос об учебных заведениях, которые эти кадры должны готовить, не надо забывать, что учебные заведения, которые сейчас создаются, учебные планы, которые сейчас вырабатываются, дадут нам специалистов уже не для этого пятилетия, а для следующего. Поэтому надо уже сейчас проработать вопрос, какие типы специалистов потребует будущее пятилетие. Мы можем об этом в некоторой степени судить хотя бы по тем кадрам, которые требуются сейчас для организации машино-тракторных станций, для Зернотреста и т. д. Вот состав кадров одной машино-тракторной станции: на 360 чел. приходится 6 агрономов, 4 инженера-механика, 20 квалифицированных индустриальных рабочих (слесарей, фрезеровщиков, модельщиков и т. д.), 30 старших трактористов и 300 рулевых. Как видите, механизация сельского хозяйства проводит к некоторому сближению типов кадра в промышленности и в сельском хозяйстве.

Но было бы ошибочно не обратить внимания на своеобразие этих кадров. Агроном, работающий на машино-тракторных станциях, работающий в Зернотресте, должен быть не только агрономом в современном понимании этого слова, он должен быть в достаточной степени и инженером-механиком, и нам кажется наступило время проектировать такие учебные планы, которые подготовляли бы новый тип специалиста-агронома инженера.

Мы сейчас, даже когда готовим агронома-полевода, все же считаем необходимым, хотя бы в общих чертах, ввести его в курс животноводства. На ряду с этим мы должны создать такого агронома-полевода, который в животноводстве, может быть, вовсе не будет осведомлен, но зато будет знать, что такое двигатель внутреннего сгорания, что такое магнето, как налаживать прицепку орудий и т. д. С другой стороны, тот инженер-механик, который будет работать в механизированном хозяйстве и руководить работой машин в поле, должен обязательно иметь представление об основах процесса обработки земли. Как нельзя быть хорошим инженером, руководителем работой прядильных станков, не зная природы текстильного сырья, так и нельзя руководить работой тракторов, не имея некоторого представления о свойствах почвы и растений и об основных принципах правильной обработки почвы.

Если мы возьмем широкую массу трактористов, то и для них недостаточно знания только машин, необходимо, чтобы тракторист имел хотя бы некоторое знакомство с почвой и растениями. Только тогда он сумеет вести правильно обработку, будет не только механически усваивать то, что укажет ему агроном-руководитель, но будет понимать, что к чему.

Пусть площадь механизированного полеводства пока еще очень невелика, но она будет возрастать с каждым годом. После постройки

Сталинградского тракторного завода и намечающегося второго завода, у нас во втором пятилетии будут выпускаться тракторы в количестве, которого хватит для механизации новых 10 миллионов га в год. Нужно уже в этом пятилетии готовить кадры для следующего.

Мы остановились на вопросах механизации. Но одновременно с этим надо помнить, что в наше сельское хозяйство все больше и больше проникают процессы технологические. Намечаемая индустриализация сельского хозяйства потребует больших кадров маслоделов, сыроваров, специалистов по бэкону, по яичному делу, консервному и т. д. Это тоже потребует соответственного приспособления сел.-хоз. и технического образования и создания агрономических учебных заведений или отделений в учебных заведениях с технологическим уклоном. Нам кажется, сказанного достаточно, чтобы проблему сел.-хоз. образования поставить во всю ширь.

В состав кадров, которые должны руководить проведением реконструкции сельского хозяйства за пятилетие, план включает 5 миллионов человек крестьянского актива, их имеется в виду в течение пятилетия ознакомить с общими основами агрономической грамоты Речь идет о миллионах крестьян, которые пойдут работать в колхозы, о сотнях и сотнях тысяч крестьян, которые будут работать в кооперации и прежде всего в производственной, и о тех агроуполномоченных, которые будут руководить на селе осуществлением агроминимума

Само собой разумеется, что обучение этих масс не может совершаться в школьной обстановке, что здесь придется прибегать к самым разнообразным формам: к зимним курсам, к организации экскурсий на опытные поля, в совхозы, колхозы и т. д.; придется в невиданных до сих пор размерах использовать кино, радио и т. д. Но совершенно бесспорно, что без создания крестьянского актива, который знал бы, что нужно сделать в данном районе в данном селе для переустройства сельского хозяйства, пятилетний план будет трудно реализовать.

Когда мы говорим о кадрах для проведения пятилетнего плана, нужно уделить особое внимание кадрам сел.-хоз. пролетариата. С каждым годом, вместо батраков, работающих в индивидуальных крестьянских хозяйствах и по своему сельскохозяйственному уменью стоящих часто ниже середняка крестьянина, ряды сел.-хоз. пролетариата все больше и больше будут пополняться квалифицированными пролетариями, работающими в совхозах и колхозах, на тракторах, сложных машинах, в технически хорошо оборудованных скотных дворах, и эти пролетарии явятся прекрасными кадрами для организации колхозов и для руководства реконструкцией сельского хозяйства вообще. Вот почему необходимо обратить особое внимание на обучение этих кадров, на сообщение им минимума агрономических и технических знаний.

К вопросу о кадрах тесно примыкает проблема научно-исследовательского дела в сельском хозяйстве. В этом отношении мы

в высшей степени отстали; отстали как от темпа развития научно-исследовательского дела в промышленности, так и от темпа развития научно-исследовательского дела в сельском хозяйстве за границей. О величайших открытиях в области сельского хозяйства как внутри страны, так и вне ее, мы узнаем совершенно случайно. Мы могли бы сэкономить очень много средств и времени, если бы научно-исследовательское дело в сельском хозяйстве было бы поставлено надлежащим образом. Мы живем в эпоху технической революции в земледелии; она назревает и у нас и в других странах, прежде всего, в С.-А.С.Ш. В этой технической революции мы могли бы не только догнать, но и легко перегнать западные буржуазные страны, ибо у нас есть величайшее преимущество — национализация земли и пролетарская власть. Мы это видим на примере тракторизации, где, позаимствовав американский опыт, мы пошли значительно вперед и создали новые формы. Такого типа хозяйства и таких размеров, как Зернотрест, как создающиеся машино-тракторные станции, не знают буржуазные страны. Но для того чтобы эту техническую революцию провести с наименьшими затратами сил, чтобы тесным образом увязать ее с социальной реконструкцией, нам нужно иметь свой научный, руководящий сел.-хоз. центр.

Госплан ставит вопрос о скорейшем развертывании научно-исследовательской сел.-хоз. академии им. Ленина. В этом пятилетии в составе академии должно быть развернуто 10 главнейших институтов. Помимо уже существующего Всесоюзного института по прикладной ботанике, необходимо организовать институт земледелия, прикладной зоологии и животноводства, машиноведения, индустриализации и технического сырья, электрификации сельского хозяйства, почвоведения, сел.-хоз. метеорологии и др. Но одним из самых важных звеньев академии должен явиться институт сел.-хоз. экономики и организации крупного обобществленного сельского хозяйства.

Этот последний институт должен поставить во всем об'еме вопросы организации и рационализации труда в сельском хозяйстве. В этих вопросах мы до сих пор бродим впотьмах. Надо поставить это дело на научную почву, мы сэкономим значительные суммы трестам, колхозам и т. д., если мы создадим научный штаб, который будет руководить исследованиями в этой области, а самые исследования, эксперименты будет осуществлять непосредственно в совхозах, колхозах и т. д.

Мы полагаем, что все республики окажут величайшую услугу не только общесоюзному делу, но и самим себе, если скорее отзовутся на предложение союзного правительства обсудить вопрос об академии и потребуют скорейшей ее организации.

Декретом ЦИКа поставлен вопрос о создании всесоюзного центра, планирующего и регулирующего сельское хозяйство. Было бы ошибочно создать такой центр в виде обычного учреждения с боль-

шим количеством специалистов и сотрудников, оторванных от научно-исследовательского дела. Давайте в этом случае если не перегонять, то по крайней мере догонять Америку, где министерство или, как его там называют, департамент земледелия состоит из небольшого штата сотрудников при министре, но зато министерство окружено большим числом научно-исследовательских учреждений и лабораторий, в которых работают до несколько тысяч научных сотрудников и специалистов. Эти лица ведут настоящую исследовательскую работу, но в любой момент, по требованию министра, дают ему необходимые справки, прорабатывают вопросы, вырабатывают соответствующие проекты. Именно такой тип руководства сельским хозяйством нам нужен для нашего Союза, а не громоздкий обычного типа бюрократический аппарат, который будет мертвить то живое, что имеется сейчас на местах.

Мы не мыслим себе академию, оторванную от работы на местах. Вместе с организацией высшего научного штаба по сельскому хозяйству, соответствующего НТУ ВСНХ, нам нужно коренным образом реорганизовать все опытное дело. Наши опытные станции до сих пор экспериментировали, имея в виду мелкие крестьянские хозяйства. Самая форма их организации не позволяет им изучить целый ряд вопросов, важных для механизируемых и обобществляемых земель. Надо итти к новой форме опытного дела; на ряду с экспериментами на полях опытных станций необходимо широко развить постановку опытов в самих совхозах и колхозах в земельных обществах. Необходимо ввести в программу опытных учреждений исследование машин, работающих в сельском хозяйстве, не только отдельных машин и их деталей, но и целых с и с т е м машин.

Таковы задачи, стоящие перед нами в части организации кадров. Задачи огромные. Но мы решительным образом должны возражать тем, кто будет указывать, что наш план не осуществим из-за отсутствия кадров. Кадры создаются в процессе работы, в процессе создания нового. У нас не было кадров для машино-тракторных станций, для организации Зернотреста, а тем не менее, мы их организовали и организуем. Теперь нам нужно изучить их опыт и сознательно и планомерно готовить кадры. Эта подготовка будет итти тем скорей и лучше, чем настойчивей мы возьмемся за реализацию самих планов.

Заключение

Мы изложили ход реконструкции сельского хозяйства, которую мы, выполняя директивы XV партийного с'езда и последующих пленумов ЦК партии, запроектировали при самом активном участии республик и районов. Еще очень много недоделано, очень много сделано схематично, много трудностей встретится при осуществлении нашего плана. Но никто не указал других путей, по которым можно вывести сельское хозяйство из переживаемых затруднений и повести его к строительству социализма.

Мы задались в пятилетнем плане целью — создать мощный массив обобществленного земледелия и подготовить почву для еще большего темпа строительства социализма на селе в последующий период. Мы достигаем этой цели, улучшая одновременно хозяйственное положение бедноты, вовлекая ее, в первую очередь, в процесс технической и социальной реконструкции.

Роль в сельском хозяйстве колхозов и совхозов сильно возрастет. В производстве зерна удельный вес их будет к концу пятилетия равен тому удельному весу, который сейчас имеют 10% крестьянских хозяйств, составляющих зажиточную верхушку деревни. Обладая этим мощным массивом — обобществленным сектором,— мы сумеем надежнее вести борьбу с эксплоататорскими элементами села и сможем лучше подчинить деревню нашему регулированию.

Но при всем том, обозревая план в целом, мы придем к заключению, что в это пятилетие основную роль в производстве сел.-хоз. продукции будет играть масса индивидуальных крестьянских хозяйств, и поэтому стимулирование середняцкой и бедняцкой массы к расширению и улучшению хозяйств должно быть одной из основ плана. Правда, к концу пятилетия, индивидуальные хозяйства будут уже не совсем такими, как в начале пятилетия: они будут охвачены широким кооперативным движением, в значительной части технически реконструированы, но все же это будут индивидуальные крестьянские хозяйства.

Мы обманывали бы себя, если бы стали уверять, что обобществленный сектор в том об'еме, в каком он создается к концу пятилетия, даст нам возможность пренебречь той продукцией, которая создается более товарными группами середняцких хозяйств. Мы бьем по кулацким эксплоататорским хозяйствам и будем бить дальше. Мы будем всячески препятствовать превращению зажиточного крестьянина в крестьянина эксплоататора. Но мы нанесем непоправимый вред самим себе, если мы отождествим крестьянина, который будет подниматься вверх, не на основе эксплоатации, а благодаря тому, что он усвоил ту агрикультуру и ту реконструкцию, которую мы проектируем и проповедуем, с крестьянином, разбогатевшим на основе эксплоатации. Конечно, нет непроходимой грани между растущим вверх середняком и кулаком. Еще Ленин предупреждал нас против противопоставления хозяйственного мужика и кулака. Но Ленин это писал, имея в виду капиталистические условия, когда для середняка, хозяйство которого начинало выделяться, единственным путем для производственного использования своих накоплений и еще большего повышения своего благосостояния был переход в кулацкий тип хозяйства, расширение своего хозяйства за счет эксплоатации бедноты.

Социальная и техническая революция в земледелии открывает новые пути. Если прежде середняк, поднимающийся вверх, считал для себя идеалом кулака и его хозяйство, то теперь он видит в жизни новые пути роста сельского хозяйства и роста благосостояния — рост обобществленного сельского хозяйства.

Если мы на массовом опыте покажем и докажем, что в коллективном секторе беднота и маломощные крестьяне, об'единившись добиваются больших успехов, более рационального использования труда, больших накоплений и большего повышения благосостояния, чем в индивидуальном, даже зажиточном крестьянском хозяйстве, — это заставит середняка задуматься, куда ему итти, он усомнится в том, действительно ли переход в кулацкое хозяйство есть лучший путь повышения своего благосостояния, в особенности, когда советская власть твердо и неуклонно бьет кулака.

В самом деле, возьмем район совхоза им. Шевченко. Еще несколько лет тому назад любой середняк и там смотрел с завистью на хозяйство кулака, имеющего 2 пары волов, хороший плуг, конную молотилку, 1—2 батраков, считая это хозяйство идеалом хорошего хозяйства вообще. А сейчас, когда по полям этого района двигаются колонны в десятки тракторов, когда распаханы все межи, преобразуется все сельское хозяйство, — не только беднота, но и весь крестьянский трудовой массив уже понимают, что надвигается какая-то новая эпоха в земледелии и новые пути его развития.

Опыт первой машино-тракторной станции показал, что даже более сильные середняцкие хозяйства уже задумались над тем, куда им итти, и один за другим стали подавать заявления о включении их в обобществленное механизированное хозяйство, в то время как кулаки ведут отчаянную борьбу против станции.

Эта концепция не имеет ничего общего с идеями „мирного врастания кулака в социализм" и затухания классовой борьбы на селе. Наоборот, в ближайший исторический период, пока обобществленный сектор в сельском хозяйстве занимает исходные позиции пока этот сектор не стал крупным производителем товарной продукции, в такой мере, чтобы экономически давить на весь сел.-хоз. рынок, классовая борьба в деревне будет итти жестокая, а кулак будет сопротивляться нашей политике и, прежде всего, обобществлению крестьянского хозяйства.

Но классовая борьба в деревне будет складываться тем успешнее для нас, нам тем легче удастся подавить в деревне влияние кулака и притягательную силу его хозяйства на поднимающиеся вверх середняцкие хозяйства, чем интенсивнее и успешнее будет итти строительство обобществленного сектора.

Чем лучших количественных и качественных показателей мы добьемся в обобществленном секторе, чем экономнее мы будем его строить, чем больше будет в нем накоплений, тем сильнее будет его притягательная сила на середняцкие массы, в том числе и на ту их часть, которая уже поднялась выше других и в прежних условиях смотрела бы только в сторону кулака. Успешное проведение нашего плана строительства обобществленного сектора есть гарантия нашего успеха в классовой борьбе, которая идет в деревне, — в борьбе против кулака и за середняка.

В. П. Акуленко

Направление, темп, равновесие

I

Политика индустриализации страны имеет своей целью на основе роста социалистических элементов народного хозяйства, в условиях растущего благосостояния широких трудящихся масс „в кратчайший исторический срок нагнать и перегнать уровень экономического развития передовых капиталистических стран". Поставленная задача диктуется как всей внешней экономико-политической обстановкой (неизбежное столкновение двух антагонистических социальных систем, отсюда необходимость экономической эмансипации и проч.), так и рядом внутрихозяйственных причин (отсталость хозяйственной структуры, низкая производительность общественного труда при относительно больших темпах прироста населения и значительных избытках свободной рабочей силы в деревне и городе и проч.).

Однако, эта волевая установка является далеко не безусловным началом, так как в каждый данный момент волевые устремления всякого общества ограничиваются исторически унаследованным производственным инвентарем, который в значительной мере определяет способ и характер производства, производительность общественного труда, об'ем и качественную структуру общественной продукции, а следовательно, общественного потребления и накопления.[1] Проблема поэтому заключается в следующем: если в каждый данный момент величина и качественный состав общественной продукции являются определеннымн данными, то при каком *волевом* распределении этого продукта, при каком характере его общественного потребления может быть разрешена поставленная выше задача усиления *темпа развития* народного хозяйства при условии роста его социалистических элементов?

Отвечая на эти вопросы, мы неминуемо столкнемся с вопросом о *пределах* такого волевого перераспределения общественной

[1] „Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории, потому, что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества" Маркс.

продукции, т.-е. с вопросами хозяйственного равновесия во всем об'еме этого понятия. Соответственно с этим, направление, темп и равновесие,— эти три взаимозависимых элемента, являются кардинальными проблемами нашей экономики. Следует, однако, признать, что эти три вопроса являются, вместе с тем, и наименее теоретически освещенными проблемами нашей экономики.

Для того чтобы определить условия и методы ускорения темпов хозяйственного развития, условия и методы изменения направления этого развития, остановимся вначале на предпосылках развития общественного хозяйства в условиях полного рыночного равновесия. Этот анализ позволит выявить ценою какого направления и каких темпов развития покупается такое равновесие, а вместе с тем, и взаимозависимость вышеуказанных трех элементов. После такого анализа отдельно остановимся на проблеме направления и темпа в условиях нарушенного равновесия и затем уже перейдем к анализу конкретной действительности.

Так как в дальнейшем нам не раз придется оперировать понятием „товарного голода", то условимся заранее о характере этого явления. В своей статье „Природа товарного голода" [1] мы писали: „Под товарным голодом следует понимать расхождение между платежеспособным спросом и имеющимся товарным предложением при данном уровне цен. Для понятия товарного голода последнее условие является решающим, так как само собою разумеется, что при условии свободного ценообразования мыслимы явления дороговизны, но не товарного голода, поскольку соответствующее изменение цен выравнивает спрос с предложением.

Как правило, явления товарного голода логически не свойственны капиталистическому хозяйству, где каждое предприятие спешит использовать высокую кон'юнктуру. Наоборот, при данном уровне цен там возможно только перепроизводство товаров, когда платежеспособный спрос не покрывает имеющегося товарного предложения, что и бывает во время кризисов.

Было бы, однако, слишком поверхностным считать твердые или даже снижающиеся цены (как и вообще „нерентабельную" политику цен) причиною товарного голода. Товарный голод в наших условиях, как и рост цен в капиталистическом хозяйстве, говорит лишь о расхождении между платежеспособным спросом и товарным предложением в сторону превышения первого над вторым. Поэтому мы и должны обратиться к анализу причин, обусловливающих это явление.

Для того чтобы понять причины нарушения соотношений и пропорций между спросом и предложением, остановимся вначале на условиях этого равновесия.

[1] „Хозяйство Украины", № 3 за 1928 г.

Денежный спрос и товарное предложение были бы равны только в том случае, когда каждой группе товаров посвящалась бы определенная пропорция общественно-необходимого времени из всей совокупности времени, затрачиваемого на общественный труд (Маркс). При этом условии (и только при этом) рыночная цена товара (как результат спроса и предложения) совпадала бы с его стоимостью или же ценою производства. Но такое совпадение спроса и предложения на отдельные товары является в меновом хозяйстве исключением, а не правилом, так как в процессе расширенного воспроизводства имеет место перманентное расхождение пропорций между характером и структурой платежеспособного спроса населения и характером и структурой товарного предложения, поскольку общественно-необходимое разделение труда (в смысле разделения всего общественного труда в определенных пропорциях между отдельными видами производства сообразно характеру общественных потребностей) регулируется законом стоимости через рынок, т.-е. в стихийном порядке (post factum). Отсюда перманентное отклонение рыночных цен от цен производства как в ту, так и в другую сторону, при чем амплитуда колебания может измеряться иногда десятками процентов. Например, в период высокой кон'юнктуры цены на отдельные товары поднимаются против обычных рыночных цен на десятки процентов, с другой стороны, перекапитализация отдельных отраслей народного хозяйства может привести на длительный промежуток времени к понижению уровня рыночных цен на эти товары против „нормальной" цены производства, что и проявляется в пониженной рентабельности предприятий этой отрасли.

Детализируя вышеуказанное положение, следует сказать, что сохранение постоянного рыночного равновесия в условиях расширенного воспроизводства требует соблюдения следующих пропорций:

а) в распределении народного дохода (чистой продукции) между всеми видами личного потребления и непроизводительного накопления, с одной стороны, и производительным накоплением — с другой;

б) в распределении производительного накопления между основными и оборотными фондами, т.-е. между капиталовложениями и „запасами";

в) в распределении капиталовложений между отраслями производящими средства производства (*А*), и отраслями, производящими средства потребления (*Б*), а в последних между отдельными горизонтально и вертикально связанными между собою группами производств;

г) пропорций между постоянным и переменным капиталом в смысле соблюдения общественно-необходимой нормы органической структуры капитала;

д) в распределении капиталовложений между об'ектами с различной степенью быстроты производственного эффекта (степень скорости выхода в эксплоатацию).

Остановимся на первом моменте. Что значит сохранение пропорций между личным потреблением и накоплением, если само накопление (в порядке капитального строительства) включает в себя личное потребление производительных рабочих как в самом строительстве, так и в отраслях, работающих на строительство (в меру дополнительной продукции этих отраслей)? Это означает в первую очередь, если элиминировать последующее перераспределение фондов зарплаты производственных рабочих (налоги, займы и пр.), соблюдение определенных пропорций между c и m в стоимости продукта, создаваемого в каждый данный момент данным массивом рабочей силы; во вторую же очередь — соблюдение пропорций при распределении прибавочной стоимости (m) между собственно накоплением (прирост основных и оборотных фондов) и всеми видами необходимого и непроизводительного общественного потребления (социально-культурные расходы, торговый аппарат, бюрократия, буржуазия, клерикализм, милитаризм и пр.), включая сюда и непроизводительное накопление (ценности, военная промышленность и т. д.). Вполне понятно, что прибавочная стоимость строительных рабочих включается в общий народнохозяйственный фонд накопления, отличаясь все же от прочих элементов этого фонда степенью своей активизации. Поэтому общий об'ем накопления страны можно получить не вычитанием из народного дохода фондов потребления, а либо суммированием прибавочной стоимости (или же прибыли) во всех отраслях народного хозяйства, либо путем учета прироста основных и оборотных фондов, включающего уже в себя и известную часть фонда потребления. Именно поэтому суммарный итог потребления и накопления всегда будет превышать сумму чистой продукции общества (народного дохода).

Пропорции, в которых распределяется народный доход между личным потреблением непосредственных товаропроизводителей и их прибавочной стоимостью, также не имеют постоянного характера, как и пропорции последующего распределения прибавочной стоимости между всеми видами необходимого и непроизводительного потребления (включая сюда и непроизводительное накопление) с одной стороны, и производительным накоплением — с другой. Обусловливаясь производительностью общественного труда в целом, существующей нормой прибавочной стоимости (нормой эксплоатации) и всей системой производственных отношений в целом (организация распределительного аппарата, социальная структура общества и проч.), эти пропорции не одинаковы для одного и того же общественного хозяйства в различные периоды его развития (например, в период высокой и низкой кон'юнктуры, в период мирного строительства и войны), как и не одинаковы для различных общественных хозяйств в данный отрезок времени.

Тем не менее, следует признать, как экономический постулат, что при данной величине и структуре производительных сил общества, обусловливающих определенную величину и определенный качественный состав народного дохода (чистой продукции), при данной системе производственных отношений и социально-политической структуре общественного хозяйства, определяющих характер распределения народного дохода, безусловно существует определенный коэфициент взаимоотношения между величиною и характером производительного накопления и величиною и характером всех видов потребления, включая сюда и непроизводительное накопление.

Эластичность этого коэфициента взаимоотношения имеет определенные границы, выход за которые ведет при прочих равных условиях или к перепроизводству или к недопроизводству. Первое будет иметь место при условии более или менее резкого увеличения удельного веса производительного накопления в общей массе народного дохода, второе же — при более или менее резком увеличении удельного веса личного потребления или же непроизводительного накопления.

В обычных условиях капиталистическое хозяйство, как правило, знает только явления первого рода, т.-е. явления перепроизводства, поскольку перманентное отставание темпа роста потребительских фондов населения от темпа роста народного дохода в целом ведет к постоянной перекапитализации народного хозяйства, когда выросшим производственным возможностям не соответствует отстающий в темпе роста об'ем потребления. Явления недопроизводства, а следовательно, дороговизны и недостатка товаров, свойственны такому хозяйству лишь при форсмажорных обстоятельствах, стихийных или социальных; напр., во время войны, когда резко увеличивается непроизводительное потребление (армия и пр.) и накопление (военная промышленность) и т. д. Вполне понятно, что перепроизводство выражается как в невозможности реализации уже имеющихся товаров по данным ценам, так и в невозможности надлежащей нагрузки основного капитала, в невозможности реализации потенциально-возможных товарных масс, т.-е. в задержке темпов расширенного воспроизводства всего народного хозяйства в целом. Наоборот, недопроизводство будет выражаться во всеобщем товарном дефиците или же растущей дороговизне, в доведении поэтому к голодной норме товарных резервов и в перегрузке основного и оборотного капиталов (работа до аварий включительно в условиях перманентного финансового напряжения).

Как будет указано ниже, недопроизводство может быть вызвано определенным характером капиталовложений. Оставаясь же в рамках только рассматриваемых нами пропорций распределения народного дохода, следует сказать, что при прочих равных условиях идеальное условие перепроизводства — рост производительности труда при стабильной (еще лучше — снижающейся) заработной плате (отсюда перекапитализация народного хозяйства); наоборот, идеальное условие недопроизводства — рост зарплаты при стабильности

(еще лучше снижении) производительности труда (отсюда недокапитализация). Явление недопроизводства не нужно представлять в том смысле, что рабочий класс потребляет больше, чем производит; рабочие вообще не могут купить всей массы создаваемых ими благ, поскольку стоимости этих благ, заработная плата является лишь одним из слагаемых. Если, например, вследствие роста зарплаты доля ее в цене продукта повысится с 40% до 50%, то с частнохозяйственной точки зрения это будет означать только снижение рентабельности предприятия, при чем известный минимум рентабельности может сохраниться; с народнохозяйственной же точки зрения дело будет обстоять далеко не так благополучно. Увеличение фондов потребления потребует появления на рынке добавочной продукции широкого потребления, что, в свою очередь, может потребовать добавочного вложения капиталов в соответствующие отрасли производства. Если оставшиеся фонды накопления будут недостаточны,— в итоге разрыв между спросом и предложением и рост цен. В условиях свободного ценообразования рост цен обрезает выросшие фонды заработной платы, т.-е. об'ем потребления соответственно имеющимся производственным возможностям, и выравнивает сниженную норму накопления, создавая возможность добавочных капиталовложений в дефицитные отрасли производства, что ведет через известный период времени к механической ликвидации товарного дефицита.

Вполне понятно, что изменение пропорций между накоплением и потреблением в указанном направлении может иметь место не только при различной динамике производительности труда и зарплаты, но и при стабильности этих элементов, если по каким-либо причинам снизятся отпускные цены товаров на предметы широкого потребления.

Однако, соблюдение пропорций при распределении чистой продукции между v и m (элиминируя последующее перераспределение v между собственно потреблением и накоплением путем налогов, кредита и др.) далеко не гарантирует общественному хозяйству развития в условиях рыночного равновесия. При прочих равных условиях, можно иметь явления длительного недопроизводства, если при распределении фонда прибавочной стоимости резко увеличится за счет производительного накопления удельный вес непроизводительного накопления и потребления (напр., во время войны, революции и т. д.). (Как известно, моменты общественного потребления нашли детальную трактовку в ряде работ П. Маслова).

Нужно сказать, что независимо от последующего эффекта капиталовложений самый процесс перераспределения народного дохода между производительным и непроизводительным потреблением, между производительным и непроизводительным накоплением и между потреблением и накоплением в целом, если он происходит более или менее резко, всегда будет сопровождаться

нарушением рыночных пропорций и протекать в условиях растущих цен или же товарного дефицита. Так как этот момент играл и играет большую роль, как один из факторов переживаемого нашим хозяйством товарного голода, остановимся на нем несколько детальнее.

При расширенном воспроизводстве народного хозяйства нарушение рыночного равновесия возможно даже в том случае, когда капитальное строительство базируется на самом „нормальном" накоплении, обусловленном добровольным или же принудительным сокращением потребительских фондов, и по характеру вложений отвечает возможному рыночному спросу. Дело в том, что для данного периода, периода капиталовложений, почти безразлично, куда направляются капиталы и что строится; здесь важен самый факт перераспределения народного дохода. Направление же капиталовложений скажется лишь на последующем равновесии спроса и предложения, но не раньше как вложения дадут свой эффект.

Эффект вложений может быть через год, и тем не менее, в момент вложений может иметь место резкое нарушение рыночных пропорций, и наоборот — можно строить пирамиды, не нарушая рыночного равновесия. В чем же заключается проблема перераспределения народного дохода? (Для удобства анализа, как и ранее, мы предполагаем относительно целостное по своей структуре хозяйство без внешнеторговых связей.) Предположим, что известные группы населения добровольно (займы) или же принудительно (налоги, цены и проч.) резко уменьшают размеры своего потребления, при чем все сберегаемые и отчуждаемые доходы поступают в распоряжение государства. В руках государства эта нереализованная покупательная сила отдельных групп населения получит безусловно другое направление, чем в руках ее первичных владельцев. В последнем случае крестьянство, напр., на возросшую против обычной величины сумму своих платежей увеличило бы или свое накопление (постройки, скот, инвентарь и пр.) или личное потребление; городское население также повысило бы свой жизненный уровень, покупая более дорогие и трудоемкие товары, чем те, которые оно приобретает на оставшуюся часть доходов (закон строения бюджета и т. д.).

Удовлетворение всех этих потребностей имело бы место без особенных затруднений, поскольку существовавшему до момента перераспределения народного дохода характеру спроса отвечал характер предложения. (Абсолютных пропорций меновое хозяйство, конечно, не знает, но относительное динамическое равновесие всегда существует в силу тенденции к выравниванию рыночной цены и цены производства.) Если бы государство направило полученную им покупательную силу по тем руслам, что и первичные ее владельцы, то рыночные пропорции остались бы без изменения, поскольку характер спроса отвечал бы характеру предложения. На самом деле это далеко не так: характер производственных расходов государства (характер строительства и пр.), как и характер его потребительских

расходов (вернее потребительских расходов всех групп населения, получающих свои доходы из бюджета) будет существенно отличаться от характера расходов первичных владельцев этой части народного дохода. Так, государство будет строить не крестьянские избы и сараи, а железные дороги, фабрики и проч., с другой же стороны, государственные служащие пред'явят как более квалифицированный спрос (напр., в сравнении с крестьянским), так и менее квалифицированный (сравнительно, напр., с нэпманом), — во всяком случае, спрос, измененный по своему характеру и качественной структуре с возможным первоначальным спросом. Между тем, этому качественно-измененному спросу противостоит старая производственная структура, могущая дать товары, отвечающие количественно и качественно старой структуре потребления. В результате нарушенного равновесия между спросом и предложением будет иметь место рост цен на ряд строительных материалов и предметов личного потребления, или же при твердых ценах — недостаток товаров.

Процесс перераспределения народного дохода в указанном выше смысле будет тем легче, чем большей эластичностью и мобильностью отличается народное хозяйство. Эластичность народного хозяйства зависит от состояния его резервов — товарных и производственных. Так, при больших резервах товаров и определенных резервах основного капитала даже резкое перераспределение народного дохода, а следовательно, и такое же изменение характера спроса встретит соответствующее товарное предложение; в то же время дополнительная нагрузка основного капитала сумеет поддержать новый об'ем потребностей, пока новое строительство не сможет дать продукцию нового качества, нового состава и т. д.

Меньшее значение имеет мобильность народного хозяйства, т.-е. возможность быстрого приспособления имеющегося производственного аппарата к удовлетворению новых потребностей, так как она ограничена техническими рамками (нельзя, напр., машиностроительные заводы заставить производить текстиль). Следует, однако, отметить, что если бы народное хозяйство обладало абсолютной мобильностью, то процесс перераспределения народного дохода имел бы место без нарушения рыночных пропорций (при условии, конечно, соблюдения всех прочих пропорций).

Вполне понятно, что процесс перераспределения народного дохода тем сильнее будет нарушать рыночное равновесие, чем меньшей суммой резервов обладает народное хозяйство.

Если, например, товарные резервы не достигают и трехмесячной нормы, а нагрузка предприятий в каждый данный момент равна 100% (что, между прочим и имеет у нас место), то даже при полном сбалансировании спроса и предложения в годовом разрезе на протяжении поквартального отрезка времени возможны резкие разрывы между спросом и предложением, которые воспринимаются

рынком как товарный голод или же как затоваривание (очевидно, по контрасту с предыдущим состоянием). Неравномерность же поквартального развития обусловливается тем обстоятельством, что в одни кварталы в общей сумме текущего народного дохода повышается потребление (например, при сезонном сжатии продукции во время отпусков зарплата не снижается, а даже увеличивается, что и повышает в этот период ее удельный вес в стоимости продукции против обычного средне-годового уровня), в другие же кварталы (возможно, что в эти же самые) — в период капитального строительства — резко увеличивается в народном доходе против среднегодового уровня доля накопления (в форме капиталовложений), тогда как производство имеет свою кривую развития, не всегда совпадающую с кривой потребления. Рыночное равновесие во всех этих случаях осталось бы ненарушенным только при наличии для ряда товаров минимум квартальной нормы товарных резервов.

Вполне понятно, что при ослабленных резервах всякое кредитное авансирование хозяйственных процессов может также иметь следствием нарушение рыночного равновесия. Если, например, для финансирования хлебозаготовок хозяйственный оборот получает в порядке сезонной эмиссии 300 млн. руб., то для сохранения рыночного равновесия этим 300 млн. руб. должны противостоять товарные резервы в размере этой суммы. Если, далее, скорость обращения денежной массы равна шести разам в год, то уже на третий месяц после эмиссии производство должно дополнительно дать продукцию в 300 млн. руб. для вторичного удовлетворения этой эмиссии, или же таковая должна быть из'ята из хозяйственного оборота. Если эти условия не будут соблюдены, — в итоге кредитная инфляция, т.-е., рост цен или товарный голод при твердых ценах.

Таким образом, только при наличии больших резервов, при условии большой эластичности и мобильности народного хозяйства перераспределение народного дохода могло бы иметь место без нарушения рыночных пропорций. Экономическая действительность, однако, не знает ни одного такого случая. Поэтому в период всякой высокой кон'юнктуры капиталистического хозяйства, в период капитального строительства, когда меняются пропорции между накоплением и потреблением, меняется в известных пределах структура потребления по мере вовлечения новых рабочих и т. д., — в этот период всегда наблюдается падение покупательной силы денег, т.-е. рост товарных цен, достигающий на отдельные товары десятков процентов. Наоборот, в наших условиях при политике снижающихся цен и недостаточных резервах высокая кон'юнктура будет сопровождаться явлениями товарного дефецита частного или даже общего характера. (Этого, конечно, не будет при наличии всех об'ективных предпосылок для полного планирования.)

Заметим, что такое нарушение рыночных пропорций имеет место обычно при относительно слабых процессах реконструкции

капиталистического хозяйства и при довольно значительных резервах, которыми оно обычно располагает (не в силу его предусмотрительности, а в силу его стихийности, в силу постоянной тенденции к превышению предложения над спросом). И обратный вывод: нарушение рыночных пропорций может быть тем более резким и длительным, чем более резко меняются пропорции распределения народного дохода между накоплением и потреблением и проч., чем более резко меняется вследствие этого характер общественного потребления — производственного и личного, — чем дальше и непосредственнее эффективность новых капиталовложений, чем меньше резервные возможности и производственная эластичность народного хозяйства.

При прочих равных условиях одно более или менее резкое изменение характера личного потребления населения может на ряд лет вывести народное хозяйство из равновесия, даже если общая величина потребления и не изменится. Такое изменение характера личного потребления может произойти, например, вследствие революции, изменяющей участие и удельный вес отдельных групп населения в распределении народнохозяйственного фонда потребления. Если, например, вследствие революции понижается удельный вес доходов более привилегированных групп населения (буржуазия, интеллигенция и т. д.) и усиливается удельный вес других групп (рабочих, крестьян), то общая сумма потребления может остаться даже стабильной, но нарушение рыночных пропорций будет иметь место; меньшая часть товаров — более квалифицированных — снизится в цене, большая же часть товаров повысится в цене.

Равновесие при старом уровне цен будет иметь место только тогда, когда соответствующие капитальные вложения выравняют товарное предложение сообразно новому спросу.

Таким образом, основная причина всех рыночных диспропорций, имеющих место в периоды реконструкции народного хозяйства, это то обстоятельство, что величина и характер производственных возможностей общества являются для каждого данного момента определенными данными, независимыми от воли и желания данного общества, между тем как характер общественного потребления производственного и непроизводственного и т. д. может быть более или менее резко изменен вследствие причин только волевого порядка в результате революции. Поэтому не только величина капиталовложений и потребления определяется имеющейся массой производительных сил, но и характер капиталовложений и характер потребления также определяются характером производственного инвентаря страны. Иначе говоря, помимо количественных границ существуют еще определенные качественные границы в деле перераспределения народного дохода; всякий переход за эти границы приводит к нарушению рыночных пропорций. (Несколько отклоняясь в сторону, приведем пример, как разви-

тие общественного хозяйства определяется не столько величиною его капиталонакопления, сколько качественным характером производительных сил, а следовательно, качественным составом фондов накопления. В результате нищенского уровня бытия широких масс древнего Египта норма накопления последнего была очень высока. Но после того как были проведены гигантские ирригационные работы, египетским фараонам оставалось одно — строить пирамиды и сфинксы, или... ничего не строить. Египтяне были настолько богаты, что затратили на постройку Хеопсовой пирамиды несколько миллиардов человеко-дней (100 тыс. человек в продолжение 30 лет) и были, тем не менее, так бедны, что не могли дать своим накоплениям более производительного применения.

Предвосхищая дальнейшие выводы, скажем, что помимо всего прочего значение индустриализации общественного хозяйства состоит в том, что таковая создает как возможность относительного роста фондов накопления в общей сумме народного дохода (в меру роста производительности общественного труда), так и материальные возможности реализации общественного накопления (последнее проявляется в расширенном производстве средств производства).

Аграрная страна, лишенная связи с более развитыми странами, никогда по чисто техническим причинам не сможет иметь такой нормы накопления, как индустриальная страна даже при равном об'еме прибавочного продукта, так как у индустриальной страны этот продукт воплощен и в средствах производства и в средствах потребления, а у аграрной страны — преимущественно в средствах потребления. Этим и об'ясняется чудовищное непроизводительное потребление в древних деспотиях.

Мы предполагали до сих пор изолированное общественное хозяйство без всяких внешторговых связей (в таком положении находится мировое хозяйство в целом). Какие коррективы внесет в наши схемы возможность внешнеторговых связей одного района с другими?

Вполне понятно, что если мировое хозяйство в целом ограничено в характере своих производственных возможностей имеющимся производственным инвентарем, то определенные его районы, при условии внешнеторговых связей, могут выйти за качественные пределы своего производственного инвентаря (при условии импорта капиталов и за количественные его пределы).

Таким образом, даже при равномерном развитии производительных сил в ряде районов, каждый из них через импорт как бы повышает производственную эластичность и многогранность своей производственной структуры. Это значение внешнеторговых связей усиливается в громадной степени при условии неравномерного развития производительных сил в отдельных районах мирового хозяйства.

Поэтому какой-нибудь Афганистан, предоставленный самому себе, мог бы претворить свои накопления в форме скота и злаков в очень малопродуктивные виды капиталовложений или даже принужден

был бы дать непроизводительное назначение этим благам; на основе же связей с высоко-индустриализованными хозяйствами он имеет радиоустановки и аэропланы. Возможность афганцев претворять скот в аэропланы аналогична возможности египетских фараонов покупать автомобили. (Кстати сказать, поскольку возможность внешнеторговых связей позволяет давать капиталонакоплению отсталых стран высоко продуктивную форму, постольку такие страны могут индустриализоваться в значительно более короткие сроки, чем страны ранней индустриализации.) Такое же значение имеет импорт в деле расширения качественных границ личного потребления. Поэтому производственная структура данного района будет равна теперь его внутренней структуре плюс внешняя в об'еме импорта. Если теперь произвести резкое изменение величин и структуры импорта, то результаты этих изменений будут равносильны ликвидации внутри данного района одних производств и организации других.

Если такое изменение состава и величины импорта, равносильное изменению внутренней структуры производства, перейдет известные границы, оно также явится фактором, нарушающим рыночное равновесие, как и изменение характера общественного потребления. Поясним это конкретным примером. Предположим, что импорт на 500 млн. руб. предметов личного потребления и на 300 млн. руб. предметов производственного назначения обеспечивает рыночное равновесие данного района. При прочих равных условиях, рост народного дохода на 10% потребует дополнительного импорта на 80 млн. руб. (50 млн. руб. первой группы и 30 млн. руб. второй). Если, однако, государство индустриализирует весь состав дополнительного импорта, то это отразится на равновесии спроса и предложения на рынках широкого потребления (рост цен или дефицит товаров при твердых ценах). Этот разрыв не имел бы места, если бы можно было увеличить размеры импорта на 50 млн. руб., что не так просто, так как другие районы должны нуждаться в продуктах экспорта данного района, а внутри данного района должны существовать такие экспортные излишки. При данной величине импорта, нарушение рыночных связей не имело бы места, конечно, при импорте предметов второй группы только на 30 млн. руб., но тогда район был бы качественно ограничен в характере своих капиталовложений, напр., вместо установок электростанций он принужден был бы развивать жилищное и дорожное строительство. Если бы государство еще более индустриализировало импорт, сократив даже старый контингент импорта предметов широкого потребления, то это еще более нарушило бы систему рыночного равновесия на эти виды товаров. Действие такой импортной политики было бы аналогично закрытию внутренних текстильных фабрик и переоборудованию их в машиностроительные заводы. В этом случае товарный голод на рынках товаров широкого потребления явился бы платою за реконструкцию всего народного хозяйства. Коллизия между накоплением и потреблением имеет здесь не столько количественный характер, сколько качественный; государство не конфискует покупательных фондов населения, оно ограничивает лишь качественные возможности потребления. Такое же значение имеет и изменение об'ема импорта вследствие изменения об'ема экспорта. Если, напр., вследствие роста внутреннего потребления снижается экспорт, а потому и импорт, то это явление также равносильно переоборудованию предприятий, вырабатывающих импортную номенклатуру товаров, в предприятия, вырабатывающие экспортную номенклатуру.

Таким образом, если внешнеторговые связи увеличивают возможности перераспределения народного дохода, то, с другой стороны, они увеличивают и возможности общего нарушения рыночных пропорций при таком перераспределении народного дохода, которое резко меняет об'ем или структуру импорта.

Вторым решающим условием хозяйственного равновесия является соблюдение пропорций при распределении производительного накопления между капиталовложениями и запасами. Разные отрасли народного хозяйства имеют различное соотношение между основным и оборотным капиталом, понимая под последним сырье, полуфабрикат, топливо и вспомогательные материалы. Это соотношение ниже в транспорте и выше в промышленности, при чем в последней ниже в каменноугольной отрасли и выше в текстильной, и т. д. Тем не менее, каждой единице основного капитала народного хозяйства отвечает определенная величина $(1-x)$ оборотных средств производства, при чем для всего народного хозяйства в состав оборотных фондов или вернее запасов должна войти также определенная норма готовых изделий или вообще готовых продуктов (в том числе определенный запас средств потребления).

Иначе говоря, при прочих равных условиях, в целях авансирования чистой продукции, могущей быть созданной рабочей силой, на весь период производства этой продукции необходимо располагать как оборотными средствами производства, так и средствами потребления. С точки зрения оборотной ведомости народного хозяйства запасы входят в годовую сумму производства и потребления, к концу года вновь воспроизводятся из годовой продукции и т. д.

Но „как бы ни сменялись отдельные элементы этого запаса, во всякое время часть их должна остаться без движения, чтобы весь запас мог всегда оставаться в движении". Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса общественного воспроизводства. Норма таких запасов определяется рядом моментов, детальный анализ которых дан нами в статье „Проблема резервов" (журнал „Хозяйство Украины", № 10 за 1928 г., стр. 44—66). Здесь же мы остановимся лишь на отдельных выводах этой статьи.

В задачу народнохозяйственных запасов входит:

а) обеспечить бесперебойный процесс воспроизводства народнохозяйственного капитала, т.-е. бесперебойность производства и потребления, в пределах года; сглаживание сезонных провалов и отклонений от среднегодового уровня, а также разрывов между сроками выхода продукции и сроками ее потребления;

б) обеспечить бескризисность поступательного развития народного хозяйства в пределах кон'юнктурного цикла, т.-е. в разрезе нескольких лет (сглаживание кон'юнктурных прогибов и создание хозяйственной эластичности, облегчающей перераспределение народного дохода);

в) обеспечить бескризисность развития или смягчить возможные кризисы вследствие причин форсмажорного порядка: война, неурожай и проч. („страховые резервы").

Если запасы народного хозяйства будут больше нормативно необходимых, то это приведет к замедлению скорости оборота материальных капиталов, т.-е. к замедлению темпа роста народного дохода; если резервы будут меньше нормативных, то это приведет к перебоям и провалам в производстве, к перебоям в потреблении, к разрыву спроса и предложения, т.-е. к общему напряжению рынка, что в конечном итоге также может снизить возможные темпы роста народного дохода.

Недостаточность запасов против общественно-необходимой нормы, нарушая циркуляцию торгово-производственного оборота, приводит и к финансовому напряжению.

Действительно, с точки зрения категорий менового хозяйства общий недостаток материальных запасов народного хозяйства воспринимается в форме недостатка денежных капиталов, недостатка банковских кредитов, общего финансового напряжения торговли, промышленной и кредитной систем. Схема такова: недостаток материальных ценностей в обороте торговли и промышленности приводит к недостатку денежных резервов, т.-е. к понижению мобильности актива за счет денежных и прочих ценностей (касса и текущие счета, векселя и проч.) Отсюда низкое соотношение денежных и материальных резервов, так как ни одна организация не имеет вкладов в собственном смысле слова, направляя все накопления в товары. Но так как сумма ценностей в активе определяет сумму ценностей в пассиве, то недостаток материальных запасов представляется как недостаток денежных капиталов, собственных или заемных. Финансовое же напряжение ведет к общему расчетному напряжению. Так, промышленность, загружая средства в элементы производства (топливо, сырье, полуфабрикаты и пр.) стремится уменьшить свое участие в деле финансирования товаров, ухудшая условия расчета для покупателей, нажимая на торговлю; верхние звенья торговли передают нажим средним и т. д. При достаточном напряжении недостаток оборотных средств приводит к невозможности

продвинуть уже имеющиеся товарные ценности, т.-е. приводит к перебоям в снабжении, к искусственному затовариванию; с другой стороны, недостаток средств для поднятия материальных запасов в меру роста торгово-промышленного оборота ведет к ряду перебоев в платежном и расчетном обороте (протесты, неуплата в срок по обязательным взносам и пр.), что отражается и на перебоях в обороте материальных капиталов. Но недостаток денежных капиталов банковской клиентуры сопровождается недостатком банковских денежных капиталов. В самом деле, недостаток собственных средств в обороте заставляет торговлю и промышленность финансироваться в банках за счет банковской эмиссии (прочие банковские пассивы ограничены именно в силу финансового стеснения банковской клиентуры); здесь потребность в реальном кредите для увеличения оборотных капиталов. В последующий же период возникает потребность в оборотном кредите для продвижения уже наличных товаров. Если не в первой своей стадии эмиссия все же стоит на границе инфляции, будучи исчерпанной уже в порядке финансирования. В итоге замороженная кредитная система, лишенная всяких резервов, расстроенное денежное обращение и ряд финансовых перебоев дополняют картину всеобщих перебоев в товарообороте в результате недостатка материальных резервов, т.-е., по существу, в результате нарушения пропорций при распределении накопления между основными и оборотными капиталами.

Перейдем к анализу следующих условий хозяйственного равновесия. При условии соблюдения вышеуказанных пропорций, решающее значение для сохранения рыночного равновесия приобретает характер капиталовложений в смысле сохранения определенных пропорций при распределении вложений между отдельными хозяйственными отраслями; в смысле соблюдения общественно-необходимых пропорций между c и v, т.-е. при выборе соответствующего коэфициента органического состава капитала; в смысле соблюдения пропорций между об'ектами вложений с различной степенью быстроты выхода в эксплоатацию.

Остановимся на первом моменте капиталовложений. В каждом общественном хозяйстве, в каждый данный момент существуют определенные пропорции между производством средств производства и производством средств потребления (другая сторона взаимоотношения накопления и потребления), между промышленностью и сельским хозяйством внутри каждого из этих разделов, между отдельными горизонтально и вертикально связанными отраслями, служащими рынком сбыта друг для друга.

При прочих равных условиях, а таковые в значительной мере имеют об'ективный характер, новое капитальное строительство должно считаться с указанными пропорциями, нарушение которых может привести в период самого строительства к товарному дефициту или росту цен, а в период эксплоатации новостройки — к на-

рушению рыночного равновесия в обоих направлениях (на одних участках перепроизводство, на других — недопроизводство). Почему возникают диспропорции в самый период строительства? Шаблонный ответ ряда экономистов (в большинстве финансистов), потому что об'ем капиталовложений превышает об'ем накопления. Но тогда нужно доказать, что капитальное строительство идет за счет абсолютного уменьшения фондов потребления, за счет абсолютного уменьшения оборотных фондов народного хозяйства. Мы еще будем иметь возможность возвратиться к этому положению.

Оставаясь в рамках простого воспроизводства, можно все накопление „пустить в трубу", не нарушая рыночного равновесия: при условии из'ятия из оборота этого излишка в форме определенных хозяйственных благ, с тем, чтобы не нарушить существующий об'ем воспроизводства. Так как материальный состав такого фонда накопления определяется существующей структурой производства, то здесь уже и лежит первое ограничение в деле свободы выбора направления нового строительства. В условиях же расширенного воспроизводства, т.-е. в условиях растущего личного и производственного потребления дело идет не о простом из'ятии фондов накопления в форме определенных благ, а о таком характере их эксплоатации, которая бы обеспечила расширенный об'ем воспроизводства. Здесь второе ограничение в деле свободы выбора направления нового строительства. Если, например, весь фонд накопления будет направлен в производство средств производства, то на известный период неминуем товарный дефицит или же растущие цены на рынках товаров широкого потребления, так как зарплата рабочих новых предприятий не встретит дополнительного потока товаров. Если, далее, внутри самого производства средств производства вложения ушли в самые высшие по вертикальной связи отрасли (напр., машиностроение), то неминуем товарный дефицит и на все виды промсырья (руда, чугун, сталь и т. д.), при чем товарный голод получает двусторонний характер: вышестоящая отрасль испытывает дефицит в сырье, вырабатываемом серединными отраслями, последние же испытывают недостаток в товарах, вырабатываемых нижестоящими отраслями, и т. д. Например, при нарушении пропорций между сельским хозяйством и промышленностью мыслимы явления товарного голода и на сельскохозяйственное сырье, и на сельхозмашины, и на продукты питания, и на химические удобрения для сельского хозяйства; с другой же стороны, внутри самой промышленности может иметь место недостаток в чугуне, железе, дереве, стекле и проч, во-первых, вследствие большего развития вышестоящих по вертикали отраслей (напр., машиностроение), чем нижестоящих (чугун); во-вторых, потому что вследствие характера капитального строительства (но не об'ема) изымаются из производственного оборота в основной капитал те элементы, которые необходимы для обеспечения расширенного воспроизводства. (С вульгарно-количественной точки зрения эти явления воспринимаются в форме несоответствия суммы капиталовложений сумме накопления.)

Отсюда возможность таких экономических парадоксов, когда по мере роста общественной продукции растет и товарно-рыночное напряжение. Нужно сказать, что при больших разрывах по вертикали в условиях общего товарного дефицита мыслимы явления частичного перепроизводства по линии наивысших в вертикали отраслей, потому что таковые „не имеют потребителей", вернее потому что этих „потребителей" нужно еще создать, связав их, в свою очередь, с прочими, нижестоящими отраслями.

Стихийное капиталистическое хозяйство, где регулятором межотраслевого распределения капиталов является рынок (через рыночную цену и норму прибыли) стихийно стремится к установлению межотраслевых пропорций, при чем, как правило, вертикальная последовательность вложений имеет место снизу вверх.

Нарушение рыночных пропорций в таком хозяйстве об'ясняется дефективностью самого регулятора (закона стоимости), действующего post factum.

Как-раз анализируемое условие хозяйственного равновесия больше всех других интересовало Маркса, у которого мы встречаем ряд цифровых подсчетов и выводов по данному вопросу. Рассматривая условия равновесия между производством средств производства (I) и производством средств потребления (II), Маркс считал необходимым соблюдение пропорций в распределении m между I и II, в распределении m между непроизводительным потреблением (золото и капиталисты) и накоплением, в распределении последнего между постоянным и переменным капиталом и т. д. (Кстати сказать, вывод Маслова, что марксовы схемы игнорируют проблему непроизводительного потребления, лишен всякого основания. Маркс видел накопление общественного хозяйства не в расширенном создании прибавочной стоимости, независимо от характера ее потребления, а в росте производства средств производства за счет этой стоимости.) Указанные пропорции, по Марксу, имеют не только количественный, но и качественный характер в том смысле, что характер вложений в каждую из отраслей должен обеспечить определенный состав общественно-необходимой продукции.

Как уже указывалось выше, нарушение рыночных пропорций будет тем сильнее, чем сильнее происходит путем импорта превращение в основной капитал текущих элементов производства и потребления. Если, например, раньше импорт давал 100 единиц товаров широкого и производственного потребления ценою 100 единиц экспорта, то при направлении импорта в основной капитал обеспечение текущих потребностей производства и потребления будет иметь место только при затратах $100 \times n$ единиц, т.-е. через длительный промежуток времени, пока текущие элементы производства,

превращенные в основной капитал, не дадут своего производственного эффекта.

Отсюда вытекает необходимость сохранения надлежащих пропорций в распределении капиталовложений между об'ектами с различной степенью быстроты выхода в эксплоатацию. Направление капиталовложений в капиталоемкие виды строительства с отдаленным рыночным эффектом равносильно временной недокапитализации. Напр., постройка какой-либо магистрали, могущей дать свой эффект только через пять лет, равносильна для данного периода, т.-е. на пять лет, зарыванию капиталов в землю.

Если в порядке такого строительства в основные капиталы вовлекаются материальные элементы, необходимые для обеспечения текущего воспроизводства, то в результате может иметь место почти всеобщий товарный голод. Обычно, товарное напряжение сопровождает не только самый период стройки таких об'ектов, но и первое время после выхода их в эксплоатацию, так как такого рода капиталоемкие об'екты большей частью относятся к верхним звеньям производственной вертикали.

Поэтому капиталистическое хозяйство, руководствуясь ценою на капитал, т.-е. ссудным процентом, только тогда приступает к строительству таких капиталоемких предприятий, когда общество располагает избыточными средствами производства и средствами потребления. Развитие инфляционного кредита способствует такого рода строительству, усиливая перераспределение народного дохода между накоплением и потреблением, с одной стороны, и между основным и оборотным капиталом,—с другой. В результате несоответствия в динамике денежного и реального накопления — денежный кризис, как первый этап общехозяйственного кризиса.

Однако, стопроцентное соблюдение внутренних пропорций при межотраслевом распределении капиталов только тогда позволит сохранить рыночные пропорции, когда будут соблюдены определенные пропорции между C и V, т.-е. когда новые вложения будут иметь общественно-необходимый коэфициент органической структуры капитала.

Как известно, под органическим составом капитала Маркс понимал „состав капитала по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний“ („Капитал“, т. II, стр. 123). Так как технический состав капитала, т.-е. отношение числа рабочих к основному капиталу „и является действительной основой его органического состава“, то в целях простоты будем оперировать понятием технического состава капитала.

Соотношение между живым и мертвым трудом (накопленным капиталом) не одинаково в различных странах, как не одинаково для одной страны в различные этапы ее развития. Та или другая комбинация живого и мертвого труда определяет, что производится,

сколько производится, как, и самое главное, с какими издержками живого труда. По мере роста технического состава капитала растет производительность общественного труда, которая выражается в том, что растущая сумма хозяйственных благ покупается ценою уменьшающихся затрат живого труда. Вследствие этого растет норма накопления при одновременном абсолютном росте личного потребления общества.

Различие в технической структуре общественного капитала в разных странах, обусловливая различие в производительности труда, является основной причиной неодинакового уровня материального бытия одних и тех же социальных групп в мировом хозяйстве, различного темпа роста отдельных секторов мирового хозяйства и т. д. Но если по мере роста $\frac{C}{V}$ растет производительность общественного труда, повышается выработка на единицу рабочей силы — $\frac{P}{V}$, падают издержки на единицу продукта, удешевляется продукция, растет норма прибыли и т. д., то наблюдается и обратное явление — падение выработки на единицу капитала, падение $\frac{P}{C}$ по мере роста $\frac{C}{V}$. Последнее явление имеет место как в одной и той же отрасли по мере роста в ней технического состава капитала, так и в разных отраслях с различной структурой капиталов.[1] Поэтому в каждый данный момент общество, исходя из ограниченного об'ема накопленного мертвого труда, сможет получить общественно необходимую массу продукции только при общественно-необходимом соотношении $C:V$. Иначе говоря, в целях наиболее полного удовлетворения своих потребностей, в целях наибольшего вовлечения в производство живой рабочей силы, в целях получения наибольшей массы чистой продукции обществу бывает выгоднее при данном уровне развития производительных сил и данном об'еме накопления остановиться на менее производительном комплексе живого и мертвого труда в отдельных отраслях, покупая ценою более дорогих издержек производства не только ту же сумму продукции этих отраслей, но и добавочную продукцию этих же или прочих отраслей.

Для иллюстрации этого положения, а к нему мы возвратимся в дальнейшем при анализе проблемы темпов, приведем следующий пример, пользуясь цифровым материалом С. В. Бернштейн-Когана („Введение в экономию промышленности“, стр. 79). Возьмем два типа типо-

[1] Отдельные исключения, напр., для паровых установок или химической промышленности только подтверждают этот основной закон падения $\frac{P}{C}$ по мере роста $\frac{P}{V}$ и $\frac{C}{V}$.

графских машин: „Линотип“ стоимостью в 12.000 марок и производительностью в 50.000 букв в 8 час. и „Моноляйн“ стоимостью в 7.000 марок и производительностью в 40.000 букв. Предположим, что общество может выделить на капиталовложения в типографскую промышленность 3.360 тыс. марок, нуждаясь в ежедневной продукции в 38 млн. знаков. Если на эти деньги будет куплено 480 машин „Моноляйн“, то они дадут при двойной смене 38,4 млн. букв набора; если же будет куплено 280 машин „Линотипа“, вследствие большей рентабельности таковых (набор „Линотипа“ стоит дешевле „Моноляйна“ при 30 млн. знаков продукции на 5%, а при 45 млн. знаков почти на 10%), то продукция таковых составит в сутки только 28 млн. знаков.

Рыночное равновесие сохраняется лишь при техническом составе капитала $C:V=7:1$, нарушаясь при $C:V=12:1$. Норма и масса накопления усиливаются во втором случае, так как здесь продукция покупается меньшей затратой рабочей силы и прочих расходов, т.-е. при меньшей затрате предметов питания и т. д. Однако, такое усиление нормы накопления покупается ценою нарушенного равновесия. Вполне понятно, что более или менее резкое увеличение означенной структуры капитала в данной отрасли может нарушить рыночное равновесие с двух концов: а) отвлекая в эту отрасль капиталы, необходимые для других отраслей; б) давая меньший производственный эффект, чем это дали бы те же вложения при более низкой структуре капитала. Поэтому с точки зрения равновесия an und für sich проблема капиталовложений заключается в оптимальном сочетании мертвого и живого труда — производительности труда рабочего и „производительности“ единицы капитала. Отсюда народнохозяйственный критерий капиталовложений не $\frac{P}{C}$, т.-е. не наибольшая выработка на единицу капитала, и не $\frac{P}{V}$, т.-е. не наибольшая выработка на единицу рабочей силы, а $\frac{P}{C.V}$ т.-е. наибольшая продукция на единицу живого и мертвого труда. Иначе говоря, общественный критерий капиталовложений не в том, чтобы на данную массу капитала получить наибольшую продукцию ценою любых затрат, но и не в том, чтобы получить ценою наименьших затрат хотя бы и резко уменьшенную массу продукции; повторяем, вся проблема в том, чтобы получить общественно-необходимую массу продукции ценою общественно-необходимых затрат. Последние, конечно, не могут быть ниже уже существующих средних затрат в данных отраслях, так как иначе производство будет „нерентабельным“. Этим кладется низший предел коэфициенту органического состава капитала. В условиях капиталистического хозяйства высший его предел определяется той же нормой прибыли, что часто даже тормозит технический прогресс, как таковой (см. „Капитал“ т. III I, ч. 1, стр. 243—244). Во всяком случае переход к более механизированному производству имеет здесь место лишь при условии получения сверхприбыли. Поэтому капиталист повышает норму C/V лишь тогда, когда использованы уже все прочие возможности эксплоатации живого труда. Именно поэтому повышение органического состава капитала происходит в капиталистическом хозяйстве, так сказать, эволюционным порядком, более или менее близко отражая коэфициент общественно-необходимого состава. Итак, при условии соблюдения полной межотраслевой и „темпориальной“ пропорциональности капиталовложений, можно иметь явления всеобщего недопроизводства, или же всеобщий рост цен против существующего уровня, если вложения будут иметь повышенный сравнительно с общественно-необходимым органический состав капитала, так как новая продукция более производительной комбинации труда и капитала будет расцениваться рынком из расчета общественно-необходимой потребности, определяемой уже имеющимся комплексом производительных сил. Именно при этом условии, когда рыночные цены могут подняться выше средних при производстве (средние издержки производства плюс прибыль), рентабельными могут быть и предприятия ниже общественно-необходимого органического состава капитала. Напр., в наших условиях кустарная продукция, изготовляемая с большими издержками производства, чем фабрично-заводская, т.-е. при ниже средней производительности труда в данных отраслях в целом, поглощается рынком, как общественно-необходимая продукция.

Этим же об'ясняется общественная необходимость в наших условиях ряда деконсервированных предприятий, устаревших и морально и технически.

Следует добавить, что нарушение общественно необходимой нормы состава народнохозяйственного капитала в целом всегда является следствием нарушения межотраслевых пропорций и всегда сопровождает последнее даже при общественно-необходимом составе капитала в отдельных отраслях (в силу одного повышения удельного веса капиталоемких отраслей).

Подведем итоги вышеизложенному.

При расширенном воспроизводстве народного хозяйства нарушение рыночных пропорций в сторону превышения спроса над предложением, иначе говоря, явления дороговизны или товарного голода возможны:

а) В результате такого нарушения пропорций в распределении народного дохода между всеми видами потребления, включая сюда и непроизводительное накопление и производительное накопление, когда удельный вес накопления сильно понижается. Такое нарушение пропорций возможно в результате более интенсивного роста заработной платы нежели производительности труда, в результате

резкого снижения цен на предметы потребления, в результате роста непроизводительных расходов. Во всех этих случаях, как следствие „недокапитализации", может иметь место длительное „недопроизводство" почти всеобщего характера.

б) Но нарушение рыночных пропорций, постоянное напряжение товарного рынка и перебои в снабжении возможны и при достаточной норме накопления, если нарушаются пропорции, в которых распределяется это накопление между капиталовложениями и собственно запасами, т.-е. между основными и оборотными фондами. Кстати сказать, такого рода диспропорция ведет и к общему кредитно-денежному напряжению.

в) К расстройству рыночных пропорций ведет и такая политика капиталовложений, когда нарушаются межотраслевые пропорции по горизонтали и вертикали; когда нарушается коэфициент общественно-необходимой органической структуры капитала; когда накопление принимает форму капиталовложений с более отдаленным рыночным эффектом, чем это позволяет текущий об'ем воспроизводства; когда в основной капитал страны перекачиваются материальные элементы, необходимые для текущего производственного и личного потребления (в результате реконструкции импорта и т. п.)

г) При прочих равных условиях, один факт перераспределения народного дохода нарушает рыночное равновесие, так как в процессе перераспределения характер общественного потребления всегда обгоняет характер существующих производственных возможностей, приспособленных по своим количественным и качественным возможностям к удовлетворению спроса старой формации. Такое нарушение рыночных пропорций может быть тем более длительным и серьезным, чем серьезнее реконструкция всего общественного потребления как в его производственной, так и в потребительской части. Такого рода генеральная реконструкция народного хозяйства может быть лишь результатом революционного сдвига, а не результатом обычной динамики.

(Окончание следует)

И. А. Бялый

К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР

О воспроизводстве в хозяйстве СССР

Проблему воспроизводства капиталистического хозяйства Маркс сформулировал в своих знаменитых схемах. Идя от анализа простого воспроизводства к расширенному, а от него — к установлению причин кризисов, Маркс следует своему основному методологическому правилу: он отправляется от простейшей абстракции и путем ее постепенного усложнения создает такую логическую конструкцию, которая все в большей мере охватывает многообразное содержание сложной конкретности. В схемах простого и расширенного воспроизводства марксов анализ находится еще в области довольно глубокой абстракции. В них совершенно игнорируется диференциация класса капиталистов со всеми сложнейшими экономическими процессами и изменениями экономических категорий, которые она вызывает; в них игнорируется специфичность взаимоотношений между отдельными капиталистами, приводящая к резкому извращению формы, которую прибавочная ценность принимает на поверхности явлений. Маркс в своих схемах отвлекается также и от роста органического строения капитала, несмотря на то, что этот рост является обязательным спутником капиталистического накопления и имеет колоссальное значение в конкретном ходе капиталистического воспроизводства. Мы не говорим уже об отвлечении от докапиталистических отношений, от них Маркс абстрагируется даже на более высокой ступени анализа, в теории кризисов. В схемы простого и расширенного воспроизводства включены только взаимоотношения между классом капиталистов (как целым) и рабочим классом. В соответствии с этим находится и экономическая формулировка материального процесса производства: этот последний состоит из постоянного капитала (т.-е. труда, присвоенного капиталистом в предыдущие периоды производства), переменного капитала (т.-е. труда рабочего, который в данный момент создает ценность для капиталиста, но оплачивается им) и прибавочной стоимости (т.-е. той части труда, которая создает новую ценность для капиталиста и не оплачивается последним совершенно). Схемы включают в себя закон производства прибавочной стоимости, т.-е. основной закон накопления капитала. В них, следовательно, проблема равновесия решается в аспекте тех производственных и рас-

пределительских отношений, которые возникают только из факта эксплоатации рабочей силы, как товара. Таким образом, первый урок, который следует извлечь из марксовских схем, состоит в необходимости учета того обстоятельства, что Маркс в начале анализа поставил себе целью выяснить, каким образом устанавливается соответствие между отраслями производства, а следовательно, и между спросом и предложением при данной классовой структуре общества, с присущим этому обществу основным законом накопления и распределения.

Второй урок можно извлечь при правильной оценке соображений, под влиянием которых Маркс разбил все общественное производство на два подразделения, именно — на производство средств производства и производство средств потребления. Отраслей, в совокупности составляющих все общественное производство, громадное множество. С другой стороны, признаков, по которым можно было бы произвести классификацию отраслей, тоже довольно много. Почему Маркс в основу своей классификации положил разграничение не между производством основного и оборотного капитала, а между производством средств производства и средств потребления? Вся сумма ценностей, оказывающаяся в распоряжении общества, в результате всякого данного производственного периода представляет собою общественный продукт, однако, ни в коем случае, разумеется, нельзя считать, что вся она создана именно в течение данного периода. На ряду с созданием новой ценности, труд обладает способностью переносить на свой продукт ценность ранее произведенных средств производства. Следовательно, общая сумма ценностей, появляющаяся в заключение какого-либо производственного периода, всегда больше той ценности, которую все общество в течение данного периода произвело и больше именно на ту часть, которая была создана в предыдущее время и в данный производственный период вступила в качестве мертвого труда, т.-е. средств производства. Разумеется, и эту часть ценностей, в конечном счете, можно считать доходом общества, однако, это такой доход, который был произведен в предыдущее время, который в данный производственный период вступил в качестве старых запасов общества и, следовательно, доходом данного производственного периода считаться не может. Вся колоссальная принципиальная важность разграничения понятий общественного продукта и общественного дохода совершенно наглядно выступает при анализе как простого, так и расширенного воспроизводства, хотя в каждом из них она выступает по особенному.

При простом воспроизводстве вся ценность, вновь созданная в течение данного производственного периода, полностью потребляется рабочим классом (v) и классом капиталистов (m). Ранее же накопленные средства производства (c), которые входят слагаемым в оказавшийся в результате данного производственного периода об-

щественный продукт, не входят в процесс индивидуального потребления и должны быть полностью сохранены, как постоянный капитал для следующего производственного периода. В противном случае оказалось бы, что общество расстратило на индивидуальное потребление не только весь общественный доход, но и часть старых запасов. Однако, эта функциональная разница между старыми запасами и общественным доходом должна найти себе полное соответствие в материальной структуре общественного продукта. Необходимо, чтобы общественный продукт содержал в себе такое количество предметов потребления, которое бы по своей ценности полностью соответствовало размерам общественного дохода. С другой же стороны, необходимо, чтобы из общей суммы общественного продукта в материальной форме средств производства была такая часть, ценность которой не больше и не меньше ценности старых запасов, которые должны войти в качестве постоянного капитала в следующий производственный период, совершенно не изменив своих размеров. При соблюдении этих условий процесс простого воспроизводства совершится беспрепятственно; в противном же случае неизбежно нарушение равновесия, кризис. Из сказанного ясно, что основная трудность воспроизводства проистекает оттого, что общественный продукт, в противоположность мнению Ад. Смита, не совпадает с общественным доходом. Поскольку Ад. Смит отождествил общественный продукт с общественным доходом, основная проблема воспроизводства совершенно исчезла с поля его зрения. И, наоборот, перед Марксом она встала с абсолютной ясностью и он положил ее в основу своих схем. При простом воспроизводстве все второе подразделение должно произвести такое количество ценностей, которое полностью соответствует общественному доходу, созданному в обоих подразделениях, ибо второе подразделение производит средства индивидуального потребления и, наоборот, первое подразделение должно произвести средства производства в размерах, абсолютно совпадающих с величиной постоянного капитала в обоих подразделениях.

Эту основную проблему процесса воспроизводства Маркс и выразил, разбив все отрасли на два подразделения именно по указанному признаку.

Расширенное воспроизводство от простого отличается тем, что при нем часть общественного дохода изымается из сферы личного потребления и употребляется на расширение производства в следующий производственный период. Часть общественного дохода в данное время не реализуется как доход, а превращается в постоянный капитал следующего производственного периода. Естественно, что для бескризисного воспроизводства этому функциональному изменению части общественного дохода должно корреспондировать соответствующее изменение материальной структуры общественного продукта. Достижение этого соответствия представляет собою чрезвычайно

сложный процесс, однако, оно является необходимым условием бескризисного расширенного воспроизводства. Поэтому основной задачей схем расширенного воспроизводства и является формулировка тех условий, при которых возможно функциональное изменение части общественного дохода.

Идея, положенная Марксом в основу деления всех отраслей на производство средств производства и производство средств потребления, учитывает процессы отнюдь не исторически-преходящего характера. Необходимость систематического превращения части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода — это не специфически капиталистическая черта, она присуща всякому человеческому производству независимо от его общественной формы. Эта необходимость — изъять часть общественного дохода и употребить его на расширение будущего производства, при чем произвести это таким образом, чтобы не нарушилось соответствие между материальными элементами производства — эта необходимость в полной мере стоит и пред нашим переходным хозяйством. Следовательно, диференциация всего общественного производства на так называемые 1 и 2 подразделения совершенно обязательна при анализе проблемы воспроизводства в хозяйстве СССР. Эту часть марксовских схем не только можно использовать при анализе воспроизводства в нашем хозяйстве, ее можно полностью и без всяких изменений включить в этот анализ, ибо она отображает процессы, присущие всем экономическим формациям.

Вряд ли нужно специально оговариваться, что это ни в какой мере не относится к другой части марксовских схем — к ценностной формулировке производственного процесса, протекающего в этих подразделениях. Если разбивка всего общественного производства на указанные два подразделения формулирует задачу, общую всем формациям, то ценностная формулировка производственного процесса, наоборот, показывает, как эта внеисторическая задача осуществляется при воспроизводстве данной системы экономических отношений на фоне действия основного закона капиталистического накопления и распределения. Ясно, следовательно, что для того, чтобы суметь использовать идею, положенную в основу деления всего общественного производства на указанные Марксом два подразделения, необходимо предварительно дать характеристику того социально-экономического фона, на котором происходит обмен веществ между этими двумя подразделениями.

Если капиталистическое общество однородно, хотя и состоит из двух противоположных полюсов, то наше хозяйство представляет собою процесс взаимодействия трех, коренным образом отличающихся друг от друга типов отношений. Социалистический сектор непосредственные товаропроизводители (крестьяне и кустари) и капиталистические элементы города и деревни, — каждый из этих составных элементов нашей экономики обладает своими собственными тенденциями развития, которые в совокупности и составляют тот экономический фон, на котором развертываются процессы материального производства и воспроизводства.

Государственная промышленность является собственностью всего общества, из чего следует, во-первых, что ее непосредственный „хозяин“ (правительство) имеет известную власть над всем народным хозяйством и даже над теми его частями, которые на рынке выступают конкурентами государственной промышленности, и, во-вторых, то, что интересы промышленности не замыкаются рамками самой промышленности, что поскольку промышленность является орудием диктатуры пролетариата в деле социалистической перестройки всего нашего хозяйства, постольку ее интересы не могут быть противопоставляемы интересам всего народного хозяйства.

Хозяйство простых товаропроизводителей развивается на принципиально иных экономических основах. Непосредственно движущим стимулом хозяйственной деятельности простого товаропроизводителя являются только интересы его хозяйства. Свое отношение к росту всего народного хозяйства, к росту государственной промышленности, к той или иной экономической политике государства, к происходящим процессам социалистической перестройки народного хозяйства простой товаропроизводитель выявит в полной зависимости от того непосредственного влияния, которое перечисленные факторы окажут на судьбу его хозяйства. В этом смысле интересы простого товаропроизводителя не совпадают с интересами государственной промышленности. Однако, поскольку товаропроизводитель остается простым товаропроизводителем, т.-е. не эксплоатирует чужого труда, постольку частнохозяйственные мотивы его деятельности не могут явиться непреодолимым препятствием для согласования его интересов с „интересами“ государственной промышленности. Вследствие трудового характера этих хозяйств, антагонизм с государственной промышленостью у них может возникнуть только на почве установления норм оплаты их труда.

Совершенно по иному обстоит дело с капиталистическими элементами нашей экономики, к которым мы, разумеется, относим также и деревенских кулаков. Первое свойство хозяйств простых товаропроизводителей присуще, разумеется, и им. Однако, в то время как простые товаропроизводители стремятся лишь к тому, чтобы их труд был обществом выгодно для них оплачен, капиталистические элементы стремятся подчинить своему господству возможно большее количество рабочих сил, а в качестве предпосылки для этого — произвести превращение возможно большей части общественного дохода в постоянный капитал их капиталистических предприятий. В этой своей деятельности они вступают в неразрешимое противоречие с государственной промышленностью.

Выше мы указывали, что проблема расширенного воспроизводства перед всякой экономической формацией ставит задачу сохранения пропорциональности при отчуждении возможно большей части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода. В капиталистическом хозяйстве эта задача разрешается на фоне противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В нашем хозяйстве противоречий, присущих капитализму, нет. Но у нас имеется свое специфическое противоречие, по своему затрудняющее бескризисное превращение части общественного дохода в средства производства. Это противоречие проявляется в том, что превращение дохода в средства производства в нашем хозяйстве происходит одновременно по двум взаимно исключающим линиям: обобществленной и частной.

Государственная промышленность, как решающий сектор обобществленного хозяйства, является ведущим началом в деле социалистической переработки нашей экономики, что достигается постоянным усилением ее влияния на определение характера развития крестьянского и кустарно-ремесленного хозяйства. Совершенно ясно, что это может происходить только на основе роста производительных сил. Однако, рост производительных сил является одновременно и процессом социалистической переделки нашей экономики только потому, что он происходит на основе согласования задач государственной промышленности с хозяйственными интересами представителей простого товарного производства. Различие движущих мотивов их деятельности не устраняет, таким образом, возможности сочетания их интересов в целях общего развития в одном определенном направлении. Это направление определяется тенденциями государственной промышленности, реализуется в постепенной социалистической перестройке нашей экономики и, следовательно, является процессом социалистического накопления, т.-е. такого накопления материальных ценностей, которое сопровождается и стимулирует процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Какова роль капиталистических элементов в этом процессе расширенного воспроизводства? Очевидно, что в том обмене веществ между отраслями, который реально в нашем хозяйстве происходит, капиталистические элементы принимают постоянное участие и в этом смысле они являются необходимой составной частью нашего хозяйства. Однако, своим участием они не только не способствуют социалистическому накоплению, но систематически препятствуют ему. По мере роста социалистического накопления и укрепления экономических позиций государственной промышленности должно происходить усиление непосредственной связи этой последней с простым товарным хозяйством, а это равносильно постепенному устранению возможностей развития для капиталистических элементов, которые могут гнездиться лишь в щелях, образовавшихся

между государственной промышленностью и простым товарным хозяйством. Эта закономерность находит себе совершенно реальное, рыночное выражение. Рыночная действительность в форме непосредственной коммерческой выгодности постоянно фиксирует ее перед капиталистическими элементами, побуждая их искать базу для своего развития за пределами государственной промышленности и на участках, меньше других связанных с этой последней. Теряющие почву там, где государству удается непосредственно связаться с простым товарным производством, они стремятся проникнуть на те участки, где они со стороны государственной промышленности не встречают препятствий в отношении превращения в постоянный капитал дохода, создаваемого их наемными рабочими, а также связанным и зависимым от них крестьянством и кустарями. Иначе говоря, поскольку успехи социалистического накопления лишают их возможностей развития, они стремятся создать свою собственную сферу накопления, огражденную от влияния социалистической промышленности. Они стремятся поставить свое предприятие в такие условия, которые позволили бы ему существовать и развиваться не соприкасаясь с государственной промышленностью. Все конкретные исследования деятельности частного капитала, произведенные в последнее время, сходятся на констатации того обстоятельства, что частный капитал стремится создать свой замкнутый круг с включением в него, кроме своих официальных наемных рабочих еще и возможно большей части крестьянства и кустарей.

Крестьяне и кустари оказываются, таким образом, об'ектом борьбы обоих противоположных секторов нашей экономики. Государственное хозяйство стремится через кооперацию направить простое товарное хозяйство в единый процесс воспроизводства социалистических отношений; капиталистические элементы, наоборот, пытаются оттянуть крестьянство и кустарей из-под влияния государственной промышленности и слиться с ними в единый процесс воспроизводства капиталистических отношений. В едином хозяйстве создается, таким образом как бы два самостоятельных и противоположных друг другу круга воспроизводства. При этом каждый из борющихся секторов по своему стремится использовать связь с мировым хозяйством. Капиталистический сектор ведет борьбу против монополии внешней торговли, стремясь, таким образом, включить в капиталистический круг воспроизводства влияние мирового капиталистического хозяйства; социалистический же сектор, наоборот, берет (в форме монополии внешней торговли) под контроль связь с мировым хозяйством и таким путем использует ее в интересах социалистического круга. Следовательно, проблема связи с мировым хозяйством разрешается тоже в аспекте только-что установленного противоречия нашей экономики, что решает вопрос, как о допустимых с точки зрения интересов социалистического круга формах связи, так и о размерах ее.

Разумеется, составные части этих двух противоположных кругов воспроизводства в хозяйственной жизни постоянно связываются друг с другом. Мы утверждаем, что капиталистические элементы стремятся создать свою собственную среду, однако, этим мы вовсе не хотим сказать, что между ними и социалистическим сектором не устанавливается никакой связи. Наоборот, любой капиталист, если ему представится возможность „заработать" путем той или иной связи с государственным предприятием, не откажется от нее, хотя он и великолепно знает, что эти возможности временные и что, следовательно, в создании собственной среды надобность не миновала. С другой стороны, государственные предприятия, не сумевшие в том или ином пункте установить непосредственную связь с простым товарным производством, вынуждены соглашаться на посредничество частного капитала, зная, однако, что оно, при прочих равных условиях, затруднит рост социалистических отношений. Тем более это относится к простому товарному производству. Одно и то же крестьянское хозяйство часто связывается одновременно и с социалистическим и с капиталистическим сектором. Поскольку оно охватывается потребительской и сельскохозяйственной кооперацией и охватывающие его кооперативные звенья являются проводниками влияния социалистических командных высот, постольку оно способствует социалистическому накоплению, входит в социалистический круг воспроизводства, и наоборот поскольку то же крестьянское хозяйство сбывает часть своей продукции кулаку-скупщику, оно способствует росту капиталистических отношений, входит в капиталистический круг воспроизводства. Таким образом, в процессе непосредственной хозяйственной жизни представители различных экономических укладов, дополняя друг друга, образуют единое народное хозяйство. Однако, грубейшей ошибкой было бы видеть только процесс воспроизводства материальных благ и не заметить проблемы воспроизводства производственных отношений. А особенность переходной экономики в том и состоит, что хозяйственный процесс представляет собою единое целое и, вместе с тем, рост производительных сил происходит в форме борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций, в форме стремлений к расширенному производству двух взаимно исключающих систем производственных отношений, т.-е., как мы выше условно определили, в форме борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим кругом воспроизводства. Из переходного характера нашей экономики с необходимостью вытекает, что стремление к воспроизводству социалистических отношений все в большей и большей мере должно увенчиваться успехом, в то время как попытки воспроизводства капиталистических отношений в конечном счете должны остаться попыткой с негодными средствами. Однако, это обстоятельство не исключает существования капиталистического круга воспроизводства, а наоборот, предполагает его.

Таким образом, основное противоречие нашей экономики состоит в наличии раздвоенности расширенного воспроизводства в едином народном хозяйстве. Именно со стороны этого противоречия возникают основные препятствия в отношении сохранения равновесия при превращении части общественного дохода в средства производства. Переходная экономика свободна от противоречий капитализма, но она содержит в себе специфическое противоречие, обусловленное именно ее переходным характером. Когда это противоречие достигает особенно больших размеров, оно проявляется в кризисных нарушениях пропорциональности. Однако, в сравнительно слабой форме оно дает себя чувствовать постоянно. Общеизвестно, например, что государственная промышленность со сравнительно высокой техникой, подчас не может из-за недостатка сырья реализовать всех своих производственных возможностей, в то время как мелкие частнокапиталистические предприятия с варварски отсталой техникой оказываются в состоянии связаться с производителем сырья и положить, таким образом, начало капиталистическому кругу воспроизводства. Благодаря связи с крестьянином — продавцом сырья, а затем с наемным рабочим или кустарем, капиталисту удается известную часть общественного дохода превращать в постоянный капитал своего капиталистического предприятия и, следовательно, соответственно сокращать социалистическое накопление. Но, кроме того, нужно отметить, что поскольку техника в капиталистических предприятиях несравненно ниже техники нашей государственной промышленности постольку всякий успех в этом отношении капиталистического круга воспроизводства означает не только сокращение социалистического накопления, но и задержку в развитии и даже прямой регресс производительных сил.

Из сказанного следует, что основным условием бесперебойного расширенного воспроизводства является систематическое расширение социалистического круга воспроизводства как за счет внутреннего роста, так и за счет сокращения размеров капиталистического круга воспроизводства.[1] И, наоборот, если бы быстрее развивался капиталистический круг воспроизводства, то в условиях монополии внешней торговли и национализированной промышленности это означало бы нарушение основных производственных пропорций как внутри государственной промышленности, так и в ее отношениях с простым товарным хозяйством, т.-е. резкий кризис.

Из серьезных работ, вопросу о воспроизводстве в нашем хозяйстве, посвящена вышедшая в 1927 г. статья Е. Преображенского.[2] Эта работа представляет собою попытку применения марксовых схем воспроизводства при анализе процесса воспроизводства в на-

[1] Напоминаем, что „капиталистический сектор" и „капиталистический круг воспроизводства" — понятия совершенно различные.

[2] „Вестник Комм. Академии", кн. XXII.

шем хозяйстве. Самый факт такой попытки можно только приветствовать, однако, характер использования марксовых схем нам представляется неудовлетворительным.

Е. Преображенский считает необходимым при анализе проблемы воспроизводства абстрагироваться от капиталистических элементов в нашем хозяйстве и, вместе с тем, не считает возможным абстрагироваться от неэквивалентного обмена. Эта особенность его подхода к проблеме наложила решающий отпечаток на все его выводы. Необходимость абстрагирования от капиталистических элементов аргументируется следующим образом:

„Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частно-капиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако, часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства вообще, и отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора" (стр. 24).

Таким образом, в начале цитаты указывается, что анализ условий равновесия „делает необходимым" деление нашего хозяйства именно на три сектора, сразу же за этим следует указание, что капиталистический сектор и товарный сектор „представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства", а в заключение утверждается, что в виду отсутствия нужных цифр о капиталистическом секторе, при конкретном анализе воспроизводства оказывается невозможным „деление хозяйства на три сектора" и приходится смешивать в одно сектор капиталистический и сектор простого товарного производства. Действительно ли необходимо деление нашего хозяйства на три сектора, если простой товарный и капиталистический секторы „представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства"? А если, несмотря на это, анализ условий равновесия в нашем хозяйстве все же требует деления его на три сектора, то можем ли мы считать хоть в какой-нибудь мере удовлетворительными результаты того к о н к р е т н о г о изучения воспроизводства, при котором исследователь а б с т р а г и р у е т с я от одной из трех составных частей изучаемого процесса? Бесспорно, конечно, что отсутствие цифр при конкретном анализе является чрезвычайно существенным обстоятельством, однако, находить выход из положения путем сбрасывания со счетов целого класса вряд ли допустимо да еще при к о н к р е т н о м анализе воспроизводства. Цифр, особенно достаточно удовлетворительных, может действительно не оказаться, но от этого капиталистические элементы не перестанут ни существовать, ни оказывать влияния на процесс воспроизводства. Думаем, что тот конкретный анализ воспроизводства, который учтет все имеющиеся цифры, но не учтет воздействия, указываемого капиталистическими элементами на процесс воспроизводства, вряд ли может претендовать на плодотворность.

Однако, если при конкретном анализе воспроизводства нельзя отвлекаться от капиталистических элементов, то может быть такое отвлечение допустимо при абстрактном анализе этой проблемы? Марксистский метод не только допускает, но подчас и требует отвлечения от целого ряда явлений. Вообще говоря, абстрагирование от капиталистических элементов допустимо и при анализе нашей экономики. Однако, нужно ли доказывать, что такое абстрагирование допустимо не на любой ступени анализа и что исследователь, желающий правильно применить марксов метод абстракции, прежде всего, обязан помнить, что определенной ступени анализа данной общественной формации должна строго соответствовать определенная глубина абстракции. Если мы ставим себе целью установить, какова форма связи между отдельными производственными ячейками, в совокупности составляющими переходную экономику, мы не только можем, но и обязаны абстрагироваться от капиталистических элементов, ибо принципиальное содержание существующей формы связи обусловливается не капиталистическими элементами. Совершенно иначе дело будет обстоять при анализе процесса воспроизводства. Выше мы старались показать, что наличие капиталистических элементов оказывает качественное влияние на характер воспроизводства в нашем хозяйстве, что именно им обязано наше хозяйство раздвоенностью процесса воспроизводства. Абстрагироваться от капиталистических элементов значит абстрагироваться от этой раздвоенности, т.-е. от основной отличительной черты „советского" воспроизводства. Преображенский же, хотя и своеобразно, но все же абстрагируется от капиталистических элементов. Стирая разницу между ними и представителями простого товарного производства, он, таким образом, абстрагируется от тех моментов, которые отличают капиталистический сектор от сектора простого товарного хозяйства. Вместо того чтобы рассмотреть, каким образом происходит в процессе расширенного воспроизводства борьба между капиталистическим и государственным хозяйством за простое товарное производство, Преображенский зачисляет простое товарное хозяйство в один „об'единенный круг" с капиталистическим хозяйством и, следовательно, строить такую схему, которая могла бы соответствовать действительности т о л ь к о в с л у ч а е п о л н о й п о б е д ы капиталистических элементов над социалистическими. Основные проблемы, возникающие на почве борьбы двух противоположных полюсов за простое товарное хозяйство, с поля зрения Преображенского исчезают и остается только одна — проблема неэквивалентного товарообмена. Неправильно разделив нашу экономику на государственный сектор и противостоящий ему товарно-капиталистический сектор,

Преображенский упростил проблему воспроизводства до проблемы неэквивалентного обмена.

В виду того что Маркс при анализе воспроизводства в капиталистическом хозяйстве от неэквивалентного обмена абстрагируется, Преображенский считает необходимым в параграфе „Предварительные замечания" специально обосновать целесообразность производимого им включения проблемы неэквивалентного обмена в анализ воспроизводства в нашем хозяйстве. Он считает в данном случае возможным не следовать точно за Марксом, в виду того что в капиталистическом хозяйстве неэквивалентность обмена представляет собою отклонение от нормы, в то время как в нашем хозяйстве, наоборот, — нормальным явлением. Нужно признать, что этот аргумент сам по себе не может, конечно, служить достаточным основанием для включения неэквивалентности обмена в теоретический анализ воспроизводства, ибо Маркс в своей теории воспроизводства абстрагировался не только от временных отклонений, но и от целого ряда чрезвычайно существенных составных частей капиталистической экономики. Достаточно вспомнить, что Маркс в своей теории воспроизводства абстрагируется от таких явлений, как кредит, закон средней нормы прибыли, обособление торгового капитала, чтобы понять, что известная закономерность в нашем хозяйстве неэквивалентного обмена сама по себе еще ни в какой мере не может служить основанием для включения этой проблемы в анализ воспроизводства.

Однако, дело не в том, что Преображенский не обосновал этого включения, а в том, что если бы он, по примеру Маркса, абстрагировался от неэквивалентного обмена, то ему нечего было бы сказать по вопросу о воспроизводстве. Как нельзя ничего сказать о капиталистическом воспроизводстве, абстрагировавшись от прибавочной ценности, точно также ничего невозможно понять и в нашем воспроизводстве, если отвлечься от того обстоятельства, что за влияние на простое товарное хозяйство ведется борьба между социалистическими и капиталистическими элементами. Нет поэтому абсолютно ничего удивительного в том, что теория воспроизводства Преображенского представляет собою не что иное, как только цифровую формулировку его закона первоначального социалистического накопления и к тому же формулировку очень неполную. Теснейшая связь и зависимость теории воспроизводства и теории регулятора, конечно, совершенно обязательны, однако, когда получается так, что в теории воспроизводства повторяется абсолютно то же самое, что говорилось в теории регулятора и для разнообразия приводятся только ничего нового не говорящие, но очень запутанные арифметические выкладки, то такую „связь" вряд ли можно признать положительным явлением.

Вся теория воспроизводства Преображенского состоит из формулировки семи условий равновесия в советском хозяйстве. Попытаемся при помощи рассмотрения каждого из них доказать правильность только-что выдвинутых против этой теории обвинений.

Первое условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.-е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства" (стр. 37; курсив автора).

Этот свой вывод „огромнейшего значения" Преображенский доказывает следующим образом. Он берет в качестве условия то, что цены в нашем хозяйстве вдвое превышают мировые цены. Исходя из этих высоких цен, он строит цифровой пример, который изображает равновесие в нашем хозяйстве. Этот пример он считает формулировкой разновесия при неэквивалентном обмене, так как положенные в основу его построения цены вдвое превышают мировые цены. Считая, что таким образом показано равновесие при неэквивалентном обмене, Преображенский переходит к рассмотрению вопроса о равновесии при неэквивалентном обмене. Для этой цели он берет тот же цифровой пример и производит в нем снижение промышленных цен до уровня мировых промышленных цен, т.-е. в два раза. В результате, конечно, получается резкая диспропорция, что и оказывается, с точки зрения Преображенского, достаточным основанием для утверждения о том, что первым условием равновесия в нашем хозяйстве является неэквивалентный обмен.

Нужно ли доказывать, что таким образом не менее легко „обосновать" необходимость для сохранения равновесия любого соотношения цен, в том числе и необходимость эквивалентного обмена. Для этого нужно будет только построить такой цифровой пример, в котором равновесие установлено на основе мировых промышленных цен, а потом предположить, что промышленные цены внезапно повысились вдвое. Таким образом, разобранное „первое условие равновесия" является лишь крайне неудачной попыткой лишний раз обосновать правильность закона первоначального социалистического накопления.

В своем шестом условии равновесия Преображенский снова возвращается к этому вопросу и на этот раз уже с точки зрения отрицательного влияния неэквивалентного обмена на товарность сельского хозяйства. На этот раз, следовательно, неэквивалентность обмена выступает как фактор, срывающий бесперебойное воспроизводство. Получается, таким образом, что в первом условии равнове-

сия неэквивалентность обмена рассматривалась, как необходимое условие равновесия, а в шестом условии оно рассматривается, как условие нарушения равновесия. Из этого очевидного противоречия автор пытается выйти следующим заявлением, „в последнем случае (в случае снижения цен. И. Б.) дело должно итти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства“ (стр. 66) и дальше:

„Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивают коллективное производство над капиталистическим“ (стр. 68).

Оказывается, таким образом, что между реализацией первого условия равновесия и шестого условия равновесия существует разница во времени: до производства переоборудования технической базы нашей промышленности условием равновесия должен быть неэквивалентный обмен, после же этого, наоборот, эквивалентный обмен. Однако, такое решение проблемы есть не что иное, как увертка от решения.

Когда произойдет переоборудование технической базы нашей промышленности, тогда проблема неэквивалентного обмена будет снята, так же, как будут сняты и все основные трудности, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Речь идет о неэквивалентном обмене именно в реконструктивный период. С одной стороны, задача индустриализации страны требует известного минимума накопления и, следовательно, определенного уровня цен, в этом смысле (а отнюдь не по той причине, которую указывает Преображенский в своем первом условии) известная неэквивалентность обмена является условием расширенного воспроизводства; с другой стороны, эта же мера ухудшает на время реконструктивного процесса связь государственной промышленности с крестьянским хозяйством и улучшает положение, усиливаёт шансы капиталистического круга воспроизводства. Противоречивость нашей экономики в том и состоит, что интересы расширенного воспроизводства требуют сохранения на известный период неэквивалентного обмена, который в то же время является фактором, препятствующим расширенному воспроизводству, поскольку он в данный момент облегчает расширение капиталистического круга воспроизводства. В этом противоречии дано одновременно и условие сохранения равновесия и условие нарушения равновесия. Преображенский же эту единую проблему разбивает на два самостоятельных условия равновесия, между которыми он располагает еще четыре самостоятельных условия равновесия.

Вторым условием равновесия Преображенский считает необходимость определенного темпа накопления в государственной промышленности. Вообще говоря, этот вопрос является основным

вопросом проблемы воспроизводства. Однако, поскольку у Преображенского отсутствует правильный классовый анализ нашей экономики, у него этот действительно громадной важности вопрос сводится лишь к проблеме чисто рыночного равновесия и решается исключительно под углом зрения рыночного равновесия.

Недонакопление в государственном секторе, предположим, на 300 млн. руб. будет означать недопроизводство на 360 млн. руб., если считать, что 60 млн. будет равняться прибавочный продукт. Если учесть, что доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна 25%, то произойдет сокращение продукции, реализуемой в частном секторе на 90 млн. руб., „а это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн. рублей две трети относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего, крестьянского хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.-е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.-е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутрикрестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего, в частноторговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т. д.,— диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать в условиях расширенного воспроизводства необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не могут следовать закупки, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако, само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготовляемые государственным сектором, неизбежно означает искус-

ственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями".[1]

С темпом накопления в промышленности действительно связана судьба всех отраслей народного хозяйства. Влияние накопления в государственной промышленности на условия развития крестьянского хозяйства должно быть в центре внимания при анализе воспроизводства. Однако, зависимость, сформулированная Преображенским, чрезвычайно далека от той, которая существует в действительности. Предположим, что рассматриваемое Преображенским уменьшение накопления в государственном секторе произошло вследствие снижения налога на крестьянство или вследствие увеличения государственных ссуд сельскому хозяйству. Предположим, далее, что сокращение накопления коснется исключительно капитального строительства и в данный период не вызовет сокращения предложения ни средств потребления, ни средств сельскохозяйственного производства. Тогда в данный период вопреки цифровым выкладкам Преображенского недонакопление в государственной промышленности не вызовет ни сокращения предложения крестьянской продукции, ни деградации крестьянского хозяйства. Правда, это будет означать коренное изменение курса экономической политики и через некоторое время заставит (однако, совсем не в той форме, как пишет Преображенский) государство во избежание кризиса итти на расширение связи с мировым хозяйством и, может быть, итти на некоторые уступки в отношении пользования иностранным долгосрочным кредитом. Можно ли итти на эти уступки? До каких пределов можно на них итти? Что должно служить критерием при установлении этого предела? На эти вопросы, конечно, нет ответа у Преображенского. На них возможно дать правильный ответ, только исходя из правильного классового анализа нашей экономики. При ответе на них исходным пунктом должен служить учет интересов борьбы социалистического круга воспроизводства против капиталистического круга воспроизводства, т.-е. интересов борьбы государственного сектора за отрыв простого товарного хозяйства из-под влияния капиталистического. И поскольку Преображенским правильного классового анализа не сделано, поскольку основной социально-экономической проблемы им не поставлено, постольку и вопрос о темпе накопления государственной промышленности решается им, как проблема увязки отраслей, а не как проблема борьбы классов.

Вопрос об определенном темпе накопления является, повторяем, основным вопросом воспроизводства. Исключительно низкий технический уровень нашей промышленности в условиях капиталистического окружения и громадного удельного веса мелкобуржуазной

[1] „Вестник Комм. Академии", № 22 за 1927 г., стр. 38.

экономики внутри страны требует быстрого темпа индустриализации, а следовательно, и накопления. Недонакопление или замедление темпа индустриализации усиливает влияние капиталистических элементов на простое товарное хозяйство, расширяет капиталистический круг воспроизводства и таким путем может нарушить процесс воспроизводства, т.-е. привести к кризису. Следовательно, известный минимум накопления действительно является необходимым условием бесперебойного расширенного воспроизводства. В этом смысле Преображенский прав. Однако, его аргументация, как мы только-что видели, ничего не в состоянии доказать, ибо он пытался этот вопрос решить не путем анализа основного внутреннего противоречия нашей экономики, а с точки зрения непосредственно-рыночного равновесия. Только при правильной постановке вопроса, учитывающей весь классовый переплет, на фоне которого происходит это расширенное воспроизводство, возможно решить вопрос о темпе накопления.

„Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед" (стр. 39).

Вслед за этой цитатой приводятся три случая так называемого перенакопления, из коих два являются результатом ошибок планирования, а третий обусловлен об'ективными трудностями реконструктивного периода. Так как случаи нарушения, вызванные ошибками планирования, не могут представлять интереса при теоретическом анализе воспроизводства, мы остановимся только на третьем случае.

Здесь имеется в виду случай, когда „переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен" (стр. 41).

Образовавшаяся таким образом диспропорция является результатом об'ективных трудностей:

„В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства" (стр. 41).

Далее Преображенский останавливается на том влиянии, которое происшедшее обострение товарного голода оказывает на сельское хозяйство.

„Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся, прежде всего, к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые пред'явит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо" (стр. 41—42).

Приведенные цитаты как будто бы свидетельствуют о том, что Преображенский видит действительные трудности воспроизводства, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Об'ективная необходимость усиленного капитального строительства, неизбежность обострения на первых порах реконструктивного процесса товарного голода, наконец, опасность ослабления смычки государственной промышленности с крестьянством,—все это, если судить по приведенным цитатам, как будто ясно Преображенскому. Однако, разрешает он правильно сформулированную им основную проблему воспроизводства следующим образом:

„С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства во времени" (стр. 42).

Если автору угодно центр тяжести перенести на терминологическую сторону вопроса, то мы не станем с ним спорить. Пусть, рассматриваемый случай кризисного характера считается не результатом перенакопления на одном участке государственной промышленности, а наоборот, результатом недонакопления во всей государственной промышленности. В этом мы охотно с автором соглашаемся. Однако, вторая часть цитаты, в которой автор ограничивается успокоением себя и других тем, что в данный момент иначе быть не может, а что после завершения технической реконструкции промышленности исчезнут все эти трудности нам представляется по меньшей мере неудовлетворительной. В своем втором условии равновесия Преображенский описал некоторые трудности, стоящие на пути воспроизводства, но тут же от них отмахнулся.

Вообще же относительно второго условия следует сказать, что поставленная в нем проблема полностью совпадает с той, которая ставится первым и шестым условиями равновесия. Как там, как и здесь речь идет об урезке части крестьянского дохода в пользу увеличения основного капитала промышленности. Эта урезка является абсолютно необходимой для победы социалистического круга воспроизводства над капиталистическим, и следовательно, для бесперебойного процесса воспроизводства. Однако, она же затрудняет смычку государственной промышленности с крестьянским хозяйством, и следовательно, укрепляя позиции капиталистического круга воспроизводства, препятствует бесперебойному расширенному воспроизводству. Вопрос о темпе накопления и вопрос о неэквивалентном обмене являются, таким образом, проявлением одного и того же противоречия и представляют собою одну (а не три, как у Преображенского) проблему. Сделать из этой одной проблемы сразу несколько Преображенский смог только тем, что выхолостил из нее все социальное содержание и свел ее исключительно к отдельным техническим проблемам рыночного равновесия. Однако, поскольку рыночное равновесие может осуществляться только на определенной социально-экономической основе и является лишь проявлением определенных экономических процессов, постольку неудивительно, что построения Преображенского оказываются не в состоянии об'яснить действительность даже в том случае, если эту действительность брать исключительно в ее рыночных проявлениях.

Мы установили, таким образом, что первое, второе и шестое условия равновесия трактуют по существу не о трех разных, а все об одном и том же противоречии. Теперь приходится отметить, что о том же самом речь идет и в четвертом условии равновесия.

Суть четвертого условия равновесия сам автор формулирует следующим образом:

„Если в советской экономике c II государственного сектора плюс с II частного сектора минус средства производства, которые само второе подразделение об'единенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны v плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения об'единенного [1] частного сектора, то: 1) при дефиците первого подразделения об'единенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения об'единенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части v II госсектора, т.-е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т.-е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения об'единенного частного сектора на соответствующую

[1] Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

часть v II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает, однако, еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства и на средства потребления, изготовляемые в государственном хозяйстве" (стр. 56—57).

Эту формулировку автор подвергает цифровой конкретизации. Он строит две пары подразделений соответственно двум секторам народного хозяйства (государственного и частнокапиталистического) и рассматривает обмен веществ, происходящий между этими секторами и их двумя подразделениями. Так как автор стремится к тому, чтобы его цифровые выражения соответствовали действительным рыночным соотношениям, существующим в нашем хозяйстве, то в результате произведенного им рассмотрения обмена веществ между секторами получился вывод, что наиболее узким местом в процессе воспроизводства является наша тяжелая индустрия. Первое подразделение частного сектора пред'являет спрос на продукты первого подразделения государственного сектора в большем количестве, чем само ему продает. Образовавшийся дефицит может быть покрыт, во-первых, путем импорта оборудования для сельскохозяйственного производства и, во-вторых, путем сокращения непроизводительного потребления в первом подразделении государственного сектора. Но так как обе эти возможности ограничены вполне определенными и чрезвычайно узкими пределами, то этот дефицит остается существовать. Это обстоятельство оказывает отрицательное влияние на состояние отраслей первого подразделения частного сектора: происходит относительное сокращение производства технических культур и в особенности их товарности. Поскольку же технические культуры являются сырьем для легкой индустрии, то получается, что от недоснабжения первого подразделения частного сектора страдает и второе подразделение государственного сектора. Из всего этого Преображенский делает следующий вывод:

„Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время предшествовать расширенному воспроизводству упомянутых отраслей" (стр. 52).

К такому же выводу Преображенский приходит, рассматривая вопрос с другого конца, со стороны второго подразделения частного сектора. В этом подразделении тоже оказывается избыток его продукции и дефицит продукции государственного сектора. Так же, как

и в предыдущем случае, недостаток продуктов государственной промышленности оказывает отрицательное влияние на условия развития соответствующих отраслей частного сектора.

„В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который об'ективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных, очень высоких ценах...

Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности" (стр. 55).

Вот к чему, по существу, свелось четвертое условие равновесия: интересы всего народного хозяйства требуют быстрого развития тяжелой индустрии. Этот вывод является безусловно совершенно правильным, однако, почему он является содержанием четвертого условия разновесия, а не первого, второго или шестого — непонятно. Первое условие равновесия ставит проблему неэквивалентного обмена, которую нельзя не только разрешить, но даже и сформулировать, отделивши ее от проблемы быстрого развития тяжелой индустрии. Мы уже не говорим о том, что в свое второе условие равновесия и, в частности, в вопрос о недонакоплении Преображенский включил не только те же мысли, что и в четвертое условие равновесия, но даже и те же формулировки.

Не отличаясь от первого и второго условий по существу поставленных в них проблем, четвертое условие не отличается от них и по качеству разрешения этих проблем. Попрежнему автор не выходит за пределы отвлеченного рыночного равновесия. Стоит только изменить цифры, которые сами по себе автором совершенно не обоснованы, как вывод окажется совсем другим. Поэтому вся та грузная аппаратура цифр и схем, которыми в данном случае Преображенский оперирует, поскольку взятые соотношения им не обоснованы, представляется нам совершенно излишней. Необходимость быстрого роста тяжелой индустрии в таких громоздких доказательствах не нуждается. Зато вопрос об источниках этого роста, вопрос о соответствующем распределении национального дохода в интересах этого роста, вопрос о классовой борьбе, которая хотя и в экономической форме, но неизбежно на этой почве будет происходить, — эти вопросы, разрешение которых, казалось бы, с большим правом чем всех остальных следует считать основной задачей теории равновесия, — в анализ Преображенского совершенно не входят.

Для полноты остановимся вкратце и на остальных трех условиях равновесия. Третье условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экс-

порта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недоразвитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления" (стр. 47—48).

Значит, во-первых, максимальная связь с мировым хозяйством и, во-вторых, такая организация экспорта, которая превратила бы его в автоматический регулятор процесса расширенного воспроизводства. При обосновании этих двух выводов Преображенский совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что импорт оборудования чрезвычайно облегчает процесс расширенного воспроизводства и ускоряет процесс реконструкции промышленности. Если подходить к вопросу только с этой стороны, т.-е. опять-таки только с точки зрения рыночного равновесия, то вывод о необходимости „максимальной связи с мировым хозяйством" окажется совершенно правильным. Однако, нужно ли доказывать, что проблема связи с мировым хозяйством, при господстве капиталистических отношений во всех странах кроме нашей, при громадном удельном весе товарной стихии внутри нашей страны, при сильной технической отсталости нашей промышленности выводит нас далеко за пределы чисто рыночного равновесия. Сказать что импорт оборудования нам нужен и что он является „автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства" и ограничиться этим,— значит ничего не сказать о действительно сложнейшей проблеме связи хозяйства диктатуры пролетариата с мировым капиталистическим хозяйством.

Однако, если третье условие от всех рассмотренных выше методологически ничем не отличается, то в основу пятого и седьмого, наоборот, положен совершенно не тот принцип, который положен в основу всех остальных. Под номером пятым устанавливается, что необходимым условием равновесия является систематическое повышение заработной платы, при чем доказывается это положение не аргументами от рыночного равновесия, а необходимостью повышения культурного (в том числе и политического) уровня рабочего класса. В таком же роде оказывается и седьмое условие равновесия, где говорится о необходимости сокращения безработицы. В самой постановке вопроса в этих двух условиях мы ничего неправильного не видим. Наоборот, нам представляется, что познавательная ценность этих двух условий значительно выше, чем всех остальных, несмотря на то, что проблемы содержащиеся в них далеко не являются главными проблемами процесса воспроизводства. Заслуживающим внимания нам представляется лишь то обстоятельство, что

Преображенский вышел за пределы чисто рыночного анализа именно в этих двух случаях. В самом деле, почему с такой же точки зрения не поставить вопрос о кооперировании крестьянства, как об одном из обязательных условий равновесия?

Нам думается, что собака здесь не глубоко зарыта: все семь условий равновесия направлены на обоснование необходимости неэквивалентного обмена. Поскольку вопрос о заработной плате автору смог пригодиться для этой цели, он был включен в число „условий" и, наоборот, поскольку вопрос о кооперировании крестьянства оказался не в состоянии сослужить эту службу, он подвергся забвению.

После того как мы рассмотрели познавательную ценность каждого из семи условий в отдельности, мы считаем целесообразным сделать в отношении их несколько общих замечаний.

Нами неоднократно отмечалось, что в своих условиях равновесия Преображенский анализирует чисто рыночные моменты, совершенно отвлекаясь от хозяйственно-экономических процессов, лежащих в их основе. Не единый экономический процесс реализируется в большом множестве рыночных проявлений. Продукты труда различных отраслей выходят на рынок и приравниваются друг к другу как в смысле материально-производственном, так и в смысле количественно-ценностном; в результате соприкосновения продуктов различных отраслей образуются определенные цены; результатом определенного уровня цен являются определенные возможности накопления; это, в свою, очередь определяет соотношение между отраслями,— все эти моменты являются не чем иным, как суммой различных рыночных проявлений единого хозяйственно-экономического процесса, полностью определяющего характер этих проявлений.

Что нужно класть в основу анализа условий равновесия расширенного воспроизводства,— происходящий хозяйственно-экономический процесс или рыночные формы его проявления? Почему Маркс в своих схемах расширенного воспроизводства, отвлекаясь от цен, оперировал ценностью, отвлекаясь от средней нормы прибыли, оперировал прибавочной ценностью, затем отвлекаясь от кредита, исходил из непосредственной купли — продажи и т. д.? Преображенский абстрагирование Марксом от колебания цен вокруг ценности об'ясняет тем, что в капиталистическом хозяйстве цены товаров тяготеют к их ценности. Нужно ли доказывать абсолютную несерьезность этого аргумента? Он свидетельствует лишь о том, что его автор абсолютно игнорирует особенность того метода, которым пользовался Маркс при анализе расширенного воспроизводства. Маркс в теории воспроизводства анализировал не рыночные проявления, а то, что лежит в их основе: хозяйственный процесс в его определенном социально-экономическомоформлении.

Не поняв этого, Преображенский и сводит весь свой анализ к анализу чисто рыночных явлений. Достаточно вспомнить, как он

в своем первом условии решает вопрос о необходимости неэквивалентного обмена, где вся его аргументация сводится к простой тавтологии, или, что необходимость быстрого темпа накопления (второе условие) он пытается доказать тем, что в противном случае немедленно создается рыночная диспропорция; достаточно вспомнить хотя бы только это, чтобы увидеть, что его условия равновесия соответствуют перечисленным выше (стр. 29) рыночным формам проявления и чрезвычайно мало способствуют уяснению того процесса, который лежит в их основе.

Однако, анализ различных сторон внешне-рыночного равновесия Преображенский производит под определенным углом зрения. По существу все его семь условий равновесия имеют строго определенное задание: оправдать закон первоначального социалистического накопления. Поэтому он в своем первом условии делает вывод в пользу неэквивалентного обмена, хотя при такого же рода аргументации он с одинаковым успехом мог бы сделать и противоположный вывод; поэтому он и второе и четвертое и шестое условия подгоняет под этот же вывод, хотя, поскольку он ограничивался одним только рыночным равновесием, он с равным успехом мог бы притти и к другому выводу; поэтому же, наконец, он делает исключение для роста заработной платы и ликвидации безработицы, и, принимая их как особые условия равновесия, выходит за рамки анализа чисто рыночного равновесия.

Аппаратура для подкрепления закона первоначального социалистического накопления пущена в ход большая. Однако, нужно сказать, что к той аргументации в пользу этого закона, которая имеется в новой экономике, она абсолютно ничего не прибавляет. Что же касается проблемы воспроизводства, то она не только не разрешена, но даже и не поставлена. Причиной неудачного исхода этой попытки Преображенского, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в основу работы была положена в корне неправильная формулировка классовой структуры нашей экономики.

В параграфе „Предварительные замечания", в котором излагаются исходные пункты теории воспроизводства, Преображенский ставит читателя в известность, что он считает необходимым делить наше хозяйство не на два, а на три сектора. „Однако, — заявляет он тут же, — часто (разрядка наша. И. Б.) характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым". Очевидно, словом „часто" автор хотел отметить, что он не всегда будет растворять капиталистический сектор в простом товарном и что, следовательно, его указание на необходимость делить наше хозяйство на три сектора имеет не только декларативное значение. Сейчас, после разбора всей работы, приходится отметить, что все семь условий равновесия, которые в совокупности и составляют теорию воспроизводства, Преображенского, все они выведены из анализа двухсекторного, а не трехсекторного хозяйства.

Влияние капиталистического сектора на процесс воспроизводства совершенно нигде не рассматривалось и не учитывалось, несмотря на то, что здесь имел место теоретический анализ, и следовательно, „отсутствие нужных цифр" не могло еще сыграть своей печальной роли.

На протяжении всей работы автор касается капиталистического сектора всего только два раза: в параграфе „Предварительные замечания" он рассматривает отношение различных групп капиталистического сектора к неэквивалентному обмену и второй раз касается капиталистического сектора в подстрочном примечании. Очевидно, эти два случая автор считает достаточным основанием для сделанного им в начале работы заявления о необходимости делить наше хозяйство на три сектора. Рассмотрим первый из них.

„Нужно отметить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и аграрный участок, с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену" (стр. 26).

Высокие цены на продукцию госпромышленности, образовавшиеся под влиянием закона первоначального социалистического накопления, неизбежно должны перекинуться и на промпродукцию производимую в частном секторе. Торгово-промышленные капиталисты, которые при свободном действии закона ценности принуждены были бы мириться с гораздо более низкими ценами, теперь, оказывается, подпали под покровительство закона первоначального социалистического накопления. В противоположном положении оказались сел.-хоз. капиталисты: поскольку они являются покупателями промпродукции и, наоборот, продавцами сравнительно дешевой сельскохозяйственной продукции, они ведут жесточайшую борьбу за победу закона ценности на основе закона первоначального социалистического накопления. Получается, таким образом, что образуется очень сильная экономическая база для блока госпромышленности с торгово-промышленной группой капиталистов, с одной стороны, и противоположного блока бедняков и середняков с сельскохозяйственными капиталистами — с другой.

Проблема неэквивалентного обмена в такой мере довлеет над Преображенским, что из-за нее он не в состоянии видеть ничего остального. Даже тогда, когда речь зашла о конкретных устремлениях капиталистического сектора принцип неэквивалентного обмена заставил автора перевернуть на голову все действительные отношения.

Если рассматривать сельскохозяйственного капиталиста лишь как продавца продуктов своего труда и покупателя продуктов чужого труда, тогда, пожалуй, действительно дело должно происходить по Преображенскому. Но тогда возникает только одно неудобство: сотрется всякая грань между крестьянином-середняком и сельскохозяйственным капиталистом. Стимулом деятельности серед-

няка-крестьянина является стремление за свой труд получить возможно больше общественного труда и потому соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен на судьбу его хозяйства оказывает решающее влияние. Судьба же капиталистического предприятия зависит не просто от уровня цен, а от условий эксплоатации, в которых цены на изделия являются лишь одним из факторов. Это обстоятельство особенно нужно иметь в виду в нашем переходном хозяйстве, где решающим фактором, определяющим кон'юнктуру для капиталистического сектора, является степень влияния экономической политики государства.

„Ножницы" невыгодны сел.-хоз. капиталисту, как продавцу сел.-хоз. продукции и покупателю промышленной продукции. Но „ножницы", вместе с тем, ослабляют влияние государственного сектора на рынке сырья и создают для сел. хоз. капиталиста условия для более тесной и выгодной увязки с крестьянином — производителем сырья и промышленным капиталистом или раздатчиком. Они не противопоставляют промышленного капиталиста сельскохозяйственному,— как думает Преображенский,— а наоборот, создают условия, при которых сельскохозяйственный капиталист оказывается в состоянии отвоевывать крестьянина от социалистического круга воспроизводства и втягивать его в капиталистический круг воспроизводства, давая этим самым возможность капиталистическому кругу расти также и за счет кустарей, т.-е. в общей сложности совершать расширенное воспроизводство за счет социалистического круга. В какой мере то или иное соотношение цен может служить показателем состояния кон'юнктуры для капиталистических элементов, видно хотя бы из истории последнего хлебозаготовительного кризиса. Капиталистические элементы деревни, которым недостаточно прочная связь социалистических командных высот с крестьянским хозяйством дала возможность приумножить свои скудные средства путем спекулятивной скупки крестьянского хлеба, вряд ли будут сетовать на то, что чрезмерный разрыв цен ослабил позиции социалистического сектора.

В известных размерах и до известного времени „ножницы" неизбежны. Этого требуют интересы индустриализации отсталой страны. Однако, необходимо иметь в виду, что обусловленные задачей, социалистического строительства, „ножницы", вместе с тем, в каждый данный момент затрудняют усиление смычки госпромышленности с сельским хозяйством и, следовательно, соответственно укрепляют позиции капиталистического круга воспроизводства. Это противоречие является проявлением основного противоречия нашей экономики. Естественно, что поскольку Преображенский в извращенном виде воспринимает это основное противоречие, постольку и формы его проявления находят в его работе совершенно неправильное освещение. Преображенский основное противоречие нашей экономики выводил из противопоставления государственного сектора

частному, в то время как на самом деле оно возникает из борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим. При решении вопроса об основном противоречии нашей экономики Преображенский игнорирует принципиальную разницу между капиталистическими элементами в нашем хозяйстве и элементами простого товарного производства, поэтому при попытке конкретного анализа действительная роль капиталистических элементов у него смазывается и они частично превращаются в союзников пролетариата, частично — в союзников крестьянства. Четкое разграничение трех, принциально отличных друг от друга основных элементов нашей экономики — социалистических, капиталистических и простого товарного производства — показывает, что не капиталисты делятся на союзников госпромышленности и крестьянства, а простые товаропроизводители (крестьянство и кустари) могут стать как союзниками пролетариата, так и союзниками буржуазии, вследствие чего борьба двух противоположных секторов (социалистического и капиталистического) превращается в борьбу двух кругов воспроизводства. Если в капиталистическом строе судьба каждого отдельного капиталиста сильнейшим образом зависит от общих условий производства прибавочной стоимости, то в нашем хозяйстве она не менее сильно зависит от общих условий развития капиталистического круга воспроизводства. Поэтому трудности смычки, которые „ножницы" в каждый данный момент обостряют, нельзя смазывать тем, что эти „ножницы" невыгодны также и сел.-хоз. буржуазии. Поскольку факт „ножниц" и их определенные размеры обуславливаются требованием индустриализации страны, они („ножницы") в конечном счете действуют против всех капиталистов и промышленных и сельскохозяйственных; однако, поскольку в данный момент „ножницы" ухудшают смычку, они создают возможность расширения деятельности как для промышленных, так и для сельскохозяйственных капиталистов. Рассмотренный случай анализа Преображенским капиталистического сектора лишний раз показывает какую глубочайшую ошибку он совершил, сделав неэквивалентный обмен исходным пунктом своей теории воспроизводства.

Г. А. Фельдман

О лимитах индустриализации

Массовое машинизированное производство на электрической базе проникает во все отрасли народного хозяйства с неудержимой силой, с большей или меньшей скоростью, положительно во всех капиталистических странах мира.

По совокупности индустриальных признаков впереди всех стран идут С.-А.С.Ш. Иллюстрацией к этому положению может служить то, что в этой стране, как общее правило, промышленные предприятия собственных силовых станций уже почти не строят.

Степень электрификации фабрично-заводской промышленности в Соед. Штатах ясно видна из следующей таблицы:

Мощность двигателей, непосредственно приводящих в движение машины и орудия в фабрично-заводской промышленности С.-А.С.Ш

Годы	Мощность механических двигат.		Мощность электромоторов своего тока		Мощность электромоторов покупного тока		Итого
	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил
1904	11.896	88,2	1.146	8,5	445	3,3	13.488
1909	13.857	74,2	3.063	16,4	1.755	9,4	18.675
1914	13.492	60,6	4.898	22,0	3.874	17,4	22.264
1919	13.096	44,7	6.914	23,6	9.287	31,7	29.298
1925	9.766	27,3	10.160	28,4	15.847	44,3	35.773
1927	9.907	25,6	10.410	26,9	18.383	47,5	38.700

Таким образом 74,4% всего машинного оборудования в промышленности приводилось в движение в 1927 г. электромоторами. Не менее 4.000 тыс. лош. сил — механических двигателей — за период с 1909 по 1925 гг. и в том числе не менее 3.300 тыс. лош. сил за период с 1919 по 1925 гг. были либо выброшены как устаревшие и замещены электромоторами покупного тока, либо переведены на работу по производству электрического тока.

За период с 1925 по 1927 гг. на весь прирост мощности машин и орудий примерно в 3 млн. лош. сил на долю приводимых в движение двигателей непокупного тока пришлось примерно лишь 400 тыс. лош. сил, или около 13,5%. Таким образом, на базе централизованной электрификации промышленность возросла на 86,5%.

О темпах роста потребления электроэнергии в Соед. Штатах можно судить по следующим данным:

Потребление электроэнергии за счет станций общего пользования (1912 = 100)

	1912	1917	1922	1925	1926	1927	1928	1929
Освещение	100	165	348	502	546	590	622	(643)
Двигательн. сила и хим. произв.	100	386	634	942	1.104	1.258	1.413	(1.566)
Электр. ж. д. и трамваи	100	146	187	192	199	203	219	(226)

Средние годовые приросты потребления электроэнергии

Освещение	10,5	16,0	13,0	8,8	8,0	5,4	(3,3)
Двигательн. сила и хим. произ.	31,0	10,4	14,0	17,3	13,8	12,4	(10,8)
Электр. ж. д. и трамваи	—	—	—	3,7	2,0	7,8	(3,2)

В том что темпы роста потребления осветительной электроэнергии снижаются — нет ничего удивительного, ибо 70% населения Соед. Штатов уже живет при электрическом свете. Также понятно некоторое снижение, по мере насыщения, еще весьма высоких темпов роста потребления электроэнергии в промышленности. Электрификация железных дорог находится пока в начальной стадии и расцвет этого процесса впереди.

Еще совсем недавно „эпигоны народничества“ утверждали, что крепость сельского хозяйства развернутой индустриализацией еще не взята. Последние годы принесли столько свежих новостей в этой области, что вряд ли кто либо в пределах нашего Союза станет выдавать свои тайные вожделения за реально наблюдаемые процессы.

Что же касается американских профессоров,[1] то наиболее проницательные из них вопиют о том, что пришел конец надежнейшей политической опоре заокеанской республики, доброму американскому фермеру. Надо было бы быть совершенно слепым и никогда не изучать быстро и стремительно развивающихся экономических процессов в начальной их стадии, чтобы не оценить того факта, что в 27 (всего 48) наиболее промышленных штатах число электрифицированных ферм возросло за три года (с 1923 г. по 1926 г.) на 87%. По подсчетам американского „сельскохозяйственного комитета“ к 1932 г. будет электрифицирован 1 млн. ферм (из ныне существующих 6,4 млн.). В Калифорнии и сейчас уже 79% всех ферм электрифицированы. Таким образом, электросети охватят к 1932 г. 15,5% всех ферм, а так как электрификация начинается не с самих мелких ферм, то вряд ли мы оши-

[1] E. Mead and W. Ostrolenk.

бемся, если оценим электрификационный охват сел.-хоз. площадей в С.-А.С.Ш. к 1932 г. в 30—40% и предскажем, что к концу тридцатых годов вся промышленность С.-А.С.Ш. как городская, так и сельская, будет полностью электрифицирована и что лишь для железных дорог это не будет иметь места в соответствующей мере. Этот процесс отражается в распределении капитальных вложений между электростанциями и сетями и в росте и об'еме затрат на электрические сети.

Годы	Капитальные затраты на станции		Капитальные затраты на сети	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
С.-А.С.Ш.				
1921	102,7	46,2	119,7	53,8
1923	283,8	47,0	318,3	52,9
1925	380,0	52,7	341,3	47,3
1927	234,9	30,8	525,5	60,2
1928[1]	284,9	36,2	453,8	57,7
1929[1]	(294,9)	(33,3)	(517,0)	(60,7)
СССР				
1927/28	—	81	—	19

Вряд ли мы преувеличим, если на основе этих цифр оценим ежегодный прирост сети в 15 тыс. *км*. К этому надо прибавить, что сельское хозяйство обслуживается в настоящий момент 800 тыс. тракторами на общую мощность не менее 12 млн. лош. сил.

Из этих сопоставлений видно, что рост технического вооружения рабочей силы в С.-А.С.Ш. совершается с огромной быстротой во всех отраслях народного хозяйства при одновременном процессе пролетаризации мелкобуржуазных масс, росте структурной безработицы и мощном напоре на внешние рынки. Такие условия развития чреваты социальными и международными конфликтами и влекут неудержимо С.-А.С.Ш. к высшим формам хозяйствования по нашему примеру с соответствующим „изменением“ их общественного строя.

Таким образом, оправдывается положение, что противоположности в конечном счете сходятся. Однако, пока что мы стоим перед лицом небывалой в истории индустриализацией страны, небывалой, ибо она охватывает, как никогда до сего времени, все производ-

[1] Предварительные подсчеты. Распределены не все затраты.

ственные процессы в стране и происходит в условиях современного капитализма.

Все еще непревзойденным образцом организации массового производства является Г. Форд, введший на своих заводах при 180 тыс. рабочих непрерывную сменность, охватывающую круглые сутки в течение 6 дней недели. Каждый рабочий занят лишь 5 дней в неделе и, таким образом, лишним днем отдыха компенсируется огромная напряженность труда и ночная работа. Форд же получает интенсивнейшее использование основного капитала без тех потерь на простой и пуск заводов, которые всегда имеют место, при единовременной сменности, три раза в день.

Нет никакого сомнения в том, что все отрасли народного хозяйства в Соед. Штатах в ближайшие годы будут перестроены по фордовскому образцу, и как бы цепко американский фермер не держался за свой кусок земли, „революционная буржуазия“, блестящего представителя которой мы видели недавно в СССР в лице Кэмпбелла, восторжествует, и сельское хозяйство Соед. Штатов станет в один ряд с наиболее индустриализованными отраслями хозяйства.

Было бы наивно думать, что такие мощные сдвиги в стране производящей чуть ли не 25—30% всех создаваемых на земле ценностей, а по отдельным важнейшим отраслям и того больше (автомобили, хлопок, чугун, сталь, медь, нефть, свинец, платина, алюминий, электроэнергия и пр.), при колоссальном накоплении и явном перепроизводстве промышленного аппарата, могли бы не отразиться на развитии всего мирового хозяйства и не сломать устарелых производственных и общественных отношений „старого света“ и отставших стран.

И именно для отсталого сельского хозяйства мы усматриваем наибольшие „опасности“ в силу той инерции, которая присуща земельным собственникам, держащимся за свой клочок земли, имеющим значительный вес в мире ретроградных политических кругов, всячески задерживающих развитие новых методов массового производства в сельском хозяйстве из политических соображений. Чем дальше задержатся устаревшие земельные отношения, тем болезненнее будет ломка старого сельскохозяйственного уклада. Никакие таможенные преграды не смогут удержать этого процесса и „фабричное зерно“, „фабричный хлопок“, „фабричный скот“ вытеснят „кустарные сельскохозяйственные продукты“.

Среди „неонародников“ существует иллюзия, что электрификация сельского хозяйства, как и кустарных промыслов, задержит развитие индустриализации мира, так как даст новое техническое вооружение фермеру и кустарю.

Такая точка зрения основывается на полном непонимании современного производственного процесса. Она упускает из виду, что не только техническое вооружение характеризует современное про-

изводство, но в столь же значительной степени и организационная сторона дела.

Это значит не понимать значения современного дробнейшего разделения труда, это значит не видеть, что производство не только отдельной отрасли хозяйства, не только отдельной страны, но и всего мира постепенно превращается в единое целое, где максимальное, эффективное использование капитала является законом, ломающим все то, что не укладывается в общую производственную систему, это значит, наконец, не понимать, что удешевление производства требует его укрупнения и что максимальная рационализация достигается лишь путем замены разрозненных мелких производств огромными производственными комплексами, с оборудованием, все более тяжелым и все более мощным.

Неудержимый процесс индустриализации безжалостно ломает всякие иллюзии, не давая устанавливаться какому бы то ни было равновесию классовых сил и международных отношений.

Этот процесс каждый день вновь ставит перед миром вопрос о том, какой класс станет хозяином этого процесса, им овладеет, его направит, использует его в интересах решающих народных масс.

Для марксистов этот вопрос решен давно, а каждый день вновь укрепляет волю и право революционного рабочего класса на мировую гегемонию, ибо нет другого класса, интересы и идеология которого в такой полнейшей степени соответствовали бы об'ективным материальным процессам, совершающимся в мировом хозяйстве, и который в такой же степени сумел бы их использовать в интересах всего человечества.

Задача рационального овладения мировыми хозяйственными процессами при всеобщей мировой революции представляла бы, главным образом, экономические и технические трудности и в значительно меньшей степени политические. Строительство же социализма в СССР, в условиях капиталистического окружения, представляет и весьма значительные политические трудности. Хаос и стихийность капиталистических, вечно меняющихся международных отношений на $^5/_6$ поверхности земного шара, при наличии многочисленных мелкобуржуазных консервативных масс внутри Союза, обусловливают необходимость исключительной теоретической устойчивости, твердости, проницательности, находчивости у рулевого аппарата Советского Союза.

В чем же конкретно выражаются главные трудности нашего строительства. Мы полагаем, что они состоят, в первую очередь, в том огромном „расстоянии", которое отделяет наше хозяйство от того индустриального строя, к которому нам необходимо пробиться в кратчайший срок и для того, чтобы создать прочную материальную базу социализма, для того, чтобы выполнить императивную политическую необходимость догнать и перегнать передовые капиталистические страны мира.

Между тем нельзя себе мыслить дело так, что все пути развития в конечном счете ведут к одной цели, лишь бы достигались значительные количественные результаты. Не говоря о том, что „количественная установка" легко может привести „к капиталистической установке", приводящей, в конечном счете вновь к противоречию с современными тенденциями в мировом хозяйстве, как мы показали это выше, но даже технически было бы „работой в тупик", строительство и развитие в отсталых формах народного хозяйства.

У нас нет времени и сроков для того, чтобы сперва отстраиваться по образцу мелкого, полукустарного хозяйства, а потом перестраиваться на крупное хозяйство, когда-де разбогатеем. И это верно не только для промышленности, но и для сельского хозяйства.

Да и легко ли было бы, насадивши и возрастивши мелкую буржуазию, ломать сложившиеся отношения на новый социалистический лад. Законен также вопрос: насколько соответствует исторической роли рабочего класса развитие страны пролетарской диктатуры в тех устарелых формах, которые преодолеваются в настоящее время даже буржуазией крупнейшей капиталистической страны. И, наконец, можно ли было бы, опереться на наше сельское хозяйство, как на экспортную базу при существующей в Соед. Штатах, а следовательно, и в других странах, тенденции к индустриализации и в этой отставшей отрасли труда.

Для того чтобы наше сельское хозяйство не зашло в глубочайший тупик, в который его пытается вовлечь мелкобуржуазная стихия и мелкобуржуазная, неонароднические идеология для того, чтобы не поставить его в положение, при котором оно в ближайшие же годы не сможет конкурировать на мировых рынках и будет в разительном противоречии со всем остальным хозяйством на рынке внутреннем, мы обязаны, со всей решительностью, перевести сельское хозяйство на пути индустриализации, каковы бы ни были трудности переходного периода, в интересах будущего советского крестьянства, в интересах окончательной победы социализма.

Уступка в этом отношении мелкобуржуазной стихии была бы непростительной слабостью и задержала бы, затруднила бы социалистическое строительство на многие годы, подвергнув большому и опасному испытанию надежность его путей. Не таков сейчас момент, не таково время, чтобы предоставить нашему союзнику — крестьянству — возможность учиться на собственном горьком опыте. Да и кроме того, мы знаем, что все еще находящегося во власти мелкобуржуазной идеологии крестьянина и опыт не направляет по верному пути без соответствующего твердого руководства. Можем ли мы в этих условиях допустить развитие капиталистических отношений в деревне?!

Повидимому исторические судьбы нашей страны сложились так, что мы вынуждены в кратчайший исторический срок перейти на индустриальные рельсы с самых отсталых путей хозяйственного развития. Повидимому, не только для того, чтобы догнать и перегнать, но и для того, чтобы не отстать нам придется думать не только о верхних лимитах индустриализации, но и о минимальных ее темпах. От того, сумеем ли мы их выполнить, в значительной степени будет зависеть судьба нашего Союза. Расчет на близость мировой революции не может оправдать пассивного отношения в данном вопросе, ибо мировая социалистическая революция совершится только рабочим классом в процессе жесточайшей экономической и политической борьбы и в этих условиях отказ советского рабочего класса от революционного преобразования своей страны означал бы первое, ничем не оправдываемое отступление с занятых позиций.

Мы полагаем, что приведенная выше оценка темпов и тенденций индустриализации С.-А. С. Ш. определяет, в общем и целом, минимальные лимиты индустриализации СССР. Десять, максимум пятнадцать лет — вот те сроки, в течение которых мы должны произвести реконструкцию во всех наших производственных отношениях внутри страны. Темп должен быть таков, чтобы движение было заметно каждому зрячему пролетарию и крестьянину внутри и вне нашей страны.

Но эти темпы, это напряжение, к которому мы зовем рабочие массы и крестьянство страны, находятся ли они в пределах физических и психологических возможностей и не угрожает ли передовому революционному отряду пролетариата отрыв от более широких рабочих масс, а рабочим массам не грозит ли разрыв с крестьянством? Достаточно ли крепки сцепления, может ли сознание общности интересов в достаточной степени скрепить весь трудовой народ страны, чтобы при ускоряющемся движении и неминуемых толчках не надорвались бы общественные связи. Наконец, нельзя ли обойтись без такого напряжения? Прежде всего займемся последним вопросом.

В чем конкретно выражается то напряжение, в котором живут трудящиеся Союза? Нам кажется, что в основном напряжение определяется трудностью освоения широкими массами реальности и трудностями осуществления огромных строительных заданий, которые стоят перед страной при медленном росте потребления с низкого уровня и медленно изживаемой разнице в доходах различных слоев населения.

Мы указали выше, что высокие темпы роста нашего хозяйства на индустриальных путях являются непременным условием нашего существования.

Темпы зависят в каждый данный момент:

1) От того, как мы используем имеющиеся в нашем распоряжении капиталы; от интенсивности нашего труда; от максимального использования (по возможности непрерывного) нашего оборудования в течение суток, недели и года.

2) От того, какую долю нашего народного дохода мы будем направлять на социалистическое накопление, на строительство электростанций, рудников, заводов, фабрик, совхозов и т. д.

Таким образом, совершенно ясно, что высокие темпы осуществимы лишь при высоком напряжении. Многие не сознают того, что при данном, нами полученном в наследство от буржуазии, основном капитале высокие темпы без напряжения не осуществимы и что ускорение темпов, при максимальном использовании оборудования, возможно лишь в том случае, если темпы роста накопления будут опережать темпы роста потребления.

Между тем, полное и предельное использование нашего оборудования, с переходом на трехсменную работу и на методы массового производства уже не за горами, и если бы мы не нажали на увеличение наших накоплений, мы были бы осуждены на снижение темпов в ближайшем будущем. Не верна была бы установка на увеличение накоплений для поддержания высоких темпов лишь с того момента, когда мы увеличили бы наше потребление путем предельного использования нашего капитала, так как возврат к пониженному уровню жизни значительно тяжелее, чем медленный его рост.

Таким образом, быстрые темпы и напряжение нераздельны, и в конкретных условиях нашего бытия и то и другое неизбежно. Но какая польза будет нам от быстрых темпов, если они неминуемо должны привести к разрыву общественных отношений, к политическому кризису в стране, и не лучше ли пойти на некоторые политические уступки, чтобы обеспечить бесперебойную и спокойную работу в стране. В этом весь смысл соображения, что нельзя строить здания из кирпичей, которых в природе еще не имеется. Разумеется если не будет ни хлеба, ни кирпичей, то ничего построить не удастся. В такой постановке вопроса таится бесспорный пессимизм. Он приводит к той грани, которая отделяет развитие хозяйства на социалистических путях от развития в условиях расширяющегося нэпа.

Ведь не тривиальную констатацию необходимости сбалансированного плана должны мы искать в соображениях о недостающих для стройки кирпичах. Этот вопрос мог бы обсуждаться в отделе о „недостатках механизма", в статье об ошибках ВСНХ или Госплана, о нашей строительной промышленности и т. д.

Иного политического смысла, чем тот, который нами придан соображениям о кирпичах, найти нельзя.

В самом деле, если мы значительно сократим из'ятия из сельского хозяйства и повысим сельскохозяйственные цены, мы, разумеется, получим расширение сельскохозяйственного производства, но это произойдет совершенно неизбежно на капиталистической

основе. При этом мы, разумеется, достигнем соглашения с частью крестьянства, но сделав явную и трудно поправимую политическую ошибку, затруднив в конечном счете развитие социалистических отношений и снизив темпы индустриализации страны. Сопротивлением мелкобуржуазной стихии не могут и не должны ограничиваться темпы индустриализации страны, лимитами могут служить лишь материальные возможностя с напряжением всех трудящихся Союза на грани физической и психологической выносливости. Но психологическая выносливость обусловлена четким сознанием приближения к поставленной цели. Она упирается в организационную проблему, в наше умение не только осознать, но и сделать понятными наши цели и планы самым широким массам. А самое главное—необходимо, чтобы результаты нашей работы были заметны всякому зрячему и невооруженному глазу. Мы сказали бы, что темпы, заметные простым глазом, родят темпы, создавая такие сдвиги в психологии масс, которые только и могут обеспечить ту спокойную работу, о которой говорят идеологи „реального наличного кирпича" и к тому же без всяких политических уступок кому бы то ни было.

Можно ли осуществить реорганизацию хозяйства, реорганизацию связанную с ломкой сложившихся в течение десятилетий отношений, без трений, без толчков, без недоразумений, без заминок? Опыт жизни показывает, что это невозможно. Об этом говорит и следующий характерный рассказ из опыта одного из американских организаторов производства Тэйлора. Тэйлор взялся реорганизовать производство одного крупного фабриканта и гарантировал ему повышение прибылей ...после двух лет организационной деятельности. К удивлению фабриканта реорганизация за первый год работы Тэйлора привела к сильному сокращению прибылей. Фабрикант обратился с претензией к Тэйлору, который спокойно об'яснил, что так и должно быть, и что результаты реорганизации скажутся лишь к концу второго года. Работа по реорганизации предприятия зашла так далеко и договор его с Тэйлором давал такие гарантии в случае неудачи, что фабрикант решил дотянуть опыт до конца. Опыт полностью оправдался — к концу второго года.

Нам кажется что мы так же должны подойти и к нашим кон'юнктурным трудностям и неудачам. Единственное требование, которое мы должны пред'явить к самим себе, состоит в том, чтобы действительно заниматься реорганизацией, хорошо знать то, что мы делаем, и планы наши подкреплять не одними волевыми установками, но и исчерпывающей научной проработкой вопроса.

Можно ли на основе балансовых расчетов между городом и деревней делать выводы о том, что крестьянство в той или иной мере участвует или не участвует в нашем социалистическом строительстве? Разумеется, нельзя. Система наших производственных отношений, как и во всякой другой стране, предопределяет ценностные соотношения. Разительным доказательством этого утверждения служат следующие грубые сопоставления, делаемые нами на основе исчислений, произведенных в секции кон'юнктуры мирового хозяйства Госплана СССР.

Чистая продукция на одного занятого в цензовой промышленности работника в 1927/28 г. в СССР оказывается в 5,8 раза больше, чем чистая продукция на одного работника в сельском хозяйстве, если расчет произвести в наших советских ценах. Если же этот расчет произвести в средних ценах, имевших место в Соед. Штатах в 1909—1911 гг., то отношение чистой продукции на одного работника в промышленности к чистой продукции на одного работника в сельском хозяйстве уменьшится [1] до 1,6:

Чистая продукция на одного работника в черв. рублях по ценам 1925/26 г.

	С.-А.С.Ш. (1909/10 г.)	СССР (1927/28 г.)	Отношение левых цифр к правым
Промышленность (цензовая) .	6.670	2.200	3,0
Сельское хозяйство (земледелие и скотоводство)	774	379	2,0
Отношение верхних цифр к нижним	8,6	5,8	—
То же в долларах по ценам С.-А.С.Ш. в 1909—1911 гг.			
Промышленность (цензовая) .	1.034	341	3,0
Сельское хозяйство (земледелие и скотоводство)	449	220	2,0
Отношение верхних цифр к нижним	2,3	1,6	—

Как ни приблизительны эти подсчеты, они все же безусловно доказывают относительность всяких балансов между городом и деревней.

На основании таких балансовых подсчетов можно определить наличие свободных денежных средств к тому или иному моменту в селе, можно сделать вывод о том, насколько диктатура пролетариата в каждый данный год оказалась выгоднее для крестьянства, чем диктатура буржуазии в России. Но при условности ценовых отношений, вывод о том на кого и в какой степени ложатся тяготы по индустриализации страны и содержанию государственного аппарата будет весьма условным. Но значит ли это, что можно было бы в этом вопросе опереться на какую-то „об'ективную справедливость", не вытекающую из исторически сложившихся отношений? Значит ли это, что в отношения пролетариата с крестьянством должна примешиваться сентиментальная слащавость, в корне про-

[1] Для расчетов по промышленности использованы исчисления уровней цен в СССР и капиталистических странах Кон'юнктурного института ЦСУ. Для сельского хозяйства были произведены специальные подсчеты. При анализе этих сопоставлений необходимо иметь в виду, что наш крестьянин потребляет почти 80% своей продукции.

тиворечащая жизненным интересам и того и другого класса? Значит ли это, что пролетариат должен осуществлять свою гегемонию на путях деградации индустриального строительства в интересах какой-то отвлеченной справедливости с учетом лишь интересов сегодняшнего дня?

Разумеется, нет. Смычка с крестьянством должна мыслиться как основанное на трезвом расчете деловое соглашение на ряд лет. Четко должно быть сказано, *что и в какой срок* получит крестьянство при дружной работе под руководством пролетариата. Должна быть заключена (конечно, не в буквальном смысле этого слова) сделка между пролетариатом и крестьянством. Народнохозяйственный план должен лежать в основе этой сделки. Роль такого документа должна сыграть первая госплановская пятилетка, и ответственность за ее осуществление должна лежать на обеих договаривающихся сторонах.

В популярном, ясном и четком изложении пятилетка должна стать настольной книгой каждого грамотного человека в Союзе. В каждой республике, в каждой области, в каждом районе она должна получить местное специфическое развитие, разумеется, без нарушения установленной связи со всем народным хозяйством. Должны быть протянуты непрерывные нити от народного хозяйства в целом к деятельности каждого трудящегося в Союзе. Вот тогда самый опасный лимит — умонастроение широких масс — отодвинется далеко за пределы наших материальных возможностей и только с этим последним нам придется считаться. Лучше некоторое время затратить на организацию масс, на организацию общественного настроения, на организацию психологического под'ема, на организацию высоких темпов, на качественные сдвиги, чем сдавать сейчас позиции, уронив свой авторитет перед широкими массами крестьянства, осудить Союз на низкие темпы на целый ряд лет.

Но совпадают ли темпы роста нашего производства, темпы роста народного дохода и накопления с темпами индустриализации страны? Нет, не совпадают. Знака тождества и равенства между этими величинами поставить нельзя. Есть, конечно, взаимозависимость между всеми перечисленными величинами, но понятие индустриализации лежит в иной плоскости, чем количественные показатели производственного аппарата и производства.

Так, если бы нам удалось значительно расширить аппарат для производства фондов (основных и оборотных), то этим самым мы увеличили бы темпы роста народного дохода,[1] но увеличение соотношения аппарата, производящего фонды, к аппарату, обслуживающему непосредственное потребление, может расти скорее, чем темпы народного дохода. Между тем, это соотношение должно также быть

[1] Это доказано нами в статье „К теории темпов народного дохода", „План. Хоз.", № 11 и 12 за 1928 г.

признано одним из существеннейших показателей индустриализации страны. Поэтому a priori можно утверждать, что ничего невозможного в темпах роста таких отраслей хозяйства, как производство чугуна и стали в 20—25% за год (в 2,5—3 раза за пятилетие), как намечено в пятилетнем плане, при средних вполне осуществимых темпах народного дохода в 11—12%—нет. Конечно, такое расхождение темпов роста производства фондов и темпов роста предметов непосредственного потребления населения не может быть постоянным и вечным, так как это привело бы к диспропорции между производством и потреблением, привело бы неминуемо к кризису. Но в процессе приспособления нашего аппарата к более высоким темпам, к ускорению производства фондов, такое повышение „структуры темпов" производственного аппарата необходимо и осуществимо, ибо это вовсе не означает такого же темпа роста всего производства в целом, что было бы в *настоящий момент* уже за пределами наших возможностей.

Можно сказать, что пятилетний план построен для осуществления непрерывного и небывалого под'ема со стопроцентным использованием нашего производственного аппарата при ничтожной моральной амортизации, так как это бывало только при очень бурных и коротких кон'юнктурных под'емах в капиталистических странах, с той только разницей, что план должен нас оградить от возможности неизбежного при капиталистических отношениях, последующего кризиса. В этих условиях темпы, вдвое и втрое большие чем те, которые имели место в Соед. Штатах при периодических кризисных явлениях, жесточайшем моральном изнашивании производственного аппарата и периодическом увеличении безработицы,— безусловно осуществимы. Можно ли сказать, что намечены *слишком* значительные структурные сдвиги при таких темпах?

Подчиняя наличным статистическим данным по Соед. Штатам группировку наших показателей, мы получаем следующую таблицу (в %%):

Структура народного дохода Соед. Штатов по ценам соответствующего года [1]

	С.-А. С. Ш.		СССР	
	1918 г.	1923 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Сельское хозяйство	29 2	17,2	48,7	43,0
Промышленность	48,2	53,4	34,2	38,6
Транспорт и связь	11,0	13,6	5,4	6,1
Торговля	11,6	15,8	11,7	12,3

Можно ли считать, что при наших темпах намеченные таким образом структурные сдвиги преувеличены при сопоставлении с тем, что имело место за приведенные пять лет в С.-А. С. Ш., даже

[1] Под чистой продукцией и народным доходом мы понимаем вновь созданную ценность; приводимые в этой и следующей таблице американские исчисления не вполне соответствуют этому определению, однако, в первом приближении сопоставление этих структурных показателей допустимо.

с учетом тех ценовых сдвигов, которые имели место за этот период времени в С.-А. С. Ш. и которые намечены у нас?

Если взять другой период времени для Соед. Штатов, то мы получим следующие сопоставления по чистой продукции в постоянных ценах (в %%):

	С.-А. С. Ш.		СССР	
	1899 г.	1909 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Промышленность	54,7	61,7	45,1	56,0
Сельское хозяйство	45,3	38,3	54,9	44,0

Мы полагаем, что при той целевой установке, которая дана в нашем плане, намеченные структурные сдвиги заведомо не могут считаться преувеличенными, хотя они несомненно значительны.

Разумеется, такие сопоставления могут служить лишь глазомерной проверкой правильности наших проектировок, и последнее слово в этом деле принадлежит социальному инженеру, тщательно подсчитавшему соответствие всех элементов плана, но не учитывающему того, чего подсчитать нельзя — суб'ективного фактора в производстве и что не зависит ни от инженера, ни от экономиста и может быть лишь делом организаторов воли широких масс: советов, профессиональных союзов и руководящей партии.

Значение организационного момента тем больше, чем ниже органическая структура капитала, и поэтому он играет особенно большую роль в нашем сельском хозяйстве. К тому же на путях коллективизации сельского хозяйства можно получить такие сдвиги в сторону его индустриализации, которые значительно превосходят необходимые для этого государственные кредиты.

Таким образом, хотя план корнями своими глубоко сидит в настоящей действительности и темпы зависят от соотношения материальных элементов плана, тем не менее, решающий лимит индустриализации страны лежит в нашей целевой установке и в нашем умении сделать ее общей для широчайших трудовых масс страны.

От этого будет зависеть выполнение многих качественных показателей, а это только и может придать совершенно необходимую реальность запроектированному плану.

О. А. Ерманский

К постановке проблемы рационализации

Корни и смысл проблемы

„Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Этими пророческими словами начинается „Коммунистический Манифест", написанный творцами научного социализма 80 с лишним лет тому назад.

Призрак бродит по всему миру, — призрак рационализации, — можно сказать теперь, когда коммунизм из идейного „призрака" превратился в боевую задачу, вставшую перед всемирным пролетариатом; когда, с одной стороны, силы исторически осужденного капитализма пытаются путем „рационализации" уклониться от уплаты по векселю истории, а с другой — рационализация стала главнейшим орудием спасения и победы той страны, которая сделала первый шаг вперед под знаменем коммунизма.[1]

Капитализм пышно расцветал в ту эпоху, которую наблюдали Маркс и Энгельс, когда частно-капиталистическая основа хозяйства была единственно возможной рациональной формой использования растущих производительных сил, поднятия промышленной продукции на огромную высоту. Капитализм, как это предвидели Маркс и Энгельс, становится препятствием к дальнейшему росту производительных сил по мере того, как то же рациональное использование производительных сил требует иного пути социального развития.

Человечество долго шло по пути количественного увеличения создаваемых им ценностей. Качественная сторона, степень целесообразности организации процессов производства и использования сил приходила во все большее противоречие с растущим

---

[1] Распространительное толкование О. А. Ерманским термина „рационализация" становится ясным только из последующего изложения. Однако, в том развернутом понимании, которое дает ему автор, — количество переходит в качество и надо уже говорить не о рационализации, а об ее высшем проявлении в плановом хозяйстве; при этом отпадает и тот оттенок некоторого противопоставления термина рационализации термину коммунизм, которое, повидимому, невольно получилось у автора. Отпадает потому, что плановое хозяйство является экономическим содержанием коммунизма, а коммунизм — его политической и социальной формой. А если это так, то пророческие слова творцов коммунистической мысли сохраняют всю свою остроту и свежесть, распространяясь и на проблемы, рассматриваемые автором этой статьи. Ред.

их количеством. Капиталистический мир, покоящийся на анархии производства, все больше приближается к предельной точке своего количественного пути развития. Дальнейшее движение по этому пути беспорядочного количественного роста становится все более невозможным. Получается тупик, из которого выход лишь один — перемена типа развития: количественные изменения на данной ступени непременно должны перейти в качественные. В этом и состоит основа революционного характера переживаемой эпохи. Максимум производства, стихийный рост накоплений, — это то, что обеспечивается успехами техники за последние десятилетия; чего недостает нашему времени, что ему „до зареза" необходимо, это — обеспечение не максимума, а оптимума, наилучшего использования и планомерного согласования элементов хозяйства, словом, рационализации хозяйственной, да и всякой иной деятельности.

Таким образом, рационализация, рациональная организация неизбежно стали лозунгом времени.

Много различных форм голода пережило человечество после империалистической войны — голод продовольственный, голод жилищный, голод угольный, голод нефтяной и т. п., но сильнее и глубже всех их — голод организационный, которым томится ныне человечество. Совершенно правильно немецкий экономист, проф. Беккерат, в своей книге „Zwangskartellierung oder freie Organisation?" („Принудительное картелирование или свободная организация?") отмечает, как знамение времени, всюду царящий „вопль об организации".

Это властное требование исторического момента нащупывают иногда даже не только представители социально-экономической мысли. Так, американский буржуазный профессор психологии Мюнстерберг в своей книге „Психология и хозяйственная жизнь" заявляет: „До конца XIX столетия наш народ беззаботно развертывал свою хозяйственную деятельность во всю, действуя в таком настроении, точно Америка — страна неисчислимых богатств. За последние же годы наступила реакция, некоторым образом похмелье: народу стало ясно, с какой необычайной безответственностью и хищничеством ведется все народное хозяйство и производится во всем мире — и больше всего в Америке — расточение сил рабочих масс". Да, хищническое использование, нерациональное расточение сил — вот что стало поперек пути развития человеческих обществ.

На эту тему совсем недавно поднял вопль и другой американец, Стюарт Чез, в своей известной книге „Трагедия расточительства". Вокруг этой трагедии стал хлопотать и нынешний президент Соединенных Штатов Америки, когда он был еще только министром торговли, Хувер, учредивший в 1921 году комиссию „Об устранении непроизводительных потерь („waste") в промышленности". Как известно, для американской промышленности эта комиссия оценила размер всех непроизводительных потерь в кругленькую сумму 15.000 миллионов долларов в год.

Но тут-то и характерно, какие именно потери ввела в свой подсчет Хуверская комиссия. Она брала суммы потерь в капиталистических предприятиях и совершенно не касалась потерь, проистекающих из анархии всего капиталистического хозяйства. Какой же цифрой выразилась бы сумма потерь, если бы учесть эту анархическую стихию; эту бесплановость капитализма, являющуюся главным источником трагедии расточительства; это стихийно совершающееся распределение производительных сил и их размещение по районам; это недопотребление масс и относительное перепроизводство; эти частые хозяйственные потрясения в форме циклически повторяющихся кризисов; эту жестокую свалку стремящихся друг друга уничтожить конкурентов, с использованием методов „бросовой конкуренции" („dumping"); это умышленное сокращение производства и прямое иногда уничтожение его продуктов в целях поднятия цен на них и увеличения этим путем барышей; эту все обостряющуюся за рынки и сферы борьбу влияния с ее неизбежными спутниками — империализмом и милитаризмом; это страшное разрушение богатств, созданных трудом целых поколений, во время периодически повторящихся войн и т. д., и т. д., — это ли не величайшая трагедия расточительства? Не с этого ли конца надо начинать рационализацию?

Но не такой рационализации хотят представители капитализма и его идеологи. Иное поэтому дается ими определение понятия рационализации, иная у них постановка и подход к этой проблеме, иное, наконец, содержание и практики рационализации.

Принципиальные основы рационализации

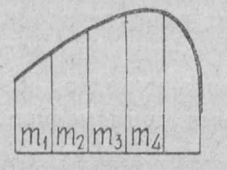
Остро вставшая перед современным обществом проблема рационализации для нас есть только выражение обострившихся внутренних противоречий в развитии этих обществ. В первую голову перед нами противоречие между уровнем развития технических и вообще производительных сил, с одной стороны, и типом организации общества с точки зрения обеспечения дальнейшего роста производительных сил — с другой. Под этим углом зрения и борьба за социализм есть не что иное, как борьба за рациональное приспособление организации общества, общественного строя к потребностям развивающихся производительных сил.

Более точным и полным представляется нам поэтому выражение: рациональная организация. Оно является и более общим, ибо распространяется не только на деятельность человека и человеческих обществ, но и на все силы природы, частью которой является человек. В конце концов, весь мир представляется совокупностью организованных комплексов и их взаимоотношений. Каждый комплекс или сочетание сил обладает устойчивостью в той мере, в какой это сочетание или организация удовлетворяет требованию рациональности. Нерационально организованный комплекс сил не

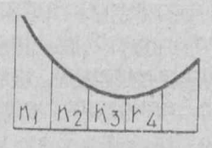
может долго выдержать напора сил окружающей среды и более или менее скоро дезорганизуется, разрушается.

Какое же сочетание сил является рациональным? Очевидно, такое, при котором получается более выгодное соотношение между количеством расходуемой энергии и размером достигаемого полезного эффекта. Если обозначить количество израсходуемой энергии через E, а количество достигаемого полезного результата через R, то величина $\frac{R}{E} = m$ и является коэфициентом рациональности расходования сил в данном случае. Показывая, сколько полезного эффекта приходится на единицу израсходованных сил, этот коэфициент и является критерием рациональности: качественно наилучшей или оптимальной, наиболее рациональной будет та организация, то сочетание сил, при котором коэфициент m имеет наибольшую величину.[1]

Этот принцип, принцип оптимума вооружает нас возможностью исследовать организационные явления с точки зрения рациональности. Наблюдая и измеряя в натуре величины R и E в их непрерывном изменении по мере непрерывного же увеличения какого-либо одного интересующего нас фактора организации, — при



Фиг. 1



Фиг. 2

равенстве всех прочих условий, — мы путем вычисления определяем величины непрерывно меняющегося коэфициента m (или — соответственно — коэфициента n). Его изменения тотчас и обнаружат закономерность того влияния, какое рост интересующего нас фактора оказывает на степень рациональности организации. Эта закономерность графически выражается в получающейся во всех таких случаях плавной выпуклой кривой величин m (фиг. 1) или в такой же плавной вогнутой кривой величин n (фиг. 2). По мере роста исследуемого фактора величина m сначала также растет, но только до известного предела, а дальше рост исследуемого фактора вызывает, наоборот, падение этой величины. То же, только в обратном порядке, относится к кривой величин n.

Наиболее рациональным, оптимальным будет такое использование нашего фактора, при котором получается наибольшее m (или наименьшее n).

[1] Или, что то же, то сочетание, при котором коэфициент n имеет наименьшую величину, если величина $n = \frac{E}{R}$, т.-е. показывает, сколько энергии затрачено на единицу достигнутого полезного эффекта.

Ярким образцом оптимальной организации в бессознательных процессах природы может служить расположение материала внутри бедренной кости человека: материал тут расположен не сплошь, а гнездами, при чем гнезда эти точно следуют математически легко определимым траекториям внутреннего напряжения (траектории двух видов — сжатия и растяжения). Благодаря такой своей организации кость достигает более выгодного соотношения между получаемым полезным эффектом (сопротивление деформирующему, дезорганизующему действию внешних сил) и количеством расходуемой энергии (масса костного материала, на поддержание которого требуется известное количество питания). Получается максимальная величина m, которой достигнуть невозможно никакой другой организацией или структурой кости.[1]

Эта оптимальная организация получилась в данном случае не благодаря сознательному воздействию с чьей-либо стороны, а в результате длительного процесса биологического развития организмов: в процессе борьбы за существование и приспособления к среде, естественно, выжили те организмы, в которых расположение материала внутри кости наиболее приближалось к оптимальной организации. Так устойчиво сложилась и биологически упрочилась поражающая нас теперь своей стройностью и своеобразием структура бедренной кости.

Аналогичных примеров стихийной рационализации можно привести сколько угодно, особенно из области жизни животных. Вся безбрежная область автоматических процессов в организме человека, с его условными рефлексами, с его сферой подсознательного, — безграничное поле явлений стихийной рационализации.

Примером оптимальной организации, являющейся продуктом сознательной человеческой деятельности и выбора, может служить решение любой задачи хотя бы из области рационализации производства, в частности — рационального использования рабочей силы. И кривые фигур 1 и 2 могут быть выражением результатов исследования вопроса об оптимальном числе оборотов (в минуту) токарного станка, об оптимальной интенсивности труда рабочего, об оптимальной длине рабочего дня и т. п. Оптимум соответствует тому числу оборотов или тому уровню интенсивности труда или той длине рабочего дня, при которых получается наибольшее m.

Если при решении каждого организационного вопроса только определенное сочетание сил дает оптимальное соотношение между расходом энергии и полезным эффектом, то это связано с положительным подбором сил. Он имеет место в том случае, когда силы сочетаются таким образом, что они друг друга укрепляют усиливают. Если же, по свойству этих сил, данное их сочетание

[1] Подробнее об этом в моей книге „Теория и практика рационализации“, т. I, изд. 1. ГИЗ, 1928 г., стр. 25—26.

таково, что они друг друга ослабляют или парализуют, то мы имем дело с отрицательным подбором сил, который не приближает нас к оптимуму, к наибольшему коэфициенту m, а наоборот — от него отдаляет.

Положительный подбор сил мы обеспечиваем, например, когда для данной трудовой функции подбираем человека как раз с такими индивидуальными психофизическими свойствами, которые нужны для оптимального выполнения этой функции, и этим обеспечиваем получение наибольшего коэфициента m. Требованию положительного подбора сил должен удовлетворять также любой рабочий инструмент: и его размер и вес, и его форма, и соотношение его частей должны быть подобраны к тем силам сопротивления, преодоление которых составит задачу работы посредством этого инструмента, и к особенностям (рост, форма руки и пр.) того человека, который будет выполнять эту работу. Только при этом условии мы достигнем выгодного соотношения между количеством расходуемых сил и количеством полезной работы. На основе положительного подбора сил только и может быть рационально построена организация политической партии: если не будет большей или меньшей классовой однородности ее состава или если ее тактика будет построена без учета условий окружающей социально-политической среды, то ей придется тратить много сил (E) на преодоление внутренних трений и внешних сопротивлений бесплодно, т.-е. без превращения в полезный эффект (B), иными словами, коэфициент рациональности ее деятельности будет весьма низок и об оптимальном характере этой деятельности не может быть речи. Ее положение в борьбе с другими партиями будет неблагоприятно.

Таковы основные принципы и критерий рациональности любой организации, если взять ее в применении к мертвой природе, к деятельности человека и человеческих групп. А такое применение основных принципов и критерия рациональной организации должно быть возможно, если стоять на научной, т.-е. марксистской почве, на почве марксовского монизма. Нет китайских стен между различными сферами бытия и сознания. Не может быть коренных различий между организационными принципами сознательных телеологических процессов в деятельности человека и человеческих обществ, с одной стороны, и явлениями бессознательной природы — с другой. Диалектика в природе — такая же обязательная форма процессов, как диалектика в общественном развитии.

Это, конечно, вовсе не значит, что организованные комплексы сил одинаковы в мертвой природе и в жизни человеческих обществ. Этого не может быть уж по одному тому, что самые силы в этих областях не одинаковы. Уже в биологических явлениях природы мы имеем хотя и те же основные силы, что в мертвой природе, но в осложненной форме органической жизни. В деятельности животных, в особенности человека, — мы имеем еще большее осложнение

действием нервной системы и ее центрального аппарата — мозга. Наконец, высшую ступень осложнения тех же основных сил природы мы встречаем в явлениях общественной жизни людей, с ее сложной диалектикой общественных отношений и общественного развития.

И все те особенности, которые вносятся этими различными ступенями осложнения, очевидно, необходимо учесть при исследовании задачи рациональной организации в любой из указанных областей. Это требуется уже принципом положительного подбора сил: ведь чтоб выяснить, является ли сочетание данных сил положительным или отрицательным подбором, необходимо знать свойства этих сил, законы, которым они подчиняются, — без этого нельзя выяснить, будут ли эти силы друг друга усиливать или ослаблять.

Но самое требование положительного подбора сил и принцип оптимума, дающий нам критерий рациональности и метод исследования при решении организационных задач, остаются во всех этих областях в силе, как научные методологические основы рациональной организации.

Все сказанное, между прочим, достаточно обосновывает предпочтительность употребления термина „рациональная организация“ (или короче: рационализация) перед случайно сложившимся и всеми подхваченным, а потому сделавшимся до поры до времени обязательным термином „НОТ“. Преимущество последнего термина, давшее ему на некоторое время жизнь, заключалось, главным образом, в его краткости и легкой произносимости. Еще, пожалуй, сыграло роль то, что термин этот говорит о научности. А кому не лестно титуловать свои взгляды научными, особенно если в них на самом деле научность и не ночевала? Ведь этот мотив сыграл роль в присвоении научного титула („Scientific management“) и взглядам Тэйлора, которому это нарочито посоветовал в 1910 г. нынешний главный прокурор С.-А.С.Ш. Брэндис, который был тогда лишь подающим надежды молодым адвокатом. [1]

Построенная на действительно научных основах теория рационализации не нуждается в выпячивании того, что она свои исследования проблемы ведет с применением научных приемов: ей важнее наметить — конечно, научно — пути этих исследований, принципы решения организационных задач и критерий оценки результатов исследования.

Если, после всего сказанного, захотеть вкратце формулировать сущность рациональной организации, скажем, в области производственной деятельности, то можно сказать: рациональная организация производства состоит в оптимальном использовании каждого из факторов или элементов производства и в согласовании всех этих оптимализированных эле-

[1] См. об этом у J. M. Witte, „Kritik des Zeitstudienverfahrens. Springer, Berlin 1921, S. 3; также „Engineering and Industrial Management“ от 4 ноября 1920 г., стр. 591.

ментов между собою по принципу положительного подбора.

Тут, очевидно, важна об'ективная сторона дела: обеспечение рациональности путем соответствия средства деятельности и ее цели, путем планомерного согласования между собою всех элементов деятельности. Не важна — вернее, в стороне стоит — суб'ективная сторона, цель, которая преследуется данной деятельностью. Можно рационально или нерационально организовать полезную, созидательную деятельность, например, производство. Можно рационально или нерационально организовать и разрушение, например, войну, бандитскую шайку, контр-революцию и т. п. В общей сумме явлений жизни данных обществ та или иная (созидательная или разрушительная) деятельность — например, война — может быть, в свою очередь, расценена, как элемент рациональный или нерациональный с точки зрения развития этих обществ. Но для данного рода деятельности критерий и принципы ее рациональной организации не могут не быть построены на основе об'ективного исследования.

Анализ определений рационализации

С этой точки зрения интересно присмотреться к тому, как бесплодно и в научном отношении беспомощно бьются вокруг определения понятия рационализации буржуазные идеологи, особенно в Германии, как стране, где издавна царит своего рода культ „дефиниций".

Тут самым излюбленным подходом является ссылка на происхождение слова „рационализация" от латинского слова „ratio", что значит „разум". Выходит, будто рациональное тождественно с разумным. Но если тут не видеть простой тавтологии, то спрашивается: что является разумным? Не приходится ли для ответа перевернуть взаимоотношение и сказать: суб'ективная оценка явления, как разумного, должна определяться об'ективной рациональностью этого явления? Получается своего рода „bonnet blanc, blanc bonnet". Слово не дало ответа.

Правда, вообще говоря, слово является органическим продуктом диалектики общественного развития и, в свою очередь, орудием организации дальнейшей общественной жизни. Но в данном случае, очевидно, реальное явление жизни ушло далеко вперед от его словесного обозначения, которое отражает суб'ективное отношение человека, оценивающего это явление, как разумное. В период революционных сдвигов слово может и не поспеть за жизнью. Видели же мы, как и наше истрепанное словечко „НОТ", случайно сложившееся, было подхвачено, несмотря на его непригодность для словесной характеристики явления рационализации, как могучего потока, неизбежно возникшего на данном уровне роста производительных сил и противоречий отживающего капитализма.

Еще некоторый смысл может иметь ссылка на слово „ratio" (разум), если понимать под этим словом использование разума, критической мысли при организации производства — в противоположность традиции, рутине, которая долгое время царила в этой области. Но именно только некоторый смысл: суть явления, содержание современной рационализации этим не затрагивается нисколько. Этим дается только отрицательная характеристика рутинного подхода, но не положительное указание того, на чем должен строиться критический, „разумный" подход к современной организации производства. Такое указание можно извлечь только из об'ективного уяснения современного производства, как анархического, из понимания того, что эта анархия становится все более поперек дороги дальнейшего роста производительных сил, что старое „качество" мешает дальнейшему росту количества, что здесь возникает, следовательно, задача скорейшего обеспечения соответствия между средством (E) и заданием (R). Тут нужен марксистский монистичный, т.-е. действительно научный подход. Только на почве такого подхода может получиться и научный критерий рациональности, как условие действенного вмешательства в стихийно развивающуюся современную организацию производства.

Между тем, именно такого критерия рациональности нет у буржуазных ученых и именно по этому они вынуждены так беспомощно путаться в попытках определения рационализации. У немцев слово рациональность заменяется большей частью словом „Wirtschaftlichkeit" происходящим от слова „wirtschaftlich", — по-русски буквально: „похозяйски". Дело, стало быть, сводится к замене иностранного слова „рациональность" чисто немецким, которое можно передать русским словом „хозяйственность" — в смысле противоположения бесхозяйственности.

И вот как на этой почве совершает свои типичные блуждания лейпцигский профессор Гергард Менц — автор довольно содержательной, вообще говоря, книги „Иррациональное в рационализации". „Похоже на то, — говорит Менц, — что иностранное слово „рационализация" здесь снова послужило лишь к тому, чтобы замаскировать тот факт, что существует еще мало ясности и единства в понимании сущности того явления, которое должно быть охвачено данным словом".[1]

В свою очередь, стараясь внести в дело ясность, Менц пишет: „Рационализация хозяйства есть не что иное, как повышение хозяйственности (Wirtschaftlichkeit). Хозяйственность же сама по себе, особенно повышение хозяйственности, содержит в себе понятие об измерении. Условием же всякого измерения является наличие подходящего мерила, масштаба... Лишь в том случае, если б найден был

[1] G. Menz, „Irrationales in der Rationalisierung". Mensch und Maschine. Breslau, 1928, S. 252.

такой масштаб, можно было бы устанавливать, в какой мере требуемые и затеваемые мероприятия по рационализации действительно могут привести и приведут к повышению хозяйственности... С этой стороны мы, в сущности, не идем дальше выставления требования чтобы рационализация хозяйства была повышением хозяйственности, не будучи в то же время в состоянии сказать, в чем эта хозяйственность заключается и какой меркой ее можно измерять".

И вот он приходит к заключению: „Если вникнуть в принятое определение, говорящее, что „рационализация хозяйства есть применение всех средств к повышению хозяйственности", то мы, в конце концов, приходим к выводу, что рационализация хозяйства есть не что иное, как хозяйственное хозяйствование („wirtschaftliches Wirtschaften"). Но этим мы по существу ничего не достигли. Ибо теперь только и возникает вопрос: что же такое хозяйственное хозяйствование?" [1]

Окончательно заблудившись в трех соснах и нисколько не ослабив факт отсутствия ясности и единства в понимании явления рационализации, Менц, делая настоящий шаг отчаяния, спрашивает „Но разве это так скверно?". И отвечает: „Практика не может отложить необходимые мероприятия, в которых имеется жгучая потребность, до того времени, когда теория найдет для них правильное определение. В начале было дело... И здесь мы можем пока удовлетвориться тем, что рационализация есть факт. Быть может, надо только чисто эмпирически-аналитическим путем установить содержание и об'ем явления рационализация — на основе отдельных фактов, отказываясь от критического об'яснения рационализации и от установления границ этого понятия в отношении каждого отдельного явления. Для этой цели достаточно и данное нами выше определение." [2]

Все эти характерные блуждания буржуазного экономиста приводят его, таким образом, к полному отказу от определения понятия рационализации. Причина отказа ясна, это — отсутствие критерия или масштаба, как он говорит, рациональности,— критерия не словесного только, а реального, научного, т.-е. являющегося обобщением коллективного опыта человечества в его борьбе с окружающими силами природы. Для установления такого критерия необходим не грубо эмпирический путь буржуазной мысли, а диалектическая мысль, стоящая на почве марксовского монизма. И отсутствие такого критерия приводит Менца и других буржуазных идеологов к отказу не только от определения понятия рационализации, но — что гораздо важнее — к отказу и от подлинно-рационализаторского дела. Ведь для того чтобы правильно и сознательно вести дело рационализации, необходимо, как говорит сам же Менц, измерять, а для этого необходимо „мерило, масштаб", т.-е. тот же критерий.

[1] Там же, стр. 250—252.
[2] Там же, стр. 252—253.

Да оно и понятно: такой критерий, как упомянутый нами выше принцип оптимума, привел бы буржуазного рационализатора в отношении известных факторов производства (рабсила) к таким требованиям рационализации, которые совершенно непримиримы с классовой подоплекой буржуазной мысли. Научно-теоретическая беспомощность буржуазных экономистов есть только отражение социально-классовой неспособности буржуазии к проведению в жизнь полной и подлинной рационализации, как это видно будет и из дальнейшего нашего изложения.

Несколько ближе, как будто, подходит к сути дела другой буржуазный экономист — Эрнст Шульце, который в своей работе „Организаторы и руководители хозяйства" („Organisatoren und Wirtschaftsführer") определяет рациональную организацию, как „повышение коэфициента полезного действия („Wirkungskraft") человеческих усилий планомерным координированием („Zusammenordnen") людей и вещей." Шульце подвинулся немного вперед, поскольку он вносит понятие планомерности и координирования, т.-е. положительного подбора. Можно было бы считать некоторым шагом вперед и введение понятия коэфициента полезного действия, но, к сожалению, он в точности говорит собственно не об этом коэфициенте (Wirkungsgrad), а о туманной „силе действия" (Wirkungskraft), уже не говоря о том, что и коэфициент полезного действия далеко не тождественен с коэфициентом рациональности. [1] Наконец, ясно, что и Шульце бродит впотьмах, ибо у него нет руководящей нити, действенного орудия, каким является критерий рационализации, один только дающий возможность измерением решать, какая организация и во сколько раз рациональнее другой.

И лучше всего это видно из заключительного аккорда рассуждений того же упомянутого профессора Менца, где он внешне еще более чем Шульце приближается к правильной концепции. Свою, полную охарактеризованных нами блужданий главу об определении понятия рациональности он заканчивает так: В конце концов, „мы считаем возможным дать следующее определение: рационализация хозяйства предприятия, страны или мирового хозяйства это — достигаемое путем технических и организационных усовершенствований приближение хозяйственных процессов и устройств (Einrichtungen) к критически-рационально конструированному для них, на основе их сущности, идеальному оптимуму". [2]

При всей внешней некоторой близости этого определения к нашей концепции оно, по существу, отличается той же беспомощностью, что и предыдущие рассуждения того же автора. Это определение можно охарактеризовать, как „уравнение" со многими

[1] Об этом см. в моей книге „Теория и практика рационализации", т. I, ГИЗ, 1928 г., стр. 30—33.
[2] G. Menz, Op. cit. стр. 261.

неизвестными. В самом деле: что же такое неожиданно появившийся и неизвестно откуда позаимствованный оптимум? И что такое „идеальный" оптимум? И как же он может быть „конструирован"? Ясно, беда автора все та же: отсутствие научного критерия для рационализации, а потому и для оптимума, хотя бы и „идеального".

Допустим, мы хотим приложить определение Менца к конкретному „процессу", хотя бы к трудовому процессу. Имеются, скажем, три предприятия: из них одно взято из периода нашего хозяйственного развала 1918—1919 гг., другое — американское, где идет бешенно интенсивная эксплоатация труда, и третье — нами организованное, где напряженность труда поднята до физиологически нормального уровня. Как решит вопрос о рациональной степени интенсивности труда в этих предприятиях Менц на основе своей формулы, если потребовать от него решения не на-глазок, а по-серьезному, потребовать, чтобы он не только определил, в каком из этих предприятий использование рабочей силы организовано рациональнее, но и в цифрах („измерение") определить, во сколько раз в одном предприятии это использование рациональнее, чем в другом и в третьем?

Ясно, что Менц окажется совершенно беспомощным в решении этой жизненной задачи, несмотря на то, что у него припасена формула о необходимости конструировать идеальный оптимум и к нему приблизиться. Но как же конструировать, когда нет критерия, нет масштаба для измерения?

Между тем, формулированный нами критерий не создает никаких трудностей для научно-правильного и практически жизненного решения поставленной задачи. На первом из взятых нами предприятий рабочий затрачивает за день мало энергии (E_1), но и производит полезной работы (R_1) весьма мало. Допустим, что у него окажется $\frac{R_1}{E_1} = m_1 = 2$ определенным единицам. На втором предприятии рабочий производит огромное количество полезной (для предпринимателя) работы, но энергии он из себя выматывает чрезвычайно громадное количество. Допустим, что измерение его величин R_2 и E_2 дало в результате $m_2 = 3$ таким же единицам. Наконец, в нашем предприятии рабочий дает большое количество полезной работы и тратит физиологически нормальное для него количество энергии. Допустим, что вычисление его коэфициента m дает нам $m_3 = 6$ таким же единицам. Тогда мы вправе не только категорически ответить, что рациональнее всех напряжение труда поставлено в третьем предприятии, но мы можем точно сказать, что степень этой рационализации в третьем предприятии в два раза больше, чем во втором, и в три раза больше, чем в первом.

А ведь тут затронута весьма важная практическая задача нормирования труда. И по тому же методу решается множество других, столь же острых практических задач.

Методологическая и практическая разница между научным критерием рациональности и разными дефинициями рационализации, замаскировывающими отсутствие такого критерия, — очевидна.

Если считать, что вышесказанным о Менце и Шульце косвенно охарактеризована уже и концепция третьего немецкого ученого, проф. Готль-Отлилиенфельда, из главного и содержательного труда которого [1] многое позаимствовано Менцем и Шульце, то особо упомянуть, пожалуй, следует еще об известном В. Зомбарте, который занимается проблемой рационализации во второй части третьего тома („Hochkapitalismus") своего труда „Современный капитализм". Впрочем, его взгляды уже отчасти нашли себе отражение в разобранной нами концепции Шульце и — особенно — Менца.

И у Зомбарта мы встречаемся с тем же стремлением уклониться от определения и критерия рациональности. Что характерно, в частности для Зомбарта, это проводимая им мысль, что капиталистическое хозяйство еще недостаточно капиталистично, ибо недостаточно рационализировано. Полная рационализация, следовательно, не только примирима с основами капитализма, но и жизненно необходима для его дальнейшего развития.

Эта тенденция Зомбарта резко расходится и с выводами науки и с фактами действительности. Они ведь одинаково убедительно свидетельствуют, что полная рационализация, требующая, прежде всего, замены анархии капиталистического производства планомерностью и устранения системы наемного труда, исключающей рациональное использование рабочей силы, совершенно несовместима с капитализмом. Если полная рационализация может поддержать капитализм, то разве в том же смысле, в каком веревка поддерживает повешенного. С другой стороны, отсюда ясно, что капитализм, раз он не стремится к собственному своему харакири, в свою очередь, не приемлет полной рационализации. Но, как бы то ни было, одной указанной сентенции Зомбарта достаточно, чтобы убедиться, что и у него также отсутствует правильный, если вообще имеется какой-либо критерий для явления рационализации, а имеется только склонность кричать „осанна!" капитализму.

„Тайный правительственный советник" проф. Зомбарт вообще за последнее время охотно заигрывает с крупно-капиталистическими сферами, развивая перед ними свою салонную философию экономического развития. Еще недавно, например, он на XXV „церковно-социальном" конгрессе в Дюссельдорфе выступил с докладом „Рационализация в хозяйстве", [2] кокетничая своими известными, ничего не говорящими словечками (вроде „Vergeistung" хозяйственных процессов), но не говоря ни слова о содержании и об'ективном смысле

[1] Fr. von Gottl-Ottlilienfeld, „Wirtschaft und Technik" (2 часть II тома коллективного „Grundriss der Socialökonomik"), Tübingen 1923.

[2] См. Geheimer Reg.-Rat. Prof. Dr. Werner Sombart, Berlin. „Die Rationalisierung in der Wirtschaft". Leipzig, Erlangen, 1928.

того большого фактического материала, который содержится в его книге „Современный капитализм“ и который убедительнее всего говорит п р о т и в сентенции о примиримости подлинной и полной рационализации с основами капитализма.

Прав, быть может, Зомбарт в одном: даже о развитых капиталистических странах можно сказать, что в известных пределах они страдают не только от развития капитализма, но и от недостаточного его развития. В них имеется еще не мало остатков прошлого, и это создает почву для процессов рационализации, конечно, однобокой, капиталистической.

Но, когда тот же Менц, вторя Зомбарту, заявляет: „П р о б л е м а р а ц и о н а л и з а ц и и нашей хозяйственной эпохи с п е ц и ф и ч е с к и к а п и т а л и с т и ч н а“,[1] то надо сказать: да, для бужуазных представителей нашей капиталистической эпохи проблема рационализации, конечно, окрашена в специфически капиталистический цвет. Но сама по себе эта проблема, отражая в себе крайне обострившиеся внутренние противоречия отживающего свой „век“ капитализма, об‘ективно имеет как раз п р о т и в о п о л о ж н ы й смысл: п р о б л е м а р а ц и о н а л и з а ц и и с п е ц и ф и ч е с к и а н т и к а п и т а л и с т и ч н а. На этой проблеме капитализм себе шею свернет, она ему окажет именно ту поддержку, какую веревка оказывает повешенному.

Переходя к другим попыткам определения явления рационализации, надо отметить нередко встречающуюся мысль о сокращении п о т е р ь, как о признаке рационализации. Но ясно, что не понятием потерь определяется рационализация, а наоборот — понятием рациональности определяется наличие потерь. Ведь, потери по сравнению с чем? По сравнению с тем, что было бы, если б дело поставлено было вполне рационально. Нужно, следовательно, иметь к р и т е р и й для определения рациональности, для установления о п т и м у м а,— и только путем сравнения с ним можно установить наличие потерь и их размер.

Интересно присмотреться к тому, как определяет рационализацию центральное рационализаторское учреждение Германии — Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit, коротко именуемое RKW. Оно первоначально определяло рационализацию, как „применение всех, предоставляемых техникой и планомерным ведением дела средств для повышения хозяйственности („Wirtschaftlichkeit“) и для увеличения таким путем количества продукции, для ее удешевления и улучшения ее качества“. В опубликованных позже (1927 г.) статутах RKW дана несколько видоизмененная формулировка: „Рационализация — установление и применение всех предоставляемых техникой и планомерным ведением дела средств для повышения хозяйственности („Wirtschaftlichkeit“). Ее целью является поднятие н а р о д н о г о б л а г о с о с т о я н и я путем у д е ш е в л е н и я, у в е л и ч е н и я и улучшения продукции“.[1]

[1] G. M e n z, Op. cit., S. 254.

Что прибавлено и подчеркнуто в этой формулировке, это — забота о народном благосостоянии и об удешевлении продукции. Эта забота, конечно, делает честь такому высокому учреждению, как RKW. Но, во-первых, действительность довольно таки бесцеремонно опровергает уверение RKW: меньше, чем где бы то ни было рационализация в Германии приводит к понижению цен на продукты; а что касается народного благосостояния, то об этом достаточно красноречиво говорит цифра роста безработицы от германской рационализации и то обстоятельство, что в среде германского народа, особенно рабочих, по адресу рационализации сыплются постоянные проклятия и самое слово „рационализация“ вызывает злобу.

Во-вторых, если говорить о суб‘ективных „целях“, то ведь не в них дело, когда речь идет о с о д е р ж а н и и явления рационализации. Содержание дано в первой половине приведенного определения. И оно-то всего характернее для нас, после того, как мы уже знаем, что иностранное слово „рационализация“ немцы заменяют словом „хозяйственность“ („Wirtschaftlichkeit“). И вот высшее рационализаторское учреждение Германии дает „исчерпывающее“ об‘яснение рационализации, говоря, что она есть Wirfschaftlichkeit. Как это напоминает знаменитого вольтеровского доктора, который усыпляющее действие опиума об‘яснял его усыпительной силой. И все по той же причине — ненаучного подхода к проблеме рационализации, отсутствия критерия рациональности.

Рациональность и рентабельность

Наконец, еще одно ходкое, хотя и совершенно несостоятельное определение рационализации, которое является излюбленным в Германии и С.-А.С.Ш.: рационализация — все, что делает предприятие рентабельным; критерий рациональности — коммерческая р е н т а б е л ь н о с т ь.

По существу это — грубый эмпиризм, сводящийся к о т к а з у от об‘яснения и определения рационализации, как исторического явления. Вместо того, чтобы делать рационализацию как требование исторического момента, лакмусовой бумажкой для выяснения прогрессивности тех или иных форм, он существующими формами, их поддержанием подменивает самое требование рационализации. Если культурная отсталость и хищническая эксплоатация труда создают дешевизну рабочих рук, то окажется нерентабельным применение усовершенствованных машин, рационализирующих производство, как это мы видели в дореволюционной России. Требование рентабельности явится здесь п р е п я т с т в и е м к рационализации.

[1] „Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit“, Berlin, 1927. S. 3. Курсив оригинала.

Даже при отсутствии большой дешевизны рабочих рук тоже возможен отказ от рационализации по соображениям рентабельности. Видели же мы, как знаменитый Тэйлор, все помыслы которого сосредоточены были на заботе о достижении рентабельности путем безобразной интенсификации труда, всячески изощрялся, чтобы заставить своего не менее знаменитого „Шмидта" перетаскивать вручную $47^1/_2$ тонн чугуна день вместо того, чтобы рационализировать процесс транспортирования чугуна путем применения современных механических транспортных приспособлений.

Этот антагонизм между рентабельностью и рациональностью сказывается на всем ходе капиталистической рационализации, сказывается даже на отсталости рационализации европейских стран по сравнению с Америкой: сравнительная дешевизна рабочих рук в Европе, острота безработицы, слабая покупательная сила масс, высокий процент на капитал приводят к тому, что применяемые в Америке средства рационализации оказываются иногда в Европе неприменимыми в виду их нерентабельности. И уже не раз в Германии имели место случаи, когда рационализаторские мероприятия позаимствованные из Америки, приходилось „отставлять" в виду их коммерческой нерентабельности. [1]

Больше того: хищническое использование элементов производства,—скажем, рабочей силы — может ли быть рентабельным? Очень даже может быть и фактически является таковым для частно-капиталистического владельца предприятия. Между тем, хищничество — прямая противоположность хозяйственности („Wirtschaftlichkeit"). Тут рентабельность становится прямым критерием не рациональности, а ее противоположности. В самом деле, капиталист, хищнически используя живую силу — рабочих, извлекает из них повышенное количество работы (R), но тем, что заставляет их затратить еще более повышенное количество рабочей энергии (E). Этим он понижает коэфициент рациональности (m), но рациональность его мало беспокоит, для него важна именно прибыльность, рентабельность.

Тут зияющая пропасть между рациональностью и рентабельностью является результатом отделения средств производства от рабочей силы, результатом самой основной сущности капитализма. Антагонизм между рациональностью и рентабельностью есть, стало быть, выражение антагонизма между самим капитализмом и проблемой рационализации, как выдвинутой ходом исторического развития.

К тому же выводу можно подойти с разных сторон. Если, допустим, частнокапиталистическое предприятие получило заказ на 5 каких-либо станков, то оно может счесть этот заказ рентабельным и выполнить его в организационных условиях, весьма далеких от тех

[1] См. Dr. C. Schiffer. „Die ökonomische und sozialpolitische Bedeutung der industriellen Rationalisierungsbestrebungen". Karlsruhe 1928, S. 58.

рациональных условий, в которых он мог бы быть выполнен другим капиталистическим предприятием, которое получило бы заказ на 500 таких же станков. Наше предприятие потратит слишком большое количество всякого рода энергии на каждую единицу полезного результата, но поставить дело рациональнее, — так, как это можно сделать, производя сразу не 5, а 500 станков, — было бы для него убыточно, нерентабельно, даже если бы оно располагало необходимым для этого капиталом.

Или возьмем случай мелкого предприятия. Именно потому, что оно мелкое, нельзя позволить себе применение различных приспособлений, рационализирующих производственные процессы: для него это было бы нерентабельно. Тут, опять-таки, требование организационной рациональности приходит в коллизию с требованием экономической рентабельности.

Что все такие случаи говорят? Они говорят, что, где возникает противоречие между рентабельностью и рациональностью, оно является лишь выражением внутренних противоречий той социально-экономической формы общества, в рамках которой оно возникло — главным образом, противоречия между ростом производительных сил, с одной стороны, и частнокапиталистическими и мелкими формами хозяйства — с другой. Отживающие общественные формы в том, между прочим, и обнаруживают свою осужденность на исчезновение, что они приходят в коллизию с требованиями рациональности. Именно поэтому оживающие социальные формы вынуждены бояться „чрезмерно рациональной" организации („Ueberrationalisierung"). Такие опасения не могут иметь места в рамках социалистического общества, которое ведь и есть не что иное, как воплощение во всех сторонах своей жизни требований рационализации, выдвинутых современным фазисом исторического развития.

Не ясно ли, после всего сказанного, до какой степени в корне ложна тенденция буржуазных экономистов выдвигать рентабельность, как критерий рациональности?

Рационализация капиталистическая и социалистическая

Мы вплотную подошли к вопросу о рационализации капиталистической и социалистической. Из всего изложенного вытекает, что если говорить о рационализации подлинной и полной, то, собственно говоря, оба упомянутых выражения для видов рационализации неверны: рационализация социалистическая—тавтология, ибо рационализация для настоящего исторического периода может быть только социалистической, а рационализация капиталистическая — вовсе не рационализация, она — „рационализация" в кавычках. Мы поэтому и дали выше одно определение рационализации, как проблеме, остро вставшей перед человечеством на данной стадии роста производительных сил. В этом смысле совпадение или несовпадение требований полной рационализации с чертами и осо-

бенностями той или иной общественной формы решает вопрос об ее исторической судьбе, об ее стабильности всерьез и надолго.[1] И в этом смысле мы всегда, когда говорим о рационализации без всяких прилагательных, разумеем под нею именно настоящую, неискаженную, т.-е. социалистическую рационализацию.

После этой оговорки нам необходимо остановиться на различии между тем, что можно (в условном смысле) обозначать выражениями — рационализация социалистическая и капиталистическая.

Довольно распространенной является формулировка этого различия, сводящаяся к тому, что рационализация капиталистическая, в отличие от социалистической, имеет своим содержанием удлинение рабочего дня и понижение заработной платы рабочих, как и вообще ухудшение положения рабочих.

Оставляя пока в стороне вопрос об ухудшении общего положения рабочих масс, благодаря капиталистической рационализации, — надо, прежде всего, заметить, что ни повышение продолжительности рабочего дня, ни понижение заработной платы вовсе не являются обязательными ингредиентами капиталистической рационализации. Современный развитый капитализм — то, что Зомбарт называет „Hochkapitalismus“,—как раз противоположными чертами и характеризуется: сравнительно коротким рабочим днем и сравнительно высоким уровнем зарплаты. Это — вовсе не новое положение, это старая истина, которая уже давно обоснована и популяризирована даже буржуазными экономистами типа Шульце-Геверница, Э. Бернгарда, Геркнера, Л. Брентано и др.

Причина этого явления заключается в существовании другой линии ухудшения положения рабочих в капиталистических странах, которая действительно является чрезвычайно характерной для капиталистической рационализации и на которой мы ниже остановимся несколько больше: это — чрезмерное повышение интенсивности труда рабочих.

Притом современная интенсификация труда отличается от той, которая характеризовала неразвитые формы капитализма. Тогда преобладала тенденция абсолютной интенсификации труда, которая путем удлинения рабочего дня интенсивнее эксплоатировала труд, уплотняя этим путем расход жизненных сил рабочего. В дальнейшем, однако, положение менялось. Растущая сложность и дороговизна современных устройств и оборудования, рост накладных расходов, пропорциональных продолжительности работы, растущая скорость (число оборотов в минуту) все более совершенных машин и станков и сокращение их простоев, благодаря устранению части вредных промежутков (интенсификация производства), обслуживание одним рабочим многих машин, наконец, современные методы

[1] Нынешняя стабилизация капитализма в западных странах имеет ведь своим главным средством капиталистическую рационализацию.

глубокого разделения труда и непрерывного производственного потока, — все это, с одной стороны, ослабляет у представителей крупного капитала стимул к удлинению рабочего дня, создавая для них возможность выжать из рабочего в течение короткого рабочего дня больше энергии, чем прежде в течение более длинного рабочего дня и этой относительной интенсификацией труда достигать повышения относительной прибавочной стоимости. С другой стороны, все указанные условия делали, при высокой относительной интенсификации труда, его абсолютную интенсификацию отчасти физически невозможной,[1] отчасти даже невыгодной для работодателя, поскольку его накладные расходы возрастали с продолжительностью рабочего дня.

Этим об'ясняется, между прочим, то обстоятельство, что некоторые капиталистические предприятия по собственной инициативе вводили 8-часовой рабочий день еще тогда, когда их к этому не принуждали ни требования законодательства, ни прямой напор со стороны рабочего движения. Английские казенные заводы ввели например, восьмичасовой рабочий день еще в 1894 г., известный завод оптических инструментов Цейсса — в 1900 г., автомобильный завод Форда — в 1914 г. и т. д.[2]

Та же интенсификация труда делает возможным и неизбежным относительное повышение заработной платы рабочих. Возможность эта ясна из всего сказанного. Неизбежность же получается вследствие сильного увеличения расхода энергии рабочих, вызываемого в большей мере относительной интенсификацией труда, чем абсолютной. Повышенному расходу энергии должен хоть до некоторой степени соответствовать повышенный приход энергии рабочего, его потребление, т.-е. его зарплата.

Таким образом, характерным методом современных крупных промышленных предприятий сделалась политика короткого рабочего дня и повышенной зарплаты, — политика, обоснованию которой и посвящены в значительной мере сочинения указанных выше буржуазных экономистов. Из них один — Л. Брентано — цитирует в этом смысле даже книгу одного американского заводчика Шенхофа „Экономия высоких заработных плат“. Шенхоф исследовал издержки производства и рентабельность предприятий главнейших, конкурирующих на мировом рынке отраслей промышленности и пришел к выводу, что „страны с низкой зарплатой и длинным рабочим днем имеют наивысшую себестоимость производства, что чем выше зар-

[1] В силу известного физиологического закона обратной пропорции между интенсивностью и продолжительностью работы.

[2] Конечно, постановка задачи 7 и 6-часового рабочего дня и проведение ее в жизнь могли иметь место только в стране, идущей под знаменем строительства социализма.

плата и короче рабочий день, тем ниже издержки производства в той или иной стране".[1]

И действительно, страны, наиболее преуспевавшие уже до последней войны на мировом рынке,— Америка и Англия, — отличались и отличаются от других более высокой зарплатой и более коротким рабочим днем. Известно, что, как это доказал многочисленными данными Шульце-Геверниц в своей книге „Крупное производство" английская хлопчатобумажная промышленность именно в связи с более высокой зарплатой и коротким рабочим днем в Англии одерживала верх над другими конкурирующими странами. Можно привести и такой характерный факт: величайшая в мире (до войны) камвольная фирма Holden в Брэдфорде (Англия) имела в Англии и во Франции фабрики, технически и организационно поставленные совершенно одинаково, но зарплата была на английской фабрике выше, а число рабочих часов в неделю на английской фабрике $56^1/_2$ часов, на французской — 72 часа; в результате — выработка на человекодень на первой фабрике значительно больше, чем на второй.[2]

Любопытно, что в той же Англии именно в горной промышленности, переживающей тяжелое положение, царят более длинный рабочий день и более низкая зарплата. Вообще же говоря, Англия, поскольку она еще может конкурировать на мировом рынке, и Соед. Штаты, как передовая в этом отношении страна, держатся и строят свою рационализацию — в общем — на высокой зарплате и сравнительно коротком рабочем дне.

Вряд ли надо еще повторять и подчеркивать, что сокращение длины рабочего дня, при чрезмерно усиленной относительной интенсификации труда, ни в коем случае не представляет улучшения положения рабочих, — что обыкновенно замалчивается такими сиренами, поющими дифирамбы короткому рабочему дню, как Л. Брентано.

Обыкновенно для иллюстрации противоположного нашему утверждения ссылаются на Германию: ее рационализация связана с тенденцией понижения зарплаты и удлинения рабочего дня. Верно то, что германский капитализм, сильно потрепанный в мировой войне, ограбленный победителями, ограниченный в своих аппетитах стабилизацией валюты после периода инфляции, стремится улучшить свое положение соединением старых методов эксплоатации труда с новыми. Желая быть „именинником и на Антона и на Онуфрия", он старается, на ряду с относительной интенсификацией труда, удержать и абсолютную, т.-е. длинный рабочий день, что ему все-таки меньше удается на крупных, по современному рационализированных предприятиях. Больше удается ему тенденция к удержанию низкой зарплаты, которая ниже, чем в Англии и Америке, он все-

[1] См. L. Brentano, „Arbeitslohn und Arbeitszeit nach dem Kriege". „Schriften der Gesellschaft für soziale Reform", Heft 63, S. 10.

[2] E. Bernhard, „Höhere Arbeitsintensität bei kürzerer Arbeitszeit". Leipzig, 1909. S. 30.

таки выше, чем во Франции, Италии и других европейских странах.

Характерно, что даже тэйлоризм, соответствующий детскому периоду рационализации и целиком направленный в сторону чрезмерной относительной интенсификации труда, шел также под знаменем, на котором выставлен был лозунг высокой зарплаты. Этот же лозунг был формулирован в 1910 г. Брэндисом на том самом совещании тэйлористов, на котором, как выше упомянуто, к системе Тэйлора впервые был приклеен ярлык „научный". Сам Тэйлор вводил сверх того, как известно, и сокращение рабочего дня (сортировщиц шариков и др.).

Новейшие тенденции капиталистической рационализации идут еще дальше этих своих черт, которые не требуют удлинения рабочего дня и понижения зарплаты. В настоящее время крупные американские предприятия обставляют рабочих рядом удобств, вроде прекрасных рабочих зал, разных приспособлений для спорта, кино технических школ и пр., направляя все эти средства к тому, чтобы прикрепить рабочего к данному предприятию и обеспечить себе самую интенсивную эксплоатацию труда. Мы уж не говорим о сооружении „собственных" домов для рабочих, о создании рабочих банков, о распространении среди рабочих масс акций данного предприятия и пр. Всеми этими и им подобными средствами короли от капиталистической рационализации, американские Форды задаются определенной целью: сделать рабочих физически здоровыми, бодрыми, работоспособными и в то же время сосредоточившими свои помыслы только на интересах личного материального благополучия, склонными органически связать свои интересы с интересами предприятия и держаться в стороне от классовой борьбы даже в ее специфически типичной для Американской федерации труда форме крайнего оппортунизма.

В меньшем масштабе, но ту же тенденцию мы наблюдаем и в современной Германии, где за самое последнее время она приняла еще более острую форму стремления прикреплять рабочего к предприятию не только материально, но и духовно, опустошить душу рабочего, заменить в ней элементы классового сознания чувством сознательной преданности интересам капитала, принципиальным приятием капитализма и враждою к социалистическим идеям. Эти тенденции развились, в тесной связи с рационализацией, особенно заметно в крупно-промышленных кругах рейнско-вестфальской индустриальной области и кристаллизовались в лозунг „борьба за душу рабочего". Носителем этих тенденций является учрежденное в 1925 г. в Дюссельдорфе „Deutsches Institut für technische Arbeitsschulung" (коротко именуемое „Dinta"), т.-е. „Немецкий институт технического воспитания труда". На этом интересном явлении мы, к сожалению, не можем здесь остановиться.

Главнейшие различия капиталистической и социалистической рационализации

Важно то, что, как показывает все изложенное, стремление к понижению зарплаты и удлинению рабочего дня далеко не является характерным для современной рационализации в капиталистических странах. В гораздо большей мере характерным для этой рационализации с материальной стороны является рост безработицы и отчасти вызывающая ее чрезмерная интенсификация труда. Эта последняя, а не длинный рабочий день и низкая плата, и является первой характерной чертой, отличающей капиталистическую рационализацию от социалистической.

Для правильного освещения этой первой отличительной черты необходимо тут же наметить вторую важнейшую отличительную черту: она состоит в том, что капиталистическая рационализация идет под углом зрения интересов „сегодняшнего дня", очень мало заботясь о „завтрашнем дне".

Современный капитализм, как и всякий режим, историей осужденный на гибель, не склонен и не способен заглядывать в „завтрашний день". „После нас хоть потоп" — формула настроения представителей такого режима. И это настроение лежит в основе иных сторон капиталистической рационализации, — особенно в основе ее методов использования рабочей силы.

Мы уже видели, что подлинная, т.-е. социалистическая рационализация не может не ставить во главу угла принцип оптимума в применении ко всем без исключения факторам производства. Этому принципу капиталистическая рационализация противопоставляет в отношении фактора живой силы рабочих противоположный принцип максимума. И представители капитализма в своем роде последовательны, раз они стоят на точке зрения интересов сегодняшнего дня.

Если принцип оптимума выражается в формуле $\frac{R}{E} = m$ и в требовании, чтобы этот коэфициент m был елико возможно больше, то принцип максимума выражается формулой $\frac{R}{t} = u$ [1] и требованием, чтобы $u = \text{maximum}$. И с своей точки зрения капитализм совершенно прав. В самом деле, зачем ограничить расходуемую рабочим энергию оптимальным да и вообще каким бы ни было пределом? Почему не доводить интенсивность труда до физически возможного максимального уровня, — чтобы рабочий только-только не свалился тут же с ног? А завтра? Завтра — хоть трава не расти.

Конечно, на деле интенсификация труда в капиталистических предприятиях не доходит до такого уровня, чтобы рабочие буквально на завтра были уже непригодны к работе. Но это происходит лишь

[1] Где t обозначает количество времени работы, а u — ее успешность.

потому, что стремление капитала к максимальному использованию рабочей силы ограничивается сопротивлением рабочих масс, их борьбою — стихийной и организованной. А капиталистическая идеология называет это „сговором" рабочих для умышленного сокрытия своей „производительности" и зачинщиком этого сговора считает рабочие профорганизации.

В пределах возможного капитал энергично проводит свою линию максимальной интенсификации (преимущественно относительной) труда, используя для этого все методы рационализации производства. Но ведь это — хищническое использование такого важного фактора производства, как живая рабочая сила? Ведь в недалеком будущем это грозит серьезным количественным и качественным истощением фонда рабочей силы? Да, но что до этого капиталистам, заботящимся только о сегодняшнем дне?

Такого хищнического использования капиталист тщательно избегает в отношении мертвых факторов — машин, станков и пр. Тут капиталист и его администратор выдвигают принцип оптимума, а не максимума. Они применяют тщательный расчет, пользуясь счетными линейками Барта и др., чтобы установить и применить оптимальную, а не максимальную скорость или число оборотов машины в минуту. Почему? Они отлично понимают, что, если превысить оптимальную скорость машины, то получится повышенное количество ее поломок, часто понадобится ее ремонт, увеличатся простои машин, — что невыгодно с точки зрения завтрашнего дня.

Но эту точку зрения они покидают, когда переходят к использованию живой рабочей силы. Тут они гонятся за большим количеством продукции в течение рабочего дня. Словом, правильно применяя к мертвым машинам формулу оптимума $\frac{R}{E} = \text{maximum}$, они к живой рабочей силе считают нужным — опять-таки, пожалуй, правильно, с точки зрения сегодняшнего дня — формулу максимума $\frac{R}{t} = \text{maximum}$.

И эта принципиальная разница в отношениях капитала к двум различным факторам производства имеет свои корни в очень элементарном, но решающем обстоятельстве: мертвые факторы — машины, сырье и пр. — стоят капиталисту денег, они его собственность, с ними поэтому он обращается бережно, проявляя „хозяйственность" („Wirtschaftlichkeit"), думая и о завтрашнем дне. А живая рабсила не его собственность, — и ее он использует хищнически, не заботясь о завтрашнем дне.

Результаты этого хищничества, конечно, не преминут сказаться. Имеющийся богатый статистический материал, который мы не можем здесь использовать, свидетельствует об этом весьма красноречиво. Нам достаточно привести только две цифры: средняя продолжительность жизни индустриальных рабочих Германии (да и других стран)

не превышает 40 лет, а квалифицированная работоспособность рабочего в среднем теряется им с достижением 36-летнего возраста. Но какое дело капиталу до чудовищного смысла этих двух цифр? Хищнически высосав жизненные соки из миллионов рабов своих, капитал заменяет их свежими силами резервной армии труда, чтобы обречь их на ту же участь.

Чрезмерная, хищническая интенсификация труда рабочих со стороны капиталистической рационализации связана и с тем, что только из живой рабочей силы капитал извлекает прибавочную стоимость, а в ней, в рентабельности предприятия для него все дело. Стремление к использованию рабочей силы делает капиталиста неспособным к проведению рационализации в отношении живого фактора производства.

Итак, не столько в низкой зарплате и длинном рабочем дне лежит грех капиталистической рационализации, сколько в нерациональном, хищническом использовании рабочей силы. Тут дело не столько в приходе энергии (зарплата) рабочих масс, сколько в расходе их жизненных сил. В этом и в сильном росте безработицы заключается отличие капиталистической рационализации от социалистической.

Нет надобности долго распространяться насчет того, что совсем иначе подходит к живой рабочей силе социалистическая рационализация. Для социалистического общества рабочая сила не менее, а даже более важный фактор производства, чем остальные, мертвые факторы. Рабочей силой, как творцом всех ценностей, социалистическое общество не может не дорожить, не может не относиться к ней бережно. Пусть и для частного капиталиста его рабочие „руки“ являются той курицей, которая несет ему золотые яйца; но он, зарезав одну курицу, может достать на ее место другую. Социалистическое же народное хозяйство, если будет в своих предприятиях резать своих кур, других не достанет,— и конец будет золотым яйцам.

Таким образом, уж не говоря о том, что на самом деле идет речь не о курах, а о людях, что эти люди и составляют социалистическое общество, что они и руководят хозяйством и его рационализацией, но даже с чисто экономической точки зрения, с точки зрения прямой хозяйственной выгоды социалистическая страна не может вести хищническое использование рабочей силы, не может заниматься самоубийством. Социалистическая рационализация не может не заглядывать в завтрашний день. Для нее обязательно не максимальное, а оптимальное использование рабочей силы.

Другое — притом главное — отличие капиталистической рационализации от социалистической намечено было нами уже в самом начале этой статьи, где речь была о том, какие непроизводительные потери учла комиссия Хувера в С.-А. С. Ш. и каких она и не думала учитывать. Капиталистическая рационализация в лучшем случае старается устранить непроизводительные затраты внутри отдельных предприятий. Но капиталистическому рационализатору не придет в голову устранить то расточение сил в народном хозяйстве, которое кроется в самих основах капитализма, в частной собственности на средства производства, в анархии производства.

Такой, т.-е. полной рационализации нельзя ждать от представителей капиталистического мира. Они хотят устранить трагедию расточительства, но так, чтобы не затронуть ее главного источника. Они, выражаясь словами немецкой поговорки, хотят вымыть свою грязную шубу, но так, чтобы не замочить ее. Рационализацией предприятий они хотели бы отбояриться от неизбежной рационализации хозяйства, т.-е. от надвигающейся социалистической революции. Таким путем уклоняться от уплаты по векселю истории возможно, конечно, не надолго. Неизбежен момент, когда рационализация капиталистическая должна будет уступить место рационализации социалистической,— после социалистической революции.

В связи с этим главным отличием стоит и то, что социалистическая рационализация не может не итти по пути плановости — пути, чуждому рационализации капиталистической. В отношении народного хозяйства это само собой разумеется, так как капиталистическая рационализация не трогает и не может трогать основы капитализма — беспорядочной игры частно-собственнических интересов—и оставляет в силе анархию производства. Но и рационализация внутри каждого предприятия охватывает, в конце концов, огромное количество предприятий, но охватывает их в капиталистических условиях стихийно, без плана.

Да, такой план в этих условиях даже технически невозможен. Для него, ведь, в первую голову необходим статистический материал такого рода, который не может быть получен относительно капиталистических предприятий. Публикуемые о них материалы, прежде всего, неполны, не затрагивают многих пунктов, которые являются секретом каждой фирмы. Затем они чаще всего публикуются умышленно в неверном виде, чтобы замаскировать действительное положение и обойти трудности фискального, кредитного и иного характера. Наконец, если б статистика себестоимости, прибылей, накоплений и пр. могла быть полной и соответствующей действительности,— она все-таки была бы непригодной в силу своей неоднородности, в силу неодинаковости методов калькуляции, способов составления балансов и т. д. На чем же при таких условиях строить план рационализации?

Иногда встречается склонность усматривать моменты плановости капитализма в совершающемся процессе концентрации предприятий. Этот процесс, действительно, развертывается теперь чрезвычайно энергично, особенно в таких капиталистических странах, как С.-А. С. Ш. или Германия. Когда регулярно читаешь специальные органы по рационализации, как, например, органы упомя-

нутого уже RKW в Германии, то добрые три четверти сообщений, печатаемых под заголовком „рационализация" в такой-то отрасли, вскрываются, как сообщения о слиянии тех или иных предприятий (сопровождаемом закрытием других). Часто этой концентрацией [1] дело ограничивается, и никакой технико-организационной рационализации не проводится.

На даже там, где она имеет место, нужно ли еще пояснять, что рационализация в таких случаях не выходит за пределы группы тех предприятий, которые охвачены данным процессом концентрации. Результат получается лишь тот, что образуется более крупная фирма, которая вступает в конкурентную борьбу с другими, хотя бы тоже укрупненными фирмами.

В том-то и дело, что все процессы концентрации и специализации капиталистических предприятий не освобождают их от характера организаций интересов отдельных лиц и групп, преследующих цели наживы, конкурирующих друг с другом, имеющих в виду не удовлетворение потребностей масс и общественного целого, а собственные выгоды, совпадающие с выгодами других аналогичных организаций. В конце концов, эти концентрационные процессы так же далеки от проведения плановости, согласованности, положительного подбора сил в ходе народнохозяйственной жизни, как оказались далеки от этого синдикаты и тресты.

А ведь было время, когда начавшийся процесс картелирования и трестирования капиталистических предприятий вызвал у многих утопические ожидания. Многие были уверены, что соединение предприятий в картели — особенно в тресты — ставит крест над капиталистической анархией, наполняет капитализм плановым содержанием и этим разрешает его основное внутреннее противоречие. Уже тогда не трудно было усмотреть всю иллюзорность и фальшь этих ожиданий. Действительность не преминула подтвердить такую оценку. Капиталистические синдикаты и тресты не уничтожили анархии, а только подняли ее на высшую ступень.

И это, конечно, в полной мере относится не только к концентрации капиталистических предприятий, но и к их специализации, которая представляет в своем роде разделение труда между этими предприятиями. На пути полной и законченной специализации стоят огромные, порой непреодолимые трудности.

Предприятие, специализировавшееся на производстве определенного продукта, в капиталистических условиях значительно ослабляет свою силу сопротивления всяким колебаниям кон'юнктуры, изменениям в условиях борьбы с конкурентами, переменам, происходящим в положении рынка вследствие новых изобретений, изменений моды и пр. Между тем, предприятие, ограничившее свое производство одним единственным продуктом, в гораздо большей мере заинтересовано в том, чтобы спрос на этот продукт не сокращался, чем предприятие, которое производит еще и другие продукты и в них находит спасение от кризиса в случае сокращения спроса на первый продукт.

[1] Теперь преимущественно горизонтальной, в то время как еще в период инфляции преобладала вертикальная концентрация.

К тому же специализированное предприятие принадлежит к разряду тех, которые имеют более высокое органическое строение капитала и уже в силу этого больше других нуждается в непрерывной и полной нагрузке. А быстрая реорганизация и перестройка предприятия на ходу с целью приспособить его к производству иной продукции, в соответствии с изменившимися требованиями рынка, становится невозможной при современных условиях сложной организации производственных процессов и всей структуры современного, да еще специализированного предприятия.

Положение ухудшается еще и тем обстоятельством, что именно специализация усиливает зависимость одного предприятия от других в пределах проведенной концентрации. Когда определенная производственная программа — скажем, производство мельничного оборудования — распределяется между разными специальными предприятиями, вошедшими в данное об'единение, то на долю каждого из них выпадает производство такой части оборудования, которая не может найти себе сбыта независимо от других частей того же оборудования.

Но современные горизонтальные об'единения предприятий, не уничтожающие самостоятельности каждого из них, ставят такое предприятие в условия, при которых оно должно считаться с возможностью распадения об'единения, следовательно, с необходимостью на этот случай оставить за собой известную конкурентоспособность и возможность независимого существования. Этим создается весьма сильное препятствие к полному и глубокому разделению труда между об'единенными предприятиями, т.-е. к их полной специализации.

По этой причине об'единения, в которых взаимная борьба не прекращается, создают мало благоприятную почву для специализации. В большей мере процветают при существующих условиях тресты и концерны, монопольно властвующие на рынке в данной отрасли производства.

Что из всего этого вытекает? Вытекает то, что для расцвета специализации капиталистических предприятий необходимы безусловный отказ каждого из них от существенных частей производственной программы, обеспечение компенсации каждого предприятия за возможный недостаточный сбыт его специальной продукции, общая организация сношений с заказчиками, общее распределение издержек производства и выручки,— словом, необходима не концентрация предприятий, а их слияние в одно целое.

Но это, во-первых, возможно, конечно, только в узких рамках; во-вторых, это сводит перспективу специализации предприятий лишь

к фактическому их укрупнению и, наконец, все движение капиталистической концентрации и специализации, не заключающее в себе элемента устранения анархии общественного производства, опять-таки сводится к поднятию этой анархии и противоречий капитализма на высшую ступень, — не больше.

Если раньше мы, как одно из отличий капиталистической рационализации, констатировали тот факт, что она делает различие между живой рабочей силой и мертвыми факторами производства и свою рационализацию во всяком случае не рапространяет на рабочую силу, то теперь приходится, как еще одну отличительную черту, отметить то, что капиталистическая рационализация даже мертвые факторы не может полностью рационализировать.

Стандартизация продукции, специализация предприятий касаются мертвых факторов, но и тут у капиталистической рационализации крылья подрезаны. И тут причина этого лежит в основном ее грехе — в стремлении „вымыть грязную шубу так, чтобы ее не замочить".

Дальнейшее различие между капиталистической и социалистической рационализацией заключается в том, что первая проводится в жизнь помимо рабочих и против рабочих. Они являются ее об'ектом, а не суб'ектом. На рабочих она обрушивается чрезмерной интенсификацией труда, усилением и обострением массовой безработицы, а нередко еще и понижением зарплаты и удлинением рабочего дня. В результате, мы в капиталистических странах наблюдаем резко отрицательное, враждебное отношение рабочих масс к рационализации: в глазах рабочих на Западе рационализация тождественна с усиленной эксплоатацией. В конце концов, капиталистическая рационализация сделалась новым, добавочным фронтом классовой борьбы труда с капиталом.

Социалистическая же рационализация относится к рабочей массе не как к об'екту, на долю которого выпадают ее тяжелые последствия, а как к главнейшему деятелю и активному проводнику рационализации, который „своею собственной рукой" внедряет в жизнь рационализацию всех ее сторон Идеи социалистической рационализации могут и должны зажечь энтузиазмом рабочие массы, которые, в свою очередь, могут и должны поднять ее темп и размах не небывалую высоту.

Наконец, еще одну — и совсем немаловажную — черту отличия социалистической рационализации от капиталистической необходимо отметить. Социалистическая рационализация не может не заботиться самым серьезным образом о своем внедрении в сельское хозяйство. Конечно, и капиталистическая рационализация, как она есть отчасти проникает в область сельскохозяйственного производства. Но в этом отношении капиталистические страны оставляют в полной силе разрыв между городом и деревней. Даже специфически

капиталистические формы рационализации и те мало проникают в деревню — распыленную, отсталую, с ее раздробленностью на множество мелких или даже карликовых хозяйств.

Для социалистической рационализации проникновение в сельское хозяйство приобретает исключительно важное значение уж по одному тому, что это — условие и залог успешности и прочности самой социалистической революции. Технически и организационно отсталая деревня с ее массой мелких частных хозяйств, вечно питающих „бестию собственности", это — тот опасный подводный камень, преодоление которого будет первейшей и труднейшей задачей всякой социалистической революции в первой ее стадии. И одним из главных путей этого преодоления, на ряду с коллективизацией сельского хозяйства, будет его рационализация (даже независимо от коллективизации).

Обыкновенно способность деревни к ассимиляции методов рациональной организации сильно недооценивают. Организационная емкость деревни велика именно потому, что она культурно, технически и организационно весьма отстала. Здесь больше чем в какой-либо другой области народного хозяйства, совершаются бесконечные непроизводительные затраты сил и времени. Здесь настоящее царство „трагедии расточительства".

Если в Германии и в других странах довольно энергично развертывается процесс проникновения рационализации в ремесло, то еще более широкое поле для нее представляет сельское хозяйство. Здесь рационализация может и должна двигаться не только по линии повышения технического уровня производства путем введения тракторов, сельскохозяйственных машин и пр., — но и по линии усвоения и применения более рациональных методов использования наличных технических ресурсов.

Рациональная организация сельского хозяйства призвана индустриализировать и революционизировать деревню, коренным образом изменить ее культуру, ее быт, ее положение в общей системе народного хозяйства, ее роль в общем ходе социальнс-политической жизни, — призвана решить задачу уничтожения антагонизма между городом и деревней и таким путем создать почву для быстрого и прочного развития социализма.

Последний пункт отличия социалистической рационализации от капиталистической — сознательная и планомерная индустриализация и рационализация сельского хозяйства — подводит нас вплотную к затронутому уже вопросу о планировании всего хозяйства, как к части проблемы общей рационализации. Индустриализация и рационализация сельского хозяйства есть часть проблемы рационального распределения всех производительных сил, районирования хозяйства и т. д., — вообще тех задач рационализации, игнорирование которых является, как мы видели, основным отличием капиталистической рационализации от социалистической.

Ступени рационализации

Проблема рационализации, взятая в целом, может быть рассматриваема в виде последовательного ряда все более высоких ступеней.

Низшей ступенью является рационализация отдельного рабочего процесса, где уже требуется положительный подбор всех сочетаемых сил — материалов, инструмента, типа рабочего, условий и приемов работы и т. п. Здесь коэфициентом рациональности является величина $m = \frac{R}{E}$, показывающая степень приближения данного процесса к оптимуму.

Следующая ступень относится к вопросу о рациональности данного процесса в рамках предприятия, как организационного целого. Какой-нибудь технологический процесс сам по себе — первая ступень — может быть вполне рационально или оптимально организован, но быть нерациональным с точки зрения предприятия, как целого: это будет иметь место в том случае, когда не будет обеспечен положительный подбор в сочетании данного процесса с другими процессами внутри предприятия. Тогда получится нарушение закона цепной связи,[1] и в этом случае рационализация в одном пункте может вызвать отрицательное явление в виде „узких мест“ в других пунктах. Этим об'ясняется то явление, что у нас рационализация, проводившаяся в некоторых предприятиях без учета цепной связи, давала не понижение, а повышение общей себестоимости продукции. Тут решающим критерием так же является, как коэфициент рациональности, величина $m = \frac{R}{E}$, но уже в применении к силам не в пределах только одного процесса, а в рамках целого предприятия со всеми совершающимися в нем процессами.

Дальнейшей ступенью является данная отрасль промышленности, все части которой — предприятия — также должны быть согласованы между собою в смысле положительного подбора. Предприятие, даже во всем своем об'еме, может быть рационально организовано, как таковое, но в системе всей отрасли это предприятие может оказаться нерациональным в том смысле, что оно устроено не в том месте, где это было бы рациональнее всего, или в том смысле, что оно производит не тот тип продукции, не те размеры или формы продукта, какие были бы наиболее рациональны с точки зрения выполнения всей отраслью ложащихся на нее задач.

Если уже на предыдущей ступени рационализации предприятия выдвигалась, как одна из задач этой рационализации, стандартизация производимого данным предприятием продукта и его элементов (материала, инструментов и пр.), то на той ступени, о которой сейчас у нас идет речь — в отношении целой отрасли промышленности — приобретает огромное значение вся проблема стандартизации продукции, нормализации частей продуктов и — в особенности — специализации предприятий и их кооперирования.

Еще высшей ступенью является рационализация всего народного хозяйства страны, как целого. Тут возникает задача оптимального распределения производительных сил по отдельным отраслям хозяйственной жизни — по разным отраслям сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и т. д. На этой ступени приобретает огромное значение уже не только горизонтальная, но и вертикальная концентрация предприятий и их оптимальное кооперирование. Тут выдвигается, наконец, во всей силе проблема рационального районирования всех частей народнохозяйственного целого. На этой ступени развертывается во всю общая задача устранения непроизводительных потерь и преодоления „трагедии расточительства“.

Эта ступень рационализации возможна, конечно, только в стране, где одержал верх социализм. В стране капитализма рационализация народного хозяйства невозможна, — здесь не существует еще даже народное хозяйство в собственном смысле слова, как система планомерной организации хозяйственных сил. Здесь царит стихия их беспощадной борьбы, царит не положительный, а зачастую отрицательный подбор сил.

На еще более высокую ступень мы поднимаемся постановкой задачи рационализации мирового хозяйства. Мировая связь и взаимозависимость хозяйственной жизни всех стран слишком уже ощутительны в настоящее время, чтобы игнорировать выдвигающуюся здесь задачу превращения этой связи из стихийной в планомерную, рациональную, осуществляющую принцип оптимального использования всех мировых сил и их положительного подбора, согласования.

Как практическая задача, эта проблема встанет перед человечеством в тот, быть может, уже не столь отдаленный момент, когда социалистическая революция окажется победительницей в главнейших странах мира. Особенно превратится она в хлеб насущный тогда, когда социализм упрочится и развернется во всех культурных странах.

Все намеченные ступени рационализации являются категориями не только логическими, но и историческими. Капиталистический мир не поднимался до сих пор над двумя низшими ступенями рационализации — рационализации отдельных технологических процессов и рационализации предприятий. Он делает неуклюжие, ограниченные, иногда ухудшающие положение шаги в области третьей ступени рационализации отдельных отраслей промышленности. Перед СССР, где рационализация может и должна стать подлинно социа-

[1] Об этом см. О. А. Ерманский, „Теория и практика рационализации“, т. 1, изд. ГИЗ, 1928 г., стр. 318—323.

листической, стоит, как практическая задача, рационализация всех этих трех ступеней, да еще следующей, четвертой — рационализации всего народного хозяйства, как целостной системы. Делом будущего является пятая ступень — рационализация мирового хозяйства.

Поднимаясь с одной ступени на другую, высшую, мы наблюдаем все большую роль, которую играет экономика, экономическая структура общества, его взаимоотношения на ряду с технико-организационной рационализацией на почве данного состояния производительных сил.

Чем выше ступень рационализации, тем больше отступает на задний план критерий рентабельности. Капиталистическая рационализация, которая не может подняться выше двух низших ступеней рационализации, еще целиком во власти „принципа" рентабельности, который и приводит ее часто в коллизию с принципом рациональности. Именно принцип рентабельности нередко диктует капиталистическому хозяйству умышленное сокращение производства, иногда даже нарочитое уничтожение уже произведенной продукции. Тут в полном блеске проявляется противоположность частнохозяйственных и народнохозяйственных интересов. В этом столкновении страдающим элементом являются, конечно, интересы народнохозяйственные.

Наконец, чем выше ступень рационализации, тем значительнее опасность нарушения закона цепной связи всех элементов организации, тем крупнее удельный вес такого нарушения.

Если логически и исторически ступени рационализации располагаются в указанном выше порядке, то в обратном порядке приходится итти в деле планирования рационализации.

Уже и теперь, на данной ступени рационализации — скажем, рационализации предприятия — выработка плана его рационализации должна начинаться не с территории предприятия, чтобы закончиться производимым на ней продуктом. Как раз наоборот: начать надо с установления того типа продукта, производством которого будет заниматься предприятие; для этого продукта необходимо разработать соответствующие процессы его изготовления; к процессам подобрать материалы, орудия труда и рабочую силу; для всего этого распределить рабочие места, оборудование; для них приспособить здания и их расположение, чем и будут определяться, наконец, размер, форма и проч. территории предприятия.

При забвении обязательности этого обратного порядка планирования и впредь будут совершаться дорогостоящие ошибки в капитальном строительстве вроде той, какую мы имели, например, в тракторостроении, где только после того, когда были затрачены уже огромные суммы на сооружение зданий для тракторного завода, спохватились, что еще не выяснен вопрос о том, какой тип тракторов будет производиться на этом заводе.

В еще большей мере этот обратный порядок планирования должен будет практиковаться в дальнейшем, когда подойдут вплотную к рационализации мирового хозяйства. Тут начальным моментом планирования будет определение того, что, где, в каком количестве должно производиться, по состоянию мировых производительных сил и потребностей, а заключительным моментом — определение территории каждого предприятия. Само собою разумеется, что для выполнения плана потребуется снова перевернуть порядок и начать с территорий и зданий, чтобы дойти до заключительного звена — продукции.

Возвращаясь к перечисленным нами ступеням рационализации, надо сказать, что их окончательным завершением является рациональная организация не только хозяйственной жизни человечества, но и всей общественной надстройки над хозяйственным фундаментом. Рационализация общественных форм, духовной жизни, быта, всей культуры человечества не может не сводиться к положительному подбору всех сил организованного в коллектив человечества. В нашей исходной формуле оптимума, требующей, чтобы в уравнении $\frac{R}{E} = m$ величина m была максимальной, содержится, в сущности, формула социалистически или коммунистически организованного человечества, в котором хозяйственные процессы и все хозяйство, да и все стороны жизни будут организованы наиболее рационально, оптимально и вполне согласованы между собою.

Г. Козлов

Спорные вопросы новой теории кредита [1]

Первый том нового труда И. А. Трахтенберга „Современный кредит и его организация", несомненно, большое событие в истории нашей экономической мысли. Такой серьезной попытки систематизировать марксову теорию кредита и разработать ее в применении к эпохе финансового капитализма мы еще не имели. Однако, эта книга лучшее свидетельство трудности этого дела. Написанная большим знатоком вопроса эта книга оказывается все же наиболее уязвимой в ее „фундаменте", в основных положениях, на которых построена вся концепция.

Заслуга автора в том, что он с большим знанием дела подымает множество разнообразных интересных вопросов, что само по себе надолго послужит толчком к столь необходимой коллективной работе марксистов в этой области.

Форма кредита и природа ссудного капитала

Два основных исходных положения у И. Трахтенберга приводят его к неверному решению проблемы ссудного капитала. Первое связано с решением вопроса о форме кредита, второе — с ролью ссудного капитала в эпоху монополистического капитализма. Начнем с проблемы формы кредита.

И. Трахтенберг различает форму и содержание кредита. Под формой кредита он подразумевает „сделку ссуды", которая представляет собой „специфическую техническую форму передвижения собственности" (стр. 18). При чем ее основным признаком „надо считать отсрочку возврата эквивалента" (там же). Эту сторону кредита И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками кредита и противопоставляет этому социальное содержание кредита. „Можно рассматривать кредит как определенный тип сделки, осуществляющий процесс обращения, со стороны ее формальных технико-юридических признаков. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория техническая. Можно рассматривать кредит с точки зрения социального содержания явлений. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория сугубо социальная" (стр. 14).

Социальное же содержание кредита И. Трахтенберг определяет как общественные отношения, развивающиеся на основе сделок ссуды. „Не сама по себе сделка ссуды составляет сущность кредита как социальной категории, а те общественные отношения, которые вырастают на основе этих сделок" (стр. 20).

[1] В порядке обсуждения. Ред.

„Форма кредита" с точки зрения И. Трахтенберга остается неизменной и для древнего мира, и для крепостного хозяйства, и для буржуазного общества. Меняются же те общественные отношения, которые вырастают на основе этой технико-юридической формы („сделки ссуды") (стр. 17)..

Такова концепция. Не трудно заметить в чем ее порок. Прежде всего, разве та „форма" кредита, о которой говорит И. Трахтенберг есть нечто постоянное, свойственное всем видам кредита? Можем ли мы ограничиться для ее характеристики лишь моментом отсрочки уплаты эквивалента? Ни в коем случае. Разве „сделка ссуды" между двумя товаропроизводителями, происходящая при продаже товара в кредит, идентична по форме с „сделкой ссуды" между ростовщиком и его клиентом или между ссудным и промышленным капиталистом? В первом случае мы действительно имеем просто отсрочку уплаты эквивалента ($Т$ — обещание уплаты — $Т_1$ — уплата эквивалента), во втором случае мы имеем сверх отсрочки уплаты эквивалента (особое вознаграждение) заимодавца ($Д — Д + д$), при чем величина этого маленького „$д$" не стоит в определенном соответствии к $Д$, а вызывается исключительно индивидуальными обстоятельствами данной сделки.

Разве форма $Д — 0$ (нуль) $— 0 — Д + д$ уже не отличается от $Т — 0 — 0 — Т$ или даже от $Т — 0 — 0 — Д$?

Наконец, возьмем третий случай — капиталистический кредит. Здесь вся сделка принимает форму купли — продажи товара, особого товара — капитала, при чем процент становится особой формой цены этого товара и как цена всех товаров стоит (в отличие от ростовщического кредита, где нет рынка ссудных капиталов, где ссудный капитал не товар) в определенном соответствии с количеством товара. Разве здесь в этом особом характере сделки мы не имеем модификации самой формы „сделки ссуды"?

Таким образом, мы уже насчитали три типа „сделок ссуды", три различных формы кредита. Это разграничение мы провели на основе внешних — „формальных" моментов, того, что И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками. Следовательно, прежде всего опровергается тезис об единой неизменной форме кредита.

Такое разнообразие „форм" кредита вполне понятно, ибо эти „формы" суть не что иное как внешнее выражение определенных социальных отношений, заключенных в кредите. „Формы" эти нельзя оторвать от социальных отношений. Изменение социального содержания кредита неизбежно отражается на его „форме". Совершенно неверной, следовательно, является трактовка формы кредита, как технической категории. Она есть определенное выражение социального содержания кредита — социальная, точнее экономическая категория. Она механически не привешена к „содержанию" кредита, а находится с ним в теснейшей органической связи. Также неверно

трактовать „сделку ссуды" — форму кредита, только как юридическую категорию. Здесь есть и юридическая сторона, но она не что иное как рефлекс экономической категории — „сделки ссуды". Наконец, нельзя противопоставлять кредита юридической категории, как технической, кредиту, как социальной категории, ибо правовые категории в достаточной мере социальны...

Такую концепцию, в которой форма кредита носит исключительно юридический характер и не изменяется никогда, несмотря на значительные изменения „развивающихся на ее основе общественных отношений", нельзя принять, ибо такая трактовка отношения между формой и содержанием во-первых, и между правовыми и экономическими категориями во-вторых, не соответствует тому научному методу, который и мы и, несомненно, И. Трахтенберг считаем единственно правильным. И. Трахтенберг прав в том отношении, что кредит есть общественное отношение и что нет кредита как категории свойственной всем этапам развития товарного хозяйства. Но и внешнее выражение („форма") этих меняющихся общественных отношений меняется. Из того, что это внешнее выражение фетишистично, скрывает действительные отношения, представляет их как юридические отношения, мы все же не можем заключить, что это внешнее выражение кредита выводится за пределы политической экономии, не представляет собой одной из сторон экономического отношения. Надо вскрыть фетишизм кредитной формы и поставить ее на соответствующее место.

Нечеткость в этом вопросе не позволяет И. Трахтенбергу провести действительного разграничения между различными формами кредита и формой обмена.

„Отсрочка возврата эквивалента создает самостоятельную качественно отличную от купли — продажи форму движения стоимости. Поэтому глубочайшая ошибка полагать, что сделка ссуды является разновидностью сделки купли—продажи. Здесь мы имеем дело с особой формой меновых сделок, принципиально отличной от купли—продажи" (стр. 19). Если бы И. Трахтенберг диференцировал формы кредита — „сделки ссуды", то он здесь оказался бы прав в отношении тех сделок ссуды, которые не представляют модификации товарного обмена ($Д — Д + д$). Но он абсолютно неправ в отношении тех „сделок ссуды", которые происходят в процессе продажи товара. Ибо здесь кредит есть не что иное как особая форма купли—продажи.

Он осуществляет здесь путем изменения функции денег. Деньги функционируют не как средство обращения, а как платежное средство. Конечно, это видоизменение формы процесса обращения, разрешая некоторые его противоречия, воссоздает их на более широкой основе. Но при этой форме кредита мы остаемся в пределах процесса обращения товаров, в пределах тех отношений, которые выражаются в метаморфозе товарной формы.

Мы не имеем здесь „принципиально отличных" от этого процесса отношений, а только их модификацию.

Из всего что сказано выше ясно, что должно отпасть и первое наиболее общее определение кредитных отношений, даваемое И. Трахтенбергом, сводящееся к тому, что не сделка ссуды составляет сущность кредита, а социальные отношения, развивающиеся на ее основе. Это определение отпадает, ибо, во-первых нельзя сказать, что социальные отношения развиваются на основе сделок ссуды. Наоборот, определенная форма сделки ссуды есть внешнее выражение с естественной необходимостью вырастающих отношений; во-вторых, поэтому также нельзя противопоставлять сделки-ссуды, как технического момента, общественным отношениям, она — одна из сторон соответствующих общественных отношений.

Второе основное положение, „второй кит" И. Трахтенберга заключается в том, что ссудный капитал как капитал особого рода, с особыми закономерностями, как самостоятельная категория проявляет себя лишь в эпоху финансового капитализма. В предыдущие же эпохи он является подчиненным другим формам кредита. Это чрезвычайно важное положение. Между тем, И. Трахтенберг выводит его из недоказанного другого положения, что в эпоху финансового капитализма мы имеем „господство ссудного капитала". Это последнее И. Трахтенберг преподносит как аксиому. Между тем, это центральный вопрос. Если в эпоху финансового капитала мы имеем господство ссудного капитала, значит, природа ссудного капитала раскрывается только в эту эпоху. Это же определяет отношение категории ссудного капитала к другим видам кредита. К сожалению, положение, постулируемое здесь И. Трахтенбергом, не может быть доказано. Оно расходится и с общепринятыми у нас, основанными на изучении фактов взглядами. „Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала" (Ленин, т. XIII, стр. 306). „Финансовый капитал есть банковый капитал монополистически — немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников" (там же, стр. 305).

Следовательно, господствующим является финансовый капитал (и закономерности его движения), а финансовый капитал есть „слившийся" капитал, а не есть ссудный капитал и не есть „сращенный капитал" под диктатурой ссудного.

И. Трахтенберг пишет: „Эта категория становится господствующей в том смысле, что она подчиняет себе, закономерностям своего движения, другие формы капитала" (25). Но что это за закономерности ее движения? И. Трахтенберг их совершенно правильно перечисляет (в главе II). Ссудный капитал—капитал, приносящий проценты в противоположность другим видам капитала: а) всегда выступает в форме денег; б) не знает метаморфоз товара и денег; в) отчуждается всегда как специфический товар „денежный капитал";

г) возрастание ссудного капитала происходит в актах обращения вне непосредственной связи с воспроизводством капитала и т. д. Могут ли вообще эти закономерности стать господствующими для всех видов капитала? Это невозможно, ибо основными закономерностями все же остаются закономерности капитала, как такового, с их необходимостью смены фаз и форм. Господство финансового капитала и означает, что капитал в известной мере принимает внешнюю форму ссудного капитала, но основными господствующими закономерностями движения капитала остаются закономерности промышленного капитала.

Факт сращения ссудного капитала с промышленным означает по существу, что в эпоху финансового капитала уже нельзя искать чистых закономерностей ссудного капитала. Это видно хотя бы из того, что доход ссудного капитала состоит из процента. Доход же финансового капитала по форме лишь является процентом, но по существу здесь соединены и предпринимательская прибыль и процент—здесь вся прибыль. Это—общеизвестные истины. Но отсюда следует, что ссудный капитал, как „особый сорт" (Маркс) капитала полностью выявляет свою природу в эпоху капитализма с господством свободной конкуренции. В эпоху финансового капитализма уже происходит „перерождение" ссудного капитала. Ссудный капитал полностью выявляет себя как особая категория уже в эпоху „свободного" капитализма. Таково было на сей счет и мнение Маркса. Приведем только одно место из Маркса. „Каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, затрачивающий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой. И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал,— взятый ли в ссуду или нет,—как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?.. Чтобы дать ответ на этот вопрос, нам придется несколько долее остановиться на действительном исходном пункте образования процента, т.-е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически отличные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет" („Капитал", т. III, ч. 1, стр. 357—358. Подчеркнуто нами).

Таким образом, уже в эпоху до монополистического капитализма денежный капиталист, как персонифицированный ссудный капитал, противостоял промышленному капиталисту, как лицо играющее особую роль в процессе воспроизводства. Ссудный капитал, следовательно, уже в эпоху промышленного капитализма — самостоятельная категория, которая своими внешними формами уже наделяет в известной мере движение промышленного капитала. Или И. Трахтенберг полагает, что здесь Маркс излагает теорию монополистического капитала?

Все это имеет чрезвычайно важное значение для понимания отдельных форм капиталистического кредита, природы и генезиса ссудного капитала. Между тем, из неправильной позиции И. Трахтенберга вытекает и неверное решение этих вопросов.

А. Давая в общем правильное определение банкирского и коммерческого кредита, И. Трахтенберг не может разрешить верно проблему их соотношений.

„Указанные две формы кредита соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма, банкирский кредит — в условиях капитализма финансового. В эпоху промышленного капитализма банкирский кредит является подчиненной коммерческому формой кредита, в эпоху финансового капитализма, наоборот, коммерческий кредит оказывается подчиненной банкирскому формой кредита" (72).

По отношению к эпохе промышленного капитализма абсолютно ясно, что наш автор здесь перевернул действительные отношения. Коммерческий кредит и в эпоху промышленного капитализма является уже подчиненным форме ссудного капитала. Трахтенберг не задается даже вопросом, откуда появляется в коммерческом кредите форма процента (чуть ли не с самого начала его развития). Не свидетельствует ли это об иных отношениях между банкирским и коммерческим видом кредита, чем это предполагает автор?

Из такого решения вопроса у И. Трахтенберга вытекает и несколько странно звучащее для каждого читавшего Маркса положение о том, что об'ектом кредитной сделки в эпоху „свободного" капитализма является просто капитал, и лишь в эпоху финансового капитализма об'ектом кредитных сделок является ссудный капитал. „Характерно, что именно в эту эпоху об'ектом сделок ссуды становится ссудный капитал" (стр. 28). „Наконец, в эпоху финансового капитализма кредит как социальное отношение вновь трансформируется. Во внешнем своем выражении это проявляется в том, что основным об'ектом кредитных сделок является не просто капитал, а ссудный капитал" (! Г. К.; стр. 27).

Б. Основные недостатки исследования о генезисе ссудного капитала вытекают из той же недооценки значения этой категории для эпохи свободного капитализма. Центральным вопросом в проблеме генезиса является вопрос о том, как и почему докапиталистиче-

ские формы кредита превратились в капиталистические. Как и почему ростовщический капитал превратился в ссудный капитал и процент из монопольной величины—в часть промышленной прибыли. Само собой разумеется, что если считать эпоху финансового капитализма периодом господства ссудного капитала, то эпоха „свободного" капитализма выступает как переходная эпоха, эпоха, в которую ссудный капитал как самостоятельная категория еще не существует, но постепенно образуется. Этим самым совершенно упускаются из виду любопытнейшие странички социальной борьбы, когда зарождавшийся промышленный капитал насильственно ломал средневековые формы ссудного капитала и рядом организационных мероприятий помогал рождению подчиненной ему формы ссудного капитала. У тов. Трахтенберга весь этот процесс исчезает. Чтобы не делать длинных выписок, мы отсылаем читателя к стр. 120. Резюме этой страницы сводится к тому, что „торговля деньгами, ростовщический капитал и денежно-торговый капитал, слившись и соответственно преобразовавшись, превращаются в единый ссудный капитал".

Маркс же об этом процессе говорит так:

„Коммерческая форма и форма, приносящая проценты, старше формы капиталистического производства, промышленного капитала.

Эти более старые формы он застает в эпоху своего возникновения. Он застает их, как предпосылки, не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса... Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они сначала должны быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть, происходит насильственное понижение размера процента, так что он уж не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Настоящим способом подчинения капитала, приносящего проценты промышленному капиталу является создание его отличительной формы — кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую промышленный (капитал) сам еще заимствует от методов прежнего способа производства и которую он отбрасывает, как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал себе положение. Кредитная система представляет его собственное создание, эта форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и далее развивается вместе с крупной промышленностью" (подчеркнуто мною Г. К. „Теории прибавочной стоимости", т. III, стр. 367—368).

Это интереснейшее место из Маркса, которое показывает, что 1) старые формы ссудного капитала не могли просто эволюционировать (как у И. Т.) в новые, а должны были быть сломаны, 2) что одна из основных черт, отличающих капиталистический кредит от ростовщического, заключается в том, что капиталистический кредит существует как кредитная система как система отношений (притом принявших определенные организационные формы). В свете этого отрывка из Маркса становятся совершенно прозрачными те обстоятельства, которые вызвали к жизни эмиссионные банки. Эти банки были одним из важных, новых „не насильственных" методов преодоления старого ростовщика, превращения процента в часть прибыли.

В схему И. А. Трахтенберга не укладывается весь этот процесс, обозначающий, что ссудный капитал возникает как особая, вполне определившая все свои основные черты категория вместе с развитием промышленного капитализма. Одновременно из поля зрения И. Трахтенберга исчезает учение Маркса о кредитной системе, как одной из характерных черт природы ссудного капитала. Это существеннейшая часть учения Маркса о ссудном капитале. Природа ссудного капитала оказывается не всесторонне определенной.

В. Неправильные исходные позиции приводят И. Трахтенберга и к третьей ошибке в определении ссудного капитала. Он совершенно правильно констатирует, что отчуждаемые права на доход в условиях достаточного развития отношений ссудного капитала принимают форму ссудного капитала. Но следует ли отсюда, что эти социальные отношения составляют разновидность отношений ссудного капитала?

„Существует, конечно, и различие между ссудным капиталом и капиталом фиктивным, но это различие не в характере отображаемых ими социальных связей, а в характере их отношений к капиталу реальному" (68).

Вот это-то положение, что „различие не в характере социальных связей" является неверным. Различие в отношении к капиталу реальному уже есть различие социальных связей и это не позволяет нам отнести всякого рода ценные бумаги к категории ссудного капитала. Маркс здесь ясно говорит, что всякого рода ценные бумаги „суть формы, в которых капитал может быть отдан в ссуду. Но сами они не суть тот ссужаемый капитал, который в них вложен". Когда кому-либо нужно заключить заем, „ему нужны вовсе не акции или государственные бумаги. Ему нужны деньги" („Капитал", т. III, ч. 2, стр. 16—17).

И, действительно, быть ссудным капиталом, быть ссуженным может быть только денежный капитал. Другое дело ценные бумаги и вообще всякие права на доход, которые могут быть и не резуль-

татом ссуды. Ведь в эпоху финансового капитализма этот так наз. фиктивный ссудный капитал сплошь и рядом служит особой фетишистической формой, скрывающей под маской ссудного капиталиста—действительного собственника предприятия — функционирующего капиталиста. Неужели здесь совершенно идентичные с категорией ссудного капитала социальные связи? Но И. Трахтенбергу необходимо наделить так наз. фиктивный ссудный капитал всеми свойствами ссудного капитала, и у него появляется такое положение: что „ссудный капитал является, кроме того, суммой покупательных и платежных средств. Фиктивный капитал таковым не является, но так как ценные бумаги, которые являются конкретным воплощением фиктивного капитала, легко (подчеркнуто мною. Г. К.) превратить в деньги, то и фиктивный капитал приобретает свойства покупательных и платежных средств“ (69).

Но в том-то и дело, что далеко не легко превратить его в деньги по курсу, по которому он был приобретен, а иногда и вовсе ничего нельзя за него получить. Поэтому „фиктивный капитал“ не является ни покупательным, ни платежным средством.

Отнесение к категории ссудного капитала всего так называемого фиктивного капитала является прямым следствием предвзятой точки зрения на ссудный капитал как на категорию, „господствующую“ в эпоху финансового капитализма. С другой стороны, это же приводит И. Трахтенберга к той ошибке, что он весь ссудный капитал делит на две части—„реальную“ и „фиктивную“. Проблема фиктивности ссудного капитала (как Маркс понимает эту категорию) даже не ставится. Между тем, „реальный“ ссудный капитал не менее фиктивен, чем „фиктивный“.

Резюмируем: мы не можем согласиться с концепцией И. Трахтенберга, ибо она построена 1) на представлении о „форме“ кредита, как юридической категории, 2) на положении, что господствующим в эпоху финансового капитала является ссудный капитал. Эти два положения приводят И. Трахтенберга к неправильным определениям сущности кредита, к неполной характеристике ссудного капитала (отсутствие понятия кредитной системы), к неверным взглядам о соотношении между коммерческим кредитом и категорией ссудного капитала, к включению в категорию ссудного капитала не принадлежащих сюда отношений.

Рынок ссудных капиталов

Чрезвычайно интересная проблема рынка ссудных капиталов в марксистской литературе совершенно не разработана. И. Трахтенберг пытается ее разрешить. Он характеризует рынок ссудных капиталов как единый рынок особого товара—капитал, при чем совершенно справедливо полемизирует против всех тех, кто смешивает рынок денежного ссудного капитала с рынком товарным, рынком

вещного капитала. Возражения здесь против проф. Каценеленбаума абсолютно верны.

Однако, на ряду с признанием единства рынка И. А. Трахтенберг считает возможным различать денежный рынок и рынок капиталов, опираясь на то различие между ссудой денег и ссудой капитала, которое было отмечено Марксом и Энгельсом в т. III „Капитала“. Приблизительно такая же постановка вопроса была сделана А. Менделъсоном в полемике против Каценеленбаума („Под знаменем марксизма“, № 8—9 за 1923 г.). Нам кажется, что это деление не имеет отношения к вопросу об единстве рынка ссудных капиталов, так как если бы оно было даже правильно, никакого влияния на „рынок“ это не могло бы иметь постольку, поскольку „товар“ один и тот же и „цена“ его определяется одними и теми же обстоятельствами. Но предварительно следует разобрать самую трактовку ссуды денег и ссуды капитала, которая дана Трахтенбергом. Эта трактовка опирается на ряд известных мест из т. III „Капитала“. Однако, ни И. Трахтенберг, ни другие, трактующие также этот вопрос, не приводят следующего места из „Теории прибавочной ценности“... „Здесь не говорится о тех случаях, когда процент может быть простой передачей денег и не должен выражать действительной прибавочной ценности; когда, например, деньги даются взаймы „расточителю“, т.-е. для потребления. Тот же случай может, однако, получиться, когда они одалживаются для платежа. В обоих случаях они отдаются взаймы, как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся капиталом, благодаря только акту отдачи взаймы. Во-втором случае—при дисконтировании или ссуде на товары, непродажные в данный момент, они могут относиться к процессу обращения капитала, необходимому превращению товарного капитала, как денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения — как в настоящем кредите — ускоряет воспроизводство, следовательно, производство прибавочной ценности, одолженные деньги являются капиталом (подчеркнуто мною. Г. К.). Поскольку они, наоборот, служат лишь для уплаты долгов, не ускоряют процесса воспроизводства, быть может, делают его невозможным или сокращают,— они представляют лишь платежное средство (только), деньги для заемщика и для заимодавца — капитал, на самом деле независимый от процесса капитала“ („Теории“, т. III, стр. 380). Это архиважное место[1] как-будто стоит в противоречии с тем, что говорится Марксом в т. III „Капитала“. В последнем Маркс повсюду трактует этот вопрос так, что если ссуда обеспечена, то мы имеем ссуду денег, а не ссуду капитала. Здесь же критерием для Маркса служит не обеспечение, а исключительно лишь то, служит ли ссуда для

[1] Мы уже указывали на него в нашей статье „Реальный и денежный капитал“ („План. Хоз.“, № 9 за 1926 г.).

„ускорения производства прибавочной стоимости". Если цель ссуды—производство прибавочной стоимости,—это ссуда капитала, в противном случае это ссуда денег. Несовпадение первого ответа на вопрос со вторым как будто очевидно. Между тем, нам кажется здесь никакого противоречия нет. В „Теориях" Маркс ставит этот вопрос с точки зрения народного хозяйства,—процесса воспроизводства общественного капитала, в III же томе речь идет об отношении между двумя индивидуальными капиталами—об обращении двух индивидуальных капиталов банкира и промышленного капиталиста. С этой точки зрения в случае ссуды под обеспечение банкир нового капитала заемщику не дает, ибо он получает от последнего такой же или еще больший капитал. Банкир не уменьшил своего капитала, он, по существу, „купил" ценные бумаги. Банкир, таким образом, ссудил промышленника не капиталом, а деньгами. Хотя ему всегда кажется, что он ссудил капитал. С точки зрения отношения банкира и промышленного капиталиста этот последний действительно никакого капитала не получил, он превратил свой капитал из одной формы в другую. Не то с общественной точки зрения: капитал промышленника был в такой форме, в которой путем обычной товарной метаморфозы промышленник не мог (или не хотел) его реализовать. Таким образом, несмотря на наличие капитала промышленник не может продолжать процесса воспроизводства в том же об'еме: часть его капитала иммобилизована, поэтому ему нужен дополнительный капитал. Он нужен, ибо есть возможность продолжать процесс производства. Таким образом, здесь не ссуда денег, а ссуда капитала. Значит ли это, что общественной оказывается точка зрения банкира? Нисколько. Ибо даже в том случае, когда капиталист, не имея возможности продолжать производство, прекращая его, требует платежных средств для расчета (в случае кризиса) и здесь банкир полагает, что он ссужает капитал. На самом же деле здесь ссуда денег, даже в том случае, если промышленный капиталист не представил никакого обеспечения (хотя в этом случае и банкиру и капиталисту кажется, что здесь ссуда капитала!). И. Трахтенберг в согласии со всей своей концепцией полагает, что „когда ссуда является только ссудой денег, а не капитала, движение ссудного капитала отображает только то распределение капиталов, которое существует... в том же случае, когда ссуда есть ссуда денежного капитала, а не только денег, движение ссудного капитала вызывает перераспределение реальных капиталов. В первом случае заемщик не получает дополнительного капитала, во втором—он его получает: посредством ссужаемых заемщику сумм он приобретает новые, не имевшиеся у него до того блага, которые могут быть использованы как капитал" (стр. 139).

Все это положение неверно. В самом деле, возьмем самый невыгодный для нас случай—ссуду под ценные бумаги. Что здесь случилось с точки зрения заемщика: он когда-то вложил часть своего капитала, ссудил других капиталистов, теперь, когда он получает ссуду под эти ценные бумаги, ему может казаться, что он никакого нового капитала не получил, что он просто получает назад то, что он сам прежде дал и что поэтому никакого перераспределения реального капитала не происходит. С народнохозяйственной точки зрения, однако, дело обстоит не так. Капиталист когда-то вложил свои деньги в ценные бумаги—он этим самым дал другим капиталистам возможность распоряжаться определенной частью общественного реального капитала. На основе этого создалось определенное распределение реальных капиталов в обществе. Теперь же, когда капиталист иммобилизованную часть своего капитала, фиктивный капитал хочет опять через ссуду превратить в реальный, он получает добавочный реальный капитал к тому, что он имеет. Сложившееся распределение реальных капиталов (именно реальных капиталов) изменяется. Происходит их перераспределение.

Единственной правильной трактовкой проблемы ссуды денег и ссуды капитала является та, которая дана Марксом в т. III „Теорий". Это разрешение вопроса с общественной точки зрения.

Таким образом, это различение ссуды денег и ссуды капитала, конечно, является весьма существенным. Бывают такие периоды (кризисы), когда рынок ссудных капиталов на короткое время превращается в „рынок ссудных денег". Однако, не менее существенным является другое деление рынка ссудных капиталов. И. А. Трахтенберг просто отбрасывает признак срочности кредита, как основание для деления рынка ссудных капиталов, по тем причинам, что „понятие долгосрочности и краткосрочности весьма относительно и изменяется в зависимости от места" и т. д. (стр. 135), хотя в то же время он признает, что „срок кредитных сделок" определяется темпом метаморфоз того капитала, в который превращается ссудный капитал" (стр. 136). Очевидно, это последнее не должно служить достаточным основаниеи для деления рынка ссудных капиталов. Между тем, если дело идет о какой-то диференциации внутри рынка какого-либо товара, очевидно, что, прежде всего, оно должно итти по линии различения отдельных сортов этого же товара. Это различие сортов об'ективируется в устойчивом различии цены на различные сорта одного и того же товара. Нет ли на рынке ссудных капиталов такого постоянного различия цен на отдельные „сорта" товара—капитал? Маркс, когда говорит о вычислении размера процента (средней нормы процента), считает необходимым „вычислять размер процента при таких приложениях капитала, когда последний ссужается на сравнительно продолжительное время" („Капитал", т. III, ч. 1, стр. 347). Маркса здесь не смущает вопрос об относительности этого понятия „продолжительное время". Он исходит из того действительно важного факта, что существует два основных „сорта" товара

„капитал“ и соответственно две основных цены ссудного капитала. Речь идет о долгосрочном и краткосрочном кредите. Именно с точки зрения „рынка“ следует это различие проводить. Для марксиста здесь непочатый край работы.

Границы кредита

Проблема границ кредита получила особую актуальность в связи с Гано-Шумпетеровской теорией. И. Трахтенберг уделяет этому вопросу отдельную главу. Общее решение вопроса он дает следующее: „Границы банковского кредита определяются специфическими закономерностями банковской деятельности которые, в свою очередь, обусловливаются закономерностями движения реального капитала. Здесь важна двоякая характеристика проблемы, во-первых, самостоятельность движения ссудного капитала, а, во-вторых, тесная его связь с движением капитала реального“ и дальше: „Экспансия кредита, осуществляемая через посредство „творческой“ деятельности банков по выпуску банкнот и по созданию депозитов, находит свои пределы, во-первых, в закономерностях денежного обращения и, во-вторых, в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов“ (стр. 234).

В общей форме такая постановка вопроса более или менее освещена в литературе и совершенна правильна. Но тов. Трахтенберг ею не ограничивается, пытается ее углубить и берет всю проблему под углом зрения банковских функций. Он полагает, что „теоретически допустимо“ так рассматривать вопрос о границах кредита. Мы не хотим оспаривать допустимости этого, но в данном случае это не сослужило большой службы. Это в известной мере повлияло на упрощение всего вопроса. В самом деле, как должна стоять здесь проблема: 1) в какой мере существует соответствие между накоплением денежного ссудного капитала и накоплением действительного капитала; 2) где действительные границы применения ссудного капитала; 3) в какой мере переход через эти границы влияет на ход действительного накопления и, следовательно, на изменение соотношения между реальным и денежным ссудным капиталом?

Ссудный капитал состоит из различных частей в отношении к капиталу реальному. В какой же мере это различие происхождения уже определяет границы его применения? В этом суть вопроса. Казалось бы, что рассмотрение всего дела с точки зрения отдельных функций банка как-раз и должно помочь решению вопроса. На самом же деле, именно, благодаря этому вопрос был перенесен в другую плоскость. Ответы, которые мы здесь получаем, у тов. Трахтенберга сводятся к следующему. Первой границей кредита в каждой функции банка является приток средств в банк по каналам соответствующей функции, величина которого определяется ходом воспроизводства реального капитала. Возможность применения этих средств в качестве ссудного капитала лежит в ходе воспроизводства реального капитала, в потребности в этом ссудном капитале для хода общественного воспроизводства. Такой ответ не решает проблемы, он, с одной стороны, повторяет то, что было раньше сказано в общей форме, и следовательно, все раздробление проблемы по „функциям“ получило характер холостого хода. С другой стороны, такой ответ устраняет самоё проблему. Между тем, именно детализация ссудного капитала на его части по происхождению представляет правильный и интересный путь к решению вопроса. В процессе воспроизводства выделяется двоякого рода свободный денежный капитал. С одной стороны, это высвобождающийся денежный капитал, как форма промышленного капитала (назовем его ссудный капитал I) и, во-вторых, это осаждение денег как просто денег, превращаемых в ссудный капитал (ссудный капитал II). Здесь, с одной стороны, мы имеем осаждение доходов различных классов, с другой стороны, наличных денег, высвобождающихся из оборота в результате развития банков и безденежных расчетов, одним словом, высвобождение денег, не связанное непосредственно с ходом действительного накопления. Маркс особенно подчеркивает осаждение денежных доходов в банках. Рост такого рода ссудного капитала не только не выражает роста действительного накопления, но отражает прямо противоположное явление — рост потребления.

Накопление ссудного капитала I невсегда означает, что идет одновременно расширение действительного накопления, наоборот оно может выражать приостановку действительного накопления. Ибо наличие капитала вовсе не означает возможности расширения капиталистического производства. Прибыль—его граница. Но как только создаются возможности расширенного воспроизводства, так оно находит нужный ему денежный капитал в форме накопленного денежного ссудного капитала. С этой стороны ссудный капитал I не имеет границ в реальном капитале. Он соответствует реальному капиталу. Его избыток отнюдь не выражает „перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала“... „такой избыток предназначенного для ссуд денежного капитала указывает лишь на ограниченность капиталистического производства“ (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 45).

Не то ссудный капитал II. Его накопление хотя и связано, но отнюдь не выражает ни хода действительного накопления, ни возможности такого действительного накопления. Возьмем ту часть этого ссудного капитала II, которая выражает рост доходов. Здесь само происхождение уже указывает на границы его применения. Ничего не значит, что этому ссудному денежному капиталу (II) противостоят наличные товары, которые могут быть куплены на этот капитал. Это не значит, что в реальном капитале здесь нет границ для применения ссудного капитала. Уже одно превращение того товарного фонда, который соответствует доходам, в капитал таит

в себе возможность диспропорций. Таким образом, само происхождение этого ссудного капитала уже определяет его границы, указывает на невозможность его применения в качестве капитала, с точки зрения равновесия процесса воспроизводства. Но переход через эти границы неизбежен для капиталистического производства, и ко всем прочим диспропорциям капиталистического производства присоединяются диепропорции между денежным ссудным (II) и реальным капиталом. Как же отвечает нам на все эти вопросы И. Трахтенберг? Возьмем один из наиболее характерных ответов: „Вопрос о границах превращения доходов в ссудный капитал также не представляет больших трудностей... поскольку идет речь о границах банковского кредита, достигаемых этой функцией, приходится признать, что эти границы определяются вне банков в производственном процессе. Рассматриваемая здесь банковская деятельность то расширяется, то сужается, но это расширение и сужение отражают лишь процесс кругооборота реального капитала" (стр. 227).

Но, собственно, так он решает вопрос и в отношении всех остальных функций банков. Он совершенно не ставит даже вопроса о том, как происхождение ссудного капитала влияет на границы его применения да и самая „проблема границ" не разрешена здесь. Отсюда, собственно, и неверное решение вопроса об инфляции ссудного капитала.

„Возможна инфляция ссудного капитала как денежного капитала. Кругооборот совокупного капитала требует определенной массы капитала в денежной форме. Если же этого капитала оказывается больше, это означает, что часть его не может играть роль функциональной формы промышленности капитала"... (стр. 235).

Из такого факта несоответствия между массой ссудного и массой реального капитала вытекает, по И. Трахтенбергу, необходимость падения нормы процента, которое, очевидно, осуществляется через уменьшение спроса на ссудный капитал со стороны реального.

Таким образом, по существу инфляцию ссудного капитала И. Трахтенберг определяет как избыток предложения над спросом ссудного капитала. Это определение нам представляется столь же неверным, как и ходячее определение денежной инфляции — несоответствие количества денег количеству товаров. Из того, что мы говорили выше, ясно, что у Маркса другая постановка вопроса, значительно более глубокая. Проблема инфляции ссудного капитала это проблема соотношения накопления денежного ссудного и действительного капитала, воздействия первого на второй.

Накопление излишнего ссудного капитала, на который нет временно спроса, не есть еще инфляция, а абсолютный его избыток по отношению к возможностям воспроизводства действительного капитала. Не отсутствие средств производства здесь характерно, а невозможность их использовать как капитал. Другое положение —

когда есть спрос на денежный ссудный капитал, и он кажется не только излишне накопленным, но ощущается его недостаток и в то же время мы имеем избыточный кредит, по сравнению с возможностями действительного воспроизводства. Банки могут не развивать никакой самостоятельной экспансии (чеки, банкноты, акцепты) все равно, здесь будет избыточный кредит, ибо процесс воспроизводства финансируется банком не только за счет высвобожденного денежного капитала, но за счет всяких свободных денег вообще (ссудный капитал II). Обычно дело сводят к тому, что марксов „Überkredit" это результат сознательной экспансии банков. Нет, эта экспансия есть лишь один из элементов Überkredit'a, тогда как главное в ней кредитование за счет ссудного капитала II. С банковской точки зрения здесь нет никакого перехода через „границы кредита". Здесь „регулярная" операция. Это и понятно. Капиталистический банк их — этих действительных границ не знает, знать не может и не может не перейти. И. Трахтенберг не видит такого единственно правильного решения этой проблемы, поэтому у него получается, что инфляция ссудного капитала происходит во время застоя. Во время же под'ема у него, очевидно, получается „дефляция" ссудного капитала.

Соотношение спроса и предложения на ссудный капитал, несомненно, отражает соответствие между массой притязаний на прибавочную стоимость и массой этой самой прибавочной стоимости (Трахтенберг, стр. 235), и следовательно, известный характер отношений между реальным и денежным ссудным капиталом. Отсюда понижение нормы процента Трахтенберг рассматривает как инфляцию. Однако ясно, что он перевернул проблему. Инфляцией ссудного капитала мы можем называть лишь то, что Маркс называет „избыточным кредитом", т.-е. таким кредитом, который не соответствует сохранению равновесия реального капитала. Только так с общественной точки зрения может ставиться вопрос. Ведь в том случае, который И. Трахтенберг называет инфляцией, собственно никакое инфляционное воздействие на реальный капитал невозможно, поскольку невозможно расширенное воспроизводство капитала. У И. Трахтенберга вопрос взят не с общественной точки зрения, а с точки зрения ссудного капиталиста, поэтому получается, что при понижении процента — всегда инфляция, тогда как именно здесь и не может быть инфляции, ибо излишек денежного ссудного капитала не может здесь превратиться в избыточный кредит.

Таким образом, то, что в известной мере является следствием инфляции денежного ссудного капитала, И. Трахтенберг принял за самое инфляцию.

И. Трахтенберг должен был соблюдать здесь сугубую осторожность. Ведь из такого решения вопроса об инфляции ссудного капитала, которое он дает здесь, может быть сделан вывод, что

самый под'ем после застоя, поскольку застой характеризуется инфляцией, есть результат инфляции ссудного капитала. Конечно, И. Трахтенберг далек от таких выводов, но из такого решения они следуют. Получается некое созвучие с теми самыми школами, против которых И. Трахтенберг борется...

С проблемой банкнотной и депозитной инфляции тов. Трахтенберг, к сожалению, очень легко разделывается. Этому вопросу, по нашему мнению, следовало бы уделить значительно больше места и внимания.

Нам, кажется, прежде всего совершенно необоснованным положение о том, что „чистый классический тип банкноты, циркуляция которой опирается исключительно на вексельное обращение, отошел, в сущности, в область истории. Современная банкнота характеризуется многими чертами, сближающими ее с бумажными деньгами" (стр. 229). Нам неизвестен такой чистый классический тип банкноты вообще, с другой стороны, нам не совсем ясно о каких чертах, сближающих банкноты главнейших капиталистических стран с бумажными деньгами, идет речь. Если вопрос сводится к размену, то в С.-А. С. Ш. мы имеем свободный размен на золото, в других странах либо размен на золотые слитки, либо на девизы.

Повсюду, где эмиссия носит банковский характер и где есть прямой или косвенный размен, банкнота в основном сохранила свои черты.

То же обстоятельство, которое отмечает И. Трахтенберг (стр. 230—231), что в основу выпуска банкноты кладутся не товарные краткосрочные векселя, а как „например, в С.-А. С. Ш. возможен выпуск банкнот под обеспечение облигаций госзаймов", то это не является сколько-нибудь новым явлением. Отсюда еще трудно сделать вывод о возможности банкнотной инфляции. Для эпохи свободного капитализма мы во всяком случае такую возможность отрицаем. Вопрос же о периоде монополистического капитализма требует специального конкретного исследования, которое И. Трахтенберг не дает. Проблема инфляции депозитов совершенно не ясна. „Инфляция депозитов будет в том случае, если размер депозитов окажется большим чем необходимо для системы без наличных расчетов и если окажется необходимым депозиты погашать наличными деньгами" (стр. 235).

Непонятно следующее, если есть возможность погасить излишне выпущенные „депозиты" наличными, то почему здесь будет инфляция, почему в этом случае обязательно падение покупательной силы кредитных орудий обращения, а не просто возвращение в банк излишне выпущенных „депозитов"?

Советский кредит

Тов. Трахтенберг в общем правильно выясняет основные характерные черты советского кредита, отличающие его от кредита

капиталистического. Но, пользуясь методом аналогии, он все же делает некоторые важные упущения. Советский банк не только выполняет ряд функций, аналогичных капиталистическому банку (при ином их социальном содержании), однако, также получает некоторые дополнительные важные функции. Мы говорим, прежде всего, о банке, как об орудии планирования и организации производства. „Командование" капиталистических банков промышленностью ничего похожего не имеет на эту функцию банка. Наш банк не определяет ни производственных программ, ни характера деятельности, ни организационной структуры промышленности. Это дело органов плановых. Банк через разветвленную сеть своих отделений, через постоянный контакт с хозорганами имеет возможность быть постоянно в курсе текущего состояния дел промышленности и торговли. Имея известную свободу в распределении кредитов и пользуясь этим правом, банк заставляет точно информировать себя о положении дел на предприятии и заставляет клиентов выполнять директивы плановых органов. Так, банки сыграли большую роль в первый период нэпа в смысле налаживания учета и отчетности в госпредприятиях. Дальше, напр., во время кампании за снижение цен. Здесь мы имели прекрасную иллюстрацию того как все основные принципы работы капиталистического банка в нашем банке стоят на голове: не наиболее рентабельные предприятия вообще пользовались благосклонностью банка, а наоборот, лишь получавшие установленную минимальную норму прибыли.

Сейчас банк проделывает большую работу по воздействию на промышленность с целью усиления рационализаторской деятельности предприятий.

Приведем характерные указания на этот счет правления Госбанка... „Правление требует от управляющих (отделениями Госбанка) принятия решительных мер по мобилизации внутренних ресурсов клиентов Госбанка. В этих целях надлежит: 1) требовать от клиентов полной расшифровки счетов „материальных ценностей", выявляя размеры неликвидных ценностей, соответствие имеющихся у них материалов, сырья и топлива производственным возможностям данного предприятия и запасов готовых товаров нуждам товарооборота... требовать расшифровки статьи „разных дебиторов", требовать сообщения условий расчета с контрагентами... В результате установления излишних материальных запасов у клиентов необходимо категорически настаивать на реализации их... Надлежит категорическим требовать от клиентуры доведения до минимума загрузки средств в разных переходящих статьях.

Необходимо проявлять максимальную гибкость в маневрировании лимитами кредитования клиентов, ставя размеры предоставляемых кредитов в зависимость от проведения в жизнь указанных мероприятий... Управляющие должны помнить, что проводя эту работу, они охраняют не какие-либо ведомственные или чисто бан-

ковские интересы, а содействуют созданию условий, необходимых для проведения и полного стопроцентного осуществления намеченного плана развертывания нашего хозяйства вообще и плана развертывания нашей промышленности в особенности" (из „Бюллетеня Госбанка", № 9 за 1928 г.).

Таким образом, банки играют особую роль в системе органов планирования. Они как бы на ряду с системой прямого администрирования и воздействия представляют собой мы бы сказали, систему „косвенного планирования". Она так же не похожа на пресловутый „банковский контроль", как не похожа деятельность ВСНХ на деятельность крупнейших промышленных об'единений в капиталистических странах.

Если, как мы говорили, довольно правильна общая характеристика советского кредита у И. Трахтенберга, то в смысле тенденции его развития, нам кажется, И. Трахтенбергу не удалось найти действительных путей „перерождения" нашего кредита.

Прежде всего, о роли процента. „Нам сдается, что до сих пор деятельность наших банков шла по линии наименьшего сопротивления, главнейших и наиболее существенных своих функций советский банк не только еще не выполнил, но еще и не развернул. При использовании же банками всех своих функций процент будет играть очень большую роль" (стр. 293).

Очевидно, речь идет о роли кредитной системы в реорганизации простого товарного хозяйства, в его кооперировании и коллективизации. Действительно, здесь его роль должна быть огромной.

Можем ли мы, однако, сказать, что здесь в этой большой организационной работе, предстоящей нашей кредитной системе, маневрирование процентом будет играть большую роль? Нам кажется, что это не так. Процент в активных операциях вообще, очевидно, большой маневренной роли сыграть не может. Речь может итти о пассивных операциях, о привлечении средств. Для нас совершенно очевидно, что не на деньги деревенских ростовщиков мы здесь можем делать ставку, а на ту огромную крестьянскую массу, для которой копилкой служит „чулок". Замена чулка сберкассой или обществом с.-х. кредита, — это вопрос не размера процента, это вопрос роста культурности, сознательности крестьянства и его организованности.

Процент, — это пока необходимые, но непроизводительные издержки по мере роста культурности населения и рационализации нашей кредитной системы должен будет снижаться.

Почему нельзя думать, что скоро в порядок дня не будет уже несвоевременно поставить вопрос о беспроцентных (и безвыигрышных) займах государству со стороны широких слоев прежде всего пролетарского населения?

Тенденция к снижению процента неизбежно будет осуществляться как выражение роста социалистической организованности

всего хозяйства, а вместе с тем совершенно неизбежно уменьшение его значения. Но этот вопрос связан еще с другим более общим вопросом о „перерождении" наших банков в течение переходного периода.

Нам кажется, что и здесь И. Трахтенберг не нащупал верного пути. Он пишет: „В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются" (стр. 279).

Вот это неверное положение вытекает, как нам кажется, из недооценки роли бюджета и системы прямого планового финансирования, ее конкуренции с кредитом и постепенного его вытеснения.

В самом деле, что такое система прямого финансирования (бюджет) и чем она отличается от кредитной системы? Система финансирования опирается на плановое из'ятие в денежной форме в центральную государственную кассу части национального дохода с целью планового его перераспределения. В кредитной системе планирование начинается с планового перераспределения средств, но высвобождение их вначале идет стихийно. Но и здесь очень быстро начинается вытеснение стихийного рациональным.

Ведь наши кредитные планы являются результатом и отражением других планов, планов производства.

В этом основная, принципиальная разница между нашими кредитными планами и всякого рода капиталистическим кредитным планированием.

Из этого же вытекает существенное различие в функционировании нашего и капиталистического кредита. Оно заключается в том, что на ряду с процессами стихийного высвобождения капиталов у нас все большую роль начинают играть процессы планового их высвобождения.

Кредитный план является планом не только в своей активной части, но и пассивной.

План пассива все больше строится не на основе одних только предположений самой кредитной системы, а все больше опирается на производственные финансовые планы.

„Прямое" планирование, устанавливающее определенный рост производства, определенные размеры затрат на капитальное строительство, определенный способ и размеры расходования накопленных прибылей, — вместе с этим устанавливает, следовательно, и размеры и сроки высвобождения капитала.

Само высвобождение из стихийного превращается в плановое.

Вначале эти процессы планового высвобождения охватывают, главным образом, крупную промышленность, а потом (по мере успехов прямого планирования) постепенно распространяются на все отрасли народного хозяйства.

Так, постепенно уничтожается противоречие между стихийным высвобождением денежных капиталов и плановым их распределе-

нием, противоречие, которое в известной мере появляется при капитализме, но не только не может быть там разрешено, но не может даже в достаточной степени развиться.

Вместе с разрешением этого противоречия изменяются и функция и характер кредитной системы. Она просто превращается в систему „прямого финансирования".

Мы не видим никакой принципиальной разницы между плановым изъятием средств путем бюджета и „высвобождением" средств в кредитную систему путем намечения твердой финансовой и производственной программы предприятий.

Таким образом, кредитная система еще задолго до уничтожения денежного хозяйства вообще трансформируется в „систему прямого финансирования", постепенно „сращивается" с бюджетом в систему „единого финансирования".

Этот процесс в сильной степени форсируется и с другой стороны — со стороны бюджета. Поскольку наш бюджет служит не только цели финансирования „непроизводительного" потребления государственного аппарата, но, главным образом, перераспределения накопления различных отраслей хозяйства (и внутри отдельных отраслей промышленности), постольку он становится главным источником средств системы долгосрочного кредита. А огромные размеры бюджета, связанные с его народнохозяйственными функциями, делают его весьма солидным источником и для системы краткосрочного кредита. Таким образом, с двух сторон — со стороны и бюджета и кредита—быстрыми шагами идет создание „системы единого планового финансирования". Вот почему нам кажутся неверными такие положения, как „кредит дополняет бюджет", „кредит не является методом, конкурирующим с бюджетом" (стр. 305).

Мы полагаем, что в нашей действительности с совершенной ясностью уже определились те черты особого рода конкуренции „бюджетных методов" с кредитными, о которых мы говорили выше. А это явление не меняющейся практики сегодняшнего дня, а более длительного и принципиального значения.

И. Г. Туровский

Товарный дефицит и пути его преодоления

1. Товароснабжение как элемент народнохозяйственного плана

Проблема эффективности контрольных цифр, являющихся прообразом народнохозяйственного плана, становится одной из центральных проблем руководства хозяйством страны.

Мы не предполагаем в настоящей статье анализировать в целом интереснейшую проблему „роли плана", хотя надо сказать, что недостаточность проработки этого вопроса (как это ни парадоксально для планового хозяйства) приводит к тому, что мы в значительной мере недооцениваем значения плана (несмотря на переоценку его на отдельных участках) и не приводим, вследствие этого, в действие всей мощной системы рычагов, на которые может и должен опираться народнохозяйственный план.

Мы остановимся лишь на характеристике одного из элементов народнохозяйственного плана — плана товароснабжения.

К моменту построения контрольных цифр производство с.-х. продукции, поступающей в обращение в планируемом году, уже закончено. Правда, не всегда еще к началу проектировки контрольных цифр известны или не всегда правильно оцениваются результаты с.-х. производства, но от этого валовая продукция сельского хозяйства не увеличивается, не уменьшается. Если считать, что для качества хозяйственного равновесия основным является соотношение между промышленным и сельскохозяйственным производством,[1] то нужно признать, что один из основных факторов, определяющих качество хозяйственного равновесия к о н т р о л ь н о г о г о д а является, в подавляющей своей части, заранее данным. В этой части искусство контрольных цифр заключается уже не столько в проектировке, сколько в правильной оценке этого фактора. Таким образом, не только по причинам социально-экономическим, но и по условиям своеобразной цикличности с.-х. производства и промышленного производства, — проектировка последнего является наиболее активным элементом плана, решающим судьбу хозяйственного замысла.

Вся сумма мероприятий, направленная к регулированию с.-х. производства и проводимая в контрольном году, может дать эффект

[1] При заданной политике цен и уровне себестоимости, а следовательно, в значительной мере и политике распределения народного дохода.

в основном лишь для производства следующего за контрольным года.

Мероприятия по развертыванию промышленного производства, правда, в значительной мере обусловленные политикой и качеством капитальных вложений предыдущих лет, могут и должны дать искомый эффект на протяжении контрольного года.

Мы полагаем, что только в перспективном (на пять лет вперед) плане возможен надлежащий размах проектировок, базирующийся на той или иной концепции народнохозяйственного развития. Годовой отрезок позволяет лишь поставить новые вехи, определяющие производство будущих лет, подвести итоги всем лимитам, обусловленным качеством и темпом работы предыдущих лет и наметить только систему маневров в пределах имеющихся лимитов, балансирующих то или иное равновесие текущего года (вернее $^3/_4$ года при нынешней системе построения контрольных цифр).

Термин „маневры" у нас в большей мере связан с мероприятиями в сфере обращения, сфере более динамичной, чем производственной. Тем не менее, определяющим для маневров в сфере обращения является эффективность мероприятий в области производства.

Так как эффективность маневров в области с.-х. производства для контрольного года неизбежно мала, то тем активнее, изобретательней и ярче должны быть проектировки промышленного производства.

Вот почему снабжение промышленными товарами, зависящее в первую очередь от качества проектировок (и выполнения их, конечно) промышленного производства, является наиболее активным орудием в борьбе за выполнение народнохозяйственного замысла и, в частности, в борьбе за повышение, если не валовой продукции то товарности сельского хозяйства. До последнего времени проблему товароснабжения рассматривали как проблему снабжения промышленными товарами населения, в первую очередь, крестьянства, так как от уровня и качества насыщения деревни промтоварами зависит интенсивность товарообмена, а следовательно, связей и взаимозависимости между городом и деревней.

Усиливающийся дефицит промтоваров внутри обобществленного сектора выявил недостаточность изолированного анализа вопроса о снабжении населения. Рассмотрение вопроса о распределении промпродукции в народном хозяйстве между отдельными секторами, о качестве использования этой продукции, о взаимозависимости между качеством потребления в одном секторе и размерами снабжения другого сектора,— позволяет решать проблему товароснабжения в условиях товарного дефицита гораздо более глубоко и радикально, чем это делалось до настоящего времени.

Ниже мы рассматриваем проблему снабжения (а для прошлых лет динамику потребления, в связи с динамикой товарных запасов) организованного и широкого рынка.[1]

2. Снабжение широкого рынка

По данным контрольных цифр на 1928/29 г. доходы всего населения растут в 1928/29 г. несколько интенсивнее, чем в 1927/28 г.— 8,5% вместо прироста 1927/28 г. в 7,5%. Об'ясняется это не только намеченным повышением ставок зарплаты и увеличением товарной продукции сельского хозяйства, но и дальнейшим расширением капитального строительства, а также повышением цен на с.-х. продукцию (хлеб, лен).

Темп прироста доходов деревни (+9%) снова, как и в 1927/28 г., обгонит прирост доходов городского населения (+8%).

Еще интенсивней возрастает спрос села на промпродукцию. В то время как повышение спроса городского населения на промпродукцию запроектировано на 3,5% (вследствие роста расходов на сельскохозяйственные продукты и на сбережения по займу) повышение спроса сельского населения определяется в 9%. Весь прирост спроса городского и сельского населения запроектирован в размере 6,5%.

Мы полагаем, что приведенные контрольные цифры прироста, спроса, особенно для села, являются минимальным пределом. В них, несомненно, недоучтено: а) влияние роста доходов сельского населения вследствие увеличения местного хлебного оборота в неурожайных районах по ценам, значительно превышающим плановые, б) снижение уровня цен на промтовары в городе, вследствие дальнейшего сокращения частной торговли. Указанному приросту спроса (в котором учтены все намеченные мероприятия по регулированию спроса) противостоит рост предложения промышленных товаров на широкий рынок в пределах от 5—5,5%.

Если учесть, что названные темпы прироста даны по сравнению с 1927/28 г., годом недостатка промышленных товаров и крайне

---

[1] Экономически более правильным было бы деление потребления на личное и коллективное, при чем каждое из них, в свою очередь, подразделить на потребление производственное и чисто-потребительское.

Столь диференцированный подход сильно осложнил бы наш анализ без особой пользы для тех целей, какие мы ставим себе в нашей статье.

Под организованным рынком мы подразумеваем приобретения промышленности, транспорта, бюджетных учреждений, коммунального хозяйства и коллективного строительства.

Организованный рынок приобретает продукцию в подавляющей части для нужд производственных. Исключение представляет приобретение части бюджетных учреждений—НКПроса и НКЗдрава. Под широким рынком мы подразумеваем приобретение товаров для личных потребностей населения и приобретение средств производства коллективными и индивидуальными крестьянскими хозяйствами. В дальнейшем мы подразделяем промпродукцию, приобретаемую деревней, на средства потребления и средства производства.

незначительных маневровых резервов, то станет ясным, что эти проектировки говорят об усилении товарного дефицита.

Обращает на себя внимание разрыв между показаниями ВСНХ о росте промышленной продукции по планируемой ВСНХ промышленности (по группе *Б* товаров, идущих преимущественно на широкий рынок, на 18,6%) и приведенными выше данными (на 5—5,5%).

Приводимая ниже таблица с достаточной полнотой вскрывает основные причины столь незначительного роста предложения промпродукции на широкий рынок.

Динамика потребления[1] промпродукции различными секторами народного хозяйства

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	(В %% к предыдущему году)		
Предложение продукции цензовой и мелкой промышленности	115,3	115,4	114,4
В том числе предложение мелкой промышленности (за вычетом промсырья, топлива и вспомогат. матер.)	106,8	96,6	108,0
Экспорт	120,2	124,2	144,1
Приобрет. организ. рынка (в ценах потреб.)	118,7	121,0	122,0
Продукция в розничных ценах, остающаяся на широкий рынок (индивидуальн. потребл.)	110,6	105,6	104,8

Эта огромная разница в темпах об'ясняется не только методологическими особенностями подсчета промпродукции (напр., дублированный счет в текстильной, кожевенной, металлической продукции и т. д.), но и а) значительным ростом потребления промпродукции организованным сектором хозяйства, в первую очередь, самой промышленностью, б) интенсивным расширением экспорта промпродукции, в частности, личного потребления, в) наконец, гораздо более медленным темпом роста мелкой кустарной промышленности, в ряде отраслей, даже быстро свертывающихся (маслобойная, кожевенная).

Недостаточность предложения промпродукции осложняется указанным выше характером спроса. Более интенсивно растет сельский спрос. Специфические условия сельскохозяйственного производства 1928/29 г., ставящие особо настойчиво задачу максимальной товаризации продукции сельского хозяйства, требуют возможно более полного насыщения спроса деревни. Чем полнее удастся обеспечить надлежащее товароснабжение деревни, тем больше шансов осуществить нормальное продовольственное снабжение страны, тем полнее удастся нагрузить промышленность, тем легче будет выполнить экспортные задачи. Однако, при недостатке товаров увеличение товарного снабжения деревни может быть произведено, во-первых, за счет города, а во-вторых, путем непосредственного

[1] Приобретения.

завоза товаров в сельскую распределительную сеть. Это означает удлинение пути товаропродвижения, почти неизбежность роста технически-необходимых запасов, а следовательно, и уменьшение товарного фонда к предложению.

Увеличение роли деревни в товароснабжении означает также усиление сезонных напряжений, разрывов.

По данным Наркомторга покупательный фонд деревни (в сопоставлении с покупательным фондом города и реализацией продукции на широкий рынок) за последние 3 года распределялся по кварталам следующим образом (в %% к итогу за год).

Около 1/3 всего покупательного фонда деревни реализуется в I квартале, в то время как производство промпродукции дает в I квартале немногим более одной четверти. Нужно учесть, что между моментом выхода продукции из производства и реализацией ее потребителем имеется в среднем разрыв не менее, чем в 1 1/2—2 месяца. Таким образом, в I квартале потребитель получал около половины продукции IV квартала (а производство IV квартала давало

	1925/26 г.					1926/27 г.					1927/28 г.				
	I	II	III	IV	за год	I	II	III	IV	за год	I	II	III	IV	за год
Покуп. фонд деревни на промтовары . . .	33	21,3	21,2	24,5	100	29,6	20,8	23,2	26,4	100	31,4	21,6	22,2	24,8	100
Покуп. фонд города на промтовары . . .	25,3	22,8	25,4	26,5	—	25,1	23,0	25,7	26,2	100	25,9	22,8	25,0	26,3	100
Общий покуп. фонд города и деревни . . .	29,3	22,0	23,2	25,5	100	27,4	21,9	24,4	26,3	100	28,6	22,2	23,6	25,6	100
Реализ. промпродукции на широк. рынок	25,0	26,5	24,4	24,1	100	27,0	25,5	24,7	22,8	100	26,7	26,1	23,9	23,3	100

всегда менее одной четверти годового производства), и нужно думать, что в I квартале к потребителю поступает едва ли четверть всей производимой за год продукции. Это обстоятельство потребует решительных маневров не только в сфере производства, но, главным образом, в области распределения промышленных товаров между городом и деревней, а возможно и между организованным и широким рынком.

Перечисленные факторы осложняются еще тем, что торговая сеть обобществленного сектора в городе, значительно выросшая за последние годы и охватившая значительную часть покупательных фондов города на промтовары, еще относительно слабо об-

служивает продовольственные нужды городского населения (в ассортименте Горпо сельскохозяйственные товары составляют 34%, в то время как в бюджете рабочих расходы на сельскохозяйственные товары составляют половину всех расходов). Если не удастся в текущем году переключить работу городской рабочей кооперации в большей мере на обслуживание потребностей городского населения в сельскохозяйственных товарах, мы на ряду с возможной дезорганизацией продовольственного снабжения будем испытывать нездоровое сосредоточение напряженного спроса городской кооперации на промтовары. Это обстоятельство будет препятствовать своевременному переключению промышленных товаров в сельскую кооперацию.

Более диференцированное рассмотрение состава предложения по важнейшим товарным группам показывает, что изменения в структуре предложения, с одной стороны, облегчают задачу усиленного товароснабжения деревни, с другой стороны, обостряют проблему продовольственного снабжения страны и относительно (с учетом роста покупательного фонда) усиливают дефицитность в одежно-обувной группе товаров.

Динамика структуры предложения на широкий рынок

(По 17 важнейшим товарам в млн. руб., по розничным ценам)

Товары, товарные группы	1927/28 г. Абс.	1927/28 г. В %% к итогу	1928/29 г. Абс.	1928/29 г. В %% к пред. году	1928/29 г. В %% к итогу
Все предложение промпродукции на шир. рынок	7.385	100	7.770	105,2	100
Одежно-обувная группа	2.605,2	35,4	2.732,6	104,8	35,1
Хлопч.-бум. ткани	1.369,7	—	1.427,0	104,7	—
Шерстяные ткани	391,7	—	400,7	102,3	—
Обувь	728,3	—	771,9	106,0	—
Калоши	115,5	—	133,0	115,2	—
Пищевая группа	1.180,6	16,1	1.157,6	98,0	14,9
Сахар	755,4	—	780,9	103,4	—
Соль	73,6	—	79,5	107,9	—
Подсолнечн. масло	224,4	—	178,9	79,7	—
Чай	127,2	—	118,3	92,9	—
Наркотики	1.293,6	17,4	1.443,4	111,5	18,6
Табак	298,6	—	331,7	111,1	—
Махорка	110,5	—	112,6	101,9	—
Хлебное вино	884,5	—	999,1	113,0	—
Средства производства в сел.-хоз. и товары хоз. обихода	478,8	6,5	560,4	117,2	7,3
Пиломатериалы	87,0	—	102,0	117,3	—
Оконное стекло	22,8	—	24,6	107,9	—
Кровельное железо	30,1	—	34,1	113,3	—
Сортовое „	30,0	—	37,9	126,3	—
Сел.-хоз. машины	175,3	—	217,6	124,1	—
Керосин	133,6	—	144,2	107,9	—
Итого по 17 товарам	5.558,2	75,4	5.894,0	105,9	75,9

Приведенная таблица, характеризующая изменения в структуре предложения промпродукции в 1928/29 г. на широкий рынок (по 17 товарам, составляющим $^3/_4$ всего приобретения промтоваров индивидуальным потребителем) показывает, что группа пищевых товаров дает снижение на 2% по сравнению с 1927/28 г., при чем наибольшее снижение обнаруживают наиболее дефицитные товары (подсолнечное масло, чай).

Слабый рост дает группа дефицитных одежно-обувных товаров — 4,8%.

Значительный рост показывает группа наркотиков: +11,5% благодаря увеличивающемуся выпуску хлебного вина и в, частности, дорогих сортов его (+13%) и папирос (+11,1%). Последние показатели весьма благоприятные для балансирования спроса и предложения, являются все же наименее желательными.

Социально-экономические результаты потребления хлебного вина в 1927/28 г. (хотя еще сильно отстающего от норм „довоенного уровня“) оказались столь отрицательными и злокачественными, что дальнейшее уравновешивание баланса спроса и предложения путем увеличения, по сравнению с намеченным, выпуска хлебного вина может обусловить возникновение иных более глубоких диспропорций на культурном и хозяйственном участках.

Зато весьма отрадным фактором является проектировка крупного роста предложения средств производства в сельском хозяйстве и товаров хозяйственного обихода. Приведенные показатели роста (+17,2%) этой группы товаров, стимулирующих рост производительных сил в наиболее отставшем участке народного хозяйства и, вместе с тем, усиливающих тенденции к денежному накоплению в крестьянском хозяйстве преуменьшены, так как в этой группе не учтены минеральные удобрения и тракторы, показывающие наибольшие темпы прироста.

Тем не менее, самая масса средств производства, предлагаемых крестьянскому хозяйству, является все же крайне недостаточной по сравнению с тем огромным спросом, какой пред'явлен крестьянским хозяйством.

Мы не будем останавливаться на более детальном анализе отдельных рынков; этот анализ, а равно и проектировка совершенно необходимых, но все же частных мероприятий более или менее подробно будут даны в контрольных цифрах, которые появятся в ближайшее время.

Мы остановимся лишь на основных и общих проблемах, возникающих при проектировке контрольных цифр товароснабжения на 1928/29 г. Пока для удобства анализа мы рассматриваем товароснабжение городского и сельского населения изолированно от вопросов распределения и использования промышленной продукции в народном хозяйстве.

Попытаемся в этом разрезе дать оценку двум основным вопросам снабжения широкого рынка — вопросу о структуре предложения и о размерах дефицита промпродукции.

В нашей статье,[1] посвященной анализу значения государственной промышленности, как фактора „преобразующего экономику деревни", „как ведущего начала народнохозяйственного развития", мы указывали, что основным препятствием на пути к „плановому руководству" сельским хозяйством является несоответствие структуры предложения нашим основным народнохозяйственным задачам, в первую очередь, задаче максимального под'ема с.-х. производства через индустрию.

В самом деле, по данным крестьянских бюджетов потребление хозяйственных промтоваров в 1924/25 и 1925/26 гг. составляло менее 20% всей промпродукции, потребляемой сельским населением. В 1927/28 г. удельный вес хозяйственных товаров должен был несколько снизиться (при абсолютном возрастании) вследствие более интенсивного роста продукции личного потребления. В 1928/29 г. вес хозяйственных товаров должен будет возрасти процента на 2—3, и таким образом составит менее одной четверти (20—22%) всего сельского потребления промышленной продукции.

В то же время по данным Берлинского кон'юнктурного института (I вып. за 1928 г.) потребление промтоваров хозяйственного назначения немецкой деревней составляло около половины (45%) всего потребления промпродукции. Как видим, качественно совершенно иная структура потребления и качественно столь же отличное от состояния нашего сельского хозяйства, иная зависимость сельского хозяйства от „ведущего начала" — крупной индустрии.

Мы, правда, не можем еще пожаловаться на то, что это „несоответствие" структуры предложения привело к каким-либо заминкам в сбыте промтоваров. Значительное превышение покупательных фондов над предложением обеспечивает сбыт почти любому, производимому в СССР, промышленному товару. Однако, самый спрос постепенно трансформируется и получает потребительский уклон вместо необходимого производственного.

В условиях советского хозяйства возможности целеустремленного регулирования потребления значительно шире, чем в капиталистическом хозяйстве. А между тем, мы видим, что структура нашего предложения не соответствует интересам сельского хозяйства и противоречит народнохозяйственным целям. И не только целям, но и возможностям. Мы произвели следующую группировку продукции планируемой ВСНХ промышленности, идущей на широкий рынок в 1926/27 г.

[1] „Задачи государственной промышленности на рынке", напечатанной в журн. „Вопросы торговли" № 11 за 1928 г.

Товары, вырабатываемые из промсырья (по преимуществу предметы хозяйственного потребления) составляют 12,4% всего предложения, в том числе металл и изделия металлические лишь 5,5%, а вся химическая группа — 0,7%. Товары, вырабатываемые из сел.-хоз. сырья — 84,9% (по преимуществу предметы личного потребления), в том числе из сырья внутреннего происхождения — 61%, из импортного около 24%. Продукция, вырабатываемая из лесного сырья и поступающая на широкий рынок (деревообрабатывающая и бумажная), составляет всего 1,5%. Итак, продукция, производство которой не лимитировано сырьем, а также могло быть не лимитировано и состоянием основных капиталов (при более решительных капитальных вложениях, например, в металлургию, и значительном сужении капитальных затрат в текстильной и кожевенной промышленности, до сих пор не загруженных из-за недостатка сырья), имеет более, чем скромное значение в товароснабжении широкого рынка и, наоборот, у нас оказались наиболее развитыми отрасли, работающие на дефицитном внутреннем и импортном сырье, притом отрасли, не обеспечивающие надлежащего воздействия промышленности на организацию и направление производительных сил сельского хозяйства. Естественно, что указанное положение весьма осложняет проблему товароснабжения, особенно в условиях выпадения хлебного экспорта (отсюда сжатие импорта) и колебаниях урожая сел.-хоз. сырья. 1928/29 г. не дал еще сколько-нибудь существенных сдвигов в структуре предложения, но в достаточной мере отразил неизбежные перебои в товароснабжении страны, обусловленные в значительной мере потребительским уклоном предложения на широкий рынок, базировавшимся на дефицитном внутреннем и импортном сырье. Мы определяем спрос сельского хозяйства на промышленную продукцию, примерно, в 3,5 мрд. руб. в отпускных ценах промышленности. Если считать, что, примерно, около трети всего сельского потребления промпродукции должны составить средства производства (что будет средним между нынешней нашей и германской нормой), то спрос на предметы хозяйственного потребления со стороны села должен составить примерно 1.000—1.100 млн. руб. А мы направляем в село эти товары на 650—700 млн. руб. Можно смело утверждать, что если бы мы располагали дополнительным фондом средств производства (в том числе и товаров личного потребления длительной амортизации, например, мебель, музыкальные имструменты и т. п.) в размере 350—400 млн. руб., то нам удалось бы ликвидировать товарный дефицит в деревне, заметно повысить производительность и товарность сельского хозяйства, а кроме того, уменьшить на 100—150 млн. руб. фонд товаров личного потребления, направляемых на село, и усилить товарные фонды города. В цитированной выше нашей статье, написанной до июльского пленума ЦК, мы считаем, что доказали следующий тезис: „Действительное насыщение деревни средствами производства и товарами личного потребления длитель-

ной амортизации переключит часть спроса крестьянства с текстиля на металл, с товаров личного потребления (зачастую являющихся предметом накопления) на товары хозяйственного потребления".

Почти в идентичных выражениях формулирует тов. Яковлев ту же мысль в своем выступлении перед ноябрьским пленумом ЦК.[1] „Очевидно надо раз и навсегда покончить с той точкой зрения, которая сводит проблему товара для деревни к проблеме мануфактуры.[2] Металл, химия в неменьшей мере, а в настоящей обстановке в большей мере решают проблему соотношения спроса и предложения в деревне, чем мануфактура".

Огромное значение может оказать изменение структуры предложения на процессы денежного накопления в деревне, а следовательно, и на интенсивность спроса. Чем обеспеченней будет село товарами хозяйственного потребления, тем больше реальных стимулов получит хозяйственная экспансия крестьянства, тем выше будут затраты в основной капитал сельского хозяйства, а для этого необходимы денежные накопления более долгосрочного характера, чем те, какие мы имеем в настоящее время.

В тесной связи с вопросом о структуре предложения стоит вопрос о размерах дефицита. Более или менее правильное уловление истинных размеров дефицита могло бы представить весьма значительный практический интерес, в частности, для проектировки мероприятий. Однако, уровень наших знаний и состояние статистических материалов не гарантируют нас от ошибки порядка 50—100% самой суммы дефицита.

Тем не менее, для ориентировки весьма условной мы эту цифру называем. Мы полагаем, что добавочное предложение на широкий рынок промышленной продукции на 350—400 млн. руб. по отпускным ценам промышленности, если бы и не ликвидировало товарного голода, то во всяком случае настолько ослабило бы напряжение на рынке, что создало бы качественно новые рыночные отношения. Откуда взять эту продукцию?

Двумя более или менее рациональными путями можно достигнуть увеличения предложения на широкий рынок: а) путем добавочного увеличения производства за счет внутренних ресурсов и б) путем экономии в потреблении промпродукции обобществленным сектором хозяйства без ущерба для масштаба намеченного производства, за счет рационализации потребления и оборота этой продукции.

Реальны ли эти источники пополнения товарных фондов и какова их емкость?

Первый источник — расширение производства. По этому вопросу имеется, основанное на фактическом материале обследований со-

[1] См. „Правда", № 252 от 28/X 1928 г.

[2] Подчеркнуто тов. Яковлевым.

стояния производства, выступление тов. Яковлева. В статье, уже однажды нами цитированной, он пишет: „Буквально повседневная работа РКИ показывает нам, что даже имеющееся оборудование мы используем еще в мере далеко не достаточной, что здесь не исключены возможности изыскать 150—200 млн. руб. добавочной продукции,[1] которые будут направлены на деревенский рынок, тем самым смогут оказать могущественнейшее воздействие на деревню".

По проекту ВСНХ,[2] возникшему после балансовых расчетов, сделанных к контрольным цифрам, предположено дополнительно расширить производство на 250 млн. руб., в том числе увеличить выплавку чугуна на 270 тыс. тонн, прокат — на 1,3%, общее машиностроение — на 4%, с.-х. машины — на 21 млн. руб., стройматериалы — на 5,3% (в частности, по цементу — на 500 тыс. бочек, по кирпичу 120 млн. штук, по алебастру —7 тыс. тонн, по извести —50 тыс. тонн, по черепице —30 млн. штук вместо 18 млн.), по кожевенной промышленности +9%, по бумажной промышленности +2,7%, по спичечной — 400 тыс. ящиков.

Что дает проектируемое расширение производства для широкого рынка?

По нашим расчетам реально не так уж много, как это может показаться с первого взгляда. Примерно на 130 млн. руб. предполагается увеличить продукцию, идущую на широкий рынок, не считая уменьшения сахара и растительного масла на сумму до 60 млн. руб. по сравнению с проектировками контрольных цифр ВСНХ. Таким образом, предложение продукции планируемой промышленности на широкий рынок увеличится лишь на 70 млн. руб., но и здесь следует учесть, что этот эффект достигается путем увеличения переработки внутри планируемой промышленности дефицитных товаров (кожтоваров, в обувном производстве, сахара, в кондитерской промышленности и т. д.) и соответственного уменьшения кустарного производства.

Мы думаем, что реальное увеличение предложения на широкий рынок, при самой оптимистической оценке проекта ВСНХ, даст не более 50 млн. руб.

Кроме указанного дополнительного товарного фонда можно рассчитывать на добавочное расширение производства местного значения, в том числе и мелко-кустарного. В условиях огромной концентрации средств и кредитов, с одной стороны, в синдикатах и трестах, а с другой стороны — в обобществленном секторе торговли (в основном обслуживающем планируемую промышленность через централизованную систему гендоговоров), необходимые темпы

[1] Подчеркнуто тов. Яковлевым.

[2] См. речь тов. Куйбышева на пленуме ВСНХ, напечатанную в № 276 „Торг.-Пром. газеты" за 1928 г.

развития кустарного и местного производства на местном и недефицитном сырье могут быть обеспечены лишь при финансировании этого производства или даче длительного заказа обобществленным сектором торговли. Весьма показательным в этом отношении является почти кустарное производство стройматериалов.

До настоящего времени это производство, не требующее сколько-нибудь значительных капитальных вложений, развивалось слишком медленно, несмотря на острый дефецит стройматериалов вследствие (как это ни странно) ограниченности для кустаря рынков сбыта. Важнейшим потребителем (или товаропроводником) этих материалов является обобществленный сектор (производственный и распределительный), ограничивающий свои закупки у кустаря. Радиус действия кустаря весьма ограничен вследствие недостатка средств, и потому кустарь не может довести свою продукцию до потребителя. Так называемые дефициты по алебастру, извести и в значительной мере по кирпичу есть не столько об'ективно-неизбежные факторы, сколько показатели, характеризующие нашу организационную малоподвижность и известное тщедушие плановой мысли, которая в состоянии лишь зарегистрировать факт, на его основе „фактически" доказать неизбежность дефицита, но не пытается воздействовать на процессы производства в нужном направлении. Насколько нам известно, решительные мероприятия Стромсиндиката по контрактации извести, кажется уже ликвидировали балансовый дефицит этого материала.

Необходимо, чтобы регулирующие органы в центре и на местах, опираясь на столь мощные рычаги, как банки, синдикаты, потребкооперация, конкретно и настойчиво содействовали бы увеличению производства кустарной промышленной продукции. Организованный заказ кустарю ценен еще тем, что обобществленный сектор получает возможность воздействовать не только на размеры производства, но и на качество и ассортимент продукции, а также на распределение этой продукции между городом и деревней. Так, например, ассортимент кожобуви и ее распределение между городом и деревней имеет не меньшее значение для смягчения товарного дефицита, чем увеличение производства. А между тем, Наркомторг, планирующий снабжение промкооперации дефицитными кожтоварами, оставил вне своего плана и регулирования производство и распределение (а следовательно, и контроль за качеством и ассортиментом производства) кожобуви, производимой промкооперацией. И это при крайнем обострении дефицита на кожу и обувь именно в деревне, при крайней нехватке обуви крестьянского типа и при производственной программе промкооперации (без инвалидной, артелей безработных и т. д.) в 14 миллионов пар обуви.

При активизации инициативы и гибкости регулирующих и хозяйственных органов (в первую очередь, НКТорга, синдикатов и потребкооперации), а также при увеличении снабжения кустаря металлом можно рассчитывать на добавочное развертывание мелкого производства минимум на 75 млн. руб.

Хотя эти ресурсы и недостаточны, но все же немаловажны. Гораздо большие ресурсы можно извлечь при рационализации потребления в обобществленном секторе хозяйства. Но решение этой задачи еще более сложно, чем добавочное расширение производства. Решение этой задачи будет означать заметное повышение качества работы обобществленного сектора, будет знаменовать новый шаг на пути к социалистическому строительству, при котором проблема баланса спроса и предложения будет решаться попутно.

3. Оборот и потребление промпродукции в обобществленном секторе хозяйства

Мы недавно указывали[1] на то, что важнейший элемент наших планов и балансовых расчетов — товарные запасы — нам почти неизвестен. В то же время система нашего хозяйства не только благоприятствует, но и настойчиво требует возможно более полного и тщательного учета, знания наших запасов. То же повторяется и в области оборота и потребления промышленной продукции. Мы меньше знаем об организации оборота промпродукции и о нормах ее потребления в пределах наиболее планового участка нашего хозяйства — в обобществленном секторе, чем, скажем, об организации товаропроведения до крестьянского хозяйства и о нормах потребления сельского и городского населения.

Мы не располагаем даже к моменту составления четвертых по счету контрольных цифр элементарными знаниями о распределении валовой продукции промышленности в народном хозяйстве. Мы пользуемся суррогатами балансов производства и распределения лишь товарной продукции. При этом наименее проанализированным является внутрипромышленный оборот и его организация.

А между тем, роль обобществленного хозяйства в потреблении промышленной продукции весьма велика и интенсивно растет из года в год.

Как видно из таблицы, приведенной на стр. 254, потребление продукции обобществленным сектором хозяйства из года в год резко обгоняет личное потребление.

По нашим ориентировочным подсчетам (произведенным на основе данных общего баланса производства и реализации промпродукции[2]

---

[1] В нашей статье „Товарные запасы в торговле промтоварами", напечатанной в журнале „План. Хоз.", № 9 за 1928 г.

[2] См. „Контрольные цифры на 1928/29 г."

динамика удельного веса потребления организованным рынком представляется в следующем виде:

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
В %% ко всему потреблению промпродукции в народном хозяйстве	54	56	59	61,5

Таким образом, в 1928/29 г. потребление обобществленного сектора вместе с экспортом составит около $^2/_3$ всего промышленного производства, и лишь немногим более одной трети промышленной продукции идет для личного потребления или для производственных нужд сельского хозяйства.

Роль широкого рынка в потреблении продукции, могущей быть использованной, как средство производства (или для строительства) в сельском хозяйстве еще ниже. Так, потребление черных металлов широким рынком равно около 9%[1], в том числе сортового железа около 15%, кровельного железа 21%, листового железа 1,5%; потребление лесоматериалов (разрабатываемых промышленностью) составляет процентов 10 от товарной продукции и т. д.

Столь большое значение обобществленного сектора в потреблении промпродукции — особенно дефицитной продукции, имеющей чрезвычайное значение для поднятия производительности сельского хозяйства,— требует самого пристального внимания к вопросу о том, насколько рационально, насколько экономно используются эти материалы организованным потребителем. При решении таких вопросов обращение к статистическим средним показателям мало полезно.

Для надлежащего освещения вопроса мы предпочитаем апеллировать к свидетельским показаниям компетентных обследовательских организаций или отдельных специалистов. О чем они говорят?

Цветные металлы, пожалуй, более дефицитны для производства, чем шерстяные ткани для личного потребления. Эта продукция, по преимуществу, импортная и потому каждый год валютным ресурсам приходится испытывать особый нажим со стороны всегда весьма активных, но постоянно крайне неудовлетворенных потребителей цветного металла. Вот что пишет тов. Дук в большой статье „Что сделать для упорядочения цветных металлов?“[2] „По предложению зам. пред. ВСНХ СССР, тов. Межлаука, при Главцветмете создана специальная комиссия, коей поручено установить, насколько целесообразно используются в данный момент цветные металлы... что же удалось выяснить в процессе работы этой комиссии... Распыленными организациями (перерабатывающими цветной металл) выпускается на рынок многотысячный сортамент изделий от детских игрушек до предметов санитарии, обихода и домоустройства, при чем ряд предприятий применяет цветные металлы в таких изделиях, где эти металлы вовсе не требуются. Расчеты на сырье делаются в ряде случаев безответственно и преувеличенно... Примеров в нашей практике, характеризующих это явление достаточно, однако, изучение их и изживание в сущности еще не начато... Мы расходуем большое количество металла, сверх необходимого там, где лишний вес изготовляемых изделий вовсе не является ни практически полезным, ни технически необходимым и ведет лишь к увеличению дефицитности сырья. Даже на такое дело, как самоварное, у нас расходуется излишне до 500 тонн металла от общей потребности в 3.000 тонн“.

Отчет РКИ об обследовании строительства сплошь пестрит указаниями на преувеличенное расходование лесных, металлистических и прочих стройматериалов: „Слабое использование строителями низших сортов пиломатериалов увеличивает имеющийся дефицит на лесоматериалы и сильно удорожает строительство... Отсутствие у строителей своевременно составленных проектов влечет за собой подгонку размеров материалов к проектным величинам на месте постройки или на своих складах, что увеличивает количество отходов, уменьшает полезное использование материалов,[1] удорожая этим строительство“.

Тов. Ильин пишет[2] следующее о потреблении металла в строительстве: „Строительные организации прямо заявляют, что если бы им была гарантирована длина сортового железа в 8—12 метров вместо 5—6, то они смогли бы сейчас снизить свои заявки на 25%. Длина сортового железа почти вдвое меньше нормальной, вследствие этого железа идет примерно на 30% больше, чем могло бы пойти при нормальной их длине... Водопроводные, канализационные и отопительные трубы, приборы и части являют не лучшую картину, если не худшую... Невероятно, но факт, что промышленность до сего времени не удосужилось изучить потребности строительного рынка, хотя бы по заявкам строителей и, как нарочно, прокатывает неходовые сорта“. А ведь строительство потребляет до 600 тыс. тонн металла. Оказывается, что внутри промышленности дело использования металла обстоит не лучше, чем в строительстве. Инж. Перельман в статье „Поучительные факты“[3] пишет: „Можно было бы привести сотни примеров прямо-таки легкомысленного и пренебрежительного отношения к техническим средствам производства... Повышенные требования на те или иные средства производства не всегда отражают степень действительной нужды в них, т.-е. той нужды, которая имела бы место при правильном и умелом ведении хозяйства“. „В результате,— пишет

[1] Не считая, конечно, потребления металла в виде изделий — с.-х. машин, группы „метизов“, также дефицитных в сельском хозяйстве.

[2] См. „Торг.-Пром. газ.“, № 282 от 5/XII 1928 г.

[1] Подчеркнуто нами.

[2] „Торг.-Пром. газ.“, № 233 от 6/X 1928 г.

[3] „Торг.-Пром. газ.“ от 6/XII 1928 г.

тот же товарищ в другой статье „Дорогостоящие излишества“,[1] — излишние требования, являющиеся следствием неумелого обращения со средствами производства, оттесняют более серьезные, жизненно важные требования, удовлетворить которые металлопромышленность, до нельзя перегруженная, оказывается уже совершенно не в состоянии... Из довоенной практики мы знаем случай, когда директор машиностроительного завода умудрился в одном году дать при той же почти номенклатуре производства экономию на стоимости ее почти на 20% (подчеркнуто нами. И. Т.), благодаря проведению жестких принципов экономии металла не только в конструкциях, но и в эксплоатации“. Инж. Перельман заканчивает свою статью следующими словами: „Вопрос о режиме, разумной экономии при расходовании средств производства должен быть, наконец, поставлен во всю ширь“.

Мы потому так подробно цитировали эти характеристики использования дефицитной продукции обобществленным сектором, что они с необычайной ясностью и резкостью, притом достаточно компетентно, вскрывают глубокие и опасные болезни нашего хозяйственного организма.

Основными причинами, обусловливающими указанные дефекты, являются: 1) незнание нужд потребителя, вследствие плохой организации даже внутрипромышленного оборота, в связи с этим крайне замедленная работа по стандартизации; 2) расточительное отношение к материалам вследствие слабой организации производства, вследствие прямой бесхозяйственности. По свидетельству перечисленных лиц и организаций элементарная, а тем более творческая рационализация хозяйства обобществленного сектора даст немедленно крупные результаты в области изживания товарного дефицита, не говоря уже о снижении себестоимости, повышении накоплений в организованном секторе и т. д.

Не мало товаров застывает в виде излишних, мертвых запасов у одних государственных организаций при острой их нехватке у других. Кампания по мобилизации внутренних ресурсов промышленности обнаружила это с достаточной убедительностью. Обычные общие и средние суммы товарных запасов, без диференцированного указания на состав их, показывают незначительность этих запасов в отношении к продукции, особенно по сравнению с довоенным временем. Более конкретный анализ этих запасов прорывает этот обманчивый туман общих и средних показателей.

Тов. Орджоникидзе на с'езде профсоюзов сообщил следующее: „Зачастую на складах разных фабрик одного и того же треста (подчеркнуто нами. И.Т.) имеются значительные запасы отдельных материалов, в то время как другая фабрика нуждается в этих материалах. Например, в ноябре сего года по тресту Ивтекстиль был большой излишек маисового крахмала. В том же ноябре Иваново-Вознесенская мануфактура из-за отсутствия маисового крахмала работала с перебоями... Обеспеченность вспомогательными материалами достигает иногда 8 месяцев, а ремонтно-строительными — 15 месяцев. В Егорьевском об'единении запас машинных частей имеется на 15 месяцев, прочих материалов — на 6 месяцев; по Дедовской фабрике запасы машинных частей и оборудования — на 48 месяцев, а Семеновская мануфактура имеет по красителям запас на 10 месяцев, по машинным частям и оборудованию — 99 месяцев“.

[1] „Торг.-Пром. газ.“ от 22/XII 1928 г.

НК РКИ при обследовании рынка стройматериалов констатировал: „Распыленное обслуживание строительными материалами коммунальных хозяйств и отсутствие учета потребности коммунального строительства в стройматериалах“. „Незначительный удельный вес Стромсиндиката в 1927/28 г. вносит дезорганизацию в снабжении рынка (повторные заявки, страховки и т. д.), создает неравномерное распределение стройматериалов по отдельным районам (подчеркнуто нами)“. И далее РКИ констатирует „слабое синдицирование лесной промышленности, отсутствие единого оперативно-регулирующего центра по лесоматериалам, дезорганизацию лесного рынка, благодаря множеству продавцев. Донуголь, например, вынужден закупать лесоматериалы у 100 разных поставщиков; Югосталь — у 30; ВМС — у 32 и т. д.“. Интересно отметить, что в то время как синдицирование легкой индустрии в 1927/28 г. достигло 80%, в том числе по текстилю 85%, по коже 90%, по калошам 100%, по сахару 100%, по соли 100% и т. д., синдицирование по машинотехнической промышленности равнялось только 24%, по лесной — 21%, по строительной — 21%, по химической — 74% и только по нефти и черным металлам процент синдицирования достигает 100%.

Таким образом, мы видим, что плановая мысль и регулирующие мероприятия были сосредоточены, пожалуй, в большей мере над проблемами организации широкого рынка, чем над вопросами повышения качества работ обобществленного сектора. В целях возможно более радикального улучшения работы обобществленного хозяйства — этого основного и решающего оружия в борьбе за плановое хозяйство — необходимо поставить перед плановыми, регулирующими и хозяйственными органами следующие задачи, которые нужно решать быстро и развернутым фронтом.

1) Отбор (а там, где возможно в короткий срок, и установление) стандартов и типов: а) производимой промпродукции, б) строительства жилых помещений, техзданий и сооружений, в) железнодорожного строительства и т. д.

2) Нормализация расхода материалов (или отхода материалов) для изготовления отобранных стандартов и типов изготовляемой продукции строительства.

3) Установление количества, качества и ассортимента необходимых материалов.

4) Согласование потребности с производственными возможностями в целях преодоления обнаружившихся разрывов между производителем и потребителем в области ассортимента и качества поставляемых (и потребляемых) материалов, обусловливающих перерасход этих материалов.

5) Нормализация запасов материалов у производителей и потребителей и в товаропроводящих путях.

6) Распределение этих запасов между производством и центральными маневренными базами.

7) В связи с проработкой пунктов 5 и 6 наметить организационные формы снабжения обобществленного хозяйства, которые обеспечивали бы: а) регулирование запасов отдельных предприятий и отраслей с учетом народнохозяйственных интересов, б) непрерывность производства, в) удешевление снабжения, г) снижение нормы необходимых запасов и д) расширение возможности маневрирования запасами.

Мы полагаем, что при надлежащей быстроте в проведении указанных мероприятий можно ожидать в самый короткий срок при элементарных улучшениях, при условии ликвидации бесхозяйственности, граничащей с прямым преступлением,— уменьшения расхода промпродукции в обобществленном секторе минимум на 10%. В этом случае экономия в продукции может достигнуть 300—400 млн. руб.; только по двум видам товаров, имеющим огромное значение для снабжения деревни — металлам и лесоматериалам (производство которых превышает 2 мрд. руб.), добиться минимальной экономии в 200 млн. руб. по отпускным ценам промышленности.

Кроме того, значительно может быть повышена эффективность использования наличных запасов. Надо полагать, на основе предварительных данных обследования промзапасов в промышленности и на транспорте, что к 1929/30 г. может быть мобилизовано промпродукции на сумму до 400 млн. руб.

Итак, в пределах уже намеченных в достаточной мере конкретно путей развития промышленности нужно изыскать источники, если не преодоления, то резкого ослабления товарного дефицита и в этом— задача дня.

Намеченный масштаб капитального строительства и выпуска промпродукции позволяет решать значительную часть этой задачи не к концу пятилетия, а в текущем и ближайшем (1929/30) хозяйственном году. Нужно покончить с анархией в накоплении и распределении промзапасов там, где может и должен быть руководящим жесткий, плановый режим, обеспечивающий интересы отдельной хозяйственной организации с учетом народнохозяйственных интересов.

Нужно уничтожить один из видов бюрократизма, более опасный, чем преувеличенные штаты—преувеличенное расходование материалов без пользы для потребителя, но в тягчайший вред плановому хозяйству и социалистическому строительству.

К. Вейдемюллер

Вывоз американского капитала

I

В области экспорта капитала за последнее время происходят странные вещи. По крайней мере, они не принадлежат к таким, какие казались вероятными еще полгода тому назад большинству экономистов.

До стабилизации франка распространено было мнение, что роль Франции в качестве страны, вывозящей капитал, уже сыграна. Никто не ожидал, что французский капитал снова в сколько-нибудь значительных размерах отправится за пределы своего отечества. И уж во всяком случае едва ли он окажется в состоянии проникнуть дальше французских колоний. Тем не менее, как только за стабилизацией франка de facto последовала стабилизация его de jure, Париж снова сделался мировым центром в особенности по краткосрочному кредиту. И миллиарды франков направились прямым или окольным (через Лондон) путем распространять экономическое влияние своего отечества там, где политическое давление оказывается недостаточным. Капитал французский направляется в Германию, Польшу, Румынию, но он „переплывает" также океан и инвестируется не только в Мексике, но и в... Соед. Штатах. К Франции возвращается ее репутация всеобщего банкира.[1]

С другой стороны, Соед. Штаты, сумевшие после империалистской войны вывозить капитал в размерах, превосходящих все что было известно в этом отношении до войны, в 1928 г. свой вывоз заметно сократили. И если бы позволительно было делать заключения на основании одного только года или промежутка времени, еще более короткого, — мы могли бы подумать, что роль всемирного банкира переходит к Франции, ускользая от Соед. Штатов; что Соед. Штаты по крайней мере часть своих функций этого рода уступают Франции.

Справедливо ли это впечатление? Есть ли сокращение экспорта капитала Соед. Штатов явление случайное или, в большей или меньшей степени, закономерное, связанное с хозяйственным развитием и более или менее сознательными тенденциями экономической политики Соед. Штатов?

Быть может, мы в состоянии будем ответить на этот вопрос, познакомившись с фактической стороною дела.

История экспорта американского капитала коротка: она насчитывает лишь около десятка лет. До войны Соед. Штаты капитала — в собственном смысле этого слова—почти не экспортировали. В общей сложности было инвестировано — в странах американского материка, в Канаде, Мексике и в государствах Южной Америки — около 3 мрд. долл. В то же время пассивность расчетного баланса Соед. Штатов, образовавшаяся, главным образом, вследствие того, что Соед. Штаты не обладали собственным торговым флотом и должны были пользоваться для своей растущей торговли флотом английским или немецким, — достигала 7 мрд. долл.

[1] Подробности см. К. Вейдемюллер, „Политика стабилизации во Франции", „Международная жизнь", № 11, 1928 г., стр. 13.

Таким образом, создавалось почти парадоксальное с современной точки зрения положение: не Европа находилась в долгу у Соед. Штатов, а наоборот — Соед. Штаты находились в долгу у Европы на целых 4 мрд. долл.

Моментом перелома, толчком, создавшим радикальную перемену в этом отношении, была война. Первые годы войны, пока Соед. Штаты оставались нейтральными, они превратились в почти беспредельно мощного поставщика военных материалов. Это был какой-то чудовищный рог изобилия, из которого с дьявольской быстротой сыпались пушки, пулеметы, ружья, бронированные автомобили, миноносцы и подводные лодки. Из неиссякаемого кладезя американской тяжелой индустрии одинаково черпали как те, кто „дерзко нарушил европейский мир", так и те, кто сражался „во имя прогресса и справедливости" и защищал „человеческую культуру" от „тевтонского варварства". Почти все воюющие державы обращались к американской промышленности для покрытия своих военных нужд. И это обстоятельство имело для Соед. Штатов два важных последствия.

Во-первых, чрезвычайный рост американского экспорта послужил новым толчком для развития производства, прежде всего, промышленного. Но, что особенно замечательно, не только промышленного, а и сельскохозяйственного. Во-вторых, ввоз военных материалов из Америки превратил воюющие державы в должников Соед. Штатов.

Как же развивался американский экспорт?

Относительно развития американского экспорта того времени находим следующие данные в „Меморандуме" Лиги Наций:[1]

Таблица 1

Рост американской внешней торговли во время и после войны

(В млн. долл.)

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс
1913	1.775	2.448	+ 673
1914	1.771	2.071	+ 300
1915	1.779	3.493	+ 1.715
1916	2.359	5.423	+ 3.064
1917	2.919	6.170	+ 3.250
1918	2.952	6.048	+ 3.096
1919	3.828	7.750	+ 3.922
1920	5.102	8.080	+ 2.979
1921	2.557	4.379	+ 1.822

Само собой разумеется, увеличение ценности экспорта произошло в значительной степени вследствие вздутия цен. Однако, если за время от 1909 по 1913 гг. в среднем вывозилось ежегодно около 43,5 млн. тонн основных товаров (100 названий), то в 1920 г. их было вывезено около 84 млн. тонн, а в 1921 — около 65 млн. тонн. Таким образом, значительное увеличение физического об'ема экспорта — вне сомнения.

[1] Société des Nations. Mémorandum surée commerce international et sur les balances des paiements. 1912—1926 гг. Genéve, 1928, стр. 351. В интересах дальнейшего изложения привожу также данные об импорте и торговом балансе.

Что касается роста промышленного и сельскохозяйственного производства, то, очевидно, увеличение экспорта в значительной степени совершалось за его счет. Вот как изменялся индекс главнейших отраслей производства и рост народонаселения за то же время (производство 1899 г. = 100).

Таблица 2

Производство индустрии, сельского хозяйства и промышленности добывающей в С.-А. С. Ш. от 1899 по 1919 гг.

Годы	Прирост населения	Производ. индустрии	Производ. сел. хоз.	Производ. добывающ.
1899	100,0	100,0	100,0	100,0
1909	121,0	163,4	118,1	189,4
1913	129,6	187,1	122,1	227,2
1916	134,8	218,6	124,9	267,0
1917	136,5	215,2	135,0	277,2
1918	138,1	214,0	133,2	279,6
1919	139,7	195,3	137,6	228,4

Влияние войны на хозяйство Соед. Штатов в этой таблице выявлено весьма рельефно. Совершенно очевидно, что резкое увеличение индекса промышленного производства и индекса промышленности добывающей к 1916, 1917 и 1918 годам является результатом тех колоссальных поставок, какие производили Соед. Штаты воюющим державам, и тех затрат производительной энергии, которые они вынуждены были сделать с момента собственного вступления в войну. Правда, увеличение промышленного производства уже к 1913 г., по сравнению с концом прошлого столетия, на целых 87 пунктов говорит о существовании иных причин промышленного развития, кроме войны. Эти причины совершенно нормального, „естественного" порядка и заключаются они в здоровом и интенсивном развитии внутреннего рынка, о чем свидетельствует, между прочим, правильный и равномерный прирост народонаселения. По сравнению с этим фактом естественного интенсивного роста несколько бледнеет впечатление от под'ема во время войны. На это обстоятельство указывает и тов. Н. Осинский в своей брошюре „Мои лжеучения о С.-А.С.Ш.[1] Однако, под'ем индексов „промышленного и добывающего" в 1916, 1917 и 1918 гг. с одновременным их падением в 1919 г. слишком красноречив в особенности, если принять во внимание краткость промежутка времени и то обстоятельство, что державы начали подготовку к войне задолго до ее непосредственного начала. Часть американского импорта в Европу, вне всякого сомнения, уже до 1913 г. должна была служить военным целям. Как бы то ни было, приведенная таблица наглядно говорит о том толчке, какой сообщила европейская война развитию американской промышленности. Еще красноречивее, однако, те данные, которые относятся к промышленности. Вот как росла промышленность Соед. Штатов в военное время.

Данные этой таблицы поистине замечательны. Можно утверждать, что они знаменуют собой промышленный рост, который никогда ни при каких обстоятельствах до тех пор для такого короткого времени в С. Штатах не наблюдался. Число больших предприятий увеличилось в пяти-

[1] Изд. „Правда" и „Беднота", Москва, 1926 г., стр. 10—13.

Таблица 3

Рост американской промышленности от 1914 по 1919 гг.

	1914 г.	1919 г.	Увеличение
Число больших предприят.	275.791	290.105	14.314
Число занятых лиц (рабоч. и служащих)	7.036.247	9.096.872	2.060.124
Капитал (в дол.)	22.790.979.937	44.569.593 771	21.778.613.834
Стоимость материалов для 14 групп (долл.) . .	14.000.000.000	37.000.000.000	13.000.000.000
Стоимость производ. (долл.).	24.000.000.000	62.000.000.000	38.000.000.000

летний: промежуток почти на 14 с половиной тысяч. Число рабочих возросло на 2 слишком миллиона, что для Соед. Штатов, с их производительностью труда, составляет огромное увеличение мощности производящего аппарата. Что же касается масс вложенного вновь в производство капитала — почти 22 мрд. долл., — то они отнюдь не являются ничтожными, даже если принять во внимание под'ем индекса оптовых цен металлов и строительных материалов, а также и зарплаты в 1916, 1917 и 1918 гг. Эти индексы изменялись следующим образом:

Таблица 4

Изменение индекса цен основных промышленных материалов и зарплаты в военное время [1]

Г о д ы	Металлы	Строительн. материалы	Зарплата
1913	100	100	100
1914	84,9	92,0	102
1915	99,3	94,0	103
1916	161,8	120,3	107
1917	231,0	157,0	114
1918	187,1	172,0	133
1919	162,1	201,4	155

По сравнению с ценами 1913 г. увеличение составляет в 1919 г. приблизительно 80%. Следовательно, если, не принимая во внимание этих индексов, мы могли бы считать, что 22 мрд. долл. означают увеличение капитала промышленности почти вдвое, то, считаясь с ними, мы это увеличение должны предположить равным приблизительно 30%. Следовательно, мощность средств производства промышленности за пятилетний промежуток возросла по крайней мере на 30%. Приблизительно в тех же пределах произошло и увеличение переработанного сырья. Что же касается стоимости выпущенных продуктов, то здесь увеличение — принимая во внимание рост цен — составляет не меньше 40%.

[1] По данным „Statistical Abstract of the U. S"; 1926 г., стр. 314 и 333.

II

Итак, под влиянием войны произошел не просто „рост", как предпочитает выражаться Н. Осинский, [1] а весьма значительный по американским понятиям рост американской промышленности в военное и послевоенное время. Но как мы уже видели из табл. 2, произошел в то же самое время также и рост сельского хозяйства. В каких цифрах он выражается? Вот некоторые данные: [2]

Таблица 5

Сельскохозяйственное производство С.-А. С. Ш. от 1909 по 1919 гг.

	Единица измерений	1909 г	1919 г.	Прирост в %
Маис	бушель	2.552.189.639	2.349.301.825	— 7,9
Пшеница	„	683.379.259	945.403.215	+ 38,3
Овес	„	1.007.142.980	1.055 182.798	+ 4,8
Ячмень	„	173.344.212	122.024.773	— 29,6
Рожь	„	29.520.457	75.992.223	+157,4
Сено	тонна	93.453.735	128.596.615	+ 32,0
Табак	фунт	1.085.764.806	1.378.734.095	+ 30,6
Хлопок	баул	10.649.268	11.376.130	+ 6,8
Сахарная свекла	тонна	3.932.857	5.993.409	+ 52,4
Картофель	бушель	389.194.965	290.754.580	— 25,3

Как видим, наибольшее увеличение произошло для ржи, пшеницы, свеклы и сена. В особенности велико оно для ржи — целых 157%. Все это „хлеб насущный", в котором ощущался сильный недостаток в Европе. Само собой разумеется, что увеличение сельскохозяйственного производства сопровождалось также увеличением и площади посева, которое особенно велико было для ржи—249,8%. Для пшеницы оно составляло 65,1%.

Таким образом, мощное развитие хозяйства Соед. Штатов в эпоху империалистской войны и после нее — вне всякого сомнения. Само собою разумеется, что оно сопровождалось и весьма значительным увеличением национального дохода Соед. Штатов:

Таблица 6

Национальный доход Соед. Штатов

Годы	Общий доход в мрд. долл.	На голову населения долларов
1909	28,8	319
1914	33,2	335
1915	36,0	358
1916	45,4	436
1917	53,9	542
1918	61.0	586
1919	65,0	—

[1] Op. cit., стр. 13.

[2] Приводимые цифры, заимствованные у Вильяма Нотца (William Notz, Neuere Entwicklungen in der Wirtschaftl. Stellung d. Ver." „St. Weltw. Arch.", B. 19, H. 1, стр. 3), слабо отличаются от данных „Statistical Abstract". Предпочитаю привести их, так как список продуктов „Statistical Abstract" меньше.

Прирост дохода от 1915 г. к 1916 г. в два раза превосходит прирост его за пять лет: от 1909 г. до 1914 г. И здесь нет никакой возможности отрицать влияние войны. Прибыль от экспорта военных материалов и других связанных с войной товаров росла, конечно, еще гораздо заметнее, чем производство и физический об'ем экспорта. Ибо на ней отразился под'ем экспортных цен. Следовательно, к влиянию увеличения национального производства присоединилось еще влияние роста цен — та часть национального дохода, которую Н. Осинский справедливо называет „спекулятивной сверхприбылью". Осинский определяет и цифру, выражающую эту сверхприбыль. Она равнялась (от 1914 по 1920 гг.) 10.521 млн. долл.[1] Такова ли эта цифра в действительности — сказать трудно. Однако, совершенно несомненно то, что со времени войны в Соед. Штатах происходит скопление богатств, какого до сих пор не знала история. Они превосходят все, что можно было увидеть при помощи волшебной лампы Аладина; пред ними бледнеет пылкая фантазия Шехерезады. Некоторое представление дает о них скопление вкладов в сберкассах и банках. Вклады почтовых сберегательных касс за пятилетний промежуток увеличились от 40 до 150 мрд. долл. Во всех банках Соед. Штатов в 1922 г. депозиты достигали 25 мрд. долл., что соответствовало бы 100 с лишком мрд. золотых марок, т.-е. в 4 раза превосходило бы сумму германского репарационного долга. Насколько громадна эта цифра, видно хотя бы из того, что в Англии до войны депозиты достигали всего лишь 20 мрд. золотых марок, были, следовательно, в 5 раз меньше, чем депозиты Соед. Штатов в указанное время.

Эти цифры совершенно головокружительны; они во всех отношениях превосходят все, что когда-либо существовало на земном шаре. Но, быть может, еще более яркой иллюстрацией роста богатства Соед. Штатов являются данные о росте их золотого запаса в то же время. В начале столетия золотой запас Соед. Штатов составлял всего около $^1/_3$ мрд. долл. В 1913 г. он поднялся до 827 млн., что соответствовало 20% существовавшего тогда на земле золотого запаса. В конце войны он поднялся до 30%, а в апреле 1922 г. равнялся уже 40% запаса всего земного шара. Как это выражалось в абсолютных цифрах, видно из следующего сопоставления данных „Federal Reserve Board" и газеты „L'Information".[2]

В начале 1922 г. в 32 государствах (без РСФСР) было золота на 7.850.885.000 долл. Из этих несметных богатств приходилось на долю главнейших государств:

Таблица 7

Распределение золотого запаса в 1922 г.

Страны	% золотого запаса (апрель 1922 г.)	Абсолютные цифры (31/XII 1922 г.)
Соед. Штаты	40,3	3.200.372.000
Англия	9,8	751.841.000
Франция	8,8	708.403.000
Япония	7,8	—
Испания	6,2	487.278.000
Аргентина	5,7	450.057.000
Голландия	3,1	233.880.000
Германия	3,0	227.437.000

[1] Op. cit., стр. 14.

[2] „La Repartition actuelle des Stocks d'or", „L'Information" (fin. écon. etc.) № 102, 1923. Эти данные сообщены мною также и в упомянутой статье в журнале „Международная жизнь".

Как ни богаты Англия и Франция, но золотой запас их обеих вместе не составляет и половины золотого запаса Соед. Штатов. По немецким источникам, золотой запас Сев. Америки в начале 1923 г. составлял 3,8 мрд. долл. Он был равен, следовательно, в это время золотому запасу всех других государств вместе взятых. В мае 1924 г. золотой запас Соед. Штатов составлял уже 4.417.400.000 долл., т.-е. был больше половины всего мирового запаса золота (8.663 мрд. долл.). За промежуток в 20 с небольшим лет количество американского золота увеличилось в 12 раз.

Само собой разумеется, что между развитием промышленности и сельского хозяйства Соед. Штатов, между огромными прибылями от экспорта, накоплением денежных богатств и увеличением золотого запаса, — существует самая тесная связь. Все эти ветви экономической жизни обнаруживали огромный рост потенциальной хозяйственной мощи страны. Если популярное в свое время сравнение богатства Соед. Штатов с богатством мифологического царя Мидаса имело некоторый смысл, то этот смысл заключался в том, что дальнейшее накопление капитала в Соед. Штатах принимало скорее денежную и золотую форму, чем непосредственно производственную. Мидас, как известно, испросил у Зевса дар, в силу которого все, к чему он ни прикасался, немедленно превращалось в золото. Зевс не был бы „богом", если бы не использовал наивности Мидаса в интересах „торжества справедливости". Он беспрекословно исполнил его просьбу, и бедный Мидас погиб мучительной смертью, так как в золото превращались не только ветви, камни и т. д., но и хлеб и вино. Угрожала ли подобная участь Соед. Штатам? Обречены ли они были на то, чтобы дальнейшее увеличение их национального дохода, дальнейшее накопление выражалось, в конце концов, в росте золотых отложений, которые привели бы к „материализации" страшного призрака золотой инфляции? Теперь с полной уверенностью можно на этот вопрос ответить отрицательно. Золотая болезнь американской республики не была смертельной. Хитрые янки изобрели средство против нее.

Удельный вес экспортируемых Америкой товаров в общей сумме ее продукции невелик. Экспортные товары составляют едва ли одну десятую всего производства, несмотря на весь эффект абсолютных цифр. К тому же развитие экспорта — явление сравнительно новое. Само собою разумеется, что оно самым тесным образом связано с развитием внутреннего рынка, который, несмотря на всю свою огромную емкость, все же близок к уровню полного насыщения. Об этом красноречиво свидетельствует низкий уровень импортных цен по сравнению с экспортными, о том же говорит и сравнительно медленный в нормальное время темп ежегодного прироста американского производства. Хозяйство Соед. Штатов достигло той ступени капиталистического развития, когда оно вынуждено всеми средствами увеличивать свой экспорт, когда капитализм по необходимости приобретает империалистический характер. Всем известные факты последнего времени — в особенности неизбежный, быстро созревающий конфликт Соед. Штатов с Великобританией — являются слишком красноречивой тому иллюстрацией. Но экспорт в истощенные войною страны в сколько-нибудь широких размерах был возможен только при условии предоставления им кредита. Так создавались условия финансовой поддержки импортирующих из Соед. Штатов стран.

Очень скоро кредит принял характер хозяйственной помощи вообще в интересах увеличения покупательной способности кредитуемых. Мало-по-малу явление это расширяется, и в мировом хозяйстве появляется новый фактор: вывоз американского капитала. Так как страны, вывозившие капитал до войны — Англия, Франция и Германия, — после войны

перестали это делать, то „спрос“ на американский капитал установился чрезвычайный. Не только правительства, коммуны, крупные предприятия стали обращаться к Америке за кредитом. Нью-йоркские гостиницы были наводнены одно время огромным числом различных агентов и посредников, которые пытались устраивать более мелкие займы. Но и „предложение“ нового американского экспортного товара отнюдь не было слабым. Под давлением указанных обстоятельств — необходимости финансировать покупателя американских товаров и вследствие угрозы золотой инфляции — американский капитал не только не отказывался от приобретения иностранных ценностей, но и сам искал их. Первым шагом явилось, естественно, кредитование стран, покупавших военные материалы; вторым—кредитование тех, кто после войны залечивал свои раны продуктами американского экспорта. Мало-по-малу образовался снежный ком, который разрастался все больше и больше и достиг, наконец, размеров огромной ледяной горы. Задолженность иностранных государств Соед. Штатам на 15 марта 1922 г. по данным „F. R. B.“ [1] в общем равнялась чудовищной цифре в 11.456.383.059 долл. Вот как распределялся этот долг между отдельными государствами:

Таблица 8

Задолженность иностранных государств Соед. Штатам к 1923 г.
(В млн. долл.)

Англия	4.686	Эстония	16
Франция	3.771	Греция	15
Италия	1.892	Армения	13
Бельгия	429	Финляндия	9
Россия	228	Куба	8
Польша	149	Латвия	6
Чехо-Словакия	108	Литва	5
Сербия	58	Венгрия	2
Румыния	41	Никарагуа	0,17
Австрия	26	Либерия	0,03

Такова была в означенный момент задолженность иностранных государств американской казне („U. S. Treasury“). Общая цифра американского капитала достигла размеров еще гораздо более внушительных. К этому вопросу мы возвратимся ниже.

В географическом отношении американский капитал следующим образом распределялся между странами света:

Таблица 9

Распределение американского капитала между странами, в которых он инвестирован
(В %%)

Южной и Средней Америки	31,7
Северной Америки	29 2
Европы	26,6
Южных морей	4,7
	100,0

Из этой таблицы можно усмотреть, что в Северной и Южной Америке было инвестировано в то время 60,95% всего американского капитала, вложенного в промышленность. Вместе с тем, рынок этих стран представлялся тогда уже в „достаточной“ мере насыщенным американским капиталом. Как мы увидим в дальнейшем, капитал этот вынужден был— отчасти именно по этой причине — искать помещения в других странах.

[1] „Federal Reserve Bulletin“, Juni, 1922.

III

Итак, война сыграла огромную роль в хозяйственной — и политической, внешнеполитической по преимуществу — жизни Соед. Штатов. Избыток своего накопления эта республика превращала в золото и стала вывозить за границу. Оба процесса с самого начала отличались чрезвычайной интенсивностью. Как же они развивались в дальнейшем? Каково положение в настоящий момент? Возможны ли, наконец, какие-либо заключения относительно будущего?

Проследим дальнейшее развитие хозяйственной жизни Соед. Штатов по тем же основным рубрикам, по которым мы это сделали для времени военного и непосредственно после войны. Прежде всего, как развивались после 1921 г. внешняя торговля вообще и американский экспорт в частности?

В табл. 1 мы видели, что импорт и экспорт в 1921 г. сократились по сравнению с рекордным 1920 г. почти вдвое. Торговый баланс сохранил, однако, свою активность (+1.822 млн. долл. против +2.979 млн. в 1920 г.). Конечно, такое уменьшение в первую очередь следует приписать кризису 1920—21 гг. Влияние кризиса, как мы это сейчас увидим, сказывается еще на данных о внешней торговле за 1922 г. И это совершенно естественно, так как вывозятся товары, заготовленные в значительной части в предшествовавший вывозу период. Затем внешняя торговля начинает восстанавливаться, отнюдь не достигая цифр 1918, 1919 и 1920 гг. Вот каким образом шло это развитие:

Таблица 10

Внешняя торговля Соед. Штатов после 1921 г.
(В млн. долл.)

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс
1922	3.074	3.765	+ 691
1923	3.732	4.091	+ 359
1924	3.575	4.498	+ 923
1925	4.176	4.819	+ 642
1926	4.408	4.711	+ 304
1927	4.184	4.865	+ 681
1928	4.090	5.129	+1.039

Как видим, если развитие внешней торговли Соед. Штатов теперь и не совершается тем бурным темпом, каким оно происходило от 1916 по 1920 гг. включительно, с отдельными колебаниями в ту или иную сторону, оно продолжает развиваться таким образом, что активность торгового баланса сохраняется. А за последние годы, 1927 и 1928, оно даже явно начинает снова прогрессировать. Если мы сравним данные о внешней торговле за 1928 г. с данными за то же время 1927 г., то окажется, что в настоящем году импорт уменьшился на 95 млн. долл., экспорт увеличился на 264 млн. долл., а активность торгового баланса увеличилась на 358 млн. долл. Следовательно, со стороны внешней торговли и торговых связей американского хозяйства с хозяйством мировым в общем все обстоит для Соед. Штатов благополучно. Ненормальный рост их во время и после войны, замедленный кризисом 1920/21 г., сменился более

спокойным, но тем не менее, постоянным развитием, продолжающимся до последнего времени. Как же обстоит дело с производством? Какие изменения произошли в области промышленности и сельского хозяйства?

Если принять промышленное производство 1913 г. равным 100, то можно развитие промышленности изобразить соответствующими изменениями этого показателя. Именно такой „индустриальный индекс" конструирует Жан Дессирье в последнем номере „Bulletin de la Statistique générale de la France".[1] Изменения этого индекса рисуют следующую картину.

Таблица 11

Индекс промышленного производства Соед. Штатов после 1913 г.

	Индекс
1913 г.	100
Средний за 1916—1920 гг. .	120
1921 г.	97
1923 „	152
1925 „	156
1926 „	163
1928 „ (первые 6 мес.) . .	164

Если под'ем промышленного производства после войны вызвал увеличение индекса на 20 пунктов, то, оказывается, в 1923 г. индекс (игнорируя падение его под влиянием кризиса) поднялся на целых 32 пункта. Следующие два года прибавили к ним только 4 пункта, зато в 1926 г. индекс снова вырос на 7 пунктов, чтобы подняться в первой половине прошлого года всего лишь на один. В общем, в 1928 г. производство промышленности Соед. Штатов по сравнению с 1900 г. увеличилось приблизительно в 3 раза. Как ни успешно идет за последнее время восстановительный процесс стабилизирующегося на последней ступени перед провалом в пропасть капитализма таких европейских стран, как Франция и Германия,— им за Америкой все же не угнаться. Если даже сделать в „индустриальном индексе" соответствующую поправку на прирост населения,[2] то и тогда окажется, что в период 1925, 1926 и 1927 гг. индекс для Соед. Штатов равняется 131, тогда как для Франции он достигает всего 117, для Германии 96,[3] для Италии 111, для Бельгии 102, для Англии (в 1927 г.) 86. Интересно отметить, что Жан Дессирье, из упомянутой статьи которого я заимствую эти данные, для СССР индустриальный индекс полагает в 1927 г. равным 118. Таким образом, он помещает СССР, при его высоком темпе прироста народонаселения, на второе место после Соед. Штатов и выше Франции, в которой поправка на народонаселение, как известно, скорее способна несколько увеличить, чем уменьшить индустриальный индекс.

Развитие сельского хозяйства в послевоенное время было менее благоприятно. Как мы уже имели случай отметить, война и спрос воюющих держав побудили Соед. Штаты сообщить развитию продукции темп как можно более быстрый. Средний индекс сельскохозяйственного производства за период от 1914 по 1920 гг. составлял 114 (производство 1913 равно 100). Но этот темп роста после войны не удержался. В ре-

[1] Jean Dessirier, Indices comparés de la production etc... „B. S. G. F." Octobre—Decembre, 1928, стр. 72.

[2] Население Соед. Штатов изменялось следующим образом:

1912 г.	95.097.000
1922 „	109.893.000
1923 „	111.693.000
1926 „	117.136.000

[3] В 1927 г. он поднялся до 111.

зультате кризиса индекс упал в 1921 г. до 102, затем возвратился к 114 и равнялся в среднем в период 1925—1927 гг. 116—увеличение на 2 пункта. Между тем, народонаселение за тот же промежуток времени увеличилось на 15%. К этому прибавилось влияние неравномерных урожаев — обстоятельство, имеющее большое значение в Америке при недостаточной диференциации земледельческих культур. В то время как в период войны Соед. Штаты устанавливали мировые цены, в последние годы это привилегированное положение изменилось в некоторых случаях в обратную сторону. Восстановление земледелия в Европе (в особенности в Англии и Франции; во Франции положение стало менее благоприятным со времени стабилизации франка de facto), конкуренция Канады, Аргентины и Австралии имела своим последствием то, что мировые цены во многих случаях стали определять цены рынков американских. Мало-по-малу вывоз некоторых продуктов сельского хозяйства Соед. Штатов весьма заметно сократился в последние годы; это относится, например, к сгущенному молоку, органическим жирам и в особенности к мясу. Наибольшее падение экспорта этих продуктов относится к 1924—1926 гг., падение экспорта хлебов приходится на 1924—1925 гг.

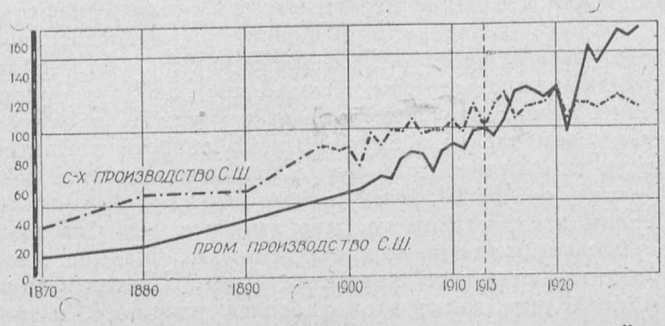
Американское сельское хозяйство вынуждено продавать свое производство на рынке мировом, между тем как закупает оно на рынке внутреннем, цены которого повышены вследствие влияния протекционистского тарифа. Диспропорция между ценами промышленными и сельскохозяйственными характерна для Соед. Штатов в послевоенное время. Правда, раствор этих „ножниц" сильно уменьшился за последние два года. Построенный аналогично промышленному индекс сельскохозяйственного производства, исправленный на прирост народонаселения (производство 1913 г. = 100), составлял в среднем в период 1924—1927 гг. в Соед. Штатах 95. Во Франции он равнялся в то же время 97 (102, если исключить неблагоприятный 1926 г.), в Англии 93, в Италии и Бельгии по 90, в Германии 74. В СССР (по подсчетам упомянутого автора) в период 1924—1926 гг. тот же индекс равнялся в среднем 90, а если исключить 1924 г., то даже 104. Следующая таблица изображает положение американской промышленности и земледелия после 1919 г.

Таблица 12

Индекс промышленного и с.-х. производства Соед. Штатов от 1920 по 1928 гг.

Годы	Индексы		Индексы с поправкой на народонаселение		Индекс роста населения
	Пром.	Сел.-хоз.	Пром.	Сел.-хоз.	
1913	100	100	100	100	100
1920	125	124	114	112	110,2
1921	97	102	86	91	112,3
1922	127	114	112	100	113,9
1923	152	114	131	98	115,7
1924	141	112	120	95	117,7
1925	156	116	130	97	119,5
1926	163	119	134	98	121,3
1927	160	113	130	92	123,1
1928 (I полугодие)	164	—	131	—	124,9

Следующая диаграмма изображает развитие сельского хозяйства и промышленности Соед. Штатов (с 1870 г.) еще нагляднее. Кривые располагаются по популярной схеме „ножниц“.



Таким образом, развитие земледелия представляется в последние 9 лет менее благоприятным, чем развитие промышленности. Тем не менее, за первые 9 месяцев 1928 г. усиленный сбыт сельскохозяйственных машин и инвентаря говорит о сдвиге к лучшему и в этой области, если сдвиг этот и не нашел себе пока достаточно очевидного внешнего выражения. О „серьезном улучшении“ положения сельского хозяйства говорит в своем ежегодном отчете Конгрессу и „секретарь казначейства Соед. Штатов“ Меллон. Меланхолически звучат в этом отчете слова об уменьшении дивиденда в производстве металлургическом, железнодорожных материалов и машинном. По словам министра, „заработки“ капиталистов в металлургии упали на одну четверть, а в промышленности нефтяной сократились даже вдвое. Характерно, что со своим отчетом Меллон ждал до 5 декабря, а Гувер был избран президентом Соед. Штатов 4 ноября. До тех же пор, по ядовитому замечанию Bulletin Quotidien, ни Кулидж, ни Меллон никогда не изменяли оптимизму в оценке хозяйства Соед. Штатов.

Что касается уменьшения дивиденда по акциям, то „секретарь казначейства“ совершенно прав. Вот как, согласно „Frankfurter Zeitung“, изменялся дивиденд 33 крупных промышленных предприятий после 1920 г.

Таблица 13

Доходность крупных промышленных предприятий Соед. Штатов после кризиса

Годы	% дохода
1921	7,95
1923	6,63
1924	6,02
1927	5,24
1928	
Февраль	4,73
Август	4,44
Октябрь	4,27
10 ноября	4,07

Едва ли можно сомневаться в том, что такое положение дела мало пришлось по вкусу владельцам „линяющих“ акций. И это тем более, что в связи с политикой Федерального резервного банка, направленной к сокращению кредитных сделок через маклеров, в связи с увеличением учетного процента (с июля 1928 г. = 5%) стоимость биржевого кредита чрезвычайно возросла. Осенью прошлого года она часто доходила до 10%; затем спустилась до 6,5%, чтобы в последние месяцы снова подняться до 9%.

Эти обстоятельства не могли не отразиться на общем темпе „деловой“ жизни Соед. Штатов. Вот как характеризует его так называемый индекс торговой „активности“, конструированный журналом „The Annalist“.

Таблица 14

Изменения индекса торговой активности Соед. Штатов за первые 9 месяцев 1926, 1927 и 1928 гг.

	1926	1927	1928
Январь	102,3	100,2	95,4
Февраль	103,2	103,6	97,3
Март	104,7	107	96,8
Апрель	103,7	103,6	96,7
Май	101,6	104	97,7
Июнь	103,2	102,8	95,3
Июль	102,8	100,7	97,3
Август	105	101,9	98,8
Сентябрь	107,1	101,1	100,6

Темп торговой активности оказывается, следовательно, в 1928 г. заметно ниже, чем в 1926 и 1927 гг. И это находится в полном соответствии с тем обстоятельством, что „индустриальный индекс“ в первой половине текущего года, как мы видели, поднялся только на 1 пункт. Но это, несомненно, противоречит тому обстоятельству, что курс акций, с октября 1927 г. неуклонно подымался. В октябре „индекс курса акций“ (исчисленный на основании курса акций 30 предприятий) равнялся 188,6; в июле 1928 г. он поднялся до 211,1; в августе до 224,0; в сентябре до 239,8 и в октябре 1928 г. до 248,7. Совершенно очевидно, что это вздутие курсов спекулятивного происхождения, что и подтвердилось теми событиями на нью-йоркской бирже, которые вызвали даже опасение надвигающегося кризиса.

Таким образом, в 1928 г. на нью-йоркской бирже создалась нездоровая атмосфера, которая отнюдь не содействовала и развитию экспорта американского капитала. Ничто не указывает, однако, на то, что это явление — длительного порядка.

IV

Выше мы видели, что образование золотого запаса в Соед. Штатах шло чрезвычайно быстро. Табл. 7 указывает размеры его к 1922 г. Как изменялся он после этого и каковы его размеры в настоящее время?

С начала войны через Атлантический океан по направлению от Европы к Америке хлынул золотой поток. За пять лет — от 1914 по 1918 — золотой запас Соед. Штатов стал вследствие этого заметно расти.

На гостеприимном материке, открытом Колумбом, образовалось новое золотое отложение в 985 млн. После войны, от 1919 по 1925 гг., золотой поток снова принес 1.125 млн. долл., вследствие чего „отложения“ с 1914 г. достигли 2.110 млн. долл. Кроме того, на собственных золотых россыпях Соед. Штаты непосредственно добыли 806 млн. долл. Как видим, золотая гора образовывалась весьма интенсивно: если в 1925 г. она и растаяла на 134 млн. долл., то в 1926 г. в Америку снова притекло 98 млн., при чем приток продолжался и в первые четыре месяца 1927 г. Однако, начиная с мая того же года, золотая масса начинает медленно, но верно уменьшаться. К концу года золотой запас уменьшился на 234 млн. долл. Процесс его сокращения продолжался и в следующем 1928 г. С мая 1927 г. по июнь 1928 г. во Францию направились 257 млн. долл., в Аргентину 131 млн., в Бразилию 55 млн., в Англию 33 млн., в Германию 27 млн., в Италию 20 млн., в Уругвай 11 млн. и в Польшу 8 млн. долл. золотом. В результате всех этих передвижений мировой запас золота, который по подсчетам „Federal Reserve Board“ возрос по сравнению с 1924 г. на 1.070 млн. долл. и составлял в 1928 г. 9.733 млн. долл., — распределялся в последние три года следующим образом:

Таблица 15

Изменения золотого запаса с 1926 по 1928 гг.

(В тыс. долл.)

	1926	1927	1928 (июнь)
С.-А. С. Ш.	4.492.000	4.379.000	4.079.300
Франция	711.106	710.339	1.134.000
Англия	735.421	741.698	834.478
Германия	236.235	444.158	491.000
Испания	493 489	502.484	503.344
Италия	220.732	239.180	256.039
Голландия	166.231	160.796	174.883
Бельгия	86.140	99.530	110.830
Швейцария	91.050	99.785	85.084
Венгрия	29.526	34.432	50.195
Швеция	60.162	61.685	61.919
Дания	56.007	48.780	48.936
Норвегия	39.457	39.458	39.423

Уменьшение накопленного количества золота явилось результатом тех усилий, какие были направлены к этой цели. С одной стороны, постоянный призрак золотой инфляции, которая одними авторитетами Соед. Штатов признавалась уже наступившей, тогда как другие вообще оспаривали самую ее возможность; с другой — помощь европейским странам, перед которыми стояла задача оздоровления их нарушенного войной денежного обращения, — привели, в конце концов, к тому, что золото стало понемногу из своего Эльдорадо уплывать. Финансовые авторитеты Соед. Штатов, банкиры и ученые в большинстве отнеслись к этому без всякой тревоги. Наиболее спокойные полагали, что Америка свободно может вынести — без всяких отрицательных последствий для ее собственного хозяйства—потерю золота на 2.250 млн. долл. Более осторожные думали, что эта сумма не должна превышать полутора миллиарда. Наиболее нежно относящиеся к желтому металлу находили, однако, возможным вывезти никак не больше одного миллиарда. Во всяком случае, Федеральный резервный банк сознательно способствует получению золота из Америки теми странами, которые заняты улучшением своей валюты. Для этой цели в 1927 г. он удерживает на низком уровне учетный процент. Эта политика отчасти явилась причиной и подготовила под'ем курса бумаг. На ряду с этим кредит, предоставляемый агентам и маклерам по сделкам с валютой, был расширен, что еще больше содействовало вывозу золота и спекулятивному росту курса биржевых ценностей. Наконец, экспорт золота принял такие размеры, что руководители Федерального резервного банка сочли необходимым сделать попытку справиться с вызванными ими явлениями, и учетный процент — в несколько приемов — был повышен. А повышение учетного процента должно было сопровождаться сокращением вывоза капитала. Так это и было в действительности.

Проследим рост инвестирования американского капитала за границей.

Значительные суммы 1915, 1916 и 1917 годов, совершенно очевидно, связаны с военными обстоятельствами. Это было финансирование военных поставок. После падения в 1918 г. цифра ежегодного вывоза американского капитала снова начинает расти и растет непрерывно. Начиная с 1924 г., каждый новый год был рекордным по отношению к предыдущему. Вывоз капитала 1927 г. превышал вывоз 1926 г. на 8,39%. Действие факторов, о которых мы говорили в третьей главе, было чрезвычайно эффектно. Вслед за развитием экспорта товаров, вслед за ростом золотого запаса шел экспорт капитала.

(см. табл. на след. стр.).

Таблица 16

Американский капитал, инвестированный за границей, начиная с 1914 г.

Годы		Номинальный капитал	За вычетом обратного притока в Америку
1914		38	38
1915		833	814
1916		11.13	1.123
1917		718	686
1918		30	28
1919		813	562
1920		636	585
1921		675	631
1922		828	682
1923		496	414
1924		1.220	928
1925		1.330	1.085
1926		1.319	1.134
1927 г.	I квартал	376	360
	II „	411	355
	III „	259	241
	IV „	528	421
Всего за 1927 г.		1.575	1.377

Но вот обнаружились все те „шероховатости", о которых мы говорили выше. Конец 1927 г. и начало 1928 г. носили явные признаки экономической депрессии. Сокращение производства, ненормальное воздействие вздутых биржевых курсов, рост коммерческих банкротств были на очереди дня. Общее число банкротств от января до октября 1928 г. достигло 20.061, между тем как за весь 1927 г. оно составляло 19.120, а в 1926 г.—17.874. Тревожнее всего, однако, представлялось положение на рынке труда. Безработица в значительной степени превосходила официальные данные. Точных цифр для последнего времени нет; существующие оценки довольно сильно между собою расходятся. Минимальный и максимальный пределы числа безработных — 2,5 млн. и 5 млн. человек. Индекс „занятости" рабочих, согласно „Survey of current business",[1] следующим образом изменялся в последнее время (1913г. = 100):

Таблица 17

Индекс занятости в С.-А. С. Ш. за время от 1923 по 1928 гг.

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.				
					Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
106,6	96,3	97,2	98,0	94,3	89,8	91,2	91,8	91,4	91,2

Индекс занятости „Stafistial Abstract", принимающий за базу 1923 г., для 1924 г. составляет 90,3, для 1925 г.— 91,2, для 1926—91,9 и для 1927—88,5. Не вполне благополучно обстоит дело и с заработной платой. Правда, зарплата в последний год в общем несколько повысилась. Но существуют важные промышленные районы, где как-раз за последнее время она чувствительно понизилась. В первую очередь это относится к угольной и текстильной промышленности. Так, заработная плата в угольной промышленности Пенсильвании понизилась осенью 1928 г. на целых 20%. Так как в ближайшем будущем ожидать улучшения в этой области нельзя, то емкость внутреннего рынка оказывается довольно заметно ущемленной. А если мы примем в соображение и то,

[1] U. S. Department of Commerce. Yuly, 1928.

что сигнализируемый Меллоном поворот в состоянии американского сельского хозяйства пока еще очень слабо выразился в под'еме общей покупательной способности земледельческого населения, то мы поймем, что расчеты американской промышленности на внутренний рынок не могут быть особенно радужными.

Общее депрессивное настроение в связи с политикой Федерального резервного банка и отразилось на вывозе американского капитала за границу. Если в первом и втором кварталах 1928 г. вывоз капитала составлял соответственно 403,7 млн. долл. и 643,3 млн. долл., превосходя, таким образом, вывоз соответствующих кварталов 1927 г., то тем резче оказалось падение в третьем квартале. Всего, по предварительным данным, в этом квартале было вывезено 152,5 млн. долл., т.-е почти на 100 млн. меньше, чем в предыдущем году.

Так обстояло дело до последнего квартала 1928 г. Уменьшение американского золотого запаса, напряженность на денежном рынке вследствие политики Федерального резервного банка, уменьшение иностранного инвестирования в третьем квартале прошлого года,— все заставляло думать, что явление вывоза американского капитала уже пережило эпоху своего расцвета. Конечно, этот вывоз за 14-летний промежуток времени достиг таких размеров — общая сумма американского капитала за границей составляет не меньше 14.500 млн. долл.,— что внезапное исчезновение этого фактора мирового хозяйства грозило бы настоящей катастрофой. Но постепенное уменьшение темпа прироста или сохранение находящегося за границей американского капитала на одном уровне казалось тем более вероятным, что „спрос" на иностранный капитал, в особенности на краткосрочное кредитование за границей вдруг стал в довольно широких размерах удовлетворяться во Франции. Восстановление французского рынка капиталов должно было в немалой степени уменьшить на международном рынке роль капитала Соед. Штатов.

Мы видели, что — несмотря на всю эффектность впечатления от возобновления вывоза французского капитала и от роста французского золотого запаса — для таких заключений нет оснований. Внутренний рынок, как он ни емок, не в состоянии обеспечить дальнейшего роста американского хозяйства. Промышленность Соед. Штатов теперь уже нуждается в экспорте, как в воздухе: уже в настоящее время она работает только с 70% нагрузки. Между тем, накопление капитала продолжается, активность торгового баланса сохраняется. Дальнейшее развитие экспорта, как мы видели выше, совершенно неизбежно. А с ним вместе — именно потому, что он не может при существующих условиях мирового хозяйства развиваться иначе, чем постепенно,— должен развиваться и экспорт капитала. Причины этого были указаны выше. Надо полагать, что темп вывоза немедленно восстановится, как только изменится политика Федерального резервного банка, и учетный процент понизится. Нездоровый рост биржевых курсов рано или поздно закончится биржевым крахом, но едва ли этот крах отразится заметно на развитии основных отраслей хозяйства.

Конец 1928 г. в значительной степени уничтожил влияние депрессии начала его. Только что опубликованные и до нас еще только частью дошедшие годовые отчеты рисуют этот год, благодаря, очевидно, под'ему в его вторую половину, в смысле процветания хозяйства Соед. Штатов (пресловутого „prosperity") рекордным. Вот как характеризует общее положение корреспондент „Правды": [1]

[1] „Правда" от 9/I 1929 г.

„Из публикуемых в печати годичных обзоров видно, что в истекшем году американское производство вновь достигло огромных размеров. Производство стали в 1928 г. побило все рекорды. Выплавка достигает 50,2 млн. тонн, в то время как до сих пор рекордным годом в этом отношении был 1926 с 46,9 млн. тонн. В 1927 г. производство стали равнялось 43,7 млн. тонн. Согласно данным „Айрон Эйдж", мировое производство стали и чугуна является в 1928 г. рекордным. Доля Америки в мировом производстве стали достигает в 1928 г. 48%, в то время как в 1927 г. она равнялась лишь 44,8%. Участие Америки в мировом производстве чугуна равнялось в 1928 г. 44% против 42,3% в 1927 г. Американская автомобильная промышленность выбросила на рынок в 1928 г. 4.384.225 автомобилей, 3.401.326 — в 1927 г. Сильно увеличилось производство хлопчатобумажных и шерстяных текстильных товаров. Все фабричное производство увеличилось в 1928 г. по сравнению с 1927 г. приблизительно на 5%.

Внешняя торговля Соед. Штатов является рекордной за последние 8 лет. Экспорт Соед. Штатов превысил в 1928 г. 5 миллиардов долларов.[1] Увеличился экспорт в Латинскую Америку, Канаду и Азию, в особенности в Китай".

Как видим, те отрасли хозяйства, на развитии которых основывается экспорт капитала, продолжают развиваться. На почве империалистического перерождения в ближайшие годы роль Соед. Штатов в мировом хозяйстве едва ли не возрастет. Возрастет как последствие этого и вывоз капитала.[2] Куда же этот капитал направится? Каким целям он должен будет служить прежде всего?

Вот как распределялся американский капитал за границей до сих пор (общее количество).

Таблица 18

Распределение американского капитала по странам с 1913 по 1927 гг.

(На конец каждого года, в млн. долл.)

Страны	1913	1923	1924	1925	1926	1927
Европа.	350	1.300	1.948	3.361	3.597	4.327
Канада.	750	2.500	2.819	3.135	3.557	3.922
Южная Америка . .	100	1.230	3.359	1.525	1.973	2.247
Средняя Америка (включая Мексику, Кубу и Вест-Индию)	1.200	2.530	2.576	2.666	2.788	2.915
Япония, Китай, Филиппины	175	440	486	657	714	727
Остальные страны. .	50	175	182	193	225	363
Всего . . .	2.625	8.175	8.369	11.535	12.855	14.500

Наиболее насыщенными американским капиталом оказываются страны американского материка (из них больше всего Канада), затем следует Европа, потом Азия. Интересно, однако, отметить, что темп прироста вывоза капитала за последнее время для Европы оказывается по крайней нере в такой же степени интенсивным, как и темп прироста его вывоза в страны Америки. В 1927 г. этот темп даже более интенсивен (как и в четвертом квартале 1928 года). Об'ясняется это двумя причинами. Во-первых, сохранением и развитием торговых связей с Европой (при росте их с остальной Америкой и Востоком); во-вторых, тем,

[1] Выше нами приведена точная цифра.

[2] По только что опубликованным данным в четвертом квартале выведено 226,2 млн. долл. Всего за 1928 г. выведено 1.425,8 млн. долл.: только на 10% меньше, чем в 1927 г., который был рекордным.

что емкость американских стран с их относительно незначительным населением — при всех их естественных богатствах — не может быть беспредельной. Рано или поздно их емкость по отношению к иностранному капиталу окажется неспособной к дальнейшему интенсивному росту, и Соед. Штаты очутятся лицом к лицу с необходимостью серьезно подумать об их замене.

Когда это произойдет, Соед. Штаты в еще большей степени направят свой капиталоэкспорт в Европу. Но уже теперь в Англии раздаются тревожные голоса по поводу американских попыток овладеть „контрольным пакетом" британского общества Томсон — Хаустон, британскими предприятиями по добыче меди. На ряду с контролируемым вывозом идет, следовательно, и „завоевание". У Европы, надо полагать, найдутся средства противиться последнему; что же касается первого, то процесс восстановления западно-европейских государств, рост в них накопления и возобновление экспорта капитала странами, вывозившими его до войны явится через некоторое время серьезным препятствием к дальнейшему притоку американского капитала в Европу. Французский капитал уже теперь нашел средства проникнуть не только в Южную Америку, но и в самые Соед. Штаты, что сильно уменьшило эффективность вывоза капитала из Соед. Штатов. Таким образом, проблема рынка для американского капитала снова приобретает большую остроту.

Очевидно, решению этой проблемы может только содействовать развитие торговых связей со странами, обладающими огромным внутренним рынком и способными дать производительное употребление той части американского капитала, которая в них направится. Одною из таких стран является, несомненно, СССР. Огромная взаимная польза от развития экономических отношений между нашим Союзом и Соед. Штатами несомненна. Но с пути, ведущего к этому, должны быть устранены те препятствия, которые вырастают вследствие непонимания условий, при каких это возможно.

Возможно это лишь при полном признании экономической, а следовательно, и политической структуры социалистического государства.

Давление экономических причин велико, и рано или поздно это произойдет.

А. Любович

Перспективы развития хозяйства связи и его реконструкции

Не так давно (в августе 1928 г.) в президиуме Госплана докладывались контрольные цифры перспективного плана развития хозяйства связи на пятилетие. В этих контрольных цифрах очевидна была ставка на реконструкцию хозяйства. Реконструктивный уклон выразился в ряде мест контрольных цифр, принятых как отправной вариант. Времени с тех пор прошло немного, но уже при проработке самого перспективного плана, его основных положений, стала ясна необходимость еще более решительно наметить контуры реконструкции хозяйства связи. Но и проработанный план может оказаться в части реконструкции устаревшим. Мы даже уверены, что к концу работы по составлению пятилетнего плана он в части перспектив реконструкции будет в значительной степени отставать от возможностей, заложенных в перспективе развития техники в этом же пятилетии. Мы видим в процессе составления плана, как установка на реконструкцию, сделанная даже с недостаточной смелостью в контрольных цифрах, заставляет научно-технические силы лабораторий связи, а также промышленности усилить темп технических разработок, могущих обеспечить отдельные части реконструкции хозяйства связи. При разработках выясняется часто, что можно и нужно итти дальше намеченного. Таким образом, установка контрольных цифр и плана на реконструкцию заставляет быстрее двигаться техника и организатора и способствует созданию условий для развития новых форм каждой части хозяйства, в наибольшей степени отвечающих тем процессам, которые идут во всем хозяйстве страны.

Какие отличительные черты имело хозяйство связи в предыдущий период и в особенности до 1925 г.? Оно характеризовалось устойчивостью форм, устойчивостью взгляда на средства связи, как нечто оторванное от всего хозяйственного целого. Типичное сметно-бюджетное существование, отсутствие данных об основных элементах хозяйства связи, его основном капитале, затянувшийся восстановительный период и замедление необходимых капитальных вложений, — все это создавало чрезвычайную неподвижность не только во взглядах на хозяйство связи как внутри его, так и со стороны других органов, но и влекло за собой отставание в методах и приемах, поставленных во всем народном хозяйстве Союза.

Хозяйство связи оказалось поэтому позади других в составлении плана. Оно, в силу этих же причин, с чрезвычайной трудностью поддавалось элементам реконструкции. Между тем, быстрота технических достижений, изменения в технике массовой связи, в особенности в телефонии и радио, были наибольшими по сравнению с другими отраслями техники. Отрицательно на развитии хозяйства связи сказалась, кроме того, разобщенность отдельных его элементов. Так, например, до 1925 г. включа-

лись в состав хозяйства связи, главным образом, почта и телеграф и лишь в небольшой доле присоединены были телефонные и радио средства. В нынешний период еще не закончен достаточно полно процесс организации разбросанного ранее по разным ведомствам, развивающегося без единого плана хозяйства. Приняты телефонные сети (после 1925 г.), частью принято радиохозяйство, происходят уже значительные вложения в городские телефонные сети и в радиофикацию, при чем последняя, однако, может быть включена в план только после просмотра об'ема и характера основного капитала, заложенного в радиооборудование, и определения направления развития.

Несмотря на все эти чрезвычайно неблагоприятные условия, еще в 1925 г. было взято направление на решительное изменение всей структуры связи. Тогда же начата была коренная перестройка всего хозяйства связи, внесены резкие изменения в систему сети и ее обслуживания. Но эти изменения могли затронуть, главным образом, почту, где можно было обойтись без крупных капитальных вложений, но мало коснулись электрической связи и ее основного технического оборудования.

Но как только ресурсы внутреннего накопления стали большими, начато было коренное переустройство на линиях и станциях электрической связи, в особенности на телефонных сетях. Вместе с тем, началось и капитальное оборудование крупных почтовых центров и основных линий механическими устройствами, до тех пор почти не имевшими места на почте. Каждый следующий год давал все больший разгон реконструктивному процессу, тем более, что изменения в спросе на средства связи, изменения характера этого спроса, усиление массовости в использовании не только почтовых переброс ок (газета, книга), но и электрических (телефон, радио) сообщений требовали более мощных и, вместе с тем, более низких по стоимости средств связи — оборудования.

В чем выразились изменения в спросе на услуги связи? Со стороны социалистического сектора — хозяйственных и административных органов повышаются требования к быстроте переброски и передаче сообщений в виду усиливающегося темпа всей хозяйственной и культурной жизни страны. Смещения, которые происходят между различными видами связи, между различными типами отправлений (от почты и до радио включительно) отражают этот характер спроса. К примеру — непосредственный разговор по телефону вне города все больше и больше заменяет телеграммы. Усиливается использование городского телефона. Радиоинформация заменяет часть письменных сообщений.

Другой отличительной чертой развития потребности в средствах связи, диктующей изменение соотношений между различными ее видами, является наибольший темп индивидуального спроса на использование средств связи, с одновременно устанавливающейся стабилизацией и слабым количественно расширением спроса по линии обобществленных органов. Но это лишь кажущаяся ненормальность. Развитие индивидуального спроса не отражает усиленного обслуживания коммерсанта-частника и уменьшения роли связи в обслуживании советского хозяйства и администрировании. Усиливающаяся плановость и рационализация государственного, промышленного, товаро-проводящего аппаратов требует не столько увеличения количества письменных сношений, переговоров и телеграмм, сколько расширения сети самих сообщений и обеспеченности в быстроте. Развитие же индивидуального спроса на средства связи идет по линии намечаемого социальным переустройством страны резкого повышения культурной жизни, ее запросов. Так, например, в первую очередь усиливается роль идущих через почту произведений печати — газет, журналов, книг,— все больше ширится применение радио в воспитании, культурном

отдыхе, в быту, а телефонная связь, являющаяся еще до сих пор в большинстве мест привилегией государственных учреждений и предприятий, испытывает все более расширяющийся спрос со стороны не только городского, но и сельского трудового населения.

Это направление спроса застает хозяйство связи сейчас неподготовленным к удовлетворению платежеспособного спроса на телефонные и радиосообщения. Такое положение в значительной степени останется и на протяжении пятилетки в виду лимитов, устанавливаемых промышленностью по производству оборудования, а также возможности финансирования капитального строительства из внутренних накоплений связи и общегосударственного бюджета. Эти лимиты определяют масштабы развития хозяйства связи в перспективе, не меняя, однако, основного направления развития этого хозяйства.

Какие количественные изменения намечаются в перспективе спроса, каиие тенденции выявляются в росте массы обмена? Прирост за пятилетие почтовых отправлений предполагается в 67,3%, телефонных в размере 62,8%, тогда как телеграфный обмен, в значительной своей части обслуживающий обобществленный сектор и официальные хозяйственные сношения, предполагается к увеличению лишь на 13,9%.

Обмен в учетных единицах за пятилетие 1928/29—1931/33 гг.

	1927/28 г.	1928/29 г.	1932/33 г.	Процент прироста за пятилетие
Почта	2.370.904	2.802.197	4.419.330	86,3
Телеграф	455.390	469.345	535.862	17,8
Телефон	689.054	752.665	1.149.153	66,7

В соотношении различных видов обмена происходят поэтому к концу пятилетия значительные изменения. Почта от 67,4% в 1927/28 г. увеличивается в доле до 72,4% в 1932/33 г., а телеграф от 12,9% своей доли в общем обмене снижается в перспективе до 8,8%. Но еще более характерные изменения должны произойти в соотношениях внутри каждого вида связи. Так, например, по почте чрезвычайно вырастает роль печати: прирост за пять лет периодических изданий предполагается на 89,3%, а по отношению к 1913 г. прирост составит 324%, при чем развитие этого обмена идет, главным образом, за счет газет и относится больше всего к селу. В результате, периодические издания, удельный вес которых в начале пятилетия составлял 51%, к концу пятилетия дадут 58%. Почти такой же темп по электрическим средствам связи дают междугородные телефонные сообщения, проектируемые приростом на 63%. Увеличение спроса по городским телефонным сетям проектируется на 77%, и это — несмотря на то, что как по междугородному, так и по городскому телефону мы явно не сможем удовлетворить платежеспособного спроса, в виду недостаточного развития сети и трудности для промышленности по сырьевым, производственным возможностям развить в достаточной мере изготовление материалов и приборов для городских и междугородных телефонных сообщений.

Это изменение характера спроса отражается не только на темпах и соотношениях, но и дает себя знать в абсолютных цифрах. Так, например, обмен телеграмм (обработка в словах) к концу пятилетия составит

только 73% против 1913 г., тогда как число абонентов городских телефонных сетей за пятилетие увеличивается на 77,6%.

Таким образом, мы видим резкие изменения в характере спроса,— изменения, которые будут еще усиливаться в определившемся уже направлении, при расширении сети обслуживания и еще большем охвате этой сетью села.

Уже одно только пассивное удовлетворение спроса без его активизации должно резко отразиться на сети связи, на характере ее переустройства, на изменении соотношений между оборудованием электрической связи и оборудованием сети почты. Намеченное развитие сети электрической связи на пятилетку предопределяет значительные капитальные вложения, которые необходимо произвести в телефонном и радиостроительстве. Между прочим, последнее, еще не включенное полностью в план, будет давать огромный темп развития, не идущий в сравнение ни с каким другим средством связи, именно в силу своей массовости, в силу всестороннего обслуживания им различных культурно-бытовых и хозяйственных нужд. Активизация спроса, возможно выходящая за рамки плана может быть проведена в случае разработки и применения наиболее совершенных технических устройств, допускающих быструю обработку массовых отправлений — писем и телеграмм, допускающих резкое снижение себестоимости и тарифов. К этому относятся всякого рода механические устройства для обработки отправлений, главным образом, в больших почтовых узлах и телеграфные аппараты огромной быстроты. Изменения в характере спроса, оставляющие средства телеграфных сообщений без достаточного использования (обмен — ниже довоенного, а средства — выше довоенных), заставляют усиленно разрабатывать способы реконструкции телеграфной связи. Есть данные за то, что при разрешении ряда технических и эксплоатационных проблем телеграф может превратиться в массовое средство электрических сношений с резким уменьшением себестоимости и с применением в новых областях — там, где обычная медленная передача человеческой речи по телефону может быть резко ускорена, „механизирована". Кроме того, задачи удешевления себестоимости, подготовки средств связи к большей нагрузке требуют пересмотра и рационализации как организационной стороны всех средств связи, так и разработки ряда технических проблем для максимального взаимного использования средств одного вида связи другим, для комбинированных общих устройств и установления полного единства всей сети электрической и почтовой связи, как целостной системы.

Эти задачи в значительной доле отражаются в перспективах развития хозяйственной связи на пятилетие, отражаются в характере капитальных вложений и в усилении доли затрат на оборудование, связанное с реконструктивным процессом.

Но было бы ошибкой утверждать, что в контрольных цифрах и в заканчивающейся разработкой пятилетке дается законченный план реконструкции. Можно считать лишь, что в ней имеется первое приближение к этому плану.

Какой же представляется сеть связи в приведенной обстановке?

Сеть связи должна не только удовлетворять требованиям спроса на связь со стороны народного хозяйства и культурных потребностей населения, но она вместе с тем, должна вызывать к жизни спрос, не находящий сейчас выхода в виду отсутствия во многих местах даже элементарной сети связи в виде почты, не говоря уже об отсутствии в еще большем количестве населенных пунктов сети электрической связи. Для того чтобы связь возможно лучше и полнее охватила хозяйственную, административную деятельность, культурные потребности, необходимо,

чтобы она не оставила без охвата все население и населенные пункты. Несмотря на коренное переустройство почтовой сети, начатое в 1924/25 г., несмотря на значительные достижения в этом охвате, не идущие ни в какое сравнение с довоенным временем, все же к концу пятилетия мы, очевидно, не сможем выполнить задачи исчерпывающего охвата всех населенных пунктов и всего населения элементарной почтовой связью. Имея сейчас охват 83,9% населения и 49,0% населенных пунктов, мы можем достигнуть к концу пятилетия охвата почтовой связью 88,2% населения и 53,6% населенных пунктов. Правда, процент охвата населенных пунктов исчисляется от общего количества всех поселений, включительно до хуторов и отдельных домиков. Населенные пункты, имеющие 50 чел., проектируется непосредственно обслуживать почтовым агентом — сельским письмоносцем; это — передвижной способ почты. Там, где население достигает 1.000 чел., предполагается обслуживание „оседлыми" агентами, от которых уже пойдут дальше сельские письмоносцы. Пункты с населением выше 5.000 чел. будут обслуживаться небольшими эксплоатационными узелками - отделениями, а административные центры — окрконторами — организаторами связи определенного района. Прирост почтово-телеграфных предприятий проектируется за пятилетие на 15,9%, а сеть почтовых ящиков — этих первичных опорных пунктов хода почты — на 42,8%. Увеличенная сеть рассчитана на прирост обмена в среднем на одно предприятие на 47,5%.

В этом развитии сети должны быть подтянуты сильно отставшие районы, главным образом, в Восточной Сибири, Казакстане, где прирост почтовой сети на пятилетие соответственно намечен на 105% и 92%. Резкое усиление охвата почтовой сетью отставших районов вызывается, с одной стороны, необходимостью элементарного охвата адм.-хоз. пунктов, расположенных на огромных территориях, а с другой стороны — необходимостью вызвать новый спрос на обслуживание связью, как правило появляющийся там, где происходит охват почтой сначала посредством проникновения газет, а затем и остальных видов сообщений. Но это заполнение пробелов не должно исключить интенсификации почтовой связи в центральных важнейших районах с достаточной густотой населения и значительно развитой культурной жизнью. Но здесь необходимо усиление следующей ступени — увеличение скорости движения почт, частоты ее хода. До сих пор мы имеем еще в среднем 2,5 раза хода почт в неделю. На окраинах эта частота еще более недостаточна — местами она достигает лишь раза в неделю. В пятилетнем плане проектируется довести частоту хода почт на трактах в среднем по СССР до 3,31 раза в неделю. Это — одно из слабых мест перспективы движения почты, которая лишь на первостепенных трактах будет итти 6 раз в неделю, на трактах второй и третьей групп — 4 раза, на остальных же — в зависимости от об'ема обмена и экономического и географического расположения пунктов. Частота движения недостаточна даже на жел.-дор. путях, где почта до сих пор использует только 63% поездов. Частота движения на жел. дор. предполагается к увеличению на 28,6%, а пробега почтовых вагонов в километрах — на 58,4%. Это должно вызвать увеличение вагонного парка на 37,6%, что даст возможность использовать ежедневное движение поездов. Водные пути, при условии использования водного транспорта НКПС, должны получить дополнение специальным почтовым облегченным транспортом, главным образом, в тех местах, где нет обеспеченного регулярного общего водного движения. Это вызывает увеличение протяжения водных путей на 8,6% и пробега — на 10,8%. В итоге протяжение почтовых трактов всех видов вырастет на 15,3%, а пробег на 51,3%.

В чем заключается реконструкция сети почтовой связи? По основным центральным пунктам обмена — Москва, Ленинград, Харьков,— начата и будет закончена в пятилетие полная механизация. Обработка и передвижение почты, кроме внутренней механизации, усиливается автотранспортом и электровозами и в этом отношении образцом коренной переделки явится харьковский почтамт, располагаемый вблизи вокзала, с последовательной механизацией всего процесса вплоть до погрузки на поезда. Вся же массовая почтовая сеть, до сельских пунктов включительно, а также относительно крупные узлы будут основываться, главным образом, на рационализации процесса обмена с применением автотранспорта для движения почт вне почтовых предприятий, но без механизации внутри почты, так как кроме больших центров она в большинстве случаев не может оправдать себя. Почта отличается тем, что в ней органическое строение капитала чрезвычайно низко и различные формы применения труда вплоть до использования сельского письмоносца в качестве переносящей груз силы останется не только в пятилетие, но, вероятно, далеко за его пределами.

Несовершенство почтовой сети проявляется, главным образом, в медленном движении почты в сторону от железных дорог. Здесь можно и нужно итти к резкому усилению автотранспорта, который предполагается к увеличению в количестве машин на 215% в пятилетие с приростом пробега на 165,8%. Можно считать прочно установленным, что если машина будет занята не меньше 6 часов в сутки и 8 месяцев в году, то постановка специальной почтовой машины, дополняемой пассажирами, является совершенно целесообразной. Механизация почтового движения на трактах затруднена, однако, состоянием дорог и климатическими условиями. Только тогда автомобильное сообщение может обеспечивать почтовое движение, когда оно идет круглый год, чего можно достигнуть при нынешнем состоянии автотранспорта лишь в отдельных, главным образом, оживленных по движению районах. Наши пробы с автосанями, в том числе шведскими, снабженными ленточной передачей, не были достаточно успешны в силу особенностей наших трактовых дорог, изрытых глубокими колеями. До сих пор еще нет у нас такого типа машин, которые были бы пригодны как для летнего, так и зимнего обслуживания, и это вызывает значительное осложнение в расширенном применении автотранспорта на почтовых путях. Здесь выход, очевидно, не только и не столько в самом автомобиле, сколько в организации дорог и ухода за ними, как это имеет место не только под Москвой, на двух шоссе, но практиковалось и на севере по дорогам, где ходили почтовые машины. НКПиТ принимал участие во всех попытках разрешить вопрос о водном транспорте на мелководьи с глиссерами, а для зимних бездорожных путей с аэросанями, но эти разработки до сих пор давали в лучшем случае лишь спортивные, а не твердые эксплоатационные образцы.

Неполнота использования по сезонным причинам препятствует также более усиленному применению для почты аэросообщений. Почтовый „пробег“ по аэропутям запроектирован к увеличению на пятилетие на 421%, но это все же охватит только около 80% плана особой комиссии гражданской авиации. Почтовые аэросообщения не имеют достаточной нагрузки, несмотря на то, что летный сезон приобретает все большую правильность. Но время осенних и зимних перерывов препятствует приучению хозяйственных органов и населения к регулярному использованию воздушной связи. Кроме того, аэросообщения, мало согласованные с железнодорожным расписанием и всей системой железнодорожного транспорта, не дают возможности сочетать оба вида транспортных средств для правильной организации почтовых сообщений.

Сезонность препятствует более широкому применению и других механических средств передвижения, например, велосипедов; ими почта может опять-таки пользоваться лишь в городах и некоторых южных районах. Имеются попытки привить и расширить в перспективе применение лыж для хода письмоносцев в зимнее время, но продвижение этого средства идет с трудом в силу отсутствия культурных навыков, отсутствия опыта других организаций и, кроме того, отсутствия налаженного производства лыж.

Почта имеет пределы реконструктивных устремлений на своей сети и путях к ней, поставленные общимм условиями дорог и транспорта, развитием автомобильного производства и дорожного строительства. Характерно, что несмотря на увеличение количества автомашин в пятилетке с 404 до 1.273 (215,0%), несмотря на увеличение пробега почты по воздушным путям на 421% и по автотранспорту на 165,8%, абсолютные цифры хода сельского письмоносца (частью конного, а в большинстве случаев пешего) далеко оставляют позади величину пробега почты механизированными видами транспорта, включая и воздушные пути. Приводимая таблица ясно говорит, что почта своими силами не может разрешить задачи коренной перестройки почтового движения.

Запроектированный на пятилетие пробег почты

Виды транспорта	1927/28 г. в млн. км	Удельный вес	1932/33 г.	Удельный вес	Процент прироста
Железнодорожный	63,8	29,6	101,0	26,8	58,4
Водный	7,3	3,4	8,1	2,2	10,8
Воздушный	2,1	1,0	10,8	2,9	421,4
Автотранспорт	7,2	3,3	19,2	5,1	165,8
Гужевой	55,9	26,0	82,2	21,8	47,1
Сельский письмоносец	79,0	36,7	155,1	41,2	96,16
Итого	215,3	100	376,3	100	74,8

Коренные изменения в переброске извещений, идущих через почту главным образом, коротких писем, заложены в дальнейших технических и эксплоатационных разработках, которые должны увязать часть почтовой системы с системой электрической связи. Переброска сначала открытых писем, а затем и более подробных сообщений вместо почтового транспорта электрическим путем, соединение в этом смысле почты с новейшими телеграфными приборами, с системой передачи текста на расстояние, существующей сейчас лишь в зародышевом эксплоатационном виде, может дать толчок к значительной реконструкции почты в общей системе связи. Но эта сторона в плане не нашла еще отражения.

Если в области почты возможность дальнейшей реконструкции пока значительно ограничена, то в электрической связи предполагаются большие сдвиги, которые тоже недостаточно еще отображены пятилетней перспективой, так как технические достижения последнего времени, тре-

бующие технико-экономической проверки, не позволяют определить конкретно количественных и качественных изменений, которые могут быть внесены в систему электрической связи. Даже в телеграфе, который отличался застоем в технике, намечаются в перспективе такие изменения, которые могут дать толчок новому более широкому использованию этого средства электрических сообщений.

Какая установка дается в отношении сети телеграфа, телефона, радио? Прежде всего, все более уничтожается традиционное деление этих средств и использование их врозь, изолировано друг от друга. Обособленность, антагонизм между техникой и техниками различных видов электрической связи затрудняли использование этих трех способов электрических сообщений, как одного целого. Уже накануне первого года пятилетки мы располагали определенными результатами от соединения отдельных элементов электрической связи в одну систему, использования оборудования одного вида для другого, общности устройств не только на линиях, но во многих случаях и на станциях, а также от решительного перехода к новейшему техническому оборудованию, в особенности, на телефонных и радиосообщениях.

В области электрической связи, как и в почте, основная линия развития и изменений в оборудовании взята на массовость. Массовое использование электрической связи может итти, главным образом, по телефону, наиболее доступному в обращении, не требующему сдачи письменных извещений в определенные места (телеграфные пункты), и затем путем радио, которое должно чрезвычайно сильно расширить сферу применения не только в передаче телеграмм и радиовещания, но и в телефонных связях, в особенности на далеких расстояниях. Элементы радио проникают во все виды электрической связи, позволяя осуществлять об'единение служб телеграфа и телефона на одних и тех же проводах, на одних и тех же радиостанциях, трансляционных пунктах и т. д. Элементы радиоустройств заключены в многократном (несколько одновременно идущих разговоров) телефонировании по одной и той же цепи. Благодаря этим же элементам радио и телеграфирование идет на этих же проводах. Все это разработанные и применямые уже в эксплоатации приемы новой техники. С одной стороны, расширяется использование проволоки для радиосети, основные радиостанции об'единяются телефонными проводами вне городов в одну систему, применяется проволочное городское и междугородное телефонирование для передачи широковещания по проводам. А с другой стороны, взамен и на помощь проволоке на дальних расстояниях может практически уже итти обыкновенная телефонная двусторонняя связь, правильная эксплоатация которой в данный момент ведется через коротковолновые радиотелефонные станции между Германией и Буэнос-Айресом и между Голландией и островом Ява. Для такого взаимного использования устройств различных видов связи необходимо применение бронзы и кабеля на телеграфно-телефонных линиях вместо практикующейся в большинстве случаев подвески для этих целей железа.

Как отражается все это в пятилетней перспективе? Наиболее высокое место в капитальных вложениях, по электрической связи, имеющих реконструктивное значение, занимает оборудование городских телефонных сетей, переходящих во всех более или менее крупных станциях на автоматическую систему. На путь выбора автоматической системы, как основной в новых капитальных вложениях, НКПиТ встал еще в 1925 г. в результате изучения в Германии и в Швеции развития телефонных устройств. В пятилетке предполагается довести количество автоматических номеров до 188.000. Ставка на последнюю технику, имеющуюся на городских телефонных сообщениях, должна быть сделана, очевидно,

и на небольших сельских станциях, эксплоатация которых может быть рентабельна лишь при резком сокращении эксплоатационных расходов, падающих, главным образом, на дежурных при этих станциях. Задача перехода на автоматику потребовала постановки производства этого типа телефонного оборудования на наших советских заводах. К нынешнему времени уже выясняется, что возможный размер выпускаемой в последующие годы продукции не только может вполне обеспечить заявленную в автоматике потребность, но даже превысит намеченный НКПиТ план капитальных вложений, суживаемый против потребности по финансовым соображениям. В итоге к концу пятилетия в хозяйстве городских телефонных сетей автоматическое оборудование выразится в 39,4% по удельному весу всех установок. В междугородных телефонных сообщениях проектируется продолжение перехода на бронзовые провода, позволяющие, как правило, использовать их и для телеграфных магистральных связей. Специальные (железные) телеграфные линии останутся лишь там, где затруднено устройство телефона на дальнее расстояние, где нет еще совершенно электрической связи, где в силу ограниченных сырьевых и финансовых возможностей нельзя прибегать к подвеске бронзовых проводов.

Телефонные магистрали в проекте пятилетки получают продвижение на восток, который был до сих пор совершенно оголен от междугородной телефонной связи. Вся проволочная сеть (телеграф и междугородный телефон) предполагает прирост за пятилетие на 16,4%, но за то междугородные телефонные сообщения проектируются с приростом свыше чем на 100%, телеграфные же специальные (железные) линии намечаются к увеличению только на 2,3%. Из этого видно, что ставка на реконструкцию линейных сооружений взята достаточно определенно. Опять-таки здесь нельзя считать исключенными значительные изменения, которые могут быть при дальнейшей проработке пятилетки в результате технических достижений. Широкое применение подземного кабеля за границей, в особенности в Германии, соединение посредством его не только отдельных пунктов для телеграфно-телефонной связи, но и организация целостной системы городских телефонных сообщений крупнейших центров посредством междугородных кабелей потребует более решительного, чем это намечено проектом пятилетки, перехода на кабель не только внутри телеграфно-телефонных узлов, но и между городами, имеющими крупнейшие автоматические станции и значительный поток междугородных отправлений. Уже теперь ведутся разработки технико-экономического порядка по проектированию кабельной линии Москва — Харьков. Эти разработки даже в нынешней их стадии позволяют сказать, что кроме запроектированных 435 *км* кабеля внутри телеграфно-телефонных узлов явится необходимость включить в пятилетие часть этого междугородного каблирования.

Однако, не только в новых капитальных устройствах проявляются реконструктивные моменты на линиях электрической связи. Для того чтобы сделать линейное хозяйство более совершенным и устойчивым, намечается дальнейшее развитие электросварки проводов, консервирование столбов и применение, кроме бронзы, так называемого биметаллического провода (сталь покрытая медной оболочкой), опыты подвески которого происходят уже в этом году. На ряду с этим должно быть произведено перепланирование сети в соответствии с районированием страны.

Поскольку вся проволочная сеть электрических сообщений станет больше довоенной на 98%, постольку необходима интенсификация использования этой огромной сети связи. В этом отношении должен быть

сделан ряд шагов по рационализации станционного оборудования, применения наиболее быстродействующих и, вместе с тем, более экономных систем, допускающих удешевление и увеличение обмена. Станционное оборудование на телеграфе характеризуется отсталостью и многотипностью. Технические сдвиги последних лет мало коснулись его не только у нас, но и за границей, за исключением аппаратов для передачи изображений и текста, работающих с огромной быстротой как по проволочным, так и беспроволочным путям. Техника станционных телеграфных сооружений не дала ничего чрезвычайного. Пятилеткой проектируется начатое уже уменьшение количества типов и применение новых аппаратов системы Шорина, представляющих собою подобие пишущей машинки, могущей быть установленной не только на телеграфной станции, но и в любом предприятии, учреждении. В последнее время — при окончании разработки пятилетки — оказалось возможным провести в первые три — четыре года пятилетия коренную рационализацию станционной службы телеграфа применением для всех телеграфных систем единой клавиатуры пишущей машинки Ундервуд, что позволяет еще больше упростить и удешевить эксплоатацию и позволит на любой системе телеграфного аппарата работать любому, умеющему работать на пишущей машинке.

Этим не исчерпываются директивы по реконструрции службы телеграфа. При развившейся сети телефонных связей телеграф может сохранить и усилить значение в дальнейшем лишь при чрезвычайной быстроте передачи телеграмм, при возможности переброски небольшими станционными средствами значительного потока слов. Эти требования должны быть поставлены, как директива в дополнительных разработках пятилетнего плана. Телеграфу нужно отойти от привычных форм, чтобы выполнить задачу огромного повышения скорости передачи, для превращения его в массовое, доступное средство передачи сообщений. Электрофото-оптика, приборы, воспроизводящие 5000 букв в минуту (устанавливаемые сейчас для эксплоатации на линии Ленинград—Москва), — таков ход развития нового телеграфа, если можно будет дальше называть его этим именем.

Каков же при этом получится прирост охвата населенных пунктов, а в особенности местных районных центров хозяйственной и административной деятельности — риков и виков — путем проволочной электрической связи? Этот прирост не велик. Вся сеть электрической проволочной связи охватит новых 3.100 пунктов, главным образом, риков и сельсоветов и только часть попутных к ним сел. Потребность сельских мест в телефонно-телеграфной связи между собою и районными центрами явно не получит достаточного удовлетворения. Можно ли на этом участке плана намечать значительные изменения? Нет. Мы видели, что по об'ему своих линейных устройств сеть проволочной электрической связи между населенными пунктами станет в сделанной уже наметке плана на 98% больше довоенного, явно приходя в несоответствие с размерами обмена по этой же сети — обмена, далеко отстоющего в темпе от об'ема средств проволочной электрической связи. Расширяя дальше охват новых пунктов, но не закрепив основных узлов, не переоборудовав их, не впитав массу обмена, было бы нецелесообразно развивать начальную сеть, не гарантированную достаточной нагрузкой и отвлекающую, вместе с тем, значительную часть средств от капитальных сооружений, вызываемых требованиями реконструкции и оправдываемых наиболее эффективным использованием.

Массовый охват сельских пунктов может итти лишь по линии радиосвязи, не требующей значительных вложений в линейные сооружения и их эксплоатацию.

Радиосеть как в своих передающих станциях, так и в приемных устройствах достаточно интенсивно уже сейчас подвергается реконструированию. На опыте других стран, а также на опыте предыдущих лет развития радио как для так называемых „коммерческих“ целей, так и для проведения радиовещания, мы видим огромные затруднения в составлении перспективного плана развития, и плана коренных переустройств, так как каждый год вносит новое в радиотехнику и это новое настолько значительно, что при медленности осуществления промышленностью заданных по постройке сооружений по новейшим техническим данным они к моменту окончания постройки становятся уже устаревшими, не говоря уже о том, что в последующие годы приходится либо ставить рядом с ними уже резко отличные установки, либо производить переустройство прежних сооружений. Поэтому как в Западной Европе, так и у нас каждая из более или менее крупных радиостанций представляет собою непрерывно перестраивающуюся и совершенствующуюся единицу, и конца этого процесса мы, конечно, не можем видеть в пятилетии, да и, пожалуй, требование устойчивости определенного типа на целый ряд лет подорвало бы те разработки в области радиотехники, которые приводят к непрерывным изменениям и улучшениям.

Радиосеть обычно разделяли и в значительной степени разделяют и до сих пор на так называемую „коммерческую“, которая обслуживает, главным образом, радиотелеграфные связи, и на сеть передающих станций, предназначенных для широковещания. Кроме того, отдельно рассматривается радиофикация страны массой приемных устройств, находящихся как в коллективах, так и в индивидуальном пользовании. Однако, с каждым следующим днем и здесь стираются различия. По плану радиосети, станции, так называемой „коммерческой“ службы, намечаются и строятся в тех же местах, которые являются опорными пунктами для постановки широковещательных станций. Естественно, что они должны быть проектированы и территориально совмещены для облегчения и удешевления эксплоатации и капитального строительства. Радиотехника переплетает каждую из телеграфных и радиотелеграфных станций между собою не только общим помещением, силовым устройством и эксплоатационным персоналом: она переплетает их в функциях каждого радиопередатчика. Каждая радиотелефонная станция не только приспособлена, но и выполняет работу либо для коммерческих радиотелеграфных сношений, либо для двусторонней радиотелефонной связи, а также для передачи изображений на расстояние, так как во всех этих случаях необходима и пригодна радиотелефонная станция, предназначенная для широковещания. Специальные радиотелеграфные передатчики остаются в нескольких пунктах, главным образом, на сверхмагистралях для замены, либо для дополнения проволочной связи, по сравнению с которой быстродействующая работа на коротких волнах мощных передатчиков является более выгодной и обеспеченной. Таким образом, основными центрами радиосети, где сосредоточены уже сейчас постройки по несколько передатчиков различного характера, являются Москва, Хабаровск, Новосибирск, Свердловск, Ташкент, Тифлис и Баку. В них идет сооружение, с одной стороны, коротковолновых передатчиков до 20 квт., которые предназначены для быстродействующей радиотелеграфной связи; с другой стороны, намечается, кроме заканчивающегося установкой в Москве 20 квт. радиотелефонного передатчика и имеющегося в Хабаровске приблизительно такой же мощности, коротковолновая радиостанция в 60 квт., которая по своему радиусу действия явится одной из сильнейших мировых станций и предназначена как для непосредственных радиотелеграфных связей с Америкой, так и для широковещания,

охватывающего наибольшую часть территории земного шара. Следующая группа передатчиков, которая устанавливается сейчас в Москве, Свердловске и Ташкенте, предназначена для взаимного телефонирования, для обычного абонентского разговора по этим междугородным „линиям". Это — передатчики относительно небольшой мощности, порядка 10 квт., с одной стороны, коротковолновые, а с другой стороны, нового типа. В радиоволнах, излучаемых радиопередатчиком, уничтожены в значительной степени паразитические боковые полосы, чем увеличивается дальность действия до трех раз. Следующая группа станций, имеющая все те же, с некоторым добавлением, основные базы, включает радиотелефонные станции, предназначенные для широковещания. В Москве, Новосибирске, Ленинграде, Харькове и по всему основному костяку радиотелефонных широковещательных станций намечено и проводится как в проектах, так и в имеющихся разработках и постройках значительное увеличение мощности, пределы которой пока устанавливаются для московского передатчика в 300 квт., для ленинградского (уже строящегося) в 75 квт., для Новосибирска с такой же мощностью. В Свердловске же, Ташкенте и Тифлисе мощность передатчиков как действующих, так и строящихся определяется в 20—25 квт. Такая сеть радиостанций, каждая из которых предназначена для одного вида работы, может быть пригодна для различных комбинаций от радиотелеграфной передачи до передачи изображений включительно.

Какая линия проходит в области радио в усовершенствованиях, разработках, конструктивном оформлении? Вместо огромных мощностей длинноволновых станций, предназначенных для коммерческой радиотелеграфной службы, сейчас во всех странах проводится, и мы от этого стараемся не отставать, переход на меньшие мощности, на коротковолновые станции, эксплоатационно наиболее выгодные, имеющие наименьшие потери при прохождении своих волн. Например, вместо мощностей, применяемых для трансляционных сообщений от 500 и до 1.200 квт; сейчас коротковолновые станции, применяемые для этих же сообщений, имеют лишь от 20 и до 60 квт., что дает огромную разницу в затратах на эксплоатацию и в стоимости сооружений. Радиопути все более становятся на замену проволоки и кабеля, и сейчас мы присутствуем при чрезвычайно сложной картине борьбы между собой кабельных и крупных радиокомпаний, где победителями оказываются Маркони и другие радиофирмы. Повышенная мощность оставляется лишь для той группы длинноволновых станций, которая предназначена широковещать. Здесь пока еще радиотехника не дала возможности устранить недостатки коротких волн в применении для широковещания, заключающиеся в том, что короткие волны, действуя на огромнейшие расстояния, в то же время оказываются не в силах покрыть все населенные пункты, лежащие в определенном радиусе в той же степени равномерно, как это происходит при передаче широковещания на длинных волнах. Кроме того, здесь приходится учитывать большую простоту приемной аппаратуры для индивидуального и коллективного слушателя радиовещания.

Мы видим, что в передающей радиосети достаточно четко установились реконструктивные принципы ее развития. Здесь возможны лишь некоторые изменения в запроектированных сооружениях в виду уже известных нам новых разработок, позволяющих применить на радиотелефонных передатчиках те же принципы, которые применяются и на телефонной проволоке, т.-е. что каждый передатчик может одновременно давать 2—3 различных как телеграфных, так и телефонных передачи; иными словами, многократное телефонирование, применяемое на междугородных телефонных линиях, перейдет, очевидно, и в область радио.

Несмотря все же на такую относительную широту, план радиостроительства передающих станций требует сравнительно небольшой доли от капитальных вложений; на всем протяжении пятилетия удельный вес вложений на радио составляет 5,32%.

Гораздо сложнее обстоит дело со всякого рода приемными устройствами, радиофицирующими населенные пункты, коллективы и одиночных слушателей во всем Советском Союзе. Крайне недостаточная насыщенность устройствами для приема широковещания заставляет наметить линию более форсированного хода развития приемной сети, но в этой части разработки далеко еще нельзя считать законченными. Эти разработки упираются в резкое расхождение между платежеспособным спросом как индивидуальных слушателей, так и коллективных групп, с одной стороны, и возможностью, которая имеется у промышленности на намечаемое пятилетие — с другой. Если вся электропромышленность в целом по различным разделам радиофикации может, очевидно, дать продукции не больше, чем на 200—230 млн. руб., включая и основных государственных заказчиков, то потребности, выявляемые радиолюбителями и радиослушателями, во всей массе увеличивают эту цифру, по крайней мере, вдвое. На это дело можно получить значительные средства непосредственно у населения, не затрагивая государственного и местных бюджетов, но для этого нужно обеспечить продукцию; нужно ставить вопрос о расширении сырьевой и производственной базы электропромышленности, так как длительное расхождение между потребностью и спросом на радиоизделия отразится на темпе поднятия культурно-просветительной работы, ведущейся в стране.

Кроме приема радиовещания исключительно по эфиру, сейчас проводится намеченный пока на год план радиофикации посредством имеющихся телефонных проводов с некоторой достройкой оборудования на телефонных станциях. Для этой части радиофикации на 1 год потребность выражается в 11,5 млн. руб., которая может быть удовлетворена промышленностью не больше, чем на 25—30%. Следовательно, вопрос радиофикации страны, дальнейшей ее перспективы, не может быть разрешен без того, чтобы не была намечена в первую очередь возможность развертывания электропромышленности и ее сырьевой базы, так как это исключительно определяет пятилетнюю наметку радиовещания. Иначе возможность будет во всяком случае меньше, нежели выявляемый и все более резко ощущаемый платежеспособный спрос.

Какая же получается в итоге картина соотношений по капитальному строительству, по реконструктивным работам на пятилетие? По реконструктивным работам наибольшую долю вложений поглощает автоматика на городских телефонных сетях; она составляет 25% к общей сумме капитальных работ по всему хозяйству связи, а к общей сумме капитальных вложений по телефонному хозяйству автоматика составляет 44,8%.

Нижеследующая таблица характеризует капитальные вложения по видам связи в абсолютных цифрах и по удельному их весу (см. табл. на след. стр.).

Удельные веса капитальных вложений говорят о значительном отражении реконструктивных моментов, уже обрисованных в настоящей статье. Увеличивается доля вложений в почту, главным образом, на новые почтовые вагоны, автомобили, механизацию. Значительно уменьшается доля расхода на телеграф, стабилизующийся в своих линиях и подвергающийся коренному переустройству лишь на станциях, где размеры этих капитальных затрат не выражаются в значительных суммах. Уменьшается доля радио потому, что целый ряд построек заложен

Соотношение капитальных вложений по видам связи

(В абсолютных цифрах и удельных весах)

Вложения	1927/28 г.		За пять лет	
	В млн. руб.	Удельный вес	В млн. руб.	Удельный вес
Почта	2,52	7,67	34,31	10,98
Телеграф	2,99	9,09	21,71	6,95
Радио	2,51	7,64	19,83	6,34
Телефон	14,47	44,02	163.05	52,18
Гражданские сооружения	10,16	30,91	67,93	21,74
Хозяйственный инвентарь	—	—	5,66	1,81
Оборудование лабораторий	0,22	0,67		
Итого	32,87	100,0	312,49	100,0

и произведен еще в 1927/28 г., но тут возможно некоторое увеличение вложений в зависимости от общего плана радиофикации, который не отражен еще здесь. Несомненно, что общий план радиофикации нарушит в отношении радио общую сумму капитальных вложений. Далее значительно увеличивается доля телефона, как мы уже говорили, главным образом, за счет автоматики, при чем нужно учесть, что гражданские сооружения как относящиеся к 1927/28 г. так и намеченные в пятилетнем плане, в подавляющем большинстве случаев относятся опять-таки к автоматическим телефонным станциям.

Какова же наметка пятилетнего плана по рабсиле, занятой в связи, каково отражение реконструктивных моментов на движении рабсилы? Накануне пятилетия производственный штат выражался в 88.385 чел. В первый год пятилетки — 1928/29 — связь вступает с уменьшенным штатом работников на 5.000 чел. Это могло быть только в результате уже проведенной по ряду видов и устройств связи рационализации, в результате введения в действие новых механизмов. Сюда не включены сельские письмоносцы и агенты, занятые полный рабочий день и производящие работу, главным образом, на положении контрагентов. К концу пятилетия ориентировочно намечается возврат к кануну пятилетки — абсолютная цифра производственного штата намечается в 88.950 чел. Между тем, общий рост обмена за пятилетие составляет 73%. Эти показатели, правда, рассчитаны на значительную напряженность в отношении производственной рабсилы, так как связь во все более широких размерах включает различные дополнительные функции, в особенности распространение периодических и других печатных изданий, влекущие за собой значительную потребность в добавочных кадрах. Если удастся выдержать в плане намеченное незначительное (0,7%) увеличение за пятилетие рабсилы, то это реально покажет, насколько коренная переделка хозяйства связи влияет на невступившее еще полностью в эксплоатацию новое оборудование. При этих соотношениях рост зарплаты предполагается на 33%, а повышение производительности

труда — на 75,5%. Весь же фонд зарплаты предполагается с приростом на 32%.

Намеченные сдвиги в соотношениях между различными видами связи отражаются и на соотношениях между ростом дохода и обмена. Наибольший разрыв между динамикой дохода и обмена наблюдается, как это видно из приводимой таблички, в отношении почты, где дешевые массовые виды обмена, в частности периодическая печать, растут за счет дорогих видов — так называемых страховых и заказных отправлений (в %%):

	Почта	Телеграф	Телефон
Рост дохода	39,4	18,3	62,8
„ обмена	86,4	17,7	66,7

Наконец, последний вопрос: велик ли разрыв между потребностями капитального строительства и собственными накоплениями связи? При наличии программы капитальных работ на 312,5 млн. руб. нехватка выразится в 141,4 млн. рублей, но эта нехватка покрывается отчасти ссудами мест на телефонное строительство в размере около 65 млн. руб. Таким образом, дополнительные вложения по бюджету могут составить около 76,5 млн. руб. Этот на первый взгляд значительный разрыв между собственными накоплениями связи и размерами капитальных работ об'ясняется в некоторой степени вышеприведенной табличкой — разрывом между резко идущим вперед обменом и значительно отстающим от него темпом доходов. Все большее преобладание дешевых массовых отправлений, сохранение в некоторых случаях даже льгот и бесплатности по периодическим и разным другим изданиям дают разрыв между себестоимостью обработки и тарифной оплатой этих льготных отправок по крайней мере в 160 млн. руб. Само собою разумеется, что тенденции к расширению массового обмена, к использованию средств связи для целого ряда дополнительных функций, связанных с культурно-просветительной работой, являются нормальными, желательными, отвечающими линии, взятой партией и правительством; но, вместе с тем, нормальным и неизбежным является разрыв между собственным накоплением связи и необходимостью значительного капитального строительства реконструктивного порядка. Обще-бюджетные трудности в заполнении дефицита по связи не могут исключить той большой, все увеличивающейся роли связи в культурно-просветительной работе, ведущейся в стране.

А. Н. Челинцев

Сельское хозяйство и перспективы его по автономным республикам РСФСР [1]

4. Эволюция сельского хозяйства автономных республик

Эволюция сельского хозяйства автономных республик по своему направлению оправдывает намечающиеся перспективы товарной продукции. По данным ЦСУ ход развития важнейших в каждой автономной республике РСФСР отраслей земледелия и животноводства был таков (см. табл.):

Как показывают цифры, приведенные в таблице, европейские автономные республики отличаются от азиатских в темпах развития их главнейших товарных отраслей; в то время как все азиатские республики дали бесперебойное расширение размеров всех соответствующих отраслей, в европейских республиках наблюдались перебои, указывающие на недостаточно благополучную обстановку для этих отраслей или особенно разрушительную силу стихийных явлений (засухи). Несомненно, требуется большая напряженность мероприятий, чтобы обеспечить непрерывность под'ема главнейших товарных отраслей сельскохозяйственного производства. Частично же эта перебойность указывает на изживание или замену прежних товарных отраслей новыми. К числу таковых нужно отнести следующее:

В Дагестане — сокращение численности овец с 1926 г.; овцы — будучи здесь сосредоточены в хозяйствах беков при настоящей социальной политике заменяются стадами, свойственными более мелким хозяйствам, в особенности при переводе альпийских пастбищ из-под овец под молочные стада на базе новых сыроделен; но следует оговориться, что на ряду с этим прогрессивным процессом замены овец молочным скотом, главным образом, в горной части Дагестана идет, а в полупустынной плоскостной части Дагестана должно итти полное освоение абсолютных пастбищ, чем в известной мере должно нейтрализоваться сказанное количественное сокращение овцеводства в горном Дагестане; параллельно здесь должно итти и качественное изменение состава шерсти из грубой в полугрубошерстную и тонкошерстную на базе расширяющегося мериносового овцеводства в плоскостной части Дагестана; в итоге численность овец не должна мыслиться сокращающейся.

В Крыму — сокращение овец с 1927 г. точно так же не должно считаться столь отрицательным явлением, как сокращение в том же году посевной площади, крупного рогатого скота и, в частности, коров; это последнее должно быть отнесено, в частности, к стихийным бедствиям, уничтожившим площади озимых под пшеницей, которая является здесь основной товарной отраслью и кормовым источником, а также к воздействию мероприятий социальной политики в отношении верхушки деревни; но влияние последней причины, несомненно, быстро будет преодолено освоением соответствующей площади земли мелкими середняцкими и

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 1 за 1929 г.

	Единицы измерения	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Карельская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	56,1	52,5	65,8	—
Всего зерновых	„	49,3	46,4	57,3	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	27,9	29.3	33,6	—
Крупный рогатый скот	„	133,4	123,2	135,7	—
Коров	„	67,5	69,3	73.1	—
Овец	„	105,3	98,4	116,0	—
Свиней	„	3,6	3,3	—	—
Картофель	тыс. га	3.0	3.5	4,3	—
Конопля	„	0,9	0,2	0.2	—
Чувашская					
Вся посевная площадь	тыс. га	488,3	538,4	654,0	—
Всего зерновых	„	406,3	436,0	600,0	—
В том числе пшеницы	„	12,4	9,7	12,8	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	108,7	126,9	137,9	—
Крупн. рогат. скот	„	247,0	224,4	237,8	—
В том числе коров	„	123,5	144,1	147,2	—
Овец	„	794,0	466,5	9.760,0	—
Свиней	„	157,1	63,6	97,1	—
Картофель	тыс. га	19,2	20,1	29.7	—
Конопля	„	4,3	3,7	5,5	—
Лен	„	1,0	2,7	3,9	—
Татарская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	2.549,5	2.280.2	3.030.0	—
Всего зерновых	„	2.150,0	2.134,2	2.837,2	—
В том числе пшеницы	„	107,6	95,4	157.2	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	299,4	351,2	386,4	—
Крупн. рогат. скот	„	724,2	780,9	845,4	—
В том числе коров	„	377,9	436,6	460,3	—
Овец	„	794,0	863,3	250,0	—
Свиней	„	157,1	96,8	157,9	—
Картофель	тыс. га	112,5	90,2	119,3	—
Конопля	„	18,1	13,3	18,5	—
Лен	„	27,4	20,8	28,5	—
Немреспублика					
Вся посевная площадь	тыс. га	916,9	1 139,7	1.177,9	—
Всего зерновых	„	795.3	1.003,0	1.063,7	—
Пшеница	„	384,6	515.7	600,8	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	59,9	74,0	90,4	—
Крупн. рогат. скот	„	258,0	328,4	366.8	—
В том числе коров	„	101.4	121,3	129,4	—
Овец	„	275,3	387,4	461,0	—
Свиней	„	94,5	206,1	268,7	—
Картофель	тыс. га	19,1	20,2	19,3	—
Башкирская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	2694	2809	2.733 2.502	— 2.658
Всего зерновых	„	2429	2593	2.574 2.370	— 2.471
Пшеница	„	4538	679	638 583	— 611
Рабочих лошадей	тыс. штук	488	546	593	633
Крупн. рогат. скот	„	1.327	1.399	1.391	1.479
В том числе коров	„	578	629	626	658
Овец	„	2120	2.340	2.589	2.845
Свиней	„	165	139	92	123
Картофель	тыс. га	91	74	74 68	— 80
Конопля	„	265	21	19	30

	Единицы измерения	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Крым					
Вся посевная площадь	тыс. га	549	690	744 709	— 658
Всего зерновых	„	518	662	732 670	— 619
Пшеницы	„	255	344	430 394	— 399
Табак	„	—	—	99	104
Рабочих лошадей	тыс. штук	63	71	—	—
Крупн. рогат. скот	„	221	246	296	229
В том числе коров	„	79	92	108	99
Овец	„	541	614	902	786
Дагестанская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	217	231	258	—
Всего зерновых	„	198	211	235	—
Кукуруза	„	39	30	30	—
Крупн. рогат. скот	тыс. штук	474	553	675	—
В том числе коров	„	166	174	212	—
Овец	„	2.231	2.267	2.181	—
Казакстан					
Вся посевная площадь	тыс. га	3.304	3.857	4.180	—
Всего зерновых	„	2.963	3.528	3.826	—
В том числе пшеницы	„	1.912	2.434	2.803	—
Хлопок	„	—	—	—	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	1.567	1.611	1.716	—
Крупн. рогат. скот	„	5.120	5.855	7.086	—
В том числе коров	„	1.770	1.939	2.290	—
Овец	„	11.180	14.429	16.892	—
Киргизия					
Вся посевная площадь	тыс. га	474	546	646	—
Всего зерновых	„	381	436	546	—
В том числе пшеницы	„	252	270	351	—
Кукуруза	„	32	61	41	—
Хлопок	„	—	—	—	—
Бурято-Монголия					
Вся посевная площадь	тыс. га	282	293	335	—
Всего зерновых	„	272	277	314	—
В том числе пшеницы	„	42	42	59	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	195	196	215	—
Крупн. рогат. скот	„	667	805	956	—
В том числе коров	„	280	313	362	—
Овец	„	605	748	1.002	—
Якутия					
Вся посевная площадь	тыс. га	334	—	—	—
Всего зерновых	„	329	—	—	—
Крупн. рогат. скот	тыс. штук	457	—	—	—
В том числе коров	„	188	—	—	—
Рабочих лошадей	„	74	—	—	—
Овец	„	0,6	—	—	—

частью бедняцкими хозяйствами, в особенности, на базе полной и подсобно-производственной кооперации.

В республике немцев Поволжья имели место перебои в росте подсолнечника и, в особенности, свиней, что как и в целом Союзе обязано политике цен в прошлом и требует соответствующих мер предотвращения подобных явлений на будущее время. Рост же основной отрасли зерна и покоящегося на его расширении молочного и части мясного скотоводства оказывается достаточно прочным.

Гораздо более тревожно и требует соответствующих мер политики положение в остальных республиках в целях обеспечения бесперебойного под'ема соответствующих товарных отраслей сельского хозяйства.

Выше мы уже видели, что в более мало-земельных автономных республиках переживается кризис паро-трехпольного хозяйства и требуется уже реконструкция строя сельского хозяйства в целом. В значительной мере стихийный процесс количественного расширения сельского хозяйства на базе освоения под посевы и скот больших площадей, имеющих место в остальных республиках, здесь уже закончился, а предпосылки к интенсификации сельского хозяйства в экономической среде, в оборудованности крестьянского хозяйства еще не сложились.

В Башкирской республике имеется не только перебойность в росте всей посевной площади (в частности, зерновой в 1927 г., что об'ясняется влиянием погоды) при достаточно быстром росте рабочих лошадей (с 1925 до 1928 гг. увеличение на 29%), но и мало утешительное движение в сторону сокращения числа коров и, в особенности, свиней. Точно так же не имело места ожидаемое в северных кантонах расширение конопли, а также картофеля, а в южных — подсолнечника. Поэтому, политика более согласованных, а вместе с тем, и более высоких цен, а также более совершенная организация заготовки соответствующих продуктов делается здесь и на будущее обязательной предпосылкой бесперебойности указанных отраслей; другим обязательным условием для этого является создание и расширение сети сельскохозяйственных индустриальных установок (в северных кантонах) маслозаводов, картофеле-перерабатывающих заводов, свинохладобоен или хладобоенских комбинатов.

В Татарской республике на фоне общего под'ема посевной площади и численности скота имела место, правда, в более ограниченном размере, перебойность наиболее здесь необходимых интенсивных товарных отраслей: свиней (для не татар) и интенсивных культур — картофеля и конопли. Здесь необходимы те же мероприятия, какие указывались применительно к Башкирской республике. Кроме того, здесь нужны еще соответствующие мероприятия по поднятию плодоводства.

В Чувашской республике кризисное состояние парового трехпольного хозяйства на фоне еще большой земельной стесненности (и большой плотности населения) выражено еще более сильно, при более слабом темпе и меньшей устойчивости абсолютного нарастания посевной площади и численности крупного рогатого скота и свиней. Медленность роста и перебойность интенсивных отраслей, как молочного хозяйства, свиноводства, птицеводства, посевов картофеля и конопли, являются показателем отсталости и неблагоприятной экономической обстановки для реализации необходимого здесь под'ема хозяйства. Тут еще в большей мере, чем в Татреспублике и Башкирской выдвигается роль правильной ценовой и вообще рыночно-заготовительной политики, а также важность с.-х. индустрии, тесно связанной с окружающим населением при посредстве соответствующих видов кооперации производственного типа.

Наконец, в Карельской республике при ее сравнительно большом земельном просторе и благоприятном рыночном положении в связи с Мурманской жел.-дор. и Ленинградским рынком темпы и направление бывшего до сих пор эволюционного процесса не возбуждают особой тревоги, но зато диктуют необходимость более полного использования природных ресурсов под основную здесь товарную отрасль — молочное скотоводство и частью льноводство. Точно так же необходимы здесь соответствующие индустриальные установки при соответствующей ценовой и рыночной политике с обеспечением завоза сюда зерна.

Но анализируя ход развития сельского хозяйства автономных республик за последние годы, нужно сказать, что их наличные природные ресурсы используются для под'ема общей товарности республик далеко не полно, за недостатком местного населения и в виду слабости притока переселенцев.

В этом отношении особенно выделяются такие большие республики, как Казакстан, отчасти Башкирская и Крымская республики и с известной оговоркой сюда же должна быть отнесена также Бурято-Монгольская республика. Поэтому бывший до сих пор темп развития в перспективе должен быть значительно поднят, а соответственно этому должны быть проведены и надлежащие мероприятия, увеличивающие полноту использования природных ресурсов.

Это положение должно иметься в виду и желательно при установлении возможных перспектив сельского хозяйства. При чем необходимое расширение контингента переселенцев не может быть уменьшено в силу отвода предназначенных для переселения площадей под совхозы Зернотреста, которые все же будут охватывать только небольшую долю имеющихся здесь неиспользованных земельных фондов, к тому же полностью еще далеко невыявленных.

Сказанное необходимо дополнить несколькими соображениями, оправдывающими метод оценки фактической эволюции сельского хозяйства в автономных республиках, а с другой стороны, мотивирующих необходимость более форсированного темпа сельскохозяйственной продукции не только при помощи мероприятий сельскохозяйственной политики, но и в значительной мере путем заселения.

Эти соображения необходимы еще и потому что они должны несколько ослабить ту понятную и может быть исторически неизбежную точку зрения, которую развивают и реализуют местные органы власти автономных республик: или целиком ограничивающие переселение к себе из прочих частей Союза, в частности, РСФСР или откладывающие эту необходимую для них самих меру до будущего времени.

Необходимо отметить, что переселенческая политика советской власти ни в какой степени не похожа на ту, которая практиковалась царским правительством в силу совершенно иного курса экономической и социальной политики Союза. В каждой из автономных республик реализуется максимально возможное изменение экономической среды, делается ставка на новые железнодорожные пути, организацию рыночного сбыта с соответствующими индустриальными установками; кроме того, оказывается кредитная помощь населению, проводятся соответствующие агрикультурные мероприятия, все более расширяемые сетью земорганов, усиливается агрослужба, так что местное сельское хозяйство ставится в положение более благоприятное и дает более высокий доход (и поэтому в состоянии затрачивать свою энергию на несколько меньшей площади, чем раньше). В этом отношении быстрое изживание кочевого строя и переход на полуоседлый и затем оседлый образ жизни не только не должны останавливаться (как это думали одно

время некоторые представители Казакстана), но должны быть форсированы соответствующими экономическими мероприятиями. Этим будут согласованы интересы местного населения республик с народнохозяйственными интересами всего СССР.

Рост благополучия населения, под'ем производительности сельского хозяйства, расширение сельскохозяйственной товарной продукции при обеспечении роста и накопления средств производства,— эти критерии общей оценки всего сельскохозяйственного прогресса должны быть положены и в основу определения земельных норм местного населения по линии известного сокращения против бывших до сих пор размеров, а это даст повышение переселенческой емкости автономных республик.

Нечего говорить о том, что и заселение свободных земель этих республик при помощи совхозов Зернотреста, которые несмотря на всю их машинизацию и механизацию все же требуют дополнительной людской силы, точно так же может быть проведено лишь при условии переселения сюда крестьянских хозяйств. Не следует забывать, что непосредственно перед революцией именно переселенцы учили местное казакское население обрабатывать пашню, обращаться с орудиями и пр.; тем более эти кадры рабочей силы из состава переселенцев необходимы для совхозов Зернотреста.

Насколько эти земельные ресурсы велики, показывают расчеты Всероссийского переселенческого комитета, основанные на средних земельных нормах русского оседлого населения в северно-земледельческой и скотоводческой земледельческой зоне Казакстана (соответственно 30—40 *га* и 60 *га* на двор), согласно коим в северном Казакстане можно было бы выделить фонд для переселения только в этих двух его зонах около 38 млн. *га*, что поглотило бы 3,6 млн. душ.[1]

Само собой разумеется, что использование редкозаселенных частей автономных республик предполагает соблюдение интересов коренного населения в полной мере.

Другие автономные республики имеют гораздо меньшие абсолютные размеры неиспользованных площадей, но все же в Киргизии, Бурято-Монголии, Крыму и Башкирии и, надо думать, в Немецкой республике еще имеются возможности вселения относительно к местному населению значительного числа переселенцев.

Какие производственные эффекты могли бы следовать из такого рода энергичной и планомерной политики переселения уже в ближайшее пятилетие показывает опыт новоузенской переселенческой организации, давшей за 3 года на один рубль безвозвратных затрат на переселение — товарного зерна также на один рубль. Другой пример, иллюстрирующий возможные эффекты заселения, дает Всесоюзный переселенческий комитет, который считает, что указанное выше расширение сельского хозяйства в Казакстане на 38 млн. *га* дало бы увеличение посевной площади на 10 млн. *га*, в связи с чем в первой его зоне посевплощадь увеличилась бы в два с половиной раза, а во второй в 16 раз, а товарная продукция полеводства выросла бы до 1,6 млн. тонн (в 5 раз превзойдя довоенную); продукция же животноводства на базе роста зимнего корма увеличилась бы по сравнению с довоенным временем в 3 раза. Конечно, эти цифры имеют лишь иллюстративное значение, но они важны для того, чтобы

[1] Насколько этим возможностям не соответствует проводившаяся до сих пор переселенческая политика, указывает то, что в ближайшее пятилетие кроме 2 млн. *га*, проектированных под совхозы Зернотреста, никаких отводов в переселенческие фонды не запроектировано. См. о роли переселения для под'ема сельского хозяйства Казакстана в работе А. Челинцева, „Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана", 1928 г. Изд. Госплана КССР.

отдать отчет себе в возможных перспективах под'ема товарной продукции сельского хозяйства в целой РСФСР при надлежащих мероприятиях по форсированию сельскохозяйственной продукции.

В пользу сказанных соображений об использовании свободных площадей, как о мощном средстве поднятия товарности сельского хозяйства, говорит также и степень восстановленности сельского хозяйства в автономных республиках против довоенного уровня. В большинстве из них сельское хозяйство еще не дошло до этого последнего, а перед революцией происходил, как известно, весьма интенсивный рост сельскохозяйственной продукции этих республик. В европейских же лесных и лесостепных автономных республиках этот процесс восстановления можно считать закончившимся.

Вот цифры 1926 г. в % % к 1916 г.[1]

Республики	Посевная площадь в 1926 г. в % % к 1916 г.	Число скота в 1924 г. в % % к 1916 г.				
		Лошадей	Крупн. рогатый скот	В том числе коров	Овец	Свиней
Карельская	127,6	103.2	115,3	128,0	120,1	220,0
Чувашская	104	101,7	108,9	135,9	109,7	54,2
Татарская	93	72,7	96,4	105,3	89,4	46,4
Башкирская	71,7	60,3	89,4	91,2	79,4	59,0
Немецкая	87,3	42,3	104,5	99,9	79,4	88,4
Крым	71,6	52,5	120,4	118,9	88,8	62,4
Дагестан	100,7	—	—	—	—	—
Казакстан	73.3	69,1	94,9	92,8	50,9	97,0
Бур.-Монгольская Якутия	106,6	—	—	—	—	—
Всего по РСФСР с авт. респуб.	101,1	—	—	—	—	—

Положение недовосстановленности сельского хозяйства в соответствующих республиках диктует и соответствующие особенности сельскохозяйственной экономполитики.

Кроме необходимости форсирования использования свободных земель, ибо здесь имела место абсолютная убыль населения, недовосстановленность посевов и численности скота указывает на характер роста продукции, а именно, на сугубую экстенсивность его, рассчитанную больше всего на количественное изменение, но не только на рационализацию техники и структуры сельского хозяйства. Обстановка быстрого количественного расширения сельского хозяйства, охвата больших площадей под посевы хлебов и умножение стад за счет свободных пастбищ, лугов не благоприятствует сколько-нибудь заметному улучшению техники сельского хозяйства, например, скрещиванию местного, рассчитанного на крайнюю выносливость скота с иностранными мясными породами, требующими совершенно иного режима, техники ухода, кормления и его календаря на протяжении года.

[1] Цифры приведены в среднем по тому госплановскому району, в который входит соответствующая республика, кроме Крыма и Казакстана, по которым цифры свои.

Все сказанное позволяет обосновать соответствующую систему и размер мероприятий, и следовательно, настоятельность ассигнований на них.

5. Основные мероприятия по сельскому хозяйству на пятилетие

Считаясь с производственным типом господствующего сельского хозяйства в каждой республике и с теми видами его товарности, которые отмечены в предыдущей главе, можно наметить следующий состав мероприятий в порядке их очередности:

По Карельской республике: 1) мелиорация — осушение в интересах расширения луговой и частью пахотной площади и расчистка мало выгодных лесных пространств, главным образом, для пашни; 2) подлесная колонизация, примыкающая к системе колонизационных операций Мурманской жел. дор. как в видах расширения сел.-хоз. продукции, так и в интересах промышленности и лесоэксплоатации; 3) расширение сети и рационализация маслозаводов; 4) землеустройство, как межселенное в интересах отмежевания земельных отводов сельских общин и вновь образуемых колхозов, так и внутриселенное в виде комассации полос и в особенности комассации угодий, считаясь с включением отводимых под лесорасчистки площадей и вновь осушаемых пространств; а также разбивка многопольного и травопольного типа севооборота, 5) снабжение с.-х. машинами и орудиями в виде тракторов, корчевальных машин, орудий по культуртехнике (луговой и торфяной), а также пахотным инвентарем; 6) зоотехнические мероприятия по молочному скотоводству на базе рационализации кормодобывания, главным образом, путем мелиорации естественных лугов севооборотного клеверосеяния.

По Чувашской республике: при крайнем малоземелии и аграрной перенаселенности, выражающейся в маломощности и отсталости производственного типа сельского хозяйства, выход из кризисного состояния и обеспечение дальнейшего бесперебойного развития сельскохозяйственного производства требуют особого напряжения государственных средств на проведение мероприятий, коренным образом изменяющих всю экономическую обстановку сельского хозяйства.

1) На первом месте должны быть поставлены мероприятия сел.-хоз. индустриализации, обеспечивающей реконструкцию земледелия и животноводства, а именно: постройка новых картофеле-перерабатывающих заводов, маслосырзаводов и надлежащих яичных установок в виде линейных и базисных складов, включение в сферу действия бэконной фабрики затем постройка заводов по переработке плодов (остающихся без реализации на рынке в свежем виде) и пункты по переработке конопли.

2) Землеустройство в целях полной ликвидации межселенной чересполосицы и устранение дальнополья в виде, главным образом, выдела частей селений и только — в меру крайней нужды — расселение, затем — комассация полос и включение подвергаемых расчистке малодоходных лесных пространств и, наконец, введение многопольных (типа четырехполья) севооборотов, с сокращением общественной пастьбы на пару и жнивье, с каковой целью должно быть расширено травосеяние на подкорм в течение лета главнейшей здесь отрасли — молочного товарного скотоводства и частью свиноводства.

3) Доснабжение рабскотом ликвидно-безлошадных хозяйств, затем тракторами в интересах, главным образом, коллективизации, кроме того, пахотными орудиями.

4) Организация производства и снабжения семенами трав (викой — в черноземных и клевером — в получерноземных кантонах) и улучшенными семенами картофеля.

5) Зоотехнические мероприятия по улучшению молочного скотоводства, свиноводства и птицеводства.

6) Более усиленная, чем в других автономных республиках агрослужба.

По Татарской республике:

1) На первом месте должна стоять, как и в Чувашской республике, с.-х. индустриализация в виде маслосырзаводов, хладобоенских установок и установок для сбыта яиц, затем картофеле-перерабатывающих заводов и установок по переработке конопли, а в южной половине республики — небольшой элеваторной сети.

2) Землеустройство в видах уничтожения дальнополья, главным образом, путем выдела частей селений и частью при помощи расселения; кроме того, комассация угодий, введение многополья и регуляций общей пастьбы скота по полям.

3) Доснабжение силой тяги, рабочим скотом и тракторами (последние, главным образом, в интересах коллективизации) и снабжение основным полевым инвентарем, главным образом, пашущими орудиями, частью рядовыми сеялками (на началах проката и кооперативного использования, и зерноочистками.

4) Зоотехнические мероприятия подобно Чувашской республике, главным образом, для северной половины Татарской республики.

5) Организация снабжения семенами трав (викой в получерноземных частях), клевером (повсюду) и улучшенными семенами картофеля, а для юга засухоустойчивыми сортами хлебов.

По республике немцев Поволжья, в общем, несмотря на ее сравнительную пестроту природных и экономических особенностей, в основу мероприятий должно быть положено следующее:

1) Доснабжение основными средствами производства — силой тяги, рабскотом и тракторами и основным инвентарем — плугами, рядовыми сеялками, частью хлебоуборочными, молотильными машинами и зерноочистками.

2) Обеспечение полной смены хлебов засухоустойчивыми сортовыми семенами.

3) Землеустройство в целях ликвидации дальнополья как путем выделов частей селений, так и при помощи поселков с соответствующей мелиорацией, обводнением.

4) Сельскохозяйственная индустриализация в виде достройки элеваторов (простейших линейных и механизированных амбаров), затем хладобоенские установки, имея в виду для северо-западной и приволжской половины республики — свинину, а для юго-восточной, главным образом, баранину и говядину.

5) Зоотехнические и производственные мероприятия по шерстному овцеводству для наиболее засушливого района с абсолютным овечьими пастбищами.

6) Мероприятия по сбыту и переработке продуктов, бахчеводства, плодоводства и возможно виноградарства, в особенности в интересах более мелких хозяйств.

По Башкирской республике: Башкирская республика, резко различная в своих северных кантонах, с одной стороны, и южных, с другой, с различными типами организаций хозяйств и очередностью мероприятий,—требует следующих мероприятий, разделяемых по соответствующим районам:

1) Индустриальные установки в виде маслосырзаводов, бэконных фабрик для северной части республики и хладобоенских установок для южной части; дополнительная элеваторная сеть для юга, картофеле-пере-

рабатывающие заводы и пункты по переработке конопли, кроме того, яичные склады.

2) Снабжение силой тяги (лошадьми и тракторами) и основным инвентарем, главным образом, пахотными орудиями и зерноочистками.

3) Землеустройство: в северной половине, главным образом, комассация полос и угодий, в средней и южной Башкирии устранение дальнополья, главным образом, путем выдела части селений и отчасти поселками с соответствующим их обводнением. Поселки должны иметь здесь подсобное значение, облегчая дробление крупных общин на части более доступным и дешевым способом — выделом частей селений, не свыше 50, максимум 100 дворов в каждой.

4) Снабжение засухостойчивыми семенами зерновых культур для юга и семенами трав и улучшенными производителями молочных пород для севера и центра республики.

Крымская республика. Крым резко различается в запросах сельского хозяйства и, следовательно, в запросах по системе с.-х. мероприятий, в большей степной части и меньшей приморской, при чем и там и здесь особое значение получают мероприятия по плодоводству и виноградарству с виноделием. Мероприятия по степной части приурочиваются, главным образом, к зерну, шерсти и плодам; соответственно этому в ней необходимо форсирование пахотно-посевных площадей:

1) Доснабжением силой тяги (рабскотом и тракторами, последние особенно для колхозов).

2) Заселением колонизационно-способных площадей количеством переселенцев, достаточным для освоения их полностью на ближайшее пятилетие.

3) Землеустройством в целях устранения дальнополья, разделом селений на части и минимально необходимым количеством поселков с соответствующим обводнением последних.

4) Снабжением сельскохозяйственным инвентарем и обеспечением засухоустойчивым ассортиментом семян хлебов.

5) Затем сельскохозяйственной индустриализацией в виде механизированных зернохранилищ, маслосырзаводов, плодохранилищ и плодоконсервных фабрик, а также ферментационными складами для табака и винодельческими подвалами.

6) Производством посадочного материала для плодоводства и частью виноградарства, в особенности имея в виду приток переселенцев, которые должны поднять эти отрасли.

7) Затем идет мелиорация и ирригация в интересах существующих и вновь расширяемых плодовых площадей.

8) Производственные и зоотехнические мероприятия по тонкорунному и полугрубошерстному овцеводству, приурочиваемому к абсолютно овечьим пастбищам.

Что касается южного побережья Крыма, то здесь на первом месте стоят интересы виноградарства и виноделия, затем плодоводства и табачных культур (о второстепенных южных культурах дня краткости не упоминаем). Здесь из числа мероприятий на первом месте будут.

9) Сельскохозяйственная индустриализация в виде винодельческих и винных подвалов, их рационализация, расширение и дооборудование; затем плодохранилища, обеспечивающие длительное, бесперебойное снабжение при помощи изотермического транспорта внутренних рынков, а также и экспорт, дающий уже теперь несколько десятков тысяч тонн в год; для табака здесь необходимы ферментационные склады.

10) Производство посадочного материала плодовых деревьев, в частности на карликовых подвоях (тоже относится и к степной части Крыма) винограда,—по возможности на американских подвоях.

11) Упорядочение и по возможности расширение производственного водопользования.

12) Испытание и распространение новых ценных товарных субтропических культур.

По Дагестану:

1) Дагестанская республика на своем протяжении представляет различные типы сельского хозяйства, а именно: плоскостная полупустынная часть, плоскостная средне-увлажненная, средне-предгорная и затем альпийская. Соответственно этому на первом месте стоит мелиорация. Первые две части требуют борьбы, с одной стороны, с заболоченными (а поэтому малярийными) пространствами, требуют осушения, а с другой стороны, требуют орошения в интересах южных монопольных культур (хлопка, культур винограда и частью плодоводства), а в полупустынной части — обводнение в интересах экстенсивного пастбищного скотоводства, главным образом, овцеводства.

В средней части — регулирование водопользования в интересах также полива садовых плодовых площадей.

2) Второе место занимает регуляция землепользования и землеустройство в интересах, во-первых, внутридагестанского перераспределения населения с густозаселенных предгорья и гор в редкозаселенную плоскостную часть, во-вторых в интересах изживания социального неравенства из-за землевладения беков и мулл, в-третьих, в интересах межселенного землеустройства с выделом отводов сельским обществам на основе проведенных и рационализируемых норм землепользования с привлечением в это перераспределение альпийских пастбищ, находящихся в настоящее время в большей своей части в госземфонде, в-четвертых, — в интересах регулирования и ограничения пастбищного полукочевого скотоводства с оставлением физически необходимых размеров последнего и с выделом для этого зон кочевья и скотопрогонных трактов при обеспечении последних водопоями.

3) В связи с вышеуказанным регулированием землепользования и землеустройством — юридическое оформление и фактическая реализация ныне подготовляемой земельной реформы.

4) Снабжение в надлежащих размерах силой тяги и основным сельскохозяйственным инвентарем земледельческой плоскостной части Дагестана с привлечением сюда тракторов, могущих быть и здесь базой производственного обобществления бедняцких и мелко-середняцких хозяйств.

5) Сельскохозяйственная индустриализация, главным образом, для предгорных районов в виде плодоовощных, консервных установок, для горной и предгорной—маслобойных установок и отдельно сыроваренных заводов, кои должны помочь скорейшим образом изжить бекское табунное овцеводство и перевести альпийские пастбища под молочные стада. Для плоскостной части винодельные и винодельческие подвалы и плодохранилища. Для продуктов прикаспийского рыболовства соответствующие холодильники, которые должны обслуживать также и продукты плодоводства и маслосыроделие.

6) Усиление агромероприятий и агрослужбы, могущих обеспечить оформление и использование всех указанных выше мероприятий.

7) Соответствующее усиление ветеринарной службы, обеспечивающей скорейшее изживание эпизоотий, главным образом, крупно-рогатого скота.

8) Обеспечение производства посадочного материала плодоводства и виноградарства, в особенности в предгорной и в более влажной приморской прикаспийской части Дагестана.

Казакстан.[1] Система сельскохозяйственных мероприятий по Казакстану различна в зависимости от четырех его зон. В первой — северной зоне — хозяйства русского типа с зерновым товарно-пшеничным направлением и развитием товарного молочного хозяйства (масло) при сохранении мясного гулевого скота; в хозяйствах казакского населения намечается переход к оседлой жизни, развитие товарно-пшеничного земледелия при сохранении преобладающего значения скотоводства с начатками молочного хозяйства. Во второй зоне — засушливой — хозяйства русского типа имеют и должны иметь товарно-зерновое пшеничное направление, но с сохранением более экстенсивного скотоводства; хозяйства казакские — типа кочевого или полукочевого с начатками потребительского земледелия, которое должно усилиться переходом, по крайней мере, на полуоседлое земледельческое хозяйство скотоводного направления.

В третьей зоне — наиболее пустынной и засушливой — хозяйства кочевого типа со слабым развитием поливного земледелия по р. Сыр-Дарье и преобладанием в хозяйстве экстенсивного скотоводства.

В четвертой — южной предгорной зоне — богарное земледелие с преобладающим скотоводством или с поливным земледелием южных технических культур, садоводством и развитым скотоводством или подрайон с развитым хлопководством, при сохранении еще чисто скотоводческого хозяйства, но с тенденцией к сокращению скотоводства и переходу в основной хлопковый район.

Несмотря на эти различия, все же под углом зрения необходимости увеличить местное селение переселением Казакская республика выделяется некоторыми общими по всем частям Казакстана мероприятиями.

1) На первом месте должны стоять работы землеустроительного характера, имеющие целью, во-первых, приведение в известность земельных площадей, путем предварительного рекогносцировочного грубого землемерного заснятия, затем сплошное межевание и межселенное землеустройство с отводами в более редко заселенных и кочевых районах только общих пастбищных отводов; во-вторых, отмежевание по вновь устанавливаемым сокращенным, но достаточно льготным нормам землепользования для оседлого и переводимого на оседлое состояние местного населения; в-третьих, выявление этим путем переселенческого фонда как для зернотрестовских совхозов, так и для большего числа новых переселенцев; в-четвертых, изживание ненормальностей землеустройства уже оседлого населения в смысле борьбы с дальнопольем обычными мерами, дробления крупных общин как путем выделов частей селений, так и путем, где это необходимо, поселков с соответствующей их мелиорацией и обводнением; в-пятых, урегулирование распределения земли между разными социальными слоями населения.

2) Мелиорация обводнения как поселков, так и поселений переводимого в оседлое состояние населения; затем, выявление и проведение мелиорации лиманного орошения во второй и третьей зоне Казакстана в интересах сокращения радиусов кочевок и упорядочения водопоев и прогонных для скота путей. Этим достигается некоторое уплотнение нормы землепользования в интересах расширения переселения, не стесняющего, таким образом, кормовые ресурсы местного населения; наконец, расширение оросительной сети и рационализация существующего водопользования в хлопковом и плодоводном южном районе.

3) Снабжение средствами производства, тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями, потребность в которых, по мере роста переселения и перевода из полукочевого и кочевого состояния в оседлое, будет расти. В основе здесь должны быть пашущие орудия, косилки (последние в интересах более полного использования кормовых площадей под сенокосы), затем снабжение сложными машинами, обеспечивающими поднятие производительности труда, сеялками, жнейками, молотилками. Кроме того, нужно прибавить трактора не только для обобществленного сектора, но и как могучее средство в виде тракторных колонн для более быстрого освоения под посевы вновь заселяемой площади, а также для местного населения, бессильного справиться с громадными пространствами целин и залежей.

4) Затем идут мероприятия по основным товарным отраслям животноводства, из коих на первом месте должна быть поставлена, достаточно расширенная ветслужба, в особенности имея в виду пограничное положение республики, благодаря чему происходит заражение скота чумой и другими болезнями из Монголии и Китая.

5) Зоотехнические мероприятия, несмотря на громадное значение здесь всех отраслей товарного животноводства, все же должны быть ограничены узкими рамками, во-первых, выявления гнезд местного выносливого красного киргизского скота, киргизских лошадей и высокопроизводительных разностей местного овцеводства, и следовательно, их умножение в массе крестьянских хозяйств; во-вторых, племенных производственных мероприятий по тонкошерстному и полугрубошерстному овцеводству, приурочиваемых, главным образом, к отдельным местным новым совхозам; необходимо признать, что Казакстан — главнейшая арена прогрессивного мериносового или полугрубошерстного овцеводства, не входящего в конфликт с зерновой продукцией и другими отраслями, подобно районам Европейской части РСФСР.

Киргизская республика, приближаясь к четвертому — южному подрайону Казакстана — в большей своей части всхолмленному предгорному и менее пустынному, представлена, главным образом, товарными поливными культурами — хлопком и некоторыми плодовыми насаждениями, при сильном развитии на неорошаемой части — засушливой — овцеводства.

1) Соответственно этому здесь на первом месте должны быть поставлены ирригационные сооружения и регуляция водопользования в интересах хлопковых посевов и посевов других южных монопольных культур.

2) Землеустройство, выявляющее и регулирующее землепользование по линии социальной политики и в интересах переселения, которое в известной мере должно быть здесь запроектировано в интересах общего под'ема товарной продукции Киргизского края.

3) Доснабжение сельскохозяйственным инвентарем оазисов богарного и поливного земледелия.

4) Индустриальные установки в виде хлопкоочистительных заводов, маслобойных для хлопковых семян, а в интересах плодоводства — плодоконсервные установки.

5) Распространение искусственных удобрений на поливаемых площадях, улучшение ассортимента хлопка, рационализация его культуры соответствующим агрообслуживанием населения.

[1] Более подробные обоснования перспектив сельскохозяйственных мероприятий и их системы см. в печатной работе Госплана КССР „Перспективы и развитие сельского хозяйства Казакстана", 1928 г., составленной проф. А. Н. Челинцевым при помощи М. А. Копяткевича.

6) Производственные и племенные мероприятия по овцеводству могут быть поставлены лишь в направлении возможного расширения здесь мериносовых стад (последнее, может быть, требует выяснения) каракулеводства.

Бурято-Монголия. В Бурято-Монгольской республике главным препятствием для дальнейшего развития здешнего сельского хозяйства в направлении поднятия большей товарности мясного крупного рогатого (и, можно сказать, кожного) скотоводства, затем грубой овечьей шерсти и верховых мелких лошадей и зерна является экономическая изолированность республики, отрезанность ее от европейских центров и сильная удаленность от естественного ее тяготения — приморской части ДВК. Но и при теперешней малой густоте железных дорог, а также и шоссейных Бурято-Монгольская республика имеет неиспользованные под сельское хозяйство площади как в своей южной черноземной степной части, так и в подлесной части, годной под с.-х. культуры,— в обоих случаях от недостатка населения. Поэтому основными мероприятиями здесь должны быть:

1) Проведение дополнительной железнодорожной линии в меридиальном направлении и использование свободных земель не только подлесной, но и степной и лесостепной части и при этом последней в первую очередь.

2) Упорядочение заготовок продуктов и поднятие соответствующей тарифной политикой местных крайне сниженных цен на все виды сельскохозяйственных продуктов.

3) Упрощенная сплошная земельная регистрация с простейшими засъемками в интересах выявления свободных земельных фондов и уничтожение межселенной чересполосицы в более заселенных пунктах.

4) Затем урегулирование беспорядочного пастбищного и полупастбищного использования земель. В земледельческих районах — внутриселенное землеустройство, устранение дальнополья соответствующими мероприятиями и комассация сельскохозяйственных угодий с расширением их в особенности при помощи переселенцев за счет вновь расчищаемых в смежных с населенными пунктами лесных пространств, как менее выгодных.

5) Снабжение мертвым инвентарем в интересах расширения зерновой продукции и сенокосилками для освоения большей доли сенокосноспособных площадей.

6) Выявление местных засухоустойчивых и более скороспелых разностей яровых хлебов — ржи, овса, ячменя, их продукция и распространение.

7) Мероприятия по улучшению зимнего кормоснабжения увеличением сеносбора мелиорацией подтопления луговых площадей.

8) Что касается собственно зоотехнических мероприятий, то здесь можно говорить только о выявлении местных рас животных более производительных по молочной продукции, мясной скороспелости и шерстной продукции, их фиксации, размножения и распространения; примитивность условий содержания и большая распространенность эпидемий исключает использование всякого привозного и в особенности иностранного скота для целей метизации.

9) Особое значение получает здесь ветеринарная служба, могущая смягчить и прекратить дальнейшее распространение эпизоотии пироплазмоза, чумы крупного рогатого скота и проч. заболеваний, заносимых из Монголии, куда ежегодно совершается откочевка больших стад скота.

Якутия: 1) Мероприятия, аналогичные с Бурято-Монгольской республикой по части дорожного дела, смягчающего ее экономическую изолированность.

2) Создание лучших условий сбыта крупного мясного рогатого скота, лошадей, а также и оленей.

3) Осуществление комплексных мероприятий по полеводству, которые должны обеспечить выявление и распространение более выносливых, скороспелых и морозостойких сортов культур — ячменя, яровой ржи, частью овса и корнеплодных (картофель), а также и огородных культур, могущих обеспечить их большее, чем до сих пор распространение; такое земледелие в противоположность Бурято-Монгольской республике должно иметь здесь лишь потребительское значение, смягчающее трудность завоза хлебных продуктов из-за экономической отрезанности Якутской республики.

Заканчивая перечень первоочередных мероприятий по каждой республике, необходимо иметь в виду, что все они должны проводиться с расчетом на усиление кооперированности населения как по сбыто-снабженческой линии, так и в особенности по производственной в виде подсобных, а по возможности и полно производственных кооперативов.

Все соответствующие мероприятия должны рассчитываться и реализоваться, прежде всего, имея в виду кооперативную форму их реализации.

После вышеизложенной критики наметки первоочередных мероприятий по автономным республикам можно спроектировать их размеры, в зависимости, разумеется, от об'ема и условий финансирования со стороны государства. Но это выходит за пределы настоящей статьи.

Н. Волжин

Экономический рост совхозов промышленного района и молочное хозяйство

Крупнейшему явлению нашей экономической жизни — организации зерновых совхозов — нашей общественностью уделяется особое внимание. Это происходит потому, что от зерновых совхозов ждут двух последствий: во-первых, товарного хлеба и, во-вторых, реорганизации хозяйства зерновых районов в направлении его обобществления и механизации.

Не меньшего внимания заслуживают старые, об'единяемые Госсельсиндикатом совхозы, которые имеют уже значительный опыт и достижения. Так, совхозы Ленинградской и Центрально-Промышленной областей за последние три — четыре года положили основание для создания крупной обобществленной молочной промышленности. Молочное хозяйство по широко распространенному мнению, признавалось областью мелкого индивидуального хозяйства. Сторонники этого взгляда отмечают, что продуктивность животных может быть обеспечена лишь внимательным уходом за ними, требующим больших затрат труда и доступным поэтому лишь индивидуальному хозяйству. Эта область теперь с успехом завоевывается совхозами. Этот факт охвата совхозами молочного хозяйства, отрасли, имеющей крупное значение для питания населения городов, заслуживает особого внимания, тем более, что это достигнуто совхозами при тяжелых условиях.

Совхозы Ленинградской и Центрально-Промышленной областей получили организационное оформление в 1922 г. К этому времени совхозы были сильно потрепаны революционными бурями. Помещичьи хозяйства интересующего нас района и в довоенное время не были организованными и в большинстве случаев велись кое-как. За начальный период революции, т.-е. с 1917 по 1922 гг., эти хозяйства претерпели следующие изменения. Большинство из них было разрушено, лошади, скот, инвентарь были разобраны окружающим населением, постройки проданы, земля перешла в пользование крестьян. Сохранившиеся хозяйства, организованные в совхозы, также были затронуты всеми указанными процессами в разной степени. Пользователи их часто менялись, и к 1922 г., когда совхозы вошли в систему Госсельсиндиката, они являли собой лишь остатки и без того плохо организованных хозяйств. Постройки для скота были лишены внутреннего оборудования и вовсе были непригодны для организации и ведения промышленного молочного хозяйства. Молочного скота было ничтожно мало — 20—30 голов на совхоз, так как скот был частью разобран, а частью с'еден многочисленными обитателями совхозов, к тому же скот был стар и истощен голодовкой. Лошадей было также мало и они в результате недоедания и отсутствия ухода болели чесоткой, которая их еще больше изнуряла, и падали. Поля совхозов были запущены, без удобрения и без надлежащей обработки. Не было машин, семян, и не было денег... Заработная плата не выплачивалась, всякая трудовая дисциплина отсутствовала. При таком состоянии основных факторов производства совхозы были годны лишь для того, чтобы их перевести на положение консервации. Однако, обстановка заставляла не ждать с пуском в работу совхозов, и они были пущены при полуразрушенных основных факторах производства и полном отсутствии оборотных средств. Наркомфин в то время был занят восстановлением денежной системы и никакой помощи совхозам оказать не мог. Вынужденные работать в условиях, исключающих всякую возможность успеха, совхозы в первые годы приносили большие убытки и доставляли расстроенным состоянием своего хозяйства не мало неприятностей администрирующим и финансирующим органам. Эта теневая сторона деятельности совхозов создала предубежденное отношение к ним и обусловила, что их деятельность не привлекала к себе достаточного внимания.

Молочное хозяйство не сразу заняло первенствующее положение в деятельности совхозов.

Полеводство как в Северо-Западной, так и Центрально-Промышленной областях, не могло быть основной отраслью хозяйства, так как, имея сезонный характер и небольшой размер при малых площадях пашни, свойственных этому району, не было в состоянии оплачивать ни администрацию, ни штат постоянных рабочих. В целях увеличения притока поступлений в хозяйство совхозы, прежде всего, обратились к свиноводству. В начале двадцатых годов отсутствие жиров на рынке благоприятствовало высоким ценам на свинину, и откорм свиней получил широкое распространение как среди крестьян, так и среди городского населения. Поэтому спрос на племенных поросят был велик и в совхозах поросята разбирались нарасхват как весной, так и осенью. Так как содержание свиней в эти года было прибыльным и так как численность свиней легко может быть увеличина вследствие раннего полового созревания свиней и их плодовитости, то в период 1922 и 1923 годов количество свиней в совхозах было доведено до больших размеров и выращивание племенных поросят было поставлено на промышленную ногу. Но затем цены на поросят по сравнению с зерновым хлебом пали, осенний спрос на поросят почти прекратился вовсе, и свиноводство стало быстро сокращаться как во всех районах Северо-Западной, так и Центрально-Промышленной областях.

На ряду со свиноводством в этот же период совхозы усиленно строили технические предприятия кустарного типа, перерабатывающие привозное крестьянское сырье, а именно: мельницы, лесопилки, маслобойки, так как эти предприятия при недорогом оборудовании и без затраты средств на сырье давали совхозам оборотные средства, в которых те крайне нуждались. Однако, вскоре обнаружилось, что все эти предприятия мало рентабельны, не оказывают существенного значения на под'ем хозяйства и в то же время отвлекают внимание от основной сельскохозяйственной деятельности.

Одновременно с тем, как рушились надежды, возлагаемые совхозами на свиноводство и кустарные промышленные предприятия, определился успех совхозов, выгодно расположенных в отношении рынков сбыта продуктов молочного хозяйства. Эти совхозы, пользуясь близостью расстояния и сбывая по выгодной цене молоко, сумели увеличить удои своих стад и регулярно, два раза в месяц, получали деньги за свое молоко, поставляемое учреждениям, что позволяло им аккуратно выплачивать зарплату, взносы по социальному страхованию и налоги. Регулярный приток денег сразу оздоровил условия работы в совхозах: поднялась трудовая дисциплина и возрасла производительность. Это понудило работников совхозов уже сознательно поставить перед всеми совхозами этого района, как основную задачу развитие молочного скотоводства.

Переход к молочному, скотоводству, как основной отрасли производства, по отношению к которой полеводство стало в подчиненное положение, характерно для Северо-Западной и Центрально-Промышленной областей, имеющих крупные городские и промышленные центры, пред'являющие большой спрос на молочные продукты.

Молочное производство оказалось правильно выбранной дорогой, идя по которой совхозы оказали быстрые успехи как в организации и развитии молочного производства, так и всего хозяйства в целом.

Характерным примером является работа Тверского треста, деятельность которого затруднялась небольшими размерами совхозов и удаленностью многих из них от железнодорожных путей сообщения. Приведем данные, характеризующие рост производства по Тверскому тресту:[1]

Годы	Число совхозов	Обрабатываемая пахотная площадь га	Колич. дойных коров к концу года	Валовой сбор молока кг	Средний удой на 1 гол. коровы в литр.	Валовой доход по всему тресту (в тыс. руб.)
1925	37	4.200	1.250	1.600.000	1.300	670
1926	37	4.600	1.380	2.300.000	1.770	1.118
1927	39	5.100	1.760	3.300.000	2.190	1.580
1928	42	5.800	2.200	4.300.000	2.400	2.000

Цифры таблицы указывают на сильный рост доходов совхозов, которые за четыре года увеличились в три раза. Также быстро росло молочное производство: валовой сбор молока увеличился в три раза, при чем число коров возросло почти в два раза; также почти в два раза увеличились средние удои коров. Число коров в таблице показано к концу каждого года. Средний удой определен путем деления валового сбора молока на условное число коров (общее число кормовых коровоодней, деленное на 365). Площадь посевов (включая паровое поле) увеличилась за это время почти на 40%. Рост посевов ограничивается наличием удобной территории: к 1928 г. все пахатные земли освоены совхозами. Число коров, несмотря на быстрое увеличение, продолжает оставаться недостаточным, так как не дает полного обеспечения посевов навозным удобрением и не поглощает всех запасов грубых кормов. Плановые предположения на 5 лет намечают увеличение коров к 1933 г. до 4.000 голов, т.-е. имеется при данной земельной территории значительная возможность дальнейшего расширения молочного производства; увеличение средних удоев предполагается до 3.000 кг на корову.

Столь бурное развитие молочного производства произошло в первую очередь в результате повышения средних удоев коров, достигнутого рационализацией кормления и ухода. Средние удои в наших совхозах начинают приближаться к заграничным удоям. Так, за 1927 г. по совхозам Центрально-Промышленной области средний удой составлял 2.370 кг, при чем тресты, расположенные в непосредственной близости к Москве, имели значительно большие удои: Госсельжив — 3.600 кг, Госмелиотрест — 3.160 кг, Московский — 2.720 кг, Средний удой для Дании последних лет проф. Лискуном определен в 2.880 кг. Таким образом, удои лучших совхозов превышают средний удой Дании, занимающей первое место по постановке молочного хозяйства в мире. В годы мировой войны при недостаточном подвозе сильных кормов Дания имела, по определению проф. Лискуна, средний годовой удой в 2.150 кг, т.-е. удои по трестам Центрально-Промышленной области уже превышают удои Дании

[1] В приведенной таблице данные за 1928 г. предварительные. Валовой доход взят по всем отраслям производства, за исключением винокурения.

военного времени. Тверской трест, более удаленный от Москвы, имел в 1927 г. 2.190 кг, а в 1928 г. уже поднял удои до 2.400 кг.

Средние годовые удои по трестам не дают представления о достижениях отдельных совхозов. Так, напр., совхоз Власьево, Тверского треста, имеет средний удой за 1928 г. в 3.500 кг, в Ленинградском тресте имеются совхозы с более высокими удоями.

О возможном дальнейшем повышении удоев свидетельствуют удои отдельных коров. Так, в совхозе „Осиновая роща", Ленинградского треста, корова № 1181 дала за год 8.300 кг при наивысшем суточном удое в 37 кг; корова „Зенита" совхоза „Мигалово", Тверского треста, имела наивысший суточный удой 38 кг при годовом удое в 6.800 кг. Эти удои говорят о том, что совхозы имеют в своих стадах рекордисток, которые в лучших заграничных хозяйствах заняли бы почетное место.

Успех одного совхоза заставляет подтягиваться и другие совхозы. Высокая денежная выручка, которую получали за цельное молоко пригородные хозяйства, побуждала и отдаленные совхозы стремиться к получению столь же высокой выручки и переходить от переработки к поставке молока в цельном виде. Совхоз Ажарово, Тверского треста, расположенный в 40 километрах от Твери, имел в 1925 г. средний годовой удой в 1.000 кг, держал 30 коров, которые приносили значительный убыток, грозивший разорением хозяйству. В 1928 г. этот совхоз уже имеет средний удой в 2.400 кг, молоко доставляет в Тверь, от стада имеет хороший доход, число коров увеличено до 80 голов; возникает вопрос о приобретении автомобиля, чем будет достигнуто ускорение доставки молока, имеющее большое значение для сохранения качества продукта.

Рост производительности и рационализация кормления вызвали снижение себестоимости молока; так, по Тверскому тресту себестоимость одного килограмма молока составила: в 1925 г.—14,8 коп., в 1926 г.—12,7 коп., в 1927 г.—10,9 коп.

Это снижение себестоимости создает основание для безубыточного ведения молочного хозяйства, что, в свою очередь, открывает возможности для расширения производства: надлежащего оборудования скотных дворов, подбора и увеличения численности коров и пр. Так, пока молочное хозяйство было убыточным, число коров в совхозах было невелико и их нельзя было увеличивать, так как это неминуемо увеличивало убыточность хозяйств. Увеличение же числа коров было необходимо как в целях расширения размеров производства, так и в целях обеспечения полей удобрением. Лишь после того как совхозы стали получать прибыль, перед ними открылись перспективы во всех направлениях. Уже в 1926 г. тресты—Ленинградский, Московский и Тверской—имели прибыль. В 1927 г. прибыль по этим трестам была: по Ленинградскому — 57.000 руб., по Московскому — 81.000 руб., по Тверскому — 44.000 руб, в 1928 г. прибыль по Тверскому тресту значительно увеличилась. Этот факт устойчивой прибыльности позволил трестам добиться крупных достижений в совхозах.

В 1927 г. совхозы Тверского треста, земельная площадь которых менее одного процента общей площади губернии, дали 3.000.000 кг товарного молока, в то время как Тверской Молокосоюз, деятельность которого охватывала территорию Тверского уезда, дал за 1927 г. 4.200.000 кг. Этот же Молокосоюз в 1928 г. после реорганизации, когда его деятельность стала распространяться на три уезда—Тверской, Вышне-Волоцкий и Новоторжский, собрал около 9.000.000 кг товарного молока, в то время как Тверской трест — 4.000.000 кг. Таким образом, занимая совершенно ничтожную земельную площадь, совхозы на молочном рынке

занимают видное место. Так, напр., совхозы Тверского треста снабжают молоком все учреждения Губздрава как в Твери, так и в промышленных центрах губернии—Вышнем-Волочке, Кимрах; снабжают молоком рабочих, занятых на вредных производствах. Кроме того, они поставляют значительное количество молока розничным магазинам Молокосоюза и рабочей кооперации.

Помимо обслуживания рынков губернии, совхозы Тверского треста доставляют еще ежедневно в Москву в осенний и зимний периоды времени по 100 бидонов (емкостью в среднем по 35 *кг* — молока) цельного молока и в два раза больше летом, а также ведут переработку молока на сыр в совхозах, из которых затруднена доставка молока в цельном виде. С расширением производства это значение совхозов на молочном рынке обещает еще возрасти.

Одновременно с тем, как определилось направление хозяйственной деятельности в сторону развития молочного скотоводства и совхозы стали хозяйственно крепнуть, возросло их воздействие на крестьянское население. У последнего резко изменился взгляд на совхозы, так как население видит, что в совхозе можно научиться правильному уходу за молочным скотом, кормлению, возделыванию кормовых корнеплодов, правильной организации сбыта. В отдаленных местностях, где кооперация еще слаба, совхозы организуют сбыт и переработку крестьянского молока.

В 1927 г., когда на рынке было возможно закупить сильные корма, совхозы снабжали сдатчиков молока сильными кормами, приучая, таким образом, крестьян к улучшенному кормлению, тем самым содействуя повышению удоев крестьянских коров.

Указанные достижения могли иметь место при том условии, что совхозы получали извне концентрированные корма, главным образом, жмых, необходимый для поддержания высоких удоев; необходимость получения концентрированных кормов извне для Тверского треста усиливается тем, что он производит чистосортный семенной овес, сокращая, таким образом, свои кормовые ресурсы.

Насколько большое значение имеет жмых, показывает пример Дании, резко снизившей удои во время империалистической войны, когда доставка жмыха была затруднена. Нормальное и бесперебойное снабжение жмыхом молочных совхозов является основным условием для устойчивости высоких удоев и широкого развития и удешевления молочной продукции, имеющей огромное значение для питания рабочего и городского населения.

Указанные достижения не осознаны в полной мере советской общественностью, в то время как правильная оценка указанных достижений содействовала бы успеху совхозов. Отдельные погрешности и недостатки, еще не изжитые в некоторых совхозах, не должны затушевать значительные достижения, имеющие место в этом секторе крупного обобществленного производства, потребовавшие упорного труда в течение ряда лет со стороны основных работников этого дела.

Пути народнохозяйственного развития УССР. Материалы к построению пятилетнего плана. Изд. Укргосплана, Харьков, 1928 г., стр. 488.

Эту об'емистую книгу следует меньше всего рассматривать как цифровые выражения пятилетнего плана развития Украины. Наименьший интерес и наименьшее значение имеет здесь цифровая сторона. Намечаемые темпы не укладываются в какую-либо стройную систему цифр — по линии цепной связи отдельных отраслей народного хозяйства, тем более что после выхода этого труда темпы эти даже потеряли свое иллюстративное значение, поскольку в настоящее время, когда в Госплане СССР заканчивается работа над пятилеткой, уже со всей очевидностью выявились размеры двух основных качественных показателей в области промышленности и сельского хозяйства, определяющих и характеризующих всю экономику ближайшего пятилетия. Мы имеем в виду 35% повышения урожайности и снижение себестоимости промпродукции, примерно, на одну треть и даже больше. Следовало бы прибавить еще задаваемые темпы выплавки чугуна (8—10 млн. тонн), обеспечивающего такие размеры индустриализации страны, которые оставляют далеко позади все предыдущие количественные показатели всех предыдущих перспективных ориентировок. Вся ценность рассматриваемой книги: 1) в изучении и выявлении потенциальных возможностей развития хозяйства республики; 2) в историко-генетической части развития народного хозяйства УССР. Это есть солидно проработанный сборник материалов, главным образом, в отраслевом разрезе, необходимый всякому работнику в области перспективного планирования УССР. Ознакомление с этими материалами дает в действительности возможность судить об основных путях народнохозяйственного развития УССР вне зависимости от того или иного цифрового выражения.

Автор сводной главы об основных предпосылках перспективного плана совершенно бесспорно утверждает, что „опыт работы над первыми вариантами пятилетки со всей силой убедительности показал нам, что для этой цели ни в коем случае не годится тот, чрезвычайно широко практиковавшийся при запроектировании пятилетки метод статистико-экономического анализа закономерностей довоенного и восстановительного периода с экстраполяцией их на планируемый отрезок времени". Безусловно единственным путем перспективного планирования со вступлением в реконструктивный период является „путь научно-исследовательской оценки с использованием и перенесением в наше строительство новейших достижений в области науки и техники". Такой путь сам по себе исключает и относит к пройденному этапу всю статистико-экстраполяционную „кухню", в которой качество уступало количеству.

Большим достоинством в самой организации работы является то, что Укргосплан привлек к ней ряд научных учреждений, в том числе и Харьковский институт марксизма.

Всем процессом работ по составлению пятилетнего плана народнохозяйственного развития Украины руководила необходимость: 1) превращения УССР в основной центр Союза по тяжелой индустрии, с максимально - возможным развитием производства средств производства и 2) уделения большего внимания по сравнению с прежним вариантом пятилетки развитию сельского хозяйства по линии урожайности, обобществления и поднятия производительности труда.

К этим „генеральным" линиям развития примыкает вопрос кадров, т.-е проблема „человека" — квалификации и поднятия на соответствующий культурный уровень трудящихся масс.

Красной нитью по линии промышленного развития проходит вопрос себестоимости, который в настоящей работе достаточного обоснования не получил. Вопросы использования средств производства и рабочей силы, определяющие технические нормы, повидимому, также не подверглись глубокому исследованию. Кроме того, неразработанная гипотеза цен не позволяет, конечно, установить диференциально размеры снижения себестоимости по линии материальных и рыночных факторов. На ряду с этим гораздо более четкое отображение в области промышленности получила проблема географического размещения.

В цикле исследовательских работ, предпринятых в области сельского хозяйства следовало бы со всей серьезностью выдвинуть, наконец, проблему издержек производства в сельском хозяйстве. Вопрос

этот приобретает громадное практическое значение в связи с ростом товарности, с правильным сконструированием системы сельскохозяйственных цен, связанной по сей день со своей довоенной базой и соотношениями,— нужно сделать в этой области шаг вперед и увязать процессы ценообразования с факторами производственного порядка. Украина имеет довольно интересное исследование по себестоимости отдельных сельскохозяйственных культур в совхозах, но в какой мере эта работа использована составителями пятилетки,— трудно судить.

В области транспорта для Украины приобретает особо важное значение вопрос о новых выходах из Донбасса.

Касаясь работы отдельных округов УССР над составлением пятилетнего плана автор сводной главы несколько перегибает палку, говоря, что „округа должны итти по линии совершенно самостоятельного отыскания путей хозяйственного развития". Такое „местничество", к тому же еще культивируемое республиканским центром, может совершенно нарушить правильное разделение труда между районами. Безусловно, грош цена такому плану, который не будет учитывать „изучения опыта практической хозяйственной деятельности" отдельных районов, но отсюда еще, конечно, не следует „совершенно самостоятельное отыскание путей" без всякой связи с задачами всей УССР и всего СССР.

Небольшую главу сборник отводит вопросу об естественных ресурсах УССР и перспектив их использования.

Касаясь ископаемых богатств, необходимо отметить намечающийся переход от кустарного искания и бессистемного использования подземных богатств к составлению специальных геологических карт, обеспечивающих плановость использования и вскрывающих наличие потенциальных средств производства. Это тем более важно для Украины, занимающей по горнодобывающей промышленности первое место в Союзе. Запасов каменного угля Украины (донецкого) при максимальной довоенной выработке хватит на 2—3 тысячи лет а при максимальной американской выработке на 100—150 лет.

Точно так же велико значение криворожской руды, которая в ее соседстве с донецким углем представляет основу всей нашей союзной металлургии. Большое значение для будущего имеют также фосфориты, каолины, ряд ископаемых для строительства и т. п.

Переходя к отдельным очеркам, следует остановиться на историческом анализе развития промышленности Украины на канве народнохозяйственной эволюции. „Историческая эволюция украинской промышленности находит свое жизненное выражение в создании следующего четырехгранного взаимнообусловленного цикла нашего (т.-е. украинского. Ш. Т.) экономического развития": экспорт сельскохозяйственных продуктов внутренне переплетенный с ростом переработки сельскохозяйственных продуктов, развивающийся на почве роста жел.-дорожной сети и, в свою очередь, являющийся фактором исключительного значения для развития тяжелой индустрии.

Наличие мощных месторождений коксовых углей и железной руды, а также географическое местоположение Украины создают наиболее благоприятные условия для превращения УССР в железноделательный центр Союза, оттесняя на задний план Урал с его древесноугольной плавкой. Развитая железнодорожная сеть, металлургия и каменный уголь создадут благоприятные условия для развития машиностроения. Исторический опыт предопределяет также развитие на Украине отдельных отраслей легкой промышленности (в частности свеклосахарная и мукомольная). „Опыты насаждения в России свеклосахарной промышленности производились вне Украины, но эту область производства стихийно влекло к концентрации, именно на Украине, где она в конечном счете осела в своем основном массиве". На Украине было сосредоточено до 80% производства сахара и свыше 36% числа мельниц довоенной России.

Следует отметить, что наметка перспективно-хозяйственного развития Украины недоучитывает в должной мере возможностей развития украинской химической промышленности на Украине, уделяя ей недостаточно внимания в отношении ее удельного веса и значения. Вырисовывающиеся в настоящее время перспективы развития основной химической промышленности в Донбассе в действительности открывают новую эру для химической промышленности Союза. В украинской наметке металл „поедает" химию — такая однобокость безусловно имеется.

Условия, определившие характер крупной украинской индустрии, сохраняют свое влияние и в сфере мелкого промышленного производства, базирующегося на обработке металла и переработке сельскохозяйственного сырья.

Вообще удельный вес Украины во всей тяжелой индустрии бывш. России определяется в 70%, а по обрабатывающей промышленности 15 — 20%. Помимо развития химической промышленности война привлекла и обусловила развитие на Украине двух новых отраслей: электротехническую и трикотажную. Развитие трикотажного дела открывает в перспективе возможность создания на Украине хлопчатобумажной промышленности при условии культивирования хлопка в районе Днепростроя.

Совершенно правильно связывая диалектической взаимозависимостью эволюции развития сельского хозяйства и промышленности на Украине в прошлом, автор главы о промышленности заключает: „априорно, очевидно, что если характер этого развития (т.-е. развития сельского хозяйства. Ш. Т.) испытывает радикальные изменения (реконструкция), то они должны будут получить отражение в развитии сельскохозяйственной промышленности, а в известной мере и тяжелой индустрии, базирующейся на естественных богатствах Украины, но развивающейся до известной степени в связи с сельским хозяйством и сельскохозяйственной промышленностью".

Оставляя для сельского хозяйства на ближайшие годы зерновое направление на основе роста урожайности, перспективная наметка устанавливает необходимым к концу пятилетия развитие высокоинтенсивных отраслей животноводства и технических культур. Это связано с ростом внутреннего рынка на продукты интенсивного хозяйства в связи с индустриализацией. Кроме того, Украина, как приморский портовый район, должна будет использовать свое положение для экспорта продукции животноводства и технических культур.

Отводя должную роль Днепрострою в преобразовании всего народного хозяйства Украины, авторы сборника останавливаются на выяснении более рационального использования дешевой энергии этой мощнейшей гидроцентрали. Особое значение будет иметь Днепрострой в развитии тяжелой индустрии УССР, поскольку „развитие современной техники оказалось возможным только при наличии широкого применения металлосплавов". Отсюда доказывается экономическая выгодность производства на дешевой энергии Днепростроя следующих металлов и сплавов: алюминия, ферро-марганца, ферро-силиция, ферро-вольфрама, электростали, меди и латуни. „Производство указанных металлов и их сплавов в огромном большинстве случаев весьма электроемко и для их себестоимости стоимость электроэнергии имеет определяющее значение".

Исходя из историко-географических условий и наиболее оптимального сочетания потенциальных богатств (кокс и и железная руда) „Украина для ближайших лет, прежде всего, центр тяжелой металлургической промышленности" Союза, вырабатывающий около 80% союзного производства чугуна, стали, грубых стальных изделий и снабжающая своей продукцией почти всю Европейскую часть Союза. Следующей задачей в области металлургии УССР является коммерческое судостроение—изготовление тоннажа для обслуживания союзного экспорта. Далее следует выработка оборудования для металло-заводов и развития горного дела. Отводя Кузбассу роль будущего центра тяжелой индустрии, украинская „перспективка" считает, что в силу естественных и исторических условий Урал должен стать основным центром медноплавильного дела. „На ряду с медью, железом и сталью—дерево и уголь, лесобумажная масса, бумага, картон, химические производства,— таковы элементы основной продукции Урала", по мнению Украины. На наш взгляд здесь при вообще логически правильной концепции все же суживается роль и значение Урала в развитии тяжелой металло-индустрии Союза и в особенности на ближайшие 5 лет.

По сравнению с предыдущей пятилеткой (1926/27—1931/32 гг.) новая пятилетка (1927/28—1932/33 гг.) проектирует большее валовой продукции на 20% (108% против 80%). При среднем довольно солидном темпе роста союзная промышленность растет всего на 89%, а темп республиканский почти в два раза больше—155%.

На ряду с этим мы имеем довольно большие темпы электрификации; общая мощность электростанции при значительной централизации пользования энергией (удельный вес районных станций увеличивается с 4,5% до 41,2%) увеличивается на 178%, а выработка электроэнергии растет на 20%. При чем особое внимание уделяется сельской электрификации: потребление энергии деревней увеличивается в общей массе потребления энергии с 0,4% до 1,8% при одновременном увеличении удельного веса потребления промышленностью с 86,3% до 89,3%.

Не имея возможности в пределах рецензии сколько-нибудь подробно остановится на прочих главах этой книги, укажем на основные вехи развития сельского хозяйства. Упуская всю весьма интересную историко-эволюционную часть анализа, обратимся только к вопросам обобществления. Удельный вес совхозов и колхозов во всей посевной площади Украины с 4,93% в 1927 г. возрастет до 15,4% в 1932 г., валовая продукция с 5,7% до 18,8%; товарная продукция с 14,0% до 30,5%, товарность колхозов возрастет с 45% до 51% при товарности совхозов в 84,0%. При чем рост колхозов значительно обгоняет рост совхозов; при увеличении посевной площади первых почти в десять раз посевная площадь совхозов растет всего на 10%, при росте всей посевной площади УССР на 15%. Здесь мы имеем безусловно недостаточный рост советских хозяйств, сказывающийся в падении удельного веса их посевной площади с 3,33% в 1927 г. до 3,26% в 1932 г., — тенденция, несомненно, вызывающая опасения. По линии машинизации намечается максимальное насыщение тракторами совхозов и высших коллективных форм. Удельный вес колхозов в общей сумме тракторо-использования достигает в 1932 г. до 63,2% против 26% в 1927 г. Удельный вес совхозов остается почти стабильным с некоторой тенденцией к снижению. В абсолютном выражении количество тракторов в совхозах увеличивается в 3,5

раза, а в колхозах в 9 раз. По линии общественного следует еще прибавить охват хозяйства системой сельскохозяйственной кооперации до 85%. В общем, валовая продукция сельского хозяйства возрастает на 48% при росте товарной на 84%, т.-е. рост товарности свыше 30%.

Далее следует остановиться на жилстроительстве, дающем возможность за 5 лет поднять норму жилплощади в городах на душу населения до 6 кв. метров против теперешних 5,71 кв. метров, т.-е. немного выше чем на 5%—процент для пятилетия крайне незначительный. Мало запроектировано, на наш взгляд, снижение стоимости строительства всего на 20%. Слабо разработанным следует признать вопрос о труде. Что же касается вопроса об использовании рабочей силы, то здесь на ряду со слабой проработкой всей проблемы недоучтен вопрос о мелкой и кустарной промышленности. Конечно, утешиться на получаемых в области безработицы результатах нельзя, когда „к концу ближайшего пятилетия численность безработных остается почти стабильной (? Ш. Т.)—увеличится всего на 9,6%".

Вопрос о зарплате в очень малой мере увязан с производительностью труда; совершенно не затронута проблема „социализации" зарплаты, тесно связанная с ростом культурного уровня рабочего класса. На ряду с этим совершенно отсутствует наметка какого-либо плана по социально культурному строительству; недостаточно указать на имеющуюся диспропорцию между культурным и хозяйственным ростом и доказывать низкий уровень нашего культурного развития по сравнению с передовым капиталистическим, — необходимо было во всю ширь выдвинуть и попытаться разрешить вопрос о кадрах о человеческом материале, поскольку все темпы народнохозяйственного развития обречены на неудачу вне разрешения этого одного из основных вопросов пятилетки. Здесь этой схемой не обойтись.

Мы коснулись здесь не всех разделов книги. Резюмируем: сборник является ценным пособием для построения пятилетнего плана УССР, однако, его не следует рассматривать даже как предварительную плановую наметку. Отсутствие единого костяка, полнейшая неразработанность качественных показателей и отсутствие финансового плана заставляют расценивать эту книгу, как отражение определенного этапа работы над пятилеткой.

Ш. Я. Турецкий

И. А. Толстопятов. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР. Изд. „Вопросы труда", 1929 г., стр. 66.

Рост и укрепление планового начала в хозяйственном руководстве страной, переход от контрольных цифр на год к составлению пятилетних и даже генеральных хозяйственных планов сделал возможным и более четкое планирование отдельных элементов народнохозяйственной жизни.

Рецензируемая книжка имеет своей задачей дать на основе общехозяйственных показателей „обзор основных разделов контрольных цифр 1928/29 г. НКТ СССР и предварительной проектировки пятилетнего плана по труду".

Автор совершенно правильно констатирует, что перспективное планирование вопросов труда должно строиться на основе перспективного развития промышленности и сельского хозяйства. Исходя из этой установки, автор первую часть работы, составляющую больше 1/3 всей книжки, посвящает общей характеристике итогов и перспектив развития народного хозяйства. К сожалению, снабдив эту часть работы большим количеством общехозяйственных показателей за истекший и на предстоящий год, автор почти полностью обошел пятилетку, и таким образом в части характеристики пятилетки по труду сам же нарушил выдвинутое им требование — увязки перспективного планирования вопросов труда с перспективным планом развития всего народного хозяйства.

Не касаясь других недостатков этой первой части работы, в общем сжато и удачно изложенной, мы должны все же отметить, что итого-перспективная характеристика нашего народного хозяйства страдает в отдельных важных его показателях отсутствием достаточного их анализа. Автор ограничивается одной констатацией факта недовыполнения плана 1927/28 г. по линии ряда качественных показателей: производительность труда, себестоимость и т. д.

Внимательный анализ всех этих взаимно перекрывающихся процессов автор подменяет заявлениями о больших достижениях 1927/28 г. в части себестоимости, совершенно не вскрывая причины недовыполнения задания правительства на этот счет.

С такого же рода системой констатации фактов, еще более резко выраженной, мы встречаемся и при характеристике показателей мирового хозяйства.

Нам кажется, что, с точки зрения влияния реконструктивных процессов сельского хозяйства на безработицу ближайших лет, совершенно недостаточным и поэтому неверным основанием для выводов может служить утверждение автора, что „колоссальные технические усовершенствования, машинизация и тракторизация сельского хозяйства временно, на первых порах, не только не уменьшают, но наоборот увеличивают число свободных крестьянских рабочих рук".

Внедрение машины, трактора в сельское хозяйство будет означать гигантский рост его урожайности и доходности. При этих условиях возрастет с.-х. индустрия. Значительно повысится жизненный уровень и благосостояние крестьянина, а это не сможет не повлиять на сокращение притока деревенской рабочей силы в города и, следовательно, на уменьшение размеров безработицы. Кроме того, при машинизации и коллективизации деревни норма трудовой нагрузки крестьянина будет постепенно снижаться.

Особенности планирования вопросов труда заключаются в том, что труд является важнейшим элементом всех отраслей народного хозяйства. Регулирование вопросов труда теснейшим образом связано и вытекает из тех или иных общехозяйственных факторов. Это же положение позволило автору в полном соответствии с линией партии дать следующую основную установку содержания плана по труду: „Перспективное планирование вопросов труда... должно строиться... так, чтобы, с одной стороны, этот план не мог тормозить развитие народного хозяйства, чтобы, он устанавливал определенное соответствие между ростом зарплаты и производительностью труда и тем обеспечивал дальнейшее снижение себестоимости и внутрипромышленное накопление. Но с другой стороны, рост жизненного уровня рабочего класса не должен отставать от общего темпа роста народного хозяйства".

Части книжки тов. Толстопятова, посвященные непосредственному планированию вопросов труда, насыщены чрезвычайно интересным цифровым материалом. Рост численности лиц наемного труда за пятилетие 1928/29—1932/33 гг., по ориентировочным данным НКТ СССР, определяется в 25,6%. Наибольший рост дают строительство (97%), торговля, развивающая свою низовую сеть (40%), фабрично-заводская промышленность (30%), а также работники просвещения (35%) и здравоохранения (32%). Менее интенсивный рост наемного труда — в сельском хозяйстве (15% к концу пятилетия) и почти стабилизуется число работников наемного труда на железнодорожном транспорте.

Несмотря на то, что в предстоящем пятилетии темп роста трудовых ресурсов страны будет отставать от роста городского населения, так как начнет сказываться понижение рождаемости и прямое уничтожение человеческого материала в годы империалистической и гражданской войны (к сожалению, последний момент в книжке освещен недостаточно), автор не решается дать четкого ответа на вопрос о цифровом выражении этих процессов к концу пятилетки. Тов. Толстопятов ограничивается ссылкой на наличие в НКТ двух вариантов: по первому безработица снижается на 1,1%, по второму на 25,8%.

Главным преимущественным источником, питающим безработицу, является деревня. Неурегулированность сезонного рынка труда, оседание крестьянской рабсилы в городе через профсоюзное членство,—способствуют общему росту безработицы, некоторому вытеснению городских безработных элементами деревенскими. В свете этих вопросов приобретают особенно важное значение мероприятия последнего года: правительства, НКТ и профсоюзов, директивы СНК и СТО о максимальном удлинении и равномерном развертывании строительного сезона, о плановых, заявках на рабсилу и т. п.

Аналогичные директивы НКТ касаются торфяников. Расширение корреспондентских и вербовочных пунктов в местах отхода сезонников и общее расширение и упорядочение вербовки рабочих, все это вместе взятое,—при энергичном четком проведении в жизнь может дать необходимый эффект.

Рост номинальной зарплаты за пятилетие НКТ выводится в трех вариантах: на 31,9% при 13,8% снижении бюджетного индекса, 37,6% при 10% снижении бюджетного индекса и 39,7% при снижении бюджетного индекса на 8,6%. При этом 2—3% зарплаты предполагается использовать для социализации зарплаты. Запроектированное повышение страхового тарифа позволит расширить перевод стариков на пенсию, увеличить расходы на помощь безработным и на улучшение культурно-бытовых условий рабочего класса.

Сильный разрыв, имеющийся в настоящее время между оплатой работников социально-культурной и промышленной группы, требует при распределении фондов повышения зарплаты на ряду с подтягиванием отстающих по зарплате групп тяжелой индустрии обратить внимание и на повышение зарплаты работников социально-культурных учреждений. Эти соображения заставили НКТ в пятилетней проектировке распределения фонда зарплаты взять курс на доведение зарплаты этих работников до среднего заработка промышленных рабочих.

Предстоящее пятилетие, согласно смыслу постановления юбилейной сессии НКТ СССР (окт. 1927 г.), должно явиться годами практического осуществления Октябрьского манифеста в части введения в промышленности семичасового рабочего дня.

В соответствии с этим и решениями ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) контрольные цифры НКТ СССР на 1928/29 г. намечают установление семичасового рабочего дня для 18—20% фабрично-заводской промышленности. К концу же пятилетия семичасовой рабочий день намечается к введению для всей промышленности, исключая сезонные производства.

Столь широкая и ответственная программа вполне выполнима при условии заблаговременного учета и исправления имевших место недочетов.

Успешный перевод промышленности на семичасовой рабочий день мыслим при наличии по крайней мере следующих условий: 1) четкий своевременно составленный план перевода предприятий на семичасовой рабочий день; 2) заблаговременное проведение мероприятий по охране труда, рационализации и др. организационно-технических мер; 3) обеспечение новых рабочих жилищами и нормальными бытовыми условиями; 4) обеспечение дополнительных смен квалифицированной рабсилой; 5) своевременная разработка на основе измененного законодательства для семичасовых предприятий норм, расценок, популяризации их и всей подготовки к семичасовому рабочему дню среди работающих.

Разумеется, что проведение такого гигантского технико-экономического мероприятия, каковым является семичасовой рабочий день, потребует от органов труда, вообще всех органов советской власти, партии и всего рабочего класса, значительных усилий и напряжения. Проведение семичасового рабочего дня изменит лицо промышленности, соответственно перестроив условия труда занятого в ней рабочего класса. Совершенно неизбежным окажется и пересмотр всего трудового законодательства применительно к изменившимся условиям труда. Уже сейчас ряд изменений внесен.

Мы не будем касаться других разделов работы тов. Толстопятова (охрана труда, жилищное строительство, социальное страхование, женский труд). В них имеется не мало интересных данных. Недостатком этих частей работы, вообще общими недостатками книжки тов. Толстопятова является увлечение описательной стороной проектировки по труду во вред анализу отдельных важнейших ее элементов, излишняя схематичность изложения за счет полноты содержания, недостаточно освещение проектировки по труду в республиканском разрезе. Из частных замечаний, не считая редакционного характера (повторения, особенно в первом разделе), следует отметить, как пробел, полный обход автором проблемы подросткового труда, имеющей немаловажное значение в общей проектировке вопросов труда.

Несмотря на эти и указанные выше недостатки, мы все же должны отметить, что работа тов. Толстопятова, сжато и в общем довольно удачно излагает сущность вопроса и поэтому для всех работников, интересующихся вопросами труда, может послужить полезным пособием.

Зин. Гришин

Рабочий день в фабрично-заводской промышленности в 1928 г. ЦСУ СССР. Сектор статистики труда. Изд. ЦСУ СССР. Москва. 1928 г. Стр. 45. Цена 50 коп.

Ни одна страна в мире не знает такой разветвленной системы организации статистики труда, какая имеется в лице государственной статистики в СССР. Об'ем и программа работ советской статистики труда, а также и единство и цельность применяемых ею методов исследования безусловно ставят ее на первое место в ряду органов статистики труда других стран. Тем более зияющим пробелом в ее работе было отсутствие основательного исследования о рабочем времени. Публикуемые в текущем порядке данные о фактической продолжительности рабочего дня отнюдь не могут претендовать на исчерпывающую полноту, ибо дают представление лишь о средних величинах, но ничего не говорят о том режиме рабочего времени, какой принят в фабрично-заводской промышленности СССР. Таким образом величайшее достижение русских рабочих осталось почти не освещенным в течение всех одиннадцати лет революции.

Пробел этот пытается восполнить рецензируемая работа Автор вводной статьи тов. Г. С. Полляк, анализирующий приведенные в работе таблицы, указывает три основных задачи, которые ставило себе исследование: 1) Оценка размеров тех сокращений рабочего дня, которые являются результатом существующего законодательства, и установление численности тех рабочих групп, на которые эти сокращения распространяются (стр. 5). 2) Необходимость изучения существующих систем смен, чтобы правильно поставить и решить вопрос о более интенсивном использовании оборудования путем введения дополнительных смен и их интенсивного использования. 3) Попутная оценка первых опытов перевода промышленных предприятий на 7-час. рабочий день. Постановка и разрешение всех трех задач мыслятся авторами исследования в прямой связи с необходимостью практических мероприятий по осуществлению манифеста ЦИК'а о 7-часовом рабочем дне.

Не приходится, конечно, и говорить, что значение работы далеко выходит за пределы очерченных выше задач. Однако

исследованию подвергалось лишь „нормальное" рабочее время, под которым понимается „обычный будний день в дневную смену". Недостаток этого метода заключается в том, что им обходятся наиболее узкие места организации рабочего дня. Было бы правильнее, на ряду с исследованием продолжительности „нормального" рабочего дня исследовать также и продолжительность рабочей недели или двух соседних недель, как ставили вопрос старые (довоенные) исследования.

Гораздо удовлетворительнее решена другая задача исследования: освещение вопроса о существующих системах смен и в частности в связи с изучением степени использования оборудования. В табличном материале по этому вопросу даются, во-первых, подробные сведения по отраслям промышленности относительно распределения всех обследованных рабочих по типам смен и, во-вторых, показатели сменности. Последние, несмотря на сложность их исчисления, все же вполне удачно и даже эффектно разрешают поставленную себе задачу. Настолько эффектно, что безусловно искупают как сложность самого их построения, так и их нечеткость. Последняя проистекает, впрочем, не по существу их природы, а благодаря двоякому их значению — одному для показателя в отношении всех смен и другому — для отдельных показателей по каждому типу смен. Первое имеет довлеющее значение, ибо характеризует распространенность сменной работы в промышленных предприятиях, второе — вспомогательная конструкция, необходимая для исследования вопроса о степени „заполнения смен", т.-е. для исчисления показателей использования оборудования. Вот эта двоякая природа различных, хотя и родственных между собой показателей, и делает их недостаточно четкими. Было бы проще, если бы, минуя вспомогательную конструкцию показателей второго типа (тем более, что задача могла быть решена без них), прямо исчислить показатели заполнения дополнительных — 2, 3 и т. д. — смен, т.-е. показатели использования оборудования, и не только в отношении числа фактических смен, но и максимально возможных. Впрочем, в анализе материалов исследования автор оперирует именно этими последними величинами, а отнюдь не частными показателями сменности.

Но эти, по существу, небольшие дефекты нисколько не портят того основного, что имеется в работе: освещения вопроса, которое мы в ней находим. Во-первых, она знакомит нас с достижениями русского пролетариата как в сравнении с довоенным положением дел, так и с западно-европейскими и американскими рабочими. Во-вторых, что не менее существенно, она знакомит нас с механизмом организации нормального рабочего дня. Действительная продолжительность рабочего дня в советской промышленности оказывается меньше установленных по закону 8 часов. Почти 12% взрослых мужчин и 5% взрослых женщин пользуются сокращенным — семи, шести и менее часовым рабочем днем, и лишь у ничтожного количества всех рабочих — 0,24% — рабочий день не нормируется, при чем, в этот учет сокращенного рабочего времени еще не входят предприятия, переведенные на 7-час. рабочий день. В результате — средняя продолжительность нормального буднего рабочего дня не превышает 7,73% для мужчин и 7,93% для женщин (последние почти не участвуют во вредных производствах, а потому и процент пользующихся у них сокращенным рабочим днем ниже, чем у мужчин). Далее, средняя продолжительность рабочего дня подростков также значительно ниже, чем установленные по закону шесть часов, а именно — 5,33 ч. Остальное время падает на обучение подростков в профшколах. Интересны также выводы автора относительно современного использования оборудования и установленной системы смен. Колоссальное сокращение рабочего дня, какое произведено революцией, промышленность в значительной мере компенсировала увеличением количества смен. Не говоря уже о непрерывных производствах, где такое увеличение является естественным следствием перехода на 8-часовой рабочий день, оно произошло почти во всех отраслях промышленности. Благодаря этому продолжительность работы оборудования сейчас и до войны почти одинакова.

Интересны, наконец, результаты исследования о ночных работах. Несмотря на увеличение сменности, средняя продолжительность ночных работ в общем невелика. На одного работавшего ночью она составляет 3,94 ч. у взрослых мужчин, 2,04 час. у взрослых женщин и 2,06 час. — у подростков, при чем за исключением непрерывных производств, ночная работа захватывает преимущественно 1, 2, 3 час. ночи. Среди работавших ночью женщин, например, 29,5% работало всего один ночной час и менее, 53,8% до двух ночных часов, 28,6% — до трех. Таким образом, то отступление от Кодекса законов о труде, которое было сделано в 1926 г. и которым разрешалось использовать женщин на ночной работе, не нашло большого применения и было реализовано с достаточной степенью осмотрительности.

Существенные изменения в режиме ночных работ для женщин производит переход на 7-час. рабочий день. В обследованных хлопчатобумажных предприятиях, переведенных уже на 7-часовой рабочий день, увеличивается и количество используемого на ночных работах жен-

ского труда и продолжительность ночной работы.

Другим следствием отмечаемого исследованием перехода хлопчатобумажн. предприятий на 7-часовой рабочий день является более равномерная нагрузка всех смен.

В заключение нельзя не отметить безусловного достоинства работы, выразившегося в четкости и сжатости как табличного материала, так и его текстового анализа.

Надлежит быть отмеченной также дешевая цена издания.

В. Львов

Кредит и хозяйство. Ежемесячный журнал под редакцией Е. С. Лурье, Г. Л. Наглер и А. С. Султан-Заде. №№ 1—12 за 1928 год. Издание банков. Год издания 4-й.

Истекший 1927/28 хозяйственный год дал советскому кредиту очень много нового, и главным образом, конечно, организацию Банка долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства.

Организация этого Банка была поистине событием большой важности в советской кредитной системе. И журнал „Кредит и Хозяйство“, как орган банков, в достаточной мере полно — в соответствии с значением — отразил эту реформу. Реформа эта доминировала над всем материалом журнала на протяжении первой половины года, в особенности в руководящем его отделе общих вопросов кредита и денежного обращения. Большинство авторов трактовало свои вопросы преимущественно под углом зрения произведенной реформы.

Оставляя в стороне мысль хоть сколько-нибудь полно осветить помещенный в рецензируемых номерах материал, остановимся только на темах, которые с точки зрения текущего момента представляются наиболее актуальными.

В первую очередь о краткосрочных ресурсах банковской системы. Большинство авторов, останавливающихся на этом вопросе, более или менее единодушно констатирует, что в советских банках краткосрочные ресурсы в отличие от банков капиталистических стран слабеют, идут на убыль относительно, а в некоторых моментах и абсолютно падают. Г. Л. Наглер (№ 1) считает необходимым поставить вопрос о кризисе краткосрочных ресурсов советского банкового аппарата. Я. М. Куперман (№№ 2—3) подробнейшим образом анализирует цифры пассивов всех кредитных учреждений и также приходит к выводу, что рост текущих счетов намного отставал от темпа роста других ресурсов и особенно от средств специального назначения, имеющих по преимуществу бюджетное происхождение. Коммерческие текущие счета по всем кредитным учреждениям, говорит тот же автор, в результате 1926 27 года оказались почти стабильными. В этом же духе, примерно, говорят и другие авторы.

Спрашивается, в чем основной корень этого явления? Мысль невольно обращается в первую очередь к анализу общих определяющих условий советского хозяйства. Совершенно правильно поэтому ряд авторов обращается к противопоставлению методов хозяйствования в СССР и капиталистических странах. Пассивы капиталистических банков, пишет К. К. Лупандин (№ 8), в значительной части получаются за счет накопленных капиталов, принимающих ссудный денежный характер. Через капиталистические банки, равным образом через биржи и инвестмент-тресты, этот ссудный капитал направляется в выгодные предприятия. Следовательно, для капиталистического хозяйства высота процента (выгодность) и финансовый институт (банк, биржа и т. п.) как формальный организатор хозяйства будут характернейшими чертами в обрисовке методов хозяйствования.

Совершенно иначе обстоит дело в советском хозяйстве. Процент в советском хозяйстве, главным образом, конечно, в его банковской работе, представляет собой только простую компенсацию за услуги. Банк же при руководящей роли плана во всем хозяйстве, говорит тот же К. К. Лупандин, вместо того чтобы кредитовать клиентуру по своему выбору, как это происходит в капиталистических условиях, стал просто распределять свои кредитные ресурсы по об'ективным нормам. И как вывод из противопоставления методов хозяйствования можно было бы привести мысль Я. М. Купермана, правда, им же самим отвергаемую (№№ 2—3), о том, что в капиталистическом строе колоссальную роль играет денежное обращение, и поэтому естественно, что банковский аппарат там имеет огромное значение. Наоборот, в коммунистическом обществе, где теряется экономическая автономность отдельных предприятий и где исчезает денежное обращение,— там нет места и кредиту. В переходный же период значение кредита неминуемо должно уменьшаться.

Спрашивается, какие же практические выводы предлагаются отдельными авторами в условиях „кризиса“ краткосрочных ресурсов советского банкового аппарата?

П. П. Кутлер в статье „Капиталы советских банков“ (№№ 2—3) считает, что

пополнение банковских капиталов из общенационального дохода по бюджету должно проводиться в том же порядке, в каком проводится финансирование других отраслей народного хозяйства Затем, такой же строгий, как и в отношении бюджета, должен быть установлен порядок отчисления в банк от прибылей хозорганов. И, наконец, П. П. Кутлер совершенно ошибочным считает существующий у нас взгляд на противоестественность банковской рентабельности. Другой автор, Г. Л. Наглер, в интересах поддержания краткосрочного кредита, предлагает широкое использование в краткосрочном кредите ресурсов, пригодных для долгосрочного использования (№ 1). Но в основном все же большая часть авторов высказывается в том смысле, что советский кредит не может рассчитывать на ту роль и содержание, какую он имеет в условиях частно-капиталистического строя.

Проблема сбережений в журнале „Кредит и Хозяйство“ также подверглась анализу со стороны ряда авторов. Г. Л. Наглер (№№ 4—5) намечает пути практического осуществления директив, данных по этому поводу XV с'ездом партии. Важнейшие из этих путей, по мнению указанного автора, таковы: координация отдельных линий по мобилизации сбережений в одном организационном центре, правильное разделение труда между отдельными аппаратами мобилизации сбережений, разработка чуткой системы методов мобилизации сбережений, и в частности — технических приемов мобилизации. В связи с этими же директивами партии и во исполнение постановления СНК в статье З. Г. Зангвиля (№№ 6—7) изложены результаты обследования этого вопроса, а вместе с тем, и выводы по данным НК РКИ. Как видно из статьи З. Г. Зангвиля, НК РКИ обнаружил целый ряд недочетов в области сберегат. дела, наметил пути к устранению этих недочетов и к дальнейшему развитию этого дела в СССР. При всем том в области мобилизации сбережений имеются и колоссальные достижения. Например, из статьи Д. А. Лоевецкого (№ 8) видно, что от года к году роль периферии (в данном случае приводится подписка на госзаймы) увеличивается. Так, в 1925 году периферия дала всего только 10,3% общего итога подписки, в 1926 — 23,4%, в 1927— 30,3% и в последнем году (заем индустриализации) — 52,7%.

Огромное внимание журнал уделил проблеме взаимоотношений, с одной стороны, клиентуры с банками, а с другой — банков с НКФ по бюджетной линии. При этом первая сторона взаимоотношений у разных авторов рассматривается с разных точек зрения. Одни авторы, напр. Г. Л. Наглер и др., эту проблему ставят под углом зрения контроля банков над хозяйственной деятельностью клиентуры, в частности — контроля за правильным использованием отпускаемых банками средств. Другие — с точки зрения усиления кредитной дисциплины путем усиления ответственности дебиторов. В части взаимоотношений НКФ и банка Г. Л. Наглер считает необходимым различать двоякого рода отношения. А именно: в тех случаях, когда НКФ ассигнует через банки долгосрочного кредита средства на финансирование народного хозяйства, за НКФ должно быть оставлено право входить в рассмотрение отдельных назначений. Иначе должен ставиться вопрос в том случае, когда НКФ вносит в банк на определенных условиях погашения долгосрочный вклад, то-есть, производит за счет бюджетных средств временное расширение оборотных средств банка. В этом случае, по мнению названного автора, НКФ не должен интересоваться, каким образом банк из этого вклада будет финансировать хозяйство. В общем же, поскольку просто вклады в плановом хозяйстве должны составлять исключение из общего правила, широкая компетенция НКФ как одного из основных кредиторов хозяйства должна быть признана бесспорно правильной.

Весьма слабо в журнале затронута проблема „бюджет и кредит“, а между тем, с организацией нового банка она сама собою напрашивается. Из работ, затрагивающих эту проблему, следует отметить статью С. М. Киселева (№ 10). Центральная установка автора состоит в защите кредитного метода (через банк), при аккумуляции народнохозяйственных накоплений. Автор всецело за банк, за его гибкие и вместе с тем более чувствительные, чем бюджет, приемы. Однако, в своей аргументации в пользу банка, в особенности после критики работ проф. З. Каценеленбаума, С. М. Киселев не представляется убедительным. И установка тов. Трахтенберга в этом вопросе, которую берет под обстрел С. М. Киселев, является более обоснованной.

Интересными представляются отдельные моменты в статье М. И. Боголепова „О новом финансовом плане“ (№ 12). Под финансовым планом в настоящее время автор мыслит необходимую, первичную пригонку друг к другу трех больших планов — бюджетного, кредитного и плана финансов производственных организаций. Автор полагает, что единство, целостность и прочное взаимодействие в нашей финансовой системе достигаются их телеологией. Но цели, ради которых приводится в действие сложная система финансов, лежат вне финансов. В этом отношении М. И. Боголепов с полным правом отвергает ошибочную точку зрения тех, кто в финансах хочет видеть генеральные линии для хозяйственных планов.

Из других актуальных проблем текущего момента, затронутых журналом, необходимо указать на проблему денежного обращения. С теоретической стороны эта

проблема освещается в следующих работах. В статье Ф. Д. Лившица и ответе на нее в статье Т. К. Энгеева. В статье „Советский банк и денежное обращение“ (№ 10) Е. С. Лурье ставит задачу в советских условиях подтвердить старый закон, что банкнотными деньгами иначе как банковым путем, управлять нельзя. Утверждая это положение, автор, в частности, считает, что усиление кредитного контроля со стороны банка составит одно из наиболее действенных орудий, посредством которого банк будет в состоянии управлять денежным обращением. К этой категории работ можно отнести также статью С. М. Винокура (№ 12). Рассматривая вопрос об экономическом значении безденежных расчетов, т. Винокур приходит к выводу, что введение безденежных расчетов вовсе не „освобождает“ эмиссионные возможности банка. Система этих расчетов — с точки зрения эмиссионной политики — не что иное, как натурализация оборота. Рассмотрение же натурализации, как обстоятельства, обусловливающего большие эмиссионные возможности, столь же парадоксально, как и неверно.

Значительная часть материала последних номеров журнала, в особенности №№ 10, 11 и 12, посвящена оценке истекшего 1927/28 года и плановым предположениям на следующий 1928/29 год.

В общем „Кредит и Хозяйство“ — орган живой. Работа кредитной системы Советского Союза, в особенности в ее практическом аспекте, в журнале бесспорно отражается.

А. Неусыпин

Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1928 г., №№ I—10. Хабаровск. Изд. Дальневосточной краевой плановой комиссии.

Среди других областей СССР Дальневосточный край безусловно может быть отнесен к тем, которые должны возбуждать наибольшее внимание и наибольший интерес в нашей экономической литературе. За первые годы революции, вплоть до советизации Дальнего Востока, осуществившейся в 1923 г., эта часть Союза жила изолированной жизнью, в условиях революционных пертурбаций. Дальний Восток, вступивший в состав Советского Союза, оказался резко отличающимся от остальной его части. Применение советского законодательства потребовало целого ряда модификаций, учитывающих особенности Дальнего Востока. В течение первых лет революции Дальний Восток был вне поля зрений нашей практической и научно-экономической мысли. С советизацией работу по его изучению приходилось начинать сначала. К этому надо добавить, что политика самодержавия интересовалась Дальним Востоком исключительно как военным плацдармом для осуществления империалистической политики на Тихом океане. Производительные силы его рассматривались исключительно с этой военно-стратегической точки зрения. Военные соображения диктовали такие меры, которые зачастую не развивали, а напротив удушали производительные силы. Между тем, колоссальные естественные богатства края открывали возможность широчайшего приложения производительного труда и хозяйственного строительства с богатейшими перспективами. Залежи угля и нефти образуют энергетическую базу; имеются нетронутые запасы лесов, золота, редких металлов и элементов, широкие перспективы для скотоводства, своеобразные условия для сельского хозяйства открывающие возможность новых его отраслей (рис, бобы, сахарная свекла, шелководство и пр.) и, наконец, запасы пушных и рыбных богатств мирового значения. Все эти богатства лежали втуне, край оставался лишь местом для постройки крепостей и проведения стратегических железных дорог. Едва ли не наибольший вклад в „капитальное“ строительство „Приамурского края“ относился при самодержавии за счет постройки казарм, „военных городов“ и Владивостокской крепости. Край жил за счет метрополии и требовал от страны все новых и новых дотаций, местная промышленность не развивалась, колонизация остановилась на зачаточной ступени.

С советизацией Дальнего Востока советская экономическая мысль встретилась с tabula rasa, с новой территорией, которую нужно было познать, оценить ее экономические потенции, привести их во взаимную связь, определить, какие отрасли подлежат срочной поддержке, выяснить пути слияния и связи дальневосточного сектора с единым хозяйственным организмом Союза, провести его хозяйственно-целесообразное районирование, словом, составить хозяйственный план Дальне-Восточного края. После первых неуверенных шагов,[1] после первых чисто описательных работ исследователи все глубже и глубже проникают в предмет и, самое главное, от категории „сущего“ переходят к категории „должного“, от

[1] За последнее время появилось много работ, посвященных Д. В. Укажем для примера: Лежнин, „Богатство Приамурья и Забайкалья“ Чита, 1922 г. Сборники „Приморье“ (Владивосток, 1923), „Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока (Владивосток, 1923 г.), „Внешняя торговля и экспортные возможности Д.-В. края“ (Москва, 1926 г.), „Горные концессии“, „Лесные концессии“ (Хабаровск, 1925 г.) Дербер и Шер „Очерки хозяйственной жизни Д. В.“ (Москва, 1927 г.), Нерсесов, „Дальний Восток“, „Экономические очерки“, „Экономика Дальнего Востока“, изд. „План. Хоз.“ (Москва, 1926 г.). К этому надо добавить ряд „контрольных цифр“ и других официальных изданий Далькрайплана.

современного положения к задачам и планам будущего строительства.

Обращаясь к рецензируемому журналу, насчитывающему уже 6 год издания, необходимо отметить, что ему принадлежит заслуга создания для местных работников близкого и доступного пути к печатному слову. Чрез посредство этого журнала они имеют возможность делиться итогами своих работ, своими сомнениями, высказывать свои критические замечания и знакомиться с опытом своих предшественников.

Журнал имеет следующие постоянные отделы: руководящие статьи, работы по сельскому хозяйству, промышленности, колонизации, транспорту, торговле, финансам, местному хозяйству, кооперации краеведению, отдел „За рубежом“ и библиография.

Руководящими статьями в рассматриваемых выпусках журнала являются: „К вопросам перспективного планирования ДВК“ (№ 1), „Основные черты хозяйственной перспективы и задачи хозяйственного строительства (№ 6), „Хозяйство ДВК (№ 9), „Перспективы народного хозяйства края на 1928/29 г. (№ 7 — 8), „Общехозяйственный план и конъюнктура 1927/28 г.“ (№ 2) и др. Эти статьи обрисовывают достижения, указывают общие дефекты и намечают новые пути. Они, безусловно, являются наиболее важными для общего познания края и ознакомления с перспективами его дальнейшего экономического развития.

Остановимся на некоторых важнейших данных по экономике Дальнего Востока, поскольку они отражены в указанных руководящих статьях.

1927/28 г. является для Дальне-Восточного края гранью восстановительного процесса. В этом году сельское хозяйство в целом не только достигло довоенного уровня, но по посевам и животноводству далеко опередило рекордный 1917 г. Валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в 1927/28 г. возросла по сравнению с предыдущим годом на 15,6%. Капитальные вложения составили в 1927/28 г. 72 млн. руб. против 37 млн. руб. в предшествующем году. Внешнеторговый оборот увеличился на 40.6%. Положительное сальдо этого оборота возросло на 42%. Уже 1927/28 г. приблизил край к ликвидации хлебного дефицита. Такой бурный рост всех сторон народного хозяйства дает основание проектировать на 1928/29 г. дальнейшее движение по тому же пути индустриализации. Капитальные вложения запроектированы на 1928/29 г. в сумме 169 млн. руб. Энергично возрастает в области промышленности обобществленный сектор. Вступают в хозяйство новые промышленные единицы крупного значения. Возникают новые отрасли в сельском хозяйстве, напр., рисосеяние.

На ряду с этими положительными факторами в жизни края, журнал отмечает ряд нелегко преодолимых трудностей. Изученность его еще крайне слаба, изученность даже чисто географическая. „Территория края, без Камчатки и Забайкалья, площадью примерно в 1,2 млн. км, покрыта сплошной съемкой всего на 12%, маршрутной—47%, совсем не исследовано 41%. Хозяйство носит до сих пор отсталые, экстенсивные формы. Индустриализация края делает только первые шаги. Снабжение края продуктами общесоюзной промышленности еще далеко отстает от платежеспособного спроса. При сжатии импорта разрыв между покупательным фондом и товарной массой заполняется контрабандой. Недостаточность трудовых ресурсов края является наиболее узким местом, препятствующим разрешению стоящих перед ним задач. В области угольной промышленности, на лесозаготовках, в золотопромышленности, на рыбных промыслах,—повсюду интенсивный подъем производства и добычи наталкивается на острый недостаток квалифицированной рабочей силы. Недостаток этот пополняется импортом китайских рабочих. Но такая мера далеко не разрешает вопроса. Китайская рабочая сила это прежде всего элемент крайне текучий, а его квалификация ниже требуемого уровня. Проведение индустриализации встречается с необходимостью разрешить сложную проблему промышленной „колонизации“. Если в области с.-х. колонизации мы имеем богатейший опыт и давно изведанные пути, если она и без участия государства шла бы „самотеком“, то методы привлечения промышленных и промысловых рабочих являются совершенно неизученными. Индустриализация требует разрешения попутно стоящих задач, например, жилищного вопроса, вопроса о наборе подходящей рабочей силы, о временном обеспечении ее до найма и пр. Нельзя признать, что эту проблему удалось до настоящего времени удачно разрешить. Надо отметить, впрочем, что и переселенческое дело в целом еще далеко от благоприятного разрешения. Прилив переселенцев составлял в 1926/27 г. всего 49 тыс. душ, в 1927/28 г. ожидалось 75 тыс. душ. Слабый ход переселения на Дальний Восток об'ясняется отнюдь не отсутствием тяги к переселению из Европейской части Союза, а неустроенностью этого дела, неподготовленностью земельного фонда и другими организационными недостатками, которые вызывают обратный от'езд переселенцев.

В других статьях журнала, посвященных отдельным вопросам, последние разрабатываются более детально, что дает

возможность соответствующим специалистам более глубоко изучать отдельные проблемы. Не все эти статьи являются, разумеется, равноценными, иные мало проработаны и носят характер сырого материала докладов и сводок, другие представляют безусловно ценный вклад в изучение экономики Дальнего Востока и доказывают стремление авторов сказать свое самостоятельное слово по актуальным вопросам текущей экономической жизни.

Укажем на некоторые заслуживающие внимания статьи.

Как мы уже указывали, наиболее важной и трудно разрешимой задачей на Дальнем Востоке является недостаточность людских резервов. И среди местных работников и по директивам центра задача переселения поставлена во главу угла. Этой задаче в рецензируемом журнале посвящен ряд заслуживающих внимания работ. Укажем, прежде всего, на статью А. Ярмоша „Задачи и методы промышленной и промысловой колонизации“ (№ 1). Отмечая, что „невыполнение плана заселения означало бы срыв или, во всяком случае, замедление темпа развития всего хозяйства“, автор констатирует, что „если на многих участках хозяйственного строительства мы опережаем темп, намеченный перспективным планом, то в ходе заселения мы резко отстаем от него (на 30 — 40%)“. Автор приводит ряд данных, характеризующих трудность разрешения рабочего вопроса в отдельных отраслях хозяйства. Анализируя понятие промышленной и промысловой колонизации, тов. Ярмош предлагает вниманию читателя конкретную программу колонизации Дальнего Востока отдельными категориями рабочей силы. Ряд интересных замечаний дает Б. Клепинин в своей критике пятилетнего плана колонизации, разработанного ДВ переселенческим управлением (№ 9). Специальный интерес представляет статья Н. Созыкина (в № 7 — 8) о колонизации Сахалина.

В том же № 7—8 обращает на себя внимание работа тов. Е. Жигадло „О классовом расслоении ДВ деревни“. Остановившись на методологии вопроса и на анализе необходимого для его разрешения статистического материала, автор дает богатый материал для знакомства с социальными процессами, происходящими в ДВ деревне.

Вопросам сельского хозяйства посвящена статья П. Мамаева „К весенней посевной кампании 1928 г.“ (в № 2 журнала). Несмотря на скромный заголовок, она дает достаточно полный анализ основных вопросов сельского хозяйства ДВК и намечает новые пути и методы его развития (контрактации, совхозы, „краевой фонд сортовых семян“ и др.). Напротив, рядом стоящая статья Кабрицкого о хлебном дефиците является, к сожалению, слишком конспективной и далеко не соответствует важности темы.

Очень интересная и нужная работа Бедлинского по текущим вопросам строительства ДВК помещена в №№ 2 и 4 — 5. Автор дает исчерпывающую характеристику положения строительства в крае с точки зрения обеспечения его рабочей силой и техническим персоналом, останавливается на организационных моментах, рассматривает строительные материалы и технику строительства с точки зрения их применимости на Дальнем Востоке, сообщает данные о снабжении края ввозными материалами из центра и из-за границы.

Целый ряд статей занят новыми для ДВК вопросами — шелководство, молочное хозяйство, холодильное дело, рисосеяние, текстильная промышленность, выделка иода, сухая перегонка дерева и др. Эти статьи вскрывают новые многообещающие стороны народного хозяйства, которые укрепят в будущем экономику Дальнего Востока и создадут из него более полный и разносторонний хозяйственный комплекс.

Особо следует отметить отдел „За рубежом“. Работа наших дальневосточников по экономике Японии и Китая уже нашла себе заслуженную оценку среди специалистов. В журнале периодически освещается хозяйство сопредельных стран, с которыми Дальний Восток имеет непосредственные и оживленные связи. В отделе краеведения обращают на себя внимание статьи о наводнении. В журнале уделяется внимание также и крайнему северу (например, статья „Чукотские ярмарки“).

Нельзя не дать, в заключение, вполне благоприятной оценки журнала, сумевшего об'единить вокруг себя наличные литературные, научные и практические силы и дать ценный для края и для центра материал.

Просмотр журнала за 1928 г. дает, вместе с тем, основание согласиться с высказываемым в журнале мнением, что „несмотря на малую изученность и исследованность ДВК, его хозяйственную молодость вообще и советскую в частности, оторванность от частого живого общения с центральными органами, несмотря на отсутствие в краевом центре научных и высших учебных заведений и ряд других неблагоприятных обстоятельств, край проявляет огромную энергию, и работа по всем сторонам его хозяйства продвинулась значительно вперед (№ 1) и что СССР „приближается к разрешению задачи превращения огромной и экономически отсталой окраины Советского Союза в восточный форпост культурного и хозяйственного строительства“. (№ 9).

А. Бонч-Осмоловский

Г. Донской. Борьба за Латинскую Америку. Изд. „Моск. Рабочий“, 1928 г., стр. 150, ц. 1 руб. 35 коп.

Рецензируемая книжка делится на две части: общую и специальную. В первой части автор дает краткий очерк исторического развития Центральной и Южной Америки и детально останавливается на борьбе Англии и Соед. Штатов за гегемонию в Латинской Америке; автор иллюстрирует англо-американское соперничество рядом цифровых данных об инвестициях Соед. Штатов и Англии в отдельные страны Латинской Америки. Данные эти, однако, столь мало систематизированы, что не оставляют у читателя ясного представления о том, какой капитал преобладает в отдельных центральных и южноамериканских республиках.

Между тем, в иностранной прессе (французской) приводились интересные данные о распределении по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки на 1 июля 1928 г. Эти данные говорят о том, что в Аргентине и Бразилии, а из мелких республик—в Парагвае, попрежнему, преобладают английские инвестиции, а в Чили, Перу, Венецуэле, Колумбии и Боливии — северо-американские.

Распределение по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки

(В %%)

	Чили	Аргентина	Бразилии	Перу	Венецуэла	Колумбия	Боливия	Парагвай	Эквадор	Итого
Английский	29	67	54	26	30	16,5	26	30	37	49
Сев.-американский	44	16,5	17	43	58	75	55	23	59	26
Капиталы прочих стран	27	16,5	29	21	12	8,5	19	47	4	25

Чрезвычайно показательной является итоговая цифра респределения инвестиций во все страны Южной Америки: на 1 июля 1928 г. из общей суммы инвестиций 8.403 млн. долл.: 4.103 млн. долл. (49%) приходилось на английские инвестиции, 2.167 млн долл. (26%) — на американские и 2.043 млн. долл. (25%) на инвестиции прочих стран (главным образом, немецкие и французские капиталы).

Автор рецензируемой работы приводит также в отдельной таблице данные о проникновении северо американского капитала в Центральную и Южную Америку; было бы интересно сопоставить абсолютные размеры и удельный вес этих инвестиций с общей суммой инвестиций Соед. Штатов на протяжении длительного периода, например, 1913 — 1927 гг. Если сопоставить северо-американские инвестиции по следующей схеме: Европа—Канада—Южная Америка — Центральная Америка (включая Кубу, Мексику и Вест-Индию), Япония, Китай, Филиппины — прочие страны, — то можно установить, что по темпу роста инвестиции в Южную Америку стоят на первом месте (в 1913 г. — 100 млн. долл., 4% в отношении общей суммы инвестиций Соед. Штатов; в 1927 г.— 2.247 млн. долл., 16% в отношении ко всем инвестициям).

Во второй части книги автор дает краткий очерк Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики. От этой второй части книжки читатель в праве ожидать сжатого и ясного анализа экономики этих стран, в значительной степени определяющей (благодаря своему удельному весу) хозяйственную структуру Центральной и Южной Америки. Вторая часть книги должна была бы дать ответ на следующие два основных вопроса: 1) происходит ли индустриализация этих стран (анализ структуры внешней торговли, железнодорожного и коммунального строительства, развитие добывающей и обрабатывающей промышленности и т. д.), 2) состояние сельского хозяйства на основании определенной системы показателей по основным культурам (возделываемая площадь, урожайность, производство и экспорт) и установить, перешло ли сельское хозяйство от экстенсивного к интенсивному,

Автор поступил экономически неверно, начав свой анализ (страны Южной Америки) с Бразилии, так как экономически и политически страной — гегемоном Южной Америки является Аргентина. Чрезвычайно полезно было бы автору использовать книжку Railways of South America. Part I. Argentina и почерпнуть оттуда данные о росте населения, возделываемой площади и длине железнодорожной сети на протяжении 1857 — 1927 гг. в Аргентине. Затем, следовало проанализировать структуру экспорта и импорта и установить одностороннюю ориентацию хозяйства Аргентины (экспорт складывается, в основном, из следующих групп: пшеница, кукуруза, льняное семя, шерсть и мясо в консервированном, охлажденном и мороженном виде — 88% всего экспорта по ценности в 1913 г. и 83%—в 1927 г.). На основе анализа импорта Аргентины и ро-

ста удельного веса групп: „машины и изделия“, „сельскохозяйственные машины и инструменты“ и „электромашины и электротовары“,— можно с несомненностью сделать вывод об индустриализации страны (правда, на основании этих показателей темп индустриализации чрезвычайно медленный). По сельскому хозяйству необходимо было проследить динамику следующих основных культур: 1) хлебные злаки (пшеница, кукуруза, овес, ячмень, рожь), 2) огородные культуры (картофель), 3) технические культуры (хлопок — хлопковое семя, лен — льняное семя, сахарный тростник, табак), 4) вино, 5) животные продукты (масло, сыр, казеин) и, наконец, динамику стада (лошади, ослы, мулы, рогатый скот, овцы, козы и свиньи) Сопоставляя данные 1909–1913 гг. и 1927–1928 гг. (по данным International Yearbook of Agricultural Statistics) можно установить экстенсивный тип развития аргентинского сельского хозяйства; правда, рост производства происходит под влиянием двух факторов: роста посевных площадей и урожайности, но отсутствие импорта искусственных удобрений говорит о том, что рост урожайности носит тоже экстенсивный характер и является результатом освоения новых девственных земель.

Необходимо было также подробнее остановиться на состоянии горной промышленности Аргентины, в частности, на добыче нефти. В отношении обрабатывающей промышленности следовало привести данные ценза 1913 г. и исчисления статистика Бунге.

Анализируя Бразилию, автору нужно было проанализировать структуру внешней торговли (народнохозяйственный показатель, наиболее полно учтенный); установить, на основе анализа экспорта, еще более резко выраженную, чем в Аргентине одностороннюю структуру бразильского народного хозяйства: в 1913 г. кофе, какао, табак, кожи и каучук—89% всего экспорта по ценности, в том числе кофе — 63%; в 1927 г. — 84%, в том числе кофе — 71%. Рост импорта по группам (абсолютный и относительный): „машины и аппараты“, „электромашины“, „железнодорожные вагоны“, „автомобили“,— дает основание сделать вывод о неуклонной индустриализации страны (в 1913 г. импорт по этим группам составлял 52.952 тыс. амер. долл. и 16,3% во всем импорте; в 1927 г. — преуменьшенные данные — 66 492 и 17,2%).

Недочетом является также отсутствие данных по горной промышленности Бразилии; такие данные, охватывающие период 1913 — 1926 гг., довольно полные, имеются (добыча угля, марганцевой руды, горного хрусталя, серебра, золота и слюды). По обрабатывающей промышленности необходимо было привести данные ценза 1920 г., а также суммарные данные о продукции отдельных отраслей обрабатывающей промышленности за период 1913 — 1916 — 1921 гг., а по основной отрасли—текстильной—следовало бы привести имающиеся более поздние данные за 1926 г. В заключение нужно было привести цифры динамики бюджета, государственного долга и состояния денежного обращения.

Наиболее неполной главой рецензируемой книги является очерк, посвященный Чили. Селитра и медь определяют народное хозяйство Чили (71% экспорта по ценности в 1927 г.). Поэтому, автору следовало особенно подробно остановиться на состоянии селитровой и медной промышленности (размеры производства, экспорт, потребление, запасы, инвестиции капиталов по национальности и, наконец, доля в мировом производстве). Анализ импорта позволил бы автору установить тенденцию индустриализации страны: в 1913 г.—машины для горной промышленности и производства, котлы и их части, электрическая аппаратура, железнодорожные материалы и орудия, автомобили составляли по ценности 12% всего чилийского импорта, в 1925 г. — 15%.

В конце рецензируемой книги автором приводится список использованной литературы, который в значительной степени об'ясняет отмеченные нами недостатки. Бросается в глаза отсутствие среди использованной автором литературы иностранных статистических справочников и иностранной периодической прессы. Из справочников совершенно необходимо было пользоваться: International Yearbook of Agricultural Statistics, Commerce Yearbook, vol. II Foreign Countries. Из периодической прессы автору необходимо было ознакомиться (по меньшей мере) с периодическими конъюнктурными обзорами и хроникой (по Аргентине, Бразилии, Чили и другим южно-американским республикам) помещаемыми в „Wirtschaftsdienst“, „Board of Trade“ и „Commerce Reports“.

Только после ознакомления с указанной литературой автору можно было прибегнуть к монографиям, список которых он приводит. Автор поступил, наоборот, использовав монографии, не ознакомился с необходимым основным минимумом экономической и статистической литературы; поэтому у читателя остается чрезвычайно смутное и неясное представление после прочтения книги тов. Донского.

В виду отсутствия на русском языке другой работы по Центральной и Южной Америке, книга тов. Донского все же может быть использована в качестве популярного и неполного пособия.

М. Коган

Экономическая организация английской периодической печати

Мы намерены познакомить русского читателя с материалом, относящимся к организации и экономике английской прессы. Материал этот опубликован в английском журнале „The Economist“, №№ 4.445—4.449 и представляет большой интерес, поскольку вопрос этот до сих пор слабо освещался.

I

Периодическая печать в Англии (как и в других капиталистических странах) из отрасли „духовной“ культуры превратилась в коммерческое дело, дело огромного размаха по образцу крупных капиталистических предприятий в сфере промышленности, торговли и кредита.

Современная пресса, по выражению „Экономиста“, это „одна из больших британских индустрий“, с тенденцией к крупнейшим рекордным масштабам работы: многомиллионному тиражу, огромным капиталам и чрезвычайным прибылям.

Она подражает крупной индустрии не только в отношении масштаба своей деятельности, но и по форме организации.

Большой интерес вызывают организационные процессы, совершающиеся в ней и направленные к „трестификации“, об'единению газет и журналов в руках небольшого числа предприятий монополистического характера.

Творцом новых организационных форм принято считать покойного лорда Нортклифа, который сумел подчинить своему влиянию или, как говорят англичане, „контролю“ большое число периодических изданий.

В это число вошли: знаменитая газета „Таймс“ и многочисленные органы печати, уже ранее об'единенные двумя компаниями. Одной из них, „Associated Newspapers“, принадлежат три газеты и среди них известная у нас „Daily Mail“, другой — „Amalgamated Press“—70 популярных журналов, еженедельных и месячных. Все эти газеты и журналы Нортклиф об'единил под своим крылом.

После смерти его (в 1922 г.) эта группировка распалась. Между прочим, выделился и приобрел самостоятельность „Times“, перешедший к двум новым владельцам. Концентрация издательского дела, однако, продолжалась.

В результате длинного ряда сделок и финансовых комбинаций, борьбы дельцов и соглашений, между ними образовались новые группировки, которые держат всю английскую печать в своих руках.

Основных об'единений теперь четыре. Из них: 1) Berry Combine (по имени участников, братьев Берри) сконцентрировало вокруг себя следующие издания: 26 газет, выходящих в 11 городах, свыше 100 еженедельных, двухнедельных и месячных журналов, 18 ежегодников. 2) Об'единение лорда Ротермира, которое распространило свое владение на 15 изданий в семи городах. 3) The Inveresk Combine, владеющее 18 изданиями в 6 городах. Любопытно, что хозяином дела здесь является предприятие, казалось бы, весьма далекое от журналистики, компания писчебумажных и целлюлозных фабрик Inveresk Paper Company. По заявлению председателя этой компании, газеты и журналы приобретались ею с специфической целью — обеспечения рынка для бумажной продукции и, наконец, 4) „The Liberal Combine“ распоряжается 12 органами либерального направления.

Кроме этих четырех основных комбинатов образовано еще два, интересующихся только специальной прессой: Industrial Newspapers, Limited с пятью журналами, посвященными различным отраслям промышленности, и Financial Newspapers Proprietors Limited, издающий пять журналов по финансовым вопросам.

Перечисленные группировки оказались настолько мощными, что прибрали к рукам всю английскую печать. Из сферы их влияния ускользнули только немногие издания, исчисляемые единицами.

По наличным материалам трудно судить о внутренней структуре и типе новых издательских организаций. Они фигурируют тут под различными наименованиями „combine“ — комбината, об'единения, треста и т. д. Повидимому, наименование треста менее всего подходит к ним, поскольку мы соединяем со словом „трест“ представление об организации, в которой отдельные производственные и хозяйственные единицы совершенно теряют свою самостоятельность. Этого нельзя сказать про отдельные газеты и кампании, вошедшие в состав об'единений. Надо полагать, что „combine“ ближе к типу концерна или контрольного общества, с более либеральными связями административного и финансового характера между участниками организации.

Возможно, конечно, существование в виде исключения и настоящих газетных трестов там, где организационное оформление доведено до конца.

Ниже мы вслед за „Экономистом“ и для удобства применяем термин „трест“ ко всем видам об'единений, но в совершенно условном смысле.

II

Современная газета, рассчитанная на массовое распространение, для надлежащей своей постановки требует огромных капиталов. Потребность эта еще более усиливается благодаря ожесточенной конкуренции из-за читателя и подписчика. При таких условиях финансирование газетного дела для единоличного предпринимателя или небольшой акционерной компании становится недоступным, и рано или поздно должен встать вопрос

о слиянии или поглощении маленького дела крупной издательской организацией. Как и в других отраслях экономики, газетная „трестификация" вызывается расширением масштаба хозяйства („концентрацией капитала") и обострением конкуренции.

Сконцентрированный в новых формах и огромных размерах „трестифицированный", капитал, со своей стороны, вызывает дальнейшие изменения в газетной экономике. Биржа устанавливает известное соответствие между доходом от газетных предприятий и курсом их акций. Это обстоятельство ведет к преувеличению рыночной цены и номинальной суммы основных капиталов по сравнению с действительной и первоначальной их стоимостью.

В использованных материалах приведен ряд примеров, показывающих, что одни и те же предприятия при переходе из рук в руки раздували свою рыночную цену и акционерный капитал во много раз.

Возросший теми или иными путями капитал ставит перед газетным хозяйством свое категорическое требование относительно обеспечения его надлежащей доходностью. И здесь мы подходим к основному вопросу современной газетной экономики — структуре его доходного бюджета, радикально изменившейся в последние годы.

Этот вопрос, равно как и вся экономика издательского дела в Англии, иллюстрируется примерным бюджетом, приведенным журналом „The Economist". Это типичный бюджет большой, дешевой и распространенной газеты с тиражом в 2.000.000 экземпляров, средним размером в 23 страницы, ценой — розничной — в 1 пенни за экземпляр, а оптовой — в 0,6 пенни.

Приход (в фунт. стерл.)		Расход (в фунт. стерл.)	
Доход от прод.	1.550.000	Бумага	1.700.000
„ от об'яв. и рекламы	3.000.000	Трансп. расх.	400.000
		Произв. „	700.000
		Издат. издер.	200.000
		Расх. по рекл., зарпл. и комиссии	150.000
		Расх. по тираж.	75.000
		Прочие наклад. расходы	175.000
		Валовая приб.	1.150.000
Итого	4.550.000		4.550.000

(Среди расходов здесь не перечислены некоторые статьи экстраординарного порядка, рассчитанные на привлечение читателя. Они погашаются за счет прибылей. На них мы остановимся ниже.)

Приведенные расчеты показывают, что бюджет большой английской газеты построен почти исключительно на доходе от об'явлений, печатаемых в ней. Основной, казалось бы, источник средств — поступления от подписки и продажи газеты, — составляет каких-нибудь 25% всего валового дохода и не покрывает даже затрат на бумагу.

Об'явления занимают все больше и больше места на страницах газет и оттесняют на задний план основной печатный материал. В дешевой прессе они уже охватили 47% площади газетной простыни. В более солидной, как „Таймс", „Дэйли Телеграф" (цена 2 пенни) — только 35%. Вместе с тем, растет и цена рекламы, которая увеличилась по сравнению с 1913 г. на 200% и ныне колеблется в пределах от 70 шиллингов до 6 фунтов за дюйм в печатном столбце.[1]

Газету оплачивает, таким образом, уже не читатель, а поставщик рекламы.

При примерной стоимости экземпляра газеты в 1,59 пенни, плата в 0,6 пенни[2] оставляет непокрытой большую часть расходов и дает убыток в 0,99 пенни. Потерю эту покрывает и, кроме того, обеспечивает прибыль на капитал „advertiser", т.-е. лицо или фирма, пользующиеся газетной рекламой, — назовем его публикатором. Публикатор несет доход приблизительно в размере 1,16 пенни на газетный экземпляр. Публикатор кормит газету и, стало быть, приобретает огромное влияние на нее, он начинает предписывать ей свои законы.

Публикатор обращается преимущественно к наиболее распространенным газетам, к изданиям с наибольшим тиражем. Тем самым он заставляет всю печать форсировать свой тираж. Погоня за подписчиком принимает необычайные размеры и формы. Издательства идут на всевозможные ухищрения. Читателя берут на приманку разнообразными методами. Из них наибольшее значение приобрело коллективное страхование подписчиков на случай смерти или какого-нибудь несчастья. Риск берет на себя страховое общество, с которым газета заключает договор о страховании всех своих подписчиков. Подписчик без производства каких-нибудь специальных платежей, благодаря одному только факту подписки, оказывается застрахованным и очень часто на весьма крупную сумму — в некоторых газетах до 25 тыс. фунт. стерлингов.

По оценке одного специалиста страховые операции всех английских издательств в сумме своей могут быть приравнены к годовой сумме операций страхового общества с оборотом от $1^2/_3$ до 2 млн. фунт. стерлингов

Страхование служит для газет могучим орудием рекламы. Каким образом оно используется, дает представление следующая бытовая картинка, нарисованная „Экономистом".

„Стоит где нибудь удовлетворить какую-либо страховую претензию, как сейчас же это место наводняется армией агентов по вербовке подписчиков, возглавляемой...

[1] В некоторых воскресных газетах в 2—3 раза дороже.

[2] Оптовая цена экземпляра газеты.

счастливцем, получившим страховое вознаграждение... Вслед по их пятам является конкурирующая громада (regiment), вооруженная контрпропагандой — в пользу газеты Daily Penny. Бывают случаи в промышленных районах, когда целые улицы оспариваются друг у друга дюжинами различных агентов в течение одной недели и посредством хождений от двери к двери" (стр 930).

Эта пропаганда дает, конечно, свои плоды. Читатель, ранее приобретавший газету от случая к случаю, становится постоянным подписчиком. Вместо одной газеты семья выписывает две и даже три. Понятно, что в таких случаях газеты уже не читаются, а только просматриваются. Они выписываются не с целью получения материала для чтения, но ради страхования. Газета теряет свое естественное назначение. Появляются „unread newpapers" — газеты, которых не читают.

Страхование, — это особенность английской прессы, и в других странах оно мало известно. Кроме него, в Англии выдвигаются для подписчика и другие приманки в виде разного рода состязаний на получение призов. Призы эти составляют крупные суммы до 20 тыс. фунт. стерл. Подписчик принимает участие в состязаниях или пари, отрезывая соответственный купон от газеты.

Эти пари, особенно в связи с футбольными состязаниями, чрезвычайно разжигают азартные инстинкты массы, и поэтому вызвали даже специальное запрещение со стороны верховного суда.

Можно себе представить, какие расходы для издательств вызывают все эти рекламные затеи: страхование, агентура по вербовке подписчиков, призы по состязанию и т. д. Цифровое подтверждение дает примерный „счет прибылей и убытков", приложенный к приведенному выше иллюстрированному бюджету воображаемой показательной газеты „Пенни Дэйль".

Приход (в фунт. стерл.)		Расход (в фунт. стерл.)	
Валовая прибыль	1 150.000	Страхование	500.000
		Вербовка подписчиков (Canvassing)	150.000
		Реклама	50.000
		Получен. чистая прибыль	450.000
Итого	1.150.000		1.150.000

Анализ этого счета приводит цитируемый нами журнал к тому выводу, что 56% валовой прибыли посвящается на поиски подписчика. При этом не приняты еще во внимание и другие аналогичные расходы: почтовые, реклама посредством небесных знаков (skysign publicity).

На бюджет газеты легло тяжелое бремя, от которого она охотно избавилась бы. Но развязаться с ним она не в состоянии под давлением требований публикатора. Последний настаивает на все большем и большем тираже и в зависимости от его размеров определяет норму оплаты своих публикаций. Публикатор „из клиента превратился в надзирателя над невольниками с кнутом в руке".

Таким образом, создался безысходный круг экономических противоречий: крупный газетный оборот потребовал крупного капитала; крупный капитал, с своей стороны, пред'явил требование на обеспеченную прибыль, для этого, в свою очередь, оказались необходимыми крупные и новые источники дохода, которые были найдены в виде поступлений от публикаций. Утилизация этого источника принудила к дальнейшему расширению газетного оборота, который и без того уже велик и может быть только искусственно раздут мероприятиями по рекламе и привлечению подписчика. Однако, скоро будет достигнут определенный предел.

Массовая газета катится к кризису, но остановится она не в состоянии под угрозой потери доходов от публикаций. Отказ от этих доходов также привел бы к кризису. Кризис так или иначе неизбежен.

III

Пресса — крупный фактор общественной жизни. Поэтому радикальная трансформация газетного дела должна была повлечь за собой и серьезные социально-политические последствия. С образованием газетных трестов капитал получил в свои руки могучее орудие воздействия на общественную мысль и общественное мнение. Основная демократическая добродетель Англии, так. наз. свобода и независимость печати была поставлена под угрозу. Положение создалось настолько острое, что буржуазный журнал „Экономист" (нами цитируемый), отнюдь не склонный к критике существующего общественного строя Англии, вынужден был поставить резко вопрос о том, существует ли в этой стране независимая печатная мысль.

На этот вопрос он ответил убийственной характеристикой современных газетных нравов:

— За немногими исключениями британская пресса не заключает в себе более органов общественного мнения, (organs of opinion) (стр. 886).

„В гримасах конкуренции некоторых наших наиболее шумных и крикливых газет и еженедельников, равно как в искренних признаниях мистера Гаррисона в том, что он покупает газеты для того, чтобы найти рынок для бумаги, а также и в манере, с которой Берри и лорд Ротермир сегодня покупали либеральную, а завтра консервативную газету, — кроется цинизм, противоречащий лучшим традициям британской журналистики; цинизм, дающий основание к убеждению, что демократия опрокинута враждебной „капиталистической прессой"... (стр. 787).

С продолжением процессов концентрации, — указывает „Экономист", — создается даже непосредственная опасность для независимой печатной мысли: „Если бы

все об'единения были поглощены одним из них, оказалось бы неизбежным вмешательство государства и введение такой отвратительной вещи, как государственная цензура" (стр. 988).

Исчезновение независимых органов (нетрестированных) было бы „национальной трагедией".

Чрезвычайно показательно то обстоятельство, что буржуазный орган „The Economist" вынужден констатировать, с одной стороны, беспринципность и моральную деградацию буржуазной прессы, а с другой — тенденцию ее к монополистическому перерождению со всеми вытекающими отсюда последствиями для буржуазной „демократии". К сожалению, журнал испугался своей собственной резкой критики и поторопился выступить с оговорками, долженствующими смягчить впечатление от нее. Оказывается, что опасность установления монополии над печатью не так уже велика, поскольку отдельные издательские группировки находятся в непрерывной конкуренции между собой.

Монополизации прессы препятствует также существование некоторых солидных и „независимых" газет, сумевших отстоять свою самостоятельность от газетных „трестов" и продолжающих оставаться светочами общественной и политической мысли. Оказывается, далее, что яд морального разложения проник только в дешевую распространенную печать „Penny Press" или „Daily Penny", по нашему, в желтую бульварную прессу. Но и эта пресса проявляет тенденции, противодействующие вредному ее влиянию на общественное сознание и на политику. Коммерческие интересы, стремление к расширению тиража и круга читателей отталкивают ее от политики. Она становится „политически бесцветной" по следующим двум основаниям: „Одно из них это то, что партийная марка это ограничение для расширяющегося тиража, стремящегося охватить если не все партии, то, по крайней мере, ту огромную часть нации, которая не закреплена или легко связана своей партийной принадлежностью (politikal allegiance). Второе основание это то, что политические дела не могут всецело поглотить интересы всей публики и во всякое время, а потому дешевые газеты (Daily Penny) для того, чтобы стать незаменимым чтением для миллионов, должны угодить каждому интересу читателей и в отношении домашнего хозяйства, и спорта, и беллетристики. „Ничто человеческое не чуждо"—становится всеохватывающим правилом журналиста" (стр. 988).

Политические принципы и идеи тонут в беспорядочной погоне за сенсацией. „В политическом отношении газеты типа „Daily Penny" могут только механически копировать общественное мнение; лишь в малой степени они содействуют его образованию" (там же).

Все эти оговорки и поправки, внесенные журналом, не достигают своей цели и отнюдь не рассеивают впечатления, произведенного на читателя основной характеристикой.

Где гарантии того, что конкуренция между отдельными „трестами" не прекратится и что все они не сольются в один трест, который, между прочим, поглотит и стоящие особняком „независимые" газеты и установит форменную диктатуру над печатью? Никаких препятствий, ни экономических, ни юридических, в Англии для сего не дано.

Далее — так ли уже невинна и безвредна в политическом отношении бульварная печать, как это рисует „Экономист"? Отвечая на этот вопрос, надо сказать: для того чтобы оказывать влияние на общественное мнение этого рода, прессе вовсе не нужен определенный политический флаг. Можно и без того отравлять политическое сознание масс непрерывной пропагандой, искусно замаскированной и приукрашенной беспартийным тоном, соответственной формой и сенсацией. Можно вести (и она действительно ведется) эту пропаганду не только в отделе, посвященном политике, но и в других отделах — литературы, спорта и т. д.

Тому соответствуют и факты: известно, что средний обыватель Европы и Америки питается только той духовной пищей, которую он получает от желтой прессы и у нее же заимствует свою общественную и политическую идеологию. Буржуазная печать держит в духовном плену многомиллионные мелкобуржуазные массы и даже значительную часть рабочего класса.

Газетные „тресты" еще более усилили идейное влияние крупного капитала на народные массы по сравнению с предшествующим периодом, когда этих „трестов" еще не было.

В этом отношении они выступают как новый социальный и политический фактор, пагубное действие которого должно быть учтено.

И. М. Гринштейн

Новые книги

А. С. Гордон. „Система плановых органов в СССР". Предисловие Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 65, ц. 70 коп.

Работа Гордона в основе своей посвящена истории организационного строительства плановых органов СССР. Вместе с тем, автор собрал и теоретически проанализировал большой материал, характеризующий эволюцию плановой мысли, задачи и функции планирующих организаций.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР". Изд. „Моск. Рабочий". М., 1928, стр. 135, ц. 35 коп.

Обосновывая задачи промышленности СССР в условиях товарного голода, автор настоящей брошюры доказывает, что корни последнего лежат отнюдь не в индустриализации, а в принципиально отличной от капитализма системе производства и распределения; на ряду с тем как индустриализация порождает известные трудности, она несет в себе и разрешение их.

Ф. Петри, „Социальное содержание теории ценности Маркса". Перев. с нем. „Моск. Рабочий". М., 1928, стр. 116, ц. 1 р.

Книга Петри (неокантианца, по взглядам близкого к Риккерту и Штаммлеру) посвящена анализу теории ценности Маркса с точки зрения качественной и количественной проблемы ценности. Предпосылкой к анализу автора является доказательство двойственности теории ценности Маркса, Петри считает, что последний искусственно сочетал в ней социальную сторону философии Канта с натуралистическим методом Рикардо.

С. Губерман, „К теории капиталистического рынка и кризиса". Изд. Комм-Академии. М., 1929, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Настоящая книга состоит из семи основных разделов, включающих характеристику методологических моментов проблемы рынка и кризиса, малых и больших циклов конъюнктуры, затем проблему причинности кризисов, кредитно-денежные вопросы конъюнктуры, характеристику современной структуры капитализма и особенностей конъюнктуры при монополистическом капитализме.

И. И. Литвинов, „Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства". ГИЗ, 1929, стр. 139, ц. 1 р. 50 к.

Работа И. И. Литвинова представляет собой опыт исследования влияния столыпинского аграрного законодательства на расширение емкости русского рынка и на рост промышленности России. Вместе с тем, автор останавливается на проблеме влияния последствий аграрной реформы на взаимоотношения классов в России.

М. Нахимсон (Спектатор), „Мировое хозяйство до и после войны". т. III., ч. 1. Послевоенный кризис. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 303 + 17 прилож. ц. 3 р. 65 к.

Основная цель, которую автор поставил себе, выпуская настоящую работу, выяснение специфических особенностей послевоенного кризиса, точнее его коренной причины с одновременным выявлением небывалой остроты и продолжительности кризиса, вытекающие из общих условий послевоенного капиталистического развития.

И. М. Кулишер, „Основные вопросы международной торговой политики". Изд. „Прибой", 1929, стр. 612, ц. 5 р. 50 к.

Настоящая книга И. М. Кулишера, являющаяся 3 дополненным изданием, посвящена анализу основных проблем внешней торговой политики (таможенной политики и торговых договоров) как в теоретическом, так и в практическом разрезе.

Е. Хмельницкая, „Военная экономика Германии 1914—1918 гг. Опыт теоретического анализа военного хозяйства. ГИЗ, 1929, стр 239, ц. 2 р. 40 к.

Работа Е. Хмельницкой на ряду с описанием того, как перестраивались германская промышленность и сельское хозяйство во время войны, анализирует наблюдавшийся в Германии в этот период процесс перерастания завершенной к началу войны формы монополистического капитализма в новую стадию его — госкапитализм.

Я. Иоффе, „Блокада и народное хозяйство в мировую войну". ГИЗ, 1929, стр. 224, ц. 2 р.

Задача настоящей работы, носящей преимущественно описательный характер, выявление основных вопросов экономической обороноспособности стран, участвовавших в мировой войне, и огромной роли, которую сыграла хозяйственная война, в особенности блокада (экономическая) того периода.

Проф. Я. М. Букшпан, „Военно-хозяйственная политика". ГИЗ, 1929, стр. 541, ц. 5 р. 25 к.

Автор освещает формы и работу органов регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914—1918 гг.

Л. Балабан, „Хлеб в мировом хозяйстве". Изд. „Моск. Рабочий". М., 1929, стр. 172.

Освещая роль хлеба в мировом хозяйстве на ряду с выявлением удельного веса хлеба в мировом производстве и в товарообороте вообще и динамики цен на него, автор отдельно останавливается на проблеме производства хлеба в СССР в связи с процессами реконструкции сельского хозяйства и роли Советского Союза на мировом хлебном рынке.

И. Файнгар, „Современная Германия", ГИЗ, 1929, стр. 123 + 1 карта, ц. 65 к.

Очерк И. Файнгара рисует развертывание германского капитализма за последние несколько лет, происходящее за счет усиленной эксплоатации рабочего класса, рационализации, об'единения предприятий, форсированного импорта капиталов и т. д.

Г. Шигалин, „Подготовка промышленности к войне". ГИЗ, 1929, стр. 228, ц. 1 р. 30 к.

Основываясь на больших материалах мировой войны, автор дает набросок плана и путей подготовки промышленности к войне и ее работы в условиях коренных изменений, которые произойдут в области производства во время войны.

Г. Ф. Гринько

План великих работ

(Основные проблемы пятилетнего нар.-хоз. плана СССР на период 1928/29—1932/33 гг.) [1]

Вступление

1. Исходные позиции. XV с'езд ВКП(б) дал исчерпывающие политико-экономические директивы к построению пятилетнего народнохозяйственного плана, исходя из генерального курса на индустриализацию СССР и последовательное укрепление социалистических элеменов в его экономической системе вообще и в сельском хозяйстве в частности и особенности. Последующие пленумы Центрального Комитета ВКП(б), с одной стороны, и ряд правительственных актов—с другой стороны (декрет ЦИКа СССР об урожайности), дополнительно развили и конкретизировали указания XV с'езда о задачах хозяйственного строительства на ближайший период. На обязанности Госплана СССР и всей системы плановых органов страны было перевести эти общие политико-экономические установки и директивы на язык конкретных экономических и технико-экономических расчетов и превратить их в план хозяйственного строительства на предстоящее пятилетие. Дальнейшее изложение контрольных цифр пятилетнего народнохозяйственного плана и является попыткой решения этой задачи.

2. Организационно-методологические замечания. Предлагаемый пятилетний план по масштабам запроектированного роста материального производства, капитальных вложений и качественных показателей значительно превышает расчеты всех прошлых проектировок. В основе этого лежит, с одной стороны, вновь накопленный опыт первых годов реконструктивного периода,

[1] Эта статья является сводным обзором, обобщающим многочисленные материалы Госплана СССР по пятилетнему плану и тем самым отражающим коллективную работу всего Госплана.

выявивший недооценивавшиеся раньше возможности, а с другой стороны, некоторое изменение самого характера и порядка работ над пятилетним планом.

В соответствии с директивами XV партийного с'езда о придании работам над пятилеткой более широкого общественного характера, а также в целях более всесторонней научной экспертизы по важнейшим элементам плана, в ходе работ над пятилеткой Госпланом были проведены специальные конференции с участием виднейших представителей науки и практического опыта по вопросам металлургии и машиностроения, реконструкции сельского хозяйства, реконструкции транспорта, по химической промышленности, по лесной, по лесохимической, по текстильной, по кооперативному строительству, по воспроизводству квалифицированных сил в стране и по местному хозяйству. На очереди конференция по вопросам финансовой политики.

Опираясь на эти конференции и на большие работы ряда наркоматов (в особенности ВСНХ и НКПСа), оказалось возможным построить достаточно конкретную программу (с обозначением об'ектов, районов и сроков) нового строительства, а также программу реконструкции и рационализации в решающих отраслях хозяйства, на которой базируются все запроектированные темпы количественного и качественного роста. С точки зрения методологической это дало возможность оторваться от того приема экстраполяции, к которому с неизбежностью приходилось прибегать на предшествующих этапах перспективного планирования и который вел к недооценке возможных темпов нашего развития и строительства.

На ряду с этим Госпланом проведены специальные конференции с работниками важнейших экономических районов страны, на которых с участием самих местных работников были всесторонне взвешены реальные ресурсы и возможности каждого из районов как с точки зрения падающих на него общесоюзных задач, так и с точки зрения его специфических особенностей и нужд. Работы этих районных конференций впервые дают возможность представить важнейшие элементы пятилетнего плана в районном разрезе, вскрывая этим самым общие линии перераспределения производительных сил между районами и те особые задачи по под'ему отсталых районов, которые были специально указаны в решениях XV с'езда.

Наконец, в работах над пятилеткой за последний период удалось несколько усилить освещение ряда таких синтетических проблем, как народный доход, процессы обобществления, энергобаланс страны и т. п.

Работы над пятилеткой к настоящему моменту не являются еще окончательно завершенными и поэтому дальнейшее изложение

является предварительным и потребует еще дополнительных уточнений. Основные выводы, однако, едва ли претерпят сколько-нибудь существенные изменения. Более широкое и более конкретное освещение отраслевых и районных проблем пятилетнего плана будет дано в ряде специальных монографий, подготовляемых в настоящее время к печати.

3. О двух вариантах плана. Госплан исходит из необходимости составления пятилетнего народнохозяйственного плана в двух вариантах. При анализе вопроса о вариантах нужно, прежде всего, со всей категоричностью подчеркнуть единство экономического курса и экономической программы в обоих вариантах. Задачи индустриализации и обобществления являются определяющими в обоих вариантах.

Строительство обобществленного сектора в сельском хозяйстве намечено почти в одинаковых масштабах для обоих вариантов с максимально доступным для ближайшего пятилетия форсированием этого дела. Распределение народного дохода вообще и в частности движение доли пролетариата в сумме доходов населения принципиально идет по общим линиям в обоих вариантах. Наконец, программа работ по усилению обороноспособности страны является почти тождественной для обоих вариантов.

Различие между отправным и оптимальным вариантами, при единстве их экономического курса, идет по следующим линиям.

Отправной вариант учитывает: а) возможность частичного неурожая в течение пятилетия; б) примерно нынешний тип отношений с мировым хозяйством (в особенности в смысле прироста долгосрочных кредитов, увеличение которых запроектировано в темпе, характерном для последних лет); в) относительно менее быстрый (во времени) ход реализации высоких качественных установок в народнохозяйственном строительстве вообще и в сельском хозяйстве в особенности; г) при условии примерно тождественной оборонной программы в обоих вариантах ее большую относительную тяжесть для отправного варианта.

Напротив, оптимальный вариант исходит из: а) отсутствия в течение пятилетия сколько-нибудь серьезного неурожая; б) значительно более широкого размаха экономических связей с мировым хозяйством как в силу наличия больших экспортных ресурсов в стране (полное осуществление декрета ЦИКа об урожайности) так и в особенности в силу значительно более быстрого роста иностранных долгосрочных кредитов уже в начальные годы пятилетки; в) резкого сдвига в качественных показателях в народнохозяйственном строительстве в ближайшие два года (себестоимость, урожайность и т. д.); г) меньшего удельного веса оборонных расходов в общехозяйственной системе.

Таким образом, движение нашего народнохозяйственного строительства в ближайшее пятилетие по одному из этих вариантов может быть обусловленно как рядом независящих факторов (неурожай, недостаточность долгосрочных заграничных кредитов, так и степенью наших успехов в труднейшем деле реализации высоких качественных задач (себестоимость, урожайность). В соответствии с этим, отправной вариант может быть рассматриваем как своего рода бронированный минимум внутри оптимального варианта при единстве их экономической программы. Разрыв между ними устанавливается примерно в 20% (при тождественности ряда показателей), т.-е. примерно в годовой срок развития. Иными словами, та программа (оптимальная), которую в одних условиях мы можем осуществить в пять лет, при других, менее благоприятных условиях (характерных для отправного варианта) будет растянута примерно на шесть лет. Построение пятилетнего народнохозяйственного плана в двух вариантах, при всей трудности этого дела, должно обеспечить большую маневренность в годовых хозяйственных планах и большую подготовленность к преодолению тех громадных трудностей, которые стоят на пути осуществления пятилетней программы хозяйственного строительства.

I. Строительная программа пятилетия

Центральной, направляющей осью пятилетнего плана, который должен обеспечить значительный шаг вперед в деле превращения нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, на основе широкого усвоения новейших достижений мировой техники и дальнейшего упрочнения режима планового хозяйства, является строительная программа этого плана. Об'ем и направление капитальных вложений, связанное с этим изменение структуры основных фондов страны, установление на основе капитальных вложений нового соотношения между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней, между обобществленным и частным хозяйством, наконец, характер осуществляемой в ходе капитального строительства технической политики,—вот цикл вопросов, который должен быть, прежде всего, освещен при изложении перспективного народнохозяйственного плана. В вынешней стадии работ по пятилетке есть уже возможность ответить на эти вопросы достаточно конкретной характеристикой основных строительных линий и наиболее крупных строительных об'ектов в ближайшее пятилетие.

Завершение работ по пятилетке совпадает с моментом подведения пятилетних итогов нашего строительства вообще и хозяйственного в частности—за пятилетний период без Ленина. Громадный размах и величайшие трудности строительной программы проектируемого пятилетия (даже в условиях отправного варианта) могут

быть иллюстрированы следующей таблице, дающей сравнение капитальных вложений за два пятилетия (истекшее и проектируемое) по обоим вариантам плана:

Капитальные вложения в основные фонды в ценах соответствующего года (мрд. руб.)

	Пятилетие 1923/24—1927/28	Пятилетие 1928/29 г. Отпр.	Пятилетие 1932/33 г. Оптим.
Всего вложений	25,1	56,7	63,8
В том числе:			
а) В промышленность (без военной, включая промжил. фонд).	4,2	13,3	15,6
б) В электрификацию (без фабр. зав. станций)	0,90	2,4	2,9
в) В транспорт	2,7	8,3	9,6
г) В сельское хозяйство	14,9	22,6	23,6

Истекшее пятилетие решало в основном восстановительные задачи и делало лишь первые шаги по пути реконструкции народного хозяйства. При всей ограниченности наших ресурсов за истекшее пятилетие его строительные задачи были проще. В особенности, это относится к новому строительству, число и масштаб об'ектов которого были весьма незначительны. Проектируемое пятилетие целиком пройдет под знаком начальной и, следовательно, наиболее трудной фазы реконструктивного периода. Крупнейшее новое строительство и большие задачи по реконструкции старых предприятий, во многих случаях равносильной их переустройству наново, наложит свою печать на все пятилетие. Около 30% промышленной продукции в конце пятилетия по отправному и до 35% по оптимальному варианту должно быть дано уже новыми предприятиями, не считая тех, которые будут реконструированы заново. Опыт последних двух лет показал недооценивавшиеся нами ранее возможности реконструктивного периода. Но этот же опыт вскрыл и ряд новых, неоценивавшихся ранее трудностей строительного порядка, с которыми придется иметь дело при осуществлении пятилетнего плана капитальных вложений.

Осуществление этой программы капитальных вложений должно внести ряд таких изменений в движение и структуру основных фондов страны, которые целиком отражают линию под'ема производительных сил на путях индустриализации и обобществления. Динамика основных фондов в наиболее существенных элементах по обоим вариантам плана может быть иллюстрирована следующими показателями (см. табл. на след. стр.).

Обгоняющий среднюю темп роста фондов индустрии и электростроительства при значительном увеличении всех основных фондов страны в целом здесь совершенно очевиден. В соответствии с этим ме-

Основные фонды в неизменных ценах 1925/26 г. к концу года
(В мрд. руб.)

	1927/28 г.	1932/33 г.		1932/33 в % к 1927/28 г.	
		Отправн.	Оптим.	Отправн.	Оптим.
Все фонды	70.012	116.908	128.621	167,0	183,7
В том числе:					
Промышл. (без промжилфонда)	8.315	21.176	25.188	254,7	302,9
Электрификация (без фабр.-зав.)	973	4.315	5.097	443,5	523,8
Жел.-дор. транспорт	10.268	16.313	17.755	158,9	172,9
Сельское хозяйство	28.716	37.715	38.029	131,3	132,4
Жилищн. фонд город. (включая промжилфонд)	13.190	18.756	20.037	142,2	151,9

няется и структура основных фондов в сторону значительного повышения удельного веса индустриальных фондов, как это видно из следующих показателей:

Структура фондов в % к итогу к концу года.

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Промышленность	13,6	20,9	22,5
Электрификация	1,4	3,7	4,0
Транспорт	16,7	17,1	17,1
Сел. хозяйство	41,0	32,3	29,6
Жилфонд	17,1	13,2	12,6
Прочие	10,2	12,8	14,2
Итого	100,0	100,0	100,8

Такое направление вложений гарантирует изменение структуры основных фондов по их назначению в сторону повышения удельного веса производственных фондов:

Структура фондов в % к итогу (к концу года)

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Производственные фонды	38,8	42,6	42,7
Распределительные „	18,2	20,1	20,5
Потребительские „	43,0	37,3	36,8

Наконец, намеченная строительная программа и запроектированное движение основных фондов ведут к значительному усилению позиций обобществленного сектора. Соотношение социальных секторов в структуре основных фондов следующим образом изменяется за пятилетие:

Структура фондов в % к итогу (к концу года)

	1927/28 г,	1932/33 г.	
		Отпр.	Оптим.
Государств.	50,1	60,3	62,9
Кооперат	1,3	3,3	3,7
Частный	48,6	36,4	33,4

В ряду этих самых общих показателей, характеризующих строительную программу пятилетия, должны быть приведены и те, которые иллюстрируют направление нашей технической политики и изменение технического уровня народного хозяйства СССР. Эта сторона дела на нынешней стадии работ не может еще считаться всесторонне и конкретно освещенной. Однако, то, что это является решающим для определения технического уровня народного хозяйства и степени технического прогресса, а именно изменение структуры энергобаланса и масштаб энерговооруженности живого труда, может быть достаточно отчетливо иллюстрировано. К этим показателям должно быть приковано тем большее внимание, что именно по этой линии наша страна наиболее отстала от передовых капиталистических стран и именно по этой линии нам нужны гигантские усилия для того, чтобы великую задачу — догнать и перегнать передовые капиталистические страны — разрешить на деле.

Структура всего энергобаланса страны при условии осуществления запроектированной строительной программы изменяется в сторону решительного усиления позиций механической энергии по отношению ко всей живой энергии и еще более значительного усиления позиций электроэнергии по отношению к механической энергии. Основные показатели здесь таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г.
Производство всей энергии в млн. квтч. (включая свет)	33.130	53.790
Производство механ. энергии (включая электроэнергию)	13.930	31.490
Производство электроэнергии	5.050	17.000
Удельный вес электроэнергии в затратах всей энергии	15,2	31,6
То же в затратах механ. энергии	36,2	54,0

В соответствии с этим должна расти и энерговооруженность живого труда в народном хозяйстве в целом и в его решающих отраслях в частности:

Потребление энергии (в квтч.)

	1927/28 г.	1932/33 г.	Прирост за 5 лет в %
На 1 душу в раб. возрасте	392	588	+50
На 1 раб. в ценз. пром.	2.760	5.090	+84
На 1 раб. в транспорте	4.030	6.250	+55
На 1 раб. в сел. хозяйстве	323	391	+21

Таковы самые общие замечания к строительной программе пятилетия в целом. Соответствие ее генеральной линии нашего экономического курса совершенно очевидно, как бесспорен и большой размах намечаемого строительства. Однако, настоящий масштаб строительных задач будет ясен лишь при конкретном анализе строительной программы по решающим отраслям народного хозяйства.

1. Электростроительство

Общая мощность всех электростанций страны к началу 1928/29 г. измерялась в 1,7 млн. квт., в том числе мощность районных станций 520 тыс. квт. Производство электроэнергии за 1927/28 г. составляло 5,1 мрд. квтч., в том числе 1,8 с районных электростанций. При том росте народного хозяйства страны, который намечается пятилетним планом (в особенности в связи с резким увеличением потребления электроэнергии в промышленности) минимальная потребность в электроэнергии к концу пятилетия исчисляется (с учетом потери в сетях) по отправному варианту в 17 мрд. квтч. и по оптимальному варианту в 22 мрд. квтч., в том числе за счет районных станций соответственно 10 и 14 мрд. квтч. Иными словами, мощность районных электростанций, которым в соответствии с нашим планом энерговооружения производства предстоит разрешить эту задачу утроения или учетверения отдачи электроэнергии, должна быть усилена с 500 тыс. квт. к концу 1927/28 г. до $2^1/_2$ млн. квт. по отправному варианту и до 3 млн. квт. по оптимальному варианту в последний год пятилетия. Это значит, что строительная программа в области общегосударственной, районной электрификации должна обнимать 40 об'ектов, из которых 30 уже начаты постройкой или находятся в процессе расширения, а остальные должны быть начаты в течение пятилетия. Длина сетей высоковольтных передач должна вырасти с 2 тыс. *км* нынешних до 10 тыс. *км* по отправному и несколько больше по оптимальному варианту. Об'ем капитальных вложений, необходимый для решения этой задачи, измеряется примерно в 2,6 мрд. руб. по отправному и 3,1 мрд. руб. по оптимальному варианту, не считая тех 800 млн. руб., которые по расчетам отправного варианта идут по линии фабрично-заводских станций. Такой размер вложений в электростроительство составляет, примерно, 25% от общей суммы капитальных вложений в индустрию, т.-е. то соотношение, которое минимально необходимо для современного энерговооружения индустриального производства.

Это большая и труднейшая программа электростроительства, которая, однако, является совершенно необходимым минимумом для обеспечения запроектированных в пятилетке темпов индустриализации страны, должна быть показана здесь также и в

своем районном расположении по стране. Размещение районных электростанций в стране особенно показательно с точки зрения важнейшей задачи энергичного вовлечения в народнохозяйственный оборот местных топлив, что является крайне важным при той зависимости от дальнепривозного минерального топлива (донецкого и кузнецкого), которое характерно для важнейших промышленных районов страны.

Центрально-Промышленная область должна за пятилетие расширить мощность своих электростанций с 250 тыс. квт. до 800 тыс. квт. по отправному и примерно до 1 млн. квт. по оптимальному, при чем весь прирост мощности на $^1/_3$ должен быть дан за счет эксплоатации подмосковного угля и на $^2/_3$ за счет эксплоатации торфа. Важнейшими строительными об'ектами этой программы будут: а) сооружение Бобриковской районной станции в 150 тыс. квт. с вводом в эксплоатацию в последний год пятилетия 75 тыс. квт.; б) сооружение в Москве теплоэлектроцентрали в 80 тыс. квт.; в) расширение Каширы с 12 тыс. до 122 тыс. квт.; г) расширение Шатуры с 92 до 136 тыс. квт.; д) расширение МОГЭСа в целом с 220 до 550 тыс. квт.; е) сооружение Иваново-Вознесенской станции в 90 тыс. квт. и т. д. Сверх этого по оптимальному варианту вступает в строительство вторая теплоэлектроцентраль в Москве, дальнейшее расширение Бобриковской станции до 300 тыс. квт. или приступ к сооружению Тверской станции на торфу, мощностью в 300 тыс. квт.

Топливные ресурсы Центрально-Промышленной области (подмосковный уголь и торф) достаточно исследованы. Проблема сжигания подмосковного угля разрешена достаточно удовлетворительно. Острым и все еще не разрешенным остается вопрос об удешевлении торфа. Однако, работы в этом направлении за последние годы ведутся с большим напряжением и достаточно плодотворно. Как будет показано дальше, и при такой программе электростроительства в ЦПО, которая базируется целиком на местные виды топлива, зависимость этой области от донецкого топлива не только не падает, но несколько усиливается к концу пятилетия.

Ленинградская область, располагающая в настоящее время мощностью электростанций около 200 тыс. квт., по минимальной программе своего промышленного развития должна довести мощность своих электростанций к концу пятилетия до 430 тыс. квт. Это расширение обеспечивается за счет усиления „Красного Октября“ с 20 тыс. квт. до 110 тыс. квт., городских станций и теплоцентралей с 70 тыс. до 140 тыс. квт. и за счет пуска в работу Свири на мощность в 80 тыс. квт. Сверх этого, по оптимальному варианту должны вступить в строительство вторая теплоцентраль в Ленинграде на мощность в 50 тыс. квт. и Верхняя Свирь или районная станция на торфу в Малой Вишере на мощность в 150 тыс. квт. Ленинград продолжает оставаться в течение проектируемого пятилетия одним из трудных участков по энерго- и топливоснабжению и его зависи-

мость от донецкого топлива (даже при условии осуществления электрификационной программы отправного варианта) усиливается.

Украина в целом является ареной крупнейшего электростроительства в проектируемом пятилетии. Общая мощность ее районных электростанций в настоящее время измеряется мизерной величиной в 20 тыс. квт. К концу пятилетия мощность районных станций Украины дойдет до 636 тыс. квт., включая и Днепрострой с его мощностью в 330 тыс. квт.

Наиболее трудным участком с точки зрения электроснабжения не только на Украине, но и во всем Союзе будет Донбасс. Существующая мощность его станций в 190 тыс. квт. (включая и установки на предприятиях) едва справляется с ходом текущего производства и должна быть расширена минимально до 380 тыс. квт. за счет усиления Штеровки с 20 до 150 тыс. квт. и сети промышленных станций с 170 до 230 тыс. квт. Но это не разрешает проблемы электроснабжения Донбасса. Поэтому необходимо обеспечить к моменту окончания Днепростроя соединение линии передачи от него в Донбасс. Сверх этого, в расчеты оптимального варианта включено сооружение новой районной станции в Донбассе (Зуевской или Тошковской), мощностью в 150 тыс. квт. Не исключена возможность того, что интересы бесперебойного снабжения Донбасса электрической энергией потребуют перевода этой последней станции из расчетов оптимального в расчеты отправного варианта. На ряду с этим Украина должна достроить харьковскую станцию (ЭСХАР), мощностью на 60 тыс. квт., и киевскую станцию на 33 тыс. квт.

Урал, обладающий сейчас ничтожной мощностью электростанций и получающий на проектируемое пятилетие громадные производственные, реконструктивные и строительные задачи будет также одним из крайне трудных участков в деле снабжения электроэнергией. Он должен осуществить строительство Челябинской станции в 66 тыс. квт. и Кизеловской также в 66 тыс. квт. Магнитогорский завод будет иметь свою мощную электростанцию, которая, однако, не сможет играть роль районной. Но и при этой программе проблема электроснабжения Среднего Урала не может считаться разрешенной. Поэтому в расчеты оптимального варианта вводится приступ к сооружению электростанции на торфу в районе Нижней Салды, где изыскания показывают большие и благонадежные торфяные залежи, или на доменных газах в районе Нижнего Тагила, мощностью в 50 тыс. квт. Сверх этого, должна быть дополнительно изучена возможность дальнейшего расширения Кизеловской и Челябинской станций и сооружение гидростанции при Камско-Печорском соединении, мощностью в 50 тыс. квт.

Сев. Кавказ вступает в пятилетие с большой программой электростроительства, которая при полном отсутствии в настоящее время районных электростанций на Сев. Кавказе должна будет дать новую мощность, примерно, в 180 тыс. квт. Сюда входят Шахтинская и Несветаевская электростанции в восточной части Донбасса, мощностью в 44 тыс. квт. каждая, Баксан в 22 тыс. квт., Гизель-Дон в 20 тыс. квт., Краснодар в 20 тыс. квт. и Новороссийск на 30 тыс. квт. Это мощное электростроительство в таком ярко выраженном аграрном районе, как Сев. Кавказ, несомненно повлечет за собой значительное усиление индустрии в этом крае.

Волга должна построить районную электростанцию в Сталинграде на 66 тыс. квт. и расширить Саратовскую станцию с 11 тыс. нынешних до 20 тыс. квт. Больше чем вероятно, что этот прирост мощности источников электроэнергии окажется недостаточным. Но энергетическая проблема Волги упирается в топливный вопрос, который по настоящему может быть разрешен лишь с осуществлением Волго-Донского канала и направлением на Волгу топливных ресурсов восточного антрацитового района Донбасса. Это дело может быть осуществлено лишь за пределами проектируемого пятилетия. Но независимо от этого, в расчете оптимального варианта предусмотрено сооружение в Среднем Поволжьи новой районной станции, примерно, на 75 тыс. квт. с возможным использованием сланцев.

Сибирь получает новую мощность в 44 тыс. квт. от Кузнецкой станции.

Средне-азиатские республики по расчетам отправного варианта должны получить прирост мощности в 50 тыс. квт. от ряда сравнительно небольших станций, связанных, главным образом, с ирригационными проблемами края.

Закавказье по расчетам отправного варианта удваивает мощность своих существующих электростанций, т.-е. доводит ее до 200 тыс. квт.

Таковы главнейшие линии, районы и об'екты электростроительства, одного из решающих рычагов индустриализации страны и повышения ее энерговооруженности. При условии осуществления отправного варианта этой строительной программы в области электрификации роль электрической энергии в топливном балансе страны поднимется с 9,5% в 1927/28 до 20% в 1932/33 г.

Нельзя закрывать глаза на то, что с точки зрения проектирования, изысканий, выбора места, а также кадра подготовленных и надежных строителей,— эта программа электростроительства, в особенности учитывая краткость сроков, обеспечена крайне недостаточно. Это делает ее еще более трудной и ответственной и обязывает, не теряя ни одного дня, сосредоточить громадные усилия на разрешении этой задачи.

2. Топливо

К вопросам электростроительства непосредственно примыкают строительные задачи топливной промышленности вообще и каменноугольной в особенности. Обеспечить намечаемое на пятилетие

развитие страны устойчивым, бездефицитным и бескризисным топливоснабжением является одной из важнейших и вместе с тем одной из труднейших задач перспективного плана. При этом задача должна быть разрешена так, чтобы топливо ни в коем случае не оказалось ограничивающим фактором в индустриальном развитии СССР не только за пятилетие в целом, но и в особенности в наиболее трудные по топливоснабжению промежуточные годы пятилетия.

Обеспечение топливной базы пятилетнего народнохозяйственного плана, при условии использования исключительно собственных топливных ресурсов СССР и накопления достаточных топливных резервов, может быть осуществлено лишь при: а) значительном снижении удельных норм расхода топлива по промышленности не меньше, чем на 25% и по транспорту на 10% по отправному варианту и на 30% и 13%— по оптимальному; б) осуществлении большой строительной программы топливной промышленности вообще и каменноугольной в особенности; в) энергичном вовлечении в народнохозяйственный оборот местных видов топлива (местных углей и торфа в особенности).

В соответствии с запроектированным ростом народного хозяйства страны необходимая программа топливодобычи по всему Союзу определяется для 1932/33 г. в 95,86 млн. тонн условного топлива по отправному и 104,8 млн. тонн по оптимальному вариантам против 57,49 млн. тонн в 1927/28 г.

Структура общего промышленно-технического потребления топлива (без дров для населения) по обоим вариантам плана рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.		1932/33 г.			
			Количество		В %% к итогу	
	Колич.	В %% к итогу	Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Дрова (млн. *куб. м*) . .	50,34	17,6	57,3	58,5	12,1	11,4
Торф (млн. тонн) . . .	5,53	4,8	12,6	14,4	6,7	7,1
Кам. уголь (донецк.) . .	26,88	48,4	45,6	48,4	50,0	49,2
Проч. угли	7,55	11,0	19,0	20,2	15,5	16,1
Всего кам. угля	34,43	59,4	64,6	68,6	65,5	65,3
Нефтетопливо	6,86	18,2	9,8	10,8	15,7	16,2
Всего . . .	53,82	100	88,8	95,4	100	100

Таким образом, роль дров и нефтетоплива в топливном балансе снижается, роль торфа несколько поднимается, значительно вырастает роль угля и, что особенно характерно, возрастает значение донецкого топлива, несмотря на громадный разгон, который дается прочим угольным бассейнам. Иными словами, на протяжении всего проектируемого пятилетия зависимость Центрально-Промышленной области и Ленинградской области от дальне-привозного донецкого топлива и зависимость Урала от дальне-привозного кузнецкого топлива возрастает.

Производственные задачи отдельных каменноугольных районов на ближайшее пятилетие таковы.

Донбасс стоит перед огромной задачей увеличить добычу угля кругло с 27 млн. тонн в 1927/28 г. до 48 млн. тонн по отправному и до 52,6 млн. тонн по оптимальному варианту в последний год пятилетия, что требует доведения производственной мощности Донбасса до 51 млн. тонн по отправному и по 55 млн. тонн по оптимальному варианту. Существующие шахты вместе с начатыми уже и находящимися в постройке новыми (17 шахт) могут обеспечить к концу пятилетия производственную мощность примерно в 41 млн. тонн. Учитывая, что проходка новых крупных шахт осуществляется в $3^1/_2$—5 лет и средних шахт в 2—3 года, а коренная реконструкция и расширение мощных старых шахт требует также $1^1/_2$—3 лет, в Донбассе необходимо для обеспечения топливных нужд текущего пятилетия и для подготовки к решению задач топливоснабжения в будущем пятилетии: а) закончить форсированным темпом проходку начатых 13 крупнейших шахт; б) провести коренную реконструкцию и расширение около 40 старых крупных шахт; в) начать с 1929/30 г. строительство серии новых крупных шахт с закладкой ежегодно 10—12 мощных единиц общей добывной способностью в 6 млн. тонн в год, с тем чтобы иметь к концу пятилетия в разной стадии проходки и оборудования около 50 новых крупных единиц; г) обеспечить полную механизацию всех новых шахт и в значительной мере механизировать реконструируемые шахты с тем, чтобы к концу пятилетия угледобыча в Донбассе была механизирована не меньше, чем на 70—75%; д) решить задачу водоснабжения Донбасса; е) решить проблему электроснабжения Донбасса; ж) осуществить большую программу жилстроительства примерно в 185—200 млн. руб. и з) форсированно вести эксплоатационные разведки.

Оптимальный вариант потребует еще большего охвата расширением и реконструкцией старых предприятий и форсирования по срокам проходки новых крупных шахт с таким расчетом, чтобы частично получить добычу от них в последнем году пятилетия.

Эта строительная программа каменноугольной промышленности Донбасса потребует около 800 млн. руб. в проектируемом пятилетии по расчетам отправного варианта и около 850 млн. руб. по расчетам оптимального. Нельзя недооценивать громадного размаха и громадных трудностей этой строительной программы. Достаточно

указать, что эта программа далеко не обеспечена надежными эксплоатационными разведками, что для будущей серии больших новых шахт почти полностью отсутствуют в настоящее время проекты и что наличные технические кадры Донбасса недостаточны для осуществления этой программы с тем строгим соблюдением сроков, от которого зависит бесперебойность топливоснабжения страны. Однако, эта программа является минимальной и совершенно необходимой для обеспечения того индустриального развития страны, которое является руководящей идеей обоих вариантов пятилетнего плана.

Урал и Кузбасс должны быть рассматриваемы в перспективе нашего хозяйственного развития, как единый топливный комбинат. Их производственные задачи построены, исходя из необходимости довести добычу угля по Уралу с 2 млн. тонн в 1927/28 г. до 5,5 млн. тонн в последний год пятилетия по отправному варианту и 6,1 млн. тонн по оптимальному, а добычу по Кузбассу с 2,5 млн. тонн в 1927/28 г. по 5,2 млн. тонн в 1932/33 г. по отправному до 6,0 млн. тонн по оптимальному варианту. Этот план добычи, при всей незначительности абсолютных величин, предполагает осуществление такой строительной программы на Урале и в Кузбассе, которая относительно не только не легче, но, несомненно, труднее, чем строительная программа каменноугольной промышленности Донбасса. По Уралу необходимо заложить и форсированно пройти около 20 шахт, в том числе 8 крупных. По Кузбассу необходимо переоборудовать 6 шахт и заложить 8 новых крупных шахт, в том числе 2 такого масштаба (до 1 млн. тонн годовой производительности каждая), который неведом этим районам. Капитальные затраты по этому плану намечаются: по Кузбассу около 70 млн. руб. по отправному и около 75 млн. руб. по оптимальному варианту и по Уралу соответственно 85 млн. руб. и 95 млн. руб.

Трудность этой строительной программы по Уралу и Кузбассу определяется общей технической неподготовленностью обоих районов к столь крупному новому строительству и крайней недостаточностью промышленных эксплоатационных разведок. Еще больше, чем в Донбассе, здесь отстало дело проектной обеспеченности и подготовленности нового строительства.

Подмосковный бассейн должен довести свою добычу с 1,1 млн. тонн в 1927/28 г. до 4,2 млн. тонн в последний год пятилетия. Для этого необходимо осуществить строительство 4—6 крупных шахт, производительностью в 350—650 тыс. тонн в год каждая, что коренным образом отличается от существующих в бассейне мелких полукустарных шахт. Общая сумма вложений в Подмосковный бассейн намечается в 45 млн. руб.

Прочие районы, т.-е. Дальне-Восточный, Черемховский, Среднеазиатские, Ткварчелы и некоторые другие, также получают сравнительно большие производственные задания и общую сумму капитальных вложений около 60 млн. руб. Здесь следовало бы лишь подчеркнуть то обстоятельство, что строительная программа каменноугольной промышленности предусматривает включение ткварчельских углей в работу Керченского металлургического завода.

Общая сумма затрат по всей каменноугольной промышленности в проектируемом пятилетии составит около 1.100 млн. руб. по отправному варианту и около 1.250 млн. руб. по оптимальному, при чем около $^3/_4$ этих вложений падает на Донбасс.

Нефть в своей строительной программе исходит из задач, гораздо более сложных, чем требования топливного баланса, и в ее развитии топливные интересы играют подчиненную роль. Строительный план нефтяной промышленности исходит из необходимости увеличить добычу нефти с 11,7 млн. тонн в 1927/28 г. до 19 млн. тонн в последний год пятилетия по отправному и до 22 млн. тонн по оптимальному варианту. На ряду с этим второй и не менее ответственной задачей строительного плана нефтяной промышленности является усиление мощности нефтеперегонных заводов с 8,7 млн. тонн в 1927/28 г. до 17 млн. тонн в 1932/33 г. по отправному и до 19 млн. тонн по оптимальному варианту, т.-е. примерно ее удвоение. Кроме того, на протяжении пятилетия необходимо заново организовать в Союзе крэкинг-производство для расщепления мазута (намечено сооружение к 1932/33 г. 55 крэкинг-установок). Наконец, с этим связано и строительство нефтепроводов, которое должно будет осуществить, параллельно с заканчивающимися работами, прокладку еще двух нефтепроводов. При благоприятных условиях разведок в Эмбенском районе уже в текущем пятилетии по оптимальному варианту должен быть начат постройкой нефтеперегонный завод в Самаре и, весьма вероятно, нефтепровод Эмба — Самара (около 600 *км*).

Осуществление этой строительной программы нефтяной промышленности позволит обеспечить такую динамику и структуру нефтедобычи и нефтепереработки, которая будет свидетельствовать о дальнейшей глубокой рационализации этой крайне важной для нас отрасли промышленности.

Общий об'ем капитальных вложений в нефтяную промышленность определен в размере 1,1 мрд. руб. по отправному и 1.350 млн. руб. по оптимальному варианту на пятилетие. Не приходится подчеркивать специальных трудностей этой строительной и производственной программы. Достаточно указать, что в программе отправного варианта $1^1/_2$ млн. тонн, а в программе оптимального варианта $4^1/_2$ млн. тонн добычи запроектировано из неразведанных еще площадей. Это обязывает программу эксплоатационных разведок в нефтяной промышленности осуществлять с неослабным напряжением.

Торф, как видно из приведенных выше показателей, должен по отправному варианту удвоить, а по оптимальному варианту

минимально утроить производство. Это потребует вложений в торфяную промышленность около 155 млн. руб. по отправному и 195 млн. руб. по оптимальному варианту.

Намеченный обоими вариантами плана размах строительной программы в топливной промышленности потребует громадного внимания к этому участку строительного фронта. Суммируя то, что изложено выше по вопросу об электростроительстве и развитии топливодобычи, по вопросу об изменении топливного и энергетического балансов и учитывая громадную зависимость всего этого дела от организации теплосилового и энергетического хозяйства в промышленности, на транспорте, в коммунальных организациях и в дальнейшем в сельском хозяйстве,—необходимо со всей энергией подчеркнуть вопрос об усилении роли энергетических организаций нашей страны и о концентрации их работы вокруг единого энергетического центра. Проблема действенного Главэнерго становится актуальнейшей и неотложной.

3. Металлургия и машиностроение

Изложенные выше энергетические и топливные предпосылки при условии их осуществления дают возможность подойти к решению одной из самых ответственных и трудных задач перспективного плана — к форсированному развертыванию металлургического производства и машиностроения в нашей стране. Не случайно уровень передовых промышленных стран измеряется, прежде всего, состоянием в них металлургической и машиностроительной промышленности. Не случайно к проблемам металла в наших народнохозяйственных проектировках и в нашем хозяйственном строительстве приковано наиболее напряженное внимание. Металлургия и машиностроение в проектируемом пятилетии будут тем важнейшим звеном плана, на укреплении которого должны быть сосредоточены максимальные ресурсы и громадные усилия.

Именно поэтому из общей суммы 11,5 мрд. руб. по отправному и 13,8 мрд. руб. по оптимальному варианту капитальных вложений в планируемую ВСНХ промышленность на металлургию и машиностроение направляется 3,4 мрд. руб. по отправному и 4 мрд. руб. по оптимальному расчету плана, т.-е. наиболее высокие вложения из всех промышленных отраслей, включая и электростроительство. Такой размах капитальных вложений исходит из ориентировочно исчисленной потребности страны в металлах в 9,8 млн. тонн в 1932/33 г. против, примерно, 4 млн. тонн потребности текущего года. Эти исчисления при всей их условности и при всех поправках, которые придется внести в реальном ходе жизни, все же с достаточной достоверностью определяют потребность по чугуну за все пятилетие в 32,7 млн. тонн, по прокату в 31,5 млн. тонн, рельсам —3,2 млн. тонн, по сортовому железу—14,1 млн. тонн,

листовому железу — 4,2 млн. тонн, кровельному железу — 3,1 млн. тонн и т. п. Полное покрытие этой потребности по чугуну и покрытие ее по другим видам металла в пределах 80—95% возможно лишь при той программе производства металла, которая исходит из выпуска чугуна в последний год пятилетия в 10 млн. тонн, т.-е. почти утроение производства металла по сравнению с 1927/28 г.

Этим определяется и строительная программа в черной металлургии. Оба варианта плана исходят из необходимости уже в текущем пятилетии осуществлять ту строительную программу, которая, при ее завершении, обеспечивает 10 млн. тонн годового выпуска чугуна. Различие вариантов имеет в виду сроки осуществления этого грандиозного строительства и реальное поступление металла, которое можно учесть в народнохозяйственном балансе последнего года пятилетки. Отправной вариант исходит из получения в последний год пятилетия 8 млн. тонн чугуна, оптимальный вариант — из полных 10 млн. тонн. Соответственно этому намечаются реальные об'екты строительства, сроки их осуществления и размеры капитальных вложений.

Решение этой металлургической проблемы в ближайшем пятилетии с неизбежностью идет двумя путями — путем широкой реконструкции существующих металлургических предприятий в обоих решающих металлургических районах страны (на Украине и на Урале) и путем большого строительства новых металлургических заводов со включением и новых районов — Керченского полуострова и Кузнецкого бассейна.

Послевоенный опыт Германии, к которому внимательно приглядываются все передовые капиталистические страны, убеждает в возможности значительного повышения производительности металлургических заводов путем более тщательной подготовки производственного процесса (обогащение руд, правильный отбор кокса, более совершенная подготовка шихты вообще). Этот, достаточно уже проверенный путь открывает возможность при соответствующей реконструкции существующих металлургических заводов довести их производство до 6,7 млн. тонн с тем, что по заводам Украины (включая сюда в первую очередь Керчь) производство будет поднято с 2,4 млн. тонн в 1927/28 г. до 5,0 млн. тонн в последний год пятилетия, а по заводам Урала с 0,7 млн. тонн до 1,4 млн. тонн и по остальным 0,3. Такое расширение производства существующих металлургических заводов потребует сооружения в пятилетие 12—15 новых доменных печей на Украине с годовой производительностью печи в 180—200 тыс. тонн (не считая печей реконструируемых) и соответствующей этому расширению доменного производства общей реконструкции заводов. В результате этого годовая производительность в среднем одной доменной печи по Югостали возрастет с 85 тыс. тонн в текущем

до 125 тыс. тонн в 1932/33 году. Для Урала это обозначает сооружение на существующих заводах около 10 доменных печей, мощностью, примерно, в 180 тыс. тонн годовой производительности печи, т.-е. типа, совершенно нового для уральской металлургии.

Общая стоимость этой реконструкции существующих металлургических заводов (включая необходимую подготовку рудной базы и организацию коксового производства — также крайне сложную задачу для предстоящего пятилетия) потребует вложений около 1 мрд. руб. с назначением примерно $^3/_4$ этой суммы для южной и $^1/_4$ — для уральской металлургии. Специфическая трудность этого плана заключается в том, что реконструкция будет осуществляться в обстановке напряженного дефицита по металлу и, следовательно, не должна быть сопряжена с длительной остановкой работы существующих заводов. Это обстоятельство требует весьма тщательно разработанного плана реконструкции и большого организационного руководства этим делом, не говоря уже о точном и бесперебойном снабжении ресурсами, импортным оборудованием и иностранной технической помощью. Учитывая, что от хода этой реконструкции решающим образом зависит вся программа металлургического производства ближайшего пятилетия, необходимо все это дело поставить в обстановку внимательнейшего содействия и строжайшего контроля. Но, прежде всего, необходимо добиться составления в кратчайший срок исчерпывающего плана реконструкции, без чего не может быть гарантировано решение этой задачи.

Если реконструкция существующих металлургических заводов определяет собой снабжение страны металлом в ходе этого пятилетия, то начинаемое громадное строительство новых металлургических заводов решает судьбу металлоснабжения страны в последний год текущего и, в особенности, во все последующее пятилетие.

На долю проектируемого пятилетия падает историческая задача отчасти ввести в действие, отчасти подготовить к вводу в действие ту новую смену гигантов-металлозаводов, лишь при наличии которой мы сможем в дальнейшем нужным темпом продвигаться на этом решающем фронте в деле индустриализации страны. Вот почему оба варианта плана на новое строительство металлургических заводов намечают масштаб ассигнований, почти равный затратам на громадную реконструкцию существующих металлургических предприятий. По отправному варианту на строительство новых металлургических заводов намечается около 800 млн. руб. и по оптимальному варианту почти 1 мрд. руб.

Новые металлургические заводы должны будут дать в последний год пятилетия по отправному варианту 1,3 млн. тонн чугуна и оптимальному варианту 2,7 млн. тонн. Решение этой задачи падает уже не только на два испытанных металлургических района страны

(Украину и Урал), к ним присоединяется Керченский район и Кузбасс. В строительстве новых металлургических заводов пятилетний план исходит из стандартного типа крупнейшего предприятия в 650 тыс. тонн годовой продукции с учетом в строительном плане возможности (где это окажется обеспеченным по условиям территории и сырьевых запасов) дальнейшего развертывания их вплоть до удвоения. В вопросах размещения этих новых металлургических производств план исходит из необходимости примыкания их к источникам сырья и энергетическим базам с допуском, однако, такого комбинирования, каким является кооперация Урало-Кузнецкого района, Керченско-Ткварчельского и Запорожско-Криворожского.

Можно считать твердо установленными строительными об'емами в области металлургии на ближайшее пятилетие:

а) Керченскую группу из двух очередей, общей производительностью на 750 тыс. тонн (со вступлением, эксплоатацию по отправному варианту первой очереди в 350 тыс. тонн, а по оптимальному и второй в 200 тыс. тонн) и стоимостью около 150 млн. руб.

б) Украинскую группу из Криворожского завода с производительностью в 650 тыс. тонн, Запорожского завода такой же мощности, Днепросплава, Днепропетровской электростали и Мариупольского завода (со вступлением в эксплоатацию по отправному варианту Криворожского на 350 тыс. тонн и Запорожского на 50 тыс. тонн), общей стоимостью около 350 млн. руб.; дополнительно должен быть изучен вопрос о целесообразности сооружения металлургического завода в Донбассе или удвоения мощности одного из украинских заводов (Криворожского или Запорожского), что также потребует около 100—150 млн. руб.

в) Уральскую группу со строительством: Магнитогорского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн годовой продукции металла (с производством в 1932/33 г. 350 тыс. тонн), Златоустовского завода специальной стали и Балашовского завода, общей стоимостью около 210 млн. руб.; сверх этого, по расчетам оптимальног оварианта, включаются Тавдинский металлургический завод, мощностью на 50 тыс. тонн чугуна, Камский —50 тыс. тонн чугуна, Челябинский завод ферростали, Салдинский и Надеждинский листовые заводы и другие более мелкие, стоимостью около 75 млн. руб.; крайне важным является дальнейшая разработка вопроса о возможности сооружения Алапаевского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн годовой продукции, а также вопроса об удвоении мощности Магнитогорского завода.

г) Сибирскую группу с Кузнецким (Тельбесским) заводом, мощностью в 350 тыс. тонн годового производства металла и стоимостью около 130 млн. руб. (с производством в последний год пятилетия 160 тыс. тонн) и Петровским дальне-восточным заводом, мощностью в 30 тыс. тонн и стоимостью около 12 млн. руб. по расчетам отправного варианта.

д) Наконец, требует дополнительного освещения вопрос о возможности и целесообразности сооружения: 1) в ЦПО — Липецкого металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн и стоимостью около 150 млн. руб; 2) в ЦЧО — Хоперского металлургического завода, мощностью в 650 тыс. тонн и стоимостью около 150 млн. руб. и 3) металлургического завода на Кавказе стоимостью около 100 млн. руб.

Не исключена возможность замены этих об'ектов значительным расширением мощности вновь создаваемых металлургических заводов, расположенных в более благонадежных по сырьевой базе и энергетическим ресурсам районах.

Это новое металлургическое строительство, которое лежит в основе громадной программы машиностроения, как будет показано дальше, своими коксовыми установками и доменными процессами является базой форсированного развития химической промышленности, без чего не могут быть решены задачи реконструкции сельского хозяйства и повышения обороноспособности страны, является одним из самых трудных и ответственных участков всего строительного фронта. Он труден потому, что вся обстановка требует от нас осуществления таких строительств в максимально короткие сроки (не больше 4—5 строительных сезонов). Между тем, из всей этой фаланги металлургических заводов лишь Магнитогорский, Кузнецкий и Криворожский в настоящее время обеспечены проектами. Энергичное окончание проектирования и экспертизы этого дела является важнейшей предпосылкой успешного решения этой задачи.

Само собой разумеется, что эта программа вложений в черную металлургию должна обеспечить не только расширение производства черных металлов, но и значительное улучшение их качества и понижение себестоимости. Средняя себестоимость чугуна на заводах Урала должна составить к концу пятилетия 44,7 руб. за тонну против 55,9 руб. в начале пятилетия, а средняя себестоимость на заводах Украины — 39,9 руб. за тонну против 49,9.

Не меньшие трудности встают в области развития цветной металлургии. Общее развитие производства цветных металлов от начала к концу пятилетия видно из следующих данных (включая концессии, в млн. тонн):

	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отправн.	Оптим.
Медь	28,3	65,3	85,5
Цинк	3,15	35,0	77,4
Свинец	2,97	28,0	38,5

Эта производственная программа цветной металлургии, которая по всем условиям нашего строительства должна считаться минимальной, опирается на крайне сложную и трудную строительную программу, общей стоимостью около 450 млн. руб. за пятилетие.

Советское машиностроение за истекшие годы сделало значительные шаги вперед в своем развитии, и по всей линии показателей далеко обгоняет тот нищенский довоенный уровень, на котором находилось это дело в дореволюционной России. Однако, то, что осуществлено до сих пор, является лишь небольшим началом в разрешении громадных задач машиностроительной промышленности, в значительной степени падающих уже на проектируемое пятилетие. Именно по этой линии решаются основные задачи повышения энерговооруженности труда во всех отраслях хозяйства и именно по этой линии мы должны в кратчайший срок ликвидировать нашу зависимость от капиталистических стран или, во всяком случае, значительно смягчить эту зависимость. Вот почему на ряду с указанными выше капитальными вложениями в черную и цветную металлургию пятилетний план намечает по расчетам отправного варианта вложения около 1,2 мрд. руб. и по расчетам оптимального варианта вложения около 1,4 мрд. руб. на капитальное строительство в области машиностроения.

Направление в развитии нашего машиностроения определяется прежде всего состоянием и задачами нашего энергетического хозяйства. По самому скромному расчету около половины (т.-е. около 800 тыс. кв. метров нагрева) всего котельного хозяйства в нашей промышленности является и физически и морально изношенным. На ряду с этим также около половины (т.-е. около 700 тыс. лош. сил) всех находящихся в промышленности двигателей является также изношенными морально и отчасти физически. К этому надо прибавить ту вновь вырастающую потребность в энергетическом оборудовании, которая возникает в процессе роста нашего хозяйства. Это обязывает широко развить и поставить на новый технический уровень дело котлостроения в стране, на котором специализируются металлургический завод в Ленинграде, Паростроя в Москве и Таганрогский котлостроительный завод, дающие в совокупности к концу пятилетия около 70% всего производства котлов. Котлостроение должно будет вырасти по расчетам оптимального варианта до 300 тыс. *кв. м* в последний год пятилетия против 114 тыс. *кв. м* нынешних. Главной базой дизелестроения становится Коломенский завод, завод „Русский дизель“ в Ленинграде и Сормовский завод, который сосредоточивает у себя к концу пятилетия около 70% всего производства дизелей, растущего с 65,9 тыс. лош. сил в начале пятилетия до 202 тыс. лош. сил в конце пятилетия. Турбостроение базируется на Ленинградском металлургическом заводе, где оно растет с 60 тыс. квт. в начале пятилетия до 650 тыс. квт. в конце пятилетия, при чем водяные турбины, кроме того, входят в производственную программу также и одного из заводов Мосмаштреста.

В известной мере к этой же группе примыкает и развитие станкостроения, которое на ряду с усилением существующих

станкостроительных баз (ленинградский завод им. Свердлова „Красный Пролетарий“ в Москве; „Двигатель Революции“ в Нижнем Новгороде и Крамоторский завод) будет опираться на реконструкцию и специализацию существующих более мелких заводов и на строительство новых заводов на Украине, в ЦПО и, возможно, на Урале. Вложения в станкостроение исчисляются для пятилетия в 25 млн руб. только по новым заводам.

Вторым крупным моментом, определяющим развитие машиностроения, являются нужды в специальном, по преимуществу индивидуализированном оборудовании со стороны наших основных горнодобывающих районов, Южного и Уральского вместе с Сибирью. В этом отношении на ряду с полной реконструкцией Крамоторского машиностроительного завода, равносильной его переустройству заново и требующей около 45 млн. руб. вложений, в течение пятилетия должна быть закончена постройка Свердловского завода тяжелого машиностроения на Урале, общей стоимостью около 35 млн. руб. Завершение этих работ даст возможность правильно расположить в стране основные базы тяжелого машиностроения, ликвидировать нерационально далекие перевозки и обеспечить ту реконструкцию горных производств, которая необходима для намеченного темпа угледобычи, добычи руды, развития цветной металлургии, золотопромышленности и т. д.

Следующим крупнейшим фактором, определяющим развитие машиностроеиия в перспективе ближайшего пятилетия, является транспорт, задачи его реконструкции и нового строительства. Дальше будет подробно развита программа реконструкции на транспорте и та потребность, которую он пред'явит к металлопромышленности в области паровозов, вагонов, автосцепок и т. п. Исходя из этой программы, намечена реконструкция существующих паровозостроительных заводов, требующая в общей сложности до 100 млн. руб. в пятилетие. Центром этих реконструктивных работ в области паровозостроения будет Луганский завод, который потребует вложений около 40 млн. руб. и должен будет дойти до выпуска 350 мощных паровозов в последний год пятилетия. Лишь в конце пятилетия встанет вопрос о крупной реконструкции второго паровозостроительного завода на выпуск до 500 паровозов в год. Вопрос об об'екте (Сормово или Харьков) должен быть дополнительно изучен. Вагоностроение будет базироваться на осуществляемой реконструкции существующих заводов с вводом, однако, в действие заново перестраиваемого цеха на Днепровском заводе и в конце нынешнего или в начале следующего пятилетия Нижне-Тагильского вагоностроительного завода с последующей концентрацией на этих последних заводах основного производства более грузных вагонов. Общая сумма вложений в вагоностроительные заводы определяется в 160 млн. руб. Подготовка транспорта к переходу на автоматическую сцепку потребует сооружения одного или двух заводов автосцепок, общей стоимостью около 20—50 млн. руб. (по всей видимости на Украине и на Урале).

Наконец, в эту же серию машиностроения, подчиненного задачам транспорта, должно быть отнесено морское и речное судостроение, с общей суммой капитальных затрат 82 млн. руб., и автомобильное производство, которое должно будет довести выпуск машин до 100 тыс. штук в конце пятилетия против 1,5 тыс. штук в его начале и которое потребует капитальных вложений в сумме 150 млн. руб.

Далее следует отметить то производство металлической промышленности, которое связано со снабжением различного рода материалами и железными конструкциями всего строительного фронта и в особенности вновь зарождающееся у нас производство машин для строительной промышленности. Завод строительных машин намечен в ЦПО, стоимостью около 12 млн. руб. На ряду с этим стоят небольшие по сумме капитальных вложений, но крайне важные по своему пионерному значению в нашей стране заводы по текстильному машиностроению, по производству химической аппаратуры и т. п.

Наконец, громадные задачи стоят в области сел.-хоз. машиностроения в непосредственной связи с теми задачами по реконструкции сельского хозяйства, которые являются одной из решающих предпосылок всего народнохозяйственного плана. Строительная программа в области сел.-хоз. машиностроения исходит из необходимости довести выпуск сел.-хоз. машин до 525 млн. руб. по отправному и до 610 млн. руб. по оптимальному варианту против 153 млн. руб. в 1927/28 г. Эта программа базируется на окончании работ по сооружению Ростовского завода, стоимостью в 46 млн. руб., на широкой реконструкции украинских заводов с капитальными вложениями в 58,6 млн. руб., на реконструкции остальных заводов РСФСР с вложениями в 30,3 млн. руб. и на создании Омского завода сел.-хоз. машиностроения.

Крупнейшей самостоятельной задачей в области сел.-хоз. машиностроения является сооружение Сталинградского тракторного завода с производительностью в 40 тыс. тракторов в последний год пятилетия и общей стоимостью в 77 млн. руб., расширение тракторного цеха на Путиловском заводе на производство 10 тыс. тракторов в год и тракторного цеха на Харьковском паровозостроительном заводе на производство 3 тыс. тракторов в год. Кроме того, по расчетам оптимального варианта намечено сооружение второго мощного тракторного завода типа Сталинградского. Общий размер вложений в сел.-хоз. машиностроение измеряется по отправному варианту в 160,0 млн. руб. и по оптимальному в 180,0 млн. руб.

Таковы главнейшие линии и об'екты в области машиностроения. Здесь, разумеется, приведено лишь самое основное из большой

сложной и крайне диференцированной программы машиностроения в нашей стране. При всем стремлении к ограничению ассортимента машин, при всем желании наметить решение машиностроительных задач в твердой последовательности, интересы индустриализации страны требуют незамедлительного ввода в строительную программу все новых и новых групп машиностроительных предприятий, которые в значительной своей части будут проходить на протяжении ближайшего пятилетия лишь начальный этап своего развития.

Машиностроение расширяет свои позиции почти во всех основных индустриальных районах страны, с тем распределением средств между реконструкцией и новым строительством, которое, повидимому, в основном отвечает задачам правильного развития производительных сил нашей страны.

Нет нужды подчеркивать громадное значение этой строительной программы в области металлургии и машиностроения. Она является стальной осью всей запроектированной в пятилетнем плане реконструкции народного хозяйства. Но нужно со всей энергией подчеркнуть громадную трудность и, следовательно, громадную ответственность этого важнейшего по значению и наиболее крупного по вложениям строительного участка, который пред'являет исключительно большие требования не только к внутренним материальным и организационным ресурсам страны, но и к техническому содействию со стороны передовых стран Европы и Америки.

4. Химия

На проектируемое пятилетие выпадает задача заново создать в нашей стране новую промышленность — химическую, огромное значение которой почти для всех прочих отраслей промышленности, для обороны страны, для реконструкции сельского хозяйства, рационализации лесного хозяйства и для культурного роста страны вообще не может быть преувеличено. Базируясь на максимальном использовании материи в отбросах, применении химических методов к наиболее полному использованию сырья, разворачивая у себя энергоемкие производства или утилизируя отбросы энергетических баз, химическая промышленность в своем производственном процессе органически сплетается с рядом других промышленных отправлений и становится одним из важнейших факторов энергетического хозяйства страны в целом.

Масштаб строительной программы в химической промышленности определяется теми производственными задачами, которые должны быть решены в этом пятилетии. Производство фосфорнокислых туков (в пересчете на стандартный суперфосфат) необходимо расширить с 260 тыс. тонн в 1928/29 г. до 2,6 млн. тонн по отправному и до 3,4 млн. тонн по оптимальному варианту к концу пятилетия. Производство фосфоритной муки против 65 тыс. тонн нынешних должно быть расширено до 1 млн. тонн по отправному и до 1,2 млн. тонн по оптимальному варианту; азотистых удобрений (в пересчете на сульфат-аммоний) против 5 тыс. тонн нынешних до 800 тыс. тонн к концу пятилетия и по калийным удобрениям предстоит заново организовать производство 1,1 млн. тонн по отправному и 1,6 млн. тонн по оптимальному варианту. Общее производство химических удобрений должно быть доведено до 5 млн. тонн по отправному и 7 млн. тонн по оптимальному варианту.

Эта производственная программа, отступление от которой ударило бы по важнейшим звеньям народнохозяйственного плана (сельское хозяйство, оборона и т. п.), может быть осуществлена лишь при выполнении громадного строительного плана с затратой на капитальные вложения в химическую промышленность около 1,2 мрд. руб. по отправному и 1,4 мрд. руб. по оптимальному варианту, при том условии, что весь действующий основной капитал этой промышленности в настоящее время оценивается примерно в 400 млн. руб.

Энергоемкий характер химических производств и использование в них отбросов энергетических баз приковывает химическую промышленность к тому плану развертывания энергетических ресурсов, который отчасти был очерчен выше. Предполагаемое строительство химических предприятий в соответствии с этими концентрируется: а) в Донбассе, б) вокруг Днепростроя, в) в ЦПО с ее подмосковными углями и торфяниками, г) на Урале с его отходами от углежжения, коксования и производством цветных металлов, д) в Северо-Западной области с ее торфяниками, лесной промышленностью и гидроэнергией и е) отчасти в Кузбассе, в Средней Азии и в Закавказьи.

Украина в лице своего Горнопромышленного района (Донбасс, район Днепростроя и Криворожье) должна будет осуществить в предстоящем пятилетии крупнейшее строительство в области химической промышленности и превратиться в мощный центр химического производства. Постановка производства синтетического аммиака при работающих в этом районе коксовых печах, предусмотренная в расчетах отправного варианта, затем использование ряда установок в других центрах коксового производства, включаемое в расчеты оптимального варианта, — таковы основы развития химической промышленности в УССР в течение пятилетия. Сооружение всех этих заводов в свою очередь связано с созданием ряда установок, превращающих азот в минеральные удобрения. На ряду с этим Донбасс вырастает в крупный центр анилокрасочной промышленности. Существующий Донецкий содовый завод должен быть значительно расширен с доведением его мощности до 300 тыс. тонн кальцинированной соды в год и должен быть создан новый Славянский содовый завод, мощностью до 200 тыс. тонн. В той же Украине пятилеткой предусматривается широкая поста-

новка электролиза поваренной соли с соответствующими производными элементами. Общая сумма вложений в химическую промышленность Украины определяется по расчетам отправного варианта около 300 млн. руб. и по расчетам оптимального варианта около 350 млн. руб.

Центрально-Промышленная область, базируясь на Егорьевских фосфоритных месторождениях, распространенных в этом районе в значительных количествах, должна создать крупный туковый комбинат мощностью в 150—200 тыс. тонн серной кислоты и 350—400 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений с общей стоимостью комбината около 50 млн. руб. Однако, Центрально-Промышленная область должна специализироваться не на производстве основных химических продуктов, а на ряде тонких химических производств (красителей, фармацевтических продуктов, редких элементов, резиновых материалов и т. п). Решение проблемы производства искусственного волокна связывается с созданием под Москвой крупного химического комбината с разнохарактерным производством (искусственное волокно, мыло и пр.). Наконец, на торфяной электрической базе в районе Ярославля намечено сооружение крупного резинового завода для удовлетворения возрастающего спроса на автошины, пневматику и проч. Общая сумма вложений в химическую промышленность Центрально-Промышленной области намечается около 200 млн. руб. в пятилетие по отправному варианту и 240 млн. руб. по оптимальному варианту.

Северо-Западная область в лице Ленинграда является наиболее удобным местом для организации суперфосфатного производства на импортных фосфоритах. Для этой цели предположено создание нового завода, производительностью до 200 тыс. тонн суперфосфата, с тем, чтобы в дальнейшем перевести этот завод на потребление вновь открытых в районе Мурманской жел. дор. (Хибинское месторождение) высокопроцентных фосфорно-кислых руд. На ряду с этим в Ленинграде развертывается начатое уже строительство фабрик искусственного волокна и предстоит организация связанных с этим производств. Общий размер затрат капиталовложений в Северо-Западном районе в течение пятилетия определяется примерно в 75 млн. руб. по отправному варианту и 80 млн. руб. по оптимальному.

Урал также должен получить громадные задачи в области развертывания химического производства, обладая для этого прекрасной сырьевой базой (колчеданы, фосфориты, калийные соли и проч.), достаточными топливными ресурсами и богатейшими возможностями использования отходов от производства цветных металлов, процессов коксования и углежжения. В области химии так же, как и в металлургии и машиностроении перед Уралом стоит громадная задача по стимулированию индустриального развития Западной Сибири и Средней Азии, не говоря уже о более близких ему районах.

Первый большой химический комбинат предположено развернуть в Березниковском районе, с опорой в качестве энергетической базы на кизеловские угли. Этот комбинат, общая стоимость которого измеряется около 60 млн. руб., должен будет к концу пятилетия выпускать около 260 тыс. тонн кальцинированной соды, в то время как в 1927/28 г. по имеющимся данным по всему Союзу вырабатывалось 210 тыс. тонн и около 350 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений, т.-е. также больше, чем в 1927/28 г. вырабатывал весь Союз. Второй Уральский туковый комбинат в Салдинском районе, опирающийся на коксовые газы этого района, с одной стороны, и на серную кислоту из отбросов богомоловского медного дела — с другой стороны, и, наконец, на вятские фосфориты, должен будет дать по намеченному плану 150 тыс. тонн серной кислоты и 350 тыс. тонн фосфорно-кислых удобрений (в пересчете на стандартный суперфосфат). Общая стоимость этого комбината определяется, примерно, в 25 млн. руб. Третий центр туковой промышленности Урала будет опираться на отходы коксования при Магнитогорском заводе с постановкой производства аммиака, который будет превращен в высокопроцентные азотистые удобрения для питания хлопковых посевов в Средней Азии. Стоимость этого комбината определяется примерно в 20 — 25 млн. руб. Такого же или не сколько большего порядка затраты должны быть произведены для организации калийного дела на соликамских месторождениях, где по расчетам отправного варианта должен быть в пятилетие закончен первый в СССР калийный рудник с добычей около 1,1 млн. тонн калийной соли и по расчетам оптимального варианта должен быть сооружен второй рудник (или значительно расширен первый) с доведением добычи до 1,6 млн. тонн. На ряду с этим намечено сооружение трех — четырех лесохимических заводов, каждый из которых будет давать продукцию (уксусная кислота, метиловый спирт и т. п.) больше всей продукции СССР в настоящее время. Иными словами, здесь также закладывается новая отрасль промышленности.

Общий размер вложений в химическую промышленность Урала измеряется суммой около 200 млн. руб. по расчетам отправного варианта и 230 млн. руб. по расчетам оптимального варианта и знаменует собой превращение Урала в один из самых мощных центров химической промышленности СССР.

Сибирь и Дальний Восток в ближайшее пятилетие должны будут осуществить не столько строительство в области химической промышленности, сколько всестороннее изучение с этой точки зрения своих возможностей и определить программу строительства в будущем пятилетии. О громадных возможностях Сибири в этом отношении говорят первые же разведки, в частности, открытие

в 1928 г. озер с громадными запасами самосадочной соды, вовлечь которую в промышленное использование в проектируемом пятилетии намечается в размерах примерно 60 тыс. тонн. На ряду с этим развитие коксования в Кузнецком районе открывает возможность постройки завода с производством ряда химических продуктов, а богатейшие лесные массивы дают возможность сделать хотя бы начальные шаги насаждения в Сибири лесохимической промышленности. Общие размеры капитальных вложений в химическую промышленность Сибири определяются, примерно, в 50 млн. руб. за пятилетие по отправному варианту и 70 млн. руб. по оптимальному.

Средняя Азия в смысле изученности ресурсов находится, примерно, в таком же положении, как и Сибирь. Одной из крупных проблем средне-азиатской химической промышленности в ближайшем пятилетии следует считать проблему Кара-Бугаза. Однако, и там промышленную добычу сульфата приходится ограничить масштабом, примерно, в 70 тыс. тонн к концу пятилетия. На ряду с этим перед Средней Азией встает задача по созданию крупного комбината по производству минеральных удобрений, опираясь на электроэнергию Чирчика и, возможно, на использование крупного месторождения фосфоритов в Актюбинском районе. Общий размер вложений в среднеазиатскую химическую промышленность определяется по расчетам отправного варианта, примерно, в 60 млн. руб. и оптимального в 70 млн. руб.

Прочие районы в ближайшем пятилетии не получат сколько-нибудь крупных задач по развитию химической промышленности. Выше уже был указан общий об'ем капитальных вложений в химическую промышленность в проектируемом пятилетии и связанное с этим движение ее основного капитала. Самый беглый обзор строительства по районам и общий размах вложений не оставляет сомнений в том, что здесь вырастает совершенно новый и крайне трудный фронт строительства, разрешение задач которого в столь короткий срок было бы подлинным торжеством работающих на этом участке квалифицированных кадров. Разрешение этих задач было бы громадным шагом вперед в реконструкции всего народного хозяйства страны и в усилении ее обороноспособности.

5. Производство строительных материалов

Как показывает опыт капитального строительства за истекшие годы, производство строительных материалов является одной из наименее организованных и упорядоченных отраслей, что приводило к значительным затруднениям, а подчас и к прямой дезорганизации на отдельных участках нашего строительного фронта. Поэтому одним из серьезных звеньев во всей строительной программе пятилетия

должно быть такое развитие производства строительных материалов, которое обеспечивало бы бесперебойный ход всего капитального строительства, повышало бы качество материалов и гарантировало бы накопление необходимых технических резервов. Производство строительных материалов должно пережить свою реконструкцию, которая правильно бы сочетала наиболее высокие образцы мировой техники в этом деле с максимально возможным использованием богатейших возможностей кустарного производства.

Исходя из этого, на организацию и развитие производства строительных материалов намечается в пятилетие выделить около 750 млн. руб. по отправному и около 825 млн. руб. по оптимальному варианту только по линии планируемой промышленности. В результате этих вложений производство основных строительных материалов должно получить развитие в следующих масштабах:

Основные строительные материалы	1927/28 г.	1932/33 г.		Прирост за 5 лет	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Цемент в млн. бочек	11,9	34,0	40,0	+185,7	+236,1
Кирпич в мрд. штук	1,78	6,6	7,7	+170,8	+322,6
Азбест в тыс. тонн	26	150	150	+476,9	+476,9
Лес пиленый в млн. *куб. м* . . .	11,6	32,8	42,5	+ 82,8	+266,4

Этот рост производства строительных материалов при сопоставлении его с запроектированными масштабами капитальных вложений в решающих отраслях народного хозяйства гарантирует к концу пятилетия упорядочение снабжения стройматериалами и внесение надлежащего порядка в это дело. Однако, начальные годы пятилетия (в особенности 1929/30 г.) будут протекать при наличии недостатка по ряду стройматериалов. Вот почему все дело капитального строительства требует, чтобы еще в текущем году на фронт строительных материалов были брошены дополнительные средства и, в особенности, дополнительные организационные усилия.

Нужно с особой решительностью подчеркнуть, что успехи по всему фронту капитального строительства, в особенности, с точки зрения его удешевления, в значительной мере зависят от того, насколько удастся индустриализировать как процесс производства строительных материалов (типизация, стандартизация и т. п.), так и самый процесс строительства. Нельзя закрывать глаза на то, что все это дело находится у нас еще в крайне отсталом состоянии и что ликвидация этой отсталости является одной из важнейших предпосылок успешного хода всего капитального строительства в целом.

6. Лесное хозяйство и лесная промышленность

Программы строительства промышленности по переработке древесины (целлюлоза, бумага, лесохимия, искусственное волокно и т. п.) и лесного экспорта определяют задачи в области лесного хозяйства и лесной промышленности.

Неблагоприятное географическое расположение лесов в Союзе весьма усложняет задачу подготовки для эксплоатации нужной лесной территории, разрешение этой задачи связано с переселением и транспортным строительством. Необходимый для подготовки лесной территории к эксплоатации длительный период времени требует в проектировках по лесному хозяйству на пятилетие основываться на оптимальном варианте развития народного хозяйства.

Из всей лесной площади государственного значения в Союзе (по учету на 1/X 1928 г.—877,3 млн. *га*) вовлечено в эксплоатацию к 1928 г. всего лишь 157,5 млн. *га* (18%) и подлежит дополнительному вовлечению к 1932/33 г. 35,6 млн. *га*, или 22,6% от существующей эксплоатируемой лесной площади.

Добыча древесины (лесозаготовки) в 1927/28 г. в лесах государственного значения определилась всего в 142,5 млн. *куб. м*, в том числе деловой древесины 60,7 млн. *куб. м* (42,6%). В 1932/33 г. добыча древесины определяется в лесах государственного значения всего в 258,1 млн. *куб. м*, в том числе деловой древесины 124,8 млн. *куб. м* (48,4%). Следовательно, параллельно с увеличением эксплоатируемой лесной площади растет лесное пользование на единице лесной площади (интенсификация лесного хозяйства) и увеличивается заготовка деловой древесины (рационализация использования древесины), как следствие развития целлюлозно-бумажной промышленности и лесохимии.

Капитальное вложение в лесное хозяйство определяется необходимостью выполнения следующих работ: а) по подготовке для эксплоатации указанной выше лесной территории—лесоустройство и лесоэкономическое обследование; б) по поднятию продуктивности лесов путем облесения вырубок, гарей, пустырей и проч., осушкой заболоченных лесов и уходом за лесонасаждениями; в) по лесному дорожно-транспортному строительству—лесные грунтовые дороги и сплавные пути и г) по лесоаграрной мелиорации, т.-е. по укреплению и облесению песков и оврагов, разведению ветрозащитных, снегосборных и снегозащитных полосных насаждений и т. п.

Общая сумма капитальных вложений в лесное хозяйство по Союзу в 1927/28 г. составила 12,8 млн. руб., в 1928/29 г.—22,2 млн. руб., а на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. определяется по плану лесного хозяйства около 247 млн. руб.

Эти мероприятия по отдельным республикам намечены следующим образом:

Показатели	Измерители	Всего по СССР	Республики: РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Ср.-Аз. республ.
1. Размер лесного пользования в 1927/28 г.	млн. *куб. м*	142,5	127,7	4,0	8,4	2,0	0,4
в 1932/33 г.	„	258,1	239,2	5 5	9,0	3,5	0,9
Прирост к 1927/28 г.	%	+81,1	+87,3	+27,0	+7,0	+75,0	+112,0
2. Эксплоатируемая лесн. площ. государственных лесов в 1927/28 г.	млн *га*	157,5	146,7	2,6	2,7	1,9	3,6
в 1932/33 г.	„	193,1	180,0	2,6	3,2	2,8	4,5
Прирост к 1927/28 г.	%	+22,6	+22,7	0,0	+18,5	+47,4	+25,0
3. Лесное пользование на 1 *га* эксплоатируем. лесной площ. в 1927/28 г.	*куб. м*	0,91	0,87	1,54	3,11	1,05	0,11
в 1932/33 г.	„	1,34	1,27	2,11	2,81	1,25	0,20
Прирост	%	+47,2	+46,0	+37,0	—6,4	+19,0	+82,0
4. Капит. вложения в лесное хоз. за счет местн. хозяйства в 1927/28 г.	млн. руб.	12,8	8,4	2,5	1,3	0,3	0,3
в 1928/29 г.	„	22,2	15,6	3,2	2,0	0,7	0,7
За 5 лет—1928/29—1932/33 гг.	„	246,9	174,2	38,3	16,5	10,0	7,9

Значение этих мероприятий выявляется в лесной промышленности, которая обеспечивает своей продукцией строительство, снабжение целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности сырьем (древесиной) и развитие лесного экспорта.

При приросте валовой продукции лесной промышленности за пятилетие в пределах до +275% и лесопиления для удовлетворения нужд строительства +267% (по оптимальному варианту) основными центрами развития ее являются:

Северо-Восточный район, продукция которого по лесопилению намечается в количестве 6,6 млн. *куб. м* (прирост +348%), Урал—продукция до 2 млн. *куб. м* (прирост +341%), Нижнее Поволжье—продукция до 7,4 млн. *куб. м* (прирост +746%) и Дальне-Восточный край—продукция 2,1 млн. *куб. м* (прирост 700%).

Лесопиление в Северо-Восточном районе, на Урале и Дальнем Востоке сочетается с целлюлозным и целлюлозно-бумажным производством, а также с лесохимией (главным образом, Урал), что обеспечивает наивысшую рентабельность намеченного по этим районам капитального вложения. В Нижне-Волжском районе лесопиление

сочетается с деревообрабатывающими производствами. В частности, в Нижнем Поволжьи намечается развитие новых производств, получивших распространение в Сев. Америке, по изготовлению стенных и строительных плит из отбросов лесопиления, количество которых здесь, при намеченном производстве, определяется почти в 2,5 млн. *куб. м.*

В прочих лесных, а также в районах с развитой лесной промышленностью (например, БССР) сдвиги в построении их промышленности, перерабатывающей древесину, проектируются в направлении усиления деревообрабатывающих производств — в первую очередь, строительные детали.

Новое заводское строительство в основных четырех районах (Северо-Восточный, Урал, Нижнее Поволжье и ДВК) по лесной промышленности намечено всего в размере 150,6 млн. руб., что от всей суммы вложений (321 млн. руб.) составит 47,0%.

При этом обеспечивается производство лесных товаров для целей вывоза за границу в количестве, намеченном лесоэкспортным планом, т.-е. увеличение в $3^1/_2$ раза против 1927/28 г.

Основными лесоэкспортными районами по лесозаготовкам в 1932/33 г. будут Карелия и Северо-Восточная область и Дальне-Восточный край; Урал для вывоза за границу даст высокосортный лес по преимуществу из восточной своей части; Сибирь обеспечит вывоз леса через Карское море; Закавказские республики и Белоруссия для экспорта дадут специальные виды лесных товаров из твердой древесины и изделия из дерева.

7. Общий масштаб строительной программы в промышленности

Выше были указаны важнейшие строительные линии по всей индустриальной группе в ее решающих отраслях. Здесь нет возможности останавливаться на целом ряде других, крайне важных отраслей, которые, однако, не связаны со столь большим новым строительством или со столь глубокой реконструкцией старого основного капитала. Это относится, прежде всего, ко всей легкой индустрии, которая несмотря на значительную наличную емкость своего основного капитала должна будет произвести в пятилетие капитальные вложения порядка 2,5 мрд. руб. по отправному и 3 мрд. руб. по оптимальному варианту, исходя из необходимости осуществить курс на изживание товарного голода в стране.

Общая сумма вложений в основные фонды промышленности, планируемой ВСНХ, на которые опирается обрисованная выше строительная программа, составляет (с учетом 40% снижения стоимости строительства по отправному и 50% по оптимальному варианту) около 11,5 мрд. руб. в расчетах отправного и 13,8 мрд. руб. в расчетах оптимального варианта. В соответствии с общим курсом

на индустриализацию страны в намеченной выше строительной программе из общей суммы капитальных вложений группа „А“ (производство средств производства) поглощает по отправному варианту 8,6 мрд. руб., а по оптимальному 10 мрд. руб. и группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) соответственно 2,5 и 3 мрд. руб. Было бы правильным к группе „А“ дополнительно прибавить по отправному варианту около 570 млн. руб. и по оптимальному варианту около 640 млн. руб., идущих по линии организации геологических разведок, строительных контор и т. д.

Масштаб вложений в государственную индустрию станет еще более внушительным, если присоединить к ней (а это является единственно правильным) затраты на государственную электрификацию, которые по отправному варианту исчисляются в 2,6 мрд. руб. и по оптимальному в 3,1 мрд. руб. В таком случае общая сумма вложений в государственную индустрию (включая и электростроительство) составит по отправному варианту 14 мрд. руб. и по оптимальному варианту 17 мрд. руб. Такой размах вложений в государственную индустрию обеспечит ей 36,4% всей суммы капитальных вложений по обобществленному сектору и, как указано выше, поднимет удельный вес ее основных фондов в общей сумме основных фондов страны с 12,1% в начале пятилетия до 21,3% в его конце (по отправному варианту).

Само собою разумеется, что намеченная сумма вложений в государственную индустрию и запроектированная на ее основе строительная программа должны найти свое отражение как в расширении промышленного производства в стране, так и в значительном росте качественных показателей этого производства. Как будет подробно показано дальше, рост промышленной продукции на основе этих вложений намечен на 136% по отправному и на 180% по оптимальному варианту, при чем около 30% всей промышленной продукции по первому и несколько больше по второму варианту должно быть дано уже новыми предприятиями, не считая реконструированных заново. Снижение стоимости промышленной продукции намечено на 30% по отправному и на 35% по оптимальному варианту. Наконец, как было уже указано, снижение стоимости строительства соответственно по вариантам намечено в 40% и 50%.

Серьезным, обобщающим показателем глубины реконструктивных задач, намеченных в пятилетнем плане для нашей индустрии, являются данные по изменению структуры энергобаланса, промышленности и энерговооруженности промышленного рабочего. Составленные по расчетам отправного варианта эти данные таковы:

	1927/28	1932/33	Прирост
На 1 раб. мощн. в квт.	0,98	1,91	+ 95,0
На 1 раб. потребл. энерг. в квтч. . . .	2,420	4,670	+ 93,0
В том числе электрифик.	1,200	3,630	+ 202,5

Эти данные показывают, что пятилетняя программа намечает в строении нашей государственной индустрии значительный шаг вперед по тому направлению, которое продвигает нас к уровню передовых капиталистических стран и создает базу для еще более быстрого движения вперед в великом соревновании социалистической системы хозяйства со своим капиталистическим антагонистом.

8. Проблемы реконструкции и строительные линии в сельском хозяйстве

XV с'езд партии и последующие решения до декрета ЦИКа СССР о повышении урожайности включительно отчетливо наметили те линии, по которым должен пойти сельскохозяйственный прогресс нашей страны. Техническое вооружение сельского хозяйства силами государственной индустрии, под'ем бедняцко-середняцких масс крестьянства, борьба с эксплоататорской верхушкой деревни, форсированное строительство совхозов, коллективных хозяйств и кооперативных организаций, культурное вооружение деревни в целом, — вот комплекс проблем, подчиненных в конечном счете общей задаче решительного под'ема производительных сил деревни и социалистического ее переустройства на путях машинной техники и научного земледелия. Этой генеральной линии отвечает и запроектированная в плане строительная программа в области сельского хозяйства.

Общий масштаб капитальных вложений в сельском хозяйстве в предстоящее пятилетие измеряется по расчетам отправного варианта в 22,6 мрд. руб. и оптимального в 23,6 мрд. руб., включая и собственные вложения индивидуальных крестьянских хозяйств (постройки, скот, инвентарь и т. д.). Значительная часть этих средств идет по линии простой амортизации существующего основного капитала. Около 7—9 мрд. руб. из общей суммы вложений в той или иной мере подлежит нашему прямому воздействию и регулированию. Наконец, около 5 мрд. руб. (в неизменных ценах) по отправному варианту и 5,8 мрд. руб. по оптимальному варианту являются прямыми вложениями государства в сельское хозяйство (по госбюджету и кредиту). В свете этих общих лимитов вложений может быть охарактеризована и сама строительная программа.

Решающим фактором, накладывающим свою печать на всю программу реконструкции и весь строительный план в сельском хозяйстве в проектируемом пятилетии, является крупнейшее невиданное до сих пор развертывание обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Учитывая громадное значение этого дела по всей совокупности экономических и социальных отношений в нашей стране, программа обобществленного сектора в сельском хозяйстве в обоих вариантах плана взята почти тождественной и близкой к максимально возможной для этого пятилетия. Эта программа определяется доведением посевной площади обобществленного сектора с 2,3 млн. *га* в 1927/28 г. до 27 млн. *га* к началу второго пятилетия 1933 г. с тем, что совхозы дадут 5 млн. *га* и колхозы 22 млн. *га*. Из общей суммы вложений в сельское хозяйство (по госбюджету и кредиту) в 5 мрд. руб. по отправному и 6,8 мрд. руб. по оптимальному варианту на строительство обобществленного сектора идет 1,85 и около 2,0 мрд. руб. При осуществлении этой программы обобществленный сектор к концу пятилетия даст 13,7% по валовой продукции и 38,7% по товарной продукции зернового хозяйства (отчуждаемой на внедеревенский рынок). Наконец, для характеристики размаха этого строительства следует указать, что колхозы должны будут к концу пятилетия об'единить около 17—20 млн. сельскохозяйственного населения, что приведет почти к стабилизации крестьянского населения в индивидуальных хозяйствах при крупном погодном росте всего сельского населения в целом.

С точки зрения реконструкции сельского хозяйства этот обобществленный участок сельскохозяйственного фронта представляет тот особенный интерес, что он целиком опирается на машинную технику, на широкое применение минеральных удобрений, на внедрение тракторов и на применение агрикультурных мероприятий в целом. Достаточно указать, что к концу пятилетия в обобществленном секторе будет работать около 170 тыс. тракторов, включая тракторные станции (без них около 140), что он поглотит за это пятилетие сельскохозяйственных машин на 863 млн. руб., а химическими удобрениями покрывается 100% площади технических культур (по обоим вариантам) и 15—20% площади озимых зерновых в соответствующих районах. Урожайность в обобществленном секторе в связи с этой реконструктивной программой должна расти, в темпе, вдвое превышающем запроектированный рост урожайности для сельского хозяйства в целом.

Новизна этого дела, отсутствие надежного опыта других стран (хотя бы даже в общей практике крупного сельского хозяйства), специфические общественные трудности этого дела в условиях крайне низкого уровня культурности и, вместе с тем, громадный его размах,— обязывают приковать к нему исключительно большие усилия и исключительно бдительный надзор за реальным ходом его осуществления.

Особенно трудной является здесь проблема коллективизации и определения таких ее организационных форм, которые обеспечивали бы максимальное использование и максимальную эффективность вкладываемых ресурсов. С этой точки зрения идея межселенных машино-тракторных станций, которые должны в дальнейшем развиться в энергетические станции в широком смысле этого слова (включая сюда и агрикультурную помощь), идея, которая нашла уже свою частичную проверку на опыте Украины, должна стать руководящей в практических поисках

организационных форм коллективизации. Только на этом пути представляется возможным, планомерно и наиболее прочно закрепляясь на достигнутых позициях, добиться быстрого повышения энерговооруженности крестьянского труда, т.-е. разрешения той центральной задачи, от которой зависит успешный ход сельскохозяйственного прогресса.

Крупнейшие строительные задачи в предстоящем пятилетии стоят в области организации сельскохозяйственной территории, т.-е. в области землеустройства, мелиорации и ирригации прежде всего. Общий об'ем землеустроительных работ за пятилетие может быть иллюстрирован следующими данными:

Землеустройство

Наименование мероприятий	Отправной вариант			Оптимальный вариант		
	Общая площадь (в тыс. га)	В % ко всей площ.		Общая площадь (в тыс. га)	В % ко всей площ.	
		Землеустроенность за пятилетие	Вся землеустр. площадь		Землеустроенность за пятилетие	Вся землеустр. площадь
Межнадельное землеустройство . .	88.000	22,2	49,8	148.555	37,5	65,1
Устранение или ослабление дальноземелья	68.335	17,2	27,1	68.335	17,2	27,1
Устранение внутринадельной чересполосицы	137.951	54,8	75,0	137.951	54,8	75,0
В том числе колхозы	34.954	13,8	16,1	34.954	13,8	16,1
Комассация полос	102.997	40,9	58,9	102.997	40,9	58,9
Многопольные севообороты	109.000	56,0	56,0	109.997	56,5	56,5
Совхозы	14.000	100,0	100,0	14 000	100,0	100,0
Отвод земли городам, учреждениям, предприятиям для их спец. целей .	3.511	—	—	3 511	—	—
Земельная инвентаризация	121.800	—	—	121.810	—	—
В том числе земельный кадастр. . .	46.000	—	—	46.750	—	—

Суммарная стоимость землеустроительных работ исчисляется в 512 млн. руб. по отправному и в 524 млн. руб. по оптимальному варианту (в неизменных ценах). Но центр тяжести землеустроительных работ лежит, быть может, не столько в количественных масштабах, сколько в необходимости новой организации этого дела и установления новых подходов к нему в связи с крупнейшими задачами по коллективизации и механизации сельского хозяйства. В проектируемом пятилетии необходимо перейти от бессистемного землеустройства по заказу отдельных селений

к плановому землеустройству крупных земельных массивов. В районах механизируемого земледелия организущей идеей землеустройства должны стать те машинотракторные станции, о которых шла речь выше. Само собой разумеется, что плановое землеустройство должно быть гораздо более увязано также и с новыми программами дорожного строительства и механизацией безрельсового транспорта, которая неизбежно последует за широким внедрением тракторов и машин в сельское хозяйство.

Мелиоративными работами в предстоящем пятилетии будет охвачено свыше 2 млн. га, не считая крупных ирригационных работ в Средней Азии и Закавказьи, связанных с культурой хлопка. Около 80% мелиоративных работ приходится на осушение и связано с увеличением кормовой площади в районах интенсивного животноводства. Около 400 тыс. га падает на оросительную мелиорацию, т.-е. главным образом, на оазисное орошение в засушливых районах Турксиба. Наконец, в этом же пятилетии будет положено начало разрешению громадной ирригационной проблемы Поволжья путем организации опытного орошения на площади около 30 тыс. га, а также продолжатся большие изыскания для крупных ирригационных работ в районе Нижнего Днепра. Общая стоимость мелиоративных работ исчисляется около 315 млн. руб. по отправному и 488 по оптимальному варианту, в том числе около 180 млн. и 300 млн. руб. за счет государства.

Общий масштаб крупных ирригационных работ, связанных с культурой хлопка в нашей стране, виден из следующих данных:

	Прирост площ. в пред. пятилетии в тыс. га			Стоимость работ в пределах пятилетия	
	Ирригац. подг.	Освоен.	Хлопков.	Без средств населения	Со средствами населения
				в тыс. руб	
Отправной вариант					
Средняя Азия и Каз ССР	547,6	438,8	199,9	194,2	211,2
ЗСФСР	240,00	214,5	65,2	71,7	74,8
Оптимальный вариант					
Средняя Азия и Каз ССР	654,7	508,5	247,1	240,8	260,6
ЗСФСР	309,1	269,5	77,2	94,6	99,3

Пятилетний народнохозяйственный план исходит из необходимости по отправному варианту довести внутреннее производство хлопка до 16,8 млн. центн. и по оптимальному варианту до 19,1 млн.

центн., иными словами, в первом случае значительно ограничить, а во втором почти устранить нашу зависимость от импортного хлопка, освобождая этим валютные ресурсы страны для импорта оборудования. Громадное значение этой задачи, размах и срочность ирригационных работ, большой об'ем вкладываемых ресурсов, крайне недостаточная научно-техническая организация этого дела в настоящее время требуют к нему большого напряженного внимания. Весь комплекс ирригационных строительств, связанных с культурой хлопка, должен стоять в течение всего пятилетия в поле зрения руководящих органов страны на ряду с такими задачами, как Днепрострой, металлургическое строительство и т. п.

Нет нужды подчеркивать, что в ряду проблем, связанных с организацией территории, крупнейшее значение приобретает вопрос о намечаемой распашке новых земель примерно в 12—15 млн. *га*. Опираясь на механизацию сельского хозяйства, план предполагает в процессе этой распашки дальнейший охват земель восточной части страны. Но одновременно с этим тот новый фактор, который входит в земледелие в лице химизации, позволяет серьезно поставить вопрос об увеличении пахотных земель за счет пустошей и малопродуктивных в них деревенских лесных угодий в потребляющей полосе. Само собой разумеется, что это дело требует надлежащего согласования с планами лесного хозяйства.

Одним из серьезнейших рычагов в реконструкции всего сельскохозяйственного производства и всего строя крестьянского хозяйства является намечаемая на пятилетие программа машиноснабжения, которая должна увеличить общую стоимость сельскохозяйственных машин в стране примерно с 1 мрд. руб. в начале пятилетия до 2,4 мрд., а вместе с тракторами примерно до 3 мрд. рублей в конце пятилетия. Если учесть, что на это же пятилетие (в связи с строительством обобществленного сектора) падает задача значительно увеличить загрузку сельскохозяйственных машин и машиноиспользование, то реальная производственная мощность машин в сельском хозяйстве вырастет не в 3 раза, а значительно больше. В намечаемом плане реконструкции сельского хозяйства проблема машинизации, с одной стороны, проблема коллективизации в кооперации, с другой стороны, являются органически между собою связанными, двумя аспектами одной общей программы технического и социального переустройства крестьянского хозяйства. Управление этим рычагом, рычагом машинизации сельскохозяйственного производства, в свете задач социалистического переустройства деревни является делом особой важности и особой ответственности.

Наконец, крупнейшим фактором реконструкции сельского хозяйства в предстоящем пятилетии является вновь вступающая сила в лице организуемой в стране химической промышленности. В настоящее время СССР с его производством

всего около 260 тыс. тонн суперфосфата и около 360 тыс. тонн всех минеральных удобрений стоит едва ли не на последнем месте в ряду стран, потребляющих минеральные удобрения. Внедрение в сельское хозяйство к концу пятилетия 5 млн. тонн минеральных удобрений по отправному варианту и 7 млн. тонн по оптимальному радикально меняет положение вещей, и по абсолютным размерам потребляемых минеральных удобрений ставит СССР на значительно более видное место в ряду передовых стран. Стопроцентное покрытие минеральными удобрениями площадей под хлопком, сахарной свеклой и льном, шестипроцентное покрытие площадей под зерновыми культурами и та специальная роль, которую минеральные удобрения могут сыграть в расширении посевов зерновых культур на пустующих землях центральных районов страны,— все это в целом выступает как фактор первоклассного значения в улучшении производственных условий нашего сельского хозяйства.

Совершенно ясно, что в цепи этих строительных задач в области реконструкции сельского хозяйства особое место занимает тот комплекс перерабатывающих предприятий, который обычно носит название индустриализации сельского хозяйства и в который намечено вложить по всей линии около 1,5 мрд. руб за пятилетие. Сюда относится, прежде всего, сахарная промышленность, с ее вложениями около 350 млн. руб., мельничная — около 200 млн. руб. молочная и мясная — около 150 млн. руб., яично-птичная — около 125 млн. руб., проработка льна, пеньки и кенафа — около 75 млн. руб. и садово-огородная — около 60 млн. руб. Продукция промышленности на сел.-хоз. сырье вырастает за пятилетие с 1,2 мрд. руб., примерно, до 2—3,5 мрд. руб. Здесь также встают большие организационные вопросы, разрешение которых, в конечном счете, должно повести к усилению роли коллективизирующегося и кооперирующегося крестьянства в строительстве этих отраслей промышленности.

Нечего говорить, какое значение приобретает при всех этих мероприятиях вопрос о правильной селекции семян и о снабжении всего сельского хозяйства чистосортными семенами. В этом отношении крупную роль в реорганизации крестьянского хозяйства должны сыграть совхозы, которые станут питомниками высокосортных семян в массовом масштабе и будут теми резервуарами, за счет которых произойдет систематическое улучшение семенных ресурсов крестьянского хозяйства.

Таковы важнейшие звенья строительной программы в области сельского хозяйства. Они, разумеется, нисколько не умаляют значения тех простейших мероприятий в борьбе за культурное земледелие, о которых много и правильно говорилось в обоснование декрета ЦИКа СССР о под'еме урожайности в нашей стране. Само собой разумеется, что все эти крупные строительные линии окажутся неэффективными или недостаточно эфф--

тивными, если не будет сопутствовать производственный под'ем, нарастание заинтересованности и усилий многомиллионных масс бедняцко-середняцкого крестьянства. Именно, опираясь на сочетание этих больших строительных линий с усилиями поднимающихся масс крестьянства, построены те производственные эффекты, которые включены в балансовые расчеты плана (20-процентное расширение всех посевных площадей, 17 и 25-процентный под'ем урожайности за остающиеся четыре года пятилетия, рост валовых сборов, товарности и т. п.).

Принятое направление в строительстве обобществленного сектора и в под'еме зернового хозяйства вообще приведет к значительному повышению удельного веса восточных районов страны, к некоторому росту удельного веса Поволжья и некоторому сокращению удельного веса Украины и Сев. Кавказа при абсолютном росте их сельскохозяйственного производства. При этом Украина и Сев. Кавказ к концу пятилетия должны будут перестать играть роль поставщиков зерна в центральные области и превратятся в экспортные районы по преимуществу, в то время как снабжение центральных областей ляжет на плечи Поволжья и более далеких восточных районов страны.

Намеченные в результате этой строительной программы темпы роста сельскохозяйственного производства и его качественных показателей (урожайность и др.) достаточно красноречиво говорят о глубине и эффективности реконструктивных сдвигов в сельскохозяйственном производстве. Но не менее красноречиво говорят об этом и показатели энергетики земледелия на начало и конец пятилетия.

Энерговооруженность сел.-хоз. труда

	1927/28	1932/33	Прирост в %
На 1 раб. всей энергии (квтч.) .	323	391	+ 20,9
В том числе:			
Всей механическ.	27,0	74,1	+ 174,2
Электроэнергии	0,84	3,0	+ 456,0

Значительный (но все еще недостаточный) шаг вперед в повышении энерговооруженности труда в сельском хозяйстве здесь совершенно очевиден. Это есть одно из решающих звеньев, за которое мы должны тянуть вперед всю цепь нашего народнохозяйственного развития. Внимание к повышению энерговооруженности труда в сельском хозяйстве в свете задач социалистического переустройства деревни и уничтожения противоречий между городом и деревней должно быть первейшей обязанностью наших перспективных хозяйственных планов.

9. План реконструкции и нового строительства на транспорте

Совершенно естественно, что при том росте материального производства в стране, которое запроектировано обоими вариантами пятилетнего плана и при намеченном вовлечении в общий народнохозяйственный оборот новых районов, народное хозяйство пред'являет к транспорту вообще и к железным дорогам, в особенности, большие требования, от удовлетворительного выполнения которых в значительной мере зависит судьба всего перспективного плана. Решающим звеном плана и по роли в товарообороте и по программе реконструкции и нового строительства остается для всего пятилетия жел.-дор. транспорт, важнейшие проблемы которого и должны занять центральное место по трактовке строительной программы транспорта.

Эта роль жел.-дор. транспорта накладывает свою печать и на распределение намеченных для пятилетия капитальных вложений во все виды транспорта. Из общей суммы капиталовложений на транспорте по расчетам отправного варианта 5,4 мрд. руб. почти 4,3 мрд. руб. идет по линии железных дорог, 130 млн. по водопути, 140 млн. по морским торговым портам, около 350 млн. руб. по шоссейным и грунтовым дорогам и около 225 млн. руб. по судостроению Соответственно по оптимальному варианту из общей суммы в 6 мрд. руб. на капитальные вложения около 5 мрд. руб. идет на железные дороги. В пределах самого жел.-дор. транспорта по расчетам отправного варианта окого 3 мрд. руб. идет на реконструкцию существующей сети и около 1,3 мрд. на новое жел.-дор. строительство, а по оптимальному варианту около 3,4 мрд. на реконструкцию и около 1,7 мрд. руб. на новое жел.-дор. строительство. Таким образом, реконструкция существующего жел.-дор. транспорта является доминирующей частью всей строительной программы транспорта.

Первым элементом реконструкции работы существующего жел.-дор. транспорта является перевод всего товарного движения на мощные паровозы серии „Э“ (80-тонные), для чего потребуется введение в действие около 2.300 новых паровозов. На ряду с этим, в опытном порядке для подготовки к решению задач, выходящих за пределы пятилетия намечен ввод в работу около 50 более мощных (100-тонных) паровозов. Вторым элементом реконструкции является расширение и реорганизация состава парка товарных вагонов, которые должны быть увеличены в своем составе, примерно, на 130 тыс. единиц (в двуосном измерении) с увеличения удельного веса большегрузных вагонов с 5% в настоящее время, примерно, до 20% к концу пятилетия, т.-е. довести их число до 60 тыс. единиц. К этому надлежит прибавить задачи пополнения парка полувагонами и площадками. Третьим элементом плана реконструкции железных дорог является вопрос о переходе на автоматическую сцепку.

Всесторонний анализ этого вопроса заставляет в расчетах отправного варианта наметить лишь подготовку к этой операции (выбор типа и заказ автосцепок, подготовка вагонного парка, испытание замкнутых маршрутных, например, Донбасс — Кривой Рог, Магнитная — Кузбасс и т. п.) с тем, чтобы вся операция была осуществлена в следующем пятилетии. Расчеты оптимального варианта намечают осуществление этой операции уже в последний год проектируемого пятилетия. Четвертым элементом является проблема автоторможения в товарных поездах, которая уже по расчетам отправного варианта должна быть полностью решена в это пятилетие. В качестве расширения опытов намечается перевод участка Сталинград—Тихорецкая (с плохим водоснабжением) на тепловозную тягу. Наконец, электрификация жел.-дор. движения должна быть в течение ближайшего пятилетия представлена на Сурамском перевале Закавказских железных дорог, на Минераловодской ветке и на одном из более крупных участков в роде Кизеловской ветки на Урале или Лиман—Харьков. Эта последняя задача—электрификация жел.-дор. движения—требует еще огромных усилий для того, чтобы она прочно вошла в арсенал реконструкционных идей и строительной практики в нашем жел.-дор. хозяйстве.

Эта реконструкционная программа в области жел.-дор. транспорта на ближайшее пятилетие, как ни скромна она на первый взгляд, является достаточно трудной и должна гарантировать большой шаг вперед в организации жел.-дор. хозяйства. Достаточно указать, что при осуществлении этой программы коэфициент эксплоатации на железных дорогах понижается с 76 в начале пятилетия до 63 в конце пятилетия, себестоимость перевозок падает, примерно, на 25%. Вот почему эта программа капиталовложений в реконструкцию существующих жел.-дор. сетей должна быть гарантирована.

Анализ грузовых потоков в перспективе ближайщего пятилетия с особой силой выдвигает два решающих для народнохозяйственной жизни страны направления, на которых грузооборот либо подходит к пределу пропускной способности дорог, либо явно превышает ее к концу пятилетия. Здесь имеются в виду линии, соединяющие Донбасс с Москвой и Ленинградом, с одной стороны, и Сибирское направление—с другой стороны. На этих двух проблемах с особой остротой встает и крупнейший вопрос всей нашей транспортной политики о концентрации грузовых потоков и радикальном удешевлении себестоимости перевозок массовых грузов. С точки зрения генерального плана реконструкции народного хозяйства вообще и транспортных связей его в частности единственно правильным решением обоих этих вопросов является концентрация грузовых потоков на реконструируемых или вновь создаваемых линиях сверхмагистрального типа. Однако, в ближайшее пятилетие эта задача разрешена быть не может. Решение транспортных задач на этих направлениях в проектируемом пятилетии

будет осуществляться комбинированным путем, т.-е. частично будет применен и даже расширен метод использования распыленных потоков и частично будут осуществляться подготовительные работы и заниматься первые позиции сверхмагистрализации этих направлений.

Грузооборот между Донбассом и Москвой, Донбассом и Ленинградом на протяжении проектируемого пятилетия при условии затрат, примерно, в 100 млн. руб. (расширение узлов, достройка и постройка ряда линий типа Орша—Унеча, Вязьма—Брянск) может быть обеспечен транспортными ресурсами, методом распыленного потока, однако, без заметного снижения себестоимости транспортных услуг. Это решение тем более неизбежно, что проблема сверхмагистрализации этих линий (электрификация Курской жел. дор. или сооружение сверхмагистрали Москва—Воронеж—Донбасс) еще не разрешена окончательно. Однако, уже в отправной вариант плана вносится ассигнование порядка 60—70 млн. руб. на окончание изысканий и приступ к работам в конце пятилетия с тем, чтобы решение задачи в целом было осуществлено уже во втором пятилетии.

Что касается Сибирской магистрали и выходов из Сибири на Москву и Ленинград, то грузооборот здесь к концу пятилетия вырастает до пределов, превышающих наличные пропускные способности жел. дор. Всестороннее исследование этого вопроса приводит к убеждению о громадном исключительном народнохозяйственном значении сверхмагистрализации Сибирского направления. В пятилетний план включен ряд работ, составляющих последовательные этапы в решении этой задачи. В течение первых трех лет заканчивается постройка новой дороги Курган—Свердловск с переустройством существующего участка Синарское—Шадринск. Это новое направление трассируется с пологими уклонами, равно как смягчается уклон и на участке Сибирской магистрали Курган—Новосибирск. В этой же связи стоит постройка на выходах к западу от Урала второго пути на Казанской дороге от Свердловска до Шемордана и новой линии от Шемордана до Нижнего Новгорода с двупутным мостом через Волгу. Общая стоимость этих работ в проектируемом пятилетии измеряется суммой порядка 175 млн. рублей.

На ряду с этой программой реконструкции существующего жел.-дор. транспорта стоит и план нового строительства железных дорог. СССР располагает в настоящее время 76 тыс. километров жел.-дор. линий, что превышает, примерно, на 30% действовавшие жел.-дор. линии в нынешних пределах страны в 1913 г. В постройке находится около 3,6 тыс. *км*. В течение пятилетия по расчетам отправного варианта предполагается начать сооружение 16 тыс. *км* с тем, чтобы к концу пятилетия было сдано в эксплоатацию 14,3 тыс. *км*, что доведет протяжение жел.-дор. линий почти до 92 тыс. *км*. Соответственно по расчетам оптимального варианта намечено начать постройкой 19,5 тыс. *км*. Из общего протяжения

тех 14,3 тыс. *км*, которые должны быть сданы в эксплоатацию к концу проектируемого пятилетия, 48% составят линии, устанавливающие и улучшающие межрайонную связь, и 52% падает на местные линии, под'ездные пути и т. п.

Все новое жел.-дор. строительство проектируемого пятилетия может быть сгруппировано в следующем виде:

а) Лесовозные и отчасти колонизационные линии дадут около 2,8 тыс. *км*, из которых нужно отметить линию, соединяющую ЦПО с Печорским краем (срединный ее участок Усть-Сысольск — Котлас заканчивается в это пятилетие), и Енисейскую дорогу в Сибири, не называя здесь ряда мелких лесовозных линий в западных районах Европейской России, Урала, Кавказа и Дальнего Востока. Что касается большой лесовозной магистрали Котлас—Сорока, то вопрос с ней пока оставлен открытым, так как требует дополнительного исследования.

б) Сельскохозяйственные и отчасти колонизационные линии дадут около 6,8 тыс. *км*, из которых важнейшими являются: Туркестано-Сибирская магистраль, заканчиваемая в середине пятилетия, Боровое—Акмолинск и Орск—Актюбинск в Казакстане, далее цепь сельскохозяйственных линий (Троицк—Орск, Оренбург—Уральск и Саратов—Миллерово), которые образуют межрайонную магистраль, соединяющую Южный Урал и Поволжье с портами Азовского моря, большая магистраль Западного Урала на участках Пермь—Уфа и Уфа—Оренбург, которая на ряду с промышленным будет иметь также крупнейшее сельскохозяйственное значение; на ряду с этим ряд сельскохозяйственных линий осуществляется на Украине (Федоровка—Скадовск, Армянск—Херсон), в Средней Азии (Чарджуй—Хива, Термез—Дюшамбе и др.).

в) Горнопромышленная и промышленные линии дадут около 1,7 тыс. *км*, которые связаны, главным образом, с обслуживанием новых угольных месторождений Урала, Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока, а также идущие от месторождений цветных металлов, химического сырья (Вятская фосфоритная дорога) и т. п.

г) Разгружающие и спрямляющие линии—около 2,6 тыс. *км*.

Таковы важнейшие моменты реконструкции и нового строительства в области жел.-дор. транспорта. Не может быть сомнений в том, что уже на проектируемое пятилетие намечена большая и ответственная программа в области жел.-дор. транспорта, хотя, разумеется, транспортное строительство того масштаба, какой нужен нашей стране, придет лишь за пределами проектируемого пятилетия, когда оно сможет опереться на более мощные плечи нашей тяжелой индустрии.

Превалирующее значение жел.-дор. транспорта в общей программе реконструкции и нового строительства, совершенно неизбежное на ближайшем этапе нашего развития, не должно, однако, заслонять собой значительных и трудных задач, стоящих перед нами по строительству других видов транспорта. Капитальные вложения

по водопути порядка 130 млн. руб. по отправному и 210 млн. руб. по оптимальному варианту и затраты на речное судостроение от 130 до 180 млн. руб. за этот же период дадут возможность несколько упрочить позиции нашего водного транспорта, поднять водные перевозки и концентрировать их в руках государственных пароходств. На ряду с этим уже расчеты отправного варианта намечают около 75 млн. руб. на приступ со середины проектируемого пятилетия к сооружению Волго-Донского канала, который должен быть закончен к середине следующего пятилетия и который войдет, как могучий фактор в общую систему транспортных ресурсов страны. Капитальные вложения в морские торговые порты намечены в масштабе 140—170 млн. руб. и в морское судостроение в сумме 100—175 млн. руб. по обоим вариантам плана.

В качестве крупного фактора в реконструкции нашего сельского хозяйства и в повышении его производительных сил должно выступить в пятилетие значительное развитие улучшенных шоссейных и грунтовых дорог. Это один из наиболее слабых участков нашего строительства, крайне плохо организованный. Пятилетний план намечает ассигнование на это дело от 350 до 400 млн. руб. по НКПСу и около 700 млн. руб. по местному бюджету, а всего свыше 1 мрд. руб., и выдвигает с особой настойчивостью необходимость придать этому делу совершенно иной организационный размах, рассчитанный на вовлечение инициативы и самодеятельности многочисленных хозяйственных организаций и самого населения. Наконец, около 100 млн. руб. в пятилетие предположено вложить в развитие находящейся еще в зачаточном состоянии гражданской авиации в стране.

Строительная программа на транспорте, масштаб которой, разумеется, меньше, чем масштаб строительной программы в государственной индустрии, все же представляет собой задачу, для разрешения которой потребуются весьма большие усилия финансового и организационно-технического порядка. Нужно помнить, что и при выполнении этой программы мы едва удержимся на уровне современной обслуженности транспортом нашей страны, не делая ни шага вперед в приближении к тому уровню обслуженности транспортом, какой характерен для передовых стран Европы и Америки. Но с точки зрения внутренней организованности транспорта и усиления его в народнохозяйственной жизни страны запроектированная программа гарантирует нам значительный шаг вперед. Некоторым свидетельством об этом (на ряду с ростом перевозок, снижением себестоимости транспортных услуг и т. п.) могут служить энергетические показатели транспорта:

	1927/28	1932/33	Прирост в %
На 1 раб. мощн. перв. двиг. (квтч.) . . .	6,0	8,8	+ 47
На 1 чел.-час работы потреблено энергии (квтч.)	2,0	3,2	+ 60
На 1 раб. потреблено энергии (квтч.) .	4.030	6.260	+ 55

Как видно из этих данных, энергетическая мощность транспорта значительно вырастает.

10. Программа жилищного строительства

Жилищный фонд городов измеряется в настоящее время примерно в 160 млн. *кв. м* и оценивается в 13 с лишним миллиардов рублей, что составляет 18% в общей сумме основных фондов страны. Строительная программа пятилетия предполагает по отправному варианту доведение жилищного фонда до 204 млн. *кв. м* и по оптимальному до 213 млн. *кв. м*, а в обобществленном секторе с 75 млн. *кв. м* в настоящее время до 107 или 114 млн. *кв. м* к концу пятилетия, что поднимет стоимость этого фонда до 18,8 мрд. руб. по отправному и 20,0 мрд. руб. по оптимальному. Общая сумма затрат на городское жилищное строительство за пятилетие измеряется по отправному варианту около 4,4 мрд. руб. и по оптимальному около 5 мрд. руб.

Это строительная программа в жилищном деле исходит из задачи поднять душевую обеспеченность жилой площадью у промышленных рабочих с 5,5 *м* в начале пятилетия до 6,9 *м* по отправному и до 7,3 *м* по оптимальному варианту на конец пятилетия, у всего городского населения с 5,7 *м* до 6 или до 6,3 *м* при стабильности душевой обеспеченности в частном секторе и при росте ее во всем обобществленном секторе с 5,9 *м* до 6,5 *м* и 7 *м* в последний год пятилетия.

В рамках этого общего плана жилищного строительства в процессе дальнейшей работы должна быть специально взвешена возможность дать гораздо больший размах строительству в мощных индустриальных центрах, не опирающихся на большое городское хозяйство (Донбасс, Урал, отчасти Иваново-Вознесенский район). Во всяком случае жилищная программа так же, как и всякая другая, должна получить свою районную трактовку и должна отразить в ней ударные задачи индустриального развития страны.

Само собой разумеется, что в жилищном деле остро встают свои проблемы реконструкции и рационализации, которые должны исходить из необходимости приспособления жилищ к новым условиям социалистического общежития и из усвоения лучших образцов европейской техники в этом деле. Та неслыханная рутина и косность, которые до настоящего времени царят в нашем жилищном строительстве, должны получить в ходе осуществления перспективного плана серьезный удар со стороны образцовых жилищных организаций и целых районов, которые должны создать нужный нам тип дешевого и рационального жилища. Нечего говорить, что при 4 или 5-миллиардных вложениях в жилищное строительство советских городов является совершенно необходимым выделение достаточных средств

на специальный институт, который своими работами внес бы в жилищное строительство минимальные начала научной организации.

В соответствии с этой программой жилищного строительства развивается и коммунальное дело, которое в течение пятилетия должно будет поглотить около 1.500 млн. руб. капитальных вложений по отправному и 1.600 млн. руб. по оптимальному варианту. При этом программа коммунального строительства должна включить в свой состав и те новые ростки городского быта, которые связаны с проблемами общественного питания, клубного дела и т. п.

Наконец, в пятилетней программе в процессе дальнейшей работы следует наметить некоторые подступы к вмешательству в сельское жилищное строительство, хотя бы на первой стадии, путем выработки некоторых нормальных типов жилищ для различных районов страны, организации технической консультации и широкой организации правильного снабжения строительными материалами.

11. Об условиях осуществления строительной программы пятилетия

В предшествующем изложении были даны лишь важнейшие узловые моменты строительной программы пятилетия, громадный размах и сложное сцепление составных элементов которой представляются совершенно очевидными. Основной чертеж технико-экономического плана страны на ближайшее пятилетие налицо, внутренняя связь его частей выступает с достаточной отчетливостью. Это есть план радикальной перестройки производственного остова страны, план решительного повышения ее энерговооруженности на путях индустриализации и обобществления. Но, вместе с тем, это есть план громадного испытания для технических кадров и организационных сил СССР. Это испытание может быть и будет надлежащим образом выдержано лишь при том условии, если все предпосылки для осуществления строительной программы будут тщательно продуманы и в пределах наших возможностей воплощены в действительность.

В ряду этих предпосылок успешного решения задач строительной программы, прежде всего, необходимо назвать проблему правильной постановки проектирования и проектировочных организаций в стране. Истекший период прошел в полосе так называемого беспроектного строительства, отрицательные уроки которого у всех перед глазами. Новое пятилетие должно итти под лозунгом великолепной постановки в стране проектного дела и на основе этого дешевого и быстрого по срокам строительства. Вот почему вся система проектирующих организаций должна быть взята под особое покровительство и в связи с необходимостью перенести к нам лучшие достижения мировой техники должна полу-

чить все возможности для усвоения не только того, что достигнуто в передовых странах Европы и Америки, но и того, куда идет технический прогресс во всех отраслях хозяйства.

Наша страна совершает беспримерный опыт громадного капитального строительства за счет текущих накоплений, за счет жестокого режима экономии и отказа в удовлетворении потребностей сегодняшнего дня во имя великих исторических задач. Это обязывает к исключительной осмотрительности в деле капитальных вложений и величайшей обоснованности каждого из конкретных строительств. Вот почему на ряду с правильной организацией проектного дела внутри должна быть значительно расширена практика заграничной экспертизы по всем крупным сооружениям, с такой, однако, организацией, чтобы самый процесс экспертизы был школой для молодых кадров строителей в нашей стране.

Далее надо со всей решительностью указать, что намеченная строительная программа пятилетия не может быть удовлетворительно осуществлена без радикальной реорганизации всего строительного дела, всего строительного процесса в стране. Строительное дело в стране должно быть индустриализировано, оно должно вырасти в мощную строительную индустрию. При той некультурности, которая в большой мере характерна для всего истекшего периода в нашем капитальном строительстве, не могут быть в короткий срок предстоящего пятилетия успешно разрешены намечаемые для него великие строительные задачи. Вот почему проблема рационализации строительного дела на основе опыта передовых индустриальных стран должна быть поставлена в ряду важнейших предпосылок, необходимых для осуществления всего пятилетнего плана.

Из всего предшествующего изложения, в частности, из того разграничения, которое установлено между отправным и оптимальным вариантами, явствует в достаточной мере, что строительная программа пятилетия опирается на дальнейшее (и по расчетам оптимального варианта на достаточно крупное) расширение связей с мировым хозяйством, на большие контингенты импортного оборудования. Достаточно указать, что металлическая промышленность в масштабах оптимального варианта потребует импортного оборудования примерно на 800 млн. руб. с обязательством ввоза не только отдельных машин, но целых аггрегатов и даже целых цехов. Такие же требования пред'явит химическая промышленность, электростроительство и отчасти сельское хозяйство. Вот почему программа оптимального варианта требует энергичной активизации нашей работы по усилению экспорта, по накоплению валютных ресурсов и по привлечению долгосрочных иностранных кредитов, в размерах, значительно превышающих нынешние.

Строительная программа, как она запроектирована в пятилетнем народнохозяйственном плане, вырастает (в особенности при учете крайне ограниченных сроков) в настоящий план великих работ, в боевой фронт строительства в подлинном смысле слова. Только великий строительный под'ем и железная дисциплина на этом фронте могут разрешить его огромные и исключительно трудные задачи.

II. Проблема квалифицированных кадров

Эта громадная строительная программа, которая должна радикально изменить тип и условия производства в нашей стране, построенная на освоении по широкому фронту новейших достижений и лучших образцов мировой техники, во весь рост ставит вопрос о новых кадрах, о новом поколении строителей, которое должно стать носителем технической и социальной реконструкции нашей страны. Можно без преувеличения сказать, что все наше перспективное планирование до настоящего времени имело тот основной порок, что эту проблему подготовки кадров оставляло без надлежащего рассмотрения, не ставило ее в первом ряду решающих предпосылок, необходимых для осуществления перспективных планов. При всей недостаточности материалов, при всем разнобое в принципиальных подходах, при всей сложности и трудности этого дела проблема обеспечения намеченного народнохозяйственного строительства надежными квалифицированными кадрами должна быть поставлена во весь рост и во всем своем значении.

1. Квалифицированные кадры в индустрии

Здесь, прежде всего, встает вопрос об инженерах и техниках. Всем известна директива руководящих органов страны о необходимости добиться удвоения удельного веса инженеров по отношению ко всему числу рабочих и о доведении числа техников до полуторного отношения к числу инженеров. Наличие и рост потребностей инженеров в государственной индустрии СССР могут быть иллюстрированы следующей справкой:

Группы	Занято в 1927/28 г.	Будет необходимо в 1932/33 г.	Прирост в %	Сохранится к 1932/33 г.	Понадоб. из школы
Производственная	13,1	32,3	146,5	10,6	21,7
Непроизводств. (управленческий и проектный аппарат) . . .	7,1	9,2	30,0	5,7	3,5
Всего . . .	20,2	41,5	105,4	16,3	25,2

При существующем учебном строе советских втузов они могут дать за пятилетие около 20 тыс. инженеров, на которые, однако, претендуют, на ряду с промышленностью и другие отрасли хозяйства (транспорт, торговое строительство, профтехническая школа и т. п.). Таким образом, недобор по инженерским кадрам в течение пятилетия может быть определен не менее чем в 15 тыс. человек. Исходя из этого, а также учитывая то громадное внимание, которое делу подготовки инженерских кадров уделяют наши капиталистические антагонисты (С.-А.С.Ш. за последний период выпускают не меньше 20 тыс. инженеров ежегодно), необходимо со всей энергией поставить вопрос о повышении тонуса учебной жизни наших втузов. Надо иметь в виду, что в настоящее время втузы ежегодно оканчивает только около 8% общего контингента учащихся, при чем в силу многообразных причин на практике происходит затягивание учебной жизни. Нужно добиться увеличения продуктивности втузов по крайней мере до 12%, поставив ход учебной жизни, дисциплину труда, целеустремленность работы в полное соответствие с той великой строительной программой, в унисон с которой должна итти жизнь высшей школы страны. Но этого мало. Необходимо дальше исследовать вопрос о возможности некоторого изменения самой системы подготовки специалистов в сторону сокращения сроков этой подготовки. То обстоятельство, что эволюция современного высшего технического образования идет в сторону большего технического универсализма нисколько не мешает, на ряду с усвоением этой тенденции, форсированно готовит те кадры инженеров узкой специальности, в которых ощущается острый недостаток в нашей стране.

Дело подготовки техников осложняется тем обстоятельством, что в этой области мы получили крайне слабое наследство от прошлого в системе учебных заведений страны. Это обязывает с тем большей энергией налечь на это наиболее слабое звено в общей цепи подготовки квалифицированных кадров для индустрии. В настоящее время в стране имеется около 20 тыс. техников, к концу пятилетия их необходимо иметь около 60 тыс. Существующая школьная сеть может дать около 6 тыс. техников ежегодно. Здесь встает необходимость в особенности для пополнения кадров техников широко развить систему обучения через вечерние рабочие техникумы или равнозначащие им курсы по переподготовке, черпая, таким образом, из среды наиболее передовых, наиболее развитых индустриально рабочих новые кадры среднего командного состава нашей индустрии. И, разумеется, с этой точки зрения совершенно недостаточной является та существующая сеть вечерних рабочих техникумов, которая охватывает всего 10 тыс. учащихся, из которых лишь 1½ тыс. в год заканчивает обучение. Переход на 7-часовой рабочий день открывает здесь огромные воз.

можности для дополнительного обучения и настоящего выдвижения квалифицированных рабочих.

Трудным и недостаточно ясным представляется вопрос о создании кадров квалифицированной рабочей силы. Соотношение между квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой у нас и в Германии представляется в следующем виде:

Отрасли промышленности	Группы рабочих	Занято			
		СССР—1927/28 г.		Германия—1926 г.	
		Абсол. в тыс.	Удельный вес в % ко всему числу рабочих	Абсол. в тыс.	Удельный вес в % ко всему числу рабочих
Вся промышленность [1]	квалиф.	869,7	41,3	3.913,4	62,6
	неквал.	1.208,9	58,7	2.333,0	37,4
В том числе:					
Добывание и обработка минералов	квалиф.	43,3	28,0	344,8	40,3
	неквал.	111,3	72,0	362,1	59,7
Горная и горнозаводская	квалиф.	237,4	42,6	901,4	74,4
	неквал.	319,9	57,4	309,4	26,6
Обработка металлов	квалиф.	63,2	46,1	326,5	60,5
	неквал.	62,2	53,9	215,4	39,5
Машиностроение	квалиф.	161,9	55,3	1.085,0	74,8
	неквал.	147,1	44,7	367,2	35,2
Химия	квалиф.	20,3	25,0	72,4	24,2
	неквал.	61,1	75,0	222,7	75,8
Текстиль	квалиф.	298,8	43,5	413,9	60,7
	неквал.	388,2	56,5	266,8	39,3

Существует представление, что тот характер технической реконструкции промышленности, который намечен в нашем перспективном плане, не потребует дальнейшего усиления удельного веса квалифицированных рабочих в общем строе рабочей массы нашей промышленности. Едва ли это представление в такой категорической форме правильно. Но независимо от этих спорных моментов не подлежит сомнению одно, а именно необходимость поднять на новый технический (и, разумеется, культурный) уровень весь основной кадр нашей квалифицированной рабочей силы, дабы сделать ее способной воспринять то новое оборудование, тот новый строй производства, который будет в результате 11—13 миллиардных вложений в промышленность. Уже и в настоящее время с каждым новым шагом

[1] По СССР — промышленность, управляемая ВСНХ, по Германии — крупная (по строению аналогичная первой).

по пути реконструкции промышленности достаточно остро ощущается нарастающая диспропорция между совершенством вновь устанавливаемого оборудования и недостаточностью технической культуры окружающих это оборудование рабочих кадров. Вот почему минимальной программой в области подготовки квалифицированных рабочих является та, которая измеряет контингент подлежащих обучению и переобучению от 1 до 1,3 млн. человек за пятилетие.

Пропускная способность нашей учебной системы по воспроизводству квалифицированной рабочей силы может быть иллюстрирована следующими данными (по индустрии):

Тип учреждения		1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
		(В тысячах)					
ФЗУ	континг.	89,3	105,9	169,2	186,9	205,2	224.8
	продукц.	—	27,0	33,4	40,0	53,1	62,8
ЦИТ	континг.	—	11,6	17,0	24,9	27,4	33,6
	продукц.	—	11,5	16,9	24,7	26,9	32,5
Профшколы	континг.	31,0	33,8	36,4	38,9	41,3	45,1
	продукц.	—	5,6	5,6	6,8	10,7	15,9
Учреждения дополнител. образование рабочих	континг.	41,5	70,0	528,2	675,8	728,2	812,0
	продукц.	—	68,2	211,4	269,0	289,7	329,1

Даже если исходить из стабильного соотношения между квалифицированной и неквалифицированной силой промышленности, то подготовка должна дать новых квалифицированных рабочих свыше 500 тыс. человек. Таким образом, пропускная способность существующей сети не покрывает даже этой голодной потребности. Вот почему во всем своем значении встает вопрос об организации в нашей стране широкой сети по дополнительному обучению рабочих, т.-е. тот путь, на котором достигнуты значительные результаты в передовых капиталистических странах. Достаточно указать, что С.-А.С.Ш., где ежегодно обучается свыше 4 млн. подростков в школах повышенного типа, больше 500 тыс. рабочих индустрии проходит дополнительную систему обучения. Между тем, у нас, где это дело могло бы и должно было бы быть поставлено на неизмеримо большую высоту, дополнительное обучение рабочих находится еще в зачаточном состоянии. Общая сумма затрат по всей линии подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих определяется за пятилетие примерно в 1 мрд. руб. Но дело здесь не только в средствах — залог успеха в новой организации этого крайне важного фронта наших работ.

2. Квалифицированные кадры в строительном деле

Следует особо подчеркнуть в общем плане воспроизводства квалифицированной силы наиболее отсталый участок — строительное дело. Громадные задачи по рационализации строительства, по снижению его стоимости требуют внимания не только к тем новым строительным машинам и механизмам, которые будут введены в наш строительный процесс, но и к живым агентам этого дела. По имеющимся расчетам, общая потребность квалифицированных строительных рабочих измеряется за пятилетие, примерно, в 250 тыс. человек. Специфические особенности состава строительных рабочих и сезонный характер их работы придают особую трудность делу подготовки новых квалифицированных рабочих и особенно повышение квалификации старых. Следующие данные показывают, как предположено разрешить эту задачу.

Типы учреждений	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Всего
Стройуч.	0,7	1,5	3,4	5,2	6,0	16,8
ЦИТ	12,2	15,0	19,0	22,5	26,0	94,7
Учреждения дополн. образов. рабоч.	27,6	25,0	17,8	20,8	20,0	112,2
Потребность в квалифицированных рабочих	40,5	41,5	40,2	48,5	52,0	233,7
Общее покрытие	40,5	41,5	48,2	48,5	52,0	233,7

Общая стоимость за пятилетие этого дела измеряется, примерно, в 55 млн. руб.

3. Квалифицированные кадры на транспорте

Вопрос о квалифицированных кадрах на транспорте должен быть обсужден в связи с тем обстоятельством, которое отличает программу реконструкции транспорта от прочих отраслей народного хозяйства. Как известно, намечаемый по отправному варианту 60-процентный рост работы транспорт, опираясь на запроектированную реконструкцию, предполагает осуществить почти с стабильным общим кадром рабочих и служащих. В связи с этим, а также в связи с относительной простотой самой структуры квалификации на транспорте, его потребности в квалифицированной рабочей силе могут быть определены с достаточной точностью.

По расчетам 1928 г. при общем числе должностей, которые должны быть заняты инженерами, в 9,6 тыс. фактически на них находилось лишь 3,3 тыс. инженеров, а остальные должности были

заняты техниками и практиками (без дипломов). Транспортники исходят из необходимости в течение пятилетия довести общий состав инженеров до 6,4 тыс. человек. Для водного транспорта потребность в инженерах исчисляется на конец пятилетия, примерно, в 1 тыс. человек и столько же или несколько больше для местного транспорта. За вычетом того, что могут дать Московский и Ленинградский институты путей сообщения, транспорт пред'явит к общей системе втузов претензию, примерно, на 3 тыс. человек.

Общее число техников на транспорте сейчас достигает 10 тыс. человек, из которых около 40% падает на техников первого разряда. В связи с намеченной реконструкцией транспорта общее число техников должно быть доведено, примерно, до 22 тыс. человек с тем же соотношением между разрядами. Существующей системой учебных заведений эта потребность не может быть покрыта, и здесь предстоит организация добавочной сети рабочих факультетов, специальных курсов по подготовке или аналогичных организаций.

Что касается вопроса о подготовке квалифицированных рабочих на транспорте, то общая потребность в них определяется, примерно, в 447 тыс. человек, в том числе по службе тяги 290 тыс., по службе пути 153 тыс. и по службе связи 54 тыс. человек. Сколько-нибудь заметного сдвига в соотношении между квалифицированными и неквалифицированными рабочими здесь не намечается и едва ли потребуются какие-либо существенные изменения в самих формах подготовки. Задача будет заключаться лишь в дальнейшей рационализации этого дела, в усилении контингентов по школам заводского ученичества и развитии курсовой системы для взрослых рабочих.

4. Квалифицированные кадры в сельском хозяйстве

С особой настойчивостью следует приковать внимание к вопросу о квалифицированных кадрах для сельского хозяйства. Пятилетний народнохозяйственный план выступает с программой громадного под'ема всего сельского хозяйства и развертывания его звена — обобществленного сектора, опирающегося на машинную технику в весьма крупных масштабах. Пятилетний народнохозяйственный план исходит из перспективы небывалого до сих пор под'ема крестьянских масс и выхода их на широкий путь сельскохозяйственного прогресса. Это обязывает отчетливо поставить вопрос о тех квалифицированных организаторских кадрах, которые в техническом отношении будут возглавлять это движение.

В 1927/28 г. в стране существовало около 5 тыс. агропунктов, на которых работало около 9,5 тыс. агрономов разных квалификаций. К концу пятилетия необходимо довести число агрономов, примерно, до 23 тыс., т.-е. несколько больше, чем удвоить их число. Это потребует большого напряжения от существующих высших агрономических учебных заведений, но эта задача может быть только увеличена, но ни в коем случае не уменьшена. Нужно, далее, помнить, что переход на широкое применение машинной техники, переход к крупным формам хозяйства на ряду с агрономами требует большого количества квалифицированных кадров индустриальной складки и даже инженерного типа (инженеры-механизаторы). Эта же широкая машинизация пред'являет и более высокие требования к самому агроному. Поэтому перед высшей сельскохозяйственной школой стоит задача, требующая приспособления квалификации к бурно-меняющимся формам земледелия.

Кроме значительных кадров инженеров-механизаторов, для сельского хозяйства необходимо будет укомплектовоть армию квалифицированных рабочих, примерно, в 250 тыс. человек, из коих 200 тыс. приходится на трактористов и около 50 тыс. на механиков. Высокие задачи, которые ставятся в области использования машин, повышения коэфициента их полезного действия, также потребуют значительного внимания к подготовке этих кадров.

Наконец, самостоятельной проблемой встает вопрос о массовом агрикультурном воспитании крестьянства. Не может быть речи о решении задач, поставленных перед сельским хозяйством и не может быть речи о плодотворной работе агрономического персонала, если из глубины бедняцко-середняцких масс крестьянства не будет поднят большой актив передовиков, который станет носителем наших рационализаторских идей в сельскохозяйственном производстве и проводником агрикультурных знаний в самую гущу крестьянства. В коллективное хозяйство будет вовлечено около 17 млн. крестьянского населения, в числе которых свыше 5 млн. составят взрослые кадры. По крайней мере эти 5 млн. крестьян должны быть втянуты в работу над повышением своей квалификации, должны получить хотя бы элементарное агрикультурное воспитание. Эта тема должна быть тщательно продумана, для решения этой задачи должны быть найдены соответствующие организационные формы и организующие кадры.

Таковы наиболее важные ударные моменты в сложной сумме вопросов, связанных с проблемой квалифицированных кадров. Само собой разумеется, эти вопросы не могут быть разрешены без общего культурного под'ема страны, без решения задач по всеобщему обучению, по ликвидации неграмотности, без создания в стране настоящего общественного движения, направленного на форсированное культурное и техническое вооружение широчайших народных масс. Разветвленная система организаций заочного обучения, развернутая работа обществ типа „Техмасса", материально-техническое обеспечение этого дела,— все это совершенно необходимые предпосылки для успешного разрешения вопроса о кадрах, а следовательно,

и для успешного осуществления всей строительной программы пятилетия.

Это, само собой разумеется, ни в коей мере не снимает вопроса о расширении наших связей с лучшими представителями науки и техники передовых капиталистических стран. Все большее вовлечение этих заграничных сил для целей консультации, экспертизы, эпизодических курсов и, наконец, постоянной работы в нашей стране полностью учитывается в намеченной настоящим народнохозяйственным планом строительной программе. На ряду с этим, организованная, систематическая посылка наших инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих, а в дальнейшем и передовиков-крестьян для обучения на опыте и на лучших образцах хозяйства передовых капиталистических стран должна получить в ближайшие же годы возможно более широкий размах. В связи с этим стоит и вопрос о необходимости в наших экспортно-импортных и валютных планах с каждым новым годом повышать статью расходов на эти цели, как это и сделано в настоящем перспективном плане.

Однако, анализ вопроса о кадрах подводит нас и к другим, более глубоким проблемам. Условия и обстановка великого исторического соревнования, рождающейся в невероятных трудностях социалистической системы хозяйства с хозяйственной системой капитализма требуют от нас в возможно короткий срок выдвижения из среды рабочих и крестьян наиболее сильных и одаренных людей на командные позиции в народнохозяйственном строительстве. Современная наука в Западной Европе и в особенности в Америке накопила уже достаточный опыт в деле изучения профессиональной одаренности и в деле так называемого учебного выдвижения. Эти молодые ростки новой науки должны быть восприняты в нашей стране и должны найти здесь свои опорные пункты для решения крупнейших задач нашего строительства.

III. Рост материального производства и производительности народного труда

Опираясь на изложенную выше строительную программу и на связанное с ней усиление мощности производственного аппарата страны, намечен рост материального производства и производительности народного труда. Важнейшие элементы этого отчасти уже были освещены.

Здесь, прежде всего, встает вопрос о темпе роста промышленной продукции. Оба варианта пятилетки намечают на все пятилетие в общем равный рост промышленной продукции в темпах весьма высоких. Отправной вариант исходит из ежегодного прироста промышленной продукции (планируемой) примерно от 17,5% до 21,5%, оптимальный—от 21,5% до 25,2%. Нечего подчеркивать, какое гигантское значение имеет ежегодный прирост промышленной продукции в пределе 20—22% и о каком движении производительных сил и благосостояния народных масс он свидетельствует. Обеспечение этого роста промышленной продукции на первом труднейшем этапе реконструктивного периода, когда многие фундаментальные строительства будут лишь начаты и не смогут еще вступить в эксплоатацию, блестяще свидетельствовало бы о громадных потенциальных возможностях нашего организованного планового хозяйства.

Валовая продукция всей цензовой промышленности вырастает по расчетам отправного варианта на 124%, т.-е. в 2¼ раза, и по расчетам оптимального варианта на 160%; продукция же планируемой промышленности вырастает соответственно по вариантам на 135% и на 181%. В общем составе валовой продукции планируемой промышленности группа „А“ (производство средств производства) растет по отправному варианту, примерно, на 175% и по оптимальному на 235%, группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) соответственно на 109% и 144%. Таким образом, в структуре валовой продукции промышленности дан значительно обгоняющий темп роста по производству средств производства по сравнению со средней и, разумеется, по сравнению с производством предметов широкого потребления. Это целиком обусловлено форсированным темпом индустриализации страны и определяется в основном ростом таких отраслей, как металл (на 151%), топливо (на 91%), основная химия (на 348%), строительные материалы (на 202%). Однако, и группа „Б“ (производство предметов широкого потребления) дает за пятилетие по отправному варианту удвоение, а по оптимальному рост почти в 2,5 раза своей валовой продукции, отвечая этим той задаче сперва смягчения, а затем и полной ликвидации товарного голода, которая является одной из весьма важных установок плана.

Мелкая промышленность во всех ее группах запроектирована в отправном варианте плана с ростом продукции, примерно, на 50%, считая в том числе рост кооперативной промышленности на 212%, что отражает собой не только общий под'ем мелкой прмышленности, но и решение больших задач по кооперированию мелкого производства.

Однако, более тщательное исследование этого крайне мало освещенного вопроса позволяет рассчитывать и по отправному варианту на более высокий рост производства в мелкой промышленности. Следует подчеркнуть, что намеченный рост производства в мелкой промышленности идет не только за счет большего вовлечения в это дело трудовых кадров, но и за счет некоторого повышения производительности труда. Пятилетний план предполагает на основе кооперирования мелкого производства снабжение его значительным количеством моторов, станков и оборудования вообще, выходящего из строя в связи с большой реконструкцией нашей круп-

ной промышленности. Развитие электрификации открывает также и перед мелкой промышленностью возможности включения ее (хотя бы частично) в состав потребителей электрической энергии. Все это, вместе взятое, нисколько не задерживая победоносного движения вперед крупной индустрии в общем промышленном производстве страны, свидетельствует, однако, о таком сочетании между крупной и мелкой индустрией, которое открывает на ближайший период значительные перспективы перед многочисленными кадрами представителей ремесленного и кустарного труда в нашей стране. Достаточно отметить, что по расчетам отправного варианта намечается рост занятой рабочей силы в мелкой промышленности на 800—900 тыс. человек. Нет нужды подчеркивать, какое это имеет значение для смягчения безработицы, которая будет еще одним из отрицательных явлений нашей хозяйственной жизни в ближайшем пятилетии.

В предшествующем изложении, в связи со строительной программой, было уже указано, какие производственные задачи ставят оба варианта плана по решающим отраслям промышленности. 17 и 22 мрд. квтч. электрической энергии, 68 и 75 млн. тонн угля, 19 и 22 млн. тонн нефти, 8 и 10 млн. тонн чугуна, 5 и 7 млн. тонн химических удобрений в последний год пятилетия,— таковы важнейшие задачи в области промышленного производства, которые задают тон всему плану и осуществлению которых в значительной мере подчинены прочие элементы этого плана. Нельзя закрывать глаза на те величайшие трудности, которые стоят на пути к осуществлению этих производственных задач. Их в буквальном смысле слова нужно взять с боя. Само собой понятно, что обоснованность и реальность этой программы в первую очередь определяется ходом осуществления стоящего за каждой из этих цифр строительного плана.

Удвоение производства по отправному варианту и рост его в 2,5 раза по оптимальному в легкой промышленности, как уже указано, подчинено задачам сначала смягчения, а затем и преодоления товарного голода на протяжении пятилетия. В связи с этим в легкую промышленность вкладывается за пятилетие от 2,5 до 3 мрд. руб. на капитальное строительство. Однако, здесь на протяжении всего пятилетия (в известной мере так же, как и в настоящее время) решающим моментом в области развития производства предметов широкого потребления явится состояние сырьевых ресурсов страны и возможностей импорта сырья. Намечаемый рост легкой индустрии опирается на доведение внутреннего производства хлопка до 16,8 млн. центн. по отправному и 19,1 млн. центн. по оптимальному варианту, производство шерсти — до 2,1 млн. по отправному и 2,2 млн. тонн по оптимальному варианту, соответственно производство сахарной свеклы до 168 и 195 млн. центн. и т. п. Вот почему в борьбе за осуществление программы легкой промышленности внимание направляется в расчетах плана

прежде всего, на обеспечение сырьевой базы в том масштабе, как она запроектирована. Решение этой задачи значительно смягчит к концу пятилетия зависимость легкой индустрии от импортного сырья, а следовательно, и зависимость нашего внутреннего производства предметов широкого потребления от колебания мировых цен на сырье. Вместе с тем, это высвободит большие валютные ресурсы для решения прямых задач по индустриализации страны.

Таковы количественные задачи в области промышленного производства. Они, разумеется, должны быть разрешаемы при неуклонном повышении качества промышленной продукции. Но этого мало. Намеченное расширение производства государственная промышленность должна осуществить при росте занятой рабочей силы на 25% за пятилетие по отправному варианту и на 33% по оптимальному при росте производительности труда на 85% по отправному и на 110% по оптимальному варианту и при росте заработной платы в ее реальном выражении на 56% по отправному и на 69% по оптимальному варианту. На ряду с этим, промышленность должна, опираясь на осуществляемую реконструкцию, добиться снижения удельных расходов топлива на 25% по отправному и на 30% по оптимальному варианту, расходов сел.-хоз. сырья соответственно на 15% и 18% и промышленного сырья на 25% и 28%. В своей общей совокупности эти факторы (вместе со всем комплексом технических улучшений) должны обеспечить снижение себестоимости промышленной продукции на 30% по отправному и на 35% по оптимальному варианту.

Здесь заложен один из основных решающих моментов не только промышленного, но и всего народнохозяйственного плана на ближайшее пятилетие. Уже в первом году проектируемой пятилетки снижение себестоимости промышленной продукции стало центральной проблемой хозяйственных планов и хозяйственной деятельности. Борьба за снижение себестоимости промышленной продукции стала в центре внимания не только производственных кадров промышленности, но и в центре внимания всей общественной жизни страны. С тем большим основанием и в полном соответствии с директивой XV с'езда, который назвал снижение себестоимости центральной задачей промышленности, разрешению которой должны быть подчинены все прочие задачи, перспективный народнохозяйственный план выдвигает проблему по снижению себестоимости во главу угла работ по реконструкции и рационализации промышленности. В отдельных отраслях промышленности и на отдельных этапах необходимость форсированно решать количественные задачи производства может встать в частичное противоречие с задачами по снижению себестоимости. Но генеральная линия реконструкции промышленности должна органически сочетать большой количественный рост производства с максимальным удешевлением продук-

ции. Без этого немыслимо успешное соревнование на почве хозяйственного строительства с передовыми капиталистическими странами. Без этого немыслимо обеспечить намеченный в плане темп капитальных вложений. Без этого промышленность не осуществит своей исторической роли ведущего начала в области коренного переустройства сельского хозяйства.

Таким образом, в промышленном секторе народного хозяйства СССР народнохозяйственный план на ближайшее пятилетие намечает не только громадные строительные задачи, о которых речь шла выше, но и громадные эксплоатационные задачи. Нам не дано историей возможности свертывать производство, закрывать предприятия на время их реконструкции. Специфической особенностью нашего плана и, вместе с тем, его величайшей трудностью является необходимость осуществлять большие реконструктивные задачи и большое новое строительство в промышленности, поддерживая на крайне высоком напряженном уровне эксплоатационный ход производства. Только при этих условиях промышленность сможет обеспечить со своей стороны предпосылки для устойчивого бескризисного развития народного хозяйства.

Не меньшие по своему размаху и еще более трудные по условиям осуществления задачи поставлены пятилетним планом в области сел.-хоз. производства. Мелкий тип хозяйства, зависимость от стихии, ряд отрицательных моментов, обнаружившихся в начале пятилетия,— все это, вместе взятое, придает достаточно условный характер расчетам в области сел.-хоз. производства на пятилетие вперед. Вот почему в этом отношении особенно необходим вариантный метод планирования, параллельный учет и более благоприятных и менее благоприятных условий развития. Вот почему в этом направлении в особенности должны быть сконцентрированы все доступные нам методы и ресурсы стимулирования.

Производственная программа в сельском хозяйстве исходит из роста посевных площадей под всеми культурами, примерно, на 21% к концу пятилетия по отправному варианту и на 22% по оптимальному, в том тисле по зерновым на 15% и по техническим, примерно, на 51% по отправному и 61% по оптимальному варианту плана. Это расширение посевных площадей как в связи с их недовосстановленностью (под зерновыми культурами), так и в связи с высоким темпом роста населения страны и бурным ходом ее индустриализации, должно считаться минимальным заданием, подлежащим выполнению во что бы то ни стало. Продовольственные затруднения, которые испытывает страна в начале проектируемого пятилетия, делают излишней дополнительную аргументацию в пользу энергичного расширения посевных площадей. Как уже указано выше, вовлечение новых площадей должно составить около 12—15 млн. га и в основной своей части падает на Волжские и Восточные районы страны, т.-е. районы экстенсивного земледелия по преимуществу. Крупнейшим фактором в этом деле явится машинизация и, в первую очередь, тракторизация сельскохозяйственного производства.

Вторым рычагом по счету, но решающим по своему значению в под'еме сел.-хоз. продукции должна явиться та борьба за повышение урожайности, о которой говорит декрет ЦИКа СССР. Пятилетний народнохозяйственный план в балансе своих ресурсов учитывает за остающиеся 4 года пятилетия рост урожайности по отправному варианту на 17% и по оптимальному варианту, примерно, на 25%. Таким образом, расчет оптимального варианта полностью включает в себя 30—35-процентное повышение урожайности за пятилетие, прокламированное декретом ЦИКа. Осторожность в учете этого фактора в балансе материальных ресурсов пятилетнего плана является решающей предпосылкой надежности плана в целом.

По совокупности обоих этих факторов (роста посевных площадей и повышения урожайности), которые оба должны быть с максимальной силой использованы в проектируемом пятилетии, намечается и рост продукции сельского хозяйства. Основные моменты этого роста таковы (в млн руб., в неизменных ценах):

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г.		1932/33 г. в %% к 1927/28 г.	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Продукция земледелия	13.980	19.755	21.629	141,3	154,7
В том числе:					
а) Растениеводство	9.216	13.232	14.469	143,6	157,0
Из них:					
Зерновых	3.731	5.232	5.618	140,2	150,6
Технических	911	1.619	1.854	177,7	203,5
б) Животноводство	4.764	6.523	7.160	136,9	150,3
Из них:					
Сырье	645	789	803	122,2	124,5
Продовольствие	4.119	5.734	6.357	139,3	154,3

Такое движение сельскохозяйственного производства и, в частности, зернового производства за пятилетие должно к концу его не только разрешить проблему продовольственного снабжения страны и накопления хлебных резервов, но и обеспечить по отправному варианту с четвертого, а по оптимальному варианту с третьего года пятилетия восстановление

хлебного экспорта в довольно значительных размерах. При условии роста валового сбора хлебов с 740 млн. центн. в 1927/28 г. почти до 1 мрд. центн. по отправному и несколько выше по оптимальному варианту, расчеты ориентировочного хлебофуражного баланса предвидят накопление видимых запасов (по отправному варианту) за 5 лет около 58 млн. центн., при чем это накопление уже в 1930/31 г. должно составить около 13 млн. центн. При таком образовании запасов и при повышении норм продовольствия, обсеменения и прокорма скота экспорт зерна должен дать в последний год пятилетия по отправному варианту около 50 млн. центнеров и по оптимальному около 80 млн. центнеров.

Рост технических культур запроектирован опираясь на стопроцентное покрытие их площадей химическими удобрениями и на повышение урожайности по хлопку на 35%, по льну — на 57%, по сахарной свекле — на 32%. Основные натуральные показатели роста этой группы сельскохозяйственного производства таковы (в млн. центн.):

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г. Абсол.		В %% к 1927/28 г.	
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
Масличные	21,8	36,7	40,5	168,4	185,9
Хлопок	7,2	16,8	19,1	233,5	265,5
Лен—волокно	2,5	4,8	6,2	193,7	250,4
Сахарная свекла	101,0	168,0	195,5	166,4	193,6

Осуществление этой программы даст полное обеспечение запроектированного роста производства в легкой индустрии и, как уже указано, значительно смягчит ее зависимость от импортного сырья.

Рост продукции животноводства на 37% по отправному и больше чем на 50% по оптимальному варианту при условии значительного под'ема стада и улучшения его качества во всех районах продуктивного животноводства является одним из крупнейших показателей осуществляемой в нашем сельском хозяйстве реконструкции. Взятая в своем дальнейшем продолжении эта линия развития животноводства должна будет в корне сломать (разумеется, на ряду с ходом индустриализации страны) то строение сельского хозяйства, которое являлось типичным для условий дореволюционного прошлого.

Как уже неоднократно было подчеркнуто в предшествующем изложении, крупнейшей особенностью сельскохозяйственной программы ближайшего пятилетия является громадный рост в нем обобществленного сектора. Следующие данные красноречиво говорят о соотношении основных показателей сельскохозяйственного производства по обобществленному и индивидуальному секторам.

Показатели	Годы	Всего	В том числе: Индивид. сектор	Обобщ. сектор: Всего	В том числе: Совхозы	Колхозы
Посевные площади	1927/28	100,0	98,0	2,0	1,0	1,0
	1932/33	100,0	86,4	13,6	3,2	10,6
В том числе зерновые	1927/28	100,0	98 3	1,7	0,8	0,9
	1932/33	100,0	87,5	12,5	3,0	9,5
Валовые сборы	1927/28	100,0	97,7	2,3	1,2	1,1
	1932/33	100,0	85,4	14,6	3,8	10,8
Товарная часть зерновых	1927/28	100,0	92,8	7,2	3,6	3,6
	1932/33	100,0	61,8	38,2	10,4	27,8
Валовая продукция	1927/28	100,0	98,3	1,7	1,1	0,6
	1932/33	100,0	89,2	12,8	2,9	9,9
Товарная часть	1927/28	100,0	95,5	4,5	3,6	0,9
	1932/33	100,0	79,9	20,1	7,0	13,1

Эта таблица не нуждается в комментариях. Громадные количественные и качественные задачи, поставленные перед обобществленным сектором, исходят из того крутого поворота всего сельского хозяйства на путь обобществления, начальной стадией которого является проектируемое пятилетие. Успешное решение не только количественных, но и в особенности качественных задач в обобществленном секторе сельского хозяйства в этом пятилетии решит судьбу всего этого, имеющего гигантское историческое значение поворота.

Но основным производителем сельскохозяйственной продукции (не менее 73% товарной ее части) в конце пятилетия при самом успешном ходе намеченного обобществления явится индивидуальный сектор сельского хозяйства. Вопросы продовольственного снабжения страны, экспорта, создания сырьевой базы промышленности в основном будут решаться производственными усилиями бедняцко-середняцкого массива индивидуальных крестьян.

Вот почему пятилетний народнохозяйственный план со всем вниманием должен отнестись к вопросу о стимулировании этих хозяйств, о под'еме их производственных усилий. Вся конструкция обоих вариантов народнохозяйственного плана направлена также и к решению этой задачи.

В этой связи следует, прежде всего, отметить политику сел.-хоз. цен. Отправной вариант намечает по всему сельскому хозяйству снижение цен всего на 3% к урозню 1928/29 г.

(т.-е. несколько повышенного года) и рост на 2,4% к уровню 1927/28 г. По зерновым культурам намечено снижение на 3% к уровню 1928/29 г. и рост на 13% к уровню 1927/28 г. По всей группе сел.-хоз. сырья намечено снижение цен на 5% по отношению к уровню 1928/29 г. Такова линия сельскохозяйственных цен в отправном варианте плана. Весьма возможно, что успешный ход сельскохозяйственного производства даже и в масштабах отправного варианта даст возможность в конце пятилетия несколько более снизить общий уровень сельскохозяйственных цен, в особенности если будут целиком осуществлены и даже несколько превзойдены задания по снижению промышленных цен, которое намечено в пределах 15% по предметам широкого потребления. Однако, было бы неосторожным в балансовые расчеты отправного варианта включать иную политику сел.-хоз. цен, нежели та, которая указана выше. Напротив, по расчетам оптимального варианта с его более высокими темпами роста сел.-хоз. продукции и большими задачами по снижению промышленных цен (минус 24% по всей промышленности и минус 19% по предметам широкого потребления) движение сельскохозяйственных цен намечено со значительно большим наклоном к низу. Общий уровень сельскохозяйственных цен в этом случае должен снизиться на 10,3% к уровню 1928/29 г. и на 5,4% к уровню 1927/28 г., в том числе зерновые цены на 10% и сырьевые цены на 11% к уровню 1928/29 г.

Вторым моментом, который взят с полным учетом стимулирования индивидуальных крестьянских хозяйств к расширенному производству, является сельскохозяйственный налог. Оба варианта намечают его линию в связи с состоявшимся уже решением правительства по отношению к 1929/30 г., которое определяет в основном и дальнейшее движение налога. По годам это движение намечается в следующем виде:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого
Сельхозналог (млн. руб.)	337	400	375	405	435	515[1] 600[2]	2.130[1] 2.280[2]

Такое строение сельскохозяйственного налога в особенности для начальных лет пятилетки должно облегчить раскачку всей массы середняцких хозяйств на расширение посевов, на улучшенную обработку земли, на большее напряжение своих усилий к расширенному производству сельскохозяйственных продуктов. А это есть одно из важнейших звеньев хозяйственного плана в целом.

В этом же направлении должны действовать и такие рычаги, как усиленный процесс кооперирования крестьянства, который должен дать к концу пятилетия до 85% охвата

[1] Отправной вариант.
[2] Оптимальный вариант.

сельскохозяйственной кооперацией всех крестьянских хозяйств. Сельскохозяйственная кооперация в пятилетнем плане должна выступить, как мощный организатор и двигатель сельскохозяйственного производства, как крупный фактор по подтягиванию сельского хозяйства до уровня, соответствующего большим задачам индустриализации страны. Само собой разумеется, что контрактация зерновых посевов, развертывание которой падает как-раз на проектируемое пятилетие и которая также должна будет с каждым новым годом приобретать все более производственный характер, сыграет свою крупную роль в качестве стимула к расширению сельскохозяйственного производства у индивидуальных крестьян.

Наконец, в числе экономических рычагов следует подчеркнуть и ту политику распределения национального дохода и движения благосостояния земледельческого и неземледельческого населения, которая запроектирована в пятилетнем плане. По расчетам отправного варианта темпы роста уровней благосостояния земледельческого и неземледельческого населения взяты примерно одинаковые. Это значит, что будет приостановлено нарастание того разрыва между уровнем благосостояния города и деревни, полное преодоление которого является одной из величайших задач социализма и сможет быть осуществлено в гораздо более длительные сроки нашего развития. Но и та тенденция, которая учтена в пятилетнем народнохозяйственном плане и которая определяется политикой цен, движением сельскохозяйственного налога и т. п., должна будет действовать, как фактор, повышающий стимулы крестьянского населения (в том числе и индивидуального) к расширению сельскохозяйственного производства.

Но на ряду с этой системой рычагов пятилетний народнохозяйственный план включает и такие факторы, как форсированная машинизация, химизация и индустриализация сельскохозяйственного производства в самом широком смысле этих понятий. Масштабы мероприятий этого порядка подробно обрисованы выше при изложении строительной программы в области сельского хозяйства. В этом же направлении должна действовать и вся система агрикультурного просвещения, некоторое представление о масштабе которой дано в разделе о квалифицированных кадрах.

Производственная обстановка в области сельского хозяйства в начальном году пятилетия внушает наибольшую тревогу за судьбу всего пятилетнего плана. Однако, тот крупнейший поворот государственной индустрии лицом к сельскому хозяйству (программа сельскохозяйственного машиностроения, тракторонаснабжения, производства химических удобрений и т. п.), который запроектирован в пятилетнем плане, строительство обобществленного сектора, вся совокупность экономических стимулов для индивидуальных крестьянских

хозяйств и программа подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства,— все это, вместе взятое, дает возможность рассчитывать на сокрушительный удар по кулацкой верхушке деревни и на увеличение по пути сельскохозяйственного прогресса всего основного массива бедняцко-середняцких хозяйств страны.

Производственные задачи на транспорте исходят из роста грузооборота на 67,2% по отправному и 84,7% по оптимальному варианту. Выше был уже подробно очерчен тот план реконструкции строительства, опираясь на который транспорт сможет справиться с этой производственной задачей. Характерной особенностью работы транспорта в предстоящем пятилетии является то, что он должен выполнить возрастающую работу по отправному на 60,2% и оптимальному на 77%, при почти стабильности своих штатных контингентов. В этом и сказывается, прежде всего, результат той большой и глубокой реконструкции железнодорожного транспорта, которая запроектирована в плане. Снижение коэфициента эксплоатации намечено с 76% до 63% по расчетам отправного варианта. Низкий уровень коэфициента эксплоатации мог бы являться отрицательным показателем, если бы он не сопровождался большими капитальными вложениями в транспорт и настоящей реконструкцией его технических устройств. Снижение себестоимости транспортных услуг намечено на 25%.

Таковы важнейшие показатели роста материального производства и производительности народного труда в пятилетнем плане. Эти производственные задачи не менее трудны и ответственны, чем строительная программа плана, с которой они теснейшим образом связаны. Эксплоатационный ход производства должен быть поддержан на высоком и все повышающемся уровне. И если строительная программа пятилетия является большим испытанием для технических и организаторских кадров страны, то программа в области материального производства и производительности народного труда является громадным испытанием для всего ее трудового коллектива.

IV. Проблема труда в пятилетнем плане

Одним из актуальнейших вопросов пятилетнего плана является вопрос о трудовых ресурсах страны и перспективах их использования. Ни одна капиталистическая страна не знает таких темпов естественного роста населения, как СССР. Естественный рост населения во Франции составляет 1,3 на 1.000, в Германии — 7,9, Англии — 6,4, в Италии — 10,3, а в СССР — 23,0 на 1.000. Одновременно с этим, в связи с политикой индустриализации страны, идет бурный рост городов, также опережающий заграничные темпы и темпы довоенной России. Достаточно указать, что Германия, Англия и Соед. Штаты за период с 1900 по 1905 гг. ни разу не давали

погодного темпа роста городов выше 3,3%, которого достигают лишь Соед. Штаты в период 1900 — 1910 гг., в то время как СССР в 1926 г. дал 5,5%, а в 1927 г. 5,0% прироста городского населения.

Несомненно, такой бурный рост городского населения связан с тем обстоятельством, что в противоположность капиталистической рационализации промышленного производства, которая ведет не только к относительному, но и абсолютному сокращению рабочей силы, реконструкция народного хозяйства СССР сопровождается дальнейшим ростом рабочих за счет расширения об'ема производства и сокращения продолжительности рабочего дня. Этот громадной важности фактор отчетливо выявляется в перспективе проектируемого пятилетия, когда несмотря на большие задачи по рационализации производства рост рабочей силы неуклонно продолжается, хотя и значительно замедленным по сравнению с предшествующим периодом темпом. На ряду с этим, на бурный рост городского населения оказывает свое влияние и наличие унаследованной от дореволюционного прошлого аграрной перенаселенности в стране. Вся система экономической политики советской власти (развитие сельского хозяйства, коллективизация, рост благосостояния беднейшего крестьянства и т. п.) ведет к постепенному изживанию аграрного перенаселения. Однако, в ближайшем пятилетии с этим явлением придется считаться, как с неоспоримым фактом, который должен быть учтен перспективным планом. Общее количество населения, выталкиваемого деревней в город, на протяжении ближайшего пятилетия измеряется, примерно, в 2,5 миллионов человек. Перед советским хозяйством стоит задача вовлечения этих кадров в сферу общественно-полезного труда.

В работе над пятилетним планом сделана попытка построить ориентировочный баланс труда на начало и конец пятилетия по обоим вариантам плана. Как ни условны эти расчеты сами по себе, они все же дают возможность судить о движении неиспользованного остатка рабочей силы и, следовательно, отвечать на вопрос о том, в какой мере вся система запроектированных мероприятий по под'ему производительных сил страны решает вопрос о смягчении безработицы. По расчетам отправного варианта неиспользованный остаток по балансу или число безработных дает снижающуюся кривую, уменьшая абсолютную численность безработных с 1,1 млн. человек в 1927/28 г. до 800 тыс. в 1932/33 г. Расчеты оптимального варианта сводят этот неиспользованный остаток, примерно, до 400 тыс. человек, т.-е. почти до той нормы, которая является технически неизбежной и необходимой в народнохозяйственном обороте (пребывание в состоянии безработицы, в связи с оборотом рабочей силы и т. п.). Есть основания думать, что даже и по расчетам отправного варианта неиспользованный остаток рабочей силы может быть ниже тех 800 тыс., о которых сказано выше.

Оба варианта плана предполагают к концу пятилетия в общем удовлетворительное положение с кадрами подростков в городах и молодежью в возрасте от 18 до 24 лет. Число подростков в городах к концу пятилетия по расчетам баланса труда составит (по отправному варианту) 1,3 млн. человек, из которых около 900 тыс. будут обучаться и около 400 тыс. должны находиться в производстве (в настоящее время работающих подростков свыше 500 тыс.). Из общего числа молодежи в возрасте от 18 до 24 лет в 4,6 млн. чел. к концу пятилетия — около 400 тыс. будут в обучении и остальные в производстве.

Само собою разумеется, что эти намечающиеся благоприятные тенденции в движении безработицы ни в коем случае не могут вести к сужению размера помощи безработным и сокращению направляемых на это дело ресурсов. Напротив, оба варианта плана исходят из растущих ассигнований на это дело.

1. Численность пролетариата

Общая численность лиц наемного труда в пределах предстоящего пятилетия запроектирована в следующих размерах:

Годы	Всего лиц наемного труда	В том числе без сел. и лесн. хозяйства	В % % к пред. году	
			Всего	В том числе без сел. и лесн. хозяйства
1922/23	6.803	5.469	—	—
1923/24	7.557	5.979	111,1	109,3
1924/25	8.543	8.722	113,0	112,4
1925/26	10.233	8.188	119,8	121,8
1926/27	11.007	8.884	107,6	108,5
1927/28	11.350	9.226	103,1	103,8
1928/29	11.852	9.622	104,4	104,3
1929/30	12.686	10.223	106,2	106,2
1930/31	13.303	10.794	105,7	105,6
1931/32	13.967	11.318	105,0	104,9
1932/33	14.372	11.768	104,3	104,0
Оптимальный вариант				
1932/33	15.219	12.352	—	—

К концу пятилетия численность пролетариата должна возрасти по отправному варианту на 28,4%, а по оптимальному — на 34,1%. Прирост городских кадров наемного труда составит несколько меньшую величину — 27% по отправному варианту и 33,9% по оптимальному.

По сравнению с предшествующим отчетным пятилетием, когда общая численность лиц наемного труда возростала в среднем за год на 11 — 13%, а в сумме за пятилетие на 70%, запроектированный рост пролетариата сравнительно невелик. Необходимо, однако, учесть при этом, что рост наемного труда в годы восстановительного процесса происходил в результате освоения существующего основного капитала при сравнительно незначительных по размеру капитальных вложениях, т.-е. на старой производственной базе, между тем, как все расширение в проектируемом пятилетии идет за счет новых вложений, более эффективных. На 1 млн. руб. прироста основного капитала приходилось новых рабочих:

Отрасли народного хозяйства	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Промышленность . . .	1.156	223	127	63	73	57	58	53
Транспорт и связь . .	965	222	— 4	—40	15	14	0	7
Торговля	804	483	—115	152	116	114	116	119
В среднем	1064	248	75	45	62	50	46	43

Приведенные цифры носят, понятно, условный характер, но достаточно демонстративно обнаруживают ту резкую грань в потребности рабочей силы на единицу основного капитала в годы восстановительного процесса и в проектируемое пятилетие. В промышленности в период восстановительного процесса в 1925/26 г., т.-е. в год почти исключительно об'емного расширения работы промышленности, 1 млн. руб. нового капитала требовал свыше 1.100 новых рабочих. Уже последующие годы дают резкое снижение этого показателя, а в пределах проектируемого пятилетия он будет колебаться около 60 чел. рабочих на 1 млн. руб. нового основного капитала. На транспорте происходит тот же процесс, еще более резко выраженный, так как уже первый год пятилетия дал возможность расширения основного капитала и об'ема работы произвести при одновременном сокращении персонала. Потребность в новой рабочей силе на транспорте в дальнейшие годы вызывается, главным образом, появлением новых жел.-дор. линий. В торговле потребность рабочей силы на единицу нового капитала относительно выше, чем в других отраслях труда, так как роль живого труда в этой отрасли народного хозяйства значительно выше, чем в промышленности и транспорте, но все же и здесь потребность в рабочей силе значительно снижается по сравнению с предшествующим периодом.

Погодные изменения численности рабочей силы показывают некоторое относительное увеличение темпа в 1929/30 г. по сравнению с первым годом пятилетки и плавное замедление темпа прироста в последующие годы. В среднем за год прирост рабочей силы в пятилетие составляет около 5%. Значимость такого прироста более рельефно выступит при сравнении с довоенным размерами прироста рабочей силы и с ростом населения. Рост численности пролетариата только в начальный период русского капитализма превышал запроектированные нами темпы. В годы под'ема перед войной, не говоря уже о кризисных периодах, численность пролетариата увеличивалась не более 3 — 4% в год.

По отношению ко всему населению 11,4 млн. пролетариата в 1927/28 г. составляли 7,5%. Этот показатель к концу пятилетия подымается до 8,7%, т.-е. за пять лет произойдет увеличение удельного веса пролетариата на 15,5%. Таким образом, вся конструкция плана обеспечивает на фоне технических и организационных улучшений не только значительный абсолютный, но и относительный рост занятой рабочей силы. При значительно более высоком уровне сельского хозяйства, по сравнению с довоенным, это большее — абсолютно и относительно — вовлечение рабочей силы в производство должно, как указано выше, значительно смягчить безработицу и уменьшить ее размер.

Нечего подчеркивать, какое громадное общее значение имеет это намечаемое по обоим вариантам плана значительное усиление удельного веса пролетариата в общей сумме населения СССР. Процесс социалистической индустриализации и рационализации народного хозяйства связан и не может быть не связан с усилением значения и роли пролетариата.

2. Производительность труда и заработная плата

Интенсивная реконструкция народного хозяйства, запроектированная на ближайшее пятилетие, состоит, прежде всего, в радикальном переустройстве энергетической базы и в повышении энерговооруженности живой рабочей силы. Как показано выше, на одного рабочего промышленности в 1927/28 г. приходилось 2.420 квтч. работы механических двигателей, а к 1932/33 г. эта цифра возрастает до 4.670, т.-е. более чем на 90%. В транспорте установленная мощность механических двигателей на одного рабочего возрастает за пятилетие на 46% (с 6,0 квт. до 8,8 квт.). В сельском хозяйстве работа живых и механических двигателей в расчете на одного работника возрастает с 308 квтч. до 360, или на 17%, при чем в совхозах предположен рост на 184% (с 475 квт. до 1.350), а в колхозах на 124% (с 175 до 390), в то время как в частном секторе лишь, примерно, на 13%.

Опираясь, прежде всего, на этот фактор, производительность труда растет в промышленности на 85% по расчетам отправного и

на 110% по расчетам оптимального варианта, в строительном деле соответственно на 50% и на 60% и на транспорте — на 60% и на 75%. Расчеты роста производительности труда в сельском хозяйстве на данной стадии работы не могли быть выполнены. Однако, это повышение энерговооруженности работника является лишь одним из факторов роста производительности труда. На ряду с ним, в перспективе проектируемого пятилетия сохраняет свое большое значение и другой фактор, т.-е. повышение интенсивности самого живого труда. Выразить количественно влияние каждого из этих факторов, разумеется, нет возможности. С учетом их обоих рост производительности труда по важнейшим отраслям промышленности представляется в следующем виде:

Отрасли	Прирост на 5 лет в %%		Отрасли	Прирост на 5 лет в %%	
	Отпр.	Оптим.		Отпр.	Оптим.
Группа А			Группа Б		
Топливн.	+ 73	100	Текстил.	+ 83	97
Горнодоб.	+ 75	100	Швейная	+ 106	170
Металлич.	+ 90	130	Кож.-обувн.	+ 81	96
Электротехнич. . . .	+ 110	136	Фарф.-фаянс.	+ 64	68
Стройматер.	+ 87	110	Химическ.	+ 114	120
Лесная и деревообр.	+ 78	103	Пищевкус.	+ 91	104
Химич.	+ 64	84	Соляная	+ 35	35
			Бумажн.	+ 109	128

Всего А + Б по отправному варианту 85%

„ оптимальному „ 110%

На ряду с расширением кадров промышленного пролетариата крупнейшим вопросом пятилетнего плана является обеспечение роста реальной заработной платы. Рост заработной платы должен быть связан с задачей повышения доли пролетариата в национальном доходе страны, с необходимостью всемерно стимулировать производительность труда, с возможностями материального покрытия заработной платы на рынке и с задачами по накоплению в обобществленном секторе. С точки зрения соотношений между движением заработной платы и производительностью труда для периода реконструкции (в особенности, в ее начальной стадии) необходимо добиться того, чтобы производительность труда по темпу своего роста шла впереди заработной платы, с тем, однако, чтобы разница между этими темпами была тем меньше,

чем больший удельный вес в интегральном повышении производительности труда имеет его интенсивность и, наоборот, разница должна быть тем больше, чем значительнее удельный вес технических улучшений. Само собою разумеется, что при этой общей установке остается характерная для советского хозяйства забота по подтягиванию заработной платы в наиболее отставших отраслях.

В целом по промышленности рост номинальной заработной платы намечен на 40% по отправному и 45% по оптимальному варианту. Повышение заработной платы здесь в некоторой степени связано также с увеличением удельного веса служащих, уровень оплаты которых значительно выше средней по промышленности. Условия развития промышленности в первые годы нэпа позволили значительно быстрее повышать заработную плату в отраслях легкой индустрии, как более связанных с широким рынком, а также благодаря тому, что удельный вес заработной платы в себестоимости продукции этих отраслей сравнительно невелик. В отраслях, производящих средства производства, в первую очередь, в угольной промышленности и металле, повышение заработной платы затруднялось необходимостью усиленно развивать эти отрасли промышленности, и высоким удельным весом заработной платы в тяжелой индустрии. Исправить эти соотношения и установить для отдельных отраслей промышленности уровни оплаты труда, соответствующие квалификации—такова задача, поставленная перспективным планом при проектировке заработной платы по отдельным отраслям промышленности. По ориентировочным расчетам отправного варианта соотношение зарплаты в отдельных отраслях таково:

Союзы	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.	Темп прироста зарплаты в %%
	В %% средней арифм.			
Металлисты	141,7	112,2	123,7	42
Горнорабоч.	133,6	65,8	98,0	50
Деревообд.	89,1	87,6	85,6	31
Писчебумажн.	72,9	86,1	85,6	33
Печатники	129,6	125,8	121,8	28
Текстильщики	66,8	77,7	76,1	33
Кожевники	101,2	120,5	114,2	26
Пищевики	81,0	110,4	104,7	27
Химики	81,0	93,8	90,4	29
Вся промышл.	100	100	100	40

Наиболее существенные сдвиги намечены в отношении металлистов и горнорабочих (главным образом, каменноугольной промышленности). Оптимальный вариант внесет здесь некоторые дополнительные изменения, в частности, подымет положение текстильщиков. Надо при этом иметь в виду, что такая проектировка заработной платы отнюдь не преследует задачи вернуться к довоенным соотношениям, которые ни в какой мере не могут быть для нас образцом.

По транспорту и связи намечен рост номинальной заработной платы, примерно, на 33,5% по отправному и на 39,3% по оптимальному варианту, при чем если учесть предполагаемое изменение удельного веса ряда профессий на транспорте, то этот рост будет почти тождественным с ростом заработной платы индустриальных рабочих, из какой установки и исходит перспективный план. По жел.-дор. транспорту намечается темп роста заработной платы, несколько обгоняющий среднюю транспортную. В строительном деле намечается рост заработной платы около 28% по отправному и 30% по оптимальному, исходя из необходимости некоторого сближения уровней оплаты труда промышленных и строительных рабочих.

Наиболее значительный по темпу рост заработной платы намечается у работников социально-культурной группы (около 70% у просвещенцев и около 47% по линии здравоохранения). Но даже и при этом росте задача сравнять эту группу работников с промышленными рабочими по абсолютному уровню заработной платы не будет окончательно разрешена в проектируемом пятилетии, так как в 1932/33 г. заработок работника этих категорий составит около 90% заработка промышленного рабочего против 75% в 1927/28 г. По административному аппарату (исходя, главным образом, из необходимости повысить материальный уровень низовых советских работников) намечен рост заработной платы по отправному варианту примерно на 25% и по оптимальному варианту на 35%.

Такое движение номинальной заработной платы и даст в среднем по всем отраслям труда около 38% роста, а с учетом социализированной части заработной платы около 42% по расчетам отправного варианта и 48% роста по расчетам оптимального варианта. В связи с намеченным снижением бюджетного индекса по отправному варианту на 10% и по оптимальному варианту на 14% реальная заработная плата (индивидуальная) вырастает в первом случае, примерно, на 53% и во втором случае на 66%.

Выше уже было упомянуто о социализированной части заработной платы. Оба варианта плана исходят из убеждения в необходимости при намечаемом росте реальной заработной платы

некоторую часть ее обобществить для решения задач, прежде всего, в области правильной постановки воспитания и образования детей рабочих и, следовательно, организованного повышения культурных статей в рабочем бюджете. При обобществлении лишь незначительной части намечаемого прироста заработной платы за остающиеся четыре года пятилетия по отправному варианту может быть образован фонд около 800 млн. руб. и по оптимальному варианту около 1.000 млн. руб., который сыграет громадную роль в правильном решении того вопроса, который глубоко занимает и волнует рабочие массы, т.-е. вопроса о воспитании пролетарских детей.

3. Продолжительность рабочего дня

Оба варианта перспективного плана, в соответствии с директивами исторического манифеста ЦИКа СССР, исходят из задачи полного осуществления семичасового рабочего дня в промышленных предприятиях страны. При этом условии средняя нормальная продолжительность рабочего дня сократится с 7,71 часа в 1927/28 г. до 6,86 в 1932/33 г., т.-е. на 11% за пятилетие. По сравнению с дореволюционным прошлым существующий в стране рабочий день индустриального пролетария короче на 2,18 часа, а в 1932/33 г. будет короче на 3,21 часа.

С учетом укороченных предпраздничных и субботних дней продолжительность рабочей недели сократится с 44,6 часа в 1927/28 г. до 41,2 часа к концу пятилетия. Такое движение продолжительности рабочего дня, на ряду с приведенными выше данными о движении пролетарских контингентов и о росте их заработной платы, является одной из крупнейших принципиальных позиций перспективного народнохозяйственного плана СССР. Весь послевоенный капиталистический мир в ходе своей рационализации осуществляет зверский нажим на пролетариат, сокращая его кадры, удлиняя рабочий день, снижая реальную заработную плату. Социалистическая рационализация промышленности СССР в своих самых начальных и, следовательно, самых трудных стадиях осуществляется при расширении пролетарских контингентов, при значительном росте реальной заработной платы, при значительном сокращении продолжительности рабочего дня. Стоит отметить, что при продолжительности рабочей недели в 40,2 час. к концу пятилетия в СССР, в С.-А.С.Ш. фабрично-заводская промышленность имеет недельных 49,6 час., в Англии—47,1 часа, в Германии—47—52 час. в различных отраслях. При условии осуществления намечаемого роста производительных сил страны, в особенности в стиле отправного варианта, откроется полная возможность к концу пятилетия поставить вопрос о дальнейшем шаге вперед в сокращении рабочего дня, т.-е. о начале перехода на шестичасовой рабочий день.

V. Проблемы рыночного равновесия и политика цен [1]

Пятилетний народнохозяйственный план во всей своей конструкции исходит из директивы партии добиться в ближайшие же годы смягчения, а затем и ликвидации товарного голода в стране. Решение этой задачи идет, прежде всего, по линии того энергичного расширения промышленного производства, о котором была речь выше. Но решение этой задачи может быть обеспечено лишь при том условии, если вся совокупность экономических рычагов (политика цен, темпы роста денежных доходов населения, налоги, займы и т. п.) будет продумана также и под углом зрения проблем рыночного равновесия. Крайняя сложность и условность всех связанных с этим делом расчетов достаточно известна, и все цифровые иллюстрации в этом отношении должны восприниматься, главным образом, как показатели динамики и направления намечаемых изменений.

Большое и важное дело изучения структуры потребительских бюджетов, а тем более проектировка вероятных изменений этой структуры стоят у нас еще на низком уровне. Произведенные в порядке работ над отправным вариантом перспективного плана расчеты намечают в расходном бюджете городского населения понижение удельного веса затрат на сельскохозяйственные продукты, примерно, с 43% в 1927/28 г. до 41% в 1932/33 г. и снижение расхода на покупку промтоваров с 34% до 31,5%. На ряду с этим поднимается удельный вес расходов коммунальных (включая жилище), с 8,7% до 9,3% и социально-культурных с 5,3% до 7,3%. Денежное накопление с расходом бюджета городского населения подымает свой удельный вес с 5,3% до примерно 5,6%, имея в виду здесь прирост займов, вкладов, сберкассы, паевых взносов в кооперацию индивидуальных кассовых остатков. В структуре денежных расходов крестьянства (без учета внутрикрестьянского оборота) намечается повышение удельного веса расходов на промтовары с 68,6% в 1927/28 г. до 71% в конце пятилетия, а также рост доли расходов на социально-культурные нужды с 1,2% до 3,0%. Налоги и платежи снижают удельный вес с 9,9% до 7,7%, а накопление (займы и т. п.) растет с 4,4% до 5,6%. Нужно, однако, при этих сопоставлениях городских и сельских бюджетов постоянно иметь в виду те абсолютные уровни, с которых идет этот рост расходов на промтовары (у городского населения, точнее у лиц наемного труда, с 125 руб. на душу в начале пятилетия до 158 руб. в конце пятилетия и у сельского населения с 35 руб. на душу до 57 руб.), а также и то обстоятельство, что в состав промтоваров у сельского населения входят и средства производства, приобретение которых вырастает за пятилетие на 128%, в то время как приобретение пред-

[1] В этой и последующих главах приведены по преимуществу данные отправного варианта, так как расчеты оптимального варианта еще не были вполне закончены. Их читатель найдет в № 3 „План. Хоз.“.

метов потребления всего на 41%. Только при учете этих моментов может быть дана правильная оценка запроектированным структурным изменениям в расходной части потребительских бюджетов городского и сельского населения.

На основе этих допущений и настойчиво подчеркивая всю условность этого рода расчетов, динамика спроса на промышленные товары по отправному варианту рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Спрос на промтовары (вкл. изменения запасов в ценах потребления).	20.673	23.389	26.160	28.824	31.893	35.003	145.269
Балансовая разница (— превышение спроса + превышение предложений)	— 275	— 160	— 1	+ 289	+ 390	+ 826	+ 1.344

Таким образом, отправной вариант по суммарным расчетам спроса и предложения намечает к концу пятилетия ликвидацию товарного голода с тем, что три последних года пятилетки должны проходить уже в обстановке успокоения на рынке промтоваров, а 1929/30 г. будет еще отмечен известным напряжением. Это благополучие по итоговым величинам не может, однако, иметь надлежащей убедительности, пока не будут тщательно проанализированы важнейшие конкретные рынки промтоваров. Предварительные расчеты показывают, что по решающим рынкам намечается, примерно, та же динамика, что и по всему балансу в целом. Однако, это дело требует еще дополнительного анализа и дополнительных расчетов. Дальнейшие работы над пятилетним планом в этой части должны исходить из того, что проблема рыночного равновесия практически решается на отдельных товарных рынках. Задаче обеспечения этого равновесия и должна быть подчинена наша работа.

Стоит подчеркнуть в нескольких словах и те изменения в структуре предложения промышленных товаров, которые произойдут в течение пятилетия со стороны источников товароснабжения (в %% к итогу предложения):

	1927/28 г.	1932/33 г.
Цензовая промышленность	70,5	74,8
Мелкая промышленность	16,7	12,4
Акциз	9,5	8,0
Импорт	3,3	4,8

Повышение роли цензовой промышленности за счет снижения удельного веса мелкой промышленности в общей сумме промышленного предложения на рынок является косвенным отражением того строительства больших индустриальных предприятий и концентрации производства, которое не может не вытекать из природы нашего планового хозяйства. Некоторое повышение удельного веса импортных промтоваров связано, главным образом, с производственным вооружением сельского хозяйства (тракторы и т. п.).

Соотношение организованного рынка и так называемого широкого рынка в потреблении промтоваров по расчетам отправного варианта иллюстрируется следующими показателями:

Отношение к итогу:	1927/28 г.	1932/33 г.
а) организованного рынка	50,1	51,9
б) рынка широкого потребл.	49,9	48,1
Удельный вес средств произв. в спросе широкого рынка.	22,2	31,4

Наконец, в этой же связи должен быть отмечен и вопрос о товарных запасах. По расчетам отправного варианта все запасы (у производителя и в товаропроводящей сети) вырастают примерно с 20% в 1927/28 г. до 23% товарной массы в 1932/33 г., в том числе в товаропроводящей сети с 11% до 15%.

Таковы некоторые иллюстрации к вопросу о разрешении в пятилетнем народнохозяйственном плане проблемы товарного голода на промтовары. Нечего говорить, что общая проблема рыночного равновесия неизмеримо сложнее и что включает в себя также и всю совокупность вопросов, связанных с снабжением страны продуктами питания, с правильной организацией этого дела и т. п.

Организационные вопросы рынка на основе широчайшего кооперативного строительства принадлежат к числу крайне ответственных и важных участков нашего хозяйственного строительства в проектируемом пятилетии. Нет никакой возможности в сводном обзоре развивать и конкретизировать эту тему. Стоит лишь отметить, что почти 2 мрд. руб. (с учетом снижения цен) по расчетам отправного варианта должно быть направлено в течение пятилетия на капитальное строительство, связанное с организацией и рационализацией рыночного оборота в стране.

Крупным фактором в разрешении задач рыночного равновесия (равным образом, как и в решении всех социально-экономических задач плана) является политика цен. Как уже неоднократно отмечалось предшествующим изложением, политика цен обоих вариантов плана исходит из задачи систематического понижения общего уровня товарных цен путем нажима, прежде всего, на лезвие промышленных цен, из задачи постепенного установления более благоприятных отношений в обороте между городом и деревней и из необходимости постепенного приближения наших промышленных цен к их уровню в передовых странах современного капитализма.

Само собой понятно, что народнохозяйственная обстановка, как она рисуется по обоим вариантам, открывает не одинаковые перспективы для решения этой общей задачи в области политики цен. Конкретные наметки обоих вариантов в области цен могут быть иллюстрированы следующими показателями:

	Изменение цен в %%			
	Отправ. вар. по сравн.		Оптимальн. вар. по сравн.	
	с 1927/28 г.	с 1928/29 г.	с 1927/28 г.	с 1928/29 г.
Индекс цен производителей сел.-хоз. продуктов:				
а) Общий	+ 2,4	— 3,0	— 5,4	— 4,0
б) В том числе зерновые	+12,9	— 3,0	+ 4,8	— 6,0
в) Сел.-хоз. сырье	— 1,9	— 4,7	— 8,0	—11,0
Индекс розничных цен:				
а) Общий	— 16,9	—	— 22,0	—
б) Сел.-хоз.	— 12,3	—	— 20,6	—
в) Пром.	— 19,5	—	— 22,9	—
Бюджетный:				
а) Общий	— 10,0	—	— 14,0	—
б) В том числе товарн. часть	— 13,0	—	— 18,0	—

Различные темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства, различие в качественных показателях (себестоимость и урожайность) определяют в основном эти два варианта ценностных сдвигов в пятилетнем плане, но единство принципиальной линии обоих вариантов здесь налицо.

VI. Финансовая программа плана

Финансовая программа пятилетнего плана должна охватить в общей системе все элементы нашего финансового хозяйства, приближаясь по своему построению к единому финансовому плану страны. Опыт работ в этом направлении, начатый еще при построении контрольных цифр на 1928/29 г., убеждает, что такая задача по современному состоянию разработки конкретного материала и методологических приемов может и должна быть поставлена.

Вся совокупность финансовых ресурсов, необходимых для осуществления перспективного народнохозяйственного плана, определяется по расчетам отправного варианта в 76 мрд. руб. и по расчетам оптимального варианта, примерно, около 83 мрд. руб. Целевое направление этих ресурсов по трем решающим группам строительства (хозяйство, культура, управление и оборона) и те сдвиги, которые в этом отношении характерны для конца пятилетия по сравнению с его началом, ясны из следующих данных, относящихся к отправному варианту.

	1927/28 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	Итого за 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Хоз. строит.	5,43	12,13	47,31	+123,1	57,7	62,8	62,6
Соц.-культ. строит.	2,36	5,00	19,19	+112,0	25,1	25,9	25,2
Управление и оборона	1,62	2,19	9,76	+ 35,3	17,2	11,3	12,8
Итого	9,42	19,32	76,26	+105,2	100	100	100

Таковы те ресурсы, которые необходимы для того, чтобы решить пятилетние задачи в области хозяйственного строительства, на фронте культуры и по линии управления и обороны. Покрытие этих ресурсов должно будет пойти по следующим направлениям:

	1927/28 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	Итого за 5 лет
	Абсол. в мрд. руб.			В процентах			
Бюджетная система	5,29	10,09	40,79	+ 91,0	56,4	52,4	53,6
В том числе госбюджет	3,51	6,77	27,39	+ 92,5	37,4	35,2	36,0
Кредитная система	0,86	1,47	5,84	+ 71,0	9,0	7,5	7,6
Соцстрах	1,04	2,17	8,26	+110,0	11,0	11,3	10,8
Собств. средства хоз. учрежд.	1,67	4,49	16,94	+168,0	17,8	23,3	22,2
Прочие	0,55	1,11	4,42	+100,0	5,8	5,8	5,8
Итого	9,42	19,33	76,26	+105,2	100	100	100,0

Характерной особенностью здесь является некоторое снижение удельного веса бюджетных источников и возрастающая роль собственных средств хозяйственных организаций. Это стоит в прямой связи с проводимой в пятилетнем плане линией цен, которая оставляет в промышленности значительный разрыв между ценой и себестоимостью. Большие темпы снижения себестоимости, обстановка товарного напряжения в первые годы пятилетки, громадные строительные задачи и необходимость обеспечить форсированный разгон капиталовложений уже в первые годы пятилетки диктуют проведение именно такого соотношения между ценой и себестоимостью на промышленные товары, которое открывало бы возможность больших накоплений в промышленности через механизм цен. Нужно иметь только в виду, что эта политика будет осуществляться при общем значительном снижении промышленных цен на протяжении пятилетия.

В ходе работ над пятилетним планом возникла мысль о том, чтобы уже в расчетах отправного варианта (а тем более в оптимальном) пойти на значительно большее понижение общего уровня цен путем снижения промышленных цен, почти в полную меру снижения себестоимости и значительного снижения сельскохозяйственных цен. Иными словами, возникала мысль о том, чтобы примерно нынешнюю систему цен (с учетом необходимого стимулирования крестьянства) построить на гораздо более низком уровне цен. Вся мобилизация финансовых ресурсов должна была бы в таком случае быть проведена через систему по преимуществу прямых налогов и займов, т.-е. через систему государственного бюджета и кредита. В пользу этой концепции приводилось и то соображение, что система прямых налогов и кредита с классовой точки зрения является более совершенной, чем универсальный механизм цен.

Эта концепция, однако, при всем ее интересе не могла быть положена в основу финансовой программы ни одного из вариантов плана как по соображениям хозяйственной кон'юнктуры начала пятилетия, так и в особенности по соображениям темпа хозяйственного строительства вообще и темпа капиталовложений в частности. Такой финансовый маневр, который исходит из задачи радикального снижения общего уровня цен уже в оставшиеся годы проектируемого пятилетия, мог бы быть осуществляем в условиях гарантированного от международных потрясений хозяйственного строительства в нашей стране, а не в обстановке нарастающей враждебности и военной угрозы со стороны мирового капитала. Вот почему финансовая программа пятилетки должна была сочетать все методы мобилизации финансовых ресурсов для осуществления задач плана, включая и накопление через механизм цен. Это обстоятельство, разумеется, требует несколько иного подхода к вопросу о сальдо расчетов между промышленностью и государственным бюджетом, нежели это имело место в предшествующий период, когда снижение промышленных цен не только шло в меру снижения себестоимости, но и временами обгоняло это последнее.

Следует, далее, подчеркнуть основные позиции налоговой политики в финансовой программе пятилетия. Основные данные здесь таковы (по доходной части госбюджета нетто, в мрд. руб.):

	1927/28 г.	1932/33 г.		Итого за 5 лет		Рост за 5 лет в %		Удельн. вес в %	
								1927/28 г.	1932/33 г.
		Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.		Отпр. / Оптим.
А. Налоговые . .	3,19	6,24	5,68	25,08	26,33	+ 95,1	+ 108,8	67,9	66,8 / 64,6
В том числе:									
1) Прямые . .	1,34	3,08	3,57	11,66	12,58	+ 130,1	+ 166,0	28,4	32,5 / 34,4
2) Косвен. . .	1,74	2,95	2,89	12,55	12,86	+ 69,7	+ 66,4	36,9	31,6 / 28,0
Б. Неналог. . .	0,81	1,66	1,96	6,54	7,32	+ 108,8	+ 142,6	17,1	18,0 / 18,9
В. Займы . . .	0,71	1,43	1,70	5,38	6,00	+ 101,7	+ 140,7	15,0	15,2 / 16,5
Итого без НКПС и НКПиТ . .	4,71	9,53	10,33	37,00	39,65	+ 98,5	+ 119,3	100	100 / 100

Как видно из этой таблицы, темп роста неналоговых доходов значительно выше темпа роста налоговых. Однако, и налоговые доходы, в том числе и доходы от косвенных налогов (а равно и промналог, который, по существу, является универсальным косвенным налогом) растут достаточно быстро и составляют внушительную часть в доходной части бюджета. Доходы от водки стабильны по отправному варианту и снижаются по оптимальному, чем и об'ясняется снижение удельного веса косвенных налогов. Такое строение доходной части государственного бюджета (большая роль косвенных налогов) при намеченной в плане политике цен неизбежно ставит вопрос о том, в какой мере вся эта финансовая система в целом надежна с точки зрения классовой политики пролетарского государства, в какой мере правильно с классовой точки зрения осуществляет она мобилизацию финансовых ресурсов для целей индустриального строительства. При ответе на этот вопрос нужно, прежде всего, отдать себе ясный отчет в том, что в условиях нашего строительства не может быть построена такая финансовая система, которая не апеллировала бы к участию подавляющего большинства трудового населения нашей страны в образовании финансовых ресурсов государства. Запроектированная в плане финансовая система даже в ее нынешнем, далеко не совершенном виде,

имеет, однако, в лице своих прямых налогов (сел.-хоз. налог и подоходный налог) достаточные рычаги для обеспечения правильного классового характера всей доходной части бюджета. Но настоящую оценку классового строения нашей финансовой системы, как она запроектирована в пятилетнем плане, можно дать лишь беря ее в целом, т.-е. вместе с расходной частью, через которую происходит осуществление политики государства по поддержке колхозного строительства, кооперирования населения, машиноснабжения, землеустройства, городского жилищного строительства, культурного обслуживания и т. п. Взятая в целом финансовая система пятилетнего плана выдерживает классовую проверку так же, как она выдерживает проверку с точки зрения всех прочих критериев экономического курса партии.

Эмиссионная программа пятилетки построена, исходя из твердого курса на повышение покупательной способности червонца не менее, чем на 15% по отправному и не менее, чем на 20% по оптимальному варианту. В соответствии с этим эмиссия принята в отправном варианте в пределах до 1 мрд. руб. Есть все основания считать, что этот ресурс учтен с надлежащей осторожностью. Весь прирост краткосрочных кредитов взят в размере около 3 мрд. руб. при значительном усилении ресурсов Государственного банка, которому государственный бюджет должен передать за пятилетие по старым расчетам и по прямым ассигнованиям для укрепления его позиций около 500 млн. руб.

Характерной особенностью финансовой программы пятилетия является включение в нее через систему социального страхования той части, которая носит название социализированной заработной платы и которая должна быть направлена по преимуществу на организацию воспитания детей индустриального пролетариата. По расчетам отправного варианта эта статья определяется в 800 млн. руб. и по оптимальному примерно свыше 1 мрд. руб.

Нет нужды подчеркивать, что во всей запроектированной финансовой системе роль государственного бюджета, как перераспределителя народного дохода для целей индустриального и культурного строительства страны, значительно вырастает. Общий размер за пятилетие сводного бюджета нетто (по доходам) составляет около 47 мрд. руб. по отправному и около 50 мрд. руб. по оптимальному варианту против 19 мрд. руб. общей суммы бюджета нетто за истекшее пятилетие. Отношение к народному доходу проектируемого бюджета по расчетам отправного варианта таково:

	1927/28 г.	1932/33 г.
Госуд. бюджет (нетто) . . .	16,9	21,2
Сводный (нетто)	24,2	29,2

Как и в предшествующий период, это усиливающееся перераспределение народного дохода через бюджет идет, прежде всего, в связи с ростом финансирования народного хозяйства. Достаточно указать, что при росте обычных бюджетных расходов по отправному варианту примерно вдвое, расходы на финансирование народного хозяйства растут в $2^3/_4$ раза. Доминирующая роль принадлежит здесь индустриальной группе народного хозяйства.

Ориентировочный финансовый план промышленности по расчетам отправного варианта пятилетки представляется в следующем виде:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . .	2,04	3,93	16,25	+ 92,5	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	0,63	1,46	5,89	+ 131,0	30,8	37,2	36,2
б) краткосрочн. кред.	0,43	0,23	1,25	— 46,5	21,0	5,9	7,7
в) собств. средства	0,85	2,06	8,25	+ 142,0	41,6	52,3	50,8
г) прочие источники	0,13	0.18	0,86	+ 38,5	6,6	4,6	5,3
Итого . . .	2,04	3,93	16,25	+ 92,5	100	100	100

Обращает на себя внимание большая роль собственных накоплений, осуществляемых благодаря принятому разрыву между себестоимостью и ценой. Надо при этом иметь в виду, что около 1,9 мрд. руб. сверх указанных здесь собственных накоплений взято дополнительно в государственный бюджет с последующим возвратом в промышленность в целях большей концентрации внутрипромышленных накоплений. Выше уже было отмечено, что сальдо расчетов промышленности с бюджетом в предстоящем пятилетии будет осуществляться в условиях, существенно отличных от тех, которые были характерны для истекшего периода. Несмотря на это, отправной вариант пятилетки намечает положительное сальдо в пользу ВСНХовской промышленности в 1,5 мрд. руб., а с учетом ассигнований на электростроительство, золотопромышленность, промжилфонд общее сальдо в пользу индустриальной группы определяется в размере около 4 мрд. руб., т.-е. примерно с тем средне-годовым уровнем, который характерен для начала пятилетия. Только при этих условиях оказывается возможным тот масштаб и темп капитального строительства в промышленности, который принят в план.

Финансовый план сельского хозяйства в своей суммарной форме может быть представлен в таких расчетах:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В мрд. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . . .	0,80	1,95	7,46	+ 144	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	0,33	0,87	3,51	+ 163	41,3	44,6	47,0
б) система с.-х. кред. (возврат и привлеч. средства)	0,25	0,85	2,75	+ 240	31,3	43,5	36,0
в) прочие источники	0,22	0,23	1,20	+ 4	27,4	11,9	16,5
Итого . . .	0,80	1,95	7,46	+ 144	100	100	100

Здесь следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что весь план финансирования сельского хозяйства по расчетам отправного варианта в значительной степени зависит от запроектированного возврата ссуд в 2,7 мрд. руб. Крайняя слабость организованности нашей системы сельскохозяйственного кредита; неудовлетворительная практика возврата ссуд (не говоря уже о практике собственных крестьянских накоплений в нашей кредитной системе) заставляют обратить сугубое внимание на этот элемент финансового плана сельскохозяйственной программы.

План финансирования в области электростроительства опирается, главным образом, на прямые бюджетные ассигнования, как это видно из следующей ориентировочной справки:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . . .	288	681	2.559	+ 136	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюдж. система	147	354	1.450	+ 140	51,1	52,0	56,7
б) собств. средства	60	179	617	+ 191	20,8	26,3	24,1
в) прочие источники	81	148	492	+ 83	28,1	21,7	29,2
Итого . . .	288	681	2.559	+ 136	100	100	100

Финансовая программа транспорта исходит из стабильности в основном железнодорожных тарифов при понижении себестоимости транспортных перевозок примерно на 25% по расчетам отправного варианта; иными словами, здесь допускается разрыв между себестоимостью и тарифом, как в области промышленности между себестоимостью и ценой. Задачи капитальных вложений на транспорте, с одной стороны, и относительно низкий уровень наших тарифов, с другой стороны, делают достаточно обоснованным такой подход к решению финансовых задач транспорта. Общее строение его финансовой программы по отправному варианту таково:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребность в средствах . .	948	2.480	8.886	+ 182	—	—	—
Источники покрытия:							
а) собственные средства . .	518	1.344	4.940	+ 160	54,5	54,2	45,6
б) бюджетные средства . .	393	1.066	3.659	+ 171	41,5	43,0	41,2
в) прочие источники	37	70	287	+ 89	3,9	2,8	3,2
Итого . . .	948	2.480	8.886	+ 162	100	100	100

Роль бюджетной дотации транспорту для целей нового строительства и коренной реконструкции, как видно из этой справки, достаточно велика. Это определяется сравнительно большими задачами строительства на транспорте, принятыми в пятилетнем плане.

Жилищное строительство обобществленного сектора осуществляется при следующей программе финансирования:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребн. в средствах	400	963	3.561	+ 140	—	—	—
Источники покрытия:							
а) средства хозорган. . . .	114	374	1.284	+ 228	28,5	38,9	36,1
б) бюджетная система . . .	157	329	1.273	+ 110	39,2	34,1	35,8
в) социальн. страхов. . . .	103	174	718	+ 69	25,8	18,1	20,1
г) прочие	26	86	286	+ 221	6,5	8,9	8,0
Итого . . .	400	963	3.561	+ 140	100	100	100

Наконец, социально-культурная группа (просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение) опирается по преимуществу на два основных источника — на бюджетную систему и на средства системы социального страхования. Основные цифры здесь таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г.	За 5 лет	Прирост за 5 лет	Структура 1927/28 г.	Структура 1932/33 г.	За 5 лет
	В млн. руб.			В процентах			
Потребл. в средств.	2,37	5,02	19,23	+ 111	—	—	—
Источники покрытия:							
а) бюджетн. система	1,23	2,55	9,96	+ 107	52,0	51,0	51,7
б) социальн. страхование .	0,92	1,99	7,40	+ 116	38,8	39,5	38,5
в) прочие	0,22	0,48	1,87	+ 100	9,2	9,6	9,8
Итого . . .	2,37	5,02	19,23	+ 111	100	100	100

Здесь даны лишь в самой общей форме важнейшие элементы финансовой программы пятилетия, как она запроектирована по расчетам отправного варианта. Следует подчеркнуть, что и в этих расчетах оказывается непокрытым ряд таких потребностей, которые едва ли могут быть игнорируемыми даже в условиях отправного варианта. Наиболее крупный разрыв намечается в отношениях между государственным бюджетом и местным бюджетом. Громадные строительные задачи пятилетнего плана потребовали в процессе сбалансирования задержать в системе государственного бюджета также ресурсы, которые и формально и по существу дела по праву должны принадлежать местному бюджету. Размер этих ресурсов может быть определен до 1 мрд. руб. Между тем, на местый бюджет падают крайне ответственные задачи как в области хозяйственного (коммунальное дело, дорожное строительство, агрикультурные мероприятия), так и в особенности в области культурного строительства. Вот почему эта тема требует еще своего дополнительного освещения в ходе дальнейших работ над пятилетним планом и, в частности, в связи с завершением разработки финансовой программы оптимального варианта.

Но основная трудность финансовой программы пятилетнего плана в обоих его вариантах заключается не в балансировании общих сумм за пятилетие, а в обеспечении финансовыми ресурсами тех производственных и строительных задач, которые падают на первые годы пятилетия и от осуществления которых в решающей мере зависят общие масштабы пятилетнего народнохозяйственного строительства. Искусство финансовой политики и должно быть направлено на решение этой последней задачи.

VII. Социальная программа плана

Каждый хозяйственный план в нашей стране, а тем более общий народнохозяйственный план на пятилетие, должен со всей отчетливостью отвечать на вопрос „кто кого“, т.-е. на вопрос о том, в какой мере в результате осуществления плана будет обеспечено усиление социалистических элементов в экономической системе СССР. Это тем более необходимо теперь, когда остатки капиталистических сил в нашей стране пытаются оказывать особенно ожесточенное сопротивление успешному ходу социалистического строительства.

Во всем предшествующем изложении было достаточно отчетливо показано, как красной линией через весь народнохозяйственный план пятилетки проходит идея индустриализации СССР, идея того индустриального строительства, которое является единственно возможной и единственно прочной базой укрепления социалистических элементов в народном хозяйстве и в социальной системе страны.

Характер строительной программы, направление капитальных вложений, связанное с этим движение основных фондов страны, темпы роста материального производства, размах строительства обобществленного сектора в сельском хозяйстве, перераспределение народного дохода,— все это последовательно и решительно подчинено той центральной регулятивной идее пятилетнего плана, которая намечает путь бурного развития производительных сил страны через индустриализацию, через социалистическое переустройство деревни, через неуклонное обобществление всех отраслей и процессов хозяйственной жизни.

Самые общие показатели процессов обобществления, как они намечены в пятилетнем народнохозяйственном плане, могут быть суммированы в следующей форме:

Удельный вес обобществленного сектора (госуд. и кооперативный)

	В %% к соответ. итогу 1927/28 г.	1932/33 г. (отпр. вар.)
Удельный вес городск. населения в общей числ. массы	18,4	20,0
Числ. лиц наемного труда . . .	82,1	85,0
В капит. вложениях	56,0	75,2
В основн. фондах	51,4	63,6
В продукц. сел. хоз. и пром. . .	46,9	62,2
В том числе:		
а) Сел. хоз.	1,9	11,5
б) Промышл.	88,0	95,8
В розничн. обороте	76,6	89,6

Первое, что должно быть здесь отмечено — это быстрый рост урбанизации страны, связанный с развитием государ-

ственной индустрии, с большим капитальным строительством и с громадным развертыванием производства, разумеется, прежде всего в обобществленном секторе. Нет сомнения, дальнейший ход социалистического строительства практически поставит большие вопросы об изменении самого типа городов. Но на ближайшем этапе нашего развития это усиление удельного веса городского населения, идущее, главным образом, за счет роста удельного веса пролетариата в общей численности населения (с 7,5% до 8,7%), является и крупным показателем и серьезным фактором в деле усиления социалистических элементов в стране.

Далее, бесспорным является рост роли обобществленного сектора в создании общей массы материальной продукции. В 1924/25 г. доля продукции обобществленного сектора в продукции сельского хозяйства и промышленности измерялась 29,8% к началу проектируемого пятилетия, в 1927/28 г. она поднялась до 46,9%, к концу проектируемого пятилетия, по расчетам отправного варианта, доля обобществленного сектора поднимается до 62%. Но особенно важным является здесь движение доли обобществленного сектора в сельскохозяйственной продукции, где она за пятилетие должна подняться от 1,9% в 1927/28 г. до 11,5% в 1932/33 г.

С точки зрения коренной реконструкции всей экономической системы страны решающим является направление капитальных вложений и связанное с этим движение основных фондов. Доля вложений в обобществленное хозяйство во всей сумме вложений подымается с 56% в 1927/28 г. до 75% в конце пятилетия. В связи с этим в общей сумме основных фондов страны доля обобществленного сектора подымается с 51% в начале пятилетия до 64% в конце пятилетия. В составе же фондов обобществленного сектора происходит наибольшее усиление роли индустриальных фондов.

Особый отпечаток на всю социальную программу пятилетнего народнохозяйственного плана накладывает строительство обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Именно по этой линии настоящий пятилетний план, составленный на основе директив XV с'езда ВКП(б), наиболее существенным образом отличается от всех тех перспективных ориентировок, которые были разработаны раньше. Рост посевных площадей обобществленного сектора (совхозы и колхозы) в сельском хозяйстве до 25 млн. га к концу пятилетия, т.-е. до 14% общей посевной площади страны, обеспечение к концу пятилетия 15% валовой продукции и 38% товарной продукции зерновых культур от колхозов и совхозов, вовлечение в это дело около 17—20 млн. душ крестьянского населения, что должно привести почти к приостановке роста населения в индивидуальном секторе крестьянства,—все это вместе вносит совершенно новое начало в самый строй сельскохозяйственного производства и

деревенской жизни вообще. Построенный на основе машинной техники и на началах научного земледелия, обобществленный сектор в сельском хозяйстве должен создать опорную позицию для преодоления капиталистических элементов деревни и для ее постепенного социалистического переустройства. На проектируемое пятилетие выпадает ответственнейшая задача поставить одну из крупнейших вех на этом пути.

Крупным фактором усиления социалистических элементов в хозяйственной системе страны является кооперация, которая уже в настоящее время стала одним из серьезнейших орудий обобществления не только в сфере распределения, но и в сфере производства. Проектируемое пятилетие намечает дальнейшее усиление кооперативных позиций и роли кооперации во всех тех отраслях хозяйства, где она (кооперация) призвана осуществить обобществление мелкого производства. Важнейшие показатели процессов кооперирования таковы:

	1927/28 г.	1932/33 г. (отпр. вариант)
А. Кооперир. производства.		
1) Доля продукц. колхозов во всей продукции зерна	0,8	9,2
2) Доля продукц. мелкой коопер. пром. во всей продукции мелкой промышленности	32,7	68,0
Б. Кооперир. обращения.		
1) Доля кооперированного товарооборота (розничного)	62,7	77,5
В. Кооперир. населения.		
1) Колич. хозяйств (в тыс.) в с.-х. коопер.	9.600	23.580
%% кооперирования	37,5	85,0
2) Число коопер. в потребкоопер.		
а) город (млн. душ)	8,7	16,5
%% кооперир.	45,3	70,0
б) село (млн. душ)	13,8	31,8
%% кооперир.	19,1	40,0

Само собой разумеется, что все эти пути и методы усиления социалистических элементов в народном хозяйстве (в области производства, капитальных вложений, движения фондов, строительства обобществленного сектора в сельском хозяйстве, кооперирования и т. п.) окажутся надежным орудием при решении задачи „кто кого“ лишь в том случае, если будет осуществлено намечаемое в плане значительное улучшение качества работы обобществленного сектора. Вот почему 30 или 35-процентное снижение себестоимости промышленной продукции, 25-процентное удешевление транспортных услуг, 40 или 50-процентное снижение стоимости промышленного строительства, удвоенное по сравнению с индивидуальным хозяйством повышение урожайности в совхозах и колхозах и все прочие качественные задачи в обобществленном

секторе являются не только элементом хозяйственного плана, но и громадным орудием в решении социальных задач пятилетки.

Движение и структура народного дохода принадлежат к числу наиболее обещающих и наиболее важных показателей для оценки как всего народнохозяйственного плана, так и его социальной программы в частности. Народный доход должен вырасти в проектируемом пятилетии в червонных ценах с 24,8 мрд. руб. в 1927/28 г. до 40,4 мрд. руб. по отправному и 43,4 мрд. руб. по оптимальному варианту, а в неизменных ценах соответственно до 44,0 мрд. руб. и до 49,5 мрд. руб. Иными словами, в червонных ценах народный доход вырастает за пятилетие на 65% по отправному и на 75% по оптимальному варианту и в неизменных ценах соответственно на 79% и на 101%. Это дает ежегодный рост народного дохода больше, чем на 10%, т.-е. в темпе, втрое превышающем рост народного дохода в дореволюционной России и значительно превышающем темпы роста его во всех передовых капиталистических странах. Нет нужды подчеркивать громадное не только практическое, но и принципиальное значение такого движения народного дохода в перспективе предстоящего пятилетия.

Производственная структура народного дохода по расчетам отправного варианта видна из следующих сопоставлений:

Удельный вес в процентах к итогу чистой продукции

	1927/28 г.	1932/33 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
	В ценах кажд. года		В неизм. ценах 1926/27 г.	
Земледелия	38,7	34,1	36,3	29,0
Всей промышл.	31,0	34,0	32,4	37,6
В том числе крупной	21,0	25,0	21,9	27,4
Строительства	4,0	6,5	4,0	3,5

Процесс индустриализации страны отчетливо виден здесь сквозь призму народного дохода. На ряду с промышленностью быстро растает и роль строительства. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что удельный вес в народном доходе сельского хозяйства в неизменных ценах несколько ниже, чем в червонных и, наоборот, удельный вес промышленности в неизменных ценах несколько выше, чем в червонных. В этом сказывается политика почти стабильных сельскохозяйственных цен и снижающихся промышленных цен, которая взята в расчетах отправного варианта плана. Это и приводит к тому, что в сфере распределения сельскохозяйственная продукция занимает несколько большую позицию, чем в сфере производства. Учитывая тот факт, что наши сельскохозяйственные цены ниже мировых, а промышленные выше мировых, учитывая, далее, линию на сближение так называемых „ножниц" а также специальные задачи по форсированию сельскохозяйственного производства, нельзя усматривать ничего отрицательного в этом движении ценностных моментов в структуре народного дохода.

Структура народного дохода по социальным секторам отражает быстрый ход обобществления точно так же, как производственная структура отражает процесс индустриализации страны. В 1924/25 г. обобществленный сектор участвовал примерно лишь в 30% образования народного дохода, в 1927/28 г. его роль поднялась до 50%, к концу пятилетия она достигнет 65%. Иными словами, к концу проектируемого пятилетия около 65% чистой продукции страны будет создаваться в обобществленном секторе.

Народный доход (чистая продукция), взятый на душу населения, по расчетам отправного варианта, дает рост в черв. ценах с 164 руб. в 1927/28 г. до 241 руб. в 1932/33 г. и в неизменных ценах до 261 руб., т.-е. доход на душу вырастает в неизменных ценах на 60% и в червонных ценах на 47% за пятилетие.

Сумма доходов (исчисленная по субъективному методу) вырастает по расчетам отправного варианта с 25,9 мрд. руб. в 1927/28 г. до 41 мрд. руб. в 1932/33 г., или на 58%. Социальная структура доходов может быть иллюстрирована следующими показателями:

	Рост за 5 лет (в %%)	Удельный вес (в %% к итогу)	
		1927/28 г.	1932/33 г.
С.-х. пролетариат	+ 88	2,1	2,5
Крестьяне	+ 40	49,9	44,2
В том числе коллективизир. группа	—	0,6	5,8
Все земледел. население	+ 42	52,0	46,7
Пролетариат	+ 78	33,2	37,5
Труд непролетар. группы	+ 25	6,7	5,3
Буржуазия	— 47	2,0	0,7
В том числе промышл.	— 25	0,7	0,3
Все неземлед. насел.	+ 82	43,9	45
Все население	+ 50	90,2	85,6
Доходы предпр. обобщ. сектора	+ 132	9,8	14,4

Здесь находит свое отражение не только усиление позиций пролетариата, но и усиление позиций трудовой

армии обобществленного сектора в сельском хозяйстве.

Наконец, большой интерес и большое значение представляет собой намечаемое на пятилетие движение душевых номинальных и реальных доходов городского и сельского населения. Показатели здесь таковы:

	Рост дохода на душу (по отправн. варианту, в %%)	
	Номинал.	Реальн.
Гор. население	+ 36	+ 50
В том числе лиц наемн. труда .	+ 42	+ 56,6
Сел.-хоз. насел.	+ 29	+ 46,1
В том числе:		
а) коллект. хозяйств	+ 44	+ 63,0
б) индив. хозяйств. . . .	+ 25	+ 41
в) с.-х. пролетариат. . . .	42	60

Нужно иметь в виду, что расчеты доходов сельского населения (в виду крайней трудности исчислений) взяты в том предположении, что доля его доходов от неземледельческих работ останется стабильной на уровне 1927/28 г., что вызывает некоторое сомнение в связи с бурным ростом индустриализации. Таким образом, душевые доходы сельского населения здесь скорее несколько преуменьшены. С этой оговоркой можно считать, что реальные уровни благосостояния городского и сельского населения по расчетам отправного варианта плана будут расти примерно в одном и том же темпе. Иными словами, осуществление отправного варианта приостановит дальнейшее нарастание разрыва между уровнями благосостояния города и деревни и тем самым положит прочное начало для дальнейшего постепенного их сближения, т.-е. положит начало для разрешения одной из величайших задач социализма.

Таковы важнейшие элементы социальной программы пятилетнего плана. Каждый из этих элементов в отдельности и вся социальная программа в целом намечены на основе решений XV с'езда ВКП(б) и в соответствии с великими задачами социалистического строительства в нашей стране.

М. М. Вольф

Проблемы реконструкции сельского хозяйства[1]

Основная установка с.-х. плана

При подходе к изложению любой части пятилетнего плана народного хозяйства естественно ставить вопрос, в какой мере увязаны планы будущего с наметившимися тенденциями нашего хозяйственного развития за период, предшествующий плану. Это особенно относится к плану по сельскому хозяйству. Для планов промышленности этот вопрос не имеет такой остроты. Было, правда, время, когда буржуазные экономисты предсказывали, что в промышленности, по мере перехода от восстановительного периода к реконструктивному, мы будем иметь резкое снижение темпов развития. Одно время такие пророчества оказали некоторое влияние даже на товарищей, занимавшихся составлением промышленных пятилеток. Но жизнь показала, что, перейдя к реконструктивному периоду, мы сохранили в промышленности темпы восстановительного периода и что те, которые пророчили обратное, недоучли творческих сил, скрытых в системе планового хозяйства. Работники промышленности смело строят сейчас свои пятилетние планы, сохраняя на всем протяжении пятилетия почти одни и те же темпы роста.

Работники по сельскому хозяйству находятся в гораздо более трудном положении. Мы приступаем к составлению пятилетнего плана по сельскому хозяйству, имея позади себя некоторые неблагоприятные показатели развития этого хозяйства. Мы имели в прошлом 1927/28 г. сокращение посевных площадей зерновых культур, прошлой осенью сократился озимый клин примерно на 1.300 тыс. *га*. Мы имели в 1927/28 г. очень медленный рост стада и есть некоторые основания предполагать, что 1928/29 г. не даст благоприятных показателей количественного роста животноводства.

Основная причина сокращения зерновых посевов известна. Это сокращение было вызвано, прежде всего, массовой гибелью весной 1928 г. озимых, после чего пострадавшим районам не так легко было оправиться, несмотря на помощь государства. Но было бы, однако, неправильным снижение некоторых показателей об'яснять исключительно стихийными условиями. Здесь сыграли некоторую роль и более глубокие причины социально-экономического

[1] Статья представляет собою литературную переработку основной части доклада автора на V с'езде госпланов.

порядка — сокращение посевов зажиточных хозяйств, только частично скомпенсированное расширением посевов бедняцких хозяйств.

Как бы то ни было, кон'юнктура последних полутора лет говорит о некоторых снижательных тенденциях в сельском хозяйстве. Возникает, таким образом, вопрос, имеем ли мы при этих условиях основание проектировать такие темпы развития сельского хозяйства, какие мы намечаем в плане, нет ли здесь отрыва от действительности, скачка в области фантазии? Чтобы ответить на эти вопросы надо, прежде всего, разобраться в условиях, вызвавших кон'юнктуру последних лет.

Что переход от восстановительного периода к реконструктивному сопровождался именно в сельском хозяйстве некоторыми снижательными тенденциями не является случайным, а находится в связи с теми классовыми отношениями, которые сложились к настоящему моменту на селе.

Мы имеем значительную диференциацию крестьянских масс. Мы располагаем сейчас данными о распределении крестьянских хозяйств по размерам средств производства. Если отделить 10% хозяйств, принадлежащих к высшим по стоимости средств производства группам, то на долю этих хозяйств в главнейших производящих районах (в степной части УССР, на Сев. Кавказе) приходится 35—45% всех средств производства и свыше 30% стоимости рабочего скота. С другой стороны, если отделить 30% хозяйств, относящихся к низшим по стоимости средств производства группам, то на долю этих 30% приходится всего только 5—7% всей стоимости средств производства и в своей массе это хозяйства, вовсе лишенные рабочего скота. Надо сделать оговорку. Среди этих 30% хозяйств с незначительными размерами средств производства имеется большая часть хозяйств, уже не ведущих самостоятельного сельского хозяйства. Если это учесть, то будет ближе к истине сказать, что 5—7% средств производства принадлежат не 30%, а 20% крестьянских хозяйств. И все же 10% крестьянской верхушки владеет больше, чем $^1/_3$ всех средств производства и вдвое большее число хозяйств низшей группы владеет только 5—7% всех средств производства. Это достаточно иллюстрирует диференциацию села.

Мы сейчас еще не располагаем данными о том, как распределяется посевная площадь по группам хозяйств, с различным размером средств производства. Но имеются данные о распределении посевной площади на основе весенних опросов за три года (1925, 1926 и 1927 гг.). Эти данные показывают, что на долю 10% многопосевных хозяйств приходится 32,5% всей посевной площади 1927 г., на долю 30% малопосевных хозяйств приходится всего 6,5% посевной площади, остальные 61% приходится на 60% средних посевных групп. В отношении низшей группы надо сделать ту же поправку, что и по размерам средств производства, ибо не все 30% этих хозяйств являются земледельческими хозяйствами. Хотя статистические источники распределения крестьянских хозяйств по средствам производства и по посевам различны, но полученные ряды более или менее аналогичны.

Поэтому мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что 10% наиболее зажиточных хозяйств, владеющих больше $^1/_3$ всех средств производства, имеют такой же или почти такой же удельный вес в посевной площади. Правда, в 1928 г. имело место некоторое сокращение посевов высших групп деревни и заметное усиление посевов бедняцких хозяйств. Однако, за один год не могли произойти столь существенные сдвиги, которые изменили бы общий характер распределения средств производства и посевов.

Разумеется, далеко не все 10% зажиточных и многопосевных хозяйств являются кулацкими хозяйствами. По данным ЦСУ процент мелкокапиталистических хозяйств составляет по Союзу в целом 3,9%. Некоторая часть из них мало занимается посевами. Однако, без сомнения, главная масса этих 4% мелкокапиталистических хозяйств находится среди той десятипроцентной верхушки, с которой мы говорили.

Совершенно понятно, что доля этой верхушки в товарном хлебе должна быть еще более значительной, и не будет преувеличением сказать, что на нее приходится около 40% всего товарного хлеба. Эти цифры вскрывают основные причины переживаемых нами хозяйственных затруднений. Главная масса товарных хлебных ресурсов страны находится в руках сравнительно небольшой группы зажиточных хозяйств, среди которых кулацкая прослойка имеет значительный удельный вес.

Буржуазные экономисты уверяют нас, что есть один только путь изживания затруднений — пойти на поклон к кулаку, не стеснять его развития. Не может быть сомнения, что такой путь ведет не к построению социализма, а к восстановлению капитализма величайшим социальным потрясениям, подчинению и закабалению нашей страны иностранным капиталом. Это путь нам враждебный. Есть товарищи, которые на поклон к кулаку не намерены итти, но желали бы, чтобы мы своей политикой „не обижали" верхушку села, не только ее зажиточную, неэксплоататорскую часть, но и кулацкую. Такая межумочная политика топтания на месте ведет только к воспроизводству существующих ныне хозяйственных затруднений в расширенном масштабе.

Наконец, есть третий, предуказанный XV партийным с'ездом путь, на котором строится пятилетний план сельского хозяйства,— путь коренной реконструкции социальных отношений на селе, который является единственно верным путем изживания хозяйственных затруднений последнего времени, преодоления замедления в развитии сельского хозяйства и придания этому развитию нарастающих темпов. План ставит себе целью на протяжении пятилетия

в противовес верхушке зажиточных индивидуальных хозяйств, среди которых ведущую роль играют хозяйства кулацкие, создать производственный массив социалистического земледелия. Это не значит, что мы предполагаем вести борьбу не только с явно-кулацкими элементами, но и с зажиточными, хотя и не эксплоатирующими хозяйствами. Но мы исходим из того, что самая борьба с кулаком будет тем успешнее, тем легче будет подчинить государственному регулированию зажиточные хозяйства и предупредить их превращение в кулацкие, чем успешнее на фоне общего роста массы бедняцких и середняцких индивидуальных хозяйств будет складываться мощное социалистическое земледелие.

Создать социалистическое земледелие, которое к концу пятилетия имело бы такой удельный вес в товарном зерне, какой имеет сейчас крестьянская верхушка — вот одна из основных установок плана. Это не значит, что продукция верхушечной части крестьянства к концу пятилетия перестает играть роль в товарной массе зерна. За это пятилетие возрастают потребности страны в зерне для продовольствия и для экспорта. Но с созданием социалистического земледелия удельный вес этих верхушечных хозяйств снижается и они не могут уже так воздействовать на наше хозяйство, как сейчас.

Наш план не отрывается от современной кон'юнктуры сельского хозяйства. Он исходит из этой кон'юнктуры, из скрытых в ней противоречий и ставит себе задачу организовать преобладающую массу бедняцких и середняцких хозяйств для преодоления отрицательных моментов современной кон'юнктуры путем социалистической и технической реконструкции земледелия, путем строительства социализма в сельском хозяйстве.

Можем ли мы себе ставить такую задачу? Посильна ли она для нас? На этот вопрос мы отвечаем утвердительно: рост нашей промышленности, в особенности промышленности, производящей средства сельскохозяйственного производства, создает об'ективные возможности для разрешения этой задачи.

1927/28 г. был для сельского хозяйства в известной степени знаменательной датой. До 1927/28 г. мы едва поспевали покрывать амортизацию сел.-хоз. инвентаря и понемножечку восстанавливать инвентарный фонд. В 1927/28 г. мы не только покрыли амортизацию, но восстановили сел.-хоз. инвентарь до довоенных размеров, определяемых примерно в 1 миллиард рублей. Наступающее пятилетие будет периодом усиленного роста сел.-хоз. инвентаря. По пятилетнему плану промышленности годовая продукция сел.-хоз. машиностроения с 153 млн. руб. поднимается к концу пятилетия до 525 млн. руб. по отправному варианту и до 610 млн. руб. по оптимальному. Рост колоссальный, темп невиданный.

Такой об'ем машиностроения позволяет в течение пятилетия удвоить стоимость сел.-хоз. инвентаря. А к 1932/33 г. с 1 мрд. руб. стоимость сел.-хоз. инвентаря повысится до 2 мрд. руб. Вспомним

теперь, что 10% зажиточных крестьянских хозяйств обладает 35% стоимости всех сел.-хоз. машин, т.-е. из 1 мрд. руб. на долю этих хозяйств приходится машин на 350 млн. руб. Ничего фантастического нет в том, что мы, имея возможность увеличить за пятилетие сел.-хоз. инвентарь на 1 мрд. руб. ставим себе задачу, опираясь на бедноту и середняка, создать механизированный массив социалистического земледелия, который будет противостоять верхушечной 10% группе крестьянских хозяйств, имеющей сейчас 30% продукции и процентов 40 товарного хлеба. Рост нашей промышленности, новая техническая база земледелия, которая создается в этом пятилетии, позволяет нам такую задачу себе поставить.

При этом возникают, однако, крупнейшие затруднения в вопросе о тяговой силе.

Новая энергетическая база

Если мы можем форсировать машиностроение, то создавать живую двигательную силу можно только в определенных размерах. Возможность роста рабочего скота за пятилетие наши специалисты определяют в 19—20%; они говорят, что это максимум того, что возможно. Конечно, главная масса нарождающегося молодняка рабочего скота останется в тех хозяйствах, которые сейчас имеют рабочий скот и лишь в очень малой степени может перейти в хозяйства, лишенные сейчас инвентаря.

Таким образом, создается несоответствие между темпом роста сел.-хоз. машиностроения, которое намечается в промышленных планах, и медленным ростом живой двигательной силы. Вот почему вопрос о пополнении живой двигательной силы механической является одним из центральных пунктов плана. В силу этого пятилетка выдвигает большой план тракторонаснабжения страны. В дополнение к тем 88 тыс. тракторов, которые наша промышленность предполагает создать за пятилетие, план намечает ввоз значительного числа тракторов из-за границы. Этот ввоз нельзя отложить на последние годы пятилетки и нужно начать его уже с следующего года. Это очень трудно с точки зрения наших экспортно-импортных ресурсов, но эта задача столь важна и значительна, что Госплан признал необходимым в пятилетнем плане импорта забронировать ввоз этих тракторов.

Усиленная тракторизация сельского хозяйства является одним из важнейших условий разрешения той социальной задачи, которую мы ставим для пятилетия. Но этим самым мы в течение пятилетия подготовливаем еще более крупные сдвиги для периода генерального плана, ибо сейчас уже совершенно ясно, что если на основе развития живой тяговой силы возможно поднимать сел.-хоз. продукцию страны, то совершить крупные социальные сдвиги в сельском хозяйстве без его тракторизации мы не сможем.

Будет, однако, ошибкой думать, что весь вопрос в том только, чтобы были машины и были тракторы. Важно, чтобы эти машины и тракторы могли быть рационально использованы и дали максимальный эффект. Нам нужно, чтобы, направляя машины и тракторы на помощь, прежде всего, бедняцкому хозяйству, не получалось бы собеза, а собез будет тогда, когда машины и тракторы будут использоваться таким образом, что они не создадут в хозяйстве расширенного воспроизводства. Тут возникает крупнейшая организационная задача. Если тракторы, которые мы с таким напряжением для народного хозяйства в целом будем ввозить, мы будем использовать так, как мы до сих пор использовали их, когда трактор в лучшем смысле заменял 6—8, максимум 10 лошадей, то мы, конечно, значительных сдвигов не совершим. Но у нас уже есть сейчас практический опыт, показывающий, что при правильной организации использования трактора мы можем им заменить не 8 и не 10 лошадей, а 20 и больше.

Мы потому смело запроектировали развитие в нашей стране на протяжении пятилетия крупного механизированного хозяйства, что наш опыт в этом направлении уже не так незначителен. Мы имеем на Украине около 100 тыс. *га* механизированных посевов; в этом году осенью по РСФСР вспахано тракторами около 200 тыс. *га* пахоты. Материалы, которыми мы располагаем, показывают, что большого расхождения между нормами, которые теоретически исчислялись, и нормами, которые достигнуты в практической работе, нет.

Недавно мы рассматривали производственный план Зернотреста на 1928/29 г. В основу этого плана легли материалы, почерпнутые как из иностранного, так и из нашего собственного опыта. По этому плану себестоимость одного центнера твердой яровой пшеницы, при среднем урожае, составит в 1929 г. около 6,5 рублей. Эта себестоимость может быть, по имеющимся расчетам, значительно снижена еще в этом году и еще более в последующие годы, ибо в состав себестоимости вошла стоимость семян в 14 руб. на *га*. Это об'ясняется тем, что Зернотрест сейчас приобретает высококачественные сортовые семена по 12—15 рублей за центнер. С будущего года, когда он будет иметь свои собственные семена, стоимость семян снизится вдвое. Себестоимость зерна первого года в значительной мере повышается благодаря большому расходу на горючее и амортизацию инвентаря, потому что поднимаются целины и залежные земли. Данные известного механизированного хозяйства Кэмбпелла в Америке, данные украинских совхозов дают все основания считать, что 5 руб. это максимальная себестоимость центнера пшеницы, которую мы должны иметь в механизированных хозяйствах уже в ближайшие годы, и есть много данных и вероятия, что себестоимость будет ниже. Но даже 6,5 руб. за центнер дешевле если учесть не только то, что мы платим непосредственно крестьянину (7,5—8 руб. за центнер), но и те крупнейшие расходы, которые связаны с закупкой этого хлеба, с содержанием заготовительного аппарата, с проведением заготовительных кампаний и т. д., и т. д.

Чтобы организовать такое механизированное хозяйство, нам нужно вложить на гектар пахоты, по расчетам Зернотреста, примерно около 80 руб.; это близко к цифре 85 руб., которую показывает Кэмбпелл для его американского хозяйства. Если принять во внимание и оборотные средства и перевести вложения с гектара пахоты на гектар посева, то окажется, что на гектар посева приходится вложений около 150 руб. Это все же весьма крупные вложения. Такие средства мы в состоянии затрачивать для организации крупного государственного хозяйства. Но если мы должны были бы механизировать и обобществлять крестьянское хозяйство, делая такие же крупные вложения, то массовое обобществление сильно затормозилось бы.

Величайшая заслуга Украинского совхозоб'единения, организовавшего опыт механизации и обобществления крестьянских хозяйств вокруг совхозов им. Шевченко и большая заслуга вдохновителя и организатора этого опыта тов. Маркевича заключаются в том, что они на опыте показали возможность обобществить и механизировать парцеллированные, распыленные мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства с затратами средств гораздо меньшими, чем это требуется для построения крупного государственного хозяйства. Как мы знаем из детальнейших расчетов, приведенных тов. Маркевичем в его книге („Межселенные машино-тракторные станции"), массовая механизация крестьянских хозяйств требует всего около 30 руб. вложений на *га* пахоты или 35—40 руб. на *га* посева. Это достигается тем, что полеводственный процесс изымается из совокупности всех остальных сел.-хоз. процессов и организуется одна крупная межселенная машино-тракторная станция, которая обслуживает ряд сел с 40—50 тыс. *га* пахоты. Такая станция свободна от крупнейших расходов, которые при организации совхозов, коммун и артелей связаны с жилстроительством, организацией усадеб и проведением целого ряда других мероприятий, поглощающих больше половины вложений.

Возможно, конечно, что данные о вложениях, которые показывает тов. Маркевич на основании опыта своей работы, в других случаях будут несколько выше, ибо не во всех случаях мы будем иметь совершенную организацию. Но порядок цифр вряд ли очень серьезно изменится.

Много раз приходилось слышать вопрос: когда же, наконец, в сельском хозяйстве появится свое ГОЭЛРО? Сельское хозяйство его ждет и никак не дождется. Сейчас мы уже можем сказать, что в сельском хозяйстве ГОЭЛРО создается на наших глазах. Когда Г. М. Кржижановский создавал план ГОЭЛРО — десятилетний

план электрификации, то по этому плану и к концу десятилетия электрическая сила в отношении ко всей механической силе, работающей в промышленности, занимает весьма скромное место. Тем не менее, этот план с полным основанием признается ведущей частью всего народнохозяйственного плана на целый исторический период.

Мы сейчас имеем основание сказать, что несмотря на относительно еще незначительную роль механической двигательной силы в сельском хозяйстве, по сравнению с живой двигательной силой все же в том типе машино-тракторных станций, который сейчас перед нами вырисовывается, есть уже элементы ГОЭЛРО в сельском хозяйстве. До сих пор было очень трудно отвечать на вопрос, как связать план электрификации в целом с электрификацией распыленного мелкого крестьянского хозяйства. Идея создания машино-тракторных станций или, как их правильно называют, межселенных энергетических центров, открывает в этом отношении величайшие перспективы. Пусть пока эти станции строятся на двигателях внутреннего сгорания, но они уже сейчас нуждаются в электрической энергии для обслуживания своих крупных ремонтных мастерских и всякого рода подсобных сооружений.

Впоследствии, когда техника в сельском хозяйстве продвинется вперед, когда будут изобретены и усовершенствованы электромашины для работы в сельском хозяйстве, эти межселенные энергетические центры явятся центрами, связывающими электрификацию промышленности с электрификацией сельского хозяйства.

Хотя пятилетний план намечает охватить машино-тракторными станциями площадь всего в 2,3 млн. *га* посева, но это есть только начало большого плана охвата в течение десяти лет 25 млн. *га* пахоты. Эта грандиозная задача может быть выполнена путем не столь значительных затрат импортной валюты в первые два года.

Достаточно обоснованные расчеты показывают, что с организацией машино-тракторных станций, благодаря высокому качеству обработки, полному уничтожению меж, созданию односортных массивов и т. д., можно с первого же года добиться повышения урожая на 3—3,5 центнера с *га*. Если экспортировать только эту добавочную продукцию, совершенно не затрагивая остальной товарной массы зерна, то окажется возможным дальнейшее развитие машино-тракторных станций строить на основе этой валютной выручки от прироста продукции. Перспектива настолько значительна и увлекательна, что заставляет нас уже сейчас с особым вниманием отнестись к проектировке машино-тракторных станций в пятилетнем плане народного хозяйства. Пусть в общем об'еме сельского хозяйства роль их в пятилетие будет еще очень невелика, но для перспективы строительства социализма на селе трудно переоценить значение этих станций.

Мы не скрываем от себя целого ряда трудных вопросов социального порядка, возникающих при организации этих машино-тракторных станций. Возникает сомнение, целесообразно ли, например, итти путем обобществления и механизации сел в целом, затрачивая государственные средства на механизацию хозяйств, которые сами обладают достаточным инвентарем, хотя и конным. Если бы было признано, что в интересах нашей социальной политики надо исключить 5—10% наиболее богатых хозяйств из обслуживания машино-тракторными станциями — это отнюдь не нарушило бы всего плана и не создало бы каких-либо особенных технических затруднений.

Придавая такое значение машино-тракторным станциям, мы должны в то же время отметить большие трудности, которые стоят на пути организации этих станций. Мы практического опыта по организации этих станций имеем еще очень немного. Пока мы имеем конкретный опыт и конкретные расчеты только для степной Украины. Там тип зернового хозяйства—сочетание озимых и яровых культур — таков, что трактор загружен почти равномерно на протяжении всего полевого периода. Не во всех районах это окажется так. Уже Зернотресту при его движении на восток в районы исключительно яровых культур пришлось встретиться с тем, чего нет в степной Украине, а именно, в графике работы трактора есть незаполненный период, правда, небольшой. С теми же или другими затруднениями мы встретимся в ряде других районов. Надо иметь в виду, что организация машино-тракторных станций не есть просто замена живой тяговой силы механической, а является крутой ломкой всего строя крестьянского хозяйства: с удалением лошади исчезает необходимость посевов фуража, меняется использование трудовых ресурсов хозяйства и т. д., и т. д. Поэтому важнейшей задачей ближайшего времени является накопление практического опыта по организации машино-тракторных станций в различных районах.

С этой точки зрения необходимо с особым вниманием отнестись к тому сдвигу, который намечает Сахаротрест в своем пятилетнем плане.

Сахаротрест решил смело сломать старые традиции сочетания крупного интенсивного свекловичного хозяйства с воловьей тягой и приступить к механизации своих хозяйств. Это открывает большие перспективы сочетания в этих хозяйствах производства технического сырья с одновременным развитием в больших размерах продуктивного животноводства. Благоприятное разрешение этой задачи имеет значение не только для крупных государственных хозяйств, но откроет путь к разрешению одной из сложнейших проблем нашего сельского хозяйства, так называемого аграрного перенаселения.

В аграрно-перенаселенных районах, в районах острого малоземелья лошадь с'едает продукцию почти с половины надела. Крестьянин Подолии имеет в среднем 2—3 *га* посева, и половину продукции с этой площади с'едает лошадь (зерном,

сеном и т. д.). Если в государственных хозяйствах Сахаротреста будет удачно разрешена проблема механизации свекловичных хозяйств, то откроются совершенно новые перспективы для коллективизации крестьянских хозяйств этих районов. В крупных механизированных колхозах возможно будет процент площади под сахарной свеклой поднять значительно выше, чем сейчас и в то же время развивать продуктивное животноводство в размерах, сейчас недоступных для мелких крестьянских хозяйств. Механизация не только не помешает развитию интенсивных трудоемких отраслей сельского хозяйства, как это многим кажется, а наоборот — впервые создаст для масс мельчайших хозяйств этих перенаселенных районов реальную возможность заняться интенсификацией своего хозяйства. Это—проблема, полное разрешение которой выходит за пределы настоящей пятилетки; она представляет одну из центральных проблем генерального плана. Но то, что на протяжении этого пятилетия будет сделано по механизации хозяйств Сахаротреста и по созданию первых опытных машино-тракторных станций в районах аграрно-перенаселенных, имеет огромное практическое и принципиальное значение.

Сложность проблемы механизации сельского хозяйства в тех его совершенных формах, о которых мы говорили выше, требует создания уже сейчас специального центра или центров, которые занялись бы разработкой всех сложных проблем, возникающих в связи с механизацией и массовым обобществлением крестьянских хозяйств при посредстве машино-тракторных станций, которые обеспечили бы компетентное техническое и социальное руководство, заботились бы о том, чтобы достижения отдельных станций немедленно стали бы достоянием всех остальных, разрабатывали бы основу организационных планов обобществленных хозяйств, занялись бы подготовкой кадров, разрабатывали бы более целесообразные типы тракторов, прицепных орудий и т. д. Нам нужна в этом деле организация, аналогичная Гипромезу, но которая не только проектировала бы, но и руководила бы осуществлением своих проектов в жизнь. Надо с большой опаской относиться к такому положению, когда тракторные колонны, машино-тракторные станции, организуемые отдельными районными союзами, отдельными кустами, земельными обществами и т. д., не имеют правильного технического и организационного руководства и не могут поэтому обеспечить таких высоких качественных показателей, какие желательны и возможны.

Не надо всецело полагаться только на повышенный интерес, который сейчас крестьяне проявляют к новому типу механизированного хозяйства. Вопрос окончательно решат качественные показатели: экономия на горючем, экономия на всех других расходах, а главное — длительная бесперебойная работа тракторов. Это может быть обеспечено только правильной организацией дела.

Совхозы и колхозы

На основе механизации мы в это пятилетие, прежде всего, организуем новые большие площади государственных хозяйств, реорганизуем старые совхозы и создаем большую площадь колхозов.

План намечает полное осуществление к концу пятилетия основной программы развития хозяйств Зернотреста. В 1933 г. Зернотрест должен дать 16 млн. центнеров товарного хлеба, которые партия поставила ему, как задание.

Организация Зернотреста потребует капитальных вложений около 350—400 млн. руб. Уже сейчас выявляется ряд сложных вопросов, которые необходимо разрешить в связи с организацией Зернотреста. Главные массивы земель Зернотреста находятся в районах малонаселенных, и вопрос об обеспечении Зернотреста рабочей силой является одним из самых сложных. Поэтому план предусматривает организацию вокруг земель Зернотреста колхозов из переселенцев и поселков индивидуальных переселенцев. Зернотресту это облегчит получение необходимой ему рабочей силы, а с другой стороны—Зернотрест, обладая крупными энергетическими базами, сможет оказать значительное содействие механизации хозяйств переселенцев и их дальнейшему обобществлению. Таким образом, намечается совершенно новый вид заселения свободных земель путем органического сочетания государственных, коллективных и индивидуальных крестьянских хозяйств, используя тот принцип отношений государственных хозяйств и крестьянских, который наметился на Украине в совхозе им. Шевченко. Так, например, в Казакстане на протяжении пятилетия предполагается вновь освоить 6,5 млн. *га* из них Зернотрест займет 66%, колхозы около 12%, индивидуальное крестьянское хозяйство—около 22%. Это, конечно, совершенно грубая наметка, но она все же показывает новый тип заселения свободных земель востока, который начнет осуществляться в этом пятилетии и который найдет свое полное развитие уже в генеральном плане.

Какую роль наше государственное хозяйство сыграет в это пятилетие в разрешении зерновой проблемы? По проектировке мы можем в 1932/33 г. ожидать от государственных хозяйств около 28 млн. центнеров товарного хлеба. Это—хлеб урожая 1932 г.; урожай же последнего года пятилетия (1933 г.), который зачисляется уже в продукцию следующего пятилетия, должен при средних условиях дать 35 млн. центнеров товарного хлеба. Если мы будем твердо выполнять план развертывания хозяйств Зернотреста, эти цифры явятся достаточно реальными. Таким образом, в 1932/33 г. государственные хозяйства дадут 16% всего товарного хлеба, т.-е. хлеба, необходимого для обеспечения городов, армии, промышленности и накопления государственных запасов.

В поставке технического сырья роль государственных хозяйств в это пятилетие будет значительна только по свекле, хотя удельный вес госхозяйств снижается с 29—30% до 21% всего перерабатываемого сахарной промышленностью сырья. Это совершенно понятно, так как площадь Сахаротреста ограничена, а процент свеклы в его посевах и сейчас уже достаточно велик, между тем как крестьянское свеклосеяние имеет неограниченные возможности для своего развития.

Пятилетка намечает развитие культуры льна в госхозяйствах. Льнообрабатывающие заводы в это пятилетие будут строиться в значительном количестве и, прежде всего, их целесообразно строить в госхозяйствах льняных районов. Эти хозяйства должны взять на себя обязательство обеспечить заводы определенным процентом сырья для того, чтобы льнообрабатывающие заводы могли регулировать крестьянский рынок льна. Без некоторой твердой сырьевой базы льнообрабатывающие заводы будут очень неустойчивыми.

Если в области полеводства роль государственных хозяйств к концу пятилетия чрезвычайно сильно возрастает, то нельзя этого сказать о животноводстве. Один из двух наиболее крупных трестов—Зернотрест—в этом пятилетии своего животноводства еще развивать не будет; он только будет подготовляться к развертыванию продуктивного животноводства во втором пятилетии. На его свободных землях будет происходить только выпас шерстных овец, а на его грубых кормах будет итти откорм приобретенного со стороны мясного скота. Другой крупный трест—Сахаротрест—делает в этом пятилетии только первый шаг к развитию продуктивного животноводства. К концу пятилетия у него будет около 2 коров на 100 *га* посева, в то время как у крестьян их приходится 30. Только после того как Сахаротрест удачно разрешит проблему механизации своих хозяйств и откажется от содержания массы волов, можно будет серьезно говорить о развертывании продуктивного молочного животноводства в крупных размерах. И только в Госсельсиндикате да в Украинском совхозоб'единении молочное хозяйство приобретает значительные размеры, хотя по расчету на 100 *га* посева и у этих совхозов скота будет вдвое меньше, чем у крестьянина. Лишь в шерстном овцеводстве государственное хозяйство „Овцевод" будет играть крупную роль.

Несмотря на медленное развитие животноводства в совхозах, все же в виду товарного характера этого животноводства и плановой концентрации его в совхозах, расположенных вблизи промышленных центров, роль госхозяйств в снабжении рабочего населения молочными продуктами должна будет на протяжении пятилетия заметно возрасти. Было бы неправильным, однако, определять роль совхозов в молочном хозяйстве страны только по количеству поставляемого ими молока. Как и в области полеводства, совхозы должны сыграть крупную роль в выработке новых приемов и методов содержания и ухода за животными. Начатая уже сейчас некоторыми совхозами организация крупных молочных ферм, механизация удоя и т. д. даст возможность накопить организационный и технический опыт для массового обобществления крестьянского животноводства и для под'ема качественной стороны всего животноводства в стране.

Площадь под колхозами по плану предполагается довести до 20 млн. *га* посева. К концу пятилетия в колхозах будет об'единено около 19 млн. душ. Вместе с совхозами население обобществленного сектора составит 20 млн. человек. Благодаря усиленному строительству обобществленного сектора при росте всего сельского населения с 123 млн. в начале до 137 млн. в конце пятилетия, количество населения в индивидуальных крестьянских хозяйствах снижается с 122 млн. до 117 млн. Иными словами, обобществленный сектор поглощает количество душ, равное всему приросту сельского населения, и еще 5 млн. человек. Вместе с сокращением численности сел.-хоз. населения в индивидуальном секторе мы получим к концу пятилетия сокращение числа индивидуальных хозяйств по крайней мере на 1—1,2 млн. дворов, а возможно, что и больше, учитывая, что в колхозы пойдут преимущественно бедняцкие дворы, имеющие, как правило, состав семьи ниже среднего.

К концу пятилетия в колхозах будет работать 120 тыс. тракторов и три четверти площади колхозов будет механизировано.

Все же около 5 млн. *га* будет обобществлено на основе конной тяги, поэтому вопрос о целесообразных формах организации колхозов с живой тягой остается вполне актуальным. Занимая $^1/_4$ площади, колхозы с конной тягой составят, вероятно, больше половины общего числа колхозов, ибо это будут более мелкие колхозы, чем колхозы механизированные.

План делает установку на создание крупных коллективов и укрупнение уже существующих. Надо прямо сказать, что обобществить такую огромную площадь, как 20 млн. *га*, путем создания мелких колхозов, представляется абсолютно невозможным. Беспрерывное отпочковывание массы мелких коллективов от своих земельных обществ вызовет постоянное расстройство землепользования этих обществ и проводимого в них землеустройства и т. д., и т. д. Это отрицательно влияло бы на развитие производительных сил всего сельского хозяйства, а с другой стороны, мелкие колхозы не смогли бы надлежаще использовать крупные машины для расширенного воспроизводства затраченного капитала.

Чтобы избежать этого, план намечает теснейшую увязку между землеустройством и организацией коллективов. В коллективном движении, конечно, самое ценное—инициатива населения. Но задача государства, вкладывающего крупные капиталы в коллективы, организовать дело таким образом, чтобы главная масса коллективов была организована одновременно и параллельно

с общим землеустройством, и всякого рода поощрительными мероприятиями содействовать организации крупных колхозов. По мере накопления опыта по организации машино-тракторных станций этот путь массового обобществления, ведущий к созданию обобществленных массивов на площади в десятки тысяч гектаров, начнет играть большую роль уже в это пятилетие, а в следующем пятилетии станет основным методом массового обобществления.

Запроектированное укрупнение колхозов видно из следующей таблицы, показывающей удельный вес колхозов различных размеров во всей обобществленной посевной площади:

Размеры колхозов	Удельный вес по посевной площади	
	1928 г.	1933 г.
До 100 га	44	7
101—400 га	28	23
401—800 „	14	26
801—1200 га	12	23
1201 и больше	2	21
Итого . . .	100	100

Пятилетний план уделяет много внимания и другим моментам улучшения качественной стороны колхозного движения. Если сейчас колхозы обобществили примерно 50% средств производства своих членов, то к концу пятилетия процент обобществления должен достигнуть 75. Полеводство будет обобществлено на 80%. Колхозы, которые организуются в начале пятилетия, конечно, к концу пятилетия должны будут уже полностью обобществить свое полеводство. Но поскольку одна треть колхозов будет организована в самом конце пятилетия, они не успеют в это пятилетие землеустроиться и полностью обобществить свое полеводство. Отсюда и получается некоторый процент необобществленного полеводства.

Гораздо сложнее вопрос с обобществлением животноводства. Массовая коллективизация начинается с простейших форм, охватывающих только полеводство,—с общественной обработки земли. Такая высоко совершенная форма массовой коллективизации, как машинотракторные станции, тоже вначале обобществляет только полеводство. Государственные средства, вкладываемые в колхозы (тракторы, машины) служат также главной частью обобществлению полеводства. Обобществление животноводства за исключением районов, где животноводство является главной отраслью хозяйства, должно в основном итти за счет накоплений, получаемых в обобществленном полеводстве.

Хотя обобществление животноводства в массе только следует за обобществлением полеводства, но если бы процесс коллективизации надолго задержался на одном полеводстве, то накопления, получающиеся в обобществленном хозяйстве, стали бы перекачиваться на развитие животноводства в индивидуальном хозяйстве, и мы получили бы массовую утечку средств из обобществленного сектора в необобществленный. Вот почему важнейшей задачей пятилетия

является ускорение обобществления животноводства путем организации обобществленных скотных дворов, введения в них улучшенных способов техники и т. д. К концу пятилетия половина продуктивного скота членов колхозов будет обобществлена и только другая половина останется в индивидуальном пользовании колхозников. Сейчас процент обобществления скота составляет всего 20. Нельзя было принимать в плане больших темпов обобществления животноводства, потому что главная масса колхозов будет организовываться во второй половине пятилетия, и естественно в первые годы будет занята организацией полеводства и не сможет еще иметь достаточных накоплений и неделимых капиталов для постройки общественных скотных дворов и т. д.

Какое количество товарного хлеба мы можем ожидать от колхозов? Подсчеты показывают, что при среднем урожае в 1932 г. колхозы по отправному варианту дадут 39 млн. центнеров зерна и в продукции 1932/33 г. на долю колхозов придется 23% от всего количества товарного хлеба. Вместе с совхозами колхозы в 1932/33 г. могут дать около 39% всей массы товарного хлеба. Это будет примерно такой же процент, какой сейчас в товарной продукции зерна занимают те 10% зажиточных хозяйств, о которых мы говорили в начале доклада. То, что государство в обобществленном секторе будет располагать таким количеством зерна, отнюдь, конечно, не означает, что продукция зажиточной части уже теряет свое значение для государства. Но имея в своих руках большую массу хлеба из обобществленного сектора, государство сможет гораздо тверже регулировать заготовки хлеба в зажиточных хозяйствах, сможет гораздо более решительно подчинить их регулирующему и плановому воздействию государства, сможет более действительно пресечь спекуляцию хлебом. Однако, такое благоприятное положение создается лишь в последние годы пятилетия. В первые же годы решающая роль в поставке товарного хлеба все еще будет принадлежать индивидуальным хозяйствам, и в связи с этим затруднения, которые имеют место за последние годы, будут лишь постепенно изживаться. Из этого нельзя, конечно, делать вывода об ошибочности и неправильности плановых установок и о недействительности тех мер реконструкции, которые намечаются. Это говорит лишь о том, что мы к социальной и технической реконструкции сельского хозяйства смогли приступить только теперь, ибо мы только сейчас получили материальные ресурсы и организационный опыт, необходимые для массового обобществления. Никто не может указать более действительных путей для преодоления затруднений, которые мы имеем сейчас, и надо твердо и без колебаний двигаться по принятому направлению.

Если брать не только зерновую продукцию, а всю продукцию сельского хозяйства в целом, то роль всего обобществленного сек-

тора (совхозов и колхозов) будет значительно меньше. Во всей валовой продукции сельского хозяйства 1932/33 г. на долю обобществленного сектора придется 13%, а в товарной продукции 23%. Если взять урожай последнего года пятилетия (1933 г.), который засчитывается уже в продукцию 1933/34 г., то удельный вес обобществленного сектора поднимается до 17% в валовой продукции и 25% в товарной. Гораздо меньшее значение обобществленного сектора во всей продукции по сравнению с его ролью в зерновом хозяйстве понятно из всего того, что мы говорили выше о медленном развитии технических культур в совхозах, о слабом развитии животноводства и в совхозах и в колхозах на протяжении пятилетия и т. д., и т. д.

Индивидуальное крестьянское хозяйство и его кооперирование

Итак, как материальная база для регулирования всего сельского хозяйства, обобществленный сектор уже в этом пятилетии приобретает крупнейшее значение. Но как поставщик продукции индивидуальное хозяйство все еще будет играть преобладающую роль. План поэтому уделяет большое внимание вопросам реконструкции индивидуального хозяйства.

Индивидуальное хозяйство на протяжении пятилетия охватывается широким и разносторонним процессом кооперирования. Имеется в виду к концу пятилетия втянуть в сельскохозяйственную кооперацию около 85% крестьянских дворов. Огромнейшую роль в деле переустройства индивидуального крестьянского хозяйства должно сыграть развитие обобществленного сектора. Возьмем для примера одну из задач, поставленных декретом ЦИКа о под'еме урожайности, а именно смену на протяжении 5—6 лет крестьянских беспородных семян семенами сортовыми. Чтобы разрешить эту задачу, нам нужно к концу пятилетия иметь около 120 млн. центн. сортовых семян, а пока мы имеем весьма ограниченное количество таких семян. Только при том условии, если будет усиленно расти обобществленный сектор сельского хозяйства и если в этом обобществленном секторе мы сконцентрируем для размножения имеющиеся небольшие фонды сортовых семян, мы сможем их так быстро размножить, чтобы удовлетворить потребность масс крестьянства в сортовом материале. Если не было бы обобществленного сектора, фонды улучшенных семян распылились бы, смешались бы с беспородными, и задача, поставленная ЦИКом, не могла бы быть разрешена. Это подтверждается опытом и нашей действительности. Если мы сейчас серьезно подвинули вперед замену беспородной озимой пшеницы улучшенными сортами, то это потому, что в районах озимой пшеницы имеются большие массивы крупного государственного хозяйства (Сахаротреста), которые являются поставщиками сортового материала для крестьянских посевов. И наоборот, в ржаных районах, где государственное хозяйство сравнительно слабо развито, мы до сих пор имеем ничтожное количество сортовых посевов ржи.

Это лишь один пример того значения, которое будет иметь обобществленный сектор для переустройства крестьянского хозяйства.

Кроме воздействия обобществленного сектора главными рычагами кооперирования и технического под'ема крестьянских хозяйств явятся индустриализация сельского хозяйства (строительство предприятий по переработке продуктов), контрактация и усиленная машинизация крестьянского хозяйства.

В строительство предприятий по переработке сел.-хоз. продуктов на протяжении пятилетия будет вложено около 1.400 млн. руб. по отправному варианту и 1.500 млн. руб. по оптимальному. Из них 550 млн. руб. поступит от госбюджета и сел.-хоз. кредита и 500 млн. руб. от промышленности (сахарные заводы и др.). Общая стоимость продукции этих предприятий составит 3—3½ мрд. руб. против 1,2 мрд. к началу пятилетия. Если стоимость сырья, идущего в переработку, оценить, примерно, в 60% стоимости конечной продукции, то индустриальными предприятиями будет переработано на 2 мрд. руб. крестьянского сырья (молока, мяса, льна, свеклы и т. д.). Это составит, примерно, около 40% всей товарной продукции сельского хозяйства, которую индустриальные предприятия должны будут получать через кооперацию. Главная масса индустриальных предприятий будет строиться на кооперативных началах и это тоже должно сыграть огромнейшую роль в деле кооперирования крестьянского хозяйства.

Следующим рычагом явится контрактация. К концу пятилетия контрактация охватит всю товарную массу технических культур, около двух третей всей товарной массы зерна и не менее 50% товарной части животноводства. Самый характер контрактаций на протяжении пятилетия резко меняется. Если сейчас контрактация носит еще в значительной мере характер простой закупки на корню, то в течение пятилетия она будет принимать все более и более производственный характер. Основой контрактационных договоров явятся обязательства для поставщиков выполнять определенные агрикультурные требования, поставлять государству продукцию не только в определенном количестве, но и определенного повышенного качества, с соответствующим, разумеется, вознаграждением за это качество. Принцип обязательности в проведении простейших агрикультурных мероприятий, установленный декретом ЦИКа по под'ему урожайности, в контрактационных договорах найдет экономическое подкрепление, и по мере развития контрактации моменты административного регулирования агрикультуры все более будут подкрепляться прямой хозяйственной заинтересованностью крестьянства. Этот массовый процесс контрактации окажет огромное влияние на производственные и социальные отношения внутри крестьянства. По мере того как

контрактация примет массовый характер, мы от договоров с небольшими группами крестьян будем все более переходить к заключению контрактов с большими посевными товариществами и целыми земельными обществами. Самые договоры из краткосрочных все более будут превращаться в долгосрочные. Все это повлечет за собой изменение самого характера современных земельных обществ. Земельные общества, которые сейчас заняты почти исключительно регулированием земельных отношений, по мере развития контрактации и углубления ее содержания, будут все более и более заниматься улучшением и регулированием процессов производства; они будут обзаводиться для этой цели необходимыми машинами — сеялками, молотилками, зерноочистками и т. д., необходимыми для обеспечения качества продукции, поставляемой по контракту. Этим путем масса земельных обществ постепенно все более и более будет эволюционировать в сторону земледельческих кооперативов.

Некоторые товарищи в предвидение этой эволюции земельных обществ уже склонны причислять эти земельные общества к коллективам. Это, конечно, поспешно и неправильно. Хотя земельные общества будут иметь общественный севооборот, засевать свои поля односортными семенами, совместно сдавать эти семена по контракту, возможно даже обмолачивать их общественными молотилками и чистить на общественном триере,— все-таки это еще далеко до колхозов, поскольку рабочий скот и главная масса полевого инвентаря используются в индивидуальном порядке. Внутри этих земельных кооперативов еще будет итти классовая борьба, хотя, разумеется, условия этой борьбы гораздо больше будут поддаваться государственному регулированию, а зажиточная часть крестьянства, обязавшаяся сдать свою товарную продукцию государству, тем самым перестанет спекулировать на рынке сел.-хоз. продукции.

Мы считаем гораздо более правильным для оценки перспектив и характера процесса обобществления, если мы такого типа земельные общества будем причислять к простейшим производственным об'единениям, а не к колхозам, хотя эволюция земельных обществ в сторону земледельческих кооперативов в высшей степени облегчает условия для их массового обобществления.

Попутно мы должны отметить, что, вообще говоря, существующие сейчас уставные формы коллективов далеко недостаточны для характеристики всех типов колхозов, которые должны возникнуть на протяжении пятилетия. Да и вообще у нас нет еще критерия для правильной оценки степени обобществления в различных типах обобществленного и кооперированного хозяйства и для получения некоторого интегрального итога всего процесса обобществления. Мы ставим поэтому вопрос о необходимости найти, если можно так выразиться, „индекс обобществления“, который позволил бы привести к некоторому единству все разнообразие типов и стадий обобществления, которое мы будем иметь на протяжении пятилетия. Без

такого индекса чрезвычайно трудно оценить рост обобществления во времени и еще труднее расценивать успехи и достижения коллективизации в различных районах с различным типом хозяйства и различными формами и видами обобществления. Если бы удалось теоретически и практически разработать принцип и методы такого индекса, мы получили бы твердую базу для оценки того, в какой мере мы приближаемся в нашем плане к реализации великого кооперативного плана Ленина.

Следующим фактором массового кооперирования крестьянства является усиленная машинизация крестьянских хозяйств. За пятилетие в сельское хозяйство поступит машин на 2.500 млн. руб.[1] Если вычесть количество машин, которое пойдет в совхозы и колхозы (800 млн. руб.[1]), все же остается на огромную сумму машин, которые должны пойти в индивидуальное крестьянское хозяйство. Дело, однако, не только в количестве машин, но в их типах. Если наши заводы вместо годового производства сел.-хоз. машин на 153 млн. руб. в исходный год, к концу пятилетия, будут производить в 3—4 раза больше, то это связано с коренным изменением типов сел.-хоз. машин. При таком развитии сельскохозяйственного машиностроения в нем гораздо большую роль будут играть сложные машины, более дорогие и машины специальные, не могущие быть рационально использованными в индивидуальном хозяйстве не только бедняцком, но и середняцком, так как они или недоступны этим хозяйствам по цене или нужны им на очень короткий период. Только при условии массового кооперирования возможна реализация машин и такое их использование, которое гарантировало бы окупаемость этих машин и расширенное воспроизводство вложенного в них капитала.

В тесной связи с ростом машиноснабжения будет итти эволюция современных прокатных пунктов. Сейчас прокатные пункты, как известно, работают чрезвычайно несовершенно. Имеющиеся на них орудия и машины используются на $^1/_4$—$^1/_3$ их производительности. По мере увеличения количества машин мы сможем вместо теперешних пунктов с случайно являющимися за машинами клиентами организовать комплекты машин, используемых на кооперативных началах постоянными группами бедняцких и середняцких хозяйств. Это будут, собственно говоря, уже не прокатные пункты, а простейшие производственные кооперативы, легко превращаемые в товарищества по общественной обработке земли и в коллективы. Последняя перспектива тем более реальна, что мы будем иметь в этом пятилетии значительное несоответствие между ростом сел.-хоз. машиноснабжения и ростом двигательной силы. В то время как количество машин к концу пятилетия увеличивается в два раза, количество двигательной силы увеличивается всего только на 40—45%. Поэтому использовать в полной мере машины мы сможем только в том слу-

[1] В оптовых ценах.

чае, если удастся более рационально и полно использовать рабочий скот. Как известно, рабочий скот в хозяйствах середняцких нагружен работой недостаточно. Умелой политикой и диференциацией кредитования машиноснабжения мы можем заинтересовать лошадного середняка в том, чтобы он шел в производственное об'единение совместно с бедняками пользоваться льготными машинными кредитами, если он со своей стороны предоставит свой рабочий скот для обработки земли безлошадных хозяйств на началах кооперации и за урегулированную оплату.

Мы коснулись только главнейших рычагов массового кооперирования крестьянских хозяйств. Они дают нам полное основание считать реальной задачу кооперирования 85% хозяйств и втягивания не менее 25% всех крестьянских хозяйств в простейшие производственные об'единения.

Процесс кооперирования будет сопровождаться усиленной специализацией, укреплением существующих сейчас специальных видов кооперации и образованием новых и новых специальных форм. Но при всем углублении специализации нам представляется необходимым сохранить сельскохозяйственную кредитную кооперативную ячейку, через которую проходило бы все финансирование сельского хозяйства, не только кредитование колхозов, производственных об'единений и индивидуальных крестьян, но и все расчеты по контрактации, снабжению и т. д. Только при условии создания такого финансового центра на селе государство сможет регулировать денежный оборот на селе, не только выдавать ссуды, но и обеспечить их возвращению и аккумулировать временно свободные средства, накопляющиеся в крестьянских хозяйствах в периоды после реализации продукции. Своевременный возврат кредитов и аккумуляция крестьянских средств являются необходимыми предпосылками для выполнения всего плана сельского хозяйства и в том числе плана кооперирования.

Из сказанного видно, что мы для этого пятилетия намечаем крупнейшие сдвиги в деле обобществления и кооперирования сельского хозяйства. Если счесть воедино строительство совхозов, колхозов, массовое кооперирование крестьянства и углубление производственного содержания этого кооперирования, то надо признать, что в это пятилетие будет сделано не мало для осуществления великого ленинского кооперативного плана.

Техническая реконструкция

а) Организация территории. Вопросы организации территории занимают одно из центральных мест пятилетнего плана. В течение пяти лет предполагается освоить новых 12—15 млн. *га* земли для сельскохозяйственного использования. В дореволюционное время освоение новых земель шло на юге и на востоке и, главным образом, в погоне за производством зерна. В промышленных районах количество земель сельскохозяйственного пользования не только не увеличилось, но наоборот шло забрасывание земель и рост пустошей вокруг наших крупнейших промышленных центров.

Рост машиноснабжения, в том числе и трактороснабжения дает нам возможность продолжать давно уже идущий процесс освоения земель юга и востока для расширения зерновой продукции, но уже в иных, новых формах. Но одновременно рост другой отрасли индустрии — производства минеральных туков — дает возможность уже в этом пятилетии положить начало осуществлению другой грандиозной задачи — введения в сел.-хоз. культуру бросовых земель потребляющих районов. Мы начинаем систематическое овладевание огромными площадями пустующих земель, находящихся в Центрально-Промышленной, в Северо-Западной, Западной областях и Белоруссии. Эти земли ведь очень мало отличаются от тех земель, на которых немцы получают свои высокие урожаи. Мы не могли себе поставить подобной задачи, пока у нас не было крупного производства минеральных туков. Считая, что программа производства удобрений будет промышленностью выполнена, что мы одновременно будем иметь значительное снижение стоимости удобрений, мы проектируем в пятилетнем плане освоение 3 млн. *га* бросовых земель. Это только начало большого процесса, который будет развиваться, главным образом, уже в следующем пятилетии.

Сейчас трудно решить — чему в более далеком будущем придется отдавать предпочтение — увеличению ли земель сельскохозяйственного пользования на засушливом юго-востоке и востоке Союза или окультивированию пустующих сейчас земель на севере и северо-западе? Вопрос этот разрешится в зависимости от степени развития двух отраслей индустрии — тракторостроения и сел.-хоз. машиностроения, с одной стороны, и химии — с другой.

В тесной связи с расширением площади земель сел.-хоз. пользования стоит вопрос о более правильном размещении и распределении пространства между пашней и лесом. Хотя мы осуществили национализацию земель и вступили в период социальной реконструкции, отношение между лесом и пашней у нас остается примерно то же, какое было в период частной собственности на землю и лес. Частный владелец леса, если он вел более или менее рациональное лесное хозяйство, составлял лесоустроительный план и если он в год вырубал, скажем, 100 *га* леса, он обязательно старался восстановить лес на том самом месте, где он был срублен. Для частнокапиталистического хозяйства это был единственный путь правильного ведения хозяйства и в то же время единственный путь борьбы с лесоистреблением. Но обязателен ли этот путь для нас, национализировавших землю и строящих социалистическое хозяйство? У нас в целом ряде интенсивных районов есть, например, леса,

растущие на черноземах, суглинках и т. д. Спрашивается, вырубая там лесосеку, должны ли мы обязательно восстанавливать лес на том же самом месте, где он раньше рос, хотя эти земли могли бы пойти в сел.-хоз. пользование и с одного *га* могли бы дать, например, 75 — 80 берковцев свеклы или около 20 центнеров сахара? Разве не было бы рациональнее восстанавливать лес не на том месте, где он рос до вырубки, а на имеющихся в этих же районах песках и других земельных угодьях, пригодных только для леса и непригодных для пашни? Мы сейчас можем и должны перед собой поставить эту задачу. Осуществление этой задачи не должно сопровождаться в районах малолесных сокращением лесной площади, хотя бы в малой мере. Речь идет лишь о плановом, доступном социалистическому государству размещении леса и пашни таким образом, чтобы повысить общую производительность нашего народного хозяйства.

Но есть и такие районы, где можно смело ставить себе задачу увеличения количества пашни за счет прямого сокращения лесной площади. Это в тех районах, где лесистость очень велика и где превращение части малоценного леса в пахотные угодия способствовало бы увеличению площади государственных хозяйств, колхозов и наделов крестьянских хозяйств и тем самым поднятию в этих районах продуктивного животноводства и других интенсивных отраслей сельского хозяйства.

Когда мы сравниваем наши хозяйства так называемых потребляющих районов с соответствующими хозяйствами западных стран, мы часто забываем, что средний размер надела западного крестьянина больше надела крестьянина в потребляющих районах. Это дает возможность первому содержать больше скота, иметь больше навоза и большие урожаи. Мы должны поэтому поставить себе задачу наделы крестьян в этих районах расширить, сопровождая это расширение наделов изменением социальной структуры крестьянского хозяйства (ростом коллективов). Такая задача была совершенно немыслима в царский период и становится реальной сейчас, когда в стране создается новая индустрия химических удобрений и когда мы приступаем к осуществлению грандиозного плана известкования.

Рациональное соотношение между лесом и пашней находит в пятилетнем плане свое отражение и в проекте роста лесозащитных насаждений, имеющих целью защиту, прежде всего, наших юго-восточных и восточных посевов от угрожающего им влияния засушливой полупустыни.

К этой же группе вопросов организации территории относится мелиорация. В пятилетнем плане намечается охватить мелиорацией около 2 млн. *га*, из них 1.600 тыс. *га* приходится на осушительную мелиорацию в так называемых потребляющих районах Белоруссии, в сев.-западной Украине и т. д. Целью этих мелиораций являются, главным образом, увеличение кормовой базы и улучшение положения продуктивного животноводства. И только 400 тыс. *га* приходится на оазисное орошение на юге и юге-востоке. Более крупные оросительные мероприятия намечаются на Дальнем Востоке и в районах Турксиба под рисовую культуру. В мелиоративных работах будет принимать деятельное участие кооперированное население и своими средствами и трудом. Организуемые мелиоративные товарищества должны затем превращаться в коллективы для совместной обработки мелиорированных земель.

В этом пятилетии подготовляются условия для крупных мелиораций в последующий период. Правительством уже принято решение об организации в Заволожьи, в виде опыта, орошения площади до 30 тыс. *га*. Это является началом осуществления большого плана ирригации Заволжья. В это же пятилетие будут вестись изыскательные работы по орошению южного Днепра в связи с сооружением Днепростроя. Все мелиоративные мероприятия в целом потребуют вложения около 315 млн. руб. по отправному варианту и около 490 млн. руб. по оптимальному, в том числе из государственных источников 180 и 300 млн. руб. Главная масса этих средств пойдет в западные районы, где мелиорация, как мы говорили, будет связана с развитием животноводства и интенсификацией хозяйства.

Особое место среди мелиоративных мероприятий занимает ирригация, имеющая целью расширить площадь под хлопковую культуру в Средней Азии и Закавказьи. Путем орошения имеется в виду освоить в течение пяти лет около 1,5 млн. *га*, из них 750 тыс. *га* будут заняты под хлопок. Стоимость ирригационных работ будет составлять 600 млн. руб., из которых государственных вложений 460 млн. руб.

К числу мероприятий полумелиоративного значения надо отнести и план развития посевов люпина и сераделлы, что даст возможность ввести в культуру на ряду с болотными и торфяными угодьями и супесчаные и песчаные земли и повысить урожай с земель этого рода, уже находящихся в сел.-хоз. пользовании.

Из вопросов организации территории наибольшее значение для широчайших масс крестьянства имеет землеустройство.

В этом пятилетии землеустройство будет почти закончен (на 90—100%) в наиболее важных производящих районах (на Украине Сев. Кавказе, ЦЧО, в пограничных районах, в районах свеклосеяния вокруг льнозаводов, в районах организации Турксиба) и процентов на 85—90 в Поволжьи, Белоруссии и некоторых других районах. Это заканчивание землеустройства является в высшей степени условным, потому что само представление о доведении в определенный срок землеустройства до конца исходит из неправильной мысли об однократном землеустройстве. Идея однократного землеустройства, заканчиваемого в определенный срок, усвоена нами из периода буржуазных революций. Но тогда землеустройство имело целью установить земельные границы новых буржуазных собственников,

сменивших феодалов. В социалистическом же государстве основная задача землеустройства заключается не только и не столько в разграничении новых землепользователей, сколько в приспособлении земельной площади к новым формам производства. Поскольку эти формы производства на наших глазах меняются, поскольку из года в год будет разрастаться коллективное движение и будут возникать новые формы и типы обобществления хозяйства,— землеустройство не может быть однократным, а неизбежно будет повторяться. Это мы уже наблюдаем сейчас. Искусство планирования землеустройства должно заключаться в том, чтобы облегчить и упростить повторяющиеся процессы землеустройства.

Это возможно будет в том случае, если мы как можно скорей откажемся от бессистемного землеустройства по заказу отдельных селений и перейдем к плановому землеустройству крупных земельных массивов, увязывая землеустройство с организацией коллективов и учитывая предстоящие изменения технической базы и организационных форм земледелия в связи с тракторизацией, машинизацией и строительством индустриальных предприятий.

В районах зерновых уже сейчас центральной организующей идеей землеустройства и связанного с ним расселения должна стать проектировка будущих энергетических центров машино-тракторных станций. Если вглядеться в наше расселение, то и в тех случаях, когда оно проводится удачно, оно бывает таковым только с точки зрения интересов расселяющихся сел. В расселенных селах мы имеем, как правило, образование поселков на окраинах земельной территории этих сел. Но если, хотя бы с аэроплана, посмотреть на районы, где имеет место массовое расселение, мы увидим бессистемно и бесплановo разбросанные поселки без какой-либо организующей идеи. Между тем, проектировка будущих энергетических центров, в виде машино-тракторных станций, могла бы внести плановое начало в расселение, концентрируя поселки на определенном расстоянии от этих энергетических центров.

В районах интесивного земледелия важнейшей задачей землеустойства является увязка его с планом строительства индустриальных предприятий и их размещением по территории районов.

Для того чтобы при росте обобществленных форм пришлось возможно меньше ломать раз произведенное землеустройство, план имеет в виду придавать реорганизуемым землепользованиям такие размеры, конфигурацию и формы, которые дали бы возможность без коренной ломки землеустройства образовать колхозы и об'единить эти землепользования в более крупные земельные единицы.

Предполагается, что такого рода плановым землеустройством, учитывающим задачи коллективизации, будет в этом пятилетии охвачено около 50—60 млн. *га*.

Последний из вопросов организации территории является вопрос переселения. Пятилетка намечает переселение около 1,3 млн. душ и заселение 7,4 млн. *га*. Из них 34% в ДВК и 31% в Казакстане, 27% в Сибири; остальное приходится на Урал, Поволжье и Черноморское побережье. В самом начале заселения имеется в виду охватить колхозами около 25% площади. Но если учесть, как мы указывали выше, освоение новых земель путем организации государственных механизированных хозяйств и механизацию через них крестьянских хозяйств, то роль обобществленного сектора в переселении будет значительно больше. В таком районе, как Казакстан, обобществление охватит около $^3/_4$ всей вновь освоенной площади. Это совершенно новый тип заселения, неизвестный еще в мировой истории.

б) Машиноснабжение. Как мы уже указывали, крупнейшим фактором под'ема и реорганизации всей массы середняцких и бедняцких хозяйств, их коллективизации и кооперирования является намечаемый в пятилетнем плане рост сел.-хоз. машиностроения. Общая стоимость сел.-хоз. машин в стране поднимается с 1 мрд. руб. в начале пятилетия до 2,15 мрд. руб. в конце его по отправному варианту, а по оптимальному до 2,25 мрд. руб. Если прибавить тракторы с прицепными орудиями, то стоимость всех сел.-хоз. машин поднимается от 1,05 мрд. руб. до 3 мрд. руб. Однако, темп роста производственной мощности машин выше темпа роста номинальной их стоимости, так как одновременно будет итти рационализация машиноиспользования, увеличение загрузки сел.-хоз. машин в связи с ростом обобществления и кооперирования.

Чтобы освоить плодотворно этот поток сел.-хоз. машин, беспримерный для всей прошлой истории нашей страны, необходимо предусмотреть ряд условий. Во-первых, необходимо коренным образом изменить состав сел.-хоз. машин и ввести в обиход ряд новых сложных и специальных машин, которые до сих пор у нас не производились и не применялись. Разумеется, что это должно итти параллельно с выполнением такой обязательной задачи, как замена сохи плугом в течение трех лет. Во-вторых, необходимо как мы уже говорили, отыскать для массового кооперирования крестьянства на основе машиноснабжения такие организационные формы, которые были бы более рациональны, чем современные машинные товарищества и прокатные пункты и в то же время более твердо обеспечивали бы обслуживание сел.-хоз. машинами деревенской бедноты.

Разрешение сложного комплекса технических, экономических и социальных вопросов, связанных с намечающимся быстрым ростом машиноснабжения, требует усиленного к себе внимания. Удачное разрешение этих вопросов возможно только при теснейшей увязке работ машиностроительных организаций, сел.-хоз. кооперации, земельных органов и т. д.

Рост машиноснабжения используется в пятилетнем плане для достижения одной из важнейших установок плана — подтягивания отсталых сел.-хоз. районов.

В среднем по СССР, по имеющимся данным, на 1 *га* посева приходится к началу пятилетия на 9 руб. 60 коп. сел.-хоз. машин и орудий (это в оптовых ценах; в контрольных цифрах на 1928/29 г. стоимость инвентаря показана в продажных ценах, и потому она более высокая). К концу пятилетия на 1 *га* посева придется около 24 руб. сел.-хоз. машин и орудий.

По отдельным районам стоимость сел.-хоз. инвентаря меняется так на 1 *га* посева (в руб.):

	На начало пятилетия	На конец пятилетия
РСФСР		
I группа районов . .	7,4	27,0
II „ „	6,8	26,9
III „ „ . . .	7,5	21,2
Всего по I–III . .	7,4	24,6
УССР	18,2 (?)	26,8
БССР	8,8	19,1
ЗСФСР	3,9	21,1
УзбССР	3,8	27,8
ТуркССР	2,9	18,0
СССР . . .	9,6	24,2

По РСФСР выделены в первую группу важнейшие производящие районы — Средне-Волжский, Нижне-Волжский, Северный Кавказ, Крым и Сибирь; во вторую группу районов — автономные республики (за исключением Немреспублики и Карелии); в третью группу — все остальные районы.

Почти в шесть раз увеличивается машиноснабжение окраинных республик — Узбек., Турк. и Закав. ССР. Из отсталых они подтягиваются к наиболее передовым районам, а Узбекская вообще выходит на первое место в связи с тракторизацией хлопковых площадей. Сильно подтягиваются автономные республики РСФСР.

Украина сейчас гораздо лучше снабжена машинами, чем другие районы, хотя исходная цифра, позаимствованная из республиканских материалов, вызывает сомнение и, по всей вероятности, она несколько преувеличена. Во всяком случае Украина и в конце пятилетия остается в первых рядах.

В течение пятилетия значительно увеличивается энерговооруженность работников в сельском хозяйстве. Мощность механических двигателей в киловаттах на 1 работника возрастает в совхозах с 0,22 до 0,96 (увеличение в 4,4 раза), в колхозах с 0,09 до 0,28 (увеличение в 3,1 раза) и в индивидуальных кооперированных хозяйствах с 0,10 до 0,15 (увеличение в 1,5 раза). Количество часов работы в киловатт-часах на 1 работника поднимается в совхозах с 302 до 1702 (увеличение в 5,6 раза), в колхозах с 100 до 391 (увеличение в 3,9 раза) и в индивидуальных кооперированных крестьянских хозяйствах с 8,0 до 22,6 (увеличение в 2,7 раза).

Эти цифры наглядно показывают связь между социальной реконструкцией сельского хозяйства и изменением энергетической базы.

в) Химизация. Пятилетний план намечает усиленную химизацию сельского хозяйства. По оптимальному варианту годовая продукция минеральных удобрений поднимается в 1933 г. до 8,9 млн. тонн. Из них растворимых фосфатов 3,4 млн. тонн, фосфоритной муки 2,7 млн. тонн, азотистых удобрений 1,3 млн. тонн и калийных 1,5 млн. тонн. Но для воздействия на продукцию 1932/33 г. сможет быть использовано только годовое производство между апрелем 1931 г. и апрелем 1932 г. примерно около 5 млн. тонн, но и это количество в девять раз более того количества, которое сельское хозяйство получает в 1928/29 г. Тем не менее, в первые годы пятилетия придется усиленно импортировать минеральные удобрения, чтобы покрыть потребность в удобрении для хлопка, льна, свеклы и травосеяния. Только по оптимальному варианту и то только под конец пятилетия начнется массовое применение минеральных удобрений под зерновые.

Из минеральных удобрений план придает особое значение широкому применению природных фосфоритов, организации их перемола и улучшению качества этого перелома.

На ряду с этим план намечает большую программу известкования 7 млн. *га* за все пятилетие, т.-е. 25% от площади, нуждающейся в известковании в пределах Европейской части СССР.

Увеличение количества минеральных удобрений в стране отнюдь не будет умалять значения такого основного удобрения, как навоз, и таких второстепенных удобрений, как торф, зола, компост и другие. Напротив план, намечая развитие продуктивного животноводства и большие темпы поднятия урожайности, полагает, что применение навозного удобрения значительно возрастет и что в течение пятилетия будет рационализировано хранение навоза и его использование.

Большой сдвиг намечается по использованию химических средств для борьбы с вредителями. Самую борьбу предполагается вести в гораздо более широком масштабе, чем сейчас.

г) Индустриализация сельского хозяйства. Крупнейшую роль среди реконструктивных мероприятий пятилетия должна сыграть большая программа строительства предприятий по первичной обработке и хранению сел.-хоз. продуктов. Основными чертами плана индустриализации сельского хозяйства является охват новых отраслей и проникновение в новые районы.

На ряду с уже развившимися отраслями сел.-хоз. индустрии, как сахарная, молочная, план намечает рост мясной сел.-хоз. индустрии, яично-птичной и организацию заводов по первичной переработке льна, пеньки, кенафа, заводов по переработке и сушке консервированных фруктов, овощей и т. д.

Что касается районирования индустриальных предприятий, то маслоделие, на ряду со старыми тремя районами (Сибирь, Урал и Сев.-Восточная область) получает большое развитие в ЦЧО, УССР, БССР, Сев. Кавказе и Казакстане. Район товарного птицеводства далеко раздвигается вплоть до окраинных районов Европейской части Союза. Первичная обработка льна получает развитие, помимо старых районов льновостдва, еще в Сибири, где непривычка населения к ручной обработке льна служит серьезным препятствием для роста льняных посевов. Мясохладобойни охватывают кольцом районы экстенсивно-пастбищного мясного скотоводства. Бэконные фабрики распределяются более или менее равномерно, ориентируясь на различные в разных районах кормовые базы. Однако, наиболее густо бэконные фабрики покрывают ЦЧО и лесостепную Украину. Крупный район промышленной переработки картофеля запроектирован в БССР, а промышленность по переработке овощей и фруктов получает максимальное развитие во всех районах с более благоприятными климатическими условиями.

д) Простейшие мероприятия. Намечая ряд реконструктивных мероприятий пятилетний план, само собою разумеется, исходит из предпосылки, что в течение пятилетия будут полностью введены в обиход все простейшие массовые мероприятия, доступные широким массам бедняцких и середняцких хозяйств, о которых говорит декрет ЦИКа о поднятии урожайности. Госплан Союза уже дал республикам директивные указания по разбработке конкретных планов проведения этих мероприятий, и в указанные ЦИКом сроки Госпланом будет представлен сводный план порайонного осуществления декрета ЦИКа.

Мы не мыслим себе реализации пятилетнего плана вне выполнения всего того, что содержится в декрете ЦИКа о под'еме урожайности.

Организационные проблемы

План переустройства нескольких десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств представляет собою, прежде всего, проблему организационную. Вопрос не только в том, что делать, но и как делать. Если возьмем такой вопрос, как повышение урожайности на 35%, но не было ведь собственно серьезных возражений против того, что современное состояние наших агрономических знаний дает возможность повысить урожайность на такой процент. Говорили, наоборот, что со стороны технической нет препятствий и к удвоению урожая. Мало кто не спорил против того, что главная масса намечаемых мероприятий вполне доступна середняцким и бедняцким хозяйствам. Спор лишь шел о том, достаточно ли будет умения и организованности, чтобы ознакомит массу крестьянства с этими мероприятиями, убедить ее в целесообразности и суметь организовать для проведения этих мероприятий. Проблема поднятия урожайности на 35% — это, прежде всего, проблема организационная. Разрешение этих организационных вопросов в пятилетнем плане значительно облегчается, благодаря заканчивающемуся районированию страны и оформлению новых областей. Нельзя недооценивать значения этого важного факта. Если мы видим, что Украина, Сев. Кавказ и Урал гораздо глубже разрешили вопросы реорганизации своего хозяйства, если в этих районах мы имеем значительно большие успехи в развитии коллективного движения, в отыскании новых форм этого движения, то это в не малой степени зависит от того, что эти республики и области районированы ранее других и могли гораздо полнее, чем другие, выявить свои особенности и пути своего развития. То, что начало осуществления пятилетнего плана совпадает с окончанием районирования страны, поможет общие директивы и схемы плана лучше и полнее приспособить к условиям районов, и сами районы смогут полностью выявить свои особенности.

Несомненно, главным организатором крестьянских масс для проведения технической и социальной реконструкции сельского хозяйства явится кооперация, включая в кооперативное движение и движение коллективное. Организационные проблемы кооперации должны явиться важнейшей частью плана по сельскому хозяйству. К сожалению, мы до сих пор не имеем от самой кооперации ее плана, он еще только подготовляется. В предшествующем изложении мы останавливались на ряде моментов кооперативного движения и указывали направления, по которым должны разрабатываться организационные проблемы кооперации. Здесь мы отметим только то, что мы считаем основным — тесную увязку коллективного строительства и кооперативного, как частей единого ленинского кооперативного плана, дальнейшую специализацию кооперативного движения. Еще раз подчеркнем, что на ряду со специализацией мы считаем необходимым и целесообразным существование кооперативных кредитных товариществ, сосредоточивающих у себя все кредитно-расчетные операции между государством, кооперацией, колхозами и индивидуальными хозяйствами, кредитование крестьянства и расплату за сданную крестьянством продукцию. Только этим путем будут лучше всего обеспечены своевременный возврат кредитов и вовлечение в кредитную систему временно свободных крестьянских средств.

Из организационных вопросов кооперации остановимся еще на кооперативной агрономии. Мы в своем плане намечаем утроение кадров агрономов, между тем как проектировка местного бюджета намечает увеличение количества агрономов всего на 50%. Между этими двумя установками нет противоречия, ибо рост агрономических кадров мы связываем не только с увеличением числа агрономов, работающих в земельных органах, а прежде всего, с созданием ши-

роко разветвленной кооперативной агрономии. Когда год тому назад серьезно был поставлен вопрос о колхозах, возник вопрос и о колхозной агрономии. Надо поэтому и сейчас предвидеть, что если мы делаем ставку на эволюцию кооперации в сторону производственной кооперации, если контрактация расширяется и принимает производственное направление, то кооперация, организующая эту контрактацию, будет нуждаться в больших агрономических кадрах. Надо пойти навстречу этой потребности. Кооперативный агроном во многом будет отличаться от современного агронома земельных органов; он будет ближе к непосредственному производству; крестьянин будет зорко следить за его работой, ибо от качества его работы будет зависить выполнение договоров. Это будет приближением агрономов к производству. Мы уже сейчас имеем в свекловичной кооперации таких агрономов, и крайне необходимо и желательно, чтобы кооперативные агрономы появились в важнейших районах и по важнейшим отраслям сел.-хоз. производства. Означает ли это в какой-либо мере умаление роли агрономов земельных органов? Ни в коем случае. Чем больше агрономов будет работать в сельском хозяйстве, в коллективах, кооперации и совхозах, тем ответственнее становится работа агрономов земельных органов, призванных руководить и об'единять эти отдельные агрогруппы. Но для того чтобы руководить, необходимо, чтобы агрономы земельных органов подбирались из наиболее компетентных агрономов, чтобы их подготовка позволила им не по должности, а по существу руководить агрономами кооперации, коллективов и т. д. Одной из важнейших обязанностей агрономов земельных органов явится техническая и экономическая консультация всех работающих на местах агрономов. Для этого потребуется коренная реформа агрономии земельных органов.

Может быть, было бы полезно сейчас, когда мы уже имеем сформировавшиеся области, создание в областных центрах групп консультантов из крупных специалистов, которые не были бы загружены канцелярской работой, а выезжали на места и консультировали агрономов, там работающих. Эти консультанты должны быть тесно связаны с областными опытными станциями, вести на этих станциях свою научно-исследовательскую работу и в то же время быть готовыми в любой момент поехать на агрономическое совещание, знакомит агрономов с новыми достижениями, организовать конференции этих агрономов на опытной станции, дать совет колхозу и совхозу и т. д., и т. д. Это будет частичным усвоением опыта Америки, где опытная станция, сел.-хоз. школы и агрономы-инструкторы живут и работают совместно.

Мы вплотную подошли к вопросу о кадрах. Наша пятилетка ставит задачу увеличить втрое количество специалистов, работающих в сельском хозяйстве, включая сюда лиц с высшим, средним и низшим образованием, и сообщить в течение пятилетия 5 миллионам крестьянского актива некоторый минимум агрознаний. Когда мы подходим к вопросу о кадрах и ставим вопрос об учебных заведениях, которые эти кадры должны готовить, не надо забывать, что учебные заведения, которые сейчас создаются, учебные планы, которые сейчас вырабатываются, дадут нам специалистов уже не для этого пятилетия, а для следующего. Поэтому надо уже сейчас проработать вопрос, какие типы специалистов потребует будущее пятилетие. Мы можем об этом в некоторой степени судить хотя бы по тем кадрам, которые требуются сейчас для организации машино-тракторных станций, для Зернотреста и т. д. Вот состав кадров одной машино-тракторной станции: на 360 чел. приходится 6 агрономов, 4 инженера-механика, 20 квалифицированных индустриальных рабочих (слесарей, фрезеровщиков, модельщиков и т. д.), 30 старших трактористов и 300 рулевых. Как видите, механизация сельского хозяйства проводит к некоторому сближению типов кадра в промышленности и в сельском хозяйстве.

Но было бы ошибочно не обратить внимания на своеобразие этих кадров. Агроном, работающий на машино-тракторных станциях, работающий в Зернотресте, должен быть не только агрономом в современном понимании этого слова, он должен быть в достаточной степени и инженером-механиком, и нам кажется наступило время проектировать такие учебные планы, которые подготовляли бы новый тип специалиста-агронома инженера.

Мы сейчас, даже когда готовим агронома-полевода, все же считаем необходимым, хотя бы в общих чертах, ввести его в курс животноводства. На ряду с этим мы должны создать такого агронома-полевода, который в животноводстве, может быть, вовсе не будет осведомлен, но зато будет знать, что такое двигатель внутреннего сгорания, что такое магнето, как налаживать прицепку орудий и т. д. С другой стороны, тот инженер-механик, который будет работать в механизированном хозяйстве и руководить работой машин в поле, должен обязательно иметь представление об основах процесса обработки земли. Как нельзя быть хорошим инженером, руководителем работой прядильных станков, не зная природы текстильного сырья, так и нельзя руководить работой тракторов, не имея некоторого представления о свойствах почвы и растений и об основных принципах правильной обработки почвы.

Если мы возьмем широкую массу трактористов, то и для них недостаточно знания только машин, необходимо, чтобы тракторист имел хотя бы некоторое знакомство с почвой и растениями. Только тогда он сумеет вести правильно обработку, будет не только механически усваивать то, что укажет ему агроном-руководитель, но будет понимать, что к чему.

Пусть площадь механизированного полеводства пока еще очень невелика, но она будет возрастать с каждым годом. После постройки

Сталинградского тракторного завода и намечающегося второго завода, у нас во втором пятилетии будут выпускаться тракторы в количестве, которого хватит для механизации новых 10 миллионов га в год. Нужно уже в этом пятилетии готовить кадры для следующего.

Мы остановились на вопросах механизации. Но одновременно с этим надо помнить, что в наше сельское хозяйство все больше и больше проникают процессы технологические. Намечаемая индустриализация сельского хозяйства потребует больших кадров маслоделов, сыроваров, специалистов по бэкону, по яичному делу, консервному и т. д. Это тоже потребует соответственного приспособления сел.-хоз. и технического образования и создания агрономических учебных заведений или отделений в учебных заведениях с технологическим уклоном. Нам кажется, сказанного достаточно, чтобы проблему сел.-хоз. образования поставить во всю ширь.

В состав кадров, которые должны руководить проведением реконструкции сельского хозяйства за пятилетие, план включает 5 миллионов человек крестьянского актива, их имеется в виду в течение пятилетия ознакомить с общими основами агрономической грамоты Речь идет о миллионах крестьян, которые пойдут работать в колхозы, о сотнях и сотнях тысяч крестьян, которые будут работать в кооперации и прежде всего в производственной, и о тех агроуполномоченных, которые будут руководить на селе осуществлением агроминимума

Само собой разумеется, что обучение этих масс не может совершаться в школьной обстановке, что здесь придется прибегать к самым разнообразным формам: к зимним курсам, к организации экскурсий на опытные поля, в совхозы, колхозы и т. д.; придется в невиданных до сих пор размерах использовать кино, радио и т. д. Но совершенно бесспорно, что без создания крестьянского актива, который знал бы, что нужно сделать в данном районе в данном селе для переустройства сельского хозяйства, пятилетний план будет трудно реализовать.

Когда мы говорим о кадрах для проведения пятилетнего плана, нужно уделить особое внимание кадрам сел.-хоз. пролетариата. С каждым годом, вместо батраков, работающих в индивидуальных крестьянских хозяйствах и по своему сельскохозяйственному уменью стоящих часто ниже середняка крестьянина, ряды сел.-хоз. пролетариата все больше и больше будут пополняться квалифицированными пролетариями, работающими в совхозах и колхозах, на тракторах, сложных машинах, в технически хорошо оборудованных скотных дворах, и эти пролетарии явятся прекрасными кадрами для организации колхозов и для руководства реконструкцией сельского хозяйства вообще. Вот почему необходимо обратить особое внимание на обучение этих кадров, на сообщение им минимума агрономических и технических знаний.

К вопросу о кадрах тесно примыкает проблема научно-исследовательского дела в сельском хозяйстве. В этом отношении мы

в высшей степени отстали; отстали как от темпа развития научно-исследовательского дела в промышленности, так и от темпа развития научно-исследовательского дела в сельском хозяйстве за границей. О величайших открытиях в области сельского хозяйства как внутри страны, так и вне ее, мы узнаем совершенно случайно. Мы могли бы сэкономить очень много средств и времени, если бы научно-исследовательское дело в сельском хозяйстве было бы поставлено надлежащим образом. Мы живем в эпоху технической революции в земледелии; она назревает и у нас и в других странах, прежде всего, в С.-А.С.Ш. В этой технической революции мы могли бы не только догнать, но и легко перегнать западные буржуазные страны, ибо у нас есть величайшее преимущество — национализация земли и пролетарская власть. Мы это видим на примере тракторизации, где, позаимствовав американский опыт, мы пошли значительно вперед и создали новые формы. Такого типа хозяйства и таких размеров, как Зернотрест, как создающиеся машино-тракторные станции, не знают буржуазные страны. Но для того чтобы эту техническую революцию провести с наименьшими затратами сил, чтобы тесным образом увязать ее с социальной реконструкцией, нам нужно иметь свой научный, руководящий сел.-хоз. центр.

Госплан ставит вопрос о скорейшем развертывании научно-исследовательской сел.-хоз. академии им. Ленина. В этом пятилетии в составе академии должно быть развернуто 10 главнейших институтов. Помимо уже существующего Всесоюзного института по прикладной ботанике, необходимо организовать институт земледелия, прикладной зоологии и животноводства, машиноведения, индустриализации и технического сырья, электрификации сельского хозяйства, почвоведения, сел.-хоз. метеорологии и др. Но одним из самых важных звеньев академии должен явиться институт сел.-хоз. экономики и организации крупного обобществленного сельского хозяйства.

Этот последний институт должен поставить во всем об'еме вопросы организации и рационализации труда в сельском хозяйстве. В этих вопросах мы до сих пор бродим впотьмах. Надо поставить это дело на научную почву, мы сэкономим значительные суммы трестам, колхозам и т. д., если мы создадим научный штаб, который будет руководить исследованиями в этой области, а самые исследования, эксперименты будет осуществлять непосредственно в совхозах, колхозах и т. д.

Мы полагаем, что все республики окажут величайшую услугу не только общесоюзному делу, но и самим себе, если скорее отзовутся на предложение союзного правительства обсудить вопрос об академии и потребуют скорейшей ее организации.

Декретом ЦИКа поставлен вопрос о создании всесоюзного центра, планирующего и регулирующего сельское хозяйство. Было бы ошибочно создать такой центр в виде обычного учреждения с боль-

шим количеством специалистов и сотрудников, оторванных от научно-исследовательского дела. Давайте в этом случае если не перегонять, то по крайней мере догонять Америку, где министерство или, как его там называют, департамент земледелия состоит из небольшого штата сотрудников при министре, но зато министерство окружено большим числом научно-исследовательских учреждений и лабораторий, в которых работают до несколько тысяч научных сотрудников и специалистов. Эти лица ведут настоящую исследовательскую работу, но в любой момент, по требованию министра, дают ему необходимые справки, прорабатывают вопросы, вырабатывают соответствующие проекты. Именно такой тип руководства сельским хозяйством нам нужен для нашего Союза, а не громоздкий обычного типа бюрократический аппарат, который будет мертвить то живое, что имеется сейчас на местах.

Мы не мыслим себе академию, оторванную от работы на местах. Вместе с организацией высшего научного штаба по сельскому хозяйству, соответствующего НТУ ВСНХ, нам нужно коренным образом реорганизовать все опытное дело. Наши опытные станции до сих пор экспериментировали, имея в виду мелкие крестьянские хозяйства. Самая форма их организации не позволяет им изучить целый ряд вопросов, важных для механизируемых и обобществляемых земель. Надо итти к новой форме опытного дела; на ряду с экспериментами на полях опытных станций необходимо широко развить постановку опытов в самих совхозах и колхозах в земельных обществах. Необходимо ввести в программу опытных учреждений исследование машин, работающих в сельском хозяйстве, не только отдельных машин и их деталей, но и целых с и с т е м машин.

Таковы задачи, стоящие перед нами в части организации кадров. Задачи огромные. Но мы решительным образом должны возражать тем, кто будет указывать, что наш план не осуществим из-за отсутствия кадров. Кадры создаются в процессе работы, в процессе создания нового. У нас не было кадров для машино-тракторных станций, для организации Зернотреста, а тем не менее, мы их организовали и организуем. Теперь нам нужно изучить их опыт и сознательно и планомерно готовить кадры. Эта подготовка будет итти тем скорей и лучше, чем настойчивей мы возьмемся за реализацию самих планов.

Заключение

Мы изложили ход реконструкции сельского хозяйства, которую мы, выполняя директивы XV партийного с'езда и последующих пленумов ЦК партии, запроектировали при самом активном участии республик и районов. Еще очень много недоделано, очень много сделано схематично, много трудностей встретится при осуществлении нашего плана. Но никто не указал других путей, по которым можно вывести сельское хозяйство из переживаемых затруднений и повести его к строительству социализма.

Мы задались в пятилетнем плане целью — создать мощный массив обобществленного земледелия и подготовить почву для еще большего темпа строительства социализма на селе в последующий период. Мы достигаем этой цели, улучшая одновременно хозяйственное положение бедноты, вовлекая ее, в первую очередь, в процесс технической и социальной реконструкции.

Роль в сельском хозяйстве колхозов и совхозов сильно возрастет. В производстве зерна удельный вес их будет к концу пятилетия равен тому удельному весу, который сейчас имеют 10% крестьянских хозяйств, составляющих зажиточную верхушку деревни. Обладая этим мощным массивом — обобществленным сектором,— мы сумеем надежнее вести борьбу с эксплоататорскими элементами села и сможем лучше подчинить деревню нашему регулированию.

Но при всем том, обозревая план в целом, мы придем к заключению, что в это пятилетие основную роль в производстве сел.-хоз. продукции будет играть масса индивидуальных крестьянских хозяйств, и поэтому стимулирование середняцкой и бедняцкой массы к расширению и улучшению хозяйств должно быть одной из основ плана. Правда, к концу пятилетия, индивидуальные хозяйства будут уже не совсем такими, как в начале пятилетия: они будут охвачены широким кооперативным движением, в значительной части технически реконструированы, но все же это будут индивидуальные крестьянские хозяйства.

Мы обманывали бы себя, если бы стали уверять, что обобществленный сектор в том об'еме, в каком он создается к концу пятилетия, даст нам возможность пренебречь той продукцией, которая создается более товарными группами середняцких хозяйств. Мы бьем по кулацким эксплоататорским хозяйствам и будем бить дальше. Мы будем всячески препятствовать превращению зажиточного крестьянина в крестьянина эксплоататора. Но мы нанесем непоправимый вред самим себе, если мы отождествим крестьянина, который будет подниматься вверх, не на основе эксплоатации, а благодаря тому, что он усвоил ту агрикультуру и ту реконструкцию, которую мы проектируем и проповедуем, с крестьянином, разбогатевшим на основе эксплоатации. Конечно, нет непроходимой грани между растущим вверх середняком и кулаком. Еще Ленин предупреждал нас против противопоставления хозяйственного мужика и кулака. Но Ленин это писал, имея в виду капиталистические условия, когда для середняка, хозяйство которого начинало выделяться, единственным путем для производственного использования своих накоплений и еще большего повышения своего благосостояния был переход в кулацкий тип хозяйства, расширение своего хозяйства за счет эксплоатации бедноты.

Социальная и техническая революция в земледелии открывает новые пути. Если прежде середняк, поднимающийся вверх, считал для себя идеалом кулака и его хозяйство, то теперь он видит в жизни новые пути роста сельского хозяйства и роста благосостояния — рост обобществленного сельского хозяйства.

Если мы на массовом опыте покажем и докажем, что в коллективном секторе беднота и маломощные крестьяне, об'единившись добиваются больших успехов, более рационального использования труда, больших накоплений и большего повышения благосостояния, чем в индивидуальном, даже зажиточном крестьянском хозяйстве, — это заставит середняка задуматься, куда ему итти, он усомнится в том, действительно ли переход в кулацкое хозяйство есть лучший путь повышения своего благосостояния, в особенности, когда советская власть твердо и неуклонно бьет кулака.

В самом деле, возьмем район совхоза им. Шевченко. Еще несколько лет тому назад любой середняк и там смотрел с завистью на хозяйство кулака, имеющего 2 пары волов, хороший плуг, конную молотилку, 1—2 батраков, считая это хозяйство идеалом хорошего хозяйства вообще. А сейчас, когда по полям этого района двигаются колонны в десятки тракторов, когда распаханы все межи, преобразуется все сельское хозяйство, — не только беднота, но и весь крестьянский трудовой массив уже понимают, что надвигается какая-то новая эпоха в земледелии и новые пути его развития.

Опыт первой машино-тракторной станции показал, что даже более сильные середняцкие хозяйства уже задумались над тем, куда им итти, и один за другим стали подавать заявления о включении их в обобществленное механизированное хозяйство, в то время как кулаки ведут отчаянную борьбу против станции.

Эта концепция не имеет ничего общего с идеями „мирного врастания кулака в социализм" и затухания классовой борьбы на селе. Наоборот, в ближайший исторический период, пока обобществленный сектор в сельском хозяйстве занимает исходные позиции пока этот сектор не стал крупным производителем товарной продукции, в такой мере, чтобы экономически давить на весь сел.-хоз. рынок, классовая борьба в деревне будет итти жестокая, а кулак будет сопротивляться нашей политике и, прежде всего, обобществлению крестьянского хозяйства.

Но классовая борьба в деревне будет складываться тем успешнее для нас, нам тем легче удастся подавить в деревне влияние кулака и притягательную силу его хозяйства на поднимающиеся вверх середняцкие хозяйства, чем интенсивнее и успешнее будет итти строительство обобществленного сектора.

Чем лучших количественных и качественных показателей мы добьемся в обобществленном секторе, чем экономнее мы будем его строить, чем больше будет в нем накоплений, тем сильнее будет его притягательная сила на середняцкие массы, в том числе и на ту их часть, которая уже поднялась выше других и в прежних условиях смотрела бы только в сторону кулака. Успешное проведение нашего плана строительства обобществленного сектора есть гарантия нашего успеха в классовой борьбе, которая идет в деревне, — в борьбе против кулака и за середняка.

В. П. Акуленко

Направление, темп, равновесие

I

Политика индустриализации страны имеет своей целью на основе роста социалистических элементов народного хозяйства, в условиях растущего благосостояния широких трудящихся масс „в кратчайший исторический срок нагнать и перегнать уровень экономического развития передовых капиталистических стран". Поставленная задача диктуется как всей внешней экономико-политической обстановкой (неизбежное столкновение двух антагонистических социальных систем, отсюда необходимость экономической эмансипации и проч.), так и рядом внутрихозяйственных причин (отсталость хозяйственной структуры, низкая производительность общественного труда при относительно больших темпах прироста населения и значительных избытках свободной рабочей силы в деревне и городе и проч.).

Однако, эта волевая установка является далеко не безусловным началом, так как в каждый данный момент волевые устремления всякого общества ограничиваются исторически унаследованным производственным инвентарем, который в значительной мере определяет способ и характер производства, производительность общественного труда, об'ем и качественную структуру общественной продукции, а следовательно, общественного потребления и накопления.[1] Проблема поэтому заключается в следующем: если в каждый данный момент величина и качественный состав общественной продукции являются определеннымн данными, то при каком *волевом* распределении этого продукта, при каком характере его общественного потребления может быть разрешена поставленная выше задача усиления *темпа развития* народного хозяйства при условии роста его социалистических элементов?

Отвечая на эти вопросы, мы неминуемо столкнемся с вопросом о *пределах* такого волевого перераспределения общественной

[1] „Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории, потому, что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества" Маркс.

продукции, т.-е. с вопросами хозяйственного равновесия во всем об'еме этого понятия. Соответственно с этим, направление, темп и равновесие,— эти три взаимозависимых элемента, являются кардинальными проблемами нашей экономики. Следует, однако, признать, что эти три вопроса являются, вместе с тем, и наименее теоретически освещенными проблемами нашей экономики.

Для того чтобы определить условия и методы ускорения темпов хозяйственного развития, условия и методы изменения направления этого развития, остановимся вначале на предпосылках развития общественного хозяйства в условиях полного рыночного равновесия. Этот анализ позволит выявить ценою какого направления и каких темпов развития покупается такое равновесие, а вместе с тем, и взаимозависимость вышеуказанных трех элементов. После такого анализа отдельно остановимся на проблеме направления и темпа в условиях нарушенного равновесия и затем уже перейдем к анализу конкретной действительности.

Так как в дальнейшем нам не раз придется оперировать понятием „товарного голода", то условимся заранее о характере этого явления. В своей статье „Природа товарного голода" [1] мы писали: „Под товарным голодом следует понимать расхождение между платежеспособным спросом и имеющимся товарным предложением при данном уровне цен. Для понятия товарного голода последнее условие является решающим, так как само собою разумеется, что при условии свободного ценообразования мыслимы явления дороговизны, но не товарного голода, поскольку соответствующее изменение цен выравнивает спрос с предложением.

Как правило, явления товарного голода логически не свойственны капиталистическому хозяйству, где каждое предприятие спешит использовать высокую кон'юнктуру. Наоборот, при данном уровне цен там возможно только перепроизводство товаров, когда платежеспособный спрос не покрывает имеющегося товарного предложения, что и бывает во время кризисов.

Было бы, однако, слишком поверхностным считать твердые или даже снижающиеся цены (как и вообще „нерентабельную" политику цен) причиною товарного голода. Товарный голод в наших условиях, как и рост цен в капиталистическом хозяйстве, говорит лишь о расхождении между платежеспособным спросом и товарным предложением в сторону превышения первого над вторым. Поэтому мы и должны обратиться к анализу причин, обусловливающих это явление.

Для того чтобы понять причины нарушения соотношений и пропорций между спросом и предложением, остановимся вначале на условиях этого равновесия.

[1] „Хозяйство Украины", № 3 за 1928 г.

Денежный спрос и товарное предложение были бы равны только в том случае, когда каждой группе товаров посвящалась бы определенная пропорция общественно-необходимого времени из всей совокупности времени, затрачиваемого на общественный труд (Маркс). При этом условии (и только при этом) рыночная цена товара (как результат спроса и предложения) совпадала бы с его стоимостью или же ценою производства. Но такое совпадение спроса и предложения на отдельные товары является в меновом хозяйстве исключением, а не правилом, так как в процессе расширенного воспроизводства имеет место перманентное расхождение пропорций между характером и структурой платежеспособного спроса населения и характером и структурой товарного предложения, поскольку общественно-необходимое разделение труда (в смысле разделения всего общественного труда в определенных пропорциях между отдельными видами производства сообразно характеру общественных потребностей) регулируется законом стоимости через рынок, т.-е. в стихийном порядке (post factum). Отсюда перманентное отклонение рыночных цен от цен производства как в ту, так и в другую сторону, при чем амплитуда колебания может измеряться иногда десятками процентов. Например, в период высокой кон'юнктуры цены на отдельные товары поднимаются против обычных рыночных цен на десятки процентов, с другой стороны, перекапитализация отдельных отраслей народного хозяйства может привести на длительный промежуток времени к понижению уровня рыночных цен на эти товары против „нормальной" цены производства, что и проявляется в пониженной рентабельности предприятий этой отрасли.

Детализируя вышеуказанное положение, следует сказать, что сохранение постоянного рыночного равновесия в условиях расширенного воспроизводства требует соблюдения следующих пропорций:

а) в распределении народного дохода (чистой продукции) между всеми видами личного потребления и непроизводительного накопления, с одной стороны, и производительным накоплением — с другой;

б) в распределении производительного накопления между основными и оборотными фондами, т.-е. между капиталовложениями и „запасами";

в) в распределении капиталовложений между отраслями производящими средства производства (*А*), и отраслями, производящими средства потребления (*Б*), а в последних между отдельными горизонтально и вертикально связанными между собою группами производств;

г) пропорций между постоянным и переменным капиталом в смысле соблюдения общественно-необходимой нормы органической структуры капитала;

д) в распределении капиталовложений между об'ектами с различной степенью быстроты производственного эффекта (степень скорости выхода в эксплоатацию).

Остановимся на первом моменте. Что значит сохранение пропорций между личным потреблением и накоплением, если само накопление (в порядке капитального строительства) включает в себя личное потребление производительных рабочих как в самом строительстве, так и в отраслях, работающих на строительство (в меру дополнительной продукции этих отраслей)? Это означает в первую очередь, если элиминировать последующее перераспределение фондов зарплаты производственных рабочих (налоги, займы и пр.), соблюдение определенных пропорций между c и m в стоимости продукта, создаваемого в каждый данный момент данным массивом рабочей силы; во вторую же очередь — соблюдение пропорций при распределении прибавочной стоимости (m) между собственно накоплением (прирост основных и оборотных фондов) и всеми видами необходимого и непроизводительного общественного потребления (социально-культурные расходы, торговый аппарат, бюрократия, буржуазия, клерикализм, милитаризм и пр.), включая сюда и непроизводительное накопление (ценности, военная промышленность и т. д.). Вполне понятно, что прибавочная стоимость строительных рабочих включается в общий народнохозяйственный фонд накопления, отличаясь все же от прочих элементов этого фонда степенью своей активизации. Поэтому общий об'ем накопления страны можно получить не вычитанием из народного дохода фондов потребления, а либо суммированием прибавочной стоимости (или же прибыли) во всех отраслях народного хозяйства, либо путем учета прироста основных и оборотных фондов, включающего уже в себя и известную часть фонда потребления. Именно поэтому суммарный итог потребления и накопления всегда будет превышать сумму чистой продукции общества (народного дохода).

Пропорции, в которых распределяется народный доход между личным потреблением непосредственных товаропроизводителей и их прибавочной стоимостью, также не имеют постоянного характера, как и пропорции последующего распределения прибавочной стоимости между всеми видами необходимого и непроизводительного потребления (включая сюда и непроизводительное накопление) с одной стороны, и производительным накоплением — с другой. Обусловливаясь производительностью общественного труда в целом, существующей нормой прибавочной стоимости (нормой эксплоатации) и всей системой производственных отношений в целом (организация распределительного аппарата, социальная структура общества и проч.), эти пропорции не одинаковы для одного и того же общественного хозяйства в различные периоды его развития (например, в период высокой и низкой кон'юнктуры, в период мирного строительства и войны), как и не одинаковы для различных общественных хозяйств в данный отрезок времени.

Тем не менее, следует признать, как экономический постулат, что при данной величине и структуре производительных сил общества, обусловливающих определенную величину и определенный качественный состав народного дохода (чистой продукции), при данной системе производственных отношений и социально-политической структуре общественного хозяйства, определяющих характер распределения народного дохода, безусловно существует определенный коэфициент взаимоотношения между величиною и характером производительного накопления и величиною и характером всех видов потребления, включая сюда и непроизводительное накопление.

Эластичность этого коэфициента взаимоотношения имеет определенные границы, выход за которые ведет при прочих равных условиях или к перепроизводству или к недопроизводству. Первое будет иметь место при условии более или менее резкого увеличения удельного веса производительного накопления в общей массе народного дохода, второе же — при более или менее резком увеличении удельного веса личного потребления или же непроизводительного накопления.

В обычных условиях капиталистическое хозяйство, как правило, знает только явления первого рода, т.-е. явления перепроизводства, поскольку перманентное отставание темпа роста потребительских фондов населения от темпа роста народного дохода в целом ведет к постоянной перекапитализации народного хозяйства, когда выросшим производственным возможностям не соответствует отстающий в темпе роста об'ем потребления. Явления недопроизводства, а следовательно, дороговизны и недостатка товаров, свойственны такому хозяйству лишь при форсмажорных обстоятельствах, стихийных или социальных; напр., во время войны, когда резко увеличивается непроизводительное потребление (армия и пр.) и накопление (военная промышленность) и т. д. Вполне понятно, что перепроизводство выражается как в невозможности реализации уже имеющихся товаров по данным ценам, так и в невозможности надлежащей нагрузки основного капитала, в невозможности реализации потенциально-возможных товарных масс, т.-е. в задержке темпов расширенного воспроизводства всего народного хозяйства в целом. Наоборот, недопроизводство будет выражаться во всеобщем товарном дефиците или же растущей дороговизне, в доведении поэтому к голодной норме товарных резервов и в перегрузке основного и оборотного капиталов (работа до аварий включительно в условиях перманентного финансового напряжения).

Как будет указано ниже, недопроизводство может быть вызвано определенным характером капиталовложений. Оставаясь же в рамках только рассматриваемых нами пропорций распределения народного дохода, следует сказать, что при прочих равных условиях идеальное условие перепроизводства — рост производительности труда при стабильной (еще лучше — снижающейся) заработной плате (отсюда перекапитализация народного хозяйства); наоборот, идеальное условие недопроизводства — рост зарплаты при стабильности

(еще лучше снижении) производительности труда (отсюда недокапитализация). Явление недопроизводства не нужно представлять в том смысле, что рабочий класс потребляет больше, чем производит; рабочие вообще не могут купить всей массы создаваемых ими благ, поскольку стоимости этих благ, заработная плата является лишь одним из слагаемых. Если, например, вследствие роста зарплаты доля ее в цене продукта повысится с 40% до 50%, то с частнохозяйственной точки зрения это будет означать только снижение рентабельности предприятия, при чем известный минимум рентабельности может сохраниться; с народнохозяйственной же точки зрения дело будет обстоять далеко не так благополучно. Увеличение фондов потребления потребует появления на рынке добавочной продукции широкого потребления, что, в свою очередь, может потребовать добавочного вложения капиталов в соответствующие отрасли производства. Если оставшиеся фонды накопления будут недостаточны,— в итоге разрыв между спросом и предложением и рост цен. В условиях свободного ценообразования рост цен обрезает выросшие фонды заработной платы, т.-е. об'ем потребления соответственно имеющимся производственным возможностям, и выравнивает сниженную норму накопления, создавая возможность добавочных капиталовложений в дефицитные отрасли производства, что ведет через известный период времени к механической ликвидации товарного дефицита.

Вполне понятно, что изменение пропорций между накоплением и потреблением в указанном направлении может иметь место не только при различной динамике производительности труда и зарплаты, но и при стабильности этих элементов, если по каким-либо причинам снизятся отпускные цены товаров на предметы широкого потребления.

Однако, соблюдение пропорций при распределении чистой продукции между v и m (элиминируя последующее перераспределение v между собственно потреблением и накоплением путем налогов, кредита и др.) далеко не гарантирует общественному хозяйству развития в условиях рыночного равновесия. При прочих равных условиях, можно иметь явления длительного недопроизводства, если при распределении фонда прибавочной стоимости резко увеличится за счет производительного накопления удельный вес непроизводительного накопления и потребления (напр., во время войны, революции и т. д.). (Как известно, моменты общественного потребления нашли детальную трактовку в ряде работ П. Маслова).

Нужно сказать, что независимо от последующего эффекта капиталовложений самый процесс перераспределения народного дохода между производительным и непроизводительным потреблением, между производительным и непроизводительным накоплением и между потреблением и накоплением в целом, если он происходит более или менее резко, всегда будет сопровождаться

нарушением рыночных пропорций и протекать в условиях растущих цен или же товарного дефицита. Так как этот момент играл и играет большую роль, как один из факторов переживаемого нашим хозяйством товарного голода, остановимся на нем несколько детальнее.

При расширенном воспроизводстве народного хозяйства нарушение рыночного равновесия возможно даже в том случае, когда капитальное строительство базируется на самом „нормальном" накоплении, обусловленном добровольным или же принудительным сокращением потребительских фондов, и по характеру вложений отвечает возможному рыночному спросу. Дело в том, что для данного периода, периода капиталовложений, почти безразлично, куда направляются капиталы и что строится; здесь важен самый факт перераспределения народного дохода. Направление же капиталовложений скажется лишь на последующем равновесии спроса и предложения, но не раньше как вложения дадут свой эффект.

Эффект вложений может быть через год, и тем не менее, в момент вложений может иметь место резкое нарушение рыночных пропорций, и наоборот — можно строить пирамиды, не нарушая рыночного равновесия. В чем же заключается проблема перераспределения народного дохода? (Для удобства анализа, как и ранее, мы предполагаем относительно целостное по своей структуре хозяйство без внешнеторговых связей.) Предположим, что известные группы населения добровольно (займы) или же принудительно (налоги, цены и проч.) резко уменьшают размеры своего потребления, при чем все сберегаемые и отчуждаемые доходы поступают в распоряжение государства. В руках государства эта нереализованная покупательная сила отдельных групп населения получит безусловно другое направление, чем в руках ее первичных владельцев. В последнем случае крестьянство, напр., на возросшую против обычной величины сумму своих платежей увеличило бы или свое накопление (постройки, скот, инвентарь и пр.) или личное потребление; городское население также повысило бы свой жизненный уровень, покупая более дорогие и трудоемкие товары, чем те, которые оно приобретает на оставшуюся часть доходов (закон строения бюджета и т. д.).

Удовлетворение всех этих потребностей имело бы место без особенных затруднений, поскольку существовавшему до момента перераспределения народного дохода характеру спроса отвечал характер предложения. (Абсолютных пропорций меновое хозяйство, конечно, не знает, но относительное динамическое равновесие всегда существует в силу тенденции к выравниванию рыночной цены и цены производства.) Если бы государство направило полученную им покупательную силу по тем руслам, что и первичные ее владельцы, то рыночные пропорции остались бы без изменения, поскольку характер спроса отвечал бы характеру предложения. На самом деле это далеко не так: характер производственных расходов государства (характер строительства и пр.), как и характер его потребительских

расходов (вернее потребительских расходов всех групп населения, получающих свои доходы из бюджета) будет существенно отличаться от характера расходов первичных владельцев этой части народного дохода. Так, государство будет строить не крестьянские избы и сараи, а железные дороги, фабрики и проч., с другой же стороны, государственные служащие пред'явят как более квалифицированный спрос (напр., в сравнении с крестьянским), так и менее квалифицированный (сравнительно, напр., с нэпманом), — во всяком случае, спрос, измененный по своему характеру и качественной структуре с возможным первоначальным спросом. Между тем, этому качественно-измененному спросу противостоит старая производственная структура, могущая дать товары, отвечающие количественно и качественно старой структуре потребления. В результате нарушенного равновесия между спросом и предложением будет иметь место рост цен на ряд строительных материалов и предметов личного потребления, или же при твердых ценах — недостаток товаров.

Процесс перераспределения народного дохода в указанном выше смысле будет тем легче, чем большей эластичностью и мобильностью отличается народное хозяйство. Эластичность народного хозяйства зависит от состояния его резервов — товарных и производственных. Так, при больших резервах товаров и определенных резервах основного капитала даже резкое перераспределение народного дохода, а следовательно, и такое же изменение характера спроса встретит соответствующее товарное предложение; в то же время дополнительная нагрузка основного капитала сумеет поддержать новый об'ем потребностей, пока новое строительство не сможет дать продукцию нового качества, нового состава и т. д.

Меньшее значение имеет мобильность народного хозяйства, т.-е. возможность быстрого приспособления имеющегося производственного аппарата к удовлетворению новых потребностей, так как она ограничена техническими рамками (нельзя, напр., машиностроительные заводы заставить производить текстиль). Следует, однако, отметить, что если бы народное хозяйство обладало абсолютной мобильностью, то процесс перераспределения народного дохода имел бы место без нарушения рыночных пропорций (при условии, конечно, соблюдения всех прочих пропорций).

Вполне понятно, что процесс перераспределения народного дохода тем сильнее будет нарушать рыночное равновесие, чем меньшей суммой резервов обладает народное хозяйство.

Если, например, товарные резервы не достигают и трехмесячной нормы, а нагрузка предприятий в каждый данный момент равна 100% (что, между прочим и имеет у нас место), то даже при полном сбалансировании спроса и предложения в годовом разрезе на протяжении поквартального отрезка времени возможны резкие разрывы между спросом и предложением, которые воспринимаются

рынком как товарный голод или же как затоваривание (очевидно, по контрасту с предыдущим состоянием). Неравномерность же поквартального развития обусловливается тем обстоятельством, что в одни кварталы в общей сумме текущего народного дохода повышается потребление (например, при сезонном сжатии продукции во время отпусков зарплата не снижается, а даже увеличивается, что и повышает в этот период ее удельный вес в стоимости продукции против обычного средне-годового уровня), в другие же кварталы (возможно, что в эти же самые) — в период капитального строительства — резко увеличивается в народном доходе против среднегодового уровня доля накопления (в форме капиталовложений), тогда как производство имеет свою кривую развития, не всегда совпадающую с кривой потребления. Рыночное равновесие во всех этих случаях осталось бы ненарушенным только при наличии для ряда товаров минимум квартальной нормы товарных резервов.

Вполне понятно, что при ослабленных резервах всякое кредитное авансирование хозяйственных процессов может также иметь следствием нарушение рыночного равновесия. Если, например, для финансирования хлебозаготовок хозяйственный оборот получает в порядке сезонной эмиссии 300 млн. руб., то для сохранения рыночного равновесия этим 300 млн. руб. должны противостоять товарные резервы в размере этой суммы. Если, далее, скорость обращения денежной массы равна шести разам в год, то уже на третий месяц после эмиссии производство должно дополнительно дать продукцию в 300 млн. руб. для вторичного удовлетворения этой эмиссии, или же таковая должна быть из'ята из хозяйственного оборота. Если эти условия не будут соблюдены, — в итоге кредитная инфляция, т.-е., рост цен или товарный голод при твердых ценах.

Таким образом, только при наличии больших резервов, при условии большой эластичности и мобильности народного хозяйства перераспределение народного дохода могло бы иметь место без нарушения рыночных пропорций. Экономическая действительность, однако, не знает ни одного такого случая. Поэтому в период всякой высокой кон'юнктуры капиталистического хозяйства, в период капитального строительства, когда меняются пропорции между накоплением и потреблением, меняется в известных пределах структура потребления по мере вовлечения новых рабочих и т. д., — в этот период всегда наблюдается падение покупательной силы денег, т.-е. рост товарных цен, достигающий на отдельные товары десятков процентов. Наоборот, в наших условиях при политике снижающихся цен и недостаточных резервах высокая кон'юнктура будет сопровождаться явлениями товарного дефецита частного или даже общего характера. (Этого, конечно, не будет при наличии всех об'ективных предпосылок для полного планирования.)

Заметим, что такое нарушение рыночных пропорций имеет место обычно при относительно слабых процессах реконструкции

капиталистического хозяйства и при довольно значительных резервах, которыми оно обычно располагает (не в силу его предусмотрительности, а в силу его стихийности, в силу постоянной тенденции к превышению предложения над спросом). И обратный вывод: нарушение рыночных пропорций может быть тем более резким и длительным, чем более резко меняются пропорции распределения народного дохода между накоплением и потреблением и проч., чем более резко меняется вследствие этого характер общественного потребления — производственного и личного, — чем дальше и непосредственнее эффективность новых капиталовложений, чем меньше резервные возможности и производственная эластичность народного хозяйства.

При прочих равных условиях одно более или менее резкое изменение характера личного потребления населения может на ряд лет вывести народное хозяйство из равновесия, даже если общая величина потребления и не изменится. Такое изменение характера личного потребления может произойти, например, вследствие революции, изменяющей участие и удельный вес отдельных групп населения в распределении народнохозяйственного фонда потребления. Если, например, вследствие революции понижается удельный вес доходов более привилегированных групп населения (буржуазия, интеллигенция и т. д.) и усиливается удельный вес других групп (рабочих, крестьян), то общая сумма потребления может остаться даже стабильной, но нарушение рыночных пропорций будет иметь место; меньшая часть товаров — более квалифицированных — снизится в цене, большая же часть товаров повысится в цене.

Равновесие при старом уровне цен будет иметь место только тогда, когда соответствующие капитальные вложения выравняют товарное предложение сообразно новому спросу.

Таким образом, основная причина всех рыночных диспропорций, имеющих место в периоды реконструкции народного хозяйства, это то обстоятельство, что величина и характер производственных возможностей общества являются для каждого данного момента определенными данными, независимыми от воли и желания данного общества, между тем как характер общественного потребления производственного и непроизводственного и т. д. может быть более или менее резко изменен вследствие причин только волевого порядка в результате революции. Поэтому не только величина капиталовложений и потребления определяется имеющейся массой производительных сил, но и характер капиталовложений и характер потребления также определяются характером производственного инвентаря страны. Иначе говоря, помимо количественных границ существуют еще определенные качественные границы в деле перераспределения народного дохода; всякий переход за эти границы приводит к нарушению рыночных пропорций. (Несколько отклоняясь в сторону, приведем пример, как разви-

тие общественного хозяйства определяется не столько величиною его капиталонакопления, сколько качественным характером производительных сил, а следовательно, качественным составом фондов накопления. В результате нищенского уровня бытия широких масс древнего Египта норма накопления последнего была очень высока. Но после того как были проведены гигантские ирригационные работы, египетским фараонам оставалось одно — строить пирамиды и сфинксы, или... ничего не строить. Египтяне были настолько богаты, что затратили на постройку Хеопсовой пирамиды несколько миллиардов человеко-дней (100 тыс. человек в продолжение 30 лет) и были, тем не менее, так бедны, что не могли дать своим накоплениям более производительного применения.

Предвосхищая дальнейшие выводы, скажем, что помимо всего прочего значение индустриализации общественного хозяйства состоит в том, что таковая создает как возможность относительного роста фондов накопления в общей сумме народного дохода (в меру роста производительности общественного труда), так и материальные возможности реализации общественного накопления (последнее проявляется в расширенном производстве средств производства).

Аграрная страна, лишенная связи с более развитыми странами, никогда по чисто техническим причинам не сможет иметь такой нормы накопления, как индустриальная страна даже при равном об'еме прибавочного продукта, так как у индустриальной страны этот продукт воплощен и в средствах производства и в средствах потребления, а у аграрной страны — преимущественно в средствах потребления. Этим и об'ясняется чудовищное непроизводительное потребление в древних деспотиях.

Мы предполагали до сих пор изолированное общественное хозяйство без всяких внешторговых связей (в таком положении находится мировое хозяйство в целом). Какие коррективы внесет в наши схемы возможность внешнеторговых связей одного района с другими?

Вполне понятно, что если мировое хозяйство в целом ограничено в характере своих производственных возможностей имеющимся производственным инвентарем, то определенные его районы, при условии внешнеторговых связей, могут выйти за качественные пределы своего производственного инвентаря (при условии импорта капиталов и за количественные его пределы).

Таким образом, даже при равномерном развитии производительных сил в ряде районов, каждый из них через импорт как бы повышает производственную эластичность и многогранность своей производственной структуры. Это значение внешнеторговых связей усиливается в громадной степени при условии неравномерного развития производительных сил в отдельных районах мирового хозяйства.

Поэтому какой-нибудь Афганистан, предоставленный самому себе, мог бы претворить свои накопления в форме скота и злаков в очень малопродуктивные виды капиталовложений или даже принужден

был бы дать непроизводительное назначение этим благам; на основе же связей с высоко-индустриализованными хозяйствами он имеет радиоустановки и аэропланы. Возможность афганцев претворять скот в аэропланы аналогична возможности египетских фараонов покупать автомобили. (Кстати сказать, поскольку возможность внешнеторговых связей позволяет давать капиталонакоплению отсталых стран высоко продуктивную форму, постольку такие страны могут индустриализоваться в значительно более короткие сроки, чем страны ранней индустриализации.) Такое же значение имеет импорт в деле расширения качественных границ личного потребления. Поэтому производственная структура данного района будет равна теперь его внутренней структуре плюс внешняя в об'еме импорта. Если теперь произвести резкое изменение величин и структуры импорта, то результаты этих изменений будут равносильны ликвидации внутри данного района одних производств и организации других.

Если такое изменение состава и величины импорта, равносильное изменению внутренней структуры производства, перейдет известные границы, оно также явится фактором, нарушающим рыночное равновесие, как и изменение характера общественного потребления. Поясним это конкретным примером. Предположим, что импорт на 500 млн. руб. предметов личного потребления и на 300 млн. руб. предметов производственного назначения обеспечивает рыночное равновесие данного района. При прочих равных условиях, рост народного дохода на 10% потребует дополнительного импорта на 80 млн. руб. (50 млн. руб. первой группы и 30 млн. руб. второй). Если, однако, государство индустриализирует весь состав дополнительного импорта, то это отразится на равновесии спроса и предложения на рынках широкого потребления (рост цен или дефицит товаров при твердых ценах). Этот разрыв не имел бы места, если бы можно было увеличить размеры импорта на 50 млн. руб., что не так просто, так как другие районы должны нуждаться в продуктах экспорта данного района, а внутри данного района должны существовать такие экспортные излишки. При данной величине импорта, нарушение рыночных связей не имело бы места, конечно, при импорте предметов второй группы только на 30 млн. руб., но тогда район был бы качественно ограничен в характере своих капиталовложений, напр., вместо установок электростанций он принужден был бы развивать жилищное и дорожное строительство. Если бы государство еще более индустриализировало импорт, сократив даже старый контингент импорта предметов широкого потребления, то это еще более нарушило бы систему рыночного равновесия на эти виды товаров. Действие такой импортной политики было бы аналогично закрытию внутренних текстильных фабрик и переоборудованию их в машиностроительные заводы. В этом случае товарный голод на рынках товаров широкого потребления явился бы платою за реконструкцию всего народного хозяйства. Коллизия между накоплением и потреблением имеет здесь не столько количественный характер, сколько качественный; государство не конфискует покупательных фондов населения, оно ограничивает лишь качественные возможности потребления. Такое же значение имеет и изменение об'ема импорта вследствие изменения об'ема экспорта. Если, напр., вследствие роста внутреннего потребления снижается экспорт, а потому и импорт, то это явление также равносильно переоборудованию предприятий, вырабатывающих импортную номенклатуру товаров, в предприятия, вырабатывающие экспортную номенклатуру.

Таким образом, если внешнеторговые связи увеличивают возможности перераспределения народного дохода, то, с другой стороны, они увеличивают и возможности общего нарушения рыночных пропорций при таком перераспределении народного дохода, которое резко меняет об'ем или структуру импорта.

Вторым решающим условием хозяйственного равновесия является соблюдение пропорций при распределении производительного накопления между капиталовложениями и запасами. Разные отрасли народного хозяйства имеют различное соотношение между основным и оборотным капиталом, понимая под последним сырье, полуфабрикат, топливо и вспомогательные материалы. Это соотношение ниже в транспорте и выше в промышленности, при чем в последней ниже в каменноугольной отрасли и выше в текстильной, и т. д. Тем не менее, каждой единице основного капитала народного хозяйства отвечает определенная величина $(1-x)$ оборотных средств производства, при чем для всего народного хозяйства в состав оборотных фондов или вернее запасов должна войти также определенная норма готовых изделий или вообще готовых продуктов (в том числе определенный запас средств потребления).

Иначе говоря, при прочих равных условиях, в целях авансирования чистой продукции, могущей быть созданной рабочей силой, на весь период производства этой продукции необходимо располагать как оборотными средствами производства, так и средствами потребления. С точки зрения оборотной ведомости народного хозяйства запасы входят в годовую сумму производства и потребления, к концу года вновь воспроизводятся из годовой продукции и т. д.

Но „как бы ни сменялись отдельные элементы этого запаса, во всякое время часть их должна остаться без движения, чтобы весь запас мог всегда оставаться в движении". Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса общественного воспроизводства. Норма таких запасов определяется рядом моментов, детальный анализ которых дан нами в статье „Проблема резервов" (журнал „Хозяйство Украины", № 10 за 1928 г., стр. 44—66). Здесь же мы остановимся лишь на отдельных выводах этой статьи.

В задачу народнохозяйственных запасов входит:

а) обеспечить бесперебойный процесс воспроизводства народнохозяйственного капитала, т.-е. бесперебойность производства и потребления, в пределах года; сглаживание сезонных провалов и отклонений от среднегодового уровня, а также разрывов между сроками выхода продукции и сроками ее потребления;

б) обеспечить бескризисность поступательного развития народного хозяйства в пределах кон'юнктурного цикла, т.-е. в разрезе нескольких лет (сглаживание кон'юнктурных прогибов и создание хозяйственной эластичности, облегчающей перераспределение народного дохода);

в) обеспечить бескризисность развития или смягчить возможные кризисы вследствие причин форсмажорного порядка: война, неурожай и проч. („страховые резервы").

Если запасы народного хозяйства будут больше нормативно необходимых, то это приведет к замедлению скорости оборота материальных капиталов, т.-е. к замедлению темпа роста народного дохода; если резервы будут меньше нормативных, то это приведет к перебоям и провалам в производстве, к перебоям в потреблении, к разрыву спроса и предложения, т.-е. к общему напряжению рынка, что в конечном итоге также может снизить возможные темпы роста народного дохода.

Недостаточность запасов против общественно-необходимой нормы, нарушая циркуляцию торгово-производственного оборота, приводит и к финансовому напряжению.

Действительно, с точки зрения категорий менового хозяйства общий недостаток материальных запасов народного хозяйства воспринимается в форме недостатка денежных капиталов, недостатка банковских кредитов, общего финансового напряжения торговли, промышленной и кредитной систем. Схема такова: недостаток материальных ценностей в обороте торговли и промышленности приводит к недостатку денежных резервов, т.-е. к понижению мобильности актива за счет денежных и прочих ценностей (касса и текущие счета, векселя и проч.) Отсюда низкое соотношение денежных и материальных резервов, так как ни одна организация не имеет вкладов в собственном смысле слова, направляя все накопления в товары. Но так как сумма ценностей в активе определяет сумму ценностей в пассиве, то недостаток материальных запасов представляется как недостаток денежных капиталов, собственных или заемных. Финансовое же напряжение ведет к общему расчетному напряжению. Так, промышленность, загружая средства в элементы производства (топливо, сырье, полуфабрикаты и пр.) стремится уменьшить свое участие в деле финансирования товаров, ухудшая условия расчета для покупателей, нажимая на торговлю; верхние звенья торговли передают нажим средним и т. д. При достаточном напряжении недостаток оборотных средств приводит к невозможности

продвинуть уже имеющиеся товарные ценности, т.-е. приводит к перебоям в снабжении, к искусственному затовариванию; с другой стороны, недостаток средств для поднятия материальных запасов в меру роста торгово-промышленного оборота ведет к ряду перебоев в платежном и расчетном обороте (протесты, неуплата в срок по обязательным взносам и пр.), что отражается и на перебоях в обороте материальных капиталов. Но недостаток денежных капиталов банковской клиентуры сопровождается недостатком банковских денежных капиталов. В самом деле, недостаток собственных средств в обороте заставляет торговлю и промышленность финансироваться в банках за счет банковской эмиссии (прочие банковские пассивы ограничены именно в силу финансового стеснения банковской клиентуры); здесь потребность в реальном кредите для увеличения оборотных капиталов. В последующий же период возникает потребность в оборотном кредите для продвижения уже наличных товаров. Если не в первой своей стадии эмиссия все же стоит на границе инфляции, будучи исчерпанной уже в порядке финансирования. В итоге замороженная кредитная система, лишенная всяких резервов, расстроенное денежное обращение и ряд финансовых перебоев дополняют картину всеобщих перебоев в товарообороте в результате недостатка материальных резервов, т.-е., по существу, в результате нарушения пропорций при распределении накопления между основными и оборотными капиталами.

Перейдем к анализу следующих условий хозяйственного равновесия. При условии соблюдения вышеуказанных пропорций, решающее значение для сохранения рыночного равновесия приобретает характер капиталовложений в смысле сохранения определенных пропорций при распределении вложений между отдельными хозяйственными отраслями; в смысле соблюдения общественно-необходимых пропорций между c и v, т.-е. при выборе соответствующего коэфициента органического состава капитала; в смысле соблюдения пропорций между об'ектами вложений с различной степенью быстроты выхода в эксплоатацию.

Остановимся на первом моменте капиталовложений. В каждом общественном хозяйстве, в каждый данный момент существуют определенные пропорции между производством средств производства и производством средств потребления (другая сторона взаимоотношения накопления и потребления), между промышленностью и сельским хозяйством внутри каждого из этих разделов, между отдельными горизонтально и вертикально связанными отраслями, служащими рынком сбыта друг для друга.

При прочих равных условиях, а таковые в значительной мере имеют об'ективный характер, новое капитальное строительство должно считаться с указанными пропорциями, нарушение которых может привести в период самого строительства к товарному дефициту или росту цен, а в период эксплоатации новостройки — к на-

рушению рыночного равновесия в обоих направлениях (на одних участках перепроизводство, на других — недопроизводство). Почему возникают диспропорции в самый период строительства? Шаблонный ответ ряда экономистов (в большинстве финансистов), потому что об'ем капиталовложений превышает об'ем накопления. Но тогда нужно доказать, что капитальное строительство идет за счет абсолютного уменьшения фондов потребления, за счет абсолютного уменьшения оборотных фондов народного хозяйства. Мы еще будем иметь возможность возвратиться к этому положению.

Оставаясь в рамках простого воспроизводства, можно все накопление „пустить в трубу", не нарушая рыночного равновесия: при условии из'ятия из оборота этого излишка в форме определенных хозяйственных благ, с тем, чтобы не нарушить существующий об'ем воспроизводства. Так как материальный состав такого фонда накопления определяется существующей структурой производства, то здесь уже и лежит первое ограничение в деле свободы выбора направления нового строительства. В условиях же расширенного воспроизводства, т.-е. в условиях растущего личного и производственного потребления дело идет не о простом из'ятии фондов накопления в форме определенных благ, а о таком характере их эксплоатации, которая бы обеспечила расширенный об'ем воспроизводства. Здесь второе ограничение в деле свободы выбора направления нового строительства. Если, например, весь фонд накопления будет направлен в производство средств производства, то на известный период неминуем товарный дефицит или же растущие цены на рынках товаров широкого потребления, так как зарплата рабочих новых предприятий не встретит дополнительного потока товаров. Если, далее, внутри самого производства средств производства вложения ушли в самые высшие по вертикальной связи отрасли (напр., машиностроение), то неминуем товарный дефицит и на все виды промсырья (руда, чугун, сталь и т. д.), при чем товарный голод получает двусторонний характер: вышестоящая отрасль испытывает дефицит в сырье, вырабатываемом серединными отраслями, последние же испытывают недостаток в товарах, вырабатываемых нижестоящими отраслями, и т. д. Например, при нарушении пропорций между сельским хозяйством и промышленностью мыслимы явления товарного голода и на сельскохозяйственное сырье, и на сельхозмашины, и на продукты питания, и на химические удобрения для сельского хозяйства; с другой же стороны, внутри самой промышленности может иметь место недостаток в чугуне, железе, дереве, стекле и проч, во-первых, вследствие большего развития вышестоящих по вертикали отраслей (напр., машиностроение), чем нижестоящих (чугун); во-вторых, потому что вследствие характера капитального строительства (но не об'ема) изымаются из производственного оборота в основной капитал те элементы, которые необходимы для обеспечения расширенного воспроизводства. (С вульгарно-количественной точки зрения эти явления воспринимаются в форме несоответствия суммы капиталовложений сумме накопления.)

Отсюда возможность таких экономических парадоксов, когда по мере роста общественной продукции растет и товарно-рыночное напряжение. Нужно сказать, что при больших разрывах по вертикали в условиях общего товарного дефицита мыслимы явления частичного перепроизводства по линии наивысших в вертикали отраслей, потому что таковые „не имеют потребителей", вернее потому что этих „потребителей" нужно еще создать, связав их, в свою очередь, с прочими, нижестоящими отраслями.

Стихийное капиталистическое хозяйство, где регулятором межотраслевого распределения капиталов является рынок (через рыночную цену и норму прибыли) стихийно стремится к установлению межотраслевых пропорций, при чем, как правило, вертикальная последовательность вложений имеет место снизу вверх.

Нарушение рыночных пропорций в таком хозяйстве об'ясняется дефективностью самого регулятора (закона стоимости), действующего post factum.

Как-раз анализируемое условие хозяйственного равновесия больше всех других интересовало Маркса, у которого мы встречаем ряд цифровых подсчетов и выводов по данному вопросу. Рассматривая условия равновесия между производством средств производства (I) и производством средств потребления (II), Маркс считал необходимым соблюдение пропорций в распределении m между I и II, в распределении m между непроизводительным потреблением (золото и капиталисты) и накоплением, в распределении последнего между постоянным и переменным капиталом и т. д. (Кстати сказать, вывод Маслова, что марксовы схемы игнорируют проблему непроизводительного потребления, лишен всякого основания. Маркс видел накопление общественного хозяйства не в расширенном создании прибавочной стоимости, независимо от характера ее потребления, а в росте производства средств производства за счет этой стоимости.) Указанные пропорции, по Марксу, имеют не только количественный, но и качественный характер в том смысле, что характер вложений в каждую из отраслей должен обеспечить определенный состав общественно-необходимой продукции.

Как уже указывалось выше, нарушение рыночных пропорций будет тем сильнее, чем сильнее происходит путем импорта превращение в основной капитал текущих элементов производства и потребления. Если, например, раньше импорт давал 100 единиц товаров широкого и производственного потребления ценою 100 единиц экспорта, то при направлении импорта в основной капитал обеспечение текущих потребностей производства и потребления будет иметь место только при затратах $100 \times n$ единиц, т.-е. через длительный промежуток времени, пока текущие элементы производства,

превращенные в основной капитал, не дадут своего производственного эффекта.

Отсюда вытекает необходимость сохранения надлежащих пропорций в распределении капиталовложений между об'ектами с различной степенью быстроты выхода в эксплоатацию. Направление капиталовложений в капиталоемкие виды строительства с отдаленным рыночным эффектом равносильно временной недокапитализации. Напр., постройка какой-либо магистрали, могущей дать свой эффект только через пять лет, равносильна для данного периода, т.-е. на пять лет, зарыванию капиталов в землю.

Если в порядке такого строительства в основные капиталы вовлекаются материальные элементы, необходимые для обеспечения текущего воспроизводства, то в результате может иметь место почти всеобщий товарный голод. Обычно, товарное напряжение сопровождает не только самый период стройки таких об'ектов, но и первое время после выхода их в эксплоатацию, так как такого рода капиталоемкие об'екты большей частью относятся к верхним звеньям производственной вертикали.

Поэтому капиталистическое хозяйство, руководствуясь ценою на капитал, т.-е. ссудным процентом, только тогда приступает к строительству таких капиталоемких предприятий, когда общество располагает избыточными средствами производства и средствами потребления. Развитие инфляционного кредита способствует такого рода строительству, усиливая перераспределение народного дохода между накоплением и потреблением, с одной стороны, и между основным и оборотным капиталом,—с другой. В результате несоответствия в динамике денежного и реального накопления — денежный кризис, как первый этап общехозяйственного кризиса.

Однако, стопроцентное соблюдение внутренних пропорций при межотраслевом распределении капиталов только тогда позволит сохранить рыночные пропорции, когда будут соблюдены определенные пропорции между C и V, т.-е. когда новые вложения будут иметь общественно-необходимый коэфициент органической структуры капитала.

Как известно, под органическим составом капитала Маркс понимал „состав капитала по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний“ („Капитал“, т. II, стр. 123). Так как технический состав капитала, т.-е. отношение числа рабочих к основному капиталу „и является действительной основой его органического состава“, то в целях простоты будем оперировать понятием технического состава капитала.

Соотношение между живым и мертвым трудом (накопленным капиталом) не одинаково в различных странах, как не одинаково для одной страны в различные этапы ее развития. Та или другая комбинация живого и мертвого труда определяет, что производится,

сколько производится, как, и самое главное, с какими издержками живого труда. По мере роста технического состава капитала растет производительность общественного труда, которая выражается в том, что растущая сумма хозяйственных благ покупается ценою уменьшающихся затрат живого труда. Вследствие этого растет норма накопления при одновременном абсолютном росте личного потребления общества.

Различие в технической структуре общественного капитала в разных странах, обусловливая различие в производительности труда, является основной причиной неодинакового уровня материального бытия одних и тех же социальных групп в мировом хозяйстве, различного темпа роста отдельных секторов мирового хозяйства и т. д. Но если по мере роста $\frac{C}{V}$ растет производительность общественного труда, повышается выработка на единицу рабочей силы — $\frac{P}{V}$, падают издержки на единицу продукта, удешевляется продукция, растет норма прибыли и т. д., то наблюдается и обратное явление — падение выработки на единицу капитала, падение $\frac{P}{C}$ по мере роста $\frac{C}{V}$. Последнее явление имеет место как в одной и той же отрасли по мере роста в ней технического состава капитала, так и в разных отраслях с различной структурой капиталов.[1] Поэтому в каждый данный момент общество, исходя из ограниченного об'ема накопленного мертвого труда, сможет получить общественно необходимую массу продукции только при общественно-необходимом соотношении $C:V$. Иначе говоря, в целях наиболее полного удовлетворения своих потребностей, в целях наибольшего вовлечения в производство живой рабочей силы, в целях получения наибольшей массы чистой продукции обществу бывает выгоднее при данном уровне развития производительных сил и данном об'еме накопления остановиться на менее производительном комплексе живого и мертвого труда в отдельных отраслях, покупая ценою более дорогих издержек производства не только ту же сумму продукции этих отраслей, но и добавочную продукцию этих же или прочих отраслей.

Для иллюстрации этого положения, а к нему мы возвратимся в дальнейшем при анализе проблемы темпов, приведем следующий пример, пользуясь цифровым материалом С. В. Бернштейн-Когана („Введение в экономию промышленности“, стр. 79). Возьмем два типа типо-

[1] Отдельные исключения, напр., для паровых установок или химической промышленности только подтверждают этот основной закон падения $\frac{P}{C}$ по мере роста $\frac{P}{V}$ и $\frac{C}{V}$.

графских машин: „Линотип“ стоимостью в 12.000 марок и производительностью в 50.000 букв в 8 час. и „Моноляйн“ стоимостью в 7.000 марок и производительностью в 40.000 букв. Предположим, что общество может выделить на капиталовложения в типографскую промышленность 3.360 тыс. марок, нуждаясь в ежедневной продукции в 38 млн. знаков. Если на эти деньги будет куплено 480 машин „Моноляйн“, то они дадут при двойной смене 38,4 млн. букв набора; если же будет куплено 280 машин „Линотипа“, вследствие большей рентабельности таковых (набор „Линотипа“ стоит дешевле „Моноляйна“ при 30 млн. знаков продукции на 5%, а при 45 млн. знаков почти на 10%), то продукция таковых составит в сутки только 28 млн. знаков.

Рыночное равновесие сохраняется лишь при техническом составе капитала $C:V=7:1$, нарушаясь при $C:V=12:1$. Норма и масса накопления усиливаются во втором случае, так как здесь продукция покупается меньшей затратой рабочей силы и прочих расходов, т.-е. при меньшей затрате предметов питания и т. д. Однако, такое усиление нормы накопления покупается ценою нарушенного равновесия. Вполне понятно, что более или менее резкое увеличение означенной структуры капитала в данной отрасли может нарушить рыночное равновесие с двух концов: а) отвлекая в эту отрасль капиталы, необходимые для других отраслей; б) давая меньший производственный эффект, чем это дали бы те же вложения при более низкой структуре капитала. Поэтому с точки зрения равновесия an und für sich проблема капиталовложений заключается в оптимальном сочетании мертвого и живого труда — производительности труда рабочего и „производительности“ единицы капитала. Отсюда народнохозяйственный критерий капиталовложений не $\frac{P}{C}$, т.-е. не наибольшая выработка на единицу капитала, и не $\frac{P}{V}$, т.-е. не наибольшая выработка на единицу рабочей силы, а $\frac{P}{C.V}$ т.-е. наибольшая продукция на единицу живого и мертвого труда. Иначе говоря, общественный критерий капиталовложений не в том, чтобы на данную массу капитала получить наибольшую продукцию ценою любых затрат, но и не в том, чтобы получить ценою наименьших затрат хотя бы и резко уменьшенную массу продукции; повторяем, вся проблема в том, чтобы получить общественно-необходимую массу продукции ценою общественно-необходимых затрат. Последние, конечно, не могут быть ниже уже существующих средних затрат в данных отраслях, так как иначе производство будет „нерентабельным“. Этим кладется низший предел коэфициенту органического состава капитала. В условиях капиталистического хозяйства высший его предел определяется той же нормой прибыли, что часто даже тормозит технический прогресс, как таковой (см. „Капитал“ т. III I, ч. 1, стр. 243—244). Во всяком случае переход к более механизированному производству имеет здесь место лишь при условии получения сверхприбыли. Поэтому капиталист повышает норму C/V лишь тогда, когда использованы уже все прочие возможности эксплоатации живого труда. Именно поэтому повышение органического состава капитала происходит в капиталистическом хозяйстве, так сказать, эволюционным порядком, более или менее близко отражая коэфициент общественно-необходимого состава. Итак, при условии соблюдения полной межотраслевой и „темпориальной“ пропорциональности капиталовложений, можно иметь явления всеобщего недопроизводства, или же всеобщий рост цен против существующего уровня, если вложения будут иметь повышенный сравнительно с общественно-необходимым органический состав капитала, так как новая продукция более производительной комбинации труда и капитала будет расцениваться рынком из расчета общественно-необходимой потребности, определяемой уже имеющимся комплексом производительных сил. Именно при этом условии, когда рыночные цены могут подняться выше средних при производстве (средние издержки производства плюс прибыль), рентабельными могут быть и предприятия ниже общественно-необходимого органического состава капитала. Напр., в наших условиях кустарная продукция, изготовляемая с большими издержками производства, чем фабрично-заводская, т.-е. при ниже средней производительности труда в данных отраслях в целом, поглощается рынком, как общественно-необходимая продукция.

Этим же об'ясняется общественная необходимость в наших условиях ряда деконсервированных предприятий, устаревших и морально и технически.

Следует добавить, что нарушение общественно необходимой нормы состава народнохозяйственного капитала в целом всегда является следствием нарушения межотраслевых пропорций и всегда сопровождает последнее даже при общественно-необходимом составе капитала в отдельных отраслях (в силу одного повышения удельного веса капиталоемких отраслей).

Подведем итоги вышеизложенному.

При расширенном воспроизводстве народного хозяйства нарушение рыночных пропорций в сторону превышения спроса над предложением, иначе говоря, явления дороговизны или товарного голода возможны:

а) В результате такого нарушения пропорций в распределении народного дохода между всеми видами потребления, включая сюда и непроизводительное накопление и производительное накопление, когда удельный вес накопления сильно понижается. Такое нарушение пропорций возможно в результате более интенсивного роста заработной платы нежели производительности труда, в результате

резкого снижения цен на предметы потребления, в результате роста непроизводительных расходов. Во всех этих случаях, как следствие „недокапитализации", может иметь место длительное „недопроизводство" почти всеобщего характера.

б) Но нарушение рыночных пропорций, постоянное напряжение товарного рынка и перебои в снабжении возможны и при достаточной норме накопления, если нарушаются пропорции, в которых распределяется это накопление между капиталовложениями и собственно запасами, т.-е. между основными и оборотными фондами. Кстати сказать, такого рода диспропорция ведет и к общему кредитно-денежному напряжению.

в) К расстройству рыночных пропорций ведет и такая политика капиталовложений, когда нарушаются межотраслевые пропорции по горизонтали и вертикали; когда нарушается коэфициент общественно-необходимой органической структуры капитала; когда накопление принимает форму капиталовложений с более отдаленным рыночным эффектом, чем это позволяет текущий об'ем воспроизводства; когда в основной капитал страны перекачиваются материальные элементы, необходимые для текущего производственного и личного потребления (в результате реконструкции импорта и т. п.)

г) При прочих равных условиях, один факт перераспределения народного дохода нарушает рыночное равновесие, так как в процессе перераспределения характер общественного потребления всегда обгоняет характер существующих производственных возможностей, приспособленных по своим количественным и качественным возможностям к удовлетворению спроса старой формации. Такое нарушение рыночных пропорций может быть тем более длительным и серьезным, чем серьезнее реконструкция всего общественного потребления как в его производственной, так и в потребительской части. Такого рода генеральная реконструкция народного хозяйства может быть лишь результатом революционного сдвига, а не результатом обычной динамики.

(Окончание следует)

И. А. Бялый

К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР

О воспроизводстве в хозяйстве СССР

Проблему воспроизводства капиталистического хозяйства Маркс сформулировал в своих знаменитых схемах. Идя от анализа простого воспроизводства к расширенному, а от него — к установлению причин кризисов, Маркс следует своему основному методологическому правилу: он отправляется от простейшей абстракции и путем ее постепенного усложнения создает такую логическую конструкцию, которая все в большей мере охватывает многообразное содержание сложной конкретности. В схемах простого и расширенного воспроизводства марксов анализ находится еще в области довольно глубокой абстракции. В них совершенно игнорируется диференциация класса капиталистов со всеми сложнейшими экономическими процессами и изменениями экономических категорий, которые она вызывает; в них игнорируется специфичность взаимоотношений между отдельными капиталистами, приводящая к резкому извращению формы, которую прибавочная ценность принимает на поверхности явлений. Маркс в своих схемах отвлекается также и от роста органического строения капитала, несмотря на то, что этот рост является обязательным спутником капиталистического накопления и имеет колоссальное значение в конкретном ходе капиталистического воспроизводства. Мы не говорим уже об отвлечении от докапиталистических отношений, от них Маркс абстрагируется даже на более высокой ступени анализа, в теории кризисов. В схемы простого и расширенного воспроизводства включены только взаимоотношения между классом капиталистов (как целым) и рабочим классом. В соответствии с этим находится и экономическая формулировка материального процесса производства: этот последний состоит из постоянного капитала (т.-е. труда, присвоенного капиталистом в предыдущие периоды производства), переменного капитала (т.-е. труда рабочего, который в данный момент создает ценность для капиталиста, но оплачивается им) и прибавочной стоимости (т.-е. той части труда, которая создает новую ценность для капиталиста и не оплачивается последним совершенно). Схемы включают в себя закон производства прибавочной стоимости, т.-е. основной закон накопления капитала. В них, следовательно, проблема равновесия решается в аспекте тех производственных и рас-

пределительских отношений, которые возникают только из факта эксплоатации рабочей силы, как товара. Таким образом, первый урок, который следует извлечь из марксовских схем, состоит в необходимости учета того обстоятельства, что Маркс в начале анализа поставил себе целью выяснить, каким образом устанавливается соответствие между отраслями производства, а следовательно, и между спросом и предложением при данной классовой структуре общества, с присущим этому обществу основным законом накопления и распределения.

Второй урок можно извлечь при правильной оценке соображений, под влиянием которых Маркс разбил все общественное производство на два подразделения, именно — на производство средств производства и производство средств потребления. Отраслей, в совокупности составляющих все общественное производство, громадное множество. С другой стороны, признаков, по которым можно было бы произвести классификацию отраслей, тоже довольно много. Почему Маркс в основу своей классификации положил разграничение не между производством основного и оборотного капитала, а между производством средств производства и средств потребления? Вся сумма ценностей, оказывающаяся в распоряжении общества, в результате всякого данного производственного периода представляет собою общественный продукт, однако, ни в коем случае, разумеется, нельзя считать, что вся она создана именно в течение данного периода. На ряду с созданием новой ценности, труд обладает способностью переносить на свой продукт ценность ранее произведенных средств производства. Следовательно, общая сумма ценностей, появляющаяся в заключение какого-либо производственного периода, всегда больше той ценности, которую все общество в течение данного периода произвело и больше именно на ту часть, которая была создана в предыдущее время и в данный производственный период вступила в качестве мертвого труда, т.-е. средств производства. Разумеется, и эту часть ценностей, в конечном счете, можно считать доходом общества, однако, это такой доход, который был произведен в предыдущее время, который в данный производственный период вступил в качестве старых запасов общества и, следовательно, доходом данного производственного периода считаться не может. Вся колоссальная принципиальная важность разграничения понятий общественного продукта и общественного дохода совершенно наглядно выступает при анализе как простого, так и расширенного воспроизводства, хотя в каждом из них она выступает по особенному.

При простом воспроизводстве вся ценность, вновь созданная в течение данного производственного периода, полностью потребляется рабочим классом (v) и классом капиталистов (m). Ранее же накопленные средства производства (c), которые входят слагаемым в оказавшийся в результате данного производственного периода об-

щественный продукт, не входят в процесс индивидуального потребления и должны быть полностью сохранены, как постоянный капитал для следующего производственного периода. В противном случае оказалось бы, что общество расстратило на индивидуальное потребление не только весь общественный доход, но и часть старых запасов. Однако, эта функциональная разница между старыми запасами и общественным доходом должна найти себе полное соответствие в материальной структуре общественного продукта. Необходимо, чтобы общественный продукт содержал в себе такое количество предметов потребления, которое бы по своей ценности полностью соответствовало размерам общественного дохода. С другой же стороны, необходимо, чтобы из общей суммы общественного продукта в материальной форме средств производства была такая часть, ценность которой не больше и не меньше ценности старых запасов, которые должны войти в качестве постоянного капитала в следующий производственный период, совершенно не изменив своих размеров. При соблюдении этих условий процесс простого воспроизводства совершится беспрепятственно; в противном же случае неизбежно нарушение равновесия, кризис. Из сказанного ясно, что основная трудность воспроизводства проистекает оттого, что общественный продукт, в противоположность мнению Ад. Смита, не совпадает с общественным доходом. Поскольку Ад. Смит отождествил общественный продукт с общественным доходом, основная проблема воспроизводства совершенно исчезла с поля его зрения. И, наоборот, перед Марксом она встала с абсолютной ясностью и он положил ее в основу своих схем. При простом воспроизводстве все второе подразделение должно произвести такое количество ценностей, которое полностью соответствует общественному доходу, созданному в обоих подразделениях, ибо второе подразделение производит средства индивидуального потребления и, наоборот, первое подразделение должно произвести средства производства в размерах, абсолютно совпадающих с величиной постоянного капитала в обоих подразделениях.

Эту основную проблему процесса воспроизводства Маркс и выразил, разбив все отрасли на два подразделения именно по указанному признаку.

Расширенное воспроизводство от простого отличается тем, что при нем часть общественного дохода изымается из сферы личного потребления и употребляется на расширение производства в следующий производственный период. Часть общественного дохода в данное время не реализуется как доход, а превращается в постоянный капитал следующего производственного периода. Естественно, что для бескризисного воспроизводства этому функциональному изменению части общественного дохода должно корреспондировать соответствующее изменение материальной структуры общественного продукта. Достижение этого соответствия представляет собою чрезвычайно

сложный процесс, однако, оно является необходимым условием бескризисного расширенного воспроизводства. Поэтому основной задачей схем расширенного воспроизводства и является формулировка тех условий, при которых возможно функциональное изменение части общественного дохода.

Идея, положенная Марксом в основу деления всех отраслей на производство средств производства и производство средств потребления, учитывает процессы отнюдь не исторически-преходящего характера. Необходимость систематического превращения части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода — это не специфически капиталистическая черта, она присуща всякому человеческому производству независимо от его общественной формы. Эта необходимость — изъять часть общественного дохода и употребить его на расширение будущего производства, при чем произвести это таким образом, чтобы не нарушилось соответствие между материальными элементами производства — эта необходимость в полной мере стоит и пред нашим переходным хозяйством. Следовательно, диференциация всего общественного производства на так называемые 1 и 2 подразделения совершенно обязательна при анализе проблемы воспроизводства в хозяйстве СССР. Эту часть марксовских схем не только можно использовать при анализе воспроизводства в нашем хозяйстве, ее можно полностью и без всяких изменений включить в этот анализ, ибо она отображает процессы, присущие всем экономическим формациям.

Вряд ли нужно специально оговариваться, что это ни в какой мере не относится к другой части марксовских схем — к ценностной формулировке производственного процесса, протекающего в этих подразделениях. Если разбивка всего общественного производства на указанные два подразделения формулирует задачу, общую всем формациям, то ценностная формулировка производственного процесса, наоборот, показывает, как эта внеисторическая задача осуществляется при воспроизводстве данной системы экономических отношений на фоне действия основного закона капиталистического накопления и распределения. Ясно, следовательно, что для того, чтобы суметь использовать идею, положенную в основу деления всего общественного производства на указанные Марксом два подразделения, необходимо предварительно дать характеристику того социально-экономического фона, на котором происходит обмен веществ между этими двумя подразделениями.

Если капиталистическое общество однородно, хотя и состоит из двух противоположных полюсов, то наше хозяйство представляет собою процесс взаимодействия трех, коренным образом отличающихся друг от друга типов отношений. Социалистический сектор непосредственные товаропроизводители (крестьяне и кустари) и капиталистические элементы города и деревни, — каждый из этих составных элементов нашей экономики обладает своими собственными тенденциями развития, которые в совокупности и составляют тот экономический фон, на котором развертываются процессы материального производства и воспроизводства.

Государственная промышленность является собственностью всего общества, из чего следует, во-первых, что ее непосредственный „хозяин“ (правительство) имеет известную власть над всем народным хозяйством и даже над теми его частями, которые на рынке выступают конкурентами государственной промышленности, и, во-вторых, то, что интересы промышленности не замыкаются рамками самой промышленности, что поскольку промышленность является орудием диктатуры пролетариата в деле социалистической перестройки всего нашего хозяйства, постольку ее интересы не могут быть противопоставляемы интересам всего народного хозяйства.

Хозяйство простых товаропроизводителей развивается на принципиально иных экономических основах. Непосредственно движущим стимулом хозяйственной деятельности простого товаропроизводителя являются только интересы его хозяйства. Свое отношение к росту всего народного хозяйства, к росту государственной промышленности, к той или иной экономической политике государства, к происходящим процессам социалистической перестройки народного хозяйства простой товаропроизводитель выявит в полной зависимости от того непосредственного влияния, которое перечисленные факторы окажут на судьбу его хозяйства. В этом смысле интересы простого товаропроизводителя не совпадают с интересами государственной промышленности. Однако, поскольку товаропроизводитель остается простым товаропроизводителем, т.-е. не эксплоатирует чужого труда, постольку частнохозяйственные мотивы его деятельности не могут явиться непреодолимым препятствием для согласования его интересов с „интересами“ государственной промышленности. Вследствие трудового характера этих хозяйств, антагонизм с государственной промышленостью у них может возникнуть только на почве установления норм оплаты их труда.

Совершенно по иному обстоит дело с капиталистическими элементами нашей экономики, к которым мы, разумеется, относим также и деревенских кулаков. Первое свойство хозяйств простых товаропроизводителей присуще, разумеется, и им. Однако, в то время как простые товаропроизводители стремятся лишь к тому, чтобы их труд был обществом выгодно для них оплачен, капиталистические элементы стремятся подчинить своему господству возможно большее количество рабочих сил, а в качестве предпосылки для этого — произвести превращение возможно большей части общественного дохода в постоянный капитал их капиталистических предприятий. В этой своей деятельности они вступают в неразрешимое противоречие с государственной промышленностью.

Выше мы указывали, что проблема расширенного воспроизводства перед всякой экономической формацией ставит задачу сохранения пропорциональности при отчуждении возможно большей части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода. В капиталистическом хозяйстве эта задача разрешается на фоне противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В нашем хозяйстве противоречий, присущих капитализму, нет. Но у нас имеется свое специфическое противоречие, по своему затрудняющее бескризисное превращение части общественного дохода в средства производства. Это противоречие проявляется в том, что превращение дохода в средства производства в нашем хозяйстве происходит одновременно по двум взаимно исключающим линиям: обобществленной и частной.

Государственная промышленность, как решающий сектор обобществленного хозяйства, является ведущим началом в деле социалистической переработки нашей экономики, что достигается постоянным усилением ее влияния на определение характера развития крестьянского и кустарно-ремесленного хозяйства. Совершенно ясно, что это может происходить только на основе роста производительных сил. Однако, рост производительных сил является одновременно и процессом социалистической переделки нашей экономики только потому, что он происходит на основе согласования задач государственной промышленности с хозяйственными интересами представителей простого товарного производства. Различие движущих мотивов их деятельности не устраняет, таким образом, возможности сочетания их интересов в целях общего развития в одном определенном направлении. Это направление определяется тенденциями государственной промышленности, реализуется в постепенной социалистической перестройке нашей экономики и, следовательно, является процессом социалистического накопления, т.-е. такого накопления материальных ценностей, которое сопровождается и стимулирует процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Какова роль капиталистических элементов в этом процессе расширенного воспроизводства? Очевидно, что в том обмене веществ между отраслями, который реально в нашем хозяйстве происходит, капиталистические элементы принимают постоянное участие и в этом смысле они являются необходимой составной частью нашего хозяйства. Однако, своим участием они не только не способствуют социалистическому накоплению, но систематически препятствуют ему. По мере роста социалистического накопления и укрепления экономических позиций государственной промышленности должно происходить усиление непосредственной связи этой последней с простым товарным хозяйством, а это равносильно постепенному устранению возможностей развития для капиталистических элементов, которые могут гнездиться лишь в щелях, образовавшихся

между государственной промышленностью и простым товарным хозяйством. Эта закономерность находит себе совершенно реальное, рыночное выражение. Рыночная действительность в форме непосредственной коммерческой выгодности постоянно фиксирует ее перед капиталистическими элементами, побуждая их искать базу для своего развития за пределами государственной промышленности и на участках, меньше других связанных с этой последней. Теряющие почву там, где государству удается непосредственно связаться с простым товарным производством, они стремятся проникнуть на те участки, где они со стороны государственной промышленности не встречают препятствий в отношении превращения в постоянный капитал дохода, создаваемого их наемными рабочими, а также связанным и зависимым от них крестьянством и кустарями. Иначе говоря, поскольку успехи социалистического накопления лишают их возможностей развития, они стремятся создать свою собственную сферу накопления, огражденную от влияния социалистической промышленности. Они стремятся поставить свое предприятие в такие условия, которые позволили бы ему существовать и развиваться не соприкасаясь с государственной промышленностью. Все конкретные исследования деятельности частного капитала, произведенные в последнее время, сходятся на констатации того обстоятельства, что частный капитал стремится создать свой замкнутый круг с включением в него, кроме своих официальных наемных рабочих еще и возможно большей части крестьянства и кустарей.

Крестьяне и кустари оказываются, таким образом, об'ектом борьбы обоих противоположных секторов нашей экономики. Государственное хозяйство стремится через кооперацию направить простое товарное хозяйство в единый процесс воспроизводства социалистических отношений; капиталистические элементы, наоборот, пытаются оттянуть крестьянство и кустарей из-под влияния государственной промышленности и слиться с ними в единый процесс воспроизводства капиталистических отношений. В едином хозяйстве создается, таким образом как бы два самостоятельных и противоположных друг другу круга воспроизводства. При этом каждый из борющихся секторов по своему стремится использовать связь с мировым хозяйством. Капиталистический сектор ведет борьбу против монополии внешней торговли, стремясь, таким образом, включить в капиталистический круг воспроизводства влияние мирового капиталистического хозяйства; социалистический же сектор, наоборот, берет (в форме монополии внешней торговли) под контроль связь с мировым хозяйством и таким путем использует ее в интересах социалистического круга. Следовательно, проблема связи с мировым хозяйством разрешается тоже в аспекте только-что установленного противоречия нашей экономики, что решает вопрос, как о допустимых с точки зрения интересов социалистического круга формах связи, так и о размерах ее.

Разумеется, составные части этих двух противоположных кругов воспроизводства в хозяйственной жизни постоянно связываются друг с другом. Мы утверждаем, что капиталистические элементы стремятся создать свою собственную среду, однако, этим мы вовсе не хотим сказать, что между ними и социалистическим сектором не устанавливается никакой связи. Наоборот, любой капиталист, если ему представится возможность „заработать" путем той или иной связи с государственным предприятием, не откажется от нее, хотя он и великолепно знает, что эти возможности временные и что, следовательно, в создании собственной среды надобность не миновала. С другой стороны, государственные предприятия, не сумевшие в том или ином пункте установить непосредственную связь с простым товарным производством, вынуждены соглашаться на посредничество частного капитала, зная, однако, что оно, при прочих равных условиях, затруднит рост социалистических отношений. Тем более это относится к простому товарному производству. Одно и то же крестьянское хозяйство часто связывается одновременно и с социалистическим и с капиталистическим сектором. Поскольку оно охватывается потребительской и сельскохозяйственной кооперацией и охватывающие его кооперативные звенья являются проводниками влияния социалистических командных высот, постольку оно способствует социалистическому накоплению, входит в социалистический круг воспроизводства, и наоборот поскольку то же крестьянское хозяйство сбывает часть своей продукции кулаку-скупщику, оно способствует росту капиталистических отношений, входит в капиталистический круг воспроизводства. Таким образом, в процессе непосредственной хозяйственной жизни представители различных экономических укладов, дополняя друг друга, образуют единое народное хозяйство. Однако, грубейшей ошибкой было бы видеть только процесс воспроизводства материальных благ и не заметить проблемы воспроизводства производственных отношений. А особенность переходной экономики в том и состоит, что хозяйственный процесс представляет собою единое целое и, вместе с тем, рост производительных сил происходит в форме борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций, в форме стремлений к расширенному производству двух взаимно исключающих систем производственных отношений, т.-е., как мы выше условно определили, в форме борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим кругом воспроизводства. Из переходного характера нашей экономики с необходимостью вытекает, что стремление к воспроизводству социалистических отношений все в большей и большей мере должно увенчиваться успехом, в то время как попытки воспроизводства капиталистических отношений в конечном счете должны остаться попыткой с негодными средствами. Однако, это обстоятельство не исключает существования капиталистического круга воспроизводства, а наоборот, предполагает его.

Таким образом, основное противоречие нашей экономики состоит в наличии раздвоенности расширенного воспроизводства в едином народном хозяйстве. Именно со стороны этого противоречия возникают основные препятствия в отношении сохранения равновесия при превращении части общественного дохода в средства производства. Переходная экономика свободна от противоречий капитализма, но она содержит в себе специфическое противоречие, обусловленное именно ее переходным характером. Когда это противоречие достигает особенно больших размеров, оно проявляется в кризисных нарушениях пропорциональности. Однако, в сравнительно слабой форме оно дает себя чувствовать постоянно. Общеизвестно, например, что государственная промышленность со сравнительно высокой техникой, подчас не может из-за недостатка сырья реализовать всех своих производственных возможностей, в то время как мелкие частнокапиталистические предприятия с варварски отсталой техникой оказываются в состоянии связаться с производителем сырья и положить, таким образом, начало капиталистическому кругу воспроизводства. Благодаря связи с крестьянином — продавцом сырья, а затем с наемным рабочим или кустарем, капиталисту удается известную часть общественного дохода превращать в постоянный капитал своего капиталистического предприятия и, следовательно, соответственно сокращать социалистическое накопление. Но, кроме того, нужно отметить, что поскольку техника в капиталистических предприятиях несравненно ниже техники нашей государственной промышленности постольку всякий успех в этом отношении капиталистического круга воспроизводства означает не только сокращение социалистического накопления, но и задержку в развитии и даже прямой регресс производительных сил.

Из сказанного следует, что основным условием бесперебойного расширенного воспроизводства является систематическое расширение социалистического круга воспроизводства как за счет внутреннего роста, так и за счет сокращения размеров капиталистического круга воспроизводства.[1] И, наоборот, если бы быстрее развивался капиталистический круг воспроизводства, то в условиях монополии внешней торговли и национализированной промышленности это означало бы нарушение основных производственных пропорций как внутри государственной промышленности, так и в ее отношениях с простым товарным хозяйством, т.-е. резкий кризис.

Из серьезных работ, вопросу о воспроизводстве в нашем хозяйстве, посвящена вышедшая в 1927 г. статья Е. Преображенского.[2] Эта работа представляет собою попытку применения марксовых схем воспроизводства при анализе процесса воспроизводства в на-

[1] Напоминаем, что „капиталистический сектор" и „капиталистический круг воспроизводства" — понятия совершенно различные.

[2] „Вестник Комм. Академии", кн. XXII.

шем хозяйстве. Самый факт такой попытки можно только приветствовать, однако, характер использования марксовых схем нам представляется неудовлетворительным.

Е. Преображенский считает необходимым при анализе проблемы воспроизводства абстрагироваться от капиталистических элементов в нашем хозяйстве и, вместе с тем, не считает возможным абстрагироваться от неэквивалентного обмена. Эта особенность его подхода к проблеме наложила решающий отпечаток на все его выводы. Необходимость абстрагирования от капиталистических элементов аргументируется следующим образом:

„Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частно-капиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако, часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства вообще, и отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора" (стр. 24).

Таким образом, в начале цитаты указывается, что анализ условий равновесия „делает необходимым" деление нашего хозяйства именно на три сектора, сразу же за этим следует указание, что капиталистический сектор и товарный сектор „представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства", а в заключение утверждается, что в виду отсутствия нужных цифр о капиталистическом секторе, при конкретном анализе воспроизводства оказывается невозможным „деление хозяйства на три сектора" и приходится смешивать в одно сектор капиталистический и сектор простого товарного производства. Действительно ли необходимо деление нашего хозяйства на три сектора, если простой товарный и капиталистический секторы „представляют собою об'единенный круг всего частного хозяйства"? А если, несмотря на это, анализ условий равновесия в нашем хозяйстве все же требует деления его на три сектора, то можем ли мы считать хоть в какой-нибудь мере удовлетворительными результаты того к о н к р е т н о г о изучения воспроизводства, при котором исследователь а б с т р а г и р у е т с я от одной из трех составных частей изучаемого процесса? Бесспорно, конечно, что отсутствие цифр при конкретном анализе является чрезвычайно существенным обстоятельством, однако, находить выход из положения путем сбрасывания со счетов целого класса вряд ли допустимо да еще при к о н к р е т н о м анализе воспроизводства. Цифр, особенно достаточно удовлетворительных, может действительно не оказаться, но от этого капиталистические элементы не перестанут ни существовать, ни оказывать влияния на процесс воспроизводства. Думаем, что тот конкретный анализ воспроизводства, который учтет все имеющиеся цифры, но не учтет воздействия, указываемого капиталистическими элементами на процесс воспроизводства, вряд ли может претендовать на плодотворность.

Однако, если при конкретном анализе воспроизводства нельзя отвлекаться от капиталистических элементов, то может быть такое отвлечение допустимо при абстрактном анализе этой проблемы? Марксистский метод не только допускает, но подчас и требует отвлечения от целого ряда явлений. Вообще говоря, абстрагирование от капиталистических элементов допустимо и при анализе нашей экономики. Однако, нужно ли доказывать, что такое абстрагирование допустимо не на любой ступени анализа и что исследователь, желающий правильно применить марксов метод абстракции, прежде всего, обязан помнить, что определенной ступени анализа данной общественной формации должна строго соответствовать определенная глубина абстракции. Если мы ставим себе целью установить, какова форма связи между отдельными производственными ячейками, в совокупности составляющими переходную экономику, мы не только можем, но и обязаны абстрагироваться от капиталистических элементов, ибо принципиальное содержание существующей формы связи обусловливается не капиталистическими элементами. Совершенно иначе дело будет обстоять при анализе процесса воспроизводства. Выше мы старались показать, что наличие капиталистических элементов оказывает качественное влияние на характер воспроизводства в нашем хозяйстве, что именно им обязано наше хозяйство раздвоенностью процесса воспроизводства. Абстрагироваться от капиталистических элементов значит абстрагироваться от этой раздвоенности, т.-е. от основной отличительной черты „советского" воспроизводства. Преображенский же, хотя и своеобразно, но все же абстрагируется от капиталистических элементов. Стирая разницу между ними и представителями простого товарного производства, он, таким образом, абстрагируется от тех моментов, которые отличают капиталистический сектор от сектора простого товарного хозяйства. Вместо того чтобы рассмотреть, каким образом происходит в процессе расширенного воспроизводства борьба между капиталистическим и государственным хозяйством за простое товарное производство, Преображенский зачисляет простое товарное хозяйство в один „об'единенный круг" с капиталистическим хозяйством и, следовательно, строить такую схему, которая могла бы соответствовать действительности т о л ь к о в с л у ч а е п о л н о й п о б е д ы капиталистических элементов над социалистическими. Основные проблемы, возникающие на почве борьбы двух противоположных полюсов за простое товарное хозяйство, с поля зрения Преображенского исчезают и остается только одна — проблема неэквивалентного товарообмена. Неправильно разделив нашу экономику на государственный сектор и противостоящий ему товарно-капиталистический сектор,

Преображенский упростил проблему воспроизводства до проблемы неэквивалентного обмена.

В виду того что Маркс при анализе воспроизводства в капиталистическом хозяйстве от неэквивалентного обмена абстрагируется, Преображенский считает необходимым в параграфе „Предварительные замечания" специально обосновать целесообразность производимого им включения проблемы неэквивалентного обмена в анализ воспроизводства в нашем хозяйстве. Он считает в данном случае возможным не следовать точно за Марксом, в виду того что в капиталистическом хозяйстве неэквивалентность обмена представляет собою отклонение от нормы, в то время как в нашем хозяйстве, наоборот, — нормальным явлением. Нужно признать, что этот аргумент сам по себе не может, конечно, служить достаточным основанием для включения неэквивалентности обмена в теоретический анализ воспроизводства, ибо Маркс в своей теории воспроизводства абстрагировался не только от временных отклонений, но и от целого ряда чрезвычайно существенных составных частей капиталистической экономики. Достаточно вспомнить, что Маркс в своей теории воспроизводства абстрагируется от таких явлений, как кредит, закон средней нормы прибыли, обособление торгового капитала, чтобы понять, что известная закономерность в нашем хозяйстве неэквивалентного обмена сама по себе еще ни в какой мере не может служить основанием для включения этой проблемы в анализ воспроизводства.

Однако, дело не в том, что Преображенский не обосновал этого включения, а в том, что если бы он, по примеру Маркса, абстрагировался от неэквивалентного обмена, то ему нечего было бы сказать по вопросу о воспроизводстве. Как нельзя ничего сказать о капиталистическом воспроизводстве, абстрагировавшись от прибавочной ценности, точно также ничего невозможно понять и в нашем воспроизводстве, если отвлечься от того обстоятельства, что за влияние на простое товарное хозяйство ведется борьба между социалистическими и капиталистическими элементами. Нет поэтому абсолютно ничего удивительного в том, что теория воспроизводства Преображенского представляет собою не что иное, как только цифровую формулировку его закона первоначального социалистического накопления и к тому же формулировку очень неполную. Теснейшая связь и зависимость теории воспроизводства и теории регулятора, конечно, совершенно обязательны, однако, когда получается так, что в теории воспроизводства повторяется абсолютно то же самое, что говорилось в теории регулятора и для разнообразия приводятся только ничего нового не говорящие, но очень запутанные арифметические выкладки, то такую „связь" вряд ли можно признать положительным явлением.

Вся теория воспроизводства Преображенского состоит из формулировки семи условий равновесия в советском хозяйстве. Попытаемся при помощи рассмотрения каждого из них доказать правильность только-что выдвинутых против этой теории обвинений.

Первое условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.-е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства" (стр. 37; курсив автора).

Этот свой вывод „огромнейшего значения" Преображенский доказывает следующим образом. Он берет в качестве условия то, что цены в нашем хозяйстве вдвое превышают мировые цены. Исходя из этих высоких цен, он строит цифровой пример, который изображает равновесие в нашем хозяйстве. Этот пример он считает формулировкой разновесия при неэквивалентном обмене, так как положенные в основу его построения цены вдвое превышают мировые цены. Считая, что таким образом показано равновесие при неэквивалентном обмене, Преображенский переходит к рассмотрению вопроса о равновесии при неэквивалентном обмене. Для этой цели он берет тот же цифровой пример и производит в нем снижение промышленных цен до уровня мировых промышленных цен, т.-е. в два раза. В результате, конечно, получается резкая диспропорция, что и оказывается, с точки зрения Преображенского, достаточным основанием для утверждения о том, что первым условием равновесия в нашем хозяйстве является неэквивалентный обмен.

Нужно ли доказывать, что таким образом не менее легко „обосновать" необходимость для сохранения равновесия любого соотношения цен, в том числе и необходимость эквивалентного обмена. Для этого нужно будет только построить такой цифровой пример, в котором равновесие установлено на основе мировых промышленных цен, а потом предположить, что промышленные цены внезапно повысились вдвое. Таким образом, разобранное „первое условие равновесия" является лишь крайне неудачной попыткой лишний раз обосновать правильность закона первоначального социалистического накопления.

В своем шестом условии равновесия Преображенский снова возвращается к этому вопросу и на этот раз уже с точки зрения отрицательного влияния неэквивалентного обмена на товарность сельского хозяйства. На этот раз, следовательно, неэквивалентность обмена выступает как фактор, срывающий бесперебойное воспроизводство. Получается, таким образом, что в первом условии равнове-

сия неэквивалентность обмена рассматривалась, как необходимое условие равновесия, а в шестом условии оно рассматривается, как условие нарушения равновесия. Из этого очевидного противоречия автор пытается выйти следующим заявлением, „в последнем случае (в случае снижения цен. И. Б.) дело должно итти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства“ (стр. 66) и дальше:

„Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивают коллективное производство над капиталистическим“ (стр. 68).

Оказывается, таким образом, что между реализацией первого условия равновесия и шестого условия равновесия существует разница во времени: до производства переоборудования технической базы нашей промышленности условием равновесия должен быть неэквивалентный обмен, после же этого, наоборот, эквивалентный обмен. Однако, такое решение проблемы есть не что иное, как увертка от решения.

Когда произойдет переоборудование технической базы нашей промышленности, тогда проблема неэквивалентного обмена будет снята, так же, как будут сняты и все основные трудности, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Речь идет о неэквивалентном обмене именно в реконструктивный период. С одной стороны, задача индустриализации страны требует известного минимума накопления и, следовательно, определенного уровня цен, в этом смысле (а отнюдь не по той причине, которую указывает Преображенский в своем первом условии) известная неэквивалентность обмена является условием расширенного воспроизводства; с другой стороны, эта же мера ухудшает на время реконструктивного процесса связь государственной промышленности с крестьянским хозяйством и улучшает положение, усиливаёт шансы капиталистического круга воспроизводства. Противоречивость нашей экономики в том и состоит, что интересы расширенного воспроизводства требуют сохранения на известный период неэквивалентного обмена, который в то же время является фактором, препятствующим расширенному воспроизводству, поскольку он в данный момент облегчает расширение капиталистического круга воспроизводства. В этом противоречии дано одновременно и условие сохранения равновесия и условие нарушения равновесия. Преображенский же эту единую проблему разбивает на два самостоятельных условия равновесия, между которыми он располагает еще четыре самостоятельных условия равновесия.

Вторым условием равновесия Преображенский считает необходимость определенного темпа накопления в государственной промышленности. Вообще говоря, этот вопрос является основным

вопросом проблемы воспроизводства. Однако, поскольку у Преображенского отсутствует правильный классовый анализ нашей экономики, у него этот действительно громадной важности вопрос сводится лишь к проблеме чисто рыночного равновесия и решается исключительно под углом зрения рыночного равновесия.

Недонакопление в государственном секторе, предположим, на 300 млн. руб. будет означать недопроизводство на 360 млн. руб., если считать, что 60 млн. будет равняться прибавочный продукт. Если учесть, что доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна 25%, то произойдет сокращение продукции, реализуемой в частном секторе на 90 млн. руб., „а это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн. рублей две трети относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего, крестьянского хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.-е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.-е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутрикрестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего, в частноторговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т. д.,— диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать в условиях расширенного воспроизводства необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не могут следовать закупки, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако, само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготовляемые государственным сектором, неизбежно означает искус-

ственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями".[1]

С темпом накопления в промышленности действительно связана судьба всех отраслей народного хозяйства. Влияние накопления в государственной промышленности на условия развития крестьянского хозяйства должно быть в центре внимания при анализе воспроизводства. Однако, зависимость, сформулированная Преображенским, чрезвычайно далека от той, которая существует в действительности. Предположим, что рассматриваемое Преображенским уменьшение накопления в государственном секторе произошло вследствие снижения налога на крестьянство или вследствие увеличения государственных ссуд сельскому хозяйству. Предположим, далее, что сокращение накопления коснется исключительно капитального строительства и в данный период не вызовет сокращения предложения ни средств потребления, ни средств сельскохозяйственного производства. Тогда в данный период вопреки цифровым выкладкам Преображенского недонакопление в государственной промышленности не вызовет ни сокращения предложения крестьянской продукции, ни деградации крестьянского хозяйства. Правда, это будет означать коренное изменение курса экономической политики и через некоторое время заставит (однако, совсем не в той форме, как пишет Преображенский) государство во избежание кризиса итти на расширение связи с мировым хозяйством и, может быть, итти на некоторые уступки в отношении пользования иностранным долгосрочным кредитом. Можно ли итти на эти уступки? До каких пределов можно на них итти? Что должно служить критерием при установлении этого предела? На эти вопросы, конечно, нет ответа у Преображенского. На них возможно дать правильный ответ, только исходя из правильного классового анализа нашей экономики. При ответе на них исходным пунктом должен служить учет интересов борьбы социалистического круга воспроизводства против капиталистического круга воспроизводства, т.-е. интересов борьбы государственного сектора за отрыв простого товарного хозяйства из-под влияния капиталистического. И поскольку Преображенским правильного классового анализа не сделано, поскольку основной социально-экономической проблемы им не поставлено, постольку и вопрос о темпе накопления государственной промышленности решается им, как проблема увязки отраслей, а не как проблема борьбы классов.

Вопрос об определенном темпе накопления является, повторяем, основным вопросом воспроизводства. Исключительно низкий технический уровень нашей промышленности в условиях капиталистического окружения и громадного удельного веса мелкобуржуазной

[1] „Вестник Комм. Академии", № 22 за 1927 г., стр. 38.

экономики внутри страны требует быстрого темпа индустриализации, а следовательно, и накопления. Недонакопление или замедление темпа индустриализации усиливает влияние капиталистических элементов на простое товарное хозяйство, расширяет капиталистический круг воспроизводства и таким путем может нарушить процесс воспроизводства, т.-е. привести к кризису. Следовательно, известный минимум накопления действительно является необходимым условием бесперебойного расширенного воспроизводства. В этом смысле Преображенский прав. Однако, его аргументация, как мы только-что видели, ничего не в состоянии доказать, ибо он пытался этот вопрос решить не путем анализа основного внутреннего противоречия нашей экономики, а с точки зрения непосредственно-рыночного равновесия. Только при правильной постановке вопроса, учитывающей весь классовый переплет, на фоне которого происходит это расширенное воспроизводство, возможно решить вопрос о темпе накопления.

„Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед" (стр. 39).

Вслед за этой цитатой приводятся три случая так называемого перенакопления, из коих два являются результатом ошибок планирования, а третий обусловлен об'ективными трудностями реконструктивного периода. Так как случаи нарушения, вызванные ошибками планирования, не могут представлять интереса при теоретическом анализе воспроизводства, мы остановимся только на третьем случае.

Здесь имеется в виду случай, когда „переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен" (стр. 41).

Образовавшаяся таким образом диспропорция является результатом об'ективных трудностей:

„В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства" (стр. 41).

Далее Преображенский останавливается на том влиянии, которое происшедшее обострение товарного голода оказывает на сельское хозяйство.

„Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся, прежде всего, к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые пред'явит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо" (стр. 41—42).

Приведенные цитаты как будто бы свидетельствуют о том, что Преображенский видит действительные трудности воспроизводства, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Об'ективная необходимость усиленного капитального строительства, неизбежность обострения на первых порах реконструктивного процесса товарного голода, наконец, опасность ослабления смычки государственной промышленности с крестьянством,—все это, если судить по приведенным цитатам, как будто ясно Преображенскому. Однако, разрешает он правильно сформулированную им основную проблему воспроизводства следующим образом:

„С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства во времени" (стр. 42).

Если автору угодно центр тяжести перенести на терминологическую сторону вопроса, то мы не станем с ним спорить. Пусть, рассматриваемый случай кризисного характера считается не результатом перенакопления на одном участке государственной промышленности, а наоборот, результатом недонакопления во всей государственной промышленности. В этом мы охотно с автором соглашаемся. Однако, вторая часть цитаты, в которой автор ограничивается успокоением себя и других тем, что в данный момент иначе быть не может, а что после завершения технической реконструкции промышленности исчезнут все эти трудности нам представляется по меньшей мере неудовлетворительной. В своем втором условии равновесия Преображенский описал некоторые трудности, стоящие на пути воспроизводства, но тут же от них отмахнулся.

Вообще же относительно второго условия следует сказать, что поставленная в нем проблема полностью совпадает с той, которая ставится первым и шестым условиями равновесия. Как там, как и здесь речь идет об урезке части крестьянского дохода в пользу увеличения основного капитала промышленности. Эта урезка является абсолютно необходимой для победы социалистического круга воспроизводства над капиталистическим, и следовательно, для бесперебойного процесса воспроизводства. Однако, она же затрудняет смычку государственной промышленности с крестьянским хозяйством, и следовательно, укрепляя позиции капиталистического круга воспроизводства, препятствует бесперебойному расширенному воспроизводству. Вопрос о темпе накопления и вопрос о неэквивалентном обмене являются, таким образом, проявлением одного и того же противоречия и представляют собою одну (а не три, как у Преображенского) проблему. Сделать из этой одной проблемы сразу несколько Преображенский смог только тем, что выхолостил из нее все социальное содержание и свел ее исключительно к отдельным техническим проблемам рыночного равновесия. Однако, поскольку рыночное равновесие может осуществляться только на определенной социально-экономической основе и является лишь проявлением определенных экономических процессов, постольку неудивительно, что построения Преображенского оказываются не в состоянии об'яснить действительность даже в том случае, если эту действительность брать исключительно в ее рыночных проявлениях.

Мы установили, таким образом, что первое, второе и шестое условия равновесия трактуют по существу не о трех разных, а все об одном и том же противоречии. Теперь приходится отметить, что о том же самом речь идет и в четвертом условии равновесия.

Суть четвертого условия равновесия сам автор формулирует следующим образом:

„Если в советской экономике c II государственного сектора плюс с II частного сектора минус средства производства, которые само второе подразделение об'единенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны v плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения об'единенного [1] частного сектора, то: 1) при дефиците первого подразделения об'единенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения об'единенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части v II госсектора, т.-е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т.-е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения об'единенного частного сектора на соответствующую

[1] Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

часть v II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает, однако, еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства и на средства потребления, изготовляемые в государственном хозяйстве" (стр. 56—57).

Эту формулировку автор подвергает цифровой конкретизации. Он строит две пары подразделений соответственно двум секторам народного хозяйства (государственного и частнокапиталистического) и рассматривает обмен веществ, происходящий между этими секторами и их двумя подразделениями. Так как автор стремится к тому, чтобы его цифровые выражения соответствовали действительным рыночным соотношениям, существующим в нашем хозяйстве, то в результате произведенного им рассмотрения обмена веществ между секторами получился вывод, что наиболее узким местом в процессе воспроизводства является наша тяжелая индустрия. Первое подразделение частного сектора пред'являет спрос на продукты первого подразделения государственного сектора в большем количестве, чем само ему продает. Образовавшийся дефицит может быть покрыт, во-первых, путем импорта оборудования для сельскохозяйственного производства и, во-вторых, путем сокращения непроизводительного потребления в первом подразделении государственного сектора. Но так как обе эти возможности ограничены вполне определенными и чрезвычайно узкими пределами, то этот дефицит остается существовать. Это обстоятельство оказывает отрицательное влияние на состояние отраслей первого подразделения частного сектора: происходит относительное сокращение производства технических культур и в особенности их товарности. Поскольку же технические культуры являются сырьем для легкой индустрии, то получается, что от недоснабжения первого подразделения частного сектора страдает и второе подразделение государственного сектора. Из всего этого Преображенский делает следующий вывод:

„Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время предшествовать расширенному воспроизводству упомянутых отраслей" (стр. 52).

К такому же выводу Преображенский приходит, рассматривая вопрос с другого конца, со стороны второго подразделения частного сектора. В этом подразделении тоже оказывается избыток его продукции и дефицит продукции государственного сектора. Так же, как

и в предыдущем случае, недостаток продуктов государственной промышленности оказывает отрицательное влияние на условия развития соответствующих отраслей частного сектора.

„В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который об'ективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных, очень высоких ценах...

Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности" (стр. 55).

Вот к чему, по существу, свелось четвертое условие равновесия: интересы всего народного хозяйства требуют быстрого развития тяжелой индустрии. Этот вывод является безусловно совершенно правильным, однако, почему он является содержанием четвертого условия разновесия, а не первого, второго или шестого — непонятно. Первое условие равновесия ставит проблему неэквивалентного обмена, которую нельзя не только разрешить, но даже и сформулировать, отделивши ее от проблемы быстрого развития тяжелой индустрии. Мы уже не говорим о том, что в свое второе условие равновесия и, в частности, в вопрос о недонакоплении Преображенский включил не только те же мысли, что и в четвертое условие равновесия, но даже и те же формулировки.

Не отличаясь от первого и второго условий по существу поставленных в них проблем, четвертое условие не отличается от них и по качеству разрешения этих проблем. Попрежнему автор не выходит за пределы отвлеченного рыночного равновесия. Стоит только изменить цифры, которые сами по себе автором совершенно не обоснованы, как вывод окажется совсем другим. Поэтому вся та грузная аппаратура цифр и схем, которыми в данном случае Преображенский оперирует, поскольку взятые соотношения им не обоснованы, представляется нам совершенно излишней. Необходимость быстрого роста тяжелой индустрии в таких громоздких доказательствах не нуждается. Зато вопрос об источниках этого роста, вопрос о соответствующем распределении национального дохода в интересах этого роста, вопрос о классовой борьбе, которая хотя и в экономической форме, но неизбежно на этой почве будет происходить, — эти вопросы, разрешение которых, казалось бы, с большим правом чем всех остальных следует считать основной задачей теории равновесия, — в анализ Преображенского совершенно не входят.

Для полноты остановимся вкратце и на остальных трех условиях равновесия. Третье условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экс-

порта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недоразвитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления" (стр. 47—48).

Значит, во-первых, максимальная связь с мировым хозяйством и, во-вторых, такая организация экспорта, которая превратила бы его в автоматический регулятор процесса расширенного воспроизводства. При обосновании этих двух выводов Преображенский совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что импорт оборудования чрезвычайно облегчает процесс расширенного воспроизводства и ускоряет процесс реконструкции промышленности. Если подходить к вопросу только с этой стороны, т.-е. опять-таки только с точки зрения рыночного равновесия, то вывод о необходимости „максимальной связи с мировым хозяйством" окажется совершенно правильным. Однако, нужно ли доказывать, что проблема связи с мировым хозяйством, при господстве капиталистических отношений во всех странах кроме нашей, при громадном удельном весе товарной стихии внутри нашей страны, при сильной технической отсталости нашей промышленности выводит нас далеко за пределы чисто рыночного равновесия. Сказать что импорт оборудования нам нужен и что он является „автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства" и ограничиться этим,— значит ничего не сказать о действительно сложнейшей проблеме связи хозяйства диктатуры пролетариата с мировым капиталистическим хозяйством.

Однако, если третье условие от всех рассмотренных выше методологически ничем не отличается, то в основу пятого и седьмого, наоборот, положен совершенно не тот принцип, который положен в основу всех остальных. Под номером пятым устанавливается, что необходимым условием равновесия является систематическое повышение заработной платы, при чем доказывается это положение не аргументами от рыночного равновесия, а необходимостью повышения культурного (в том числе и политического) уровня рабочего класса. В таком же роде оказывается и седьмое условие равновесия, где говорится о необходимости сокращения безработицы. В самой постановке вопроса в этих двух условиях мы ничего неправильного не видим. Наоборот, нам представляется, что познавательная ценность этих двух условий значительно выше, чем всех остальных, несмотря на то, что проблемы содержащиеся в них далеко не являются главными проблемами процесса воспроизводства. Заслуживающим внимания нам представляется лишь то обстоятельство, что

Преображенский вышел за пределы чисто рыночного анализа именно в этих двух случаях. В самом деле, почему с такой же точки зрения не поставить вопрос о кооперировании крестьянства, как об одном из обязательных условий равновесия?

Нам думается, что собака здесь не глубоко зарыта: все семь условий равновесия направлены на обоснование необходимости неэквивалентного обмена. Поскольку вопрос о заработной плате автору смог пригодиться для этой цели, он был включен в число „условий" и, наоборот, поскольку вопрос о кооперировании крестьянства оказался не в состоянии сослужить эту службу, он подвергся забвению.

После того как мы рассмотрели познавательную ценность каждого из семи условий в отдельности, мы считаем целесообразным сделать в отношении их несколько общих замечаний.

Нами неоднократно отмечалось, что в своих условиях равновесия Преображенский анализирует чисто рыночные моменты, совершенно отвлекаясь от хозяйственно-экономических процессов, лежащих в их основе. Не единый экономический процесс реализируется в большом множестве рыночных проявлений. Продукты труда различных отраслей выходят на рынок и приравниваются друг к другу как в смысле материально-производственном, так и в смысле количественно-ценностном; в результате соприкосновения продуктов различных отраслей образуются определенные цены; результатом определенного уровня цен являются определенные возможности накопления; это, в свою, очередь определяет соотношение между отраслями,— все эти моменты являются не чем иным, как суммой различных рыночных проявлений единого хозяйственно-экономического процесса, полностью определяющего характер этих проявлений.

Что нужно класть в основу анализа условий равновесия расширенного воспроизводства,— происходящий хозяйственно-экономический процесс или рыночные формы его проявления? Почему Маркс в своих схемах расширенного воспроизводства, отвлекаясь от цен, оперировал ценностью, отвлекаясь от средней нормы прибыли, оперировал прибавочной ценностью, затем отвлекаясь от кредита, исходил из непосредственной купли — продажи и т. д.? Преображенский абстрагирование Марксом от колебания цен вокруг ценности об'ясняет тем, что в капиталистическом хозяйстве цены товаров тяготеют к их ценности. Нужно ли доказывать абсолютную несерьезность этого аргумента? Он свидетельствует лишь о том, что его автор абсолютно игнорирует особенность того метода, которым пользовался Маркс при анализе расширенного воспроизводства. Маркс в теории воспроизводства анализировал не рыночные проявления, а то, что лежит в их основе: хозяйственный процесс в его определенном социально-экономическомоформлении.

Не поняв этого, Преображенский и сводит весь свой анализ к анализу чисто рыночных явлений. Достаточно вспомнить, как он

в своем первом условии решает вопрос о необходимости неэквивалентного обмена, где вся его аргументация сводится к простой тавтологии, или, что необходимость быстрого темпа накопления (второе условие) он пытается доказать тем, что в противном случае немедленно создается рыночная диспропорция; достаточно вспомнить хотя бы только это, чтобы увидеть, что его условия равновесия соответствуют перечисленным выше (стр. 29) рыночным формам проявления и чрезвычайно мало способствуют уяснению того процесса, который лежит в их основе.

Однако, анализ различных сторон внешне-рыночного равновесия Преображенский производит под определенным углом зрения. По существу все его семь условий равновесия имеют строго определенное задание: оправдать закон первоначального социалистического накопления. Поэтому он в своем первом условии делает вывод в пользу неэквивалентного обмена, хотя при такого же рода аргументации он с одинаковым успехом мог бы сделать и противоположный вывод; поэтому он и второе и четвертое и шестое условия подгоняет под этот же вывод, хотя, поскольку он ограничивался одним только рыночным равновесием, он с равным успехом мог бы притти и к другому выводу; поэтому же, наконец, он делает исключение для роста заработной платы и ликвидации безработицы, и, принимая их как особые условия равновесия, выходит за рамки анализа чисто рыночного равновесия.

Аппаратура для подкрепления закона первоначального социалистического накопления пущена в ход большая. Однако, нужно сказать, что к той аргументации в пользу этого закона, которая имеется в новой экономике, она абсолютно ничего не прибавляет. Что же касается проблемы воспроизводства, то она не только не разрешена, но даже и не поставлена. Причиной неудачного исхода этой попытки Преображенского, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в основу работы была положена в корне неправильная формулировка классовой структуры нашей экономики.

В параграфе „Предварительные замечания", в котором излагаются исходные пункты теории воспроизводства, Преображенский ставит читателя в известность, что он считает необходимым делить наше хозяйство не на два, а на три сектора. „Однако, — заявляет он тут же, — часто (разрядка наша. И. Б.) характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым". Очевидно, словом „часто" автор хотел отметить, что он не всегда будет растворять капиталистический сектор в простом товарном и что, следовательно, его указание на необходимость делить наше хозяйство на три сектора имеет не только декларативное значение. Сейчас, после разбора всей работы, приходится отметить, что все семь условий равновесия, которые в совокупности и составляют теорию воспроизводства, Преображенского, все они выведены из анализа двухсекторного, а не трехсекторного хозяйства.

Влияние капиталистического сектора на процесс воспроизводства совершенно нигде не рассматривалось и не учитывалось, несмотря на то, что здесь имел место теоретический анализ, и следовательно, „отсутствие нужных цифр" не могло еще сыграть своей печальной роли.

На протяжении всей работы автор касается капиталистического сектора всего только два раза: в параграфе „Предварительные замечания" он рассматривает отношение различных групп капиталистического сектора к неэквивалентному обмену и второй раз касается капиталистического сектора в подстрочном примечании. Очевидно, эти два случая автор считает достаточным основанием для сделанного им в начале работы заявления о необходимости делить наше хозяйство на три сектора. Рассмотрим первый из них.

„Нужно отметить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и аграрный участок, с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену" (стр. 26).

Высокие цены на продукцию госпромышленности, образовавшиеся под влиянием закона первоначального социалистического накопления, неизбежно должны перекинуться и на промпродукцию производимую в частном секторе. Торгово-промышленные капиталисты, которые при свободном действии закона ценности принуждены были бы мириться с гораздо более низкими ценами, теперь, оказывается, подпали под покровительство закона первоначального социалистического накопления. В противоположном положении оказались сел.-хоз. капиталисты: поскольку они являются покупателями промпродукции и, наоборот, продавцами сравнительно дешевой сельскохозяйственной продукции, они ведут жесточайшую борьбу за победу закона ценности на основе закона первоначального социалистического накопления. Получается, таким образом, что образуется очень сильная экономическая база для блока госпромышленности с торгово-промышленной группой капиталистов, с одной стороны, и противоположного блока бедняков и середняков с сельскохозяйственными капиталистами — с другой.

Проблема неэквивалентного обмена в такой мере довлеет над Преображенским, что из-за нее он не в состоянии видеть ничего остального. Даже тогда, когда речь зашла о конкретных устремлениях капиталистического сектора принцип неэквивалентного обмена заставил автора перевернуть на голову все действительные отношения.

Если рассматривать сельскохозяйственного капиталиста лишь как продавца продуктов своего труда и покупателя продуктов чужого труда, тогда, пожалуй, действительно дело должно происходить по Преображенскому. Но тогда возникает только одно неудобство: сотрется всякая грань между крестьянином-середняком и сельскохозяйственным капиталистом. Стимулом деятельности серед-

няка-крестьянина является стремление за свой труд получить возможно больше общественного труда и потому соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен на судьбу его хозяйства оказывает решающее влияние. Судьба же капиталистического предприятия зависит не просто от уровня цен, а от условий эксплоатации, в которых цены на изделия являются лишь одним из факторов. Это обстоятельство особенно нужно иметь в виду в нашем переходном хозяйстве, где решающим фактором, определяющим кон'юнктуру для капиталистического сектора, является степень влияния экономической политики государства.

„Ножницы" невыгодны сел.-хоз. капиталисту, как продавцу сел.-хоз. продукции и покупателю промышленной продукции. Но „ножницы", вместе с тем, ослабляют влияние государственного сектора на рынке сырья и создают для сел. хоз. капиталиста условия для более тесной и выгодной увязки с крестьянином — производителем сырья и промышленным капиталистом или раздатчиком. Они не противопоставляют промышленного капиталиста сельскохозяйственному,— как думает Преображенский,— а наоборот, создают условия, при которых сельскохозяйственный капиталист оказывается в состоянии отвоевывать крестьянина от социалистического круга воспроизводства и втягивать его в капиталистический круг воспроизводства, давая этим самым возможность капиталистическому кругу расти также и за счет кустарей, т.-е. в общей сложности совершать расширенное воспроизводство за счет социалистического круга. В какой мере то или иное соотношение цен может служить показателем состояния кон'юнктуры для капиталистических элементов, видно хотя бы из истории последнего хлебозаготовительного кризиса. Капиталистические элементы деревни, которым недостаточно прочная связь социалистических командных высот с крестьянским хозяйством дала возможность приумножить свои скудные средства путем спекулятивной скупки крестьянского хлеба, вряд ли будут сетовать на то, что чрезмерный разрыв цен ослабил позиции социалистического сектора.

В известных размерах и до известного времени „ножницы" неизбежны. Этого требуют интересы индустриализации отсталой страны. Однако, необходимо иметь в виду, что обусловленные задачей, социалистического строительства, „ножницы", вместе с тем, в каждый данный момент затрудняют усиление смычки госпромышленности с сельским хозяйством и, следовательно, соответственно укрепляют позиции капиталистического круга воспроизводства. Это противоречие является проявлением основного противоречия нашей экономики. Естественно, что поскольку Преображенский в извращенном виде воспринимает это основное противоречие, постольку и формы его проявления находят в его работе совершенно неправильное освещение. Преображенский основное противоречие нашей экономики выводил из противопоставления государственного сектора

частному, в то время как на самом деле оно возникает из борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим. При решении вопроса об основном противоречии нашей экономики Преображенский игнорирует принципиальную разницу между капиталистическими элементами в нашем хозяйстве и элементами простого товарного производства, поэтому при попытке конкретного анализа действительная роль капиталистических элементов у него смазывается и они частично превращаются в союзников пролетариата, частично — в союзников крестьянства. Четкое разграничение трех, принциально отличных друг от друга основных элементов нашей экономики — социалистических, капиталистических и простого товарного производства — показывает, что не капиталисты делятся на союзников госпромышленности и крестьянства, а простые товаропроизводители (крестьянство и кустари) могут стать как союзниками пролетариата, так и союзниками буржуазии, вследствие чего борьба двух противоположных секторов (социалистического и капиталистического) превращается в борьбу двух кругов воспроизводства. Если в капиталистическом строе судьба каждого отдельного капиталиста сильнейшим образом зависит от общих условий производства прибавочной стоимости, то в нашем хозяйстве она не менее сильно зависит от общих условий развития капиталистического круга воспроизводства. Поэтому трудности смычки, которые „ножницы" в каждый данный момент обостряют, нельзя смазывать тем, что эти „ножницы" невыгодны также и сел.-хоз. буржуазии. Поскольку факт „ножниц" и их определенные размеры обуславливаются требованием индустриализации страны, они („ножницы") в конечном счете действуют против всех капиталистов и промышленных и сельскохозяйственных; однако, поскольку в данный момент „ножницы" ухудшают смычку, они создают возможность расширения деятельности как для промышленных, так и для сельскохозяйственных капиталистов. Рассмотренный случай анализа Преображенским капиталистического сектора лишний раз показывает какую глубочайшую ошибку он совершил, сделав неэквивалентный обмен исходным пунктом своей теории воспроизводства.

Г. А. Фельдман

О лимитах индустриализации

Массовое машинизированное производство на электрической базе проникает во все отрасли народного хозяйства с неудержимой силой, с большей или меньшей скоростью, положительно во всех капиталистических странах мира.

По совокупности индустриальных признаков впереди всех стран идут С.-А.С.Ш. Иллюстрацией к этому положению может служить то, что в этой стране, как общее правило, промышленные предприятия собственных силовых станций уже почти не строят.

Степень электрификации фабрично-заводской промышленности в Соед. Штатах ясно видна из следующей таблицы:

Мощность двигателей, непосредственно приводящих в движение машины и орудия в фабрично-заводской промышленности С.-А.С.Ш

Годы	Мощность механических двигат.		Мощность электромоторов своего тока		Мощность электромоторов покупного тока		Итого
	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил	%	в тыс. лош. сил
1904	11.896	88,2	1.146	8,5	445	3,3	13.488
1909	13.857	74,2	3.063	16,4	1.755	9,4	18.675
1914	13.492	60,6	4.898	22,0	3.874	17,4	22.264
1919	13.096	44,7	6.914	23,6	9.287	31,7	29.298
1925	9.766	27,3	10.160	28,4	15.847	44,3	35.773
1927	9.907	25,6	10.410	26,9	18.383	47,5	38.700

Таким образом 74,4% всего машинного оборудования в промышленности приводилось в движение в 1927 г. электромоторами. Не менее 4.000 тыс. лош. сил — механических двигателей — за период с 1909 по 1925 гг. и в том числе не менее 3.300 тыс. лош. сил за период с 1919 по 1925 гг. были либо выброшены как устаревшие и замещены электромоторами покупного тока, либо переведены на работу по производству электрического тока.

За период с 1925 по 1927 гг. на весь прирост мощности машин и орудий примерно в 3 млн. лош. сил на долю приводимых в движение двигателей непокупного тока пришлось примерно лишь 400 тыс. лош. сил, или около 13,5%. Таким образом, на базе централизованной электрификации промышленность возросла на 86,5%.

О темпах роста потребления электроэнергии в Соед. Штатах можно судить по следующим данным:

Потребление электроэнергии за счет станций общего пользования (1912 = 100)

	1912	1917	1922	1925	1926	1927	1928	1929
Освещение	100	165	348	502	546	590	622	(643)
Двигательн. сила и хим. произв.	100	386	634	942	1.104	1.258	1.413	(1.566)
Электр. ж. д. и трамваи	100	146	187	192	199	203	219	(226)

Средние годовые приросты потребления электроэнергии

Освещение	10,5	16,0	13,0	8,8	8,0	5,4	(3,3)
Двигательн. сила и хим. произ.	31,0	10,4	14,0	17,3	13,8	12,4	(10,8)
Электр. ж. д. и трамваи	—	—	—	3,7	2,0	7,8	(3,2)

В том что темпы роста потребления осветительной электроэнергии снижаются — нет ничего удивительного, ибо 70% населения Соед. Штатов уже живет при электрическом свете. Также понятно некоторое снижение, по мере насыщения, еще весьма высоких темпов роста потребления электроэнергии в промышленности. Электрификация железных дорог находится пока в начальной стадии и расцвет этого процесса впереди.

Еще совсем недавно „эпигоны народничества“ утверждали, что крепость сельского хозяйства развернутой индустриализацией еще не взята. Последние годы принесли столько свежих новостей в этой области, что вряд ли кто либо в пределах нашего Союза станет выдавать свои тайные вожделения за реально наблюдаемые процессы.

Что же касается американских профессоров,[1] то наиболее проницательные из них вопиют о том, что пришел конец надежнейшей политической опоре заокеанской республики, доброму американскому фермеру. Надо было бы быть совершенно слепым и никогда не изучать быстро и стремительно развивающихся экономических процессов в начальной их стадии, чтобы не оценить того факта, что в 27 (всего 48) наиболее промышленных штатах число электрифицированных ферм возросло за три года (с 1923 г. по 1926 г.) на 87%. По подсчетам американского „сельскохозяйственного комитета“ к 1932 г. будет электрифицирован 1 млн. ферм (из ныне существующих 6,4 млн.). В Калифорнии и сейчас уже 79% всех ферм электрифицированы. Таким образом, электросети охватят к 1932 г. 15,5% всех ферм, а так как электрификация начинается не с самих мелких ферм, то вряд ли мы оши-

[1] E. Mead and W. Ostrolenk.

бемся, если оценим электрификационный охват сел.-хоз. площадей в С.-А.С.Ш. к 1932 г. в 30—40% и предскажем, что к концу тридцатых годов вся промышленность С.-А.С.Ш. как городская, так и сельская, будет полностью электрифицирована и что лишь для железных дорог это не будет иметь места в соответствующей мере. Этот процесс отражается в распределении капитальных вложений между электростанциями и сетями и в росте и об'еме затрат на электрические сети.

Годы	Капитальные затраты на станции		Капитальные затраты на сети	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
С.-А.С.Ш.				
1921	102,7	46,2	119,7	53,8
1923	283,8	47,0	318,3	52,9
1925	380,0	52,7	341,3	47,3
1927	234,9	30,8	525,5	60,2
1928[1]	284,9	36,2	453,8	57,7
1929[1]	(294,9)	(33,3)	(517,0)	(60,7)
СССР				
1927/28	—	81	—	19

Вряд ли мы преувеличим, если на основе этих цифр оценим ежегодный прирост сети в 15 тыс. *км*. К этому надо прибавить, что сельское хозяйство обслуживается в настоящий момент 800 тыс. тракторами на общую мощность не менее 12 млн. лош. сил.

Из этих сопоставлений видно, что рост технического вооружения рабочей силы в С.-А.С.Ш. совершается с огромной быстротой во всех отраслях народного хозяйства при одновременном процессе пролетаризации мелкобуржуазных масс, росте структурной безработицы и мощном напоре на внешние рынки. Такие условия развития чреваты социальными и международными конфликтами и влекут неудержимо С.-А.С.Ш. к высшим формам хозяйствования по нашему примеру с соответствующим „изменением“ их общественного строя.

Таким образом, оправдывается положение, что противоположности в конечном счете сходятся. Однако, пока что мы стоим перед лицом небывалой в истории индустриализацией страны, небывалой, ибо она охватывает, как никогда до сего времени, все производ-

[1] Предварительные подсчеты. Распределены не все затраты.

ственные процессы в стране и происходит в условиях современного капитализма.

Все еще непревзойденным образцом организации массового производства является Г. Форд, введший на своих заводах при 180 тыс. рабочих непрерывную сменность, охватывающую круглые сутки в течение 6 дней недели. Каждый рабочий занят лишь 5 дней в неделе и, таким образом, лишним днем отдыха компенсируется огромная напряженность труда и ночная работа. Форд же получает интенсивнейшее использование основного капитала без тех потерь на простой и пуск заводов, которые всегда имеют место, при единовременной сменности, три раза в день.

Нет никакого сомнения в том, что все отрасли народного хозяйства в Соед. Штатах в ближайшие годы будут перестроены по фордовскому образцу, и как бы цепко американский фермер не держался за свой кусок земли, „революционная буржуазия“, блестящего представителя которой мы видели недавно в СССР в лице Кэмпбелла, восторжествует, и сельское хозяйство Соед. Штатов станет в один ряд с наиболее индустриализованными отраслями хозяйства.

Было бы наивно думать, что такие мощные сдвиги в стране производящей чуть ли не 25—30% всех создаваемых на земле ценностей, а по отдельным важнейшим отраслям и того больше (автомобили, хлопок, чугун, сталь, медь, нефть, свинец, платина, алюминий, электроэнергия и пр.), при колоссальном накоплении и явном перепроизводстве промышленного аппарата, могли бы не отразиться на развитии всего мирового хозяйства и не сломать устарелых производственных и общественных отношений „старого света“ и отставших стран.

И именно для отсталого сельского хозяйства мы усматриваем наибольшие „опасности“ в силу той инерции, которая присуща земельным собственникам, держащимся за свой клочок земли, имеющим значительный вес в мире ретроградных политических кругов, всячески задерживающих развитие новых методов массового производства в сельском хозяйстве из политических соображений. Чем дальше задержатся устаревшие земельные отношения, тем болезненнее будет ломка старого сельскохозяйственного уклада. Никакие таможенные преграды не смогут удержать этого процесса и „фабричное зерно“, „фабричный хлопок“, „фабричный скот“ вытеснят „кустарные сельскохозяйственные продукты“.

Среди „неонародников“ существует иллюзия, что электрификация сельского хозяйства, как и кустарных промыслов, задержит развитие индустриализации мира, так как даст новое техническое вооружение фермеру и кустарю.

Такая точка зрения основывается на полном непонимании современного производственного процесса. Она упускает из виду, что не только техническое вооружение характеризует современное про-

изводство, но в столь же значительной степени и организационная сторона дела.

Это значит не понимать значения современного дробнейшего разделения труда, это значит не видеть, что производство не только отдельной отрасли хозяйства, не только отдельной страны, но и всего мира постепенно превращается в единое целое, где максимальное, эффективное использование капитала является законом, ломающим все то, что не укладывается в общую производственную систему, это значит, наконец, не понимать, что удешевление производства требует его укрупнения и что максимальная рационализация достигается лишь путем замены разрозненных мелких производств огромными производственными комплексами, с оборудованием, все более тяжелым и все более мощным.

Неудержимый процесс индустриализации безжалостно ломает всякие иллюзии, не давая устанавливаться какому бы то ни было равновесию классовых сил и международных отношений.

Этот процесс каждый день вновь ставит перед миром вопрос о том, какой класс станет хозяином этого процесса, им овладеет, его направит, использует его в интересах решающих народных масс.

Для марксистов этот вопрос решен давно, а каждый день вновь укрепляет волю и право революционного рабочего класса на мировую гегемонию, ибо нет другого класса, интересы и идеология которого в такой полнейшей степени соответствовали бы об'ективным материальным процессам, совершающимся в мировом хозяйстве, и который в такой же степени сумел бы их использовать в интересах всего человечества.

Задача рационального овладения мировыми хозяйственными процессами при всеобщей мировой революции представляла бы, главным образом, экономические и технические трудности и в значительно меньшей степени политические. Строительство же социализма в СССР, в условиях капиталистического окружения, представляет и весьма значительные политические трудности. Хаос и стихийность капиталистических, вечно меняющихся международных отношений на $^5/_6$ поверхности земного шара, при наличии многочисленных мелкобуржуазных консервативных масс внутри Союза, обусловливают необходимость исключительной теоретической устойчивости, твердости, проницательности, находчивости у рулевого аппарата Советского Союза.

В чем же конкретно выражаются главные трудности нашего строительства. Мы полагаем, что они состоят, в первую очередь, в том огромном „расстоянии", которое отделяет наше хозяйство от того индустриального строя, к которому нам необходимо пробиться в кратчайший срок и для того, чтобы создать прочную материальную базу социализма, для того, чтобы выполнить императивную политическую необходимость догнать и перегнать передовые капиталистические страны мира.

Между тем нельзя себе мыслить дело так, что все пути развития в конечном счете ведут к одной цели, лишь бы достигались значительные количественные результаты. Не говоря о том, что „количественная установка" легко может привести „к капиталистической установке", приводящей, в конечном счете вновь к противоречию с современными тенденциями в мировом хозяйстве, как мы показали это выше, но даже технически было бы „работой в тупик", строительство и развитие в отсталых формах народного хозяйства.

У нас нет времени и сроков для того, чтобы сперва отстраиваться по образцу мелкого, полукустарного хозяйства, а потом перестраиваться на крупное хозяйство, когда-де разбогатеем. И это верно не только для промышленности, но и для сельского хозяйства.

Да и легко ли было бы, насадивши и возрастивши мелкую буржуазию, ломать сложившиеся отношения на новый социалистический лад. Законен также вопрос: насколько соответствует исторической роли рабочего класса развитие страны пролетарской диктатуры в тех устарелых формах, которые преодолеваются в настоящее время даже буржуазией крупнейшей капиталистической страны. И, наконец, можно ли было бы, опереться на наше сельское хозяйство, как на экспортную базу при существующей в Соед. Штатах, а следовательно, и в других странах, тенденции к индустриализации и в этой отставшей отрасли труда.

Для того чтобы наше сельское хозяйство не зашло в глубочайший тупик, в который его пытается вовлечь мелкобуржуазная стихия и мелкобуржуазная, неонароднические идеология для того, чтобы не поставить его в положение, при котором оно в ближайшие же годы не сможет конкурировать на мировых рынках и будет в разительном противоречии со всем остальным хозяйством на рынке внутреннем, мы обязаны, со всей решительностью, перевести сельское хозяйство на пути индустриализации, каковы бы ни были трудности переходного периода, в интересах будущего советского крестьянства, в интересах окончательной победы социализма.

Уступка в этом отношении мелкобуржуазной стихии была бы непростительной слабостью и задержала бы, затруднила бы социалистическое строительство на многие годы, подвергнув большому и опасному испытанию надежность его путей. Не таков сейчас момент, не таково время, чтобы предоставить нашему союзнику — крестьянству — возможность учиться на собственном горьком опыте. Да и кроме того, мы знаем, что все еще находящегося во власти мелкобуржуазной идеологии крестьянина и опыт не направляет по верному пути без соответствующего твердого руководства. Можем ли мы в этих условиях допустить развитие капиталистических отношений в деревне?!

Повидимому исторические судьбы нашей страны сложились так, что мы вынуждены в кратчайший исторический срок перейти на индустриальные рельсы с самых отсталых путей хозяйственного развития. Повидимому, не только для того, чтобы догнать и перегнать, но и для того, чтобы не отстать нам придется думать не только о верхних лимитах индустриализации, но и о минимальных ее темпах. От того, сумеем ли мы их выполнить, в значительной степени будет зависеть судьба нашего Союза. Расчет на близость мировой революции не может оправдать пассивного отношения в данном вопросе, ибо мировая социалистическая революция совершится только рабочим классом в процессе жесточайшей экономической и политической борьбы и в этих условиях отказ советского рабочего класса от революционного преобразования своей страны означал бы первое, ничем не оправдываемое отступление с занятых позиций.

Мы полагаем, что приведенная выше оценка темпов и тенденций индустриализации С.-А. С. Ш. определяет, в общем и целом, минимальные лимиты индустриализации СССР. Десять, максимум пятнадцать лет — вот те сроки, в течение которых мы должны произвести реконструкцию во всех наших производственных отношениях внутри страны. Темп должен быть таков, чтобы движение было заметно каждому зрячему пролетарию и крестьянину внутри и вне нашей страны.

Но эти темпы, это напряжение, к которому мы зовем рабочие массы и крестьянство страны, находятся ли они в пределах физических и психологических возможностей и не угрожает ли передовому революционному отряду пролетариата отрыв от более широких рабочих масс, а рабочим массам не грозит ли разрыв с крестьянством? Достаточно ли крепки сцепления, может ли сознание общности интересов в достаточной степени скрепить весь трудовой народ страны, чтобы при ускоряющемся движении и неминуемых толчках не надорвались бы общественные связи. Наконец, нельзя ли обойтись без такого напряжения? Прежде всего займемся последним вопросом.

В чем конкретно выражается то напряжение, в котором живут трудящиеся Союза? Нам кажется, что в основном напряжение определяется трудностью освоения широкими массами реальности и трудностями осуществления огромных строительных заданий, которые стоят перед страной при медленном росте потребления с низкого уровня и медленно изживаемой разнице в доходах различных слоев населения.

Мы указали выше, что высокие темпы роста нашего хозяйства на индустриальных путях являются непременным условием нашего существования.

Темпы зависят в каждый данный момент:

1) От того, как мы используем имеющиеся в нашем распоряжении капиталы; от интенсивности нашего труда; от максимального использования (по возможности непрерывного) нашего оборудования в течение суток, недели и года.

2) От того, какую долю нашего народного дохода мы будем направлять на социалистическое накопление, на строительство электростанций, рудников, заводов, фабрик, совхозов и т. д.

Таким образом, совершенно ясно, что высокие темпы осуществимы лишь при высоком напряжении. Многие не сознают того, что при данном, нами полученном в наследство от буржуазии, основном капитале высокие темпы без напряжения не осуществимы и что ускорение темпов, при максимальном использовании оборудования, возможно лишь в том случае, если темпы роста накопления будут опережать темпы роста потребления.

Между тем, полное и предельное использование нашего оборудования, с переходом на трехсменную работу и на методы массового производства уже не за горами, и если бы мы не нажали на увеличение наших накоплений, мы были бы осуждены на снижение темпов в ближайшем будущем. Не верна была бы установка на увеличение накоплений для поддержания высоких темпов лишь с того момента, когда мы увеличили бы наше потребление путем предельного использования нашего капитала, так как возврат к пониженному уровню жизни значительно тяжелее, чем медленный его рост.

Таким образом, быстрые темпы и напряжение нераздельны, и в конкретных условиях нашего бытия и то и другое неизбежно. Но какая польза будет нам от быстрых темпов, если они неминуемо должны привести к разрыву общественных отношений, к политическому кризису в стране, и не лучше ли пойти на некоторые политические уступки, чтобы обеспечить бесперебойную и спокойную работу в стране. В этом весь смысл соображения, что нельзя строить здания из кирпичей, которых в природе еще не имеется. Разумеется если не будет ни хлеба, ни кирпичей, то ничего построить не удастся. В такой постановке вопроса таится бесспорный пессимизм. Он приводит к той грани, которая отделяет развитие хозяйства на социалистических путях от развития в условиях расширяющегося нэпа.

Ведь не тривиальную констатацию необходимости сбалансированного плана должны мы искать в соображениях о недостающих для стройки кирпичах. Этот вопрос мог бы обсуждаться в отделе о „недостатках механизма", в статье об ошибках ВСНХ или Госплана, о нашей строительной промышленности и т. д.

Иного политического смысла, чем тот, который нами придан соображениям о кирпичах, найти нельзя.

В самом деле, если мы значительно сократим из'ятия из сельского хозяйства и повысим сельскохозяйственные цены, мы, разумеется, получим расширение сельскохозяйственного производства, но это произойдет совершенно неизбежно на капиталистической

основе. При этом мы, разумеется, достигнем соглашения с частью крестьянства, но сделав явную и трудно поправимую политическую ошибку, затруднив в конечном счете развитие социалистических отношений и снизив темпы индустриализации страны. Сопротивлением мелкобуржуазной стихии не могут и не должны ограничиваться темпы индустриализации страны, лимитами могут служить лишь материальные возможностя с напряжением всех трудящихся Союза на грани физической и психологической выносливости. Но психологическая выносливость обусловлена четким сознанием приближения к поставленной цели. Она упирается в организационную проблему, в наше умение не только осознать, но и сделать понятными наши цели и планы самым широким массам. А самое главное—необходимо, чтобы результаты нашей работы были заметны всякому зрячему и невооруженному глазу. Мы сказали бы, что темпы, заметные простым глазом, родят темпы, создавая такие сдвиги в психологии масс, которые только и могут обеспечить ту спокойную работу, о которой говорят идеологи „реального наличного кирпича" и к тому же без всяких политических уступок кому бы то ни было.

Можно ли осуществить реорганизацию хозяйства, реорганизацию связанную с ломкой сложившихся в течение десятилетий отношений, без трений, без толчков, без недоразумений, без заминок? Опыт жизни показывает, что это невозможно. Об этом говорит и следующий характерный рассказ из опыта одного из американских организаторов производства Тэйлора. Тэйлор взялся реорганизовать производство одного крупного фабриканта и гарантировал ему повышение прибылей ...после двух лет организационной деятельности. К удивлению фабриканта реорганизация за первый год работы Тэйлора привела к сильному сокращению прибылей. Фабрикант обратился с претензией к Тэйлору, который спокойно об'яснил, что так и должно быть, и что результаты реорганизации скажутся лишь к концу второго года. Работа по реорганизации предприятия зашла так далеко и договор его с Тэйлором давал такие гарантии в случае неудачи, что фабрикант решил дотянуть опыт до конца. Опыт полностью оправдался — к концу второго года.

Нам кажется что мы так же должны подойти и к нашим кон'юнктурным трудностям и неудачам. Единственное требование, которое мы должны пред'явить к самим себе, состоит в том, чтобы действительно заниматься реорганизацией, хорошо знать то, что мы делаем, и планы наши подкреплять не одними волевыми установками, но и исчерпывающей научной проработкой вопроса.

Можно ли на основе балансовых расчетов между городом и деревней делать выводы о том, что крестьянство в той или иной мере участвует или не участвует в нашем социалистическом строительстве? Разумеется, нельзя. Система наших производственных отношений, как и во всякой другой стране, предопределяет ценностные соотношения. Разительным доказательством этого утверждения служат следующие грубые сопоставления, делаемые нами на основе исчислений, произведенных в секции кон'юнктуры мирового хозяйства Госплана СССР.

Чистая продукция на одного занятого в цензовой промышленности работника в 1927/28 г. в СССР оказывается в 5,8 раза больше, чем чистая продукция на одного работника в сельском хозяйстве, если расчет произвести в наших советских ценах. Если же этот расчет произвести в средних ценах, имевших место в Соед. Штатах в 1909—1911 гг., то отношение чистой продукции на одного работника в промышленности к чистой продукции на одного работника в сельском хозяйстве уменьшится [1] до 1,6:

Чистая продукция на одного работника в черв. рублях по ценам 1925/26 г.

	С.-А.С.Ш. (1909/10 г.)	СССР (1927/28 г.)	Отношение левых цифр к правым
Промышленность (цензовая) .	6.670	2.200	3,0
Сельское хозяйство (земледелие и скотоводство)	774	379	2,0
Отношение верхних цифр к нижним	8,6	5,8	—
То же в долларах по ценам С.-А.С.Ш. в 1909—1911 гг.			
Промышленность (цензовая) .	1.034	341	3,0
Сельское хозяйство (земледелие и скотоводство)	449	220	2,0
Отношение верхних цифр к нижним	2,3	1,6	—

Как ни приблизительны эти подсчеты, они все же безусловно доказывают относительность всяких балансов между городом и деревней.

На основании таких балансовых подсчетов можно определить наличие свободных денежных средств к тому или иному моменту в селе, можно сделать вывод о том, насколько диктатура пролетариата в каждый данный год оказалась выгоднее для крестьянства, чем диктатура буржуазии в России. Но при условности ценовых отношений, вывод о том на кого и в какой степени ложатся тяготы по индустриализации страны и содержанию государственного аппарата будет весьма условным. Но значит ли это, что можно было бы в этом вопросе опереться на какую-то „об'ективную справедливость", не вытекающую из исторически сложившихся отношений? Значит ли это, что в отношения пролетариата с крестьянством должна примешиваться сентиментальная слащавость, в корне про-

[1] Для расчетов по промышленности использованы исчисления уровней цен в СССР и капиталистических странах Кон'юнктурного института ЦСУ. Для сельского хозяйства были произведены специальные подсчеты. При анализе этих сопоставлений необходимо иметь в виду, что наш крестьянин потребляет почти 80% своей продукции.

тиворечащая жизненным интересам и того и другого класса? Значит ли это, что пролетариат должен осуществлять свою гегемонию на путях деградации индустриального строительства в интересах какой-то отвлеченной справедливости с учетом лишь интересов сегодняшнего дня?

Разумеется, нет. Смычка с крестьянством должна мыслиться как основанное на трезвом расчете деловое соглашение на ряд лет. Четко должно быть сказано, *что и в какой срок* получит крестьянство при дружной работе под руководством пролетариата. Должна быть заключена (конечно, не в буквальном смысле этого слова) сделка между пролетариатом и крестьянством. Народнохозяйственный план должен лежать в основе этой сделки. Роль такого документа должна сыграть первая госплановская пятилетка, и ответственность за ее осуществление должна лежать на обеих договаривающихся сторонах.

В популярном, ясном и четком изложении пятилетка должна стать настольной книгой каждого грамотного человека в Союзе. В каждой республике, в каждой области, в каждом районе она должна получить местное специфическое развитие, разумеется, без нарушения установленной связи со всем народным хозяйством. Должны быть протянуты непрерывные нити от народного хозяйства в целом к деятельности каждого трудящегося в Союзе. Вот тогда самый опасный лимит — умонастроение широких масс — отодвинется далеко за пределы наших материальных возможностей и только с этим последним нам придется считаться. Лучше некоторое время затратить на организацию масс, на организацию общественного настроения, на организацию психологического под'ема, на организацию высоких темпов, на качественные сдвиги, чем сдавать сейчас позиции, уронив свой авторитет перед широкими массами крестьянства, осудить Союз на низкие темпы на целый ряд лет.

Но совпадают ли темпы роста нашего производства, темпы роста народного дохода и накопления с темпами индустриализации страны? Нет, не совпадают. Знака тождества и равенства между этими величинами поставить нельзя. Есть, конечно, взаимозависимость между всеми перечисленными величинами, но понятие индустриализации лежит в иной плоскости, чем количественные показатели производственного аппарата и производства.

Так, если бы нам удалось значительно расширить аппарат для производства фондов (основных и оборотных), то этим самым мы увеличили бы темпы роста народного дохода,[1] но увеличение соотношения аппарата, производящего фонды, к аппарату, обслуживающему непосредственное потребление, может расти скорее, чем темпы народного дохода. Между тем, это соотношение должно также быть

[1] Это доказано нами в статье „К теории темпов народного дохода", „План. Хоз.", № 11 и 12 за 1928 г.

признано одним из существеннейших показателей индустриализации страны. Поэтому a priori можно утверждать, что ничего невозможного в темпах роста таких отраслей хозяйства, как производство чугуна и стали в 20—25% за год (в 2,5—3 раза за пятилетие), как намечено в пятилетнем плане, при средних вполне осуществимых темпах народного дохода в 11—12%—нет. Конечно, такое расхождение темпов роста производства фондов и темпов роста предметов непосредственного потребления населения не может быть постоянным и вечным, так как это привело бы к диспропорции между производством и потреблением, привело бы неминуемо к кризису. Но в процессе приспособления нашего аппарата к более высоким темпам, к ускорению производства фондов, такое повышение „структуры темпов" производственного аппарата необходимо и осуществимо, ибо это вовсе не означает такого же темпа роста всего производства в целом, что было бы в *настоящий момент* уже за пределами наших возможностей.

Можно сказать, что пятилетний план построен для осуществления непрерывного и небывалого под'ема со стопроцентным использованием нашего производственного аппарата при ничтожной моральной амортизации, так как это бывало только при очень бурных и коротких кон'юнктурных под'емах в капиталистических странах, с той только разницей, что план должен нас оградить от возможности неизбежного при капиталистических отношениях, последующего кризиса. В этих условиях темпы, вдвое и втрое большие чем те, которые имели место в Соед. Штатах при периодических кризисных явлениях, жесточайшем моральном изнашивании производственного аппарата и периодическом увеличении безработицы,— безусловно осуществимы. Можно ли сказать, что намечены *слишком* значительные структурные сдвиги при таких темпах?

Подчиняя наличным статистическим данным по Соед. Штатам группировку наших показателей, мы получаем следующую таблицу (в %%):

Структура народного дохода Соед. Штатов по ценам соответствующего года [1]

	С.-А. С. Ш.		СССР	
	1918 г.	1923 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Сельское хозяйство	29 2	17,2	48,7	43,0
Промышленность	48,2	53,4	34,2	38,6
Транспорт и связь	11,0	13,6	5,4	6,1
Торговля	11,6	15,8	11,7	12,3

Можно ли считать, что при наших темпах намеченные таким образом структурные сдвиги преувеличены при сопоставлении с тем, что имело место за приведенные пять лет в С.-А. С. Ш., даже

[1] Под чистой продукцией и народным доходом мы понимаем вновь созданную ценность; приводимые в этой и следующей таблице американские исчисления не вполне соответствуют этому определению, однако, в первом приближении сопоставление этих структурных показателей допустимо.

с учетом тех ценовых сдвигов, которые имели место за этот период времени в С.-А. С. Ш. и которые намечены у нас?

Если взять другой период времени для Соед. Штатов, то мы получим следующие сопоставления по чистой продукции в постоянных ценах (в %%):

	С.-А. С. Ш.		СССР	
	1899 г.	1909 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Промышленность	54,7	61,7	45,1	56,0
Сельское хозяйство	45,3	38,3	54,9	44,0

Мы полагаем, что при той целевой установке, которая дана в нашем плане, намеченные структурные сдвиги заведомо не могут считаться преувеличенными, хотя они несомненно значительны.

Разумеется, такие сопоставления могут служить лишь глазомерной проверкой правильности наших проектировок, и последнее слово в этом деле принадлежит социальному инженеру, тщательно подсчитавшему соответствие всех элементов плана, но не учитывающему того, чего подсчитать нельзя — суб'ективного фактора в производстве и что не зависит ни от инженера, ни от экономиста и может быть лишь делом организаторов воли широких масс: советов, профессиональных союзов и руководящей партии.

Значение организационного момента тем больше, чем ниже органическая структура капитала, и поэтому он играет особенно большую роль в нашем сельском хозяйстве. К тому же на путях коллективизации сельского хозяйства можно получить такие сдвиги в сторону его индустриализации, которые значительно превосходят необходимые для этого государственные кредиты.

Таким образом, хотя план корнями своими глубоко сидит в настоящей действительности и темпы зависят от соотношения материальных элементов плана, тем не менее, решающий лимит индустриализации страны лежит в нашей целевой установке и в нашем умении сделать ее общей для широчайших трудовых масс страны.

От этого будет зависеть выполнение многих качественных показателей, а это только и может придать совершенно необходимую реальность запроектированному плану.

О. А. Ерманский

К постановке проблемы рационализации

Корни и смысл проблемы

„Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Этими пророческими словами начинается „Коммунистический Манифест", написанный творцами научного социализма 80 с лишним лет тому назад.

Призрак бродит по всему миру, — призрак рационализации, — можно сказать теперь, когда коммунизм из идейного „призрака" превратился в боевую задачу, вставшую перед всемирным пролетариатом; когда, с одной стороны, силы исторически осужденного капитализма пытаются путем „рационализации" уклониться от уплаты по векселю истории, а с другой — рационализация стала главнейшим орудием спасения и победы той страны, которая сделала первый шаг вперед под знаменем коммунизма.[1]

Капитализм пышно расцветал в ту эпоху, которую наблюдали Маркс и Энгельс, когда частно-капиталистическая основа хозяйства была единственно возможной рациональной формой использования растущих производительных сил, поднятия промышленной продукции на огромную высоту. Капитализм, как это предвидели Маркс и Энгельс, становится препятствием к дальнейшему росту производительных сил по мере того, как то же рациональное использование производительных сил требует иного пути социального развития.

Человечество долго шло по пути количественного увеличения создаваемых им ценностей. Качественная сторона, степень целесообразности организации процессов производства и использования сил приходила во все большее противоречие с растущим

---

[1] Распространительное толкование О. А. Ерманским термина „рационализация" становится ясным только из последующего изложения. Однако, в том развернутом понимании, которое дает ему автор, — количество переходит в качество и надо уже говорить не о рационализации, а об ее высшем проявлении в плановом хозяйстве; при этом отпадает и тот оттенок некоторого противопоставления термина рационализации термину коммунизм, которое, повидимому, невольно получилось у автора. Отпадает потому, что плановое хозяйство является экономическим содержанием коммунизма, а коммунизм — его политической и социальной формой. А если это так, то пророческие слова творцов коммунистической мысли сохраняют всю свою остроту и свежесть, распространяясь и на проблемы, рассматриваемые автором этой статьи. Ред.

их количеством. Капиталистический мир, покоящийся на анархии производства, все больше приближается к предельной точке своего количественного пути развития. Дальнейшее движение по этому пути беспорядочного количественного роста становится все более невозможным. Получается тупик, из которого выход лишь один — перемена типа развития: количественные изменения на данной ступени непременно должны перейти в качественные. В этом и состоит основа революционного характера переживаемой эпохи. Максимум производства, стихийный рост накоплений, — это то, что обеспечивается успехами техники за последние десятилетия; чего недостает нашему времени, что ему „до зареза" необходимо, это — обеспечение не максимума, а оптимума, наилучшего использования и планомерного согласования элементов хозяйства, словом, рационализации хозяйственной, да и всякой иной деятельности.

Таким образом, рационализация, рациональная организация неизбежно стали лозунгом времени.

Много различных форм голода пережило человечество после империалистической войны — голод продовольственный, голод жилищный, голод угольный, голод нефтяной и т. п., но сильнее и глубже всех их — голод организационный, которым томится ныне человечество. Совершенно правильно немецкий экономист, проф. Беккерат, в своей книге „Zwangskartellierung oder freie Organisation?" („Принудительное картелирование или свободная организация?") отмечает, как знамение времени, всюду царящий „вопль об организации".

Это властное требование исторического момента нащупывают иногда даже не только представители социально-экономической мысли. Так, американский буржуазный профессор психологии Мюнстерберг в своей книге „Психология и хозяйственная жизнь" заявляет: „До конца XIX столетия наш народ беззаботно развертывал свою хозяйственную деятельность во всю, действуя в таком настроении, точно Америка — страна неисчислимых богатств. За последние же годы наступила реакция, некоторым образом похмелье: народу стало ясно, с какой необычайной безответственностью и хищничеством ведется все народное хозяйство и производится во всем мире — и больше всего в Америке — расточение сил рабочих масс". Да, хищническое использование, нерациональное расточение сил — вот что стало поперек пути развития человеческих обществ.

На эту тему совсем недавно поднял вопль и другой американец, Стюарт Чез, в своей известной книге „Трагедия расточительства". Вокруг этой трагедии стал хлопотать и нынешний президент Соединенных Штатов Америки, когда он был еще только министром торговли, Хувер, учредивший в 1921 году комиссию „Об устранении непроизводительных потерь („waste") в промышленности". Как известно, для американской промышленности эта комиссия оценила размер всех непроизводительных потерь в кругленькую сумму 15.000 миллионов долларов в год.

Но тут-то и характерно, какие именно потери ввела в свой подсчет Хуверская комиссия. Она брала суммы потерь в капиталистических предприятиях и совершенно не касалась потерь, проистекающих из анархии всего капиталистического хозяйства. Какой же цифрой выразилась бы сумма потерь, если бы учесть эту анархическую стихию; эту бесплановость капитализма, являющуюся главным источником трагедии расточительства; это стихийно совершающееся распределение производительных сил и их размещение по районам; это недопотребление масс и относительное перепроизводство; эти частые хозяйственные потрясения в форме циклически повторяющихся кризисов; эту жестокую свалку стремящихся друг друга уничтожить конкурентов, с использованием методов „бросовой конкуренции" („dumping"); это умышленное сокращение производства и прямое иногда уничтожение его продуктов в целях поднятия цен на них и увеличения этим путем барышей; эту все обостряющуюся за рынки и сферы борьбу влияния с ее неизбежными спутниками — империализмом и милитаризмом; это страшное разрушение богатств, созданных трудом целых поколений, во время периодически повторящихся войн и т. д., и т. д., — это ли не величайшая трагедия расточительства? Не с этого ли конца надо начинать рационализацию?

Но не такой рационализации хотят представители капитализма и его идеологи. Иное поэтому дается ими определение понятия рационализации, иная у них постановка и подход к этой проблеме, иное, наконец, содержание и практики рационализации.

Принципиальные основы рационализации

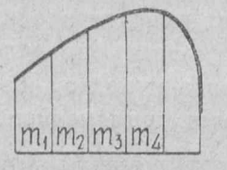
Остро вставшая перед современным обществом проблема рационализации для нас есть только выражение обострившихся внутренних противоречий в развитии этих обществ. В первую голову перед нами противоречие между уровнем развития технических и вообще производительных сил, с одной стороны, и типом организации общества с точки зрения обеспечения дальнейшего роста производительных сил — с другой. Под этим углом зрения и борьба за социализм есть не что иное, как борьба за рациональное приспособление организации общества, общественного строя к потребностям развивающихся производительных сил.

Более точным и полным представляется нам поэтому выражение: рациональная организация. Оно является и более общим, ибо распространяется не только на деятельность человека и человеческих обществ, но и на все силы природы, частью которой является человек. В конце концов, весь мир представляется совокупностью организованных комплексов и их взаимоотношений. Каждый комплекс или сочетание сил обладает устойчивостью в той мере, в какой это сочетание или организация удовлетворяет требованию рациональности. Нерационально организованный комплекс сил не

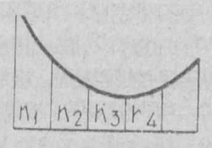
может долго выдержать напора сил окружающей среды и более или менее скоро дезорганизуется, разрушается.

Какое же сочетание сил является рациональным? Очевидно, такое, при котором получается более выгодное соотношение между количеством расходуемой энергии и размером достигаемого полезного эффекта. Если обозначить количество израсходуемой энергии через E, а количество достигаемого полезного результата через R, то величина $\frac{R}{E} = m$ и является коэфициентом рациональности расходования сил в данном случае. Показывая, сколько полезного эффекта приходится на единицу израсходованных сил, этот коэфициент и является критерием рациональности: качественно наилучшей или оптимальной, наиболее рациональной будет та организация, то сочетание сил, при котором коэфициент m имеет наибольшую величину.[1]

Этот принцип, принцип оптимума вооружает нас возможностью исследовать организационные явления с точки зрения рациональности. Наблюдая и измеряя в натуре величины R и E в их непрерывном изменении по мере непрерывного же увеличения какого-либо одного интересующего нас фактора организации, — при



Фиг. 1



Фиг. 2

равенстве всех прочих условий, — мы путем вычисления определяем величины непрерывно меняющегося коэфициента m (или — соответственно — коэфициента n). Его изменения тотчас и обнаружат закономерность того влияния, какое рост интересующего нас фактора оказывает на степень рациональности организации. Эта закономерность графически выражается в получающейся во всех таких случаях плавной выпуклой кривой величин m (фиг. 1) или в такой же плавной вогнутой кривой величин n (фиг. 2). По мере роста исследуемого фактора величина m сначала также растет, но только до известного предела, а дальше рост исследуемого фактора вызывает, наоборот, падение этой величины. То же, только в обратном порядке, относится к кривой величин n.

Наиболее рациональным, оптимальным будет такое использование нашего фактора, при котором получается наибольшее m (или наименьшее n).

[1] Или, что то же, то сочетание, при котором коэфициент n имеет наименьшую величину, если величина $n = \frac{E}{R}$, т.-е. показывает, сколько энергии затрачено на единицу достигнутого полезного эффекта.

Ярким образцом оптимальной организации в бессознательных процессах природы может служить расположение материала внутри бедренной кости человека: материал тут расположен не сплошь, а гнездами, при чем гнезда эти точно следуют математически легко определимым траекториям внутреннего напряжения (траектории двух видов — сжатия и растяжения). Благодаря такой своей организации кость достигает более выгодного соотношения между получаемым полезным эффектом (сопротивление деформирующему, дезорганизующему действию внешних сил) и количеством расходуемой энергии (масса костного материала, на поддержание которого требуется известное количество питания). Получается максимальная величина m, которой достигнуть невозможно никакой другой организацией или структурой кости.[1]

Эта оптимальная организация получилась в данном случае не благодаря сознательному воздействию с чьей-либо стороны, а в результате длительного процесса биологического развития организмов: в процессе борьбы за существование и приспособления к среде, естественно, выжили те организмы, в которых расположение материала внутри кости наиболее приближалось к оптимальной организации. Так устойчиво сложилась и биологически упрочилась поражающая нас теперь своей стройностью и своеобразием структура бедренной кости.

Аналогичных примеров стихийной рационализации можно привести сколько угодно, особенно из области жизни животных. Вся безбрежная область автоматических процессов в организме человека, с его условными рефлексами, с его сферой подсознательного, — безграничное поле явлений стихийной рационализации.

Примером оптимальной организации, являющейся продуктом сознательной человеческой деятельности и выбора, может служить решение любой задачи хотя бы из области рационализации производства, в частности — рационального использования рабочей силы. И кривые фигур 1 и 2 могут быть выражением результатов исследования вопроса об оптимальном числе оборотов (в минуту) токарного станка, об оптимальной интенсивности труда рабочего, об оптимальной длине рабочего дня и т. п. Оптимум соответствует тому числу оборотов или тому уровню интенсивности труда или той длине рабочего дня, при которых получается наибольшее m.

Если при решении каждого организационного вопроса только определенное сочетание сил дает оптимальное соотношение между расходом энергии и полезным эффектом, то это связано с положительным подбором сил. Он имеет место в том случае, когда силы сочетаются таким образом, что они друг друга укрепляют усиливают. Если же, по свойству этих сил, данное их сочетание

[1] Подробнее об этом в моей книге „Теория и практика рационализации“, т. I, изд. 1. ГИЗ, 1928 г., стр. 25—26.

таково, что они друг друга ослабляют или парализуют, то мы имем дело с отрицательным подбором сил, который не приближает нас к оптимуму, к наибольшему коэфициенту m, а наоборот — от него отдаляет.

Положительный подбор сил мы обеспечиваем, например, когда для данной трудовой функции подбираем человека как раз с такими индивидуальными психофизическими свойствами, которые нужны для оптимального выполнения этой функции, и этим обеспечиваем получение наибольшего коэфициента m. Требованию положительного подбора сил должен удовлетворять также любой рабочий инструмент: и его размер и вес, и его форма, и соотношение его частей должны быть подобраны к тем силам сопротивления, преодоление которых составит задачу работы посредством этого инструмента, и к особенностям (рост, форма руки и пр.) того человека, который будет выполнять эту работу. Только при этом условии мы достигнем выгодного соотношения между количеством расходуемых сил и количеством полезной работы. На основе положительного подбора сил только и может быть рационально построена организация политической партии: если не будет большей или меньшей классовой однородности ее состава или если ее тактика будет построена без учета условий окружающей социально-политической среды, то ей придется тратить много сил (E) на преодоление внутренних трений и внешних сопротивлений бесплодно, т.-е. без превращения в полезный эффект (B), иными словами, коэфициент рациональности ее деятельности будет весьма низок и об оптимальном характере этой деятельности не может быть речи. Ее положение в борьбе с другими партиями будет неблагоприятно.

Таковы основные принципы и критерий рациональности любой организации, если взять ее в применении к мертвой природе, к деятельности человека и человеческих групп. А такое применение основных принципов и критерия рациональной организации должно быть возможно, если стоять на научной, т.-е. марксистской почве, на почве марксовского монизма. Нет китайских стен между различными сферами бытия и сознания. Не может быть коренных различий между организационными принципами сознательных телеологических процессов в деятельности человека и человеческих обществ, с одной стороны, и явлениями бессознательной природы — с другой. Диалектика в природе — такая же обязательная форма процессов, как диалектика в общественном развитии.

Это, конечно, вовсе не значит, что организованные комплексы сил одинаковы в мертвой природе и в жизни человеческих обществ. Этого не может быть уж по одному тому, что самые силы в этих областях не одинаковы. Уже в биологических явлениях природы мы имеем хотя и те же основные силы, что в мертвой природе, но в осложненной форме органической жизни. В деятельности животных, в особенности человека, — мы имеем еще большее осложнение

действием нервной системы и ее центрального аппарата — мозга. Наконец, высшую ступень осложнения тех же основных сил природы мы встречаем в явлениях общественной жизни людей, с ее сложной диалектикой общественных отношений и общественного развития.

И все те особенности, которые вносятся этими различными ступенями осложнения, очевидно, необходимо учесть при исследовании задачи рациональной организации в любой из указанных областей. Это требуется уже принципом положительного подбора сил: ведь чтоб выяснить, является ли сочетание данных сил положительным или отрицательным подбором, необходимо знать свойства этих сил, законы, которым они подчиняются, — без этого нельзя выяснить, будут ли эти силы друг друга усиливать или ослаблять.

Но самое требование положительного подбора сил и принцип оптимума, дающий нам критерий рациональности и метод исследования при решении организационных задач, остаются во всех этих областях в силе, как научные методологические основы рациональной организации.

Все сказанное, между прочим, достаточно обосновывает предпочтительность употребления термина „рациональная организация“ (или короче: рационализация) перед случайно сложившимся и всеми подхваченным, а потому сделавшимся до поры до времени обязательным термином „НОТ“. Преимущество последнего термина, давшее ему на некоторое время жизнь, заключалось, главным образом, в его краткости и легкой произносимости. Еще, пожалуй, сыграло роль то, что термин этот говорит о научности. А кому не лестно титуловать свои взгляды научными, особенно если в них на самом деле научность и не ночевала? Ведь этот мотив сыграл роль в присвоении научного титула („Scientific management“) и взглядам Тэйлора, которому это нарочито посоветовал в 1910 г. нынешний главный прокурор С.-А.С.Ш. Брэндис, который был тогда лишь подающим надежды молодым адвокатом. [1]

Построенная на действительно научных основах теория рационализации не нуждается в выпячивании того, что она свои исследования проблемы ведет с применением научных приемов: ей важнее наметить — конечно, научно — пути этих исследований, принципы решения организационных задач и критерий оценки результатов исследования.

Если, после всего сказанного, захотеть вкратце формулировать сущность рациональной организации, скажем, в области производственной деятельности, то можно сказать: рациональная организация производства состоит в оптимальном использовании каждого из факторов или элементов производства и в согласовании всех этих оптимализированных эле-

[1] См. об этом у J. M. Witte, „Kritik des Zeitstudienverfahrens. Springer, Berlin 1921, S. 3; также „Engineering and Industrial Management“ от 4 ноября 1920 г., стр. 591.

ментов между собою по принципу положительного подбора.

Тут, очевидно, важна об'ективная сторона дела: обеспечение рациональности путем соответствия средства деятельности и ее цели, путем планомерного согласования между собою всех элементов деятельности. Не важна — вернее, в стороне стоит — суб'ективная сторона, цель, которая преследуется данной деятельностью. Можно рационально или нерационально организовать полезную, созидательную деятельность, например, производство. Можно рационально или нерационально организовать и разрушение, например, войну, бандитскую шайку, контр-революцию и т. п. В общей сумме явлений жизни данных обществ та или иная (созидательная или разрушительная) деятельность — например, война — может быть, в свою очередь, расценена, как элемент рациональный или нерациональный с точки зрения развития этих обществ. Но для данного рода деятельности критерий и принципы ее рациональной организации не могут не быть построены на основе об'ективного исследования.

Анализ определений рационализации

С этой точки зрения интересно присмотреться к тому, как бесплодно и в научном отношении беспомощно бьются вокруг определения понятия рационализации буржуазные идеологи, особенно в Германии, как стране, где издавна царит своего рода культ „дефиниций".

Тут самым излюбленным подходом является ссылка на происхождение слова „рационализация" от латинского слова „ratio", что значит „разум". Выходит, будто рациональное тождественно с разумным. Но если тут не видеть простой тавтологии, то спрашивается: что является разумным? Не приходится ли для ответа перевернуть взаимоотношение и сказать: суб'ективная оценка явления, как разумного, должна определяться об'ективной рациональностью этого явления? Получается своего рода „bonnet blanc, blanc bonnet". Слово не дало ответа.

Правда, вообще говоря, слово является органическим продуктом диалектики общественного развития и, в свою очередь, орудием организации дальнейшей общественной жизни. Но в данном случае, очевидно, реальное явление жизни ушло далеко вперед от его словесного обозначения, которое отражает суб'ективное отношение человека, оценивающего это явление, как разумное. В период революционных сдвигов слово может и не поспеть за жизнью. Видели же мы, как и наше истрепанное словечко „НОТ", случайно сложившееся, было подхвачено, несмотря на его непригодность для словесной характеристики явления рационализации, как могучего потока, неизбежно возникшего на данном уровне роста производительных сил и противоречий отживающего капитализма.

Еще некоторый смысл может иметь ссылка на слово „ratio" (разум), если понимать под этим словом использование разума, критической мысли при организации производства — в противоположность традиции, рутине, которая долгое время царила в этой области. Но именно только некоторый смысл: суть явления, содержание современной рационализации этим не затрагивается нисколько. Этим дается только отрицательная характеристика рутинного подхода, но не положительное указание того, на чем должен строиться критический, „разумный" подход к современной организации производства. Такое указание можно извлечь только из об'ективного уяснения современного производства, как анархического, из понимания того, что эта анархия становится все более поперек дороги дальнейшего роста производительных сил, что старое „качество" мешает дальнейшему росту количества, что здесь возникает, следовательно, задача скорейшего обеспечения соответствия между средством (E) и заданием (R). Тут нужен марксистский монистичный, т.-е. действительно научный подход. Только на почве такого подхода может получиться и научный критерий рациональности, как условие действенного вмешательства в стихийно развивающуюся современную организацию производства.

Между тем, именно такого критерия рациональности нет у буржуазных ученых и именно по этому они вынуждены так беспомощно путаться в попытках определения рационализации. У немцев слово рациональность заменяется большей частью словом „Wirtschaftlichkeit" происходящим от слова „wirtschaftlich", — по-русски буквально: „похозяйски". Дело, стало быть, сводится к замене иностранного слова „рациональность" чисто немецким, которое можно передать русским словом „хозяйственность" — в смысле противоположения бесхозяйственности.

И вот как на этой почве совершает свои типичные блуждания лейпцигский профессор Гергард Менц — автор довольно содержательной, вообще говоря, книги „Иррациональное в рационализации". „Похоже на то, — говорит Менц, — что иностранное слово „рационализация" здесь снова послужило лишь к тому, чтобы замаскировать тот факт, что существует еще мало ясности и единства в понимании сущности того явления, которое должно быть охвачено данным словом".[1]

В свою очередь, стараясь внести в дело ясность, Менц пишет: „Рационализация хозяйства есть не что иное, как повышение хозяйственности (Wirtschaftlichkeit). Хозяйственность же сама по себе, особенно повышение хозяйственности, содержит в себе понятие об измерении. Условием же всякого измерения является наличие подходящего мерила, масштаба... Лишь в том случае, если б найден был

[1] G. Menz, „Irrationales in der Rationalisierung". Mensch und Maschine. Breslau, 1928, S. 252.

такой масштаб, можно было бы устанавливать, в какой мере требуемые и затеваемые мероприятия по рационализации действительно могут привести и приведут к повышению хозяйственности... С этой стороны мы, в сущности, не идем дальше выставления требования чтобы рационализация хозяйства была повышением хозяйственности, не будучи в то же время в состоянии сказать, в чем эта хозяйственность заключается и какой меркой ее можно измерять".

И вот он приходит к заключению: „Если вникнуть в принятое определение, говорящее, что „рационализация хозяйства есть применение всех средств к повышению хозяйственности", то мы, в конце концов, приходим к выводу, что рационализация хозяйства есть не что иное, как хозяйственное хозяйствование („wirtschaftliches Wirtschaften"). Но этим мы по существу ничего не достигли. Ибо теперь только и возникает вопрос: что же такое хозяйственное хозяйствование?" [1]

Окончательно заблудившись в трех соснах и нисколько не ослабив факт отсутствия ясности и единства в понимании явления рационализации, Менц, делая настоящий шаг отчаяния, спрашивает „Но разве это так скверно?". И отвечает: „Практика не может отложить необходимые мероприятия, в которых имеется жгучая потребность, до того времени, когда теория найдет для них правильное определение. В начале было дело... И здесь мы можем пока удовлетвориться тем, что рационализация есть факт. Быть может, надо только чисто эмпирически-аналитическим путем установить содержание и об'ем явления рационализация — на основе отдельных фактов, отказываясь от критического об'яснения рационализации и от установления границ этого понятия в отношении каждого отдельного явления. Для этой цели достаточно и данное нами выше определение." [2]

Все эти характерные блуждания буржуазного экономиста приводят его, таким образом, к полному отказу от определения понятия рационализации. Причина отказа ясна, это — отсутствие критерия или масштаба, как он говорит, рациональности,— критерия не словесного только, а реального, научного, т.-е. являющегося обобщением коллективного опыта человечества в его борьбе с окружающими силами природы. Для установления такого критерия необходим не грубо эмпирический путь буржуазной мысли, а диалектическая мысль, стоящая на почве марксовского монизма. И отсутствие такого критерия приводит Менца и других буржуазных идеологов к отказу не только от определения понятия рационализации, но — что гораздо важнее — к отказу и от подлинно-рационализаторского дела. Ведь для того чтобы правильно и сознательно вести дело рационализации, необходимо, как говорит сам же Менц, измерять, а для этого необходимо „мерило, масштаб", т.-е. тот же критерий.

[1] Там же, стр. 250—252.
[2] Там же, стр. 252—253.

Да оно и понятно: такой критерий, как упомянутый нами выше принцип оптимума, привел бы буржуазного рационализатора в отношении известных факторов производства (рабсила) к таким требованиям рационализации, которые совершенно непримиримы с классовой подоплекой буржуазной мысли. Научно-теоретическая беспомощность буржуазных экономистов есть только отражение социально-классовой неспособности буржуазии к проведению в жизнь полной и подлинной рационализации, как это видно будет и из дальнейшего нашего изложения.

Несколько ближе, как будто, подходит к сути дела другой буржуазный экономист — Эрнст Шульце, который в своей работе „Организаторы и руководители хозяйства" („Organisatoren und Wirtschaftsführer") определяет рациональную организацию, как „повышение коэфициента полезного действия („Wirkungskraft") человеческих усилий планомерным координированием („Zusammenordnen") людей и вещей." Шульце подвинулся немного вперед, поскольку он вносит понятие планомерности и координирования, т.-е. положительного подбора. Можно было бы считать некоторым шагом вперед и введение понятия коэфициента полезного действия, но, к сожалению, он в точности говорит собственно не об этом коэфициенте (Wirkungsgrad), а о туманной „силе действия" (Wirkungskraft), уже не говоря о том, что и коэфициент полезного действия далеко не тождественен с коэфициентом рациональности. [1] Наконец, ясно, что и Шульце бродит впотьмах, ибо у него нет руководящей нити, действенного орудия, каким является критерий рационализации, один только дающий возможность измерением решать, какая организация и во сколько раз рациональнее другой.

И лучше всего это видно из заключительного аккорда рассуждений того же упомянутого профессора Менца, где он внешне еще более чем Шульце приближается к правильной концепции. Свою, полную охарактеризованных нами блужданий главу об определении понятия рациональности он заканчивает так: В конце концов, „мы считаем возможным дать следующее определение: рационализация хозяйства предприятия, страны или мирового хозяйства это — достигаемое путем технических и организационных усовершенствований приближение хозяйственных процессов и устройств (Einrichtungen) к критически-рационально конструированному для них, на основе их сущности, идеальному оптимуму". [2]

При всей внешней некоторой близости этого определения к нашей концепции оно, по существу, отличается той же беспомощностью, что и предыдущие рассуждения того же автора. Это определение можно охарактеризовать, как „уравнение" со многими

[1] Об этом см. в моей книге „Теория и практика рационализации", т. I, ГИЗ, 1928 г., стр. 30—33.
[2] G. Menz, Op. cit. стр. 261.

неизвестными. В самом деле: что же такое неожиданно появившийся и неизвестно откуда позаимствованный оптимум? И что такое „идеальный" оптимум? И как же он может быть „конструирован"? Ясно, беда автора все та же: отсутствие научного критерия для рационализации, а потому и для оптимума, хотя бы и „идеального".

Допустим, мы хотим приложить определение Менца к конкретному „процессу", хотя бы к трудовому процессу. Имеются, скажем, три предприятия: из них одно взято из периода нашего хозяйственного развала 1918—1919 гг., другое — американское, где идет бешенно интенсивная эксплоатация труда, и третье — нами организованное, где напряженность труда поднята до физиологически нормального уровня. Как решит вопрос о рациональной степени интенсивности труда в этих предприятиях Менц на основе своей формулы, если потребовать от него решения не на-глазок, а по-серьезному, потребовать, чтобы он не только определил, в каком из этих предприятий использование рабочей силы организовано рациональнее, но и в цифрах („измерение") определить, во сколько раз в одном предприятии это использование рациональнее, чем в другом и в третьем?

Ясно, что Менц окажется совершенно беспомощным в решении этой жизненной задачи, несмотря на то, что у него припасена формула о необходимости конструировать идеальный оптимум и к нему приблизиться. Но как же конструировать, когда нет критерия, нет масштаба для измерения?

Между тем, формулированный нами критерий не создает никаких трудностей для научно-правильного и практически жизненного решения поставленной задачи. На первом из взятых нами предприятий рабочий затрачивает за день мало энергии (E_1), но и производит полезной работы (R_1) весьма мало. Допустим, что у него окажется $\frac{R_1}{E_1} = m_1 = 2$ определенным единицам. На втором предприятии рабочий производит огромное количество полезной (для предпринимателя) работы, но энергии он из себя выматывает чрезвычайно громадное количество. Допустим, что измерение его величин R_2 и E_2 дало в результате $m_2 = 3$ таким же единицам. Наконец, в нашем предприятии рабочий дает большое количество полезной работы и тратит физиологически нормальное для него количество энергии. Допустим, что вычисление его коэфициента m дает нам $m_3 = 6$ таким же единицам. Тогда мы вправе не только категорически ответить, что рациональнее всех напряжение труда поставлено в третьем предприятии, но мы можем точно сказать, что степень этой рационализации в третьем предприятии в два раза больше, чем во втором, и в три раза больше, чем в первом.

А ведь тут затронута весьма важная практическая задача нормирования труда. И по тому же методу решается множество других, столь же острых практических задач.

Методологическая и практическая разница между научным критерием рациональности и разными дефинициями рационализации, замаскировывающими отсутствие такого критерия, — очевидна.

Если считать, что вышесказанным о Менце и Шульце косвенно охарактеризована уже и концепция третьего немецкого ученого, проф. Готль-Отлилиенфельда, из главного и содержательного труда которого [1] многое позаимствовано Менцем и Шульце, то особо упомянуть, пожалуй, следует еще об известном В. Зомбарте, который занимается проблемой рационализации во второй части третьего тома („Hochkapitalismus") своего труда „Современный капитализм". Впрочем, его взгляды уже отчасти нашли себе отражение в разобранной нами концепции Шульце и — особенно — Менца.

И у Зомбарта мы встречаемся с тем же стремлением уклониться от определения и критерия рациональности. Что характерно, в частности для Зомбарта, это проводимая им мысль, что капиталистическое хозяйство еще недостаточно капиталистично, ибо недостаточно рационализировано. Полная рационализация, следовательно, не только примирима с основами капитализма, но и жизненно необходима для его дальнейшего развития.

Эта тенденция Зомбарта резко расходится и с выводами науки и с фактами действительности. Они ведь одинаково убедительно свидетельствуют, что полная рационализация, требующая, прежде всего, замены анархии капиталистического производства планомерностью и устранения системы наемного труда, исключающей рациональное использование рабочей силы, совершенно несовместима с капитализмом. Если полная рационализация может поддержать капитализм, то разве в том же смысле, в каком веревка поддерживает повешенного. С другой стороны, отсюда ясно, что капитализм, раз он не стремится к собственному своему харакири, в свою очередь, не приемлет полной рационализации. Но, как бы то ни было, одной указанной сентенции Зомбарта достаточно, чтобы убедиться, что и у него также отсутствует правильный, если вообще имеется какой-либо критерий для явления рационализации, а имеется только склонность кричать „осанна!" капитализму.

„Тайный правительственный советник" проф. Зомбарт вообще за последнее время охотно заигрывает с крупно-капиталистическими сферами, развивая перед ними свою салонную философию экономического развития. Еще недавно, например, он на XXV „церковно-социальном" конгрессе в Дюссельдорфе выступил с докладом „Рационализация в хозяйстве", [2] кокетничая своими известными, ничего не говорящими словечками (вроде „Vergeistung" хозяйственных процессов), но не говоря ни слова о содержании и об'ективном смысле

[1] Fr. von Gottl-Ottlilienfeld, „Wirtschaft und Technik" (2 часть II тома коллективного „Grundriss der Socialökonomik"), Tübingen 1923.

[2] См. Geheimer Reg.-Rat. Prof. Dr. Werner Sombart, Berlin. „Die Rationalisierung in der Wirtschaft". Leipzig, Erlangen, 1928.

того большого фактического материала, который содержится в его книге „Современный капитализм“ и который убедительнее всего говорит п р о т и в сентенции о примиримости подлинной и полной рационализации с основами капитализма.

Прав, быть может, Зомбарт в одном: даже о развитых капиталистических странах можно сказать, что в известных пределах они страдают не только от развития капитализма, но и от недостаточного его развития. В них имеется еще не мало остатков прошлого, и это создает почву для процессов рационализации, конечно, однобокой, капиталистической.

Но, когда тот же Менц, вторя Зомбарту, заявляет: „П р о б л е м а р а ц и о н а л и з а ц и и нашей хозяйственной эпохи с п е ц и ф и ч е с к и к а п и т а л и с т и ч н а“,[1] то надо сказать: да, для бужуазных представителей нашей капиталистической эпохи проблема рационализации, конечно, окрашена в специфически капиталистический цвет. Но сама по себе эта проблема, отражая в себе крайне обострившиеся внутренние противоречия отживающего свой „век“ капитализма, об‘ективно имеет как раз п р о т и в о п о л о ж н ы й смысл: п р о б л е м а р а ц и о н а л и з а ц и и с п е ц и ф и ч е с к и а н т и к а п и т а л и с т и ч н а. На этой проблеме капитализм себе шею свернет, она ему окажет именно ту поддержку, какую веревка оказывает повешенному.

Переходя к другим попыткам определения явления рационализации, надо отметить нередко встречающуюся мысль о сокращении п о т е р ь, как о признаке рационализации. Но ясно, что не понятием потерь определяется рационализация, а наоборот — понятием рациональности определяется наличие потерь. Ведь, потери по сравнению с чем? По сравнению с тем, что было бы, если б дело поставлено было вполне рационально. Нужно, следовательно, иметь к р и т е р и й для определения рациональности, для установления о п т и м у м а,— и только путем сравнения с ним можно установить наличие потерь и их размер.

Интересно присмотреться к тому, как определяет рационализацию центральное рационализаторское учреждение Германии — Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit, коротко именуемое RKW. Оно первоначально определяло рационализацию, как „применение всех, предоставляемых техникой и планомерным ведением дела средств для повышения хозяйственности („Wirtschaftlichkeit“) и для увеличения таким путем количества продукции, для ее удешевления и улучшения ее качества“. В опубликованных позже (1927 г.) статутах RKW дана несколько видоизмененная формулировка: „Рационализация — установление и применение всех предоставляемых техникой и планомерным ведением дела средств для повышения хозяйственности („Wirtschaftlichkeit“). Ее целью является поднятие н а р о д н о г о б л а г о с о с т о я н и я путем у д е ш е в л е н и я, у в е л и ч е н и я и улучшения продукции“.[1]

[1] G. M e n z, Op. cit., S. 254.

Что прибавлено и подчеркнуто в этой формулировке, это — забота о народном благосостоянии и об удешевлении продукции. Эта забота, конечно, делает честь такому высокому учреждению, как RKW. Но, во-первых, действительность довольно таки бесцеремонно опровергает уверение RKW: меньше, чем где бы то ни было рационализация в Германии приводит к понижению цен на продукты; а что касается народного благосостояния, то об этом достаточно красноречиво говорит цифра роста безработицы от германской рационализации и то обстоятельство, что в среде германского народа, особенно рабочих, по адресу рационализации сыплются постоянные проклятия и самое слово „рационализация“ вызывает злобу.

Во-вторых, если говорить о суб‘ективных „целях“, то ведь не в них дело, когда речь идет о с о д е р ж а н и и явления рационализации. Содержание дано в первой половине приведенного определения. И оно-то всего характернее для нас, после того, как мы уже знаем, что иностранное слово „рационализация“ немцы заменяют словом „хозяйственность“ („Wirtschaftlichkeit“). И вот высшее рационализаторское учреждение Германии дает „исчерпывающее“ об‘яснение рационализации, говоря, что она есть Wirfschaftlichkeit. Как это напоминает знаменитого вольтеровского доктора, который усыпляющее действие опиума об‘яснял его усыпительной силой. И все по той же причине — ненаучного подхода к проблеме рационализации, отсутствия критерия рациональности.

Рациональность и рентабельность

Наконец, еще одно ходкое, хотя и совершенно несостоятельное определение рационализации, которое является излюбленным в Германии и С.-А.С.Ш.: рационализация — все, что делает предприятие рентабельным; критерий рациональности — коммерческая р е н т а б е л ь н о с т ь.

По существу это — грубый эмпиризм, сводящийся к о т к а з у от об‘яснения и определения рационализации, как исторического явления. Вместо того, чтобы делать рационализацию как требование исторического момента, лакмусовой бумажкой для выяснения прогрессивности тех или иных форм, он существующими формами, их поддержанием подменивает самое требование рационализации. Если культурная отсталость и хищническая эксплоатация труда создают дешевизну рабочих рук, то окажется нерентабельным применение усовершенствованных машин, рационализирующих производство, как это мы видели в дореволюционной России. Требование рентабельности явится здесь п р е п я т с т в и е м к рационализации.

[1] „Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit“, Berlin, 1927. S. 3. Курсив оригинала.

Даже при отсутствии большой дешевизны рабочих рук тоже возможен отказ от рационализации по соображениям рентабельности. Видели же мы, как знаменитый Тэйлор, все помыслы которого сосредоточены были на заботе о достижении рентабельности путем безобразной интенсификации труда, всячески изощрялся, чтобы заставить своего не менее знаменитого „Шмидта" перетаскивать вручную $47^1/_2$ тонн чугуна день вместо того, чтобы рационализировать процесс транспортирования чугуна путем применения современных механических транспортных приспособлений.

Этот антагонизм между рентабельностью и рациональностью сказывается на всем ходе капиталистической рационализации, сказывается даже на отсталости рационализации европейских стран по сравнению с Америкой: сравнительная дешевизна рабочих рук в Европе, острота безработицы, слабая покупательная сила масс, высокий процент на капитал приводят к тому, что применяемые в Америке средства рационализации оказываются иногда в Европе неприменимыми в виду их нерентабельности. И уже не раз в Германии имели место случаи, когда рационализаторские мероприятия позаимствованные из Америки, приходилось „отставлять" в виду их коммерческой нерентабельности. [1]

Больше того: хищническое использование элементов производства,—скажем, рабочей силы — может ли быть рентабельным? Очень даже может быть и фактически является таковым для частно-капиталистического владельца предприятия. Между тем, хищничество — прямая противоположность хозяйственности („Wirtschaftlichkeit"). Тут рентабельность становится прямым критерием не рациональности, а ее противоположности. В самом деле, капиталист, хищнически используя живую силу — рабочих, извлекает из них повышенное количество работы (R), но тем, что заставляет их затратить еще более повышенное количество рабочей энергии (E). Этим он понижает коэфициент рациональности (m), но рациональность его мало беспокоит, для него важна именно прибыльность, рентабельность.

Тут зияющая пропасть между рациональностью и рентабельностью является результатом отделения средств производства от рабочей силы, результатом самой основной сущности капитализма. Антагонизм между рациональностью и рентабельностью есть, стало быть, выражение антагонизма между самим капитализмом и проблемой рационализации, как выдвинутой ходом исторического развития.

К тому же выводу можно подойти с разных сторон. Если, допустим, частнокапиталистическое предприятие получило заказ на 5 каких-либо станков, то оно может счесть этот заказ рентабельным и выполнить его в организационных условиях, весьма далеких от тех

[1] См. Dr. C. Schiffer. „Die ökonomische und sozialpolitische Bedeutung der industriellen Rationalisierungsbestrebungen". Karlsruhe 1928, S. 58.

рациональных условий, в которых он мог бы быть выполнен другим капиталистическим предприятием, которое получило бы заказ на 500 таких же станков. Наше предприятие потратит слишком большое количество всякого рода энергии на каждую единицу полезного результата, но поставить дело рациональнее, — так, как это можно сделать, производя сразу не 5, а 500 станков, — было бы для него убыточно, нерентабельно, даже если бы оно располагало необходимым для этого капиталом.

Или возьмем случай мелкого предприятия. Именно потому, что оно мелкое, нельзя позволить себе применение различных приспособлений, рационализирующих производственные процессы: для него это было бы нерентабельно. Тут, опять-таки, требование организационной рациональности приходит в коллизию с требованием экономической рентабельности.

Что все такие случаи говорят? Они говорят, что, где возникает противоречие между рентабельностью и рациональностью, оно является лишь выражением внутренних противоречий той социально-экономической формы общества, в рамках которой оно возникло — главным образом, противоречия между ростом производительных сил, с одной стороны, и частнокапиталистическими и мелкими формами хозяйства — с другой. Отживающие общественные формы в том, между прочим, и обнаруживают свою осужденность на исчезновение, что они приходят в коллизию с требованиями рациональности. Именно поэтому оживающие социальные формы вынуждены бояться „чрезмерно рациональной" организации („Ueberrationalisierung"). Такие опасения не могут иметь места в рамках социалистического общества, которое ведь и есть не что иное, как воплощение во всех сторонах своей жизни требований рационализации, выдвинутых современным фазисом исторического развития.

Не ясно ли, после всего сказанного, до какой степени в корне ложна тенденция буржуазных экономистов выдвигать рентабельность, как критерий рациональности?

Рационализация капиталистическая и социалистическая

Мы вплотную подошли к вопросу о рационализации капиталистической и социалистической. Из всего изложенного вытекает, что если говорить о рационализации подлинной и полной, то, собственно говоря, оба упомянутых выражения для видов рационализации неверны: рационализация социалистическая—тавтология, ибо рационализация для настоящего исторического периода может быть только социалистической, а рационализация капиталистическая — вовсе не рационализация, она — „рационализация" в кавычках. Мы поэтому и дали выше одно определение рационализации, как проблеме, остро вставшей перед человечеством на данной стадии роста производительных сил. В этом смысле совпадение или несовпадение требований полной рационализации с чертами и осо-

бенностями той или иной общественной формы решает вопрос об ее исторической судьбе, об ее стабильности всерьез и надолго.[1] И в этом смысле мы всегда, когда говорим о рационализации без всяких прилагательных, разумеем под нею именно настоящую, неискаженную, т.-е. социалистическую рационализацию.

После этой оговорки нам необходимо остановиться на различии между тем, что можно (в условном смысле) обозначать выражениями — рационализация социалистическая и капиталистическая.

Довольно распространенной является формулировка этого различия, сводящаяся к тому, что рационализация капиталистическая, в отличие от социалистической, имеет своим содержанием удлинение рабочего дня и понижение заработной платы рабочих, как и вообще ухудшение положения рабочих.

Оставляя пока в стороне вопрос об ухудшении общего положения рабочих масс, благодаря капиталистической рационализации, — надо, прежде всего, заметить, что ни повышение продолжительности рабочего дня, ни понижение заработной платы вовсе не являются обязательными ингредиентами капиталистической рационализации. Современный развитый капитализм — то, что Зомбарт называет „Hochkapitalismus“,—как раз противоположными чертами и характеризуется: сравнительно коротким рабочим днем и сравнительно высоким уровнем зарплаты. Это — вовсе не новое положение, это старая истина, которая уже давно обоснована и популяризирована даже буржуазными экономистами типа Шульце-Геверница, Э. Бернгарда, Геркнера, Л. Брентано и др.

Причина этого явления заключается в существовании другой линии ухудшения положения рабочих в капиталистических странах, которая действительно является чрезвычайно характерной для капиталистической рационализации и на которой мы ниже остановимся несколько больше: это — чрезмерное повышение интенсивности труда рабочих.

Притом современная интенсификация труда отличается от той, которая характеризовала неразвитые формы капитализма. Тогда преобладала тенденция абсолютной интенсификации труда, которая путем удлинения рабочего дня интенсивнее эксплоатировала труд, уплотняя этим путем расход жизненных сил рабочего. В дальнейшем, однако, положение менялось. Растущая сложность и дороговизна современных устройств и оборудования, рост накладных расходов, пропорциональных продолжительности работы, растущая скорость (число оборотов в минуту) все более совершенных машин и станков и сокращение их простоев, благодаря устранению части вредных промежутков (интенсификация производства), обслуживание одним рабочим многих машин, наконец, современные методы

[1] Нынешняя стабилизация капитализма в западных странах имеет ведь своим главным средством капиталистическую рационализацию.

глубокого разделения труда и непрерывного производственного потока, — все это, с одной стороны, ослабляет у представителей крупного капитала стимул к удлинению рабочего дня, создавая для них возможность выжать из рабочего в течение короткого рабочего дня больше энергии, чем прежде в течение более длинного рабочего дня и этой относительной интенсификацией труда достигать повышения относительной прибавочной стоимости. С другой стороны, все указанные условия делали, при высокой относительной интенсификации труда, его абсолютную интенсификацию отчасти физически невозможной,[1] отчасти даже невыгодной для работодателя, поскольку его накладные расходы возрастали с продолжительностью рабочего дня.

Этим об'ясняется, между прочим, то обстоятельство, что некоторые капиталистические предприятия по собственной инициативе вводили 8-часовой рабочий день еще тогда, когда их к этому не принуждали ни требования законодательства, ни прямой напор со стороны рабочего движения. Английские казенные заводы ввели например, восьмичасовой рабочий день еще в 1894 г., известный завод оптических инструментов Цейсса — в 1900 г., автомобильный завод Форда — в 1914 г. и т. д.[2]

Та же интенсификация труда делает возможным и неизбежным относительное повышение заработной платы рабочих. Возможность эта ясна из всего сказанного. Неизбежность же получается вследствие сильного увеличения расхода энергии рабочих, вызываемого в большей мере относительной интенсификацией труда, чем абсолютной. Повышенному расходу энергии должен хоть до некоторой степени соответствовать повышенный приход энергии рабочего, его потребление, т.-е. его зарплата.

Таким образом, характерным методом современных крупных промышленных предприятий сделалась политика короткого рабочего дня и повышенной зарплаты, — политика, обоснованию которой и посвящены в значительной мере сочинения указанных выше буржуазных экономистов. Из них один — Л. Брентано — цитирует в этом смысле даже книгу одного американского заводчика Шенхофа „Экономия высоких заработных плат“. Шенхоф исследовал издержки производства и рентабельность предприятий главнейших, конкурирующих на мировом рынке отраслей промышленности и пришел к выводу, что „страны с низкой зарплатой и длинным рабочим днем имеют наивысшую себестоимость производства, что чем выше зар-

[1] В силу известного физиологического закона обратной пропорции между интенсивностью и продолжительностью работы.

[2] Конечно, постановка задачи 7 и 6-часового рабочего дня и проведение ее в жизнь могли иметь место только в стране, идущей под знаменем строительства социализма.

плата и короче рабочий день, тем ниже издержки производства в той или иной стране".[1]

И действительно, страны, наиболее преуспевавшие уже до последней войны на мировом рынке,— Америка и Англия, — отличались и отличаются от других более высокой зарплатой и более коротким рабочим днем. Известно, что, как это доказал многочисленными данными Шульце-Геверниц в своей книге „Крупное производство" английская хлопчатобумажная промышленность именно в связи с более высокой зарплатой и коротким рабочим днем в Англии одерживала верх над другими конкурирующими странами. Можно привести и такой характерный факт: величайшая в мире (до войны) камвольная фирма Holden в Брэдфорде (Англия) имела в Англии и во Франции фабрики, технически и организационно поставленные совершенно одинаково, но зарплата была на английской фабрике выше, а число рабочих часов в неделю на английской фабрике $56^1/_2$ часов, на французской — 72 часа; в результате — выработка на человекодень на первой фабрике значительно больше, чем на второй.[2]

Любопытно, что в той же Англии именно в горной промышленности, переживающей тяжелое положение, царят более длинный рабочий день и более низкая зарплата. Вообще же говоря, Англия, поскольку она еще может конкурировать на мировом рынке, и Соед. Штаты, как передовая в этом отношении страна, держатся и строят свою рационализацию — в общем — на высокой зарплате и сравнительно коротком рабочем дне.

Вряд ли надо еще повторять и подчеркивать, что сокращение длины рабочего дня, при чрезмерно усиленной относительной интенсификации труда, ни в коем случае не представляет улучшения положения рабочих, — что обыкновенно замалчивается такими сиренами, поющими дифирамбы короткому рабочему дню, как Л. Брентано.

Обыкновенно для иллюстрации противоположного нашему утверждения ссылаются на Германию: ее рационализация связана с тенденцией понижения зарплаты и удлинения рабочего дня. Верно то, что германский капитализм, сильно потрепанный в мировой войне, ограбленный победителями, ограниченный в своих аппетитах стабилизацией валюты после периода инфляции, стремится улучшить свое положение соединением старых методов эксплоатации труда с новыми. Желая быть „именинником и на Антона и на Онуфрия", он старается, на ряду с относительной интенсификацией труда, удержать и абсолютную, т.-е. длинный рабочий день, что ему все-таки меньше удается на крупных, по современному рационализированных предприятиях. Больше удается ему тенденция к удержанию низкой зарплаты, которая ниже, чем в Англии и Америке, он все-

[1] См. L. Brentano, „Arbeitslohn und Arbeitszeit nach dem Kriege". „Schriften der Gesellschaft für soziale Reform", Heft 63, S. 10.

[2] E. Bernhard, „Höhere Arbeitsintensität bei kürzerer Arbeitszeit". Leipzig, 1909. S. 30.

таки выше, чем во Франции, Италии и других европейских странах.

Характерно, что даже тэйлоризм, соответствующий детскому периоду рационализации и целиком направленный в сторону чрезмерной относительной интенсификации труда, шел также под знаменем, на котором выставлен был лозунг высокой зарплаты. Этот же лозунг был формулирован в 1910 г. Брэндисом на том самом совещании тэйлористов, на котором, как выше упомянуто, к системе Тэйлора впервые был приклеен ярлык „научный". Сам Тэйлор вводил сверх того, как известно, и сокращение рабочего дня (сортировщиц шариков и др.).

Новейшие тенденции капиталистической рационализации идут еще дальше этих своих черт, которые не требуют удлинения рабочего дня и понижения зарплаты. В настоящее время крупные американские предприятия обставляют рабочих рядом удобств, вроде прекрасных рабочих зал, разных приспособлений для спорта, кино технических школ и пр., направляя все эти средства к тому, чтобы прикрепить рабочего к данному предприятию и обеспечить себе самую интенсивную эксплоатацию труда. Мы уж не говорим о сооружении „собственных" домов для рабочих, о создании рабочих банков, о распространении среди рабочих масс акций данного предприятия и пр. Всеми этими и им подобными средствами короли от капиталистической рационализации, американские Форды задаются определенной целью: сделать рабочих физически здоровыми, бодрыми, работоспособными и в то же время сосредоточившими свои помыслы только на интересах личного материального благополучия, склонными органически связать свои интересы с интересами предприятия и держаться в стороне от классовой борьбы даже в ее специфически типичной для Американской федерации труда форме крайнего оппортунизма.

В меньшем масштабе, но ту же тенденцию мы наблюдаем и в современной Германии, где за самое последнее время она приняла еще более острую форму стремления прикреплять рабочего к предприятию не только материально, но и духовно, опустошить душу рабочего, заменить в ней элементы классового сознания чувством сознательной преданности интересам капитала, принципиальным приятием капитализма и враждою к социалистическим идеям. Эти тенденции развились, в тесной связи с рационализацией, особенно заметно в крупно-промышленных кругах рейнско-вестфальской индустриальной области и кристаллизовались в лозунг „борьба за душу рабочего". Носителем этих тенденций является учрежденное в 1925 г. в Дюссельдорфе „Deutsches Institut für technische Arbeitsschulung" (коротко именуемое „Dinta"), т.-е. „Немецкий институт технического воспитания труда". На этом интересном явлении мы, к сожалению, не можем здесь остановиться.

Главнейшие различия капиталистической и социалистической рационализации

Важно то, что, как показывает все изложенное, стремление к понижению зарплаты и удлинению рабочего дня далеко не является характерным для современной рационализации в капиталистических странах. В гораздо большей мере характерным для этой рационализации с материальной стороны является рост безработицы и отчасти вызывающая ее чрезмерная интенсификация труда. Эта последняя, а не длинный рабочий день и низкая плата, и является первой характерной чертой, отличающей капиталистическую рационализацию от социалистической.

Для правильного освещения этой первой отличительной черты необходимо тут же наметить вторую важнейшую отличительную черту: она состоит в том, что капиталистическая рационализация идет под углом зрения интересов „сегодняшнего дня", очень мало заботясь о „завтрашнем дне".

Современный капитализм, как и всякий режим, историей осужденный на гибель, не склонен и не способен заглядывать в „завтрашний день". „После нас хоть потоп" — формула настроения представителей такого режима. И это настроение лежит в основе иных сторон капиталистической рационализации, — особенно в основе ее методов использования рабочей силы.

Мы уже видели, что подлинная, т.-е. социалистическая рационализация не может не ставить во главу угла принцип оптимума в применении ко всем без исключения факторам производства. Этому принципу капиталистическая рационализация противопоставляет в отношении фактора живой силы рабочих противоположный принцип максимума. И представители капитализма в своем роде последовательны, раз они стоят на точке зрения интересов сегодняшнего дня.

Если принцип оптимума выражается в формуле $\frac{R}{E} = m$ и в требовании, чтобы этот коэфициент m был елико возможно больше, то принцип максимума выражается формулой $\frac{R}{t} = u$ [1] и требованием, чтобы $u = \text{maximum}$. И с своей точки зрения капитализм совершенно прав. В самом деле, зачем ограничить расходуемую рабочим энергию оптимальным да и вообще каким бы ни было пределом? Почему не доводить интенсивность труда до физически возможного максимального уровня, — чтобы рабочий только-только не свалился тут же с ног? А завтра? Завтра — хоть трава не расти.

Конечно, на деле интенсификация труда в капиталистических предприятиях не доходит до такого уровня, чтобы рабочие буквально на завтра были уже непригодны к работе. Но это происходит лишь

[1] Где t обозначает количество времени работы, а u — ее успешность.

потому, что стремление капитала к максимальному использованию рабочей силы ограничивается сопротивлением рабочих масс, их борьбою — стихийной и организованной. А капиталистическая идеология называет это „сговором" рабочих для умышленного сокрытия своей „производительности" и зачинщиком этого сговора считает рабочие профорганизации.

В пределах возможного капитал энергично проводит свою линию максимальной интенсификации (преимущественно относительной) труда, используя для этого все методы рационализации производства. Но ведь это — хищническое использование такого важного фактора производства, как живая рабочая сила? Ведь в недалеком будущем это грозит серьезным количественным и качественным истощением фонда рабочей силы? Да, но что до этого капиталистам, заботящимся только о сегодняшнем дне?

Такого хищнического использования капиталист тщательно избегает в отношении мертвых факторов — машин, станков и пр. Тут капиталист и его администратор выдвигают принцип оптимума, а не максимума. Они применяют тщательный расчет, пользуясь счетными линейками Барта и др., чтобы установить и применить оптимальную, а не максимальную скорость или число оборотов машины в минуту. Почему? Они отлично понимают, что, если превысить оптимальную скорость машины, то получится повышенное количество ее поломок, часто понадобится ее ремонт, увеличатся простои машин, — что невыгодно с точки зрения завтрашнего дня.

Но эту точку зрения они покидают, когда переходят к использованию живой рабочей силы. Тут они гонятся за большим количеством продукции в течение рабочего дня. Словом, правильно применяя к мертвым машинам формулу оптимума $\frac{R}{E} = \text{maximum}$, они к живой рабочей силе считают нужным — опять-таки, пожалуй, правильно, с точки зрения сегодняшнего дня — формулу максимума $\frac{R}{t} = \text{maximum}$.

И эта принципиальная разница в отношениях капитала к двум различным факторам производства имеет свои корни в очень элементарном, но решающем обстоятельстве: мертвые факторы — машины, сырье и пр. — стоят капиталисту денег, они его собственность, с ними поэтому он обращается бережно, проявляя „хозяйственность" („Wirtschaftlichkeit"), думая и о завтрашнем дне. А живая рабсила не его собственность, — и ее он использует хищнически, не заботясь о завтрашнем дне.

Результаты этого хищничества, конечно, не преминут сказаться. Имеющийся богатый статистический материал, который мы не можем здесь использовать, свидетельствует об этом весьма красноречиво. Нам достаточно привести только две цифры: средняя продолжительность жизни индустриальных рабочих Германии (да и других стран)

не превышает 40 лет, а квалифицированная работоспособность рабочего в среднем теряется им с достижением 36-летнего возраста. Но какое дело капиталу до чудовищного смысла этих двух цифр? Хищнически высосав жизненные соки из миллионов рабов своих, капитал заменяет их свежими силами резервной армии труда, чтобы обречь их на ту же участь.

Чрезмерная, хищническая интенсификация труда рабочих со стороны капиталистической рационализации связана и с тем, что только из живой рабочей силы капитал извлекает прибавочную стоимость, а в ней, в рентабельности предприятия для него все дело. Стремление к использованию рабочей силы делает капиталиста неспособным к проведению рационализации в отношении живого фактора производства.

Итак, не столько в низкой зарплате и длинном рабочем дне лежит грех капиталистической рационализации, сколько в нерациональном, хищническом использовании рабочей силы. Тут дело не столько в приходе энергии (зарплата) рабочих масс, сколько в расходе их жизненных сил. В этом и в сильном росте безработицы заключается отличие капиталистической рационализации от социалистической.

Нет надобности долго распространяться насчет того, что совсем иначе подходит к живой рабочей силе социалистическая рационализация. Для социалистического общества рабочая сила не менее, а даже более важный фактор производства, чем остальные, мертвые факторы. Рабочей силой, как творцом всех ценностей, социалистическое общество не может не дорожить, не может не относиться к ней бережно. Пусть и для частного капиталиста его рабочие „руки“ являются той курицей, которая несет ему золотые яйца; но он, зарезав одну курицу, может достать на ее место другую. Социалистическое же народное хозяйство, если будет в своих предприятиях резать своих кур, других не достанет,— и конец будет золотым яйцам.

Таким образом, уж не говоря о том, что на самом деле идет речь не о курах, а о людях, что эти люди и составляют социалистическое общество, что они и руководят хозяйством и его рационализацией, но даже с чисто экономической точки зрения, с точки зрения прямой хозяйственной выгоды социалистическая страна не может вести хищническое использование рабочей силы, не может заниматься самоубийством. Социалистическая рационализация не может не заглядывать в завтрашний день. Для нее обязательно не максимальное, а оптимальное использование рабочей силы.

Другое — притом главное — отличие капиталистической рационализации от социалистической намечено было нами уже в самом начале этой статьи, где речь была о том, какие непроизводительные потери учла комиссия Хувера в С.-А. С. Ш. и каких она и не думала учитывать. Капиталистическая рационализация в лучшем случае старается устранить непроизводительные затраты внутри отдельных предприятий. Но капиталистическому рационализатору не придет в голову устранить то расточение сил в народном хозяйстве, которое кроется в самих основах капитализма, в частной собственности на средства производства, в анархии производства.

Такой, т.-е. полной рационализации нельзя ждать от представителей капиталистического мира. Они хотят устранить трагедию расточительства, но так, чтобы не затронуть ее главного источника. Они, выражаясь словами немецкой поговорки, хотят вымыть свою грязную шубу, но так, чтобы не замочить ее. Рационализацией предприятий они хотели бы отбояриться от неизбежной рационализации хозяйства, т.-е. от надвигающейся социалистической революции. Таким путем уклоняться от уплаты по векселю истории возможно, конечно, не надолго. Неизбежен момент, когда рационализация капиталистическая должна будет уступить место рационализации социалистической,— после социалистической революции.

В связи с этим главным отличием стоит и то, что социалистическая рационализация не может не итти по пути плановости — пути, чуждому рационализации капиталистической. В отношении народного хозяйства это само собой разумеется, так как капиталистическая рационализация не трогает и не может трогать основы капитализма — беспорядочной игры частно-собственнических интересов—и оставляет в силе анархию производства. Но и рационализация внутри каждого предприятия охватывает, в конце концов, огромное количество предприятий, но охватывает их в капиталистических условиях стихийно, без плана.

Да, такой план в этих условиях даже технически невозможен. Для него, ведь, в первую голову необходим статистический материал такого рода, который не может быть получен относительно капиталистических предприятий. Публикуемые о них материалы, прежде всего, неполны, не затрагивают многих пунктов, которые являются секретом каждой фирмы. Затем они чаще всего публикуются умышленно в неверном виде, чтобы замаскировать действительное положение и обойти трудности фискального, кредитного и иного характера. Наконец, если б статистика себестоимости, прибылей, накоплений и пр. могла быть полной и соответствующей действительности,— она все-таки была бы непригодной в силу своей неоднородности, в силу неодинаковости методов калькуляции, способов составления балансов и т. д. На чем же при таких условиях строить план рационализации?

Иногда встречается склонность усматривать моменты плановости капитализма в совершающемся процессе концентрации предприятий. Этот процесс, действительно, развертывается теперь чрезвычайно энергично, особенно в таких капиталистических странах, как С.-А. С. Ш. или Германия. Когда регулярно читаешь специальные органы по рационализации, как, например, органы упомя-

нутого уже RKW в Германии, то добрые три четверти сообщений, печатаемых под заголовком „рационализация" в такой-то отрасли, вскрываются, как сообщения о слиянии тех или иных предприятий (сопровождаемом закрытием других). Часто этой концентрацией [1] дело ограничивается, и никакой технико-организационной рационализации не проводится.

На даже там, где она имеет место, нужно ли еще пояснять, что рационализация в таких случаях не выходит за пределы группы тех предприятий, которые охвачены данным процессом концентрации. Результат получается лишь тот, что образуется более крупная фирма, которая вступает в конкурентную борьбу с другими, хотя бы тоже укрупненными фирмами.

В том-то и дело, что все процессы концентрации и специализации капиталистических предприятий не освобождают их от характера организаций интересов отдельных лиц и групп, преследующих цели наживы, конкурирующих друг с другом, имеющих в виду не удовлетворение потребностей масс и общественного целого, а собственные выгоды, совпадающие с выгодами других аналогичных организаций. В конце концов, эти концентрационные процессы так же далеки от проведения плановости, согласованности, положительного подбора сил в ходе народнохозяйственной жизни, как оказались далеки от этого синдикаты и тресты.

А ведь было время, когда начавшийся процесс картелирования и трестирования капиталистических предприятий вызвал у многих утопические ожидания. Многие были уверены, что соединение предприятий в картели — особенно в тресты — ставит крест над капиталистической анархией, наполняет капитализм плановым содержанием и этим разрешает его основное внутреннее противоречие. Уже тогда не трудно было усмотреть всю иллюзорность и фальшь этих ожиданий. Действительность не преминула подтвердить такую оценку. Капиталистические синдикаты и тресты не уничтожили анархии, а только подняли ее на высшую ступень.

И это, конечно, в полной мере относится не только к концентрации капиталистических предприятий, но и к их специализации, которая представляет в своем роде разделение труда между этими предприятиями. На пути полной и законченной специализации стоят огромные, порой непреодолимые трудности.

Предприятие, специализировавшееся на производстве определенного продукта, в капиталистических условиях значительно ослабляет свою силу сопротивления всяким колебаниям кон'юнктуры, изменениям в условиях борьбы с конкурентами, переменам, происходящим в положении рынка вследствие новых изобретений, изменений моды и пр. Между тем, предприятие, ограничившее свое производство одним единственным продуктом, в гораздо большей мере заинтересовано в том, чтобы спрос на этот продукт не сокращался, чем предприятие, которое производит еще и другие продукты и в них находит спасение от кризиса в случае сокращения спроса на первый продукт.

[1] Теперь преимущественно горизонтальной, в то время как еще в период инфляции преобладала вертикальная концентрация.

К тому же специализированное предприятие принадлежит к разряду тех, которые имеют более высокое органическое строение капитала и уже в силу этого больше других нуждается в непрерывной и полной нагрузке. А быстрая реорганизация и перестройка предприятия на ходу с целью приспособить его к производству иной продукции, в соответствии с изменившимися требованиями рынка, становится невозможной при современных условиях сложной организации производственных процессов и всей структуры современного, да еще специализированного предприятия.

Положение ухудшается еще и тем обстоятельством, что именно специализация усиливает зависимость одного предприятия от других в пределах проведенной концентрации. Когда определенная производственная программа — скажем, производство мельничного оборудования — распределяется между разными специальными предприятиями, вошедшими в данное об'единение, то на долю каждого из них выпадает производство такой части оборудования, которая не может найти себе сбыта независимо от других частей того же оборудования.

Но современные горизонтальные об'единения предприятий, не уничтожающие самостоятельности каждого из них, ставят такое предприятие в условия, при которых оно должно считаться с возможностью распадения об'единения, следовательно, с необходимостью на этот случай оставить за собой известную конкурентоспособность и возможность независимого существования. Этим создается весьма сильное препятствие к полному и глубокому разделению труда между об'единенными предприятиями, т.-е. к их полной специализации.

По этой причине об'единения, в которых взаимная борьба не прекращается, создают мало благоприятную почву для специализации. В большей мере процветают при существующих условиях тресты и концерны, монопольно властвующие на рынке в данной отрасли производства.

Что из всего этого вытекает? Вытекает то, что для расцвета специализации капиталистических предприятий необходимы безусловный отказ каждого из них от существенных частей производственной программы, обеспечение компенсации каждого предприятия за возможный недостаточный сбыт его специальной продукции, общая организация сношений с заказчиками, общее распределение издержек производства и выручки,— словом, необходима не концентрация предприятий, а их слияние в одно целое.

Но это, во-первых, возможно, конечно, только в узких рамках; во-вторых, это сводит перспективу специализации предприятий лишь

к фактическому их укрупнению и, наконец, все движение капиталистической концентрации и специализации, не заключающее в себе элемента устранения анархии общественного производства, опять-таки сводится к поднятию этой анархии и противоречий капитализма на высшую ступень, — не больше.

Если раньше мы, как одно из отличий капиталистической рационализации, констатировали тот факт, что она делает различие между живой рабочей силой и мертвыми факторами производства и свою рационализацию во всяком случае не рапространяет на рабочую силу, то теперь приходится, как еще одну отличительную черту, отметить то, что капиталистическая рационализация даже мертвые факторы не может полностью рационализировать.

Стандартизация продукции, специализация предприятий касаются мертвых факторов, но и тут у капиталистической рационализации крылья подрезаны. И тут причина этого лежит в основном ее грехе — в стремлении „вымыть грязную шубу так, чтобы ее не замочить".

Дальнейшее различие между капиталистической и социалистической рационализацией заключается в том, что первая проводится в жизнь помимо рабочих и против рабочих. Они являются ее об'ектом, а не суб'ектом. На рабочих она обрушивается чрезмерной интенсификацией труда, усилением и обострением массовой безработицы, а нередко еще и понижением зарплаты и удлинением рабочего дня. В результате, мы в капиталистических странах наблюдаем резко отрицательное, враждебное отношение рабочих масс к рационализации: в глазах рабочих на Западе рационализация тождественна с усиленной эксплоатацией. В конце концов, капиталистическая рационализация сделалась новым, добавочным фронтом классовой борьбы труда с капиталом.

Социалистическая же рационализация относится к рабочей массе не как к об'екту, на долю которого выпадают ее тяжелые последствия, а как к главнейшему деятелю и активному проводнику рационализации, который „своею собственной рукой" внедряет в жизнь рационализацию всех ее сторон Идеи социалистической рационализации могут и должны зажечь энтузиазмом рабочие массы, которые, в свою очередь, могут и должны поднять ее темп и размах не небывалую высоту.

Наконец, еще одну — и совсем немаловажную — черту отличия социалистической рационализации от капиталистической необходимо отметить. Социалистическая рационализация не может не заботиться самым серьезным образом о своем внедрении в сельское хозяйство. Конечно, и капиталистическая рационализация, как она есть отчасти проникает в область сельскохозяйственного производства. Но в этом отношении капиталистические страны оставляют в полной силе разрыв между городом и деревней. Даже специфически

капиталистические формы рационализации и те мало проникают в деревню — распыленную, отсталую, с ее раздробленностью на множество мелких или даже карликовых хозяйств.

Для социалистической рационализации проникновение в сельское хозяйство приобретает исключительно важное значение уж по одному тому, что это — условие и залог успешности и прочности самой социалистической революции. Технически и организационно отсталая деревня с ее массой мелких частных хозяйств, вечно питающих „бестию собственности", это — тот опасный подводный камень, преодоление которого будет первейшей и труднейшей задачей всякой социалистической революции в первой ее стадии. И одним из главных путей этого преодоления, на ряду с коллективизацией сельского хозяйства, будет его рационализация (даже независимо от коллективизации).

Обыкновенно способность деревни к ассимиляции методов рациональной организации сильно недооценивают. Организационная емкость деревни велика именно потому, что она культурно, технически и организационно весьма отстала. Здесь больше чем в какой-либо другой области народного хозяйства, совершаются бесконечные непроизводительные затраты сил и времени. Здесь настоящее царство „трагедии расточительства".

Если в Германии и в других странах довольно энергично развертывается процесс проникновения рационализации в ремесло, то еще более широкое поле для нее представляет сельское хозяйство. Здесь рационализация может и должна двигаться не только по линии повышения технического уровня производства путем введения тракторов, сельскохозяйственных машин и пр., — но и по линии усвоения и применения более рациональных методов использования наличных технических ресурсов.

Рациональная организация сельского хозяйства призвана индустриализировать и революционизировать деревню, коренным образом изменить ее культуру, ее быт, ее положение в общей системе народного хозяйства, ее роль в общем ходе социальнс-политической жизни, — призвана решить задачу уничтожения антагонизма между городом и деревней и таким путем создать почву для быстрого и прочного развития социализма.

Последний пункт отличия социалистической рационализации от капиталистической — сознательная и планомерная индустриализация и рационализация сельского хозяйства — подводит нас вплотную к затронутому уже вопросу о планировании всего хозяйства, как к части проблемы общей рационализации. Индустриализация и рационализация сельского хозяйства есть часть проблемы рационального распределения всех производительных сил, районирования хозяйства и т. д., — вообще тех задач рационализации, игнорирование которых является, как мы видели, основным отличием капиталистической рационализации от социалистической.

Ступени рационализации

Проблема рационализации, взятая в целом, может быть рассматриваема в виде последовательного ряда все более высоких ступеней.

Низшей ступенью является рационализация отдельного рабочего процесса, где уже требуется положительный подбор всех сочетаемых сил — материалов, инструмента, типа рабочего, условий и приемов работы и т. п. Здесь коэфициентом рациональности является величина $m = \frac{R}{E}$, показывающая степень приближения данного процесса к оптимуму.

Следующая ступень относится к вопросу о рациональности данного процесса в рамках предприятия, как организационного целого. Какой-нибудь технологический процесс сам по себе — первая ступень — может быть вполне рационально или оптимально организован, но быть нерациональным с точки зрения предприятия, как целого: это будет иметь место в том случае, когда не будет обеспечен положительный подбор в сочетании данного процесса с другими процессами внутри предприятия. Тогда получится нарушение закона цепной связи,[1] и в этом случае рационализация в одном пункте может вызвать отрицательное явление в виде „узких мест“ в других пунктах. Этим об'ясняется то явление, что у нас рационализация, проводившаяся в некоторых предприятиях без учета цепной связи, давала не понижение, а повышение общей себестоимости продукции. Тут решающим критерием так же является, как коэфициент рациональности, величина $m = \frac{R}{E}$, но уже в применении к силам не в пределах только одного процесса, а в рамках целого предприятия со всеми совершающимися в нем процессами.

Дальнейшей ступенью является данная отрасль промышленности, все части которой — предприятия — также должны быть согласованы между собою в смысле положительного подбора. Предприятие, даже во всем своем об'еме, может быть рационально организовано, как таковое, но в системе всей отрасли это предприятие может оказаться нерациональным в том смысле, что оно устроено не в том месте, где это было бы рациональнее всего, или в том смысле, что оно производит не тот тип продукции, не те размеры или формы продукта, какие были бы наиболее рациональны с точки зрения выполнения всей отраслью ложащихся на нее задач.

Если уже на предыдущей ступени рационализации предприятия выдвигалась, как одна из задач этой рационализации, стандартизация производимого данным предприятием продукта и его элементов (материала, инструментов и пр.), то на той ступени, о которой сейчас у нас идет речь — в отношении целой отрасли промышленности — приобретает огромное значение вся проблема стандартизации продукции, нормализации частей продуктов и — в особенности — специализации предприятий и их кооперирования.

Еще высшей ступенью является рационализация всего народного хозяйства страны, как целого. Тут возникает задача оптимального распределения производительных сил по отдельным отраслям хозяйственной жизни — по разным отраслям сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и т. д. На этой ступени приобретает огромное значение уже не только горизонтальная, но и вертикальная концентрация предприятий и их оптимальное кооперирование. Тут выдвигается, наконец, во всей силе проблема рационального районирования всех частей народнохозяйственного целого. На этой ступени развертывается во всю общая задача устранения непроизводительных потерь и преодоления „трагедии расточительства“.

Эта ступень рационализации возможна, конечно, только в стране, где одержал верх социализм. В стране капитализма рационализация народного хозяйства невозможна, — здесь не существует еще даже народное хозяйство в собственном смысле слова, как система планомерной организации хозяйственных сил. Здесь царит стихия их беспощадной борьбы, царит не положительный, а зачастую отрицательный подбор сил.

На еще более высокую ступень мы поднимаемся постановкой задачи рационализации мирового хозяйства. Мировая связь и взаимозависимость хозяйственной жизни всех стран слишком уже ощутительны в настоящее время, чтобы игнорировать выдвигающуюся здесь задачу превращения этой связи из стихийной в планомерную, рациональную, осуществляющую принцип оптимального использования всех мировых сил и их положительного подбора, согласования.

Как практическая задача, эта проблема встанет перед человечеством в тот, быть может, уже не столь отдаленный момент, когда социалистическая революция окажется победительницей в главнейших странах мира. Особенно превратится она в хлеб насущный тогда, когда социализм упрочится и развернется во всех культурных странах.

Все намеченные ступени рационализации являются категориями не только логическими, но и историческими. Капиталистический мир не поднимался до сих пор над двумя низшими ступенями рационализации — рационализации отдельных технологических процессов и рационализации предприятий. Он делает неуклюжие, ограниченные, иногда ухудшающие положение шаги в области третьей ступени рационализации отдельных отраслей промышленности. Перед СССР, где рационализация может и должна стать подлинно социа-

[1] Об этом см. О. А. Ерманский, „Теория и практика рационализации“, т. 1, изд. ГИЗ, 1928 г., стр. 318—323.

листической, стоит, как практическая задача, рационализация всех этих трех ступеней, да еще следующей, четвертой — рационализации всего народного хозяйства, как целостной системы. Делом будущего является пятая ступень — рационализация мирового хозяйства.

Поднимаясь с одной ступени на другую, высшую, мы наблюдаем все большую роль, которую играет экономика, экономическая структура общества, его взаимоотношения на ряду с технико-организационной рационализацией на почве данного состояния производительных сил.

Чем выше ступень рационализации, тем больше отступает на задний план критерий рентабельности. Капиталистическая рационализация, которая не может подняться выше двух низших ступеней рационализации, еще целиком во власти „принципа" рентабельности, который и приводит ее часто в коллизию с принципом рациональности. Именно принцип рентабельности нередко диктует капиталистическому хозяйству умышленное сокращение производства, иногда даже нарочитое уничтожение уже произведенной продукции. Тут в полном блеске проявляется противоположность частнохозяйственных и народнохозяйственных интересов. В этом столкновении страдающим элементом являются, конечно, интересы народнохозяйственные.

Наконец, чем выше ступень рационализации, тем значительнее опасность нарушения закона цепной связи всех элементов организации, тем крупнее удельный вес такого нарушения.

Если логически и исторически ступени рационализации располагаются в указанном выше порядке, то в обратном порядке приходится итти в деле планирования рационализации.

Уже и теперь, на данной ступени рационализации — скажем, рационализации предприятия — выработка плана его рационализации должна начинаться не с территории предприятия, чтобы закончиться производимым на ней продуктом. Как раз наоборот: начать надо с установления того типа продукта, производством которого будет заниматься предприятие; для этого продукта необходимо разработать соответствующие процессы его изготовления; к процессам подобрать материалы, орудия труда и рабочую силу; для всего этого распределить рабочие места, оборудование; для них приспособить здания и их расположение, чем и будут определяться, наконец, размер, форма и проч. территории предприятия.

При забвении обязательности этого обратного порядка планирования и впредь будут совершаться дорогостоящие ошибки в капитальном строительстве вроде той, какую мы имели, например, в тракторостроении, где только после того, когда были затрачены уже огромные суммы на сооружение зданий для тракторного завода, спохватились, что еще не выяснен вопрос о том, какой тип тракторов будет производиться на этом заводе.

В еще большей мере этот обратный порядок планирования должен будет практиковаться в дальнейшем, когда подойдут вплотную к рационализации мирового хозяйства. Тут начальным моментом планирования будет определение того, что, где, в каком количестве должно производиться, по состоянию мировых производительных сил и потребностей, а заключительным моментом — определение территории каждого предприятия. Само собою разумеется, что для выполнения плана потребуется снова перевернуть порядок и начать с территорий и зданий, чтобы дойти до заключительного звена — продукции.

Возвращаясь к перечисленным нами ступеням рационализации, надо сказать, что их окончательным завершением является рациональная организация не только хозяйственной жизни человечества, но и всей общественной надстройки над хозяйственным фундаментом. Рационализация общественных форм, духовной жизни, быта, всей культуры человечества не может не сводиться к положительному подбору всех сил организованного в коллектив человечества. В нашей исходной формуле оптимума, требующей, чтобы в уравнении $\frac{R}{E} = m$ величина m была максимальной, содержится, в сущности, формула социалистически или коммунистически организованного человечества, в котором хозяйственные процессы и все хозяйство, да и все стороны жизни будут организованы наиболее рационально, оптимально и вполне согласованы между собою.

Г. Козлов

Спорные вопросы новой теории кредита [1]

Первый том нового труда И. А. Трахтенберга „Современный кредит и его организация", несомненно, большое событие в истории нашей экономической мысли. Такой серьезной попытки систематизировать марксову теорию кредита и разработать ее в применении к эпохе финансового капитализма мы еще не имели. Однако, эта книга лучшее свидетельство трудности этого дела. Написанная большим знатоком вопроса эта книга оказывается все же наиболее уязвимой в ее „фундаменте", в основных положениях, на которых построена вся концепция.

Заслуга автора в том, что он с большим знанием дела подымает множество разнообразных интересных вопросов, что само по себе надолго послужит толчком к столь необходимой коллективной работе марксистов в этой области.

Форма кредита и природа ссудного капитала

Два основных исходных положения у И. Трахтенберга приводят его к неверному решению проблемы ссудного капитала. Первое связано с решением вопроса о форме кредита, второе — с ролью ссудного капитала в эпоху монополистического капитализма. Начнем с проблемы формы кредита.

И. Трахтенберг различает форму и содержание кредита. Под формой кредита он подразумевает „сделку ссуды", которая представляет собой „специфическую техническую форму передвижения собственности" (стр. 18). При чем ее основным признаком „надо считать отсрочку возврата эквивалента" (там же). Эту сторону кредита И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками кредита и противопоставляет этому социальное содержание кредита. „Можно рассматривать кредит как определенный тип сделки, осуществляющий процесс обращения, со стороны ее формальных технико-юридических признаков. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория техническая. Можно рассматривать кредит с точки зрения социального содержания явлений. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория сугубо социальная" (стр. 14).

Социальное же содержание кредита И. Трахтенберг определяет как общественные отношения, развивающиеся на основе сделок ссуды. „Не сама по себе сделка ссуды составляет сущность кредита как социальной категории, а те общественные отношения, которые вырастают на основе этих сделок" (стр. 20).

[1] В порядке обсуждения. Ред.

„Форма кредита" с точки зрения И. Трахтенберга остается неизменной и для древнего мира, и для крепостного хозяйства, и для буржуазного общества. Меняются же те общественные отношения, которые вырастают на основе этой технико-юридической формы („сделки ссуды") (стр. 17)..

Такова концепция. Не трудно заметить в чем ее порок. Прежде всего, разве та „форма" кредита, о которой говорит И. Трахтенберг есть нечто постоянное, свойственное всем видам кредита? Можем ли мы ограничиться для ее характеристики лишь моментом отсрочки уплаты эквивалента? Ни в коем случае. Разве „сделка ссуды" между двумя товаропроизводителями, происходящая при продаже товара в кредит, идентична по форме с „сделкой ссуды" между ростовщиком и его клиентом или между ссудным и промышленным капиталистом? В первом случае мы действительно имеем просто отсрочку уплаты эквивалента ($Т$ — обещание уплаты — $Т_1$ — уплата эквивалента), во втором случае мы имеем сверх отсрочки уплаты эквивалента (особое вознаграждение) заимодавца ($Д — Д + д$), при чем величина этого маленького „$д$" не стоит в определенном соответствии к $Д$, а вызывается исключительно индивидуальными обстоятельствами данной сделки.

Разве форма $Д — 0$ (нуль) $— 0 — Д + д$ уже не отличается от $Т — 0 — 0 — Т$ или даже от $Т — 0 — 0 — Д$?

Наконец, возьмем третий случай — капиталистический кредит. Здесь вся сделка принимает форму купли — продажи товара, особого товара — капитала, при чем процент становится особой формой цены этого товара и как цена всех товаров стоит (в отличие от ростовщического кредита, где нет рынка ссудных капиталов, где ссудный капитал не товар) в определенном соответствии с количеством товара. Разве здесь в этом особом характере сделки мы не имеем модификации самой формы „сделки ссуды"?

Таким образом, мы уже насчитали три типа „сделок ссуды", три различных формы кредита. Это разграничение мы провели на основе внешних — „формальных" моментов, того, что И. Трахтенберг называет технико-юридическими признаками. Следовательно, прежде всего опровергается тезис об единой неизменной форме кредита.

Такое разнообразие „форм" кредита вполне понятно, ибо эти „формы" суть не что иное как внешнее выражение определенных социальных отношений, заключенных в кредите. „Формы" эти нельзя оторвать от социальных отношений. Изменение социального содержания кредита неизбежно отражается на его „форме". Совершенно неверной, следовательно, является трактовка формы кредита, как технической категории. Она есть определенное выражение социального содержания кредита — социальная, точнее экономическая категория. Она механически не привешена к „содержанию" кредита, а находится с ним в теснейшей органической связи. Также неверно

трактовать „сделку ссуды" — форму кредита, только как юридическую категорию. Здесь есть и юридическая сторона, но она не что иное как рефлекс экономической категории — „сделки ссуды". Наконец, нельзя противопоставлять кредита юридической категории, как технической, кредиту, как социальной категории, ибо правовые категории в достаточной мере социальны...

Такую концепцию, в которой форма кредита носит исключительно юридический характер и не изменяется никогда, несмотря на значительные изменения „развивающихся на ее основе общественных отношений", нельзя принять, ибо такая трактовка отношения между формой и содержанием во-первых, и между правовыми и экономическими категориями во-вторых, не соответствует тому научному методу, который и мы и, несомненно, И. Трахтенберг считаем единственно правильным. И. Трахтенберг прав в том отношении, что кредит есть общественное отношение и что нет кредита как категории свойственной всем этапам развития товарного хозяйства. Но и внешнее выражение („форма") этих меняющихся общественных отношений меняется. Из того, что это внешнее выражение фетишистично, скрывает действительные отношения, представляет их как юридические отношения, мы все же не можем заключить, что это внешнее выражение кредита выводится за пределы политической экономии, не представляет собой одной из сторон экономического отношения. Надо вскрыть фетишизм кредитной формы и поставить ее на соответствующее место.

Нечеткость в этом вопросе не позволяет И. Трахтенбергу провести действительного разграничения между различными формами кредита и формой обмена.

„Отсрочка возврата эквивалента создает самостоятельную качественно отличную от купли — продажи форму движения стоимости. Поэтому глубочайшая ошибка полагать, что сделка ссуды является разновидностью сделки купли—продажи. Здесь мы имеем дело с особой формой меновых сделок, принципиально отличной от купли—продажи" (стр. 19). Если бы И. Трахтенберг диференцировал формы кредита — „сделки ссуды", то он здесь оказался бы прав в отношении тех сделок ссуды, которые не представляют модификации товарного обмена ($Д — Д + д$). Но он абсолютно неправ в отношении тех „сделок ссуды", которые происходят в процессе продажи товара. Ибо здесь кредит есть не что иное как особая форма купли—продажи.

Он осуществляет здесь путем изменения функции денег. Деньги функционируют не как средство обращения, а как платежное средство. Конечно, это видоизменение формы процесса обращения, разрешая некоторые его противоречия, воссоздает их на более широкой основе. Но при этой форме кредита мы остаемся в пределах процесса обращения товаров, в пределах тех отношений, которые выражаются в метаморфозе товарной формы.

Мы не имеем здесь „принципиально отличных" от этого процесса отношений, а только их модификацию.

Из всего что сказано выше ясно, что должно отпасть и первое наиболее общее определение кредитных отношений, даваемое И. Трахтенбергом, сводящееся к тому, что не сделка ссуды составляет сущность кредита, а социальные отношения, развивающиеся на ее основе. Это определение отпадает, ибо, во-первых нельзя сказать, что социальные отношения развиваются на основе сделок ссуды. Наоборот, определенная форма сделки ссуды есть внешнее выражение с естественной необходимостью вырастающих отношений; во-вторых, поэтому также нельзя противопоставлять сделки-ссуды, как технического момента, общественным отношениям, она — одна из сторон соответствующих общественных отношений.

Второе основное положение, „второй кит" И. Трахтенберга заключается в том, что ссудный капитал как капитал особого рода, с особыми закономерностями, как самостоятельная категория проявляет себя лишь в эпоху финансового капитализма. В предыдущие же эпохи он является подчиненным другим формам кредита. Это чрезвычайно важное положение. Между тем, И. Трахтенберг выводит его из недоказанного другого положения, что в эпоху финансового капитализма мы имеем „господство ссудного капитала". Это последнее И. Трахтенберг преподносит как аксиому. Между тем, это центральный вопрос. Если в эпоху финансового капитала мы имеем господство ссудного капитала, значит, природа ссудного капитала раскрывается только в эту эпоху. Это же определяет отношение категории ссудного капитала к другим видам кредита. К сожалению, положение, постулируемое здесь И. Трахтенбергом, не может быть доказано. Оно расходится и с общепринятыми у нас, основанными на изучении фактов взглядами. „Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала" (Ленин, т. XIII, стр. 306). „Финансовый капитал есть банковый капитал монополистически — немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников" (там же, стр. 305).

Следовательно, господствующим является финансовый капитал (и закономерности его движения), а финансовый капитал есть „слившийся" капитал, а не есть ссудный капитал и не есть „сращенный капитал" под диктатурой ссудного.

И. Трахтенберг пишет: „Эта категория становится господствующей в том смысле, что она подчиняет себе, закономерностям своего движения, другие формы капитала" (25). Но что это за закономерности ее движения? И. Трахтенберг их совершенно правильно перечисляет (в главе II). Ссудный капитал—капитал, приносящий проценты в противоположность другим видам капитала: а) всегда выступает в форме денег; б) не знает метаморфоз товара и денег; в) отчуждается всегда как специфический товар „денежный капитал";

г) возрастание ссудного капитала происходит в актах обращения вне непосредственной связи с воспроизводством капитала и т. д. Могут ли вообще эти закономерности стать господствующими для всех видов капитала? Это невозможно, ибо основными закономерностями все же остаются закономерности капитала, как такового, с их необходимостью смены фаз и форм. Господство финансового капитала и означает, что капитал в известной мере принимает внешнюю форму ссудного капитала, но основными господствующими закономерностями движения капитала остаются закономерности промышленного капитала.

Факт сращения ссудного капитала с промышленным означает по существу, что в эпоху финансового капитала уже нельзя искать чистых закономерностей ссудного капитала. Это видно хотя бы из того, что доход ссудного капитала состоит из процента. Доход же финансового капитала по форме лишь является процентом, но по существу здесь соединены и предпринимательская прибыль и процент—здесь вся прибыль. Это—общеизвестные истины. Но отсюда следует, что ссудный капитал, как „особый сорт" (Маркс) капитала полностью выявляет свою природу в эпоху капитализма с господством свободной конкуренции. В эпоху финансового капитализма уже происходит „перерождение" ссудного капитала. Ссудный капитал полностью выявляет себя как особая категория уже в эпоху „свободного" капитализма. Таково было на сей счет и мнение Маркса. Приведем только одно место из Маркса. „Каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, затрачивающий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой. И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал,— взятый ли в ссуду или нет,—как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?.. Чтобы дать ответ на этот вопрос, нам придется несколько долее остановиться на действительном исходном пункте образования процента, т.-е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически отличные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет" („Капитал", т. III, ч. 1, стр. 357—358. Подчеркнуто нами).

Таким образом, уже в эпоху до монополистического капитализма денежный капиталист, как персонифицированный ссудный капитал, противостоял промышленному капиталисту, как лицо играющее особую роль в процессе воспроизводства. Ссудный капитал, следовательно, уже в эпоху промышленного капитализма — самостоятельная категория, которая своими внешними формами уже наделяет в известной мере движение промышленного капитала. Или И. Трахтенберг полагает, что здесь Маркс излагает теорию монополистического капитала?

Все это имеет чрезвычайно важное значение для понимания отдельных форм капиталистического кредита, природы и генезиса ссудного капитала. Между тем, из неправильной позиции И. Трахтенберга вытекает и неверное решение этих вопросов.

А. Давая в общем правильное определение банкирского и коммерческого кредита, И. Трахтенберг не может разрешить верно проблему их соотношений.

„Указанные две формы кредита соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма, банкирский кредит — в условиях капитализма финансового. В эпоху промышленного капитализма банкирский кредит является подчиненной коммерческому формой кредита, в эпоху финансового капитализма, наоборот, коммерческий кредит оказывается подчиненной банкирскому формой кредита" (72).

По отношению к эпохе промышленного капитализма абсолютно ясно, что наш автор здесь перевернул действительные отношения. Коммерческий кредит и в эпоху промышленного капитализма является уже подчиненным форме ссудного капитала. Трахтенберг не задается даже вопросом, откуда появляется в коммерческом кредите форма процента (чуть ли не с самого начала его развития). Не свидетельствует ли это об иных отношениях между банкирским и коммерческим видом кредита, чем это предполагает автор?

Из такого решения вопроса у И. Трахтенберга вытекает и несколько странно звучащее для каждого читавшего Маркса положение о том, что об'ектом кредитной сделки в эпоху „свободного" капитализма является просто капитал, и лишь в эпоху финансового капитализма об'ектом кредитных сделок является ссудный капитал. „Характерно, что именно в эту эпоху об'ектом сделок ссуды становится ссудный капитал" (стр. 28). „Наконец, в эпоху финансового капитализма кредит как социальное отношение вновь трансформируется. Во внешнем своем выражении это проявляется в том, что основным об'ектом кредитных сделок является не просто капитал, а ссудный капитал" (! Г. К.; стр. 27).

Б. Основные недостатки исследования о генезисе ссудного капитала вытекают из той же недооценки значения этой категории для эпохи свободного капитализма. Центральным вопросом в проблеме генезиса является вопрос о том, как и почему докапиталистиче-

ские формы кредита превратились в капиталистические. Как и почему ростовщический капитал превратился в ссудный капитал и процент из монопольной величины—в часть промышленной прибыли. Само собой разумеется, что если считать эпоху финансового капитализма периодом господства ссудного капитала, то эпоха „свободного" капитализма выступает как переходная эпоха, эпоха, в которую ссудный капитал как самостоятельная категория еще не существует, но постепенно образуется. Этим самым совершенно упускаются из виду любопытнейшие странички социальной борьбы, когда зарождавшийся промышленный капитал насильственно ломал средневековые формы ссудного капитала и рядом организационных мероприятий помогал рождению подчиненной ему формы ссудного капитала. У тов. Трахтенберга весь этот процесс исчезает. Чтобы не делать длинных выписок, мы отсылаем читателя к стр. 120. Резюме этой страницы сводится к тому, что „торговля деньгами, ростовщический капитал и денежно-торговый капитал, слившись и соответственно преобразовавшись, превращаются в единый ссудный капитал".

Маркс же об этом процессе говорит так:

„Коммерческая форма и форма, приносящая проценты, старше формы капиталистического производства, промышленного капитала.

Эти более старые формы он застает в эпоху своего возникновения. Он застает их, как предпосылки, не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса... Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они сначала должны быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть, происходит насильственное понижение размера процента, так что он уж не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Настоящим способом подчинения капитала, приносящего проценты промышленному капиталу является создание его отличительной формы — кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую промышленный (капитал) сам еще заимствует от методов прежнего способа производства и которую он отбрасывает, как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал себе положение. Кредитная система представляет его собственное создание, эта форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и далее развивается вместе с крупной промышленностью" (подчеркнуто мною Г. К. „Теории прибавочной стоимости", т. III, стр. 367—368).

Это интереснейшее место из Маркса, которое показывает, что 1) старые формы ссудного капитала не могли просто эволюционировать (как у И. Т.) в новые, а должны были быть сломаны, 2) что одна из основных черт, отличающих капиталистический кредит от ростовщического, заключается в том, что капиталистический кредит существует как кредитная система как система отношений (притом принявших определенные организационные формы). В свете этого отрывка из Маркса становятся совершенно прозрачными те обстоятельства, которые вызвали к жизни эмиссионные банки. Эти банки были одним из важных, новых „не насильственных" методов преодоления старого ростовщика, превращения процента в часть прибыли.

В схему И. А. Трахтенберга не укладывается весь этот процесс, обозначающий, что ссудный капитал возникает как особая, вполне определившая все свои основные черты категория вместе с развитием промышленного капитализма. Одновременно из поля зрения И. Трахтенберга исчезает учение Маркса о кредитной системе, как одной из характерных черт природы ссудного капитала. Это существеннейшая часть учения Маркса о ссудном капитале. Природа ссудного капитала оказывается не всесторонне определенной.

В. Неправильные исходные позиции приводят И. Трахтенберга и к третьей ошибке в определении ссудного капитала. Он совершенно правильно констатирует, что отчуждаемые права на доход в условиях достаточного развития отношений ссудного капитала принимают форму ссудного капитала. Но следует ли отсюда, что эти социальные отношения составляют разновидность отношений ссудного капитала?

„Существует, конечно, и различие между ссудным капиталом и капиталом фиктивным, но это различие не в характере отображаемых ими социальных связей, а в характере их отношений к капиталу реальному" (68).

Вот это-то положение, что „различие не в характере социальных связей" является неверным. Различие в отношении к капиталу реальному уже есть различие социальных связей и это не позволяет нам отнести всякого рода ценные бумаги к категории ссудного капитала. Маркс здесь ясно говорит, что всякого рода ценные бумаги „суть формы, в которых капитал может быть отдан в ссуду. Но сами они не суть тот ссужаемый капитал, который в них вложен". Когда кому-либо нужно заключить заем, „ему нужны вовсе не акции или государственные бумаги. Ему нужны деньги" („Капитал", т. III, ч. 2, стр. 16—17).

И, действительно, быть ссудным капиталом, быть ссуженным может быть только денежный капитал. Другое дело ценные бумаги и вообще всякие права на доход, которые могут быть и не резуль-

татом ссуды. Ведь в эпоху финансового капитализма этот так наз. фиктивный ссудный капитал сплошь и рядом служит особой фетишистической формой, скрывающей под маской ссудного капиталиста—действительного собственника предприятия — функционирующего капиталиста. Неужели здесь совершенно идентичные с категорией ссудного капитала социальные связи? Но И. Трахтенбергу необходимо наделить так наз. фиктивный ссудный капитал всеми свойствами ссудного капитала, и у него появляется такое положение: что „ссудный капитал является, кроме того, суммой покупательных и платежных средств. Фиктивный капитал таковым не является, но так как ценные бумаги, которые являются конкретным воплощением фиктивного капитала, легко (подчеркнуто мною. Г. К.) превратить в деньги, то и фиктивный капитал приобретает свойства покупательных и платежных средств“ (69).

Но в том-то и дело, что далеко не легко превратить его в деньги по курсу, по которому он был приобретен, а иногда и вовсе ничего нельзя за него получить. Поэтому „фиктивный капитал“ не является ни покупательным, ни платежным средством.

Отнесение к категории ссудного капитала всего так называемого фиктивного капитала является прямым следствием предвзятой точки зрения на ссудный капитал как на категорию, „господствующую“ в эпоху финансового капитализма. С другой стороны, это же приводит И. Трахтенберга к той ошибке, что он весь ссудный капитал делит на две части—„реальную“ и „фиктивную“. Проблема фиктивности ссудного капитала (как Маркс понимает эту категорию) даже не ставится. Между тем, „реальный“ ссудный капитал не менее фиктивен, чем „фиктивный“.

Резюмируем: мы не можем согласиться с концепцией И. Трахтенберга, ибо она построена 1) на представлении о „форме“ кредита, как юридической категории, 2) на положении, что господствующим в эпоху финансового капитала является ссудный капитал. Эти два положения приводят И. Трахтенберга к неправильным определениям сущности кредита, к неполной характеристике ссудного капитала (отсутствие понятия кредитной системы), к неверным взглядам о соотношении между коммерческим кредитом и категорией ссудного капитала, к включению в категорию ссудного капитала не принадлежащих сюда отношений.

Рынок ссудных капиталов

Чрезвычайно интересная проблема рынка ссудных капиталов в марксистской литературе совершенно не разработана. И. Трахтенберг пытается ее разрешить. Он характеризует рынок ссудных капиталов как единый рынок особого товара—капитал, при чем совершенно справедливо полемизирует против всех тех, кто смешивает рынок денежного ссудного капитала с рынком товарным, рынком

вещного капитала. Возражения здесь против проф. Каценеленбаума абсолютно верны.

Однако, на ряду с признанием единства рынка И. А. Трахтенберг считает возможным различать денежный рынок и рынок капиталов, опираясь на то различие между ссудой денег и ссудой капитала, которое было отмечено Марксом и Энгельсом в т. III „Капитала“. Приблизительно такая же постановка вопроса была сделана А. Менделъсоном в полемике против Каценеленбаума („Под знаменем марксизма“, № 8—9 за 1923 г.). Нам кажется, что это деление не имеет отношения к вопросу об единстве рынка ссудных капиталов, так как если бы оно было даже правильно, никакого влияния на „рынок“ это не могло бы иметь постольку, поскольку „товар“ один и тот же и „цена“ его определяется одними и теми же обстоятельствами. Но предварительно следует разобрать самую трактовку ссуды денег и ссуды капитала, которая дана Трахтенбергом. Эта трактовка опирается на ряд известных мест из т. III „Капитала“. Однако, ни И. Трахтенберг, ни другие, трактующие также этот вопрос, не приводят следующего места из „Теории прибавочной ценности“... „Здесь не говорится о тех случаях, когда процент может быть простой передачей денег и не должен выражать действительной прибавочной ценности; когда, например, деньги даются взаймы „расточителю“, т.-е. для потребления. Тот же случай может, однако, получиться, когда они одалживаются для платежа. В обоих случаях они отдаются взаймы, как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся капиталом, благодаря только акту отдачи взаймы. Во-втором случае—при дисконтировании или ссуде на товары, непродажные в данный момент, они могут относиться к процессу обращения капитала, необходимому превращению товарного капитала, как денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения — как в настоящем кредите — ускоряет воспроизводство, следовательно, производство прибавочной ценности, одолженные деньги являются капиталом (подчеркнуто мною. Г. К.). Поскольку они, наоборот, служат лишь для уплаты долгов, не ускоряют процесса воспроизводства, быть может, делают его невозможным или сокращают,— они представляют лишь платежное средство (только), деньги для заемщика и для заимодавца — капитал, на самом деле независимый от процесса капитала“ („Теории“, т. III, стр. 380). Это архиважное место[1] как-будто стоит в противоречии с тем, что говорится Марксом в т. III „Капитала“. В последнем Маркс повсюду трактует этот вопрос так, что если ссуда обеспечена, то мы имеем ссуду денег, а не ссуду капитала. Здесь же критерием для Маркса служит не обеспечение, а исключительно лишь то, служит ли ссуда для

[1] Мы уже указывали на него в нашей статье „Реальный и денежный капитал“ („План. Хоз.“, № 9 за 1926 г.).

„ускорения производства прибавочной стоимости". Если цель ссуды—производство прибавочной стоимости,—это ссуда капитала, в противном случае это ссуда денег. Несовпадение первого ответа на вопрос со вторым как будто очевидно. Между тем, нам кажется здесь никакого противоречия нет. В „Теориях" Маркс ставит этот вопрос с точки зрения народного хозяйства,—процесса воспроизводства общественного капитала, в III же томе речь идет об отношении между двумя индивидуальными капиталами—об обращении двух индивидуальных капиталов банкира и промышленного капиталиста. С этой точки зрения в случае ссуды под обеспечение банкир нового капитала заемщику не дает, ибо он получает от последнего такой же или еще больший капитал. Банкир не уменьшил своего капитала, он, по существу, „купил" ценные бумаги. Банкир, таким образом, ссудил промышленника не капиталом, а деньгами. Хотя ему всегда кажется, что он ссудил капитал. С точки зрения отношения банкира и промышленного капиталиста этот последний действительно никакого капитала не получил, он превратил свой капитал из одной формы в другую. Не то с общественной точки зрения: капитал промышленника был в такой форме, в которой путем обычной товарной метаморфозы промышленник не мог (или не хотел) его реализовать. Таким образом, несмотря на наличие капитала промышленник не может продолжать процесса воспроизводства в том же об'еме: часть его капитала иммобилизована, поэтому ему нужен дополнительный капитал. Он нужен, ибо есть возможность продолжать процесс производства. Таким образом, здесь не ссуда денег, а ссуда капитала. Значит ли это, что общественной оказывается точка зрения банкира? Нисколько. Ибо даже в том случае, когда капиталист, не имея возможности продолжать производство, прекращая его, требует платежных средств для расчета (в случае кризиса) и здесь банкир полагает, что он ссужает капитал. На самом же деле здесь ссуда денег, даже в том случае, если промышленный капиталист не представил никакого обеспечения (хотя в этом случае и банкиру и капиталисту кажется, что здесь ссуда капитала!). И. Трахтенберг в согласии со всей своей концепцией полагает, что „когда ссуда является только ссудой денег, а не капитала, движение ссудного капитала отображает только то распределение капиталов, которое существует... в том же случае, когда ссуда есть ссуда денежного капитала, а не только денег, движение ссудного капитала вызывает перераспределение реальных капиталов. В первом случае заемщик не получает дополнительного капитала, во втором—он его получает: посредством ссужаемых заемщику сумм он приобретает новые, не имевшиеся у него до того блага, которые могут быть использованы как капитал" (стр. 139).

Все это положение неверно. В самом деле, возьмем самый невыгодный для нас случай—ссуду под ценные бумаги. Что здесь случилось с точки зрения заемщика: он когда-то вложил часть своего капитала, ссудил других капиталистов, теперь, когда он получает ссуду под эти ценные бумаги, ему может казаться, что он никакого нового капитала не получил, что он просто получает назад то, что он сам прежде дал и что поэтому никакого перераспределения реального капитала не происходит. С народнохозяйственной точки зрения, однако, дело обстоит не так. Капиталист когда-то вложил свои деньги в ценные бумаги—он этим самым дал другим капиталистам возможность распоряжаться определенной частью общественного реального капитала. На основе этого создалось определенное распределение реальных капиталов в обществе. Теперь же, когда капиталист иммобилизованную часть своего капитала, фиктивный капитал хочет опять через ссуду превратить в реальный, он получает добавочный реальный капитал к тому, что он имеет. Сложившееся распределение реальных капиталов (именно реальных капиталов) изменяется. Происходит их перераспределение.

Единственной правильной трактовкой проблемы ссуды денег и ссуды капитала является та, которая дана Марксом в т. III „Теорий". Это разрешение вопроса с общественной точки зрения.

Таким образом, это различение ссуды денег и ссуды капитала, конечно, является весьма существенным. Бывают такие периоды (кризисы), когда рынок ссудных капиталов на короткое время превращается в „рынок ссудных денег". Однако, не менее существенным является другое деление рынка ссудных капиталов. И. А. Трахтенберг просто отбрасывает признак срочности кредита, как основание для деления рынка ссудных капиталов, по тем причинам, что „понятие долгосрочности и краткосрочности весьма относительно и изменяется в зависимости от места" и т. д. (стр. 135), хотя в то же время он признает, что „срок кредитных сделок" определяется темпом метаморфоз того капитала, в который превращается ссудный капитал" (стр. 136). Очевидно, это последнее не должно служить достаточным основаниеи для деления рынка ссудных капиталов. Между тем, если дело идет о какой-то диференциации внутри рынка какого-либо товара, очевидно, что, прежде всего, оно должно итти по линии различения отдельных сортов этого же товара. Это различие сортов об'ективируется в устойчивом различии цены на различные сорта одного и того же товара. Нет ли на рынке ссудных капиталов такого постоянного различия цен на отдельные „сорта" товара—капитал? Маркс, когда говорит о вычислении размера процента (средней нормы процента), считает необходимым „вычислять размер процента при таких приложениях капитала, когда последний ссужается на сравнительно продолжительное время" („Капитал", т. III, ч. 1, стр. 347). Маркса здесь не смущает вопрос об относительности этого понятия „продолжительное время". Он исходит из того действительно важного факта, что существует два основных „сорта" товара

„капитал“ и соответственно две основных цены ссудного капитала. Речь идет о долгосрочном и краткосрочном кредите. Именно с точки зрения „рынка“ следует это различие проводить. Для марксиста здесь непочатый край работы.

Границы кредита

Проблема границ кредита получила особую актуальность в связи с Гано-Шумпетеровской теорией. И. Трахтенберг уделяет этому вопросу отдельную главу. Общее решение вопроса он дает следующее: „Границы банковского кредита определяются специфическими закономерностями банковской деятельности которые, в свою очередь, обусловливаются закономерностями движения реального капитала. Здесь важна двоякая характеристика проблемы, во-первых, самостоятельность движения ссудного капитала, а, во-вторых, тесная его связь с движением капитала реального“ и дальше: „Экспансия кредита, осуществляемая через посредство „творческой“ деятельности банков по выпуску банкнот и по созданию депозитов, находит свои пределы, во-первых, в закономерностях денежного обращения и, во-вторых, в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов“ (стр. 234).

В общей форме такая постановка вопроса более или менее освещена в литературе и совершенна правильна. Но тов. Трахтенберг ею не ограничивается, пытается ее углубить и берет всю проблему под углом зрения банковских функций. Он полагает, что „теоретически допустимо“ так рассматривать вопрос о границах кредита. Мы не хотим оспаривать допустимости этого, но в данном случае это не сослужило большой службы. Это в известной мере повлияло на упрощение всего вопроса. В самом деле, как должна стоять здесь проблема: 1) в какой мере существует соответствие между накоплением денежного ссудного капитала и накоплением действительного капитала; 2) где действительные границы применения ссудного капитала; 3) в какой мере переход через эти границы влияет на ход действительного накопления и, следовательно, на изменение соотношения между реальным и денежным ссудным капиталом?

Ссудный капитал состоит из различных частей в отношении к капиталу реальному. В какой же мере это различие происхождения уже определяет границы его применения? В этом суть вопроса. Казалось бы, что рассмотрение всего дела с точки зрения отдельных функций банка как-раз и должно помочь решению вопроса. На самом же деле, именно, благодаря этому вопрос был перенесен в другую плоскость. Ответы, которые мы здесь получаем, у тов. Трахтенберга сводятся к следующему. Первой границей кредита в каждой функции банка является приток средств в банк по каналам соответствующей функции, величина которого определяется ходом воспроизводства реального капитала. Возможность применения этих средств в качестве ссудного капитала лежит в ходе воспроизводства реального капитала, в потребности в этом ссудном капитале для хода общественного воспроизводства. Такой ответ не решает проблемы, он, с одной стороны, повторяет то, что было раньше сказано в общей форме, и следовательно, все раздробление проблемы по „функциям“ получило характер холостого хода. С другой стороны, такой ответ устраняет самоё проблему. Между тем, именно детализация ссудного капитала на его части по происхождению представляет правильный и интересный путь к решению вопроса. В процессе воспроизводства выделяется двоякого рода свободный денежный капитал. С одной стороны, это высвобождающийся денежный капитал, как форма промышленного капитала (назовем его ссудный капитал I) и, во-вторых, это осаждение денег как просто денег, превращаемых в ссудный капитал (ссудный капитал II). Здесь, с одной стороны, мы имеем осаждение доходов различных классов, с другой стороны, наличных денег, высвобождающихся из оборота в результате развития банков и безденежных расчетов, одним словом, высвобождение денег, не связанное непосредственно с ходом действительного накопления. Маркс особенно подчеркивает осаждение денежных доходов в банках. Рост такого рода ссудного капитала не только не выражает роста действительного накопления, но отражает прямо противоположное явление — рост потребления.

Накопление ссудного капитала I невсегда означает, что идет одновременно расширение действительного накопления, наоборот оно может выражать приостановку действительного накопления. Ибо наличие капитала вовсе не означает возможности расширения капиталистического производства. Прибыль—его граница. Но как только создаются возможности расширенного воспроизводства, так оно находит нужный ему денежный капитал в форме накопленного денежного ссудного капитала. С этой стороны ссудный капитал I не имеет границ в реальном капитале. Он соответствует реальному капиталу. Его избыток отнюдь не выражает „перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала“... „такой избыток предназначенного для ссуд денежного капитала указывает лишь на ограниченность капиталистического производства“ (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 45).

Не то ссудный капитал II. Его накопление хотя и связано, но отнюдь не выражает ни хода действительного накопления, ни возможности такого действительного накопления. Возьмем ту часть этого ссудного капитала II, которая выражает рост доходов. Здесь само происхождение уже указывает на границы его применения. Ничего не значит, что этому ссудному денежному капиталу (II) противостоят наличные товары, которые могут быть куплены на этот капитал. Это не значит, что в реальном капитале здесь нет границ для применения ссудного капитала. Уже одно превращение того товарного фонда, который соответствует доходам, в капитал таит

в себе возможность диспропорций. Таким образом, само происхождение этого ссудного капитала уже определяет его границы, указывает на невозможность его применения в качестве капитала, с точки зрения равновесия процесса воспроизводства. Но переход через эти границы неизбежен для капиталистического производства, и ко всем прочим диспропорциям капиталистического производства присоединяются диепропорции между денежным ссудным (II) и реальным капиталом. Как же отвечает нам на все эти вопросы И. Трахтенберг? Возьмем один из наиболее характерных ответов: „Вопрос о границах превращения доходов в ссудный капитал также не представляет больших трудностей... поскольку идет речь о границах банковского кредита, достигаемых этой функцией, приходится признать, что эти границы определяются вне банков в производственном процессе. Рассматриваемая здесь банковская деятельность то расширяется, то сужается, но это расширение и сужение отражают лишь процесс кругооборота реального капитала" (стр. 227).

Но, собственно, так он решает вопрос и в отношении всех остальных функций банков. Он совершенно не ставит даже вопроса о том, как происхождение ссудного капитала влияет на границы его применения да и самая „проблема границ" не разрешена здесь. Отсюда, собственно, и неверное решение вопроса об инфляции ссудного капитала.

„Возможна инфляция ссудного капитала как денежного капитала. Кругооборот совокупного капитала требует определенной массы капитала в денежной форме. Если же этого капитала оказывается больше, это означает, что часть его не может играть роль функциональной формы промышленности капитала"... (стр. 235).

Из такого факта несоответствия между массой ссудного и массой реального капитала вытекает, по И. Трахтенбергу, необходимость падения нормы процента, которое, очевидно, осуществляется через уменьшение спроса на ссудный капитал со стороны реального.

Таким образом, по существу инфляцию ссудного капитала И. Трахтенберг определяет как избыток предложения над спросом ссудного капитала. Это определение нам представляется столь же неверным, как и ходячее определение денежной инфляции — несоответствие количества денег количеству товаров. Из того, что мы говорили выше, ясно, что у Маркса другая постановка вопроса, значительно более глубокая. Проблема инфляции ссудного капитала это проблема соотношения накопления денежного ссудного и действительного капитала, воздействия первого на второй.

Накопление излишнего ссудного капитала, на который нет временно спроса, не есть еще инфляция, а абсолютный его избыток по отношению к возможностям воспроизводства действительного капитала. Не отсутствие средств производства здесь характерно, а невозможность их использовать как капитал. Другое положение —

когда есть спрос на денежный ссудный капитал, и он кажется не только излишне накопленным, но ощущается его недостаток и в то же время мы имеем избыточный кредит, по сравнению с возможностями действительного воспроизводства. Банки могут не развивать никакой самостоятельной экспансии (чеки, банкноты, акцепты) все равно, здесь будет избыточный кредит, ибо процесс воспроизводства финансируется банком не только за счет высвобожденного денежного капитала, но за счет всяких свободных денег вообще (ссудный капитал II). Обычно дело сводят к тому, что марксов „Überkredit" это результат сознательной экспансии банков. Нет, эта экспансия есть лишь один из элементов Überkredit'a, тогда как главное в ней кредитование за счет ссудного капитала II. С банковской точки зрения здесь нет никакого перехода через „границы кредита". Здесь „регулярная" операция. Это и понятно. Капиталистический банк их — этих действительных границ не знает, знать не может и не может не перейти. И. Трахтенберг не видит такого единственно правильного решения этой проблемы, поэтому у него получается, что инфляция ссудного капитала происходит во время застоя. Во время же под'ема у него, очевидно, получается „дефляция" ссудного капитала.

Соотношение спроса и предложения на ссудный капитал, несомненно, отражает соответствие между массой притязаний на прибавочную стоимость и массой этой самой прибавочной стоимости (Трахтенберг, стр. 235), и следовательно, известный характер отношений между реальным и денежным ссудным капиталом. Отсюда понижение нормы процента Трахтенберг рассматривает как инфляцию. Однако ясно, что он перевернул проблему. Инфляцией ссудного капитала мы можем называть лишь то, что Маркс называет „избыточным кредитом", т.-е. таким кредитом, который не соответствует сохранению равновесия реального капитала. Только так с общественной точки зрения может ставиться вопрос. Ведь в том случае, который И. Трахтенберг называет инфляцией, собственно никакое инфляционное воздействие на реальный капитал невозможно, поскольку невозможно расширенное воспроизводство капитала. У И. Трахтенберга вопрос взят не с общественной точки зрения, а с точки зрения ссудного капиталиста, поэтому получается, что при понижении процента — всегда инфляция, тогда как именно здесь и не может быть инфляции, ибо излишек денежного ссудного капитала не может здесь превратиться в избыточный кредит.

Таким образом, то, что в известной мере является следствием инфляции денежного ссудного капитала, И. Трахтенберг принял за самое инфляцию.

И. Трахтенберг должен был соблюдать здесь сугубую осторожность. Ведь из такого решения вопроса об инфляции ссудного капитала, которое он дает здесь, может быть сделан вывод, что

самый под'ем после застоя, поскольку застой характеризуется инфляцией, есть результат инфляции ссудного капитала. Конечно, И. Трахтенберг далек от таких выводов, но из такого решения они следуют. Получается некое созвучие с теми самыми школами, против которых И. Трахтенберг борется...

С проблемой банкнотной и депозитной инфляции тов. Трахтенберг, к сожалению, очень легко разделывается. Этому вопросу, по нашему мнению, следовало бы уделить значительно больше места и внимания.

Нам, кажется, прежде всего совершенно необоснованным положение о том, что „чистый классический тип банкноты, циркуляция которой опирается исключительно на вексельное обращение, отошел, в сущности, в область истории. Современная банкнота характеризуется многими чертами, сближающими ее с бумажными деньгами" (стр. 229). Нам неизвестен такой чистый классический тип банкноты вообще, с другой стороны, нам не совсем ясно о каких чертах, сближающих банкноты главнейших капиталистических стран с бумажными деньгами, идет речь. Если вопрос сводится к размену, то в С.-А. С. Ш. мы имеем свободный размен на золото, в других странах либо размен на золотые слитки, либо на девизы.

Повсюду, где эмиссия носит банковский характер и где есть прямой или косвенный размен, банкнота в основном сохранила свои черты.

То же обстоятельство, которое отмечает И. Трахтенберг (стр. 230—231), что в основу выпуска банкноты кладутся не товарные краткосрочные векселя, а как „например, в С.-А. С. Ш. возможен выпуск банкнот под обеспечение облигаций госзаймов", то это не является сколько-нибудь новым явлением. Отсюда еще трудно сделать вывод о возможности банкнотной инфляции. Для эпохи свободного капитализма мы во всяком случае такую возможность отрицаем. Вопрос же о периоде монополистического капитализма требует специального конкретного исследования, которое И. Трахтенберг не дает. Проблема инфляции депозитов совершенно не ясна. „Инфляция депозитов будет в том случае, если размер депозитов окажется большим чем необходимо для системы без наличных расчетов и если окажется необходимым депозиты погашать наличными деньгами" (стр. 235).

Непонятно следующее, если есть возможность погасить излишне выпущенные „депозиты" наличными, то почему здесь будет инфляция, почему в этом случае обязательно падение покупательной силы кредитных орудий обращения, а не просто возвращение в банк излишне выпущенных „депозитов"?

Советский кредит

Тов. Трахтенберг в общем правильно выясняет основные характерные черты советского кредита, отличающие его от кредита

капиталистического. Но, пользуясь методом аналогии, он все же делает некоторые важные упущения. Советский банк не только выполняет ряд функций, аналогичных капиталистическому банку (при ином их социальном содержании), однако, также получает некоторые дополнительные важные функции. Мы говорим, прежде всего, о банке, как об орудии планирования и организации производства. „Командование" капиталистических банков промышленностью ничего похожего не имеет на эту функцию банка. Наш банк не определяет ни производственных программ, ни характера деятельности, ни организационной структуры промышленности. Это дело органов плановых. Банк через разветвленную сеть своих отделений, через постоянный контакт с хозорганами имеет возможность быть постоянно в курсе текущего состояния дел промышленности и торговли. Имея известную свободу в распределении кредитов и пользуясь этим правом, банк заставляет точно информировать себя о положении дел на предприятии и заставляет клиентов выполнять директивы плановых органов. Так, банки сыграли большую роль в первый период нэпа в смысле налаживания учета и отчетности в госпредприятиях. Дальше, напр., во время кампании за снижение цен. Здесь мы имели прекрасную иллюстрацию того как все основные принципы работы капиталистического банка в нашем банке стоят на голове: не наиболее рентабельные предприятия вообще пользовались благосклонностью банка, а наоборот, лишь получавшие установленную минимальную норму прибыли.

Сейчас банк проделывает большую работу по воздействию на промышленность с целью усиления рационализаторской деятельности предприятий.

Приведем характерные указания на этот счет правления Госбанка... „Правление требует от управляющих (отделениями Госбанка) принятия решительных мер по мобилизации внутренних ресурсов клиентов Госбанка. В этих целях надлежит: 1) требовать от клиентов полной расшифровки счетов „материальных ценностей", выявляя размеры неликвидных ценностей, соответствие имеющихся у них материалов, сырья и топлива производственным возможностям данного предприятия и запасов готовых товаров нуждам товарооборота... требовать расшифровки статьи „разных дебиторов", требовать сообщения условий расчета с контрагентами... В результате установления излишних материальных запасов у клиентов необходимо категорически настаивать на реализации их... Надлежит категорическим требовать от клиентуры доведения до минимума загрузки средств в разных переходящих статьях.

Необходимо проявлять максимальную гибкость в маневрировании лимитами кредитования клиентов, ставя размеры предоставляемых кредитов в зависимость от проведения в жизнь указанных мероприятий... Управляющие должны помнить, что проводя эту работу, они охраняют не какие-либо ведомственные или чисто бан-

ковские интересы, а содействуют созданию условий, необходимых для проведения и полного стопроцентного осуществления намеченного плана развертывания нашего хозяйства вообще и плана развертывания нашей промышленности в особенности" (из „Бюллетеня Госбанка", № 9 за 1928 г.).

Таким образом, банки играют особую роль в системе органов планирования. Они как бы на ряду с системой прямого администрирования и воздействия представляют собой мы бы сказали, систему „косвенного планирования". Она так же не похожа на пресловутый „банковский контроль", как не похожа деятельность ВСНХ на деятельность крупнейших промышленных об'единений в капиталистических странах.

Если, как мы говорили, довольно правильна общая характеристика советского кредита у И. Трахтенберга, то в смысле тенденции его развития, нам кажется, И. Трахтенбергу не удалось найти действительных путей „перерождения" нашего кредита.

Прежде всего, о роли процента. „Нам сдается, что до сих пор деятельность наших банков шла по линии наименьшего сопротивления, главнейших и наиболее существенных своих функций советский банк не только еще не выполнил, но еще и не развернул. При использовании же банками всех своих функций процент будет играть очень большую роль" (стр. 293).

Очевидно, речь идет о роли кредитной системы в реорганизации простого товарного хозяйства, в его кооперировании и коллективизации. Действительно, здесь его роль должна быть огромной.

Можем ли мы, однако, сказать, что здесь в этой большой организационной работе, предстоящей нашей кредитной системе, маневрирование процентом будет играть большую роль? Нам кажется, что это не так. Процент в активных операциях вообще, очевидно, большой маневренной роли сыграть не может. Речь может итти о пассивных операциях, о привлечении средств. Для нас совершенно очевидно, что не на деньги деревенских ростовщиков мы здесь можем делать ставку, а на ту огромную крестьянскую массу, для которой копилкой служит „чулок". Замена чулка сберкассой или обществом с.-х. кредита, — это вопрос не размера процента, это вопрос роста культурности, сознательности крестьянства и его организованности.

Процент, — это пока необходимые, но непроизводительные издержки по мере роста культурности населения и рационализации нашей кредитной системы должен будет снижаться.

Почему нельзя думать, что скоро в порядок дня не будет уже несвоевременно поставить вопрос о беспроцентных (и безвыигрышных) займах государству со стороны широких слоев прежде всего пролетарского населения?

Тенденция к снижению процента неизбежно будет осуществляться как выражение роста социалистической организованности

всего хозяйства, а вместе с тем совершенно неизбежно уменьшение его значения. Но этот вопрос связан еще с другим более общим вопросом о „перерождении" наших банков в течение переходного периода.

Нам кажется, что и здесь И. Трахтенберг не нащупал верного пути. Он пишет: „В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются" (стр. 279).

Вот это неверное положение вытекает, как нам кажется, из недооценки роли бюджета и системы прямого планового финансирования, ее конкуренции с кредитом и постепенного его вытеснения.

В самом деле, что такое система прямого финансирования (бюджет) и чем она отличается от кредитной системы? Система финансирования опирается на плановое из'ятие в денежной форме в центральную государственную кассу части национального дохода с целью планового его перераспределения. В кредитной системе планирование начинается с планового перераспределения средств, но высвобождение их вначале идет стихийно. Но и здесь очень быстро начинается вытеснение стихийного рациональным.

Ведь наши кредитные планы являются результатом и отражением других планов, планов производства.

В этом основная, принципиальная разница между нашими кредитными планами и всякого рода капиталистическим кредитным планированием.

Из этого же вытекает существенное различие в функционировании нашего и капиталистического кредита. Оно заключается в том, что на ряду с процессами стихийного высвобождения капиталов у нас все большую роль начинают играть процессы планового их высвобождения.

Кредитный план является планом не только в своей активной части, но и пассивной.

План пассива все больше строится не на основе одних только предположений самой кредитной системы, а все больше опирается на производственные финансовые планы.

„Прямое" планирование, устанавливающее определенный рост производства, определенные размеры затрат на капитальное строительство, определенный способ и размеры расходования накопленных прибылей, — вместе с этим устанавливает, следовательно, и размеры и сроки высвобождения капитала.

Само высвобождение из стихийного превращается в плановое.

Вначале эти процессы планового высвобождения охватывают, главным образом, крупную промышленность, а потом (по мере успехов прямого планирования) постепенно распространяются на все отрасли народного хозяйства.

Так, постепенно уничтожается противоречие между стихийным высвобождением денежных капиталов и плановым их распределе-

нием, противоречие, которое в известной мере появляется при капитализме, но не только не может быть там разрешено, но не может даже в достаточной степени развиться.

Вместе с разрешением этого противоречия изменяются и функция и характер кредитной системы. Она просто превращается в систему „прямого финансирования".

Мы не видим никакой принципиальной разницы между плановым изъятием средств путем бюджета и „высвобождением" средств в кредитную систему путем намечения твердой финансовой и производственной программы предприятий.

Таким образом, кредитная система еще задолго до уничтожения денежного хозяйства вообще трансформируется в „систему прямого финансирования", постепенно „сращивается" с бюджетом в систему „единого финансирования".

Этот процесс в сильной степени форсируется и с другой стороны — со стороны бюджета. Поскольку наш бюджет служит не только цели финансирования „непроизводительного" потребления государственного аппарата, но, главным образом, перераспределения накопления различных отраслей хозяйства (и внутри отдельных отраслей промышленности), постольку он становится главным источником средств системы долгосрочного кредита. А огромные размеры бюджета, связанные с его народнохозяйственными функциями, делают его весьма солидным источником и для системы краткосрочного кредита. Таким образом, с двух сторон — со стороны и бюджета и кредита—быстрыми шагами идет создание „системы единого планового финансирования". Вот почему нам кажутся неверными такие положения, как „кредит дополняет бюджет", „кредит не является методом, конкурирующим с бюджетом" (стр. 305).

Мы полагаем, что в нашей действительности с совершенной ясностью уже определились те черты особого рода конкуренции „бюджетных методов" с кредитными, о которых мы говорили выше. А это явление не меняющейся практики сегодняшнего дня, а более длительного и принципиального значения.

И. Г. Туровский

Товарный дефицит и пути его преодоления

1. Товароснабжение как элемент народнохозяйственного плана

Проблема эффективности контрольных цифр, являющихся прообразом народнохозяйственного плана, становится одной из центральных проблем руководства хозяйством страны.

Мы не предполагаем в настоящей статье анализировать в целом интереснейшую проблему „роли плана", хотя надо сказать, что недостаточность проработки этого вопроса (как это ни парадоксально для планового хозяйства) приводит к тому, что мы в значительной мере недооцениваем значения плана (несмотря на переоценку его на отдельных участках) и не приводим, вследствие этого, в действие всей мощной системы рычагов, на которые может и должен опираться народнохозяйственный план.

Мы остановимся лишь на характеристике одного из элементов народнохозяйственного плана — плана товароснабжения.

К моменту построения контрольных цифр производство с.-х. продукции, поступающей в обращение в планируемом году, уже закончено. Правда, не всегда еще к началу проектировки контрольных цифр известны или не всегда правильно оцениваются результаты с.-х. производства, но от этого валовая продукция сельского хозяйства не увеличивается, не уменьшается. Если считать, что для качества хозяйственного равновесия основным является соотношение между промышленным и сельскохозяйственным производством,[1] то нужно признать, что один из основных факторов, определяющих качество хозяйственного равновесия к о н т р о л ь н о г о г о д а является, в подавляющей своей части, заранее данным. В этой части искусство контрольных цифр заключается уже не столько в проектировке, сколько в правильной оценке этого фактора. Таким образом, не только по причинам социально-экономическим, но и по условиям своеобразной цикличности с.-х. производства и промышленного производства, — проектировка последнего является наиболее активным элементом плана, решающим судьбу хозяйственного замысла.

Вся сумма мероприятий, направленная к регулированию с.-х. производства и проводимая в контрольном году, может дать эффект

[1] При заданной политике цен и уровне себестоимости, а следовательно, в значительной мере и политике распределения народного дохода.

в основном лишь для производства следующего за контрольным года.

Мероприятия по развертыванию промышленного производства, правда, в значительной мере обусловленные политикой и качеством капитальных вложений предыдущих лет, могут и должны дать искомый эффект на протяжении контрольного года.

Мы полагаем, что только в перспективном (на пять лет вперед) плане возможен надлежащий размах проектировок, базирующийся на той или иной концепции народнохозяйственного развития. Годовой отрезок позволяет лишь поставить новые вехи, определяющие производство будущих лет, подвести итоги всем лимитам, обусловленным качеством и темпом работы предыдущих лет и наметить только систему маневров в пределах имеющихся лимитов, балансирующих то или иное равновесие текущего года (вернее $^3/_4$ года при нынешней системе построения контрольных цифр).

Термин „маневры" у нас в большей мере связан с мероприятиями в сфере обращения, сфере более динамичной, чем производственной. Тем не менее, определяющим для маневров в сфере обращения является эффективность мероприятий в области производства.

Так как эффективность маневров в области с.-х. производства для контрольного года неизбежно мала, то тем активнее, изобретательней и ярче должны быть проектировки промышленного производства.

Вот почему снабжение промышленными товарами, зависящее в первую очередь от качества проектировок (и выполнения их, конечно) промышленного производства, является наиболее активным орудием в борьбе за выполнение народнохозяйственного замысла и, в частности, в борьбе за повышение, если не валовой продукции то товарности сельского хозяйства. До последнего времени проблему товароснабжения рассматривали как проблему снабжения промышленными товарами населения, в первую очередь, крестьянства, так как от уровня и качества насыщения деревни промтоварами зависит интенсивность товарообмена, а следовательно, связей и взаимозависимости между городом и деревней.

Усиливающийся дефицит промтоваров внутри обобществленного сектора выявил недостаточность изолированного анализа вопроса о снабжении населения. Рассмотрение вопроса о распределении промпродукции в народном хозяйстве между отдельными секторами, о качестве использования этой продукции, о взаимозависимости между качеством потребления в одном секторе и размерами снабжения другого сектора,— позволяет решать проблему товароснабжения в условиях товарного дефицита гораздо более глубоко и радикально, чем это делалось до настоящего времени.

Ниже мы рассматриваем проблему снабжения (а для прошлых лет динамику потребления, в связи с динамикой товарных запасов) организованного и широкого рынка.[1]

2. Снабжение широкого рынка

По данным контрольных цифр на 1928/29 г. доходы всего населения растут в 1928/29 г. несколько интенсивнее, чем в 1927/28 г.— 8,5% вместо прироста 1927/28 г. в 7,5%. Об'ясняется это не только намеченным повышением ставок зарплаты и увеличением товарной продукции сельского хозяйства, но и дальнейшим расширением капитального строительства, а также повышением цен на с.-х. продукцию (хлеб, лен).

Темп прироста доходов деревни (+9%) снова, как и в 1927/28 г., обгонит прирост доходов городского населения (+8%).

Еще интенсивней возрастает спрос села на промпродукцию. В то время как повышение спроса городского населения на промпродукцию запроектировано на 3,5% (вследствие роста расходов на сельскохозяйственные продукты и на сбережения по займу) повышение спроса сельского населения определяется в 9%. Весь прирост спроса городского и сельского населения запроектирован в размере 6,5%.

Мы полагаем, что приведенные контрольные цифры прироста, спроса, особенно для села, являются минимальным пределом. В них, несомненно, недоучтено: а) влияние роста доходов сельского населения вследствие увеличения местного хлебного оборота в неурожайных районах по ценам, значительно превышающим плановые, б) снижение уровня цен на промтовары в городе, вследствие дальнейшего сокращения частной торговли. Указанному приросту спроса (в котором учтены все намеченные мероприятия по регулированию спроса) противостоит рост предложения промышленных товаров на широкий рынок в пределах от 5—5,5%.

Если учесть, что названные темпы прироста даны по сравнению с 1927/28 г., годом недостатка промышленных товаров и крайне

---

[1] Экономически более правильным было бы деление потребления на личное и коллективное, при чем каждое из них, в свою очередь, подразделить на потребление производственное и чисто-потребительское.

Столь диференцированный подход сильно осложнил бы наш анализ без особой пользы для тех целей, какие мы ставим себе в нашей статье.

Под организованным рынком мы подразумеваем приобретения промышленности, транспорта, бюджетных учреждений, коммунального хозяйства и коллективного строительства.

Организованный рынок приобретает продукцию в подавляющей части для нужд производственных. Исключение представляет приобретение части бюджетных учреждений—НКПроса и НКЗдрава. Под широким рынком мы подразумеваем приобретение товаров для личных потребностей населения и приобретение средств производства коллективными и индивидуальными крестьянскими хозяйствами. В дальнейшем мы подразделяем промпродукцию, приобретаемую деревней, на средства потребления и средства производства.

незначительных маневровых резервов, то станет ясным, что эти проектировки говорят об усилении товарного дефицита.

Обращает на себя внимание разрыв между показаниями ВСНХ о росте промышленной продукции по планируемой ВСНХ промышленности (по группе *Б* товаров, идущих преимущественно на широкий рынок, на 18,6%) и приведенными выше данными (на 5—5,5%).

Приводимая ниже таблица с достаточной полнотой вскрывает основные причины столь незначительного роста предложения промпродукции на широкий рынок.

Динамика потребления[1] промпродукции различными секторами народного хозяйства

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	(В %% к предыдущему году)		
Предложение продукции цензовой и мелкой промышленности	115,3	115,4	114,4
В том числе предложение мелкой промышленности (за вычетом промсырья, топлива и вспомогат. матер.)	106,8	96,6	108,0
Экспорт	120,2	124,2	144,1
Приобрет. организ. рынка (в ценах потреб.)	118,7	121,0	122,0
Продукция в розничных ценах, остающаяся на широкий рынок (индивидуальн. потребл.)	110,6	105,6	104,8

Эта огромная разница в темпах об'ясняется не только методологическими особенностями подсчета промпродукции (напр., дублированный счет в текстильной, кожевенной, металлической продукции и т. д.), но и а) значительным ростом потребления промпродукции организованным сектором хозяйства, в первую очередь, самой промышленностью, б) интенсивным расширением экспорта промпродукции, в частности, личного потребления, в) наконец, гораздо более медленным темпом роста мелкой кустарной промышленности, в ряде отраслей, даже быстро свертывающихся (маслобойная, кожевенная).

Недостаточность предложения промпродукции осложняется указанным выше характером спроса. Более интенсивно растет сельский спрос. Специфические условия сельскохозяйственного производства 1928/29 г., ставящие особо настойчиво задачу максимальной товаризации продукции сельского хозяйства, требуют возможно более полного насыщения спроса деревни. Чем полнее удастся обеспечить надлежащее товароснабжение деревни, тем больше шансов осуществить нормальное продовольственное снабжение страны, тем полнее удастся нагрузить промышленность, тем легче будет выполнить экспортные задачи. Однако, при недостатке товаров увеличение товарного снабжения деревни может быть произведено, во-первых, за счет города, а во-вторых, путем непосредственного

[1] Приобретения.

завоза товаров в сельскую распределительную сеть. Это означает удлинение пути товаропродвижения, почти неизбежность роста технически-необходимых запасов, а следовательно, и уменьшение товарного фонда к предложению.

Увеличение роли деревни в товароснабжении означает также усиление сезонных напряжений, разрывов.

По данным Наркомторга покупательный фонд деревни (в сопоставлении с покупательным фондом города и реализацией продукции на широкий рынок) за последние 3 года распределялся по кварталам следующим образом (в %% к итогу за год).

Около 1/3 всего покупательного фонда деревни реализуется в I квартале, в то время как производство промпродукции дает в I квартале немногим более одной четверти. Нужно учесть, что между моментом выхода продукции из производства и реализацией ее потребителем имеется в среднем разрыв не менее, чем в 1 1/2—2 месяца. Таким образом, в I квартале потребитель получал около половины продукции IV квартала (а производство IV квартала давало

	1925/26 г.					1926/27 г.					1927/28 г.				
	I	II	III	IV	за год	I	II	III	IV	за год	I	II	III	IV	за год
Покуп. фонд деревни на промтовары . . .	33	21,3	21,2	24,5	100	29,6	20,8	23,2	26,4	100	31,4	21,6	22,2	24,8	100
Покуп. фонд города на промтовары . . .	25,3	22,8	25,4	26,5	—	25,1	23,0	25,7	26,2	100	25,9	22,8	25,0	26,3	100
Общий покуп. фонд города и деревни . . .	29,3	22,0	23,2	25,5	100	27,4	21,9	24,4	26,3	100	28,6	22,2	23,6	25,6	100
Реализ. промпродукции на широк. рынок	25,0	26,5	24,4	24,1	100	27,0	25,5	24,7	22,8	100	26,7	26,1	23,9	23,3	100

всегда менее одной четверти годового производства), и нужно думать, что в I квартале к потребителю поступает едва ли четверть всей производимой за год продукции. Это обстоятельство потребует решительных маневров не только в сфере производства, но, главным образом, в области распределения промышленных товаров между городом и деревней, а возможно и между организованным и широким рынком.

Перечисленные факторы осложняются еще тем, что торговая сеть обобществленного сектора в городе, значительно выросшая за последние годы и охватившая значительную часть покупательных фондов города на промтовары, еще относительно слабо об-

служивает продовольственные нужды городского населения (в ассортименте Горпо сельскохозяйственные товары составляют 34%, в то время как в бюджете рабочих расходы на сельскохозяйственные товары составляют половину всех расходов). Если не удастся в текущем году переключить работу городской рабочей кооперации в большей мере на обслуживание потребностей городского населения в сельскохозяйственных товарах, мы на ряду с возможной дезорганизацией продовольственного снабжения будем испытывать нездоровое сосредоточение напряженного спроса городской кооперации на промтовары. Это обстоятельство будет препятствовать своевременному переключению промышленных товаров в сельскую кооперацию.

Более диференцированное рассмотрение состава предложения по важнейшим товарным группам показывает, что изменения в структуре предложения, с одной стороны, облегчают задачу усиленного товароснабжения деревни, с другой стороны, обостряют проблему продовольственного снабжения страны и относительно (с учетом роста покупательного фонда) усиливают дефицитность в одежно-обувной группе товаров.

Динамика структуры предложения на широкий рынок

(По 17 важнейшим товарам в млн. руб., по розничным ценам)

Товары, товарные группы	1927/28 г. Абс.	1927/28 г. В %% к итогу	1928/29 г. Абс.	1928/29 г. В %% к пред. году	1928/29 г. В %% к итогу
Все предложение промпродукции на шир. рынок	7.385	100	7.770	105,2	100
Одежно-обувная группа	2.605,2	35,4	2.732,6	104,8	35,1
Хлопч.-бум. ткани	1.369,7	—	1.427,0	104,7	—
Шерстяные ткани	391,7	—	400,7	102,3	—
Обувь	728,3	—	771,9	106,0	—
Калоши	115,5	—	133,0	115,2	—
Пищевая группа	1.180,6	16,1	1.157,6	98,0	14,9
Сахар	755,4	—	780,9	103,4	—
Соль	73,6	—	79,5	107,9	—
Подсолнечн. масло	224,4	—	178,9	79,7	—
Чай	127,2	—	118,3	92,9	—
Наркотики	1.293,6	17,4	1.443,4	111,5	18,6
Табак	298,6	—	331,7	111,1	—
Махорка	110,5	—	112,6	101,9	—
Хлебное вино	884,5	—	999,1	113,0	—
Средства производства в сел.-хоз. и товары хоз. обихода	478,8	6,5	560,4	117,2	7,3
Пиломатериалы	87,0	—	102,0	117,3	—
Оконное стекло	22,8	—	24,6	107,9	—
Кровельное железо	30,1	—	34,1	113,3	—
Сортовое „	30,0	—	37,9	126,3	—
Сел.-хоз. машины	175,3	—	217,6	124,1	—
Керосин	133,6	—	144,2	107,9	—
Итого по 17 товарам	5.558,2	75,4	5.894,0	105,9	75,9

Приведенная таблица, характеризующая изменения в структуре предложения промпродукции в 1928/29 г. на широкий рынок (по 17 товарам, составляющим $^3/_4$ всего приобретения промтоваров индивидуальным потребителем) показывает, что группа пищевых товаров дает снижение на 2% по сравнению с 1927/28 г., при чем наибольшее снижение обнаруживают наиболее дефицитные товары (подсолнечное масло, чай).

Слабый рост дает группа дефицитных одежно-обувных товаров — 4,8%.

Значительный рост показывает группа наркотиков: +11,5% благодаря увеличивающемуся выпуску хлебного вина и в, частности, дорогих сортов его (+13%) и папирос (+11,1%). Последние показатели весьма благоприятные для балансирования спроса и предложения, являются все же наименее желательными.

Социально-экономические результаты потребления хлебного вина в 1927/28 г. (хотя еще сильно отстающего от норм „довоенного уровня“) оказались столь отрицательными и злокачественными, что дальнейшее уравновешивание баланса спроса и предложения путем увеличения, по сравнению с намеченным, выпуска хлебного вина может обусловить возникновение иных более глубоких диспропорций на культурном и хозяйственном участках.

Зато весьма отрадным фактором является проектировка крупного роста предложения средств производства в сельском хозяйстве и товаров хозяйственного обихода. Приведенные показатели роста (+17,2%) этой группы товаров, стимулирующих рост производительных сил в наиболее отставшем участке народного хозяйства и, вместе с тем, усиливающих тенденции к денежному накоплению в крестьянском хозяйстве преуменьшены, так как в этой группе не учтены минеральные удобрения и тракторы, показывающие наибольшие темпы прироста.

Тем не менее, самая масса средств производства, предлагаемых крестьянскому хозяйству, является все же крайне недостаточной по сравнению с тем огромным спросом, какой пред'явлен крестьянским хозяйством.

Мы не будем останавливаться на более детальном анализе отдельных рынков; этот анализ, а равно и проектировка совершенно необходимых, но все же частных мероприятий более или менее подробно будут даны в контрольных цифрах, которые появятся в ближайшее время.

Мы остановимся лишь на основных и общих проблемах, возникающих при проектировке контрольных цифр товароснабжения на 1928/29 г. Пока для удобства анализа мы рассматриваем товароснабжение городского и сельского населения изолированно от вопросов распределения и использования промышленной продукции в народном хозяйстве.

Попытаемся в этом разрезе дать оценку двум основным вопросам снабжения широкого рынка — вопросу о структуре предложения и о размерах дефицита промпродукции.

В нашей статье,[1] посвященной анализу значения государственной промышленности, как фактора „преобразующего экономику деревни", „как ведущего начала народнохозяйственного развития", мы указывали, что основным препятствием на пути к „плановому руководству" сельским хозяйством является несоответствие структуры предложения нашим основным народнохозяйственным задачам, в первую очередь, задаче максимального под'ема с.-х. производства через индустрию.

В самом деле, по данным крестьянских бюджетов потребление хозяйственных промтоваров в 1924/25 и 1925/26 гг. составляло менее 20% всей промпродукции, потребляемой сельским населением. В 1927/28 г. удельный вес хозяйственных товаров должен был несколько снизиться (при абсолютном возрастании) вследствие более интенсивного роста продукции личного потребления. В 1928/29 г. вес хозяйственных товаров должен будет возрасти процента на 2—3, и таким образом составит менее одной четверти (20—22%) всего сельского потребления промышленной продукции.

В то же время по данным Берлинского кон'юнктурного института (I вып. за 1928 г.) потребление промтоваров хозяйственного назначения немецкой деревней составляло около половины (45%) всего потребления промпродукции. Как видим, качественно совершенно иная структура потребления и качественно столь же отличное от состояния нашего сельского хозяйства, иная зависимость сельского хозяйства от „ведущего начала" — крупной индустрии.

Мы, правда, не можем еще пожаловаться на то, что это „несоответствие" структуры предложения привело к каким-либо заминкам в сбыте промтоваров. Значительное превышение покупательных фондов над предложением обеспечивает сбыт почти любому, производимому в СССР, промышленному товару. Однако, самый спрос постепенно трансформируется и получает потребительский уклон вместо необходимого производственного.

В условиях советского хозяйства возможности целеустремленного регулирования потребления значительно шире, чем в капиталистическом хозяйстве. А между тем, мы видим, что структура нашего предложения не соответствует интересам сельского хозяйства и противоречит народнохозяйственным целям. И не только целям, но и возможностям. Мы произвели следующую группировку продукции планируемой ВСНХ промышленности, идущей на широкий рынок в 1926/27 г.

[1] „Задачи государственной промышленности на рынке", напечатанной в журн. „Вопросы торговли" № 11 за 1928 г.

Товары, вырабатываемые из промсырья (по преимуществу предметы хозяйственного потребления) составляют 12,4% всего предложения, в том числе металл и изделия металлические лишь 5,5%, а вся химическая группа — 0,7%. Товары, вырабатываемые из сел.-хоз. сырья — 84,9% (по преимуществу предметы личного потребления), в том числе из сырья внутреннего происхождения — 61%, из импортного около 24%. Продукция, вырабатываемая из лесного сырья и поступающая на широкий рынок (деревообрабатывающая и бумажная), составляет всего 1,5%. Итак, продукция, производство которой не лимитировано сырьем, а также могло быть не лимитировано и состоянием основных капиталов (при более решительных капитальных вложениях, например, в металлургию, и значительном сужении капитальных затрат в текстильной и кожевенной промышленности, до сих пор не загруженных из-за недостатка сырья), имеет более, чем скромное значение в товароснабжении широкого рынка и, наоборот, у нас оказались наиболее развитыми отрасли, работающие на дефицитном внутреннем и импортном сырье, притом отрасли, не обеспечивающие надлежащего воздействия промышленности на организацию и направление производительных сил сельского хозяйства. Естественно, что указанное положение весьма осложняет проблему товароснабжения, особенно в условиях выпадения хлебного экспорта (отсюда сжатие импорта) и колебаниях урожая сел.-хоз. сырья. 1928/29 г. не дал еще сколько-нибудь существенных сдвигов в структуре предложения, но в достаточной мере отразил неизбежные перебои в товароснабжении страны, обусловленные в значительной мере потребительским уклоном предложения на широкий рынок, базировавшимся на дефицитном внутреннем и импортном сырье. Мы определяем спрос сельского хозяйства на промышленную продукцию, примерно, в 3,5 мрд. руб. в отпускных ценах промышленности. Если считать, что, примерно, около трети всего сельского потребления промпродукции должны составить средства производства (что будет средним между нынешней нашей и германской нормой), то спрос на предметы хозяйственного потребления со стороны села должен составить примерно 1.000—1.100 млн. руб. А мы направляем в село эти товары на 650—700 млн. руб. Можно смело утверждать, что если бы мы располагали дополнительным фондом средств производства (в том числе и товаров личного потребления длительной амортизации, например, мебель, музыкальные имструменты и т. п.) в размере 350—400 млн. руб., то нам удалось бы ликвидировать товарный дефицит в деревне, заметно повысить производительность и товарность сельского хозяйства, а кроме того, уменьшить на 100—150 млн. руб. фонд товаров личного потребления, направляемых на село, и усилить товарные фонды города. В цитированной выше нашей статье, написанной до июльского пленума ЦК, мы считаем, что доказали следующий тезис: „Действительное насыщение деревни средствами производства и товарами личного потребления длитель-

ной амортизации переключит часть спроса крестьянства с текстиля на металл, с товаров личного потребления (зачастую являющихся предметом накопления) на товары хозяйственного потребления".

Почти в идентичных выражениях формулирует тов. Яковлев ту же мысль в своем выступлении перед ноябрьским пленумом ЦК.[1] „Очевидно надо раз и навсегда покончить с той точкой зрения, которая сводит проблему товара для деревни к проблеме мануфактуры.[2] Металл, химия в неменьшей мере, а в настоящей обстановке в большей мере решают проблему соотношения спроса и предложения в деревне, чем мануфактура".

Огромное значение может оказать изменение структуры предложения на процессы денежного накопления в деревне, а следовательно, и на интенсивность спроса. Чем обеспеченней будет село товарами хозяйственного потребления, тем больше реальных стимулов получит хозяйственная экспансия крестьянства, тем выше будут затраты в основной капитал сельского хозяйства, а для этого необходимы денежные накопления более долгосрочного характера, чем те, какие мы имеем в настоящее время.

В тесной связи с вопросом о структуре предложения стоит вопрос о размерах дефицита. Более или менее правильное уловление истинных размеров дефицита могло бы представить весьма значительный практический интерес, в частности, для проектировки мероприятий. Однако, уровень наших знаний и состояние статистических материалов не гарантируют нас от ошибки порядка 50—100% самой суммы дефицита.

Тем не менее, для ориентировки весьма условной мы эту цифру называем. Мы полагаем, что добавочное предложение на широкий рынок промышленной продукции на 350—400 млн. руб. по отпускным ценам промышленности, если бы и не ликвидировало товарного голода, то во всяком случае настолько ослабило бы напряжение на рынке, что создало бы качественно новые рыночные отношения. Откуда взять эту продукцию?

Двумя более или менее рациональными путями можно достигнуть увеличения предложения на широкий рынок: а) путем добавочного увеличения производства за счет внутренних ресурсов и б) путем экономии в потреблении промпродукции обобществленным сектором хозяйства без ущерба для масштаба намеченного производства, за счет рационализации потребления и оборота этой продукции.

Реальны ли эти источники пополнения товарных фондов и какова их емкость?

Первый источник — расширение производства. По этому вопросу имеется, основанное на фактическом материале обследований со-

[1] См. „Правда", № 252 от 28/X 1928 г.

[2] Подчеркнуто тов. Яковлевым.

стояния производства, выступление тов. Яковлева. В статье, уже однажды нами цитированной, он пишет: „Буквально повседневная работа РКИ показывает нам, что даже имеющееся оборудование мы используем еще в мере далеко не достаточной, что здесь не исключены возможности изыскать 150—200 млн. руб. добавочной продукции,[1] которые будут направлены на деревенский рынок, тем самым смогут оказать могущественнейшее воздействие на деревню".

По проекту ВСНХ,[2] возникшему после балансовых расчетов, сделанных к контрольным цифрам, предположено дополнительно расширить производство на 250 млн. руб., в том числе увеличить выплавку чугуна на 270 тыс. тонн, прокат — на 1,3%, общее машиностроение — на 4%, с.-х. машины — на 21 млн. руб., стройматериалы — на 5,3% (в частности, по цементу — на 500 тыс. бочек, по кирпичу 120 млн. штук, по алебастру —7 тыс. тонн, по извести —50 тыс. тонн, по черепице —30 млн. штук вместо 18 млн.), по кожевенной промышленности +9%, по бумажной промышленности +2,7%, по спичечной — 400 тыс. ящиков.

Что дает проектируемое расширение производства для широкого рынка?

По нашим расчетам реально не так уж много, как это может показаться с первого взгляда. Примерно на 130 млн. руб. предполагается увеличить продукцию, идущую на широкий рынок, не считая уменьшения сахара и растительного масла на сумму до 60 млн. руб. по сравнению с проектировками контрольных цифр ВСНХ. Таким образом, предложение продукции планируемой промышленности на широкий рынок увеличится лишь на 70 млн. руб., но и здесь следует учесть, что этот эффект достигается путем увеличения переработки внутри планируемой промышленности дефицитных товаров (кожтоваров, в обувном производстве, сахара, в кондитерской промышленности и т. д.) и соответственного уменьшения кустарного производства.

Мы думаем, что реальное увеличение предложения на широкий рынок, при самой оптимистической оценке проекта ВСНХ, даст не более 50 млн. руб.

Кроме указанного дополнительного товарного фонда можно рассчитывать на добавочное расширение производства местного значения, в том числе и мелко-кустарного. В условиях огромной концентрации средств и кредитов, с одной стороны, в синдикатах и трестах, а с другой стороны — в обобществленном секторе торговли (в основном обслуживающем планируемую промышленность через централизованную систему гендоговоров), необходимые темпы

[1] Подчеркнуто тов. Яковлевым.

[2] См. речь тов. Куйбышева на пленуме ВСНХ, напечатанную в № 276 „Торг.-Пром. газеты" за 1928 г.

развития кустарного и местного производства на местном и недефицитном сырье могут быть обеспечены лишь при финансировании этого производства или даче длительного заказа обобществленным сектором торговли. Весьма показательным в этом отношении является почти кустарное производство стройматериалов.

До настоящего времени это производство, не требующее сколько-нибудь значительных капитальных вложений, развивалось слишком медленно, несмотря на острый дефецит стройматериалов вследствие (как это ни странно) ограниченности для кустаря рынков сбыта. Важнейшим потребителем (или товаропроводником) этих материалов является обобществленный сектор (производственный и распределительный), ограничивающий свои закупки у кустаря. Радиус действия кустаря весьма ограничен вследствие недостатка средств, и потому кустарь не может довести свою продукцию до потребителя. Так называемые дефициты по алебастру, извести и в значительной мере по кирпичу есть не столько об'ективно-неизбежные факторы, сколько показатели, характеризующие нашу организационную малоподвижность и известное тщедушие плановой мысли, которая в состоянии лишь зарегистрировать факт, на его основе „фактически" доказать неизбежность дефицита, но не пытается воздействовать на процессы производства в нужном направлении. Насколько нам известно, решительные мероприятия Стромсиндиката по контрактации извести, кажется уже ликвидировали балансовый дефицит этого материала.

Необходимо, чтобы регулирующие органы в центре и на местах, опираясь на столь мощные рычаги, как банки, синдикаты, потребкооперация, конкретно и настойчиво содействовали бы увеличению производства кустарной промышленной продукции. Организованный заказ кустарю ценен еще тем, что обобществленный сектор получает возможность воздействовать не только на размеры производства, но и на качество и ассортимент продукции, а также на распределение этой продукции между городом и деревней. Так, например, ассортимент кожобуви и ее распределение между городом и деревней имеет не меньшее значение для смягчения товарного дефицита, чем увеличение производства. А между тем, Наркомторг, планирующий снабжение промкооперации дефицитными кожтоварами, оставил вне своего плана и регулирования производство и распределение (а следовательно, и контроль за качеством и ассортиментом производства) кожобуви, производимой промкооперацией. И это при крайнем обострении дефицита на кожу и обувь именно в деревне, при крайней нехватке обуви крестьянского типа и при производственной программе промкооперации (без инвалидной, артелей безработных и т. д.) в 14 миллионов пар обуви.

При активизации инициативы и гибкости регулирующих и хозяйственных органов (в первую очередь, НКТорга, синдикатов и потребкооперации), а также при увеличении снабжения кустаря металлом можно рассчитывать на добавочное развертывание мелкого производства минимум на 75 млн. руб.

Хотя эти ресурсы и недостаточны, но все же немаловажны. Гораздо большие ресурсы можно извлечь при рационализации потребления в обобществленном секторе хозяйства. Но решение этой задачи еще более сложно, чем добавочное расширение производства. Решение этой задачи будет означать заметное повышение качества работы обобществленного сектора, будет знаменовать новый шаг на пути к социалистическому строительству, при котором проблема баланса спроса и предложения будет решаться попутно.

3. Оборот и потребление промпродукции в обобществленном секторе хозяйства

Мы недавно указывали[1] на то, что важнейший элемент наших планов и балансовых расчетов — товарные запасы — нам почти неизвестен. В то же время система нашего хозяйства не только благоприятствует, но и настойчиво требует возможно более полного и тщательного учета, знания наших запасов. То же повторяется и в области оборота и потребления промышленной продукции. Мы меньше знаем об организации оборота промпродукции и о нормах ее потребления в пределах наиболее планового участка нашего хозяйства — в обобществленном секторе, чем, скажем, об организации товаропроведения до крестьянского хозяйства и о нормах потребления сельского и городского населения.

Мы не располагаем даже к моменту составления четвертых по счету контрольных цифр элементарными знаниями о распределении валовой продукции промышленности в народном хозяйстве. Мы пользуемся суррогатами балансов производства и распределения лишь товарной продукции. При этом наименее проанализированным является внутрипромышленный оборот и его организация.

А между тем, роль обобществленного хозяйства в потреблении промышленной продукции весьма велика и интенсивно растет из года в год.

Как видно из таблицы, приведенной на стр. 254, потребление продукции обобществленным сектором хозяйства из года в год резко обгоняет личное потребление.

По нашим ориентировочным подсчетам (произведенным на основе данных общего баланса производства и реализации промпродукции[2]

---

[1] В нашей статье „Товарные запасы в торговле промтоварами", напечатанной в журнале „План. Хоз.", № 9 за 1928 г.

[2] См. „Контрольные цифры на 1928/29 г."

динамика удельного веса потребления организованным рынком представляется в следующем виде:

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
В %% ко всему потреблению промпродукции в народном хозяйстве	54	56	59	61,5

Таким образом, в 1928/29 г. потребление обобществленного сектора вместе с экспортом составит около $^2/_3$ всего промышленного производства, и лишь немногим более одной трети промышленной продукции идет для личного потребления или для производственных нужд сельского хозяйства.

Роль широкого рынка в потреблении продукции, могущей быть использованной, как средство производства (или для строительства) в сельском хозяйстве еще ниже. Так, потребление черных металлов широким рынком равно около 9%[1], в том числе сортового железа около 15%, кровельного железа 21%, листового железа 1,5%; потребление лесоматериалов (разрабатываемых промышленностью) составляет процентов 10 от товарной продукции и т. д.

Столь большое значение обобществленного сектора в потреблении промпродукции — особенно дефицитной продукции, имеющей чрезвычайное значение для поднятия производительности сельского хозяйства,— требует самого пристального внимания к вопросу о том, насколько рационально, насколько экономно используются эти материалы организованным потребителем. При решении таких вопросов обращение к статистическим средним показателям мало полезно.

Для надлежащего освещения вопроса мы предпочитаем апеллировать к свидетельским показаниям компетентных обследовательских организаций или отдельных специалистов. О чем они говорят?

Цветные металлы, пожалуй, более дефицитны для производства, чем шерстяные ткани для личного потребления. Эта продукция, по преимуществу, импортная и потому каждый год валютным ресурсам приходится испытывать особый нажим со стороны всегда весьма активных, но постоянно крайне неудовлетворенных потребителей цветного металла. Вот что пишет тов. Дук в большой статье „Что сделать для упорядочения цветных металлов?“[2] „По предложению зам. пред. ВСНХ СССР, тов. Межлаука, при Главцветмете создана специальная комиссия, коей поручено установить, насколько целесообразно используются в данный момент цветные металлы... что же удалось выяснить в процессе работы этой комиссии... Распыленными организациями (перерабатывающими цветной металл) выпускается на рынок многотысячный сортамент изделий от детских игрушек до предметов санитарии, обихода и домоустройства, при чем ряд предприятий применяет цветные металлы в таких изделиях, где эти металлы вовсе не требуются. Расчеты на сырье делаются в ряде случаев безответственно и преувеличенно... Примеров в нашей практике, характеризующих это явление достаточно, однако, изучение их и изживание в сущности еще не начато... Мы расходуем большое количество металла, сверх необходимого там, где лишний вес изготовляемых изделий вовсе не является ни практически полезным, ни технически необходимым и ведет лишь к увеличению дефицитности сырья. Даже на такое дело, как самоварное, у нас расходуется излишне до 500 тонн металла от общей потребности в 3.000 тонн“.

Отчет РКИ об обследовании строительства сплошь пестрит указаниями на преувеличенное расходование лесных, металлистических и прочих стройматериалов: „Слабое использование строителями низших сортов пиломатериалов увеличивает имеющийся дефицит на лесоматериалы и сильно удорожает строительство... Отсутствие у строителей своевременно составленных проектов влечет за собой подгонку размеров материалов к проектным величинам на месте постройки или на своих складах, что увеличивает количество отходов, уменьшает полезное использование материалов,[1] удорожая этим строительство“.

Тов. Ильин пишет[2] следующее о потреблении металла в строительстве: „Строительные организации прямо заявляют, что если бы им была гарантирована длина сортового железа в 8—12 метров вместо 5—6, то они смогли бы сейчас снизить свои заявки на 25%. Длина сортового железа почти вдвое меньше нормальной, вследствие этого железа идет примерно на 30% больше, чем могло бы пойти при нормальной их длине... Водопроводные, канализационные и отопительные трубы, приборы и части являют не лучшую картину, если не худшую... Невероятно, но факт, что промышленность до сего времени не удосужилось изучить потребности строительного рынка, хотя бы по заявкам строителей и, как нарочно, прокатывает неходовые сорта“. А ведь строительство потребляет до 600 тыс. тонн металла. Оказывается, что внутри промышленности дело использования металла обстоит не лучше, чем в строительстве. Инж. Перельман в статье „Поучительные факты“[3] пишет: „Можно было бы привести сотни примеров прямо-таки легкомысленного и пренебрежительного отношения к техническим средствам производства... Повышенные требования на те или иные средства производства не всегда отражают степень действительной нужды в них, т.-е. той нужды, которая имела бы место при правильном и умелом ведении хозяйства“. „В результате,— пишет

[1] Не считая, конечно, потребления металла в виде изделий — с.-х. машин, группы „метизов“, также дефицитных в сельском хозяйстве.

[2] См. „Торг.-Пром. газ.“, № 282 от 5/XII 1928 г.

[1] Подчеркнуто нами.

[2] „Торг.-Пром. газ.“, № 233 от 6/X 1928 г.

[3] „Торг.-Пром. газ.“ от 6/XII 1928 г.

тот же товарищ в другой статье „Дорогостоящие излишества“,[1] — излишние требования, являющиеся следствием неумелого обращения со средствами производства, оттесняют более серьезные, жизненно важные требования, удовлетворить которые металлопромышленность, до нельзя перегруженная, оказывается уже совершенно не в состоянии... Из довоенной практики мы знаем случай, когда директор машиностроительного завода умудрился в одном году дать при той же почти номенклатуре производства экономию на стоимости ее почти на 20% (подчеркнуто нами. И. Т.), благодаря проведению жестких принципов экономии металла не только в конструкциях, но и в эксплоатации“. Инж. Перельман заканчивает свою статью следующими словами: „Вопрос о режиме, разумной экономии при расходовании средств производства должен быть, наконец, поставлен во всю ширь“.

Мы потому так подробно цитировали эти характеристики использования дефицитной продукции обобществленным сектором, что они с необычайной ясностью и резкостью, притом достаточно компетентно, вскрывают глубокие и опасные болезни нашего хозяйственного организма.

Основными причинами, обусловливающими указанные дефекты, являются: 1) незнание нужд потребителя, вследствие плохой организации даже внутрипромышленного оборота, в связи с этим крайне замедленная работа по стандартизации; 2) расточительное отношение к материалам вследствие слабой организации производства, вследствие прямой бесхозяйственности. По свидетельству перечисленных лиц и организаций элементарная, а тем более творческая рационализация хозяйства обобществленного сектора даст немедленно крупные результаты в области изживания товарного дефицита, не говоря уже о снижении себестоимости, повышении накоплений в организованном секторе и т. д.

Не мало товаров застывает в виде излишних, мертвых запасов у одних государственных организаций при острой их нехватке у других. Кампания по мобилизации внутренних ресурсов промышленности обнаружила это с достаточной убедительностью. Обычные общие и средние суммы товарных запасов, без диференцированного указания на состав их, показывают незначительность этих запасов в отношении к продукции, особенно по сравнению с довоенным временем. Более конкретный анализ этих запасов прорывает этот обманчивый туман общих и средних показателей.

Тов. Орджоникидзе на с'езде профсоюзов сообщил следующее: „Зачастую на складах разных фабрик одного и того же треста (подчеркнуто нами. И.Т.) имеются значительные запасы отдельных материалов, в то время как другая фабрика нуждается в этих материалах. Например, в ноябре сего года по тресту Ивтекстиль был большой излишек маисового крахмала. В том же ноябре Иваново-Вознесенская мануфактура из-за отсутствия маисового крахмала работала с перебоями... Обеспеченность вспомогательными материалами достигает иногда 8 месяцев, а ремонтно-строительными — 15 месяцев. В Егорьевском об'единении запас машинных частей имеется на 15 месяцев, прочих материалов — на 6 месяцев; по Дедовской фабрике запасы машинных частей и оборудования — на 48 месяцев, а Семеновская мануфактура имеет по красителям запас на 10 месяцев, по машинным частям и оборудованию — 99 месяцев“.

[1] „Торг.-Пром. газ.“ от 22/XII 1928 г.

НК РКИ при обследовании рынка стройматериалов констатировал: „Распыленное обслуживание строительными материалами коммунальных хозяйств и отсутствие учета потребности коммунального строительства в стройматериалах“. „Незначительный удельный вес Стромсиндиката в 1927/28 г. вносит дезорганизацию в снабжении рынка (повторные заявки, страховки и т. д.), создает неравномерное распределение стройматериалов по отдельным районам (подчеркнуто нами)“. И далее РКИ констатирует „слабое синдицирование лесной промышленности, отсутствие единого оперативно-регулирующего центра по лесоматериалам, дезорганизацию лесного рынка, благодаря множеству продавцев. Донуголь, например, вынужден закупать лесоматериалы у 100 разных поставщиков; Югосталь — у 30; ВМС — у 32 и т. д.“. Интересно отметить, что в то время как синдицирование легкой индустрии в 1927/28 г. достигло 80%, в том числе по текстилю 85%, по коже 90%, по калошам 100%, по сахару 100%, по соли 100% и т. д., синдицирование по машинотехнической промышленности равнялось только 24%, по лесной — 21%, по строительной — 21%, по химической — 74% и только по нефти и черным металлам процент синдицирования достигает 100%.

Таким образом, мы видим, что плановая мысль и регулирующие мероприятия были сосредоточены, пожалуй, в большей мере над проблемами организации широкого рынка, чем над вопросами повышения качества работ обобществленного сектора. В целях возможно более радикального улучшения работы обобществленного хозяйства — этого основного и решающего оружия в борьбе за плановое хозяйство — необходимо поставить перед плановыми, регулирующими и хозяйственными органами следующие задачи, которые нужно решать быстро и развернутым фронтом.

1) Отбор (а там, где возможно в короткий срок, и установление) стандартов и типов: а) производимой промпродукции, б) строительства жилых помещений, техзданий и сооружений, в) железнодорожного строительства и т. д.

2) Нормализация расхода материалов (или отхода материалов) для изготовления отобранных стандартов и типов изготовляемой продукции строительства.

3) Установление количества, качества и ассортимента необходимых материалов.

4) Согласование потребности с производственными возможностями в целях преодоления обнаружившихся разрывов между производителем и потребителем в области ассортимента и качества поставляемых (и потребляемых) материалов, обусловливающих перерасход этих материалов.

5) Нормализация запасов материалов у производителей и потребителей и в товаропроводящих путях.

6) Распределение этих запасов между производством и центральными маневренными базами.

7) В связи с проработкой пунктов 5 и 6 наметить организационные формы снабжения обобществленного хозяйства, которые обеспечивали бы: а) регулирование запасов отдельных предприятий и отраслей с учетом народнохозяйственных интересов, б) непрерывность производства, в) удешевление снабжения, г) снижение нормы необходимых запасов и д) расширение возможности маневрирования запасами.

Мы полагаем, что при надлежащей быстроте в проведении указанных мероприятий можно ожидать в самый короткий срок при элементарных улучшениях, при условии ликвидации бесхозяйственности, граничащей с прямым преступлением,— уменьшения расхода промпродукции в обобществленном секторе минимум на 10%. В этом случае экономия в продукции может достигнуть 300—400 млн. руб.; только по двум видам товаров, имеющим огромное значение для снабжения деревни — металлам и лесоматериалам (производство которых превышает 2 мрд. руб.), добиться минимальной экономии в 200 млн. руб. по отпускным ценам промышленности.

Кроме того, значительно может быть повышена эффективность использования наличных запасов. Надо полагать, на основе предварительных данных обследования промзапасов в промышленности и на транспорте, что к 1929/30 г. может быть мобилизовано промпродукции на сумму до 400 млн. руб.

Итак, в пределах уже намеченных в достаточной мере конкретно путей развития промышленности нужно изыскать источники, если не преодоления, то резкого ослабления товарного дефицита и в этом— задача дня.

Намеченный масштаб капитального строительства и выпуска промпродукции позволяет решать значительную часть этой задачи не к концу пятилетия, а в текущем и ближайшем (1929/30) хозяйственном году. Нужно покончить с анархией в накоплении и распределении промзапасов там, где может и должен быть руководящим жесткий, плановый режим, обеспечивающий интересы отдельной хозяйственной организации с учетом народнохозяйственных интересов.

Нужно уничтожить один из видов бюрократизма, более опасный, чем преувеличенные штаты—преувеличенное расходование материалов без пользы для потребителя, но в тягчайший вред плановому хозяйству и социалистическому строительству.

К. Вейдемюллер

Вывоз американского капитала

I

В области экспорта капитала за последнее время происходят странные вещи. По крайней мере, они не принадлежат к таким, какие казались вероятными еще полгода тому назад большинству экономистов.

До стабилизации франка распространено было мнение, что роль Франции в качестве страны, вывозящей капитал, уже сыграна. Никто не ожидал, что французский капитал снова в сколько-нибудь значительных размерах отправится за пределы своего отечества. И уж во всяком случае едва ли он окажется в состоянии проникнуть дальше французских колоний. Тем не менее, как только за стабилизацией франка de facto последовала стабилизация его de jure, Париж снова сделался мировым центром в особенности по краткосрочному кредиту. И миллиарды франков направились прямым или окольным (через Лондон) путем распространять экономическое влияние своего отечества там, где политическое давление оказывается недостаточным. Капитал французский направляется в Германию, Польшу, Румынию, но он „переплывает" также океан и инвестируется не только в Мексике, но и в... Соед. Штатах. К Франции возвращается ее репутация всеобщего банкира.[1]

С другой стороны, Соед. Штаты, сумевшие после империалистской войны вывозить капитал в размерах, превосходящих все что было известно в этом отношении до войны, в 1928 г. свой вывоз заметно сократили. И если бы позволительно было делать заключения на основании одного только года или промежутка времени, еще более короткого, — мы могли бы подумать, что роль всемирного банкира переходит к Франции, ускользая от Соед. Штатов; что Соед. Штаты по крайней мере часть своих функций этого рода уступают Франции.

Справедливо ли это впечатление? Есть ли сокращение экспорта капитала Соед. Штатов явление случайное или, в большей или меньшей степени, закономерное, связанное с хозяйственным развитием и более или менее сознательными тенденциями экономической политики Соед. Штатов?

Быть может, мы в состоянии будем ответить на этот вопрос, познакомившись с фактической стороною дела.

История экспорта американского капитала коротка: она насчитывает лишь около десятка лет. До войны Соед. Штаты капитала — в собственном смысле этого слова—почти не экспортировали. В общей сложности было инвестировано — в странах американского материка, в Канаде, Мексике и в государствах Южной Америки — около 3 мрд. долл. В то же время пассивность расчетного баланса Соед. Штатов, образовавшаяся, главным образом, вследствие того, что Соед. Штаты не обладали собственным торговым флотом и должны были пользоваться для своей растущей торговли флотом английским или немецким, — достигала 7 мрд. долл.

[1] Подробности см. К. Вейдемюллер, „Политика стабилизации во Франции", „Международная жизнь", № 11, 1928 г., стр. 13.

Таким образом, создавалось почти парадоксальное с современной точки зрения положение: не Европа находилась в долгу у Соед. Штатов, а наоборот — Соед. Штаты находились в долгу у Европы на целых 4 мрд. долл.

Моментом перелома, толчком, создавшим радикальную перемену в этом отношении, была война. Первые годы войны, пока Соед. Штаты оставались нейтральными, они превратились в почти беспредельно мощного поставщика военных материалов. Это был какой-то чудовищный рог изобилия, из которого с дьявольской быстротой сыпались пушки, пулеметы, ружья, бронированные автомобили, миноносцы и подводные лодки. Из неиссякаемого кладезя американской тяжелой индустрии одинаково черпали как те, кто „дерзко нарушил европейский мир", так и те, кто сражался „во имя прогресса и справедливости" и защищал „человеческую культуру" от „тевтонского варварства". Почти все воюющие державы обращались к американской промышленности для покрытия своих военных нужд. И это обстоятельство имело для Соед. Штатов два важных последствия.

Во-первых, чрезвычайный рост американского экспорта послужил новым толчком для развития производства, прежде всего, промышленного. Но, что особенно замечательно, не только промышленного, а и сельскохозяйственного. Во-вторых, ввоз военных материалов из Америки превратил воюющие державы в должников Соед. Штатов.

Как же развивался американский экспорт?

Относительно развития американского экспорта того времени находим следующие данные в „Меморандуме" Лиги Наций:[1]

Таблица 1

Рост американской внешней торговли во время и после войны

(В млн. долл.)

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс
1913	1.775	2.448	+ 673
1914	1.771	2.071	+ 300
1915	1.779	3.493	+ 1.715
1916	2.359	5.423	+ 3.064
1917	2.919	6.170	+ 3.250
1918	2.952	6.048	+ 3.096
1919	3.828	7.750	+ 3.922
1920	5.102	8.080	+ 2.979
1921	2.557	4.379	+ 1.822

Само собой разумеется, увеличение ценности экспорта произошло в значительной степени вследствие вздутия цен. Однако, если за время от 1909 по 1913 гг. в среднем вывозилось ежегодно около 43,5 млн. тонн основных товаров (100 названий), то в 1920 г. их было вывезено около 84 млн. тонн, а в 1921 — около 65 млн. тонн. Таким образом, значительное увеличение физического об'ема экспорта — вне сомнения.

[1] Société des Nations. Mémorandum surée commerce international et sur les balances des paiements. 1912—1926 гг. Genéve, 1928, стр. 351. В интересах дальнейшего изложения привожу также данные об импорте и торговом балансе.

Что касается роста промышленного и сельскохозяйственного производства, то, очевидно, увеличение экспорта в значительной степени совершалось за его счет. Вот как изменялся индекс главнейших отраслей производства и рост народонаселения за то же время (производство 1899 г. = 100).

Таблица 2

Производство индустрии, сельского хозяйства и промышленности добывающей в С.-А. С. Ш. от 1899 по 1919 гг.

Годы	Прирост населения	Производ. индустрии	Производ. сел. хоз.	Производ. добывающ.
1899	100,0	100,0	100,0	100,0
1909	121,0	163,4	118,1	189,4
1913	129,6	187,1	122,1	227,2
1916	134,8	218,6	124,9	267,0
1917	136,5	215,2	135,0	277,2
1918	138,1	214,0	133,2	279,6
1919	139,7	195,3	137,6	228,4

Влияние войны на хозяйство Соед. Штатов в этой таблице выявлено весьма рельефно. Совершенно очевидно, что резкое увеличение индекса промышленного производства и индекса промышленности добывающей к 1916, 1917 и 1918 годам является результатом тех колоссальных поставок, какие производили Соед. Штаты воюющим державам, и тех затрат производительной энергии, которые они вынуждены были сделать с момента собственного вступления в войну. Правда, увеличение промышленного производства уже к 1913 г., по сравнению с концом прошлого столетия, на целых 87 пунктов говорит о существовании иных причин промышленного развития, кроме войны. Эти причины совершенно нормального, „естественного" порядка и заключаются они в здоровом и интенсивном развитии внутреннего рынка, о чем свидетельствует, между прочим, правильный и равномерный прирост народонаселения. По сравнению с этим фактом естественного интенсивного роста несколько бледнеет впечатление от под'ема во время войны. На это обстоятельство указывает и тов. Н. Осинский в своей брошюре „Мои лжеучения о С.-А.С.Ш.[1] Однако, под'ем индексов „промышленного и добывающего" в 1916, 1917 и 1918 гг. с одновременным их падением в 1919 г. слишком красноречив в особенности, если принять во внимание краткость промежутка времени и то обстоятельство, что державы начали подготовку к войне задолго до ее непосредственного начала. Часть американского импорта в Европу, вне всякого сомнения, уже до 1913 г. должна была служить военным целям. Как бы то ни было, приведенная таблица наглядно говорит о том толчке, какой сообщила европейская война развитию американской промышленности. Еще красноречивее, однако, те данные, которые относятся к промышленности. Вот как росла промышленность Соед. Штатов в военное время.

Данные этой таблицы поистине замечательны. Можно утверждать, что они знаменуют собой промышленный рост, который никогда ни при каких обстоятельствах до тех пор для такого короткого времени в С. Штатах не наблюдался. Число больших предприятий увеличилось в пяти-

[1] Изд. „Правда" и „Беднота", Москва, 1926 г., стр. 10—13.

Таблица 3

Рост американской промышленности от 1914 по 1919 гг.

	1914 г.	1919 г.	Увеличение
Число больших предприят.	275.791	290.105	14.314
Число занятых лиц (рабоч. и служащих)	7.036.247	9.096.872	2.060.124
Капитал (в дол.)	22.790.979.937	44.569.593 771	21.778.613.834
Стоимость материалов для 14 групп (долл.) . .	14.000.000.000	37.000.000.000	13.000.000.000
Стоимость производ. (долл.).	24.000.000.000	62.000.000.000	38.000.000.000

летний: промежуток почти на 14 с половиной тысяч. Число рабочих возросло на 2 слишком миллиона, что для Соед. Штатов, с их производительностью труда, составляет огромное увеличение мощности производящего аппарата. Что же касается масс вложенного вновь в производство капитала — почти 22 мрд. долл., — то они отнюдь не являются ничтожными, даже если принять во внимание под'ем индекса оптовых цен металлов и строительных материалов, а также и зарплаты в 1916, 1917 и 1918 гг. Эти индексы изменялись следующим образом:

Таблица 4

Изменение индекса цен основных промышленных материалов и зарплаты в военное время [1]

Г о д ы	Металлы	Строительн. материалы	Зарплата
1913	100	100	100
1914	84,9	92,0	102
1915	99,3	94,0	103
1916	161,8	120,3	107
1917	231,0	157,0	114
1918	187,1	172,0	133
1919	162,1	201,4	155

По сравнению с ценами 1913 г. увеличение составляет в 1919 г. приблизительно 80%. Следовательно, если, не принимая во внимание этих индексов, мы могли бы считать, что 22 мрд. долл. означают увеличение капитала промышленности почти вдвое, то, считаясь с ними, мы это увеличение должны предположить равным приблизительно 30%. Следовательно, мощность средств производства промышленности за пятилетний промежуток возросла по крайней мере на 30%. Приблизительно в тех же пределах произошло и увеличение переработанного сырья. Что же касается стоимости выпущенных продуктов, то здесь увеличение — принимая во внимание рост цен — составляет не меньше 40%.

[1] По данным „Statistical Abstract of the U. S"; 1926 г., стр. 314 и 333.

II

Итак, под влиянием войны произошел не просто „рост", как предпочитает выражаться Н. Осинский, [1] а весьма значительный по американским понятиям рост американской промышленности в военное и послевоенное время. Но как мы уже видели из табл. 2, произошел в то же самое время также и рост сельского хозяйства. В каких цифрах он выражается? Вот некоторые данные: [2]

Таблица 5

Сельскохозяйственное производство С.-А. С. Ш. от 1909 по 1919 гг.

	Единица измерений	1909 г	1919 г.	Прирост в %
Маис	бушель	2.552.189.639	2.349.301.825	— 7,9
Пшеница	„	683.379.259	945.403.215	+ 38,3
Овес	„	1.007.142.980	1.055 182.798	+ 4,8
Ячмень	„	173.344.212	122.024.773	— 29,6
Рожь	„	29.520.457	75.992.223	+157,4
Сено	тонна	93.453.735	128.596.615	+ 32,0
Табак	фунт	1.085.764.806	1.378.734.095	+ 30,6
Хлопок	баул	10.649.268	11.376.130	+ 6,8
Сахарная свекла	тонна	3.932.857	5.993.409	+ 52,4
Картофель	бушель	389.194.965	290.754.580	— 25,3

Как видим, наибольшее увеличение произошло для ржи, пшеницы, свеклы и сена. В особенности велико оно для ржи — целых 157%. Все это „хлеб насущный", в котором ощущался сильный недостаток в Европе. Само собой разумеется, что увеличение сельскохозяйственного производства сопровождалось также увеличением и площади посева, которое особенно велико было для ржи—249,8%. Для пшеницы оно составляло 65,1%.

Таким образом, мощное развитие хозяйства Соед. Штатов в эпоху империалистской войны и после нее — вне всякого сомнения. Само собою разумеется, что оно сопровождалось и весьма значительным увеличением национального дохода Соед. Штатов:

Таблица 6

Национальный доход Соед. Штатов

Годы	Общий доход в мрд. долл.	На голову населения долларов
1909	28,8	319
1914	33,2	335
1915	36,0	358
1916	45,4	436
1917	53,9	542
1918	61.0	586
1919	65,0	—

[1] Op. cit., стр. 13.

[2] Приводимые цифры, заимствованные у Вильяма Нотца (William Notz, Neuere Entwicklungen in der Wirtschaftl. Stellung d. Ver." „St. Weltw. Arch.", B. 19, H. 1, стр. 3), слабо отличаются от данных „Statistical Abstract". Предпочитаю привести их, так как список продуктов „Statistical Abstract" меньше.

Прирост дохода от 1915 г. к 1916 г. в два раза превосходит прирост его за пять лет: от 1909 г. до 1914 г. И здесь нет никакой возможности отрицать влияние войны. Прибыль от экспорта военных материалов и других связанных с войной товаров росла, конечно, еще гораздо заметнее, чем производство и физический об'ем экспорта. Ибо на ней отразился под'ем экспортных цен. Следовательно, к влиянию увеличения национального производства присоединилось еще влияние роста цен — та часть национального дохода, которую Н. Осинский справедливо называет „спекулятивной сверхприбылью". Осинский определяет и цифру, выражающую эту сверхприбыль. Она равнялась (от 1914 по 1920 гг.) 10.521 млн. долл.[1] Такова ли эта цифра в действительности — сказать трудно. Однако, совершенно несомненно то, что со времени войны в Соед. Штатах происходит скопление богатств, какого до сих пор не знала история. Они превосходят все, что можно было увидеть при помощи волшебной лампы Аладина; пред ними бледнеет пылкая фантазия Шехерезады. Некоторое представление дает о них скопление вкладов в сберкассах и банках. Вклады почтовых сберегательных касс за пятилетний промежуток увеличились от 40 до 150 мрд. долл. Во всех банках Соед. Штатов в 1922 г. депозиты достигали 25 мрд. долл., что соответствовало бы 100 с лишком мрд. золотых марок, т.-е. в 4 раза превосходило бы сумму германского репарационного долга. Насколько громадна эта цифра, видно хотя бы из того, что в Англии до войны депозиты достигали всего лишь 20 мрд. золотых марок, были, следовательно, в 5 раз меньше, чем депозиты Соед. Штатов в указанное время.

Эти цифры совершенно головокружительны; они во всех отношениях превосходят все, что когда-либо существовало на земном шаре. Но, быть может, еще более яркой иллюстрацией роста богатства Соед. Штатов являются данные о росте их золотого запаса в то же время. В начале столетия золотой запас Соед. Штатов составлял всего около $^1/_3$ мрд. долл. В 1913 г. он поднялся до 827 млн., что соответствовало 20% существовавшего тогда на земле золотого запаса. В конце войны он поднялся до 30%, а в апреле 1922 г. равнялся уже 40% запаса всего земного шара. Как это выражалось в абсолютных цифрах, видно из следующего сопоставления данных „Federal Reserve Board" и газеты „L'Information".[2]

В начале 1922 г. в 32 государствах (без РСФСР) было золота на 7.850.885.000 долл. Из этих несметных богатств приходилось на долю главнейших государств:

Таблица 7

Распределение золотого запаса в 1922 г.

Страны	% золотого запаса (апрель 1922 г.)	Абсолютные цифры (31/XII 1922 г.)
Соед. Штаты	40,3	3.200.372.000
Англия	9,8	751.841.000
Франция	8,8	708.403.000
Япония	7,8	—
Испания	6,2	487.278.000
Аргентина	5,7	450.057.000
Голландия	3,1	233.880.000
Германия	3,0	227.437.000

[1] Op. cit., стр. 14.

[2] „La Repartition actuelle des Stocks d'or", „L'Information" (fin. écon. etc.) № 102, 1923. Эти данные сообщены мною также и в упомянутой статье в журнале „Международная жизнь".

Как ни богаты Англия и Франция, но золотой запас их обеих вместе не составляет и половины золотого запаса Соед. Штатов. По немецким источникам, золотой запас Сев. Америки в начале 1923 г. составлял 3,8 мрд. долл. Он был равен, следовательно, в это время золотому запасу всех других государств вместе взятых. В мае 1924 г. золотой запас Соед. Штатов составлял уже 4.417.400.000 долл., т.-е. был больше половины всего мирового запаса золота (8.663 мрд. долл.). За промежуток в 20 с небольшим лет количество американского золота увеличилось в 12 раз.

Само собой разумеется, что между развитием промышленности и сельского хозяйства Соед. Штатов, между огромными прибылями от экспорта, накоплением денежных богатств и увеличением золотого запаса, — существует самая тесная связь. Все эти ветви экономической жизни обнаруживали огромный рост потенциальной хозяйственной мощи страны. Если популярное в свое время сравнение богатства Соед. Штатов с богатством мифологического царя Мидаса имело некоторый смысл, то этот смысл заключался в том, что дальнейшее накопление капитала в Соед. Штатах принимало скорее денежную и золотую форму, чем непосредственно производственную. Мидас, как известно, испросил у Зевса дар, в силу которого все, к чему он ни прикасался, немедленно превращалось в золото. Зевс не был бы „богом", если бы не использовал наивности Мидаса в интересах „торжества справедливости". Он беспрекословно исполнил его просьбу, и бедный Мидас погиб мучительной смертью, так как в золото превращались не только ветви, камни и т. д., но и хлеб и вино. Угрожала ли подобная участь Соед. Штатам? Обречены ли они были на то, чтобы дальнейшее увеличение их национального дохода, дальнейшее накопление выражалось, в конце концов, в росте золотых отложений, которые привели бы к „материализации" страшного призрака золотой инфляции? Теперь с полной уверенностью можно на этот вопрос ответить отрицательно. Золотая болезнь американской республики не была смертельной. Хитрые янки изобрели средство против нее.

Удельный вес экспортируемых Америкой товаров в общей сумме ее продукции невелик. Экспортные товары составляют едва ли одну десятую всего производства, несмотря на весь эффект абсолютных цифр. К тому же развитие экспорта — явление сравнительно новое. Само собою разумеется, что оно самым тесным образом связано с развитием внутреннего рынка, который, несмотря на всю свою огромную емкость, все же близок к уровню полного насыщения. Об этом красноречиво свидетельствует низкий уровень импортных цен по сравнению с экспортными, о том же говорит и сравнительно медленный в нормальное время темп ежегодного прироста американского производства. Хозяйство Соед. Штатов достигло той ступени капиталистического развития, когда оно вынуждено всеми средствами увеличивать свой экспорт, когда капитализм по необходимости приобретает империалистический характер. Всем известные факты последнего времени — в особенности неизбежный, быстро созревающий конфликт Соед. Штатов с Великобританией — являются слишком красноречивой тому иллюстрацией. Но экспорт в истощенные войною страны в сколько-нибудь широких размерах был возможен только при условии предоставления им кредита. Так создавались условия финансовой поддержки импортирующих из Соед. Штатов стран.

Очень скоро кредит принял характер хозяйственной помощи вообще в интересах увеличения покупательной способности кредитуемых. Мало-по-малу явление это расширяется, и в мировом хозяйстве появляется новый фактор: вывоз американского капитала. Так как страны, вывозившие капитал до войны — Англия, Франция и Германия, — после войны

перестали это делать, то „спрос“ на американский капитал установился чрезвычайный. Не только правительства, коммуны, крупные предприятия стали обращаться к Америке за кредитом. Нью-йоркские гостиницы были наводнены одно время огромным числом различных агентов и посредников, которые пытались устраивать более мелкие займы. Но и „предложение“ нового американского экспортного товара отнюдь не было слабым. Под давлением указанных обстоятельств — необходимости финансировать покупателя американских товаров и вследствие угрозы золотой инфляции — американский капитал не только не отказывался от приобретения иностранных ценностей, но и сам искал их. Первым шагом явилось, естественно, кредитование стран, покупавших военные материалы; вторым—кредитование тех, кто после войны залечивал свои раны продуктами американского экспорта. Мало-по-малу образовался снежный ком, который разрастался все больше и больше и достиг, наконец, размеров огромной ледяной горы. Задолженность иностранных государств Соед. Штатам на 15 марта 1922 г. по данным „F. R. B.“ [1] в общем равнялась чудовищной цифре в 11.456.383.059 долл. Вот как распределялся этот долг между отдельными государствами:

Таблица 8

Задолженность иностранных государств Соед. Штатам к 1923 г.
(В млн. долл.)

Англия	4.686	Эстония	16
Франция	3.771	Греция	15
Италия	1.892	Армения	13
Бельгия	429	Финляндия	9
Россия	228	Куба	8
Польша	149	Латвия	6
Чехо-Словакия	108	Литва	5
Сербия	58	Венгрия	2
Румыния	41	Никарагуа	0,17
Австрия	26	Либерия	0,03

Такова была в означенный момент задолженность иностранных государств американской казне („U. S. Treasury“). Общая цифра американского капитала достигла размеров еще гораздо более внушительных. К этому вопросу мы возвратимся ниже.

В географическом отношении американский капитал следующим образом распределялся между странами света:

Таблица 9

Распределение американского капитала между странами, в которых он инвестирован
(В %%)

Южной и Средней Америки	31,7
Северной Америки	29 2
Европы	26,6
Южных морей	4,7
	100,0

Из этой таблицы можно усмотреть, что в Северной и Южной Америке было инвестировано в то время 60,95% всего американского капитала, вложенного в промышленность. Вместе с тем, рынок этих стран представлялся тогда уже в „достаточной“ мере насыщенным американским капиталом. Как мы увидим в дальнейшем, капитал этот вынужден был— отчасти именно по этой причине — искать помещения в других странах.

[1] „Federal Reserve Bulletin“, Juni, 1922.

III

Итак, война сыграла огромную роль в хозяйственной — и политической, внешнеполитической по преимуществу — жизни Соед. Штатов. Избыток своего накопления эта республика превращала в золото и стала вывозить за границу. Оба процесса с самого начала отличались чрезвычайной интенсивностью. Как же они развивались в дальнейшем? Каково положение в настоящий момент? Возможны ли, наконец, какие-либо заключения относительно будущего?

Проследим дальнейшее развитие хозяйственной жизни Соед. Штатов по тем же основным рубрикам, по которым мы это сделали для времени военного и непосредственно после войны. Прежде всего, как развивались после 1921 г. внешняя торговля вообще и американский экспорт в частности?

В табл. 1 мы видели, что импорт и экспорт в 1921 г. сократились по сравнению с рекордным 1920 г. почти вдвое. Торговый баланс сохранил, однако, свою активность (+1.822 млн. долл. против +2.979 млн. в 1920 г.). Конечно, такое уменьшение в первую очередь следует приписать кризису 1920—21 гг. Влияние кризиса, как мы это сейчас увидим, сказывается еще на данных о внешней торговле за 1922 г. И это совершенно естественно, так как вывозятся товары, заготовленные в значительной части в предшествовавший вывозу период. Затем внешняя торговля начинает восстанавливаться, отнюдь не достигая цифр 1918, 1919 и 1920 гг. Вот каким образом шло это развитие:

Таблица 10

Внешняя торговля Соед. Штатов после 1921 г.
(В млн. долл.)

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс
1922	3.074	3.765	+ 691
1923	3.732	4.091	+ 359
1924	3.575	4.498	+ 923
1925	4.176	4.819	+ 642
1926	4.408	4.711	+ 304
1927	4.184	4.865	+ 681
1928	4.090	5.129	+1.039

Как видим, если развитие внешней торговли Соед. Штатов теперь и не совершается тем бурным темпом, каким оно происходило от 1916 по 1920 гг. включительно, с отдельными колебаниями в ту или иную сторону, оно продолжает развиваться таким образом, что активность торгового баланса сохраняется. А за последние годы, 1927 и 1928, оно даже явно начинает снова прогрессировать. Если мы сравним данные о внешней торговле за 1928 г. с данными за то же время 1927 г., то окажется, что в настоящем году импорт уменьшился на 95 млн. долл., экспорт увеличился на 264 млн. долл., а активность торгового баланса увеличилась на 358 млн. долл. Следовательно, со стороны внешней торговли и торговых связей американского хозяйства с хозяйством мировым в общем все обстоит для Соед. Штатов благополучно. Ненормальный рост их во время и после войны, замедленный кризисом 1920/21 г., сменился более

спокойным, но тем не менее, постоянным развитием, продолжающимся до последнего времени. Как же обстоит дело с производством? Какие изменения произошли в области промышленности и сельского хозяйства?

Если принять промышленное производство 1913 г. равным 100, то можно развитие промышленности изобразить соответствующими изменениями этого показателя. Именно такой „индустриальный индекс" конструирует Жан Дессирье в последнем номере „Bulletin de la Statistique générale de la France".[1] Изменения этого индекса рисуют следующую картину.

Таблица 11

Индекс промышленного производства Соед. Штатов после 1913 г.

	Индекс
1913 г.	100
Средний за 1916—1920 гг. .	120
1921 г.	97
1923 „	152
1925 „	156
1926 „	163
1928 „ (первые 6 мес.) . .	164

Если под'ем промышленного производства после войны вызвал увеличение индекса на 20 пунктов, то, оказывается, в 1923 г. индекс (игнорируя падение его под влиянием кризиса) поднялся на целых 32 пункта. Следующие два года прибавили к ним только 4 пункта, зато в 1926 г. индекс снова вырос на 7 пунктов, чтобы подняться в первой половине прошлого года всего лишь на один. В общем, в 1928 г. производство промышленности Соед. Штатов по сравнению с 1900 г. увеличилось приблизительно в 3 раза. Как ни успешно идет за последнее время восстановительный процесс стабилизирующегося на последней ступени перед провалом в пропасть капитализма таких европейских стран, как Франция и Германия,— им за Америкой все же не угнаться. Если даже сделать в „индустриальном индексе" соответствующую поправку на прирост населения,[2] то и тогда окажется, что в период 1925, 1926 и 1927 гг. индекс для Соед. Штатов равняется 131, тогда как для Франции он достигает всего 117, для Германии 96,[3] для Италии 111, для Бельгии 102, для Англии (в 1927 г.) 86. Интересно отметить, что Жан Дессирье, из упомянутой статьи которого я заимствую эти данные, для СССР индустриальный индекс полагает в 1927 г. равным 118. Таким образом, он помещает СССР, при его высоком темпе прироста народонаселения, на второе место после Соед. Штатов и выше Франции, в которой поправка на народонаселение, как известно, скорее способна несколько увеличить, чем уменьшить индустриальный индекс.

Развитие сельского хозяйства в послевоенное время было менее благоприятно. Как мы уже имели случай отметить, война и спрос воюющих держав побудили Соед. Штаты сообщить развитию продукции темп как можно более быстрый. Средний индекс сельскохозяйственного производства за период от 1914 по 1920 гг. составлял 114 (производство 1913 равно 100). Но этот темп роста после войны не удержался. В ре-

[1] Jean Dessirier, Indices comparés de la production etc... „B. S. G. F." Octobre—Decembre, 1928, стр. 72.

[2] Население Соед. Штатов изменялось следующим образом:

1912 г.	95.097.000
1922 „	109.893.000
1923 „	111.693.000
1926 „	117.136.000

[3] В 1927 г. он поднялся до 111.

зультате кризиса индекс упал в 1921 г. до 102, затем возвратился к 114 и равнялся в среднем в период 1925—1927 гг. 116—увеличение на 2 пункта. Между тем, народонаселение за тот же промежуток времени увеличилось на 15%. К этому прибавилось влияние неравномерных урожаев — обстоятельство, имеющее большое значение в Америке при недостаточной диференциации земледельческих культур. В то время как в период войны Соед. Штаты устанавливали мировые цены, в последние годы это привилегированное положение изменилось в некоторых случаях в обратную сторону. Восстановление земледелия в Европе (в особенности в Англии и Франции; во Франции положение стало менее благоприятным со времени стабилизации франка de facto), конкуренция Канады, Аргентины и Австралии имела своим последствием то, что мировые цены во многих случаях стали определять цены рынков американских. Мало-по-малу вывоз некоторых продуктов сельского хозяйства Соед. Штатов весьма заметно сократился в последние годы; это относится, например, к сгущенному молоку, органическим жирам и в особенности к мясу. Наибольшее падение экспорта этих продуктов относится к 1924—1926 гг., падение экспорта хлебов приходится на 1924—1925 гг.

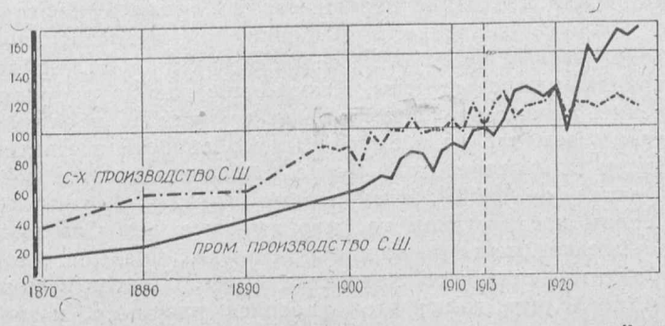
Американское сельское хозяйство вынуждено продавать свое производство на рынке мировом, между тем как закупает оно на рынке внутреннем, цены которого повышены вследствие влияния протекционистского тарифа. Диспропорция между ценами промышленными и сельскохозяйственными характерна для Соед. Штатов в послевоенное время. Правда, раствор этих „ножниц" сильно уменьшился за последние два года. Построенный аналогично промышленному индекс сельскохозяйственного производства, исправленный на прирост народонаселения (производство 1913 г. = 100), составлял в среднем в период 1924—1927 гг. в Соед. Штатах 95. Во Франции он равнялся в то же время 97 (102, если исключить неблагоприятный 1926 г.), в Англии 93, в Италии и Бельгии по 90, в Германии 74. В СССР (по подсчетам упомянутого автора) в период 1924—1926 гг. тот же индекс равнялся в среднем 90, а если исключить 1924 г., то даже 104. Следующая таблица изображает положение американской промышленности и земледелия после 1919 г.

Таблица 12

Индекс промышленного и с.-х. производства Соед. Штатов от 1920 по 1928 гг.

Годы	Индексы		Индексы с поправкой на народонаселение		Индекс роста населения
	Пром.	Сел.-хоз.	Пром.	Сел.-хоз.	
1913	100	100	100	100	100
1920	125	124	114	112	110,2
1921	97	102	86	91	112,3
1922	127	114	112	100	113,9
1923	152	114	131	98	115,7
1924	141	112	120	95	117,7
1925	156	116	130	97	119,5
1926	163	119	134	98	121,3
1927	160	113	130	92	123,1
1928 (I полугодие)	164	—	131	—	124,9

Следующая диаграмма изображает развитие сельского хозяйства и промышленности Соед. Штатов (с 1870 г.) еще нагляднее. Кривые располагаются по популярной схеме „ножниц“.



Таким образом, развитие земледелия представляется в последние 9 лет менее благоприятным, чем развитие промышленности. Тем не менее, за первые 9 месяцев 1928 г. усиленный сбыт сельскохозяйственных машин и инвентаря говорит о сдвиге к лучшему и в этой области, если сдвиг этот и не нашел себе пока достаточно очевидного внешнего выражения. О „серьезном улучшении“ положения сельского хозяйства говорит в своем ежегодном отчете Конгрессу и „секретарь казначейства Соед. Штатов“ Меллон. Меланхолически звучат в этом отчете слова об уменьшении дивиденда в производстве металлургическом, железнодорожных материалов и машинном. По словам министра, „заработки“ капиталистов в металлургии упали на одну четверть, а в промышленности нефтяной сократились даже вдвое. Характерно, что со своим отчетом Меллон ждал до 5 декабря, а Гувер был избран президентом Соед. Штатов 4 ноября. До тех же пор, по ядовитому замечанию Bulletin Quotidien, ни Кулидж, ни Меллон никогда не изменяли оптимизму в оценке хозяйства Соед. Штатов.

Что касается уменьшения дивиденда по акциям, то „секретарь казначейства“ совершенно прав. Вот как, согласно „Frankfurter Zeitung“, изменялся дивиденд 33 крупных промышленных предприятий после 1920 г.

Таблица 13

Доходность крупных промышленных предприятий Соед. Штатов после кризиса

Годы	% дохода
1921	7,95
1923	6,63
1924	6,02
1927	5,24
1928	
Февраль	4,73
Август	4,44
Октябрь	4,27
10 ноября	4,07

Едва ли можно сомневаться в том, что такое положение дела мало пришлось по вкусу владельцам „линяющих“ акций. И это тем более, что в связи с политикой Федерального резервного банка, направленной к сокращению кредитных сделок через маклеров, в связи с увеличением учетного процента (с июля 1928 г. = 5%) стоимость биржевого кредита чрезвычайно возросла. Осенью прошлого года она часто доходила до 10%; затем спустилась до 6,5%, чтобы в последние месяцы снова подняться до 9%.

Эти обстоятельства не могли не отразиться на общем темпе „деловой“ жизни Соед. Штатов. Вот как характеризует его так называемый индекс торговой „активности“, конструированный журналом „The Annalist“.

Таблица 14

Изменения индекса торговой активности Соед. Штатов за первые 9 месяцев 1926, 1927 и 1928 гг.

	1926	1927	1928
Январь	102,3	100,2	95,4
Февраль	103,2	103,6	97,3
Март	104,7	107	96,8
Апрель	103,7	103,6	96,7
Май	101,6	104	97,7
Июнь	103,2	102,8	95,3
Июль	102,8	100,7	97,3
Август	105	101,9	98,8
Сентябрь	107,1	101,1	100,6

Темп торговой активности оказывается, следовательно, в 1928 г. заметно ниже, чем в 1926 и 1927 гг. И это находится в полном соответствии с тем обстоятельством, что „индустриальный индекс“ в первой половине текущего года, как мы видели, поднялся только на 1 пункт. Но это, несомненно, противоречит тому обстоятельству, что курс акций, с октября 1927 г. неуклонно подымался. В октябре „индекс курса акций“ (исчисленный на основании курса акций 30 предприятий) равнялся 188,6; в июле 1928 г. он поднялся до 211,1; в августе до 224,0; в сентябре до 239,8 и в октябре 1928 г. до 248,7. Совершенно очевидно, что это вздутие курсов спекулятивного происхождения, что и подтвердилось теми событиями на нью-йоркской бирже, которые вызвали даже опасение надвигающегося кризиса.

Таким образом, в 1928 г. на нью-йоркской бирже создалась нездоровая атмосфера, которая отнюдь не содействовала и развитию экспорта американского капитала. Ничто не указывает, однако, на то, что это явление — длительного порядка.

IV

Выше мы видели, что образование золотого запаса в Соед. Штатах шло чрезвычайно быстро. Табл. 7 указывает размеры его к 1922 г. Как изменялся он после этого и каковы его размеры в настоящее время?

С начала войны через Атлантический океан по направлению от Европы к Америке хлынул золотой поток. За пять лет — от 1914 по 1918 — золотой запас Соед. Штатов стал вследствие этого заметно расти.

На гостеприимном материке, открытом Колумбом, образовалось новое золотое отложение в 985 млн. После войны, от 1919 по 1925 гг., золотой поток снова принес 1.125 млн. долл., вследствие чего „отложения“ с 1914 г. достигли 2.110 млн. долл. Кроме того, на собственных золотых россыпях Соед. Штаты непосредственно добыли 806 млн. долл. Как видим, золотая гора образовывалась весьма интенсивно: если в 1925 г. она и растаяла на 134 млн. долл., то в 1926 г. в Америку снова притекло 98 млн., при чем приток продолжался и в первые четыре месяца 1927 г. Однако, начиная с мая того же года, золотая масса начинает медленно, но верно уменьшаться. К концу года золотой запас уменьшился на 234 млн. долл. Процесс его сокращения продолжался и в следующем 1928 г. С мая 1927 г. по июнь 1928 г. во Францию направились 257 млн. долл., в Аргентину 131 млн., в Бразилию 55 млн., в Англию 33 млн., в Германию 27 млн., в Италию 20 млн., в Уругвай 11 млн. и в Польшу 8 млн. долл. золотом. В результате всех этих передвижений мировой запас золота, который по подсчетам „Federal Reserve Board“ возрос по сравнению с 1924 г. на 1.070 млн. долл. и составлял в 1928 г. 9.733 млн. долл., — распределялся в последние три года следующим образом:

Таблица 15

Изменения золотого запаса с 1926 по 1928 гг.

(В тыс. долл.)

	1926	1927	1928 (июнь)
С.-А. С. Ш.	4.492.000	4.379.000	4.079.300
Франция	711.106	710.339	1.134.000
Англия	735.421	741.698	834.478
Германия	236.235	444.158	491.000
Испания	493 489	502.484	503.344
Италия	220.732	239.180	256.039
Голландия	166.231	160.796	174.883
Бельгия	86.140	99.530	110.830
Швейцария	91.050	99.785	85.084
Венгрия	29.526	34.432	50.195
Швеция	60.162	61.685	61.919
Дания	56.007	48.780	48.936
Норвегия	39.457	39.458	39.423

Уменьшение накопленного количества золота явилось результатом тех усилий, какие были направлены к этой цели. С одной стороны, постоянный призрак золотой инфляции, которая одними авторитетами Соед. Штатов признавалась уже наступившей, тогда как другие вообще оспаривали самую ее возможность; с другой — помощь европейским странам, перед которыми стояла задача оздоровления их нарушенного войной денежного обращения, — привели, в конце концов, к тому, что золото стало понемногу из своего Эльдорадо уплывать. Финансовые авторитеты Соед. Штатов, банкиры и ученые в большинстве отнеслись к этому без всякой тревоги. Наиболее спокойные полагали, что Америка свободно может вынести — без всяких отрицательных последствий для ее собственного хозяйства—потерю золота на 2.250 млн. долл. Более осторожные думали, что эта сумма не должна превышать полутора миллиарда. Наиболее нежно относящиеся к желтому металлу находили, однако, возможным вывезти никак не больше одного миллиарда. Во всяком случае, Федеральный резервный банк сознательно способствует получению золота из Америки теми странами, которые заняты улучшением своей валюты. Для этой цели в 1927 г. он удерживает на низком уровне учетный процент. Эта политика отчасти явилась причиной и подготовила под'ем курса бумаг. На ряду с этим кредит, предоставляемый агентам и маклерам по сделкам с валютой, был расширен, что еще больше содействовало вывозу золота и спекулятивному росту курса биржевых ценностей. Наконец, экспорт золота принял такие размеры, что руководители Федерального резервного банка сочли необходимым сделать попытку справиться с вызванными ими явлениями, и учетный процент — в несколько приемов — был повышен. А повышение учетного процента должно было сопровождаться сокращением вывоза капитала. Так это и было в действительности.

Проследим рост инвестирования американского капитала за границей.

Значительные суммы 1915, 1916 и 1917 годов, совершенно очевидно, связаны с военными обстоятельствами. Это было финансирование военных поставок. После падения в 1918 г. цифра ежегодного вывоза американского капитала снова начинает расти и растет непрерывно. Начиная с 1924 г., каждый новый год был рекордным по отношению к предыдущему. Вывоз капитала 1927 г. превышал вывоз 1926 г. на 8,39%. Действие факторов, о которых мы говорили в третьей главе, было чрезвычайно эффектно. Вслед за развитием экспорта товаров, вслед за ростом золотого запаса шел экспорт капитала.

(см. табл. на след. стр.).

Таблица 16

Американский капитал, инвестированный за границей, начиная с 1914 г.

Годы		Номинальный капитал	За вычетом обратного притока в Америку
1914		38	38
1915		833	814
1916		11.13	1.123
1917		718	686
1918		30	28
1919		813	562
1920		636	585
1921		675	631
1922		828	682
1923		496	414
1924		1.220	928
1925		1.330	1.085
1926		1.319	1.134
1927 г.	I квартал	376	360
	II „	411	355
	III „	259	241
	IV „	528	421
Всего за 1927 г.		1.575	1.377

Но вот обнаружились все те „шероховатости", о которых мы говорили выше. Конец 1927 г. и начало 1928 г. носили явные признаки экономической депрессии. Сокращение производства, ненормальное воздействие вздутых биржевых курсов, рост коммерческих банкротств были на очереди дня. Общее число банкротств от января до октября 1928 г. достигло 20.061, между тем как за весь 1927 г. оно составляло 19.120, а в 1926 г.—17.874. Тревожнее всего, однако, представлялось положение на рынке труда. Безработица в значительной степени превосходила официальные данные. Точных цифр для последнего времени нет; существующие оценки довольно сильно между собою расходятся. Минимальный и максимальный пределы числа безработных — 2,5 млн. и 5 млн. человек. Индекс „занятости" рабочих, согласно „Survey of current business",[1] следующим образом изменялся в последнее время (1913г. = 100):

Таблица 17

Индекс занятости в С.-А. С. Ш. за время от 1923 по 1928 гг.

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.				
					Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
106,6	96,3	97,2	98,0	94,3	89,8	91,2	91,8	91,4	91,2

Индекс занятости „Stafistial Abstract", принимающий за базу 1923 г., для 1924 г. составляет 90,3, для 1925 г.— 91,2, для 1926—91,9 и для 1927—88,5. Не вполне благополучно обстоит дело и с заработной платой. Правда, зарплата в последний год в общем несколько повысилась. Но существуют важные промышленные районы, где как-раз за последнее время она чувствительно понизилась. В первую очередь это относится к угольной и текстильной промышленности. Так, заработная плата в угольной промышленности Пенсильвании понизилась осенью 1928 г. на целых 20%. Так как в ближайшем будущем ожидать улучшения в этой области нельзя, то емкость внутреннего рынка оказывается довольно заметно ущемленной. А если мы примем в соображение и то,

[1] U. S. Department of Commerce. Yuly, 1928.

что сигнализируемый Меллоном поворот в состоянии американского сельского хозяйства пока еще очень слабо выразился в под'еме общей покупательной способности земледельческого населения, то мы поймем, что расчеты американской промышленности на внутренний рынок не могут быть особенно радужными.

Общее депрессивное настроение в связи с политикой Федерального резервного банка и отразилось на вывозе американского капитала за границу. Если в первом и втором кварталах 1928 г. вывоз капитала составлял соответственно 403,7 млн. долл. и 643,3 млн. долл., превосходя, таким образом, вывоз соответствующих кварталов 1927 г., то тем резче оказалось падение в третьем квартале. Всего, по предварительным данным, в этом квартале было вывезено 152,5 млн. долл., т.-е почти на 100 млн. меньше, чем в предыдущем году.

Так обстояло дело до последнего квартала 1928 г. Уменьшение американского золотого запаса, напряженность на денежном рынке вследствие политики Федерального резервного банка, уменьшение иностранного инвестирования в третьем квартале прошлого года,— все заставляло думать, что явление вывоза американского капитала уже пережило эпоху своего расцвета. Конечно, этот вывоз за 14-летний промежуток времени достиг таких размеров — общая сумма американского капитала за границей составляет не меньше 14.500 млн. долл.,— что внезапное исчезновение этого фактора мирового хозяйства грозило бы настоящей катастрофой. Но постепенное уменьшение темпа прироста или сохранение находящегося за границей американского капитала на одном уровне казалось тем более вероятным, что „спрос" на иностранный капитал, в особенности на краткосрочное кредитование за границей вдруг стал в довольно широких размерах удовлетворяться во Франции. Восстановление французского рынка капиталов должно было в немалой степени уменьшить на международном рынке роль капитала Соед. Штатов.

Мы видели, что — несмотря на всю эффектность впечатления от возобновления вывоза французского капитала и от роста французского золотого запаса — для таких заключений нет оснований. Внутренний рынок, как он ни емок, не в состоянии обеспечить дальнейшего роста американского хозяйства. Промышленность Соед. Штатов теперь уже нуждается в экспорте, как в воздухе: уже в настоящее время она работает только с 70% нагрузки. Между тем, накопление капитала продолжается, активность торгового баланса сохраняется. Дальнейшее развитие экспорта, как мы видели выше, совершенно неизбежно. А с ним вместе — именно потому, что он не может при существующих условиях мирового хозяйства развиваться иначе, чем постепенно,— должен развиваться и экспорт капитала. Причины этого были указаны выше. Надо полагать, что темп вывоза немедленно восстановится, как только изменится политика Федерального резервного банка, и учетный процент понизится. Нездоровый рост биржевых курсов рано или поздно закончится биржевым крахом, но едва ли этот крах отразится заметно на развитии основных отраслей хозяйства.

Конец 1928 г. в значительной степени уничтожил влияние депрессии начала его. Только что опубликованные и до нас еще только частью дошедшие годовые отчеты рисуют этот год, благодаря, очевидно, под'ему в его вторую половину, в смысле процветания хозяйства Соед. Штатов (пресловутого „prosperity") рекордным. Вот как характеризует общее положение корреспондент „Правды": [1]

[1] „Правда" от 9/I 1929 г.

„Из публикуемых в печати годичных обзоров видно, что в истекшем году американское производство вновь достигло огромных размеров. Производство стали в 1928 г. побило все рекорды. Выплавка достигает 50,2 млн. тонн, в то время как до сих пор рекордным годом в этом отношении был 1926 с 46,9 млн. тонн. В 1927 г. производство стали равнялось 43,7 млн. тонн. Согласно данным „Айрон Эйдж", мировое производство стали и чугуна является в 1928 г. рекордным. Доля Америки в мировом производстве стали достигает в 1928 г. 48%, в то время как в 1927 г. она равнялась лишь 44,8%. Участие Америки в мировом производстве чугуна равнялось в 1928 г. 44% против 42,3% в 1927 г. Американская автомобильная промышленность выбросила на рынок в 1928 г. 4.384.225 автомобилей, 3.401.326 — в 1927 г. Сильно увеличилось производство хлопчатобумажных и шерстяных текстильных товаров. Все фабричное производство увеличилось в 1928 г. по сравнению с 1927 г. приблизительно на 5%.

Внешняя торговля Соед. Штатов является рекордной за последние 8 лет. Экспорт Соед. Штатов превысил в 1928 г. 5 миллиардов долларов.[1] Увеличился экспорт в Латинскую Америку, Канаду и Азию, в особенности в Китай".

Как видим, те отрасли хозяйства, на развитии которых основывается экспорт капитала, продолжают развиваться. На почве империалистического перерождения в ближайшие годы роль Соед. Штатов в мировом хозяйстве едва ли не возрастет. Возрастет как последствие этого и вывоз капитала.[2] Куда же этот капитал направится? Каким целям он должен будет служить прежде всего?

Вот как распределялся американский капитал за границей до сих пор (общее количество).

Таблица 18

Распределение американского капитала по странам с 1913 по 1927 гг.

(На конец каждого года, в млн. долл.)

Страны	1913	1923	1924	1925	1926	1927
Европа.	350	1.300	1.948	3.361	3.597	4.327
Канада.	750	2.500	2.819	3.135	3.557	3.922
Южная Америка . .	100	1.230	3.359	1.525	1.973	2.247
Средняя Америка (включая Мексику, Кубу и Вест-Индию)	1.200	2.530	2.576	2.666	2.788	2.915
Япония, Китай, Филиппины	175	440	486	657	714	727
Остальные страны. .	50	175	182	193	225	363
Всего . . .	2.625	8.175	8.369	11.535	12.855	14.500

Наиболее насыщенными американским капиталом оказываются страны американского материка (из них больше всего Канада), затем следует Европа, потом Азия. Интересно, однако, отметить, что темп прироста вывоза капитала за последнее время для Европы оказывается по крайней нере в такой же степени интенсивным, как и темп прироста его вывоза в страны Америки. В 1927 г. этот темп даже более интенсивен (как и в четвертом квартале 1928 года). Об'ясняется это двумя причинами. Во-первых, сохранением и развитием торговых связей с Европой (при росте их с остальной Америкой и Востоком); во-вторых, тем,

[1] Выше нами приведена точная цифра.

[2] По только что опубликованным данным в четвертом квартале выведено 226,2 млн. долл. Всего за 1928 г. выведено 1.425,8 млн. долл.: только на 10% меньше, чем в 1927 г., который был рекордным.

что емкость американских стран с их относительно незначительным населением — при всех их естественных богатствах — не может быть беспредельной. Рано или поздно их емкость по отношению к иностранному капиталу окажется неспособной к дальнейшему интенсивному росту, и Соед. Штаты очутятся лицом к лицу с необходимостью серьезно подумать об их замене.

Когда это произойдет, Соед. Штаты в еще большей степени направят свой капиталоэкспорт в Европу. Но уже теперь в Англии раздаются тревожные голоса по поводу американских попыток овладеть „контрольным пакетом" британского общества Томсон — Хаустон, британскими предприятиями по добыче меди. На ряду с контролируемым вывозом идет, следовательно, и „завоевание". У Европы, надо полагать, найдутся средства противиться последнему; что же касается первого, то процесс восстановления западно-европейских государств, рост в них накопления и возобновление экспорта капитала странами, вывозившими его до войны явится через некоторое время серьезным препятствием к дальнейшему притоку американского капитала в Европу. Французский капитал уже теперь нашел средства проникнуть не только в Южную Америку, но и в самые Соед. Штаты, что сильно уменьшило эффективность вывоза капитала из Соед. Штатов. Таким образом, проблема рынка для американского капитала снова приобретает большую остроту.

Очевидно, решению этой проблемы может только содействовать развитие торговых связей со странами, обладающими огромным внутренним рынком и способными дать производительное употребление той части американского капитала, которая в них направится. Одною из таких стран является, несомненно, СССР. Огромная взаимная польза от развития экономических отношений между нашим Союзом и Соед. Штатами несомненна. Но с пути, ведущего к этому, должны быть устранены те препятствия, которые вырастают вследствие непонимания условий, при каких это возможно.

Возможно это лишь при полном признании экономической, а следовательно, и политической структуры социалистического государства.

Давление экономических причин велико, и рано или поздно это произойдет.

А. Любович

Перспективы развития хозяйства связи и его реконструкции

Не так давно (в августе 1928 г.) в президиуме Госплана докладывались контрольные цифры перспективного плана развития хозяйства связи на пятилетие. В этих контрольных цифрах очевидна была ставка на реконструкцию хозяйства. Реконструктивный уклон выразился в ряде мест контрольных цифр, принятых как отправной вариант. Времени с тех пор прошло немного, но уже при проработке самого перспективного плана, его основных положений, стала ясна необходимость еще более решительно наметить контуры реконструкции хозяйства связи. Но и проработанный план может оказаться в части реконструкции устаревшим. Мы даже уверены, что к концу работы по составлению пятилетнего плана он в части перспектив реконструкции будет в значительной степени отставать от возможностей, заложенных в перспективе развития техники в этом же пятилетии. Мы видим в процессе составления плана, как установка на реконструкцию, сделанная даже с недостаточной смелостью в контрольных цифрах, заставляет научно-технические силы лабораторий связи, а также промышленности усилить темп технических разработок, могущих обеспечить отдельные части реконструкции хозяйства связи. При разработках выясняется часто, что можно и нужно итти дальше намеченного. Таким образом, установка контрольных цифр и плана на реконструкцию заставляет быстрее двигаться техника и организатора и способствует созданию условий для развития новых форм каждой части хозяйства, в наибольшей степени отвечающих тем процессам, которые идут во всем хозяйстве страны.

Какие отличительные черты имело хозяйство связи в предыдущий период и в особенности до 1925 г.? Оно характеризовалось устойчивостью форм, устойчивостью взгляда на средства связи, как нечто оторванное от всего хозяйственного целого. Типичное сметно-бюджетное существование, отсутствие данных об основных элементах хозяйства связи, его основном капитале, затянувшийся восстановительный период и замедление необходимых капитальных вложений, — все это создавало чрезвычайную неподвижность не только во взглядах на хозяйство связи как внутри его, так и со стороны других органов, но и влекло за собой отставание в методах и приемах, поставленных во всем народном хозяйстве Союза.

Хозяйство связи оказалось поэтому позади других в составлении плана. Оно, в силу этих же причин, с чрезвычайной трудностью поддавалось элементам реконструкции. Между тем, быстрота технических достижений, изменения в технике массовой связи, в особенности в телефонии и радио, были наибольшими по сравнению с другими отраслями техники. Отрицательно на развитии хозяйства связи сказалась, кроме того, разобщенность отдельных его элементов. Так, например, до 1925 г. включа-

лись в состав хозяйства связи, главным образом, почта и телеграф и лишь в небольшой доле присоединены были телефонные и радио средства. В нынешний период еще не закончен достаточно полно процесс организации разбросанного ранее по разным ведомствам, развивающегося без единого плана хозяйства. Приняты телефонные сети (после 1925 г.), частью принято радиохозяйство, происходят уже значительные вложения в городские телефонные сети и в радиофикацию, при чем последняя, однако, может быть включена в план только после просмотра об'ема и характера основного капитала, заложенного в радиооборудование, и определения направления развития.

Несмотря на все эти чрезвычайно неблагоприятные условия, еще в 1925 г. было взято направление на решительное изменение всей структуры связи. Тогда же начата была коренная перестройка всего хозяйства связи, внесены резкие изменения в систему сети и ее обслуживания. Но эти изменения могли затронуть, главным образом, почту, где можно было обойтись без крупных капитальных вложений, но мало коснулись электрической связи и ее основного технического оборудования.

Но как только ресурсы внутреннего накопления стали большими, начато было коренное переустройство на линиях и станциях электрической связи, в особенности на телефонных сетях. Вместе с тем, началось и капитальное оборудование крупных почтовых центров и основных линий механическими устройствами, до тех пор почти не имевшими места на почте. Каждый следующий год давал все больший разгон реконструктивному процессу, тем более, что изменения в спросе на средства связи, изменения характера этого спроса, усиление массовости в использовании не только почтовых переброс ок (газета, книга), но и электрических (телефон, радио) сообщений требовали более мощных и, вместе с тем, более низких по стоимости средств связи — оборудования.

В чем выразились изменения в спросе на услуги связи? Со стороны социалистического сектора — хозяйственных и административных органов повышаются требования к быстроте переброски и передаче сообщений в виду усиливающегося темпа всей хозяйственной и культурной жизни страны. Смещения, которые происходят между различными видами связи, между различными типами отправлений (от почты и до радио включительно) отражают этот характер спроса. К примеру — непосредственный разговор по телефону вне города все больше и больше заменяет телеграммы. Усиливается использование городского телефона. Радиоинформация заменяет часть письменных сообщений.

Другой отличительной чертой развития потребности в средствах связи, диктующей изменение соотношений между различными ее видами, является наибольший темп индивидуального спроса на использование средств связи, с одновременно устанавливающейся стабилизацией и слабым количественно расширением спроса по линии обобществленных органов. Но это лишь кажущаяся ненормальность. Развитие индивидуального спроса не отражает усиленного обслуживания коммерсанта-частника и уменьшения роли связи в обслуживании советского хозяйства и администрировании. Усиливающаяся плановость и рационализация государственного, промышленного, товаро-проводящего аппаратов требует не столько увеличения количества письменных сношений, переговоров и телеграмм, сколько расширения сети самих сообщений и обеспеченности в быстроте. Развитие же индивидуального спроса на средства связи идет по линии намечаемого социальным переустройством страны резкого повышения культурной жизни, ее запросов. Так, например, в первую очередь усиливается роль идущих через почту произведений печати — газет, журналов, книг,— все больше ширится применение радио в воспитании, культурном

отдыхе, в быту, а телефонная связь, являющаяся еще до сих пор в большинстве мест привилегией государственных учреждений и предприятий, испытывает все более расширяющийся спрос со стороны не только городского, но и сельского трудового населения.

Это направление спроса застает хозяйство связи сейчас неподготовленным к удовлетворению платежеспособного спроса на телефонные и радиосообщения. Такое положение в значительной степени останется и на протяжении пятилетки в виду лимитов, устанавливаемых промышленностью по производству оборудования, а также возможности финансирования капитального строительства из внутренних накоплений связи и общегосударственного бюджета. Эти лимиты определяют масштабы развития хозяйства связи в перспективе, не меняя, однако, основного направления развития этого хозяйства.

Какие количественные изменения намечаются в перспективе спроса, каиие тенденции выявляются в росте массы обмена? Прирост за пятилетие почтовых отправлений предполагается в 67,3%, телефонных в размере 62,8%, тогда как телеграфный обмен, в значительной своей части обслуживающий обобществленный сектор и официальные хозяйственные сношения, предполагается к увеличению лишь на 13,9%.

Обмен в учетных единицах за пятилетие 1928/29—1931/33 гг.

	1927/28 г.	1928/29 г.	1932/33 г.	Процент прироста за пятилетие
Почта	2.370.904	2.802.197	4.419.330	86,3
Телеграф	455.390	469.345	535.862	17,8
Телефон	689.054	752.665	1.149.153	66,7

В соотношении различных видов обмена происходят поэтому к концу пятилетия значительные изменения. Почта от 67,4% в 1927/28 г. увеличивается в доле до 72,4% в 1932/33 г., а телеграф от 12,9% своей доли в общем обмене снижается в перспективе до 8,8%. Но еще более характерные изменения должны произойти в соотношениях внутри каждого вида связи. Так, например, по почте чрезвычайно вырастает роль печати: прирост за пять лет периодических изданий предполагается на 89,3%, а по отношению к 1913 г. прирост составит 324%, при чем развитие этого обмена идет, главным образом, за счет газет и относится больше всего к селу. В результате, периодические издания, удельный вес которых в начале пятилетия составлял 51%, к концу пятилетия дадут 58%. Почти такой же темп по электрическим средствам связи дают междугородные телефонные сообщения, проектируемые приростом на 63%. Увеличение спроса по городским телефонным сетям проектируется на 77%, и это — несмотря на то, что как по междугородному, так и по городскому телефону мы явно не сможем удовлетворить платежеспособного спроса, в виду недостаточного развития сети и трудности для промышленности по сырьевым, производственным возможностям развить в достаточной мере изготовление материалов и приборов для городских и междугородных телефонных сообщений.

Это изменение характера спроса отражается не только на темпах и соотношениях, но и дает себя знать в абсолютных цифрах. Так, например, обмен телеграмм (обработка в словах) к концу пятилетия составит

только 73% против 1913 г., тогда как число абонентов городских телефонных сетей за пятилетие увеличивается на 77,6%.

Таким образом, мы видим резкие изменения в характере спроса,— изменения, которые будут еще усиливаться в определившемся уже направлении, при расширении сети обслуживания и еще большем охвате этой сетью села.

Уже одно только пассивное удовлетворение спроса без его активизации должно резко отразиться на сети связи, на характере ее переустройства, на изменении соотношений между оборудованием электрической связи и оборудованием сети почты. Намеченное развитие сети электрической связи на пятилетку предопределяет значительные капитальные вложения, которые необходимо произвести в телефонном и радиостроительстве. Между прочим, последнее, еще не включенное полностью в план, будет давать огромный темп развития, не идущий в сравнение ни с каким другим средством связи, именно в силу своей массовости, в силу всестороннего обслуживания им различных культурно-бытовых и хозяйственных нужд. Активизация спроса, возможно выходящая за рамки плана может быть проведена в случае разработки и применения наиболее совершенных технических устройств, допускающих быструю обработку массовых отправлений — писем и телеграмм, допускающих резкое снижение себестоимости и тарифов. К этому относятся всякого рода механические устройства для обработки отправлений, главным образом, в больших почтовых узлах и телеграфные аппараты огромной быстроты. Изменения в характере спроса, оставляющие средства телеграфных сообщений без достаточного использования (обмен — ниже довоенного, а средства — выше довоенных), заставляют усиленно разрабатывать способы реконструкции телеграфной связи. Есть данные за то, что при разрешении ряда технических и эксплоатационных проблем телеграф может превратиться в массовое средство электрических сношений с резким уменьшением себестоимости и с применением в новых областях — там, где обычная медленная передача человеческой речи по телефону может быть резко ускорена, „механизирована". Кроме того, задачи удешевления себестоимости, подготовки средств связи к большей нагрузке требуют пересмотра и рационализации как организационной стороны всех средств связи, так и разработки ряда технических проблем для максимального взаимного использования средств одного вида связи другим, для комбинированных общих устройств и установления полного единства всей сети электрической и почтовой связи, как целостной системы.

Эти задачи в значительной доле отражаются в перспективах развития хозяйственной связи на пятилетие, отражаются в характере капитальных вложений и в усилении доли затрат на оборудование, связанное с реконструктивным процессом.

Но было бы ошибкой утверждать, что в контрольных цифрах и в заканчивающейся разработкой пятилетке дается законченный план реконструкции. Можно считать лишь, что в ней имеется первое приближение к этому плану.

Какой же представляется сеть связи в приведенной обстановке?

Сеть связи должна не только удовлетворять требованиям спроса на связь со стороны народного хозяйства и культурных потребностей населения, но она вместе с тем, должна вызывать к жизни спрос, не находящий сейчас выхода в виду отсутствия во многих местах даже элементарной сети связи в виде почты, не говоря уже об отсутствии в еще большем количестве населенных пунктов сети электрической связи. Для того чтобы связь возможно лучше и полнее охватила хозяйственную, административную деятельность, культурные потребности, необходимо,

чтобы она не оставила без охвата все население и населенные пункты. Несмотря на коренное переустройство почтовой сети, начатое в 1924/25 г., несмотря на значительные достижения в этом охвате, не идущие ни в какое сравнение с довоенным временем, все же к концу пятилетия мы, очевидно, не сможем выполнить задачи исчерпывающего охвата всех населенных пунктов и всего населения элементарной почтовой связью. Имея сейчас охват 83,9% населения и 49,0% населенных пунктов, мы можем достигнуть к концу пятилетия охвата почтовой связью 88,2% населения и 53,6% населенных пунктов. Правда, процент охвата населенных пунктов исчисляется от общего количества всех поселений, включительно до хуторов и отдельных домиков. Населенные пункты, имеющие 50 чел., проектируется непосредственно обслуживать почтовым агентом — сельским письмоносцем; это — передвижной способ почты. Там, где население достигает 1.000 чел., предполагается обслуживание „оседлыми" агентами, от которых уже пойдут дальше сельские письмоносцы. Пункты с населением выше 5.000 чел. будут обслуживаться небольшими эксплоатационными узелками - отделениями, а административные центры — окрконторами — организаторами связи определенного района. Прирост почтово-телеграфных предприятий проектируется за пятилетие на 15,9%, а сеть почтовых ящиков — этих первичных опорных пунктов хода почты — на 42,8%. Увеличенная сеть рассчитана на прирост обмена в среднем на одно предприятие на 47,5%.

В этом развитии сети должны быть подтянуты сильно отставшие районы, главным образом, в Восточной Сибири, Казакстане, где прирост почтовой сети на пятилетие соответственно намечен на 105% и 92%. Резкое усиление охвата почтовой сетью отставших районов вызывается, с одной стороны, необходимостью элементарного охвата адм.-хоз. пунктов, расположенных на огромных территориях, а с другой стороны — необходимостью вызвать новый спрос на обслуживание связью, как правило появляющийся там, где происходит охват почтой сначала посредством проникновения газет, а затем и остальных видов сообщений. Но это заполнение пробелов не должно исключить интенсификации почтовой связи в центральных важнейших районах с достаточной густотой населения и значительно развитой культурной жизнью. Но здесь необходимо усиление следующей ступени — увеличение скорости движения почт, частоты ее хода. До сих пор мы имеем еще в среднем 2,5 раза хода почт в неделю. На окраинах эта частота еще более недостаточна — местами она достигает лишь раза в неделю. В пятилетнем плане проектируется довести частоту хода почт на трактах в среднем по СССР до 3,31 раза в неделю. Это — одно из слабых мест перспективы движения почты, которая лишь на первостепенных трактах будет итти 6 раз в неделю, на трактах второй и третьей групп — 4 раза, на остальных же — в зависимости от об'ема обмена и экономического и географического расположения пунктов. Частота движения недостаточна даже на жел.-дор. путях, где почта до сих пор использует только 63% поездов. Частота движения на жел. дор. предполагается к увеличению на 28,6%, а пробега почтовых вагонов в километрах — на 58,4%. Это должно вызвать увеличение вагонного парка на 37,6%, что даст возможность использовать ежедневное движение поездов. Водные пути, при условии использования водного транспорта НКПС, должны получить дополнение специальным почтовым облегченным транспортом, главным образом, в тех местах, где нет обеспеченного регулярного общего водного движения. Это вызывает увеличение протяжения водных путей на 8,6% и пробега — на 10,8%. В итоге протяжение почтовых трактов всех видов вырастет на 15,3%, а пробег на 51,3%.

В чем заключается реконструкция сети почтовой связи? По основным центральным пунктам обмена — Москва, Ленинград, Харьков,— начата и будет закончена в пятилетие полная механизация. Обработка и передвижение почты, кроме внутренней механизации, усиливается автотранспортом и электровозами и в этом отношении образцом коренной переделки явится харьковский почтамт, располагаемый вблизи вокзала, с последовательной механизацией всего процесса вплоть до погрузки на поезда. Вся же массовая почтовая сеть, до сельских пунктов включительно, а также относительно крупные узлы будут основываться, главным образом, на рационализации процесса обмена с применением автотранспорта для движения почт вне почтовых предприятий, но без механизации внутри почты, так как кроме больших центров она в большинстве случаев не может оправдать себя. Почта отличается тем, что в ней органическое строение капитала чрезвычайно низко и различные формы применения труда вплоть до использования сельского письмоносца в качестве переносящей груз силы останется не только в пятилетие, но, вероятно, далеко за его пределами.

Несовершенство почтовой сети проявляется, главным образом, в медленном движении почты в сторону от железных дорог. Здесь можно и нужно итти к резкому усилению автотранспорта, который предполагается к увеличению в количестве машин на 215% в пятилетие с приростом пробега на 165,8%. Можно считать прочно установленным, что если машина будет занята не меньше 6 часов в сутки и 8 месяцев в году, то постановка специальной почтовой машины, дополняемой пассажирами, является совершенно целесообразной. Механизация почтового движения на трактах затруднена, однако, состоянием дорог и климатическими условиями. Только тогда автомобильное сообщение может обеспечивать почтовое движение, когда оно идет круглый год, чего можно достигнуть при нынешнем состоянии автотранспорта лишь в отдельных, главным образом, оживленных по движению районах. Наши пробы с автосанями, в том числе шведскими, снабженными ленточной передачей, не были достаточно успешны в силу особенностей наших трактовых дорог, изрытых глубокими колеями. До сих пор еще нет у нас такого типа машин, которые были бы пригодны как для летнего, так и зимнего обслуживания, и это вызывает значительное осложнение в расширенном применении автотранспорта на почтовых путях. Здесь выход, очевидно, не только и не столько в самом автомобиле, сколько в организации дорог и ухода за ними, как это имеет место не только под Москвой, на двух шоссе, но практиковалось и на севере по дорогам, где ходили почтовые машины. НКПиТ принимал участие во всех попытках разрешить вопрос о водном транспорте на мелководьи с глиссерами, а для зимних бездорожных путей с аэросанями, но эти разработки до сих пор давали в лучшем случае лишь спортивные, а не твердые эксплоатационные образцы.

Неполнота использования по сезонным причинам препятствует также более усиленному применению для почты аэросообщений. Почтовый „пробег“ по аэропутям запроектирован к увеличению на пятилетие на 421%, но это все же охватит только около 80% плана особой комиссии гражданской авиации. Почтовые аэросообщения не имеют достаточной нагрузки, несмотря на то, что летный сезон приобретает все большую правильность. Но время осенних и зимних перерывов препятствует приучению хозяйственных органов и населения к регулярному использованию воздушной связи. Кроме того, аэросообщения, мало согласованные с железнодорожным расписанием и всей системой железнодорожного транспорта, не дают возможности сочетать оба вида транспортных средств для правильной организации почтовых сообщений.

Сезонность препятствует более широкому применению и других механических средств передвижения, например, велосипедов; ими почта может опять-таки пользоваться лишь в городах и некоторых южных районах. Имеются попытки привить и расширить в перспективе применение лыж для хода письмоносцев в зимнее время, но продвижение этого средства идет с трудом в силу отсутствия культурных навыков, отсутствия опыта других организаций и, кроме того, отсутствия налаженного производства лыж.

Почта имеет пределы реконструктивных устремлений на своей сети и путях к ней, поставленные общимм условиями дорог и транспорта, развитием автомобильного производства и дорожного строительства. Характерно, что несмотря на увеличение количества автомашин в пятилетке с 404 до 1.273 (215,0%), несмотря на увеличение пробега почты по воздушным путям на 421% и по автотранспорту на 165,8%, абсолютные цифры хода сельского письмоносца (частью конного, а в большинстве случаев пешего) далеко оставляют позади величину пробега почты механизированными видами транспорта, включая и воздушные пути. Приводимая таблица ясно говорит, что почта своими силами не может разрешить задачи коренной перестройки почтового движения.

Запроектированный на пятилетие пробег почты

Виды транспорта	1927/28 г. в млн. км	Удельный вес	1932/33 г.	Удельный вес	Процент прироста
Железнодорожный	63,8	29,6	101,0	26,8	58,4
Водный	7,3	3,4	8,1	2,2	10,8
Воздушный	2,1	1,0	10,8	2,9	421,4
Автотранспорт	7,2	3,3	19,2	5,1	165,8
Гужевой	55,9	26,0	82,2	21,8	47,1
Сельский письмоносец	79,0	36,7	155,1	41,2	96,16
Итого	215,3	100	376,3	100	74,8

Коренные изменения в переброске извещений, идущих через почту главным образом, коротких писем, заложены в дальнейших технических и эксплоатационных разработках, которые должны увязать часть почтовой системы с системой электрической связи. Переброска сначала открытых писем, а затем и более подробных сообщений вместо почтового транспорта электрическим путем, соединение в этом смысле почты с новейшими телеграфными приборами, с системой передачи текста на расстояние, существующей сейчас лишь в зародышевом эксплоатационном виде, может дать толчок к значительной реконструкции почты в общей системе связи. Но эта сторона в плане не нашла еще отражения.

Если в области почты возможность дальнейшей реконструкции пока значительно ограничена, то в электрической связи предполагаются большие сдвиги, которые тоже недостаточно еще отображены пятилетней перспективой, так как технические достижения последнего времени, тре-

бующие технико-экономической проверки, не позволяют определить конкретно количественных и качественных изменений, которые могут быть внесены в систему электрической связи. Даже в телеграфе, который отличался застоем в технике, намечаются в перспективе такие изменения, которые могут дать толчок новому более широкому использованию этого средства электрических сообщений.

Какая установка дается в отношении сети телеграфа, телефона, радио? Прежде всего, все более уничтожается традиционное деление этих средств и использование их врозь, изолировано друг от друга. Обособленность, антагонизм между техникой и техниками различных видов электрической связи затрудняли использование этих трех способов электрических сообщений, как одного целого. Уже накануне первого года пятилетки мы располагали определенными результатами от соединения отдельных элементов электрической связи в одну систему, использования оборудования одного вида для другого, общности устройств не только на линиях, но во многих случаях и на станциях, а также от решительного перехода к новейшему техническому оборудованию, в особенности, на телефонных и радиосообщениях.

В области электрической связи, как и в почте, основная линия развития и изменений в оборудовании взята на массовость. Массовое использование электрической связи может итти, главным образом, по телефону, наиболее доступному в обращении, не требующему сдачи письменных извещений в определенные места (телеграфные пункты), и затем путем радио, которое должно чрезвычайно сильно расширить сферу применения не только в передаче телеграмм и радиовещания, но и в телефонных связях, в особенности на далеких расстояниях. Элементы радио проникают во все виды электрической связи, позволяя осуществлять об'единение служб телеграфа и телефона на одних и тех же проводах, на одних и тех же радиостанциях, трансляционных пунктах и т. д. Элементы радиоустройств заключены в многократном (несколько одновременно идущих разговоров) телефонировании по одной и той же цепи. Благодаря этим же элементам радио и телеграфирование идет на этих же проводах. Все это разработанные и применямые уже в эксплоатации приемы новой техники. С одной стороны, расширяется использование проволоки для радиосети, основные радиостанции об'единяются телефонными проводами вне городов в одну систему, применяется проволочное городское и междугородное телефонирование для передачи широковещания по проводам. А с другой стороны, взамен и на помощь проволоке на дальних расстояниях может практически уже итти обыкновенная телефонная двусторонняя связь, правильная эксплоатация которой в данный момент ведется через коротковолновые радиотелефонные станции между Германией и Буэнос-Айресом и между Голландией и островом Ява. Для такого взаимного использования устройств различных видов связи необходимо применение бронзы и кабеля на телеграфно-телефонных линиях вместо практикующейся в большинстве случаев подвески для этих целей железа.

Как отражается все это в пятилетней перспективе? Наиболее высокое место в капитальных вложениях, по электрической связи, имеющих реконструктивное значение, занимает оборудование городских телефонных сетей, переходящих во всех более или менее крупных станциях на автоматическую систему. На путь выбора автоматической системы, как основной в новых капитальных вложениях, НКПиТ встал еще в 1925 г. в результате изучения в Германии и в Швеции развития телефонных устройств. В пятилетке предполагается довести количество автоматических номеров до 188.000. Ставка на последнюю технику, имеющуюся на городских телефонных сообщениях, должна быть сделана, очевидно,

и на небольших сельских станциях, эксплоатация которых может быть рентабельна лишь при резком сокращении эксплоатационных расходов, падающих, главным образом, на дежурных при этих станциях. Задача перехода на автоматику потребовала постановки производства этого типа телефонного оборудования на наших советских заводах. К нынешнему времени уже выясняется, что возможный размер выпускаемой в последующие годы продукции не только может вполне обеспечить заявленную в автоматике потребность, но даже превысит намеченный НКПиТ план капитальных вложений, суживаемый против потребности по финансовым соображениям. В итоге к концу пятилетия в хозяйстве городских телефонных сетей автоматическое оборудование выразится в 39,4% по удельному весу всех установок. В междугородных телефонных сообщениях проектируется продолжение перехода на бронзовые провода, позволяющие, как правило, использовать их и для телеграфных магистральных связей. Специальные (железные) телеграфные линии останутся лишь там, где затруднено устройство телефона на дальнее расстояние, где нет еще совершенно электрической связи, где в силу ограниченных сырьевых и финансовых возможностей нельзя прибегать к подвеске бронзовых проводов.

Телефонные магистрали в проекте пятилетки получают продвижение на восток, который был до сих пор совершенно оголен от междугородной телефонной связи. Вся проволочная сеть (телеграф и междугородный телефон) предполагает прирост за пятилетие на 16,4%, но за то междугородные телефонные сообщения проектируются с приростом свыше чем на 100%, телеграфные же специальные (железные) линии намечаются к увеличению только на 2,3%. Из этого видно, что ставка на реконструкцию линейных сооружений взята достаточно определенно. Опять-таки здесь нельзя считать исключенными значительные изменения, которые могут быть при дальнейшей проработке пятилетки в результате технических достижений. Широкое применение подземного кабеля за границей, в особенности в Германии, соединение посредством его не только отдельных пунктов для телеграфно-телефонной связи, но и организация целостной системы городских телефонных сообщений крупнейших центров посредством междугородных кабелей потребует более решительного, чем это намечено проектом пятилетки, перехода на кабель не только внутри телеграфно-телефонных узлов, но и между городами, имеющими крупнейшие автоматические станции и значительный поток междугородных отправлений. Уже теперь ведутся разработки технико-экономического порядка по проектированию кабельной линии Москва — Харьков. Эти разработки даже в нынешней их стадии позволяют сказать, что кроме запроектированных 435 *км* кабеля внутри телеграфно-телефонных узлов явится необходимость включить в пятилетие часть этого междугородного каблирования.

Однако, не только в новых капитальных устройствах проявляются реконструктивные моменты на линиях электрической связи. Для того чтобы сделать линейное хозяйство более совершенным и устойчивым, намечается дальнейшее развитие электросварки проводов, консервирование столбов и применение, кроме бронзы, так называемого биметаллического провода (сталь покрытая медной оболочкой), опыты подвески которого происходят уже в этом году. На ряду с этим должно быть произведено перепланирование сети в соответствии с районированием страны.

Поскольку вся проволочная сеть электрических сообщений станет больше довоенной на 98%, постольку необходима интенсификация использования этой огромной сети связи. В этом отношении должен быть

сделан ряд шагов по рационализации станционного оборудования, применения наиболее быстродействующих и, вместе с тем, более экономных систем, допускающих удешевление и увеличение обмена. Станционное оборудование на телеграфе характеризуется отсталостью и многотипностью. Технические сдвиги последних лет мало коснулись его не только у нас, но и за границей, за исключением аппаратов для передачи изображений и текста, работающих с огромной быстротой как по проволочным, так и беспроволочным путям. Техника станционных телеграфных сооружений не дала ничего чрезвычайного. Пятилеткой проектируется начатое уже уменьшение количества типов и применение новых аппаратов системы Шорина, представляющих собою подобие пишущей машинки, могущей быть установленной не только на телеграфной станции, но и в любом предприятии, учреждении. В последнее время — при окончании разработки пятилетки — оказалось возможным провести в первые три — четыре года пятилетия коренную рационализацию станционной службы телеграфа применением для всех телеграфных систем единой клавиатуры пишущей машинки Ундервуд, что позволяет еще больше упростить и удешевить эксплоатацию и позволит на любой системе телеграфного аппарата работать любому, умеющему работать на пишущей машинке.

Этим не исчерпываются директивы по реконструрции службы телеграфа. При развившейся сети телефонных связей телеграф может сохранить и усилить значение в дальнейшем лишь при чрезвычайной быстроте передачи телеграмм, при возможности переброски небольшими станционными средствами значительного потока слов. Эти требования должны быть поставлены, как директива в дополнительных разработках пятилетнего плана. Телеграфу нужно отойти от привычных форм, чтобы выполнить задачу огромного повышения скорости передачи, для превращения его в массовое, доступное средство передачи сообщений. Электрофото-оптика, приборы, воспроизводящие 5000 букв в минуту (устанавливаемые сейчас для эксплоатации на линии Ленинград—Москва), — таков ход развития нового телеграфа, если можно будет дальше называть его этим именем.

Каков же при этом получится прирост охвата населенных пунктов, а в особенности местных районных центров хозяйственной и административной деятельности — риков и виков — путем проволочной электрической связи? Этот прирост не велик. Вся сеть электрической проволочной связи охватит новых 3.100 пунктов, главным образом, риков и сельсоветов и только часть попутных к ним сел. Потребность сельских мест в телефонно-телеграфной связи между собою и районными центрами явно не получит достаточного удовлетворения. Можно ли на этом участке плана намечать значительные изменения? Нет. Мы видели, что по об'ему своих линейных устройств сеть проволочной электрической связи между населенными пунктами станет в сделанной уже наметке плана на 98% больше довоенного, явно приходя в несоответствие с размерами обмена по этой же сети — обмена, далеко отстоющего в темпе от об'ема средств проволочной электрической связи. Расширяя дальше охват новых пунктов, но не закрепив основных узлов, не переоборудовав их, не впитав массу обмена, было бы нецелесообразно развивать начальную сеть, не гарантированную достаточной нагрузкой и отвлекающую, вместе с тем, значительную часть средств от капитальных сооружений, вызываемых требованиями реконструкции и оправдываемых наиболее эффективным использованием.

Массовый охват сельских пунктов может итти лишь по линии радиосвязи, не требующей значительных вложений в линейные сооружения и их эксплоатацию.

Радиосеть как в своих передающих станциях, так и в приемных устройствах достаточно интенсивно уже сейчас подвергается реконструированию. На опыте других стран, а также на опыте предыдущих лет развития радио как для так называемых „коммерческих“ целей, так и для проведения радиовещания, мы видим огромные затруднения в составлении перспективного плана развития, и плана коренных переустройств, так как каждый год вносит новое в радиотехнику и это новое настолько значительно, что при медленности осуществления промышленностью заданных по постройке сооружений по новейшим техническим данным они к моменту окончания постройки становятся уже устаревшими, не говоря уже о том, что в последующие годы приходится либо ставить рядом с ними уже резко отличные установки, либо производить переустройство прежних сооружений. Поэтому как в Западной Европе, так и у нас каждая из более или менее крупных радиостанций представляет собою непрерывно перестраивающуюся и совершенствующуюся единицу, и конца этого процесса мы, конечно, не можем видеть в пятилетии, да и, пожалуй, требование устойчивости определенного типа на целый ряд лет подорвало бы те разработки в области радиотехники, которые приводят к непрерывным изменениям и улучшениям.

Радиосеть обычно разделяли и в значительной степени разделяют и до сих пор на так называемую „коммерческую“, которая обслуживает, главным образом, радиотелеграфные связи, и на сеть передающих станций, предназначенных для широковещания. Кроме того, отдельно рассматривается радиофикация страны массой приемных устройств, находящихся как в коллективах, так и в индивидуальном пользовании. Однако, с каждым следующим днем и здесь стираются различия. По плану радиосети, станции, так называемой „коммерческой“ службы, намечаются и строятся в тех же местах, которые являются опорными пунктами для постановки широковещательных станций. Естественно, что они должны быть проектированы и территориально совмещены для облегчения и удешевления эксплоатации и капитального строительства. Радиотехника переплетает каждую из телеграфных и радиотелеграфных станций между собою не только общим помещением, силовым устройством и эксплоатационным персоналом: она переплетает их в функциях каждого радиопередатчика. Каждая радиотелефонная станция не только приспособлена, но и выполняет работу либо для коммерческих радиотелеграфных сношений, либо для двусторонней радиотелефонной связи, а также для передачи изображений на расстояние, так как во всех этих случаях необходима и пригодна радиотелефонная станция, предназначенная для широковещания. Специальные радиотелеграфные передатчики остаются в нескольких пунктах, главным образом, на сверхмагистралях для замены, либо для дополнения проволочной связи, по сравнению с которой быстродействующая работа на коротких волнах мощных передатчиков является более выгодной и обеспеченной. Таким образом, основными центрами радиосети, где сосредоточены уже сейчас постройки по несколько передатчиков различного характера, являются Москва, Хабаровск, Новосибирск, Свердловск, Ташкент, Тифлис и Баку. В них идет сооружение, с одной стороны, коротковолновых передатчиков до 20 квт., которые предназначены для быстродействующей радиотелеграфной связи; с другой стороны, намечается, кроме заканчивающегося установкой в Москве 20 квт. радиотелефонного передатчика и имеющегося в Хабаровске приблизительно такой же мощности, коротковолновая радиостанция в 60 квт., которая по своему радиусу действия явится одной из сильнейших мировых станций и предназначена как для непосредственных радиотелеграфных связей с Америкой, так и для широковещания,

охватывающего наибольшую часть территории земного шара. Следующая группа передатчиков, которая устанавливается сейчас в Москве, Свердловске и Ташкенте, предназначена для взаимного телефонирования, для обычного абонентского разговора по этим междугородным „линиям". Это — передатчики относительно небольшой мощности, порядка 10 квт., с одной стороны, коротковолновые, а с другой стороны, нового типа. В радиоволнах, излучаемых радиопередатчиком, уничтожены в значительной степени паразитические боковые полосы, чем увеличивается дальность действия до трех раз. Следующая группа станций, имеющая все те же, с некоторым добавлением, основные базы, включает радиотелефонные станции, предназначенные для широковещания. В Москве, Новосибирске, Ленинграде, Харькове и по всему основному костяку радиотелефонных широковещательных станций намечено и проводится как в проектах, так и в имеющихся разработках и постройках значительное увеличение мощности, пределы которой пока устанавливаются для московского передатчика в 300 квт., для ленинградского (уже строящегося) в 75 квт., для Новосибирска с такой же мощностью. В Свердловске же, Ташкенте и Тифлисе мощность передатчиков как действующих, так и строящихся определяется в 20—25 квт. Такая сеть радиостанций, каждая из которых предназначена для одного вида работы, может быть пригодна для различных комбинаций от радиотелеграфной передачи до передачи изображений включительно.

Какая линия проходит в области радио в усовершенствованиях, разработках, конструктивном оформлении? Вместо огромных мощностей длинноволновых станций, предназначенных для коммерческой радиотелеграфной службы, сейчас во всех странах проводится, и мы от этого стараемся не отставать, переход на меньшие мощности, на коротковолновые станции, эксплоатационно наиболее выгодные, имеющие наименьшие потери при прохождении своих волн. Например, вместо мощностей, применяемых для трансляционных сообщений от 500 и до 1.200 квт; сейчас коротковолновые станции, применяемые для этих же сообщений, имеют лишь от 20 и до 60 квт., что дает огромную разницу в затратах на эксплоатацию и в стоимости сооружений. Радиопути все более становятся на замену проволоки и кабеля, и сейчас мы присутствуем при чрезвычайно сложной картине борьбы между собой кабельных и крупных радиокомпаний, где победителями оказываются Маркони и другие радиофирмы. Повышенная мощность оставляется лишь для той группы длинноволновых станций, которая предназначена широковещать. Здесь пока еще радиотехника не дала возможности устранить недостатки коротких волн в применении для широковещания, заключающиеся в том, что короткие волны, действуя на огромнейшие расстояния, в то же время оказываются не в силах покрыть все населенные пункты, лежащие в определенном радиусе в той же степени равномерно, как это происходит при передаче широковещания на длинных волнах. Кроме того, здесь приходится учитывать большую простоту приемной аппаратуры для индивидуального и коллективного слушателя радиовещания.

Мы видим, что в передающей радиосети достаточно четко установились реконструктивные принципы ее развития. Здесь возможны лишь некоторые изменения в запроектированных сооружениях в виду уже известных нам новых разработок, позволяющих применить на радиотелефонных передатчиках те же принципы, которые применяются и на телефонной проволоке, т.-е. что каждый передатчик может одновременно давать 2—3 различных как телеграфных, так и телефонных передачи; иными словами, многократное телефонирование, применяемое на междугородных телефонных линиях, перейдет, очевидно, и в область радио.

Несмотря все же на такую относительную широту, план радиостроительства передающих станций требует сравнительно небольшой доли от капитальных вложений; на всем протяжении пятилетия удельный вес вложений на радио составляет 5,32%.

Гораздо сложнее обстоит дело со всякого рода приемными устройствами, радиофицирующими населенные пункты, коллективы и одиночных слушателей во всем Советском Союзе. Крайне недостаточная насыщенность устройствами для приема широковещания заставляет наметить линию более форсированного хода развития приемной сети, но в этой части разработки далеко еще нельзя считать законченными. Эти разработки упираются в резкое расхождение между платежеспособным спросом как индивидуальных слушателей, так и коллективных групп, с одной стороны, и возможностью, которая имеется у промышленности на намечаемое пятилетие — с другой. Если вся электропромышленность в целом по различным разделам радиофикации может, очевидно, дать продукции не больше, чем на 200—230 млн. руб., включая и основных государственных заказчиков, то потребности, выявляемые радиолюбителями и радиослушателями, во всей массе увеличивают эту цифру, по крайней мере, вдвое. На это дело можно получить значительные средства непосредственно у населения, не затрагивая государственного и местных бюджетов, но для этого нужно обеспечить продукцию; нужно ставить вопрос о расширении сырьевой и производственной базы электропромышленности, так как длительное расхождение между потребностью и спросом на радиоизделия отразится на темпе поднятия культурно-просветительной работы, ведущейся в стране.

Кроме приема радиовещания исключительно по эфиру, сейчас проводится намеченный пока на год план радиофикации посредством имеющихся телефонных проводов с некоторой достройкой оборудования на телефонных станциях. Для этой части радиофикации на 1 год потребность выражается в 11,5 млн. руб., которая может быть удовлетворена промышленностью не больше, чем на 25—30%. Следовательно, вопрос радиофикации страны, дальнейшей ее перспективы, не может быть разрешен без того, чтобы не была намечена в первую очередь возможность развертывания электропромышленности и ее сырьевой базы, так как это исключительно определяет пятилетнюю наметку радиовещания. Иначе возможность будет во всяком случае меньше, нежели выявляемый и все более резко ощущаемый платежеспособный спрос.

Какая же получается в итоге картина соотношений по капитальному строительству, по реконструктивным работам на пятилетие? По реконструктивным работам наибольшую долю вложений поглощает автоматика на городских телефонных сетях; она составляет 25% к общей сумме капитальных работ по всему хозяйству связи, а к общей сумме капитальных вложений по телефонному хозяйству автоматика составляет 44,8%.

Нижеследующая таблица характеризует капитальные вложения по видам связи в абсолютных цифрах и по удельному их весу (см. табл. на след. стр.).

Удельные веса капитальных вложений говорят о значительном отражении реконструктивных моментов, уже обрисованных в настоящей статье. Увеличивается доля вложений в почту, главным образом, на новые почтовые вагоны, автомобили, механизацию. Значительно уменьшается доля расхода на телеграф, стабилизующийся в своих линиях и подвергающийся коренному переустройству лишь на станциях, где размеры этих капитальных затрат не выражаются в значительных суммах. Уменьшается доля радио потому, что целый ряд построек заложен

Соотношение капитальных вложений по видам связи

(В абсолютных цифрах и удельных весах)

Вложения	1927/28 г.		За пять лет	
	В млн. руб.	Удельный вес	В млн. руб.	Удельный вес
Почта	2,52	7,67	34,31	10,98
Телеграф	2,99	9,09	21,71	6,95
Радио	2,51	7,64	19,83	6,34
Телефон	14,47	44,02	163.05	52,18
Гражданские сооружения	10,16	30,91	67,93	21,74
Хозяйственный инвентарь	—	—	5,66	1,81
Оборудование лабораторий	0,22	0,67		
Итого	32,87	100,0	312,49	100,0

и произведен еще в 1927/28 г., но тут возможно некоторое увеличение вложений в зависимости от общего плана радиофикации, который не отражен еще здесь. Несомненно, что общий план радиофикации нарушит в отношении радио общую сумму капитальных вложений. Далее значительно увеличивается доля телефона, как мы уже говорили, главным образом, за счет автоматики, при чем нужно учесть, что гражданские сооружения как относящиеся к 1927/28 г. так и намеченные в пятилетнем плане, в подавляющем большинстве случаев относятся опять-таки к автоматическим телефонным станциям.

Какова же наметка пятилетнего плана по рабсиле, занятой в связи, каково отражение реконструктивных моментов на движении рабсилы? Накануне пятилетия производственный штат выражался в 88.385 чел. В первый год пятилетки — 1928/29 — связь вступает с уменьшенным штатом работников на 5.000 чел. Это могло быть только в результате уже проведенной по ряду видов и устройств связи рационализации, в результате введения в действие новых механизмов. Сюда не включены сельские письмоносцы и агенты, занятые полный рабочий день и производящие работу, главным образом, на положении контрагентов. К концу пятилетия ориентировочно намечается возврат к кануну пятилетки — абсолютная цифра производственного штата намечается в 88.950 чел. Между тем, общий рост обмена за пятилетие составляет 73%. Эти показатели, правда, рассчитаны на значительную напряженность в отношении производственной рабсилы, так как связь во все более широких размерах включает различные дополнительные функции, в особенности распространение периодических и других печатных изданий, влекущие за собой значительную потребность в добавочных кадрах. Если удастся выдержать в плане намеченное незначительное (0,7%) увеличение за пятилетие рабсилы, то это реально покажет, насколько коренная переделка хозяйства связи влияет на невступившее еще полностью в эксплоатацию новое оборудование. При этих соотношениях рост зарплаты предполагается на 33%, а повышение производительности

труда — на 75,5%. Весь же фонд зарплаты предполагается с приростом на 32%.

Намеченные сдвиги в соотношениях между различными видами связи отражаются и на соотношениях между ростом дохода и обмена. Наибольший разрыв между динамикой дохода и обмена наблюдается, как это видно из приводимой таблички, в отношении почты, где дешевые массовые виды обмена, в частности периодическая печать, растут за счет дорогих видов — так называемых страховых и заказных отправлений (в %%):

	Почта	Телеграф	Телефон
Рост дохода	39,4	18,3	62,8
„ обмена	86,4	17,7	66,7

Наконец, последний вопрос: велик ли разрыв между потребностями капитального строительства и собственными накоплениями связи? При наличии программы капитальных работ на 312,5 млн. руб. нехватка выразится в 141,4 млн. рублей, но эта нехватка покрывается отчасти ссудами мест на телефонное строительство в размере около 65 млн. руб. Таким образом, дополнительные вложения по бюджету могут составить около 76,5 млн. руб. Этот на первый взгляд значительный разрыв между собственными накоплениями связи и размерами капитальных работ об'ясняется в некоторой степени вышеприведенной табличкой — разрывом между резко идущим вперед обменом и значительно отстающим от него темпом доходов. Все большее преобладание дешевых массовых отправлений, сохранение в некоторых случаях даже льгот и бесплатности по периодическим и разным другим изданиям дают разрыв между себестоимостью обработки и тарифной оплатой этих льготных отправок по крайней мере в 160 млн. руб. Само собою разумеется, что тенденции к расширению массового обмена, к использованию средств связи для целого ряда дополнительных функций, связанных с культурно-просветительной работой, являются нормальными, желательными, отвечающими линии, взятой партией и правительством; но, вместе с тем, нормальным и неизбежным является разрыв между собственным накоплением связи и необходимостью значительного капитального строительства реконструктивного порядка. Обще-бюджетные трудности в заполнении дефицита по связи не могут исключить той большой, все увеличивающейся роли связи в культурно-просветительной работе, ведущейся в стране.

А. Н. Челинцев

Сельское хозяйство и перспективы его по автономным республикам РСФСР [1]

4. Эволюция сельского хозяйства автономных республик

Эволюция сельского хозяйства автономных республик по своему направлению оправдывает намечающиеся перспективы товарной продукции. По данным ЦСУ ход развития важнейших в каждой автономной республике РСФСР отраслей земледелия и животноводства был таков (см. табл.):

Как показывают цифры, приведенные в таблице, европейские автономные республики отличаются от азиатских в темпах развития их главнейших товарных отраслей; в то время как все азиатские республики дали бесперебойное расширение размеров всех соответствующих отраслей, в европейских республиках наблюдались перебои, указывающие на недостаточно благополучную обстановку для этих отраслей или особенно разрушительную силу стихийных явлений (засухи). Несомненно, требуется большая напряженность мероприятий, чтобы обеспечить непрерывность под'ема главнейших товарных отраслей сельскохозяйственного производства. Частично же эта перебойность указывает на изживание или замену прежних товарных отраслей новыми. К числу таковых нужно отнести следующее:

В Дагестане — сокращение численности овец с 1926 г.; овцы — будучи здесь сосредоточены в хозяйствах беков при настоящей социальной политике заменяются стадами, свойственными более мелким хозяйствам, в особенности при переводе альпийских пастбищ из-под овец под молочные стада на базе новых сыроделен; но следует оговориться, что на ряду с этим прогрессивным процессом замены овец молочным скотом, главным образом, в горной части Дагестана идет, а в полупустынной плоскостной части Дагестана должно итти полное освоение абсолютных пастбищ, чем в известной мере должно нейтрализоваться сказанное количественное сокращение овцеводства в горном Дагестане; параллельно здесь должно итти и качественное изменение состава шерсти из грубой в полугрубошерстную и тонкошерстную на базе расширяющегося мериносового овцеводства в плоскостной части Дагестана; в итоге численность овец не должна мыслиться сокращающейся.

В Крыму — сокращение овец с 1927 г. точно так же не должно считаться столь отрицательным явлением, как сокращение в том же году посевной площади, крупного рогатого скота и, в частности, коров; это последнее должно быть отнесено, в частности, к стихийным бедствиям, уничтожившим площади озимых под пшеницей, которая является здесь основной товарной отраслью и кормовым источником, а также к воздействию мероприятий социальной политики в отношении верхушки деревни; но влияние последней причины, несомненно, быстро будет преодолено освоением соответствующей площади земли мелкими середняцкими и

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 1 за 1929 г.

	Единицы измерения	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Карельская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	56,1	52,5	65,8	—
Всего зерновых	„	49,3	46,4	57,3	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	27,9	29.3	33,6	—
Крупный рогатый скот	„	133,4	123,2	135,7	—
Коров	„	67,5	69,3	73.1	—
Овец	„	105,3	98,4	116,0	—
Свиней	„	3,6	3,3	—	—
Картофель	тыс. га	3.0	3.5	4,3	—
Конопля	„	0,9	0,2	0.2	—
Чувашская					
Вся посевная площадь	тыс. га	488,3	538,4	654,0	—
Всего зерновых	„	406,3	436,0	600,0	—
В том числе пшеницы	„	12,4	9,7	12,8	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	108,7	126,9	137,9	—
Крупн. рогат. скот	„	247,0	224,4	237,8	—
В том числе коров	„	123,5	144,1	147,2	—
Овец	„	794,0	466,5	9.760,0	—
Свиней	„	157,1	63,6	97,1	—
Картофель	тыс. га	19,2	20,1	29.7	—
Конопля	„	4,3	3,7	5,5	—
Лен	„	1,0	2,7	3,9	—
Татарская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	2.549,5	2.280.2	3.030.0	—
Всего зерновых	„	2.150,0	2.134,2	2.837,2	—
В том числе пшеницы	„	107,6	95,4	157.2	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	299,4	351,2	386,4	—
Крупн. рогат. скот	„	724,2	780,9	845,4	—
В том числе коров	„	377,9	436,6	460,3	—
Овец	„	794,0	863,3	250,0	—
Свиней	„	157,1	96,8	157,9	—
Картофель	тыс. га	112,5	90,2	119,3	—
Конопля	„	18,1	13,3	18,5	—
Лен	„	27,4	20,8	28,5	—
Немреспублика					
Вся посевная площадь	тыс. га	916,9	1 139,7	1.177,9	—
Всего зерновых	„	795.3	1.003,0	1.063,7	—
Пшеница	„	384,6	515.7	600,8	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	59,9	74,0	90,4	—
Крупн. рогат. скот	„	258,0	328,4	366.8	—
В том числе коров	„	101.4	121,3	129,4	—
Овец	„	275,3	387,4	461,0	—
Свиней	„	94,5	206,1	268,7	—
Картофель	тыс. га	19,1	20,2	19,3	—
Башкирская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	2694	2809	2.733 2.502	— 2.658
Всего зерновых	„	2429	2593	2.574 2.370	— 2.471
Пшеница	„	4538	679	638 583	— 611
Рабочих лошадей	тыс. штук	488	546	593	633
Крупн. рогат. скот	„	1.327	1.399	1.391	1.479
В том числе коров	„	578	629	626	658
Овец	„	2120	2.340	2.589	2.845
Свиней	„	165	139	92	123
Картофель	тыс. га	91	74	74 68	— 80
Конопля	„	265	21	19	30

	Единицы измерения	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Крым					
Вся посевная площадь	тыс. га	549	690	744 709	— 658
Всего зерновых	„	518	662	732 670	— 619
Пшеницы	„	255	344	430 394	— 399
Табак	„	—	—	99	104
Рабочих лошадей	тыс. штук	63	71	—	—
Крупн. рогат. скот	„	221	246	296	229
В том числе коров	„	79	92	108	99
Овец	„	541	614	902	786
Дагестанская республика					
Вся посевная площадь	тыс. га	217	231	258	—
Всего зерновых	„	198	211	235	—
Кукуруза	„	39	30	30	—
Крупн. рогат. скот	тыс. штук	474	553	675	—
В том числе коров	„	166	174	212	—
Овец	„	2.231	2.267	2.181	—
Казакстан					
Вся посевная площадь	тыс. га	3.304	3.857	4.180	—
Всего зерновых	„	2.963	3.528	3.826	—
В том числе пшеницы	„	1.912	2.434	2.803	—
Хлопок	„	—	—	—	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	1.567	1.611	1.716	—
Крупн. рогат. скот	„	5.120	5.855	7.086	—
В том числе коров	„	1.770	1.939	2.290	—
Овец	„	11.180	14.429	16.892	—
Киргизия					
Вся посевная площадь	тыс. га	474	546	646	—
Всего зерновых	„	381	436	546	—
В том числе пшеницы	„	252	270	351	—
Кукуруза	„	32	61	41	—
Хлопок	„	—	—	—	—
Бурято-Монголия					
Вся посевная площадь	тыс. га	282	293	335	—
Всего зерновых	„	272	277	314	—
В том числе пшеницы	„	42	42	59	—
Рабочих лошадей	тыс. штук	195	196	215	—
Крупн. рогат. скот	„	667	805	956	—
В том числе коров	„	280	313	362	—
Овец	„	605	748	1.002	—
Якутия					
Вся посевная площадь	тыс. га	334	—	—	—
Всего зерновых	„	329	—	—	—
Крупн. рогат. скот	тыс. штук	457	—	—	—
В том числе коров	„	188	—	—	—
Рабочих лошадей	„	74	—	—	—
Овец	„	0,6	—	—	—

частью бедняцкими хозяйствами, в особенности, на базе полной и подсобно-производственной кооперации.

В республике немцев Поволжья имели место перебои в росте подсолнечника и, в особенности, свиней, что как и в целом Союзе обязано политике цен в прошлом и требует соответствующих мер предотвращения подобных явлений на будущее время. Рост же основной отрасли зерна и покоящегося на его расширении молочного и части мясного скотоводства оказывается достаточно прочным.

Гораздо более тревожно и требует соответствующих мер политики положение в остальных республиках в целях обеспечения бесперебойного под'ема соответствующих товарных отраслей сельского хозяйства.

Выше мы уже видели, что в более мало-земельных автономных республиках переживается кризис паро-трехпольного хозяйства и требуется уже реконструкция строя сельского хозяйства в целом. В значительной мере стихийный процесс количественного расширения сельского хозяйства на базе освоения под посевы и скот больших площадей, имеющих место в остальных республиках, здесь уже закончился, а предпосылки к интенсификации сельского хозяйства в экономической среде, в оборудованности крестьянского хозяйства еще не сложились.

В Башкирской республике имеется не только перебойность в росте всей посевной площади (в частности, зерновой в 1927 г., что об'ясняется влиянием погоды) при достаточно быстром росте рабочих лошадей (с 1925 до 1928 гг. увеличение на 29%), но и мало утешительное движение в сторону сокращения числа коров и, в особенности, свиней. Точно так же не имело места ожидаемое в северных кантонах расширение конопли, а также картофеля, а в южных — подсолнечника. Поэтому, политика более согласованных, а вместе с тем, и более высоких цен, а также более совершенная организация заготовки соответствующих продуктов делается здесь и на будущее обязательной предпосылкой бесперебойности указанных отраслей; другим обязательным условием для этого является создание и расширение сети сельскохозяйственных индустриальных установок (в северных кантонах) маслозаводов, картофеле-перерабатывающих заводов, свинохладобоен или хладобоенских комбинатов.

В Татарской республике на фоне общего под'ема посевной площади и численности скота имела место, правда, в более ограниченном размере, перебойность наиболее здесь необходимых интенсивных товарных отраслей: свиней (для не татар) и интенсивных культур — картофеля и конопли. Здесь необходимы те же мероприятия, какие указывались применительно к Башкирской республике. Кроме того, здесь нужны еще соответствующие мероприятия по поднятию плодоводства.

В Чувашской республике кризисное состояние парового трехпольного хозяйства на фоне еще большой земельной стесненности (и большой плотности населения) выражено еще более сильно, при более слабом темпе и меньшей устойчивости абсолютного нарастания посевной площади и численности крупного рогатого скота и свиней. Медленность роста и перебойность интенсивных отраслей, как молочного хозяйства, свиноводства, птицеводства, посевов картофеля и конопли, являются показателем отсталости и неблагоприятной экономической обстановки для реализации необходимого здесь под'ема хозяйства. Тут еще в большей мере, чем в Татреспублике и Башкирской выдвигается роль правильной ценовой и вообще рыночно-заготовительной политики, а также важность с.-х. индустрии, тесно связанной с окружающим населением при посредстве соответствующих видов кооперации производственного типа.

Наконец, в Карельской республике при ее сравнительно большом земельном просторе и благоприятном рыночном положении в связи с Мурманской жел.-дор. и Ленинградским рынком темпы и направление бывшего до сих пор эволюционного процесса не возбуждают особой тревоги, но зато диктуют необходимость более полного использования природных ресурсов под основную здесь товарную отрасль — молочное скотоводство и частью льноводство. Точно так же необходимы здесь соответствующие индустриальные установки при соответствующей ценовой и рыночной политике с обеспечением завоза сюда зерна.

Но анализируя ход развития сельского хозяйства автономных республик за последние годы, нужно сказать, что их наличные природные ресурсы используются для под'ема общей товарности республик далеко не полно, за недостатком местного населения и в виду слабости притока переселенцев.

В этом отношении особенно выделяются такие большие республики, как Казакстан, отчасти Башкирская и Крымская республики и с известной оговоркой сюда же должна быть отнесена также Бурято-Монгольская республика. Поэтому бывший до сих пор темп развития в перспективе должен быть значительно поднят, а соответственно этому должны быть проведены и надлежащие мероприятия, увеличивающие полноту использования природных ресурсов.

Это положение должно иметься в виду и желательно при установлении возможных перспектив сельского хозяйства. При чем необходимое расширение контингента переселенцев не может быть уменьшено в силу отвода предназначенных для переселения площадей под совхозы Зернотреста, которые все же будут охватывать только небольшую долю имеющихся здесь неиспользованных земельных фондов, к тому же полностью еще далеко невыявленных.

Сказанное необходимо дополнить несколькими соображениями, оправдывающими метод оценки фактической эволюции сельского хозяйства в автономных республиках, а с другой стороны, мотивирующих необходимость более форсированного темпа сельскохозяйственной продукции не только при помощи мероприятий сельскохозяйственной политики, но и в значительной мере путем заселения.

Эти соображения необходимы еще и потому что они должны несколько ослабить ту понятную и может быть исторически неизбежную точку зрения, которую развивают и реализуют местные органы власти автономных республик: или целиком ограничивающие переселение к себе из прочих частей Союза, в частности, РСФСР или откладывающие эту необходимую для них самих меру до будущего времени.

Необходимо отметить, что переселенческая политика советской власти ни в какой степени не похожа на ту, которая практиковалась царским правительством в силу совершенно иного курса экономической и социальной политики Союза. В каждой из автономных республик реализуется максимально возможное изменение экономической среды, делается ставка на новые железнодорожные пути, организацию рыночного сбыта с соответствующими индустриальными установками; кроме того, оказывается кредитная помощь населению, проводятся соответствующие агрикультурные мероприятия, все более расширяемые сетью земорганов, усиливается агрослужба, так что местное сельское хозяйство ставится в положение более благоприятное и дает более высокий доход (и поэтому в состоянии затрачивать свою энергию на несколько меньшей площади, чем раньше). В этом отношении быстрое изживание кочевого строя и переход на полуоседлый и затем оседлый образ жизни не только не должны останавливаться (как это думали одно

время некоторые представители Казакстана), но должны быть форсированы соответствующими экономическими мероприятиями. Этим будут согласованы интересы местного населения республик с народнохозяйственными интересами всего СССР.

Рост благополучия населения, под'ем производительности сельского хозяйства, расширение сельскохозяйственной товарной продукции при обеспечении роста и накопления средств производства,— эти критерии общей оценки всего сельскохозяйственного прогресса должны быть положены и в основу определения земельных норм местного населения по линии известного сокращения против бывших до сих пор размеров, а это даст повышение переселенческой емкости автономных республик.

Нечего говорить о том, что и заселение свободных земель этих республик при помощи совхозов Зернотреста, которые несмотря на всю их машинизацию и механизацию все же требуют дополнительной людской силы, точно так же может быть проведено лишь при условии переселения сюда крестьянских хозяйств. Не следует забывать, что непосредственно перед революцией именно переселенцы учили местное казакское население обрабатывать пашню, обращаться с орудиями и пр.; тем более эти кадры рабочей силы из состава переселенцев необходимы для совхозов Зернотреста.

Насколько эти земельные ресурсы велики, показывают расчеты Всероссийского переселенческого комитета, основанные на средних земельных нормах русского оседлого населения в северно-земледельческой и скотоводческой земледельческой зоне Казакстана (соответственно 30—40 *га* и 60 *га* на двор), согласно коим в северном Казакстане можно было бы выделить фонд для переселения только в этих двух его зонах около 38 млн. *га*, что поглотило бы 3,6 млн. душ.[1]

Само собой разумеется, что использование редкозаселенных частей автономных республик предполагает соблюдение интересов коренного населения в полной мере.

Другие автономные республики имеют гораздо меньшие абсолютные размеры неиспользованных площадей, но все же в Киргизии, Бурято-Монголии, Крыму и Башкирии и, надо думать, в Немецкой республике еще имеются возможности вселения относительно к местному населению значительного числа переселенцев.

Какие производственные эффекты могли бы следовать из такого рода энергичной и планомерной политики переселения уже в ближайшее пятилетие показывает опыт новоузенской переселенческой организации, давшей за 3 года на один рубль безвозвратных затрат на переселение — товарного зерна также на один рубль. Другой пример, иллюстрирующий возможные эффекты заселения, дает Всесоюзный переселенческий комитет, который считает, что указанное выше расширение сельского хозяйства в Казакстане на 38 млн. *га* дало бы увеличение посевной площади на 10 млн. *га*, в связи с чем в первой его зоне посевплощадь увеличилась бы в два с половиной раза, а во второй в 16 раз, а товарная продукция полеводства выросла бы до 1,6 млн. тонн (в 5 раз превзойдя довоенную); продукция же животноводства на базе роста зимнего корма увеличилась бы по сравнению с довоенным временем в 3 раза. Конечно, эти цифры имеют лишь иллюстративное значение, но они важны для того, чтобы

[1] Насколько этим возможностям не соответствует проводившаяся до сих пор переселенческая политика, указывает то, что в ближайшее пятилетие кроме 2 млн. *га*, проектированных под совхозы Зернотреста, никаких отводов в переселенческие фонды не запроектировано. См. о роли переселения для под'ема сельского хозяйства Казакстана в работе А. Челинцева, „Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана", 1928 г. Изд. Госплана КССР.

отдать отчет себе в возможных перспективах под'ема товарной продукции сельского хозяйства в целой РСФСР при надлежащих мероприятиях по форсированию сельскохозяйственной продукции.

В пользу сказанных соображений об использовании свободных площадей, как о мощном средстве поднятия товарности сельского хозяйства, говорит также и степень восстановленности сельского хозяйства в автономных республиках против довоенного уровня. В большинстве из них сельское хозяйство еще не дошло до этого последнего, а перед революцией происходил, как известно, весьма интенсивный рост сельскохозяйственной продукции этих республик. В европейских же лесных и лесостепных автономных республиках этот процесс восстановления можно считать закончившимся.

Вот цифры 1926 г. в % % к 1916 г.[1]

Республики	Посевная площадь в 1926 г. в % % к 1916 г.	Число скота в 1924 г. в % % к 1916 г.				
		Лошадей	Крупн. рогатый скот	В том числе коров	Овец	Свиней
Карельская	127,6	103.2	115,3	128,0	120,1	220,0
Чувашская	104	101,7	108,9	135,9	109,7	54,2
Татарская	93	72,7	96,4	105,3	89,4	46,4
Башкирская	71,7	60,3	89,4	91,2	79,4	59,0
Немецкая	87,3	42,3	104,5	99,9	79,4	88,4
Крым	71,6	52,5	120,4	118,9	88,8	62,4
Дагестан	100,7	—	—	—	—	—
Казакстан	73.3	69,1	94,9	92,8	50,9	97,0
Бур.-Монгольская Якутия	106,6	—	—	—	—	—
Всего по РСФСР с авт. респуб.	101,1	—	—	—	—	—

Положение недовосстановленности сельского хозяйства в соответствующих республиках диктует и соответствующие особенности сельскохозяйственной экономполитики.

Кроме необходимости форсирования использования свободных земель, ибо здесь имела место абсолютная убыль населения, недовосстановленность посевов и численности скота указывает на характер роста продукции, а именно, на сугубую экстенсивность его, рассчитанную больше всего на количественное изменение, но не только на рационализацию техники и структуры сельского хозяйства. Обстановка быстрого количественного расширения сельского хозяйства, охвата больших площадей под посевы хлебов и умножение стад за счет свободных пастбищ, лугов не благоприятствует сколько-нибудь заметному улучшению техники сельского хозяйства, например, скрещиванию местного, рассчитанного на крайнюю выносливость скота с иностранными мясными породами, требующими совершенно иного режима, техники ухода, кормления и его календаря на протяжении года.

[1] Цифры приведены в среднем по тому госплановскому району, в который входит соответствующая республика, кроме Крыма и Казакстана, по которым цифры свои.

Все сказанное позволяет обосновать соответствующую систему и размер мероприятий, и следовательно, настоятельность ассигнований на них.

5. Основные мероприятия по сельскому хозяйству на пятилетие

Считаясь с производственным типом господствующего сельского хозяйства в каждой республике и с теми видами его товарности, которые отмечены в предыдущей главе, можно наметить следующий состав мероприятий в порядке их очередности:

По Карельской республике: 1) мелиорация — осушение в интересах расширения луговой и частью пахотной площади и расчистка мало выгодных лесных пространств, главным образом, для пашни; 2) подлесная колонизация, примыкающая к системе колонизационных операций Мурманской жел. дор. как в видах расширения сел.-хоз. продукции, так и в интересах промышленности и лесоэксплоатации; 3) расширение сети и рационализация маслозаводов; 4) землеустройство, как межселенное в интересах отмежевания земельных отводов сельских общин и вновь образуемых колхозов, так и внутриселенное в виде комассации полос и в особенности комассации угодий, считаясь с включением отводимых под лесорасчистки площадей и вновь осушаемых пространств; а также разбивка многопольного и травопольного типа севооборота, 5) снабжение с.-х. машинами и орудиями в виде тракторов, корчевальных машин, орудий по культуртехнике (луговой и торфяной), а также пахотным инвентарем; 6) зоотехнические мероприятия по молочному скотоводству на базе рационализации кормодобывания, главным образом, путем мелиорации естественных лугов севооборотного клеверосеяния.

По Чувашской республике: при крайнем малоземелии и аграрной перенаселенности, выражающейся в маломощности и отсталости производственного типа сельского хозяйства, выход из кризисного состояния и обеспечение дальнейшего бесперебойного развития сельскохозяйственного производства требуют особого напряжения государственных средств на проведение мероприятий, коренным образом изменяющих всю экономическую обстановку сельского хозяйства.

1) На первом месте должны быть поставлены мероприятия сел.-хоз. индустриализации, обеспечивающей реконструкцию земледелия и животноводства, а именно: постройка новых картофеле-перерабатывающих заводов, маслосырзаводов и надлежащих яичных установок в виде линейных и базисных складов, включение в сферу действия бэконной фабрики затем постройка заводов по переработке плодов (остающихся без реализации на рынке в свежем виде) и пункты по переработке конопли.

2) Землеустройство в целях полной ликвидации межселенной чересполосицы и устранение дальнополья в виде, главным образом, выдела частей селений и только — в меру крайней нужды — расселение, затем — комассация полос и включение подвергаемых расчистке малодоходных лесных пространств и, наконец, введение многопольных (типа четырехполья) севооборотов, с сокращением общественной пастьбы на пару и жнивье, с каковой целью должно быть расширено травосеяние на подкорм в течение лета главнейшей здесь отрасли — молочного товарного скотоводства и частью свиноводства.

3) Доснабжение рабскотом ликвидно-безлошадных хозяйств, затем тракторами в интересах, главным образом, коллективизации, кроме того, пахотными орудиями.

4) Организация производства и снабжения семенами трав (викой — в черноземных и клевером — в получерноземных кантонах) и улучшенными семенами картофеля.

5) Зоотехнические мероприятия по улучшению молочного скотоводства, свиноводства и птицеводства.

6) Более усиленная, чем в других автономных республиках агрослужба.

По Татарской республике:

1) На первом месте должна стоять, как и в Чувашской республике, с.-х. индустриализация в виде маслосырзаводов, хладобоенских установок и установок для сбыта яиц, затем картофеле-перерабатывающих заводов и установок по переработке конопли, а в южной половине республики — небольшой элеваторной сети.

2) Землеустройство в видах уничтожения дальнополья, главным образом, путем выдела частей селений и частью при помощи расселения; кроме того, комассация угодий, введение многополья и регуляций общей пастьбы скота по полям.

3) Доснабжение силой тяги, рабочим скотом и тракторами (последние, главным образом, в интересах коллективизации) и снабжение основным полевым инвентарем, главным образом, пашущими орудиями, частью рядовыми сеялками (на началах проката и кооперативного использования, и зерноочистками.

4) Зоотехнические мероприятия подобно Чувашской республике, главным образом, для северной половины Татарской республики.

5) Организация снабжения семенами трав (викой в получерноземных частях), клевером (повсюду) и улучшенными семенами картофеля, а для юга засухоустойчивыми сортами хлебов.

По республике немцев Поволжья, в общем, несмотря на ее сравнительную пестроту природных и экономических особенностей, в основу мероприятий должно быть положено следующее:

1) Доснабжение основными средствами производства — силой тяги, рабскотом и тракторами и основным инвентарем — плугами, рядовыми сеялками, частью хлебоуборочными, молотильными машинами и зерноочистками.

2) Обеспечение полной смены хлебов засухоустойчивыми сортовыми семенами.

3) Землеустройство в целях ликвидации дальнополья как путем выделов частей селений, так и при помощи поселков с соответствующей мелиорацией, обводнением.

4) Сельскохозяйственная индустриализация в виде достройки элеваторов (простейших линейных и механизированных амбаров), затем хладобоенские установки, имея в виду для северо-западной и приволжской половины республики — свинину, а для юго-восточной, главным образом, баранину и говядину.

5) Зоотехнические и производственные мероприятия по шерстному овцеводству для наиболее засушливого района с абсолютным овечьими пастбищами.

6) Мероприятия по сбыту и переработке продуктов, бахчеводства, плодоводства и возможно виноградарства, в особенности в интересах более мелких хозяйств.

По Башкирской республике: Башкирская республика, резко различная в своих северных кантонах, с одной стороны, и южных, с другой, с различными типами организаций хозяйств и очередностью мероприятий,—требует следующих мероприятий, разделяемых по соответствующим районам:

1) Индустриальные установки в виде маслосырзаводов, бэконных фабрик для северной части республики и хладобоенских установок для южной части; дополнительная элеваторная сеть для юга, картофеле-пере-

рабатывающие заводы и пункты по переработке конопли, кроме того, яичные склады.

2) Снабжение силой тяги (лошадьми и тракторами) и основным инвентарем, главным образом, пахотными орудиями и зерноочистками.

3) Землеустройство: в северной половине, главным образом, комассация полос и угодий, в средней и южной Башкирии устранение дальнополья, главным образом, путем выдела части селений и отчасти поселками с соответствующим их обводнением. Поселки должны иметь здесь подсобное значение, облегчая дробление крупных общин на части более доступным и дешевым способом — выделом частей селений, не свыше 50, максимум 100 дворов в каждой.

4) Снабжение засухостойчивыми семенами зерновых культур для юга и семенами трав и улучшенными производителями молочных пород для севера и центра республики.

Крымская республика. Крым резко различается в запросах сельского хозяйства и, следовательно, в запросах по системе с.-х. мероприятий, в большей степной части и меньшей приморской, при чем и там и здесь особое значение получают мероприятия по плодоводству и виноградарству с виноделием. Мероприятия по степной части приурочиваются, главным образом, к зерну, шерсти и плодам; соответственно этому в ней необходимо форсирование пахотно-посевных площадей:

1) Доснабжением силой тяги (рабскотом и тракторами, последние особенно для колхозов).

2) Заселением колонизационно-способных площадей количеством переселенцев, достаточным для освоения их полностью на ближайшее пятилетие.

3) Землеустройством в целях устранения дальнополья, разделом селений на части и минимально необходимым количеством поселков с соответствующим обводнением последних.

4) Снабжением сельскохозяйственным инвентарем и обеспечением засухоустойчивым ассортиментом семян хлебов.

5) Затем сельскохозяйственной индустриализацией в виде механизированных зернохранилищ, маслосырзаводов, плодохранилищ и плодоконсервных фабрик, а также ферментационными складами для табака и винодельческими подвалами.

6) Производством посадочного материала для плодоводства и частью виноградарства, в особенности имея в виду приток переселенцев, которые должны поднять эти отрасли.

7) Затем идет мелиорация и ирригация в интересах существующих и вновь расширяемых плодовых площадей.

8) Производственные и зоотехнические мероприятия по тонкорунному и полугрубошерстному овцеводству, приурочиваемому к абсолютно овечьим пастбищам.

Что касается южного побережья Крыма, то здесь на первом месте стоят интересы виноградарства и виноделия, затем плодоводства и табачных культур (о второстепенных южных культурах дня краткости не упоминаем). Здесь из числа мероприятий на первом месте будут.

9) Сельскохозяйственная индустриализация в виде винодельческих и винных подвалов, их рационализация, расширение и дооборудование; затем плодохранилища, обеспечивающие длительное, бесперебойное снабжение при помощи изотермического транспорта внутренних рынков, а также и экспорт, дающий уже теперь несколько десятков тысяч тонн в год; для табака здесь необходимы ферментационные склады.

10) Производство посадочного материала плодовых деревьев, в частности на карликовых подвоях (тоже относится и к степной части Крыма) винограда,—по возможности на американских подвоях.

11) Упорядочение и по возможности расширение производственного водопользования.

12) Испытание и распространение новых ценных товарных субтропических культур.

По Дагестану:

1) Дагестанская республика на своем протяжении представляет различные типы сельского хозяйства, а именно: плоскостная полупустынная часть, плоскостная средне-увлажненная, средне-предгорная и затем альпийская. Соответственно этому на первом месте стоит мелиорация. Первые две части требуют борьбы, с одной стороны, с заболоченными (а поэтому малярийными) пространствами, требуют осушения, а с другой стороны, требуют орошения в интересах южных монопольных культур (хлопка, культур винограда и частью плодоводства), а в полупустынной части — обводнение в интересах экстенсивного пастбищного скотоводства, главным образом, овцеводства.

В средней части — регулирование водопользования в интересах также полива садовых плодовых площадей.

2) Второе место занимает регуляция землепользования и землеустройство в интересах, во-первых, внутридагестанского перераспределения населения с густозаселенных предгорья и гор в редкозаселенную плоскостную часть, во-вторых в интересах изживания социального неравенства из-за землевладения беков и мулл, в-третьих, в интересах межселенного землеустройства с выделом отводов сельским обществам на основе проведенных и рационализируемых норм землепользования с привлечением в это перераспределение альпийских пастбищ, находящихся в настоящее время в большей своей части в госземфонде, в-четвертых, — в интересах регулирования и ограничения пастбищного полукочевого скотоводства с оставлением физически необходимых размеров последнего и с выделом для этого зон кочевья и скотопрогонных трактов при обеспечении последних водопоями.

3) В связи с вышеуказанным регулированием землепользования и землеустройством — юридическое оформление и фактическая реализация ныне подготовляемой земельной реформы.

4) Снабжение в надлежащих размерах силой тяги и основным сельскохозяйственным инвентарем земледельческой плоскостной части Дагестана с привлечением сюда тракторов, могущих быть и здесь базой производственного обобществления бедняцких и мелко-середняцких хозяйств.

5) Сельскохозяйственная индустриализация, главным образом, для предгорных районов в виде плодоовощных, консервных установок, для горной и предгорной—маслобойных установок и отдельно сыроваренных заводов, кои должны помочь скорейшим образом изжить бекское табунное овцеводство и перевести альпийские пастбища под молочные стада. Для плоскостной части винодельные и винодельческие подвалы и плодохранилища. Для продуктов прикаспийского рыболовства соответствующие холодильники, которые должны обслуживать также и продукты плодоводства и маслосыроделие.

6) Усиление агромероприятий и агрослужбы, могущих обеспечить оформление и использование всех указанных выше мероприятий.

7) Соответствующее усиление ветеринарной службы, обеспечивающей скорейшее изживание эпизоотий, главным образом, крупно-рогатого скота.

8) Обеспечение производства посадочного материала плодоводства и виноградарства, в особенности в предгорной и в более влажной приморской прикаспийской части Дагестана.

Казакстан.[1] Система сельскохозяйственных мероприятий по Казакстану различна в зависимости от четырех его зон. В первой — северной зоне — хозяйства русского типа с зерновым товарно-пшеничным направлением и развитием товарного молочного хозяйства (масло) при сохранении мясного гулевого скота; в хозяйствах казакского населения намечается переход к оседлой жизни, развитие товарно-пшеничного земледелия при сохранении преобладающего значения скотоводства с начатками молочного хозяйства. Во второй зоне — засушливой — хозяйства русского типа имеют и должны иметь товарно-зерновое пшеничное направление, но с сохранением более экстенсивного скотоводства; хозяйства казакские — типа кочевого или полукочевого с начатками потребительского земледелия, которое должно усилиться переходом, по крайней мере, на полуоседлое земледельческое хозяйство скотоводного направления.

В третьей зоне — наиболее пустынной и засушливой — хозяйства кочевого типа со слабым развитием поливного земледелия по р. Сыр-Дарье и преобладанием в хозяйстве экстенсивного скотоводства.

В четвертой — южной предгорной зоне — богарное земледелие с преобладающим скотоводством или с поливным земледелием южных технических культур, садоводством и развитым скотоводством или подрайон с развитым хлопководством, при сохранении еще чисто скотоводческого хозяйства, но с тенденцией к сокращению скотоводства и переходу в основной хлопковый район.

Несмотря на эти различия, все же под углом зрения необходимости увеличить местное селение переселением Казакская республика выделяется некоторыми общими по всем частям Казакстана мероприятиями.

1) На первом месте должны стоять работы землеустроительного характера, имеющие целью, во-первых, приведение в известность земельных площадей, путем предварительного рекогносцировочного грубого землемерного заснятия, затем сплошное межевание и межселенное землеустройство с отводами в более редко заселенных и кочевых районах только общих пастбищных отводов; во-вторых, отмежевание по вновь устанавливаемым сокращенным, но достаточно льготным нормам землепользования для оседлого и переводимого на оседлое состояние местного населения; в-третьих, выявление этим путем переселенческого фонда как для зернотрестовских совхозов, так и для большего числа новых переселенцев; в-четвертых, изживание ненормальностей землеустройства уже оседлого населения в смысле борьбы с дальнопольем обычными мерами, дробления крупных общин как путем выделов частей селений, так и путем, где это необходимо, поселков с соответствующей их мелиорацией и обводнением; в-пятых, урегулирование распределения земли между разными социальными слоями населения.

2) Мелиорация обводнения как поселков, так и поселений переводимого в оседлое состояние населения; затем, выявление и проведение мелиорации лиманного орошения во второй и третьей зоне Казакстана в интересах сокращения радиусов кочевок и упорядочения водопоев и прогонных для скота путей. Этим достигается некоторое уплотнение нормы землепользования в интересах расширения переселения, не стесняющего, таким образом, кормовые ресурсы местного населения; наконец, расширение оросительной сети и рационализация существующего водопользования в хлопковом и плодоводном южном районе.

3) Снабжение средствами производства, тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями, потребность в которых, по мере роста переселения и перевода из полукочевого и кочевого состояния в оседлое, будет расти. В основе здесь должны быть пашущие орудия, косилки (последние в интересах более полного использования кормовых площадей под сенокосы), затем снабжение сложными машинами, обеспечивающими поднятие производительности труда, сеялками, жнейками, молотилками. Кроме того, нужно прибавить трактора не только для обобществленного сектора, но и как могучее средство в виде тракторных колонн для более быстрого освоения под посевы вновь заселяемой площади, а также для местного населения, бессильного справиться с громадными пространствами целин и залежей.

4) Затем идут мероприятия по основным товарным отраслям животноводства, из коих на первом месте должна быть поставлена, достаточно расширенная ветслужба, в особенности имея в виду пограничное положение республики, благодаря чему происходит заражение скота чумой и другими болезнями из Монголии и Китая.

5) Зоотехнические мероприятия, несмотря на громадное значение здесь всех отраслей товарного животноводства, все же должны быть ограничены узкими рамками, во-первых, выявления гнезд местного выносливого красного киргизского скота, киргизских лошадей и высокопроизводительных разностей местного овцеводства, и следовательно, их умножение в массе крестьянских хозяйств; во-вторых, племенных производственных мероприятий по тонкошерстному и полугрубошерстному овцеводству, приурочиваемых, главным образом, к отдельным местным новым совхозам; необходимо признать, что Казакстан — главнейшая арена прогрессивного мериносового или полугрубошерстного овцеводства, не входящего в конфликт с зерновой продукцией и другими отраслями, подобно районам Европейской части РСФСР.

Киргизская республика, приближаясь к четвертому — южному подрайону Казакстана — в большей своей части всхолмленному предгорному и менее пустынному, представлена, главным образом, товарными поливными культурами — хлопком и некоторыми плодовыми насаждениями, при сильном развитии на неорошаемой части — засушливой — овцеводства.

1) Соответственно этому здесь на первом месте должны быть поставлены ирригационные сооружения и регуляция водопользования в интересах хлопковых посевов и посевов других южных монопольных культур.

2) Землеустройство, выявляющее и регулирующее землепользование по линии социальной политики и в интересах переселения, которое в известной мере должно быть здесь запроектировано в интересах общего под'ема товарной продукции Киргизского края.

3) Доснабжение сельскохозяйственным инвентарем оазисов богарного и поливного земледелия.

4) Индустриальные установки в виде хлопкоочистительных заводов, маслобойных для хлопковых семян, а в интересах плодоводства — плодоконсервные установки.

5) Распространение искусственных удобрений на поливаемых площадях, улучшение ассортимента хлопка, рационализация его культуры соответствующим агрообслуживанием населения.

[1] Более подробные обоснования перспектив сельскохозяйственных мероприятий и их системы см. в печатной работе Госплана КССР „Перспективы и развитие сельского хозяйства Казакстана", 1928 г., составленной проф. А. Н. Челинцевым при помощи М. А. Копяткевича.

6) Производственные и племенные мероприятия по овцеводству могут быть поставлены лишь в направлении возможного расширения здесь мериносовых стад (последнее, может быть, требует выяснения) каракулеводства.

Бурято-Монголия. В Бурято-Монгольской республике главным препятствием для дальнейшего развития здешнего сельского хозяйства в направлении поднятия большей товарности мясного крупного рогатого (и, можно сказать, кожного) скотоводства, затем грубой овечьей шерсти и верховых мелких лошадей и зерна является экономическая изолированность республики, отрезанность ее от европейских центров и сильная удаленность от естественного ее тяготения — приморской части ДВК. Но и при теперешней малой густоте железных дорог, а также и шоссейных Бурято-Монгольская республика имеет неиспользованные под сельское хозяйство площади как в своей южной черноземной степной части, так и в подлесной части, годной под с.-х. культуры,— в обоих случаях от недостатка населения. Поэтому основными мероприятиями здесь должны быть:

1) Проведение дополнительной железнодорожной линии в меридиальном направлении и использование свободных земель не только подлесной, но и степной и лесостепной части и при этом последней в первую очередь.

2) Упорядочение заготовок продуктов и поднятие соответствующей тарифной политикой местных крайне сниженных цен на все виды сельскохозяйственных продуктов.

3) Упрощенная сплошная земельная регистрация с простейшими засъемками в интересах выявления свободных земельных фондов и уничтожение межселенной чересполосицы в более заселенных пунктах.

4) Затем урегулирование беспорядочного пастбищного и полупастбищного использования земель. В земледельческих районах — внутриселенное землеустройство, устранение дальнополья соответствующими мероприятиями и комассация сельскохозяйственных угодий с расширением их в особенности при помощи переселенцев за счет вновь расчищаемых в смежных с населенными пунктами лесных пространств, как менее выгодных.

5) Снабжение мертвым инвентарем в интересах расширения зерновой продукции и сенокосилками для освоения большей доли сенокосноспособных площадей.

6) Выявление местных засухоустойчивых и более скороспелых разностей яровых хлебов — ржи, овса, ячменя, их продукция и распространение.

7) Мероприятия по улучшению зимнего кормоснабжения увеличением сеносбора мелиорацией подтопления луговых площадей.

8) Что касается собственно зоотехнических мероприятий, то здесь можно говорить только о выявлении местных рас животных более производительных по молочной продукции, мясной скороспелости и шерстной продукции, их фиксации, размножения и распространения; примитивность условий содержания и большая распространенность эпидемий исключает использование всякого привозного и в особенности иностранного скота для целей метизации.

9) Особое значение получает здесь ветеринарная служба, могущая смягчить и прекратить дальнейшее распространение эпизоотии пироплазмоза, чумы крупного рогатого скота и проч. заболеваний, заносимых из Монголии, куда ежегодно совершается откочевка больших стад скота.

Якутия: 1) Мероприятия, аналогичные с Бурято-Монгольской республикой по части дорожного дела, смягчающего ее экономическую изолированность.

2) Создание лучших условий сбыта крупного мясного рогатого скота, лошадей, а также и оленей.

3) Осуществление комплексных мероприятий по полеводству, которые должны обеспечить выявление и распространение более выносливых, скороспелых и морозостойких сортов культур — ячменя, яровой ржи, частью овса и корнеплодных (картофель), а также и огородных культур, могущих обеспечить их большее, чем до сих пор распространение; такое земледелие в противоположность Бурято-Монгольской республике должно иметь здесь лишь потребительское значение, смягчающее трудность завоза хлебных продуктов из-за экономической отрезанности Якутской республики.

Заканчивая перечень первоочередных мероприятий по каждой республике, необходимо иметь в виду, что все они должны проводиться с расчетом на усиление кооперированности населения как по сбыто-снабженческой линии, так и в особенности по производственной в виде подсобных, а по возможности и полно производственных кооперативов.

Все соответствующие мероприятия должны рассчитываться и реализоваться, прежде всего, имея в виду кооперативную форму их реализации.

После вышеизложенной критики наметки первоочередных мероприятий по автономным республикам можно спроектировать их размеры, в зависимости, разумеется, от об'ема и условий финансирования со стороны государства. Но это выходит за пределы настоящей статьи.

Н. Волжин

Экономический рост совхозов промышленного района и молочное хозяйство

Крупнейшему явлению нашей экономической жизни — организации зерновых совхозов — нашей общественностью уделяется особое внимание. Это происходит потому, что от зерновых совхозов ждут двух последствий: во-первых, товарного хлеба и, во-вторых, реорганизации хозяйства зерновых районов в направлении его обобществления и механизации.

Не меньшего внимания заслуживают старые, об'единяемые Госсельсиндикатом совхозы, которые имеют уже значительный опыт и достижения. Так, совхозы Ленинградской и Центрально-Промышленной областей за последние три — четыре года положили основание для создания крупной обобществленной молочной промышленности. Молочное хозяйство по широко распространенному мнению, признавалось областью мелкого индивидуального хозяйства. Сторонники этого взгляда отмечают, что продуктивность животных может быть обеспечена лишь внимательным уходом за ними, требующим больших затрат труда и доступным поэтому лишь индивидуальному хозяйству. Эта область теперь с успехом завоевывается совхозами. Этот факт охвата совхозами молочного хозяйства, отрасли, имеющей крупное значение для питания населения городов, заслуживает особого внимания, тем более, что это достигнуто совхозами при тяжелых условиях.

Совхозы Ленинградской и Центрально-Промышленной областей получили организационное оформление в 1922 г. К этому времени совхозы были сильно потрепаны революционными бурями. Помещичьи хозяйства интересующего нас района и в довоенное время не были организованными и в большинстве случаев велись кое-как. За начальный период революции, т.-е. с 1917 по 1922 гг., эти хозяйства претерпели следующие изменения. Большинство из них было разрушено, лошади, скот, инвентарь были разобраны окружающим населением, постройки проданы, земля перешла в пользование крестьян. Сохранившиеся хозяйства, организованные в совхозы, также были затронуты всеми указанными процессами в разной степени. Пользователи их часто менялись, и к 1922 г., когда совхозы вошли в систему Госсельсиндиката, они являли собой лишь остатки и без того плохо организованных хозяйств. Постройки для скота были лишены внутреннего оборудования и вовсе были непригодны для организации и ведения промышленного молочного хозяйства. Молочного скота было ничтожно мало — 20—30 голов на совхоз, так как скот был частью разобран, а частью с'еден многочисленными обитателями совхозов, к тому же скот был стар и истощен голодовкой. Лошадей было также мало и они в результате недоедания и отсутствия ухода болели чесоткой, которая их еще больше изнуряла, и падали. Поля совхозов были запущены, без удобрения и без надлежащей обработки. Не было машин, семян, и не было денег... Заработная плата не выплачивалась, всякая трудовая дисциплина отсутствовала. При таком состоянии основных факторов производства совхозы были годны лишь для того, чтобы их перевести на положение консервации. Однако, обстановка заставляла не ждать с пуском в работу совхозов, и они были пущены при полуразрушенных основных факторах производства и полном отсутствии оборотных средств. Наркомфин в то время был занят восстановлением денежной системы и никакой помощи совхозам оказать не мог. Вынужденные работать в условиях, исключающих всякую возможность успеха, совхозы в первые годы приносили большие убытки и доставляли расстроенным состоянием своего хозяйства не мало неприятностей администрирующим и финансирующим органам. Эта теневая сторона деятельности совхозов создала предубежденное отношение к ним и обусловила, что их деятельность не привлекала к себе достаточного внимания.

Молочное хозяйство не сразу заняло первенствующее положение в деятельности совхозов.

Полеводство как в Северо-Западной, так и Центрально-Промышленной областях, не могло быть основной отраслью хозяйства, так как, имея сезонный характер и небольшой размер при малых площадях пашни, свойственных этому району, не было в состоянии оплачивать ни администрацию, ни штат постоянных рабочих. В целях увеличения притока поступлений в хозяйство совхозы, прежде всего, обратились к свиноводству. В начале двадцатых годов отсутствие жиров на рынке благоприятствовало высоким ценам на свинину, и откорм свиней получил широкое распространение как среди крестьян, так и среди городского населения. Поэтому спрос на племенных поросят был велик и в совхозах поросята разбирались нарасхват как весной, так и осенью. Так как содержание свиней в эти года было прибыльным и так как численность свиней легко может быть увеличина вследствие раннего полового созревания свиней и их плодовитости, то в период 1922 и 1923 годов количество свиней в совхозах было доведено до больших размеров и выращивание племенных поросят было поставлено на промышленную ногу. Но затем цены на поросят по сравнению с зерновым хлебом пали, осенний спрос на поросят почти прекратился вовсе, и свиноводство стало быстро сокращаться как во всех районах Северо-Западной, так и Центрально-Промышленной областях.

На ряду со свиноводством в этот же период совхозы усиленно строили технические предприятия кустарного типа, перерабатывающие привозное крестьянское сырье, а именно: мельницы, лесопилки, маслобойки, так как эти предприятия при недорогом оборудовании и без затраты средств на сырье давали совхозам оборотные средства, в которых те крайне нуждались. Однако, вскоре обнаружилось, что все эти предприятия мало рентабельны, не оказывают существенного значения на под'ем хозяйства и в то же время отвлекают внимание от основной сельскохозяйственной деятельности.

Одновременно с тем, как рушились надежды, возлагаемые совхозами на свиноводство и кустарные промышленные предприятия, определился успех совхозов, выгодно расположенных в отношении рынков сбыта продуктов молочного хозяйства. Эти совхозы, пользуясь близостью расстояния и сбывая по выгодной цене молоко, сумели увеличить удои своих стад и регулярно, два раза в месяц, получали деньги за свое молоко, поставляемое учреждениям, что позволяло им аккуратно выплачивать зарплату, взносы по социальному страхованию и налоги. Регулярный приток денег сразу оздоровил условия работы в совхозах: поднялась трудовая дисциплина и возрасла производительность. Это понудило работников совхозов уже сознательно поставить перед всеми совхозами этого района, как основную задачу развитие молочного скотоводства.

Переход к молочному, скотоводству, как основной отрасли производства, по отношению к которой полеводство стало в подчиненное положение, характерно для Северо-Западной и Центрально-Промышленной областей, имеющих крупные городские и промышленные центры, пред'являющие большой спрос на молочные продукты.

Молочное производство оказалось правильно выбранной дорогой, идя по которой совхозы оказали быстрые успехи как в организации и развитии молочного производства, так и всего хозяйства в целом.

Характерным примером является работа Тверского треста, деятельность которого затруднялась небольшими размерами совхозов и удаленностью многих из них от железнодорожных путей сообщения. Приведем данные, характеризующие рост производства по Тверскому тресту:[1]

Годы	Число совхозов	Обрабатываемая пахотная площадь га	Колич. дойных коров к концу года	Валовой сбор молока кг	Средний удой на 1 гол. коровы в литр.	Валовой доход по всему тресту (в тыс. руб.)
1925	37	4.200	1.250	1.600.000	1.300	670
1926	37	4.600	1.380	2.300.000	1.770	1.118
1927	39	5.100	1.760	3.300.000	2.190	1.580
1928	42	5.800	2.200	4.300.000	2.400	2.000

Цифры таблицы указывают на сильный рост доходов совхозов, которые за четыре года увеличились в три раза. Также быстро росло молочное производство: валовой сбор молока увеличился в три раза, при чем число коров возросло почти в два раза; также почти в два раза увеличились средние удои коров. Число коров в таблице показано к концу каждого года. Средний удой определен путем деления валового сбора молока на условное число коров (общее число кормовых коровоодней, деленное на 365). Площадь посевов (включая паровое поле) увеличилась за это время почти на 40%. Рост посевов ограничивается наличием удобной территории: к 1928 г. все пахатные земли освоены совхозами. Число коров, несмотря на быстрое увеличение, продолжает оставаться недостаточным, так как не дает полного обеспечения посевов навозным удобрением и не поглощает всех запасов грубых кормов. Плановые предположения на 5 лет намечают увеличение коров к 1933 г. до 4.000 голов, т.-е. имеется при данной земельной территории значительная возможность дальнейшего расширения молочного производства; увеличение средних удоев предполагается до 3.000 кг на корову.

Столь бурное развитие молочного производства произошло в первую очередь в результате повышения средних удоев коров, достигнутого рационализацией кормления и ухода. Средние удои в наших совхозах начинают приближаться к заграничным удоям. Так, за 1927 г. по совхозам Центрально-Промышленной области средний удой составлял 2.370 кг, при чем тресты, расположенные в непосредственной близости к Москве, имели значительно большие удои: Госсельжив — 3.600 кг, Госмелиотрест — 3.160 кг, Московский — 2.720 кг, Средний удой для Дании последних лет проф. Лискуном определен в 2.880 кг. Таким образом, удои лучших совхозов превышают средний удой Дании, занимающей первое место по постановке молочного хозяйства в мире. В годы мировой войны при недостаточном подвозе сильных кормов Дания имела, по определению проф. Лискуна, средний годовой удой в 2.150 кг, т.-е. удои по трестам Центрально-Промышленной области уже превышают удои Дании

[1] В приведенной таблице данные за 1928 г. предварительные. Валовой доход взят по всем отраслям производства, за исключением винокурения.

военного времени. Тверской трест, более удаленный от Москвы, имел в 1927 г. 2.190 кг, а в 1928 г. уже поднял удои до 2.400 кг.

Средние годовые удои по трестам не дают представления о достижениях отдельных совхозов. Так, напр., совхоз Власьево, Тверского треста, имеет средний удой за 1928 г. в 3.500 кг, в Ленинградском тресте имеются совхозы с более высокими удоями.

О возможном дальнейшем повышении удоев свидетельствуют удои отдельных коров. Так, в совхозе „Осиновая роща", Ленинградского треста, корова № 1181 дала за год 8.300 кг при наивысшем суточном удое в 37 кг; корова „Зенита" совхоза „Мигалово", Тверского треста, имела наивысший суточный удой 38 кг при годовом удое в 6.800 кг. Эти удои говорят о том, что совхозы имеют в своих стадах рекордисток, которые в лучших заграничных хозяйствах заняли бы почетное место.

Успех одного совхоза заставляет подтягиваться и другие совхозы. Высокая денежная выручка, которую получали за цельное молоко пригородные хозяйства, побуждала и отдаленные совхозы стремиться к получению столь же высокой выручки и переходить от переработки к поставке молока в цельном виде. Совхоз Ажарово, Тверского треста, расположенный в 40 километрах от Твери, имел в 1925 г. средний годовой удой в 1.000 кг, держал 30 коров, которые приносили значительный убыток, грозивший разорением хозяйству. В 1928 г. этот совхоз уже имеет средний удой в 2.400 кг, молоко доставляет в Тверь, от стада имеет хороший доход, число коров увеличено до 80 голов; возникает вопрос о приобретении автомобиля, чем будет достигнуто ускорение доставки молока, имеющее большое значение для сохранения качества продукта.

Рост производительности и рационализация кормления вызвали снижение себестоимости молока; так, по Тверскому тресту себестоимость одного килограмма молока составила: в 1925 г.—14,8 коп., в 1926 г.—12,7 коп., в 1927 г.—10,9 коп.

Это снижение себестоимости создает основание для безубыточного ведения молочного хозяйства, что, в свою очередь, открывает возможности для расширения производства: надлежащего оборудования скотных дворов, подбора и увеличения численности коров и пр. Так, пока молочное хозяйство было убыточным, число коров в совхозах было невелико и их нельзя было увеличивать, так как это неминуемо увеличивало убыточность хозяйств. Увеличение же числа коров было необходимо как в целях расширения размеров производства, так и в целях обеспечения полей удобрением. Лишь после того как совхозы стали получать прибыль, перед ними открылись перспективы во всех направлениях. Уже в 1926 г. тресты—Ленинградский, Московский и Тверской—имели прибыль. В 1927 г. прибыль по этим трестам была: по Ленинградскому — 57.000 руб., по Московскому — 81.000 руб., по Тверскому — 44.000 руб, в 1928 г. прибыль по Тверскому тресту значительно увеличилась. Этот факт устойчивой прибыльности позволил трестам добиться крупных достижений в совхозах.

В 1927 г. совхозы Тверского треста, земельная площадь которых менее одного процента общей площади губернии, дали 3.000.000 кг товарного молока, в то время как Тверской Молокосоюз, деятельность которого охватывала территорию Тверского уезда, дал за 1927 г. 4.200.000 кг. Этот же Молокосоюз в 1928 г. после реорганизации, когда его деятельность стала распространяться на три уезда—Тверской, Вышне-Волоцкий и Новоторжский, собрал около 9.000.000 кг товарного молока, в то время как Тверской трест — 4.000.000 кг. Таким образом, занимая совершенно ничтожную земельную площадь, совхозы на молочном рынке

занимают видное место. Так, напр., совхозы Тверского треста снабжают молоком все учреждения Губздрава как в Твери, так и в промышленных центрах губернии—Вышнем-Волочке, Кимрах; снабжают молоком рабочих, занятых на вредных производствах. Кроме того, они поставляют значительное количество молока розничным магазинам Молокосоюза и рабочей кооперации.

Помимо обслуживания рынков губернии, совхозы Тверского треста доставляют еще ежедневно в Москву в осенний и зимний периоды времени по 100 бидонов (емкостью в среднем по 35 *кг* — молока) цельного молока и в два раза больше летом, а также ведут переработку молока на сыр в совхозах, из которых затруднена доставка молока в цельном виде. С расширением производства это значение совхозов на молочном рынке обещает еще возрасти.

Одновременно с тем, как определилось направление хозяйственной деятельности в сторону развития молочного скотоводства и совхозы стали хозяйственно крепнуть, возросло их воздействие на крестьянское население. У последнего резко изменился взгляд на совхозы, так как население видит, что в совхозе можно научиться правильному уходу за молочным скотом, кормлению, возделыванию кормовых корнеплодов, правильной организации сбыта. В отдаленных местностях, где кооперация еще слаба, совхозы организуют сбыт и переработку крестьянского молока.

В 1927 г., когда на рынке было возможно закупить сильные корма, совхозы снабжали сдатчиков молока сильными кормами, приучая, таким образом, крестьян к улучшенному кормлению, тем самым содействуя повышению удоев крестьянских коров.

Указанные достижения могли иметь место при том условии, что совхозы получали извне концентрированные корма, главным образом, жмых, необходимый для поддержания высоких удоев; необходимость получения концентрированных кормов извне для Тверского треста усиливается тем, что он производит чистосортный семенной овес, сокращая, таким образом, свои кормовые ресурсы.

Насколько большое значение имеет жмых, показывает пример Дании, резко снизившей удои во время империалистической войны, когда доставка жмыха была затруднена. Нормальное и бесперебойное снабжение жмыхом молочных совхозов является основным условием для устойчивости высоких удоев и широкого развития и удешевления молочной продукции, имеющей огромное значение для питания рабочего и городского населения.

Указанные достижения не осознаны в полной мере советской общественностью, в то время как правильная оценка указанных достижений содействовала бы успеху совхозов. Отдельные погрешности и недостатки, еще не изжитые в некоторых совхозах, не должны затушевать значительные достижения, имеющие место в этом секторе крупного обобществленного производства, потребовавшие упорного труда в течение ряда лет со стороны основных работников этого дела.

Пути народнохозяйственного развития УССР. Материалы к построению пятилетнего плана. Изд. Укргосплана, Харьков, 1928 г., стр. 488.

Эту об'емистую книгу следует меньше всего рассматривать как цифровые выражения пятилетнего плана развития Украины. Наименьший интерес и наименьшее значение имеет здесь цифровая сторона. Намечаемые темпы не укладываются в какую-либо стройную систему цифр — по линии цепной связи отдельных отраслей народного хозяйства, тем более что после выхода этого труда темпы эти даже потеряли свое иллюстративное значение, поскольку в настоящее время, когда в Госплане СССР заканчивается работа над пятилеткой, уже со всей очевидностью выявились размеры двух основных качественных показателей в области промышленности и сельского хозяйства, определяющих и характеризующих всю экономику ближайшего пятилетия. Мы имеем в виду 35% повышения урожайности и снижение себестоимости промпродукции, примерно, на одну треть и даже больше. Следовало бы прибавить еще задаваемые темпы выплавки чугуна (8—10 млн. тонн), обеспечивающего такие размеры индустриализации страны, которые оставляют далеко позади все предыдущие количественные показатели всех предыдущих перспективных ориентировок. Вся ценность рассматриваемой книги: 1) в изучении и выявлении потенциальных возможностей развития хозяйства республики; 2) в историко-генетической части развития народного хозяйства УССР. Это есть солидно проработанный сборник материалов, главным образом, в отраслевом разрезе, необходимый всякому работнику в области перспективного планирования УССР. Ознакомление с этими материалами дает в действительности возможность судить об основных путях народнохозяйственного развития УССР вне зависимости от того или иного цифрового выражения.

Автор сводной главы об основных предпосылках перспективного плана совершенно бесспорно утверждает, что „опыт работы над первыми вариантами пятилетки со всей силой убедительности показал нам, что для этой цели ни в коем случае не годится тот, чрезвычайно широко практиковавшийся при запроектировании пятилетки метод статистико-экономического анализа закономерностей довоенного и восстановительного периода с экстраполяцией их на планируемый отрезок времени". Безусловно единственным путем перспективного планирования со вступлением в реконструктивный период является „путь научно-исследовательской оценки с использованием и перенесением в наше строительство новейших достижений в области науки и техники". Такой путь сам по себе исключает и относит к пройденному этапу всю статистико-экстраполяционную „кухню", в которой качество уступало количеству.

Большим достоинством в самой организации работы является то, что Укргосплан привлек к ней ряд научных учреждений, в том числе и Харьковский институт марксизма.

Всем процессом работ по составлению пятилетнего плана народнохозяйственного развития Украины руководила необходимость: 1) превращения УССР в основной центр Союза по тяжелой индустрии, с максимально - возможным развитием производства средств производства и 2) уделения большего внимания по сравнению с прежним вариантом пятилетки развитию сельского хозяйства по линии урожайности, обобществления и поднятия производительности труда.

К этим „генеральным" линиям развития примыкает вопрос кадров, т.-е проблема „человека" — квалификации и поднятия на соответствующий культурный уровень трудящихся масс.

Красной нитью по линии промышленного развития проходит вопрос себестоимости, который в настоящей работе достаточного обоснования не получил. Вопросы использования средств производства и рабочей силы, определяющие технические нормы, повидимому, также не подверглись глубокому исследованию. Кроме того, неразработанная гипотеза цен не позволяет, конечно, установить диференциально размеры снижения себестоимости по линии материальных и рыночных факторов. На ряду с этим гораздо более четкое отображение в области промышленности получила проблема географического размещения.

В цикле исследовательских работ, предпринятых в области сельского хозяйства следовало бы со всей серьезностью выдвинуть, наконец, проблему издержек производства в сельском хозяйстве. Вопрос

этот приобретает громадное практическое значение в связи с ростом товарности, с правильным сконструированием системы сельскохозяйственных цен, связанной по сей день со своей довоенной базой и соотношениями,— нужно сделать в этой области шаг вперед и увязать процессы ценообразования с факторами производственного порядка. Украина имеет довольно интересное исследование по себестоимости отдельных сельскохозяйственных культур в совхозах, но в какой мере эта работа использована составителями пятилетки,— трудно судить.

В области транспорта для Украины приобретает особо важное значение вопрос о новых выходах из Донбасса.

Касаясь работы отдельных округов УССР над составлением пятилетнего плана автор сводной главы несколько перегибает палку, говоря, что „округа должны итти по линии совершенно самостоятельного отыскания путей хозяйственного развития". Такое „местничество", к тому же еще культивируемое республиканским центром, может совершенно нарушить правильное разделение труда между районами. Безусловно, грош цена такому плану, который не будет учитывать „изучения опыта практической хозяйственной деятельности" отдельных районов, но отсюда еще, конечно, не следует „совершенно самостоятельное отыскание путей" без всякой связи с задачами всей УССР и всего СССР.

Небольшую главу сборник отводит вопросу об естественных ресурсах УССР и перспектив их использования.

Касаясь ископаемых богатств, необходимо отметить намечающийся переход от кустарного искания и бессистемного использования подземных богатств к составлению специальных геологических карт, обеспечивающих плановость использования и вскрывающих наличие потенциальных средств производства. Это тем более важно для Украины, занимающей по горнодобывающей промышленности первое место в Союзе. Запасов каменного угля Украины (донецкого) при максимальной довоенной выработке хватит на 2—3 тысячи лет а при максимальной американской выработке на 100—150 лет.

Точно так же велико значение криворожской руды, которая в ее соседстве с донецким углем представляет основу всей нашей союзной металлургии. Большое значение для будущего имеют также фосфориты, каолины, ряд ископаемых для строительства и т. п.

Переходя к отдельным очеркам, следует остановиться на историческом анализе развития промышленности Украины на канве народнохозяйственной эволюции. „Историческая эволюция украинской промышленности находит свое жизненное выражение в создании следующего четырехгранного взаимнообусловленного цикла нашего (т.-е. украинского. Ш. Т.) экономического развития": экспорт сельскохозяйственных продуктов внутренне переплетенный с ростом переработки сельскохозяйственных продуктов, развивающийся на почве роста жел.-дорожной сети и, в свою очередь, являющийся фактором исключительного значения для развития тяжелой индустрии.

Наличие мощных месторождений коксовых углей и железной руды, а также географическое местоположение Украины создают наиболее благоприятные условия для превращения УССР в железноделательный центр Союза, оттесняя на задний план Урал с его древесноугольной плавкой. Развитая железнодорожная сеть, металлургия и каменный уголь создадут благоприятные условия для развития машиностроения. Исторический опыт предопределяет также развитие на Украине отдельных отраслей легкой промышленности (в частности свеклосахарная и мукомольная). „Опыты насаждения в России свеклосахарной промышленности производились вне Украины, но эту область производства стихийно влекло к концентрации, именно на Украине, где она в конечном счете осела в своем основном массиве". На Украине было сосредоточено до 80% производства сахара и свыше 36% числа мельниц довоенной России.

Следует отметить, что наметка перспективно-хозяйственного развития Украины недоучитывает в должной мере возможностей развития украинской химической промышленности на Украине, уделяя ей недостаточно внимания в отношении ее удельного веса и значения. Вырисовывающиеся в настоящее время перспективы развития основной химической промышленности в Донбассе в действительности открывают новую эру для химической промышленности Союза. В украинской наметке металл „поедает" химию — такая однобокость безусловно имеется.

Условия, определившие характер крупной украинской индустрии, сохраняют свое влияние и в сфере мелкого промышленного производства, базирующегося на обработке металла и переработке сельскохозяйственного сырья.

Вообще удельный вес Украины во всей тяжелой индустрии бывш. России определяется в 70%, а по обрабатывающей промышленности 15 — 20%. Помимо развития химической промышленности война привлекла и обусловила развитие на Украине двух новых отраслей: электротехническую и трикотажную. Развитие трикотажного дела открывает в перспективе возможность создания на Украине хлопчатобумажной промышленности при условии культивирования хлопка в районе Днепростроя.

Совершенно правильно связывая диалектической взаимозависимостью эволюции развития сельского хозяйства и промышленности на Украине в прошлом, автор главы о промышленности заключает: „априорно, очевидно, что если характер этого развития (т.-е. развития сельского хозяйства. Ш. Т.) испытывает радикальные изменения (реконструкция), то они должны будут получить отражение в развитии сельскохозяйственной промышленности, а в известной мере и тяжелой индустрии, базирующейся на естественных богатствах Украины, но развивающейся до известной степени в связи с сельским хозяйством и сельскохозяйственной промышленностью".

Оставляя для сельского хозяйства на ближайшие годы зерновое направление на основе роста урожайности, перспективная наметка устанавливает необходимым к концу пятилетия развитие высокоинтенсивных отраслей животноводства и технических культур. Это связано с ростом внутреннего рынка на продукты интенсивного хозяйства в связи с индустриализацией. Кроме того, Украина, как приморский портовый район, должна будет использовать свое положение для экспорта продукции животноводства и технических культур.

Отводя должную роль Днепрострою в преобразовании всего народного хозяйства Украины, авторы сборника останавливаются на выяснении более рационального использования дешевой энергии этой мощнейшей гидроцентрали. Особое значение будет иметь Днепрострой в развитии тяжелой индустрии УССР, поскольку „развитие современной техники оказалось возможным только при наличии широкого применения металлосплавов". Отсюда доказывается экономическая выгодность производства на дешевой энергии Днепростроя следующих металлов и сплавов: алюминия, ферро-марганца, ферро-силиция, ферро-вольфрама, электростали, меди и латуни. „Производство указанных металлов и их сплавов в огромном большинстве случаев весьма электроемко и для их себестоимости стоимость электроэнергии имеет определяющее значение".

Исходя из историко-географических условий и наиболее оптимального сочетания потенциальных богатств (кокс и и железная руда) „Украина для ближайших лет, прежде всего, центр тяжелой металлургической промышленности" Союза, вырабатывающий около 80% союзного производства чугуна, стали, грубых стальных изделий и снабжающая своей продукцией почти всю Европейскую часть Союза. Следующей задачей в области металлургии УССР является коммерческое судостроение—изготовление тоннажа для обслуживания союзного экспорта. Далее следует выработка оборудования для металло-заводов и развития горного дела. Отводя Кузбассу роль будущего центра тяжелой индустрии, украинская „перспективка" считает, что в силу естественных и исторических условий Урал должен стать основным центром медноплавильного дела. „На ряду с медью, железом и сталью—дерево и уголь, лесобумажная масса, бумага, картон, химические производства,— таковы элементы основной продукции Урала", по мнению Украины. На наш взгляд здесь при вообще логически правильной концепции все же суживается роль и значение Урала в развитии тяжелой металло-индустрии Союза и в особенности на ближайшие 5 лет.

По сравнению с предыдущей пятилеткой (1926/27—1931/32 гг.) новая пятилетка (1927/28—1932/33 гг.) проектирует большее валовой продукции на 20% (108% против 80%). При среднем довольно солидном темпе роста союзная промышленность растет всего на 89%, а темп республиканский почти в два раза больше—155%.

На ряду с этим мы имеем довольно большие темпы электрификации; общая мощность электростанции при значительной централизации пользования энергией (удельный вес районных станций увеличивается с 4,5% до 41,2%) увеличивается на 178%, а выработка электроэнергии растет на 20%. При чем особое внимание уделяется сельской электрификации: потребление энергии деревней увеличивается в общей массе потребления энергии с 0,4% до 1,8% при одновременном увеличении удельного веса потребления промышленностью с 86,3% до 89,3%.

Не имея возможности в пределах рецензии сколько-нибудь подробно остановится на прочих главах этой книги, укажем на основные вехи развития сельского хозяйства. Упуская всю весьма интересную историко-эволюционную часть анализа, обратимся только к вопросам обобществления. Удельный вес совхозов и колхозов во всей посевной площади Украины с 4,93% в 1927 г. возрастет до 15,4% в 1932 г., валовая продукция с 5,7% до 18,8%; товарная продукция с 14,0% до 30,5%, товарность колхозов возрастет с 45% до 51% при товарности совхозов в 84,0%. При чем рост колхозов значительно обгоняет рост совхозов; при увеличении посевной площади первых почти в десять раз посевная площадь совхозов растет всего на 10%, при росте всей посевной площади УССР на 15%. Здесь мы имеем безусловно недостаточный рост советских хозяйств, сказывающийся в падении удельного веса их посевной площади с 3,33% в 1927 г. до 3,26% в 1932 г., — тенденция, несомненно, вызывающая опасения. По линии машинизации намечается максимальное насыщение тракторами совхозов и высших коллективных форм. Удельный вес колхозов в общей сумме тракторо-использования достигает в 1932 г. до 63,2% против 26% в 1927 г. Удельный вес совхозов остается почти стабильным с некоторой тенденцией к снижению. В абсолютном выражении количество тракторов в совхозах увеличивается в 3,5

раза, а в колхозах в 9 раз. По линии общественного следует еще прибавить охват хозяйства системой сельскохозяйственной кооперации до 85%. В общем, валовая продукция сельского хозяйства возрастает на 48% при росте товарной на 84%, т.-е. рост товарности свыше 30%.

Далее следует остановиться на жилстроительстве, дающем возможность за 5 лет поднять норму жилплощади в городах на душу населения до 6 кв. метров против теперешних 5,71 кв. метров, т.-е. немного выше чем на 5%—процент для пятилетия крайне незначительный. Мало запроектировано, на наш взгляд, снижение стоимости строительства всего на 20%. Слабо разработанным следует признать вопрос о труде. Что же касается вопроса об использовании рабочей силы, то здесь на ряду со слабой проработкой всей проблемы недоучтен вопрос о мелкой и кустарной промышленности. Конечно, утешиться на получаемых в области безработицы результатах нельзя, когда „к концу ближайшего пятилетия численность безработных остается почти стабильной (? Ш. Т.)—увеличится всего на 9,6%".

Вопрос о зарплате в очень малой мере увязан с производительностью труда; совершенно не затронута проблема „социализации" зарплаты, тесно связанная с ростом культурного уровня рабочего класса. На ряду с этим совершенно отсутствует наметка какого-либо плана по социально культурному строительству; недостаточно указать на имеющуюся диспропорцию между культурным и хозяйственным ростом и доказывать низкий уровень нашего культурного развития по сравнению с передовым капиталистическим, — необходимо было во всю ширь выдвинуть и попытаться разрешить вопрос о кадрах о человеческом материале, поскольку все темпы народнохозяйственного развития обречены на неудачу вне разрешения этого одного из основных вопросов пятилетки. Здесь этой схемой не обойтись.

Мы коснулись здесь не всех разделов книги. Резюмируем: сборник является ценным пособием для построения пятилетнего плана УССР, однако, его не следует рассматривать даже как предварительную плановую наметку. Отсутствие единого костяка, полнейшая неразработанность качественных показателей и отсутствие финансового плана заставляют расценивать эту книгу, как отражение определенного этапа работы над пятилеткой.

Ш. Я. Турецкий

И. А. Толстопятов. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР. Изд. „Вопросы труда", 1929 г., стр. 66.

Рост и укрепление планового начала в хозяйственном руководстве страной, переход от контрольных цифр на год к составлению пятилетних и даже генеральных хозяйственных планов сделал возможным и более четкое планирование отдельных элементов народнохозяйственной жизни.

Рецензируемая книжка имеет своей задачей дать на основе общехозяйственных показателей „обзор основных разделов контрольных цифр 1928/29 г. НКТ СССР и предварительной проектировки пятилетнего плана по труду".

Автор совершенно правильно констатирует, что перспективное планирование вопросов труда должно строиться на основе перспективного развития промышленности и сельского хозяйства. Исходя из этой установки, автор первую часть работы, составляющую больше 1/3 всей книжки, посвящает общей характеристике итогов и перспектив развития народного хозяйства. К сожалению, снабдив эту часть работы большим количеством общехозяйственных показателей за истекший и на предстоящий год, автор почти полностью обошел пятилетку, и таким образом в части характеристики пятилетки по труду сам же нарушил выдвинутое им требование — увязки перспективного планирования вопросов труда с перспективным планом развития всего народного хозяйства.

Не касаясь других недостатков этой первой части работы, в общем сжато и удачно изложенной, мы должны все же отметить, что итого-перспективная характеристика нашего народного хозяйства страдает в отдельных важных его показателях отсутствием достаточного их анализа. Автор ограничивается одной констатацией факта недовыполнения плана 1927/28 г. по линии ряда качественных показателей: производительность труда, себестоимость и т. д.

Внимательный анализ всех этих взаимно перекрывающихся процессов автор подменяет заявлениями о больших достижениях 1927/28 г. в части себестоимости, совершенно не вскрывая причины недовыполнения задания правительства на этот счет.

С такого же рода системой констатации фактов, еще более резко выраженной, мы встречаемся и при характеристике показателей мирового хозяйства.

Нам кажется, что, с точки зрения влияния реконструктивных процессов сельского хозяйства на безработицу ближайших лет, совершенно недостаточным и поэтому неверным основанием для выводов может служить утверждение автора, что „колоссальные технические усовершенствования, машинизация и тракторизация сельского хозяйства временно, на первых порах, не только не уменьшают, но наоборот увеличивают число свободных крестьянских рабочих рук".

Внедрение машины, трактора в сельское хозяйство будет означать гигантский рост его урожайности и доходности. При этих условиях возрастет с.-х. индустрия. Значительно повысится жизненный уровень и благосостояние крестьянина, а это не сможет не повлиять на сокращение притока деревенской рабочей силы в города и, следовательно, на уменьшение размеров безработицы. Кроме того, при машинизации и коллективизации деревни норма трудовой нагрузки крестьянина будет постепенно снижаться.

Особенности планирования вопросов труда заключаются в том, что труд является важнейшим элементом всех отраслей народного хозяйства. Регулирование вопросов труда теснейшим образом связано и вытекает из тех или иных общехозяйственных факторов. Это же положение позволило автору в полном соответствии с линией партии дать следующую основную установку содержания плана по труду: „Перспективное планирование вопросов труда... должно строиться... так, чтобы, с одной стороны, этот план не мог тормозить развитие народного хозяйства, чтобы, он устанавливал определенное соответствие между ростом зарплаты и производительностью труда и тем обеспечивал дальнейшее снижение себестоимости и внутрипромышленное накопление. Но с другой стороны, рост жизненного уровня рабочего класса не должен отставать от общего темпа роста народного хозяйства".

Части книжки тов. Толстопятова, посвященные непосредственному планированию вопросов труда, насыщены чрезвычайно интересным цифровым материалом. Рост численности лиц наемного труда за пятилетие 1928/29—1932/33 гг., по ориентировочным данным НКТ СССР, определяется в 25,6%. Наибольший рост дают строительство (97%), торговля, развивающая свою низовую сеть (40%), фабрично-заводская промышленность (30%), а также работники просвещения (35%) и здравоохранения (32%). Менее интенсивный рост наемного труда — в сельском хозяйстве (15% к концу пятилетия) и почти стабилизуется число работников наемного труда на железнодорожном транспорте.

Несмотря на то, что в предстоящем пятилетии темп роста трудовых ресурсов страны будет отставать от роста городского населения, так как начнет сказываться понижение рождаемости и прямое уничтожение человеческого материала в годы империалистической и гражданской войны (к сожалению, последний момент в книжке освещен недостаточно), автор не решается дать четкого ответа на вопрос о цифровом выражении этих процессов к концу пятилетки. Тов. Толстопятов ограничивается ссылкой на наличие в НКТ двух вариантов: по первому безработица снижается на 1,1%, по второму на 25,8%.

Главным преимущественным источником, питающим безработицу, является деревня. Неурегулированность сезонного рынка труда, оседание крестьянской рабсилы в городе через профсоюзное членство,—способствуют общему росту безработицы, некоторому вытеснению городских безработных элементами деревенскими. В свете этих вопросов приобретают особенно важное значение мероприятия последнего года: правительства, НКТ и профсоюзов, директивы СНК и СТО о максимальном удлинении и равномерном развертывании строительного сезона, о плановых, заявках на рабсилу и т. п.

Аналогичные директивы НКТ касаются торфяников. Расширение корреспондентских и вербовочных пунктов в местах отхода сезонников и общее расширение и упорядочение вербовки рабочих, все это вместе взятое,—при энергичном четком проведении в жизнь может дать необходимый эффект.

Рост номинальной зарплаты за пятилетие НКТ выводится в трех вариантах: на 31,9% при 13,8% снижении бюджетного индекса, 37,6% при 10% снижении бюджетного индекса и 39,7% при снижении бюджетного индекса на 8,6%. При этом 2—3% зарплаты предполагается использовать для социализации зарплаты. Запроектированное повышение страхового тарифа позволит расширить перевод стариков на пенсию, увеличить расходы на помощь безработным и на улучшение культурно-бытовых условий рабочего класса.

Сильный разрыв, имеющийся в настоящее время между оплатой работников социально-культурной и промышленной группы, требует при распределении фондов повышения зарплаты на ряду с подтягиванием отстающих по зарплате групп тяжелой индустрии обратить внимание и на повышение зарплаты работников социально-культурных учреждений. Эти соображения заставили НКТ в пятилетней проектировке распределения фонда зарплаты взять курс на доведение зарплаты этих работников до среднего заработка промышленных рабочих.

Предстоящее пятилетие, согласно смыслу постановления юбилейной сессии НКТ СССР (окт. 1927 г.), должно явиться годами практического осуществления Октябрьского манифеста в части введения в промышленности семичасового рабочего дня.

В соответствии с этим и решениями ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) контрольные цифры НКТ СССР на 1928/29 г. намечают установление семичасового рабочего дня для 18—20% фабрично-заводской промышленности. К концу же пятилетия семичасовой рабочий день намечается к введению для всей промышленности, исключая сезонные производства.

Столь широкая и ответственная программа вполне выполнима при условии заблаговременного учета и исправления имевших место недочетов.

Успешный перевод промышленности на семичасовой рабочий день мыслим при наличии по крайней мере следующих условий: 1) четкий своевременно составленный план перевода предприятий на семичасовой рабочий день; 2) заблаговременное проведение мероприятий по охране труда, рационализации и др. организационно-технических мер; 3) обеспечение новых рабочих жилищами и нормальными бытовыми условиями; 4) обеспечение дополнительных смен квалифицированной рабсилой; 5) своевременная разработка на основе измененного законодательства для семичасовых предприятий норм, расценок, популяризации их и всей подготовки к семичасовому рабочему дню среди работающих.

Разумеется, что проведение такого гигантского технико-экономического мероприятия, каковым является семичасовой рабочий день, потребует от органов труда, вообще всех органов советской власти, партии и всего рабочего класса, значительных усилий и напряжения. Проведение семичасового рабочего дня изменит лицо промышленности, соответственно перестроив условия труда занятого в ней рабочего класса. Совершенно неизбежным окажется и пересмотр всего трудового законодательства применительно к изменившимся условиям труда. Уже сейчас ряд изменений внесен.

Мы не будем касаться других разделов работы тов. Толстопятова (охрана труда, жилищное строительство, социальное страхование, женский труд). В них имеется не мало интересных данных. Недостатком этих частей работы, вообще общими недостатками книжки тов. Толстопятова является увлечение описательной стороной проектировки по труду во вред анализу отдельных важнейших ее элементов, излишняя схематичность изложения за счет полноты содержания, недостаточно освещение проектировки по труду в республиканском разрезе. Из частных замечаний, не считая редакционного характера (повторения, особенно в первом разделе), следует отметить, как пробел, полный обход автором проблемы подросткового труда, имеющей немаловажное значение в общей проектировке вопросов труда.

Несмотря на эти и указанные выше недостатки, мы все же должны отметить, что работа тов. Толстопятова, сжато и в общем довольно удачно излагает сущность вопроса и поэтому для всех работников, интересующихся вопросами труда, может послужить полезным пособием.

Зин. Гришин

Рабочий день в фабрично-заводской промышленности в 1928 г. ЦСУ СССР. Сектор статистики труда. Изд. ЦСУ СССР. Москва. 1928 г. Стр. 45. Цена 50 коп.

Ни одна страна в мире не знает такой разветвленной системы организации статистики труда, какая имеется в лице государственной статистики в СССР. Об'ем и программа работ советской статистики труда, а также и единство и цельность применяемых ею методов исследования безусловно ставят ее на первое место в ряду органов статистики труда других стран. Тем более зияющим пробелом в ее работе было отсутствие основательного исследования о рабочем времени. Публикуемые в текущем порядке данные о фактической продолжительности рабочего дня отнюдь не могут претендовать на исчерпывающую полноту, ибо дают представление лишь о средних величинах, но ничего не говорят о том режиме рабочего времени, какой принят в фабрично-заводской промышленности СССР. Таким образом величайшее достижение русских рабочих осталось почти не освещенным в течение всех одиннадцати лет революции.

Пробел этот пытается восполнить рецензируемая работа Автор вводной статьи тов. Г. С. Полляк, анализирующий приведенные в работе таблицы, указывает три основных задачи, которые ставило себе исследование: 1) Оценка размеров тех сокращений рабочего дня, которые являются результатом существующего законодательства, и установление численности тех рабочих групп, на которые эти сокращения распространяются (стр. 5). 2) Необходимость изучения существующих систем смен, чтобы правильно поставить и решить вопрос о более интенсивном использовании оборудования путем введения дополнительных смен и их интенсивного использования. 3) Попутная оценка первых опытов перевода промышленных предприятий на 7-час. рабочий день. Постановка и разрешение всех трех задач мыслятся авторами исследования в прямой связи с необходимостью практических мероприятий по осуществлению манифеста ЦИК'а о 7-часовом рабочем дне.

Не приходится, конечно, и говорить, что значение работы далеко выходит за пределы очерченных выше задач. Однако

исследованию подвергалось лишь „нормальное" рабочее время, под которым понимается „обычный будний день в дневную смену". Недостаток этого метода заключается в том, что им обходятся наиболее узкие места организации рабочего дня. Было бы правильнее, на ряду с исследованием продолжительности „нормального" рабочего дня исследовать также и продолжительность рабочей недели или двух соседних недель, как ставили вопрос старые (довоенные) исследования.

Гораздо удовлетворительнее решена другая задача исследования: освещение вопроса о существующих системах смен и в частности в связи с изучением степени использования оборудования. В табличном материале по этому вопросу даются, во-первых, подробные сведения по отраслям промышленности относительно распределения всех обследованных рабочих по типам смен и, во-вторых, показатели сменности. Последние, несмотря на сложность их исчисления, все же вполне удачно и даже эффектно разрешают поставленную себе задачу. Настолько эффектно, что безусловно искупают как сложность самого их построения, так и их нечеткость. Последняя проистекает, впрочем, не по существу их природы, а благодаря двоякому их значению — одному для показателя в отношении всех смен и другому — для отдельных показателей по каждому типу смен. Первое имеет довлеющее значение, ибо характеризует распространенность сменной работы в промышленных предприятиях, второе — вспомогательная конструкция, необходимая для исследования вопроса о степени „заполнения смен", т.-е. для исчисления показателей использования оборудования. Вот эта двоякая природа различных, хотя и родственных между собой показателей, и делает их недостаточно четкими. Было бы проще, если бы, минуя вспомогательную конструкцию показателей второго типа (тем более, что задача могла быть решена без них), прямо исчислить показатели заполнения дополнительных — 2, 3 и т. д. — смен, т.-е. показатели использования оборудования, и не только в отношении числа фактических смен, но и максимально возможных. Впрочем, в анализе материалов исследования автор оперирует именно этими последними величинами, а отнюдь не частными показателями сменности.

Но эти, по существу, небольшие дефекты нисколько не портят того основного, что имеется в работе: освещения вопроса, которое мы в ней находим. Во-первых, она знакомит нас с достижениями русского пролетариата как в сравнении с довоенным положением дел, так и с западно-европейскими и американскими рабочими. Во-вторых, что не менее существенно, она знакомит нас с механизмом организации нормального рабочего дня. Действительная продолжительность рабочего дня в советской промышленности оказывается меньше установленных по закону 8 часов. Почти 12% взрослых мужчин и 5% взрослых женщин пользуются сокращенным — семи, шести и менее часовым рабочем днем, и лишь у ничтожного количества всех рабочих — 0,24% — рабочий день не нормируется, при чем, в этот учет сокращенного рабочего времени еще не входят предприятия, переведенные на 7-час. рабочий день. В результате — средняя продолжительность нормального буднего рабочего дня не превышает 7,73% для мужчин и 7,93% для женщин (последние почти не участвуют во вредных производствах, а потому и процент пользующихся у них сокращенным рабочим днем ниже, чем у мужчин). Далее, средняя продолжительность рабочего дня подростков также значительно ниже, чем установленные по закону шесть часов, а именно — 5,33 ч. Остальное время падает на обучение подростков в профшколах. Интересны также выводы автора относительно современного использования оборудования и установленной системы смен. Колоссальное сокращение рабочего дня, какое произведено революцией, промышленность в значительной мере компенсировала увеличением количества смен. Не говоря уже о непрерывных производствах, где такое увеличение является естественным следствием перехода на 8-часовой рабочий день, оно произошло почти во всех отраслях промышленности. Благодаря этому продолжительность работы оборудования сейчас и до войны почти одинакова.

Интересны, наконец, результаты исследования о ночных работах. Несмотря на увеличение сменности, средняя продолжительность ночных работ в общем невелика. На одного работавшего ночью она составляет 3,94 ч. у взрослых мужчин, 2,04 час. у взрослых женщин и 2,06 час. — у подростков, при чем за исключением непрерывных производств, ночная работа захватывает преимущественно 1, 2, 3 час. ночи. Среди работавших ночью женщин, например, 29,5% работало всего один ночной час и менее, 53,8% до двух ночных часов, 28,6% — до трех. Таким образом, то отступление от Кодекса законов о труде, которое было сделано в 1926 г. и которым разрешалось использовать женщин на ночной работе, не нашло большого применения и было реализовано с достаточной степенью осмотрительности.

Существенные изменения в режиме ночных работ для женщин производит переход на 7-час. рабочий день. В обследованных хлопчатобумажных предприятиях, переведенных уже на 7-часовой рабочий день, увеличивается и количество используемого на ночных работах жен-

ского труда и продолжительность ночной работы.

Другим следствием отмечаемого исследованием перехода хлопчатобумажн. предприятий на 7-часовой рабочий день является более равномерная нагрузка всех смен.

В заключение нельзя не отметить безусловного достоинства работы, выразившегося в четкости и сжатости как табличного материала, так и его текстового анализа.

Надлежит быть отмеченной также дешевая цена издания.

В. Львов

Кредит и хозяйство. Ежемесячный журнал под редакцией Е. С. Лурье, Г. Л. Наглер и А. С. Султан-Заде. №№ 1—12 за 1928 год. Издание банков. Год издания 4-й.

Истекший 1927/28 хозяйственный год дал советскому кредиту очень много нового, и главным образом, конечно, организацию Банка долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства.

Организация этого Банка была поистине событием большой важности в советской кредитной системе. И журнал „Кредит и Хозяйство“, как орган банков, в достаточной мере полно — в соответствии с значением — отразил эту реформу. Реформа эта доминировала над всем материалом журнала на протяжении первой половины года, в особенности в руководящем его отделе общих вопросов кредита и денежного обращения. Большинство авторов трактовало свои вопросы преимущественно под углом зрения произведенной реформы.

Оставляя в стороне мысль хоть сколько-нибудь полно осветить помещенный в рецензируемых номерах материал, остановимся только на темах, которые с точки зрения текущего момента представляются наиболее актуальными.

В первую очередь о краткосрочных ресурсах банковской системы. Большинство авторов, останавливающихся на этом вопросе, более или менее единодушно констатирует, что в советских банках краткосрочные ресурсы в отличие от банков капиталистических стран слабеют, идут на убыль относительно, а в некоторых моментах и абсолютно падают. Г. Л. Наглер (№ 1) считает необходимым поставить вопрос о кризисе краткосрочных ресурсов советского банкового аппарата. Я. М. Куперман (№№ 2—3) подробнейшим образом анализирует цифры пассивов всех кредитных учреждений и также приходит к выводу, что рост текущих счетов намного отставал от темпа роста других ресурсов и особенно от средств специального назначения, имеющих по преимуществу бюджетное происхождение. Коммерческие текущие счета по всем кредитным учреждениям, говорит тот же автор, в результате 1926 27 года оказались почти стабильными. В этом же духе, примерно, говорят и другие авторы.

Спрашивается, в чем основной корень этого явления? Мысль невольно обращается в первую очередь к анализу общих определяющих условий советского хозяйства. Совершенно правильно поэтому ряд авторов обращается к противопоставлению методов хозяйствования в СССР и капиталистических странах. Пассивы капиталистических банков, пишет К. К. Лупандин (№ 8), в значительной части получаются за счет накопленных капиталов, принимающих ссудный денежный характер. Через капиталистические банки, равным образом через биржи и инвестмент-тресты, этот ссудный капитал направляется в выгодные предприятия. Следовательно, для капиталистического хозяйства высота процента (выгодность) и финансовый институт (банк, биржа и т. п.) как формальный организатор хозяйства будут характернейшими чертами в обрисовке методов хозяйствования.

Совершенно иначе обстоит дело в советском хозяйстве. Процент в советском хозяйстве, главным образом, конечно, в его банковской работе, представляет собой только простую компенсацию за услуги. Банк же при руководящей роли плана во всем хозяйстве, говорит тот же К. К. Лупандин, вместо того чтобы кредитовать клиентуру по своему выбору, как это происходит в капиталистических условиях, стал просто распределять свои кредитные ресурсы по об'ективным нормам. И как вывод из противопоставления методов хозяйствования можно было бы привести мысль Я. М. Купермана, правда, им же самим отвергаемую (№№ 2—3), о том, что в капиталистическом строе колоссальную роль играет денежное обращение, и поэтому естественно, что банковский аппарат там имеет огромное значение. Наоборот, в коммунистическом обществе, где теряется экономическая автономность отдельных предприятий и где исчезает денежное обращение,— там нет места и кредиту. В переходный же период значение кредита неминуемо должно уменьшаться.

Спрашивается, какие же практические выводы предлагаются отдельными авторами в условиях „кризиса“ краткосрочных ресурсов советского банкового аппарата?

П. П. Кутлер в статье „Капиталы советских банков“ (№№ 2—3) считает, что

пополнение банковских капиталов из общенационального дохода по бюджету должно проводиться в том же порядке, в каком проводится финансирование других отраслей народного хозяйства Затем, такой же строгий, как и в отношении бюджета, должен быть установлен порядок отчисления в банк от прибылей хозорганов. И, наконец, П. П. Кутлер совершенно ошибочным считает существующий у нас взгляд на противоестественность банковской рентабельности. Другой автор, Г. Л. Наглер, в интересах поддержания краткосрочного кредита, предлагает широкое использование в краткосрочном кредите ресурсов, пригодных для долгосрочного использования (№ 1). Но в основном все же большая часть авторов высказывается в том смысле, что советский кредит не может рассчитывать на ту роль и содержание, какую он имеет в условиях частно-капиталистического строя.

Проблема сбережений в журнале „Кредит и Хозяйство“ также подверглась анализу со стороны ряда авторов. Г. Л. Наглер (№№ 4—5) намечает пути практического осуществления директив, данных по этому поводу XV с'ездом партии. Важнейшие из этих путей, по мнению указанного автора, таковы: координация отдельных линий по мобилизации сбережений в одном организационном центре, правильное разделение труда между отдельными аппаратами мобилизации сбережений, разработка чуткой системы методов мобилизации сбережений, и в частности — технических приемов мобилизации. В связи с этими же директивами партии и во исполнение постановления СНК в статье З. Г. Зангвиля (№№ 6—7) изложены результаты обследования этого вопроса, а вместе с тем, и выводы по данным НК РКИ. Как видно из статьи З. Г. Зангвиля, НК РКИ обнаружил целый ряд недочетов в области сберегат. дела, наметил пути к устранению этих недочетов и к дальнейшему развитию этого дела в СССР. При всем том в области мобилизации сбережений имеются и колоссальные достижения. Например, из статьи Д. А. Лоевецкого (№ 8) видно, что от года к году роль периферии (в данном случае приводится подписка на госзаймы) увеличивается. Так, в 1925 году периферия дала всего только 10,3% общего итога подписки, в 1926 — 23,4%, в 1927— 30,3% и в последнем году (заем индустриализации) — 52,7%.

Огромное внимание журнал уделил проблеме взаимоотношений, с одной стороны, клиентуры с банками, а с другой — банков с НКФ по бюджетной линии. При этом первая сторона взаимоотношений у разных авторов рассматривается с разных точек зрения. Одни авторы, напр. Г. Л. Наглер и др., эту проблему ставят под углом зрения контроля банков над хозяйственной деятельностью клиентуры, в частности — контроля за правильным использованием отпускаемых банками средств. Другие — с точки зрения усиления кредитной дисциплины путем усиления ответственности дебиторов. В части взаимоотношений НКФ и банка Г. Л. Наглер считает необходимым различать двоякого рода отношения. А именно: в тех случаях, когда НКФ ассигнует через банки долгосрочного кредита средства на финансирование народного хозяйства, за НКФ должно быть оставлено право входить в рассмотрение отдельных назначений. Иначе должен ставиться вопрос в том случае, когда НКФ вносит в банк на определенных условиях погашения долгосрочный вклад, то-есть, производит за счет бюджетных средств временное расширение оборотных средств банка. В этом случае, по мнению названного автора, НКФ не должен интересоваться, каким образом банк из этого вклада будет финансировать хозяйство. В общем же, поскольку просто вклады в плановом хозяйстве должны составлять исключение из общего правила, широкая компетенция НКФ как одного из основных кредиторов хозяйства должна быть признана бесспорно правильной.

Весьма слабо в журнале затронута проблема „бюджет и кредит“, а между тем, с организацией нового банка она сама собою напрашивается. Из работ, затрагивающих эту проблему, следует отметить статью С. М. Киселева (№ 10). Центральная установка автора состоит в защите кредитного метода (через банк), при аккумуляции народнохозяйственных накоплений. Автор всецело за банк, за его гибкие и вместе с тем более чувствительные, чем бюджет, приемы. Однако, в своей аргументации в пользу банка, в особенности после критики работ проф. З. Каценеленбаума, С. М. Киселев не представляется убедительным. И установка тов. Трахтенберга в этом вопросе, которую берет под обстрел С. М. Киселев, является более обоснованной.

Интересными представляются отдельные моменты в статье М. И. Боголепова „О новом финансовом плане“ (№ 12). Под финансовым планом в настоящее время автор мыслит необходимую, первичную пригонку друг к другу трех больших планов — бюджетного, кредитного и плана финансов производственных организаций. Автор полагает, что единство, целостность и прочное взаимодействие в нашей финансовой системе достигаются их телеологией. Но цели, ради которых приводится в действие сложная система финансов, лежат вне финансов. В этом отношении М. И. Боголепов с полным правом отвергает ошибочную точку зрения тех, кто в финансах хочет видеть генеральные линии для хозяйственных планов.

Из других актуальных проблем текущего момента, затронутых журналом, необходимо указать на проблему денежного обращения. С теоретической стороны эта

проблема освещается в следующих работах. В статье Ф. Д. Лившица и ответе на нее в статье Т. К. Энгеева. В статье „Советский банк и денежное обращение“ (№ 10) Е. С. Лурье ставит задачу в советских условиях подтвердить старый закон, что банкнотными деньгами иначе как банковым путем, управлять нельзя. Утверждая это положение, автор, в частности, считает, что усиление кредитного контроля со стороны банка составит одно из наиболее действенных орудий, посредством которого банк будет в состоянии управлять денежным обращением. К этой категории работ можно отнести также статью С. М. Винокура (№ 12). Рассматривая вопрос об экономическом значении безденежных расчетов, т. Винокур приходит к выводу, что введение безденежных расчетов вовсе не „освобождает“ эмиссионные возможности банка. Система этих расчетов — с точки зрения эмиссионной политики — не что иное, как натурализация оборота. Рассмотрение же натурализации, как обстоятельства, обусловливающего большие эмиссионные возможности, столь же парадоксально, как и неверно.

Значительная часть материала последних номеров журнала, в особенности №№ 10, 11 и 12, посвящена оценке истекшего 1927/28 года и плановым предположениям на следующий 1928/29 год.

В общем „Кредит и Хозяйство“ — орган живой. Работа кредитной системы Советского Союза, в особенности в ее практическом аспекте, в журнале бесспорно отражается.

А. Неусыпин

Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1928 г., №№ I—10. Хабаровск. Изд. Дальневосточной краевой плановой комиссии.

Среди других областей СССР Дальневосточный край безусловно может быть отнесен к тем, которые должны возбуждать наибольшее внимание и наибольший интерес в нашей экономической литературе. За первые годы революции, вплоть до советизации Дальнего Востока, осуществившейся в 1923 г., эта часть Союза жила изолированной жизнью, в условиях революционных пертурбаций. Дальний Восток, вступивший в состав Советского Союза, оказался резко отличающимся от остальной его части. Применение советского законодательства потребовало целого ряда модификаций, учитывающих особенности Дальнего Востока. В течение первых лет революции Дальний Восток был вне поля зрений нашей практической и научно-экономической мысли. С советизацией работу по его изучению приходилось начинать сначала. К этому надо добавить, что политика самодержавия интересовалась Дальним Востоком исключительно как военным плацдармом для осуществления империалистической политики на Тихом океане. Производительные силы его рассматривались исключительно с этой военно-стратегической точки зрения. Военные соображения диктовали такие меры, которые зачастую не развивали, а напротив удушали производительные силы. Между тем, колоссальные естественные богатства края открывали возможность широчайшего приложения производительного труда и хозяйственного строительства с богатейшими перспективами. Залежи угля и нефти образуют энергетическую базу; имеются нетронутые запасы лесов, золота, редких металлов и элементов, широкие перспективы для скотоводства, своеобразные условия для сельского хозяйства открывающие возможность новых его отраслей (рис, бобы, сахарная свекла, шелководство и пр.) и, наконец, запасы пушных и рыбных богатств мирового значения. Все эти богатства лежали втуне, край оставался лишь местом для постройки крепостей и проведения стратегических железных дорог. Едва ли не наибольший вклад в „капитальное“ строительство „Приамурского края“ относился при самодержавии за счет постройки казарм, „военных городов“ и Владивостокской крепости. Край жил за счет метрополии и требовал от страны все новых и новых дотаций, местная промышленность не развивалась, колонизация остановилась на зачаточной ступени.

С советизацией Дальнего Востока советская экономическая мысль встретилась с tabula rasa, с новой территорией, которую нужно было познать, оценить ее экономические потенции, привести их во взаимную связь, определить, какие отрасли подлежат срочной поддержке, выяснить пути слияния и связи дальневосточного сектора с единым хозяйственным организмом Союза, провести его хозяйственно-целесообразное районирование, словом, составить хозяйственный план Дальне-Восточного края. После первых неуверенных шагов,[1] после первых чисто описательных работ исследователи все глубже и глубже проникают в предмет и, самое главное, от категории „сущего“ переходят к категории „должного“, от

[1] За последнее время появилось много работ, посвященных Д. В. Укажем для примера: Лежнин, „Богатство Приамурья и Забайкалья“ Чита, 1922 г. Сборники „Приморье“ (Владивосток, 1923), „Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока (Владивосток, 1923 г.), „Внешняя торговля и экспортные возможности Д.-В. края“ (Москва, 1926 г.), „Горные концессии“, „Лесные концессии“ (Хабаровск, 1925 г.) Дербер и Шер „Очерки хозяйственной жизни Д. В.“ (Москва, 1927 г.), Нерсесов, „Дальний Восток“, „Экономические очерки“, „Экономика Дальнего Востока“, изд. „План. Хоз.“ (Москва, 1926 г.). К этому надо добавить ряд „контрольных цифр“ и других официальных изданий Далькрайплана.

современного положения к задачам и планам будущего строительства.

Обращаясь к рецензируемому журналу, насчитывающему уже 6 год издания, необходимо отметить, что ему принадлежит заслуга создания для местных работников близкого и доступного пути к печатному слову. Чрез посредство этого журнала они имеют возможность делиться итогами своих работ, своими сомнениями, высказывать свои критические замечания и знакомиться с опытом своих предшественников.

Журнал имеет следующие постоянные отделы: руководящие статьи, работы по сельскому хозяйству, промышленности, колонизации, транспорту, торговле, финансам, местному хозяйству, кооперации краеведению, отдел „За рубежом“ и библиография.

Руководящими статьями в рассматриваемых выпусках журнала являются: „К вопросам перспективного планирования ДВК“ (№ 1), „Основные черты хозяйственной перспективы и задачи хозяйственного строительства (№ 6), „Хозяйство ДВК (№ 9), „Перспективы народного хозяйства края на 1928/29 г. (№ 7 — 8), „Общехозяйственный план и конъюнктура 1927/28 г.“ (№ 2) и др. Эти статьи обрисовывают достижения, указывают общие дефекты и намечают новые пути. Они, безусловно, являются наиболее важными для общего познания края и ознакомления с перспективами его дальнейшего экономического развития.

Остановимся на некоторых важнейших данных по экономике Дальнего Востока, поскольку они отражены в указанных руководящих статьях.

1927/28 г. является для Дальне-Восточного края гранью восстановительного процесса. В этом году сельское хозяйство в целом не только достигло довоенного уровня, но по посевам и животноводству далеко опередило рекордный 1917 г. Валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в 1927/28 г. возросла по сравнению с предыдущим годом на 15,6%. Капитальные вложения составили в 1927/28 г. 72 млн. руб. против 37 млн. руб. в предшествующем году. Внешнеторговый оборот увеличился на 40.6%. Положительное сальдо этого оборота возросло на 42%. Уже 1927/28 г. приблизил край к ликвидации хлебного дефицита. Такой бурный рост всех сторон народного хозяйства дает основание проектировать на 1928/29 г. дальнейшее движение по тому же пути индустриализации. Капитальные вложения запроектированы на 1928/29 г. в сумме 169 млн. руб. Энергично возрастает в области промышленности обобществленный сектор. Вступают в хозяйство новые промышленные единицы крупного значения. Возникают новые отрасли в сельском хозяйстве, напр., рисосеяние.

На ряду с этими положительными факторами в жизни края, журнал отмечает ряд нелегко преодолимых трудностей. Изученность его еще крайне слаба, изученность даже чисто географическая. „Территория края, без Камчатки и Забайкалья, площадью примерно в 1,2 млн. км, покрыта сплошной съемкой всего на 12%, маршрутной—47%, совсем не исследовано 41%. Хозяйство носит до сих пор отсталые, экстенсивные формы. Индустриализация края делает только первые шаги. Снабжение края продуктами общесоюзной промышленности еще далеко отстает от платежеспособного спроса. При сжатии импорта разрыв между покупательным фондом и товарной массой заполняется контрабандой. Недостаточность трудовых ресурсов края является наиболее узким местом, препятствующим разрешению стоящих перед ним задач. В области угольной промышленности, на лесозаготовках, в золотопромышленности, на рыбных промыслах,—повсюду интенсивный подъем производства и добычи наталкивается на острый недостаток квалифицированной рабочей силы. Недостаток этот пополняется импортом китайских рабочих. Но такая мера далеко не разрешает вопроса. Китайская рабочая сила это прежде всего элемент крайне текучий, а его квалификация ниже требуемого уровня. Проведение индустриализации встречается с необходимостью разрешить сложную проблему промышленной „колонизации“. Если в области с.-х. колонизации мы имеем богатейший опыт и давно изведанные пути, если она и без участия государства шла бы „самотеком“, то методы привлечения промышленных и промысловых рабочих являются совершенно неизученными. Индустриализация требует разрешения попутно стоящих задач, например, жилищного вопроса, вопроса о наборе подходящей рабочей силы, о временном обеспечении ее до найма и пр. Нельзя признать, что эту проблему удалось до настоящего времени удачно разрешить. Надо отметить, впрочем, что и переселенческое дело в целом еще далеко от благоприятного разрешения. Прилив переселенцев составлял в 1926/27 г. всего 49 тыс. душ, в 1927/28 г. ожидалось 75 тыс. душ. Слабый ход переселения на Дальний Восток об'ясняется отнюдь не отсутствием тяги к переселению из Европейской части Союза, а неустроенностью этого дела, неподготовленностью земельного фонда и другими организационными недостатками, которые вызывают обратный от'езд переселенцев.

В других статьях журнала, посвященных отдельным вопросам, последние разрабатываются более детально, что дает

возможность соответствующим специалистам более глубоко изучать отдельные проблемы. Не все эти статьи являются, разумеется, равноценными, иные мало проработаны и носят характер сырого материала докладов и сводок, другие представляют безусловно ценный вклад в изучение экономики Дальнего Востока и доказывают стремление авторов сказать свое самостоятельное слово по актуальным вопросам текущей экономической жизни.

Укажем на некоторые заслуживающие внимания статьи.

Как мы уже указывали, наиболее важной и трудно разрешимой задачей на Дальнем Востоке является недостаточность людских резервов. И среди местных работников и по директивам центра задача переселения поставлена во главу угла. Этой задаче в рецензируемом журнале посвящен ряд заслуживающих внимания работ. Укажем, прежде всего, на статью А. Ярмоша „Задачи и методы промышленной и промысловой колонизации“ (№ 1). Отмечая, что „невыполнение плана заселения означало бы срыв или, во всяком случае, замедление темпа развития всего хозяйства“, автор констатирует, что „если на многих участках хозяйственного строительства мы опережаем темп, намеченный перспективным планом, то в ходе заселения мы резко отстаем от него (на 30 — 40%)“. Автор приводит ряд данных, характеризующих трудность разрешения рабочего вопроса в отдельных отраслях хозяйства. Анализируя понятие промышленной и промысловой колонизации, тов. Ярмош предлагает вниманию читателя конкретную программу колонизации Дальнего Востока отдельными категориями рабочей силы. Ряд интересных замечаний дает Б. Клепинин в своей критике пятилетнего плана колонизации, разработанного ДВ переселенческим управлением (№ 9). Специальный интерес представляет статья Н. Созыкина (в № 7 — 8) о колонизации Сахалина.

В том же № 7—8 обращает на себя внимание работа тов. Е. Жигадло „О классовом расслоении ДВ деревни“. Остановившись на методологии вопроса и на анализе необходимого для его разрешения статистического материала, автор дает богатый материал для знакомства с социальными процессами, происходящими в ДВ деревне.

Вопросам сельского хозяйства посвящена статья П. Мамаева „К весенней посевной кампании 1928 г.“ (в № 2 журнала). Несмотря на скромный заголовок, она дает достаточно полный анализ основных вопросов сельского хозяйства ДВК и намечает новые пути и методы его развития (контрактации, совхозы, „краевой фонд сортовых семян“ и др.). Напротив, рядом стоящая статья Кабрицкого о хлебном дефиците является, к сожалению, слишком конспективной и далеко не соответствует важности темы.

Очень интересная и нужная работа Бедлинского по текущим вопросам строительства ДВК помещена в №№ 2 и 4 — 5. Автор дает исчерпывающую характеристику положения строительства в крае с точки зрения обеспечения его рабочей силой и техническим персоналом, останавливается на организационных моментах, рассматривает строительные материалы и технику строительства с точки зрения их применимости на Дальнем Востоке, сообщает данные о снабжении края ввозными материалами из центра и из-за границы.

Целый ряд статей занят новыми для ДВК вопросами — шелководство, молочное хозяйство, холодильное дело, рисосеяние, текстильная промышленность, выделка иода, сухая перегонка дерева и др. Эти статьи вскрывают новые многообещающие стороны народного хозяйства, которые укрепят в будущем экономику Дальнего Востока и создадут из него более полный и разносторонний хозяйственный комплекс.

Особо следует отметить отдел „За рубежом“. Работа наших дальневосточников по экономике Японии и Китая уже нашла себе заслуженную оценку среди специалистов. В журнале периодически освещается хозяйство сопредельных стран, с которыми Дальний Восток имеет непосредственные и оживленные связи. В отделе краеведения обращают на себя внимание статьи о наводнении. В журнале уделяется внимание также и крайнему северу (например, статья „Чукотские ярмарки“).

Нельзя не дать, в заключение, вполне благоприятной оценки журнала, сумевшего об'единить вокруг себя наличные литературные, научные и практические силы и дать ценный для края и для центра материал.

Просмотр журнала за 1928 г. дает, вместе с тем, основание согласиться с высказываемым в журнале мнением, что „несмотря на малую изученность и исследованность ДВК, его хозяйственную молодость вообще и советскую в частности, оторванность от частого живого общения с центральными органами, несмотря на отсутствие в краевом центре научных и высших учебных заведений и ряд других неблагоприятных обстоятельств, край проявляет огромную энергию, и работа по всем сторонам его хозяйства продвинулась значительно вперед (№ 1) и что СССР „приближается к разрешению задачи превращения огромной и экономически отсталой окраины Советского Союза в восточный форпост культурного и хозяйственного строительства“. (№ 9).

А. Бонч-Осмоловский

Г. Донской. Борьба за Латинскую Америку. Изд. „Моск. Рабочий“, 1928 г., стр. 150, ц. 1 руб. 35 коп.

Рецензируемая книжка делится на две части: общую и специальную. В первой части автор дает краткий очерк исторического развития Центральной и Южной Америки и детально останавливается на борьбе Англии и Соед. Штатов за гегемонию в Латинской Америке; автор иллюстрирует англо-американское соперничество рядом цифровых данных об инвестициях Соед. Штатов и Англии в отдельные страны Латинской Америки. Данные эти, однако, столь мало систематизированы, что не оставляют у читателя ясного представления о том, какой капитал преобладает в отдельных центральных и южноамериканских республиках.

Между тем, в иностранной прессе (французской) приводились интересные данные о распределении по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки на 1 июля 1928 г. Эти данные говорят о том, что в Аргентине и Бразилии, а из мелких республик—в Парагвае, попрежнему, преобладают английские инвестиции, а в Чили, Перу, Венецуэле, Колумбии и Боливии — северо-американские.

Распределение по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки

(В %%)

	Чили	Аргентина	Бразилии	Перу	Венецуэла	Колумбия	Боливия	Парагвай	Эквадор	Итого
Английский	29	67	54	26	30	16,5	26	30	37	49
Сев.-американский .	44	16,5	17	43	58	75	55	23	59	26
Капиталы прочих стран	27	16,5	29	21	12	8,5	19	47	4	25

Чрезвычайно показательной является итоговая цифра респределения инвестиций во все страны Южной Америки: на 1 июля 1928 г. из общей суммы инвестиций 8.403 млн. долл.: 4.103 млн. долл. (49%) приходилось на английские инвестиции, 2.167 млн долл. (26%) — на американские и 2.043 млн. долл. (25%) на инвестиции прочих стран (главным образом, немецкие и французские капиталы).

Автор рецензируемой работы приводит также в отдельной таблице данные о проникновении северо американского капитала в Центральную и Южную Америку; было бы интересно сопоставить абсолютные размеры и удельный вес этих инвестиций с общей суммой инвестиций Соед. Штатов на протяжении длительного периода, например, 1913 — 1927 гг. Если сопоставить северо-американские инвестиции по следующей схеме: Европа—Канада—Южная Америка — Центральная Америка (включая Кубу, Мексику и Вест-Индию), Япония, Китай, Филиппины — прочие страны, — то можно установить, что по темпу роста инвестиции в Южную Америку стоят на первом месте (в 1913 г. — 100 млн. долл., 4% в отношении общей суммы инвестиций Соед. Штатов; в 1927 г.— 2.247 млн. долл., 16% в отношении ко всем инвестициям).

Во второй части книги автор дает краткий очерк Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики. От этой второй части книжки читатель в праве ожидать сжатого и ясного анализа экономики этих стран, в значительной степени определяющей (благодаря своему удельному весу) хозяйственную структуру Центральной и Южной Америки. Вторая часть книги должна была бы дать ответ на следующие два основных вопроса: 1) происходит ли индустриализация этих стран (анализ структуры внешней торговли, железнодорожного и коммунального строительства, развитие добывающей и обрабатывающей промышленности и т. д.), 2) состояние сельского хозяйства на основании определенной системы показателей по основным культурам (возделываемая площадь, урожайность, производство и экспорт) и установить, перешло ли сельское хозяйство от экстенсивного к интенсивному,

Автор поступил экономически неверно, начав свой анализ (страны Южной Америки) с Бразилии, так как экономически и политически страной — гегемоном Южной Америки является Аргентина. Чрезвычайно полезно было бы автору использовать книжку Railways of South America. Part I. Argentina и почерпнуть оттуда данные о росте населения, возделываемой площади и длине железнодорожной сети на протяжении 1857 — 1927 гг. в Аргентине. Затем, следовало проанализировать структуру экспорта и импорта и установить одностороннюю ориентацию хозяйства Аргентины (экспорт складывается, в основном, из следующих групп: пшеница, кукуруза, льняное семя, шерсть и мясо в консервированном, охлажденном и мороженном виде — 88% всего экспорта по ценности в 1913 г. и 83%—в 1927 г.). На основе анализа импорта Аргентины и ро-

ста удельного веса групп: „машины и изделия“, „сельскохозяйственные машины и инструменты“ и „электромашины и электротовары“,— можно с несомненностью сделать вывод об индустриализации страны (правда, на основании этих показателей темп индустриализации чрезвычайно медленный). По сельскому хозяйству необходимо было проследить динамику следующих основных культур: 1) хлебные злаки (пшеница, кукуруза, овес, ячмень, рожь), 2) огородные культуры (картофель), 3) технические культуры (хлопок — хлопковое семя, лен — льняное семя, сахарный тростник, табак), 4) вино, 5) животные продукты (масло, сыр, казеин) и, наконец, динамику стада (лошади, ослы, мулы, рогатый скот, овцы, козы и свиньи) Сопоставляя данные 1909–1913 гг. и 1927–1928 гг. (по данным International Yearbook of Agricultural Statistics) можно установить экстенсивный тип развития аргентинского сельского хозяйства; правда, рост производства происходит под влиянием двух факторов: роста посевных площадей и урожайности, но отсутствие импорта искусственных удобрений говорит о том, что рост урожайности носит тоже экстенсивный характер и является результатом освоения новых девственных земель.

Необходимо было также подробнее остановиться на состоянии горной промышленности Аргентины, в частности, на добыче нефти. В отношении обрабатывающей промышленности следовало привести данные ценза 1913 г. и исчисления статистика Бунге.

Анализируя Бразилию, автору нужно было проанализировать структуру внешней торговли (народнохозяйственный показатель, наиболее полно учтенный); установить, на основе анализа экспорта, еще более резко выраженную, чем в Аргентине одностороннюю структуру бразильского народного хозяйства: в 1913 г. кофе, какао, табак, кожи и каучук—89% всего экспорта по ценности, в том числе кофе — 63%; в 1927 г. — 84%, в том числе кофе — 71%. Рост импорта по группам (абсолютный и относительный): „машины и аппараты“, „электромашины“, „железнодорожные вагоны“, „автомобили“,— дает основание сделать вывод о неуклонной индустриализации страны (в 1913 г. импорт по этим группам составлял 52.952 тыс. амер. долл. и 16,3% во всем импорте; в 1927 г. — преуменьшенные данные — 66 492 и 17,2%).

Недочетом является также отсутствие данных по горной промышленности Бразилии; такие данные, охватывающие период 1913 — 1926 гг., довольно полные, имеются (добыча угля, марганцевой руды, горного хрусталя, серебра, золота и слюды). По обрабатывающей промышленности необходимо было привести данные ценза 1920 г., а также суммарные данные о продукции отдельных отраслей обрабатывающей промышленности за период 1913 — 1916 — 1921 гг., а по основной отрасли—текстильной—следовало бы привести имающиеся более поздние данные за 1926 г. В заключение нужно было привести цифры динамики бюджета, государственного долга и состояния денежного обращения.

Наиболее неполной главой рецензируемой книги является очерк, посвященный Чили. Селитра и медь определяют народное хозяйство Чили (71% экспорта по ценности в 1927 г.). Поэтому, автору следовало особенно подробно остановиться на состоянии селитровой и медной промышленности (размеры производства, экспорт, потребление, запасы, инвестиции капиталов по национальности и, наконец, доля в мировом производстве). Анализ импорта позволил бы автору установить тенденцию индустриализации страны: в 1913 г.—машины для горной промышленности и производства, котлы и их части, электрическая аппаратура, железнодорожные материалы и орудия, автомобили составляли по ценности 12% всего чилийского импорта, в 1925 г. — 15%.

В конце рецензируемой книги автором приводится список использованной литературы, который в значительной степени об'ясняет отмеченные нами недостатки. Бросается в глаза отсутствие среди использованной автором литературы иностранных статистических справочников и иностранной периодической прессы. Из справочников совершенно необходимо было пользоваться: International Yearbook of Agricultural Statistics, Commerce Yearbook, vol. II Foreign Countries. Из периодической прессы автору необходимо было ознакомиться (по меньшей мере) с периодическими конъюнктурными обзорами и хроникой (по Аргентине, Бразилии, Чили и другим южно-американским республикам) помещаемыми в „Wirtschaftsdienst“, „Board of Trade“ и „Commerce Reports“.

Только после ознакомления с указанной литературой автору можно было прибегнуть к монографиям, список которых он приводит. Автор поступил, наоборот, использовав монографии, не ознакомился с необходимым основным минимумом экономической и статистической литературы; поэтому у читателя остается чрезвычайно смутное и неясное представление после прочтения книги тов. Донского.

В виду отсутствия на русском языке другой работы по Центральной и Южной Америке, книга тов. Донского все же может быть использована в качестве популярного и неполного пособия.

М. Коган

Экономическая организация английской периодической печати

Мы намерены познакомить русского читателя с материалом, относящимся к организации и экономике английской прессы. Материал этот опубликован в английском журнале „The Economist“, №№ 4.445—4.449 и представляет большой интерес, поскольку вопрос этот до сих пор слабо освещался.

I

Периодическая печать в Англии (как и в других капиталистических странах) из отрасли „духовной“ культуры превратилась в коммерческое дело, дело огромного размаха по образцу крупных капиталистических предприятий в сфере промышленности, торговли и кредита.

Современная пресса, по выражению „Экономиста“, это „одна из больших британских индустрий“, с тенденцией к крупнейшим рекордным масштабам работы: многомиллионному тиражу, огромным капиталам и чрезвычайным прибылям.

Она подражает крупной индустрии не только в отношении масштаба своей деятельности, но и по форме организации.

Большой интерес вызывают организационные процессы, совершающиеся в ней и направленные к „трестификации“, об'единению газет и журналов в руках небольшого числа предприятий монополистического характера.

Творцом новых организационных форм принято считать покойного лорда Нортклифа, который сумел подчинить своему влиянию или, как говорят англичане, „контролю“ большое число периодических изданий.

В это число вошли: знаменитая газета „Таймс“ и многочисленные органы печати, уже ранее об'единенные двумя компаниями. Одной из них, „Associated Newspapers“, принадлежат три газеты и среди них известная у нас „Daily Mail“, другой — „Amalgamated Press“—70 популярных журналов, еженедельных и месячных. Все эти газеты и журналы Нортклиф об'единил под своим крылом.

После смерти его (в 1922 г.) эта группировка распалась. Между прочим, выделился и приобрел самостоятельность „Times“, перешедший к двум новым владельцам. Концентрация издательского дела, однако, продолжалась.

В результате длинного ряда сделок и финансовых комбинаций, борьбы дельцов и соглашений, между ними образовались новые группировки, которые держат всю английскую печать в своих руках.

Основных об'единений теперь четыре. Из них: 1) Berry Combine (по имени участников, братьев Берри) сконцентрировало вокруг себя следующие издания: 26 газет, выходящих в 11 городах, свыше 100 еженедельных, двухнедельных и месячных журналов, 18 ежегодников. 2) Об'единение лорда Ротермира, которое распространило свое владение на 15 изданий в семи городах. 3) The Inveresk Combine, владеющее 18 изданиями в 6 городах. Любопытно, что хозяином дела здесь является предприятие, казалось бы, весьма далекое от журналистики, компания писчебумажных и целлюлозных фабрик Inveresk Paper Company. По заявлению председателя этой компании, газеты и журналы приобретались ею с специфической целью — обеспечения рынка для бумажной продукции и, наконец, 4) „The Liberal Combine“ распоряжается 12 органами либерального направления.

Кроме этих четырех основных комбинатов образовано еще два, интересующихся только специальной прессой: Industrial Newspapers, Limited с пятью журналами, посвященными различным отраслям промышленности, и Financial Newspapers Proprietors Limited, издающий пять журналов по финансовым вопросам.

Перечисленные группировки оказались настолько мощными, что прибрали к рукам всю английскую печать. Из сферы их влияния ускользнули только немногие издания, исчисляемые единицами.

По наличным материалам трудно судить о внутренней структуре и типе новых издательских организаций. Они фигурируют тут под различными наименованиями „combine“ — комбината, об'единения, треста и т. д. Повидимому, наименование треста менее всего подходит к ним, поскольку мы соединяем со словом „трест“ представление об организации, в которой отдельные производственные и хозяйственные единицы совершенно теряют свою самостоятельность. Этого нельзя сказать про отдельные газеты и кампании, вошедшие в состав об'единений. Надо полагать, что „combine“ ближе к типу концерна или контрольного общества, с более либеральными связями административного и финансового характера между участниками организации.

Возможно, конечно, существование в виде исключения и настоящих газетных трестов там, где организационное оформление доведено до конца.

Ниже мы вслед за „Экономистом“ и для удобства применяем термин „трест“ ко всем видам об'единений, но в совершенно условном смысле.

II

Современная газета, рассчитанная на массовое распространение, для надлежащей своей постановки требует огромных капиталов. Потребность эта еще более усиливается благодаря ожесточенной конкуренции из-за читателя и подписчика. При таких условиях финансирование газетного дела для единоличного предпринимателя или небольшой акционерной компании становится недоступным, и рано или поздно должен встать вопрос

о слиянии или поглощении маленького дела крупной издательской организацией. Как и в других отраслях экономики, газетная „трестификация" вызывается расширением масштаба хозяйства („концентрацией капитала") и обострением конкуренции.

Сконцентрированный в новых формах и огромных размерах „трестифицированный", капитал, со своей стороны, вызывает дальнейшие изменения в газетной экономике. Биржа устанавливает известное соответствие между доходом от газетных предприятий и курсом их акций. Это обстоятельство ведет к преувеличению рыночной цены и номинальной суммы основных капиталов по сравнению с действительной и первоначальной их стоимостью.

В использованных материалах приведен ряд примеров, показывающих, что одни и те же предприятия при переходе из рук в руки раздували свою рыночную цену и акционерный капитал во много раз.

Возросший теми или иными путями капитал ставит перед газетным хозяйством свое категорическое требование относительно обеспечения его надлежащей доходностью. И здесь мы подходим к основному вопросу современной газетной экономики — структуре его доходного бюджета, радикально изменившейся в последние годы.

Этот вопрос, равно как и вся экономика издательского дела в Англии, иллюстрируется примерным бюджетом, приведенным журналом „The Economist". Это типичный бюджет большой, дешевой и распространенной газеты с тиражом в 2.000.000 экземпляров, средним размером в 23 страницы, ценой — розничной — в 1 пенни за экземпляр, а оптовой — в 0,6 пенни.

Приход (в фунт. стерл.)		Расход (в фунт. стерл.)	
Доход от прод.	1.550.000	Бумага	1.700.000
„ от об'яв. и рекламы	3.000.000	Трансп. расх.	400.000
		Произв. „	700.000
		Издат. издер.	200.000
		Расх. по рекл., зарпл. и комиссии	150.000
		Расх. по тираж.	75.000
		Прочие наклад. расходы	175.000
		Валовая приб.	1.150.000
Итого	4.550.000		4.550.000

(Среди расходов здесь не перечислены некоторые статьи экстраординарного порядка, рассчитанные на привлечение читателя. Они погашаются за счет прибылей. На них мы остановимся ниже.)

Приведенные расчеты показывают, что бюджет большой английской газеты построен почти исключительно на доходе от об'явлений, печатаемых в ней. Основной, казалось бы, источник средств — поступления от подписки и продажи газеты, — составляет каких-нибудь 25% всего валового дохода и не покрывает даже затрат на бумагу.

Об'явления занимают все больше и больше места на страницах газет и оттесняют на задний план основной печатный материал. В дешевой прессе они уже охватили 47% площади газетной простыни. В более солидной, как „Таймс", „Дэйли Телеграф" (цена 2 пенни) — только 35%. Вместе с тем, растет и цена рекламы, которая увеличилась по сравнению с 1913 г. на 200% и ныне колеблется в пределах от 70 шиллингов до 6 фунтов за дюйм в печатном столбце.[1]

Газету оплачивает, таким образом, уже не читатель, а поставщик рекламы.

При примерной стоимости экземпляра газеты в 1,59 пенни, плата в 0,6 пенни[2] оставляет непокрытой большую часть расходов и дает убыток в 0,99 пенни. Потерю эту покрывает и, кроме того, обеспечивает прибыль на капитал „advertiser", т.-е. лицо или фирма, пользующиеся газетной рекламой, — назовем его публикатором. Публикатор несет доход приблизительно в размере 1,16 пенни на газетный экземпляр. Публикатор кормит газету и, стало быть, приобретает огромное влияние на нее, он начинает предписывать ей свои законы.

Публикатор обращается преимущественно к наиболее распространенным газетам, к изданиям с наибольшим тиражем. Тем самым он заставляет всю печать форсировать свой тираж. Погоня за подписчиком принимает необычайные размеры и формы. Издательства идут на всевозможные ухищрения. Читателя берут на приманку разнообразными методами. Из них наибольшее значение приобрело коллективное страхование подписчиков на случай смерти или какого-нибудь несчастья. Риск берет на себя страховое общество, с которым газета заключает договор о страховании всех своих подписчиков. Подписчик без производства каких-нибудь специальных платежей, благодаря одному только факту подписки, оказывается застрахованным и очень часто на весьма крупную сумму — в некоторых газетах до 25 тыс. фунт. стерлингов.

По оценке одного специалиста страховые операции всех английских издательств в сумме своей могут быть приравнены к годовой сумме операций страхового общества с оборотом от $1^2/_3$ до 2 млн. фунт. стерлингов

Страхование служит для газет могучим орудием рекламы. Каким образом оно используется, дает представление следующая бытовая картинка, нарисованная „Экономистом".

„Стоит где нибудь удовлетворить какую-либо страховую претензию, как сейчас же это место наводняется армией агентов по вербовке подписчиков, возглавляемой...

[1] В некоторых воскресных газетах в 2—3 раза дороже.

[2] Оптовая цена экземпляра газеты.

счастливцем, получившим страховое вознаграждение... Вслед по их пятам является конкурирующая громада (regiment), вооруженная контрпропагандой — в пользу газеты Daily Penny. Бывают случаи в промышленных районах, когда целые улицы оспариваются друг у друга дюжинами различных агентов в течение одной недели и посредством хождений от двери к двери" (стр 930).

Эта пропаганда дает, конечно, свои плоды. Читатель, ранее приобретавший газету от случая к случаю, становится постоянным подписчиком. Вместо одной газеты семья выписывает две и даже три. Понятно, что в таких случаях газеты уже не читаются, а только просматриваются. Они выписываются не с целью получения материала для чтения, но ради страхования. Газета теряет свое естественное назначение. Появляются „unread newpapers" — газеты, которых не читают.

Страхование, — это особенность английской прессы, и в других странах оно мало известно. Кроме него, в Англии выдвигаются для подписчика и другие приманки в виде разного рода состязаний на получение призов. Призы эти составляют крупные суммы до 20 тыс. фунт. стерл. Подписчик принимает участие в состязаниях или пари, отрезывая соответственный купон от газеты.

Эти пари, особенно в связи с футбольными состязаниями, чрезвычайно разжигают азартные инстинкты массы, и поэтому вызвали даже специальное запрещение со стороны верховного суда.

Можно себе представить, какие расходы для издательств вызывают все эти рекламные затеи: страхование, агентура по вербовке подписчиков, призы по состязанию и т. д. Цифровое подтверждение дает примерный „счет прибылей и убытков", приложенный к приведенному выше иллюстрированному бюджету воображаемой показательной газеты „Пенни Дэйль".

Приход (в фунт. стерл.)		Расход (в фунт. стерл.)	
Валовая прибыль	1 150.000	Страхование	500.000
		Вербовка подписчиков (Canvassing)	150.000
		Реклама	50.000
		Получен. чистая прибыль	450.000
Итого	1.150.000		1.150.000

Анализ этого счета приводит цитируемый нами журнал к тому выводу, что 56% валовой прибыли посвящается на поиски подписчика. При этом не приняты еще во внимание и другие аналогичные расходы: почтовые, реклама посредством небесных знаков (skysign publicity).

На бюджет газеты легло тяжелое бремя, от которого она охотно избавилась бы. Но развязаться с ним она не в состоянии под давлением требований публикатора. Последний настаивает на все большем и большем тираже и в зависимости от его размеров определяет норму оплаты своих публикаций. Публикатор „из клиента превратился в надзирателя над невольниками с кнутом в руке".

Таким образом, создался безысходный круг экономических противоречий: крупный газетный оборот потребовал крупного капитала; крупный капитал, с своей стороны, пред'явил требование на обеспеченную прибыль, для этого, в свою очередь, оказались необходимыми крупные и новые источники дохода, которые были найдены в виде поступлений от публикаций. Утилизация этого источника принудила к дальнейшему расширению газетного оборота, который и без того уже велик и может быть только искусственно раздут мероприятиями по рекламе и привлечению подписчика. Однако, скоро будет достигнут определенный предел.

Массовая газета катится к кризису, но остановится она не в состоянии под угрозой потери доходов от публикаций. Отказ от этих доходов также привел бы к кризису. Кризис так или иначе неизбежен.

III

Пресса — крупный фактор общественной жизни. Поэтому радикальная трансформация газетного дела должна была повлечь за собой и серьезные социально-политические последствия. С образованием газетных трестов капитал получил в свои руки могучее орудие воздействия на общественную мысль и общественное мнение. Основная демократическая добродетель Англии, так. наз. свобода и независимость печати была поставлена под угрозу. Положение создалось настолько острое, что буржуазный журнал „Экономист" (нами цитируемый), отнюдь не склонный к критике существующего общественного строя Англии, вынужден был поставить резко вопрос о том, существует ли в этой стране независимая печатная мысль.

На этот вопрос он ответил убийственной характеристикой современных газетных нравов:

— За немногими исключениями британская пресса не заключает в себе более органов общественного мнения, (organs of opinion) (стр. 886).

„В гримасах конкуренции некоторых наших наиболее шумных и крикливых газет и еженедельников, равно как в искренних признаниях мистера Гаррисона в том, что он покупает газеты для того, чтобы найти рынок для бумаги, а также и в манере, с которой Берри и лорд Ротермир сегодня покупали либеральную, а завтра консервативную газету, — кроется цинизм, противоречащий лучшим традициям британской журналистики; цинизм, дающий основание к убеждению, что демократия опрокинута враждебной „капиталистической прессой"... (стр. 787).

С продолжением процессов концентрации, — указывает „Экономист", — создается даже непосредственная опасность для независимой печатной мысли: „Если бы

все об'единения были поглощены одним из них, оказалось бы неизбежным вмешательство государства и введение такой отвратительной вещи, как государственная цензура" (стр. 988).

Исчезновение независимых органов (нетрестированных) было бы „национальной трагедией".

Чрезвычайно показательно то обстоятельство, что буржуазный орган „The Economist" вынужден констатировать, с одной стороны, беспринципность и моральную деградацию буржуазной прессы, а с другой — тенденцию ее к монополистическому перерождению со всеми вытекающими отсюда последствиями для буржуазной „демократии". К сожалению, журнал испугался своей собственной резкой критики и поторопился выступить с оговорками, долженствующими смягчить впечатление от нее. Оказывается, что опасность установления монополии над печатью не так уже велика, поскольку отдельные издательские группировки находятся в непрерывной конкуренции между собой.

Монополизации прессы препятствует также существование некоторых солидных и „независимых" газет, сумевших отстоять свою самостоятельность от газетных „трестов" и продолжающих оставаться светочами общественной и политической мысли. Оказывается, далее, что яд морального разложения проник только в дешевую распространенную печать „Penny Press" или „Daily Penny", по нашему, в желтую бульварную прессу. Но и эта пресса проявляет тенденции, противодействующие вредному ее влиянию на общественное сознание и на политику. Коммерческие интересы, стремление к расширению тиража и круга читателей отталкивают ее от политики. Она становится „политически бесцветной" по следующим двум основаниям: „Одно из них это то, что партийная марка это ограничение для расширяющегося тиража, стремящегося охватить если не все партии, то, по крайней мере, ту огромную часть нации, которая не закреплена или легко связана своей партийной принадлежностью (politikal allegiance). Второе основание это то, что политические дела не могут всецело поглотить интересы всей публики и во всякое время, а потому дешевые газеты (Daily Penny) для того, чтобы стать незаменимым чтением для миллионов, должны угодить каждому интересу читателей и в отношении домашнего хозяйства, и спорта, и беллетристики. „Ничто человеческое не чуждо"—становится всеохватывающим правилом журналиста" (стр. 988).

Политические принципы и идеи тонут в беспорядочной погоне за сенсацией. „В политическом отношении газеты типа „Daily Penny" могут только механически копировать общественное мнение; лишь в малой степени они содействуют его образованию" (там же).

Все эти оговорки и поправки, внесенные журналом, не достигают своей цели и отнюдь не рассеивают впечатления, произведенного на читателя основной характеристикой.

Где гарантии того, что конкуренция между отдельными „трестами" не прекратится и что все они не сольются в один трест, который, между прочим, поглотит и стоящие особняком „независимые" газеты и установит форменную диктатуру над печатью? Никаких препятствий, ни экономических, ни юридических, в Англии для сего не дано.

Далее — так ли уже невинна и безвредна в политическом отношении бульварная печать, как это рисует „Экономист"? Отвечая на этот вопрос, надо сказать: для того чтобы оказывать влияние на общественное мнение этого рода, прессе вовсе не нужен определенный политический флаг. Можно и без того отравлять политическое сознание масс непрерывной пропагандой, искусно замаскированной и приукрашенной беспартийным тоном, соответственной формой и сенсацией. Можно вести (и она действительно ведется) эту пропаганду не только в отделе, посвященном политике, но и в других отделах — литературы, спорта и т. д.

Тому соответствуют и факты: известно, что средний обыватель Европы и Америки питается только той духовной пищей, которую он получает от желтой прессы и у нее же заимствует свою общественную и политическую идеологию. Буржуазная печать держит в духовном плену многомиллионные мелкобуржуазные массы и даже значительную часть рабочего класса.

Газетные „тресты" еще более усилили идейное влияние крупного капитала на народные массы по сравнению с предшествующим периодом, когда этих „трестов" еще не было.

В этом отношении они выступают как новый социальный и политический фактор, пагубное действие которого должно быть учтено.

И. М. Гринштейн

Новые книги

А. С. Гордон. „Система плановых органов в СССР". Предисловие Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 65, ц. 70 коп.

Работа Гордона в основе своей посвящена истории организационного строительства плановых органов СССР. Вместе с тем, автор собрал и теоретически проанализировал большой материал, характеризующий эволюцию плановой мысли, задачи и функции планирующих организаций.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР". Изд. „Моск. Рабочий". М., 1928, стр. 135, ц. 35 коп.

Обосновывая задачи промышленности СССР в условиях товарного голода, автор настоящей брошюры доказывает, что корни последнего лежат отнюдь не в индустриализации, а в принципиально отличной от капитализма системе производства и распределения; на ряду с тем как индустриализация порождает известные трудности, она несет в себе и разрешение их.

Ф. Петри, „Социальное содержание теории ценности Маркса". Перев. с нем. „Моск. Рабочий". М., 1928, стр. 116, ц. 1 р.

Книга Петри (неокантианца, по взглядам близкого к Риккерту и Штаммлеру) посвящена анализу теории ценности Маркса с точки зрения качественной и количественной проблемы ценности. Предпосылкой к анализу автора является доказательство двойственности теории ценности Маркса, Петри считает, что последний искусственно сочетал в ней социальную сторону философии Канта с натуралистическим методом Рикардо.

С. Губерман, „К теории капиталистического рынка и кризиса". Изд. Комм-Академии. М., 1929, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Настоящая книга состоит из семи основных разделов, включающих характеристику методологических моментов проблемы рынка и кризиса, малых и больших циклов конъюнктуры, затем проблему причинности кризисов, кредитно-денежные вопросы конъюнктуры, характеристику современной структуры капитализма и особенностей конъюнктуры при монополистическом капитализме.

И. И. Литвинов, „Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства". ГИЗ, 1929, стр. 139, ц. 1 р. 50 к.

Работа И. И. Литвинова представляет собой опыт исследования влияния столыпинского аграрного законодательства на расширение емкости русского рынка и на рост промышленности России. Вместе с тем, автор останавливается на проблеме влияния последствий аграрной реформы на взаимоотношения классов в России.

М. Нахимсон (Спектатор), „Мировое хозяйство до и после войны". т. III., ч. 1. Послевоенный кризис. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 303 + 17 прилож. ц. 3 р. 65 к.

Основная цель, которую автор поставил себе, выпуская настоящую работу, выяснение специфических особенностей послевоенного кризиса, точнее его коренной причины с одновременным выявлением небывалой остроты и продолжительности кризиса, вытекающие из общих условий послевоенного капиталистического развития.

И. М. Кулишер, „Основные вопросы международной торговой политики". Изд. „Прибой", 1929, стр. 612, ц. 5 р. 50 к.

Настоящая книга И. М. Кулишера, являющаяся 3 дополненным изданием, посвящена анализу основных проблем внешней торговой политики (таможенной политики и торговых договоров) как в теоретическом, так и в практическом разрезе.

Е. Хмельницкая, „Военная экономика Германии 1914—1918 гг. Опыт теоретического анализа военного хозяйства. ГИЗ, 1929, стр 239, ц. 2 р. 40 к.

Работа Е. Хмельницкой на ряду с описанием того, как перестраивались германская промышленность и сельское хозяйство во время войны, анализирует наблюдавшийся в Германии в этот период процесс перерастания завершенной к началу войны формы монополистического капитализма в новую стадию его — госкапитализм.

Я. Иоффе, „Блокада и народное хозяйство в мировую войну". ГИЗ, 1929, стр. 224, ц. 2 р.

Задача настоящей работы, носящей преимущественно описательный характер, выявление основных вопросов экономической обороноспособности стран, участвовавших в мировой войне, и огромной роли, которую сыграла хозяйственная война, в особенности блокада (экономическая) того периода.

Проф. Я. М. Букшпан, „Военно-хозяйственная политика". ГИЗ, 1929, стр. 541, ц. 5 р. 25 к.

Автор освещает формы и работу органов регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914—1918 гг.

Л. Балабан, „Хлеб в мировом хозяйстве". Изд. „Моск. Рабочий". М., 1929, стр. 172.

Освещая роль хлеба в мировом хозяйстве на ряду с выявлением удельного веса хлеба в мировом производстве и в товарообороте вообще и динамики цен на него, автор отдельно останавливается на проблеме производства хлеба в СССР в связи с процессами реконструкции сельского хозяйства и роли Советского Союза на мировом хлебном рынке.

И. Файнгар, „Современная Германия", ГИЗ, 1929, стр. 123 + 1 карта, ц. 65 к.

Очерк И. Файнгара рисует развертывание германского капитализма за последние несколько лет, происходящее за счет усиленной эксплоатации рабочего класса, рационализации, об'единения предприятий, форсированного импорта капиталов и т. д.

Г. Шигалин, „Подготовка промышленности к войне". ГИЗ, 1929, стр. 228, ц. 1 р. 30 к.

Основываясь на больших материалах мировой войны, автор дает набросок плана и путей подготовки промышленности к войне и ее работы в условиях коренных изменений, которые произойдут в области производства во время войны.